
SIGILLVM ACADEMIAE HARVARDIANAE IN NOV ANG
CHRISTO ET ECCLESIAE
VE RI TAS

РУССКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ

ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНІЕ

основанное 1-го января 1870 г.

1905.

ОКТЯБРЬ.—НОЯБРЬ.—ДЕКАБРЬ.

ТРИДЦАТЬ ШЕСТОЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ.

ТОМЪ СТО ДВАДЦАТЬ ЧЕТВЕРТЫЙ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Тип. М. П. С. (Т-ва И. Н. Кушнеревъ и К°), Фонтанка, 117.
1905.

РУССКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ

ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНІЕ.

Годъ XXXVI-й. ОКТЯБРЬ. 1905 годъ.

СОДЕРЖАНІЕ:

ПРИЛОЖЕНІЕ: Портретъ Сергія Салтыкова.

Продолжается подписка на „Русскую Старину" изд. 1905 года.

Можно получить журналъ за истекшіе годы, смотри 4-ю стран. обертки.

Пріемъ по дѣламъ редакц. по понедѣльникамъ и четвергамъ отъ 1 ч. до 3 пополудни.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Тип. М. П. С. (Т-ва И. Н. Кушнеревъ и К°). Фонтанка, 117.
1905.

X-я книга „Русской Старины" вышла 1-го октября 1905 года.

Библіографическій листокъ.

Императорская Главная Квартира. Исторія Государевой Свиты. Томъ II. Царствованіе Императора Александра I. Составилъ *В. В. Квадри.* Помощникъ составителя по сбору историческихъ матеріаловъ *М. К. Соколовскій.* 1904 г. Спб. 2+621+ +147+6+V+I.

Второй томъ исторіи Государевой Свиты, посвященный времени Императора Александра I, въ изобиліи снабженъ иллюстраціями и архивными ссылками. Видимо, В. В. Квадри и М. К. Соколовскій много и долго поработали надъ этимъ томомъ, сдѣлавъ его, дѣйствительно, однимъ изъ выдающихся трудовъ въ нашей военно-исторической литературѣ. Монументальное изданіе открывается съ обзора дѣятельности Военно-Походной Канцеляріи Его Величества, сперва какъ самостоятельнаго высшаго военнаго учрежденія (до 1808 г.), а затѣмъ какъ учрежденія, подчиненнаго военному министру (съ 1808 по 1812 г.). Здѣсь авторы разсматриваютъ положеніе свиты въ завѣдываніи ею „старшимъ генералъ-адъютантомъ", а затѣмъ обрисовываютъ условія появленія Императорской Главной Квартиры, совпавшаго съ войнами съ Наполеономъ. Далѣе, по архивнымъ даннымъ, выясняется дѣятельность кн. П. М. Волконскаго и И. И. Дибича по отношенію къ свитѣ и излагается общій очеркъ Высочайшихъ путешествій. Слѣдующія двѣ главы—черты службы и быта Государевой Свиты—по обилію фактическаго матеріала, почти сплошь впервые обнародованнаго, по группировкѣ приводимыхъ фактовъ, по талантливости изложенія—являются наилучшими страницами въ книгѣ, особенно, если принять во вниманіе, что наши военные исторіографы удѣляютъ всегда ничтожнѣйшее мѣсто бытовой сторонѣ. Книга заканчивается главой о польской свитѣ. Съ отдѣльной нумераціей страницъ напечатаны приложенія, представляющія большой военно-историческій интересъ.

Къ сожалѣнію, мы усмотрѣли въ подписяхъ подъ портретами нѣсколько досадныхъ опечатокъ; кромѣ того, въ отдѣлѣ о польской свитѣ замѣчено нами смѣшеніе датъ новаго и стараго стилей. Но, повторяемъ, это не уменьшаетъ достоинства разбираемаго военно-историческаго труда, который дѣлаетъ большую честь ихъ составителямъ—генералъ-маіору В. В. Квадри, уже снабдившему нашу военную литературу рядомъ изящныхъ справочныхъ книгъ, и М. К. Соколовскому, извѣстному архивному изыскателю.

***

Михаилъ Соколовскій. Кадетскій журналъ полвѣка назадъ. Журналъ для чтенія воспитанникамъ военно-учебныхъ заведеній, какъ повременное изданіе. 1836—1863. Историко-библіографическій очеркъ. Спб. 1905.

Журналъ для чтенія воспитанникамъ военно-учебныхъ заведеній издавался съ 15-го іюля 1836 г. въ продолженіе почти тридцати лѣтъ и выходилъ книжками дважды въ мѣсяцъ. Книжки журнала представляютъ въ настоящее время большую библіографическую рѣдкость; полный ихъ комплектъ отсутствуетъ даже въ спеціальныхъ библіотекахъ.

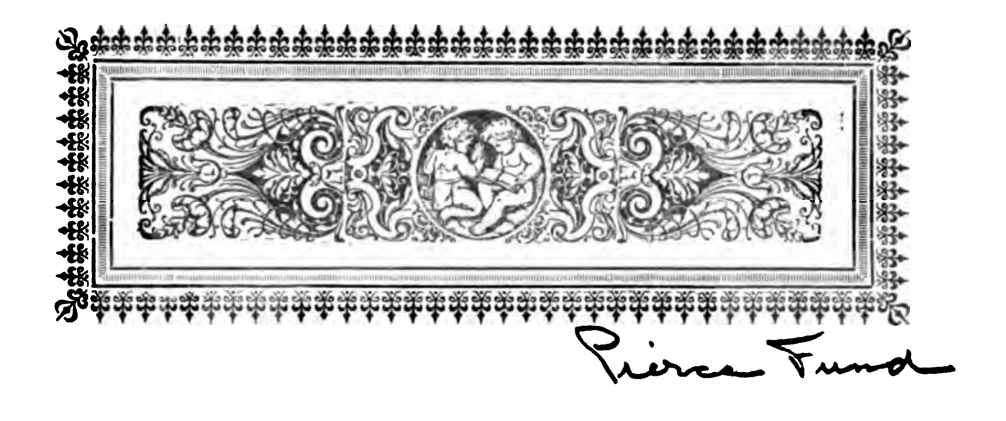
Судя по объявленію, приложенному къ одной изъ книжекъ журнала, программа его была предначертана въ слѣдующемъ видѣ: I. Словесность. Оригинальныя и переводныя статьи, заимствуемыя изъ всѣхъ книгъ и журналовъ русскихъ и иностранныхъ. Преимущественно онѣ принадлежатъ къ слѣдующимъ родамъ: a) слова и рѣчи духовныя; b) описанія странъ, городовъ и мѣстностей, въ особенности русскихъ; отрывки изъ путешествій; вѣрныя изображенія художественныхъ произведеній; c) повѣсти, вымышленныя, занимательныя по живости изложенія и по благороднымъ характерамъ лицъ дѣйствующихъ; d) отрывки изъ драмъ и комедій.—По части стихотвореній посредственность по содержанію и стихосложенію вообще не допускается. II. Исторія. Этотъ отдѣлъ знакомитъ молодыхъ читателей съ великими людьми, въ особенности съ русскими, которые заслужили знаменитость на поприщѣ военномъ, гражданскомъ или литературномъ. Первенство при выборѣ имѣютъ біографіи тѣхъ лицъ, которыя совершили блистательный подвигъ или явили примѣръ самопожертвованія для славы Государя, для чести русскаго имени. Кромѣ біографій, въ этомъ отдѣлѣ помѣщаются отрывки, отличные по изяществу слога и содержанію, изъ обширныхъ по плану, историческихъ твореній, предварительно обсуженныхъ въ ихъ цѣлости. III. Науки и художества. IV. Смѣсь. Анекдоты, показывающіе благородство души и возвышенныя чувствованія, любовь къ правдѣ и справедливости, преданность Государю, мужество въ опасностяхъ и проч.

Въ разсматриваемомъ нами трудѣ извѣстнаго архивнаго изыскателя, г. М. Соколовскаго, весь матеріалъ расположенъ въ трехъ отдѣлахъ: военный, историческій и, наконецъ, беллетристическій и научный.

Исчерпать вполнѣ содержаніе журнала, какъ всякій сознаетъ, немыслимо. М. К. Соколовскій

Дозв. ценз. Спб., 21 сентября 1905 г. Тип. М. П. С. (Т-ва И. Н. Кушнеревъ и К°), Фонтанка, 117.

Ѳеодоръ Михайловичъ Салтыковъ во Іеромонашеском
чинѣ Сергій сеи ѡбители созидатель и всѣхъ монаховъ
штецъ и питатель Преставися въ вѣчность

Записки Н. Г. Залѣсова [1]).

XXIX.

Еврейскіе погромы.—Скобелевъ.—Нападки на генеральный штабъ.—Генералъ Кахановъ. — Епископъ Гриневецкій. — Высочайшій смотръ. — Афганскій вопросъ.—Баттенбергъ.—Болѣзнь и смерть Каткова.—Смерть гр. Шувалова и графа Д. А. Толстаго.—Непокойчицкій и Росицкій.—Барановъ.—Вильгельмъ на нарвскихъ маневрахъ.—Выстрѣлъ въ Баранова.

Съ весны 1881 года начались въ Россіи еврейскіе погромы. Начавшись на югѣ, они навели панику на евреевъ и другихъ мѣстностей. Тотлебену вообразилось, что въ Вильнѣ тоже послѣдуетъ избіеніе сыновъ Израиля, несмотря на то, что ихъ въ этомъ городѣ на 80.000 жителей приходится 50 тыс. и при томъ въ Вильнѣ не только нѣтъ пришлаго рабочаго элемента, но и отсутствіе фабричныхъ и заводскихъ людей. Когда же въ Вильнѣ появились подметныя письма объ истребленіи жидовъ, тогда Тотлебенъ совсѣмъ загорячился. Вся моя дивизія была поднята на ноги, усилены обходы, высланы въ предмѣстія роты, а съ выходомъ дивизіи въ лагерь цѣлый полкъ понедѣльно сталъ наряжаться въ городъ для окарауливанія евреевъ. Всѣ Мошки, Ицки и проч. подняли голову, а солдаты и офицеры, изнывая отъ безполезной службы (они были заперты въ городѣ въ казармахъ), ругали на чемъ свѣтъ стоитъ и начальство и жидовъ. Осенью 81 года состоялись маневры моей дивизіи противъ 28-й. Генералъ Квитницкій наступалъ отъ Ковно, а я отходилъ къ Вильнѣ. Простоватый Квитницкій замучилъ свои войска обходами, тогда какъ мы, не торопясь,

[1]) См. „Русская Старина“ іюнь 1905 г.

отступали и подъ Вильною встрѣтили противника на такой позиціи, которую онъ не могъ одолѣть. Я не сталъ защищать излюбленную виленскими стратегами позицію на р. Вакѣ и отошелъ къ с. Слободкѣ, на позицію, у которой Квитницкій ничего не могъ мнѣ сдѣлать, и такимъ образомъ Вильна была защищена. По окончаніи маневровъ я получилъ Владимірскую звѣзду.

Весной 82 года Тотлебенъ отправился въ Петербургъ, и временно въ управленіе округомъ вступилъ Скобелевъ. Я представлялся къ нему и получилъ отвѣтный визитъ. Казалось, онъ былъ бодръ и свѣжъ, только нѣсколько водянистый, какъ бы отекшій видъ лица указывалъ на нѣкоторое нездоровье; онъ былъ веселъ и разговорчивъ, а недѣли черезъ двѣ его не стало. Хотя мы въ Вильнѣ не служили по немъ панихиды, но нѣмцы во главѣ съ Тотлебеномъ не скрывали своей радости и имъ вторила ихъ свита. По моему личному убѣжденію Скобелевъ, если бы не умеръ естественною смертію, то рано или поздно кончилъ бы самоубійствомъ. Онъ былъ рожденъ для бури и славы и, испытавъ то и другое въ очень молодыхъ годахъ, онъ естественно не могъ помириться съ сравнительной апатіей мирнаго времени. Ему, человѣку богатому, была нужна вѣчная тревога, постоянно сильныя ощущенія, а гдѣ ихъ взять во время мира лицу все-таки подчиненному. Будь онъ главнокомандующій или военнымъ министромъ, онъ что-нибудь придумывалъ бы или переустраивалъ, но чѣмъ же было ему себя занять, стоя въ захолустномъ Минскѣ и дѣйствуя въ тѣсныхъ рамкахъ мирной практики корпуснаго командира и при томъ подъ начальствомъ врага своего. Единственнымъ исходомъ для такого характера, какъ Скобелевъ, могъ служить еще семейный очагъ, но и эта надежда была утрачена, такъ какъ Скобелевъ былъ въ разводѣ; жена его была жива, а грѣхъ развода онъ принялъ на себя. Онъ хотѣлъ было жениться въ Минскѣ на классной дамѣ, но гордая его родня, боясь потерять его наслѣдство и забывая свое солдатское происхожденіе, возстала противъ такой невидной партіи и устроила такъ, что государь не разрѣшилъ этого брака, да и самъ Скобелевъ при непостоянствѣ своемъ скоро забылъ бѣдную жертву своего минутнаго увлеченія.

Осенью 82 года Тотлебенъ произвелъ смотръ моей дивизіи и затѣмъ маневръ. На смотръ я вывелъ дивизію, не дѣлая ни одной репетиціи, а на маневры собрали ко мнѣ какъ на зрѣлище всѣхъ сосѣднихъ начальниковъ дивизій и корпусныхъ командировъ. То и другое прошло хорошо и, несмотря на непріязнь ко мнѣ, Тотлебенъ вынужденъ былъ благодарить меня. Осень я проработалъ въ Вильнѣ въ качествѣ предсѣдателя особой коммиссіи по устройству врачебной части въ военное время. Въ этой коммиссіи медики чуть не до драки

спорили съ строевыми начальниками, поднимая разныя дрязги, и только мое спокойствіе водворяло между ними должную тишину. Въ концѣ осени Тотлебенъ уѣхалъ за границу, и мы поступили подъ начальство нашей старой бабы въ военномъ сюртукѣ, Никитина. 28-го ноября, день пятидесятилѣтняго юбилея академіи генеральнаго штаба, насъ собралось въ Вильнѣ человѣкъ 30-ть со всего округа, и мы отпраздновали этотъ день общимъ обѣдомъ въ военномъ собраніи. Никитинъ разослалъ въ этотъ день поздравительныя телеграммы чуть не ко всему генеральному штабу, только телеграмма Милютину никакъ ему не давалась. За обѣдомъ онъ присталъ ко мнѣ съ просьбою сочинить поздравленіе бывшему военному министру, и я волей-неволей долженъ былъ набросать нѣсколько строкъ, которыя тутъ же и были отправлены къ Дм. Алекс. въ Ялту. Глядя на прожитое генеральнымъ штабомъ пятидесятилѣтіе, невольно является мысль, что, несмотря на нѣкоторые пробѣлы въ нашемъ образованіи, все-таки слѣдуетъ сказать по правдѣ, что въ царствованіе Николая и даже Александра II корпусъ офицеровъ генеральнаго штаба являлся почти единственною военно-строевою интеллигентною силою, которая по своему развитію заслуживала уваженія и по силѣ возможности проводила въ арміи честный взглядъ на службу. Нерѣдко слышался ироническій упрекъ тогда и теперь, что академики генеральнаго штаба оказываются спеціалистами по всѣмъ отраслямъ управленія, что ихъ дѣлаютъ губернаторами, педагогами, правителями канцелярій и инженерами, таможенными начальниками и чуть-ли не архіереями. Спрашивается, чѣмъ же тутъ виноватъ генеральный штабъ? Развѣ ихъ вина, что министры не брали своихъ людей, а обращались къ офицерамъ генеральнаго штаба, вѣдь не очертя же голову они дѣйствовали и конечно имѣли какую-нибудь резонную причину брать именно этихъ офицеровъ, а не другихъ.

Въ январѣ 83-го года я по обыкновенію поѣхалъ въ Петербургъ. Съ военнымъ министромъ на этотъ разъ бесѣдовалъ недолго. На другой день былъ у государя въ Аничковомъ дворцѣ. Государь, если можно, еще больше поздоровѣлъ противу прошлаго года; онъ принялъ насъ въ той комнатѣ, гдѣ 13-ть лѣтъ назадъ я докладывалъ ему какъ наслѣднику о дѣлахъ въ киргизской степи Оренбургскаго округа. Весь разговоръ при пріемѣ состоялъ изъ самыхъ обыденныхъ фразъ.

Въ этотъ пріѣздъ я, какъ всегда, просилъ о пособіи на воспитаніе дочери, ожидая во всякомъ случаѣ, что его сократятъ противу прежнихъ лѣтъ. Дѣйствительно, получая постоянно по 800 руб. въ годъ, въ минувшую зиму я получилъ только 250 и уже никакъ не ожидалъ, что цифра эта еще упадетъ, однако же вышло такъ, и мнѣ дали только 150 руб. Спрашивается, что я могъ сдѣлать на эти деньги,

когда въ Вильнѣ на 150 руб. едва можно найти порядочнаго лакея, не то, что гувернантку. Такова была экономія, вводимая Ванновскимъ, и не только въ отношеніи отдѣльныхъ личностей, но и вообще въ отношеніи всего военнаго хозяйства и содержанія частей. Охотно мирюсь съ такой экономіей, если ея требуютъ государственные интересы и если она идетъ на что-либо полезное, но какъ рядомъ со мной выдавались значительныя пособія лицамъ, имѣвшимъ какую-либо протекцію, и если самъ Ванновскій, о чемъ говорилъ весь Петербургъ, за представленіе сокращенной смѣты расходовъ по военному вѣдомству не отказался получить отъ государя 10.000 руб., то позволительно усумниться въ честности такихъ распоряженій военнаго министра и припомнить Дмитрія Алексѣевича Милютина, который никогда такихъ суммъ не получалъ, да вѣроятно и не взялъ бы.

Весною 83 года я ѣздилъ къ дочери въ Варшаву, но не могъ даже видѣть П. П. Альбединскаго, онъ съ осени 82 года болѣлъ и болѣлъ тяжко каменною болѣзнію. Наступила весна, а съ нею и приготовленія къ предстоящей въ маѣ мѣсяцѣ коронаціи; насъ почему-то вывели ранѣе этого числа въ лагерь, и городской думѣ запрещено было Никитинымъ угощать войска. Въ силу какихъ соображеній онъ это сдѣлалъ, для меня было непонятно. Коронація принесла массу наградъ, все, что имѣло какую-либо протекцію, ихъ получило. Мы сдѣлали парадъ въ лагерѣ, куда пріѣхалъ подкутившій уже командиръ корпуса старикъ Баумгартенъ и съ нимъ начальникъ штаба Паренсовъ; коронацію въ лагерѣ мы отпраздновали параднымъ обѣдомъ цѣлой дивизіей, на которомъ предсѣдательствовалъ баронъ Деллинсгаузенъ, замѣнявшій Никитина, поѣхавшаго на коронацію въ Москву. Во время коронаціи скончался бѣдный Альбединскій, и на его мѣсто назначили изъ Одессы Гурко. Одновременно съ коронаціей открылась въ Москвѣ и огромная выставка русскихъ произведеній, но ни выставка, ни коронація не подняли нашего курса, который все падалъ и падалъ. Во время коронаціи же выяснилась та затаенная злоба, которую питалъ князь Болгарскій къ Россіи и которая подвинула этого проходимца на всевозможныя гадости впослѣдствіи. Лагерь этого года мы провели мирно и тихо и въ свое время разошлись по зимнимъ квартирамъ.

Въ январѣ мѣсяцѣ я по обыкновенію поѣхалъ съ семьею въ Петербургъ, военный министръ принималъ у себя на квартирѣ, по случаю болѣзни и былъ до крайности со мною любезенъ, особенно когда я заявилъ ему, что мои солдаты ѣдятъ хорошо. Вѣроятно, этотъ отзывъ былъ причиною, что я получилъ любезное приглашеніе пожить въ Питерѣ сколько хочу. Государь по обыкновенію ограничился нѣсколькими фразами, спросивъ меня, какія именно стоятъ войска въ Вильнѣ,

изъ чего я заключилъ, что намъ вѣроятно предстоитъ отбыть высочайшій смотръ. Физіономію Петербурга я нашелъ на этотъ разъ самою обыкновенной. Во внѣшней политикѣ не предвидѣлось ничего активнаго, во внутренней же шли разные вопросы касательно устройства евреевъ, отмѣны подушной подати и увеличенія налоговъ, такъ какъ, несмотря на то, что во главѣ финансовъ стоялъ ученый профессоръ и спеціалистъ Бунге, мы никакъ не могли свести смѣту безъ дефицитовъ. О нашемъ командующемъ войсками (временномъ) Никитинѣ ходили въ это время по Петербургу самые ужасные слухи, вѣроятно пущенные Бунаковымъ, говорили, что онъ пьяница, картежникъ, лѣнтяй, что у него началось разжиженіе мозга и проч. Недолго дѣйствительно пришлось ему губернаторствовать. Подчинившись совершенно своему правителю канцеляріи барону Гревеницу, онъ поссорился съ гродненскимъ губернаторомъ Цеймерномъ, за что̀ послѣдній, прибывъ въ Петербургъ, не пожалѣлъ красокъ для описанія Никитина передъ министромъ въ самомъ ничтожномъ видѣ. Послѣдствіемъ всего этого было назначеніе въ Вильну исправлять должность генералъ-губернатора бывшаго въ Піотроковѣ губернаторомъ генералъ-лейтенанта Каханова. Гвардейскій артиллеристъ, вѣчно улыбающійся, Кахановъ по наружности не давалъ никакихъ данныхъ серьезности для правителя такого края, какъ Сѣверо-Западный, и вступительная рѣчь его, въ которой говорилось о золотой колесницѣ (то есть о поддержкѣ мѣстной аристократіей вновь назначеннаго епископа католическаго), не удовлетворила ни русскихъ, ни поляковъ. Съ назначеніемъ Каханова совпала наша мировая съ Римомъ. Папа назначилъ чуть не дюжину новыхъ епископовъ въ Польшу, Литву, Подолію и Волынь. Эта свѣжая поддержка воинствующаго у насъ католицизма смутила всѣхъ русскихъ людей и заставила поляковъ высоко подиять голову, тѣмъ болѣе, что о введеніи русскаго языка при богослуженіи у русскихъ католиковъ, въ этомъ соглашеніи съ папой, не было и помину. Послѣдствія такого назначенія не замедлили вскорѣ оказать свое дѣйствіе. Администраторъ Виленской епархіи, извѣстный съ временъ Муравьева своею преданностію Россіи, прелатъ Жилинскій, далъ публичное печатное покаяніе передъ папой въ своей прежней дѣятельности и клялся, что будетъ съ этого времени служить исключительно интересамъ католичества, а два епископа, луцкій Козловскій и виленскій Гриневецкій, не замедлили и фактически доказать свою преданность польскому католицизму. Козловскій удалилъ отъ службы ксендза за то, что тотъ принялъ въ костелѣ кіевскаго митрополита Платона съ крестомъ, хотя за это онъ и былъ оштрафованъ убавкой жалованья на половину, а Гриневецкій пошелъ далѣе. Онъ по пріѣздѣ тотчасъ же сталъ удалять всѣхъ ксендзовъ, казавшихся ему почему-либо

преданными Россіи, сталъ требовать обученія гимназистовъ закону Божію на польскомъ языкѣ и наконецъ совершенно сталъ игнорировать власть генералъ-губернатора въ выборѣ и назначеніи ксендзовъ на должности. Человѣкъ очень молодой, полный энергіи, подускиваемый польскою знатью въ Вильнѣ и прекрасно владѣя русскимъ языкомъ, скромный и тихій по виду, онъ могъ бы натворить много бѣдъ въ Литовскомъ краѣ, если бы былъ терпѣливѣе. Съ самаго вступленія въ должность у него возникли разногласія съ Кахановымъ, которыя шли чѣмъ дальше, тѣмъ хуже. Осенью Кахановъ препроводилъ къ нему списокъ ксендзовъ съ своими отмѣтками и требовалъ его мнѣнія, Гриневецкій не обратилъ на это вниманія и объявилъ по паствѣ назначенія по своему выбору. Тогда Кахановъ потребовалъ отъ него списокъ съ отмѣтками своими, но, не получивъ, послалъ его просить къ себѣ, то Гриневецкій не поѣхалъ, а собрался въ Петербургъ съ жалобой, но затѣмъ, когда Кахановъ послалъ полицеймейстера позвать еще разъ Гриневецкаго къ себѣ, тогда послѣдній объявилъ, что онъ не пойдетъ, сказавъ, что Кахановыхъ много, а виленскій епископъ только одинъ и зависитъ исключительно отъ папы. Черезъ нѣсколько дней вечеромъ его отправили съ жандармами въ Петербургъ; дорогой по городу, идя подъ Остробрамой пѣшкомъ, онъ хотѣлъ устроить манифестацію къ сопровождавшему его простому народу, но жандармы не позволили ему этого сдѣлать, точно такъ же, какъ и на дебаркадерѣ желѣзной дороги, гдѣ онъ успѣлъ однако же сказать: „любите и надѣйтесь только на императора“. Замѣчательно, что родные Гриневецкаго—православные (изъ бывшихъ уніатъ), а онъ ярый католикъ, и русское начальство въ Петербургѣ, особенно Кантакузинъ, не могли его раскусить и сами настоятельно ходатайствовали у папы о его посвященіи, такъ какъ папа не соглашался сначала на это, считая его по родству преданнымъ русскимъ. Гриневецкаго выслали въ Ярославль, а потомъ въ Вологду.

Весной 1884 года мы начали готовиться къ смотрамъ великаго князя Николая Николаевича Старшаго, и въ іюлѣ мѣсяцѣ онъ былъ уже въ Ригѣ. Въ то же время стали доходить въ Вильну болѣе и болѣе безотрадныя вѣсти о здоровьѣ Тотлебена, а наконецъ пришла вѣсть и о его кончинѣ и препровожденіи тѣла въ Вильну. Въ это время я вступилъ во временное командованіе 2-мъ корпусомъ, на меня возложилъ Никитинъ всѣ заботы и командованіе войсками при отданіи послѣдней почести. Присутствовать на похоронахъ былъ назначенъ великій князь. Я выстроилъ шпалерами войска, подалъ великому князю рапортъ, и вообще вся церемонія прошла очень хорошо, и великій князь остался очень доволенъ видомъ войскъ и ихъ одеждою. Послѣ отправленія тѣла въ Кейданы великій князь пригласилъ насъ

къ завтраку на станціи, гдѣ его свита упивалась отличнымъ венгерскимъ. Послѣ я узналъ, что отличный завтракъ на 14 человѣкъ и вино были поданы на счетъ Никитина и стоили ему изъ экстраординарныхъ суммъ 200 рублей.

Распущенная свита, отличаясь большимъ нахальствомъ, была часто еще недовольна тѣмъ, что ей давали даромъ, и заявляла претензію то на то, то на другое, а порціонныя деньги свои клала въ карманъ. По ея же, вѣрно, почину намъ, начальникамъ, было заранѣе сообщено конфиденціально, какія кушанья готовить, какое вино и какое нужно помѣщеніе для него и его свиты.

Одновременно съ пріѣздомъ въ Вильну великаго князя пришла къ намъ вѣсть и о предстоящемъ высочайшемъ смотрѣ. Проснулся Никитинъ, засуетился окружный штабъ, и пошла суматоха. Плохо, когда начальникъ теряетъ голову, надо много имѣть въ данномъ случаѣ самообладанія подчиненному, чтобы не заразиться тревогой начальника и не передать ее войскамъ. Мнѣ пришлось теперь испытать это на дѣлѣ, такъ какъ я командовалъ корпусомъ и долженъ былъ представлять войска государю. Я рѣшилъ не ѣздить къ Никитину и вообще съ нимъ не встрѣчаться, строго въ то же время преслѣдуя всякую суету въ войскахъ. Въ замѣнъ этого окружной штабъ послѣдніе три дня передъ смотромъ замучилъ меня телеграммами, которыя не давали мнѣ ни днемъ, ни ночью покою. Подъ моею командою кромѣ моей дивизіи собрались 5-я стрѣлковая бригада, 2-я кавалерійская дивизія и полкъ 3-й. Начальникъ штаба, Бунаковъ, употреблялъ всѣ усилія, чтобы выдвинуть на первый планъ стрѣлковую бригаду, которой командовалъ его тесть, финляндецъ Мексмонтанъ, но всѣ его хлопоты оказались непригодными.

Я сдѣлалъ двѣ репетиціи, Никитинъ—3-ю и нашелъ войска только удовлетворительными, изобразивъ на своемъ лицѣ свойственную ему плачевную гримасу, которая меня однако не тронула, ибо я былъ увѣренъ, что царю войска покажутся лучше.

Наконецъ, насталъ день смотра 26-го августа. Мнѣ сообщили, что царь пріѣзжаетъ въ 10-ть часовъ утра, и потому въ 9½ часовъ утра войска стояли уже на военномъ полѣ. День былъ солнечный, до крайности жаркій, и мы съ приходомъ на поле чувствовали уже истому. Бьетъ 10-ть часовъ, а царя нѣтъ; наконецъ, пріѣзжаетъ адъютантъ окружнаго штаба сказать, что поѣздъ опоздалъ на часъ, я далъ людямъ вольно, велѣлъ подвезти имъ воды, сѣсть на землю, кто усталъ, а кавалеріи и артиллеріи слѣзть съ коней. Такъ мы простояли подъ жгучимъ солнцемъ еще 1½ часа, когда наконецъ крикнули, что ѣдетъ царь. Отрапортовавъ государю, я поѣхалъ за коляской императрицы и тутъ только замѣтилъ, какая огромная свита сопровождала царя и

сколько съ нимъ пріѣхало критиковъ и соглядатаевъ. Тутъ былъ съ своимъ начальникомъ штаба великій князь Владиміръ Александровичъ, только лишь получившій благодарность за отличное обученіе войскъ Красносельскаго лагеря и особенно за введеніе въ лагерѣ маневровъ малыми частями, то есть то, что я практиковалъ изъ году въ годъ— 9 лѣтъ. Имъ конечно хотѣлось сравнить гвардейскія войска съ глубокой арміею; въ свитѣ находился и военный министръ, жадно всматривавшійся въ одежду и лицо каждаго солдата, послѣ обрѣзываній, сдѣланныхъ имъ въ довольствіи войскъ; тутъ же былъ и вел. кн. Николай Николаевичъ Старшій со свитою, министръ двора и начальникъ главной квартиры, неизвѣстно почему-то особенно интересовавшійся видомъ моихъ людей, и наконецъ здѣсь торчалъ вѣчный соглядатай Пруссіи, генералъ-адъютантъ Вердеръ.

Послѣ объѣзда начался церемоніалъ, государь сталъ у коляски императрицы, а я сбоку его. 1-я рота Оренбургскаго полка, ходившая на всѣхъ репетиціяхъ плохо, послѣ сдѣланныхъ мною нагоняевъ прошла на этотъ разъ блистательно, смѣло и громаднымъ шагомъ. Государь хвалилъ, проходили рота за ротой также хорошо, и постепенно ироническое выраженіе лица у окружающихъ государя замѣнялось серьезнымъ взглядомъ, а у нѣкоторыхъ перешло въ восторгъ. Что особенно обратило вниманіе государя и всѣхъ присутствующихъ, это смѣлый, бойкій шагъ и полнѣйшее спокойствіе людей, которые шли такъ, какъ будто они каждый день видятъ государя и совершенно увѣрены въ своей исправности. По окончаніи смотра государь трижды протягивалъ мнѣ руку и благодарилъ и, подъѣхавъ къ полковымъ командирамъ, сказалъ, что подобное обученіе, шагъ, покой онъ нигдѣ кромѣ гвардіи не встрѣчалъ и что вообще люди ходятъ, какъ гвардія, даже лучше. Министръ двора и Рихтеръ съ Вердеромъ сказали Никитину то же самое и удивлялись обученію людей. Послѣ осмотра былъ завтракъ у государя, и онъ сказалъ, что черезъ два года пріѣдетъ къ намъ на маневры; здѣсь же военный министръ благодарилъ меня, сказавъ: „всѣ полки блестящимъ образомъ представились, но если мнѣ позволено будетъ высказать личный взглядъ, то мнѣ кажется, щеголеватѣе всѣхъ былъ послѣдній полкъ, то есть Саратовскій“. Никитинъ, совершенно расцвѣтшій отъ смотра, былъ однако же очень огорченъ военнымъ министромъ, который на вокзалѣ сказалъ ему: „предлагаю вамъ любой корпусъ на выборъ, ибо очень можетъ быть, что командующимъ войсками будетъ назначено лицо по выбору государя и моложе васъ въ чинѣ“. Въ Вильнѣ тогда настойчиво ходили слухи о назначеніи графа Павла Шувалова, который и самъ желалъ сильно получить Виленскій округъ.

За нами пошли смотры и маневры въ Варшавѣ и отчасти благо-

даря вѣчной суетѣ весьма неудачные, затѣмъ свиданіе императоровъ въ Скерневицахъ, гдѣ еще больше неудачи потерпѣли войска 3-ей гвардейской дивизіи, вслѣдствіе путаницы въ командахъ Дандевиля и Панютина, за что у послѣдняго и былъ отнятъ полкъ. Скерневицкое свиданіе не дало активной роли Россіи на Балканскомъ полуостровѣ, и онъ по-прежнему былъ предоставленъ хищничеству Австріи. Поохотившись послѣ этого съ недѣлю въ Польшѣ, государь вернулся въ Петербургъ, а тѣмъ временемъ Никитинъ, чтобы избѣжать непріятнаго своего удаленія изъ Вильны, взялъ 2-хъ мѣсячный отпускъ и собрался ѣхать въ Петербургъ, какъ вдругъ получился высочайшій приказъ о назначеніи его командующимъ войсками Виленскаго округа, что его совершенно ошеломило. Дѣло было такъ: Ванновскій представилъ 3-хъ кандидатовъ въ командующіе войсками и главнымъ образомъ своего пріятеля Ганецкаго, который былъ и старше Никитина, но государь сказалъ: „за что же обижать старика (Никитина), когда его войска представились въ такомъ блестящемъ видѣ“.

Такъ состоялось назначеніе Никитина, котораго онъ и самъ не ожидалъ, а затѣмъ послѣдовало распоряженіе о представленіи къ наградамъ офицеровъ представлявшихся войскъ и двухъ генераловъ. Я все время не видалъ Никитина, да и не хотѣлъ этого. Я настоялъ, чтобы были представлены къ наградамъ оба мои бригадные командира, но для полковыхъ ничего не могъ сдѣлать, такъ какъ Никитинъ боялся ихъ представить къ генеральскому чину. Представленія пошли, Бунаковъ помѣстилъ въ нихъ и своего тестя Мексмонтана, хотя его бригада на смотру оказалась хуже всѣхъ, помѣстилъ и себя, такъ какъ тотчасъ же получилъ Владимірскую звѣзду, но обо мнѣ ни полслова. Признаться сказать, я отъ этихъ людей и не ожидалъ ничего хорошаго для себя, тѣмъ болѣе, что о наградахъ своихъ я никогда не просилъ. Передъ Рождествомъ однако же я получилъ записку отъ Бунакова, въ которой онъ писалъ, что командующій войсками сказалъ, что считаетъ своимъ нравственнымъ долгомъ вознаградить мои труды по смотру, и поэтому велѣлъ представить меня къ наградѣ. На праздникѣ самъ Никитинъ въ офицерскомъ собраніи сказалъ мнѣ: „Николай Гавриловичъ, я вамъ много обязанъ и считаю, что я получилъ мѣсто командующаго войсками, только благодаря вашему блестящему представленію войскъ на высочайшемъ смотрѣ“.

Вскорѣ послѣдовало и назначеніе командира корпуса генералъ-адъютанта Дризена. Не обладая ни большими дарованіями, ни блестящимъ умомъ, а лишь одною напускною важностью, Дризенъ былъ бы, въ ряду ему подобныхъ людей, довольно сноснымъ начальникомъ, если бы не состоялъ въ полной зависимости у своей жены, урожденной Штрандманъ. Женщина эта, славившаяся когда-то своей красо-

той, держала почтеннаго супруга, что называется, подъ башмакомъ. До старости лихая наѣздница, вѣчно затянутая, она издали казалась лѣтъ 40, хотя, въ сущности, имѣла за 60 и постоянно любила окружать себя молодежью; жена его, пробывши ползимы въ Вильнѣ, заболѣла, у ней сдѣлался ракъ на деснѣ, и она принуждена была уѣхать въ Петербургъ, гдѣ вскорѣ и умерла.

Осенью же этого года возникъ такъ называемый Афганскій вопросъ. Дѣло въ томъ, что, занявъ Мервъ—мы взбудоражили подозрительность англичанъ, ставъ въ близкомъ разстояніи отъ Герата. Этого достаточно было, чтобы англичане закричали объ опасности для Индіи, о нарушеніи границы ихъ союзника—афганскаго эмира, границы, которую никто не проводилъ и о которой самъ эмиръ не имѣлъ никакого понятія. Еще ранѣе этого крика было условлено высылать разграничительную коммиссію въ Мервскій оазисъ, съ обѣихъ сторонъ для рѣшенія спора, съ какою цѣлью со стороны Англіи былъ посланъ съ огромнымъ конвоемъ генералъ Лемсденъ, а отъ насъ былъ назначенъ генералъ Зеленый, но, прежде чѣмъ его послать, пришла кому-то въ голову, рѣдкая для министерства иностранныхъ дѣлъ, здравая мысль потребовать топографическія свѣдѣнія о новыхъ нашихъ владѣніяхъ и выяснить, какія именно пастбища находились и нужны для новыхъ нашихъ подданныхъ туркменъ.

Оказалось, что всѣ мѣста, которыя англичане хотѣли отрѣзать для Афганистана, искони были занимаемы туркменами, не платившими даже дани никому за право владѣнія; тогда рѣшили, прежде посылки Зеленаго, предъявить всѣ эти требованія въ Лондонъ и, условившись тамъ предварительно, произвести уже затѣмъ разграниченіе на мѣстѣ. Въ отвѣтъ на это послѣдовалъ страшный шумъ, заговорили въ палатахъ, газетахъ, раздались крики „къ оружію!", и миролюбивое министерство Гладстона прибѣгло къ старой, всегда удававшейся уловкѣ противъ Россіи, то есть запугиванію ея. Къ счастію, нашелся въ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ способный и самостоятельный человѣкъ, директоръ азіатскаго департамента Зиновьевъ, который удержалъ маріонетку Гирса отъ расшаркиваній и извиненій передъ Англіей, къ которой, по традиціямъ нашей жалкой дипломатіи, онъ хотѣлъ было уже обратиться.

Взглядъ Зиновьева встрѣтилъ поддержку и въ самомъ государѣ, честь и слава ему, и мы рѣшились на этотъ разъ не пугаться Европы и настоять на нашихъ требованіяхъ къ великой радости всѣхъ русскихъ людей. Для поддержки нашего весьма недалекаго посланника въ Лондонѣ, котораго я знаю съ молодыхъ годовъ,—Сталя, послали расторопнаго и смѣлаго инженера Лессара, изъѣздившаго вдоль и поперекъ всю Туркменію, но дѣло не выгорало. Начали кое-какія

приготовленія къ отпору англичанъ въ Закаспійской области и съ нашей стороны, несмотря на то, что къ новому 1885 году смѣта нашихъ предстоявшихъ обыкновенныхъ на этотъ годъ расходовъ была утверждена съ огромнымъ дефицитомъ.

Въ январѣ 1885 года я по обыкновенію былъ въ Петербургѣ, но въ пріемный день военнаго министра не видалъ, онъ праздновалъ свою серебряную свадьбу. Разстроенное мое здоровье заставило меня лѣтомъ этого года взять заграничный отпускъ и ѣхать къ Шарко въ Парижъ. Городъ этотъ не произвелъ на меня особенно сильнаго впечатлѣнія, а неряшество на улицахъ заставляло не разъ вспоминать нашъ опрятный Петербургъ. Я остановился въ улицѣ Ришелье близъ Палерояля и Лувра и отсюда дѣлалъ экскурсіи по городу. Послѣ визита къ царю нервовъ Шарко, я выѣхалъ тотчасъ же изъ Парижа и остальное время отпуска провелъ у дочери въ Варшавѣ. Въ сентябрѣ я вернулся въ Вильну, а вслѣдъ за дружескимъ свиданіемъ нашего государя въ Кремзирѣ съ австрійскимъ императоромъ разразилась трагикомедія, устроенная въ Болгаріи прусскимъ поручикомъ Баттенбергомъ. Наша милая и ничего не знающая дипломатія проглядѣла переворотъ въ Филлипополѣ, и мы очутились въ преглупомъ положеніи, не зная, какъ намъ поступить съ Баттенбергомъ, то есть поддержать его или разсердиться. Избрали послѣднее и сейчасъ же отозвали оттуда нашихъ офицеровъ и военнаго министра Кантакузина, между тѣмъ Баттенбергъ и знать насъ не хотѣлъ, и, закусивши удила, пустился во всевозможныя политическія приключенія, поддерживаемый въ тайнѣ королевой Викторіей, изъ любви къ старшему брату Баттенберга, только лишь женившемуся на ея дочери.

Князь Миланъ, науськиваемый нашимъ другомъ Австріей, не долго думая, поставилъ на ноги свою карточную армію и полѣзъ на Баттенберга. Въ то же время торгаши-греки подняли шумъ и стали показывать изъ кармана кукишъ Турціи; словомъ, разыгрался такой кардавакъ на Балканскомъ полуостровѣ, какого едва-ли могли ожидать самые заклятые враги наши въ Европѣ. При видѣ такой картины мы еще болѣе разсердились на Баттенберга и въ одинъ день исключили его изъ списковъ нашей арміи и, признаться, неудачно, такъ какъ этотъ авантюристъ въ то время вздулъ мужицкую армію Милана, прогналъ ее изъ Болгаріи и самъ ворвался въ Сербію, а такъ какъ Австріи вовсе не было выгодно, чтобы ея креатуру—Милана, забили въ конецъ, то она по соглашенію съ Россіею прикрикнула на обоихъ пѣтуховъ: Баттенберга и Милана, пославъ къ нимъ вмѣсто арміи своего агента (очень ловкаго и толковаго человѣка) въ Сербію гр. Кевенгюллера, и пѣтухи сейчасъ же прекратили драку, а затѣмъ и помирились. Баттенбергъ сталъ ге-

роемъ дня; всѣ опасенія умереть вмѣстѣ съ отцомъ голодною смертію, въ случаѣ изгнанія изъ Болгаріи, изчезли, напротивъ, въ перспективѣ явилась въ рукахъ соединенная Болгарія, съ которой не только можно было тащить, сколько угодно, на прожитокъ отца, не только пить грошевое пиво, какъ подобало прусскому поручику, но ублаготворить себя всѣми яствами, да и сбить хорошій капиталецъ для будущности, дѣйствуя совершенно въ конституціонномъ духѣ. Мы вздумали было опять посердиться, но, получивъ въ подачку утвержденіе Баттенберга въ Восточной Болгаріи только на пять лѣтъ генералъ-губернаторомъ, очень этому обрадовались и сочли за благо успокоиться.

Что бы почувствовалъ покойный государь при взглядѣ на всѣ эти дѣла, если бы онъ могъ воскреснуть. Силою навязанный имъ, болгарамъ юноша, нѣмецъ по воспитанію, по службѣ и душѣ, вытащенный изъ поручиковъ во владѣтельнаго князя, благодаря только родству и то съ лѣвой стороны, такъ зло неблагодарно насмѣялся надъ простотою и добротою своего дяди, поругалъ русскую честь и кровь и порвалъ почти всѣ связи между единоплеменными народами.

Вотъ что значитъ присущее намъ въ высшихъ сферахъ заблужденіе или самообольщеніе: полагать, что достаточно какому-нибудь авантюристу принадлежать къ родовитой крови, чтобы считать его способнымъ управлять народомъ. Конечно, было бы не то, если бы исполнили желаніе болгаръ избрать себѣ въ князья, какъ они хотѣли, Дондукова-Корсакова или Игнатьева, но вѣдь какъ можно было допустить простому смертному и подданному сѣсть на болгарскій престолъ, да наконецъ и Европа бы на насъ сейчасъ прикрикнула.

Въ такихъ представленіяхъ болгарскихъ и сербскихъ маріонетокъ прошла вся зима 85—86 гг., тѣмъ временемъ мы вмѣстѣ съ англичанами выслали въ Афганистанъ разграничительную коммиссію и ни сномъ, ни духомъ не вѣдавшій афганскій эмиръ получилъ въ свое владѣніе массу земель, никогда не признававшихъ его власти, и мы успокоились на постановкѣ пограничныхъ столбовъ тамъ, гдѣ они не имѣютъ никакого значенія, ибо граница среди полудикихъ племенъ не можетъ существовать, что̀ доказала наша граница въ Киргизской степи и Туркестанскомъ краѣ.

Во внутреннемъ строѣ Россіи все шло въ 85 г. тихо и безцвѣтно. Лица, стоявшія у кормила правленія, оставались все тѣ же, за исключеніемъ вновь назначеннаго министра юстиціи сенатора Манасеина, а слѣдовательно, и ожидать отъ нихъ какого-либо свѣжаго, живучаго почина въ государственной дѣятельности было трудно. Поэтому опять начали раздаваться въ обществѣ сѣтованія на то, что у насъ нѣтъ способныхъ людей, подобно тому, какъ во время Крымской кампаніи

раздавались крики, что у насъ нѣтъ способныхъ генераловъ. Но эта всегдашняя ложь конечно и останется ложью. Послѣ Крымской войны повѣяло въ арміи свѣжимъ воздухомъ, и нашлись даровитые генералы; перестанетъ правительство выбирать на высшія административныя мѣста людей только изъ тѣсной клики придворныхъ, изъ петербургскихъ франтовъ высшаго полета, и найдутся способные министры. Вся бѣда и состоитъ въ томъ, что изъ 100 мил. населенія Россіи ограничиваютъ свое знаніе знакомствомъ съ двумя или тремя сотнями лицъ, толкающихся въ ихъ свитѣ или передней.

Афганская разграничительная коммиссія, дойдя до Аму-Дарьи, заспорила о ничтожномъ пунктѣ на этой рѣкѣ и разошлась, рѣшивъ окончить споры переговорами между Лондономъ и Петербургомъ, а мы между тѣмъ продолжали Закаспійскую желѣзную дорогу и въ слѣдующемъ 1887 году довели ее до Аму-Дарьи при г. Чарджуѣ.

Баттенбергъ послѣ сербской войны въ одинъ прекрасный день былъ арестованъ юнкерами въ своемъ дворцѣ и быстро отправленъ на пароходѣ въ нашъ г. Рени. Здѣсь, призанявъ деньжонокъ, онъ былъ отправленъ совершенно сконфузившейся отъ неожиданнаго его появленія русской администраціей по юго-западнымъ дорогамъ въ г. Львовъ, а отсюда, не долго думая, опять махнулъ въ Болгарію и съ береговъ Дуная прислалъ государю слезную телеграмму о дозволеніи ему продолжать управленіе Болгаріей. Но отвѣтъ былъ данъ отрицательный. Вся эта комедія разыгрывалась въ то время, когда войска Виленскаго и Варшавскаго округовъ сбирались къ Высоко-Литовску для розыгрыша большаго маневра, долженствовавшаго представить наступленіе пруссаковъ и нашъ имъ отпоръ. На маневрѣ этомъ очень настаивалъ генералъ Куропаткинъ, который безъ практическаго примѣра не рѣшался сдѣлать окончательный выводъ по порученному ему дѣлу о стратегической оборонѣ западной нашей границы.

Я на маневрѣ не былъ, дивизія моя охраняла желѣзную дорогу отъ Корсовки до Вильны, и я, находясь въ Динабургѣ, видѣлъ, какъ проѣзжали всѣ наши воротилы. Я видѣлъ торжествующаго веселаго Гирса, находившагося въ умиленіи отъ посѣщенія его Бисмаркомъ въ Франценсбадѣ, гдѣ онъ пилъ воды и отдавалъ замужъ дочь; тутъ же на станціи я пробесѣдовалъ съ часъ съ нашимъ берлинскимъ посломъ Шуваловымъ, выѣхавшимъ изъ имѣнія встрѣтить радостнаго Гирса. На маневрахъ же, не знаю, по чьему выбору, состоялась посылка въ Болгарію нашего военнаго агента въ Вѣнѣ К—а, почему-то думавшаго, что Болгарію можно привести въ порядокъ одними миролюбивыми совѣтами, особенно ему, какъ бывшему посреднику при заключеніи мира между Сербіей и Болгаріей. Я зналъ его съ молодыхъ

чиновъ; это былъ довольно скромный нѣмецъ, безъ сильнаго характера и при томъ воспріявшій въ Вѣнѣ взгляды, не всегда соотвѣтствующіе достоинству Россіи. Поведеніе его въ Болгаріи лучше всего доказало его несостоятельность. Всѣ, знавшіе его тогда же, пожимали плечами въ изумленіи отъ такого выбора, тѣмъ болѣе, что посылка даже и болѣе самостоятельнаго человѣка казалась въ то время совершенно непригодной и ненужной.

Кончились маневры. Они конечно въ стратегіи ничего не выяснили, ибо велись безтолково, безъ соотвѣтствующей боевой обстановки и стоили около милліона рублей; кавалерія же наша, мыкаясь безъ толку, испортила массу лошадей и въ тактическомъ смыслѣ выказалась въ самомъ неприглядномъ видѣ.

Проводивъ государя обратно, дивизія ушла на зимнія квартиры. Вскорѣ уѣхалъ и К—ъ изъ Болгаріи, потерявъ всякое значеніе въ этой странѣ, а вмѣстѣ съ отъѣздомъ его прекратились и наши дипломатическія сношенія съ этою страною, ибо всѣ наши консулы были тоже отозваны въ Россію.

Странное дѣло, со временъ Екатерины наша дипломатія совершенно потеряла свой національный характеръ, да и представителями ея почти постоянно являются лица нѣмецкаго происхожденія, или хотя и доморощенные дипломаты, но съ космополитическимъ характеромъ и безусловнымъ поклоненіемъ Европѣ. Стоитъ прочесть мемуары Меттерниха, Бейста, Татищева и другихъ, чтобы убѣдиться, какъ насъ всегда и во всемъ одурачивали, заставляли для другихъ таскать каштаны и обходились съ нами зачастую какъ съ лакеями. Отчасти это происходило отъ ложнаго нерусскаго воспитанія нашихъ пословъ и посланниковъ, а отчасти и отъ личныхъ взглядовъ, а также отъ личныхъ симпатій или антипатій. Вспомнимъ, какъ Александръ I-й въ послѣдніе свои годы и еще болѣе самый абсолютный самодержецъ въ свѣтѣ Николай I-й направлялись Меттернихомъ, даже болѣе мелкими заправилами европейской политики; позднѣе Александръ II направлялся Бисмаркомъ и кончилъ знаменитымъ Берлинскимъ трактатомъ. У теперешняго государя [1]) сильно развито національное чувство и твердость характера. А кто же теперь представители нашей національности въ главныхъ европейскихъ столицахъ?

Кто же блюдетъ такимъ образомъ въ дѣйствительности въ нашей дипломатіи за національными интересами Россіи? Во-первыхъ, какъ и всегда, Николай Чудотворецъ, во-вторыхъ, твердость воли государя, въ-третьихъ, два можетъ быть и ультра, но все-таки глубокихъ чест-

[1]) Императоръ Александръ III.

ныхъ патріота, изъ коихъ одного теперь уже нѣтъ въ живыхъ—это Аксаковъ и Катковъ. До тѣхъ поръ пока вліяніе послѣдняго еще не подкопано окончательно анти-національной партіей, до тѣхъ поръ мы можетъ быть еще кое-какъ и удержимся въ достойной роли передъ Европой.

Публицистическая дѣятельность Аксакова и Каткова такъ всѣмъ извѣстна, что говорить объ ней было бы излишне, и въ то время, когда Аксаковъ былъ самымъ ярымъ славянофиломъ и отличался крайней прямотой и рѣзкостію своихъ воззрѣній на положеніе и задачи Россіи, Катковъ нерѣдко измѣнялъ свои взгляды и изъ англофила перешелъ въ поклонника Бисмарка до тѣхъ поръ, пока не разочаровался въ немъ. Заслуга того и другаго состояла и состоитъ въ томъ, что они ничѣмъ не стѣснялись, всегда высказывали въ лицо нашимъ управителямъ горькую истину относительно ихъ дѣятельности и направленія внутренней и внѣшней политики Россіи. Всѣмъ памятны статьи „Руси“ Аксакова о Берлинскомъ трактатѣ и въ особенности, о Скерневицкомъ и Кремзирскомъ свиданіяхъ. Хорошенько не помню гдѣ Россія сравнивалась съ Иванушкой-дурачкомъ, котораго, несмотря на его богатырскую силу, всѣ обижали и обирали. Не менѣе памятны и статьи Каткова во время повстанья 61—63 г.г. и статьи 1887 года относительно политики Гирса. Достаточно однѣхъ этихъ статей, чтобы заслужить авторамъ ихъ глубокую благодарность со стороны всѣхъ честныхъ русскихъ людей, у которыхъ національное чувство еще не окончательно стушевалось слѣпымъ поклоненіемъ Европѣ.

XXX.

Назначеніе Вышнеградскаго.—Переворотъ въ Болгаріи.—Каравеловъ и Стамбуловъ.—Принцъ Кобургскій.—Смерть Каткова.—Государь въ Берлинѣ.—Назначеніе командиромъ 17-го корпуса.

Постоянное возрастаніе дефицита въ государственной смѣтѣ и неудачи разныхъ палліативныхъ мѣръ, принимаемыхъ Бунге къ поправленію нашихъ финансовъ, заставили наконецъ государя пожертвовать своимъ бывшимъ профессоромъ и назначить въ новомъ 1887 году министромъ финансовъ Вышнеградскаго, тоже бывшаго когда-то профессоромъ въ технологическомъ институтѣ и затѣмъ счастливаго ноправителя дѣлъ Рыбинско-Бологовской и Юго-Западныхъ желѣзныхъ дорогъ.

Нельзя еще сказать, какая финансовая система будетъ усвоена

новымъ министромъ, такъ какъ до сихъ поръ дѣло ограничилось установленіемъ массы мелочныхъ косвенныхъ налоговъ и протекціонною пошлиною на нѣкоторые привозные изъ-за границы предметы, имѣющею по преимуществу видъ боевой пошлины противъ Германіи въ отместку Бисмарку за такія-то распоряженія противъ Россіи. Результатомъ такой экономической войны до сихъ поръ было только страшное пониженіе нашего курса, но это не бѣда, если намъ удастся только встать на свои ноги и выйти изъ подчиненія жидовской Берлинской биржи.

Удалился Баттенбергъ изъ Болгаріи, но оставилъ тамъ своихъ друзей регентами и министрами, и агитація противъ Россіи пошла еще сильнѣе, чѣмъ прежде. Все русское изгонялось и преслѣдовалось. Мы пожинали плоды нашей близорукой дипломатіи и нашего либеральничанія. Едва высвободившимся изъ пятивѣковаго рабства пастухамъ болгарамъ мы, по своей волѣ, навязали нѣмца князя, душой и тѣломъ преданнаго западной Европѣ, и даровали наилиберальнѣйшую конституцію, которая въ пору была какой-нибудь издавна свободной и развитой націи. Но таковъ былъ императоръ Александръ II, что при его благодушіи окружавшіе его наши Лафайэты и Мирабо могли проводить всевозможные либеральные эксперименты. Болгарское мужичье и торгаши не могли взять въ толкъ, да и до сихъ поръ не взяли сути своей конституціи, и въ то же время не мало оказалось въ той же Болгаріи недоучившихся господъ, нахватавшихъ въ наукѣ только верхушки, да при томъ самой соціальной окраски, пріобрѣтаемой въ разныхъ кофейняхъ и на бульварахъ Европейскихъ столицъ. Эти передовые, какъ они себя называли, люди, пользуясь безгласностію народа, сейчасъ же стали ловить въ мутной водѣ рыбу, заняли министерскія и другія мѣста и быстро повели свою страну къ прогрессу, то есть къ разграбленію, революціи и террору, все во имя той же европейской цивилизаціи и независимости Болгаріи. Явился первый министръ Каравеловъ,—воспитанникъ Москвы,—наперсникъ Баттенберга, а когда этихъ друзей прогнали, выступилъ на сцену недоучившійся нашъ семинаристъ Стамбуловъ и въ качествѣ регента и почти диктатора, при помощи разныхъ бывшихъ пастуховъ и воспитанниковъ Парижскихъ и Вѣнскихъ бульваровъ, занявшихъ видныя должности, всталъ на ножи съ Россіей. Грустнѣе всего было то, что всѣ эти управители Болгаріи, въ сущности, играли только роль маріонетокъ въ рукахъ Австріи и Англіи, имѣвшихъ за собою Бисмарка и ведшихъ игру съ цѣлью вытѣснить вліяніе Россіи съ Балканскаго полуострова, хотя бы цѣною поголовнаго разоренія и развращенія славянъ. Болгарскій народъ коснѣлъ въ своемъ смиреніи передъ регентами, а послѣдніе дошли до полнаго самообольщенія, воображая, что они дѣйствительно

своимъ умомъ управляютъ Болгаріей и даютъ тонъ всей восточной политикѣ Европы.

Пламенныя, почти ругательныя рѣчи, произнесенныя зимою въ парламентахъ Венгріи и Австріи противъ Россіи, заставили насъ подумать о нѣкоторыхъ мѣрахъ осторожности на нашей западной границѣ. Мы немножко зашевелились по устройству укрѣпленій у Ковно, Осовца и Гродно и стали къ веснѣ 1887 года какъ будто готовиться къ мобилизаціи, но эта тревога продолжалась недѣли три, и затѣмъ все замерло и затихло до поры до времени. Тѣмъ временемъ Шуваловъ проскакалъ нѣсколько разъ изъ Берлина въ Петербургъ и обратно, Катковъ получилъ отъ государя замѣчаніе за слишкомъ рѣзкія нападки на нашихъ бывшихъ друзей въ Вѣнѣ и Берлинѣ, отчего слегъ въ постель, а англичане прислали въ Петербургъ полковника Риджвея для окончательныхъ переговоровъ о нашей границѣ съ Афганистаномъ.

Въ началѣ лѣта былъ изданъ наконецъ такъ долго ожидаемый всѣми русскими людьми законъ о прекращеніи германизаціи нашей западной окраины и о выселеніи изъ этой полосы нѣмцевъ, не желающихъ принять русское подданство. Эта мѣра озлобила Берлинъ, а вмѣстѣ съ нежеланіемъ нашимъ по-прежнему идти на поводу Бисмарка повела къ тому, что этотъ милый человѣкъ черезъ свою прессу началъ проповѣдывать о неминуемомъ банкротствѣ Россіи съ совѣтомъ нѣмцамъ спускать имѣвшіяся у нихъ въ рукахъ наши процентныя бумаги, вслѣдствіе чего всѣ наши фонды хотя и не надолго разомъ полетѣли внизъ и дошли до небывало-малой стоимости. Такъ шло дѣло до конца іюня, когда созванное въ Тырновъ Болгарское народное собраніе подъ палками регентовъ провозгласило княземъ болгарскимъ австрійскаго гусарскаго поручика и родственника австрійскаго дома принца Фердинанда Кобургскаго. Эта новая мода выбирать чуждыхъ странѣ и ничего не смыслящихъ въ администраціи драгунскихъ и гусарскихъ поручиковъ была какъ нельзя болѣе на руку Австріи и такъ называемой пресловутой лигѣ мира, то есть Германіи, Италіи и Австріи.

Среди этой вновь начавшейся комедіи разомъ разнеслась по Россіи вѣсть о серьезной болѣзни Каткова; говорили, что онъ страдаетъ ракомъ, но что болѣзнь значительно вдругъ усилилась вслѣдствіе рѣзкихъ замѣчаній государя по поводу статей его о внѣшней политикѣ Россіи. Какъ бы то ни было, но 20-го іюля Каткова не стало, и эту потерю почувствовало все, что любило Россію сильнымъ національнымъ чувствомъ. Въ Катковѣ Россія потеряла единственнаго писателя, котораго слушали люди власти, съ которымъ считались самыя высокія особы. Во всю почти свою литературную жизнь Катковъ представлялъ оппозиціонную сторону въ управленіи Россіей, и въ этомъ

отношеніи талантъ его не имѣлъ соперниковъ. Страстно любя родину онъ съ непрерывной зоркостію слѣдилъ за всѣми распоряженіями власти, громилъ все то, что выходило или изъ ложнаго либерализма, или слѣпаго поклоненія Европѣ съ забывчивостію русскихъ интересовъ. Не имѣя подобно Аксакову своей опредѣленной какой-нибудь системы, не будучи слѣпымъ поклонникомъ славянофильства и мѣняя свои убѣжденія, если только находилъ ихъ непригодными для Россіи, Катковъ ежеминутно стоялъ насторожѣ русскихъ интересовъ, готовый ринуться въ борьбу, не разбирая ни внутреннихъ, ни внѣшнихъ враговъ, кто бы они ни были. Потеря великая для Россіи, особенно въ ту пору, когда и обыкновенныхъ выдающихся людей у насъ такъ мало.

Мѣры, принятыя Вышнеградскимъ, по увеличенію доходовъ и покровительству отечественной промышленности, принесли свою пользу уже тѣмъ, что государственная роспись на 1888 годъ вышла безъ дефицита. Спасибо и за это, особенно принявъ во вниманіе страшное паденіе нашего курса.

Осенью 1887 года была принята въ первый разъ благоразумнѣйшая мѣра, какую только могъ придумать нашъ военный министръ— это созывъ для обученія запасныхъ нижнихъ чиновъ и особенно однолѣтковъ. Успѣхъ дѣла превзошелъ всѣ ожиданія. Въ три недѣли всѣ эти полумужички стали такими бойкими, ловкими солдатами, что ихъ нельзя было отличить отъ настоящихъ. Да много, много можно сдѣлать изъ нашего дорогаго солдата, если толково вести его образованіе и умѣючи съ онымъ обращаться. Это такой неоцѣненный матеріалъ для боя, какого не можетъ дать ни одна европейская нація.

Осень этого года государь съ семьей провелъ въ Копенгагенѣ и, по болѣзни дѣтей не могшій возвратиться моремъ, принужденъ былъ ѣхать черезъ Берлинъ. Не думаю, чтобы встрѣча его съ Бисмаркомъ была пріятна для обоихъ. Бисмаркъ старался увѣрить государя въ дружбѣ Германіи, а государь показалъ ему письма принца Рейса (германскаго посла въ Вѣнѣ), явно свидѣтельствовавшія объ интригахъ Германіи противъ Россіи. Конечно, Бисмаркъ отъ этихъ документовъ отрекся, и они были объявлены подложными послѣ обнародованія союзнаго договора Германіи съ Австріей—этой лиги мира. Конечно, трудно было ожидать, чтобы отношенія наши съ Германіей поправились, несмотря и на все благодушіе и сердечность при пріемѣ императоромъ Вильгельмомъ государя. Старичекъ этотъ давно уже утратилъ всякую иниціативу по внутреннимъ и внѣшнимъ дѣламъ, предоставивъ ее всецѣло въ руки Бисмарка, тѣмъ болѣе, что наслѣдный принцъ страдалъ ракомъ гортани, жилъ въ Санъ-Ремо, и Бисмаркъ усердно хлопоталъ тогда о замѣнѣ его въ замѣстительствѣ императора

внукомъ Вильгельмомъ. Въ февралѣ мѣсяцѣ скончался императоръ Вильгельмъ, этотъ старый другъ Россіи, завѣщавъ внуку своему Вильгельму жить въ дружбѣ съ Россіей, и въ то же время не медля прибылъ изъ Санъ-Ремо больной Фридрихъ, чтобы вступить на престолъ. Гуманный, честный человѣкъ, руководимый своею высокообразованною женою Викки (такъ она называлась въ своей англійской семьѣ), императоръ Фридрихъ сразу явился противникомъ и стремленій Бирмарка въ запугиваньѣ войною, и деспотическихъ мѣръ его по внутреннему управленію Пруссіей; истощенный недугомъ, бѣдный императоръ не могъ провести своихъ взглядовъ въ жизнь и въ іюнѣ его не стало, германскій тронъ занялъ сынъ его подъ именемъ Вильгельма II. Новый императоръ вскорѣ нашелъ полезнымъ сдѣлать визиты сѣвернымъ державамъ и въ іюлѣ мѣсяцѣ прибылъ съ эскадрою въ Россію и былъ встрѣченъ и чествованъ въ Петергофѣ съ необычайнымъ торжествомъ и радушіемъ.

Едва-ли не наканунѣ его пріѣзда разыгрался въ Висбаденѣ скандалъ, горько отозвавшійся въ Россіи. Цѣломудренная красавица, королева сербская Наталія была оскорблена германскою полиціею, силою взявшей у нея сына, наслѣднаго сербскаго принца, и отправившей его къ отцу, извѣстному по своему распутству—Милану. Всѣ честные люди въ Европѣ были возмущены подобнымъ поступкомъ, за исключеніемъ мадьяро-германской печати.

15-го іюня состоялось торжество въ Кіевѣ въ честь 900-лѣтняго крещенія Руси, на которое впрочемъ съѣхалось весьма ограниченное число славянскихъ гостей. Несмотря на это, австро-мадьярская печать подняла страшный гвалтъ, обвиняя Россію въ панславизмѣ. Отпраздновали и мы этотъ день въ Вильнѣ большимъ парадомъ, на которомъ я командовалъ войсками и страшно истомился.

Осенью этого 1888 года государь съ государыней посѣтили маневры Харьковскаго и Одесскаго округовъ и затѣмъ посѣтили Кавказъ, гдѣ путешествіе ихъ было рядомъ непрерывныхъ овацій и восторговъ. Въ половинѣ октября войска встали на охрану дороги по случаю возвращенія государыни въ Петербургъ, я по-прежнему помѣстился въ Динабургѣ. Наступалъ день проѣзда, а приказанія о занятіи 3-го положенія не было, между тѣмъ, между желѣзнодорожниками уже ходили свѣдѣнія о катастрофѣ съ поѣздомъ; видимо начальникъ охраны генералъ Черевинъ растерялся, и мы почти сутки оставались въ неизвѣстности. На дворѣ стояла слякоть, холодъ, мало того шелъ то снѣгъ, то дождь, и я распорядился подъ своей отвѣтственностью снять людей съ 3-го положенія. На другой день все разъяснилось; произошла знаменитая катастрофа 17-го октября. Провидѣніе чудеснымъ образомъ спасло царскую семью, государь поѣхалъ черезъ Москву.

Возвратившись въ Вильну и окончивъ сборъ запасныхъ, съ такимъ же успѣхомъ, какъ и въ прошломъ году, я началъ уже готовиться къ обыденнымъ зимнимъ занятіямъ, когда мое мирное настроеніе неожиданно было нарушено. Дѣло вотъ въ чемъ. Ганецкій послѣ катастрофы очень желалъ заявить государю свои соболѣзнованія, но не могъ этого сдѣлать, такъ какъ государь повернулъ на Москву. Тогда онъ написалъ частное письмо къ Ванновскому, въ которомъ самымъ сильнымъ образомъ высказывалъ вѣрноподданническія чувства и сожалѣніе, что не успѣлъ заявить ихъ государю. Изъ дружбы къ Ганецкому, Ванновскій показалъ это письмо хитраго старика государю, и послѣдовалъ отвѣтъ, что очень будутъ рады видѣть его въ Петербургѣ, чѣмъ Ганецкій немедленно и воспользовался. Ничего не предполагая, я 6-го декабря, послѣ молебна, раскланялся въ церкви съ Ганецкимъ, который, пріостановивъ меня, сказалъ: „а вы ничего не получили о вашемъ назначеніи?"—Ничего. „Заѣзжайте ко мнѣ послѣ церкви". Пріѣхавъ къ нему, я узналъ, что начальникъ главнаго штаба—Обручевъ объявилъ ему, что меня хотятъ скоро взять изъ Вильны для назначенія генералъ-губернаторомъ Западной Сибири (степной). Прошло недѣли двѣ, когда разъ вечеромъ я получилъ отъ генерала Каханова любезную записку съ поздравленіемъ и телеграмму Сѣвернаго агентства о назначеніи моемъ 8-го ноября командиромъ 17 армейскаго корпуса. Такое назначеніе послѣ разговора съ Ганецкимъ и, принявъ во вниманіе, что было еще два генерала старше меня для назначенія въ корпусные командиры, очень меня удивило, и для разъясненія этого дѣла я рѣшился поѣхать въ Петербургъ. Изъ разговора съ Обручевымъ оказалось, что у генералъ-губернатора Сибири Колпаковскаго вышли пререканія съ губернаторомъ Ивановымъ, при чемъ дѣйствіями Колпаковскаго въ главномъ штабѣ были такъ недовольны, что уже былъ составленъ докладъ государю о моемъ назначеніи, когда получилось оправдательное письмо Колпаковскаго и затѣмъ просьба его о дозволеніи прибыть въ Петербургъ, для личныхъ объясненій, что̀ ему и разрѣшили. Такимъ образомъ вопросъ былъ отложенъ, что же касалось до причины обхода двухъ старшихъ меня генераловъ, то этого мнѣ никто кромѣ военнаго министра объяснить не могъ, а я, разумѣется, не имѣлъ права его допрашивать. На этотъ разъ государь принималъ въ Гатчинѣ только корпусныхъ командировъ, и мы вдвоемъ съ Дандевилемъ отправились туда. Дорогой Дандевиль повѣдалъ мнѣ о своей печальной судьбѣ. Неудовольствіе противъ него Гурко дошло до такой степени, что онъ пріѣхалъ въ Петербургъ просить о переводѣ его изъ Варшавы въ другой какой-либо корпусъ, что однако ему пока не удалось. Государь встрѣтилъ меня очень любезно, благодарилъ за

старую службу, говорилъ, какъ онъ остался доволенъ маневрами въ Харьковскомъ округѣ, и видимо хотѣлъ перейти къ бывшей съ нимъ катастрофѣ, но я не поднялъ этого вопроса, который и безъ меня, конечно, ему надоѣдалъ. Вообще его лицо и разговоръ сіяли такою добротою, сердечностію, что безъ особаго чувства нельзя было на него смотрѣть. Принималъ онъ меня въ тужуркѣ. Къ императрицѣ я не пошелъ. Но Дандевиль говорилъ, что она все еще находилась подъ впечатлѣніемъ катастрофы и всякому являющемуся къ ней принималась объ этомъ разсказывать. Позавтракавъ хорошо въ Гатчинѣ, мы часа въ 3 вернулись въ Петербургъ. Пробывъ здѣсь четыре дня, я возвратился въ Вильну и сталъ понемногу готовиться къ отъѣзду въ свой корпусъ, квартира котораго была назначена въ Нижнемъ-Новгородѣ. Между тѣмъ слухи о моемъ назначеніи въ Сибирь распространялись и въ Вильнѣ и даже Москвѣ; ко мнѣ стали являться лица, желавшія служить въ Сибири, и не вѣрили мнѣ, когда я говорилъ, что въ Сибирь не назначенъ. Вообще положеніе мое вышло нѣсколько неловкимъ. Предъ отъѣздомъ мнѣ были предложены офицерами и полковыми командирами два обѣда, но я рѣшительно отказался отъ нихъ во избѣжаніе напрасныхъ расходовъ; точно также я тихонько собрался и неожиданно выѣхалъ 4-го января изъ Вильны, дабы избѣжать обѣдовъ у Ганецкаго и Дризена, о которыхъ они сами мнѣ говорили заранѣе. Получивъ два чрезвычайно лестныхъ приказа по округу и корпусу на счетъ моей 12-тилѣтней службы въ Вильнѣ, я направился къ новому мѣсту служенія; остановившись въ Москвѣ и явившись къ командующему войсками генералу Костандѣ, я былъ опять встрѣченъ вопросомъ о моемъ назначеніи въ Сибирь.

Въ Нижнемъ я былъ встрѣченъ съ особою торжественностію губернаторомъ Барановымъ (извѣстный командиръ парохода „Веста"), властями и кое-какъ устроился, на первое время, въ почтовой гостиницѣ.

Штабъ мой, составленный изъ расформированнаго штаба Харьковскаго округа, еще не собрался, и потому я посвятилъ время на обзоръ войскъ, стоящихъ въ Нижнемъ. Я нашелъ войска сильно распущенными, начальство пребывающимъ въ полной апатіи и начальника дивизіи, генерала Корево, въ состояніи младенчества и при томъ млѣющаго передъ каждой сколько-нибудь хорошенькой женщиной, съ которыми онъ позволялъ себѣ обращаться безъ всякихъ церемоній, что̀, какъ видно, очень нравилось нижегородскимъ барынямъ. Вмѣсто грязи и безпорядка, я потребовалъ чистоты и строгаго исполненія правилъ внутренней службы и о всѣхъ своихъ распоряженіяхъ донесъ Костандѣ, отъ котораго и получилъ благодарность. Въ знаком-

ствѣ съ обществомъ я ограничился только оффиціальными визитами и даже, при этомъ условіи, не избѣгъ всевозможныхъ, свойственныхъ провинціи, сплетенъ. Въ началѣ марта я объѣхалъ войска во Владимірѣ, Ростовѣ, Ярославлѣ и Костромѣ и, къ удовольствію, нашелъ уже многія изъ моихъ требованій исполненными. Мнѣ очень понравился Ярославль по своей опрятности и расположенію, и я удивляюсь, почему московское начальство не избрало его штабъ-квартирою корпуса. Тамъ я нашелъ губернаторомъ стараго своего знакомаго по Ташкенту генерала Фриде. Изъ внѣшнихъ обстоятельствъ, волновавшихъ въ это время общество, можно отмѣтить лишь самоубійство наслѣднаго Австрійскаго принца Рудольфа, вслѣдствіе романической его связи съ баронессою Вечера, окончившей тоже трагически свою жизнь; бомбардированіе французами нашей духовной миссіи отца Паисія, посланнаго въ Абиссинію, и сопровождавшаго ее вольнаго казака саратовскаго мѣщанина Ашинова; отреченіе Милана Сербскаго отъ престола и смерть бывшаго шефа жандармовъ графа Петра Шувалова.

Вслѣдъ за Шуваловымъ, принесшимъ, можетъ быть и неумышленно, такъ много зла Россіи, скончался и министръ внутреннихъ дѣлъ графъ Д. А. Толстой. При обширномъ образованіи, настойчивомъ, почти непреклонномъ характерѣ Толстой представлялъ одну изъ выдающихся личностей въ Россіи, особенно въ шаткое время минувшаго царствованія. При небольшомъ кружкѣ лицъ, знакомыхъ нашимъ государямъ, выборъ человѣка на важный постъ всегда бываетъ сопряженъ съ затрудненіями и по большей части оказывается неудачнымъ, а въ данномъ случаѣ тѣмъ болѣе, когда приходилось замѣнить столь сильный и цѣльный характеръ, какъ Толстаго. Министромъ назначили Дурново, когда-то бывшаго екатеринославскимъ губернаторомъ, человѣка богатаго и, какъ говорятъ, хорошаго [1]). Все лѣто шли толки о женитьбѣ наслѣдника на княжнѣ Черногорской, но дѣло кончилось пока женитьбой великаго князя Петра Николаевича и принца Лейхтенбергскаго на княжнахъ Милицѣ и Анастасіи, послужившей поводомъ къ произнесенію государемъ тоста за единственнаго своего князя Николая Черногорскаго, надѣлавшаго страшнаго шуму въ Европѣ.

Въ половинѣ іюля я былъ вызванъ на полигонъ въ Клементьево, гдѣ Костанда производилъ смотры собранной тамъ артиллеріи въ числѣ 56 батарей. Три дня производилась и денная и ночная пальба безъ всякой по-моему пользы, ибо другихъ родовъ войскъ не было и мѣста для пальбы изучены артиллеристами, какъ пять пальцевъ,

---

[1]) Онъ былъ докладчикомъ по дѣламъ учрежденій императрицы Маріи.

между тѣмъ, одинъ только день этой забавы, когда стрѣляли всѣ батареи, стоилъ казнѣ 12—15 тыс. рублей.

Послѣ трехдневныхъ ученій и сытныхъ обѣдовъ, предложенныхъ послѣ артиллеристами, мы на послѣдній день уѣхали на станцію Можайскъ, чтобы оттуда слѣдовать по желѣзной дорогѣ въ Москву. Въ Можайскѣ мы застали въ вокзалѣ сильно кутившую компанію, состоявшую изъ нѣсколькихъ штатскихъ и одного флигель-адъютанта. Шампанское лилось черезъ край; оказалось, что можайскіе помѣщики чествуютъ новаго своего собрата, купившаго въ Можайскомъ уѣздѣ большое имѣніе,—Н—го. Входя въ вагонъ, Костанда сказалъ мнѣ вполголоса: „Н—ій то имѣніе купилъ, вотъ когда оно сказалось“. „Этого и слѣдовало ожидать“, отвѣчалъ я. Дѣйствительно, покойный Н—ій долженъ былъ оставить большой капиталъ.

. . . .
. . . .
. . . .

По возвращеніи изъ Клементьева, пришлось готовиться къ корпусному маневру, который былъ назначенъ въ окрестностяхъ гор. Шуи. Я выѣхалъ нѣсколько раньше, чтобы посмотрѣть на частные маневры, которые оказались изъ рукъ вонъ плохими, по распущенности войскъ и по малому числу руководителей. Въ 2-хъ дивизіяхъ корпуса оставалось только два генерала. Въ концѣ августа пріѣхалъ въ Шую Костанда, присутствовалъ на маневрѣ и церемоніалѣ и, несмотря на проливные дожди, остался вполнѣ доволенъ войсками. Здѣсь онъ опять повторилъ мнѣ, что недавно видѣлся съ военнымъ министромъ и что онъ по-прежнему думаетъ назначить меня генералъ-губернаторомъ въ Сибирь, о чемъ писалъ мнѣ и Мирковичъ [1]). Пришло 30-ое августа, я не получилъ никакой награды, хотя она мнѣ и слѣдовала, а вслѣдъ затѣмъ и генералъ - губернаторомъ Сибири былъ назначенъ генералъ Таубе, помощникъ командующаго войсками Кіевскаго округа. Мнѣ это было очень непріятно, ибо награду я заслужилъ, а назначеніемъ Таубе меня заставили восемь мѣсяцевъ жить въ обманѣ и бивакомъ въ Нижнемъ, тѣмъ болѣе, что я этого мѣста не искалъ, а мнѣ его само министерство предложило. Объ обходѣ меня наградою я заявилъ Костандѣ и къ чести Апостола Спиридоновича долженъ сказать, что онъ горячо принялъ это дѣло къ сердцу и тотчасъ же представилъ меня къ наградѣ внѣ правилъ. О Таубе же выяснилось впослѣдствіи, что его взяли изъ Кіева по требованію Драгомірова, но я полагаю, что, при моемъ самостоятельномъ характерѣ, военный министръ самъ не захотѣлъ дать мнѣ отдѣльнаго назначенія.

---

[1]) Помощникъ начальника Главнаго штаба.

Наступилъ 1890 годъ, я получилъ Александра Невскаго и поѣхалъ въ Петербургъ благодарить за награду. Являюсь къ министру, онъ прямо заявилъ мнѣ претензію; спрашиваю, въ чемъ виноватъ? На васъ жалуются въ Нижнемъ, что вы не приняли по пріѣздѣ вице-губернатора и городскаго голову и попросили ихъ, чтобы они у васъ росписались. Объясняю, что правила вѣжливости знаю и соблюдаю, что, пріѣхавъ съ семьею въ нумера гостиницы, я только лишь началъ разбираться, какъ стали ко мнѣ пріѣзжать съ визитами, которыхъ ясно я не могъ принять въ двухъ комнатахъ. Наконецъ, меня ничто и не обязываетъ, какъ и всякаго человѣка, принимать визиты, которые однако же я на другой же день отплатилъ. Ясно было, что это насплетничалъ, по привычкѣ, Барановъ, тѣмъ болѣе, что когда я хотѣлъ поѣхать къ Дурново, чтобы выяснить это дѣло, министръ сталъ меня увѣрять, что слышалъ все это не отъ Баранова и что самъ переговоритъ съ Дурново.

Возвратившись въ Нижній, я передалъ все это Баранову и объявилъ, что въ другой разъ я вынужденъ буду принять уже другія мѣры противъ нижегородскихъ сплетниковъ, чѣмъ онъ былъ не мало сконфуженъ. Вся сила этой исторіи заключалась въ томъ, что, увлекаясь примѣромъ Игнатьева, Барановъ самъ хотѣлъ попасть генералъ-губернаторомъ въ Сибирь на предназначавшееся мнѣ мѣсто. Министръ меня спрашивалъ также, отчего старые генералы, когда ихъ обходятъ, не обижаются и не выходятъ въ отставку? Отвѣчалъ, что хотятъ ѣсть, а потому и служатъ, иначе съ ничтожной пенсіей приведется чуть не умирать съ голоду.

Государь, при представленіи, необыкновенно былъ со мною милостивъ. Въ продолженіе зимы, меня два или три раза вызывали въ Москву, какъ старшаго корпуснаго командира, исправлять должность Костанды, уѣзжавшаго въ Петербургъ. Наконецъ, къ 21-му апрѣля мы, начальники войскъ, собрались туда же, чтобы праздновать 50-тилѣтіе службы въ офицерскихъ чинахъ того же Костанды. Я, какъ старшій, поднесъ юбиляру сдѣланную по подпискѣ икону Иверской Божіей Матери и сказалъ за обѣдомъ небольшую рѣчь. На обѣдѣ я встрѣтился съ начальникомъ Главнаго тюремнаго управленія Галкинымъ-Врасскимъ, котораго не видалъ 30 лѣтъ. Мы встрѣтились дружески, хотя конечно только по наружности.

. . . .

Окончивъ съ юбилеемъ, я поѣхалъ въ слободу Павловскую, осматривать 3-ю артиллерійскую бригаду, которую еще не видѣлъ.

Поѣздка эта, совершенная въ прекрасную погоду, служила для

меня прогулкой. По возвращеніи въ Москву, пришлось еще присутствовать на отвѣтномъ обѣдѣ, который давалъ у себя на квартирѣ Костанда всѣмъ начальникамъ. Обѣдъ былъ съ княземъ Долгорукимъ, спичами, и надо сказать, что въ кулинарномъ отношеніи составлялъ верхъ совершенства. Распростясь въ тотъ же день съ любезными, какъ всегда, хозяевами, я, переночевавъ, отправился въ свой Нижній.

Еще въ бытность въ Петербургѣ, я просилъ Ванновскаго о пособіи, предполагая лѣтомъ съѣздить за границу. Просьба моя была уважена, и въ началѣ іюня, осмотрѣвъ предварительно войска корпуса, я выѣхалъ съ семьею изъ Нижняго. Далекій мнѣ предстоялъ путь изъ этого захолустнаго города. Третій разъ я ѣзжу за границу и долженъ по справедливости сказать, что нигдѣ я не встрѣчалъ такихъ удобствъ и такой предупредительности со стороны желѣзнодорожнаго персонала, какъ въ Россіи. Правда, указываютъ на скорость ѣзды за границей, но Богъ съ ней совсѣмъ, когда въ вагонахъ нѣтъ даже клозетовъ и понятный дорожный аппетитъ, за исключеніемъ рѣдкихъ мѣстъ, приходится удовлетворять только самымъ спѣшнымъ проглатываніемъ пива и кофе съ прибавкой закорузлой колбасы. На обратномъ пути я пробылъ въ Вильнѣ около 3-хъ недѣль. Нашъ военный міръ былъ занятъ разговорами о Нарвскихъ маневрахъ и приготовленіями къ маневрамъ на Волыни.

Очевидцы разсказывали, что императоръ Вильгельмъ былъ чрезвычайно предупредителенъ не только къ императрицѣ, но и къ государю, которому онъ не разъ даже помогалъ надѣвать плащъ, но въ то же время, высадясь въ Ревелѣ и любезно поздоровавшись съ городскими властями изъ нѣмецкихъ бароновъ, онъ едва обратилъ вниманіе на представителей русской администраціи, какъ-то: губернатора князя Шаховскаго и другихъ. На Волыни должны были сразиться Гурко и Драгоміровъ, первый сначала отказывался отъ командованія, боясь, какъ онъ говоритъ, критики всякаго капитана генеральнаго штаба, но въ главномъ штабѣ рѣшили такъ, что главными посредниками будутъ высказаны мнѣнія только по совершенномъ окончаніи маневровъ, во время же его никто изъ посредниковъ не будетъ имѣть права что-либо поправлять или критиковать, и тогда Гурко согласился. Кто остался побѣдителемъ и распоряжался раціональнѣе, не знаю, но военный министръ впослѣдствіи говорилъ мнѣ, что войска Гурко дѣйствовали ловчѣе и чище, жаль только, что главный посредникъ великій князь Николай Николаевичъ Старшій въ это время уже былъ нездоровъ, выказывая по временамъ признаки умственнаго разстройства, и вскорѣ былъ отправленъ для излѣченія въ Крымъ.

Передъ отъѣздомъ въ Нижній, въ газетахъ появилось извѣстіе о покушеніи на жизнь нижегородскаго губернатора Баранова какого-

то писца. Напрасно Барановъ силился придать этому покушенію политическую подкладку, какъ противъ лица, отличающагося строгою преданностью монархизму—слѣдствіе показало, что покушавшемуся, въ припадкѣ психопатіи,—было все равно, въ кого ни стрѣлять, лишь бы только въ лицо извѣстное по своему оффиціальному положенію, и поэтому онъ сначала хотѣлъ убить министра финансовъ, бывшаго въ то время въ Нижнемъ, но когда это не удалось, то, за неимѣніемъ другаго болѣе подходящаго лица, онъ стрѣлялъ въ Баранова. Раздутая Барановымъ исторія вышла пустяками. Едва я вернулся въ Нижній, какъ получилъ телеграмму, вызывавшую меня въ Москву, для командованія округомъ, на мѣсто Костанды, отъѣзжавшаго въ отпускъ въ Одессу. Вслѣдъ за прибытіемъ въ Москву, пріѣхалъ туда военный министръ, возвращавшійся съ маневровъ въ Петербургъ.

Я встрѣтилъ Ванновскаго на станціи, и потомъ при почетномъ караулѣ, онъ обошелся со мною холодно, вѣжливо, былъ у меня съ визитомъ и очень хвалилъ только-что окончившіеся маневры. По возвращеніи Костанды, вернувшись въ Нижній, я пробылъ въ немъ до 14-го ноября и все это время чувствовалъ какую-то постоянную тоску и недомоганіе; 14-го числа я вновь былъ въ Москвѣ для замѣны Костанды, уѣхавшаго въ Петербургъ. На другой день съѣздилъ къ знаменитому доктору Захарьину, чтобы потолковать о своемъ здоровьѣ, и въ 7-мь часовъ вечера, возвратясь домой, почувствовалъ, что у меня отнялась правая нога и помутился правый глазъ. Такъ началась тяжкая болѣзнь, продержавшая меня въ Москвѣ, въ гостиницѣ, до половины марта.

XXXI.

Назначеніе вел. кн. Сергія Александровича генералъ-губернаторомъ Москвы.—Смерть Долгорукова.—Смерть принцессы Александры Георгіевны.—Холера.—А. П. Костанда.—Назначеніе меня членомъ Военнаго совѣта.

Къ концу февраля болѣзнь моя нѣсколько облегчилась, хотя нога все еще плохо двигалась, а правый глазъ плохо видѣлъ, тѣмъ не менѣе я явился къ Костандѣ и вступилъ въ исправленіе его должности, когда онъ ко дню рожденія государя поѣхалъ въ Петербургъ.

Наступилъ мартъ, повѣяло весной, и Костанда сталъ ясно намекать мнѣ о необходимости отправиться къ корпусу, чего я и самъ горячо желалъ. Собравъ всѣ силы, я въ половинѣ марта рѣшился

выѣхать въ Нижній, по прибытіи куда и съ наступленіемъ тепла, мое здоровье дѣйствительно стало поправляться, я сталъ гулять и воскресать духомъ, но, увы, не надолго. Простоявъ какъ-то съ полчаса у обѣдни, я по приходѣ домой опять лишился употребленія ногъ. Такъ протянулось время до іюня мѣсяца, когда я рѣшился взглянуть на войска своего корпуса. Дурная погода преслѣдовала меня до Рыбинска, и только съ пріѣздомъ въ Москву погода стала лучше. На этотъ разъ я нашелъ полки 35-ой дивизіи въ очень хорошемъ состояніи въ отношеніи фронта, вида и одежды. Здѣсь надо сказать, что еще въ 90 г. произошла у командира Моршанскаго полка полковника Ляпунова исторія въ полку. Трое подкутившіе офицеры поссорились между собою и одному изъ нихъ приказано было уйти изъ полка, а на другаго было наложено дисциплинарное взысканіе; въ полку образовались партіи, и одна заявила о пристрастіи полковаго командира къ одному изъ помянутыхъ офицеровъ. Полковаго командира поддержалъ начальникъ дивизіи. Пошли анонимные доносы Ванновскому, которые онъ такъ любилъ, и дѣло кончилось тѣмъ, что мнѣ военный министръ сдѣлалъ замѣчаніе за слабость взысканія, а начальнику дивизіи выговоръ, послѣдствіемъ чего былъ выходъ въ 1881 г. въ отставку генерала Данилова и назначеніе на его мѣсто генерала Риттиха. Два молодыхъ офицера прогнаны въ отставку, изъ которыхъ одинъ юноша за то, что не вызвалъ на дуэль обидѣвшаго его товарища. Послѣдній однако по ходатайству моему черезъ годъ былъ вновь принятъ на службу.

Еще въ минувшемъ году московскій генералъ-губернаторъ князь Долгоруковъ отпраздновалъ свой 25-ти-лѣтній юбилей по званію московскаго генералъ - губернатора и получилъ отъ жителей массу подарковъ, такъ что въ его квартирѣ была устроена выставка этихъ подношеній, которую всѣ ходили смотрѣть. Но это была его послѣдняя лебединая пѣсня. Къ веснѣ, несмотря на расположеніе къ нему и поддержку императрицы, онъ былъ смѣненъ, и на его мѣсто назначили великаго князя Сергія Александровича, командовавшаго дотолѣ Преображенскимъ полкомъ. Бѣдный Долгоруковъ, погрязшій въ долгахъ у жидовъ, которымъ онъ такъ протежировалъ въ Москвѣ, кое-какъ собравъ свои скудные пожитки, отправился за границу, гдѣ вскорѣ и умеръ.

Послѣ смотровъ войскъ въ Нижнемъ и Владимірѣ я въ августѣ мѣсяцѣ опять поѣхалъ въ Москву замѣнять Костанду. На этотъ разъ я побывалъ у великаго князя и былъ встрѣченъ очень любезно, а семья за это время занималась осмотромъ французской выставки.

Этимъ лѣтомъ послѣдовало замѣтное сближеніе Франціи съ Россіей, какъ противовѣса тройственному союзу, и лѣтомъ французская эскадра адмирала Жерве посѣтила Кронштадтъ и была предметомъ

большихъ овацій. Адміралъ и офицеры пріѣзжали не надолго и въ Москву, гдѣ ихъ поили и кормили на славу.

На частныхъ маневрахъ этого года въ августѣ мѣсяцѣ, за отъѣздомъ начальника 3-й дивизіи генерала Наз—ва въ отпускъ, командованіе 3-й дивизіей я поручилъ начальнику своего штаба генералу Макшееву, но едва только Наз—въ узналъ объ этомъ, какъ явился изъ отпуска и немедленно вступилъ въ командованіе дивизіей. Послѣдствіемъ такого поступка было то, что Макшеевъ подалъ въ отставку.

Надо сказать, что вскорѣ послѣ крушенія императорскаго поѣзда въ Боркахъ и по вступленіи Наз—ва въ командованіе 3-й дивизіей, онъ безъ вѣдома моего и Костанды отправилъ государю телеграмму, съ выраженіемъ вѣрноподданническихъ чувствъ и съ заявленіемъ, что 3-я дивизія въ память избавленія царской фамиліи отъ опасности сооружаетъ для поднесенія государю икону. На письмо послѣдовалъ милостивый отвѣтъ государя съ благодарностью. Икона-картина заказана была въ огромныхъ размѣрахъ и потребовала на сооруженіе около 7-ми тыс. руб. сер., которыя надо было гдѣ-нибудь добыть. Наз—въ однако не смутился. Онъ уволилъ людей дивизіи на продолжительныя вольныя работы, устроилъ между офицерами подписку и кромѣ того забралъ въ полкахъ разныя экономическія и хозяйственныя суммы.

Когда наконецъ икона была готова, онъ вошелъ ко мнѣ съ представленіемъ о назначеніи особой депутаціи отъ дивизіи съ нимъ во главѣ, для отправки въ Петербургъ съ иконою. Я донесъ Костандѣ, сообщивъ, что объ изготовленіи иконы мнѣ до сихъ поръ не было ничего извѣстно. Костанду эта исторія взволновала, и онъ испросилъ разрѣшеніе на представленіе иконы депутаціей, но безъ Наз—ва, въ то же время онъ приказалъ вытребовать отъ него всѣ деньги, взятыя имъ изъ экономическихъ суммъ полковъ. Послѣднія деньги были возвращены, но ему удалось таки добыть себѣ разрѣшеніе на личное представленіе иконы вмѣстѣ съ депутаціей.

При своемъ постоянномъ безденежьи онъ привыкъ таскать деньги у полковыхъ командировъ, которые безъ затрудненія давали ему съ тѣмъ, чтобы онъ не мѣшалъ въ свою очередь имъ свободно распоряжаться хозяйствомъ полковъ въ ихъ личныхъ интересахъ.

По возвращеніи изъ Москвы, служба моя потекла бы обыкновеннымъ порядкомъ, если бы и тутъ тотъ же Наз—въ не надѣлалъ исторій. Дѣло въ томъ, что, постоянно нуждаясь въ деньгахъ, онъ анонимнымъ письмомъ къ новому командиру 9-го полка полковнику Ѳедорову предложилъ ему дать начальнику дивизіи, то есть себѣ 1½ т. р. сер., съ обѣщаніемъ, что тогда служба его пойдетъ хорошо. Ѳедоровъ конечно этихъ денегъ не далъ, и тогда сразу на него нача-

лось гоненіе. Я принялъ сторону Ѳедорова, человѣка, обремененнаго огромною семью. Началось дѣло. Сначала Костанда поручилъ мнѣ сдѣлать дознаніе, а затѣмъ дѣло было передано генералъ-лейтенанту князю Оболенскому и къ веснѣ, несмотря на всѣ клеветы и доносы на меня Наз—ва, онъ былъ отчисленъ отъ должности. Осенью этого же 1891 г. вышелъ изъ службы и мой начальникъ штаба Макшеевъ, на мѣсто котораго назначили начальника штаба гренадерскаго корпуса Ивашкина, не поладившаго съ Малаховымъ, а Наз—въ былъ замѣненъ генераломъ Озеровымъ.

Зиму съ 1891 на 1892 г. я провелъ въ Нижнемъ и смотры войскъ отложилъ до весны, а въ Москвѣ, на время поѣздки Костанды въ Петербургъ, оставался за него генералъ Малаховъ. Для развлеченія дѣти устроили домашніе спектакли, въ которыхъ участвовали чины моего штаба и ихъ семейства, я же время отъ времени принималъ личное участіе въ тактическихъ занятіяхъ офицеровъ, направляя эти работы на ту же практическую дорогу, которая принесла столько пользы офицерамъ 27-й дивизіи. Къ веснѣ явился въ Нижній офицеръ генер. штаба японскихъ войскъ Фукушима, ѣхавшій верхомъ отъ Парижа или Берлина въ свое отечество; я пригласилъ его къ себѣ вечеромъ; онъ оказался достаточно образованнымъ, говорилъ съ моими дочерьми по-французски, нѣмецки и англійски, очень недурно танцовалъ и вообще охотно участвовалъ во всѣхъ играхъ, которыя вела молодежь.

Такъ протянулось время до мая мѣсяца, когда я рѣшилъ поѣхать взглянуть на войска своего корпуса. Сѣвъ на пароходъ въ прекрасную погоду, мы въ первую же ночь почувствовали страшный холодъ. Подулъ жестокій, сѣверный вѣтеръ, посыпалась крупа. Такъ мы доплыли до Костромы, гдѣ былъ назначенъ первый смотръ. Со мной кромѣ старой шинели не было теплаго платья, и я вынужденъ былъ поѣхать на смотръ въ лагерь въ лѣтнемъ пальто. Все время смотра сыпала крупа, дулъ жестокій, холодный вѣтеръ, и не только я, но всѣ молодые офицеры промерзли до мозга костей, несмотря на то, что я велѣлъ имъ немедленно надѣть пальто. Возвратился я на пароходъ совершенно замерзшій, но благодаря Бога безъ всякихъ послѣдствій для своего здоровья. Смотры въ Рыбинскѣ и Ярославлѣ прошли при хорошей погодѣ.

Риттихъ очень увлекался сооруженной по его указаніямъ складной лодкой. 35-я артиллерійская бригада представилась также хорошо. Несмотря на это, Костанда, осматривавшій спустя двѣ недѣли послѣ меня 35-ю дивизію и найдя ее въ такомъ же прекрасномъ состояніи, отдалъ весьма сухой приказъ изъ нерасположенія къ Риттиху, происходившему отъ того, что противъ Риттиха былъ возстановленъ ге-

нераломъ Гурко самъ военный министръ. Въ свою очередь въ этомъ нерасположеніи къ Риттиху подстрекалъ Костанду и Духовской, который, гоняясь за карьерой, благоговѣйно вторилъ всѣмъ взглядамъ и словамъ Ванновскаго.

Къ веснѣ распространившаяся въ Баку холера перешла въ Астрахань, гдѣ страшно свирѣпствовала, возбудивъ волненіе среди населенія и затѣмъ двигаясь вверхъ по Волгѣ и, произведя безпорядки въ Саратовѣ, пошла къ Нижнему. Здѣсь начинался съѣздъ на ярмарку, собралась масса рабочаго народу, и пошли распространяться разные нелѣпые возбуждающіе слухи на счетъ докторовъ и разныхъ запретительныхъ мѣръ мѣстнаго начальства относительно зелени, сырой воды и пр.

Ко мнѣ явился губернаторъ Барановъ и потребовалъ содѣйствія войскъ къ предупрежденію какихъ-либо волненій среди населенія.

Не ожидая разрѣшенія Костанды, я въ тотъ же день выслалъ баталіонъ на ярмарку, отдалъ въ распоряженіе Баранова, для высылки въ какой-то торговый пунктъ внизъ по Волгѣ, роту, поставилъ въ самомъ Нижнемъ на дежурство двѣ роты съ подчиненіемъ ихъ губернатору, приказалъ въ лагерѣ постоянно быть въ готовности двумъ баталіонамъ на случай требованія ихъ Барановымъ, и самъ остался на всякій случай въ городѣ. Между тѣмъ холера начала усиливаться, но конечно далеко не въ такой степени, какъ напр. въ 1848 году. Барановъ распоряжался энергично, но и здѣсь, какъ и вездѣ, не могъ обойтись безъ шарлатанства и самохвальства; онъ открылъ холерные лазареты на баркахъ, занялъ помѣщенія подъ больныхъ въ предмѣстіяхъ города, выпросилъ у меня большую трехъэтажную казарму, дабы поселить тамъ бѣднѣйшихъ жителей города, переселивъ ихъ изъ грязныхъ вонючихъ лачугъ. Но этимъ дѣло не ограничилось. Давно уже Баранову хотѣлось реставрировать дворецъ, въ которомъ онъ жилъ, но правительство не давало на это денегъ, какъ потому, что въ Нижній весьма рѣдко пріѣзжала царская фамилія, такъ и потому, что убранство и состояніе дворца были еще удовлетворительны. Отправивъ свою семью еще до холеры къ роднымъ, а самъ переселясь въ прекрасное помѣщеніе на ярмаркѣ, Барановъ, несмотря на то, что городъ предлагалъ подъ холерныхъ нѣсколько свободныхъ хорошихъ помѣщеній, въ одну прекрасную ночь перетащилъ человѣкъ сто холерныхъ больныхъ во дворецъ подъ видомъ неимѣнія для нихъ въ городѣ удобныхъ помѣщеній. Хотя государь встрѣтилъ это распоряженіе съ неудовольствіемъ, сказавъ, что Барановъ не имѣлъ никакого права занимать безъ разрѣшенія его дворецъ подъ холерныхъ, тѣмъ не менѣе послѣ холеры было отпущено 40 тыс. руб.

на очистку и реставрировку дворца и мебели, что только и нужно было Баранову.

Еще осенью 1891 г. стали уже ходить слухи о переводѣ 13-го и 17-го корпусовъ къ сторонѣ нашей юго-западной границы, а съ весной 1892 г. этотъ слухъ перешелъ въ совершившійся фактъ. Мой корпусъ приказано было въ октябрѣ мѣсяцѣ передвинуть на новыя квартиры, а въ концѣ августа меня по обыкновенію вызвали въ Москву для замѣны Костанды, уѣхавшаго въ отпускъ. Я отправился со всей семьей и чувствовалъ себя довольно въ хорошемъ состояніи. Наступило 30-ое августа, я сталъ одѣваться, чтобы ѣхать въ соборъ, когда почувствовалъ, что лѣвая моя нога совсѣмъ не дѣйствуетъ. Послали за докторомъ, онъ далъ кое-какія средства, и я, собравъ всѣ силы, съ трудомъ спустился съ лѣстницы и поѣхалъ въ Храмъ Спасителя. Къ счастію, я пріѣхалъ уже къ концу молебна и хотя съ великимъ трудомъ могъ подойти къ митрополиту и къ великому князю, а затѣмъ поцѣловать руку у великой княгини. На грѣхъ мой великій князь вступилъ со мною въ разговоръ, дѣлая замѣчаніе, что, пріѣхавъ въ соборъ, онъ не встрѣтилъ никого изъ военныхъ, которые собрались только во время молебна. Но этимъ мои мученія не кончились. По отъѣздѣ великаго князя меня осадили начальники войскъ, съ разными вопросами по службѣ, и я, облокотясь спиной въ стѣну, долженъ былъ еще 1/4 часа стоять на одной ногѣ и до того истомился, что, выйдя изъ церкви, въ сѣняхъ опустился на первую попавшуюся скамью, гдѣ меня ожидали пріѣхавшія за мной въ церковь дочери. Бывшій мой подчиненный, полковникъ Вытекъ предложилъ мнѣ свой экипажъ, и я кое-какъ дотащился до квартиры.

Прошла недѣля, моя нога не поправлялась, а между тѣмъ долженъ былъ проѣхать черезъ Москву военный министръ, возвращавшійся изъ Варшавскаго округа. Духовской выѣхалъ къ нему навстрѣчу въ Тулу, а я къ часу пріѣзда его прибылъ на станцію Николаевской желѣзной дороги, едва передвигая ноги. Подавъ рапортъ, я кое-какъ добрался за нимъ въ пріемную залу, гдѣ онъ меня тотчасъ же усадилъ, вѣроятно предупрежденный о моей болѣзни Духовскимъ, и поздравилъ съ производствомъ въ полные генералы. Чтобы попасть въ поѣздъ, отходящій въ Петербургъ, нужно было обойти кругомъ платформы, и военный министръ, не желая безпокоить меня, простился со мной на этой сторонѣ, прося не ходить за нимъ, но я все-таки при помощи дочерей перешелъ на другую сторону, чѣмъ министръ остался видимо доволенъ.

Черезъ недѣлю возвратился изъ Петербурга Костанда, я встрѣтилъ его на вокзалѣ съ рапортомъ, и онъ попросилъ меня къ себѣ на квартиру. При свиданіи командующій войсками все время смо-

*

трѣлъ, какъ я хожу, и заявилъ мнѣ, что военный министръ при такомъ состояніи моего здоровья находитъ невозможной службу мою во фронтѣ. Въ свою очередь я отвѣтилъ, что за фронтомъ вовсе не гонюсь и если не подавалъ до сихъ поръ самъ къ отчисленію отъ должности, то лишь изъ свойственной всякому человѣку надежды на выздоровленіе, такъ какъ нога моя нѣсколько уже разъ то улучшалась, то ухудшалась. Костанда на это отвѣчалъ предложеніемъ оставить фронтъ, совѣтуя написать къ нему письмо, и онъ дастъ мнѣ слово о зачисленіи меня въ комитетъ о раненыхъ. Отвѣтивъ, что я сперва переведу корпусъ на новыя квартиры, а затѣмъ, если нога моя не поправится, я самъ безъ всякихъ предложеній буду просить о переводѣ изъ фронта, я простился съ Костандой и въ тотъ же день выѣхалъ обратно въ Нижній.

Пробывъ въ Нижнемъ около мѣсяца и сдѣлавъ всѣ распоряженія по передвиженію корпуса, я направился съ семьей черезъ Москву въ Тулу. При свиданіи съ Костандой онъ вновь сдѣлалъ мнѣ предложеніе написать къ нему объ отчисленіи изъ строя, и я вновь отвѣчалъ, что сдѣлаю это, когда найду необходимымъ. По прибытіи въ Тулу и не видя улучшенія въ здоровьѣ, а также зная, что Костанда къ рожденію императрицы поѣдетъ въ Петербургъ, я послалъ къ нему письмо, въ которомъ, описавъ всю свою службу, просилъ ходатайства о назначеніи меня въ военный совѣтъ. По возвращеніи въ Москву, Костанда увѣдомилъ меня, что военный министръ отговаривается назначить меня въ совѣтъ, по неимѣнію вакансій, и потому совѣтовалъ мнѣ лично обратиться къ министру. Вслѣдствіе такого совѣта я написалъ къ Ванновскому письмо, въ которомъ, вкратцѣ изложивъ всю свою 44-лѣтнюю службу въ предѣлахъ Средней Азіи и Россіи, заявивъ, что я безъ работы не могу существовать, просилъ о назначеніи въ военный совѣтъ. Вслѣдъ за такимъ письмомъ и послѣдовало мое назначеніе въ совѣтъ, въ концѣ ноября мѣсяца, но выѣхать скоро изъ Тулы однако же я не могъ. Зима стояла страшно суровая, а здоровье мое было такъ ненадежно, что я принужденъ былъ остаться въ Тулѣ декабрь и январь мѣсяцы и только въ февралѣ двинулся въ Москву. Въ Москвѣ однако же я задержался еще недѣли на двѣ, какъ потому, что не получалъ долго распоряженія о перевозкѣ меня на казенный счетъ по желѣзной дорогѣ, такъ и вслѣдствіе болѣзни всей моей семьи инфлуэнціей. На этотъ разъ Костанда встрѣтилъ меня очень оффиціально и не отдалъ даже приказа за мою 4-хъ-лѣтнюю службу въ округѣ, что̀ для меня было нѣсколько больно, такъ какъ начиная съ поручичьяго чина, гдѣ я ни служилъ, вездѣ при моемъ отъѣздѣ начальство выражало и словесно и въ приказахъ благодарность за мою служебную дѣятельность. Въ

это время умеръ внезапно въ Хабаровскѣ Корфъ, и я послалъ Духовскому записку съ поздравленіемъ, такъ какъ давно было извѣстно желаніе военнаго министра предоставить это мѣсто Духовскому.

Кстати нѣсколько словъ о Духовскомъ. Сынъ богатаго священника, онъ получилъ кадетское воспитаніе, служилъ въ конно-гренадерскомъ полку, затѣмъ прошелъ двѣ академіи, инженерную и генеральнаго штаба, и, наконецъ, чтобы отряхнуть съ себя поповскую кровь, женился на дочери изъ захудалаго рода князей Голицыныхъ. Безпорно, Духовской былъ человѣкъ очень не глупый, образованный, но въ силу что ли своего происхожденія—искательный и двуличный. Желая во что бы то ни стало выйти въ люди, онъ съ ловкостью дипломата велъ свою службу и, ладя съ Костандой, въ то же время всѣми мѣрами втирался въ милость къ военному министру, чего вполнѣ и достигъ.

Здѣсь будетъ кстати сказать нѣсколько словъ о Костандѣ.

Апостолъ Спиридоновичъ Костанда, родомъ грекъ изъ нашихъ южныхъ губерній, началъ службу въ гвардейской конной артиллеріи и, несмотря на свой маленькій ростъ, отличался весьма красивой наружностью, такъ что въ альманахѣ 40 годовъ „Утренняя Заря“ въ честь его красоты были даже напечатаны стихи. Первое мое знакомство съ нимъ началось въ 1853 году въ Малой Валахіи, гдѣ онъ въ числѣ другихъ гвардейскихъ офицеровъ состоялъ въ отрядѣ графа Анрепа. Какъ теперь помню, при наступленіи нашемъ отъ Боэлешти къ Малдовитѣ, когда выскакали впередъ 4 конныхъ орудія для пораженія отступившихъ баши-бузуковъ, этими орудіями командовалъ Костанда и велъ живую перестрѣлку по непріятелю. Затѣмъ онъ былъ при осадѣ Силистріи и участвовалъ въ неудачной попыткѣ Орлова съ Сельваномъ завладѣть укрѣпленіями Абдулъ-Меджидъ. Здѣсь онъ былъ раненъ. Послѣ кампаніи я потерялъ его изъ виду. Костанда былъ женатъ на дочери бывшаго новгородскаго предводителя дворянства и имѣлъ одного сына, состоявшаго адъютантомъ при Ванновскомъ. Костанда былъ характера очень мягкаго, тихаго, заискивалъ постоянно при дворѣ, а особенно у императрицы, старался жить въ мирѣ съ военнымъ министромъ и легко подпадалъ подъ вліяніе окружавшихъ его лицъ, въ особенности такого ловкаго человѣка, какъ Духовской.

Наконецъ состоялась моя отправка изъ Москвы, и я съ полубольной семьей отправился въ Питеръ, провожаемый старикомъ Макшеевымъ на станцію, а сыномъ его, бывшимъ моимъ адъютантомъ, до самаго Петербурга. По пріѣздѣ сюда мы долго оставались на станціи, пока наконецъ не нашли двухъ свободныхъ нумеровъ въ ближайшей къ вокзалу гостиницѣ „Знаменской“. Началось затѣмъ исканіе квар-

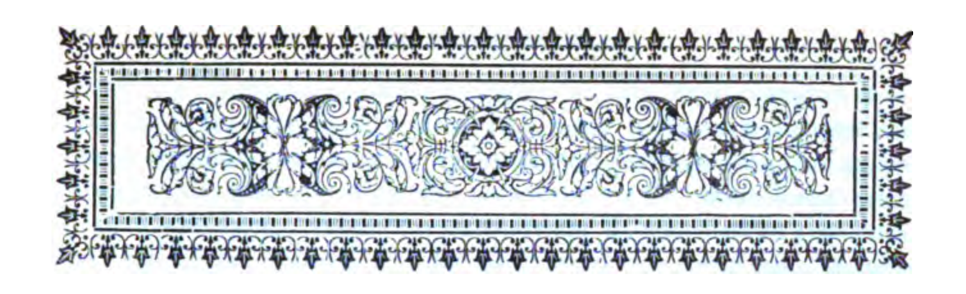
тиры, что̀ было очень трудно, такъ какъ въ это время никто еще изъ города не выѣзжалъ. Наконецъ-то кое-какъ удалось занять сносное помѣщеніе на углу Николаевской и Колокольной улицъ. Собравшись съ силами, я сдѣлалъ визитъ начальнику главнаго штаба и затѣмъ отправился къ министру. Въ пріемной я нашелъ массу представлявшихся и въ томъ числѣ Наз — ва и моего преемника Леонова. Ванновскій встрѣтилъ меня сурово, спросивъ, отчего я такъ долго не ѣхалъ? Я отвѣчалъ, что сначала мнѣ мѣшала слишкомъ суровая погода, а потомъ болѣзнь семьи въ Москвѣ. Этимъ и кончилось наше минутное свиданіе, объяснимое тѣмъ, что въ это время, за болѣзнью многихъ членовъ военнаго совѣта, тамъ съ трудомъ могли составить частное присутствіе. Черезъ нѣсколько дней я сдѣлалъ визиты моимъ сослуживцамъ, начиная съ предсѣдателя частнаго присутствія совѣта Мордвинова и окончивъ старикомъ Глинкою-Мавринымъ; вездѣ я былъ принятъ радушно и вѣжливо, а мнѣ больше ничего и не было нужно.

Въ минуту вступленія моего въ совѣтъ онъ состоялъ изъ слѣдующихъ лицъ, въ чинахъ полныхъ генераловъ за исключеніемъ Черняева, бывшаго генералъ-лейтенантомъ и въ совѣтъ никогда не пріѣзжавшаго. Генералъ-адъютанты: Глинка-Мавринъ, Семека, Волковъ и Мордвиновъ. Полные генералы: Рѣзвой, графъ Сиверсъ, Ганъ, Нотбекъ, Яфимовичъ, Богуславскій, Кармилинъ, Колпаковскій, Аллеръ, Орловскій, Анненковъ, Дандевиль, Эллисъ, при начальникѣ канцеляріи военнаго министерства Лобко.

Изъ числа этихъ лицъ Глинка, Семека и Волковъ были люди уже совсѣмъ преклонныхъ лѣтъ и если вступали въ разсужденія, то кажется болѣе для того, чтобы показать, что они еще не утратили даръ слова. Графъ Сиверсъ вскорѣ по моемъ прибытіи умеръ; болѣе же свѣдущими и дѣльно разсуждавшими оказались бывшіе правители канцеляріи военнаго министра Мордвиновъ и Яфимовичъ. Анненковъ говорилъ нерѣдко, но большею частью вздоръ; остальные же, считая въ томъ числѣ и себя, говорили очень рѣдко и мало. Главнымъ докладчикомъ и ораторомъ былъ правитель канцеляріи министра и профессоръ академіи генеральнаго штаба Лобко. Онъ говорилъ хотя не краснорѣчиво, но съ большимъ знаніемъ дѣла и весьма резонно. Вскорѣ къ нашему числу прибавилось еще два новыхъ члена, генералы Рербергъ и Хлѣбниковъ.

Военный министръ присутствовалъ только въ общихъ собраніяхъ и то не всегда. Онъ говорилъ очень тихо, большею частью соглашался съ доводами Лобко и очень рѣдко дѣйствовалъ самостоятельно; въ послѣднемъ случаѣ никто изъ членовъ не рѣшался возражать противъ его мнѣнія.

За шестьдесятъ лѣтъ.

Воспоминанія Ив. Ив. Венедиктова.

1820—1894.

V [1]).

Исканіе мѣста и пріемы у разныхъ лицъ. -Поступленіе на службу.—Грозный черкесъ.—Львовъ и его арестъ.—Возвращеніе его.—Служба въ Главномъ управленіи путей сообщеній.—Клейнмихель и Паровскій.—Составленіе смѣтъ.—Писарь Леоновъ.—Выгодные ремонты.—Извѣстный въ свое время Эльканъ.

Въ малолѣтнемъ отдѣленіи корпуса была лазаретною классною дамою вдова одного изъ бывшихъ офицеровъ корпуса, и при ней дочь, лѣтъ шести-семи—Наташа.

Когда случалось, что въ бытность мою въ лазаретѣ, меня посѣщала мать, принося гостинцы, то часть ихъ перепадала и Наташѣ, за что ея мать звала меня къ себѣ пить чай и вообще допускала къ себѣ, при чемъ я съ Наташей возились до упаду, и мы жили дружно.

Спустя много времени, я, проходя въ одинъ изъ вечеровъ по улицѣ Ораніенбаума, увидѣлъ въ окнѣ маленькой квартиры, сидящую въ креслахъ старушку, а передъ нею, читающею книгу, прехорошенькую брюнеточку. Заинтересовался узнать, что за новость? По собраннымъ одною изъ всевѣдающихъ старыхъ дѣвъ свѣдѣніямъ, выяснилось, что дѣвушка носитъ фамилію бывшей классной дамы. Зовутъ ее Наташей, и живетъ съ своею бабушкою, очень бѣдною, избравшею Ораніенбаумъ для жительства какъ пунктъ, недалекій отъ Петербурга, гдѣ у нея много родныхъ, а между тѣмъ болѣе дешевый.

---

[1]) См. „Русскую Старину“ сентябрь 1905 г.

Я передалъ этой дѣвѣ мое предполагаемое знакомство съ дѣвочкою еще въ дѣтствѣ, и черезъ нѣсколько дней услыхалъ, что старушкѣ было бы пріятно познакомиться со мною, въ ожиданіи вспомнить своего сына. Я не заставилъ повторять приглашеніе. Явился, вспомнили ребячество. Я предложилъ доставлять книги изъ библіотеки, и знакомство, съ перваго же визита, приняло характеръ короткости.

Со временемъ, какъ мнѣ казалось, старушка начала фантазировать на счетъ нашей будущности и, при моихъ поѣздкахъ въ Петербургъ, давала кое-какія порученія къ ея роднымъ, что̀ доставило мнѣ три-четыре дома знакомыхъ, въ которыхъ принимали меня очень радушно, быть можетъ, подъ вліяніемъ соображеній старушки.

Но не пришлось старушкѣ видѣть исполненіе ея надеждъ. Она скончалась, и Наташа скрылась изъ Ораніенбаума. Только случайно удалось узнать, что ее пріютило дальнее по родству семейство Шредерса.

Около того времени, когда я выходилъ въ отставку, женился мой однополчанинъ и однокашникъ капитанъ Астафьевъ, на дѣвушкѣ изъ достаточнаго семейства, которое, живя въ Петербургѣ, имѣло домъ въ Ораніенбаумѣ. Этотъ домъ былъ предоставленъ въ распоряженіе Астафьева, а онъ, вскорѣ послѣ женитьбы, подалъ тоже въ отставку, въ чаяніи получить на первый разъ хотя мѣсто вице-губернатора. Шансы его на карьеру, конечно, были выше моихъ, какъ по чину, такъ и по денежнымъ средствамъ, но вліятельныхъ знакомыхъ, черезъ которыхъ можно было бы начать поиски мѣста, не было, какъ и у меня тоже, никого.

Предположивъ провести медовое лѣто, ничего не дѣлая, въ Ораніенбаумѣ, Астафьевъ посовѣтовалъ и мнѣ не перебираться въ Петербургъ и пригласилъ поселиться до осени у него.—А тамъ, что Богъ дастъ, станемъ искать службы, помогая другъ другу.

Пустившись однажды прокатиться вдоль берега на лодкѣ, я доѣхалъ до расположенной верстахъ въ двухъ отъ города, еще не составлявшей дачнаго пункта, деревни Мартышкиной. Намѣреваясь вернуться пѣшкомъ, вышелъ на дорогу и увидѣлъ гуляющее семейство—видимо, мужъ съ женою, малолѣтняя дочка и, къ величайшему изумленію, съ ними Наташа. Нескрытая обоюдная радость нашей встрѣчи не ускользнула отъ вниманія бывшаго съ Наташею семейства, именно Шредерса, которому, вѣроятно, приходилось слыхать и мою фамилію и родственныя предположенія и виды на меня.

Когда я сталъ откланиваться у входа на дачу, меня пригласили провести конецъ дня вмѣстѣ, а при прощаніи просили заходить безъ церемоніи.

Съ первыхъ же посѣщеній, разговоръ сталъ переходить на мои служебныя предположенія. Я не скрывалъ своихъ затрудненій и сразу убѣдился въ готовности Шредерса принять во мнѣ участіе.—Есть, говорилъ онъ, въ числѣ нашихъ хорошихъ знакомыхъ, домъ князя Кугушева, куда мы ѣздимъ по воскресеніямъ, чтобы дать случай потанцевать Наташѣ.—Собирается много молодежи, но бываютъ и большіе старички: членъ совѣта при министрѣ внутреннихъ дѣлъ Переверзевъ, директоръ департамента полиціи исполнительной — Оржевскій, товарищъ управляющаго дѣлами комитета министровъ—Брокъ и нѣсколько другихъ вліятельныхъ особъ, которыя могли бы быть полезны при моихъ поискахъ службы. Вотъ, кабы мнѣ удалось втянуть васъ туда, хотя бы для начала!

Эти разговоры заинтересовали и Астафьева, почему и онъ пожелалъ познакомиться съ Шредерсомъ. Мнѣ удалось ихъ свести. Затѣмъ Шредерса стали принимать съ почетомъ, съ хорошими обѣдами, устраивались прогулки, и къ концу лѣта Шредерсъ и Астафьевъ ыли уже пріятелями, но Астафьевъ, въ виду моего посредничества и на будущее время, взялъ съ меня слово и въ Петербургѣ пожить у него, покуда выяснится что-нибудь со стороны Шредерса.

Я же, тѣмъ временемъ, не сидѣлъ, сложа руки и, тяготясь своимъ положеніемъ, готовъ былъ сунуться всюду, куда направятъ добрые люди, указывая на свободное мѣсто, при чемъ меня все еще не оставляла вѣра въ престижъ гвардейскаго офицера.—Нужно только узнать, гдѣ есть мѣсто, думалъ я, и возьмутъ непремѣнно.

Сказали, что очистилась вакансія у генерала Лихардова, въ Петергофскомъ дворцовомъ правленіи. Ѣду, представляюсь и прошу дозволить занять освободившееся мѣсто.

Мнѣ даютъ дѣло и, сказавъ, что изъ него вышитъ докладъ Лихардова къ начальству, предлагаютъ написать такой, ознакомившись съ дѣломъ.

Просидѣлъ всю ночь. Написалъ и отдалъ. На утро, генералъ объявилъ, что докладъ написанъ, въ литературномъ отношеніи, прекрасно, но видно, что я еще не усвоилъ себѣ гражданскаго слога и потому дать просимаго мною мѣста не можетъ. Первый блинъ.

Узнаю, что гр. Кушелевъ-Безбородко, по званію гофмейстера вновь формируемаго двора наслѣдника цесаревича, собираетъ нужныхъ чиновниковъ, — иду. Мраморы, ковры, зимній садъ и самъ графъ. Принимаетъ и выслушиваетъ несказанно любезно. Проситъ садиться и, подавая изъ бумажника записную книжку, предлагаетъ записать мой адресъ.—Не безпокойтесь, говоритъ, заходить.—Очень радъ.—Вѣроятно, даже на дняхъ вы получите окончательное увѣдомленіе о мѣстѣ, какое вамъ будетъ предоставлено. Жду до сихъ поръ.

Секретарь дворцоваго конюшеннаго управленія порекомендовалъ мнѣ пойти къ оберъ-шталмейстеру, барону Фридриксу просить открывшееся мѣсто. Пошелъ и сюда. Невысокая, подвижная, надменная фигура спрашиваетъ—гдѣ служилъ?—Отвѣчаю, въ гвардіи.—Кто васъ можетъ рекомендовать?—Говорю, моя прежняя служба.—Я съ вѣтру брать не могу. Такъ меня озадачилъ этотъ отвѣтъ, что я вылетѣлъ какъ бомба, хлопнувъ даже дверью.—Вотъ тебѣ и гвардія.— Оставался одинъ Шредерсъ.

Мы переѣхали въ Петербургъ, — тутъ удалось подмѣтить, что Шредерсъ считалъ бы лучшею мѣрою для знакомства Астафьева съ полезными лицами — это устроить для нихъ у себя хорошій обѣдъ, на который пригласить ихъ и Астафьева, но собственныя средства мѣшаютъ такой дорогой затѣѣ.

Астафьевъ уполномочилъ Шредерса расходовать сколько угодно, только бы свести съ лицами, которыя, по мнѣнію его, могутъ пригодиться. Обѣдъ состоялся Лукулловскій и, черезъ нѣсколько дней, Кугушевъ, Переверзевъ, Оржевскій и Брокъ засѣдали уже за роскошнымъ обѣдомъ у насъ, т. е. у Астафьева, вслѣдствіе котораго и я, какъ молодой, получилъ доступъ въ домъ князя Кугушева, иногда потанцовать, при томъ еще съ знакомыми, прибавилъ онъ, плутовски улыбаясь.

Теперь, сказалъ Шредерсъ, нужно только вызвать расположеніе княгини Анны Степановны, тогда будетъ дѣло въ шляпѣ. Анна Степановна оказалась добрѣйшею особою, и, узнавъ мои стремленія, вскорѣ же обратилась къ Оржевскому съ просьбою дать мнѣ мѣсто. Жалко, отвѣтилъ мнѣ, что не сказали ранѣе. Было мѣсто, а теперь не знаю, но возьму съ удовольствіемъ, только, въ виду неопытности вашей, прошу умѣрить гвардейское самолюбіе и начать службу съ азбуки, а, слѣдовательно, и съ небольшаго жалованья. Приходите завтра въ департаментъ часовъ въ одиннадцать.

Перекрестился, входя въ пріемную. Сидятъ и стоятъ много. Вошелъ какой-то толстенькій человѣкъ. Всѣ встали. Это былъ правитель канцеляріи. Подошли и ко мнѣ съ короткимъ вопросомъ: что нужно? Говорю, видѣть Василья Владиміровича. Зачѣмъ? Онъ велѣлъ мнѣ придти сюда. Значитъ, вы уже безпокоили его превосходительство—гдѣ? Мы встрѣчаемся въ. домѣ общихъ знакомыхъ. Тонъ перемѣнился сразу. Подождите, онъ скоро будетъ. Дѣйствительно, вскорѣ вбѣжалъ курьеръ съ большущимъ портфелемъ. Въ сосѣднихъ залахъ пронесся шорохъ, чиханіе, сморканіе, движеніе стульевъ. Очевидно, все готовилось къ встрѣчѣ. Вошелъ и самъ. Поздоровался со мною и предложилъ подождать. Отворились двери въ невиданное мною никогда присутствіе — столы, столы и столы, а за столами чиновники,

безъ счету. За столомъ прямо передъ дверью сидитъ суровый господинъ, склонившись надъ бумагами, а по бокамъ бумагъ огромныя кучи пучковъ розокъ, и на каждомъ пучкѣ ярлыкъ съ печатью. Это были образцовыя розги для административныхъ наказаній.

Оржевскій позвалъ меня въ кабинетъ и спросилъ: согласенъ ли я взять имѣющееся единственное мѣсто помощника столоначальника съ содержаніемъ 570 рублей? Скажу по правдѣ, очень обрадовался, хотя и старался не показать этого. Отвели меня, раба Божьяго, въ отдаленную комнату и отрекомендовали столоначальнику арестантскихъ дѣлъ. Невзрачный, засаленный. Садитесь, говоритъ. Гдѣ вы служили? Въ гвардіи. Гмъ, значитъ, по нашей части знаете немного. Ничего, говорю, не знаю. Ну, такъ начинайте сначала. Вотъ вамъ вновь поступившія бумаги. Заводите по нимъ дѣла. Я и глаза вытаращилъ, не понимая такого техническаго термина. Добрые люди подсказали, что нужно взять особо установленный большой листъ бумаги, предназначенный для обложекъ, на которомъ напечатано большими буквами—дѣло. Сложить его особымъ манеромъ, такъ, чтобы на сгибѣ образовалась во внутрь листа большая складка, для пришиванія къ ней бумагъ. Потомъ вложить листъ для оглавленія и, наконецъ, написать на обложкѣ, кратко, предметъ первой бумаги. Это я понялъ, и, забравъ домой кучу большихъ листовъ, на другой день завелъ нѣсколько десятковъ дѣлъ, по оказавшимся въ наличности бумагамъ. Усердіе мое такъ понравилось столоначальнику, что тутъ же выяснилось его намѣреніе поналечь на меня и, при томъ, въ очень начальственной формѣ. Что дѣлать, — взялся за гужъ. Но, вотъ, черезъ дня три-четыре, подошелъ ко мнѣ Оржевскій. Спросилъ, какъ нравится служба, и прибавилъ: ну, не скучайте, вечеромъ, конечно, увидимся.

Этого было очень достаточно. На другой день, тотъ же столоначальникъ уже заботился, какъ бы посадить меня поудобнѣе, да и сослуживцы, не только по столу, стали спрашивать о здоровьѣ. Вообще, совершилась пріятная перемѣна, а вскорѣ пришелъ экзекуторъ и, объявивъ о моемъ зачисленіи на службу, вѣжливо пригласилъ меня получить, слѣдовавшія за мѣсяцъ впередъ, столовыя деньги. Пріятно вспомнить, съ какою радостью опустилъ я въ карманъ эти первыя осьмнадцать рублей. И теперь душа радуется. Деньги деньгами, и онѣ были для меня цѣнны, а, главное, я почувствовалъ подъ собою почву. Поступилъ на службу и, радостно направляясь домой, задавалъ себѣ вопросъ: а что бы было, если бы на моемъ жизненномъ пути не было Наташи? — Судьба, великое дѣло!

На полученныя деньги я чуть не покупалъ уже себѣ каменный домъ. Такъ разыгралась фантазія, но, и въ дѣйствительности, въ

предвидѣніи получить въ концѣ мѣсяца жалованье, тотчасъ началъ пріискивать квартиру для самостоятельной жизни. Нашелъ хорошую комнату, отъ жильцовъ—небольшое семейство, мужъ и жена,—поселился мирно и почувствовалъ себя прекрасно. Возвратясь черезъ нѣсколько дней домой, увидѣлъ, какъ новаго члена семейства, молоденькую сестру квартирной хозяйки, которая вскорѣ обратилась ко мнѣ съ просьбой: не могу ли я уступить на одинъ вечеръ свою комнату для предполагаемаго, въ финансовыхъ видахъ, танцовальнаго вечера? Не зная, что это такое и предполагая новость интересною, я согласился. Затѣмъ послѣдовала новая просьба: нѣтъ ли у меня знакомыхъ кавалеровъ, которые пожаловали бы повеселиться. За входъ одинъ рубль съ чашкою шоколада. Согласился и на это; уговорилъ придти нѣсколькихъ знакомыхъ офицеровъ. Въ назначенный день, въ комнатахъ хозяевъ стали прибивать къ стѣнамъ бра со свѣчами. На окна навѣсили драпировки и, когда все освѣтили, оказалось что-то весьма приличное. Учредительница вечера, недурненькая собою, вышла декольтированная, одѣта очень опрятно, въ перчаткахъ съ кисъ-кисъ. Первыми стали появляться дамы, тоже паре, въ цвѣтныхъ башмакахъ и съ цвѣтами. Я просто недоумѣвалъ, какъ понимать все это и, въ особенности, какъ держать себя съ этими посѣтительницами. Вскорѣ разговорились до короткости. Оказался народъ все безъ претензій, и я же получилъ первое приглашеніе на танцы и отъ всѣхъ на первую кадриль. Потомъ стали появляться кавалеры и, въ числѣ первыхъ, два черкеса, въ красномъ, парадномъ нарядѣ, изъ чего я заключилъ, что эти вѣроятные посѣтители многихъ такихъ вечеровъ желаютъ настоящему вечеру выразить особое уваженіе, какъ исключительно приличному, но ошибся.

Сидѣлъ я на диванѣ, за круглымъ столомъ, около котораго размѣстился цѣлый цвѣтникъ милыхъ и ароматныхъ созданій, узнавшихъ уже, что меня зовутъ Иваномъ Ивановичемъ. Подошелъ къ намъ черкесъ во всеоружіи, съ кинжаломъ, и, вообще, нарядный и страшный.—Будишь со мною, баришня, танцывать первую кадриль? обратился онъ съ вопросомъ къ ближайшей къ нему особѣ.—Я уже танцую, отвѣтила та.—Съ кѣмъ?—Съ Иваномъ Ивановичемъ.—А ты, баришня, обратился онъ къ другой. Отвѣтъ тотъ же. Третья тоже. Четвертая тоже. Черкесъ началъ свирѣпѣть. Какой тутъ чортъ Иванъ Иванычъ! Первую, которая со мною не пойдетъ танцовать, буду бить въ морда. Вы меня знаете!

Вижу, дѣло не ладно. Выбрался я изъ своего цвѣтника. Подождалъ въ укромномъ уголкѣ большинство многихъ мною приглашенныхъ и, передавъ имъ послѣднюю сцену, счелъ за лучшее убраться вмѣстѣ съ ними, по-добру по-здорову, подалѣе; и, выйдя всѣмъ кага-

ломъ, я рѣшился ночевать внѣ дома. Все-таки познакомился съ однимъ, новымъ для меня видомъ трущобъ петербургскихъ; но въ то же время, тутъ же рѣшилъ пріискивать другую квартиру, чтобы избѣжать въ другой разъ приглашеній на первую кадриль.

Въ числѣ вышедшихъ со мною съ этого вечера былъ мой однокашникъ, лейбъ-егерскаго полка штабсъ-капитанъ Львовъ, который, услыхавъ мое намѣреніе перемѣнить квартиру, пригласилъ меня на сожительство съ нимъ. Я обрадовался этому предложенію, какъ потому, что мнѣ представлялась возможность платить за квартиру дешевле, такъ, и въ особенности, потому, что неиспытанная мною до этого времени жизнь въ одиночествѣ, въ самое короткое время, стала для меня невыносимою. Я вскорѣ переѣхалъ. Оказалась всего одна комната, перегороженная ширмами, за которыми спалъ Львовъ, а передъ ширмами я. Зналъ я Львова, какъ сына адъютанта нашего корпуса, когда онъ бѣгалъ еще въ гусарской курточкѣ, и провелъ съ нимъ въ корпусѣ болѣе семи лѣтъ, но не видѣлъ въ немъ ничего другаго, какъ славнаго товарища и разумнаго малаго, предавшагося любимому имъ предмету—химіи, что̀ дало ему право быть преподавателемъ въ Павловскомъ кадетскомъ корпусѣ. Но, при совмѣстной жизни, сталъ замѣчать въ немъ какую-то отъ меня скрытность, одностороннее направленіе, не къ дѣлу химіи и, какъ любимый предметъ разговоровъ съ посѣщавшими его, большею частью мнѣ неизвѣстными лицами, — разговоры, ощутительно стѣсняемые моимъ присутствіемъ. Уяснивъ себѣ суть направленія Львова, я по-товарищески и шутя сталъ повторять свое мнѣніе, что лучше бы этихъ пріятелей по боку. Вѣдь молодо, зелено. Пожалуй, высѣкутъ. Вскорѣ же узналъ, что пятница такой день, который Львовъ считаетъ обязательнымъ проводить у какого-то Петрашевскаго, гдѣ и встрѣчается со многими спеціальными знакомыми.

Въ числѣ немногихъ, которые заходили собственно ко мнѣ, былъ давній мой знакомый Зиминъ. Онъ какъ-то передалъ мнѣ, что въ городѣ ходятъ слухи о какомъ-то обществѣ, которое собирается въ Коломнѣ у Петрашевскаго, и что эти сходки добромъ не кончатся. Я передалъ это Львову.

Если за обществомъ слѣдятъ, то, конечно, знаютъ уже и лицъ, которыя сходятся у Петрашевскаго, почему я не счелъ нужнымъ скрывать мои опасенія за Львова; послѣ чего у насъ завязались совѣщанія, какъ бы отвлечь Львова, хотя отъ соблюденія пятницъ, вслѣдствіе чего, Зиминъ скоро зашелъ къ намъ, съ приглашеніемъ прибыть въ первую пятницу къ нему провести вечеръ, поиграть и поужинать. Жилъ Зиминъ на углу Морской и Вознесенскаго проспекта, нанимая комнаты у г-жи Бремме, имѣвшей нѣсколькихъ такихъ жильцовъ. Мы

пришли, поболтали, поиграли, а, когда стали собирать ужинъ, Львовъ взялся за фуражку, объявивъ, что долѣе оставаться не можетъ. Погода была ужасающая. Я, послѣ усиленныхъ уговоровъ Львова измѣнить намѣреніе, сказалъ, что если онъ идетъ домой, то и я съ нимъ, а если не домой, то останусь ночевать у Зимина. Онъ уѣхалъ, а я остался.

По утру, часу въ шестомъ, вошелъ лакей, видимо по какому-то дѣлу. Поговорилъ съ Зиминымъ и ушелъ. Зиминъ взволновался и объявилъ, что дѣло дрянь. Ночью у Бремме были жандармы, арестовали Достоевскаго и, какъ узналъ дворникъ, всю ночь ѣздили по городу кареты и забрали многихъ.

Понятно, я побѣжалъ немедленно домой. Спрашиваю у дворника— все у насъ благополучно. Ничего, говоритъ, слава Богу. Иду къ себѣ. Отворяетъ дверь денщикъ Львова—физіономія не въ порядкѣ... Дома Ѳедоръ? Давно ушли. Ушелъ? ушли. Куда? не знаю. Ну, да говори толкомъ, что случилось? Только что, говоритъ, Ѳедоръ Николаевичъ вернулись домой, поздненько, и легли спать, какъ прибѣжалъ изъ московскихъ казармъ солдатъ сказать, что ночью жандармы взяли поручика Монбелли. Ѳедоръ Николаевичъ вскочилъ и сталъ разбирать бумаги. Собравъ кучу, приказалъ мнѣ гдѣ-нибудь ихъ сжечь. Вспомнивъ, что внизу топится прачешная, я бросился туда и бумаги сжегъ. Когда вернулся, Ѳедоръ Николаевичъ былъ уже одѣтъ и тотчасъ ушелъ.

Чувствуя, что каша заварилась, и недоумѣвая, какъ она миновала Львова, я вспомнилъ, что въ томъ же полку есть еще другой Львовъ и, желая успокоить себя, послалъ денщика въ казармы, приказавъ провѣдать съ чернаго крыльца, дома ли онъ. Денщикъ вернулся съ печальнымъ извѣстіемъ, что этого Львова ночью взяли. Недоразумѣніе и ошибка стали очевидными.

Послѣдствія этой ошибки и публичное извиненіе императора Николая передъ Львовымъ, взятымъ по недоразумѣнію, были описаны по разнымъ случаямъ во многихъ журналахъ, почему я не повторяю здѣсь этого инцидента.

Когда Львовъ вернулся домой, я ему совѣтовалъ надѣть мундиръ и ѣхать прямо къ Ростовцеву, благоволившему къ семейству Львова и любившему его самаго съ малолѣтства, и высказать откровенно, что сообразивъ огласившіяся имена арестованныхъ съ Петрашевскимъ во главѣ, думать можно, что арестованы лица, собиравшіяся у Петрашевскаго, а такъ какъ къ числу ихъ принадлежалъ онъ, Ѳедоръ Львовъ, тогда какъ арестованъ его однофамилецъ, никогда не бывавшій у Петрашевскаго, то спѣшитъ выдать себя, чтобы охранить отъ непріятностей своего товарища. При такомъ совѣтѣ, я имѣлъ въ виду, кромѣ добраго дѣла, что такое признаніе будетъ принято какъ смягчающее

вину обстоятельство. Но Львовъ отклонилъ мое предложеніе и, какъ оказалось потомъ, сдѣлалъ худо. Когда открылась коммиссія и былъ введенъ арестованный Львовъ, то Ростовцевъ сказалъ громко — ну, вотъ, я говорилъ, что не можетъ быть мой. Эта, поспѣшно высказанная и оказавшаяся ошибочною, увѣренность, конечно, лишила Львова того болѣе теплаго отношенія, на какое онъ могъ разсчитывать со стороны вліятельнаго Ростовцева.

Въ то же утро къ намъ пріѣхалъ одинъ изъ не близкихъ родственниковъ Львова, человѣкъ состоятельный, и, не стѣсняясь моимъ присутствіемъ, сказалъ Львову, что собравъ все, что можно было найти дома,—около полутора тысячи рублей, онъ предлагаетъ это взять и до вечера убраться, а потомъ, что Богъ дастъ.—На первыхъ порахъ поможемъ, а потомъ самъ устроишься; но Львовъ, отблагодаривъ дружескимъ поцѣлуемъ за это предложеніе, отъ него отказался.

Началось тяжелое время ожиданій, что будетъ. Прошло около недѣли. Наконецъ, какъ то, подъ утро, меня что-то разбудило. Открываю глаза — въ дверяхъ стоитъ денщикъ, въ одномъ бѣльѣ, и входятъ двое военныхъ. Когда очнулся, узналъ въ одномъ изъ нихъ директора Павловскаго кадетскаго корпуса — Языкова; а въ другомъ, извѣстнаго всѣмъ по подвязанной рукѣ, жандармскаго полковника Васильева. Денщикъ бросился за ширмы и вышелъ сопровождаемый Львовымъ, успѣвшимъ накинуть халатъ.

— Мнѣ поручено, обращаясь къ Львову, началъ Васильевъ, пригласить васъ отправиться со мною въ особую коммиссію, которая ожидаетъ получить отъ васъ кое-какія свѣдѣнія; при этомъ я обязанъ осмотрѣть и взять, какія могутъ касаться дѣла бумаги. Такъ какъ въ числѣ вашихъ бумагъ могутъ быть и такія, которымъ вы не желали бы придавать гласности, то я предоставляю вамъ время взять ваши бумаги за ширмы, пересмотрѣть и отдать мнѣ только безвредныя для васъ. Даже въ такую тяжелую минуту, Львовъ выразилъ благодарность за эту любезность съ нескрываемою улыбкою, вѣроятно, подумавъ—такъ ли бы ты, милый человѣкъ, дѣйствовалъ, если бы пріѣхалъ недѣлею ранѣе! Возьмите, что найдете нужнымъ, отвѣчалъ Львовъ, открывая ящики письменнаго стола. Васильевъ сложилъ все въ одинъ ящикъ. Перевязалъ бичевкою и приложилъ печать. Потомъ посовѣтовалъ одѣться и взять мундиръ, прибавивъ, что всѣ эти непріятности, вѣроятно, разъяснятся въ самомъ непродолжительномъ времени. Затѣмъ мы простились, и Львова увезли. Ухъ, какъ стало грустно. Если бы вынесли тѣло, кажется, было бы легче. И теперь вспомнить скверно.

Черезъ нѣсколько времени стали ходить слухи, что Набоковъ, комендантъ крѣпости, относится къ заключеннымъ съ отеческимъ состраданіемъ, а затѣмъ я получилъ отъ Львова записку съ увѣдом-

леніемъ о данномъ ему разрѣшеніи получить нѣкоторыя книги, преимущественно, по части химіи. Я отправилъ, и все на долго замолкло.

Много времени спустя, вбѣжалъ, рано утромъ, денщикъ, въ слезахъ, успѣвъ только выговорить... Ѳедора Николаевича везутъ на Семеновскій плацъ разстрѣливать, и скрылся... Я очумѣлъ, но ѣхать туда не хватило мужества. Вскорѣ обозначилось, что Львовъ, въ числѣ первыхъ, кажется, пятерыхъ, былъ приговоренъ къ лишенію жизни, но когда эти лица были приведены къ столбамъ, для разстрѣливанія, подскакалъ стоявшій вдали фельдъегерь съ объявленіемъ замѣны смертной казни каторжными работами на двѣнадцать лѣтъ.

Въ концѣ шестидесятыхъ годовъ, нежданно, недуманно, Львовъ прибылъ ко мнѣ. Встрѣтивъ его радостно, у меня не достало духу, не только при этомъ свиданіи, но и потомъ, удовлетворять свое любопытство разспросами о прожитой жизни, тѣмъ болѣе, что это былъ уже не прежній Львовъ. Строгій въ сужденіяхъ, рѣзкій въ приговорахъ и при томъ замкнутый и не словоохотливый. Все-таки удалось узнать, что каторгу, въ томъ видѣ физическихъ страданій, въ какомъ она представляется обыкновенно, Львовъ не испыталъ. Въ мертвомъ домѣ не былъ. По прибытіи на мѣсто былъ назначенъ къ огороду. Потомъ прилѣпился къ аптекѣ. Далѣе, ген.-губерн. Муравьевъ причислилъ его сначала къ своей канцеляріи въ какомъ-то мудреномъ званіи, а потомъ—къ пробирному управленію.

Между тѣмъ, добрые люди не дремали и вызвали сочувствіе, знавшаго отца Львова, петербургскаго ген.-губерн. свѣтлѣйшаго князя Суворова. Львову удалось получить разрѣшеніе на отпускъ въ Рязань, но онъ рискнулъ направить свой путь черезъ Петербургъ, гдѣ и явился прямо къ Суворову. Добрѣйшій князь причислилъ его немедля къ своей канцеляріи, чѣмъ вызвалъ страшную противъ себя бурю со стороны шефа жандармовъ; но вынеся множество непріятностей и нахлобучекъ, какъ самъ выражался, отстоялъ за Львовымъ право остаться въ Петербургѣ. Тутъ его взялъ подъ свое покровительство предсѣдатель русскаго техническаго общества Петръ Аркадіевичъ Кочубей, повліявшій на избраніе Львова секретаремъ общества. Ко времени открытія Петровской выставки въ Москвѣ, Львову были возвращены его права, а за участіе въ этой выставкѣ даже дали орденъ. На столько почетно Львовъ оправдалъ рекомендацію Кочубея и выборъ общества, что, будучи поставленъ въ необходимость оставить мѣсто по надломленному здоровью, получилъ пенсію отъ правительства и особо отъ общества, а когда умеръ, то въ числѣ собравшихся въ скромную квартирку на выносъ тѣла, прибылъ, какъ однокашникъ, военный министръ, генералъ-адъютантъ Ванновскій, а на могилѣ Львова поставленъ памятникъ его почитателями и такъ

самая тѣнь политической ошибки Львова была совершенно смыта. Хорошій былъ человѣкъ—миръ праху твоему, многострадальный товарищъ!

Когда, послѣ арестованія Львова, аресты стали продолжаться, тогда, по правдѣ сказать, вструхнулъ и я, въ особенности, когда ко мнѣ пришелъ человѣкъ профессора технологіи Витта сказать, что и его барина взяли. У Витта собирались, по вторникамъ, многіе. Въ томъ числѣ бывалъ и я.—Ну, думаю, долго ли до бѣды!—Вотъ тебѣ и служба.—Не отдай я своей комнаты хозяйкѣ, не встрѣться я съ азіатомъ... Не переѣхалъ бы я къ Львову и ничего бы не было; а тутъ еще стала наклевываться возможность получить новое лучшее мѣсто. Однокашникъ мой, адъютантъ гр. Клейнмихеля, сказавъ мнѣ, что въ департаментѣ искусственныхъ дѣлъ, у генерала Рерберга открывается мѣсто правителя канцеляріи, попробуй, говоритъ, „хвати письмо прямо на имя графа. Онъ это любитъ. Начни непремѣнно: сіятельнѣйшій графъ! а потомъ всякаго гарниру побольше, да послаще. Въ этомъ не стѣсняйся. Письмо будетъ передано Ивану Дороѳеевичу, и, если онъ захочетъ, въ чемъ я не сомнѣваюсь, выбрать удобную минуту, то дѣло, пожалуй, и выгоритъ, а если и нѣтъ, то не высѣкутъ".

Иванъ Дороѳеевичъ Ивановъ, выслужившійся изъ писарей, былъ ближайшимъ лицомъ при графѣ и считался на столько нужнымъ и вліятельнымъ, что, какъ я самъ видѣлъ въ свѣтлый праздникъ, начальники округовъ, генералы, сдѣлавъ визитъ графу, направлялись въ подвальную квартиру, принести поздравленіе Иванову.

Письмо мною было написано, и черезъ нѣсколько дней получена отъ Иванова записка къ моему товарищу съ увѣдомленіемъ, что графъ назначилъ просителю явиться въ четвергъ, въ 11 часовъ, къ чему было прибавлено, что въ римской исторіи всякія чудеса бывали; почему же они и у насъ невозможны!

Опытные люди, которымъ я счелъ возможнымъ сообщить это дѣло, осуждали выбранный мною способъ, предсказывая, что если графъ и согласится, то все же мнѣ будетъ скверно, такъ какъ Рербергъ можетъ имѣть въ виду уже пріисканное лицо и не проститъ мнѣ мою назойливость. Но думать объ этомъ было уже поздно. Нужно являться.

Войдя со страхомъ въ залу, я встрѣтилъ генерала Энгельгардта, директора института путей сообщенія, бывшаго въ нашемъ полку моимъ батальоннымъ командиромъ, и тутъ полковника Гогеля, инспектора того же института, тоже своего однополчанина и бывшаго ротнаго командира. Разсказавъ имъ, по какому поводу явился, передалъ также и свои опасенія на счетъ отношеній Рерберга.—Этого не бой-

тесь, заговорили оба. Дѣти Рерберга у насъ въ институтѣ. Только бы согласился графъ, а остальное мы уладимъ.

Стоявшій у запертой двери курьеръ многозначительно оправился. Все смолкло, и вышелъ графъ. Я сказалъ свою фамилію съ наинижайшимъ поклономъ.—Гдѣ служили? спросилъ меня.—Началъ службу лейбъ-гвардіи въ Волынскомъ полку. Зная, что Энгельгардтъ и Гогель служили тамъ же, графъ, вопросительно обернулся къ нимъ. Спасибо, добрые люди и сослуживцы, въ одинъ голосъ, разразились въ самыхъ лестныхъ отзывахъ.—Я васъ принимаю, сказалъ графъ. Явитесь къ Рербергу. Я счелъ нужнымъ обождать въ дальней пріемной Энгельгардта и Гогеля, чтобы поблагодарить за рекомендацію, при чемъ Гогель сказалъ, что вечеромъ съѣздитъ къ Рербергу, посовѣтовавъ мнѣ, не откладывая, явиться къ нему завтра же.

Рербергъ принялъ меня чрезвычайно ласково и, высказавъ свое уваженіе къ волѣ графа, прибавилъ, что ему не хотѣлось бы упустить меня изъ среды своихъ сослуживцевъ; а такъ какъ время выхода правителя канцеляріи еще не извѣстно, а между тѣмъ есть свободное мѣсто столоначальника, то онъ предлагаетъ мнѣ занять это мѣсто, что̀ можетъ дать мнѣ возможность покуда ознакомиться съ дѣлами управленія. Я съ радостью согласился и черезъ двѣ недѣли былъ уже въ синемъ вицъ-мундирѣ, съ жалованіемъ 750 руб.

Не встрѣться я у Клейнмихеля съ своими бывшими сослуживцами, могло и ничего не быть. Ну, какъ не признать силы судьбы!

Перейдя въ новое мѣсто службы, у меня, какъ и у большинства чиновниковъ, не совсѣмъ прервались отношенія къ лицамъ предъидущей службы, и я продолжалъ интересоваться тѣмъ, что тамъ дѣлалось. И вотъ, спустя достаточное время, до меня дошелъ такой анекдотическій случай. Въ управленіе министерствомъ внутреннихъ дѣлъ вступилъ Бибиковъ. Въ департаментѣ духовныхъ дѣлъ иностранныхъ исповѣданій былъ вице-директоромъ гр. Дмитрій Андреевичъ Толстой, впослѣдствіи зять Бибикова. Въ одинъ изъ докладныхъ дней, вошелъ къ Бибикову съ бумагами, въ присутствіи Толстаго, начальникъ отдѣленія—Киндеревъ, при томъ съ кучею бумагъ. Что такъ много? спросилъ Бибиковъ. Да большею частью пустяки, вашо выс-во, отвѣтилъ Киндеревъ своимъ малороссійскимъ акцентомъ—много выговоровъ губернаторамъ. Какъ вы смѣете называть это пустяками и писать выговоры губернаторамъ, вспылилъ Бибиковъ, когда это только Сенатъ можетъ дѣлать. А у насъ это завсегда дѣлалось, ваше выс-во. Ну, ужъ извините, я съ такими порядками служить не могу. Давайте, что есть еще, и знайте, что вы рекомендовали себя худо. По окончаніи подписи, Бибиковъ оттолкнулъ бумаги и показалъ Киндереву на дверь.

Гр. Толстой, стѣсняясь происшедшей сценой, пожалѣлъ старика Киндерева и въ предположеніи, что она можетъ не только подѣйствовать на него тяжко, но и можетъ вызвать опасеніе оставаться на службѣ, поспѣшилъ поѣхать къ Киндереву съ успокоивающимъ визитомъ.

Застаетъ Киндерева въ халатѣ, за обѣдомъ, преблагодушно уплетающимъ видимо вкусныя яства. Оба сконфузились.

— Я поспѣшилъ, началъ гр. Толстой, побывать у васъ, дабы смягчить впечатлѣніе, конечно, непріятнаго для васъ случая, и опасаясь, чтобы вы не приняли высказаннаго министромъ неодобренія вашихъ дѣйствій за указаніе уступить ваше мѣсто другому, то есть, чтобы вы оставили службу.—Напрасно безпокоились, ваше сіятельство, самымъ добродушнымъ тономъ отвѣчалъ Киндеревъ. Пять министровъ меня гоняли... Сами ушли, а я все сижу. И шестаго пересижу. И, дѣйствительно, пересидѣлъ.

Мѣсяца черезъ два по поступленіи на новую службу, мнѣ сказали, что правитель канцеляріи, наконецъ, подалъ прошеніе объ увольненіи, а Рербергъ молчитъ. Рискнулъ я напомнить о себѣ самъ. Вы, говоритъ, любезнѣйшій, зарекомендовали себя отлично; но между директоромъ и правителемъ канцеляріи часто встрѣчаются такія обстоятельства, разрѣшеніе которыхъ возможно только при самыхъ интимныхъ отношеніяхъ между этими лицами, а такъ какъ, по краткому времени нашего знакомства, такія отношенія между вами и мною установиться еще не успѣли, то я предпочелъ обѣщать открывающуюся вакансію одному изъ моихъ давнихъ сослуживцевъ. И такъ, я вышелъ съ носомъ. Что было дѣлать?—Оставалось довольствоваться настоящимъ. Это бы еще ничего, но было худо то, что мѣста слѣдующей степени могли занимать только инженеры, почему мнѣ предстояло — или умереть столоначальникомъ, или не упускать случая для перехода въ другое вѣдомство, что̀ я, конечно, и принялъ къ свѣдѣнію и руководству.

Тѣмъ временемъ меня стало интересовать мѣсто моего служенія, не по существу работъ, собственно мнѣ доставшихся, а непрерывнымъ рядомъ инцидентовъ въ управленіи вообще. Вотъ нѣкоторые изъ нихъ, сохранившіеся въ памяти понынѣ.

Я поступилъ подъ начальство гр. Клейнмихеля, когда разыгрался его наибольшій аппетитъ расширить свою власть до возможныхъ предѣловъ. Учреждены были, по его представленію, губернскія строительныя и дорожныя коммиссіи. Казалось бы, это и ничего, но коммиссіи эти установлены были подъ предсѣдательствомъ губернаторовъ съ обязательствомъ представлять періодическую отчетность о дѣятельности коммиссій, чѣмъ Клейнмихель пріобрѣталъ право выражать

непосредственно отъ себя одобреніе или порицаніе такой дѣятельности коммиссій, а, слѣдовательно, и самымъ губернаторамъ. Это возмутило министра внутреннихъ дѣлъ, Перовскаго, и пошла вражда; а тутъ еще возникъ вопросъ: въ чьемъ вѣдѣніи должно быть зданіе Петербургской думы. Перовскій и Клейнмихель, всякій тянулъ къ себѣ. Наконецъ, Перовскій, получивъ, какъ онъ считалъ, окончательное рѣшеніе, что зданіе думы должно быть въ вѣдѣніи министерства внутреннихъ дѣлъ, поспѣшилъ тотчасъ же увѣдомить объ этомъ Клейнмихеля; но, къ немалому удивленію, получилъ въ тотъ жъ день отзывъ, что зданіе думы предоставлено вѣдѣнію управленія путей сообщенія. Чаша негодованія и враждебныхъ отношеній переполнилась; но, около этого время, у гр. Клейнмихеля затѣялся вечеръ, съ участіемъ высочайшихъ особъ. Клейнмихель не могъ не пригласить Перовскаго, а Перовскій не могъ не принять приглашенія. Хороша встрѣча!

Въ управленіи путей сообщенія съ незапамятныхъ временъ тянулся процессъ князя Волконскаго по претензіи на денежный разсчетъ еще по устройству шоссе между Москвою и Петербургомъ. Гр. Клейнмихель, желая покончить это дѣло, назначилъ для его разсмотрѣнія особую коммиссію, съ участіемъ, въ числѣ другихъ, генераловъ Готмана и Рерберга и полковника Серебрякова. Всѣ знали, что этотъ полковникъ есть выразитель того, что угодно графу; но, хотя Серебряковъ и высказывался за отказъ Волконскому, Готманъ и Рербергъ остались при противномъ мнѣніи.

Представленіе доклада по этому дѣлу гр. Клейнмихелю подошло къ сроку объявленія испрошенныхъ наградъ. Рербергъ считалъ уже полученнымъ ожидавшійся имъ орденъ Бѣлаго орла, но, какъ пронеслись слухи, графъ, на докладѣ, противъ фамиліи Рерберга, нарисовалъ геометрическую фигуру, въ которой усматривали подобіе носа и написалъ: вотъ тебѣ и орелъ. Самъ я этой резолюціи не видалъ, но Рербергъ орла не получилъ. Докладъ не былъ одобренъ, и для разсмотрѣнія того же дѣла была назначена новая коммиссія изъ прежнихъ лицъ, кромѣ Готмана и Рерберга. Результатовъ я не слыхалъ.

Въ числѣ полковниковъ округовъ было два брата Четвериковы, пользовавшіеся репутаціей хорошихъ инженеровъ и, въ особенности, честнѣйшихъ людей. Одинъ изъ нихъ, зная, что главнѣйшую и соблазнительную статью шоссейныхъ офицеровъ составляетъ заготовляемая для шоссе щебенка, для учета которой, она должна быть укладываема вдоль дороги штабелями установленныхъ размѣровъ, пожелалъ убѣдиться лично въ правильности показаній количества заготовленной щебенки и ея употребленія, для чего рѣшился, неожиданно, двинуться вдоль линіи пѣшкомъ. Прошелъ первый участокъ — все

хорошо... Остановился на ночлегъ. На другой день прошелъ второй участокъ. Тоже хорошо, и т. д. Остался доволенъ. Потомъ разсказывали, что по мѣрѣ того, какъ его превосходительство подвигалось впередъ, щебенка съ пройденныхъ участковъ наваливалась въ койки и окольными путями перевозилась туда, куда генералъ не доходилъ еще, вслѣдствіе чего ему представлялся случай осматривать и расхваливать не одинъ разъ одну и ту же щебенку.

Казалось бы, что такая смѣлость дошла до дерзости, но бывали не менѣе смѣлыя продѣлки и съ самимъ графомъ. Требовалось, чтобы по каждому шоссе имѣлся шоссейный дорожникъ. Нѣчто въ родѣ альбома, въ которомъ, въ крупномъ мастабѣ вычерчивались всѣ топографическія и строительныя подробности въ полосѣ опредѣленной ширины каждой дороги, участокъ за участкомъ, съ отдѣльными чертежами мостовъ, зданій и такъ далѣе. На одно шоссе, кажется, ярославское, былъ переведенъ офицеръ съ курскаго шоссе и, не получивъ дорожника отъ своего предмѣстника, не приступилъ еще и самъ къ его составленію. Вдругъ объявляютъ, что будетъ проѣзжать графъ и, навѣрное, пожелаетъ видѣть дорожники. Входитъ пріѣхавшій графъ въ станціонный домъ. Чистота наимовѣрная. Кругомъ усыпано песочкомъ, внутри благоухаетъ куренье, на стѣнѣ портретъ его сіятельства въ золотой рамѣ. Кругомъ, накрытые краснымъ сукномъ столы, а на столахъ систематически разложены великолѣпные чертежи дорожника. Провожавшій графа начальникъ округа обомлѣлъ отъ изумлѣнія, увидя приготовленный и уже награвированный дорожникъ. Графъ осмотрѣлъ со всѣмъ вниманіемъ и приказалъ объявить въ приказѣ благодарность офицеру за найденный примѣрный порядокъ и исполнительность на службѣ вообще. Передъ уходомъ графа начальникъ округа взглянулъ на дорожникъ и ужаснулся, храбрый офицеръ разложилъ графу свой прежній дорожникъ курскаго шоссе — и все прошло отлично.

Вотъ и другой случай. Одному изъ упомянутыхъ выше Четвериковыхъ предписано было составить немедленно проекты и смѣты на устройство новой шоссейной дороги. Время проходитъ, а проектовъ нѣтъ. Начинаются повторенія—первое съ одною палкою. Такъ говорилось о бумагѣ, въ которой слово „предписываю“ подчеркивалось одною чертою. Потомъ, второе—съ двумя палками; наконецъ, третье— съ тремя, а проектовъ все нѣтъ, какъ нѣтъ. Пишется бумага, что если требуемые документы не будутъ доставлены къ такому-то сроку, то будетъ посланъ за ними курьеръ, эстафетою на счетъ его превосходительства. По неполученіи никакого даже отвѣта, въ видѣ курьера, посылаютъ юнаго писаря съ приказаніемъ выслать его обратно непремѣнно съ бумагами, относя расходъ по поѣздкѣ и содержанію

его насчетъ виновнаго генерала. По случаю долгаго молчанія, начинается новая серія повтореній съ палками. Наконецъ, писарь возвращается съ проектами, женою и прижитымъ во время командировки законнымъ ребенкомъ. Столько времени и продержалъ его у себя Четвериковъ, и все это сошло съ рукъ благополучно; но случалось и иначе. Почтеннаго генерала Рейхеля, бывшаго въ Вышнемъ-Волочкѣ, или въ Вытегрѣ, потребовали немедленно къ графу. Тогда желѣзныхъ дорогъ еще не было. Является Рейхель, графъ показываетъ ему полученный отъ него рапортъ, на которомъ подпись сдѣлана густыми чернилами и засыпана не скупо употреблявшимся тогда искуственнымъ цвѣтнымъ песочкомъ. Прошу впередъ бумагъ съ пескомъ мнѣ не посылать, строго высказался графъ. Извольте ѣхать обратно.

Большинству, даже не посвященныхъ въ канцелярское дѣло, извѣстно, съ какою точностью составляется въ настоящее время роспись государственныхъ расходовъ, предполагаемыхъ на предстоящій годъ, по каждому вѣдомству особо. Роспись или смѣты составляются почти за годъ до наступленія новаго финансоваго года, при чемъ для оправданія требованія каждаго расхода прилагаются свѣдѣнія, по которымъ можетъ быть повѣрена правильность вносимой въ смѣту суммы и, затѣмъ, смѣты печатаются во множествѣ экземпляровъ и разсылаются во всѣ управленія, не составляя ни для кого секрета.

Въ пятидесятыхъ годахъ все это дѣлалось иначе. Засидѣлся я какъ-то въ гостяхъ часовъ до четырехъ утра и только-что расположился, вернувшись домой, сладко уснуть, какъ мнѣ подали, привезенное курьеромъ, приказаніе — явиться въ департаментъ къ семи часамъ. Не имѣя возможности догадаться, что за экстренность случилась, все-таки двинулся, хотя полусонный. Оказалось, что получено приказаніе графа составить немедленно и представить его сіятельству, не позже трехъ часовъ, проектъ государственной смѣты расходовъ на слѣдующій годъ.

Кто бросился къ дѣламъ. Кто, довѣряясь одной своей памяти— всѣ принялись за работу. Приказаніе графа не могло быть не исполнено, иначе никому и въ голову не приходило, и, дѣйствительно, около трехъ часовъ смѣта была готова, составлена, переписана и подана директору. Какъ повѣрялись смѣты за предѣлами департамента, намъ не было извѣстно, но, по утвержденіи смѣты, разсылались въ министерства выписки изъ смѣты, только по соотвѣтствующимъ министерству статьямъ и, при томъ, съ надписью — секретно. Вслѣдствіе чего такія выписки хранились подъ семью замками въ столѣ директора канцеляріи министерства и, чтобы узнать, какая сумма ассигнована на тотъ или другой предметъ, требовалось участіе дирек-

тора департамента съ указаніемъ именно того вопроса, для разъясненія котораго требуется свѣдѣніе. Между тѣмъ существовалъ законъ, дававшій право министру, по утвержденіи смѣты, требовать отъ министра финансовъ отпуска до половины назначенной по росписи суммы, послѣдствіемъ чего, по слухамъ, бывало, что полученная отъ министра финансовъ сумма отправлялась на храненіе въ опекунскій совѣтъ для прирощенія изъ процентовъ, которые не предназначались уже на смѣтные расходы. Но это все дѣла минувшихъ дней!

Когда экстренно составленная нами смѣта была подписана и отправлена къ графу, намъ приказано было покуда не расходиться на случай какихъ-либо дополнительныхъ требованій; а между тѣмъ желудокъ сталъ напоминать о своей дѣятельности. Захотѣлось обѣдать. Не зная, куда бы пойти, тѣмъ болѣе, что далеко уходить было рисковано, я направился подъ красивую вывѣску, на Обуховскомъ проспектѣ, съ надписью—„Гостиница Неаполь". Съ какимъ-то страхомъ подходилъ я къ этой, неизвѣстной мнѣ обители. На лѣстницѣ надпись—чистая половина на верху. Поднялся, считая себя достойнымъ попасть въ чистую половину. Чистый и большой залъ, кругомъ столы. Въ комнатѣ дымъ столбомъ отъ трубокъ и папиросъ, а въ дыму одни писаря путей сообщенія. Какъ ни одолѣвалъ голодъ, а присоединиться къ этой компаніи не хватило храбрости. Вернулся въ департаментъ.

Вечеромъ, пріѣхавъ въ Пассажъ, на лекцію товарищества „Общественная польза", я сталъ разсказывать, какъ провелъ утро, при чемъ одинъ изъ учредителей этого общества—Струговщиковъ, высказалъ сожалѣніе, зачѣмъ я не вошелъ въ залъ подалѣе, такъ какъ тутъ мы не только встрѣтились бы, но и выпили бы не одну бутылочку шампанеи. На вопросъ, что сей сонъ значитъ, Струговщиковъ объяснилъ, что онъ давалъ завтракъ, замѣнившему при графѣ приснопамятнаго Ивана Дороѳеевича Иванова—писарю Леонову, которому, кстати, вручилъ, по порученію нѣкоего Рамаха, пятнадцать тысячъ рублей.

Дѣло было такъ. Каждое шоссе отдавалось для ремонта съ подряда и, при томъ, обыкновенно на долгій и преимущественно на четырехлѣтній срокъ.

Существовало и нижегородское шоссе. Около времени моего разсказа, параллельно шоссе строилась уже желѣзная дорога и хотя срокъ ея окончанія не былъ опредѣленъ вѣрно, но предполагать его было возможно; а потому для ремонтнаго подрядчика составляло большой интересъ заключить договоръ, съ правомъ получать деньги за ремонтъ шоссе, на такой срокъ, который переходилъ бы за время открытія желѣзной дороги, такъ какъ за это время онъ могъ полу-

чать деньги уже положительно даромъ. Услуга Леонова заключалась въ томъ, чтобы онъ съумѣлъ уловить минуту, когда графъ далъ бы свое согласіе на заключеніе такого договора, и Леоновъ оказалъ эту услугу.

Не повѣрилось мнѣ этой побасенкѣ, но черезъ нѣсколько дней стало извѣстно, что дѣйствительно такой договоръ заключенъ съ Рамахомъ и К°. Спустя не болѣе года, мнѣ пришлось ѣхать, по случаю смерти брата, во Владиміръ. Въ виду шоссе ходили рабочіе поѣзды желѣзной дороги, а шоссе, почти по всей длинѣ, было раздѣлено пополамъ. На одной половинѣ разсыпанъ тончайшій слой щебенки, какъ будто она ремонтируется, и положены разныя поперечныя препятствія, чтобы не ѣздили, а на другой половинѣ навваленъ хворостъ, кирпичи и всякій мусоръ. Дорога ужаснѣйшая. Ямщики объясняли, что, вишь, по случаю чугунки перестали на дорогу деньги давать. Такъ сказываютъ инженерные солдаты. Оттого такая непролазная бѣда и случилась. Ну, подумалъ я, за право получать ремонтныя деньги четыре года, при такомъ положеніи дороги, можно было заплатить, кромѣ Леонова, еще не одинъ десятокъ тысячъ рублей.

Впрочемъ, тысячи требовались и иногда давались легко по разнымъ случаямъ. Теперь, быть можетъ, это притча во языцѣхъ, но тогда случались на шоссе, по волѣ Божьей, выгодныя для инженеровъ, такъ называемыя, пучистыя мѣста. Шоссе, какъ извѣстно, составлялъ хорошо укатанный, до уплотненія, слой щебня, насыпанный на грунтъ. Случалось, что въ грунтѣ, подъ щебенкой, обнаруживались ключи. Они разрыхляли слой щебенки, и онъ вспучивался, предвѣщая провалы и порчу дороги. За тѣмъ составлялись смѣты на исправленія— тутъ оказывалось необходимымъ доискать воду и проектировать способъ къ ея удаленію устройствомъ подземныхъ трубъ или другихъ, не дешевыхъ способовъ. Во всякомъ случаѣ, пучистыя мѣста вызывали работы, и работы—ассигнованіе денегъ, чтó и требовалось доказать. Въ виду такого выгоднаго значенія пучистыхъ мѣстъ однимъ изъ высокопоставленныхъ и талантливымъ инженеромъ была придумана теорія образовать пучистыя мѣста искусственно. Стоило раннею весною, съ наступленіемъ первыхъ теплыхъ дней, поспѣшить очисткою шоссейнаго слоя отъ снѣга, слой щебенки немедленно высыхалъ, образуя непроницаемую для воды поверхность; а потому, какъ только станетъ нагрѣваться и таять грунтъ, то образующаяся вода производитъ на слой щебенки то же дѣйствіе, какъ и появляющіеся, по волѣ Божьей, ключи; то есть шоссе вспучивается, и затѣмъ начинается составленіе смѣтъ на исправленія и порчу. Способъ этотъ, въ особенности въ районѣ его изобрѣтателя, практиковался въ обширныхъ размѣрахъ.

Хочется еще записать одинъ смѣшной случай, уже не служебнаго характера. Входитъ въ департаментъ чиновникъ, судя по формѣ, нашего вѣдомства и, какъ оказалось, состоящій при канцеляріи для иностранной переписки, не молодой, веселый, вертлявый, со всѣми на ты. Узнаю, что это Элькань. Фамилія его была извѣстна чуть не цѣлому Петербургу, хотя не съ лестной стороны: прихлебатель всѣхъ кружковъ, навязчивый пріятель, неумолкаемый краснобай и бонмотистъ, милый собесѣдникъ, участникъ всѣхъ кутежей — на чужой счетъ, знающій множество языковъ, замѣчательный импровизаторъ; но, кромѣ всего этого, по общимъ слухамъ, требовавшій, по своей закулисной дѣятельности, особенной осторожности.

По поводу, замѣченной другими, его сугубой веселости, онъ показалъ только-что полученныя деньги и разсказалъ слѣдующее. Живу я давно, нанимая комнату у какой-то не то чухонки, не то жидовки. У нея же, тоже съ давняго времени, жила какая-то нѣмецкая руина, старая, бѣдная и гнилая, вѣроятно, бывшая Амальхенъ. Четыре дня тому назадъ, вбѣгаетъ ко мнѣ хозяйка съ извѣстіемъ, что наша фрейлейнъ кончается и не знаетъ, какъ быть. Я пошелъ къ нѣмкѣ. Сидитъ моя дѣвочка въ креслахъ, зеленая, носъ повѣсила и мертвечиной отзывается. Дѣло швахъ. Сейчасъ готова будетъ. Вдругъ меня озарила счастливая мысль. Посылайте, говорю, скорѣе за пасторомъ. Пасторъ пришелъ. Я сдѣлалъ возможно кислую рожу и говорю ему, что между умирающею и мною сближеніе такого рода, что для облегченія ея и моей совѣсти и дабы она могла предстать въ новый міръ безъ укоризны въ своихъ увлеченіяхъ, а я могъ бы признать себя исполнившимъ долгъ христіанина и честнаго человѣка—я усерднѣйше прошу, предварительно смертнаго напутствованія больной, благословить нашъ брачный союзъ, при чемъ, показавъ мои документы, въ которыхъ я значусь лютераниномъ и вдовцемъ, просилъ не стѣсняться формальностями, на выполненіе которыхъ, по экстренности случая, нѣтъ времени, удостовѣряя, что графъ, въ виду честности моего поступка, не пожелаетъ придать ему криминальнаго по службѣ значенія. Пасторъ согласился, брачную молитву прочелъ и нѣмку напутствовалъ на тотъ свѣтъ, чѣмъ она часа черезъ два и воспользовалась. Затѣмъ, я, взявъ отъ пастора удостовѣреніе въ совершеніи брака, поскакалъ къ директору канцеляріи съ просьбою, во-первыхъ, доложить и объяснить графу мой поступокъ съ точки зрѣнія христіанина и честнаго человѣка и тѣмъ спасти меня отъ отвѣтственности, а во-вторыхъ, испросить у графа пособіе на погребеніе жены.

Графъ отнесся ко всему этому сочувственно, и мнѣ выдали двѣсти рублей. Спасибо графу, а нѣмкѣ въ особенности!

Много можно было бы записать еще разныхъ, выдающихся слу-

чаевъ отрицательнаго свойства за время дѣятельности графа Клейнмихеля, но справедливость заставляетъ вспомнить, что это былъ человѣкъ, который, получивъ указаніе цѣли, стремился къ достиженію ея, помня только одно, что разъ указано сдѣлать, то должно быть сдѣлано, не разбирая средствъ. Усмиреніе поселеннаго бунта, введеніе телеграфа, сначала оптическаго, а потомъ электрическаго, постройка Николаевской желѣзной дороги, Николаевскаго моста — все это современники графа Клейнмихеля.

VI.

Новое мѣсто службы.—Время концессій.—Коммиссія для разслѣдованія злоупотребленій подрядчиковъ. — Злоупотребленія въ департаментѣ военныхъ поселеній. — Махинаціи этого департамента. — Дѣло еврея Гиммельфарба.

Проходилъ уже шестой годъ моей службы, и безнадежность пересѣсть на другой стулъ все съ большею настойчивостью побуждала меня искать мѣста въ другомъ вѣдомствѣ, тѣмъ болѣе, что я сталъ уже семейнымъ человѣкомъ.

Въ это время былъ назначенъ государственнымъ контролеромъ графъ Кушелевъ-Безбородко. Тесть мой, сообщивъ мнѣ, что въ случаѣ моего согласія искать мѣсто въ контролѣ, онъ, по занимаемому имъ мѣсту директора въ Опекунскомъ совѣтѣ, имѣетъ путь повліять на графа Кушелева. Хотя въ то время государственный контроль, какъ по личному составу, такъ и по существу занятій, считался самымъ отпѣтымъ учрежденіемъ, которое какъ будто не считалось даже въ ряду министерствъ, но дѣлать было нечего, я согласился. Черезъ нѣсколько дней мнѣ дали знать, чтобы я, отъ имени графа, явился къ генералъ-контролеру Шамшину, которому будетъ сказано, что нужно, и что я, по обычаю графа, буду приглашенъ къ нему обѣдать, при чемъ долженъ явиться во фракѣ, въ бѣломъ жилетѣ и съ такимъ же галстухомъ.

Иванъ Ѳедоровичъ Шамшинъ оказался милѣйшимъ старичкомъ, принялъ меня отлично и такъ какъ я пришелъ рано утромъ, то пригласилъ меня къ семейному чаю и познакомилъ меня со своимъ многочисленнымъ семействомъ, при чемъ, высказавъ, что я произвелъ на него пріятное впечатлѣніе, спросилъ — играю ли въ вистикъ и, когда получилъ утвердительный отвѣтъ, взялъ слово бывать у него по вторникамъ. Скорѣе узнаемъ другъ друга. Быть можетъ, пригодится.

Вдругъ Кушелевъ, по болѣзни, оставилъ мѣсто, а государственнымъ контролеромъ былъ назначенъ генералъ-адъютантъ Николай Николаевичъ Анненковъ.

Вотъ тутъ-то случилось со мною нѣчто такое, что можно отнести, пожалуй, къ явленіямъ міра таинственнаго. Въ одну изъ ночей, сколько разъ я ни просыпался, засыпая вновь, меня преслѣдовало все одно и то же сновидѣніе—будто бы я мѣняю чулки. Снами я никогда не интересовался, но этотъ сонъ, по его навязчивости, я разсказалъ за чаемъ и, обращаясь, шутя, къ старухѣ нянѣ, спросилъ, что бы такой сонъ значилъ. Перемѣна, батюшка, непремѣнно перемѣна, отвѣтила она.

День прошелъ при самыхъ ординарныхъ обстоятельствахъ: часовъ въ десять вечера дѣти уже спали; жена ушла въ свою комнату; а я отправился въ свою обыденную экскурсію — шататься съ сигарою въ зубахъ, изъ угла въ уголъ, по такъ называвшемуся залу. Вдругъ звонокъ. Входитъ впопыхахъ та же старуха. Говоритъ, генералъ какой-то, весь въ звѣздахъ. Я думала, ошибся, но называетъ васъ, говоритъ очень нужно. Признаюсь, вструхнулъ чего-то. Идетъ Иванъ Ѳедоровичъ Шамшинъ. Я, говоритъ, потому такой нарядный, что прямо съ именинъ отъ Ивана Ивановича Лажечникова. Мнѣ туда дали знать, что мой правитель канцеляріи, Шуйскій, катаясь сегодня на взморьѣ, утонулъ. Не откажитесь взять это мѣсто. Мнѣ хочется служить съ вами. Только дайте окончательный отвѣтъ теперь же. Ну, думаю, судьба и сонъ въ руку. Поблагодарилъ и согласился. Почтеннѣйшій старичекъ уѣхалъ. Жена и старуха, узнавъ, чѣмъ день кончился, только ахнули. На другой день Анненковъ утвердилъ представленіе Шамшина о моемъ назначеніи. Казалось бы, оставалось только заявить своему начальству, что ухожу, но въ то время это не такъ дѣлалось. Графъ Клейнмихель ненавидѣлъ, чтобы уходили изъ его вѣдомства, и часто просто отвѣчалъ—не согласенъ. И сиди... Поэтому для полученія согласія на переходъ понадобилось искать подходные пути.

Съ устройствомъ Николаевской желѣзной дороги, при ней было образовано особое коммерческое управленіе для перевозки грузовъ. Дѣло милліонное. Во главѣ его былъ поставленъ Клейнмихелемъ, по его выбору, купецъ Харичковъ. О дѣятельности его зналъ, конечно, лучше другихъ самъ Клейнмихель, но Харичковъ сдѣлался на нѣкоторое время популярнымъ по особому случаю. Графъ выпросилъ ему въ награду золотую медаль на шею съ портретомъ государя, а онъ, желая выразить свое благоговѣніе къ полученной наградѣ, обратился съ просьбою о разрѣшеніи украсить медаль на свой счетъ алмазами. Въ духовныя побужденія Харичкова никто по-

вѣрить не могъ, но что явиться въ своемъ кругу съ небывалою у другихъ медалью было лестно, понималъ каждый. Толковъ и отрицаній было много, но, въ концѣ-концовъ, кажется, разрѣшеніе было испрошено.

Графъ Клейнмихель, какъ и всѣ помѣщики, имѣлъ тоже надобность въ снисхожденіяхъ Опекунскаго совѣта, въ которомъ были заложены всѣ имѣнія, и туда, въ качествѣ довѣреннаго, являлся за справками Харичковъ. Вотъ ему-то и передалъ мой тесть о моемъ намѣреніи перемѣнить службу съ просьбою, чтобы графъ не препятствовалъ. Черезъ нѣсколько дней, отъ графини Клеопатры Петровны было доставлено на имя тестя, сохранившееся по нынѣ, письмо, на фамильномъ бланкѣ, т. е. съ гербомъ, на которомъ изображенъ Зимній дворецъ съ девизомъ: „усердіе все превозмогаетъ“. Въ этомъ письмѣ графиня сообщала: наконецъ, мнѣ удалось сегодня уговорить мужа согласиться на увольненіе вашего зятя, чѣмъ и спѣшу васъ порадовать. Вотъ какъ дѣло дѣлалось не далѣе 1854 года.

Однажды, вскорѣ по вступленіи моемъ въ новую должность, является въ канцелярію посторонняя особа. Господинъ невысокаго роста, немолодой уже, приземистый, съ выученною улыбкою. Въ вицъ-мундирѣ, съ трубою бумагъ, завернутою въ шелковый платокъ, подъ мышкою. Имѣю честь рекомендоваться—коллежскій совѣтникъ Сафроновъ, заявилъ онъ, подойдя ко мнѣ съ глубочайшимъ поклономъ.

— Какой случай доставляетъ мнѣ честь познакомиться съ вами, спросилъ я.

— Николай Николаевичъ желаетъ предоставить мнѣ открывающееся мѣсто оберъ-контролера.

— Гдѣ же вы теперь служите?

— Въ министерствѣ государственныхъ имуществъ, переводчикомъ.

— Что васъ побуждаетъ предпочесть нашу скучную и непроизводительную по существу своему работу?

— Тутъ, изволите ли видѣть, началъ говорить Сафроновъ полушепотомъ, играютъ роль частныя, не служебныя обстоятельства, требующія моихъ близкихъ и всегда возможныхъ личныхъ сношеній съ Николаемъ Николаевичемъ. Я занималъ видное по администраціи мѣсто въ Саратовѣ, при чемъ обратилъ вниманіе на изученіе экономическихъ условій не только этой губерніи, но и волжскаго раіона и еще далѣе, желая выяснить выгоды правительства и государства въ случаѣ соединенія Саратова желѣзною дорогою съ Москвою. Въ подтвержденіе этихъ выгодъ мною собрана громадная масса статистическихъ матеріаловъ, съ помощью которыхъ, по моему мнѣнію,

можно начать дѣло къ образованію компаніи на выполненіе предпріятія съ выгодными для правительства условіями; но въ подобныхъ дѣлахъ нуженъ главарь съ подходящими связями и съ личнымъ значеніемъ. Мой выборъ остановился на генералѣ Юрьевичѣ — бывшемъ воспитателѣ императора Александра Николаевича, но онъ отказался, ссылаясь на свою слѣпоту и слабость здоровья вообще, указавъ мнѣ на Николая Николаевича. Я являлся къ нему съ предложеніемъ, которое онъ принялъ, и вотъ теперь должна начаться переписка и хлопоты объ испрошеніи концессіи на постройку, если не всей дороги, то, по крайней мѣрѣ, отъ Москвы до Рязани.

— А кто же будущіе участники предпріятія?

— Голландскій серьезный банкиръ Меккъ и, не помню въ какомъ смыслѣ, былъ тутъ же упомянутъ фонъ-Дервизъ.

Такимъ образомъ, мнѣ одному изъ первыхъ пришлось увидать дѣятельнаго піонера расплодившихся потомъ концессіонеровъ и ознакомиться съ пріемами для полученія концессій желѣзныхъ дорогъ и услыхать, быть можетъ, мало кому извѣстные тогда фамиліи Мекка и фонъ-Дервиза, прославившихся потомъ умѣніемъ, благодѣтельствуя Россіи, пріобрѣсти и себѣ милліоны, отъ которыхъ самому Сафронову, по какой-то случайности, по его словамъ, не перепало ни гроша.

Частью мнѣ объяснилось это обстоятельство слѣдующимъ случаемъ. Проходя по департаменту, я увидѣлъ чиновника Броневскаго, лицеиста, который, сидя за какимъ-то писаніемъ, теребилъ себѣ волосы, говоря ходившему мимо его и видимо диктовавшему это писаніе, Сафронову: что прикажете дѣлать, Александръ Яковлевичъ, ячмень, овесъ, пшеницу—знаю, а какъ рожь по-французски, забылъ, хоть убейте. Ну, пишите вмѣсто ржи пшеницу, все равно, отвѣчалъ Сафроновъ. Это меня заинтересовало. Спрашиваю потомъ у Броневскаго, что онъ писалъ? Да, надоѣлъ, говоритъ, просто. Ежедневно почти проситъ писать подъ его диктовку по-русски статьи по-французски, въ газету „le Nord“. Все разныя статистическія свѣдѣнія о грузахъ, какіе послѣдуютъ по предполагаемой желѣзной дорогѣ, въ доказательство громадныхъ выгодъ, какихъ должны ожидать участники предпріятія. А что же у васъ вышло съ пшеницею? Нужно было показать, сколько милліоновъ пудовъ ржи вывозится изъ одного раіона въ другой, а я забылъ какъ рожь по-французски. Все равно, говоритъ, пишите пшеницу, благо помните. Я и написалъ. Зачѣмъ же онъ затрудняетъ васъ, диктуя по-русски? Вѣдь онъ самъ служитъ переводчикомъ? Броневскій расхохотался. Александръ Яковлевичъ и читать-то по-французски не умѣетъ. Такъ вырисовался милѣйшій Александръ Яковлевичъ, какъ предтеча дѣятелей по устройству кон-

цессій. Часто я потомъ вспоминалъ его, встрѣчая во множествѣ его дублеты!

Теперь перехожу къ воспоминаніямъ самаго интереснаго и, вмѣстѣ съ тѣмъ, самаго грустнаго періода моей служебной дѣятельности.

Дѣло было въ концѣ пятой недѣли великаго поста, слѣдовавшаго за окончаніемъ несчастной Крымской кампаніи. Налѣпивъ, по болѣзни, на шею горчицу, я остался на нѣсколько дней дома. Вдругъ пріѣхалъ, не бывавшій у меня прежде, директоръ канцеляріи Петръ Ивановичъ Саломонъ, при чемъ сообщилъ мнѣ, что явился по волѣ Анненкова, чтобы передать предстоящее для меня серьезное порученіе: военный министръ Сухозанетъ, признавъ нужнымъ перевѣрить на мѣстѣ одну заподозрѣнную цѣнную хозяйственную операцію, по военному времени, предположилъ командировать въ районъ бывшихъ военныхъ дѣйствій особую коммиссію и при этомъ, желая имѣть въ составѣ коммиссіи представителя отъ государственнаго контроля, обратился къ Анненкову съ просьбою назначить лицо, опытность и добросовѣстность котораго не подлежала бы сомнѣнію, такъ какъ, по сложности обстоятельствъ, благопріятныхъ результатовъ отъ коммиссіи можно ожидать только въ томъ случаѣ, если дѣятели ея примутъ въ основаніе одно безпристрастіе и честность, а не формальность отношенія къ дѣлу. Выборъ Николая Николаевича остановился на васъ, окончилъ Саломонъ.

Я было забарахтался и руками и ногами, объясняя, что въ жизни своей никуда не ѣздилъ. Ни къ какимъ слѣдственнымъ дѣламъ не приготовленъ. Жить на два дома средствъ не имѣю, и пошелъ, и пошелъ... но Саломонъ, выслушавъ всѣ эти объясненія, добавилъ, что обо мнѣ сообщено уже Сухозанету, а имъ испрошено уже высочайшее соизволеніе на назначеніе коммиссіи, при чемъ указанъ и личный составъ ея, почему мнѣ остается покориться необходимости и готовиться къ выѣзду, по возможности, въ непродолжительномъ времени; а дня черезъ два, мнѣ была доставлена курьерская подорожная, съ правомъ получать прогоны до Кременчуга, гдѣ должна собраться коммиссія не позже Пасхи.

Пошелъ въ канцелярію военнаго министерства, желая узнать хотя поверхностно и что-нибудь о предстоящей поѣздкѣ и работѣ. Частью оффиціально, частью изъ полусловъ выяснилось, что еврей Фронштейнъ подалъ военному министру доносъ съ указаніемъ злоупотребленій, допускаемыхъ подрядчику, тоже еврею, Гиммельфарбу, при составленіи разсчетовъ по заключенному съ нимъ департаментомъ военныхъ поселеній контракту на возведеніе въ Крыму, до войны, разныхъ построекъ и на работы по приспособленію во время начавшейся войны разныхъ зданій для помѣщенія временныхъ госпиталей.

Сколько удалось мнѣ подмѣтить, канцелярія военнаго министерства не сочувствовала ни взгляду Сухозанета на доносъ, ни мѣрамъ, имъ принятымъ для повѣрки доноса, указывая, между прочимъ, и на то, что состоялось и объявлено повелѣніе, чтобы всѣ зданія, которыя занимались госпиталями, были немедленно дезинфецированы, приведены въ тотъ самый видъ, въ какомъ они были до помѣщенія госпиталей и зданій, тѣмъ учрежденіямъ и лицамъ, которымъ они принадлежали; т. е. другими словами, было поставлено въ обязанность такъ спрятать концы, чтобы отъ нихъ слѣда не оставалось. Что же при такомъ положеніи дѣла ваша коммиссія найти можетъ, если только не пошлые дураки вели дѣло. Такъ ставила вопросъ канцелярія. Но назначеніе коммиссіи было рѣшено, а заподозрѣнная въ правильности исчисленія сумма достигала до 520.000 р.

Предсѣдателемъ коммиссіи былъ назначенъ свиты генералъ-маіоръ Шварцъ, а членами—отъ министра Богомолецъ, а отъ департамента военныхъ поселеній полковникъ Киттеръ.

Повидимому, и самъ военный министръ назначалъ коммиссію только для очистки совѣсти, не совсѣмъ довѣряя успѣшности ея дѣйствій, такъ какъ генералу Шварцу былъ выданъ кредитивъ на одесское отдѣленіе государственнаго банка, съ правомъ, если неправильностей въ счетахъ не обнаружится, выдать этотъ кредитивъ на сумму ста пятидесяти тысячъ рублей Гиммельфарбу, въ уплату недоданныхъ по счетамъ департамента военныхъ поселеній.

Кстати, мнѣ предстояло рѣшить въ канцеляріи вопросъ о размѣрѣ подъемныхъ денегъ.

По закону, сообразно съ числомъ верстъ поѣздки и продолжительности командировки, мнѣ слѣдовало получить 600 р., но бывшій тогда директоромъ канцеляріи Брискорнъ велѣлъ объявить мнѣ, что имъ назначено 300, которые онъ признаетъ достаточными. Нужно было подчиниться, но когда, при прощаніи, я сказалъ объ этомъ Анненкову, то онъ, не стѣснявшійся называть вещи ихъ именемъ, съ тѣми, къ кому относился благосклонно, высказалъ, оставшееся въ памяти по смыслу, такое заключеніе: Чему же удивляться, что у нихъ берутъ, гдѣ можно, если, какъ въ настоящемъ случаѣ, вамъ, единственному въ коммиссіи члену, отъ котораго, по отсутствію личной связи съ составомъ министерства, можно ожидать строгаго безпристрастія въ дѣлѣ и еще въ такомъ жидовскомъ дѣлѣ, въ которомъ одна неподкупная добросовѣстность можетъ принести пользу,—именно вамъ-то, какъ на смѣхъ, при суммѣ операціи въ полмилліона рублей, назначаютъ гроши, даже вопреки закона. И при этомъ прибавилъ свою любимую фразу, которая не можетъ получить здѣсь мѣста.

Въ концѣ шестой недѣли поста я выѣхалъ на Москву по желѣзной дорогѣ, а изъ Москвы нужно было ѣхать уже на перекладныхъ. Не ѣздивши никогда прежде, я оказался самъ для себя изнурительно невиннымъ. Дѣло въ томъ, что станціонные смотрители, получивъ грозную подорожную—командированъ по высочайшему повелѣнію, выдавать лошадей изъ курьерскихъ, докладывали, что лошади поданы немедленно, а я считалъ себя обязаннымъ садиться немедленно, что̀ и исполнялъ, не успѣвъ иногда допить чашку чаю, но было молодо, и я въ великую субботу въѣхалъ въ Кременчугъ, въ отведенный мнѣ нумеръ въ гостиницѣ, узнавъ, что надъ мною отведено помѣщеніе пріѣхавшему уже генералу Шварцу.

Хотѣлось мнѣ не пропустить великой заутрени. Вижу—вечеромъ потянулся по улицамъ народъ. У большинства въ рукахъ фунтики изъ разноцвѣтной бумаги, а въ срединѣ зажженная свѣчка. Образовалась какая-то двужущаяся иллюминація. Вышелъ и я. На вопросъ, какъ пройти въ церковь, мнѣ отвѣтили тоже вопросомъ, въ какую? Въ русскую или въ православную? Я отвѣтилъ, въ православную, и мнѣ указали, за какою толпою идти нужно. Пришелъ во̀время. Все тулупы и чуйки. Запѣли наконецъ воскресную пѣснь: Христосъ воскресе изъ мертвыхъ, смертью на смерть наступи. Тутъ я понялъ, что православными называются старовѣры, а уйти нельзя. Темно и дороги не знаю. И продержали меня за непрерывною и тяжелою службою, на одной заутрени, до четырехъ часовъ.

Въ Кременчугѣ мы задержались въ ожиданіи полученія изъ Петербурга отчетовъ, порученныхъ повѣркѣ коммиссіи. Въ это время я ходилъ обѣдать въ столовую гостиницы. Въ одинъ изъ первыхъ же дней посѣщенія этой столовой, ко мнѣ подсѣлъ какой-то немолодой, съ виду приличный господинъ.—Вы, началъ онъ, обращаясь ко мнѣ, кажется, принадлежите къ составу коммиссіи по дѣламъ Гиммельфарба; и, получивъ утвердительный отвѣтъ, пустился въ разсказы. Вамъ предстоитъ хорошая работа. Этимъ дѣломъ мы всѣ заинтересованы, такъ какъ изъ находящагося у насъ центральнаго управленія VI округа департамента военныхъ поселеній расходятся слухи, частью безусловно достовѣрные и при томъ самаго пикантнаго свойства. Такъ, напримѣръ, общее присутствіе окружнаго управленія, разсматривая дѣло о постройкахъ, будто бы возведенныхъ Гиммельфарбомъ въ Евпаторіи, признало возможнымъ выдать за такія работы Гиммельфарбу нѣсколько десятковъ тысячъ рублей. Одинъ изъ членовъ присутствія, нѣкто Шпейеръ, не согласился подписать журналъ по этому постановленію, что̀ могло повлечь за собою вопросы, неудобные для окружнаго начальства, и пожалуй обратить вниманіе на другія дѣла. Шпейеръ же, не подписавшій этой статьи журнала, на другой день

скоропостижно умеръ. Смерть эта и до сихъ поръ имѣетъ какой-то таинственный смыслъ для города.

Я передалъ этотъ разсказъ Шварцу и рѣшился, отъ нечего дѣлать, познакомиться съ указаннымъ дѣломъ. Узнавъ отъ полиціи, что Шпейеръ былъ человѣкъ хорошій и воздержный и умеръ дѣйствительно при какихъ-то подозрительныхъ условіяхъ, я на другой день отправился въ управленіе округа.

Дабы не нарушить связь между подробностями этого, одного изъ множества дѣлъ, я считаю за лучшее изложить его съ начала до конца, не стѣсняясь тѣмъ, что было узнано вначалѣ, только въ Кременчугѣ, но и то, что удалось выяснить впослѣдствіи въ Крыму.

Прійдя въ управленіе округа, я велѣлъ писарю позвать чиновника, который зналъ бы, гдѣ лежатъ какія дѣла. Явился полковникъ, самъ начальникъ округа. Я попросилъ его разрѣшенія посмотрѣть журналъ того засѣданія, въ которомъ разсматривалось дѣло о выдачѣ денегъ Гиммельфарбу за работы въ Евпаторіи. Пришелъ чиновникъ, и я получилъ журналъ. Въ немъ, дѣйствительно, оказалось нѣсколько статей, подписанныхъ всѣми членами, а статья о выдачѣ денегъ Гиммельфарбу подписана всѣми, кромѣ Шпейера. Начальникъ округа, на мой вопросъ, почему не подписался Шпейеръ, объяснилъ, что, какъ ему помнится, Шпейеръ отговорился нездоровьемъ. Отчего же въ спискѣ лицъ, показанныхъ участвовавшими въ засѣданіи, не оговорено объ отсутствіи Шпейера? Вѣроятно, это просто канцелярская ошибка, получилъ я отвѣтъ. Ну, хорошо. Далѣе я попросилъ позволенія взглянуть подлинное дѣло, по которому состоялся докладъ присутствію. Тутъ, къ удивленію моему, несмотря на множество набитыхъ дѣлами шкафовъ, начальникъ округа направился самъ къ шкафу, какъ будто зналъ дѣло по запаху, вынулъ два дѣла, изъ которыхъ одно отдалъ мнѣ, а другое, тоненькое, положилъ около себя. Обстоятельства дѣла оказались слѣдующія: Гиммельфарбу отданы были, въ числѣ другихъ работъ въ Крыму, постройки зданій въ Евпаторіи на сумму до 30.000 р. Производителемъ работъ былъ капитанъ Байеръ.

За нѣсколько дней до высадки въ Евпаторіи непріятеля, Байеръ доносилъ, что Гиммельфарбомъ заготовлена только часть матеріаловъ и приступлено къ началу работъ, а тотчасъ послѣ высадки Гиммельфарбъ подалъ заявленіе, что ко времени высадки имъ были окончены всѣ работы, и потому просилъ выдать ему всю контрактную сумму. Въ удостовѣреніе справедливости своего заявленія приложилъ листъ бумаги, наверху котораго было написано: клятвенное показаніе, и затѣмъ слѣдовало нѣсколько десятковъ безграмотныхъ подписей съ объявленіемъ въ концѣ, что эти подписи, въ подтвер-

жденіе окончанія работъ, были отобраны отъ рабочихъ полиціею, подъ присягою; но не только подписи священника, но и подписи представителя полиціи на мѣстѣ не было. Между тѣмъ, на основаніи этого листа начальникомъ округа предложено было присутствію выдать Гиммельфарбу всю просимую имъ сумму. Противъ этой-то статьи и не было подписи Шпейера.

Я сказалъ начальнику округа, что, будь я на мѣстѣ Шпейера, то захворалъ бы тоже отъ предложенія подписать такой журналъ. Тутъ начальникъ округа взялъ бывшее у него подъ руками тоненькое дѣло и, показывая его мнѣ, сказалъ, что интересы казны не могли пострадать отъ рѣшенія присутствія, такъ какъ, вотъ извольте посмотрѣть, отъ Гиммельфарба взята подписка, по которой онъ, въ случаѣ, если выдача ему денегъ будетъ признана неправильною, уполномочиваетъ удержать равную сумму изъ денегъ, какія ему будутъ причитаться за другія работы.

Мнѣ не захотѣлось разстаться съ такимъ, вѣроятно, небывалымъ документомъ; почему я предложилъ начальнику округа прошнуровать и скрѣпить форменною печатью, а потомъ, выдавъ росписку въ полученіи этого дѣла, взялъ его съ собою.

Попали въ самую помойную яму, рѣшили мы съ Шварцемъ и отправили дѣло къ военному министру, желая порадовать его доказательствомъ, что, назначивъ коммиссію, вопреки мнѣнію многихъ, онъ не ошибся.

Капитану же Байеру, за его несогласныя съ дѣйствительностью (!?) донесенія о работахъ Гиммельфарба, предложено было оставить службу и его уволили безъ мундира, безъ пенсіи и вообще безъ всякихъ пріобрѣтенныхъ службою преимуществъ.

Впослѣдствіи, по пріѣздѣ коммиссіи въ Петербургъ, военный министръ, по представленію нашему, исходатайствовалъ возвращеніе Байеру всего, что отняло у него начальство.

Наконецъ, были получены, ожидавшіяся нами бумаги и разсчеты. Разсмотрѣвъ кое-что, на скорую руку, я наткнулся на такое расположеніе: главнѣйшія, предоставленныя Гиммельфарбу работы заключались въ приспособленіи зданій, какія окажется нужнымъ занять подъ помѣщеніе госпиталей. Работы эти, само собою, требовали экстреннаго выполненія. На такія работы, обыкновенно, производители работъ обязывались составлять отчеты въ видѣ смѣты, т. е. включать въ смѣту не такія работы, какія только предполагаются, а только такія, какія дѣйствительно были выполнены, и выводить расходъ по сличеніи произведенныхъ работъ съ нормами урочнаго положенія, указывающаго количество матеріаловъ и число рабочихъ— съ цѣнами контракта. Составлявшіеся при такомъ порядкѣ отчеты

предъявлялись подрядчику и, по подписаніи имъ, что онъ суммою доволенъ, ему выдавались деньги, а самый отчетъ вносился на повѣрку въ департаментъ военныхъ поселеній.

Если при такой повѣркѣ обнаруживались исчисленія меньшія противъ урочнаго положенія и противъ этого подрядчикомъ претензіи не заявлялось, то отчетъ утверждался. Если же находили исчисленія, превышающія урочное положеніе, то такая передержка падала на отвѣтственность составителя отчета.

По вступленіи въ подрядъ Гиммельфарба, отъ департамента предписано было, чтобы денегъ подрядчику по отчетамъ въ видѣ смѣты не выдавать, покуда такіе отчеты не будутъ окончательно повѣрены и утверждены департаментомъ.

Можно было подумать, что надобность такого предписанія объяснялась начальству желаніемъ оградить производителей работъ, составлявшихъ отчеты, отъ взысканій за ошибки, неизбѣжныя при спѣшномъ, по военному времени, составленіи отчетовъ. При такомъ взглядѣ данное предписаніе представлялось бы разумнымъ, логичнымъ и добросердечнымъ; но, какъ будетъ видно ниже, именно въ этомъ предписаніи и заключался фортель и ключъ къ выполненію чисто міэнческихъ злоупотребленій для огульнаго обиранія казны всѣми инстанціями, до самаго департамента включительно.

Изъ Кременчуга коммиссіи предстояло ѣхать въ Херсонъ, какъ первый пунктъ, въ которомъ производились работы. Рѣшено было взять туда съ собою помощника начальника округа и еще присланнаго къ намъ оберъ-аудитора.

Просмотрѣвъ отчеты о работахъ въ Херсонѣ, я увидѣлъ отчетъ въ суммѣ 129.000 р. на приспособленіе подъ госпиталь зданія бывшаго когда-то канатнаго завода. На первыхъ страницахъ этого отчета бросилась въ глаза статья: куплено 40 желѣзныхъ печей, по 75 р. каждая, всего 3.000 р. Я это запомнилъ.

По пріѣздѣ въ Херсонъ, нашимъ инженерамъ предстояла работа въ предѣлахъ ихъ спеціальности, по перевѣркѣ отчетовъ. Шварцъ и Богомолецъ должны были временно выѣхать по особымъ, возложеннымъ на нихъ порученіямъ, а оберъ-аудиторъ слегъ въ госпиталь, гдѣ вскорѣ и умеръ. Я остался слѣдователемъ, дѣлопроизводителемъ и оберъ-аудиторомъ, о чемъ Шварцъ донесъ министру, но отвѣта никакого не было. Такъ я и остался.

Тутъ явился ко мнѣ производитель работъ, а вслѣдъ за нимъ пришелъ приличный жидокъ, родственникъ Гиммельфарба, съ вопросомъ, не можетъ ли онъ исполнить какого-либо изъ моихъ желаній? Хотѣлось бы въ баню, отвѣтилъ я. Жидокъ обрадовалъ меня, что будетъ баня отличная, только при частномъ домѣ полицей-

мейстера, такъ какъ въ городѣ приличныхъ торговыхъ бань нѣтъ вовсе.

Подъ вечеръ пріѣхала прекрасная коляска и доставила меня въ маленькую, но очень опрятную баню. На столѣ разныя щеточки, гребеночки, шелковая мочалка, мыло тридасъ и т. п. любезности, а въ банѣ ароматъ. Вѣроятно, поддали духами. Вотъ что значитъ что-нибудь значить, подумалъ я. При выходѣ меня встрѣтилъ тотъ же жидокъ съ вопросомъ: не можетъ ли онъ позволить себѣ просить меня выпить у него чашку чаю. Я не отказался.

Квартира очень приличная, хорошо обставлена. Когда подали чай, жидокъ всталъ и заперъ всѣ двери. Ну, подумалъ я, начинается. И не ошибся. Можно поговорить съ вами откровенно, спросилъ жидокъ. Очень пріятно. Мы, не считаю нужнымъ скрывать, получили изъ Петербурга подробныя свѣдѣнія по нашему дѣлу и знаемъ, что самымъ вліятельнымъ лицомъ въ коммиссіи будете вы, почему я и высказываю нашу просьбу именно вамъ. Мы предвидимъ, что бѣдному Гиммельфарбу прійдется поплатиться деньгами. Что же дѣлать! Заплатимъ, но мнѣ поручено употребить всѣ средства, чтобы предупредить всякую личную отвѣтственность, какъ самого Гиммельфарба, такъ и тѣхъ, которые могутъ оказаться соприкосновенными къ дѣлу при обнаруженіи общихъ ошибокъ, для чего я уполномоченъ...

Тутъ я его остановилъ. Пусть ваши полномочія останутся при васъ. Я же ручаюсь въ томъ, что если ваши свѣдѣнія о моемъ значеніи въ коммиссіи окажутся справедливыми, то коммиссія будетъ разсматривать дѣла безпристрастно, но строго, будетъ относиться ко всѣмъ сердечно и вѣжливо, но, конечно, что найдетъ, не скроетъ. А, затѣмъ, мѣры къ исправленію ошибокъ и возмѣщенія убытковъ, если такія откроются, будутъ указаны не коммиссіею, а Петербургомъ. Мы обязаны собрать только факты.

На другой день я пошелъ въ зданіе канатнаго завода. Производитель работъ былъ уже тамъ. Зданіе большое, нѣчто въ родѣ манежа.—Ужели для этой одной комнаты были заготовлены вами сорокъ дорогихъ печей? спросилъ я производителя работъ. Лицо его изобразило тоже знакъ вопросительный... Мною заготовлено было всего четыре печи, отвѣчалъ онъ, по 7 р. 50 коп. за каждую, и всѣ онѣ теперь еще на лицо, въ сараѣ.—Такъ было показано вами и въ отчетѣ? Такъ. Можете вы доставить мнѣ, за вашею подписью, справку въ видѣ отвѣта на мой вопросъ.—Могу.

И, дѣйствительно, черезъ полчаса, принесъ мнѣ удостовѣреніе, что было заготовлено и показано въ отчетѣ четыре печи, по 7 р. 50 к. каждая, всего на 30 руб.

Такъ меня ошеломило это первое вступленіе въ знакомство съ дѣ-

ломъ, что я не нашелся продолжать какіе-либо вопросы, а пригласилъ инженера Киттера присоединиться къ рѣшенію трудной задачи: что за притча такая! и какъ объяснить такую поразительную странность?

Стали подробно разсматривать цифру за цифрою въ отчетѣ, утвержденномъ департаментомъ, и тутъ только начали замѣчать нѣкоторыя передѣлки другою рукою. Дѣйствительно, къ цифрѣ 4, числа печей, приписанъ нуль. Изъ 7 руб. 50 коп., сдѣлано 75 руб. и итогъ изъ 30 руб. перешелъ въ 3.000 р. Посмотрѣли далѣе—такихъ поправокъ множество. Взглянули на свѣтъ—все перечищено и перескоблено, но, судя по суммѣ, показанной въ итогѣ отчета, согласованной съ поправками и выведенной въ департаментѣ, стало ясно, что плутни не только поддерживались, но руководились и сосредоточивались именно въ самомъ департаментѣ, т. е. въ главномъ начальственномъ и обязанномъ контролировать отчеты учрежденіи. Шварцъ и вся коммиссія только ахнули, когда было показано все, что стало выясняться.

Хотя отчетъ канатнаго завода выказался первымъ, но такъ какъ и въ большинствѣ отчетовъ обнаружилось то же, что и въ этомъ отчетѣ, а между тѣмъ по значительности суммы и способамъ передѣлокъ, этотъ отчетъ, былъ наиболѣе интереснымъ, то я считаю за лучшее припомнить сначала изобличенія по нѣкоторымъ другимъ отчетамъ и описать всѣ фокусы по отчету канатнаго завода, какъ сладкій кусокъ на закуску.

По особому отчету было показано израсходованныхъ свыше 30.000 р. на исправленіе въ Херсонѣ поврежденій отъ множества бурь въ продолженіе лѣта. Отчетъ утвержденъ департаментомъ. Обратились мы съ вопросомъ къ губернатору и въ губернскую строительную коммиссію. Отвсюду отвѣтили, что Херсонъ извѣстенъ своими ежедневными періодическими вѣтрами, но выдающихся бурь не было, а изъ поврежденій отъ вѣтровъ извѣстны побитыя въ нѣкоторыхъ домахъ стекла, но и это объяснялось небрежностью живущихъ.

Были показаны заготовленными жестяныя пароотводныя крышки съ трубами для котловъ въ госпитальныхъ кухняхъ, по 50 р. за каждую.

Показалось что-то дорого. Въ урочномъ положеніи, которымъ хотѣли воспользоваться для расцѣнки работъ, не нашлось жестяныхъ работъ; почему, только съ цѣлью опредѣлить количество матеріаловъ, просили полицеймейстера прислать, если есть, хорошаго жестяника. Пришелъ франтоватый еврей Коганъ. На вопросъ, сколько нужно какого добра, чтобы приготовить показанную ему крышку съ трубою, отвѣтилъ, что этого сказать не можетъ, но такъ какъ эти крышки дѣлалъ онъ, то можетъ сообщить, что получалъ по 12 р. за каждую, въ чемъ и далъ росписку.

Кстати, тутъ же въ Херсонѣ намъ представился случай убѣдиться,

что не одинъ департаментъ военныхъ поселеній работалъ на пользу отечества по особому способу. Въ Херсонѣ помѣщался главный складъ аптекарскихъ матеріаловъ для военнаго времени, подвѣдомый бывшему тогда департаменту казенныхъ врачебныхъ заготовленій. Вошли мы какъ-то въ этотъ складъ, просто взглянуть, изъ любопытства. Большое помѣщеніе заставлено съ пола до самаго потолка однообразными ящиками, а впереди огромныя, ясеневаго дерева, съ мѣдными обручами, кадки.

По объясненію завѣдывавшаго складомъ, ящики считались наполненными хиною, а бочки шпанскими мухами. Большая часть и того и другаго доставлена послѣ войны и стоитъ, вѣроятно, не одинъ десятокъ тысячъ рублей. На вопросъ нашъ—что же теперь будутъ съ этимъ дѣлать? Замѣтили улыбку и получили скромный отвѣтъ, что, пожалуй, въ интересахъ казны повезутъ еще куда-нибудь, а, вѣрнѣе, велятъ потопить въ Днѣпрѣ, чтобы не было извѣстно того, что хранилось въ ящикахъ и что̀ въ бочкахъ подъ нетолстымъ слоемъ шпанскихъ мухъ. О дальнѣйшей судьбѣ этого имущества мы не узнавали.

По окончаніи войны повелѣно было всѣ освободившіяся отъ занятія госпиталями помѣщенія дезинфецировать жидкостью, по указанному рецепту. Назначался растворъ, сколько помнится, поташу, а въ другихъ мѣстахъ извести. При повѣркѣ отчетовъ бросилось въ глаза громаднѣйшее количество воды, по рублю за бочку а, по количеству воды и громадное количество дезинфецирующихъ матеріаловъ, тоже по дорогой цѣнѣ.

Искусственное преувеличеніе количествъ, введенныхъ въ отчетъ расходовъ, было очевидно, но какъ было подойти къ истинѣ, не допуская произвола? Зданія, которыя будто бы дизенфецировались, были уже сданы и заняты по принадлежности, а слѣдственный способъ повѣрки дѣйствій поставщиковъ или черезъ свидѣтелей былъ немыслимъ. Я заявилъ коммиссіи мое мнѣніе — измѣрить площадь дезинфецированныхъ зданій, чтобы опредѣлить: какой толщины составился бы слой щелока, если бы все показанное въ отчетѣ количество его вылить на измѣренную площадь и получить такимъ путемъ, по крайней мѣрѣ болѣе или менѣе, сильное доказательство несообразности отчетныхъ вычисленій. Коммиссія приняла это предложеніе. Тогда я послалъ за Гиммельфарбомъ съ намѣреніемъ предложить ему присутствовать при измѣреніяхъ. Вмѣсто исполнителя подряда, Меера Гиммельфарба, въ коммиссію пришелъ отецъ его Янкель. Еврей чисто библейскаго типа, сразу расположившій въ свою пользу, какъ наружностью, такъ и тѣми видимыми страданіями, какія выпали на его долю безчестными, разорительными и опасными въ будущемъ послѣдствіями дѣйствій, злоупотребившаго довѣренностью

его сына, чего тутъ же и не скрылъ Янкель и объявилъ, что онъ, въ качествѣ довѣрителя сына, беретъ всю денежную отвѣтственность на себя и проситъ разсчеты, повѣренные коммиссіею, предъявлять для подписи ему.

Взяли мы инженерныхъ кондукторовъ и пошли измѣрять площади всѣхъ зданій, которыя указывали намъ, какъ дезинфецированныя. Привели всѣ измѣренныя площади въ одну и когда вычислили, какой толщины составился бы слой щелока, если бы весь показанный въ отчетѣ щелокъ вылить на опредѣлившуюся площадь, то оказалось, что получился бы слой толщиною свыше пяти дюймовъ. Самъ Гиммельфарбъ изумился смѣлости такого показанія. Налили на тарелку слой воды въ одинъ дюймъ, и подрядчикъ призналъ, что такой учетъ будетъ для него безъобиденъ. Въ слѣдствіе этого четыре пятыхъ всего расхода оказывалось возможнымъ скинуть, не обижая Гиммельфарба, а казна получила сбереженія болѣе двадцати тысячъ рублей.

Переѣзжая изъ города въ городъ, къ намѣченной въ видѣ конечнаго пункта Ѳеодосіи и повѣряя по пути отчеты, которые передавались Гиммельфарбу для подписи съ правомъ протеста, мы добрались, наконецъ, до Ѳеодосіи. Здѣсь былъ подписанъ Гиммельфарбомъ послѣдній разсчетъ.

Въ общемъ сводѣ оказалось, что изъ высчитанныхъ департаментомъ военныхъ поселеній, какъ слѣдующихъ Гиммельфарбу до 520.000 р. по подписаннымъ имъ разсчетамъ, ему слѣдовало только около 290.000 р., такъ что коммиссія сохранила данный ей кредитивъ въ 150.000 р. и подрядчикъ согласился возвратить до 80.000 р. Съѣздили не даромъ.

Въ чаяніи радостнаго окончанія дѣла, я, по пріѣздѣ въ Ѳеодосію, немедленно взялся за составленіе окончательныхъ представленій и прочія канцелярскія распоряженія для завершенія дѣла вообще. Наконецъ, въ то же утро, какъ подписалъ Гиммельфарбъ послѣдній разсчетъ, я уговорилъ комитетъ тотчасъ же подписать и всѣ заключительныя бумаги. Послѣ этого послалъ за почтмейстеромъ, сдавъ ему уже подготовленные тюки съ бумагами, и объявилъ участникамъ коммиссія, что они, какъ хотятъ, а я вечеромъ выѣду домой.

Какъ меня ни уговаривали сочлены остаться хотя до утра, чтобы справить окончаніе работъ, но меня что-то зудило скорѣе выѣхать, и я послалъ за лошадьми. Глядя на меня, стали собираться и другіе. И отлично сдѣлали.

По пріѣздѣ въ Петербургъ, меня встрѣтила жена вопросомъ: какъ пособилъ мнѣ Богъ выбраться изъ Крыма. Ей сообщили, что намъ поручено остаться въ Крыму, для разработки новаго дѣла

и что эту работу постараются затянуть донельзя. Пожалуй до зимы.

Въ этомъ сообщеніи я ничего не понялъ, но, вѣря, что дыму безъ огня не бываетъ, заинтересовался узнать причину дошедшаго до жены слуха и узналъ неожиданно исторію достаточно пикантнаго свойства.

Прикосновенные къ порученному коммиссіи дѣлу лица нашли выгоднымъ для себя придумать такую операцію, при которой можно было бы задержать насъ самихъ въ Крыму, а работы наши вытребовать въ Петербургъ, разсчитывая, что при разсмотрѣніи этихъ работъ съ своей точки зрѣнія, всегда можно будетъ найти надобность въ дополнительныхъ свѣдѣніяхъ, а это представитъ возможность втянуть коммиссію въ переписку, потомъ надоѣсть перепиской. Далѣе, разнообразя одинъ и тотъ же вопросъ, подъискать противорѣчіе въ отвѣтахъ, найти неосновательность въ выводахъ и, наконецъ, признать заключенія коммиссіи подлежащими новой перевѣркѣ. А тѣмъ временемъ дѣло стало бы терять свой острый характеръ. Къ нему стали бы относиться, какъ къ дѣлу недоработанному, многимъ наскучившему и, въ концѣ концовъ, коммиссія могла бы оказаться едва не виновною, а виноватыя лица—жертвами неумѣнія коммиссіи вести дѣло. Такая музыка, примѣнявшаяся ко многимъ серьезнымъ дѣламъ и, въ большей части случаевъ, успѣшно, соблазнила, какъ опытныхъ дѣльцовъ, такъ и департаментъ военныхъ поселеній.

Съ такимъ разсчетомъ былъ представленъ Сухозанету докладъ, въ которомъ объяснялось, что есть еще одно, требующее перевѣрки, дѣло, по постройкѣ въ Крыму, во время войны бараковъ, почему департаментъ, для устраненія расходовъ казны, если бы понадобилось командировать новыхъ лицъ, полагалъ возложить перевѣрку и этого дѣла на нашу коммиссію, какъ зарекомендовавшую уже себя работами и успѣвшую ознакомиться съ мѣстными и современными войнѣ обстоятельствами, а оконченныя коммиссіею работы предписать ей выслать немедленно въ Петербургъ.

Ну, какъ не согласиться съ такимъ представленіемъ? Сухозанетъ разрѣшилъ. Депертаментъ имѣлъ свѣдѣнія отъ жидовъ о движеніи работъ коммиссіи и могъ предвидѣть, что если ей сообщить приказаніе Сухозанета заранѣе, то коммиссія, понявъ въ чемъ дѣло, можетъ затянуть свои работы для доставленія ихъ съ исполненіемъ новаго порученія, почему для департамента интересно было угодить коммиссіи, какъ разъ въ то время, когда будутъ извѣстны фактическіе слѣды окончанія дѣла. Такимъ фактомъ долженъ былъ считаться послѣдній утвержденный разсчетъ изъ бывшихъ въ повѣркѣ. Департаментъ могъ знать, приблизительно, день подписанія этого разсчета, но упу-

ставъ изъ виду способы сообщенія въ Крыму, чтобы опредѣлить съ точностью ходъ депеши, а съ другой стороны, конечно, не могъ себѣ и представить такую поспѣшность, чтобы коммиссія, получивъ отъ подрядчика послѣдній разсчетъ, въ тотъ же день выполнила всѣ канцелярскія формальности по закрытію коммиссіи, сдала бы дѣла на почту и въ тотъ же день выѣхала; почему роковой пакетъ, отправленный при участіи жидовъ изъ Симферополя эстафетою, прибылъ въ Ѳеодосію ночью, когда большая часть членовъ уже выѣхала и мы прибыли въ Петербургъ, нежданно, негаданно, какъ снѣгъ на голову; и вся махинація департамента провалилась. Судьба!

Шварцъ доложилъ государю результаты работъ коммиссіи и затѣмъ поднялъ вопросъ о наградахъ. Указывая на добровольно исполнявшіяся мною обязанности, кромѣ члена, еще слѣдователя, оберъ-аудитора и дѣлопроизводителя, просилъ Сухозанета выдать мнѣ изъ возвращенныхъ казнѣ 230.000 р., хотя одинъ процентъ. Ну, хотя полъ процента, но Сухозанетъ отвѣчалъ одно: не могу, батюшка. Не могу. Казнѣ деньги нужны; и испросилъ мнѣ не въ очередь чинъ статскаго совѣтника.

Не могу не упомянуть при этомъ слѣдующій комическій случай, по поводу денегъ для самого Сухозанета.

Современно возвращенію коммиссіи въ Петербургъ, Сухозанетъ почти потерялъ зрѣніе и собрался ѣхать для операціи въ Берлинъ, къ Греффе, получивъ на эту поѣздку нѣсколько десятковъ тысячъ рублей. Для прощанія съ министромъ собрали въ канцелярію чиновъ министерства. Ввели Сухозанета, и онъ обратился съ рѣчью: пожелайте мнѣ, господа, чтобы Богъ помогъ мнѣ опять васъ видѣть. Я уѣзжаю. Служите хорошо. Прежде всего по чувству долга и по совѣсти, не льстясь карьерою и наградами, и бойтесь пуще всего соблазна сребролюбія. Сребролюбіе есть мать многихъ пороковъ. Въ это время, въ противоположной сторонѣ комнаты скрипнула дверь.— Кто пришелъ? спросилъ Сухозанетъ.—Казначей Писаревскій, былъ отвѣтъ.—А высочайше пожалованныя мнѣ деньги получилъ?—Получилъ, ваше высокопревосходительство.—Спасибо, голубчикъ; ну, прощайте господа.—Ушелъ.—Всѣ фыркнули на свободѣ.

Передъ отъѣздомъ, Сухозанетъ испросилъ разрѣшеніе возложить на нашу же коммиссію перевѣрку дѣйствій и самого департамента военныхъ поселеній по дѣлу Гиммельфарба.

Между тѣмъ департаментъ упразднился, и дѣла его большею частью перешли уже въ инженерный департаментъ, такъ что намъ предстояло сноситься съ дѣлопроизводителями обоихъ департаментовъ.

Желая убѣдиться, какіе имѣются въ виду источники для попол-

ненія недовзысканныхъ съ Гиммельфарба около 80.000 р., и зная, что подрядъ его былъ обезпеченъ залогами, я спросилъ дѣло по заключенію контракта. Сначала все какъ слѣдуетъ—залоги взяты благонадежные, съ правомъ, какъ и всегда допускалось, замѣнять ихъ, по желанію контрагента, другими благонадежными. Въ числѣ залоговъ былъ домъ Янкеля Гиммельфарба, въ Полтавѣ. Но, смотрю далѣе, домъ этотъ освобожденъ отъ залога и, вмѣсто него, принятъ домъ, довѣренный Гиммельфарбу матросомъ Арвапиги, въ Севастополѣ, когда Севастополь былъ уже въ рукахъ непріятеля.

Для разъясненія этой операціи прибыла въ коммиссію особа въ генеральскомъ рангѣ изъ дѣятелей уже инженернаго департамента.

Осмѣлился я попросить его превосходительство объяснить, на чемъ было основано разрѣшеніе принять въ залогъ домъ въ чужомъ городѣ?

— На основаніи закона, послѣдовалъ отвѣтъ, не безъ гонора. Въ статьѣ такой-то поименованы города, въ которыхъ дома принимаются въ залогъ по подрядамъ, а такъ какъ Севастополь находится въ числѣ тѣхъ городовъ, то, слѣдовательно, мы поступили совершенно правильно.

— Да вѣдь были же распубликованы реляціи, по которымъ сданъ непріятелю.

— Покуда законъ не отмѣненъ закономъ, мы не считали себя вправѣ руководствоваться реляціями.

— Какъ будто и логично!

— Но есть еще законъ, замѣтилъ я, по которому принимаемые въ залогъ дома должны быть застрахованы. Имѣли ли вы страховой полисъ на домъ Арвапиги, когда принимали его въ залогъ, и застрахованъ ли онъ теперь? Его превосходительство покаялся, что это обстоятельство упущено изъ виду, вѣроятно по недоумѣнію!!!

Такой эпизодъ указалъ сразу, что въ новые мѣха попало старое вино.

Составился бы особый, порядочный томъ, если бы описать подробно все, что пришлось узнать коммиссіи и какіе пріемы понадобилось ей пускать въ ходъ, чтобы попасть хотя только на путь къ открытію настоящей Америки; но такой трудъ мнѣ теперь не по силамъ, и я опишу только въ общихъ чертахъ способъ, практиковавшійся всѣми инстанціями управленія военными поселеніями по случаю военнаго времени, въ интересахъ Гиммельфарба, избравъ для описанія движенія одного, какъ болѣе типичнаго отчета по приспособленію зданія бывшаго въ Херсонѣ канатнаго завода, для помѣщенія временнаго госпиталя.

По отчету, который составлялся на мѣстѣ, по мѣрѣ производства

работъ, исчислено было слѣдовавшихъ подрядчику за работы около 29.000 руб.

Если бы не было сдѣлано департаментомъ, упомянутаго выше, прикрытаго заботливостью о подчиненныхъ, распоряженія, чтобы составляемые по ходу работы отчеты не предъявлять для подписи Гиммельфарбу, а ожидать, когда такіе отчеты будутъ провѣрены и утверждены департаментомъ, то по отчету канатнаго завода Гиммельфарбъ получилъ бы около 29.000 р., исчисленныхъ конечно безъобидно по случаю военнаго времени; но когда этотъ отчетъ испыталъ перевѣрку разныхъ инстанцій и получилъ утвержденіе департамента, то Гиммельфарбу причиталось къ уплатѣ за произведенныя имъ работы уже около 130.000 р.

Вотъ какъ случилась эта метаморфоза:

Производитель работъ отчетъ свой, въ суммѣ около 29.000 р., представилъ на повѣрку ближайшаго начальства, въ управленіе округа, въ Кременчугъ.

Помощникъ начальника округа, полковникъ С., взамѣнъ этого отчета составилъ новый, въ суммѣ около 90.000 р., и послалъ его съ самимъ Гиммельфарбомъ въ Херсонъ, къ производителю работы, чтобы онъ, вмѣсто своего отчета, подписалъ этотъ.

При томъ деспотизмѣ, какой царилъ во всѣхъ отдѣлахъ управленія военными поселеніями, о сопротивленіи со стороны производителя работъ не могло быть и рѣчи. Самая рѣшимость бросить службу не спасла бы отъ пагубнаго преслѣдованія. Отчетъ былъ немедленно подписанъ и возвращенъ Гиммельфарбу.

Тотъ же помощникъ начальника округа пожелалъ оставить на возвращенномъ ему отчетѣ слѣды своей заботливости объ интересахъ казны, въ какихъ видахъ сдѣлалъ сокращеніе по многимъ статьямъ и, уменьшивъ итогъ, процентовъ на десять, имъ же самимъ выведенный, сдѣлалъ надпись, что сокращеніе сдѣлано по излишеству включенныхъ въ отчетъ матеріаловъ и рабочихъ, Затѣмъ, этотъ отчетъ, въ суммѣ около 80.000 р., былъ представленъ въ департаментъ.

Тутъ отчетъ поступилъ къ полковнику К. Онъ сдѣлалъ на отчетѣ надпись: отчетъ повѣрялъ полковникъ К., но эта надпись сдѣлана на такомъ мѣстѣ, что между нею и подписью помощника начальника округа оставалось еще свободное мѣсто, строкъ на пять.

Послѣ этой повѣрки, отчетъ былъ переданъ, по общему порядку, въ числѣ другихъ отчетовъ, дѣлопроизводителю общаго присутствія, для представленія этому присутствію на окончательное утвержденіе.

Коллегія, конечно, отчетовъ повѣрять не могла, и потому присутствіе, выслушавъ, какіе отчеты поступили, какъ вѣроятно и всегда дѣлалось, изъявило согласіе утвердить повѣренные отчеты, послѣ чего

оставалось дѣлопроизводителю составить по установленной формѣ журналъ засѣданія, а присутствовавшимъ въ засѣданіи—подписать журналъ.

Такъ какъ журналы подписывались въ слѣдующемъ, по выслушаніи доклада, засѣданіи, а засѣданія назначилась черезъ недѣлю, то дѣлопроизводитель могъ не спѣшить составленіемъ журналовъ и складывалъ доложенные отчеты въ свой столъ до удобнаго времени.

Тутъ являлся, съ подобраннымъ ключемъ, писарь Проемскій и, забравъ отчеты, передавалъ ихъ тому же полковнику К., и тогда начиналась настоящая работа. Гдѣ было удобно, приписывались нули. Гдѣ перескабливались запятыя, а затѣмъ, безъ церемоніи, что было нужно, выскабливалось, вставлялись новыя цифры, перечеркивались синими чернилами и выводились новые, сперва частные, а потомъ общіе итоги.

Послѣ такой операціи надъ отчетомъ канатнаго завода, а онъ оказался въ суммѣ уже около 130.000 р. и въ мѣстѣ, предусмотрительно оставленномъ надъ подписью полковника К., появилось удостовѣреніе что сумма, показанная въ отчетѣ, доставленномъ отъ округа, измѣнилась отъ невѣрности общихъ и частныхъ итоговъ.

Дѣлопроизводитель общаго присутствія, ссылаясь также на законныя основанія, считалъ себя обязаннымъ включить въ журналъ только тѣ цифры отчета, правильность которыхъ удостовѣрена повѣркою въ департаментѣ, включалъ въ журналъ послѣдне выставленныя цифры, а члены общаго присутствія подписывали журналы уже, не читая—и такимъ образомъ всѣ отчеты Гиммельфарба, проходя тѣмъ же путемъ, получали законную силу, а подрядчикъ право получать по нимъ деньги.

Не могло быть сомнѣнія, что каждый изъ участвовавшихъ въ пользу Гиммельфарба не могъ бы рисковать уголовною отвѣтственностью только изъ одного доброхотства, не предрѣшая дѣлежа отъ прибытковъ подрядчика, но кто и въ какомъ размѣрѣ имѣлъ виды участвовать въ дѣлежѣ, открыть не удалось. Всякій, и даже Гиммельфарбъ, считалъ себя правымъ; кто—ссылаясь на букву закона, кто на понятое не такъ, а иначе предписаніе начальства, а большинство указывало на то, что если отчеты утверждены общимъ присутствіемъ, то, значитъ, они правильны, такъ что безъотговорочно и изобличенно виновными оказались только двое: помощникъ начальника округа и повѣрявшій отчеты полковникъ К.

Послѣ продолжительной нашей работы, какъ-то вошелъ въ коммиссію полк. К. съ видимыми признаками крайняго возбужденія,—глаза красные, будто заплаканные, лицо осунулось. Долго ходилъ онъ изъ угла въ уголъ, но вдругъ остановился передо мною.—Я рѣшился, на-

чалъ онъ прерывающимся голосомъ, облегчить вашу работу и очистить свою совѣсть и хочу высказать вамъ мою исповѣдь. Вынулъ платокъ и почти упалъ на стулъ.

Предвидя, что это прологъ начинающейся страшной драмы, я содрогнулся отъ тѣхъ ощущеній, какія долженъ былъ переживать на моихъ глазахъ въ эти минуты полковникъ, ступившій уже одною ногою на лобное мѣсто.—Я не слѣдователь, а членъ коммиссіи, отвѣчалъ я, и потому, хотите ли посвятить коммиссію въ вашу откровенность?—Хочу, былъ короткій отвѣтъ.

Черезъ нѣсколько минутъ уже всѣ члены коммиссіи сидѣли кругомъ стола, предоставивъ мѣсто и полковнику К.

— Коммиссія убѣдилась, началъ онъ, какимъ я пользовался довѣріемъ со стороны моихъ сослуживцевъ. Одной моей подписи было достаточно, чтобы подрядчикъ, вмѣсто десятка тысячъ, могъ получить сотню тысячъ, но я до настоящей войны никогда не злоупотреблялъ этимъ довѣріемъ, что можетъ подтвердить извѣстная моимъ сослуживцамъ моя нищенская жизнь. Я женатъ и получаю всего 750 р. Вотъ, уже не первый десятокъ лѣтъ повѣряю смѣты и отчеты. Повѣрилъ ихъ на милліоны и могъ бы, значитъ, устранить ранѣе такія обстоятельства, какія теперь ведутъ меня къ погибели, но я ихъ не устранилъ. Считалъ безчестнымъ. Начну съ начала. Это было 8 мая. Канунъ моихъ имянинъ, когда во время моей обычной, вечерней, служебной работы, пришелъ ко мнѣ Гиммельфарбъ. Видя меня разстроеннымъ, спросилъ о причинѣ. Причинъ много, отвѣчалъ я. Во-первыхъ, жена больна, а во-вторыхъ, не только послать за докторомъ, а и за лѣкарствомъ послать не на что. Въ домѣ одинъ двугривенный, а тутъ еще какъ на грѣхъ завтра именинникъ, пожалуй, прійдетъ кто-нибудь. По неволѣ расхнычешься. Какъ теперь вижу этого дьявола соблазнителя и слышу его рѣчи. Худо тогда, когда деньги нужны, а взять ихъ негдѣ; когда же добыть ихъ легко, то сокрушаться не стоитъ, сегодня денегъ больше у меня, чѣмъ у васъ, а завтра ихъ можетъ быть у васъ болѣе, чѣмъ у меня. Нужно только во-время пособлять другъ другу. Въ это время Гиммельфарбъ вынулъ бумажникъ и все, что въ немъ было видно, положилъ ко мнѣ на столъ. Когда-нибудь сосчитаемся. На верху лежала давно невиданная мною сторублевая бумажка и въ ней виднѣлась мелочь. Не успѣлъ я опомниться, какъ Гиммельфарбъ уже скрылся. Слѣдовало бы его догнать и задушить; но я поддался искушенію.

На другой день Гиммельфарбъ пріѣхалъ съ поздравленіемъ, какъ ни въ чемъ не бывалъ и привезъ мнѣ въ подарокъ серебряную бульонную чашку и вотъ эти часы. (Коммиссія записала ихъ №). Я взялъ.

Вскорѣ начали поступать въ департаментъ отчеты по работамъ

Гиммельфарба. Меня удивило, что въ шнуровомъ журналѣ, въ который вписывались поступавшіе отчеты, обыкновенно съ обозначеніемъ суммы, на какую отчетъ составленъ, противъ отчетовъ Гиммельфарба суммъ не показано. Для нихъ оставлено мѣсто. Всматриваюсь и вижу, что листы были вырѣзаны и вмѣсто ихъ очень искусно вклеены новые. Тутъ я понялъ, что есть третье лицо, орудующее храбро, чтобы прятать концы и тутъ же догадался, чего отъ меня ожидаютъ: то есть передѣлки отчетовъ. Обдумавъ способъ, я на первыхъ же отчетахъ оставилъ надъ своею подписью мѣсто, наудачу, не зная еще, что и какъ удастся далѣе. Но мы, то есть я и, невѣдомый мнѣ, кто-то, поняли другъ друга. Вечеромъ, послѣ засѣданія общаго присутствія, которымъ были утверждены подписанные мною отчеты, писарь другаго отдѣленія принесъ ко мнѣ и молча положилъ на столъ украденные изъ стола дѣлопроизводителя отчеты. Въ томъ числѣ и отчетъ по канатному заводу.

Послѣ моей сцены съ Гиммельфарбомъ, я, взявъ деньги, считалъ себя уже внѣ закона. Все равно пропалъ, и меня душила только жажда разсквитаться съ нимъ, вознаградивъ за подачку, и я началъ скоблить, чертить и прибавлять сколько влѣзетъ. Остальное вамъ извѣстно, и потому, Христа ради, увольте отъ другихъ вопросовъ и отвѣтовъ. Не могу.

Князь Васильчиковъ, узнавъ объ этомъ засѣданіи, тотчасъ же призналъ нужнымъ отправить полковника К. на гауптвахту, обязавъ его сдѣланныя показанія изложить письменно.

Гиммельфарбъ, спрошенный по поводу подарковъ, отрицалъ все отъ слова до слова. Послали въ магазинъ Мозера, узнать, когда проданы были часы по сообщенному №. Оказалось, что проданы дѣйствительно 9 мая, а кому неизвѣстно.

Какъ всему бываетъ конецъ, кончились и занятія коммиссіи. Работы наши перешли въ аудиторіатскій департаментъ. Послѣдовалъ судъ и, затѣмъ, четыре полковника и одинъ коллежскій совѣтникъ были разжалованы, а Гиммельфарбъ сосланъ.

Анненковъ встрѣтилъ меня съ новыми любезностями и, проводивъ съ обѣщаніями, теперь уже отъ себя исходатайствовать мнѣ награду, но къ этому встрѣтилось затрудненіе въ недавно полученной мною наградѣ за первую коммиссію. Князь Васильчиковъ, узнавъ объ этомъ, высказалъ свое мнѣніе, что другой, пожалуй, сдѣлаетъ такой выводъ, что у васъ, въ контролѣ, слѣдуетъ работать по количеству ожидаемыхъ наградъ, а не получать награды по качеству работъ. У насъ это не такъ. Черезъ нѣсколько дней я получилъ подарокъ. по военному вѣдомству.

Въ государственномъ контролѣ сохранилось, какъ устное пре-

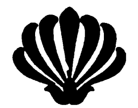
даніе, возраженіе извѣстнаго министра финансовъ—графа Канкрина, противъ контроля: „могу ли я согласиться, заявлялъ онъ, чтобы какой-нибудь тамъ чиновникъ выражалъ свое заключеніе о правильности дѣйствій министра“!

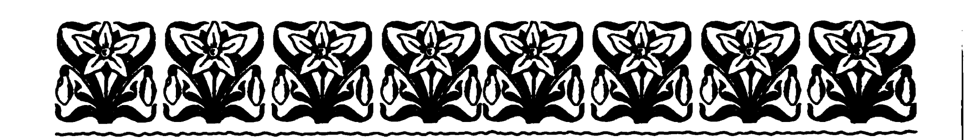
Можно себѣ представить, какой же произвело эффектъ, какъ знаменіе наступающаго новаго времени, объявленное великимъ княземъ Константиномъ Николаевичемъ, имъ самимъ испрошенное высочайшее повелѣніе—назначить отъ государственнаго контроля особую коммиссію для безпристрастной оцѣнки дѣятельности въ хозяйственномъ отношеніи морскаго министерства подъ управленіемъ его высочества въ періодъ военныхъ дѣйствій.

Предсѣдателемъ коммиссіи былъ назначенъ Шамшинъ, а въ члены попалъ и я.

Весь Петербургъ видалъ, какъ во время войны, всю зиму, денно и нощно, тянулись въ нѣсколько рядовъ, отъ Громовской лѣсной биржи, черезъ Васильевскій островъ, одноконныя подводы съ громаднымъ бревномъ на каждой. Это везли сваи для подводныхъ укрѣпленій Кронштадта.

Само собою, приступивъ къ дѣлу, мы взялись за разсмотрѣніе этой громадной операціи. Оказалось, что по контракту требовалось заготовить и забить болѣе 50.000 свай. На первыхъ же порахъ встрѣтились, такъ называемыя, недоразумѣнія, но Шамшинъ далъ понять сразу, что ревизія должна быть сама по себѣ, а способъ изложенія ревизіонныхъ послѣдствій самъ по себѣ. Начались было у меня, какъ плохаго дипломата, пререканія съ Шамшинымъ, но сила сломила солому. Конечный докладъ получилъ направленіе подъ редакціею Шамшина съ желаемымъ имъ оттѣнкомъ, и коммиссія закрылась. Многочисленнымъ дочерямъ Шамшина пожалована была при жизни его пенсія въ 1.500 р., а сынъ, морякъ, посланъ въ кругосвѣтное плаваніе. Я получилъ высочайшее благоволеніе.

Бытовые очерки В. П. Лободовскаго [1]).

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ.

I.

Пришлось однажды Перепелкину читать рефератъ по поводу значенія образованія вообще.

Здѣсь онъ встрѣтилъ не совсѣмъ спокойное отношеніе къ дѣлу со стороны почтеннаго законоучителя. Это былъ добрый и благочестивый человѣкъ, христіанскимъ образомъ своей жизни внушавшій юношеству невольное уваженіе къ себѣ, но въ своихъ научныхъ воззрѣніяхъ онъ, несмотря на академическое образованіе, дальше семинарскихъ понятій не уходилъ и былъ мало что не податливъ, но иногда даже враждебенъ разнымъ новшествамъ по части педагогическихъ дѣлъ, да и вообще въ жизни, о чемъ Петръ Ивановичъ еще раньше предупреждалъ Перепелкина. Когда Перепелкинъ кончилъ чтеніе реферата, священникъ сказалъ: „вы, Савва Саввичъ, кажется, слишкомъ подчиняетесь матеріалистическимъ взглядомъ Конта, который все подвергалъ опытамъ“.

— Ну, батюшка, я ужъ и не знаю, что вамъ сказать на это, съ замѣтнымъ негодованіемъ возразилъ Перепелкинъ: я ссылаюсь на всѣхъ—можно ли въ моемъ рефератѣ, или во всемъ, сказанномъ мною по поводу его, найти хоть одну мысль, которая давала бы малѣйшее основаніе думать, что я держусь какого-то матеріалистическаго ученія? Да и самъ Контъ—развѣ не онъ ли сказалъ, что „кромѣ науки опытной, имѣющей дѣло только съ явленіями, есть еще область сердца, область идеаловъ, область вѣры въ идеалы, вытекающая изъ потребностей сердца. А эти потребности суть тоже факты жизни, которыхъ нельзя игнорировать, потому что ими только держится жизнь въ ея высшемъ, разумномъ смыслѣ“.

Много времени прошло послѣ чтенія реферата, но впечатлѣнія

---

[1]) См. „Русскую Старину“ сентябрь 1905 г.

отъ него, а еще болѣе отъ жаркой защиты его, никакъ не забывались людьми злопамятными, которымъ они были не по вкусу, и никогда уже не прощались, тѣмъ болѣе, что горячими сторонниками и послѣдователями его взглядовъ и указаній сдѣлались молодые и умные представители естественной и политической исторіи, которые, къ удовольствію Петра Ивановича, да и самого начальника заведенія, внесли въ дѣло преподаванія такую силу оживленія, что возбудили небывалый интересъ въ учащихся къ ихъ предметамъ. И въ заведеніи, и внѣ его, въ городѣ заговорили объ этихъ явленіяхъ въ корпусѣ, но, разумѣется, не всѣ этимъ были довольны. Любители мрака и мутной воды душевно возненавидѣли Перепелкина, какъ единственнаго виновника всѣхъ новшествъ:

— Это все Перепелкинъ намутилъ своими побасенками, да балагурствомъ,—гнусилъ нерѣдко въ кружкахъ, ему сочувственныхъ, весьма хитрый и чрезвычайно осторожный на словахъ, жидовскаго типа строевикъ-воспитатель (онъ же строитель одежды, обуви и всяческихъ покрововъ и облаченій учащагося юношества, про котораго говорили, что въ темныя ночи, по совершенно неосвѣщенному городу, онъ возами вывозилъ къ себѣ излишки казеннаго добра): вѣдь, до пріѣзда этого болтуна-пустомели, никому не было дѣла, да и разговоровъ публичныхъ никогда нигдѣ не происходило о томъ, гдѣ что и какъ строится, подряжается и проч. Низкой души человѣкъ, всѣхъ развратилъ: какъ будто нѣтъ предметовъ интереснѣе для общества, а еще литературу читаетъ! язвительно и не безъ скрежета зубовнаго ехидствовалъ онъ, вызывая злостныя улыбки и гримасы со стороны нѣкоторыхъ лицъ. Недоброжелательство къ Перепелкину все росло да росло, онъ его чувствовалъ, но до какихъ размѣровъ оно можетъ дойти и къ какимъ результатамъ повести, онъ никакъ не предвидѣлъ. Что его забрасывали грязью, всячески чернили, выдумывая на него и его семейство всевозможныя клеветы и кляузы, онъ это хорошо зналъ и изъ анонимныхъ писемъ къ нему и со словъ доброжелательныхъ ему лицъ, особенно Уклонова; но чтобы дѣло дошло до публичнаго его оскорбленія, ему это и въ голову никогда не приходило: „развѣ изъ-за угла камнемъ въ голову, какъ было во вторую публичную лекцію“, думалъ онъ иногда, по поводу полученія какого-нибудь предостерегательнаго или угрожающаго письма. Такъ онъ не придалъ никакого серьезнаго значенія и одному роковому извѣщенію, въ которомъ какой-то сердечный человѣкъ, очевидно, желавшій ему добра, предупреждалъ его, чтобы онъ не являлся въ имѣющій быть въ такой-то день маскарадъ въ клубѣ.

„Вѣрьте мнѣ или не вѣрьте,—писалъ онъ,—это ваше дѣло; но я, искренно васъ уважающій (вы меня не знаете и никогда не

узнаете), предупреждаю, чтобъ вы не ходили въ слѣдующій праздникъ въ клубъ—тамъ готовятъ вамъ пакость, которая можетъ васъ взорвать, и надо опасаться, какъ бы отсюда не произошло послѣдствій неудобныхъ, или даже, можно сказать, слишкомъ зловредныхъ для васъ. Въ домѣ Б., гдѣ васъ всѣ отъ мала до велика душевно ненавидятъ, по затѣѣ юродиваго Б. (не изъ этого дома) дѣлаются приготовленія представить васъ въ маскѣ осла, но такъ, чтобы неотступными приставаньями и прозрачными намеками непремѣнно вывести васъ изъ терпѣнія. Роль осла взялъ на себя №., обучавшій вашихъ дѣтей рисованью, но которому вы отказали, по его словамъ, будто бы безъ всякаго повода съ его стороны".

Все это казалось Перепелкину правдоподобнымъ, но нисколько не поколебало его въ намѣреніи быть въ маскарадѣ, тѣмъ болѣе, что Любѣ этого хотѣлось (она о предостереженіи ничего не знала), да и дежурство его, какъ старшины клуба, приходилось на этотъ вечеръ. Ненависть всѣхъ членовъ дома Б. къ Перепелкину происходила отъ нежеланія его сближаться съ ними, чего тѣ сильно домогались, особенно глава дома, всегда искавшій опоры въ другихъ и вѣчно лебезившій предъ тѣми, кто, по его мнѣнію, былъ въ силѣ по службѣ или пользовался какимъ-нибудь значеніемъ въ обществѣ. Зналъ и понималъ Перепелкинъ вражду къ нему и другаго Б., не изъ этого дома. Это былъ Тартюфъ въ миніатюрѣ: носилъ на себѣ вериги, по словамъ близкихъ къ нему людей, при чувствительныхъ разговорахъ имѣлъ привычку вздѣвать глаза къ небу, но, разумѣется, ханжилъ, ухаживалъ за высокопоставленными лицами, вѣчно пресмыкался предъ ними. Его соблазняло положеніе Перепелкина, получавшаго значительный окладъ жалованья и пользовавшагося значеніемъ и вліяніемъ въ корпусѣ, и вотъ онъ задумалъ сѣсть на его мѣсто. „Я, говорилъ онъ Перепелкину,—отъ двухъ профессій (онъ имѣлъ казенную службу и былъ гувернеромъ у одного генерала) не получаю и половины того, что вы получаете отъ одной. Если вы вздумаете оставить это мѣсто, то, пожалуйста, предупредите меня, я буду искать его". И даже совѣтовался съ Перепелкинымъ, чѣмъ ему заняться предварительно, чтобы съ увѣренностью выдержать требуемое испытаніе. Вотъ этотъ-то господинъ былъ иниціаторомъ и руководителемъ той затѣи, о которой предупрежденъ былъ Перепелкинъ какимъ-то добросердечнымъ незнакомцемъ.

По случаю своего дежурства въ качествѣ старшины, Перепелкинъ явился въ клубъ въ 9 часовъ. Жена пріѣхала позже, когда уже начали собираться маски. Ихъ прибыло, наконецъ, ужъ очень много, но осла—учителя нѣтъ какъ нѣтъ. Перепелкинъ сталъ было уже считать предостереженіе незнакомца вздоромъ, но, осмотрѣвшись вни-

мательно кругомъ, онъ по нѣкоторымъ признакамъ не могъ не догадываться, что маска эта явится, что ее ждутъ, даже съ нескрываемымъ нетерпѣніемъ, многія, враждебно расположенныя къ нему лица, особенно изъ породы Утягаевыхъ, Таскаловыхъ, Загребаевыхъ. Зналъ объ этомъ, повидимому, и одинъ изъ крупныхъ чиновъ жандармеріи, который прелюбезно, съ хитрой и ядовитой улыбкой сообщилъ ему, что сегодня-де будутъ преинтересныя маски. Перепелкинъ ходилъ по залѣ съ женой и двумя дамами, когда этотъ же чинъ громко окрикнулъ: „А вотъ, Савва Саввичъ, и камарадъ вашъ явился".

Перепелкинъ оглянулся. Къ нему направлялась чрезъ весь залъ съ длинными ослиными ушами маска въ форменномъ учительскомъ фракѣ. Ее сопровождали другія маски, довольно оригинально одѣтыя съ различными эмблемами, значенія которыхъ Перепелкинъ не могъ понять. Если бы онъ не былъ предупрежденъ, что эти затѣйники имѣютъ цѣлію оскорбить его, то онъ отъ души посмѣялся бы: такъ были они забавны по своей костюмировкѣ, движеніямъ и мимикѣ. Глядя на нихъ, нельзя было воздержаться отъ смѣха, которымъ заражались всѣ по мѣрѣ того, какъ маска съ ослиными ушами подвигалась по залу впередъ, въ сопровожденіи своей шутовской свиты. Но Перепелкинъ, замѣтивъ устремленные на него со всѣхъ сторонъ взоры публики, вскорѣ почувствовалъ раздраженіе и волненіе, скрыть которыя было не въ его натурѣ, не въ его самообладаніи.

Маска приблизилась къ нему.

Перепелкинъ хранилъ серьезное молчаніе.

— Вашъ камарадъ явился! повторилъ съ саркастической улыбкой жандармскій чинъ.

— У меня нѣтъ камарадовъ съ длинными ушами, угрюмо и неловко пробормоталъ неопытный въ житейскихъ дѣлахъ педагогъ-идеалистъ.

— Такъ позвольте вамъ отрекомендоваться, заговорила ушатая маска: профессоръ элоквенціи Тредьяковскій.

Перепелкинъ очень хорошо чувствовалъ и понималъ, что самое лучшее принять все это за шутку и ничего не отвѣчать, но, очевидно, все больше и больше раздражаясь, онъ не удержался, чтобъ не сказать: не слишкомъ ли много чести для длинныхъ ушей такое почтенное имя!

Шутовская свита маски - осла, обступившая Перепелкина, захохотала.

— Длинныя уши—это эмблема высоко настроенной поэтической лиры, выпалилъ ушатый, очевидно, вытверженной фразой.

И здѣсь сознаніе не оставляло Перепелкина и ясно говорило, что

*

слѣдуетъ промолчать и не разводить дальше разговоровъ, но у него, совершенно противъ воли, сорвались съ языка дерзкія слова:

— Ну, такъ думать могутъ только люди, которымъ нѣтъ надобности въ эмблемахъ осла, въ видѣ длинныхъ ушей, потому что они въ натурѣ, всею своею личностью изображаютъ его несравненно лучше... рельефнѣе, такъ сказать, пояснялъ онъ тономъ, хотя и сдержаннымъ, но въ которомъ явно-таки звучала нотка уколотаго, раздраженнаго, кусающагося самолюбія.

— Пожалуй, теперь я сдѣлаюсь притчей во языцѣхъ, думалъ Перепелкинъ, и боюсь, какъ бы эта глупая исторія не испортила хорошихъ моихъ отношеній къ учащимся, что можетъ повести къ тому, что заведеніе, къ которому сталъ уже привязываться, такъ какъ чувствовалъ себя на мѣстѣ, придется оставить.

Но случилось такъ, что не прошло и трехъ мѣсяцевъ послѣ этой исторіи, какъ Перепелкинъ съ семьею уже путешествовалъ къ родному пепелищу, въ домъ отца, который на письмо сына объ этомъ приключеніи, или, лучше сказать, злоключеніи, между прочимъ писалъ: „А развѣ я не предостерегалъ тебя, къ чему могутъ привести твои затѣи—содѣйствовать посредствомъ публичныхъ чтеній и объясненій исправленію общественной нравственности? Теперь, сынку, по-моему, ничего другаго тебѣ не остается—повѣрь мнѣ—какъ бросить это мѣсто, ѣхать во время каникулъ къ намъ съ семействомъ, и, оставивъ его гостить у насъ, самому немедленно отправиться въ столицу для пріисканія себѣ мѣста здѣсь гдѣ-нибудь, по близости къ намъ“.

Какъ нарочно письмо это получилось какъ разъ въ тотъ день, когда Перепелкинъ, переиспытавшій много огорченій за это короткое время, былъ страшно пораженъ извѣщеніемъ директора, который между прочимъ писалъ: „Б. вторично подалъ мнѣ рапортъ, въ которомъ уже категорически требуетъ движенія давно поданному, какъ вамъ извѣстно, рапорту объ оскорбительныхъ выраженіяхъ, употребленныхъ вами въ классѣ (гдѣ находился и его сынъ) по отношенію якобы его дома, по поводу являвшейся въ клубѣ извѣстной маски. Я знаю, что это клевета, но вѣдь ее подтверждаютъ теперь, кромѣ сына Б., еще два мальчика того же класса, а потому совѣтую покончить всю эту исторію миромъ. Напишите ему, или лично скажите, что если онъ вѣритъ тому, что передалъ ему сынъ и теперь подтверждаютъ еще два мальчика, то вы извиняетесь предъ нимъ и его семействомъ за поданный вами поводъ такъ перетолковать ваши слова. Этого будетъ достаточно, чтобы я возвратилъ ему оба его рапорта. А не возьметъ назадъ, тогда и я, имѣя много указаній и подтвержденій вашей правоты, въ правѣ буду сказать ему то, чего

онъ и не ожидаетъ, но вполнѣ заслуживаетъ, тѣмъ болѣе, что дѣйствуетъ онъ, какъ я могу не только догадываться, но и ясно видѣть, по подстрекательству другихъ.

Дѣло въ томъ, что на другой день послѣ клубнаго маскарада, когда Перепелкинъ, по окончаніи лекціи, выходилъ изъ класса, къ нему подбѣжалъ уже у самыхъ дверей, воспитанникъ, лѣтъ 13, сидѣвшій рядомъ съ сыномъ Б., и спросилъ: „Правда ли, Савва Саввичъ, что вы маскировались вчера". Перепелкина смутилъ этотъ вопросъ, но онъ совершенно спокойно отвѣчалъ: „Нѣтъ, я не маскировался, а это представлялъ меня въ ослиной маскѣ какой-то шалопай изъ дома Б., въ которомъ, какъ извѣстно, много квартирантовъ". Въ тотъ же день былъ поданъ директору рапортъ, въ которомъ Б. жаловался на оскорбленіе въ классѣ Перепелкинымъ его дома. Поручено было Петру Ивановичу (новому) разобрать дѣло. Но онъ, разспросивъ мальчиковъ отдѣльно, по одиночкѣ, нашелъ, что сказаннаго Перепелкинымъ Б. не имѣлъ никакого основанія принимать на свой счетъ. Такъ было оффиціально донесено генералу, и дѣло, повидимому, тѣмъ и должно было кончиться. Но интрига не дремала. Партія строевиковъ-воспитателей ухватилась за инцидентъ въ классѣ по поводу маски и раздула его до размѣровъ, не безопасныхъ для положенія Перепелкина. Но такое горячечное состояніе остроумныхъ строевиковъ-воспитателей могло бы и пройти, если бы не подзадоривали Утягаевы, Таскаловы и Загребаевы, во главѣ которыхъ стоялъ, какъ всегда и вездѣ, другъ ихъ, опекаемый Перепелкинымъ, предмѣстникъ его по преподаванію словесности, оставленный вслѣдствіе его заступничества только на три года, до выслуги пенсіи, но теперь уже выслуживавшій даже прибавку къ ней и все-таки не перестававшій подкапываться подъ своего патрона-опекуна распространеніемъ самой наглой, пошлой и даже совершенно безсмысленной лжи про него. Онъ уже успѣлъ поссорить его съ новымъ Петромъ Ивановичемъ, инспекторомъ, который, впрочемъ, скоро понялъ, кажется, его натуру, отвернулся отъ него и примирился съ Перепелкинымъ. Но положеніе все еще увлекающагося идеалиста-педагога было далеко уже не то, что при прежнемъ начальствѣ. Перепелкинъ очень хорошо понималъ, что и прежній начальникъ, равно какъ и прежній его помощникъ, первый Петръ Ивановичъ, могли только уважать и цѣнить его дѣятельность, но любить его, положительно, не могли, потому что та откровенная прямолинейность, съ которой онъ дѣйствовалъ всегда и во всемъ, рѣшительно была не въ ихъ правахъ, не въ правилахъ, и приходилась имъ, слѣдовательно, совсѣмъ не по сердцу. Но все-таки, цѣня его полезную дѣятельность, они оба въ обиду его не давали и энергично защищали его отъ всяче-

ской клеветы. Особенно Петръ Ивановичъ, который и на себѣ испыталъ ее немало первое время по прибытіи въ трущобу, которую Т. помѣщикъ-юристъ окрестилъ кличками: „Безтолочь", „Непроницаемая муть", „Покладистая блудница", „А ну-ка попробуй". Новый начальникъ заведенія, честнѣйшій и добродушнѣйшій генералъ, прямо заявилъ на первыхъ же порахъ Перепелкину, что онъ вполнѣ сочувствуетъ полезной его педагогической дѣятельности и всегда будетъ цѣнить ее высоко, несмотря ни на кого, ни на что, но тѣхъ отношеній къ людямъ, въ которыя вы поставили и продолжаете ставить себя, я рѣшительно не одобряю, и поправлять ихъ мнѣ будетъ и трудно и даже невозможно, какъ вы и сами поймете почему", совершенно искренно высказывался онъ Перепелкину наединѣ: „напротивъ, я даже иногда вынужденъ буду, хоть для вида, держать сторону вашихъ противниковъ, чтобы ослабить ихъ вражду къ вамъ и не дать имъ повода переносить ее на меня".

Единственное лицо, въ искренность котораго еще вѣрилъ Перепелкинъ, это былъ начальникъ заведенія, достойнѣйшій человѣкъ: съ умомъ, начитанностью, добрымъ сердцемъ и проникнутый сильнымъ желаніемъ держать заведеніе на надлежащей высотѣ, но при извѣстной своей несчастной слабости, которую черная банда Утягаевыхъ, Таскаловыхъ и Загребаловыхъ отлично умѣла взвѣсить, опредѣлить и утилизировать въ свою пользу, онъ не представлялъ для Перепелкина надежной опоры, какъ и самъ неоднократно съ полною искренностью заявлялъ ему объ этомъ.

Взвѣсивъ всѣ эти обстоятельства и часто находясь къ тому же подъ давленіемъ тяжелыхъ мыслей вслѣдствіе домашней неурядицы въ отношеніи воспитанія дѣтей и веденія хозяйства, онъ порѣшилъ, наконецъ, послѣдовать совѣту отца—поискать мѣста поближе къ нему, но не оставлять сразу окончательно этого заведенія, а взять только отпускъ на каникулярное время, въ виду того, что о замѣщеніи учительскихъ вакансій заботятся заблаговременно, и легко могло случиться, что на новый учебный годъ, имѣющій наступить не болѣе какъ черезъ два съ половиною мѣсяца, могло бы и не оказаться такого количества не занятыхъ уроковъ, какое требуется закономъ для опредѣленія штатнымъ преподавателемъ.

Поощренный совпаденіемъ желаній жены и семейства съ его мыслями и намѣреніями, Перепелкинъ тотчасъ же подалъ рапортъ объ отпускѣ на каникулярное время.

И начальникъ заведенія, и Петръ Ивановичъ, сдѣлавшійся къ этому времени особенно благосклоннымъ къ Перепелкину, всячески отговаривали его отъ намѣренія оставить заведеніе совсѣмъ, представляя для этого основательные резоны и между прочимъ еще то

соблазнительное обстоятельство, что онъ уже выслужилъ вторую прибавку добавочнаго жалованья.

Мотивомъ же своего нежеланія продолжать здѣсь службу Перепелкинъ выставилъ то обстоятельство, что въ этомъ отдаленномъ краѣ человѣку съ честными убѣжденіями и съ наклонностью не только не скрывать ихъ ни предъ кѣмъ, но даже стараться привить ихъ къ другимъ, жить-де безопасно: забрызгиваютъ-де грязью изъ-за угла, а подчасъ производятъ и открытыя публичныя оскорбленія.

Когда Перепелкинъ, оставивъ на пути свое семейство гостить у родныхъ въ Малороссіи, прибылъ въ столицу и явился къ бывшему своему начальнику, послѣдній съ первыхъ же словъ вызвался послать телеграмму съ усерднѣйшей рекомендаціей педагога въ Кіевскій корпусъ. На это послѣдовалъ отвѣтъ, что примутъ его на службу съ удовольствіемъ, но только на слѣдующій учебный годъ, такъ какъ на этотъ годъ остовавшіеся свободными уроки предназначены уже профессору семинаріи, который поэтому отказался отъ другихъ частныхъ занятій. Въ виду этого онъ рѣшилъ ждать въ деревнѣ у отца.

Не входя ни съ кѣмъ ни въ какія объясненія относительно своихъ намѣреній, онъ явился въ Управленіе, завѣдующее дѣлами военно-учебныхъ заведеній, и подалъ прошеніе объ увольненіи его въ отставку съ назначеніемъ ему половинной пенсіи, которую онъ, по своимъ соображеніямъ, считалъ вполнѣ выслуженной. Ему выразили удивленіе, что онъ, въ такія молодыя лѣта и такъ хорошо обставленный по службѣ, вдругъ вздумалъ оставить ее, да еще какъ разъ въ то время, когда только-что выслужилъ значительную добавку къ учительскому жалованью, которой-де и воспользоваться не придется. Тѣмъ не менѣе прошеніе приняли, предупредивъ только, что оно, какъ слѣдуетъ по закону, предварительно должно быть препровождено на заключеніе къ начальнику корпуса, въ которомъ Перепелкинъ служилъ, а по возвращеніи оттуда увольненіе послѣдуетъ немедленно, безъ всякихъ проволочекъ.

Вскорѣ получилось изъ столицы письмо такого содержанія, что это дескать, еще вопросъ, можетъ ли быть назначена половинная пенсія, такъ какъ для сокращенія срока на полученіе ея требуется прослужить въ привилегированной мѣстности не менѣе десяти лѣтъ не со дня назначенія на службу, а со дня вступленія въ отправленіе своихъ обязанностей и по день увольненія въ отпускъ. Когда Перепелкинъ сообразилъ все это, то увидѣлъ, что тутъ, дѣйствительно, есть недочетъ въ его службѣ, который и можетъ послужить основаніемъ къ отказу въ назначеніи ему половинной пенсіи, и немедленно телеграфировалъ директору корпуса, чтобы онъ не давалъ пока хода прошенію его объ увольненіи въ отставку.

Директоръ вскорѣ телеграфировалъ Перепелкину, чтобы онъ, раньше своего отъѣзда, непремѣнно извѣстилъ бы его телеграммой, согласенъ ли онъ будетъ исполнить въ отношеніи Б. то, что прежде предлагалось ему сдѣлать. Это значило извиниться предъ Б. въ мнимомъ оскорбленіи его дома. Перепелкинъ очень хорошо понималъ, что безъ этого условія возвращеніе его обратно на службу немыслимо, но все-таки медлилъ отвѣтомъ, поджидая письма отъ генерала, которое, наконецъ, и пришло, но заключало въ себѣ такія данныя, что старикъ - отецъ ужаснулся за сына и пришелъ въ великое недоумѣніе—какъ могъ онъ, при такихъ условіяхъ, оставаться десять лѣтъ на службѣ въ заведеніи дальняго края!

— Шутка ли—удивлялся старикъ—двумъ третямъ сослуживцевъ своихъ пришелся ты, сынку, не по нраву и не по вкусу, какъ видно изъ письма твоего начальника, который, очевидно, благоволитъ къ тебѣ! А все же, мнѣ кажется, это происходитъ единственно оттого, что ты—не въ укоръ будь тебѣ сказано—берешься не за свое дѣло—и дѣло обоюдуострое — учить всѣхъ и всему. Не одобряю я, сынку, этого, не одобряю, хотя ты и хорошій человѣкъ во всѣхъ отношеніяхъ. Умозаключаю не безъ основанія, что и добрый твой начальникъ одного со мною мнѣнія по сему вопросу.

„Едва только сдѣлалось извѣстнымъ", писалъ директоръ, „что вамъ не удалось получить мѣсто и представляется неизбѣжнымъ воротиться назадъ, какъ затихшее было на время нерасположеніе къ вамъ стало выражаться, по крайней мѣрѣ, между двумя третями сослуживцевъ вашихъ въ формѣ такой непримиримой враждебности къ вамъ, что я счелъ необходимымъ потребовать отъ васъ прежде отъѣзда телеграммы съ категорическимъ выраженіемъ обѣщанія исполнить въ отношеніи Б. то, что всѣ уже теперь считаютъ необходимымъ, то есть извиниться предъ нимъ въ неумышленномъ оскорбленіи вами его дома. Это успокоитъ за васъ доброжелательныхъ къ вамъ, а враждебныхъ—лишитъ права роптать на меня и злиться".

Оставивъ семью въ деревнѣ у отца, Перепелкинъ уѣхалъ обратно въ Сибирь.

Возвращеніе его въ городъ, имѣвшій въ числѣ другихъ знаменательныхъ кличекъ и наиболѣе идущую къ нему: „Непроницаемая муть", возбудило въ добродушномъ педагогѣ сомнѣніе относительно враждебности къ нему не только двухъ третей сослуживцевъ, какъ показалось генералу, но даже и одного кого-либо изъ нихъ: такъ ловко умѣютъ маскировать свои чувства обитатели „Непроницаемой мути". Что большинство, при первомъ свиданіи съ Перепелкинымъ, отнеслось къ нему весьма радушно—это не могло ему казаться ни подозрительнымъ, ни удивительнымъ, но что и лица изъ породы со-

вершенно неисправимыхъ Утягаевыхъ высказывали ему много прiязни—это не только удивило, но даже поразило Перепелкина до такой степени, что онъ, для разрѣшенія своего недоумѣнія по этому обстоятельству, обратился къ Уклонову съ запросомъ: не преувеличенно ли генералъ смотритъ на враждебныя отношенія нѣкоторыхъ сослуживцевъ къ нему, Перепелкину? Но Уклоновъ, бывшій и прежде всегда крайне осторожнымъ и осмотрительнымъ въ выраженіи своего мнѣнія, ничего не сказалъ. Тутъ же Перепелкинъ узналъ о назначеніи новаго Петра Ивановича (инспектора).

Настоящее время для шустрыхъ и неутомимыхъ дѣльцовъ было самое горячее: началось возведеніе, хозяйственнымъ способомъ, другой новой постройки, производились, по случаю преобразованія заведенія, и другія строительства въ видѣ облаченій, покрововъ и многихъ другихъ предметовъ новой формы и новымъ образомъ. Добродушный начальникъ заведенія все это чувствовалъ и постигалъ своею честною душой, но и противодѣйствовать въ одиночествѣ корыстнымъ замысламъ черной банды,—какъ онъ называлъ казнокрадовъ, — онъ находилъ себя не въ силахъ, тѣмъ болѣе, что и при содѣйствіи отъѣзжающаго Петра Ивановича къ охраненію казенныхъ интересовъ, было допущено со стороны ихъ обоихъ уже нѣсколько крупныхъ нелегальностей, вслѣдствіе ихъ неопытности въ подобныхъ дѣлахъ и необыкновенной ловкости практическихъ дѣльцовъ. Такъ между прочимъ вскорѣ выяснилось, что устраненіе подрядчика, взявшагося возвести это дорогое зданіе, забраковка его кирпича для того, чтобъ имѣть поводъ къ этому устраненію, равно какъ и представленіе о трудности, даже полной будто бы невозможности найти людей, а потому увѣрявшихъ, что хозяйственнымъ способомъ можно произвести постройку и лучше и выгоднѣе для казны. Честный генералъ выражалъ опасеніе, какъ бы не случилось для него такого несчастія въ этомъ дѣлѣ, что онъ оставилъ послѣ себя намятникъ, оскорбительный для его чести. Но онъ не дожилъ до окончанія постройки этого зданія, и вся честь полнаго завершенія ея, равно какъ и возведенія другаго цѣннаго зданія принадлежитъ уже безспорно и всецѣло преемнику его. А тотъ недолюбливалъ, когда по окончаніи и заселеніи этихъ чудовищныхъ строеній кому - нибудь приходилось указывать ему на вопіющіе недостатки.

Выстроенныя зданія, стоящія у прекрасной, многоводной рѣки, не имѣютъ ни водопроводовъ, ни ватерклозетовъ, а взамѣнъ послѣднихъ наполнены во всѣхъ этажахъ выгребными ящиками, изъ которыхъ выносятся экскременты, ежедневно по утру, выслужившимися солдатиками, при распространеніи такого зловонія по всѣмъ частямъ зданія, гдѣ помѣщены классы и дортуары воспитанниковъ, что оно

даетъ себя чувствовать долгое время спустя послѣ этой операціи. Посѣщавшая иногда заведеніе высшая власть края нерѣдко впослѣствіи покрикивала: „Пожалуйста, господа, чтобы этой убійственной вони у васъ не было“. А посѣщеніе происходило обыкновенно не ранѣе 12 часовъ по полудни.

Такимъ образомъ, очевидно было, что благоволеніе представителей черной банды къ Перепелкину, даже въ нѣкоторомъ родѣ замѣтное заискиваніе въ немъ вытекали изъ опасеній, возбуждаемыхъ такого рода предположеніями: не хитритъ ли онъ, дескать, притворяясь ничего не знающимъ и даже не слышавшимъ о назначеніи новаго инспектора, а на самомъ дѣлѣ, можетъ быть, онъ хорошо съ нимъ знакомъ и, пожалуй, уже предупредилъ его кой-о-чемъ. Даже въ генералѣ было возбуждено кѣмъ-то сомнѣніе въ томъ, чтобы Перепелкинъ, проживъ столько времени въ столицѣ, и слыхомъ не слыхалъ о такомъ крупномъ для заведенія фактѣ, какъ назначеніе новаго инспектора. Наконецъ-то прибылъ въ Муть, съ нетерпѣніемъ и страхомъ со стороны нѣкоторыхъ лицъ поджидаемый господинъ Тупицынъ. Это былъ человѣкъ, вполнѣ оправдывавшій свою фамилію, то есть въ такой степени лишенный какихъ бы то ни было дарованій, пригодныхъ къ выполненію обязанностей по своему назначенію, что даже люди, вовсе не требовательные по этой части, были поражены всестороннею круглою бездарностью его, которую какъ ни старался онъ маскировать, но она оказывалась во всемъ и для всѣхъ. Впослѣдствіи доходило до того, что онъ оказывался неспособнымъ не только выполнять, но даже понимать смыслъ письменныхъ требованій высшаго начальства. Со стороны послѣдняго было затребовано однажды мнѣніе заведенія по нѣкоторымъ вопросамъ педагогическаго свойства. Начальникъ заведенія, прочитавъ въ педагогической конференціи это требованіе, предложилъ служащимъ приготовить къ слѣдующему засѣданію письменные устные отвѣты по каждому пункту отдѣльно для общаго обсужденія ихъ. Тупицынъ, къ общему удивленію, приготовилъ нѣчто письменное. Всегда молчаливый на конференціяхъ, не высказывавшій на словахъ никакого мнѣнія ни за, ни про, онъ, судя по торжественнымъ, хотя и робкимъ пріемамъ, съ какими онъ вынулъ изъ кармана бумаги и разложилъ ихъ передъ собою на столѣ, очевидно, хотѣлъ озадачить членовъ конференціи. И дѣйствительно озадачилъ.

— Вотъ это хорошо, что и вы, Ѳома Ѳомичъ, потрудились приготовить письменные отвѣты на предложенные пункты . . . съ васъ и начнемъ, отнесся къ нему съ ласковой улыбкой добродушный начальникъ.

Тупицынъ скромно, хотя не безъ нѣкотораго жеманства, голосомъ,

не лишеннымъ пріятности, прочелъ нѣчто очень хитрое и туманное, прочелъ и съ любопытствомъ оглянулъ всѣхъ, начиная съ генерала. Не встрѣтивъ, кромѣ удивленія, ни съ чьей стороны ни возраженій, ни замѣчаній, онъ сталъ читать далѣе голосомъ еще болѣе пріятнымъ и смѣлѣе, какъ вдругъ Перепелкинъ остановилъ его словами:

— Позвольте васъ спросить, Ѳома Ѳомичъ, къ какимъ пунктамъ относится то, что вы прочли раньше и что начали теперь читать?

— Я то же самое хотѣлъ спросить, сказалъ генералъ.

— Какъ къ какимъ? растерянно отвѣчалъ Тупицынъ, перебирая бумажки и глазами ища въ нихъ чего-то, я, вѣдь, по порядку, на каждый пунктъ отвѣчаю отдѣльно.

— Это самое лучшее... я такъ и просилъ сдѣлать, замѣтилъ начальникъ.

— Такъ вы потрудитесь прочесть прежде первый запросный пунктъ, а потомъ свой отвѣтъ на него, настаивалъ Перепелкинъ.

— Да, да... такъ это лучше будетъ: сперва запросъ, а потомъ свой отвѣтъ на него, пояснилъ генералъ.

Тупицынъ прочелъ внятно и тѣмъ же, не лишеннымъ пріятности, голосомъ, первый пунктъ запроса и первый свой отвѣтъ на него, собирался читать такъ же и дальше, сообразивъ, повидимому, что удовлетворилъ вполнѣ любопытствующихъ, но невоздержанный на языкъ Перепелкинъ опять прервалъ его:

— Но позвольте, Ѳома Ѳомичъ: что же общаго между запроснымъ пунктомъ и отвѣтомъ вашимъ на него?

Тупицынъ обвелъ всѣхъ глазами и, ничего не отвѣтивъ на вопросъ Перепелкина, прочелъ второй запросный пунктъ и свой отвѣтъ на него.

— Извините: опять я долженъ сказать, что никакого отношенія не вижу и здѣсь между вторымъ запроснымъ пунктомъ и вашимъ отвѣтомъ на него. По моему мнѣнію, отвѣчать такъ на запросные пункты, какъ вы отвѣчаете, все равно, какъ если бы я на вопросъ, какъ меня зовутъ, отвѣтилъ бы, что сегодня хорошая погода, сказалъ Перепелкинъ.

Тупицынъ совершенно спокойно по-прежнему обвелъ всѣхъ глазами, собралъ всѣ бумашки съ хитрыми отвѣтами, сложилъ ихъ неторопливо, съ машинальною аккуратностью, и, пихнувъ въ карманъ, ни слова не сказалъ во всю конференцію. Такъ обсужденіе предложенныхъ запросовъ и закончилось безъ малѣйшаго участія въ нихъ со стороны Тупицына.

Вотъ какимъ оказался впослѣдствіи и даже въ скоромъ времени, новый Петръ Ивановичъ со стороны способностей, необходимыхъ для отправленія прямыхъ своихъ обязанностей, быть главнымъ помощ-

никомъ начальника заведенія, преимущественно, по педагогической части. Но, совершенно безталантный по этой части, онъ имѣлъ недюжинныя и даже многостороннія дарованія по другимъ житейскимъ дѣламъ, хотя изъ скромности не только не рисовался ими, но даже обнаруживалъ ихъ полегоньку, потихоньку, съ большою осторожностію, за то ужъ съ вѣрнѣйшимъ разсчетомъ на успѣхъ. Замѣчательно, что почти всѣ учителя и большинство лучшихъ воспитателей ясно видѣли и понимали полную его несостоятельность, но какъ-то удивительно равнодушно относились къ этому обстоятельству и, за весьма немногими исключеніями, никто не выражалъ сожалѣнія, что съ такими отрицательными свойствами явился человѣкъ какъ разъ въ то время, когда, по случаю переформированія заведенія, требовалась особенно напряженная дѣятельность со стороны всѣхъ служащихъ. Болѣе всѣхъ сокрушался такою бездарностію своего помощника почтенный генералъ, въ интимномъ кружкѣ близкихъ къ нему лицъ жаловавшійся на свою судьбу, что именно въ такое горячее время, какъ бы въ насмѣшку, присланъ ему помощникомъ этотъ человѣкъ. Перепелкина на первыхъ порахъ одно удивляло, какъ у этого человѣка, повидимому, очень робкаго и осторожнаго, достало смѣлости проситься на такое мѣсто, на которомъ и первый Петръ Ивановичъ, даровитый и чрезвычайно опытный въ веденіи дѣлъ, навѣрное, искренно сознался бы въ трудности направлять дѣятельность даже однихъ воспитателей, такъ какъ на нихъ новыми положеніями возлагалось много и при томъ очень сложныхъ обязанностей по уходу за правильнымъ развитіемъ физическихъ и духовныхъ силъ ввѣренныхъ имъ дѣтей. Но пришлось еще больше удивляться беззастѣнчивости и неделикатности этого по внѣшности благовоспитаннаго человѣка, когда стали получаться извѣстія, что онъ не новичекъ въ этой должности, а состоялъ уже на ней нѣкоторое время въ одномъ изъ провинціальныхъ корпусовъ, но умный и энергичный начальникъ этого заведенія предложилъ ему убраться оттуда, мотивируя свое предложеніе откровеннымъ объясненіемъ, что онъ предпочтетъ лучше остаться безъ всякаго помощника, чѣмъ имѣть таковаго въ лицѣ бездарномъ. Отписалъ ли этотъ умный начальникъ, куда слѣдуетъ, объ открытыхъ качествахъ удаляемаго имъ помощника—неизвѣстно, и скорѣе, надо думать, что нѣтъ.

Съ назначеніемъ Тупицына инспекторомъ въ корпусѣ все пошло назадъ.

Но все это опредѣлилось и выяснилось только впослѣдствіи, постепенно, въ немаленькій періодъ времени; на первыхъ же порахъ и предвидѣть такихъ результатовъ отъ пассивной дѣятельности одного ничтожно-мелочнаго человѣка, хотя бы и въ качествѣ запра-

виды педагогическихъ дѣлъ, никакъ нельзя было. Въ это же время онъ получилъ письмо.

Слова, сказанныя Тупицынымъ, при первомъ свиданіи съ Перепелкинымъ, что онъ желалъ бы „пользоваться расположеніемъ Саввы Саввича", показались идеалисту-педагогу искренними, и онъ, отправляясь за семействомъ въ Малороссію, часто, на основаніи этихъ словъ, разсуждалъ, что хотя новый Петръ Ивановичъ, по своей части нищенски бѣденъ смысломъ, но человѣкъ-то онъ, кажется, добрый, завистію, повидимому, тоже не одержимъ, а потому, навѣрное, каждому изъ преподающихъ и воспитывающихъ если и не съумѣетъ посодѣйствовать, то ужъ за то и не будетъ препятствовать достигать цѣлей, которыя легли въ основу реформы корпусовъ.

„Вы благодушествуете въ обширномъ своемъ гнѣздышкѣ, которому иные, неизвѣстно почему, даютъ уже названіе палаццо,—писалъ ему, очевидно, тотъ самый доброжелательный человѣкъ, который два года тому назадъ предупреждалъ его насчетъ клубной исторіи,—и, благодушествуя въ одиночку, распространяете вокругъ себя оптимистическія мнѣнія, что счастье возможно на землѣ, только надо съ энергіей стремиться къ нему, а того не замѣчаете, что творится у васъ и какая гроза собирается надъ вашей головой — гроза, повергшая добродушнаго начальника въ такое глубокое уныніе, что онъ ходитъ теперь угрюмый и мрачный, какъ самая черная туча. Вамъ слѣдуетъ съ нимъ объясниться, непремѣнно, и чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше. Дѣло вотъ въ чемъ: Утягаевы, Таскаловы и Загребаевы, пользуясь расположеніемъ Тупицына и руководимые бывшимъ подъ вашею опекою эксъ-словесникомъ, задумали обвинить васъ въ развращеніи юношества, путемъ ознакомленія ихъ съ сочиненіями Гоголя, послѣдствіемъ чего явилась-де у нихъ наклонность къ наблюдательности и критикованію всего, чего имъ и знать не слѣдуетъ. Въ доказательство всего этого предоставлеиъ ему иллюстрированный журналъ, который завели у себя воспитанники, куда заносили ежедневныя свои наблюденія надъ постройкой новаго дорогаго зданія подъ пансіонъ, хозяйственнымъ способомъ воздвигаемаго на глазахъ учащихся въ нѣсколькихъ шагахъ отъ ихъ классовъ. Здѣсь же приводятся и соображенія съ наглядными доказательствами, во сколько разъ зданіе обошлось бы дешевле казнѣ уже при одномъ учетѣ рабочихъ и платы имъ, если бы строителями его были не хищники, а люди честные, такъ какъ оффиціальныя показанія по этимъ двумъ статьямъ далеко расходятся съ тѣмъ, что представляетъ дѣйствительность, ежедневно провѣряется ими, путемъ разспросовъ у рабочихъ и личными наблюденіями. Все это представлено не безъ знанія техники дѣла. Видно, что упраздненная за нѣсколько лѣтъ до пре-

образованія каѳедра архитектуры существовала здѣсь не даромъ. Что здѣсь, дѣйствительно, происходитъ теперь не просто кража, а положительно денной грабежъ — всѣ это чувствуютъ, знаютъ и понимаютъ. Но поймите же и вы, какъ не безопасно ваше положеніе, если орда бандитовъ, опять противъ васъ еще съ пущей злостью, станетъ постепенно утверждать въ мысляхъ всѣхъ и каждаго, что у васъ только и дѣла, только тѣмъ и занимаетесь, что учите юношество наблюденіямъ надъ слабостями людскими".

Перепелкинъ немедленно полетѣлъ съ письмомъ къ генералу, котораго засталъ въ самомъ дурномъ расположеніи духа.

— Я очень радъ, что вы пришли ко мнѣ, сказалъ онъ, вчера я самъ хотѣлъ завернуть къ вамъ, да раздумалъ, а нынче, вотъ даже теперь, сейчасъ, собрался написать вамъ объ одномъ, очень удручающемъ меня, обстоятельствѣ. Сперва просмотрите вотъ эту вещицу и скажите мнѣ откровенно свое мнѣніе о ней.

Предложенная на разсмотрѣніе педагога вещица была не что иное, какъ журналъ воспитанниковъ, по поводу котораго получено Перепелкинымъ письмо отъ неизвѣстнаго ему доброжелателя. Это была объемистая брошюрованная тетрадь, съ аллегорическими рисунками на заглавномъ листѣ и каррикатурными, очевидно, иллюстрирующими содержаніе текста, на другихъ.

Перепелкинъ, съ своей стороны, подалъ генералу для прочтенія полученное анонимное письмо.

Оба внимательно занялись взаимно другъ другу предложенными вещицами и хранили нѣсколько минутъ глубокое молчаніе, которое на секунду только было прервано появленіемъ въ кабинетѣ вѣстоваго съ докладомъ о приходѣ Тупицына, но генералъ съ замѣтнымъ негодованіемъ велѣлъ ему сказать, что приметъ его часа черезъ два, а теперь не можетъ.

Перепелкинъ увидѣлъ въ журналѣ эскизы крупныхъ хищниковъ, недурно схваченныхъ въ рисункахъ карандашомъ и въ очень мѣткихъ разсказахъ, недурно схваченныхъ и охарактеризованныхъ бойкимъ перомъ. Сличилъ представленныя здѣсь копіи съ оффиціальныхъ вѣдомостей за продолжительное время о числѣ рабочихъ и размѣрахъ получаемой ими платы съ цифровыми показаніями производившихъ наблюденія и разспросы у рабочихъ, и пришелъ въ ужасъ, который выразился даже на его лицѣ, отъ надувательскихъ, мошенническихъ картинъ.

— Ну, что вы на это скажете? обратился къ педагогу съ вопросомъ генералъ, лицо котораго, и безъ того почти всегда мрачное, закручинилось и затуманилось теперь такъ, что Перепелкину стало жаль его; онъ даже боялся, какъ бы съ нимъ не случилось чего

вродѣ удара, и онъ хотѣлъ было воздержаться на этотъ разъ отъ выраженія тѣхъ мыслей, которыя заходили у него теперь въ головѣ. Но генералъ настойчиво требовалъ, чтобы онъ, со свойственною ему откровенностью, высказался и о томъ, какъ поступить въ этомъ случаѣ съ редакторами журнала (онъ назвалъ пятерыхъ изъ воспитанниковъ старшаго класса), и о томъ, какъ отнестись къ злобной бандѣ, очевидно, подкапывающейся опять подъ него, Перепелкина, и затѣявшей этотъ подкопъ не только не безъ умысла, сообща обдуманнаго, но даже дѣйствующей теперь совершенно безбоязненно, смѣло и, такъ сказать, скопомъ.

Послѣднее обстоятельство взорвало педагога, и онъ уже, если бы и желалъ даже того, не могъ удержаться, чтобы не выразить полнаго и бурнаго негодованія противъ хищнической шайки.

— Вы не думайте, впрочемъ, чтобы я стоялъ за этихъ людей, остановилъ въ ту же минуту генералъ расходившагося педагога, какъ бы желая дать ему время успокоиться или считалъ бы себя оскорбленнымъ въ лицѣ ихъ. Нѣтъ, я далекъ отъ всего этого, потому что, дѣйствительно, это—безчестные хищники. На-дняхъ, вѣдь, вотъ какой былъ случай. Я спрашиваю смотрителя дома, что вы не посылаете мнѣ вѣстовымъ Герасима. Онъ расторопнѣе всѣхъ другихъ. Герасимъ въ госпиталѣ, отвѣчаетъ Загребаевъ. „Давно ли и чѣмъ боленъ?" Да ужъ съ мѣсяцъ лежитъ, простудился, должно быть. Меньшой мой сынъ любилъ этого солдатика и вызвался сейчасъ же навѣстить его въ госпиталѣ и снести ему денегъ.

— Ну, какъ ты нашелъ его?—спрашиваю сына, по возвращеніи его изъ госпиталя.

— Да онъ плохъ: надорвался, говоритъ, таскавши кирпичи изъ бани.

— Какіе кирпичи?

— Генералъ, говоритъ, приказалъ сдѣлать каменную дорожку на дворѣ отъ классовъ до роты, да живо и повыше. Ну, Загребаевъ и велѣлъ послѣ обѣда всѣмъ служителямъ приняться за работу. Одни въ мѣшкахъ таскали изъ бани кирпичъ отъ разобранныхъ старыхъ печей, другіе укладывали дорожку и засыпали пескомъ. А Загребаевъ знай приказываетъ: живѣй да живѣй! Ну, и надорвался. Почти до полночи маялись, да и рано утромъ часа два утрамбовывали. Можете себѣ представить, какъ эта простодушная повѣсть возмутила меня. Я, дѣйствительно, приказалъ Загребаеву сдѣлать дорожку, но не своими людьми, а наемными со стороны, употребивъ на это дѣло кирпичъ, тутъ же стоящій у вновь возводимаго зданія. Дорожка на другой день была готова, сдѣлали хорошо, прочно и я поблагодарилъ смотрителя дома за его аккуратную исполнительность. Правда,

увидѣвъ выведенные въ расходъ на этотъ предметъ 28 рублей, я поморщился и не могъ про себя не подумать: не забылъ-таки себя Загребаевъ и здѣсь, въ маленькомъ дѣльцѣ. Поморщился, но сдѣлать какое-нибудь замѣчаніе по этому поводу, въ виду болѣе крупныхъ хищеній, у меня, признаться, духу не хватило. А между тѣмъ теперь оказывается, что все это стоило только одинъ рубль, который онъ отъ себя далъ солдатамъ на водку.

— Что же, все-таки такъ это и сойдетъ ему съ рукъ?—полюбопытствовалъ педагогъ.

Генералъ крѣпко сжалъ губы и прошелся по комнатѣ. Остановившись затѣмъ предъ Перепелкинымъ, онъ развелъ руками, какъ бы говоря: а что же тутъ подѣлаешь!

— Вотъ въ томъ-то и бѣда, ваше превосходительство, что честныхъ людей мошенники да воры одолѣваютъ. Вѣдь, согласитесь, что это самое больное мѣсто въ организмѣ нашего государства: на казенныхъ подрядахъ, поставкахъ, постройкахъ, кормленіи, обшиваніи и проч. просто грабежъ производится воочію всѣхъ. Какъ же вы хотите, чтобы укрѣпилась вѣра въ Бога, очищалась нравственность, водворялось уваженіе къ закону и не развращалось юношество, когда они видятъ, какія кругомъ творятся беззаконія?

— Ну, да что бы вы сдѣлали на моемъ мѣстѣ? — перебилъ онъ съ нетерпѣніемъ педагога, уставившись на него разсерженными глазами.

— Я? я... выгналъ бы смотрителя дома изъ...

— Ну, ну, ну! замахалъ руками мягкосердечный генералъ.

— Я такъ говорю, ваше превосходительство, не по жестокости характера... я гуманный человѣкъ, но именно изъ гуманности и выгналъ бы его, чтобы онъ не служилъ примѣромъ для другихъ, не развращалъ бы юношей, которые хорошо знаютъ всѣ его плутни и всю его жизнь. Вѣдь этого мало, что онъ явно грабитъ казну, онъ еще и въ семейной жизни жестокій злодѣй. Кому здѣсь не извѣстно, какъ онъ тиранилъ свою молодую, ни въ чемъ предъ нимъ неповинную жену, ежедневно браня и колотя ее за какую-то недодачу въ приданомъ? Развѣ не онъ запиралъ эту несчастную часто въ холодный подвалъ, заставлялъ ее ухаживать за своею любовницею, съ которою давно жилъ открыто, пока, наконецъ, не поселился у ней, прогнавъ измученную жену и не давая ей никакихъ средствъ къ жизни. Такого ли человѣка жалѣть и щадить, у котораго дѣтей нѣтъ, а награбленныхъ денегъ столько, что онъ ужъ и не знаетъ, что съ ними дѣлать и какъ бы для потѣхи ежемѣсячно выписываетъ изъ-за границы на значительныя суммы массу разнообразнѣйшихъ минеральныхъ водъ?

— Все это такъ... тѣмъ не менѣе... Да не въ этомъ, впрочемъ, теперь дѣло. Намъ предстоитъ рѣшить два вопроса: какъ поступить съ редакторами журнала и какой modus vivendi вамъ слѣдовало бы установить по отношенію къ черной бандѣ, чтобы она оставила васъ въ покоѣ и не подкапывалась подъ васъ, обвиняя въ развращеніи юношества путемъ ознакомленія его съ сатирическими сочиненіями.

Перепелкинъ опять началъ раздражаться.

— По-моему, заговорилъ онъ скоро и рѣзко, подвергать строгому взысканію редакторовъ не слѣдуетъ и даже небезопасно въ виду сильнаго возбужденія ихъ противъ казнокрадовъ, но вразумить ихъ надо, сдѣлавъ внушеніе, что имъ слѣдуетъ заниматься науками, а не наблюденіями за постройками и изданіемъ каррикатурныхъ журналовъ. Объ этомъ и я, съ своей стороны, готовъ сказать имъ многое. Что же касается черной банды, то установлять какой-нибудь modus vivendi съ ней я и не думаю. Если же они будутъ продолжать подкопы, то и я оффиціально потребую строгаго разслѣдованія по всѣмъ пунктамъ ихъ обвиненій.

Послѣднія слова Перепелкина, въ энергичной формѣ переданныя генераломъ двумъ выдающимся представителямъ черной банды, повидимому, не безслѣдно прошли для педагога: почти на два года его оставили въ покоѣ. Впрочемъ, это не значитъ, чтобы клеветать на него перестали, но, по крайней мѣрѣ, со стороны бандистовъ ничего не дѣлалось и не предпринималось такого, что́ явно свидѣтельствовало бы о желаніи выжить педагога изъ заведенія, во что бы то ни стало. И этому уже былъ радъ Перепелкинъ.

Два года, дѣйствительно, прошли для него такъ мирно, что онъ и въ самомъ дѣлѣ вообразилъ себѣ, что отчужденіемъ отъ общества ему удалось, наконецъ, установить сносный modus vivendi съ бандистами. Между тѣмъ, съ прибытіемъ Тупицына все шло въ разбродъ: кто въ лѣсъ, кто по дрова. Общаго соглашенія по какимъ-нибудь важнымъ вопросамъ, вытекавшимъ изъ личныхъ наблюденій воспитателей или единодушныхъ усилій для преслѣдованія какихъ-либо серьезныхъ задачъ по нравственно-образовательному воспитанію юношества, не существовало даже и въ помыслахъ. Къ тому же начались интриги, во главѣ которыхъ стоялъ преподаватель, когда-то спасенный Перепелкинымъ. Онъ забылъ, что Перепелкинъ далъ ему возможность не только продолжать службу, но и выслужить пенсію. Вскорѣ, впрочемъ, онъ и умеръ.

—Возьмите вашего младшаго сына изъ корпуса, а не то придется его исключить.

Такою неожиданною рѣчью встрѣтилъ однажды Перепелкина добродушный директоръ.

— Что же такое онъ сдѣлалъ? Въ чемъ провинился?

— Жалобъ на него не оберешься со всѣхъ сторонъ: шалитъ, грубитъ, не слушается.

— Однимъ словомъ, дѣлаетъ то, что и другіе, говорилъ озадаченный педагогъ, но вѣдь для этого есть пятнадцать человѣкъ воспитателей, чтобы сдерживать необузданность школьниковъ.

— Видите, что я вамъ долженъ сказать, Савва Саввичъ, заговорилъ въ другомъ тонѣ генералъ, принявъ серьезный, озабоченный видъ; что сходитъ часто дѣтямъ другихъ, то никакъ не можетъ сойти вашимъ дѣтямъ, потому что у васъ теперь много недоброжелателей. Двѣ недѣли уже пилятъ меня изъ-за вашего сына, а сегодня Вѣсовъ чуть-ли не въ десятый разъ пожаловался мнѣ, что вашъ сынъ составляетъ для него настоящую пытку шалостями и непослушаніемъ.

Перепелкинъ взялъ этого сына изъ заведенія.

Черезъ два мѣсяца пришлось взять и старшаго, все также вслѣдствіе тѣхъ же жалобъ, что и съ этимъ нѣтъ никакой возможности справляться. Генералъ не настаивалъ, что его непремѣнно надо взять изъ заведенія, но выражалъ опасенія, какъ-бы придирками къ нему не вывели его изъ терпѣнія и онъ не сдѣлалъ бы чего такого, за что пришлось бы его исключить. А между тѣмъ это были воспитанники, которые въ этомъ же году только за три мѣсяца предъ этими напастями поддержали честь заведенія хорошими отвѣтами по французскому языку и естественной исторіи въ присутствіи пріѣхавшаго по инспекціи генерала, и жалобъ на ихъ поведеніе въ продолженіе трехъ лѣтъ не слышалось до тѣхъ поръ ни откуда.

Наступилъ для Перепелкина тяжкій періодъ жизни, когда уже приходилось философствовать по поводу разныхъ злосчастныхъ положеній, столкновеній и недоразумѣній, отравляющихъ жизнь другихъ, а самому нести тяжелый крестъ, отбиваясь всячески отъ разныхъ бѣдъ и напастей такого свойства, что, пожалуй, могутъ показаться даже невѣроятными. Одна бѣда не проходитъ, говорятъ, а непремѣнно ведетъ за собою и другія по народной пословицѣ: идетъ бѣда, отворяй ворота. Хозяйство по-прежнему велось женою безтолково, долги росли, а между тѣмъ необходимо нужно было имѣть учителей по математическимъ наукамъ. Другими предметами занимался съ дѣтьми самъ Перепелкинъ. Отбывъ пять или шесть лекцій ежедневно въ заведеніи, онъ долженъ былъ не менѣе пяти часовъ употреблять на занятія съ своими дѣтьми. Кромѣ того ежедневно предстояло пересмотрѣть массу письменныхъ работъ кадетъ. Этимъ послѣднимъ дѣломъ приходилось большею частію заниматься по ночамъ, при усиленномъ освѣщеніи. Разнокалиберный и иногда весьма неразборчи-

вый дѣтскій почеркъ часто давалъ себя чувствовать глазамъ педагога, но ему никогда и въ голову не приходило, чтобы въ одну изъ ночей онъ лишился зрѣнія въ одномъ глазѣ.

Положеніе больнаго, большесемейнаго человѣка, потерявшаго зрѣніе въ одномъ глазѣ и рискующаго потерять его и въ другомъ, было крайне безотрадное. Въ домѣ наступила полная безурядица.

Денежныя обстоятельства тоже до крайности были плохи. Долговъ и раньше накопилось много, а по случаю болѣзни главы дома и найма учителей для занятій съ дѣтьми, пришлось задолжать еще больше. Между тѣмъ больной былъ уже предупрежденъ, что вслѣдствіе предстоящаго ему неизбѣжнаго продолжительнаго отпуска, какъ и въ виду серьезности его болѣзни и неизвѣстности исхода ея, приглашаются изъ столицы двое учителей, къ которымъ и отойдетъ большая часть его уроковъ. Но это обстоятельство еще не такъ пугало, какъ другія: во-первыхъ, онъ выслужилъ уже пенсію и съ полгода получаетъ ее на службѣ, во-вторыхъ, какъ разъ теперь наступилъ срокъ новой прибавки къ жалованію за третье пятилѣтіе службы въ привилегированномъ краю, и прибавка эта въ четыре раза будетъ больше предыдущей, такъ какъ она должна быть назначена уже на основаніи того положенія, какое послужило ему приманкой къ переходу на службу въ эту даль и какимъ противозаконно не дали ему воспользоваться при назначеніи ея за второе пятилѣтіе.

Больше всего озабочивали Перепелкина мысли о распущенности дѣтей, неудовлетворительности ихъ занятій, неумѣлости жены справляться съ ними, наконецъ, боязнь за исходъ болѣзни: предвидѣлась операція, а, вѣдь, Богъ знаетъ, будетъ ли она удачна, вынесетъ ли онъ ее. Эти мысли были такъ безотрадны, что не давали покоя. Къ этому присоединилось еще затрудненіе достать денегъ для поѣздки въ Петербургъ. Требовалось ихъ не менѣе пятисотъ рублей, а возникало сомнѣніе, разрѣшатъ ли выдать въ ссуду больному человѣку такую сумму бандиты, главные заправилы ссудо-сберегательной кассы, какъ самые крупные вкладчики въ нее. Правда, по этой части успокоивалъ его добродушный начальникъ заведенія, предвидѣвшій это обстоятельство и заранѣе объявившій, что онъ возьметъ потребную сумму, хотя бы и болѣе, 500 рублей, подъ собственное обезпеченіе, изъ ссудо-сберегательной кассы, въ случаѣ, если главные вкладчики ея, заклятые враги Перепелкина, не разрѣшатъ ему выдачи. Перепелкину сильно не хотѣлось пользоваться великодушіемъ генерала, человѣка, бѣднаго средствами къ жизни и кромѣ того выплачивавшаго по частямъ долги сына, надѣланные послѣднимъ на службѣ въ одномъ изъ полковъ столицы.

Не доставъ нигдѣ денегъ, онъ по необходимости воспользовался

*

любезностью директора, который упрекнулъ Перепелкина за то, что онъ старается отдѣлаться отъ его предложенія: „Я знаю, говорилъ онъ, что въ теперешнемъ вашемъ положеніи ссуды ни отъ кого не получить вамъ здѣсь, а потому я приказалъ завѣдующему нашей сберегательной кассой выдать вамъ 500 рублей подъ мою личную и имущественную гарантію“.

Отпускъ уже давно былъ разрѣшенъ изъ столицы, но Перепелкинъ, по совѣту гуманныхъ и доброжелательныхъ ему врачей корпуса, могъ выѣхать только во второй половинѣ іюня, но, отъѣхавъ двѣ станціи, вынужденъ былъ вернуться назадъ: свѣтобоязнь, совсѣмъ ужъ было проходившая, опять начала его безпокоить и къ концу второй станціи усилилась до того, что продолжать путь было не только рискованно, но и положительно невозможно. Нѣсколько поправившись, онъ продолжалъ путь.

Прибывъ въ столицу, Перепелкинъ немедленно отправился къ окулисту. Въ этотъ же день, вечеромъ, ему удалось побывать у знаменитаго профессора-окулиста Ю. Онъ долго разсматривалъ испорченный уцѣлѣвшій глазъ, а по окончаніи осмотра рѣшилъ, что дѣло обойдется безъ операціи.

Между тѣмъ отъ директора корпуса было получено имъ письмо, заставившее его немедленно оставить столицу и поспѣшить домой, къ семейству.

Въ письмѣ этомъ, между прочимъ, говорилось:

„Не можете ли вы черезъ знакомыхъ учителей хорошенько разузнать, что за личности присланы къ намъ изъ педагогическихъ курсовъ, въ лицѣ преподавателя русскаго языка Н. и француза М. Оба они повели себя въ отношеніи васъ, нѣкоторыхъ другихъ преподавателей и даже меня дерзко, нахально, нечестно. И не для мнительнаго человѣка можетъ казаться, что дѣйствуютъ они такъ не спроста. Они приняли на себя роль ревизоровъ по части преподаванія русскаго и французскаго языковъ, но первый сейчасъ же и попалъ въ просакъ. Въ одномъ изъ доставшихся ему вашихъ классовъ онъ въ теченіе трехъ мѣсяцевъ дѣлалъ частыя диктовки съ единственною цѣлью доказать, какъ слабы въ правописаніи были воспитанники у васъ и какъ быстро стали успѣвать по этой части у него. Подсчитаны ошибки и сдѣланъ выводъ, на сколько процентовъ сталъ классъ выше въ этомъ отношеніи противъ прежняго. Онъ заявилъ объ этомъ въ общемъ педагогическомъ засѣданіи и въ доказательство выложилъ на столѣ передо мной тетрадки. Я сталъ разсматривать ихъ, попросили позволенія и другіе взглянуть на нихъ—и что же оказалось? Ошибки подсчитаны и опредѣлены неправильно, и я объявилъ, что вопросъ объ этомъ будетъ разрѣшаться по прибытіи вашемъ, а до этого при-

казалъ отдѣленному внимательно тетрадки беречь у себя. Другой педагогъ, преподаватель французскаго языка, выжилъ-таки нашего почтеннаго француза Ф. Онъ объявилъ мнѣ, что для него недостаточно имѣть 20 уроковъ и что я долженъ отобрать у Ф., какъ вольнонаемнаго, еще нѣсколько. Когда я сообщилъ объ этомъ Ф., онъ совсѣмъ отказался отъ уроковъ. Объясненія со мной этого новопріѣзжаго французика были такъ дерзки, нахальны, что я отнесся по начальству съ запросомъ, какихъ мѣръ держаться въ отношеніи его, чтобы не терять мнѣ своего престижа".

Если бы не порученіе разузнать, что за личности эти педагоги, то Перепелкинъ немедленно уѣхалъ бы изъ столицы; но это обстоятельство задержало его дня на три. Узналъ-то онъ, впрочемъ, мало относительно даннаго вопроса: „французъ-де человѣкъ неглупый и изъ него со временемъ можетъ выработаться недюжинный преподаватель; русскій же—полная бездарность и кромѣ пустоты и скуки ничего не внесетъ въ классъ". Что же касается ихъ другихъ свойствъ, равно какъ и нечестныхъ пріемовъ, употребляемыхъ ими къ занятію наивозможно большаго числа уроковъ путемъ выживанія старыхъ учителей, то свѣдѣній о томъ никакихъ не оказалось. Говорили, правда, вообще, что на претенціозность и заносчивость выпускаемыхъ изъ петербургскихъ педагогическихъ курсовъ были уже жалобы изъ разныхъ корпусовъ, съ добавленіемъ, что возлагавшіяся на нихъ надежды не оправдались, за весьма немногими исключеніями.

Перепелкинъ прибылъ домой и явился на службу раньше истеченія срока отпуска, чѣмъ былъ до крайности изумленъ Тупицынъ.

„Не только изумленъ, но даже очень встревоженъ, говорили товарищи Перепелкина; онъ сдѣлалъ въ отношеніи васъ такую подлость, которая непремѣнно должна открыться на предстоящемъ общемъ педагогическомъ засѣданіи. Вотъ вы увидите, въ чемъ дѣло".

Это засѣданіе директоръ открылъ слѣдующими словами: „Вопросъ о методахъ преподаванія русскаго языка мы отложили до пріѣзда Саввы Саввича, такъ какъ представленныя новопріѣзжимъ педагогомъ ученическія диктовки подали послѣднему поводъ къ выводамъ, неблагопріятнымъ для дѣятельности перваго. Теперь я попрошу Савву Саввича, равно какъ и всѣхъ, интересующихся этимъ вопросомъ, внимательно пересмотрѣть эти диктовки и установить правильную точку зрѣнія на дѣло, по-моему, большой важности.

Тупицынъ и новопріѣзжій педагогъ видимо растерялись. При чемъ же тутъ Тупицынъ? подумалъ Перепелкинъ, которому было неизвѣстно, что еще до представленія упомянутыхъ диктовокъ въ общее засѣданіе педагогическаго комитета, была частная конференція изъ преподавателей русскаго языка, плодомъ которой былъ протоколъ, правда, ни

кѣмъ еще не подписанный, но по содержанію извѣстный уже многимъ, и въ которомъ, между прочимъ, значилось, что малоуспѣшность воспитанниковъ 3-го класса въ орѳографіи надо отнести не къ слабымъ способностямъ ихъ, а къ неправильной методѣ прежняго преподаванія.

По разсмотрѣніи тетрадокъ всѣми, интересовавшимися этимъ вопросомъ, установилось общее мнѣніе, сейчасъ же и выраженное, что тутъ допущена небрежность или недобросовѣстность новопріѣзжаго педагога въ отношеніи количества и качества ошибокъ. На всѣхъ тетрадкахъ стояли даты, когда происходила диктовка; даты эти сдѣланы рукой преподавателя и по нимъ легко было прослѣдить, какъ прогрессивно падала грамотность этого класса съ переходомъ его отъ Перепелкина къ новому преподавателю. Несмотря на всю придирчивость къ первымъ диктовкамъ, въ которыхъ даже простая описка (вродѣ превалъ, вмѣсто прервалъ) и неправильный переносъ слова были отнесены къ числу грубыхъ ошибокъ, на что вовсе уже не обращалось вниманія въ послѣдующихъ, все-таки для всѣхъ было ясно, что классъ значительно понизился у новаго преподавателя, какъ по количеству дѣлаемыхъ ошибокъ въ орѳографіи, но почему-то незамѣченныхъ преподающимъ, такъ и по качеству ихъ.

— На какомъ же основаніи сдѣланы неблагопріятные для моего преподаванія выводы? сдѣлалъ Перепелкинъ запросъ, ни къ кому не обращаясь.

Всѣ ждали съ видимымъ нетерпѣніемъ, что же скажутъ на это Тупицынъ и новопріѣзжій педагогъ, какъ виновники неслыханно дерзкой наглости.

Оба, очевидно, переконфуженные и растерявшіеся, упорно молчали. Первый, по обыкновенію, озабоченно перебиралъ какія-то бумажки, лежавшія предъ нимъ на столѣ, и притворялся углубленнымъ въ свое дѣло до того, что будто и не слышалъ, о чемъ идетъ рѣчь. Послѣдній сидѣлъ потупившись и ни разу ни на кого не взглянулъ. Онъ очнулся только тогда, когда его обезпокоили прямымъ предложеніемъ взглянуть на представленныя имъ диктовки и убѣдиться, что выводы, сдѣланные имъ, произвольны и что перевѣсъ успѣховъ по орѳографіи, опредѣляемыхъ по этимъ документикамъ какъ въ количественномъ, такъ и въ качественномъ отношеніяхъ, на сторонѣ прежняго преподаванія, а не новаго, которое даже и въ сравненіе съ нимъ не можетъ идти, судя по прогрессированію отсталости въ этомъ дѣлѣ, обнаруживаемой въ послѣднихъ диктовкахъ.

Новопріѣзжій педагогъ занялся внимательнымъ пересмотромъ преподнесенныхъ ему документиковъ, а Тупицынъ еще больше засуетился надъ перебираніемъ своихъ бумажекъ.

— Вамъ надо, Ѳома Ѳомичъ, собрать на-дняхъ преподавателей русскаго языка и обсудить вообще, въ присутствіи Саввы Саввича, тѣ данныя, которыя легли въ основу представленнаго вами мнѣ для подписи протокола, и которыя, какъ видите, оказались не только ошибочными, но совершенно произвольными, сказалъ директоръ.

— Слушаю-съ! только отвѣтилъ Тупицынъ.

Черезъ недѣлю состоялось и это засѣданіе подъ предсѣдательствомъ Тупицына. Перепелкинъ думалъ, что Тупицынъ, открывая засѣданіе, прежде всего выразитъ хоть сожалѣніе по поводу случившагося, въ которомъ могъ быть виноватъ только одинъ новопріѣзжій преподаватель, пожелавшій на основаніи сочиненныхъ данныхъ выжить изъ заведенія своего предшественника.

Но Тупицынъ съ несвойственною ему развязностью, вмѣсто чтенія протокола, въ которомъ взведены ложныя обвиненія на Перепелкина, предложилъ общими силами разработать вопросъ о мѣрахъ къ поднятію грамотности учащихся въ заведеніи.

— Но позвольте, обратился къ нему Перепелкинъ: нареканій на неграмотность учащихся въ нашемъ заведеніи пока не было со стороны спеціальныхъ училищъ, куда они отъ насъ поступаютъ, ни со стороны главнаго управленія, въ органѣ котораго, „Педагогическомъ сборникѣ“, нашему заведенію отводилось до сихъ поръ по этой части высшее въ средѣ другихъ почетное мѣсто. Это во-первыхъ. Во-вторыхъ, въ протоколѣ, который былъ плодомъ конференціи по русскому языку въ мое отсутствіе, вѣроятно, не все же только и говорится, что о моей несостоятельности въ дѣлѣ преподаванія этого предмета, а надо думать, указываются и мѣры къ болѣе успѣшному веденію его, а потому, и согласно требованію начальника, намъ должно прежде всего обсудить содержаніе всѣхъ данныхъ, какія заключаются въ этомъ протоколѣ.

— Но это только поведетъ къ потери времени, сказалъ Тупицынъ.

— Во всякомъ случаѣ я долженъ же познакомиться съ этимъ документикомъ, въ которомъ, на основаніи ложныхъ выводовъ, хотѣли подорвать мою репутацію...

— Позвольте вамъ замѣтить, прервалъ рѣчь Перепелкина новопріѣзжій педагогъ, такъ остроумно засвидѣтельствовавшій свою талантливость въ дѣлѣ преподаванія русскаго языка: все, что вы найдете оскорбительнаго для себя въ этомъ протоколѣ, принадлежитъ не мнѣ; я былъ простымъ стенографомъ и писалъ только то, на что налегалъ Ѳома Ѳомичъ, чтобы оно непремѣнно было включено.

Тупицынъ, по обыкновенію, внимательно перебиралъ лежавшія предъ нимъ бумажки и хоть бы чѣмъ-нибудь обнаружилъ неудовольствіе по поводу взводимаго на него обвиненія въ поступкѣ весьма подозрительнаго свойства.

Затѣмъ всѣ признали неудобнымъ заниматься въ данное время разрѣшеніемъ задачъ, предлежавшихъ засѣданію педагоговъ, и оно было отложено до другаго раза.

А между тѣмъ корпусу готовилось впереди, въ недалекомъ будущемъ, большое испытаніе, какъ бы для того, чтобъ всѣмъ стало ясно, что правда въ чемъ-то нарушена, и что поруганіе ея неизбѣжно должно быть искуплено.

— Вы слышали, что нашъ начальникъ умираетъ? озадачилъ Перепелкина сослуживецъ его, встрѣтившись на улицѣ.

— Что вы говорите? Я третьяго дня видѣлъ его бодрымъ, здоровымъ.

— Да, умираетъ... никакой надежды нѣтъ спасти его, говорятъ всѣ наши лучшіе доктора.

— Что же съ нимъ случилось?

— А случилось что-то такое странное, чего и понять нельзя. Видите ли, третьяго дня былъ хозяйственный комитетъ. Засѣданіе его состоялось почему-то въ запустѣломъ деревянномъ домѣ, и именно въ той части его, которая давно не отапливалась. Былъ жестокій морозъ, а Утягаевъ не распорядился, чтобы комнату, назначенную для засѣданія, хорошенько истопили, и вотъ, когда оно началось, всѣ почувствовали холодъ и попросили у генерала позволенія надѣть шубы и калоши; настаивали, чтобъ онъ и самъ это сдѣлалъ, но онъ почему-то не обратилъ на это вниманія и поплатился воспаленіемъ мозга.

— Господи Боже мой! воскликнулъ Перепелкинъ, страшно пораженный этимъ извѣстіемъ и приходя въ сильное волненіе: зачѣмъ же именно тамъ происходило это засѣданіе, почему помѣщеніе не отоплено, какъ слѣдуетъ, если ужъ непремѣнно оно должно было тамъ происходить, и какъ это никто изъ бывшихъ тамъ не настоялъ, чтобы засѣданіе было тотчасъ же переведено въ другое помѣщеніе или отложено до другаго раза въ виду того, что генералъ явно рискуетъ своимъ здоровьемъ, своею жизнью?

— Со стороны Утягаевыхъ, конечно, могла быть тутъ одна цѣль: въ теплѣ, дескать, слишкомъ будутъ углубляться въ разсужденія по разнымъ частямъ хозяйственныхъ дѣлъ, особенно по возведенію построекъ, а холодъ-де не свой братъ, какъ разъ отобьетъ охоту къ такимъ упражненіямъ мозга.

Но видно, генералъ былъ очень озабоченъ этими хозяйственными дѣлами, потому что и пораженный недугомъ его мозгъ почти исключительно былъ занятъ ими: бредъ угасающаго, близкаго къ смерти больнаго только и состоялъ преимущественно изъ протестовъ и указанія мѣръ противъ чего-то. И когда онъ скончался, тотъ же про-

тесть, и какъ бы страшное недоумѣніе предъ чѣмъ-то выразилось на его осунувшемся лицѣ. Перепелкинъ, взглянувъ въ первый разъ на лицо усопшаго, во время панихиды, былъ пораженъ его видомъ. „Да не игрилище ли мы злой судьбы", думалъ онъ, соображая всю жизнь покойника: „зачѣмъ этотъ, несомнѣнно, добрый, мягкосердечный, при томъ же умный, честный и благородный человѣкъ былъ поставленъ въ условія жизни, несродныя его душѣ, часто заставлявшія его дѣйствовать на перекоръ ея требованіямъ, несогласно съ его добрыми намѣреніями и законными стремленіями"?

Потрясенный смертью уважаемаго человѣка, при отпѣваніи его въ церкви, Перепелкинъ сказалъ трогательную рѣчь.

Воспитанники были тронуты этою рѣчью и почти всѣ плакали.

На другой день въ средѣ бандитовъ обсуждалась она подробно, и чуть не каждое слово ея подверглось злой, жестокой критикѣ.

— Дались ему, этому Перепелкину, излюбленныя его „идеальныя стремленія": онъ носится съ ними, какъ дурень съ писаною торбой! говорилъ тотъ, на обязанности котораго лежало распоряженіе объ отопленіи помѣщенія, гдѣ несчастный генералъ получилъ смертельную болѣзнь.

— И вы замѣтьте,—гнусилъ жидовскаго типа субъектъ, замѣтьте, говорю, какъ онъ задѣлъ тутъ всѣхъ, особенно людей сановныхъ выраженіемъ: „чего нѣтъ во многихъ другихъ".

— „Да, да, да"! подхватили всѣ хоромъ и захохотали.

— Какъ бишь это тамъ сказано у него?

— Подмѣтилъ-де у покойнаго „нѣчто такое, чего нѣтъ у другихъ". Дружный хохотъ раздался съ такой силой, что привлекъ и нѣкоторыхъ другихъ лицъ въ комнату, гдѣ разбиралась съ такимъ злорадствомъ рѣчь Перепелкина.

— Нѣтъ, какъ себѣ хотите, господа, а мнѣ кажется, что мозги у этого человѣка не совсѣмъ въ порядкѣ, т. е. никакой послѣдовательности въ его рѣчи нѣтъ: одного не кончитъ, другое начнетъ, и такъ отъ начала до конца... а выраженія: „извращенная мораль"... умѣющіе читать исторію... А любопытно бы знать, кого онъ тутъ разумѣетъ? ораторствовалъ нѣмецкій человѣкъ, всѣми силами своей тевтонской души ненавидѣвшій Перепелкина.

— „Мозги не въ порядкѣ!" Да у него ихъ совсѣмъ не имѣется въ наличности, плоско острилъ ученый преподаватель каллиграфіи, нынѣ добившійся мѣстечка воспитателя, несмотря на то, что для него „Мессія и миссія—все едино, а пишутся различно только по прихоти, кто какъ пожелаетъ". Ни похвалы, ни порицанія подобныхъ людей не имѣли никакого значенія для Перепелкина, и онъ только смѣялся, когда эти разговоры передавались ему.

Слухи прошли, что Тупицынъ, временно заступившій мѣсто умершаго директора, будетъ утвержденъ въ этой должности, такъ какъ за него хлопочутъ въ столицѣ люди съ вѣсомъ. На мѣсто же Тупицына, разумѣется, по представленію послѣдняго, могъ быть назначенъ его благопріятель, какъ самый способный между военными для занятія такой должности.

Что Тупицынъ былъ увѣренъ въ назначеніи его на должность директора, объ этомъ можно было уже заключать по его вызывающему, недоброжелательному тону, какой онъ сейчасъ же, по вступленіи во временное исправленіе ея, принялъ въ отношеніи тѣхъ, кого онъ не любилъ, и, само собою разумѣется, прежде всего Перепелкина.

Такъ, когда собрались въ домовую церковь на отпѣваніе умершаго начальника, то прежде чѣмъ перенесли послѣдняго сюда, Перепелкинъ подошелъ къ Тупицыну и сказалъ:

— Позвольте мнѣ, Ѳома Ѳомичъ, послѣ отпѣванія покойника, предъ прощаніемъ съ нимъ, сказать нѣсколько словъ у его гроба.

— Этого я не позволю, отвѣтилъ онъ сухо, холодно.

— Почему же? Вѣдь этого нигдѣ не запрещаютъ.

— Потому, что я начальникъ.

— Знаю и потому-то и обращаюсь къ вамъ за разрѣшеніемъ, но если оно внѣ вашей компетентности, то я прошу васъ испросить здѣсь разрѣшеніе у исправляющаго должность начальника края, или дозволить мнѣ самому это сдѣлать.

— И этого не дозволю! сказалъ онъ грубо и пошелъ навстрѣчу вносимаго гроба.

Но минутъ черезъ пять, когда Перепелкинъ пересталъ уже и думать объ этомъ, къ нему подошелъ Тупицынъ, вмѣстѣ съ исправляющимъ временно должность начальника края, и послѣдній сказалъ:

— Если вы хотите сказать рѣчь у гроба, то напишите ее здѣсь, въ сосѣдней комнатѣ, и дайте намъ прочесть, иначе разрѣшить нельзя.

Перепелкинъ немедленно набросалъ на бумагу то, чтó имѣлъ въ виду сказать, подалъ начальству и получилъ разрѣшеніе.

— Но вы возьмите эту рѣчь и читайте ее по писанному слово въ слово, ничего не прибавляя и не измѣняя, счелъ нужнымъ прибавить Тупицынъ.

— Да, да, непремѣнно такъ, какъ написано! подтвердилъ исправляющій должность начальника съ довольно тонкой улыбкой.

II.

Входя все болѣе и болѣе въ свою роль, Тупицынъ, видимо, искалъ поводовъ придраться къ Перепелкину, но таковыхъ не оказывалось, потому, что послѣдній относился къ своимъ обязанностямъ добросовѣстно, какъ долгъ велитъ: онъ не позволялъ себѣ манкировать лекціями, не запаздывалъ на нихъ, классъ держалъ въ порядкѣ, и все то, что̀ входило въ кругъ его обязанностей, исполнялъ своевременно. Задѣть его, слѣдовательно, съ этой стороны, да еще Тупицыну, было трудновато, да и не безопасно, пожалуй, въ виду того, что всякому же было ясно, какъ съ прибытіемъ его, Тупицына, въ качествѣ помощника начальника корпуса, преимущественно, по учебно-воспитательной части, заведеніе все ниже и ниже стало опускаться, о чемъ и заявлялось на конференціяхъ, какъ-бы искусно тамъ ни маскировалась эта сторона дѣла цифирными отчетами. Но банда не дремала, она сразу поняла, чего хочется Тупицыну и, для удовлетворенія его скромнаго желанія показать свою власть надъ Перепелкинымъ, она до смерти директора выдвинула противъ послѣдняго закоренѣлаго его врага Б., ученаго преподавателя каллиграфіи и вмѣстѣ съ тѣмъ воспитателя, на котораго возложены обязанности библіотекаря. Это тотъ самый господинъ, для котораго Мессія и миссія—одно и то же, и который въ продолженіе долгаго времени не выдавалъ воспитанникамъ старшихъ классовъ исторической грамматики Буслаева, на томъ основаніи, что „такого-де сочиненія нѣтъ въ библіотекѣ, да оно и не выходило никогда въ свѣтъ".

Ясно, думалъ Перепелкинъ, что меня не оставятъ въ покоѣ и могутъ довести всяческими подлостями до такого раздраженія, что не совладаешь съ собой. Нѣтъ, поспѣшу убраться отсюда по добру—по здорову.

Въ виду того, что оставленіе этого города и переходъ на службу въ другое мѣсто не представляются уже возможными въ близкомъ будущемъ, два старшіе сына, которымъ не дали доучиться въ корпусѣ, съ непреклонною рѣшимостью потребовали отъ отца, чтобы онъ отпустилъ ихъ, наконецъ, на службу въ баталіонъ, расположенный въ городѣ А., откуда они черезъ полгода поступятъ въ юнкерское училище. Требованіе ихъ весьма энергично было поддержано матерью и сестрой, и отцу ничего другаго не оставалось уже дѣлать, какъ исполнить его.

Однажды, когда Перепелкинъ въ перемѣну лекцій разговаривалъ съ однимъ изъ сослуживцевъ, послѣдній замѣтилъ ему шопотомъ, что, можетъ быть, съ пріѣздомъ новаго начальника бандиты разсѣются и тогда лучше поспѣшить опредѣлить дѣтей въ разные классы, сообразно ихъ возрасту.

— Да развѣ не Тупицынъ, а другой кто назначенъ? спросилъ удивленный и обрадованный Перепелкинъ, въ надеждѣ, что авось заведенію пошлетъ Богъ въ начальники человѣка такихъ же достоинствъ, какъ и умершій, но съ болѣе твердой волей.

Не успѣлъ сослуживецъ отвѣтить на предложенный вопросъ, какъ въ учительскую влетѣлъ Утягаевъ и патетически произнесъ:

— Господа, поздравляю васъ съ новымъ начальствомъ! Сейчасъ полученъ въ канцеляріи приказъ: назначенъ Ардальонъ Роксолановичъ Форникатовъ. Не знаетъ ли кто его?

На всѣхъ лицахъ изобразилось удивленіе.

— Вы, Савва Саввичъ, не знаете ли его? обратился съ любезною мягкостью къ Перепелкину злой бандитъ.

Перепелкинъ и не слыхалъ такого имени, но не утерпѣлъ таки пугнуть грабителя выдумкой:

— Нѣтъ, лично не знаю, но, кажется, про него слыхалъ, что онъ управлялъ какимъ-то маленькимъ учрежденіемъ и поразогналъ оттуда воровъ.

Всѣ молча переглянулись. Вошелъ Тупицынъ и, держа въ рукѣ приказъ, какъ-то иронически проговорилъ, съ убитымъ, впрочемъ, лицомъ: новое начальство ѣдетъ... Ардальонъ Роксолановичъ Форникатовъ.

Пошли и съ его стороны разспросы, такъ какъ онъ лично его не зналъ.

Пояснилъ однакожъ, что въ спискѣ кандидатовъ Форникатовъ стоялъ не въ числѣ первыхъ.

Всѣ разсужденія по поводу этого назначенія, продолжавшіяся нѣсколько дней сряду, во время перемѣны лекцій, сводились, главнымъ образомъ, къ тому, будетъ ли новый начальникъ такимъ добрымъ и покладистымъ, какимъ былъ покойный.

Въ обществѣ ходили самые разнообразные толки про новаго начальника. Даже выдумка, которою Перепелкинъ хотѣлъ только напугать Утягаева, будто вновь назначенный начальникъ, управляя какимъ-то маленькимъ заведеніемъ, разогналъ оттуда воровъ, пошла въ ходъ, дополненная и тщательно разработанная въ деталяхъ уже другими. Оказалось, впрочемъ, что только два человѣка въ городѣ видали гдѣ-то и когда-то Форникатова.

Одинъ изъ нихъ слишкомъ неопредѣленно характеризовалъ его: „Такъ себѣ, ни рыба, ни мясо".

Другой прибавлялъ: „Съ виду сморчокъ и все только: хи-хи, да хи-хи и больше ничего, другаго впечатлѣнія онъ не оставилъ во мнѣ, хотя я его не разъ видѣлъ".

Бандиты были въ большомъ уныніи и тревогѣ. Очевидно, ихъ безпокоила выдумка Перепелкина, приходившаяся имъ не по шерсти.

Тупицынъ тоже упалъ духомъ, онъ рѣже и безъ вниманія перебиралъ свои бумаги, часто отрывалъ отъ нихъ глаза, устремлялъ ихъ куда-то и сосредоточенно смотрѣлъ въ одну точку съ обычнымъ тупымъ выраженіемъ въ лицѣ, въ разговоръ же даже съ любимцами своими онъ почти совсѣмъ не вступалъ.

Была большая тревога и въ другихъ учрежденіяхъ этого города. Умеръ въ отпуску главный начальникъ края, и на его мѣсто назначался генералъ изъ сильныхъ связями и положеніемъ, при томъ же умница и съ хорошимъ образованіемъ. Про него носились слухи, что онъ по службѣ требователенъ, взыскателенъ и самъ неутомимый труженикъ; сверхъ того, врагъ кривосудія, взяточничества, проволочекъ съ цѣлями эксплоататорскими и вообще всяческихъ неправдъ. Всѣ, повинные въ этихъ добродѣтеляхъ, закручинились, иные даже подумывали уже о переходѣ куда-нибудь подальше отъ глазъ такого грознаго начальства. Одинъ только крупный чинъ, очень искусившійся въ отправленіяхъ темнаго безгласнаго суда, не чувствовалъ, повидимому, ни малѣйшей робости и, хитро улыбаясь, ободрялъ другихъ словами: „ничего, видали мы всякіе виды". Но, предупреждая ходъ событій, надо сказать тутъ же, что этотъ именно хитроумный сынъ кривой Ѳемиды, не знавшій страха ни предъ кѣмъ и ни предъ чѣмъ, первый подвергся наблюденіямъ проницательнаго начальника края, который въ скоромъ времени послѣ своего прибытія и вступленія въ должность перемѣстилъ его изъ одного отдѣленія, гдѣ съ каждымъ процессомъ сами въ карманъ лѣзли соблазнительные тяжеловѣсные куши, въ другое, въ которомъ, по выраженію заправлявшихъ имъ, производили дѣла грошевыя, отъ которыхъ, какъ ни верти ихъ, не получишь „ни мѣшка, ни шерсти клочка".

Прибытіе ожидаемыхъ начальниковъ, большаго и малаго, замедлилось къ крайнему безпокойству разныхъ чиновъ, тщетно пытавшихся разрѣшить хитрую загадку, что готовитъ имъ судьба въ будущемъ—благоволеніе и милость начальства, или гнѣвъ и опалу.

Люди съ вѣсомъ, имѣющіе возможность замедлить отъѣздъ, не очень спѣшатъ въ этотъ край послѣ своего назначенія, но считаютъ необходимымъ сперва обдумать и основательно запастись всѣмъ, чего ни за какія деньги не достанешь здѣсь, затѣмъ дождаться извѣстій, что непролазныя грязи на пространствѣ 800 верстъ, засасывавшія въ себя сотни тысячъ казенныхъ денегъ, наконецъ, по милости Божіей, изсушены лѣтнимъ солнышкомъ, конечно, не навсегда, но до осени, когда онѣ опять появятся и раскроютъ свои хляби во всей своей красотѣ и болѣе чѣмъ сомнительной безопасности для путешествующихъ.

Первымъ прибылъ Форникатовъ.

Странно, что онъ на всѣхъ почти произвелъ то самое впечатлѣніе, о которомъ сообщилъ кто-то изъ видѣвшихъ его не разъ. „Какъ есть сморчокъ, говорили повсюду, когда заходила рѣчь о немъ: и все только хи-хи, да хи-хи и больше ничего“.

На общемъ представленіи чиновъ заведенія, какъ ни старался онъ произвести благопріятное впечатлѣніе, держа себя съ заученными: граціей, сановнымъ достоинствомъ и снисходительностью персонъ, но все это не шло къ нему, не гармонировало ни съ одной чертой его физіономіи и возбуждало въ умѣ наблюдателя и даже простаго созерцателя сатирическія мысли, вродѣ тѣхъ: „какъ есть сморчокъ, и все только хи-хи, да хи-хи и больше ничего“. А когда онъ, прощаясь, обратился ко всѣмъ съ маленькимъ спичемъ, что, дескать, дверь его кабинета всегда открыта будетъ для всякаго, кто обратится къ нему за совѣтомъ, какъ вести свое дѣло, какъ справится съ какимъ-нибудь затруднительнымъ обстоятельствомъ“, и проч., на лицахъ многихъ сверкнули улыбки. Даже на деревянномъ лицѣ Тупицына скользнуло нѣчто вродѣ мысли: а что, дескать, умницъ желали? вотъ онъ!

Мѣсяца два онъ былъ предметомъ наблюденій и толковъ въ давно соскучившейся отъ бездѣлья и недостатка новостей Непроницаемой Мути. Ловили въ немъ черты, дававшія поводъ къ пересмѣшкамъ и неистощимымъ разговорамъ. Замѣчательнѣе всего то обстоятельство, что люди, обратившіеся впослѣдствіи въ самыхъ низкихъ прислужниковъ и угодниковъ его и удостоившіеся за то такихъ отличій, какія имъ и во снѣ не снились по мизерному ихъ образованію, были въ числѣ первыхъ, которые подмѣтили въ новопріѣзжемъ смѣшныя привычки и разнесли вѣсть объ этомъ по всему городу.

Тѣ качества, которыхъ другіе искали въ новомъ начальникѣ, какъ-то: умъ, просвѣщенность, многосторонняя начитанность, серьезность мысли, горячее и вмѣстѣ съ тѣмъ толковое отношеніе къ дѣлу, справедливость требованій, предъявляемыхъ къ подчиненнымъ, чуждая все оцѣпеняющей формалистики, но ни на шагъ не отступающая предъ трудностями задачъ воспитательнаго и образовательнаго свойства,—все это не имѣло никакой цѣны въ глазахъ практическихъ бандитовъ.

Они вдумывались совсѣмъ въ другія свойства новопріѣзжаго начальника: податливъ ли онъ и въ какой степени; не вспыльчивъ ли, и если вспыльчивъ, то скоро ли отходитъ, затихаетъ; любитъ ли онъ вникать въ дѣла, или только показываетъ видъ, что внимательно читаетъ и слушаетъ докладъ; не водится ли за нимъ какихъ-нибудь слабостей, чтобы, пользуясь ими, прибрать его къ рукамъ и заправлять имъ какъ пѣшкой. Вотъ надъ какими основательными вопро-

сами работали они сообща усердно и безъ мальчишеской поспѣшности, и пока занимались этимъ дѣломъ, были серьезны, угрюмы, мрачны. Но вотъ они въ прекрасный день вдругъ загоготали и такъ адски, что, будь казенный сундукъ одаренъ хоть малѣйшей чувствительностію, онъ треснулъ бы отъ внезапнаго сотрясенія воздуха раздавшимся вблизи его неистовымъ вскрикомъ и разорвался бы на части, какъ разрывается сердце отъ внезапнаго нервнаго потрясенія.

Бѣдный казенный сундукъ! Бѣдное казенное учрежденіе, которому судьба послала тяжкое испытаніе!

Кто изъ бандитовъ имѣлъ право воскликнуть „эврика“, еслибы понималъ историческое значеніе этого слова; кому изъ нихъ принадлежитъ честь открытія роковой слабости у новопріѣзжаго, отдававшей его въ полное ихъ распоряженіе; въ чьей головѣ зародился и созрѣлъ дьявольскій планъ хитро разставить сѣти этому, немощному духомъ и тѣломъ человѣчку, и запутать его въ нихъ такъ, чтобъ онъ не только рта не смѣлъ раскрыть противъ артистически обдѣлываемыхъ дѣлишекъ по возведенію дорогаго зданія, но даже заискивалъ бы въ нихъ, этихъ художникахъ, смотря на всѣхъ и все ихъ глазами, безъ зазрѣнія совѣсти отплясывая по ихъ дудкѣ,—все это покрыто мракомъ неизвѣстности.

Попавъ въ эту ловушку, несчастный человѣкъ съ умишкомъ, омраченнымъ страстью, едва-ли и сознавалъ, какую жалкую роль онъ долженъ былъ играть и какое зло сѣялъ вокругъ себя, особенно въ умѣ молодыхъ людей, поселяя недовѣріе къ закону, справедливости и всякимъ другимъ нравственнымъ началамъ. А между тѣмъ онъ въ сущности былъ выше Тупицына и по способностямъ понимать научные вопросы и по чувствамъ человѣческимъ, что и выражалось иногда и въ осмысленномъ взглядѣ на вещи и въ сердобольномъ отношеніи къ дѣтскимъ потребностямъ учащихся, ихъ недостаткамъ, проступкамъ и проч. Послѣднее, правда, приписывалось заигрыванію съ ними, путемъ задобриванія ихъ и исканія популярности какъ у нихъ, такъ и въ обществѣ; но, кажется, это не совсѣмъ справедливо; могли быть тутъ и другія побужденія, прямо вытекавшія изъ добраго сердца, чего ужъ никакъ нельзя сказать про Тупицына, потому что это былъ въ полномъ смыслѣ деревянный человѣкъ по чувствамъ своимъ.

Связанный по рукамъ и ногамъ бандитами, которые ловко прикрывали его слабость, онъ въ дѣйствіяхъ своихъ по управленію заведеніемъ былъ робокъ, нерѣшителенъ, не самостоятеленъ до того, что мало походилъ на настоящаго начальника, почему и назывался: маршалъ-аплике. Это прозвище получилъ онъ отъ прибывшаго наконецъ главы края, на котораго онъ произвелъ невыгодное для себя впечатлѣніе. Нѣтъ сомнѣнія, что если бы главный начальникъ узналъ,

какими сѣтями опутанъ этотъ маршалъ-аплике, и что творится, вслѣдствіе того, въ заведеніи, онъ спустилъ бы его немедленно; но хитрые бандиты были всегда насторожѣ и умѣли спасать его репутацію, если не отъ стоустой молвы, то, по крайней мѣрѣ, отъ умнаго, проницательнаго, весьма дѣятельнаго, но вмѣстѣ съ тѣмъ и грознаго главнаго начальника края.

Едва только прибылъ главный начальникъ края и чиновничество успѣло ему представиться, какъ онъ тотчасъ же завелъ по-своему канцелярскую машину, которая живо застучала, загрохотала и заскрипѣла поржавѣвшими винтами такъ, что навела страхъ даже на людей, чуждыхъ канцелярскому міру. Всѣмъ нашлось дѣло, да еще такое спѣшное, что назначался срокъ, когда оно должно быть готово и представлено самому. Всѣ ахали, охали, вздыхали, а иногда и въ ужасъ приходили. Да и было отъ чего: такъ одинъ добродушнѣйшій толстякъ, числившійся чиновникомъ особыхъ порученій по строительной части, вдругъ получилъ приказаніе прослѣдить на всемъ протяженіи двѣ рѣчушки, совсѣмъ неизвѣстныя по географіи и не нанесенныя ни на одну карту, опредѣлить съ точностью ихъ длину, глубину и ширину, собрать отъ мѣстныхъ жителей свѣдѣнія, каковы эти рѣчушки бываютъ въ половодье и въ лѣтнія жары, все это пополнить своими соображеніями о томъ, возможно ли, при небольшихъ затратахъ, ихъ соединить и довести до большой рѣки. Такова была задача, а времени для исполненія назначено такъ мало, что благодушный чиновникъ, сильно еще и сомнѣвавшійся въ томъ—его ли это дѣло, чуть не заболѣлъ отъ этого порученія. Какъ ужъ онъ съ нимъ справился—осталось неизвѣстнымъ; но многимъ за неисполненіе во-время или за дурное неумѣлое исполненіе порученія приходилось такъ жутко, что хоть бѣги вонъ со службы, тѣмъ болѣе, что не успѣешь кончить одно порученіе, какъ ужъ тебя ждутъ два три другихъ.

— Да когда онъ успѣваетъ прочитывать массы бумагъ, представляемыхъ изъ управленій, да еще сверхъ того и ежедневные отчеты по этимъ порученіямъ? усомнился кто-то.

Эти два почтенныхъ мужа, необыкновенный счетчикъ и хитроумный принципалъ бандитовъ, были друзьями еще со школьной скамейки, одновременно поступили на службу въ корпусъ и сѣли на мѣста, какъ говорится, хлѣбныя, избравъ обязанности по своему вкусу—первый кормить и поить юношество, второй—одѣвать и обувать его. Пройдя хорошую школу въ этихъ должностяхъ и изощривъ на нихъ свои способности до степени артистовъ перворазрядныхъ, они вдругъ, къ общему удивленію, перемѣнили фронтъ и ни съ сего, ни съ того, какъ казалось профанамъ въ этихъ дѣлахъ, пере-

спросились на мѣста, повидимому, совсѣмъ не хлѣбныя—первый—счетчика, второй—питателя юношества, но не вещественною пищею, а духовною, насаждая въ сердцахъ юныхъ воспріимчивыя сѣмена честности, безкорыстія, уваженія къ закону и другихъ добродѣтелей, мало знакомыхъ ему по прежней должности, да и несродныхъ ей. Чтобъ не порвать связи съ той средой, интересамъ которой онъ отдалъ лучшіе годы своей жизни и гдѣ проявилъ столько смѣлости, находчивости, изобрѣтательности, хитроумія, что заслужилъ глубокое уваженіе и самыя сердечныя симпатіи ея, онъ сохранилъ за собою и обязанности питателя всѣхъ сослуживцевъ по заведенію, но пищею матеріальною, а не духовною, выдавая имъ ежемѣсячно жалованье.

„Что̀ бы это значило? задавались тогда вопросомъ сослуживцы, слѣдившіе за ихъ дѣятельностью: неужели каяться хотятъ въ своихъ прегрѣшеніяхъ?“.

Но начавшееся возведеніе дорогаго зданія хозяйственнымъ способомъ, послѣ забраковки матеріала, заготовленнаго вполнѣ благонадежнымъ подрядчикомъ, съ принужденіемъ послѣдняго отказаться отъ принятаго на себя обязательства, ясно показало всѣмъ, что эти два почтенныхъ мужа одарены и проницательностью, и дальновидностью, далеко незаурядными.

Дѣла въ ихъ сферѣ пошли такъ гладко, плавно и въ такой безопасности, особенно съ тѣхъ поръ, какъ нашли вѣрное средство прибрать къ своимъ рукамъ маршала-аплике, что имъ лучшаго и желать ничего не оставалось. Но вотъ на горизонтѣ показывается облачко,—какъ-бы оно, разросшись и приблизившись, не разразилось надъ ними, подумываютъ всей родственной своей семьей бандиты по поводу слуховъ о намѣреніи главнаго начальника края пригласить къ своимъ дѣтямъ учителемъ Перепелкина.

Призадумался и Перепелкинъ по поводу этихъ слуховъ. Онъ не желалъ, чтобы, они оказались справедливыми. Вотъ что записано въ его дневникѣ на этотъ счетъ: „да мимо идетъ эта чаша! Боюсь я за себя. Какъ можно, чтобъ сблизившись съ такимъ честнымъ лицомъ, я не разразился страшнымъ негодованіемъ на тѣ мерзости, которыхъ я насмотрѣлся въ этомъ краю, на тѣ душу возмущающія явленія, которыя совершаются на глазахъ юношества, какъ бы въ насмѣшку надъ усиліями, сверху идущими, поднять корпусъ до подобающей высоты въ умственномъ и нравственномъ отношеніяхъ, да и вообще надъ просвѣтительными стремленіями новаго времени. А что изъ этого могло бы произойти? Конечно, гибель мнѣ и семейству, вслѣдствіе свирѣпаго ожесточенія многихъ противъ одного“.

Между тѣмъ чаша, хотя и была преподносима, но такъ какъ испить ее предлагалось не раньше какъ черезъ мѣсяцъ, то къ концу

этого срока она почему-то прошла мимо Перепелкина. Совершилось ли это по волѣ судебъ, и кого онѣ тутъ пощадили—педагога ли, или бандитовъ и родственныхъ имъ людей—Аллахъ вѣдаетъ, но устраненіе Перепелкина отъ опаснаго сближенія съ энергичнымъ главой края произошло, говорятъ, не случайно, а по вліянію людей съ вѣсомъ.

Перепелкинъ получилъ приглашеніе прибыть къ его высокопревосходительству, между двухъ и четырехъ часовъ, въ такой день, какой онъ самъ, приглашенный, найдетъ для себя наиболѣе удобнымъ для этого. Между тѣмъ въ четыре часа того же дня, когда ему сдѣлано было предложеніе, пріѣхалъ къ нему Форникатовъ и сказалъ, что онъ имѣетъ порученіе сейчасъ привезти съ собой и представить его, Перепелкина, главному начальнику края для переговоровъ насчетъ занятій съ дѣтьми его высокопревосходительства. Послѣдній былъ занятъ, и переговоры вела супруга его, которые кончились тѣмъ, что Перепелкинъ взялся преподавать исторію политическую и священную, русскій языкъ и словесность и наблюдать за преподаваніемъ другихъ предметовъ. Какъ ни старался Перепелкинъ отдѣлаться отъ послѣдняго, но ея высокопревосходительство заявила, что это самое желательное со стороны ея супруга и отступать отъ подобнаго порученія она не въ правѣ. Перепелкинъ согласился. Онъ цѣлый мѣсяцъ обдумывалъ планы, какъ вести дѣло преподаванія въ чужомъ домѣ такъ, чтобы въ немъ былъ толкъ, безъ чего онъ, конечно, отказался бы во вредъ себѣ; но вотъ какъ разъ наканунѣ того дня, когда должны были начаться уроки, онъ получаетъ любезное извѣщеніе, что, по обстоятельствамъ, для занятій съ дѣтьми его высокопревосходительства приглашено другое лицо не изъ педагоговъ. Случайность ли это, дѣйствительно, была, или нѣчто другое, но Перепелкинъ не былъ ни удивленъ, ни огорченъ такимъ разрѣшеніемъ разныхъ сомнѣній и страховъ насчетъ положенія, въ какое онъ ставился близостью отношеній къ дѣлу энергичнаго начальника края. Онъ даже вскорѣ порадовался исходу этого дѣла и приписывалъ особенной благосклонности судьбы къ нему и его семейству устраненіе бывшей опасности, когда увидѣлъ, что сердито смотрѣвшіе на него бандиты сдѣлались предупредительными.

Переутомленному, выбивавшемуся изъ силъ чиновничеству пришлось по вкусу это сомнѣніе, и нѣкоторые изъ нихъ, какъ бы озаренные новымъ свѣтомъ, такія интимныя рѣчи вели между собой по секрету:

— И въ самомъ дѣлѣ: гдѣ ему перечитать все то, что подается? Тоже, вѣдь, человѣкъ, а не машина: и устанетъ, и надоѣстъ, говорили одни.

— На первыхъ порахъ всякое начальство пѣтушится, козыремъ ходитъ, а тамъ смотришь, и спасуетъ, замѣчали другіе.

— Такъ чего жъ по пустякамъ и надрываться намъ! порѣшили всѣ: катай-валяй съ плеча, не долго думая; что-нибудь да выйдетъ. А вотъ словесный докладъ надо хорошенько обдумывать, онъ внимательно выслушиваетъ и любитъ, чтобы толково передавалась суть дѣла.

Но легкомысленные люди чуть не поплатились мѣстами за такое вольнодумство. Оказалось, что неутомимый и добросовѣстный начальникъ обширнаго края самъ себѣ задаетъ работы неизмѣримо больше, чѣмъ кому-либо изъ своихъ подчиненныхъ. Онъ читаетъ все, что проходитъ чрезъ его руки, помнитъ словесные доклады, иногда ловитъ чиновника на противорѣчіяхъ, оказывающихся по сравненіи имъ доклада письменнаго съ докладомъ словеснымъ, раньше сдѣланнымъ. Въ дѣлахъ же серьезныхъ, касавшихся пріобрѣтенія новыхъ данныхъ относительно положенія края и осмысленной провѣрки прежнихъ, старыхъ, въ видахъ правильнаго изученія ихъ, онъ и по ночамъ перечитывалъ не разъ составляемыя чиновниками записки. Вотъ такимъ-то образомъ онъ и изловилъ на шарлатанствѣ: преподнесли совершенный вздоръ. Хорошо еще, что онъ былъ въ духѣ, и легкомысленные смѣльчаки отдѣлались только тѣмъ, что онъ назвалъ ихъ неспособными къ дѣлу.

Если чиновничеству жутко приходилось отъ такой неусыпной дѣятельности неутомимаго главы края, то бандитамъ она была и по сердцу и на руку. Гдѣ жъ ему, этому умному начальнику, постоянно занятому дѣлами по управленію непосредственному, да еще озабоченному широкими проектами, призвать къ жизни омертвѣлый, оцѣпенѣвшій остовъ такой территоріи, которая могла вмѣстить въ себѣ и пропитать болѣе трети народонаселенія Европы, гдѣ и когда было ему присмотрѣться и прислушаться къ тому, что творилось въ какомъ-нибудь корпусѣ. Поэтому они благодушествовали, осторожно и осмотрительно, конечно, не въ интересахъ казны, возводя хозяйственнымъ способомъ дорогое зданіе и окунувъ съ головою своего маршала-аплике въ тину сладострастныхъ вожделѣній. Но и у нихъ вдругъ произошла тревога по случаю одного неожиданнаго обстоятельства. Прошелъ слухъ, что его высокопревосходительство, по рекомендаціи изъ столицы, имѣетъ въ виду пригласить Перепелкина для занятій съ дѣтьми тѣми предметами, которые онъ возьмется преподавать самъ и для наблюденія за преподаваніемъ другихъ предметовъ.

— Вотъ пакость-то! гнусилъ жидовскаго типа принципалъ бандитовъ: слыхали, куда мѣтятъ нашего Перепелкина?

— Да кто его туда рекомендовалъ? тревожно спрашивали усерд-

ные оберегатели казенныхъ интересовъ по возведенію дорогаго зданія, кормленію и одѣванію питомцевъ, отопленію, освѣщенію и ремонтированію зданій, равно какъ и выполненію многихъ другихъ насущныхъ, а нерѣдко и сочиненныхъ хозяйственныхъ потребностей.

— Говорятъ, его въ столицѣ кто-то изъ сановныхъ рекомендовалъ, замѣтилъ, съ оглядкой по сторонамъ, толстенькій, кругленькій, пухленькій съ лоснящимся лицомъ бандитъ.

Въ корпусѣ шли приготовленія къ празднованію пятидесятилѣтняго юбилея этого заведенія со времени его основанія. Торжество должно было закончиться оффиціальнымъ обѣдомъ, на который была отпущена не маленькая сумма денегъ, а участвующими въ немъ должны были быть высшіе чины, почетные граждане, наконецъ, учившіеся въ этомъ заведеніи и всѣ служащіе въ немъ. Послѣ обѣдни, торжественно совершенной въ домовой церкви корпуса, и молебствія, приглашенные гости должны были собраться въ большой залѣ для выслушанія отчета о состояніи заведенія и кой-чего другаго, приготовленнаго на этотъ случай. Отчетъ долженъ былъ прочесть Тупицынъ, у котораго голосъ былъ и громкій и не безъ пріятности; затѣмъ предположено было занять гостей до обѣденнаго времени прочтеніемъ исторійки заведенія, когда-то составленной адъютантомъ корпуса, а къ юбилею дополненной однимъ изъ преподавателей. Чтеніе возложено было на зачисленнаго кандидатомъ въ должность помощника начальника. Наконецъ, въ довершеніе всего, тутъ же, прежде чѣмъ выйти въ столовую, о которой,—какъ всегда то бываетъ,—многіе думаютъ больше, чѣмъ о томъ, что въ такихъ случаяхъ тутъ читается,—Уклоновъ, избранный городомъ на общественную должность, долженъ былъ произнести спичъ, съ выраженіемъ благодарности заведенію за воспитаніе юношества, а гостямъ—признательности за ихъ сочувственное вниманіе къ этому заведенію. „Всѣ роли разобраны", подумалъ Перепелкинъ, когда ему, наканунѣ торжества, показали программу его: „Почему бы и мнѣ не произнести хоть застольный спичъ и не высказать своего „profession de foi" при такой оказіи?" продолжалъ онъ развивать свои мысли, отходя ко сну.

Перечитать рукопись у него рѣшительно не было времени, такъ какъ онъ долженъ былъ поспѣшить къ начальнику заведенія, чтобъ испросить разрѣшенія на произнесеніе этого спича въ концѣ обѣда, о чемъ еще должно было докладывать высшему начальству, что́ уже лежало на обязанности Форникатова. Оказалось, что обѣдня уже началась и въ заведеніи. Главный начальникъ края давно стоялъ уже въ церкви; по близости къ нему, сзади, пристроился у боковой стѣнки мало замѣтный, малорослый Форникатовъ, котораго Перепелкинъ долго напрасно искалъ глазами, а когда наконецъ увидѣлъ, то понялъ всю

невозможность сообщить ему теперь о своемъ замыслѣ, а по выходѣ изъ церкви уже представлялось совершенно неудобнымъ соваться къ нему съ такой просьбой, когда онъ будетъ сопровождать главу края. Такъ онъ и порѣшилъ оставить эту затѣю, что̀ и было бы для него куда какъ полезно; но судьба, мачиха для него, дѣлала свое дѣло. Дежурный по заведенію воспитатель замѣтилъ, какъ Перепелкинъ долго искалъ глазами кого-то по всей церкви, приподымаясь на цыпочки и поглядывая то въ ту, то въ другую сторону, поверхъ головъ наполнявшихъ храмъ.

— Вамъ кого нужно, Савва Саввичъ? освѣдомился онъ у Перепелкина.

— Да мнѣ бы хотѣлось переговорить съ Ардальономъ Роксолановичемъ о кое-чемъ, но вижу, что этого невозможно сдѣлать ни теперь, ни послѣ, когда онъ будетъ сопровождать начальника края.

— А позволите узнать, въ чемъ дѣло? полюбопытствовалъ сослуживецъ: я, можетъ быть, и найду возможность шепнуть ему о вашемъ желаніи.

— Хочу сказать спичъ за обѣдомъ...

Дежурный не дослушалъ даже конца рѣчи педагога и въ то же мгновеніе сталъ пробираться къ начальству, которое минуты черезъ двѣ увело Перепелкина въ боковую залу.

— У васъ написана рѣчь? спросилъ Форникатовъ.

Перепелкинъ подалъ ее.

— Теперь мнѣ читать ее некогда, говорило начальство, пробѣгая глазами по строчкѣ то въ томъ, то въ другомъ мѣстѣ мелко исписанныхъ листиковъ почтовой бумаги, но я найду случай доложить о вашемъ желаніи его высокопревосходительству.

Разрѣшеніе было дано, и Перепелкинъ, усаженный поближе къ главному начальнику, произнесъ горячую рѣчь.

Начальство внимательно выслушало застольный спичъ Перепелкина, сказанный въ концѣ обѣда, благосклонно кивнуло ему головой и немедленно удалилось въ сопровожденіи своей обычной свиты и нѣкоторыхъ сановныхъ лицъ.

Что рѣчь не понравилась многимъ, ясно было по выраженію лицъ.

— Крикните кто-нибудь, господа: „за здоровье лучшаго преподавателя корпуса Уклонова“, скомандовалъ предсѣдатель одного обширнаго управленія, обращаясь къ своимъ подчиненнымъ, которые, съ нимъ во главѣ, занимали дальній отдѣльный столъ.

Взоры всѣхъ направились въ ту сторону, откуда донеслись эти слова. Тамъ шло перешептываніе и переглядываніе. Наконецъ, изъ могучихъ легкихъ здоровеннаго верзилы раздались, или, лучше сказать, затрещали растягиваемыя слова тоста:

„За здоровье превосходнѣйшаго, лучшаго преподавателя корпуса Уклонова!“

— Ура! ура! ура! загудѣли преимущественно изъ той же группы.

— Господа, позвольте предложить тостъ за здоровье лучшаго нашего преподавателя, Саввы Саввича Перепелкина! Ура! крикнулъ зачисленный кандидатомъ на должность помощника начальника корпуса.

— Ура, ура, ура! подхватили голоса съ разныхъ столовъ, но въ той группѣ молчокъ, хотя въ ней было не мало лицъ, учившихся у Перепелкина.

— Начальство думало, что вы... какъ это обыкновенно водится въ рѣчахъ публичныхъ... что вы скажете что-нибудь лестное насчетъ нашего корпуса, также сочувствія общества этому заведенію... Вотъ какъ Уклоновъ говорилъ отъ имени городскаго общества... Ну, а у васъ вышло совсѣмъ не то-съ... говорилъ одинъ изъ участниковъ въ обѣдѣ.

— Одно начальство такъ думало, или и всѣ вы, его подчиненные? полюбопытствовалъ Перепелкинъ.

— Тутъ, изволите видѣть, все дѣло въ томъ, что всѣмъ бросилось въ глаза, какъ главный начальникъ края внимательно слушалъ вашу рѣчь, а въ ней-то, говорятъ, что ни слово, то щелчокъ, а иногда цѣлая затрещина тому, другому, третьему, а подъ конецъ и всѣмъ досталось на орѣхи, острилъ бывшій ученикъ идеалиста - педагога.

Только-что простился онъ съ Перепелкинымъ, подъѣхалъ одинъ изъ пожилыхъ коренныхъ обитателей Мути и предложилъ педагогу прокатиться съ нимъ въ поле, чтобъ освѣжиться, въ чемъ чувствовалъ потребность и самъ Перепелкинъ.

— То, что вы сейчасъ сказали за обѣдомъ, произвело на всѣхъ впечатлѣніе, но нельзя сказать, чтобъ оно было пріятное, говорилъ пожилой гражданинъ Мути: главный начальникъ, какъ всѣ замѣтили, все время былъ въ веселомъ настроеніи, но послѣ вашего спича оно измѣнилось. А тутъ еще выходившіе за нимъ, какъ бы подливая масла въ огонь, довольно громко разсуждали по поводу сказаннаго и все не въ пользу вашу..

„Экъ, нашелся, что сказать въ такой день!“ удивлялись одни.

„И все заносчивость, высокомѣрное отношеніе ко всѣмъ и всему“, замѣтилъ кто-то. На это замѣчаніе быстро оглянулся назадъ его высокопревосходительство, спускавшійся въ то время съ лѣстницы. „Да, подобные ораторы только о себѣ и думаютъ“, дополнилъ одинъ изъ превосходительныхъ сановниковъ, догадываясь, что главный начальникъ края занятъ этимъ вопросомъ.

Кучеру велѣно остановиться. Ѣхавшіе навстрѣчу тоже остано-

вились. Это были знакомые гражданина Мути и Перепелкина, мужъ съ женой.

— Говорятъ, что вы, Савва Саввичъ, всѣмъ обѣдавшимъ въ пансіонѣ испортили аппетитъ сегодня своею рѣчью, затараторила супруга.

— Да нѣтъ же, перебилъ мужъ: рѣчь сказана за пирожнымъ, слѣдовательно, развѣ только сварепію желудка помѣшаетъ, острилъ онъ, заливаясь самымъ искреннимъ смѣхомъ.

— Такъ хорошо я и сдѣлала, что заѣхала за тобой, а то, пожалуй, ударъ могъ бы приключиться съ тобой послѣ вкуснаго обѣда и невкуснаго спича, сострила и она, многозначительно взглянувъ на собесѣдниковъ.

Перепелкинъ, воспользовавшись тѣмъ, что его спутникъ разговорился съ этой четой, распростился съ ними со всѣми и побрелъ одинъ въ поле разгонять свою тоску.

„У васъ самый несчастный характеръ, какъ мнѣ кажется, писалъ ему на другой день въ анонимномъ письмѣ какой-то обыватель Мути: я васъ знаю съ самаго пріѣзда въ Муть, слыхалъ въ клубѣ ваши бесѣды съ вашими пріятелями, слыхалъ ваши публичныя лекціи, затѣмъ публичныя рѣчи, сказанныя по случаю, сверхъ того много кой-чего знаю со словъ людей, близкихъ къ вамъ и доброжелательныхъ, и соображая всѣ свои впечатлѣнія, прихожу, кажется, къ правильному заключенію, что и самый злой врагъ не можетъ сдѣлать вамъ только вреда, сколько вашъ языкъ. Говорю это изъ доброжелательства къ вамъ. До послѣдней рѣчи у васъ были еще въ городѣ ваши почитатели, но теперь едва-ли таковыми останутся: слишкомъ ужъ вы задѣли всѣхъ и вся. Какъ-будто злая судьба толкаетъ васъ къ бѣдамъ и невзгодамъ“.

Были и другія письма, злыя, съ угрозами.

Перепелкинъ ясно видѣлъ, что ему надо бѣжать отсюда по добру, по здорову, на какъ это сдѣлать, при неимѣніи покупателей на домъ и безтолковомъ веденіи хозяйства женою?

Между тѣмъ какъ бы въ насмѣшку надъ метафизическими его запросами, или для исцѣленія его отъ недуговъ идеалистическихъ, судьба ему готовила сюрпризы самаго суроваго свойства; надъ его головой собирались тучи почернѣе и погрознѣе тѣхъ, какія уже разражались надъ нимъ. Изъ дальняго училища, куда два старшіе его сына поступили юнкерами для военнаго образованія, получены были вѣрныя свѣдѣнія, что оба они лѣнятся, въ наукахъ успѣваютъ плохо и имѣютъ наклонность къ пьянству, которую, подъ охраной своихъ товарищей - друзей, пока еще ловко скрываютъ предъ своимъ начальствомъ, но если попадутся, то будутъ исключены.

Вышло то, чего и надо было ожидать. Старшій сынъ кончилъ курсъ, не вдолгѣ былъ произведенъ въ офицеры и распьянствовался такъ, что въ два года уходилъ себя и умеръ. Вѣроятно, той же участи подвергся бы и второй сынъ, но онъ не кончилъ курса и пошелъ другой дорогой. Изъ слѣдующихъ за ними одинъ, мало способный къ наукамъ, проводилъ время въ праздности, подъ покровомъ матери и другихъ членовъ семейства, безусловно вѣрившихъ въ разные, выдумываемые имъ, предлоги, для уклоненія отъ занятій съ отцомъ и другими наемными учителями. Двое другихъ съ грѣхомъ пополамъ приготовлялись въ старшіе классы корпуса и по снисхожденію учителей и начальства были приняты—одинъ въ послѣдній классъ, а другой—въ четвертый.

Пока держался въ заведеніи тонъ, заданный первымъ инспекторомъ, котораго личныя обращенія къ лѣнтяямъ и шалопаямъ всегда заканчивались энергичными словами: „Стыдно быть болваномъ офицеру! Просвѣщеніе, просвѣщеніе, просвѣщеніе нужно ему", то и мѣрка воспитанниковъ всегда согласовалась съ этимъ тономъ и была въ пользу тѣхъ учителей и воспитателей, которые болѣе другихъ содѣйствовали или, по крайней мѣрѣ, могли содѣйствовать учащимся въ дѣлѣ просвѣщенія. Но мало по малу тонъ этотъ сталъ забываться, и симпатіи большинства учащихся перешли на сторону лицъ противоположнаго свойства. Перепелкинъ не могъ не замѣтить, что съ пріѣздомъ Тупицына и Форникатова онъ уже далеко не такъ популяренъ въ средѣ молодежи, какъ былъ прежде. Этого мало. Со стороны нѣкоторыхъ близкихъ къ членамъ черной банды по родству или другимъ отношеніямъ, дѣлались уже попытки намекнуть ему о клубномъ инцидентѣ, то есть какъ онъ былъ представленъ съ атрибутами осла.

Въ сущности, онъ не могъ не чувствовать въ душѣ, что авторитетъ его подрывается, что рано или поздно дѣятельность его будетъ окончательно парализована, та дѣятельность, отъ которой онъ ожидалъ наилучшихъ плодовъ, когда, воодушевляясь при чтеніи образцовыхъ сочиненій, онъ пламеннымъ, идущимъ изъ сердца словомъ выяснялъ, въ чемъ состоитъ честность и благородство душевныя, какія стремленія возвышаютъ человѣка и приближаютъ его къ небу, не допуская его погрязнуть въ тинѣ мелочей, лжи и зловредныхъ для другихъ поступковъ и дѣйствій. И тяжело у него становилось на душѣ.

„Господи, помоги мнѣ выйти изъ этого неладнаго положенія!" ежедневно заключалъ онъ свои тяжелыя думы обращеніемъ къ Неисповѣдимому.

Но это было только началомъ болѣе тяжкихъ испытаній, которыя съ трудомъ поддаются перу, и то лишь, когда ихъ невыносимая острота смягчается до нѣкоторой степени евангельскими словами:

„Блаженны есте, егда поносятъ васъ, и изждепутъ, и рекутъ всякъ васъ глаголъ на вы, лжуще мене ради“.

Произнесенная на юбилеѣ рѣчь много толковъ вызвала повсюду и все неблагопріятныхъ для Перепелкина.

— Что мнѣ дѣлать, что мнѣ дѣлать? часто раздумывалъ онъ въ прогулкахъ своихъ ежедневныхъ за городомъ, и дома, шагая изъ угла въ уголъ по своей комнатѣ.

„Бѣжать, конечно, отсюда“, всякій разъ подсказывалъ тайный внутренній голосъ. Но какъ бѣжать? За домъ со всѣми принадлежностями къ нему и половины не даютъ того, что все это стоило Перепелкину. При томъ же кое-что не было еще выслужено, и о коймъ, служебномъ, возбужденъ только еще недавно вопросъ, и рѣшенія его, какъ говорило начальство, лучше дожидаться здѣсь на мѣстѣ.

Форникатовъ, въ качествѣ начальника, всегда жизнерадостный хихикающій, сдѣлался какъ-то чрезмѣрно мраченъ, унылъ и вдумчиво всматривался въ Перепелкина, гдѣ бы съ нимъ ни встрѣчался. Повидимому, его тянуло заговорить съ нимъ о чемъ-то въ серьезъ, но какъ-то не клеилось все, и послѣ двухъ-трехъ безцѣльныхъ фразъ онъ стушевывался.

„Да, это не къ добру“, догадывался Перепелкинъ, зная, подъ какимъ вліяніемъ банды находится этотъ человѣкъ, и какъ она его переработала въ короткое время, опутавъ его со всѣхъ сторонъ своими цѣпкими сѣтями.

Наконецъ-таки Форникатовъ не вытерпѣлъ и при первой встрѣчѣ наединѣ сразу громко заговорилъ:

— А вамъ бы, Савва Саввичъ, теперь и Богъ велѣлъ подать руку примиренія всѣмъ вашимъ недругамъ, какъ вамъ не разъ совѣтовали это сдѣлать и другіе.

— А правда ли, говорятъ, продолжалъ директоръ, что у васъ что-то начато давно и подъ какимъ-то особеннымъ названіемъ? прервалъ Перепелкина Форникатовъ.

— Да, начато давно... матеріаловъ собрано много, обдумывается только форма. Названіе будетъ: „Русскій Донъ-Кихотъ“.

— Какая же задача этого будущаго сочиненія? спросилъ Форникатовъ нѣсколько павшимъ, заробѣлымъ голосомъ.

— Здѣсь имѣется въ виду типическими чертами изобразить всю Русь, начиная съ сороковыхъ годовъ и далѣе, говорилъ Перепелкинъ самоувѣреннымъ, негодующимъ тономъ, какъ бы заранѣе предвкушая удовольствіе отъ имѣющаго представиться случая получить удовлетвореніе за всѣ обиды, какія были и могутъ еще быть сдѣланы ему здѣсь отъ людей, враждебно настроенныхъ противъ него, людей низкихъ, вороватыхъ, съ загребистыми руками.

Форникатовъ сдѣлалъ серьезную физіономію. Замѣтно было, что его сильно озадачила выяснившаяся идея будущаго сочиненія Перепелкина, и что ему сильно хочется сказать что-то, но что именно— не знаетъ и не можетъ придумать сейчасъ. Помаявшись минуты двѣ-три въ раздумьи надъ рѣшеніемъ этой задачи, съ такою напряженностію мысли, что даже потъ выступилъ на его блѣдномъ лбу, онъ холодно простился съ Перепелкинымъ и скорыми мелкими шажками быстро направился въ хозяйственный комитетъ, гдѣ его ждала масса дѣлъ по постройкѣ хозяйственнымъ способомъ хорошихъ зданій для корпуса, дѣлъ и вопросовъ, нарочно пригоняемыхъ къ одному дню, чтобы отуманить голову. Но на этотъ разъ бандиты жестоко ошиблись. Форникатовъ постоянно ко всему придирался, спорилъ, сердился, ни съ кѣмъ ни въ чемъ не соглашаясь, и такъ и оставилъ засѣданіе, почти ничего не порѣшивъ окончательно.

— Что бы это значило? разсуждали вслухъ главари банды, разгуливая по двору корпуса.

— Не былъ ли онъ разсерженъ чѣмъ въ классахъ? обратился кто-то изъ нихъ съ вопросомъ къ одному изъ воспитателей, проходившему мимо нихъ.

— Нѣтъ, кажется, ничего такого не случилось. А вотъ развѣ не разсердилъ ли его Перепелкинъ? Они долго вдвоемъ недалеко здѣсь стояли, оба были угрюмы и, повидимому, вели серьезный разговоръ. До меня только одно слово Донъ-Кихотъ, произнесенное Перепелкинымъ, долетѣло.

Раздался взрывъ хохота.—Да это онъ, идіотъ, хочетъ запугать насъ какимъ-то тамъ дикимъ сочиненіемъ, подъ названіемъ Донъ-Кихотъ, о которомъ, помните, говорилъ Ненко, будто оно пишется, а нашъ маршалъ-аплике навѣрное уже струсилъ, услышавъ отъ самого автора объ этомъ.

На другой день, встрѣтившись съ Форникатовымъ на улицѣ, Перепелкинъ счелъ самымъ удобнымъ моментомъ высказаться предъ нимъ опредѣленнѣе и энергичнѣе относительно своего положенія и просить о переводѣ въ другой корпусъ.

— Я отъ васъ не приму этого рапорта, съ сердцемъ отозвался Форникатовъ, а почему,—вы сами понимаете: у насъ тутъ большая путаница произошла въ отчетностяхъ за конченную постройку одного зданія и продолжающуюся другаго. Ходатайствовать теперь о вашемъ переводѣ значило бы—повѣрьте мнѣ—и себя погубить, и относительно васъ не достигнуть желательной цѣли. Вѣдь, ваши отношенія къ нашему хозяйственному комитету таковы, что каждый членъ, въ вашемъ намѣреніи перейти на службу въ другой корпусъ, заподозритъ умыселъ путемъ прессы разоблачить кой-какія неблаговидныя дѣ-

лишки. Повѣрьте, это такъ. А чего же мнѣ, за услугу вамъ въ исполненіи вашего желанія, ожидать отъ людей, поставленныхъ въ опасность быть пойманными и уличенными на мѣстѣ преступленія? Подумайте объ этомъ, я вамъ головой ручаюсь, что васъ совершенно оставятъ въ покоѣ, если вы перестанете обращать вниманіе на сплетни и клеветы, распускаемыя про васъ и ваше семейство въ городѣ, и на разныя глупыя выходки противъ васъ, откуда бы онѣ ни происходили. Неужели вы думаете, что даже высокопоставленныя лица не подвергаются въ провинціи разнымъ непріятностямъ и оскорбленіямъ?

Все это Форникатовъ говорилъ, повидимому, искренно и участливо, почему Перепелкинъ взялъ рапортъ назадъ и обѣщалъ послѣдовать его совѣту.

Но въ скоромъ времени пришлось ему раскаиваться въ такой опрометчивости. Могъ ли Форникатовъ, запутавшійся въ сѣти бандитовъ, дѣйствовать самостоятельно, по собственнымъ убѣжденіямъ и согласно съ требованіями строгой справедливости? Человѣкъ онъ былъ мягкій, сердечный, а бандиты, впившіеся въ него когтями, были народъ совершенно безсердечный, никакими нравственными правилами не сдерживаемый и съ такими хищническими наклонностями, что каждый изъ нихъ и отца родного не пощадилъ бы, еслибъ тотъ сталъ препятствіемъ имъ на пути хищеній и противодѣйствовалъ алчнымъ проидошествамъ. Въ ихъ кружкѣ давнымъ давно на передъ все было основательно обдумано, взвѣшано, и никакой лакомый кусокъ, издалека и задолго намѣченный ими, не могъ попасть въ чужія руки или въ чужой ротъ.

Гдѣ же бѣдному Форникатову взять было силъ тягаться съ такой ордой? Онъ просто былъ несчастной жертвой злаго рока. Едва-ли даже приходило ему въ голову, что онъ играетъ чрезвычайно жалкую роль по всѣмъ частямъ своего немаленькаго района управленія.

Въ это же время изъ Петербурга стали чаще настаивать о присылкѣ подробныхъ отчетностей по возведенію хозяйственнымъ способомъ дорогихъ зданій. А тутъ еще высшая мѣстная власть, живя близко отъ пансіона, стала чаще навѣщать заведеніе и всякій разъ, при входѣ въ рекреаціонныя залы, твердила: „что хотите, господа, дѣлайте, но чтобъ у васъ вони этой не было, которая такъ и бьетъ въ носъ свѣжему человѣку“.—Вонь эта происходила отъ экскрементовъ, ежедневно рано утромъ выносимыхъ служителями-солдатиками изъ ретирадныхъ ящиковъ. „Почему же у васъ въ такихъ дорогихъ зданіяхъ не устроены ватерклозеты? Вѣдь рѣчка подъ носомъ у васъ протекаетъ“, всегда говорила серьознымъ, даже суровымъ тономъ,

та же власть. Форникатовъ совсѣмъ потерялъ голову. И немудрено. Его всегда старались запугивать мелочными кознями со стороны неугомоннаго Перепелкина, приписывая его проискамъ и эти строгія требованія отчетностей изъ Петербурга, и явное недовольство главы края возведенными постройками. Перепелкинъ рѣшительно не зналъ, какъ разсѣять эти глупыя, совершенно неосновательныя предубѣжденія противъ него. Прибѣгать къ низкимъ подлымъ способамъ окольными путями доводить до свѣдѣнія начальства преступныя дѣйствія бандитовъ, или кого бы то ни было, онъ положительно не могъ по своей честной натурѣ; но и не скрылъ бы ихъ, если бы его спросили. Это заставляло его уклоняться отъ встрѣчи съ лицами, пріѣхавшими въ Муть съ фискальными цѣлями и наводившими ужасъ на бандитовъ. Нѣтъ сомнѣнія, что по своей честной прямотѣ онъ ни предъ кѣмъ не воздержался бы высказаться въ такихъ выраженіяхъ, какія не однажды слышали отъ него близкіе къ нему люди, вродѣ: „корыстолюбіе царитъ здѣсь надъ всѣми и всѣмъ, миритъ всѣхъ и вся, за исключеніемъ только такихъ нравственныхъ уродовъ, какъ я. Когда-нибудь историкъ этого учрежденія задумается надъ вопросомъ: какъ это по собственной волѣ оторвавшіеся отъ хлѣбныхъ должностей—грабительски вороватый экономъ и хитроумный человѣкъ, завѣдывавшій швальней, преобразовавшись, къ изумленію сослуживцевъ, первый въ бухгалтера, а второй въ воспитателя, прибрали къ своимъ рукамъ всѣ дѣла хозяйственнаго комитета по постройкѣ дорогихъ зданій и положили навѣки неизгладимое пятно на учрежденіе, деморализуя и развращая юношество явными, совершенно неприкрытыми хищеніями. Позадумается и надъ тѣмъ, какъ это и честные люди, попадая въ заколдованный кругъ этихъ безчестныхъ дѣятелей, не вопіяли противъ злоупотребленій, противъ которыхъ и камни, казалось бы, должны бы вопіять“.

Перепелкинъ рѣшился наконецъ оставить Сибирь, чему содѣйствовали и нѣкоторыя обстоятельства служебныя. Срокъ на выслугу маленькой эмеритуры кончился, а отъ высшей власти надъ корпусами, въ первый разъ посѣтившей „Муть“, было сообщено чрезъ Форникатова Перепелкину, что „если онъ, по болѣзни глазъ, затрудняется въ исполненіи своихъ обязанностей, то ничего не потеряетъ, выйдя въ отставку, такъ какъ имъ выслужено все, чего можно достигнуть на его должности“. Форникатовъ, съ помощью секретаря, любезно пояснилъ это обѣщаніе, формулируя его такъ: „пенсію вы давно получаете на службѣ, вслѣдствіе чего вамъ не откажутъ, при увольненіи въ отставку, въ повышеніи чиномъ, а чрезъ это возвышается ваша эмеритальная пенсія. Сверхъ того, можно будетъ ходатайствовать объ увеличеніи вашей учительской пенсіи до двухъ третей по-

лучавшагося вами на службѣ жалованья, какъ это теперь во всѣхъ вѣдомствахъ принято. Что же касается до неправильныхъ разсчетовъ по назначенію вамъ прибавочнаго жалованья за три пятилѣтія и неназначенія за четвертое, то я никакого сомнѣнія не имѣю въ томъ, что это все исправлено будетъ немедленно, потому что за Богомъ молитва, а за Царемъ служба не пропадаютъ, какъ говоритъ мудрая русская народная пословица".

Надо думать, что Форникатовъ говорилъ это искренно, и если не сдержалъ слова, то очевидно въ силу давленія черной банды, вліявшей на секретаря сильнѣе, чѣмъ онъ самъ, и спутавшей дѣло о прибавкахъ до такой степени, что оно и по разсмотрѣніи его впослѣдствіи Сенатомъ ни для кого не сдѣлалось яснымъ, а еще болѣе затемнилось, какъ бы въ доказательство того, что черная банда въ состояніи затемнить какой угодно свѣтъ, если не представляется ужъ возможности, хоть малѣйшей, совершенно скрыть его отъ глазъ другихъ.

Скрыть же его отъ глазъ другихъ на первыхъ порахъ было не только трудно, но и опасно въ виду многихъ соображеній. Для всѣхъ еще было памятно, что Перепелкинъ не самъ просился въ отдаленный корпусъ на службу, но его съ большимъ трудомъ упросило мѣстное начальство промѣнять службу въ столицѣ на службу въ провинціи, въ виду тѣхъ преимуществъ, какія предоставлены закономъ въ отдаленныхъ мѣстностяхъ государства. Главнѣйшее изъ преимуществъ состояло въ назначеніи прибавочнаго жалованья за каждое пятилѣтіе въ продолженіе двадцати лѣтъ, пока оно не сравняется съ нормальнымъ окладомъ, присвоеннымъ занимаемой должности. Учителя получали различное жалованье, смотря по предметамъ наукъ, способности къ ихъ преподаванію и числу уроковъ, дѣлились на двѣ категоріи – старшихъ и младшихъ, которымъ и присвоены были опредѣленной нормы оклады, на практикѣ давно вышедшіе изъ употребленія, какъ никого не прельщавшіе по своей крайней мизерности.

Въ учрежденіи, завѣдывавшемъ корпусами, было выяснено, что въ скоромъ времени будетъ утверждено положеніе, на основаніи котораго за норму прибавочнаго жалованья учителямъ корпусовъ будетъ принятъ средній по пятилѣтней сложности окладъ поурочной имъ платы, или тотъ, какой они имѣли въ день выслуги срока на прибавку. Только на основаніи этого выясненія, сдѣланнаго въ присутствіи инспектора классовъ того дальняго корпуса, куда давно вызывался Перепелкинъ для занятія должности учителя русскаго языка и словесности, онъ послѣ долгихъ колебаній рѣшился, наконецъ, промѣнять службу въ столицѣ на службу въ самой отдаленной и глухой провинціи. Каково жъ было его удивленіе, когда, по истеченіи

пяти лѣтъ, ему назначена была прибавка не изъ 1.400 рублей, его оклада, получавшагося въ день выслуги срока на прибавку, а изъ 500 рублей, стариннаго оклада младшихъ учителей. Озадаченный этимъ, онъ спѣшитъ къ директору за разъясненіемъ.

— Я рѣшительно понять этого не могу, сказало добродушное начальство, тѣмъ болѣе, что вы наставникъ-наблюдатель, слѣдовательно, двумя классами выше того ранга, которому присвоенъ этотъ окладъ. Тутъ есть какое-то недоразумѣніе, и мы постараемся исподволь его выяснить. Наши отзывы о вашей умѣлой и успѣшной дѣятельности, равно какъ и отзывы пріѣзжавшихъ инспектировать корпусъ, хорошо извѣстны въ Петербургѣ тѣмъ, кому вѣдать надлежитъ эти дѣла, а потому васъ не обидятъ. Знаете ли русскую пословицу: „за Богомъ молитва, за царемъ служба не пропадаютъ“.

Перепелкинъ успокоился, искренно вѣря въ непреложность такой истины, выражавшей народное убѣжденіе. Правда, да, другая истина той же народной мудрости, выраженная въ пословицѣ: „до Бога высоко, до царя далеко“, нерѣдко безпокоила его. Доброжелатели Перепелкина—а ихъ было все-таки немало, несмотря на чрезмѣрныя усилія бандитовъ вызвать къ нему вражду и ненависть у всѣхъ жителей Непроницаемой Мути—часто его упрекали въ слишкомъ большой довѣрчивости къ обѣщаніямъ столичнымъ и здѣшнимъ.

— Не сули мнѣ журавля въ небѣ, а дай синицу въ руки, говорили нѣкоторые со злостью: вы испортите все дѣло о прибавкахъ. Вамъ наобѣщали въ столицѣ много, а прибавку за первое пятилѣтіе назначали изъ допотопнаго оклада, какъ бы въ насмѣшку за то, что о васъ идутъ отсюда въ столицу великолѣпные отзывы, слѣдствіемъ чего было назначеніе васъ наставникомъ-наблюдателемъ. Вамъ надо подать чрезъ здѣшнее начальство въ столицу рапортъ съ запросомъ, на какомъ основаніи избранъ этотъ мизерный окладъ за норму прибавочнаго вамъ жалованья. А упустите время—вамъ скажутъ: „на то щука въ морѣ, чтобъ карась не дремалъ“.

— Да возможно ли допустить даже мысль—обыкновенно отвѣчалъ на это идеалистъ-педагогъ, чтобы какое бы то ни было казенное учрежденіе въ дѣлахъ подобнаго рода руководствовалось принципами, свойственными маклакамъ-кулакамъ: „что съ воза упало, то пропало“. Перепелкинъ даже злился, доказывая своимъ пріятелямъ невозможность допускать даже мысль о подобныхъ отношеніяхъ казеннаго учрежденія къ данному вопросу.

Наступалъ срокъ назначенія прибавки за второе пятилѣтіе, и Перепелкинъ ожилъ, возмечтавъ и громко дѣлясь съ пріятелями своими мечтами въ томъ родѣ, что недоразумѣнія выяснятся и относительно неправильнаго назначенія первой, а вторая ужъ, безъ всякаго сомнѣ-

нія, будетъ назначена или изъ оклада, какой онъ имѣлъ въ день выслуги срока на нее, именно изъ 2.256 руб., или же изъ средняго пятилѣтняго, составлявшаго 2.000 рублей съ небольшимъ.

Замѣчательно, что и бандиты вслухъ говорили повсюду, что иначе быть и не можетъ. Но случилась клубная исторія, выше объясненная, поведшая къ тому, что Перепелкинъ предпочелъ лучше совсѣмъ удалиться изъ Непроницаемой Мути, чѣмъ извиниться предъ сослуживцемъ въ мнимомъ оскорбленіи, нанесенномъ якобы его семейству. Нѣтъ сомнѣнія, что и клубная исторія, и мнимое оскорбленіе были дѣломъ бандитовъ, твердо рѣшившихся выжить неудобнаго для нихъ человѣка въ минуту разрѣшенія важнѣйшаго вопроса: продолжать ли постройку чрезъ подрядчика, заготовившаго для нея уже много матеріала, или, отстранивъ его подъ какимъ бы то ни было предлогомъ, взяться самимъ за возведеніе дорогаго зданія хозяйственнымъ способомъ. Какою же помѣхой въ этомъ дѣлѣ служитъ имъ Перепелкинъ? Какъ не помѣхой—человѣкъ, который, еще при первомъ слухѣ объ устраненіи вполнѣ состоятельнаго подрядчика и о замѣнѣ его хозяйственнымъ комитетомъ, такъ выразился въ присутствіи директора и многихъ сослуживцевъ: „да разсѣетъ милость Божія эту черную тучу, надвигающуюся на свѣтломъ горизонтѣ учащагося юношества, которое только-что пробудилось отъ мертвящей спячки и начинаетъ интересоваться идеальной стороной человѣческой жизни и нравственными ея запросами“.

„Чтобъ тебѣ языкъ отсохъ за эти рѣчи“, выругалъ тихонько одинъ изъ бандитовъ, не въ далекомъ разстояніи отъ Перепелкина стоявшій.

Перепелкину казалось, что эту, невольно сорвавшуюся съ устъ бандита, ругань слыхалъ и директоръ, потому что онъ сейчасъ же вышелъ вслѣдъ за Перепелкинымъ и, догнавъ его, повелъ горячую рѣчь на тему, вызвавшую протестъ бандита.

— Вы слишкомъ непрактичны, Савва Саввичъ: ну, скажите, пожалуйста, можно ли было, при враждебныхъ отношеніяхъ къ вамъ во всемъ городѣ, говорить то, что вы сейчасъ сказали? Вѣдь, теперь, навѣрное, во всѣхъ кружкахъ того пошиба, какой возбуждаетъ въ васъ отвращеніе, громко заговорятъ: зачѣмъ намъ все идеальныя, да идеальныя стремленія, когда девизомъ военнаго должны быть слова: побѣды на враговъ и одолѣніе?

Предостереженія добродушнаго начальника корпуса были основательны, такъ какъ бандиты десятки лѣтъ отплачивали Перепелкину разными мерзостями за необдуманно сказанныя слова.

Тяжкія думы стали наполнять голову Перепелкина, когда приблизилось время оставить, наконецъ, Непроницаемую Муть. Выслуживъ все, что было можно, Перепелкинъ отправился въ Петербургъ.

Прибытіе въ столицу сразу во многомъ разочаровало Перепелкина. Его предположенія, что здѣсь по части этическихъ вопросовъ все иначе идетъ, чѣмъ въ глухой провинціи, оказались неосновательными; а затѣи найти сочувствіе и поддержку къ осуществленію многихъ литературныхъ вещей, нешаблоннаго типа, возбуждали только однѣ улыбки, не потому, чтобъ тутъ могли встрѣтиться препятствія со стороны цензуры, и просто потому, что „намъ", дескать, „эти не ко двору".

Учрежденіе, отъ котораго зависѣло удовлетворить претензіи Перепелкина по неправильному назначенію прибавочнаго жалованья за все время его службы въ отдаленномъ краѣ, повидимому, благосклонно отнеслось къ этому дѣлу, такъ какъ на прошеніи его, посланномъ предъ отъѣздомъ изъ Мути, ему показывали резолюцію главнаго начальства: „сдѣлать все, что возможно, но по закону".

Ну, и слава тебѣ, Господи, думалъ про себя Перепелкинъ: значитъ, право было начальство въ Мути, когда говорило, при его попыткахъ бѣжать оттуда, что надо прежде дождаться исправленія неправильно опредѣленныхъ прибавокъ за первыя три пятилѣтія, равно какъ и новаго положенія за четвертое, которое въ скоромъ времени должно выйти.

Сущность дѣла состояла въ томъ, что по закону прибавки должны были назначаться изъ окладовъ жалованья, присвоенныхъ должностямъ, а такъ какъ старинные учительскіе оклады не были на столько заманчивы, чтобы привлекать дѣльныхъ людей въ отдаленные края, то нормой для прибавокъ за каждое пятилѣтіе въ продолженіе 20 лѣтъ сперва служила поурочная годовая плата, какую кто имѣлъ въ день выслуги срока на прибавку, а затѣмъ средняя, выведенная изъ пятилѣтней сложности годовыхъ уроковъ. На этой-то струнѣ и разыгрывались для Перепелкина такія варіаціи, которыя, конечно, понятны были виртуозамъ, но ему или вовсе не объяснялись, или толковались такъ сбивчиво, неопредѣленно, что пришлось судиться, но и тутъ вышли удивительныя дѣла. Прежде всего ребромъ былъ поставленъ вопросъ: на какомъ основаніи назначена была первая прибавка изъ 500 рублей. Въ Мути, на мѣстѣ службы, были удивлены и служащіе, и начальство выборомъ такой нормы, но все-таки находили хоть нѣкоторое объясненіе. Вотъ и другой варіантъ тѣхъ сценъ и разговоровъ по поводу первой прибавки, какія уже выше были описаны.

— Не утверждено еще, значитъ, новое положеніе, по которому за норму прибавки должна приниматься поурочная годовая плата, такъ объясняли въ канцеляріи заведенія.

— Хорошо! говорилъ неспокойно Перепелкинъ, но почему именно

за норму взяли 500 рублей? Вѣдь это старинный окладъ младшихъ учителей, а я наставникъ-наблюдатель, стало-быть, двумя рангами выше, а этой должности, кажется, присвоенъ окладъ въ 750 рублей.

— Такъ-то такъ, но ужъ этого объяснить мы не можемъ, отвѣчалъ секретарь канцеляріи.

Перепелкинъ, взволнованный такой неожиданностью, отправился къ директору корпуса.

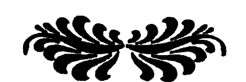
— Недоумѣваю и скорблю, сказалъ его превосходительство, но думаю, что если это ошибка, то ее поправить будетъ не трудно, а если это сдѣлано въ ожиданіи только утвержденія новаго положенія, то и безъ нашего представленія поспѣшатъ возстановить дѣло въ надлежащемъ видѣ, иначе бы это оказалось задачей, положительно ни для кого непонятной. Только не волнуйтесь и успокойтесь, помните, что „за Богомъ молитва, за царемъ служба не пропадаютъ", говоритъ нашъ народъ.

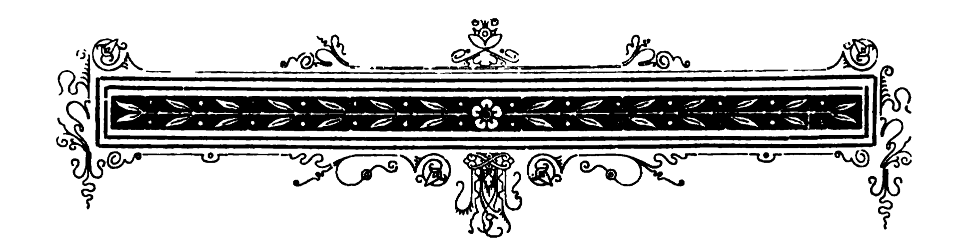
Помощникъ начальника, вызвавшій Перепелкина на службу въ Муть, съ большей увѣренностью замѣтилъ, что, по всей вѣроятности, тутъ произошла ошибка, которую и надо выяснить посредствомъ представленія высшему начальству.

Но затѣянному Перепелкинымъ дѣлу о неправильныхъ назначеніяхъ ему прибавочнаго жалованья дали такое направленіе, что оно тянулось десятки лѣтъ, прошло разныя инстанціи и кончилось, на смѣхъ людямъ, выдачей ему 460 руб. изъ претензіи, простиравшейся до 8.500 руб. Вотъ, дескать, тебѣ на орѣхи за тридцатилѣтнюю твою службу въ отдаленномъ краѣ, да еще сверхъ того торжественно на словахъ прибавили, что они дарятъ или прощаютъ ему какія-то четыре тысячи рублей.

Что же это за подарокъ такой? сталъ разслѣдовать ограбленный на законномъ основаніи педагогъ. Оказались невѣроятныя, удивительныя вещи. Сначала контроль мѣстный, по предписанію главнаго контроля, разсмотрѣвъ, чрезъ помощника ревизора, претензіи Перепелкина насчетъ неправильныхъ назначеній прибавочнаго ему жалованья за первыя три пятилѣтія и отказъ въ назначеніи за 4-е; пришелъ къ такимъ выводамъ: 1-е, за 4-е пятилѣтіе не могла быть назначена прибавка на томъ основаніи, что нормальный окладъ поурочной платы понизился у Перепелкина за послѣднее время, вслѣдствіе болѣзни глазъ, продолжавшейся болѣе года, на 500 руб. противъ получаемаго имъ за первыя три пятилѣтія прибавочнаго жалованья, которое, на основаніи законовъ, и должно быть уменьшено на эту сумму. Почему 2-е: войти съ представленіемъ, по принадлежности, о взысканіи съ Перепелкина переполученнаго имъ за прежнее время прибавочнаго жалованья и опредѣленіи ему на будущее время прибавки въ

размѣрѣ на 500 руб. меньшемъ. Такое мнѣніе и толкованіе законовъ со стороны помощника ревизора контрольной палаты Перепелкинъ назвалъ абсурдомъ въ прошеніи, поданномъ въ Правительствующій Сенатъ. И онъ былъ совершенно правъ: затѣмъ-то и выборъ для разсмотрѣнія такого вопроса палъ на помощника ревизора, чтобы не пришлось краснѣть старшимъ. Но это была только уловка со стороны контроля, уловка съ цѣлью опѣшить педагога и затянуть дѣло. Оно и затянулось около 8 лѣтъ въ Правительствующемъ Сенатѣ, 12 лѣтъ раньше въ Мути до выхода Перепелкина въ отставку, слѣдовательно, 20 лѣтъ оно было въ ходу и кончилось полнымъ почти фіаско для него. Ну, можно ли такъ халатно относиться къ существеннымъ своимъ интересамъ? Врагамъ его, отличавшимся ловкостью и проворствомъ, конечно, это было на руку: они видѣли, съ кѣмъ имѣли дѣло. Припомните, съ какою наивностью, чтобъ не сказать болѣе, отнесся онъ къ предостереженіямъ своихъ друзей по поводу неправильнаго назначенія ему первой прибавки. „Протестуйте, протестуйте, да порѣзче и немедленно, говорили ему, а потомъ, пожалуй, будетъ поздно“: „на то, скажутъ—щука въ морѣ, чтобъ карась не дремалъ“. А онъ надрывается, чтобъ доказать имъ, что отъ высокихъ учрежденій нельзя ожидать, чтобъ они руководствовались поговоркой, практикуемой въ общежитіи: „что съ воза упало, то пропало“. По службѣ я не дремалъ, дѣятельность мою цѣнятъ въ столицѣ и здѣсь, благодарятъ, награждаютъ, недавно произвели въ наставники-наблюдатели, съ какой же стати и на какомъ основаніи будутъ обсчитывать? По всей вѣроятности, какъ и здѣшнее начальство думаетъ, еще не утверждено то положеніе, о которомъ мнѣ въ столицѣ говорили при опредѣленіи меня сюда. Лукавые бандиты любезно поддакивали ему, хотя стоило Перепелкину кинуть на нихъ только косвенный взглядъ, чтобы прочесть на ихъ лицахъ и въ плутовскихъ глазахъ плохо скрываемое злорадство, по поводу котораго одинъ изъ наиболѣе расположенныхъ къ нему товарищей, выходя съ нимъ вмѣстѣ изъ сборной учительской комнаты, шепнулъ ему на ухо: „да, вѣдь, эти шельмы отца роднаго продадутъ, еслибъ онъ для нихъ оказался такимъ неудобнымъ, какъ вы, Савва Саввичъ“.

Горнозаводская служба и общественная жизнь на Уралѣ въ крѣпостное время.

Горное вѣдомство, до уничтоженія крѣпостнаго права, находилось, сравнительно съ другими вѣдомствами, въ особомъ и даже, можно сказать, исключительномъ положеніи.

Внутренняя организація громаднаго, заводскаго района Урала была устроена сообразно съ духомъ времени и его требованіями и представляла собою нѣчто цѣльное, обособленное и совершенно отличное отъ организаціи управленій другихъ вѣдомствъ.

Всѣ уральскіе заводы управлялись своимъ, горнымъ начальствомъ, имѣли свой судъ, свою полицію, военную стражу, учебныя и благотворительныя заведенія и свой контингентъ нижнихъ чиновъ и рабочихъ людей, приписанныхъ къ нимъ на правахъ крѣпостныхъ.

Не только горные инженеры, но и всѣ чиновники, мелкіе служащіе, мастеровые и работники пользовались особыми правами и преимуществами.

Для горнозаводскаго населенія было сдѣлано все возможное для того, чтобы оно было вполнѣ обезпечено не только въ матеріальномъ, но и во всѣхъ другихъ отношеніяхъ. И дѣйствительно, на Уральскихъ заводахъ не замѣчалось такой бѣдноты, приниженности и безпомощности, какія проявлялись нерѣдко среди крѣпостныхъ людей принадлежавшихъ помѣщикамъ.

Уже состоя на заводской службѣ, въ семидесятыхъ годахъ, слыхалъ я отъ стариковъ-мастеровыхъ, какъ они добрымъ словомъ поминали тѣ годы своей службы, которые провели на казенныхъ заводахъ, при крѣпостномъ правѣ.

Это прежнее, своеобразное и соотвѣтствовавшее требованіямъ того времени устройство горной части на Уралѣ мало кому извѣстно.

*

Не только лица, чуждыя горному міру, но даже большинство горныхъ инженеровъ и чиновниковъ врядъ-ли знаютъ, при какихъ условіяхъ и порядкахъ доводилось служить и жить на заводахъ нашимъ отцамъ и дѣдамъ.

Но мнѣ, до двѣнадцатилѣтняго возраста проведшему свое дѣтство въ одномъ изъ Уральскихъ заводовъ, предоставлялась полная возможность, если не изучать, то по крайней мѣрѣ наблюдать общественную жизнь всѣхъ слоевъ заводскаго населенія.

А большинство дѣтей, какъ извѣстно, крайне воспріимчиво и не лишено наблюдательности. Отъ ихъ зоркаго зрѣнія и чуткаго слуха не ускользнутъ ни малѣйшія детали комедій и драмъ, разыгрываемыхъ людьми на подмосткахъ житейской сцены, и ни мысли ихъ, громко и часто безъ стѣсненія выражаемыя въ дружескихъ бесѣдахъ и словопреніяхъ.

Поэтому естественно, что я, съ пяти-шести-лѣтняго возраста, т. е. въ теченіе шести-семи лѣтъ, а именно съ 1846 по 1853 годъ, имѣлъ возможность ознакомиться съ служебнымъ положеніемъ и обязанностями горныхъ чиновниковъ, съ ихъ домашнимъ бытомъ, нравами, обычаями, словомъ, со всѣмъ тѣмъ, изъ чего слагается повседневная жизнь каждаго общества.

Не могъ я такъ же не пріобрѣсти нѣкоторыхъ свѣдѣній и о житьѣ-бытьѣ рабочаго люда, о его зависимомъ положеніи, его правахъ и обязанностяхъ.

Часть этихъ свѣдѣній пріобрѣталась личными наблюденіями и общеніемъ съ прислугою и низшими, подчиненными отцу, служащими. Другая же часть узнавалась изъ разговоровъ и разсказовъ ихъ, когда они, не стѣсняясь, дѣлились, въ людскихъ, между собою, и своими радостями, и своими печалями.

Тогда, въ дѣтствѣ, общественная жизнь всѣхъ слоевъ общества, а также и взаимныя между этими слоями отношенія казались обычными, и о возможности измѣненія этой жизни въ какую-либо иную не приходило даже въ голову, не только намъ, дѣтямъ, но и нашимъ родителямъ.

А между тѣмъ, достаточно было восьми-десяти-лѣтняго періода, чтобы весь строй заводской жизни измѣнился и измѣнился на столько замѣтно, что новому поколѣнію, выросшему при другихъ условіяхъ и знавшему о немъ лишь по разсказамъ, казался чѣмъ-то архаическимъ, отжившимъ и ненормальнымъ.

Вернувшись въ заводъ черезъ восемь лѣтъ изъ Петербурга, гдѣ все это время провелъ въ стѣнахъ учебнаго заведенія, я сразу замѣтилъ разницу между прежнимъ и настоящимъ строемъ заводской жизни.

Да иначе и быть не могло.

Увезли меня въ началѣ пятидесятыхъ годовъ, когда объ освобожденіи крестьянъ отъ крѣпостной зависимости еще не было и помина, а вернулся домой въ началѣ шестидесятыхъ, когда оно стало уже фактомъ свершившимся.

И, вотъ, послѣ этого, одного изъ важнѣйшихъ, въ исторіи Россійскаго государства, событія, условія заводской жизни на Уралѣ, почти неизмѣнно сохранявшіяся въ теченіе нѣсколькихъ десятковъ лѣтъ, стали постепенно и незамѣтно все болѣе и болѣе видоизмѣняться и дѣлаться иными, очень мало похожими на прежнія.

Полагая, съ своей стороны, что ознакомленіе съ горнозаводскимъ бытомъ добраго стараго времени будетъ не безъинтересно для читателей, я взялъ на себя трудъ печатно подѣлиться съ ними моими личными воспоминаніями и разсказами старожиловъ, относящимися исключительно къ служебной и общественной жизни на казенныхъ заводахъ Урала, въ крѣпостное время.

I.

Горное вѣдомство, до конца шестидесятыхъ годовъ, состояло подъ непосредственнымъ управленіемъ министра финансовъ, какъ главноуправляющаго корпусомъ горныхъ инженеровъ. Онъ управлялъ этимъ вѣдомствомъ черезъ посредство высшихъ, горныхъ учрежденій, а именно: штаба корпуса горныхъ инженеровъ, департамента горныхъ и соляныхъ дѣлъ и мѣстныхъ начальствъ.

Въ составъ чиновъ горнаго вѣдомства входили горные инженеры и классные чиновники. Первые завѣдовали преимущественно распорядительною и искусственною частями, а послѣдніе—письмоводствомъ, хозяйственной, счетной и другими частями.

Управленію горнаго вѣдомства подлежали всѣ казенные и частные заводы и промыслы, какъ Европейской, такъ и Азіатской Россіи.

Уральскіе заводы и промыслы, сосредоточенные въ Пермской, Вятской, Оренбургской, Уфимской и Казанской губерніяхъ, подчинялись отдѣльному, мѣстному начальству.

Всѣ уральскіе казенные заводы дѣлились на шесть горныхъ округовъ, состоявшихъ, каждый, изъ нѣсколькихъ заводовъ и заводскихъ селеній.

Каждый заводъ представлялъ собою болѣе или менѣе значительный городъ, или городокъ, съ устроенными въ немъ фабриками, и

былъ надѣленъ особою дачею, состоящею изъ мѣстныхъ, пашенныхъ, сѣнокосныхъ и рудничныхъ площадей.

Къ каждому заводу, на крѣпостномъ правѣ, было приписано извѣстное число рабочихъ людей, часть которыхъ проживала въ заводѣ, а другая часть — въ небольшихъ селеніяхъ, разбросанныхъ тамъ и сямъ въ разныхъ мѣстахъ заводской дачи. Помимо рабочихъ людей, въ заводахъ проживали еще нижніе чины линейныхъ баталіоновъ, исполнявшихъ обязанности горной стражи.

Количество народонаселенія въ горныхъ городахъ, заводахъ и заводскихъ селеніяхъ, смотря по степени ихъ значительности, составляло отъ нѣсколькихъ сотъ до двадцати пяти тысячъ и болѣе душъ обоего пола.

Контингентъ собственно заводскаго населенія состоялъ изъ нижнихъ чиновъ, мастеровыхъ и работниковъ; имъ присвоялись права военнослужащихъ, а поэтому они сравнивались: первые—съ унтеръ-офицерами, а послѣдніе—съ рядовыми военной службы.

Нижніе чины занимали должности писарей, чертежниковъ, уставщиковъ, межевщиковъ, пробирщиковъ, мастеровъ, фельдшеровъ и лѣкарскихъ и аптекарскихъ учениковъ. Сообразно съ степенью образованія и исполняемыми ими обязанностями, они носили званія урядниковъ 1, 2 и 3 статьи и получали жалованье, положенное штатами. Кромѣ того, получавшимъ менѣе ста рублей въ годъ выдавался еще провіантъ: холостымъ — по два, а женатымъ — по четыре пуда въ мѣсяцъ.

Уставщики, мастера, межевщики и пробирщики, пока числились въ этихъ званіяхъ, освобождались отъ тѣлеснаго наказанія. Званій же своихъ они могли лишиться только по суду.

Нижніе чины и мастеровые, совершившіе уголовное преступленіе, судились военнымъ судомъ и были освобождены отъ рекрутскаго набора и отъ всѣхъ другихъ государственныхъ податей и повинностей.

Мастеровые, кромѣ рабочей платы, получали еще провіантъ: холостые—по два и женатые—по четыре пуда въ мѣсяцъ. Семейнымъ же, кромѣ того, выдавалось еще по одному пуду на каждаго малолѣтка мужскаго и женскаго пола; при чемъ на послѣдняго только до восемнадцатилѣтняго возраста.

Малолѣтками мужскаго пола считались дѣти до 15 лѣтъ. Дѣти же, отъ 15 до 18 лѣтъ, назывались подростками.

Всѣ дѣти, мальчики, съ восьмилѣтняго возраста, поступали въ заводскія школы. По окончаніи школьнаго курса, лучшія изъ нихъ, по успѣхамъ, опредѣлялись къ занятіямъ, по письменной и другимъ частямъ, въ разныя заводскія учрежденія. Остальныя же, до пятнад-

цатилѣтняго возраста, помогали родителямъ, въ разныхъ домашнихъ работахъ, или, въ случаѣ надобности, употреблялись въ легкія заводскія работы, исключительно денныя и продолжавшіяся не болѣе восьми часовъ въ сутки.

Во все время пребыванія въ школѣ, малолѣткамъ производилось жалованье, по 15-ти копѣекъ въ мѣсяцъ. Съ поступленіемъ же въ заводскія работы, жалованье это увеличивалось до 22-хъ копѣекъ. Кромѣ того, имъ выдавался также провіантъ: малолѣткамъ — по полтора, а подросткамъ — по два пуда въ мѣсяцъ.

Съ восемнадцатилѣтняго возраста подростки перечислялись въ разрядъ полныхъ работниковъ.

Каждый изъ горнозаводскихъ рабочихъ, пожелавшій заняться въ заводѣ, или на сторонѣ, какимъ-либо своимъ дѣломъ, ремесломъ или торговлей, имѣлъ право нанять вмѣсто себя, за свой счетъ, годнаго работника изъ мѣщанъ, крестьянъ, или иновѣрцевъ.

Всѣ нижніе чины и мастеровые пользовались медицинскою помощью и призрѣніемъ преимущественно за счетъ завода.

Больные лѣчились на дому и въ госпиталѣ. Въ послѣдній обыкновенно поступали въ случаяхъ болѣе или менѣе серьезныхъ заболѣваній. Во время пребыванія въ госпиталѣ, они получали половинное жалованье; другая же половина и провіантъ, лично имъ слѣдующій, удерживался съ нихъ за лѣченіе.

Престарѣлые, безпомощные и увѣчные содержались въ богадѣльнѣ. Если, по недостатку мѣстъ, нѣкоторые изъ нихъ не могли быть приняты, то таковымъ, хотя-бы они получали пенсіи, выдавался еще провіантъ, въ размѣрѣ, положенномъ штатами.

Собственно мастеровыми назывались работавшіе въ заводскихъ мастерскихъ и фабрикахъ.

Они дѣлились на три статьи и, сообразно съ этимъ, а также и мѣстными условіями получали слѣдующую рабочую плату: мастеровые 1-ой статьи отъ 6 до 7, второй—отъ 4 до 6 и третьей—отъ 3 до 5 копѣекъ въ день.

Заводскіе мастера, также дѣлившіеся на три статьи, получали ежегодныя, окладныя жалованья: Первой статьи—72, второй—54 и третьей—36 рублей.

Куреннымъ же мастерамъ, наблюдавшимъ за вырубкой дровъ и выжегомъ угля, полагалось еще по 10 рублей въ годъ, каждому, на разъѣзды.

Нижнимъ чинамъ и мастеровымъ, за тридцатипятилѣтнюю службу, выдавалась пенсія. Выдавали ее также и ранѣе этого срока, если увольненіе въ отставку послѣдовало вслѣдствіе болѣзни или полученныхъ ими, при исполненіи заводскихъ работъ, болѣе или менѣе серьезныхъ увѣчій.

Въ сѣнокосное время, на одинъ мѣсяцъ, всѣ мастеровые освобождались отъ работъ. Но чтобы не остановить необходимыхъ заводскихъ дѣйствій, они увольнялись не одновременно, а поочередно, сперва одна половина ихъ, а потомъ остальная.

Для исполненія всевозможныхъ, такъ сказать вспомогательныхъ работъ, внѣ завода, употреблялись непремѣнные, или урочные работники. Урочными назывались они потому, что обязаны были исполнить, въ теченіе года, извѣстную часть работы, или урокъ. Размѣры урока опредѣлялись сообразно съ мѣстными обстоятельствами, временемъ года, состояніемъ людей и свойствомъ работы.

Урочные работники подраздѣлялись на двѣ категоріи: конныхъ и пѣшихъ. Какъ тѣ, такъ и другіе дѣлились, въ свою очередь, на десятки и сотни [1]). Каждый десятокъ имѣлъ своего десятника, а каждая сотня—сотника.

Все же общество урочныхъ работниковъ, проживавшее въ разныхъ, принадлежащихъ заводу, селеніяхъ, имѣло особыхъ старшинъ, по одному для конныхъ и пѣшихъ.

Старшины, сотники и десятники избирались ежегодно самими работниками и утверждались: первые—начальникомъ округа, а послѣдніе—управителями.

Старшины освобождались отъ всѣхъ казенныхъ работъ. Работы за сотниковъ исполняло общество, а десятники отработывали свои уроки наравнѣ съ прочими работниками.

Эти выборныя, должностныя лица обязаны были наблюдать за успѣшнымъ исполненіемъ работъ: старшина—своего общества, сотники—своихъ сотенъ и десятники—десятковъ. Въ случаѣ неисполненія работниками какой-либо работы въ обществѣ, сотнѣ, или десяткѣ, работы эти исполнялись или всѣмъ обществомъ, или сотнями и десятками.

На обязанности урочныхъ работниковъ лежало: конныхъ — доставка въ заводъ, съ мѣста заготовки, дровъ, угля, рудъ, флюсовъ и вообще всѣхъ строительныхъ и другихъ, необходимыхъ для дѣйствія заводскихъ фабрикъ, ремонта и содержанія казенныхъ зданій и прочихъ заводскихъ потребностей, припасовъ и матеріаловъ, а также перевозка металловъ и издѣлій изъ завода къ его пристани, откуда, уже сплавомъ въ баркахъ, доставлялись они къ мѣстамъ ихъ сбыта; пѣшихъ — вырубка дровъ, выжегъ угля, добыча руды и флюсовъ и т. п.

Какъ конные, такъ и пѣшіе работники получали штатное жало-

---

[1]) Въ десяткѣ и сотнѣ могло заключаться и нѣсколько болѣе десяти, или ста человѣкъ

ванье, первые по 4, а послѣдніе отъ 3 до 4 копѣекъ въ день и по два пуда въ мѣсяцъ провіанта.

Каждый конный работникъ обязанъ былъ имѣть двѣ лошади, на содержаніе которыхъ, а равно и на ремонтъ сбруи и рабочихъ экипажей, получалъ особыя, добавочныя, фуражныя и ремонтныя деньги: первыя—по 10-ти, а послѣднія—по 6-ти копѣекъ въ день, на каждую лошадь. Изъ денегъ этихъ одна треть выдавалась ему, по третямъ года, на руки, а остальныя двѣ трети, составляя его собственность, оставлялись при заводской кассѣ до тѣхъ поръ, пока не составлялась изъ нихъ сумма, необходимая на покупку двухъ лошадей [1]), для замѣщенія отслуживших срокъ и сдѣлавшихся негодными для работы. Коль скоро такая сумма была скоплена, работнику выдавались на руки уже всѣ, причитающіяся на его долю, ремонтныя деньги.

Въ тѣхъ же случаяхъ, когда лошадь дѣлалась негодной прежде, чѣмъ скоплялась у работника достаточная для покупки новой лошади сумма, ему выдавались деньги заимообразно, изъ общей, ремонтной суммы.

Кромѣ того, каждому работнику отводились покосы. Въ случаѣ неудовлетворительнаго урожая травъ, недостающая часть сѣна закупалась заводоуправленіемъ, а произведенный на это расходъ ставился на работниковъ долгомъ, который погашался незначительными вычетами изъ причитающагося имъ денежнаго довольствія.

Покупка лошадей, взамѣнъ убылыхъ, производилась, въ извѣстные сроки, большими партіями, на разныхъ, ближайшихъ къ заводу, конныхъ ярмаркахъ. Это поручалось обыкновенно или лѣсничему, или свѣдущему по конной части чиновнику, съ прикомандированіемъ къ нимъ опытныхъ мастеровъ или работниковъ.

Каждый конный работникъ, по личному желанію и съ согласія начальства, имѣлъ право или перечислиться въ пѣшіе, или перейти въ заводскія работы. Но, переходя въ другую категорію рабочихъ людей, конный работникъ обязанъ былъ предварительно сдать двухъ лошадей, съ упряжью и экипажами, своему замѣстителю, къ которому переходила также и его ремонтная сумма. Въ случаѣ же желанія удержать лошадей за собой, онъ обязанъ былъ внести въ заводскую кассу ихъ стоимость.

Изъ всего, вышесказаннаго видно, на сколько заботливо и цѣлесообразно было организовано устройство рабочаго населенія казеннаго завода.

Если среди мастеровыхъ выдѣлялось несравненно менѣе, чѣмъ

---

[1]) Отъ 58 до 46 рублей.

нынѣ, людей зажиточныхъ, богатѣевъ, за то и бѣднота, а тѣмъ болѣе нищенство проявлялись между ними, какъ весьма рѣдкія исключенія.

Всѣ они жили болѣе или менѣе домовито, хозяйственно. Домики у большинства были приличные, о двухъ избахъ, черной и чистой, а у иныхъ ещё и съ горницей. При каждомъ домикѣ имѣлись огороды, доставлявшіе, на круглый годъ, необходимыя для семьи овощи. Не ощущалось недостатка и въ скотинкѣ. Въ конюшнѣ и стойкѣ каждаго домохозяина можно было увидѣть и лошадку, и коровушку, и прочую, мелкую скотину, а по дворамъ и около домовъ копошилась всевозможная, домашняя птица. Многіе имѣли даже самовары, но пили чай большею частью только по праздникамъ; а щи съ говядиной и вообще мясную пищу употребляло большинство почти ежедневно. Мужчины и женщины одѣвались чисто, опрятно, а въ праздничные дни даже нарядно и франтовато.

Словомъ, можно сказать безъ преувеличенія, что рабочій людъ на казенныхъ заводахъ Урала былъ, по возможности, достаточно обезпеченъ въ матеріальномъ отношеніи и на судьбу свою не жаловался.

II.

Кромѣ рабочихъ, заводы имѣли еще горную, лѣсную и полицейскую стражу.

Горная стража состояла изъ откомандированныхъ въ распоряженіе главнаго начальника Уральскихъ заводовъ трехъ линейныхъ баталіоновъ, составлявшихъ части отдѣльныхъ корпусовъ, Оренбургскаго и Сибирскаго. Она была распредѣлена по заводамъ частями, т. е. ротами, полуротами и четверть-ротами, смотря по тому, гдѣ и сколько нижнихъ воинскихъ чиновъ, по мѣстнымъ условіямъ, было необходимо.

Жалованье и провіантъ, по военному положенію, горная стража получала отъ заводовъ.

Обязанности нижнихъ военныхъ чиновъ заключались: въ охраненіи денежныхъ кладовыхъ и магазиновъ; въ содержаніи карауловъ при заводскихъ управленіяхъ, въ препровожденіи и охраненіи транспортовъ съ золотомъ, денежными суммами и металлами; въ содѣйствіи, въ экстренныхъ случаяхъ, заводской полиціи къ охраненію

казеннаго интереса и сохраненію порядка и безопасности и, наконецъ, въ исполненіи экзекуцій.

Во всѣхъ этихъ случаяхъ, баталіонные и ротные командиры, а также состоявніе при баталіонахъ штабъ-и оберъ-офицеры и нижніе чины обязаны были исполнять всѣ законныя требованія горнаго начальства и отдавать ему полный отчетъ.

Въ царскіе дни, горная стража, съ ротнымъ командиромъ во главѣ, въ полной, парадной формѣ, выстраивалась на площади, противъ церкви, и ожидала выхода изъ нея, послѣ молебна, горнаго начальника.

Къ этому времени собиралась обыкновенно, около церкви, изрядная толпа разнаго, заводскаго люда, особенно женщинъ и ребятишекъ, которыхъ очень занималъ этотъ, какъ они его называли, военный парадъ. А между тѣмъ, весь парадъ заключался только въ томъ, что, по выходѣ изъ церкви горнаго начальника, рота брала на караулъ, ротный командиръ подавалъ рапортъ, а начальникъ, принявъ его, поздоровавшись съ ротой и, обойдя фронтъ, отдавалъ приказаніе вести ее обратно, въ казармы.

Офицеръ командовалъ: „на плечо! Налѣво кругомъ! Вольнымъ шагомъ маршъ!“ и солдаты, стройными рядами, проходили мимо начальства и глазѣющей на нихъ публики.

Вообще служба солдатъ на заводахъ была не особенно тяжела и обременительна; имъ, какъ и заводскимъ рабочимъ, жилось недурно.

Самая тяжелая и непріятная для нихъ обязанность заключалась въ исполненіи экзекуцій.

Одинъ разъ въ жизни, когда мнѣ было не болѣе семи лѣтъ, я былъ свидѣтелемъ одной изъ такихъ экзекуцій.

Дѣти вообще очень впечатлительны, и процессъ экзекуціи произвелъ на меня такое тяжелое и сильное впечатлѣніе, что вся эта ужасная картина, со всѣми ея деталями, до сихъ поръ отчетливо и ясно сохранилась въ моей памяти.

Узнавъ, что въ такой-то день и часъ, на нижней, заводской площади, будутъ наказывать палками, или прогонять сквозь строй, одного мастероваго, совершившаго какое-то тяжкое преступленіе, я, безъ спроса и тайкомъ, пробрался туда и замѣшался въ толпу зрителей.

Тамъ засталъ я слѣдующую картину: на нѣкоторомъ разстояніи другъ отъ друга, въ два ряда, стояла рота солдатъ, вооруженныхъ, вмѣсто ружей, тонкими и гибкими, деревянными тростями. Около нихъ прохаживался офицеръ, и тутъ же, недалеко, находился барабанщикъ. А всю эту военную команду окружали толпы заводскаго люда.

Вскорѣ по моемъ прибытіи, въ сопровожденіи обычнаго конвоя,

появился на сцену преступникъ, котораго освободили отъ кандаловъ и вообще приготовили къ экзекуціи.

Вотъ офицеръ махнулъ рукой, раздался звукъ барабана, и къ началу ряда подвели преступника. Спина его была оголена, а руки привязаны къ прикладу ружья, дуло котораго держалъ солдатикъ.

Офицеръ крикнулъ „начинай!" Солдатъ двинулся впередъ и медленно, подъ звуки барабаннаго боя, повелъ за собою, между рядами, преступника. Солдаты взмахнули тростями, и удары ихъ, справа и слѣва, посыпались на его спину.

Сперва слышались только рѣзкій визгъ прутьевъ, да заунылая, непріятная дробь барабана. Но, вотъ, стали раздаваться стоны и вопли наказуемаго; чѣмъ дальше шелъ онъ, тѣмъ сильнѣе и пронзительнѣе они становились. Спина его, покрываясь рядами рубцовъ, дѣлалась все краснѣе и краснѣе; кровь проступила всюду и струилась по голому тѣлу; мѣстами оно было такъ сильно разсѣчено ударами прутьевъ, что клочьями отдѣлялось отъ спины и свѣшивалось наружу. Чѣмъ долѣе продолжалась экзекуція, тѣмъ угрюмѣе и мрачнѣе становились выраженія солдатскихъ лицъ. Толпы зрителей стояли безмолвно. Какое-то гнетущее чувство жалости, страха и недоумѣнія подмѣчалось на лицахъ зрителей. Почти у всѣхъ женщинъ проступали на глазахъ невольныя слезы, а изъ взволнованныхъ грудей большинства вырывались тяжелые вздохи, оханья и даже громкія всхлипыванья.

Между тѣмъ преступника продолжали водить, между солдатскими рядами, до тѣхъ поръ, пока не было дано ему назначеннаго судомъ числа ударовъ.

Это число, начиная отъ сотни, доходило до ужасной цифры — пятисотъ, тысячи и даже болѣе.

Нерѣдко случалось, что преступникъ лишался сознанія, не перенося и половины опредѣленнаго ему числа ударовъ. Тогда его отправляли въ госпиталь, залѣчивали раны и, по излѣченіи, снова подвергали экзекуціи.

Ужасная, мрачная картина! И радуется современное человѣчество, что подобныя, жестокія наказанія уже отжили свое время и отошли въ область преданій.

Лѣсная стража формировалась изъ заводскихъ мастеровыхъ и работниковъ. Она состояла изъ конныхъ и пѣшихъ лѣсовщиковъ.

Обязанности ея заключались какъ въ охраненіи лѣсовъ отъ самовольныхъ порубокъ и пожаровъ, такъ и въ наблюденіи за правильной, въ отведенныхъ для того мѣстахъ, рубкой дровъ и лѣсныхъ матеріаловъ. Кромѣ того, они, поочереди, отбывали еще, при мѣстныхъ

лѣсничихъ, ежедневныя дежурства, во время которыхъ исполняли различныя, касающіяся служебныхъ дѣлъ, порученія.

Само собой, что они, между прочимъ, а пожалуй и чаще всего, отбывали не малое число и частныхъ, домашнихъ работъ своего начальника.

Каждый конный и пѣшій лѣсовщикъ имѣлъ, для наблюденія, извѣстный участокъ лѣсной дачи.

Число всѣхъ лѣсовщиковъ опредѣлялось штатами.

Для отличія отъ другихъ должностныхъ лицъ рабочаго сословія, имъ присвоялись особые металлическіе значки, или бляхи, нашивавшіеся на груди ихъ кафтановъ, или, вообще, верхняго платья.

Конные лѣсовщики получали въ годъ 12, а пѣшіе 6 рублей жалованья и, кромѣ того, первые—39, а послѣдніе—7 рублей, на обмундировку и вооруженіе.

Пожары въ лѣсныхъ дачахъ бываютъ двухъ родовъ: лѣсные и напольные.

Первыми называются, когда горитъ самый лѣсъ; они случаются въ теченіе всего лѣтняго времени. Послѣдними же — такіе, когда пламя, обхвативъ сухую траву, вѣтви и хворостъ, оставшіеся отъ вырубленныхъ деревьевъ, огненной волной несется по полянамъ, по направленію вѣтра. Напольные пожары бываютъ исключительно во время жаркой весны, когда новая, молодая трава еще только-что начинаетъ пробиваться изъ почвы.

Какъ тѣ, такъ и другіе являются слѣдствіемъ неосторожнаго обращенія съ огнемъ. Особенно способствуютъ возникновенію пожаровъ бродяги и бѣглые. Скрываясь отъ полиціи въ заводскихъ лѣсахъ, они, по ночамъ, зажигаютъ всегда большіе костры и, по уходѣ съ мѣстъ ночлега, оставляютъ ихъ обыкновенно или вовсе незатушенными, или затушенными недостаточно тщательно.

Небольшіе пожары, замѣченные въ самомъ началѣ ихъ, тушились обыкновенно лѣсною стражею, при помощи нѣсколькихъ, находившихся по близости, рабочихъ людей. Но, коль-скоро пожаръ усиливался, то, для борьбы съ нимъ, вызывались, изъ ближайшихъ селеній, работники, въ тѣмъ бо́льшемъ количествѣ, чѣмъ бо́льшіе размѣры принималъ пожаръ.

Для прекращенія напольныхъ пожаровъ спѣшили выкапывать болѣе или менѣе широкія канавы, перпендикулярно направленію вѣтра. Пламя, дойдя до этихъ канавъ и не встрѣчая далѣе матеріала для своего питанія, вскорѣ же потухало.

Но не такъ легко было справляться съ пожарами лѣсными. Тутъ могли помочь или естественныя, среди лѣса, оголенныя площади (поляны), или болѣе или менѣе широкія просѣки, спѣшно, во время

пожара, прорубаемыя работниками. Поэтому, для тушенія большихъ лѣсныхъ пожаровъ, требовалось всегда большое число рабочаго люда.

Какъ городскія пожарныя команды, забираясь, съ опасностью для своей жизни, на крыши горящихъ зданій въ потѣ лица и до крайняго истощенія физическихъ силъ, трудятся надъ отстаиваніемъ ихъ отъ огня, такъ, съ не меньшею опасностью и съ не меньшей затратой силъ, трудятся и заводскіе рабочіе, при тушеніи лѣсныхъ пожаровъ.

Я слышалъ отъ одного заводскаго лѣсничаго, лично всегда, въ серьезныхъ случаяхъ, руководившаго тушеніемъ лѣснаго пожара, какъ онъ однажды едва пе сдѣлался его жертвою.

Картина этого, достопамятнаго для него пожара была, по истинѣ, эффектна и грандіозна. Пламя бушевало на пространствѣ нѣсколькихъ верстъ. День былъ вѣтренный. Громадныя, хвойныя деревья, объятыя огнемъ, издавали какой-то особый гулъ и трескъ и быстро превращались въ сплошныя, огненныя стѣны. Горящіе вѣтви и сучья, оторвавшись отъ своихъ стволовъ, носились въ воздухѣ и, падая дальше, въ лѣсную чащу, зажигали все большее и большее количество лѣса.

Сотни людей энергично боролись съ огнемъ, но послѣдній туго и медленно поддавался ихъ дружнымъ усиліямъ.

Появляясь то тутъ, то тамъ, верхомъ, на привычной къ пожарамъ, лошади, лѣсничій отдавалъ соотвѣтствующія обстоятельствамъ распоряженія и руководилъ работами по тушенію.

Увлеченный своею обязанностью, онъ не видѣлъ и не замѣчалъ, что положеніе его, съ каждой минутой, становилось опаснѣе и грозило весьма серьезными послѣдствіями. Дѣйствительно, пламя разросталось и стало окружать то мѣсто, гдѣ находился онъ, съ частью рабочей команды.

Къ счастью, это не укрылось отъ зоркихъ глазъ опытнаго лѣсовщика, который, не безъ труда, пробрался къ лѣсничему.

— Ваше высокоблагородіе, спасайтесь! Огонь обходитъ кругомъ! подъѣхавъ къ нему верхомъ, крикнулъ лѣсовщикъ.

Лѣсничій оглянулся и замеръ отъ ужаса: онъ стоялъ въ центрѣ огненнаго моря. Кругомъ и пламя, и дымъ, и трескъ, и гулъ стояли невообразимые.

Приказавъ рабочимъ мигомъ убираться съ этого опаснаго мѣста, онъ пришпорилъ лошадь и пустилъ ее по направленію вѣтра.

— Не туда, не туда, ваше высокоблагородіе! — крикнулъ лѣсовщикъ — тамъ не проѣхать. А, вотъ сюда, здѣсь недалеко лѣсная тропа, да и лѣсъ порѣже.

И, стегнувъ лошадь, лѣсовщикъ понесся впередъ, указывая дорогу. Лѣсничій послѣдовалъ за нимъ.

Около сотни саженъ пришлось имъ мчаться между пылавшими деревьями, пока удалось достигнуть тропы. Но и тутъ еще не избѣжали они опасности. Хотя хвойный лѣсъ, между которымъ пролегала тропа, перемежался лиственнымъ и былъ значительно рѣже и мельче, но тѣмъ не менѣе горѣлъ уже почти сплошь, и казалось, не видѣлось конца этой, лежащей передъ всадниками, огненной аллеи.

Низко нагнувъ головы, для предохраненія лица отъ сыпавшихся на нихъ искръ, и едва не задыхаясь отъ густаго и ѣдкаго дыма, маршъ-маршемъ неслись они по тропѣ, пока не выбрались, наконецъ, на безопасное мѣсто.

Не дешево обошелся лѣсничему этотъ пожаръ. Не говоря уже про сожженное, во многихъ мѣстахъ, платье, онъ получилъ на столько сильные обжоги лица, шеи и рукъ, что нѣсколько недѣль долженъ былъ вылежать въ постелѣ.

Не менѣе пострадалъ и его спутникъ—лѣсовщикъ. Изъ рабочихъ тоже оказалось изрядное число пострадавшихъ отъ огня и даже болѣе или менѣе изувѣченныхъ.

Для исполненія разныхъ полицейскихъ обязанностей, при заводахъ, изъ мастеровыхъ, формировался опредѣленный, для каждаго округа, штатами, контингентъ конныхъ и пѣшихъ стражниковъ.

Первые носили казачью форму и обмундировку и назывались казаками.

Послѣдніе же именовались десятниками и будочниками.

Казаки получали въ годъ по 10 рублей жалованья и по 28 рублей 60 коп. на обмундировку и содержаніе лошади.

Десятникамъ и будочникамъ выдавалось только одно жалованье, по 7 р. 50 к. въ годъ каждому.

Какъ тѣмъ, такъ и другимъ полагался, кромѣ того, провіантъ, въ размѣрѣ, установленномъ штатами, а именно: женатымъ—по 4, а холостымъ—по 2 пуда въ мѣсяцъ.

III.

Главное управленіе Уральскими заводами, сосредоточено въ городѣ Екатеринбургѣ, который, такимъ образомъ, представляетъ собою одновременно и горный и уѣздный городъ.

Лѣтъ тридцать тому назадъ, онъ считался лучше, красивѣе и больше Перми, о чемъ значилось даже и въ прежнихъ учебникахъ

географіи. Но въ настоящее время онъ уже нѣсколько уступаетъ своему губернскому городу, превосходя послѣдній лишь количествомъ народонаселенія.

По послѣдней народной переписи, въ Екатеринбургѣ значится $55^1/_2$, а въ Перми—$45^1/_2$ тысячъ душъ обоего пола.

Проведеніе Уральской желѣзной дороги, быстро и благотворно повліявшее на всестороннее развитіе и улучшеніе губернскаго города, очень мало отразилось на его уѣздномъ соперникѣ.

Кромѣ главнаго, въ Екатеринбургѣ находилось и мѣстное управленіе Екатеринбургскимъ округомъ.

Главное горное управленіе состояло изъ главнаго начальника и горнаго правленія.

Главный начальникъ, непосредственно подчиненный министру, представлялъ собою главнаго хозяина заводовъ, директора горнаго правленія и командира и инспектора горной стражи.

Въ отношеніи военно-судныхъ и слѣдственныхъ дѣлъ по линейнымъ баталіонамъ, ему присвоялись права начальника дивизіи. А какъ командиръ и инспекторъ баталіоновъ, онъ подчинялся командиру отдѣльнаго, Оренбургскаго корпуса.

Слѣдующую ступень административной, служебной лѣстницы главнаго горнаго управленія занималъ бергъ-инспекторъ, считавшійся помощникомъ главнаго начальника.

При главномъ начальникѣ имѣлась особая канцелярія, съ дѣлопроизводителемъ и другими, необходимыми служащими.

Главнымъ городомъ, или, какъ и по сей-часъ называютъ его, столицей Урала былъ Екатеринбургъ. Въ прежнее крѣпостное время, онъ считался очень богатымъ городомъ. Благодаря золотопромышленникамъ, крупнѣйшіе изъ которыхъ проживали въ немъ постоянно, онъ украсился многими видными частными домами и дачами.

Благодаря этому же обстоятельству, и общественная жизнь его текла широко, шумно и весело.

Остальные горные городки, или центральные заводы горныхъ округовъ, мало чѣмъ отличались другъ отъ друга и отъ большинства порядочныхъ, второстепенныхъ, уѣздныхъ городовъ. Одни были побольше и покрасивѣе, а другіе—поменьше и похуже.

Также разнились они и по числу народонаселенія, которое составляло отъ 10 до 15 тысячъ и даже болѣе душъ обоего пола.

Составъ общества въ каждомъ горномъ городѣ былъ почти одинаковъ и состоялъ изъ слѣдующихъ лицъ: горнаго начальника, его помощника, управителя, механика, одного или двухъ заводскихъ смотрителей и нѣсколькихъ практикантовъ.

Это все были горные инженеры.

За ними слѣдовали горные чиновники, а именно: второй членъ и секретарь главной конторы, чиновникъ разныхъ порученій, архитекторъ, полицеймейстеръ, горный исправникъ; аудиторъ, смотритель окружнаго училища и смотрители магазиновъ, провіантскаго, припаснаго и металлическаго. Послѣднія три хотя и низшія, сравнительно, но выгодныя, въ матеріальномъ отношеніи, заводскія должности замѣщались, въ прежнее время, преимущественно лицами, учившимися въ Горномъ корпусѣ, но не кончившими тамъ курса и выпущенными изъ него безъ чина, или же съ чинами XIV-го и XII-го класса.

Далѣе шли старшій и младшій лѣкари, аптекарь, старшій и младшій лѣсничіе, старшій и младшій артиллерійскіе пріемщики, баталіонный[1]) и ротный командиры, и положенное при нихъ число офицеровъ.

Для наблюденія за изготовленіемъ артиллерійскихъ снарядовъ и для пріема ихъ, отъ заводоуправленій, было откомандировано нѣсколько артиллерійскихъ офицеровъ, на тѣ изъ Уральскихъ заводовъ, гдѣ они изготовлялись.

Всѣ эти офицеры, называвшіеся старшими и младшими пріемщиками, подчинялись своему, мѣстному начальнику — главному пріемщику, имѣвшему резиденцію въ Екатеринбургѣ.

Что же касается до военныхъ офицеровъ, то они имѣлись только въ тѣхъ горныхъ городахъ, гдѣ были расквартированы цѣлыя роты... Въ остальныхъ же, гдѣ стояли половина, или четверть роты, находилось по одному только офицеру, считавшемуся командиромъ этихъ частей.

Кромѣ того, въ каждомъ центральномъ заводѣ проживалъ еще довѣренный откупа, который, по своему положенію и довольно крупному окладу содержанія, игралъ не послѣднюю роль въ заводской общественной жизни.

Всѣ, перечисленныя выше лица, съ ихъ семействами, составляли, такъ сказать, высшій кругъ общества, къ которому принадлежали также и священники.

Отдѣльные, маленькіе заводы имѣли видъ небольшаго уѣзднаго городка, или болѣе или менѣе значительнаго села, съ населеніемъ, не превышавшимъ трехъ-четырехъ тысячъ.

Очень небольшое общество ихъ состояло изъ управителя, смотрителя, младшаго лѣкаря, лѣсничаго и одного или двухъ священниковъ.

Въ заводахъ, изготовлявшихъ артиллерійскіе снаряды, кромѣ того, проживалъ еще артиллерійскій пріемщикъ.

---

[1]) Баталіонные командиры были только въ трехъ пунктахъ: въ г. Екатеринбургѣ, Златоустовскомъ и Кушвинскомъ заводахъ.

Только въ Міясскомъ и Березовскомъ заводахъ, да на Турьинскихъ мѣдныхъ рудникахъ общество было нѣсколько больше, ибо, къ перечисленнымъ должностнымъ лицамъ тамъ прибавлялись еще: помощникъ управителя, нѣсколько горныхъ смотрителей, изъ инженеровъ и чиновниковъ, горный исправникъ, секретарь и полицеймейстеръ.

Къ среднему кругу общества принадлежали всѣ остальные мелкіе чиновники и урядники первой статьи [1]), занимавшіе штатныя и болѣе видныя должности въ главной и заводской конторахъ и другихъ мѣстныхъ учрежденіяхъ.

Эти личности никогда не переступали границы высшаго круга и появлялись въ домахъ послѣднихъ исключительно лишь по дѣламъ службы, для личныхъ докладовъ своему непосредственному начальнику, или за полученіемъ отъ него какихъ-либо распоряженій.

Смотря по занимаемой ими должности, они принимались послѣднимъ или въ передней, или въ кабинетѣ; дѣловой разговоръ вели, стоя на почтительномъ разстояніи отъ начальника, а если болѣе заслуженному изъ нихъ и предлагалось имъ садиться, то садился онъ какъ-то неловко, робко и при томъ на самый кончикъ стула.

Вообще горные инженеры и высшіе чиновники держали себя съ низшими должностными лицами нѣсколько свысока, но не рѣзко и грубо, а скорѣе степенно и благодушно.

Въ разговорѣ всѣхъ вообще начальствующихъ лицъ съ своими подчиненными звучалъ всегда какой-то особый покровительственно-начальническій тонъ, при чемъ первыя, обращаясь къ послѣднимъ, хотя-бы даже имѣвшимъ классные чины, говорили имъ обыкновенно „ты“.

Впрочемъ, такое обращеніе, въ доброе, старое время, начальниковъ съ подчиненными было обычно, не только въ горномъ, но и во всѣхъ другихъ вѣдомствахъ, и нисколько не шокировало и не унижало послѣднихъ.

Вся суть заключалась не въ мѣстоименіи ты и вы, а въ самомъ тонѣ, которымъ произносились эти мѣстоименія.

Иное, грубое ты, сказанное ласково и привѣтливо, куда какъ пріятнѣе звучало въ ушахъ подчиненнаго, чѣмъ вѣжливое вы, произнесенное съ ироніей, сарказмомъ или явнымъ презрѣніемъ.

---

[1]) Званіе, соотвѣтствующее канцелярскому служителю.

IV.

Высокій постъ главнаго начальника горныхъ заводовъ хребта Уральскаго [1]), въ теченіе четверти вѣка, съ начала 30-хъ и до конца 50-хъ годовъ, занималъ генералъ-отъ-артиллеріи, Владиміръ Андреевичъ Глинка.

Власть его была, можно сказать, почти независима и чрезвычайно обширна.

Назначенія, награды, увольненія, административныя взысканія, преданіе суду, словомъ, вся служебная участь всѣхъ чиновъ главнаго и мѣстнаго управленій Уральскихъ заводовъ зависѣла отъ усмотрѣнія и воли главнаго начальника.

Онъ ежегодно обязанъ былъ объѣзжать заводы, какъ для наблюденія за ихъ состояніемъ и успѣшнымъ выполненіемъ работъ, такъ и для разъясненія на мѣстѣ всевозможныхъ недоразумѣній и затрудненій.

Пріѣздъ Глинки въ заводскій округъ представлялъ для послѣдняго ненормальное событіе и ожидался, каждый разъ, со страхомъ и трепетомъ, всѣми служащими, за исключеніемъ развѣ только горныхъ начальниковъ, которые, сравнительно съ прочими должностными лицами, считались болѣе, или менѣе самостоятельными и прочно поставленными въ своемъ округѣ.

Встрѣча Владиміру Андреевичу устраивалась всегда самая торжественная.

Уже за нѣсколько недѣль до его пріѣзда, всѣ казенныя зданія тщательно ремонтировались, заводскія площади очищались отъ сора и хлама, внутри фабрикъ водворялись чистота и порядокъ; словомъ, всюду, куда только могъ заглянуть глазъ его превосходительства, красилось, бѣлилось, мылось и принимало какой-то особый чисто праздничный видъ.

Хотя, строго говоря, эти объѣзды или обозрѣнія заводовъ должны были представлять собою нѣчто въ родѣ внезапныхъ ревизій и совершаться безъ предупрежденія мѣстнаго начальства о времени прибытія въ округъ главнаго начальника,—но въ канцеляріи послѣдняго были свои, знакомые люди и каждый разъ заблаговременно извѣщали горныхъ начальниковъ о предположенномъ выѣздѣ главы Урала изъ Екатеринбурга, съ приложеніемъ подробнаго и точнаго маршрута.

За несуществованіемъ въ прежнее время телеграфныхъ сообщеній, горные начальники, дня за два, за три до пріѣзда Глинки, выста-

---

[1]) Оффиціальное названіе должности

вляли нарочныхъ, которые, начиная съ крайняго пункта границы округа и вплоть до его центральнаго завода, представляли собою передаточную, съ 8—10-ти верстными перерывами цѣпь.

Едва поѣздъ главнаго начальника показывался у границы округа, гдѣ ожидали его, выѣхавшіе ему навстрѣчу, старшій лѣсничій и горный исправникъ, какъ первый нарочный мчался уже во весь духъ до мѣста расположенія слѣдующаго нарочнаго, который, выслушавъ извѣстіе, летѣлъ, въ свою очередь, далѣе.

Такимъ образомъ вѣсть о пріѣздѣ главнаго начальника въ центральный заводъ округа опережала его по крайней мѣрѣ на часъ, или полтора, не смотря на то, что его превосходительство, благодаря выставленнымъ подставамъ и лихимъ ямщикамъ, ѣхалъ чрезвычайно быстро, по тщательно исправленной заблаговременно дорогѣ, дѣлая въ часъ верстъ 18—20 и даже болѣе.

Съ самаго утра въ день ожидаемаго пріѣзда начальства, всѣ заводскіе служащіе находились въ замѣтной ажитаціи.

Полицеймейстеръ, на парѣ, съ пристяжкой, сопровождаемый двумя верховыми казаками, рыскалъ по улицамъ, зорко высматривая малѣйшую неисправность и съ чрезмѣрнымъ усердіемъ всюду проявляя свою распорядительность.

Заводскіе надзиратели и старшіе мастера суетились, въ свою очередь, въ фабрикахъ и мастерскихъ, гдѣ приходила уже къ концу генеральная чистка внутри зданій и на площадяхъ, производившаяся тамъ и сямъ группами маляровъ, плотниковъ и рабочихъ.

Мальчики и дѣвочки заводскихъ училищъ и школъ, съ своими наставниками, толпились уже въ просторныхъ оградахъ учебныхъ заведеній.

Даже больные, въ госпиталѣ, и богадѣльщики, въ богадѣльнѣ, казались возбужденными и озабоченными.

Не одинъ разъ заѣзжалъ въ заводскія фабрики управитель, торопя подчиненныхъ скорѣйшимъ окончаніемъ приведенія въ надлежащій порядокъ зданій и площадей и лично слѣдя за точнымъ исполненіемъ всѣхъ отданныхъ имъ, на сей предметъ, распоряженій. Изъ фабрикъ спѣшилъ онъ въ контору, гдѣ заготовлялся почетный рапортъ, а изъ конторы къ горному начальнику, съ донесеніемъ о всемъ томъ, что имъ сдѣлано по своей части.

Всѣ горные инженеры, въ полной парадной формѣ, въ однобортныхъ, съ фалдами, мундирахъ, съ серебрянымъ шитьемъ по бархатнымъ, съ синими выпушками, воротнику и обшлагамъ, съ такими же эполетами и шарфомъ, съ двумя длинными кистями, при шпагѣ на лѣвомъ боку и въ трехъ-угольныхъ шляпахъ съ султанами; лѣсничіе въ такихъ же мундирахъ, съ серебрянымъ, по зеленымъ, суконнымъ

воротнику и обшлагамъ, шитьемъ, въ довольно высокихъ, лаковыхъ, съ серебряною арматурою, киверахъ; артиллерійскіє пріемщики и офицеры мѣстной воинской команды въ современныхъ формахъ; горные чиновники, въ синихъ, съ высокими, черными бархатными воротниками, съ золотымъ шитьемъ, мундирахъ и въ трехъ-угольныхъ, безъ султановъ, шляпахъ; всѣ эти лица, то пѣшкомъ, то въ экипажахъ, проходили и проѣзжали по главнымъ заводскимъ улицамъ.

Одни изъ нихъ направлялись къ фабрикамъ, другіе—къ конторамъ и прочимъ учрежденіямъ, третьи—къ дому горнаго начальника.

Менѣе же занятые служебными обязанностями заѣзжали на часокъ къ знакомымъ, потолковать о пріѣздѣ начальства, пропустить за компанію, рюмку-другую водки и подкрѣпить свои силы, приготовленной на скорую руку, хозяйкой, простою, но сытною закускою.

Словомъ, въ такіе дни, въ центральномъ заводѣ, царило всегда необыкновенное оживленіе и движеніе, невольно заражавшее и остальныхъ его обитателей.

Мелкіе служащіе, мастеровые, ихъ жены, дочери и вся заводская дѣтвора тоже повысыпала изъ своихъ домовъ и заполняла тѣ улицы, по которымъ долженъ былъ прослѣдовать поѣздъ высокаго гостя.

На границѣ дачи округа встрѣчали его старшій лѣсничій и горный исправникъ, съ конными лѣсовщиками и казаками, а при въѣздѣ въ заводъ, у существовавшихъ въ прежнее время заставъ,—полицеймейстеръ, съ сопровождавшими его, двумя полицейскими стражниками.

Принявъ отъ послѣдняго почетный рапортъ, Глинка мчался далѣе, по заводскимъ улицамъ, гдѣ его привѣтствовали толпы по-праздничному разодѣтаго рабочаго люда, и останавливался, наконецъ, у дома горнаго начальника, который ожидалъ его на парадномъ крыльцѣ, и также съ почетнымъ рапортомъ.

Молодцовато, слегка поддерживаемый адъютантомъ, выходилъ изъ дормеза Владиміръ Андреевичъ и принималъ рапортъ отъ начальника округа. Затѣмъ, поздоровавшись съ послѣднимъ, въ сопровожденіи его и прочей свиты, бодро и высоко неся голову, входилъ въ залъ, гдѣ представлялись ему остальные горные военные и гражданскіе чины мѣстнаго управленія.

Далѣе слѣдовали, одно за другимъ, завтракъ, обозрѣніе заводскихъ фабрикъ и учрежденій, парадный обѣдъ, вечерній чай и ужинъ.

А на другой день, не менѣе торжественно, т. е. въ полныхъ же парадныхъ формахъ, весь служащій персоналъ провожалъ главнаго начальника и разставался съ нимъ до слѣдующаго его пріѣзда.

Лично извѣстный императору Николаю I-му и имѣвшій въ Петербургѣ значительныя связи, Владиміръ Андреевичъ Глинка пользовался большими полномочіями и громадною властью.

Такія полномочія и власть были, какъ бѣльмо на глазу, крайне непріятны современному Глинкѣ, пермскому губернатору Огареву, считавшему себя единственнымъ властелиномъ всей губерніи.

Немудрено, что оба эти начальника, будучи одинаково властолюбивы, какъ два медвѣдя въ одной берлогѣ, плохо уживались между собою и ревностно, гдѣ только можно, отстаивали прерогативы своей власти. Подобныя отношенія порождали между ними нерѣдкія недоразумѣнія и столкновенія по дѣламъ службы.

Этимъ антагонизмомъ начальниковъ края частенько пользовались приближенныя къ нимъ лица и, при случаѣ, науськивали другъ на друга.

Такъ, между прочимъ, кто-то изъ губернскихъ чиновниковъ, въ присутствіи Огарева, намѣренно преувеличилъ власть Глинки и вліяніе его на Уралѣ.

Огаревъ вспыхнулъ и возразилъ:—Да, да, конечно, и у него есть власть, но меньше, гораздо меньше, мой милый:—Онъ—начальникъ только хребта, а я всей—шкуры.

Это удачное выраженіе долго ходило по всему Уралу и, разумѣется, было своевременно сообщено и Владиміру Андреевичу.

Послѣдній въ долгу не остался и находчиво отпарировалъ его, въ свою очередь, слѣдующимъ изреченіемъ:

— За то хребетъ-то здоровый, по пяти губерніямъ растянулся.

Антагонизмомъ этихъ двухъ начальствовавшихъ на Уралѣ лицъ пользовались нерѣдко разные мелкіе чиновники.

Выгнанные со службы Глинкой спѣшили въ Пермь, къ Огареву, съ жалобой на причиненную, будто-бы, имъ обиду и несправедливость и съ почтительнѣйшею просьбою не допустить погибели безвиннопострадавшаго.

Точно такъ же поступали и терявшіе мѣста у Огарева, прибѣгая къ заступничеству Глинки.

И подобныя просьбы большею частію уважались враждующими между собою начальниками, и часто негодные и плутоватые чиновники получали приличныя и выгодныя должности.

Въ данномъ случаѣ, старинная поговорка „паны дерутся—у хлопцовъ чубы трещатъ“ не всегда оправдывалась. Напротивъ, иные хлопцы, благодаря этому, бывали не по заслугамъ взысканы и облагодѣтельствованы.

Въ заключеніе настоящей главы, скажу нѣсколько словъ о современникѣ и соперникѣ Владиміра Андреевича, тайномъ совѣтникѣ Ильѣ Ивановичѣ Огаревѣ, который, по своему характору, во многомъ походилъ на Глинку.

Илья Ивановичъ пятнадцать лѣтъ управлялъ Пермской губерніей и оставилъ по себѣ добрую и свѣтлую память.

Онъ, всѣми мѣрами, способствовалъ соединенію общества, въ которомъ держалъ себя просто и привѣтливо; принималъ участіе во всѣхъ его развлеченіяхъ и удовольствіяхъ; никогда не отказывался быть крестнымъ, или посаженнымъ отцомъ у дѣтей своихъ чиновниковъ; заѣзжалъ къ нимъ иногда запросто и не отказывался отъ, предложенныхъ хозяйкой, чашки кофе, или стакана чая.

Человѣкъ одинокій, онъ очень любилъ дѣтей и доставлялъ имъ не мало развлеченій, устраивая у себя для нихъ танцевальные и костюмированные вечера и гулянія, съ разными играми, въ большомъ саду при губернаторскомъ домѣ.

Будучи попечителемъ частнаго пансіона благородныхъ дѣвицъ, Огаревъ часто посѣщалъ это заведеніе. Онъ зналъ всѣхъ его воспитанницъ и помогалъ тѣмъ изъ нихъ, которыя, по недостатку средствъ родителей, были не въ состояніи удовлетворять нѣкоторыя изъ своихъ нуждъ и потребностей.

Не говоря уже о конфектахъ, которыя онъ посылалъ или лично привозилъ пансіонеркамъ, бѣднѣйшимъ изъ нихъ онъ дѣлалъ, на свой счетъ, къ танцевальнымъ или костюмированнымъ вечерамъ, нарядные туалеты и костюмы. На его же счетъ постоянно воспитывалось въ пансіонѣ нѣсколько недостаточныхъ дѣвочекъ, которыхъ онъ снабжалъ необходимыми учебными пособіями, а инымъ доставлялъ даже и платье и обувь.

Все это я сообщаю объ Огаревѣ, не по разсказамъ другихъ, а какъ очевидецъ, ибо, въ концѣ 40-хъ годовъ, мнѣ девяти-лѣтнему мальчику, довелось прожить въ Перми болѣе полугода, у одного изъ учителей гимназіи, подготовлявшаго меня къ поступленію въ это заведеніе. Маленькій сынишка этого учителя былъ крестникомъ Ильи Ивановича [1]), который поэтому изрѣдка заѣзжалъ къ нему и имѣлъ возможность лично познакомиться съ губернаторомъ.

Благодаря этому обстоятельству, я также изрѣдка принималъ участіе въ устраиваемыхъ имъ танцевальныхъ вечерахъ и прочихъ дѣтскихъ забавахъ и развлеченіяхъ.

За все это, за его привѣтливость, доброту и вниманіе къ положенію своихъ подчиненныхъ, Огаревъ пользовался любовью и симпатіей всей губерніи и широкою, въ предѣлахъ ея, популярностью.

---

[1]) Имя я хорошо помню; отчество же не совсѣмъ, а потому прошу не взыскать, если въ немъ ошибся.

V.

Владиміръ Андреевичъ Глинка былъ человѣкъ общественный, а потому старался соединить общество и заботился о томъ, чтобы оно въ часы досуга, такъ или иначе, развлекалось и не скучало.

Раза два въ году, онъ задавалъ екатеринбургскому обществу, у себя на дому, великолѣпные балы, на которые, со всѣхъ заводовъ, съѣзжались горные инженеры, преимущественно молодежь. Въ этихъ случаяхъ имъ давались обыкновенно какія-либо казенныя командировки.

На балахъ своихъ Глинка былъ всегда крайне радушнымъ и любезнымъ хозяиномъ; занималъ свѣтскимъ разговоромъ дамъ и дѣвицъ, особенно хорошенькихъ, и открывалъ, съ одною изъ нихъ, балъ, выступая молодцовато, во главѣ полонеза.

Но, принимая у себя, и самъ не отказывался отъ приглашеній, охотно посѣщая устраиваемые разными лицами вечера, балы и обѣды. Послѣдніе онъ даже очень любилъ, ибо былъ большимъ гастрономомъ и охотникомъ покушать, но покушать, не простыя, заурядныя, а изысканныя и вкусныя блюда. Поэтому, когда онъ объѣзжалъ заводы, каждый начальникъ и управитель, первымъ дѣломъ, озабочивались на счетъ обѣда, стараясь приготовить его, сообразно со вкусомъ своего принципала.

И курьезные же случаи бывали иногда, благодаря этимъ обѣдамъ, а, главнымъ образомъ, неумѣренному аппетиту Владиміра Андреевича, который нерѣдко испытывалъ, послѣ нихъ, не только тяжесть, но и легкое разстройство желудка.

Усѣвшись въ дорожный дормезъ, катитъ онъ, бывало, послѣ одного изъ такихъ сытныхъ и вкусныхъ обѣдовъ, въ веселомъ и благодушномъ настроеніи духа, изъ какого-нибудь завода въ другой, на пути лежащій, и заводитъ рѣчь съ своимъ, неизмѣннымъ спутникомъ— адъютантомъ.

— А вѣдь обѣдъ-то былъ недурёнъ, любезнѣйшій? спрашиваетъ онъ, между прочимъ.

— Очень даже, ваше превосходительство, отвѣчаетъ почтительно адъютантъ.

— Да, да. Видно, что Петровъ хорошій хозяинъ. А кто хорошо ведетъ домашнее хозяйство, тотъ съумѣетъ вести и заводское. Вѣдь у него все, кажется, было исправно?

— Точно такъ, ваше превосходительство.

— Надо будетъ дать ему, къ Пасхѣ, награду. Отмѣть-ка, любезнѣйшій, въ записной книжкѣ.

— Слушаю-съ.

Адъютантъ вынималъ изъ кармана книжку и вносилъ въ нее распоряженіе генерала.

А генералъ, подъ вліяніемъ плавно качавшагося, рессорнаго экипажа, начиналъ сладко подремывать.

Но, вотъ, отъ качки ли дормеза, или отъ неумѣренной ѣды за обѣдомъ, Владиміръ Андреевичъ начинаетъ ощущать въ желудкѣ что-то неладное, не то боль, не то спазмы. Онъ просыпается, морщится и начинаетъ ворчать.

— Чортъ знаетъ, что такое! Чѣмъ это накормилъ насъ Петровъ? не то спрашивая, не то самъ съ собою разсуждая, недовольнымъ тономъ говоритъ Глинка.

Адъютантъ молчитъ.

— Что-нибудь да было не такъ. Навѣрно масло не свѣжее. А? Ты не замѣтилъ, любезнѣйшій? обращается онъ къ своему спутнику.

— Нѣтъ, не замѣтилъ, ваше превосходительство.

— Немудрено, вѣдь ты плохой гастрономъ. А я тогда же замѣтилъ, что въ соусѣ спецій было много... Это не даромъ. чтобы замаскировать несвѣжесть масла. Фу, чортъ, какъ больно! хватаясь за животъ, вскрикиваетъ Владиміръ Андреевичъ.

— Не прикажете ли остановиться, ваше превосходительство?

— Нѣтъ, нѣтъ, не надо... Скоро станція. А ты, любезнѣйшій, вычеркни-ка Петрова. Не дамъ ему награды... Плохой хозяинъ... Чортъ знаетъ, чѣмъ накормилъ... Вѣрно, и въ заводѣ такіе же порядки...

Адъютантъ опять вынимаетъ изъ кармана записную книжку и зачеркиваетъ въ ней сдѣланное ранѣе распоряженіе начальника.

Кромѣ страстишки хорошо и плотно покушать, Владиміръ Андреевичъ не лишенъ былъ и другихъ, маленькихъ, общечеловѣческихъ слабостей.

Любилъ онъ полюбезничать съ дамами и барышнями, разумѣется, молоденькими и хорошенькими; любилъ, послѣ сытнаго обѣда, или во время танцовальныхъ и другихъ семейныхъ вечеровъ, поиграть въ карты, преимущественно въ бостонъ, и при томъ съ постоянными своими партнерами; имѣлъ своихъ любимцевъ и нелюбимцевъ, изъ которыхъ первые всегда и во всемъ преуспѣвали и награждались далеко не по заслугамъ, а послѣдніе, наоборотъ, какъ-бы затирались и были частенько обходимы повышеніями по службѣ и другими наградами.

Но, впрочемъ, послѣдняя слабость проявлялась очень умѣренно, а въ отношеніи нелюбимцевъ—даже и весьма рѣдко. Поэтому, за двадцатипяти-лѣтнее управленіе Глинкой Уральскими заводами, можно было насчитать не болѣе десятка служащихъ, которые были имъ недовольны и ругали его, разумѣется, заглазно.

Онъ былъ доступенъ для каждаго. Никогда не отказывался, если кто-либо изъ чиновниковъ и купцовъ обращался къ нему съ просьбою быть крестнымъ отцомъ новорожденнаго, или посаженнымъ отцомъ у вступающихъ въ бракъ дѣтокъ.

Такимъ образомъ, за четверть вѣка, крестниковъ и крестницъ Владиміра Андревича, а также лицъ, которыхъ онъ благословлялъ передъ ихъ бракосочетаніемъ, приходилось считать чуть не сотнями.

Нерѣдко случалось видѣть Глинку благодушно возсѣдающимъ на диванѣ простенькой гостиной какого-либо маленькаго и скромнаго чиновника, который, по случаю именинъ крестника или крестницы Владиміра Андреевича, почтительно просилъ его удостоить честью откушать имениннаго пирога.

Мало того, что Глинка никогда почти не отказывался отъ подобнаго приглашенія, но являлся еще не съ пустыми руками, а съ какимъ-либо приличнымъ и цѣннымъ подаркомъ.

А къ любимцамъ своимъ, къ какому бы кругу общества они ни принадлежали, онъ заѣзжалъ иногда и запросто, безъ всякаго съ ихъ стороны приглашенія.

Любилъ также Владиміръ Андреевичъ, чтобы всюду, гдѣ только можно, соблюдалась симметрія. Сохрани Богъ, если, въ конторахъ, или канцеляріяхъ, онъ увидитъ, что столъ поставленъ не по срединѣ стѣны, или стоятъ рядомъ два шкафа у одной стороны послѣдней, а остальная часть занята стульями; сейчасъ же замѣтитъ и задастъ распечку.

За исправное состояніе заводовъ онъ милостиво изъявлялъ свою благодарность мѣстному начальству. Но за то, за всякую неисправность, иногда даже совершенно незначительную, кричалъ на подчиненныхъ и нещадно мылилъ ихъ повинныя головы.

Такъ, однажды, подъѣзжалъ онъ, сопровождаемый обычною свитою, къ К—му заводу, передъ въѣздомъ въ который, на разстояніи около версты, по обѣимъ сторонамъ дороги, были посажены липы, огороженныя на всемъ протяженіи сквознымъ деревяннымъ заборчикомъ.

А какъ, мѣстами, заборчикъ этотъ былъ поломанъ, то, незадолго до пріѣзда Глинки, былъ тщательно починенъ, а починенныя части подкрашены подъ цвѣтъ стараго дерева.

Это было сдѣлано съ цѣлью не дать замѣтить начальству, что ремонтъ былъ произведенъ недавно и, разумѣется, въ виду его ожидавшагося пріѣзда.

Но, или подкраска вышла не особенно удачной, и цвѣтъ новыхъ деревянныхъ частей довольно замѣтно разнился отъ цвѣта старыхъ, или Владиміръ Андреевичъ былъ въ дурномъ расположеніи духа, только обстоятельство это было имъ замѣчено.

— Стой! крикнулъ онъ ямщику.

Дормезъ остановился.

— Старшаго лѣсничаго! приказалъ Глинка.

Адъютантъ вышелъ изъ дормеза и подбѣжалъ къ слѣдующему за нимъ экипажу, въ которомъ ѣхалъ лѣсничій, и передалъ ему приказаніе генерала.

Лѣсничій поспѣшно зашагалъ къ генеральскому дормезу и, приложивъ руку къ киверу, почтительно остановился передъ главнымъ начальникомъ.

— Это что, любезнѣйшій? спросилъ послѣдній, указывая рукою на липы.

— Липы, ваше превосходительство.

— Вижу, что липы. Я не о нихъ, а о загородкѣ. Почему она разнаго цвѣта?

— Однѣ части старыя, посѣрѣвшія отъ времени, а другія, новыя, подкрашены подъ цвѣтъ стараго дерева. Поэтому...

— И скверно подкрашены, прервавъ объясненіе лѣсничаго, продолжалъ, горячась, Глинка. Такъ нельзя... Это—небрежность, упущенье!

— Невозможно найти здѣсь, ваше превосходительство, такихъ маляровъ, которые бы съумѣли искусно составлять цвѣта, оправдывался лѣсничій.

— Вздоръ! Все возможно, лишь было бы радѣнье, а не дѣлалось все кое-какъ, спустя рукава.

— Смѣю увѣрить, ваше превосходительство, что маляры старались, но не смогли. Надо быть художникомъ, чтобы изъ смѣси красокъ составить натуральный цвѣтъ стараго дерева.

— Э-ге, любезнѣйшій! Да ты еще разсуждать вздумалъ... оправдываться. Это тебѣ даромъ не пройдетъ. Я научу, какъ надо служить... Ты у меня будешь вѣчнымъ штабсъ-капитаномъ... Ни шагу впередъ... Слышишь! Такъ и знай! все болѣе и болѣе горячась и возвышая голосъ, разносилъ старшаго лѣсничаго Владиміръ Андреевичъ.

Изливъ на главу подчиненнаго весь свой начальническій гнѣвъ, Глинка жестомъ отпустилъ лѣсничаго и крикнулъ ямщику: пошелъ!

Генеральскій дормезъ, а за нимъ и другіе экипажи помчались далѣе и остановились у дома горнаго начальника, гдѣ произошла, уже описанная нами, въ предъидущей главѣ, встрѣча главнаго начальника съ заводскими служащими.

Поѣздивъ и походивъ нѣсколько часовъ, послѣ завтрака, по заводу и обозрѣвъ всѣ его учрежденія, Владиміръ Андреевичъ, благодушный и довольный, возсѣдалъ за обѣденнымъ столомъ, по праву руку хозяйки.

Обѣдъ былъ оффиціальный. На немъ присутствовали всѣ инженеры, лѣсничіе, артиллерійскіе и военные офицеры и высшіе горные чиновники.

Въ началѣ обѣда, какъ всегда, всѣ вели себя тихо и молчаливо; только послѣ втораго блюда начинался разговоръ, преимущественно на томъ концѣ стола, гдѣ помѣщался почетный гость. Когда же покончили съ жаркимъ и полилось шампанское, съ неизбѣжными тостами, то разговоръ пошелъ оживленнѣе и уже въ разныхъ мѣстахъ стола. Но громкій и звучный голосъ Владиміра Андреевича выдѣлялся среди другихъ голосовъ, подобно тому, какъ большой колоколъ колокольни заглушалъ своимъ звономъ звуки другихъ, маленькихъ колоколовъ.

— А бостончикъ, надѣюсь, у насъ будетъ? обратился Глинка къ хозяину.

— Конечно, ваше превосходительство; ужъ и столикъ готовъ, отвѣчалъ послѣдній.

— А партнеры, разумѣется, прежніе?

— За исключеніемъ Григорія Михайловича.

Такъ звали старшаго лѣсничаго, которому Владиміръ Андреевичъ успѣлъ уже задать изрядную головомойку за заборчикъ.

— Какъ? Развѣ его нѣтъ? оглянувъ сидящихъ за столомъ, спросилъ Глинка.

— Онъ отказался отъ обѣда, извѣстивъ меня, что чувствуетъ себя не совсѣмъ здоровымъ.

— Вздоръ! Не вѣрю. Это не нездоровье, а злится на меня за распечку. Пошлите за нимъ: безъ него я не сяду.

Горный начальникъ тотчасъ же вышелъ изъ-за стола и отправилъ лѣсничему записку, съ просьбою—составить партію Владиміру Андреевичу.

Григорій Михайловичъ дѣйствительно не былъ боленъ, но, крайне возмущенный грубой распечкой главнаго начальника, рѣшилъ не быть на обѣдѣ и не играть съ нимъ въ карты.

Въ отвѣтъ на пригласительную записку горнаго начальника, онъ отвѣтилъ отказомъ.

Будучи человѣкомъ крайне добрымъ и искренно расположеннымъ къ Григорію Михайловичу, горный начальникъ не удовольствовался полученнымъ отказомъ послѣдняго, а тотчасъ же, послѣ обѣда, поѣхалъ за нимъ лично и съумѣлъ убѣдить его не противиться желанію Глинки.

Такимъ образомъ бостончикъ состоялся, и всѣ обычные партнеры занялись знакомымъ и пріятнымъ для нихъ удовольствіемъ.

Владиміру Андреевичу страшно не везло, и онъ проигралъ до-

вольно крупную сумму, которая, почти цѣликомъ, перешла въ карманъ старшаго лѣсничаго.

Тѣмъ не менѣе Глинка, противъ обыкновенія, не особенно сердился и даже шутливо замѣтилъ, высыпая на столъ довольно изрядную кучку золота.

— Ишь, отмстилъ вѣдь, злодѣй!

— Ужъ видно судьба такая, ваше превосходительство, почтительно говорилъ, забирая и пряча въ карманъ деньги, Григорій Михайловичъ.

— Судьба, судьба! Погоди, любезнѣйшій, не въ послѣдній разъ играемъ.

Подобные казусы попадались нерѣдко, и разсказы о нихъ долго хранились въ памяти заводскихъ служащихъ.

Вообще же, Владиміръ Андреевичъ былъ хорошій, добрый и честный администраторъ, но нѣсколько вспыльчивый и часто, за пустяки, разносившій, въ пухъ и прахъ, своихъ подчиненныхъ, которымъ всѣмъ, кромѣ горныхъ начальниковъ, говорилъ „ты“ и „любезнѣйшій“. Впрочемъ, вспыльчивость его проходила скоро, и если распечки, подчасъ, бывали несправедливы или черезчуръ строги, то онъ впослѣдствіи, такъ или иначе, старался вознаградить невинно потерпѣвшаго.

Глинкѣ же обязанъ Екатеринбургъ устройствомъ городскаго театра, въ которомъ, съ тѣхъ поръ и до сего времени, въ теченіе зимняго сезона, даются драматическія и оперныя представленія. Для этого были приспособлены и передѣланы, оставшіеся безъ употребленія, казенные соляные магазины.

Въ первые годы основанія театра, Владиміръ Андреевичъ оказывалъ полное содѣйствіе и матеріальную помощь антрепренеру, который, благодаря этимъ обстоятельствамъ, имѣлъ возможность, не безъ выгоды для себя, держать весьма порядочную труппу, тѣмъ болѣе, что въ его распоряженіи находился и ирбитскій театръ, дававшій, во время ярмарки, очень хорошіе сборы.

Словомъ, Глинка, по собственному почину, чѣмъ только могъ, содѣйствовалъ постоянно соединенію общества и разнообразнымъ общественнымъ развлеченіямъ. Онъ твердо держался, въ этомъ случаѣ, извѣстнаго всѣмъ правила императора Петра Великаго, что, удѣляя время дѣлу, слѣдуетъ хотя часъ удѣлить и потѣхѣ.

Получивъ новое назначеніе, Владиміръ Андреевичъ, съ грустью въ сердцѣ и съ слезами на глазахъ, разставался съ Ураломъ, оставивъ по себѣ добрую память и пріятныя воспоминанія среди большинства заводскихъ служащихъ.

VI.

Во главѣ каждаго заводскаго округа стоялъ горный начальникъ, а каждаго завода и промысла—управитель. Первый назначался на должность Высочайшимъ приказомъ, а послѣдній—приказомъ главнаго начальника.

По отношенію къ горнымъ городамъ и заводскимъ селеніямъ горный начальникъ пользовался одинаковыми правами съ губернаторами. По отношенію же къ военнымъ командамъ состоялъ на правахъ полковаго командира.

Поэтому, у параднаго крыльца обширнаго казеннаго дома, занимаемаго горнымъ начальникомъ, помѣщалась военная будка, съ неизбѣжнымъ при ней часовымъ.

Къ предметамъ управленія горнаго начальника и управителя относились: часть хозяйственная, части искусственная и ученая, гражданское благоустройство и часть судная.

Дѣлопроизводство по всѣмъ этимъ частямъ было сосредоточено въ главной и заводской конторахъ, въ первой—подъ предсѣдательствомъ начальника, а въ послѣдней—управителя.

По судной части, вѣдавшей дѣла гражданскія и уголовныя и не имѣвшей на заводахъ особаго учрежденія, на обязанности горнаго начальника лежало:

1) Учрежденіе временныхъ судовъ въ тѣхъ горныхъ городахъ, гдѣ не было уѣзднаго суда, ратуши, или магистрата.

2) Учрежденіе, въ случаяхъ преступленій уголовныхъ, военнаго суда.

3) Надзоръ за производствомъ и рѣшеніемъ судныхъ дѣлъ и

4) Личный судъ по маловажнымъ служебнымъ упущеніямъ, а также по распрямъ и обидамъ, возникавшимъ между заводскими людьми округа.

Только послѣдняя изъ этихъ четырехъ категорій судныхъ дѣлъ относилась къ обязанности управителя.

Военный судъ, состоявшій изъ презуса, ассесора и аудитора, учреждался въ каждомъ округѣ исключительно для преступленій уголовныхъ, совершенныхъ состоящими на горной службѣ чиновниками и нижними чинами.

Вторымъ лицомъ, по управленію округомъ, стоялъ помощникъ горнаго начальника, исполнявшій одновременно обязанности перваго члена главной конторы, инспектора заводскихъ школъ и презуса военнаго суда. За исполненіе послѣднихъ двухъ обязанностей онъ получалъ особое добавочное жалованье.

Должность помощника горнаго начальника также замѣщалась

горными инженерами, а кандидаты къ нимъ представлялись главнымъ начальникомъ на утвержденіе министра.

На техническія должности смотрителей заводскихъ фабрикъ и рудниковъ горные инженеры, и, на нѣкоторые изъ послѣднихъ, горные чиновники опредѣлялись горнымъ начальникомъ.

Обязанности вторыхъ членовъ главныхъ конторъ исполняли горные чиновники и утверждались въ этихъ должностяхъ главнымъ начальникомъ.

Всѣ остальныя конторскія и заводскія должности, за исключеніемъ должностей интересныхъ, т. е. такихъ, при которыхъ, на отчетѣ и отвѣтственности чиновника, состояли или денежныя суммы, или иное заводское имущество, замѣщались лицами, по единоличному распоряженію горныхъ начальниковъ. На должности же интересныя всѣ чиновники опредѣлялись по выборамъ и утверждались начальникомъ.

Выборы производились всѣми, служащими въ заводѣ чиновниками, которые, въ случаѣ растраты избраннымъ лицомъ заводскаго имущества, обязывались возмѣстить, изъ своихъ средствъ, стоимость растраченнаго. Если же горный начальникъ опредѣлялъ чиновника на интересную должность личною властью, то лично же за него и отвѣтствовалъ.

Большая часть дѣлъ въ главной конторѣ разрѣшалась коллегіально, въ ея присутствіи. Присутствіе состояло изъ двухъ членовъ конторы и секретаря, подъ предсѣдательствомъ горнаго начальника.

Всѣ же дѣла въ заводскихъ конторахъ разрѣшались управителями единолично.

Кромѣ поименованныхъ частей, подвѣдомственныхъ мѣстному управленію, на всѣхъ казенныхъ заводахъ Урала существовали слѣдующія отдѣльныя части: лѣсная, полицейская, медицинская, благотворительная, учебная и духовная.

Для завѣдыванія лѣсною частью на заводахъ, въ распоряженіе главнаго начальника были откомандированы чины корпуса лѣсничихъ, подъ непосредственнымъ начальствомъ главнаго лѣсничаго.

Лѣсная часть въ округахъ состояла въ вѣдѣніи старшихъ лѣсничихъ, а лѣсными дачами каждаго отдѣльнаго завода завѣдывали младшіе лѣсничіе.

Полицейскою частью завѣдывала горная полиція; она дѣлилась на городскую, заводскую и окружную.

Первая вѣдала всѣ, относящіяся до нея, дѣла въ чертѣ города, вторая—въ чертѣ завода, а послѣдняя—внѣ городовъ и заводовъ.

Въ составъ городской полиціи входили полицеймейстеръ и частные приставы—въ г. Екатеринбургѣ и каждомъ центральномъ заводѣ округа, и только одни частные приставы—въ остальныхъ заводахъ.

Впрочемъ, на Міасскихъ и Березовскихъ золотыхъ промыслахъ и Турьинскихъ мѣдныхъ рудникахъ также полагались полицеймейстеры.

Въ распоряженіи полицеймейстеровъ и приставовъ состояли нижніе полицейскіе чины и разъѣздные, или казаки.

Во главѣ окружной полиціи стояли горные исправники, которые, въ земскихъ судахъ того уѣзда, гдѣ находились заводы, засѣдали на первомъ мѣстѣ, послѣ земскихъ исправниковъ.

По дѣламъ полицейскимъ, земскій судъ подчинялся горному начальнику, какъ гражданскому губернатору; а заводскимъ управителямъ, въ этомъ отношеніи, присвоялись права городничихъ. Само собою, это имѣло мѣсто только въ тѣхъ случаяхъ, когда въ земскихъ судахъ были на производствѣ дѣла, касающіяся заводовъ и заводскихъ служащихъ или мастеровыхъ.

Медицинской частью на Уральскихъ заводахъ завѣдывалъ особый медицинскій инспекторъ, права котораго сравнивались съ правами инспекторовъ по военно-медицинской части.

Въ каждомъ горномъ городѣ и заводѣ имѣлись госпитали, состоявшіе подъ непосредственнымъ управленіемъ: въ главномъ заводѣ округа—старшихъ, а въ остальныхъ—младшихъ лѣкарей. При госпиталяхъ находилось положенное штатомъ число фельдшеровъ, лѣкарскихъ учениковъ и служителей. Хозяйственною частью госпиталей завѣдывали особые коммиссары, а содержаніе больныхъ, относительно количества и качества пищи, одежды, посуды и прочаго, производилось на основаніи штатовъ о полевыхъ полкахъ.

Въ горныхъ городахъ имѣлись аптеки, помѣщавшіяся въ особо устроенныхъ зданіяхъ и состоявшія въ вѣдѣніи заводскаго аптекаря, съ необходимымъ при немъ персоналомъ провизоровъ и аптекарскихъ учениковъ. Въ отдѣльныхъ же заводахъ аптеки помѣщались, бо̀льшею частію, въ зданіяхъ госпиталей и состояли въ вѣдѣніи младшихъ лѣкарей. Наблюденіе за приготовленіемъ микстуръ и храненіемъ медикаментовъ поручалось обыкновенно старшему фельдшеру. Только вещества ядовитыя хранились въ особомъ шкафу, за печатью лѣкаря, и, въ случаѣ надобности, выдавались послѣднимъ лично.

Всѣ лѣсные, полицейскіе и медицинскіе чины округа подчинялись горному начальнику, а чины каждаго отдѣльнаго завода—управителю.

Какъ старшій лѣкарь обязанъ былъ ежедневно и лично докладывать начальнику о состояніи госпиталя въ главномъ заводѣ, такъ въ остальныхъ заводахъ, съ этою же цѣлью, являлись къ управителямъ ежедневно коммиссары.

Для призрѣнія бѣдныхъ, неимущихъ, престарѣлыхъ и увѣчныхъ, а также не имѣющихъ пристанища, были учреждены при каждомъ заводѣ довольно просторныя богадѣльни. Онѣ состояли изъ

двухъ отдѣленій: мужскаго и женскаго. Кромѣ взрослыхъ, въ нихъ призрѣвались также и дѣти-сироты, обоего пола, присмотръ за которыми поручался обыкновенно наиболѣе благонадежнымъ богадѣльщицамъ. Мальчики-сироты имѣли право на призрѣніе до семилѣтняго, а дѣвочки до восемнадцати-лѣтняго возраста.

Богадѣльщики и богадѣльщицы занимались, по желанію, посильными работами, или рукодѣліемъ. Имъ выдавались, отъ заводоуправленія, всѣ необходимые для работъ матеріалы и припасы, а вышедшія изъ ихъ рукъ издѣлія или продавались частнымъ лицамъ, или принимались въ казну, если считались нужными для завода. Половина вырученныхъ за издѣлія денегъ выдавалась на руки сработавшимъ ихъ, а другая половина шла въ пользу богадѣльни и причислялась къ другимъ суммамъ, назначавшимися на ея содержаніе.

Для образованія дѣтей средняго и низшаго класса заводскаго населенія существовали на заводахъ разныя учебныя заведенія. Во главѣ ихъ стояло Уральское горное училище, основанное въ Екатеринбургѣ, съ цѣлію образованія свѣдущихъ уставщиковъ, мастеровъ и наставниковъ для заводскихъ школъ. Училище это подчинялось особому управляющему, съ состоящими при немъ инспекторомъ, учителями и другими должностными лицами.

Въ немъ преподавались слѣдующіе предметы: всеобщая исторія, одинъ изъ иностранныхъ языковъ, основанія минералогіи, геогнозіи, практической и горной механики, химіи, геодезіи, пробирнаго и маркшейдерскаго искусства, черченіе и рисованіе. Кромѣ того, особенное вниманіе обращалось на практическія упражненія и работы въ техническихъ производствахъ.

Въ Уральскомъ училищѣ было учреждено шестьдесятъ штатныхъ ваканцій: тридцать для дѣтей нижнихъ и рабочихъ чиновъ и тридцать—для дѣтей недостаточныхъ чиновниковъ горнаго вѣдомства. Допускался пріемъ дѣтей и сверхъ штата, но только своекоштныхъ пансіонеровъ, съ ежегодною платою 120 рублей. Какъ казенные, или штатные ученики, такъ и пансіонеры пользовались въ училищѣ полнымъ содержаніемъ.

Лучшіе, окончившіе курсъ училища, ученики выпускались урядниками 2-й, а прочіе—3-й статьи и, до поступленія на штатныя должности, получали, кромѣ провіанта, отъ 18 до 36 рублей жалованья и по 9 рублей обмундировочныхъ ежегодно. Прослуживъ же, съ отличнымъ усердіемъ, на штатныхъ должностяхъ, двѣнадцать лѣтъ, они, безъ особыхъ испытаній, на основаніи выданныхъ имъ аттестатовъ училища, производились въ первый классный чинъ.

Слѣдующія, за Уральскимъ горнымъ училищемъ, мѣста, въ ряду заводскихъ учебныхъ заведеній, занимали: окружныя училища, по

одному въ округѣ, и заводскія школы, по одной въ каждомъ отдѣльномъ заводѣ.

Окружныя училища состояли изъ двухъ классовъ, курсъ ученія въ которыхъ продолжался по два года. Въ нихъ преподавались: катехизизъ, священная исторія, русскій языкъ, ариѳметика, географія, начала алгебры и геометріи, чистописаніе, черченіе, рисованіе и практическія упражненія въ письмоводствѣ и счетоводствѣ.

Лучшіе, окончившіе курсъ въ окружныхъ училищахъ, ученики переводились въ Уральское горное училище, а прочіе опредѣлялись на ваканціи писцовъ, цеховыхъ учениковъ и къ другимъ заводскимъ занятіямъ.

Въ заводскихъ школахъ ученіе продолжалось два года. Въ нихъ преподавали: законъ Божій, чтеніе и письмо, начала ариѳметики и линейное рисованіе.

Лучшіе ученики заводскихъ школъ поступали въ окружныя училища.

Контингентъ учащихся во всѣхъ этихъ учебныхъ заведеніяхъ состоялъ изъ дѣтей мелкихъ чиновниковъ, нижнихъ чиновъ и мастеровыхъ.

Если въ какомъ-либо заводѣ учащихся оказывалось болѣе, чѣмъ могли вмѣстить ихъ заводскія школы, то мѣстному горному начальнику разрѣшалось открывать начальныя и воскресныя школы, не только для малолѣтокъ, но и для взрослыхъ.

Что же касается дѣтей горныхъ инженеровъ, лѣсничихъ и высшихъ горныхъ чиновниковъ, то они воспитывались въ высшихъ и среднихъ, спеціальныхъ заведеніяхъ Петербурга, а именно: въ горномъ и лѣсномъ корпусахъ, въ горной технической школѣ, при технологическомъ институтѣ, въ пробирномъ училищѣ, при пробирной палаткѣ, и въ Лисинскомъ учебномъ лѣсничествѣ [1]). Въ каждомъ изъ этихъ заведеній имѣлось постоянно по нѣсколько стипендій горнаго вѣдомства.

Успѣшно окончившіе курсъ въ горномъ и лѣсномъ корпусахъ выпускались на горную и лѣсную службу съ военными чинами: изъ перваго — поручика, подпоручика и прапорщика, а изъ послѣдняго—только подпоручика и прапорщика; малоуспѣшные же—съ гражданскими чинами XIV и XII класса.

Окончившіе курсъ въ горной технической школѣ и лисинскомъ учебномъ лѣсничествѣ поступали на заводскую службу съ званіемъ

---

[1]) При немъ, въ прежнее время, существовало среднее, лѣсное, учебное заведеніе, а нынѣ лисинское лѣсничество служитъ мѣстомъ практическихъ занятій студентамъ Лѣснаго института.

горныхъ и лѣсныхъ кондукторовъ и, черезъ двѣнадцать лѣтъ, производились: первые—въ первый гражданскій, а послѣдніе—въ первый военный чинъ корпуса лѣсничихъ.

Ученики, съ успѣхомъ окончившіе курсъ остальныхъ учебныхъ заведеній, а также и окружнаго училища, по прослуженіи двѣнадцати лѣтъ на штатныхъ заводскихъ или конторскихъ должностяхъ, также имѣли право на производство ихъ въ чинъ XIV класса, но по предварительномъ выдержаніи, особо установленнаго на сей предметъ, экзамена.

При заводахъ состояло также, положенное штатомъ, число священно-и церковно-служителей.

Чины духовнаго вѣдомства опредѣлялись епархіальнымъ архіереемъ, по соглашенію съ горными начальниками и по ихъ же представленію удостоивались наградами за примѣрную и ревностную службу. Жалованье получали они изъ суммъ горнаго вѣдомства. Всѣ требы для заводскихъ людей исполнялись священниками безвозмездно, и на ихъ же обязанности лежало преподаваніе въ учебныхъ заведеніяхъ закона Божія, за что̀ полагалось имъ особое вознагражденіе.

VII.

Горный начальникъ, какъ полный хозяинъ округа, обязанъ былъ, періодически, объѣзжать всѣ, принадлежащіе къ нему, заводы и промыслы, для личнаго наблюденія за успѣшнымъ выполненіемъ заводскихъ работъ и своевременнымъ обезпеченіемъ каждаго завода необходимыми матеріалами и припасами.

Главнѣйшіе изъ нихъ, какъ-то: руды, флюсы, бутовой, горновой, точильный и иной камень, глины, кирпичъ, известь, дрова, уголь и всевозможные лѣсные припасы заготовлялись въ дачахъ округа и доставлялись оттуда на заводы.

Болты, винты, гвозди, скобы, словомъ, всѣ вообще желѣзныя издѣлія, необходимыя для возведенія новыхъ и ремонта старыхъ зданій и механизмовъ, выдѣлывались въ заводскихъ мастерскихъ.

Мука ржаная, которой расходовалось громадное количество, пріобрѣталась провіантскими смотрителями, на ближайшихъ отъ завода хлѣбныхъ рынкахъ, по распоряженію мѣстнаго начальства и по утвержденнымъ имъ средне-справочнымъ цѣнамъ.

Тѣ же, изъ массы мелочныхъ, необходимыхъ, какъ для заводскаго дѣйствія, такъ и для разныхъ заводскихъ учрежденій, припасы и

матеріалы, которыхъ нельзя было пріобрѣсти на мѣстныхъ рынкахъ и которыхъ расходовалось ежегодно на десятки тысячъ рублей, закупались на Нижегородской ярмаркѣ, куда обыкновенно командировался кто-либо изъ горныхъ чиновниковъ.

Такимъ образомъ изъ вышеприведеннаго видно, что обязанности горныхъ начальниковъ были весьма нелегки и крайне разнообразны. Они должны были совмѣщать въ себѣ одновременно и администратора, и техника, и блюстителя порядка, и судью, и хозяина обширнаго имѣнія.

Поэтому на долю добросовѣстнаго и строго относящагося къ исполненію своихъ обязанностей начальника приходилось не мало дѣла, заботъ и хлопотъ, а слѣдовательно и отвѣтственность его была далеко не легкая.

Горный начальникъ вставалъ рано, не позднѣе восьми часовъ. Съ девяти у него уже начинался пріемъ должностныхъ лицъ.

Первымъ пріѣзжалъ полицеймейстеръ и рапортовалъ о состояніи порядка и благочинія въ городѣ, подробно докладывая о всѣхъ, бывшихъ въ теченіе минувшаго дня, крупныхъ и мелкихъ происшествіяхъ.

Вслѣдъ за нимъ являлся старшій лѣкарь, съ донесеніемъ о состояніи госпиталя и количествѣ больныхъ, въ немъ находящихся.

Далѣе, пріѣзжалъ управитель завода съ отчетомъ о ходѣ работъ въ фабрикахъ и успѣшномъ выполненіи казенныхъ заказовъ.

Кромѣ того, случалось нерѣдко, что въ эти же часы появлялся у начальника и чиновникъ разныхъ порученій, на котораго было возложено какое-либо особое и болѣе серьезное дѣло или разслѣдованіе.

Наконецъ, около часу и болѣе отнималъ у него разный рабочій людъ, особенно женщины, приходившія съ всевозможными просьбами о пособіяхъ, помѣщеніи въ богадѣльню, или съ жалобами на мужей, угостившихъ ихъ такими побоями, что слѣды послѣднихъ ясно обнаруживались на ихъ заплаканныхъ и покрытыхъ синяками лицахъ.

Все это нужно было разобрать, сообразить и разрѣшить по возможности справедливо и согласно съ сущностью дѣла.

Такъ проходило время до 11 и даже до 12 часовъ.

Позавтракавъ, начальникъ отправлялся въ главную контору, гдѣ опять разныя дѣла, требующія внимательнаго разсмотрѣнія и надлежащаго распоряженія, отнимали у него время до четырехъ часовъ дня.

Болѣе же серьезныя дѣла, подробно вникнуть въ которыя въ главной конторѣ не представлялось ни времени, ни возможности, обыкновенно отсылались секретаремъ на квартиру начальника. Имъ посвящалъ онъ цѣлые вечера, занимаясь иногда до глубокой ночи.

Кромѣ того, ему необходимо было хотя разъ или два на недѣлѣ заглянуть и въ заводскія фабрики, и въ госпиталь, и въ богадѣльню, и въ прочія учрежденія округа.

На должности горныхъ начальниковъ назначались большею частью лица, вполнѣ достойныя. По крайней мѣрѣ, съ начала 30-хъ и до конца 50-хъ годовъ, т. е. болѣе чѣмъ за четверть столѣтія, на всѣхъ казенныхъ заводахъ Урала стояли во главѣ каждаго округа дѣльные и опытные инженеры.

Конечно, одни изъ нихъ были дѣльнѣе, способнѣе и энергичнѣе, другіе обладали этими качествами въ меньшей степени; одни относились къ подчиненнымъ мягче и снисходительнѣе, другіе — строже и требовательнѣе; одни—менѣе пристрастно и, слѣдовательно, болѣе справедливо, а другіе — наоборотъ.

Но, въ общемъ, всѣ они, какъ въ отношеніи службы, такъ и общественной жизни, дѣйствовали почти одинаково. Держали себя не недоступно, гордо и заносчиво, а съ спокойнымъ достоинствомъ, внушавшимъ невольное уваженіе въ сослуживцахъ и подчиненныхъ и исключавшемъ всякую возможность проявленія со стороны послѣднихъ малѣйшей фамильярности и запанибратства. Впрочемъ, не могла допустить этого и военная дисциплина, въ которой всѣ они были воспитаны чуть не съ дѣтства. Поэтому всѣ чины заводскаго управленія считали своимъ долгомъ, не только по службѣ, но и въ общественной жизни, оказывать уваженіе и почтеніе къ старшимъ, но безъ униженія, заискиванія и подхалимства; хотя, конечно, встрѣчались субъекты, пускавшіе въ ходъ и послѣднія два, не особенно привлекательныя свойства.

Всѣхъ лицъ, занимавшихъ должности горныхъ начальниковъ въ крѣпостное время, можно подраздѣлить на три главные типа.

Къ первому принадлежали, такъ называемые, чисто заводскіе служаки, т. е. лица, обращавшія главнѣйшее вниманіе на заводскія производства. Они аккуратно, по два раза на-дню, утромъ и вечеромъ, не менѣе пяти-шести часовъ проводили ежедневно въ фабрикахъ, гдѣ не оставляли неосмотрѣннымъ ни одного уголка, если только въ немъ производилась хотя бы самая незначительная и второстепенная работа. Они знали въ лицо и по фамиліямъ не только главныхъ и рядовыхъ мастеровъ, но и многихъ изъ лучшихъ работниковъ. Малѣйшія неудачи и неполадки въ заводскомъ дѣлѣ принимали близко къ сердцу и лично пріискивали и указывали мѣры къ ихъ устраненію.

Такіе начальники нерѣдко знали техническую часть завода гораздо лучше, чѣмъ непосредственно завѣдывавшіе ею управители. За то къ дѣламъ конторскимъ, или канцелярскимъ они относились съ значительно меньшимъ рвеніемъ, предоставляя главнѣйшую заботу о

надлежащемъ ихъ веденіи секретарю и другимъ горнымъ чиновникамъ. А послѣдніе, само-собой, пользовались этимъ и, вліяя на тотъ или иной исходъ болѣе интересныхъ дѣлъ, играли, въ заводской администраціи, довольно видную роль. Если подобное обстоятельство и не нравилось другимъ служащимъ, то, все же, волей-неволей, они вынуждены были мириться съ нимъ и признать его неизбѣжнымъ.

Къ представителямъ втораго типа относились начальники кабинетные, удѣлявшіе, наоборотъ, бо̀льшую часть времени дѣламъ, чисто канцелярскимъ. Они внимательно пропускали черезъ свои руки всевозможные рапорты, донесенія, представленія, справки, вѣдомости, отчеты и т. п. Они, такъ сказать, всецѣло погружались въ бумажное, канцелярское море, а потому аккуратно просиживали по 4—5 часовъ въ конторѣ и по столько же, если еще не болѣе, на дому, въ своемъ кабинетѣ.

Входя во всѣ мелочи заводскаго хозяйства и усердно радѣя о соблюденіи экономіи и сокращеніи расходовъ, они не только не достигали этого, но даже иногда сами способствовали ихъ увеличенію.

Они, напримѣръ, никогда не разрѣшали сразу управителю испрашиваемую имъ цѣну, изъ двухъ цифръ, наименьшей и наибо̀льшей, на заготовку какого-либо матеріала, а сперва утверждали первую изъ нихъ. Между тѣмъ, по полученіи разрѣшенія, на что̀ требовалось не менѣе недѣли, цѣна на матеріалъ поднималась и уже нѣсколько превышала, утвержденную начальникомъ, минимальную. Управитель вторично входилъ съ представленіемъ, испрашивая уже болѣе высокія цѣны, а начальникъ опять-таки предписывалъ заготовить по минимальной изъ нихъ, которая, ко времени полученія предписанія, снова успѣвала повыситься.

Послѣдствіемъ подобной процедуры являлась, въ концѣ-концовъ, заготовка матеріала по цѣнѣ болѣе высокой противу той, которая испрашивалась управителемъ первоначально.

Въ заводскія фабрики такіе начальники заглядывали рѣдко, не болѣе раза въ недѣлю, предоставивъ всецѣло всю техническую часть управителю. Послѣдній поэтому пользовался несравненно большею самостоятельностью въ своихъ дѣйствіяхъ, между тѣмъ какъ секретарь уже далеко не имѣлъ такого значенія, какое доставалось на его долю при начальникѣ перваго типа.

Третій типъ начальниковъ занималъ какъ бы середину между двумя первыми. Они одинаково заботливо относились ко всѣмъ отраслямъ управленія, обращая, главнымъ образомъ, вниманіе не на мелочи, а на самую суть дѣла. Они резонно разсуждали, что подробно вникать и входить во все и, такъ сказать, провѣрять и контролировать сдѣланное разными служащими, одному человѣку не по силамъ

и что для этого у него имѣется достаточный штатъ инженеровъ и чиновниковъ.

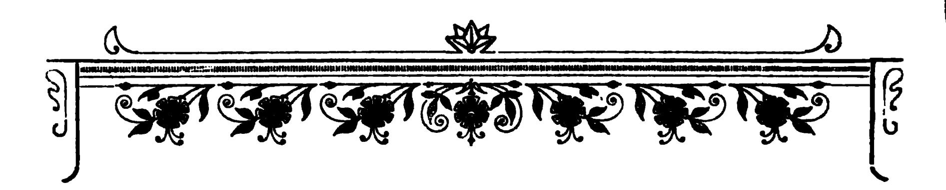
Такіе начальники считались наилучшими и наиболѣе полезными дѣятелями. Это были настоящіе начальники—администраторы, каковыми, въ сущности, они и должны быть въ дѣйствительности. Какъ не особенно долюбливали заводскіе служащіе начальниковъ первыхъ двухъ типовъ, такъ, наоборотъ, начальники третьяго типа пользовались наибольшими любовью и уваженіемъ своихъ подчиненныхъ.

Только въ отношеніи разъ установленнаго порядка, всѣ они поступали одинаково, т. е. довольно строго слѣдили за тѣмъ, чтобы подвѣдомственныя имъ лица неуклонно исполняли свои обязанности, аккуратно являлись въ присутственныя мѣста и просиживали тамъ, положенное для занятій, время. Но, предъявляя къ подчиненнымъ подобныя требованія, они не возбраняли имъ, въ свободное отъ занятій время, пользоваться разными общественными развлеченіями, охотно оказывая, съ своей стороны, полное къ тому содѣйствіе.

Въ общественной жизни всѣ горные начальники держали себя почти одинаково, охотно и радушно принимая у себя, принадлежащихъ къ ихъ кругу, заводскихъ чиновниковъ и, въ свою очередь, посѣщая семейные дома послѣднихъ. Въ этихъ случаяхъ, они, слѣдуя старинному изреченію: „служба службой, а дружба дружбой“, относились одинаково просто, любезно и привѣтливо ко всѣмъ, безъ различія, членамъ общества.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ВОСПОМИНАНІЯ

Софьи Алексѣевны Лайкевичъ.

Настоящія воспоминанія, касающіяся, преимущественно, эпизода ссылки извѣстнаго мистика А. Ѳ. Лабзина въ Сенгилей и Симбирскъ въ 1822 году, получены мною отъ внучатной племянницы С. А. Лайкевичъ—Ольги Михайловны Леонтьевой, рожд. Людоговской, которой считаю пріятнымъ долгомъ принести выраженіе моей искренней благодарности.

Обстоятельства высылки Лабзина изъ Петербурга въ значительной степени уже извѣстны по статьямъ, печатавшимся въ нашихъ историческихъ журналахъ; но воспоминанія С. А. Лайкевичъ, свидѣтельницы и участницы всего того, что перенесъ опальный Лабзинъ, сдѣлавшійся жертвой непостояннаго и измѣнчиваго характера императора Александра I, имѣютъ особенную цѣнность какъ по достовѣрности и откровенности сообщаемыхъ въ нихъ свѣдѣній, такъ и по многимъ любопытнымъ подробностямъ, доселѣ неизвѣстнымъ. Составляя центральную фигуру среди описываемыхъ С. А. Лайкевичъ лицъ, Лабзинъ, естественно, занимаетъ и большую часть ея воспоминаній; но не лишены цѣнности разсказы автора о ея дѣтствѣ, воспитаніи и жизни въ семьѣ пріемныхъ ея родителей. Образъ ея „второй матери", Анны Евдокимовны Лабзиной, женщины благочестивой, проникнутой мистическими убѣжденіями, развившимися на почвѣ перенесенныхъ ею жизненныхъ невзгодъ [1]) и окрѣпшими подъ могущественнымъ вліяніемъ ея мужа, а также и онъ самъ, вѣчно занятый пропагандой своихъ идей, гордый и независимый, окруженный людьми разнородныхъ слоевъ общества, надѣявшимися въ характерномъ для той эпохи мистицизмѣ найти выходъ изъ мрачнаго, подавленнаго состоянія, въ которомъ на-

---

[1]) О которыхъ она также оставила свои воспоминанія, изданныя мною въ 1903 г. („Воспоминанія А. Е. Лабзиной",—при „Русской Старинѣ" 1903 г. и отд. изд., С.-Пб. 1903 г.).

ходилась тогда большая часть мыслящаго общества,—образы ихъ обоихъ прекрасно обрисовываются въ настоящихъ воспоминаніяхъ.

Софья Алексѣевна, по отцу — Мудрова, родилась въ Вологдѣ 16-го сентября 1797 г., вскорѣ потеряла мать, а въ 1801 году лишилась и отца. Оставшись круглою сиротой, она попала въ домъ Лабзиныхъ, съ которыми только-что передъ тѣмъ познакомился ея дядя, Матвѣй Яковлевичъ Мудровъ, извѣстный впослѣдствіи врачъ и профессоръ Московскаго Университета, отправлявшійся тогда за-границу. Неимѣвшіе собственныхъ дѣтей Лабзины, по словамъ П. А. Безсонова, „взяли дѣвочку къ себѣ, воспитали, выучили ее языкамъ и другимъ необходимымъ предметамъ и воспитали въ благочестіи. Они любили ее, какъ дочь, и она любила и почитала ихъ, какъ родителей, и послѣдовала за ними въ изгнаніе. Она была умна, жива, кротка и благочестива“ [1]). Дѣвочка росла въ суровой обстановкѣ, которой Лабзины намѣренно придавали еще болѣе суровости, разсчитывая на худшее, что могло ожидать въ жизни ихъ воспитанницу. Но подъ этой суровостью скрывалась горячая любовь къ сиротѣ, особенно со стороны А. Е. Лабзиной. „У нея характеръ самый лучшій: умна, осторожна и всѣ вещи разсматриваетъ очень ясно и чисто видитъ“, писала про нее Лабзина въ 1819 году въ своемъ дневникѣ [2]). Не будучи въ состояніи обезпечить бѣдную дѣвушку состояніемъ, котораго они и сами не имѣли, Лабзины тревожились этимъ и разсчитывали въ этомъ отношеніи на дядю сироты—М. Я. Мудрова, человѣка со средствами. „Что за лѣнь, мой другъ, на тебя напала“, приписывала А. Е. Лабзина въ письмѣ Софьи Алексѣевны къ дядѣ отъ 1-го іюня 1819 г.: „что ты не отвѣчаешь на мое письмо ничего? Кажется, не мудрено сказать два слова: да или нѣтъ и дать мнѣ знать участь той, которая живетъ въ сердцѣ моемъ, и для которой, кажется, я живу. Горько будетъ умирать мнѣ, не знавши ея участи! Съ чѣмъ и какъ она останется? Я бы желала, чтобы она ни отъ кого не зависѣла и никому не была въ тягость, и это меня, признаюсь вамъ, сокрушаетъ очень. Никто ея не знаетъ такъ хорошо, какъ я, и чувствъ ея никто не будетъ знать безъ меня“ [3]). Дядя обѣщалъ-было подарить племянницѣ одинъ изъ принадлежавшихъ ему въ Москвѣ домовъ, но намѣренія этого не исполнилъ. Однако, когда въ 1825 и 1828 гг. сирота лишилась и пріемныхъ своихъ родителей и думала уже о поступленіи въ монастырь, дядя уговорилъ ее остаться жить у него, а въ 1829 или 1830 г. выдалъ замужъ за отставного армейскаго капитана и бывшаго судью

[1]) „Русскій Архивъ“ 1866 г., ст. 846.

[2]) „Воспоминанія А. Е. Лабзиной“, С.-Пб. 1903 г., стр. 113.

[3]) См. въ статьѣ моей „Изъ архива И. Е. Великопольскаго“, въ „Русской Старинѣ“ 1901 г., № 7, стр. 179 и отд. оттискъ, С.-Пб. 1901 г., стр. 26.

Можайскаго уѣзднаго суда Николая Петровича Лайкевича. Бракъ этихъ, уже не молодыхъ людей былъ устроенъ Мудровымъ довольно просто. Лайкевичъ, раненный на войнѣ, страдалъ ипохондріей и лѣчился у Мудрова. Однажды послѣдній пригласилъ своего паціента къ себѣ обѣдать. „Вотъ вы все хандрите, Николай Петровичъ", сказалъ онъ: „а противъ этого есть вѣрное лѣкарство — нужно только жениться". Лайкевичъ возразилъ, что нельзя жениться, не имѣя невѣсты. Вслѣдъ затѣмъ въ комнату вошла Софья Алексѣевна, и Мудровъ, указывая на племянницу, сказалъ: „Вотъ вамъ невѣста! Нравится ли она вамъ?"— У Николая Петровича вырвалось невольное „да", и Мудровъ, пользуясь его смущеніемъ, обратился къ вошедшему въ это время священнику съ просьбою благословить нареченныхъ [1])... Послѣ свадьбы Софьи Алексѣевна поселилась въ имѣніи мужа—с. Глазовѣ, Можайскаго уѣзда [2]), а затѣмъ большую часть жизни проживала въ Москвѣ и, по словамъ П. А. Безсонова, „была доброю женою и хорошею матерью". Она овдовѣла въ апрѣлѣ 1861 года, а въ 1862 году лишилась и старшаго своего сына Петра (род. въ 1831 г.), служившаго въ Московскомъ губернскомъ правленіи; второй сынъ ея, Павелъ, воспитывавшійся, какъ и братъ его, въ Московскомъ дворянскомъ институтѣ, служилъ въ Канцеляріи Московскаго генералъ-губернатора и скончался въ психіатрической больницѣ въ 1883 году.

При выходѣ замужъ, Софья Алексѣевна получила, вмѣстѣ съ приданымъ, нѣсколько портретовъ, принадлежавшихъ ея воспитателямъ, напр., портретъ самого Лабзина (работы Боровиковскаго) [3]), подаренный въ 1871—1872 г., вмѣстѣ съ другими портретами, ея сыномъ Павломъ въ галлерею Московскаго Румянцовскаго музея въ Москвѣ; портретъ князя Гр. Ал. Долгорукова (работы Левицкаго) [4]) и нѣкоторые другіе, а равно бюстъ (гипсовый) Лабзина, и до сихъ поръ находящійся въ с. Глазовѣ, у Мих. Мих. Людоговскаго.

С. А. Лайкевичъ скончалась въ Москвѣ, въ январѣ 1870 г.; погребена она рядомъ съ мужемъ и дѣтьми на Ваганьковскомъ кладбищѣ.

Воспоминанія свои она написала въ 1867 году.

Павловскъ, 6-го февраля 1905 г. **Б. Л. Модзалевскій.**

---

[1]) Сообщено Николаемъ Львовичемъ Людоговскимъ.

[2]) Н. П. Лайкевичъ (род. 8-го апрѣля 1786 † 2-го апрѣля 1861) былъ въ Можайскѣ судьей уѣзднаго суда; въ 1830-хъ годахъ онъ состоялъ, въ чинѣ надв. совѣт., почетнымъ смотрителемъ Гжатскаго уѣзднаго училища Смоленской губерніи, гдѣ директоромъ училищъ былъ его зять, Левъ Ѳедоровичъ Людоговскій, женатый на Александрѣ Петровнѣ Лайкевичъ.

[3]) Воспроизведенъ при изданныхъ мною „Воспоминаніяхъ А. Е. Лабзиной", С.-Пб. 1903 г.

[4]) См. С. П. Дягилевъ, Русская живопись въ XVIII в., т. I, стр. 31.

Отецъ и мать остависта мя, Господь воспріятъ мя.

Я стала круглой сиротой четырехъ лѣтъ отъ рожденія; родина моя—Вологда.

Я родилась 1797 года въ канунъ дня памяти святой мученицы Софіи [1]), почему и наречена дѣдомъ моимъ по отцу [2]) Софіею.

Не знаю, когда семья наша переѣхала въ Петербургъ, гдѣ мать моя, послѣ четвертыхъ родовъ, скончалась. Отъ этой потери у меня остались только въ памяти розовый гробъ, при выносѣ коего—мужчина (конечно отецъ мой) [3]), бросившійся на оный, далѣе пустота въ домѣ на время, и болѣе ничего.

Въ продолженіе года, отецъ мой задумалъ жениться; я помню сговоръ; невѣста его ласкала меня, повѣсила мнѣ на шею жемчугъ для забавы, но окончиться начатому не суждено было: женихъ, почувствовавъ дурноту, хотѣлъ выдти, но на порогѣ упалъ и испустилъ духъ, отъ поразившаго его апоплексическаго удара [4]). Впослѣдствіи времени, я слышала отъ родной тетки моей, что въ предсмертныхъ страданіяхъ сестры ея отчаянный мужъ клялся, что никогда не женится, на что умирающая сказала ему: „Ахъ, не клянись!“ И такъ Господь не допустилъ его до грѣха.

Смерть отца не сдѣлала на меня никакого впечатлѣнія. Я осталась на рукахъ бабушки, имѣвшей свои заботы и малыя средства; (она) не могла меня воспитывать, почему дядя мой по отцу [5]) взялъ эту заботу на себя, чтобъ меня пристроить.

Помню, какъ бабушка, нарядивъ меня въ новенькій платочекъ синенькій (вѣроятно буковой краски), который я дорогой съ наслажденіемъ нюхала, привела меня въ церковь, гдѣ я пріобщена была Святыхъ Христовыхъ Таинъ; затѣмъ дядя увелъ меня. Не помню, какъ я была передана моимъ воспитателямъ, и грустила ли, вѣроятно—да, ибо въ дѣтствѣ я была очень слезлива, почему папенька Александръ Ѳедоровичъ Лабзинъ [6]), второй отецъ мой, называлъ меня часто:

---

[1]) Т. е. 16-го сентября.

[2]) Яковомъ Ивановичемъ Мудровымъ; онъ былъ священникомъ Вологодскаго дѣвичьяго монастыря.

[3]) Алексѣй Яковлевичъ Мудровъ.

[4]) Это было въ мартѣ—апрѣлѣ 1801 г.

[5]) Матвѣй Яковлевичъ Мудровъ (род. въ Вологдѣ 1772 г., ум. въ С.-Петербургѣ въ 1831 г., отъ холеры), впослѣдствіи извѣстный врачъ-практикъ, профессоръ Московскаго Университета.

[6]) Извѣстный мистикъ, писатель, издатель „Сіонскаго Вѣстника“; о немъ см. мою брошюру: „Александръ Ѳедоровичъ Лабзинъ“. Отдѣльный оттискъ изъ „Русскаго Біографическаго Словаря“, С.-Пб. 1904 г.

„Сильфида Зефиротовна Слезова“. Маменька, Анна Евдокимовна Лабзина [1]), вторая мать моя, сама учила меня азбукѣ, но, вѣроятно, я была тупа, что она, соскуча непонятной ученицей, отсылала меня на верхъ къ бабушкѣ, матушкѣ-свекрови своей [2]), которая меня любила и была ко мнѣ снисходительна; я отирала слезы и легко выучивала урокъ.

Дядя мой скоро уѣхалъ за-границу [3]), благословивъ меня образомъ преподобнаго Сергія Радонежскаго. Родительское наслѣдство заключалось въ маленькомъ кованомъ сундучкѣ, въ которомъ были два перстня (конечно, вѣнчальные), которые я не умѣла сохранить, два серебряныхъ рубля съ портретомъ Петра Перваго, жемчужное ожерелье, вѣнчальное платье матери моей,—розовое гродетуровое (отданное потомъ въ Глазовскую [4]) церковь) и нѣсколько серебряныхъ бездѣлушекъ.

Не знаю, гдѣ служилъ мой отецъ; кажется, я слыхала,—по удѣльной части, то мнѣ, какъ круглой сиротѣ, выхлопотали его годовое жалованье, при письмѣ Габлица [5]), вѣроятно, — его начальника. Деньги лежали въ Опекунскомъ Совѣтѣ до совершеннолѣтія; потомъ онѣ были получены, но не знаю, сколько ихъ накопилось, ибо на что̀ онѣ были мнѣ? Припомнила еще слышанное мною объ отцѣ моемъ, что воспріемникомъ его отъ купели былъ Сперанскій [6]), въ свое время государственный человѣкъ.

По отъѣздѣ дяди моего, я и родной бабушки своей не видала: вдолгѣ я узнала, что она нерѣдко, проходя нарочно мимо, видѣла меня, поставленную дѣвушками на окошко; это ее, бѣдную, утѣшало, а я ее не узнавала.

Благодѣтели мои, не знаю въ которомъ году, ѣздили въ великій

---

[1]) А. Е. Лабзина, рожд. Яковлева, по первому браку Карамышева (род. 1758 г., ум. 1828 г.); о ней см. „Воспоминанія А. Е. Лабзиной. Съ предисловіемъ и примѣчаніями Б. Л. Модзалевскаго. Съ портретами А. Ѳ. и А. Е. Лабзиныхъ“, С.-Пб. 1903 г.

[2]) Екатерина Васильевна Лабзина, мать А. Ѳ. Лабзина; она умерла въ Петербургѣ, 2-го ноября 1814 г., 98 лѣтъ отъ роду; погребена на Смоленскомъ кладбищѣ.

[3]) М. Я. Мудровъ выѣхалъ изъ Петербурга въ іюлѣ 1802 г.

[4]) Имѣніе Глазово, Можайскаго уѣзда, Московской губерніи, принадлежавшее мужу автора воспоминаній, Н. П. Лайкевичу; нынѣ имъ владѣютъ Людоговскіе.

[5]) Карлъ Ивановичъ Габлицъ (род. 1752 г., ум. 1821 г.), впослѣдствіи тайн. совѣт., сенаторъ, съ 1797 г.—членъ экспедиціи государственнаго хозяйства, товарищъ министра Департамента удѣловъ, писатель.

[6]) Здѣсь какая-нибудь неточность: Сперанскій родился въ 1772 г., а Мудровъ былъ старше его; къ тому же Сперанскій не имѣлъ никакого отношенія къ Вологдѣ.

постъ въ Москву и меня брали съ собой; я сидѣла въ повозкѣ между ними, и по дурной ухабистой дорогѣ, по которой лошади уходили внизъ и выходили на верхъ, я говорила, что лошади дѣлаютъ книксены. Въ Москвѣ, помнится мнѣ, мы останавливались въ домѣ Хераскова [1]), и я, сидя за обѣдомъ, не взяла жареной телятины; Елизавета Васильевна Хераскова [2]) спрашиваетъ меня: „Что ты, душа моя, не кушаешь?“ и маменька, сидѣвшая со мной рядомъ, объ этомъ же меня спрашиваетъ; я ей тихонько отвѣчала: „Бабушка не велѣла ѣсть скоромнаго“. Маменька передала слова мои хозяйкѣ, которая меня урезонила: „Кушай, душа моя, телятина жарена въ постномъ маслѣ“,—и я успокоилась. Помню, что я въ Москвѣ была нездорова отъ перемѣнной воды, а возвратившись назадъ въ Петербургъ, вѣроятно дорогой, простудилась; у меня сдѣлалась водяная, я вся распухла, и помнится, что пріобщали или хотѣли меня пріобщать,—точно не знаю. По выздоровленіи моемъ, взяли ко мнѣ дворовую дѣвочку однихъ со мною лѣтъ для поощренія въ ученьѣ, потому что наступило время серьезнаго моего ученья. Мнѣ дали учителя, который училъ меня всѣмъ предметамъ и занимался со мною нѣсколько лѣтъ [3]). Кстати, пришелъ мнѣ на мысль одинъ случай, который, однако, показываетъ дѣтскую во мнѣ гордость и неблагодарность. Разъ сидѣли мы за обѣдомъ; мое мѣсто всегда было между бабушки и маменьки; разговаривая о разныхъ предметахъ, вдругъ папенька меня спрашиваетъ: „А что, Сонюшка, если бы мы тебя выгнали, куда бы ты пошла?“ Какъ молнія блеснула мнѣ мысль: „коли-бы я была виновата, я бы просила прощенія, а я ничего худого не сдѣлала, то за что я буду просить прощеніе?“—и я скоро отвѣтила: „Я бы пошла къ Михаилу Ивановичу“ (это имя моего учителя), на что папенька сказалъ: „О, коли такъ, такъ иди къ своему Михайлу Ивановичу!“ Отодвинувши стулъ мой отъ стола, я горько заплакала и пошла въ сѣни; идучи по большой столовой, я слышала голосъ бабушки, которая говорила: „Не стыдно тебѣ, Александръ Ѳедоровичъ!“ Стоя, выгнанная, я видѣла кушанья, несенныя мимо меня, но, конечно, мнѣ было не до ѣды,—мнѣ стыдно было лакеевъ. Молю Бога за благодѣтелей

---

[1]) Михаила Матвѣевича, въ домѣ котораго, въ 1774—1775 гг., жила А. Е. Лабзина.

[2]) Жена М. М. Хераскова, рожд. Неронова, писательница.

[3]) До того съ Софьей Алексѣевной занимался Дм. Еф Василевскій, въ 1810—1819 гг. бывшій учителемъ русской словесности, миѳологіи и всеобщей исторіи въ Академіи Художествъ (при Лабзинѣ), впослѣдствіи орд. профессоръ Московскаго Университета по каѳедрѣ правъ политическаго и народнаго (см. о немъ въ письмѣ С. А. Мудровой и А. Е. Лабзиной къ М. Я. Мудрову, напечатанномъ мною въ „Русской Старинѣ“ 1901 г., іюль, стр. 178—180).

моихъ, съ ранняго дѣтства учившихъ меня смиренію и терпѣнію, необходимымъ въ продолженіе жизни, особенно для женщины.

Къ предметамъ ученья моего окончательнаго прибавилось рисованье и музыка; первому училъ меня извѣстный въ свое время Витбергъ [1]). Однажды, когда я рисовала безъ учителя, подходилъ къ классному столу моему посѣщавшій иногда папеньку и читавшій съ нимъ проповѣдь, которую онъ хотѣлъ говорить, бывшій еще тогда ректоромъ Академіи архимандритъ Филаретъ, нынѣ митрополитъ Московскій [2]); взглянулъ милостиво на мое маранье и благословилъ меня.

Природа не наградила меня большими способностями, и я, имѣвъ хорошихъ учителей рисованья,—которые всегда поправляли оконченную мною работу; бренчанье мое на фортепьяно, какъ говорили, было довольно пріятно для слуха. Я имѣла учительницею музыки даму, знакомую маменькѣ, которая, по дружбѣ своей, учила меня; имя ея Анна Андреевна Пушкина [3]). Личность эта примѣчательна своею горестною жизнію, которую описалъ стихами папенька, а она, бывъ отличною музыкантшею и пѣвицей, положила на музыку; помѣщаю эти стихи, хотя неоконченные. Первые періоды ея несчастій видны изъ стиховъ; затѣмъ, положивъ все свое состояніе на воспитаніе единственнаго сына [4]), она вполнѣ была вознаграждена. Онъ превосходно учился, такъ что, по окончаніи ученья, служилъ въ свитѣ, но, по недоброжелательству Аракчеева, долженъ былъ, наконецъ, перемѣнить службу и былъ преподавателемъ въ Лицеѣ. Непріятности по первой службѣ и частыя поѣздки въ Царское Село въ непогоду разстроили

---

[1]) Александръ Лаврентьевичъ (ум. 1855), членъ Масонской ложи Лабзина извѣстный своимъ проектомъ храма Христа Спасителя на Воробьевыхъ горахъ; одно время онъ былъ очень близокъ къ семьѣ Лабзиныхъ.

[2]) Впослѣдствіи одинъ изъ ревностныхъ гонителей Лабзина.

[3]) Рожденная Мижукова, жена стат. совѣт., предсѣдателя (1792 г.) С.-Петербургской палаты уголовнаго суда Михаила Алексѣевича Пушкина, скончавшагося около 1793 года; его родная сестра, Марія Алексѣевна, была за Осипомъ Абрамовичемъ Ганнибаломъ и приходилась бабкою А. С. Пушкину.

[4]) Алексѣя Михайловича (род. 1792 г., ум. 1821 г.), автора „Курса полевой фортификаціи“ (Н. П. Глиноецкій. Исторія Русскаго Генеральнаго Штаба, т. I, С.-Пб. 1883 г., стр. 419); въ 1809 г. онъ окончилъ курсъ Пажескаго корпуса и былъ выпущенъ въ Мушкатерскій графа Аракчеева полкъ, въ 1810 г. переведенъ въ свиту его величества по квартирмейстерской части, въ 1816 г. вышелъ въ отставку и въ 1817 г. поступилъ въ Департаментъ духовныхъ дѣлъ, въ томъ же году перешелъ учителемъ военныхъ наукъ и инспекторскимъ помощникомъ въ Благородный пансіонъ С.-Петербургскаго Университета (гдѣ при немъ воспитывался братъ поэта, Левъ Сергѣевичъ Пушкинъ), въ 1819 г. преподавалъ военныя науки и въ Горномъ корпусѣ, а въ ноябрѣ 1820 г. опредѣлился учителемъ тѣхъ же наукъ въ пансіонъ Царскосельскаго Лицея, но вскорѣ скончался.

его здоровье, отъ природы слабое: онъ скоро умеръ отъ удара, и бѣдной матери осталося только въ пансіонъ полное жалованье сына. Вотъ слова романса, о коемъ выше писано:

1.

Рокъ мой жестокой
Всю злость на мнѣ явилъ,
Въ безднѣ глубокой
Судьбу мою сокрылъ.

2.

Что будетъ, то не знаю,
А что уже прошло, —
Когда въ умѣ считаю, —
Лишь вижу бѣдъ число.

3.

Отъ дѣтской колыбели
До самыхъ зрѣлыхъ лѣтъ
Несчастія летѣли
Всегда за мной во слѣдъ.

4.

Оставшись сиротою,
Не знала счастья я;
Ласкалася мечтою:
Найдетъ оно меня!

5.

Но въ возрастъ лишь приспѣла,
Лишь чувства развились,
Судьба разсвирѣпѣла,
Печали начались.

6.

Мнѣ сердце тутъ сказало.
„Нельзя быть сиротой“;
Мнѣ сердце указало,
Съ кѣмъ вѣкъ найти иной.

7.

Польстило, дало друга...
Я мнила — процвѣла;
Дала судьба супруга
И тотчасъ отняла.

8.

Рокъ мой жестокой
Свой гнѣвъ не утолилъ,
Быть одинокой
Опять опредѣлилъ...

9.

Судилъ мнѣ вѣчно рваться,
Тоской себя томить,
Лишь вздохами питаться
И слезы чашей лить.

10.

Мой томный духъ унылой
Не зритъ бѣдамъ конца;
Лишь ты, младенецъ милой,
Утѣха безъ отца.

11.

Рокъ мой суровой
Потщуся умолить,
Жертвой готовой
Въ немъ лютость утолить.

12.

О рокъ! Къ тебѣ взываю,
Коль ты неумолимъ:
Себя тебѣ вручаю,
Лишь сжалься ты надъ нимъ!

13.

Святая добродѣтель,
Будь спутницей моей
И буди ты содѣтель
Ему счастливыхъ дней!

Я ходила къ ней два раза въ недѣлю брать урокъ; въ одинъ изъ такихъ дней я шла одна, безъ провожатаго, какъ вдругъ чувствую, что кто-то сзади меня обнялъ и сильно отодвинулъ меня назадъ: въ самое это мгновенье мимо моего носа стремглавъ проскакалъ верховой... Я обернулась, чтобы видѣть, кто меня спасъ отъ смертной опасности: это былъ неизвѣстный старичокъ. Я была такъ глупа и испугана, что и не поблагодарила его, но, конечно, душа его была болѣе утѣшена, сдѣлавъ доброе дѣло.

Строгость, подъ которою я росла, кажется, умножала и любовь

мою къ маменькѣ. Вотъ вѣрный образецъ ея со мною обращенія. Три раза въ годъ она меня цѣловала, а именно: послѣ причащенія моего Святыхъ Таинъ, въ день Свѣтлаго Воскресенія и въ день моихъ именинъ, а въ прочее время подавала мнѣ руку, послѣ чего имѣла привычку отряхивать оную, какъ будто замаралась отъ губъ моихъ. Иногда, провинившись, я стояла передъ ея спальней на колѣняхъ по нѣсколько часовъ, повторяя жалобно: „Маменька, голубушка, простите меня!" и если, утомившись, уходила спать не прощенная, то на утро получала строгій выговоръ: какъ я могла спать, не получа прощенія. Конечно, я это заслуживала, но по дѣтству не припомню своихъ винъ.

Я вставала рано для уроковъ, особенно зимою, по субботамъ; учитель приходилъ въ семь часовъ поутру, потомъ я продолжала заниматься, съ нетерпѣніемъ посматривая на дверь, изъ которой услышу вожделѣнный голосъ: „Пожалуйте чай кушать". А это не ранѣе бывало десяти часовъ, а часто и позже. Мнѣ приказано было вести дневникъ моихъ занятій, мыслей и чувствъ [1]); это было совершенное для меня мученье: надобно было, чтобы сегодняшній день не походилъ на вчерашній, и я, бывало, обгрызу до крови ногти, покуда что придумаю. Она и сама вела журналъ, жаль, что онъ не могъ сохраниться [2]). Ученье мое разнообразилось домашними театрами въ дни именинъ маменьки. Въ первый разъ я говорила стихи, сочиненные папенькой къ имениницѣ; вотъ они, сколько могли въ памяти моей удержаться; не помню, однако, первыхъ строкъ, а потомъ:

Къ тебѣ я рѣчь склоню, виновница веселья,
Любезная мнѣ мать и вѣрный мнѣ залогъ,
Что съ дѣтства обо мнѣ печется щедрый Богъ:
Его меня тебѣ вручило Провидѣнье,
Его мнѣ даръ твоя любовь и попеченье.
Его и славлю я, Его благодарю,
Когда о милостяхъ твоихъ я говорю.
Онъ мнѣ поставилъ долгъ, которой не нарушу,—
Тебѣ принадлежать; ты зришь мою всю душу
И знаешь чувства всѣ; тебѣ открыта я,
Тебѣ открыто то, что я вся, вся твоя.
Се дѣтской даръ любви, се жертва произвольна;
Все счастіе мое, когда ты мной довольна.
Живи, любезная, для счастья моего,
Для счастья всѣхъ, и намъ дороже то всего.

---

[1]) Этотъ дневникъ, къ сожалѣнію, остался намъ недоступенъ: его захватилъ одинъ изъ священниковъ с. Глазова и не возвратилъ владѣльцамъ.

[2]) Отрывки изъ дневника А. Е. Лабзиной, и то лишь за часть 1818 г., сохранились и напечатаны мною при изданіи ея „Воспоминаній", С.-Пб. 1903 г.

Потомъ дѣвочка Клеопатра на цыпочкахъ подкралась къ зрителямъ съ стихами:

Украдкой подхожу отъ дѣйствующихъ лицъ,
Чтобъ на ушко спросить всѣхъ дамъ, мужчинъ, дѣвицъ:
Актеры каковы? и каковы актрисы?
И сборный нашъ театръ и пестреньки кулисы?
Не правда ли, что все подобрано подъ масть?"
Но такъ какъ къ похвалѣ у всякаго есть страсть,
Которая и мной, признаться, что владѣетъ,
Но кто жъ, вы знаете, себѣ не порадѣетъ? —
То если праздникъ нашъ хотите раздѣлить,
Покорно васъ прошу и насъ повеселить:
Захлопайте-ка намъ! Еще! еще! сугубо! —
Отъ этой хлопотни намъ будетъ любо, любо!

Сама хлопаетъ въ ладоши и убѣгаетъ [1]). За дѣтскими пьесами послѣдовали драматическія, въ которыхъ находили, что я имѣла успѣхъ, но трагедіи мнѣ были не подъ силу: въ роли Антигоны въ „Эдипѣ" [2]) я обливалась слезами отъ неудачи. У насъ раздавались предъ представленіемъ афишки: „Ея Превосходительства притворными актерами представлено будетъ то-то и то-то". Театръ былъ устроенъ въ домѣ Черевина [3]), на Васильевскомъ островѣ, въ 20-й линіи, и прикрывалъ собою находящуюся въ немъ же масонскую ложу [4]), куда всѣ собирались въ назначенные дни, для своихъ дѣйствій. Я помню, что самый торжественный день былъ Рождество Іоанна Крестителя [5]).

Такъ текло время моего дѣтства. Чрезъ нѣсколько лѣтъ, а именно въ 1809-мъ году возвратился изъ-заграницы дядя мой [6]); при первомъ свиданіи съ нимъ я ощутила въ себѣ что-то необыкновенное.

[1]) Будучи конференцъ-секретаремъ, а потомъ вице-президентомъ Академіи Художествъ, Лабзинъ часто устраивалъ для воспитанниковъ академіи домашніе спектакли, на которыхъ игрались юношами (иногда при личномъ его участіи) небольшія пьесы собственнаго сочиненія Лабзина; дѣлалось это съ образовательными цѣлями.

[2]) „Эдипъ въ Аѳинахъ", трагедія Озерова (1805 г.).

[3]) Александръ Григорьевичъ Черевинъ, надв. совѣт. (ум. 1818 г.), масонъ Лабзинской ложи; онъ былъ женатъ на Александрѣ Павловнѣ Руничъ, сестрѣ печальной памяти Д. П. Рунича, одно время горячаго приверженца Лабзина

[4]) Ложа Лабзина—„Умирающій Сфинксъ"—была открыта имъ 15-го января 1800 г. и прекратила свои собранія въ 1822 г.

[5]) Іоаннъ Креститель считался покровителемъ масоновъ. Высшую степень масонства составляли „братья Іоанновскихъ степеней".

[6]) М. Я. Мудровъ возвратился изъ-за границы въ 1808 году („Слов. профессоровъ Москов. унив.", т. II, М. 1855 г., стр. 123).

Въ одно утро я и Клеопатра, моя компаньонка, находились въ комнатѣ у маменьки; слышу, что папенька идетъ съ кѣмъ-то и говоритъ ей: „Я къ тебѣ, матушка, веду гостя" и назвалъ фамилію, но я не вслушалась. Мужчина, вошедшій, поздоровался съ маменькой, потомъ папенька обращается къ намъ—дѣвочкамъ и говоритъ ему: „Узнай, которая твоя?" Покуда гость глядѣлъ на насъ, я почувствовала трясеніе во всемъ существѣ моемъ, и если-бъ не диванъ, у котораго стояла и за него держалась, то вѣрно бы упала. Дядя мой, указавъ на меня, нѣжно обнялъ и поцѣловалъ. Не могу сказать, чтобы я полюбила его. Папенька, желая его потѣшить, перевелъ русскую пѣсню:

Ой на горѣ дубъ, дубъ,
Подъ горою сосна;
Мужъ жену билъ одинъ часъ,
А плакалъ недѣлю;
Сушилъ, крушилъ ясны очи
По четыре ночи

на латинскій языкъ, а я съ дѣвочкой Клеопатрой дуэтомъ пропѣли ему:

Ге инъ монте стабатъ кверкусъ
Севъ бетала альба;
Интеръ кверкумъ беталамкве
Амнисъ профлуебатъ,
Амнисъ, амнисъ лимпидоза,
Аква фригидоза, муліеръ формоза

и такъ далѣе [1]).

Я припомнила заученное болѣе нежели за пятьдесятъ лѣтъ; мудрено не ошибиться!

За обѣдомъ дядя всегда сидѣлъ со мною рядомъ, и помню, при подачѣ телятины, всегда говорилъ: „Целенцина, ah! comme c'est tendre!"—вѣрно вспоминалъ Италію [2]).

Благодѣтели мои формально хотѣли меня усыновить; не знаю, почему это не совершилось: дядя ли мой не пожелалъ, или что другое помѣшало. Дядя мой недолго пробылъ въ Петербургѣ, уѣхалъ въ Москву жениться [3]), и я до 1819 года [4]) его не видала. Наконецъ, кончи-

---

[1]) О подобныхъ переводахъ см. у Е. А. Боброва въ брошюрѣ: „Мелочи изъ исторіи русской литературы. I—VI", Варшава. 1905, стр. 6—8.

[2]) Въ Италіи Мудровъ не былъ, а былъ въ Вильнѣ, гдѣ, вѣроятно, немного научился польскому языку.

[3]) М. Я. Мудровъ былъ женатъ на Софьѣ Харитоновнѣ Чеботаревой (род. въ 1786 г., ум. 10-го августа 1833 г. въ имѣніи зятя своего Ив. Ерм. Великопольскаго—с. Чукавинѣ, Старицкаго уѣзда Тверской губ.), дочери профессора Московскаго университета Х. А. Чеботарева.

[4]) Когда Лабзины проѣзжали черезъ Москву на минеральныя воды въ с. Рай-Семеновское (см. ниже).

лось мое ученье; этого вожделѣннаго времени я нетерпѣливо ожидала; затѣмъ начались экзамены отъ папеньки за обѣдомъ, потому что онъ другого свободнаго времени не имѣлъ; они лишали меня аппетита, ибо часто были неудачны. Въ подобное же время онъ относился къ старшей своей сестрѣ Аннѣ Ѳедоровнѣ [1]) съ сими словами: „Въ которой это главѣ и стихѣ у такого-то Апостола сказано?“ (и онъ говорилъ текстъ); она немедля ему отвѣчала вѣрно, которая глава и стихъ: такъ она тверда была въ священномъ писаніи. Его же занятіемъ было всегда поправлять корректуру за обѣдомъ, чтобъ не терять время.

Возвращаясь къ себѣ, скажу, что я училась, что называется, на мѣдныя деньги [2]), сравнительно съ воспитаніемъ другихъ, не говоря уже о настоящемъ времени, что̀ жалованье няньки-француженки равняется бывшему годичному ученью. А настоящее воспитаніе и обращеніе съ дѣтьми, сравнительно съ моимъ дѣтствомъ, такъ различно, какъ небо съ землею. До 1812-го года началъ посѣщать насъ какой-то старикъ, котораго всѣ называли „Папа“; онъ не понималъ по-русски ни слова; онъ называлъ себя графъ Лещицъ-Грабьянко [3]). Много собиралось на вечера, читали, онъ или другіе, не помню точно, на какомъ языкѣ и что такое; каждый членъ общества имѣлъ вмѣсто имени число цифръ [4]) и я въ томъ числѣ имѣла, не помню какое.

Тогда же бывала у насъ француженка Md. Датиньи, жившая у М. А. Нарышкиной [5]) при маленькой дочери отъ Г. А. П. [6]); ее всѣ называли Софа [7]); она потомъ умерла. Помнится, эти бесѣды про-

---

[1]) А. Ѳ. Лабзина скончалась дѣвицей.

[2]) Такъ, напримѣръ, Д. Е. Василевскій занимался съ нею „безо всякихъ интересовъ, хотя самъ бѣдный человѣкъ“, говорила А. Е. Лабзина („Русская Старина“ 1901 г., іюль, стр. 179).

[3]) Масонъ, членъ лже-мистическаго Авиньонскаго общества „Новаго Израиля“, задавшійся цѣлью возстановить Іерусалимское царство и для вербованія членовъ прибывшій въ 1806 — 1807 гг. въ Петербургъ, гдѣ, однако былъ арестованъ и вскорѣ умеръ. Это былъ странный человѣкъ, соединеніе фанатика съ авантюристомъ. Любопытныя свѣдѣнія о немъ см., между прочимъ, въ „Воспоминаніяхъ Ѳ. П. Лубяновскаго“, М. 1872 г., стр. 214—220 или „Русск. Архивъ“ 1872 г.) и статью М. Н. Лонгинова: „Одинъ изъ магиковъ XVIII в. (графъ Ѳаддей Грабіенко)“—въ „Русск. Вѣстн.“ 1860 г., т. XXVIII, стр. 579—603.

[4]) Такъ, напримѣръ, Д. П. Руничъ въ письмахъ своихъ къ Лабзину подписывался, обыкновенно, цифрою 5.

[5]) Марія Антоновна Нарышкина, рожд. кн. Четвертинская (род. 1779 г., ум. 1854 г.), знаменитая красавица своего времени, извѣстная близостью къ императору Александру I, жена Дмитрія Львовича Нарышкина.

[6]) Т. е. „Государя Александра Павловича“.

[7]) Софья Дмитріевна Нарышкина, род. въ 1808 г., умерла въ 1824 г., будучи помолвлена за графа Андрея Петровича Шувалова.

должались года полтора, потомъ этого „Папа“ посадили въ квартирѣ подъ арестъ, и онъ вскорѣ умеръ отъ апоплексическаго удара. Видно такъ было надобно. Въ присутствіи его, за ужиномъ, всегда въ честь его подавался огромный лещъ въ лучшемъ видѣ.

Все это было до 1812-го года; до сего времени я жила непочатою жизнью, потомъ она начала дѣлиться на неровныя части—минутнаго молодого восторга и затѣмъ долгой грусти. Ко мнѣ подходилъ французской романсъ: „A l'âge de quinze à seize ans on se dresse, on se pare, on se mire, le coeur fait tata... le coeur fait tata, le coeur fait tata... tata“. Я почуяла, что у меня есть сердце. Въ 1814 году я узнала первое горе: бабушка, мать моего пріемнаго отца и благодѣтеля, скончалась [1]); она меня любила и баловала, а болѣе всего учила молиться Богу, брала всегда съ собой ко всенощной, во время которой иногда, по слабости и преклонности лѣтъ, задремлетъ, а я, смотря на нее, любовалась. Мы всегда въ Академической церкви стояли отдѣльно въ ризницѣ, у самаго алтаря, и потому я могла видѣть при открытыхъ дверяхъ всю божественную литургію; это бы было рѣдкое душевное наслажденіе, если бы не первая моя молодость, разсѣянность и невниманіе. Впрочемъ, у меня навсегда осталось въ памяти впечатлѣніе, которое на меня сильно подѣйствовало, а именно: причащеніе Святыхъ Христовыхъ Таинъ слѣпого старика, въ свое время извѣстнаго живописца Дмитрія Григорьевича Левицкаго [2]), который на колѣняхъ ползъ къ животворящей чашѣ. Я слыхала, что онъ былъ въ дружескихъ отношеніяхъ и какъ земляки съ митрополитомъ Петербургскимъ Михаиломъ [3]). Вотъ еще я припомнила случай въ дѣтствѣ моемъ: этотъ самой Михаилъ, будучи еще архіереемъ, былъ переведенъ откуда-то въ Черниговъ [4]); отъѣзжая, пріѣхалъ къ намъ проститься; я подошла къ нему подъ благословеніе. Онъ, благословивъ меня, положилъ мнѣ руку на голову; я ушла за ширмы и горько заплакала, такъ что онъ, услыша всхлипыванья мои, спросилъ, о чемъ я плачу? я отвѣчала: „Мнѣ жаль архіерея, что онъ уѣзжаетъ“.

Видно, и въ ребячествѣ моемъ разлука и слово „прости“ дѣйствовали на меня сильно; или это была пустая слезливость? Замѣчательно, что папенька подверженъ былъ часто болѣзни на ногѣ, рожѣ, что мѣшало его службѣ и занятіямъ. Ища средствъ освободиться

---

[1]) См. выше, стр. 172.

[2]) Знаменитый портретистъ Д. Г. Левицкій (род. 1735 г., ум. 1823 г.).

[3]) Михаилъ Десницкій (род. 1761 г., ум. 1821 г.), митрополитъ Петербургскій, Новгородскій, Эстляндскій и Лифляндскій съ 1818 г.

[4]) Въ 1803 г. Михаилъ былъ назначенъ епископомъ Черниговскимъ изъ епископовъ Старорусскихъ.

отъ нея, кто-то посовѣтовалъ ему симпатическое лѣкарство: носить на шеѣ точеные шарики изъ слоновой кости, не помню сколько числомъ; было ли на нихъ что вырѣзано, не знаю. Онъ надѣлъ ихъ съ крестомъ: рожа его оставила, но впослѣдствіи у него сдѣлался на спинѣ карбункулъ, который онъ съ трудомъ перенесъ, потомъ открылась болѣзнь ужаснѣе: припадокъ, постигавшій его внезапно. Извѣстно, что медицина не излѣчиваетъ этой болѣзни, почему посовѣтовали ему пить воды, и мы для того въ 1819-мъ году отправились въ Москву, гдѣ я послѣ 10-ти лѣтъ увидѣла дядю и въ первый разъ его семейство. Припоминаю, что на пути, уже близко къ Москвѣ, при перемѣнѣ лошадей, я озябла и, не выходя изъ повозки, пила сбитень; папенька, шутя, мнѣ сказалъ; „А кто-то заплатитъ за тебя?" Я, не долго думая, отвѣчала: „Дядя за меня заплатитъ". Онъ какъ-то очень вдолгѣ по нашемъ пріѣздѣ при мнѣ, смѣясь, передалъ дядѣ надежду мою на его кредитъ: онъ въ ту жъ минуту перебросилъ мнѣ на колѣни кошелекъ съ пятьюдесятью полуимперьялами. Я не умѣла даже и сосчитать такого множества золота, да и въ серебрѣ не знала толку, потому что никогда не имѣла денегъ. Это, конечно, послужило къ спасенію моему отъ сребролюбія, къ которому я, конечно, имѣла наклонность; вотъ и доказательство къ тому. Одно время гвардіи офицеры дома и въ лагерѣ носили вязаныя фуражки изъ шерсти цвѣта форменнаго воротника, обшитыя золотымъ или серебрянымъ галунчикомъ и такою-же кисточкой; я ихъ вязала и продавала по пятнадцати рублей ассигнаціями, а себѣ она обходилась въ восемь рублей. Одинъ разъ я пошла въ лавки, купила все, что нужно было, дала купцу деньги, онъ (конечно, ошибкой) далъ мнѣ больше сдачи, нежели сколько слѣдовало; я подумала: „Купцы богаты и обманываютъ насъ",—съ тѣмъ и возвратилась домой. Вскорѣ потомъ я изъ заработанныхъ денегъ дала на ложу въ театръ; билета не достали, я въ торопяхъ отданныя мнѣ деньги 25-ть рублей асс. положила за пазуху и, никуда не выходя, потеряла чрезъ нѣсколько часовъ. Другой урокъ мнѣ былъ: собираясь въ дорогу, въ ссылку, я отъ экономіи накопленное мною мелкое серебро также потеряла. Болѣе не помню въ жизни моей подобныхъ случаевъ.

Воды, коими пользовался папенька, находились въ имѣніи Нащокина [1]), Серпуховскаго уѣзда, и село это называлось „Рай-Семеновское". Предъ отъѣздомъ нашимъ дядя мой пріѣзжалъ къ намъ и съ тѣмъ вмѣстѣ заплатилъ за всѣ расходы: въ аптеку, доктору и за квартиру, однимъ словомъ—больной ничего не израсходовалъ изъ своего кармана. Дядя мой сказалъ при этомъ случаѣ: „Я вашъ не-

[1]) Тайн. сов. Александра Петровича Нащокина; см. „Воспоминанія А. Е. Лабзиной", стр. 133, прим. 76-е.

оплатный должникъ“ и нерѣдко въ продолженіе жизни это повторялъ. Осенью возвратились мы домой. Болѣзненные припадки больного не оставляли, тѣмъ болѣе они были опасны, что случались внезапно, такъ что онъ, будучи всегда одинъ въ кабинетѣ, сильно ушибался, вслѣдствіе чего одинъ разъ былъ у смерти; въ это время пріѣзжалъ навѣстить его князь А. Н. Голицынъ [1]), бывшій тогда министромъ просвѣщенія.

По смерти графа Строгонова [2]), поступилъ на его мѣсто президентомъ Академіи Алексѣй Николаевичъ Оленинъ [3]), которому очень непріятно было, что папеньку сдѣлали вице-президентомъ, тѣмъ болѣе потому, что прежде не было вице-президента, а это Государь съ Голицынымъ [4]) устроили, чтобы не трогать его съ мѣста [5]), и, какъ было тогда слышно, что если перевести его въ Сенатъ, то онъ разгонитъ всѣхъ сенаторовъ [6]). Оленинъ такъ выражался: „На что мнѣ помощникъ: я и президентъ, и инспекторъ, и экономъ, и полицеймейстеръ“. Не медля, ввелъ новыя общественныя правила въ Академіи, запретилъ всѣмъ семействамъ служащихъ и посѣтителямъ слушать богослуженіе изъ ризницы, потомъ назначилъ всѣмъ приступать къ пріобщенію Святыхъ Таинъ послѣ всѣхъ воспитанниковъ, отдѣлилъ ихъ въ церкви балюстрадою... Затѣмъ началась перестройка внутри корридоровъ, въ стѣнахъ коихъ былъ насыпанъ березовый уголь. Вотъ какъ въ старину строились каменныя зданія! Однакожъ, Оленинъ бывалъ у папеньки, и послѣ одного изъ посѣщеній онъ передавалъ рѣчи Оленина, который, между разговорами, сказалъ ему: „Я все знаю, что у васъ говорится и дѣлается, даже въ кухнѣ“, на что́ папенька ему отвѣчалъ: „Я очень радъ, ваше превосходительство, что вамъ извѣстно, что у меня и въ горшкѣ варится“. Оленинъ былъ очень малъ ростомъ, и я одинъ разъ нарядилась въ его бекешъ и прибѣжала на минуту къ маменькѣ, чтобъ ее разсмѣшить.

Такъ текло время, а съ онымъ моя юность; были молодые люди, которымъ, казалось мнѣ, я нравилась, но маменька въ подобныхъ случаяхъ всегда выражалась, что я дѣвка бѣдная, и даже до смерти своей не измѣнила своего обо мнѣ отзыва, а это никогда и никому

---

[1]) Князь Александръ Николаевичъ, покровительствовавшій Лабзину, самъ мистикъ.

[2]) Оберъ-камергеръ графъ Александръ Сергѣевичъ, президентъ Академіи Художествъ (род. 1738 г., ум. 1811 г.).

[3]) Род. 1763 г., ум. 1843 г.; о немъ см. брошюру И. А. Кубасова: „Алексѣй Николаевичъ Оленинъ“, С.-Пб. 1904.

[4]) Княземъ Александромъ Николаевичемъ.

[5]) До того Лабзинъ былъ конференцъ-секретаремъ Академіи Художествъ.

[6]) Лабзинъ отличался прямотою характера и рѣзкостью сужденій, которыя и погубили его.

не могло быть лестно. Года полтора послѣ бытности нашей въ Москвѣ, секретарь папеньки Скворцовъ [1]) ѣздилъ въ Москву и, возвратясь, привезъ мнѣ отъ дяди письмо и деньги pour les menus plaisirs и передалъ намъ, только на словахъ, что онъ, будучи приглашенъ къ дядѣ моему на обѣдъ (кажется, въ день именинъ моихъ и общихъ въ его семействѣ) [2]), имъ поручено передать мнѣ, что домъ, гдѣ они обѣдаютъ, принадлежитъ мнѣ. Тогда онъ жилъ на Прѣснѣ [3]). Мнѣ приказано было письменно благодарить за это дядю. И, вслѣдствіе обѣщеннаго, иногда маменька говорила: „Вотъ, Софья, можетъ быть, Богъ приведетъ намъ жить подъ твоей крышей". Но потомъ и помину никогда объ этомъ не было отъ дяди [4]). Мнѣ еще припомнилось, что въ бытность нашу въ Москвѣ, проѣзжая городомъ въ Кремль, папенька всегда экзаменовалъ меня, чрезъ какія ворота проѣзжаемъ, и какая это часть Кремля: Китай-городъ или Бѣлой-городъ; конечно, я почти всегда ошибалась: видно, и на возрастѣ была безтолкова. Еще, проѣзжая мимо модныхъ магазиновъ, онъ мнѣ всегда говорилъ: Софья Алексѣевна! вотъ „Модесъ и Робесъ",— вмѣсто „Modes et Robes",—конечно, шутя. Мы тогда у дяди были въ Арбатскомъ его каменномъ домѣ, и папенька много написалъ стиховъ на разные случаи; вотъ часть однихъ, которые я припомнила:

Какъ у насъ на Арбатѣ,
Въ бѣлокаменной палатѣ,
Лежитъ докторъ на кровати
Въ китайскомъ халатѣ,—
Да и тотъ еще на ватѣ:
По больнымъ ѣхать смѣкаетъ
И затѣмъ онъ отдыхаетъ.
Его жонушка гуляетъ,
По гульбищамъ разъѣзжаетъ,
Александра его боленъ,
Отъ буженья сталъ уволенъ,
А Василій тѣмъ доволенъ:
Бѣгаетъ и суетится,
Во всѣ стороны вертится,
Кричитъ: „скорѣе лошадей!"
Ко всѣмъ намъ: „препрощайте!"
А кучерамъ: „ну, поѣзжайте".

---

[1]) Кузьма Петровичъ, членъ, секретарь и обрядоначальникъ въ ложѣ Лабзина; онъ былъ протоколистомъ и преподавателемъ миѳологіи въ Академіи Художествъ, во время вице-президентства тамъ Лабзина; титул. сов., членъ С.-Петербургскаго попечительнаго комитета Человѣколюбиваго Общества; см. о немъ „Русскую Старину" 1872 г., т. V, стран. 568—569.

[2]) У М. Я. Мудрова и жена, и дочь (по мужу Великопольская) имѣли имя Софіи.

[3]) Домъ этотъ получилъ въ приданое за женой Ив. Ерм. Великопольскій.

[4]) См. выше, въ предисловіи.

Это было лѣто, и потому мы всѣ его провожали на крыльцо до кареты.—Къ папенькѣ являлось много молодыхъ людей и изъ Москвы: кто съ рекомендательными письмами, кто по собственному желанію познакомиться съ замѣчательнымъ въ то время литературнымъ лицомъ; въ числѣ ихъ былъ Панаевъ, Владиміръ Ивановичъ [1]), прекрасной наружности; Рюминъ, Николай Гавриловичъ [2]); Ковальковъ, Александръ Ивановичъ [3]); онъ былъ сынъ крѣпостнаго человѣка одного изъ Лопухиныхъ, котораго-то изъ братьевъ: Ивана или Петра Владиміровичей, которые были съ папенькой въ дружескихъ отношеніяхъ. Онъ пріѣхалъ на службу, былъ опредѣленъ къ князю Голицыну [4]) и потомъ сдѣлалъ очень высокую партію, женясь на дочери Натальи Ѳедотовны Плещеевой [5]), племянницѣ Донауровой [6]), въ семействѣ которой воспитывался въ малолѣтствѣ графъ Шереметевъ [7]); сенаторъ Донауровъ былъ его опекуномъ и жилъ въ домѣ графа. Ковальковъ былъ очень красивъ лицомъ. Слышно было, что пріѣзжали къ нему бывшіе его родные, но онъ отъ нихъ отрекся и не принялъ ихъ. Еще семейство Пошмана [8]) было близко къ намъ; сынъ ихъ [9]) служилъ въ Адмиралтейскомъ ученомъ департаментѣ, гдѣ и папенька былъ членомъ [10]); тутъ же служилъ гжатскій помѣ-

---

[1]) Авторъ извѣстныхъ „Идиллій" и воспоминаній (частью напечатанныхъ въ „Вѣстникѣ Европы" 1867 г.), въ которыхъ есть нѣсколько словъ о знакомствѣ его съ Лабзинымъ.

[2]) Сынъ извѣстнаго богача-откупщика стат. сов. Гаврила Васильевича Рюмина (ум. въ 1827 г.), впослѣдствіи камергеръ.

[3]) Впослѣдствіи тайн. сов., камергеръ; род. въ 1795 г., ум. 20-го декабря 1852 г.; писатель-мистикъ, по преданію — сынъ Ивана Владиміровича Лопухина; въ это время онъ служилъ въ Департаментѣ народнаго просвѣщенія.

[4]) Въ Министерство духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія, подъ начальство князя Александра Николаевича Голицына.

[5]) Н. Ѳ. Плещеева, рожд. Веригина, жена д. т. с. Сергѣя Ивановича Плещеева (ум. 1802 г.), статсъ-дама; она род. въ 1768 г., ум. въ 1855 г.

[6]) Маріи Ѳедотовны, рожд. Веригиной (род. 1774 г., ум. 1848 г.); тоже статсъ-дама, жена сенатора, д. т. с. Михаила Ивановича Донаурова (род. 1757 г., ум. 1817 г.).

[7]) Графъ Дмитрій Николаевичъ (род. 1803 г., ум. 1871 г.); послѣ смерти отца, графа Николая Петровича (ум. 1809 г.), воспитаніемъ его завѣдывалъ М. И. Донауровъ, который и умеръ въ домѣ Шереметевыхъ на Фонтанкѣ.

[8]) Антона Петровича; онъ былъ стат. сов., членъ вольно-экономическаго общества и его комитета, а также хранитель моделей его, сотрудникъ „Трудовъ" общества, спеціалистъ по вопросамъ солеваренія и изготовленію селитры.

[9]) Семенъ Антоновичъ (род. 1789 г., ум. 1847 г.), съ 1811 по 1815 г. служилъ помощникомъ директора музеума государ. адмиралт. департамента, впослѣдствіи (съ 1835 г.)—директоръ Училища правовѣдѣнія; членъ Лабзинской ложи, въ 1820 г. исключенный изъ нея за непосѣщеніе собраній.

[10]) А. Ѳ. Лабзинъ былъ непремѣннымъ членомъ государ. адмиралт. департамента еще въ 1820 г.

щикъ Артемьевъ [1]), гордѣйшее созданіе, надъ которымъ часто смѣялся Пошманъ, но такъ остро и мило, что тотъ не могъ обидѣться. Еще Бартеневъ [2]), Юрій Никитичъ; тогда онъ былъ корпуснымъ офицеромъ, потомъ онъ женился на Микулиной [3]), родной племянницѣ папеньки. Принадлежавшіе же къ масонской ложѣ не всѣ были вышеупомянутые мною; первые три навѣрное знаю, что не были въ ложѣ, а фамиліи тѣхъ, что были масонами, слѣдующія: Черевинъ [4]), Вахрушовъ [5]), Черновъ (художникъ) [6]), Скворцовъ [7]), Русановскій [8]), Мартыновъ [9]), Рогожинъ [10]), Скочинскій [11]), Лип-

[1]) Дмитрій Артемьевъ, членъ ложи Лабзина, въ 1820 г. исключенный изъ нея за непосѣщеніе собраній.

[2]) Ю. Н. Бартеневъ, одинъ изъ ревностныхъ учениковъ Лабзина, членъ его ложи, извѣстный впослѣдствіи своею близостью къ князю А. Н. Голицыну; авторъ „Записокъ", помѣщенныхъ въ „Русскомъ Архивѣ" за разные годы; онъ род. въ 1792 г., ум. въ 1866 г.; долгое время былъ директоромъ гимназіи и училищъ Костромской губерніи.

[3]) Екатерина Степановна Микулина, дочь сестры Лабзина—Надежды Ѳедоровны отъ брака съ генералъ-маіоромъ Степаномъ Даниловичемъ Микулинымъ; она вышла за Ю. Н. Бартенева въ началѣ 1819 г., скончалась 21-го декабря 1872 г., на 73 г., погребена съ мужемъ въ Москвѣ, на Ваганьковскомъ кладбищѣ (см. о ней „Воспоминанія А. Е. Лабзиной", С.-Пб. 1903 г.).

[4]) См. выше, стр. 178.

[5]) Вѣроятно, тотъ Александръ Вахрушевъ, который въ 1801 г. вмѣстѣ съ Лабзинымъ составилъ, по порученію Павла I, „Исторію ордена св. Іоанна Іерусалимскаго" (1799—1801); какой-то Вахрушевъ, дѣйствительно, упоминается въ протоколахъ ложи „Умирающій Сфинксъ".

[6]) Иванъ Потаповичъ Черновъ, академикъ исторической живописи, умершій въ 1817 г. и завѣщавшій ложѣ Лабзина свой капиталъ около 5.000 руб.

[7]) См. выше, стр. 184.

[8]) Петръ Ивановичъ Русановскій, стат. сов., въ 1820-хъ годахъ былъ директоромъ музеума госуд. адмиралт. департамента; въ 1820 г. онъ былъ исключенъ изъ ложи Лабзина за непосѣщеніе ея собраній; въ 1815 г. онъ былъ въ ней и. д. 2-го надзирателя и секретаремъ; былъ также членомъ Московской ложи X. А. Чеботарева.

[9]) Александръ Петровичъ (род. 1782 г.), сынъ Петра Егоровича Мартынова отъ брака его съ Александрой Борисовной Мертваго (сестрой автора „Записокъ"); въ 1815—1818 гг. былъ риторомъ въ ложѣ Лабзина, съ 1818 г.— 2-мъ надзирателемъ, въ 1821 г. служилъ попечителемъ въ император. человѣколюб. обществѣ; о немъ см. у С. Т. Аксакова „Встрѣча съ мартинистами" (соч., т. III, С.-Пб. 1886 г., стр. 135) и „Воспоминанія А. Е. Лабзиной", С.-Пб. 1903 г.

[10]) Евграфъ Гавриловичъ Рогожинъ, д. с. с.; въ 1815 г. былъ секретаремъ ложи, въ 1820 г. переселился въ Москву и тамъ вступилъ въ члены ложи „Нептуна"; въ 1822 г. былъ управляющимъ Московской конторой Государственнаго коммерческаго банка; род. 2-го декабря 1769 г., ум. въ Москвѣ 9-го февраля 1840 г., въ чинѣ тайнаго совѣтника.

[11]) Осипъ Ивановичъ, тит. сов., попечитель въ императ. Человѣколюб. обществѣ; въ 1818 г. онъ былъ 2-мъ надзирателемъ въ ложѣ Лабзина, а съ 1820 г. — 1-мъ.

кинъ [1]), Прянишниковъ [2]), Турчило [3]), Кушковской [4]), Романовской [5]); послѣдній хотя былъ молодой человѣкъ, но очень любилъ хвалиться продолжительною своею службою; но папенька ему говаривалъ: „Какъ же, всѣмъ извѣстно, что ты еще въ утробѣ матери служилъ"... Послѣ чего онъ умолкалъ. По вечерамъ, для отдыха, папенька приходилъ къ намъ раскладывать грандпасьянсъ и шутить съ старушками, которыя постоянно у насъ бывали; одна изъ нихъ ему гадала на картахъ, а со мной онъ повторялъ свои прибаутки; онъ спрашивалъ, а я отвѣчала.

Онъ. Какія есть на свѣтѣ чудеса?
Я. Что вертятся надъ нами небеса.
Онъ. Какая этому причина?
Я. Что курица не дичина.
Онъ. Какія есть на свѣтѣ проказы?
Я. Что стекла не алмазы.
Онъ. Какая есть на свѣтѣ рѣдкая вещь?
Я. Что карась не лещъ.
Онъ. Какое есть на свѣтѣ диво?
Я. Что на столѣ пиво.
Онъ. А для васъ?
Я. Квасъ.
Онъ. Ну ужъ г...
Я. Это подлинно, что тово.
Онъ. Ну, ужъ это...
Я. Подлинно, что тово.
Онъ. Ну ужъ это подлинно...
Я. Что тово.
Онъ. И...
Я. Все.

---

[1]) Никита Семеновичъ, въ 1818—1821 гг. — членъ и казначей ложи; въ 1820 г. былъ казначеемъ С.-Петербур. попечит. комитета Человѣколюб. общества; въ 1821—1824 гг. былъ директоромъ Государств. ассигнаціоннаго банка.

[2]) Ѳедоръ Ивановичъ, впослѣдствіи д. т. с., членъ Государств. Совѣта, владѣлецъ извѣстной картинной галлереи; секретарь ложи; у него сохранились ея протоколы, находящіеся теперь въ Императ. Публич. библіотекѣ; о немъ см. „Воспоминанія А. Е. Лабзиной", С.-Пб. 1903 г.

[3]) Іосифъ Турчило, въ 1820 г. исключенный изъ ложи за нехожденіе на собранія ея.

[4]) Игнатій Максимовичъ (род. въ мѣст. Черный Ташлыкъ, Херсон. губ., 20-го декабря 1788 г.), въ 1821 г.—губерн. секр., принятъ ученикомъ въ ложу Лабзина.

[5]) Абрамъ Васильевичъ (род. въ Уфѣ 9-го августа 1799 г.), сынъ описаннаго у Аксакова („Встрѣча съ мартинистами", Соч., т. III, стр. 128 и слѣд.), подъ именемъ Рудановскаго, д. с. с. Вас. Вас. Романовскаго, предсѣдателя Казанскаго попечительнаго комитета о бѣдныхъ и также члена Лабзинской ложи; въ 1817 г., въ чинѣ колл. секр., принятъ былъ въ ложу ученикомъ, съ 1820 г.—мастеръ, съ 1821 г.—обрядоначальникъ.

Это часто повторялось и за обѣдомъ; признаюсь, мнѣ иногда это было скучно, потому что ужъ я была взрослая.

Послѣ войны 12-го года была написана похвальная пѣснь Витгенштейну, которой былъ припѣвъ:

Хвала, хвала тебѣ, герой,
Что градъ Петровъ спасенъ тобой!

А мы пѣли:

Хвала, хвала тебѣ, герой,
Что кушаешь ты хлѣбъ съ икрой.

Я забыла упомянуть, что въ числѣ молодыхъ людей, принятыхъ у насъ, нерѣдко бывалъ у насъ князь Григорій Петровичъ Трубецкой [1]), внукъ князя Николая Никитича Трубецкого [2]), того, съ которымъ Николай Ивановичъ Новиковъ нѣкогда былъ коротко знакомъ. Молодой князь умѣлъ гадать на картахъ и на кофе; онъ всякое посѣщеніе гадалъ для папеньки; послѣдній разъ онъ, смотря въ чашку съ кофейною гущею, сказалъ ему: „Съ вами что-нибудь будетъ необыкновенное, мечъ виситъ надъ головою вашею". Это было недѣли за двѣ до постигшей его опалы.

Въ Академіи ежегодно, предъ публичнымъ ея открытіемъ въ сентябрѣ, всегда избирали почетныхъ членовъ, и предварительно собирался совѣтъ изъ нѣкоторыхъ профессоровъ въ присутствіи президента и вице-президента; но это было не формальное засѣданіе и не передъ зерцаломъ въ конференцъ-залѣ. Присутствующіе, разсуждая, разговаривая, ходили по залѣ. Подобное происходило въ 1822-мъ году: каждый профессоръ предлагалъ къ избранію лицо, которое считалъ достойнымъ; вотъ предлагаетъ Мартосъ [3]) Кочубея [4]) и еще не упомню кого; вице-президентъ возразилъ, что Кочубей для Академіи ничего полезнаго не сдѣлалъ, другое дѣло Аракчеевъ: онъ дѣлалъ большіе заказы въ Академіи, а Кочубей ничего подобнаго не дѣлалъ, на что̀ ему отвѣчали: „Да онъ близокъ къ государю".—„О, если такъ, то надобно выбрать Илью кучера, который такъ близокъ къ государю, что хранитъ его жизнь". Затѣмъ ему сказано: „Хотите, мы донесемъ на васъ за эти слова", на что̀ онъ отвѣчалъ: „Какъ

---

[1]) Онъ умеръ 11-го января 1874 г., 74 лѣтъ, въ Петербургѣ.

[2]) Одинъ изъ виднѣйшихъ русскихъ масоновъ (род. 1744 г. ум. 1821 г.), членъ Бергъ-Коллегіи, переводчикъ и стихотворецъ; о немъ см. у М. Н. Лонгинова „Новиковъ и московскіе мартинисты", М. 1867 г.

[3]) Иванъ Петровичъ, скульпторъ, впослѣдствіи ректоръ Академіи Художествъ (род. 1754 г., ум. 1835 г.).

[4]) Гр. Викт. Павл. Кочубей былъ въ это время министромъ внутреннихъ дѣлъ.

вамъ угодно, я отъ своихъ словъ не отопрусь". Въ это время государь былъ въ Веронѣ; туда былъ посланъ доносъ на вице-президента, помимо прямого начальства,—конечно, обдуманно, чтобы погубить человѣка, ибо министръ князь Голицынъ не повелъ бы дѣло такъ, какъ хотѣлось обвинителямъ. Впослѣдствіи былъ сдѣланъ Оленину строгій выговоръ отъ министра, но уже онъ достигъ того, чего давно хотѣлъ. Вотъ, ноября 7-го дня по утру присылаетъ петербургскій генералъ-губернаторъ графъ Милорадовичъ своего адъютанта, чтобъ вице-президентъ немедленно къ нему явился. Тотъ ѣдетъ и получаетъ отъ него повелѣніе государя въ двадцать четыре часа выѣхать изъ Петербурга, дая ему на волю избрать мѣстожительство; осужденный отвѣчалъ, что такъ какъ онъ не имѣетъ нигдѣ имѣнія и никакого пристанища, то для него все равно, гдѣ будетъ угодно государю назначить ему пребываніе. Онъ испросилъ у генералъ-губернатора позволеніе пробыть хотя три дня въ Петербургѣ, чтобы по возможности устроить свои дѣла и приготовиться къ дорогѣ. По недостаточному его состоянію, избранъ ему былъ дешевый край: Симбирская губернія, уѣздный городъ Сенгилей, въ 50-ти верстахъ отъ Симбирска. Когда онъ возвратился отъ генералъ-губернатора, онъ былъ въ такомъ положеніи, которому я не приберу словъ, а мы всѣ, какъ громомъ поражены. Мы провели въ сборахъ пять дней, и Боже мой! что это были за дни скорби, слезъ и прощаній! По отслушаніи напутнаго молебна, мы выѣхали 12-го числа ноября, окруженные любящими изгнанника и многими имъ облагодѣтельствованными. Карета ему была подана во внутреннія ворота, въ избѣжаніе (конечно, по приказу Оленина) взоровъ любопытствующихъ; но за всѣмъ тѣмъ корридоры были наполнены зрителями, неравнодушными къ отъѣзжающему. Въ карету сѣли: страдалецъ, съ неизмѣнной своей подругой женой, я и квартальный. Въ это время лилъ сильный дождь, туманъ, грязь, точно глухая осень, и природа согласовалась съ нашимъ внутреннимъ настроеніемъ. Вотъ папенька начинаетъ раздражительно говорить—маменька тихонько его толкаетъ, напоминая, что мы не одни, и онъ не надолго унимается. При перемѣнѣ лошадей я вслушалась въ слова одного изъ ямщиковъ: „Охъ, горе, горе, будешь богатъ да не скоро". Я думала найти что-нибудь пророчествующее въ этой рѣчи: таково было тогда мое настроеніе... Мы ночевали каждую ночь, всячески старались угодить квартальному. Чай, ромъ, водка, ужинъ, все было для него готово. Хотя онъ на словахъ не былъ грубъ, но, видя наше къ нему вниманіе, сдѣлался обходительнѣе. Такъ мы ѣхали до послѣдней станціи къ Москвѣ—Черной Грязи; не доѣхавъ до гостиницы съ четверть версты, это было наканунѣ Введенія, пошли передъ тѣмъ морозы, снѣгу не было, дорога была

скользкая, такъ-что, по неосторожности ямщика, наѣхавшаго ночью на косогоръ, карета наша опрокинулась, страдалецъ вѣрно испугался, потому что въ ту же минуту получилъ пароксизмъ припадка; квартальный порѣзалъ частію лицо и руки отъ разбившагося окна, карета упала на мою съ маменькой сторону; съ трудомъ вылѣзъ квартальный, потомъ меня высадили, а маменька оставалась въ одномъ положеніи, покуда больной опомнился. Вынули его, потомъ, когда вынимали маменьку, она, отъ страшной боли въ ногѣ, не давала до себя дотронуться. Положили ихъ на дровни и довезли до гостиницы. Квартальный бранился съ ямщиками, а они преравнодушно отвѣчали ему: „Эка бѣда, мы не одну карету валямъ, намнясь тутъ же опрокинули делижанецъ“. Послѣ этого ушиба, маменьку носили четыре мѣсяца на рукахъ, а дорогой усаживать ее въ повозку была страшная для нея мука. Въ ямскихъ саняхъ въ вечерню мы пріѣхали въ Москву, прямо на Прѣсню, къ моему дядѣ [1]). Я вбѣжала въ домъ, прямо въ спальню дяди, гдѣ онъ послѣ обѣда отдыхалъ. Я, не помня, что дѣлаю, побѣжала на подъѣздъ посмотрѣть, какъ вынимаютъ больныхъ изъ саней, въ это время чувствую, что меня обнимаютъ: это была моя добрая тетка, и я бросилась въ ея объятія. Путешественники, сколько можетъ истинная дружба и искренняя любовь, равняющаяся, если не превосходящая чувства ближайшаго родства, были хозяевами успокоены [2]). Квартальнаго какъ желудокъ, такъ и карманъ были изобильно начинены, послѣ чего вторую половину пути нашего онъ совершенно перемѣнился для насъ къ лучшему. Мы ѣхали по его подорожной, и она отдана была, куда слѣдуетъ, но дорогой, къ счастью нашему, казакъ, везшій оную, обронилъ, и покуда выправляли новую, мы могли ночевать въ Москвѣ. На другой день по утру тетка поѣхала въ городъ,—купить для маменьки все, что было нужно, потому что ея сакъ-вояжъ потерялся ночью, во время паденія кареты. Она пригласила меня ѣхать съ собою, чтобы нѣсколько меня развлечь; возвратившись скоро домой, меня удивили находившіеся казаки на дворѣ и въ передней; вхожу въ гостиную, гдѣ оставила маменьку, вижу частнаго пристава, сидящаго съ ней; она ту жъ минуту жалобно мнѣ сказала, глядя мнѣ пристально въ глаза: „Софья! а вѣдь насъ отсюда гонятъ“, на что́ я, однако, нашлась отвѣчать: „Что жъ за бѣда, маменька, скорѣе доѣдемъ домой“, и она, какъ вѣрющее дитя нянѣ, успокоилась. Дядя купилъ намъ двѣ большія и покойныя повозки, снабдилъ насъ всѣмъ, что только

---

[1]) М. Я. Мудрову.

[2]) По словамъ біографа Лабзина, П. А. Безсонова, Мудровъ, въ честь своего опальнаго гостя, даже иллюминовалъ свой Прѣсненскій домъ („Русск Архивъ“ 1866 г., ст. 838).

возможно, въ такомъ количествѣ, что мы въ Сенгилеѣ въ Рождество и Новый годъ угощали произведеніями Матерна и Монигетти [1]). Покуда на дворѣ укладывались,—люди наши, дядины, казаки, буточники, все это съ фонарями представляло живую, но не печальную картину. Частный приставъ, Александръ Павловичъ Равинскій [2]), дожидая нашего отъѣзда, послѣ обѣда дремалъ на креслахъ. Мы выѣхали въ 6-ть часовъ вечера, и онъ провожалъ насъ до заставы, послѣ чего прямо поѣхалъ донести генералъ-губернатору, что выпроводилъ путника изъ Москвы. Папенька былъ спокойнѣе, дорогою могъ говорить, что хотѣлъ, никто его не стѣснялъ. И мнѣ не худо было съ квартальнымъ: онъ помогалъ женщинѣ мнѣ услуживать и берегъ меня. Когда пошли сильные морозы, онъ меня куталъ въ свой мѣховой тулупъ, а я между имъ и женщиной сидѣла, какъ у печки. Онъ на всякой станціи выходилъ изъ повозки, чтобы прописать подорожную, возвращался красный, какъ буракъ, пыхтѣлъ, исправно выпивъ и закусивъ добрую селянку. Потомъ преспокойно садился и засыпалъ до другой станціи. Во Владимірѣ мы пробыли три дня, включительно и праздникъ Знаменія Пресвятой Богородицы, у почтеннаго Дмитрія Ивановича Дмитревскаго [3]), тогда директора училищъ; онъ просилъ графа Апраксина [4]), Владимірскаго губернатора, дать отъ себя отзывъ, что по неокрѣпшему еще льду на Клязьмѣ нельзя было ранѣе переправиться. Потомъ мы немного отдохнули въ Арзамасѣ, у старичка-художника Ступина [5]), угощавшаго давно уважаемаго имъ путника, чѣмъ только могъ; но я случайно увидѣла, что лакей, поплевавъ на тарелку, вытираетъ ее тряпкой,—ничего не могла взять въ

---

1) Московскіе кондитеры.

2) Отецъ извѣстнаго судебнаго дѣятеля и иконографа Дмитрія Александровича Ровинскаго.

3) Д. И. Дмитревскій (род. 1758 г., ум. 1848 г.), масонъ, воспитанникъ Московскаго Университета, сотрудникъ Новикова, съ 1808 по 1827 г. бывшій директоромъ училищъ Владимірской губерніи, писатель и переводчикъ, полезный мѣстный дѣятель; о немъ см. у А. В. Смирнова, „Уроженцы и дѣятели Владимірской губерніи“, в. III, Влад. 1898 г., стр. 61 — 87.

4) Графъ Петръ Ивановичъ Апраксинъ (род. 1784 г., ум. 1852 г.) былъ Владимірскимъ губернаторомъ въ 1821—1827 гг.; впослѣдствіи сенаторъ.

5) Академикъ и основатель Арзамасской школы живописи Александръ Васильевичъ Ступинъ (род. 1776 г., ум. 1861 г.) въ любопытныхъ воспоминаніяхъ своихъ, напечатанныхъ въ „Щукинскомъ Сборникѣ“ (вып. III, М. 1904 г., стр. 405), пишетъ про это посѣщеніе: „Декабря 2-го (1822 г.) были у меня благодѣтель мой А. Ѳ. Лабзинъ, проѣздомъ съ супругой въ г. Сенгилей, будучи сосланъ по политическимъ причинамъ, котораго я, несмотря на бѣдственное его положеніе, принялъ его со всѣмъ усердіемъ и уваженіемъ, который и отобѣдалъ у меня; я проводилъ его съ почтеніемъ и сожалѣніемъ, подъ присмотромъ Петербургскаго квартальнаго“.

ротъ. Далѣе, продолжая путь, со мною вотъ что случилось. Въѣзжая на ночлегъ, повозка моя въѣхала подъ навѣсъ; ямщикъ отпрягъ пристяжныхъ лошадей, я встала въ кибиткѣ на ноги посмотрѣть, какъ люди будутъ вынимать маменьку, шея моя пришлась подъ верхъ кибитки, а ямщикъ понуждаетъ коренную лошадь податься впередъ; я чувствую, что затылокъ мой упирается въ толстый переводъ подъ навѣсомъ, я крикнула ему: „Осади, осади!", а онъ понукаетъ лошадь впередъ: „ну-ну-ну!" За этимъ я потеряла память. Не знаю, долго ли я была безъ чувствъ, но твердо очень помню, что передъ потерею сознанія я видѣла въ отдаленіи и въ миніатюрѣ государя. Когда я пришла въ чувство, меня взяли подъ руки и привели въ комнату, раздѣли и положили. Со мною сдѣлалась рвота, шея моя распухла и что жъ еще оказалось?—большая царапина на шеѣ въ затылкѣ отъ гвоздя, бывшаго въ переводѣ, который все теплое на мнѣ пропоролъ! Можетъ быть, онъ и спасъ меня отчасти. Какъ бы то ни было, но утромъ, когда мы поѣхали, я услышала вдали колокольный звонъ; перекрестившись, сказала: „Благодарю Тебя, Господи, избавившаго меня отъ поносной смерти!"

Мы пріѣхали въ Симбирскъ, остановившись въ домѣ губернскаго предводителя князя Баратаева [1]), который по женѣ [2]) нѣсколько сродни былъ папенькѣ; мы были радушно приняты, успокоены; отдохнувши нѣсколько дней, распростились съ квартальнымъ, поблагодарили его по возможности деньгами и отправились въ Сенгилей подъ присмотромъ Симбирскаго квартальнаго. Эти 50 верстъ до Сенгилея имѣютъ 12 горъ, которыя, если не ошибаюсь, называются Тушнинскими; въ это время стояли большіе морозы, и наша повозка на половинѣ дороги отстала отъ переднихъ, потому что на одной изъ горъ опрокинулась. Когда мы догнали ихъ, то папенька хотѣлъ сдѣлать квартальному выговоръ, что онъ не обратилъ на насъ вниманіе, на что̀ тотъ ему отвѣчалъ: „Я приставленъ смотрѣть за вами и не за кѣмъ больше". Мы пріѣхали въ Сенгилей 12-е число декабря, зна-

---

[1]) Штабъ-ротмистръ князь Михаилъ Петровичъ Баратаевъ (род. 1784 г., ум. 1856 г.), впослѣдствіи тайн. совѣт., былъ Симбирскимъ предводителемъ дворянства съ 1821 по 1835 г.—Археологъ, нумизматъ, членъ-основатель С.-Петербургскаго Археологическаго общества; въ 1817 г. онъ учредилъ въ Симбирскѣ ложу „Ключъ къ добродѣтели". Свѣдѣнія о немъ и портретъ его см. въ трудѣ Н. И. Веселовскаго: „Исторія Импер. Русск. археолог. общества", С.-Пб. 1900 г.; см. также „Словарь" Венгерова, т. II, стр. 124 — 146. Письмо Лабзина къ нему, 1824 г., напечатано въ „Чт. Моск. общ. исторіи и древн." 1870 г., № 2, стр. 209—210.

[2]) Князь Баратаевъ былъ женатъ съ 1811 г. на Александрѣ Николаевнѣ, рожд. Чоглоковой (ум. 1832 г.); какимъ образомъ она приходилась родственницей Лабзину, намъ неизвѣстно; были бы очень благодарны за указаніе.

читъ, мы пробыли въ пути ровно мѣсяцъ; ночь провели кое-какъ. Утромъ разсмотрѣли наше жилище; домъ оказался новымъ, внутри довольно чистымъ, по фасаду имѣлъ семь оконъ, комнатъ было съ перегородками семь. Въ одной связи была и кухня. Только недоставало въ окнахъ зимнихъ рамъ. Когда закрывались печи, паръ отъ оконъ шелъ болѣе на аршинъ, и угаръ часто клалъ насъ въ постель. Скоро явился къ папенькѣ сенгилеевскій квартальный, рекомендовался и спросилъ, не нужно ли что; ему сказали, чтобъ онъ озаботился о двойныхъ окнахъ, и они скоро были готовы, а покуда не вставили рамы, мы спали не раздѣваясь и не разуваясь. Каждый вечеръ по нѣсколько разъ являлся мѣдный тазъ, намазанный постнымъ масломъ, въ который сметали прусаковъ со стѣны, иногда падавшихъ и въ кушанья. Между тѣмъ сверчки неумолкно трещали. Безъ преувеличенія можно сказать, что мы только и оживали въ почтовый день; для меня это былъ праздникъ, и я позволяла себѣ понѣжиться, перестлавъ помягче мою постель и потомъ бросалась на нее до слѣдующей почты. Къ празднику Рождества Христова и къ новому 1823-му году пріѣхали къ намъ гости: курмышскій помѣщикъ Дмитрій Ивановичъ Поповъ, съ отцомъ котораго нѣкогда былъ знакомъ папенька, и почтеннѣйшій старикъ Петръ Петровичъ Тургеневъ [1]), симбирскій помѣщикъ, старинный его знакомый. Онъ снабжалъ насъ всѣмъ, что только могъ прислать изъ деревни: припасовъ, даже столоваго бѣлья и корову. Они посѣщеніемъ своимъ влили отраду въ сердце страждущаго морально и физически. Цѣлые дни они проводили у насъ въ пріятнѣйшей бесѣдѣ, и время непримѣтно проходило. Наканунѣ новаго года я бросила за ворота свой башмакъ, и онъ легъ носкомъ къ Симбирску: я очень обрадовалась, конечно не за себя, потому что я тогда жила, и если чего желала, то, право, не для себя. Между тѣмъ, съ нами познакомились и Сенгилеевцы: уѣздный судья Якобій [2]), Кулебакинъ, имѣвшій премилую жену и огромное семейство. Забавно, когда содомъ маленькихъ дѣтей подчасъ надоѣдалъ ему, онъ говорилъ своей женѣ: „Ахъ! Анна Петровна, возьмите отъ меня пожалуйста вашихъ дѣтей!“ Черезъ два мѣсяца по отъѣздѣ нашемъ папенька получилъ письмо повѣреннаго его во всѣхъ дѣлахъ и денежныхъ отчетахъ, честнѣйшаго и благороднѣйшаго человѣка, дѣйствительнаго статскаго совѣтника Семена Семеновича Фила-

---

[1]) Масонъ, братъ извѣстнаго куратора Московскаго университета Ивана Петровича Тургенева, бывшій въ 1796 г. Сенгилеевскимъ уѣзднымъ предводителемъ дворянства, членъ Новиковскаго „Дружескаго ученаго общества“ (род. 1763 г.).

[2]) Судьею уѣзднаго суда былъ поручикъ Карлъ Карловичъ Якобій.

това[1]), что онъ, по неудовольствію на него родныхъ папеньки, поручившаго дѣла и счеты, помимо ихъ, постороннему лицу, возвращаетъ ему данную довѣренность. Письмо это сильно его огорчило, но нечего было дѣлать, онъ отвѣчалъ, что передаетъ довѣренность старшему своему племяннику [2]), которой, не согрѣша можно сказать, всѣ деньги употребилъ въ свою пользу. Только и уцѣлѣли двѣ вещи, жалованныя изъ Кабинета: перстень браліантовый и табакерка съ жемчугомъ и браліантами, которыя онъ приказалъ немедля ему прислать.

Въ Сенгилеѣ была одна церковь и то еще недостроенная. Папенька иногда бывалъ у обѣдни и всегда становился возлѣ дьякона, подсказывалъ ему Евангеліе, потому что онъ часто ошибался: не знаю, вѣрно ли, только говорили о немъ, что онъ изъ солдатъ. Папенька велъ большую переписку, приготовляя письма отъ почты до почты; въ спокойныя минуты онъ иногда писалъ шутливыя письма въ стихахъ въ Петербургъ къ старушкѣ, которая, бывало, гадала ему на картахъ. Написалъ пѣсню на голосъ: „Во селѣ, селѣ Покровскомъ, среди улицы большой“. Вотъ она:

Въ городѣ Сенгилеѣ
Жила дѣвушка душа,
Другихъ дѣвокъ удалѣе —
Татьянушка хороша.
Во шелковыхъ сарафанахъ
Наряжалася она,
Съ серебромъ въ своихъ карманахъ
И во всемъ была модна.
Какъ другія — не ходила
Въ крашенинѣ и лаптяхъ,—
Башмаки она носила,
Была въ шелковыхъ платкахъ.
Пріѣзжаетъ изъ Симбирска
Удаленькой молодецъ,
Удаленькой молодецъ, —
Хватской винной продавецъ,
По имени онъ Ванюша;
Поселился въ Сенгелей;
Показалася Танюша
Ему дѣвокъ всѣхъ милѣй.

---

[1]) Служилъ при Безбородкѣ, Ростопчинѣ и Трощинскомъ, въ концѣ XVIII в. былъ правителемъ канцеляріи Почтоваго правленія и въ 1803 г. вышелъ въ отставку; затѣмъ занимался общественно-филантропическими дѣлами. Филатовъ перевелъ съ французскаго: „Поэмы Оссіана“ (С.-Пб. 1810 г.) и „Фарсалію“ Лукана (С.-Пб. 1819 г.); былъ членомъ Бесѣды любителей русскаго слова въ 3-мъ разрядѣ; онъ умеръ въ С.-Петербургѣ 18-го января 1836 г., 75 лѣтъ.

[2]) У Лабзина было два племянника (сыновья его сестры Надежды Ѳедоровны)—Борисъ и Павелъ Степановичи Микулины; оба были (1821 г.) членами ложи „Умирающаго Сфинкса“.

Онъ, увидясь съ ней, цѣлковой
Ей даетъ и говоритъ:
„У меня другой готовой
Дома для тебя лежитъ".

Это было происшествіе тѣхъ дней, почему-то его заинтересовавшее. Написалъ онъ еще стихи на день рожденія маменьки, подъ названіемъ „Къ женѣ моей", которые были напечатаны въ прошлогоднемъ журналѣ „Старый Архивъ" [1]). Въ февралѣ [2]) папенька опасно заболѣлъ; необходимо было послать въ Симбирскъ за докторомъ; онъ пріѣхалъ чрезъ три дня, потомъ послали за лѣкарствомъ, а время проходило безъ помощи больному, и такъ, если сказать по истинѣ, то единственно по волѣ Божіей угодно было возвратить его къ жизни. Наступалъ великій постъ; больной, собравшись съ силами, принялся за утѣшительное его занятіе—переписку. Предъ праздникомъ Воскресенія Христова онъ получилъ письмо длинное, написанное мелко на четырехъ страницахъ (жалѣю, что оно не у меня) отъ митрополита Филарета [3]), съ приложеніемъ тысячи рублей ассигнаціями подъ печатью, изображающею возторгнутые класы,—чистѣйшая эмблема посылаемаго Владыкою насущнаго хлѣба. Спаси его Господи! Дядя мой прислалъ также къ Свѣтлому празднику пятьсотъ рублей ассигн. и постоянно присылалъ и въ слѣдующіе годы къ Рождеству и Святой недѣлѣ по столько же. Въ Свѣтлое Воскресеніе папенька просилъ привести къ нему изъ тюрьмы всѣхъ арестантовъ, вышелъ къ нимъ во дворъ, со всѣми похристосовался, далъ по красному яйцу, приказалъ угостить обѣдомъ, одѣлилъ ихъ деньгами и сказалъ имъ: „Братцы, я самъ также колодникъ, какъ и вы".

Весна открылась сравнительно съ Петербургомъ гораздо ранѣе; мы жили отъ Волги на полверсты разстоянія, а шумъ идущаго по ней льда ясно у насъ въ домѣ былъ слышенъ; она и широка въ этой мѣстности: не помню, чтобъ виденъ былъ противоположный берегъ. Въ началѣ мая я часто ходила слушать пѣніе соловьевъ; это не далеко за городомъ; мѣсто это называется „Клинъ"; мѣстоположеніе живописное, гора усѣяна хижинами живущихъ на ней старовѣровъ; съ горы бѣгутъ во множествѣ чистые ручейки, по мѣстамъ мелкій лѣсокъ, гдѣ обитаютъ неподражаемые Божьи пѣвцы. Жаль было разставаться съ этой гармоніей. Въ одной изъ такихъ прогулокъ мнѣ

---

1) Стихи эти напечатаны М. А. Дмитріевымъ въ „Русскомъ Архивѣ" 1866 г., ст. 855—860.

2) 1823 г.

3) Бывшаго въ числѣ гонителей Лабзина и его „Сіонскаго Вѣстника".

*

случилось вслушаться въ отдаленную пѣсню арестантовъ; вотъ начало, которое мнѣ удалось разслушать и припомнить:

Ты воспой, воспой, младъ жаворончикъ,
Сидючи весной на проталинкѣ,
Ты утѣшь, утѣшь добра молодца,
Въ каменной тюрьмѣ,
За семи дверьми за желѣзными,
За оконцами, за рѣшетчатыми.

Продолженія не помню. Эта пѣсня, хотя пѣтая грубымъ голосомъ (и послѣ голосовъ вольныхъ птичекъ), сдѣлала на меня сильное впечатлѣніе.

Въ концѣ мая [1]), по прошенію сестры [2]) страдальца нашего, государь, снисходя на болѣзненное его положеніе, позволилъ ему переѣхать въ Симбирскъ съ ежегодною ему выдачею на прожитокъ двухъ тысячъ ста рублей ассигнаціями. Мы немедленно переѣхали, и больной нѣсколько ожилъ. Онъ былъ посѣщаемъ лучшимъ обществомъ, изъ котораго могъ выбрать людей по сердцу. Губернаторъ рѣдко очень бывалъ; это былъ напудренный старикъ Лукьяновичъ [3]), въ молодости долженъ былъ быть красивъ, но все-таки продолжалъ заниматься собою и былъ большой поклонникъ дамъ. Полицеймейстеръ Гессе [4]) по третямъ привозилъ выдаваемыя правительствомъ деньги. Пріятельски же съ нимъ были знакомы: Крыловъ [5]), начальникъ Удѣльной конторы, почтмейстеръ Азаревичъ [6]), князь Баратаевъ [7]), но болѣе всѣхъ онъ любилъ проводить время съ Михаиломъ Александровичемъ Дмитріевымъ [8]) и

---

1) 1823 г.

2) Анны Өедоровны Лабзиной, оставшейся въ Петербургѣ и также получившей пенсію.

3) Д. с. с. Андрей Өедоровичъ Лукьяновичъ былъ губернаторомъ съ 1821 по 1826 г.; о немъ см. „Воспоминанія о давно прошедшемъ“ А. Мельниковой, М. 1899 г., стр. 1 и слѣд.

4) Александръ Христіановичъ, подполковникъ.

5) Александръ Алексѣевичъ, колл. сов., служившій ранѣе въ военной службѣ; по словамъ М. А. Дмитріева, онъ, при наймѣ Лабзинымъ квартиры въ домѣ Назаровой, доплачивалъ за нее (безъ вѣдома Лабзина) плату свыше той, за которую она была какъ бы уступлена Лабзину („Русск. Архивъ“ 1866 г., ст. 840).

6) Почтмейстеромъ въ Симбирскѣ былъ колл. сов. Иванъ Өедоровичъ Лазаревичъ, а не Азаревичъ.

7) См. выше, стр. 192.

8) М. А. Дмитріевъ (род. 1796 г., ум. 1866 г.), писатель, поэтъ, авторъ книги „Мелочи изъ запаса моей памяти“; ему принадлежатъ цѣнныя воспоминанія о Лабзинѣ, напечатанныя въ „Русскомъ Архивѣ“ 1866 г., ст. 837—860.

съ архимандритомъ Покровскаго монастыря Серафимомъ [1]). Съ послѣднимъ хотя онъ часто спорилъ, будучи оба умные, ученые и начитанныя головы,—но нерѣдко не сходились во мнѣніи объ одномъ и томъ же предметѣ, но эти споры ихъ, кажется, больше сближали, и папенька часто приглашалъ Дмитріева ѣхать къ архимандриту на бесѣду. Почтенное семейство генерала Ивашева [2]) любило насъ; сынъ ихъ былъ адъютантомъ у Витгенштейна и, къ несчастію, впослѣдствіи попалъ въ декабристы [3]). Они имѣли трехъ дочерей; старшая вышла замужъ за Языкова [4]), брата бывшаго писателя, и другія двѣ, маленькія; самая меньшая была глухонѣмая. На этой свадьбѣ и я повеселилась. Вѣнчали ихъ въ домовой ихъ церкви. У нихъ въ городѣ былъ отличный каменный домъ; по чину генеральскому онъ могъ имѣть и свою церковь; пѣвчіе были свои, также и музыка. И тѣ, и другіе отличились въ свадьбу,—еще болѣе потому, что новобрачная была сама музыкантша и пѣвица. Въ числѣ постоянныхъ нашихъ гостей было семейство Якобія, Сенгилеевскаго уѣзднаго судьи; добрая старушка мать его и сестры были къ намъ всегда внимательны и предупредительны; нерѣдко мы даже пользовались ихъ экипажемъ. Еще ходила къ намъ почти ежедневно преоригинальная старушка—калмычка, маленькаго роста, съ большимъ зобомъ. Она забавляла нашего больного гаданьемъ на картахъ и на кофе, всегда въ утѣшеніе его пророчила ему пропасть хорошаго; онъ ее всегда спрашивалъ: „Да когда же будетъ?“ а она ему отвѣчала: „Погоди, батюшка, у

---

[1]) Былъ архимандритомъ съ 1819 по 1830 г.; о его отношеніяхъ къ Лабзину смотри въ вышеуказанныхъ воспоминаніяхъ Дмитріева (ст. 846 — 847), который, однако, смѣшалъ этого Серафима съ Серафимомъ Глаголевскимъ, впослѣдствіи митрополитомъ С.-Петербургскимъ.

[2]) Петръ Никифоровичъ Ивашевъ, генералъ-маіоръ, георгіевскій кавалеръ, бывшій адъютантъ Суворова и начальникъ его штаба, а въ 1812 г.—кригсъ-коммиссаръ дѣйствующей арміи, при Павлѣ былъ въ немилости; женатъ былъ съ 1797 г. на Вѣрѣ Александровнѣ Толстой (ум. 1837 г.). О немъ см. „Чт. Моск. общ. ист. и древн.“ 1895 г., кн. III, стр. 73. Ему принадлежало село Ватутинки (Богородское), подъ Москвою.

[3]) Ротмистръ Кавалергадскаго полка Василій Петровичъ Ивашевъ (род. 13-го сентября 1794 г.), единственный сынъ Петра Никифоровича, въ 1826 г. былъ приговоренъ къ каторжнымъ работамъ на 20 лѣтъ, но черезъ 10 лѣтъ былъ переведенъ поселенцемъ въ Туринскъ, гдѣ и скончался 28-го декабря 1840 г., ровно черезъ годъ послѣ смерти жены, Камиллы Петровны Ле-Дантю, которая вышла за него замужъ въ 1831 г., пріѣхавъ къ нему изъ Россіи на Петровскій заводъ. Объ Ивашевѣ см. у А. И. Дмитріева-Мамонова, „Декабристы въ Западной Сибири“, М. 1895 г., стр. 140 — 144, Воспоминанія князя и княгини Волконскихъ и др.

[4]) Елизавета Петровна, вышла въ 1824 г. за мужъ за Петра Михайловича Языкова (род. 1798 г., ум. 1851 г.), брата поэта Н. М. Языкова.

Бога милости много", на чтó онъ ей возражалъ: „Подай же мнѣ эту милость"! Онъ иногда шутилъ со мною; я любила лошадей и разъ, увидя красивую лошадь, проговорилась: „Ахъ! какъ мила!" Затѣмъ онъ всегда, увидя хорошую лошадь, кликалъ меня къ окну, говоря: „Софья Алексѣевна, а Софья Алексѣевна! ахъ! какъ мила!"

Иногда въ получаемыхъ отъ одного лица письмахъ, онъ замѣчалъ повторяющіяся начала: „Спѣшу Васъ увѣдомить" и проч.; онъ отвѣчалъ: „Прѣю и потѣю, а къ дѣлу не поспѣю". Общая наша переписка постоянно продолжалась, и я была въ восторгѣ, когда въ первый разъ писала изъ Симбирска, а не изъ „Сенгюлье", какъ писала пять мѣсяцевъ свой адресъ изъ Сенгилея.

Зимою изъ Петербурга пріѣхалъ нашъ поваръ, чтó много облегчило насъ въ прислугѣ: съ нами была одна женщина, которая до того занималась и кухнею. Квартира наша оказалась холодна, то немедля позаботились поставить желѣзную печь, и мы, по милости добрыхъ людей, не зябли. Эта зима была очень сурова, и она мнѣ напоминаетъ объ одномъ замѣчательномъ лицѣ. Въ прошлогоднемъ 1866 году въ журналѣ „Странникъ" я прочитала объ одномъ юродивомъ, называвшемся „Андрюша", проживавшемъ въ Симбирскѣ; я тотчасъ вспомнила, что видѣла его стоявшимъ долго передъ нашими окнами въ одной бѣлой длинной рубашкѣ, подпоясанной веревочкою, босыми ногами, еще видомъ не старый, но уже съ сѣдыми волосами и небольшой бородой. Онъ попеременно поджималъ то ту, то другую ногу и трясъ руками. Признаюсь, я тогда побаивалась подобныхъ людей; теперь вполнѣ чувствую, что это глупо и даже грѣшно. Дорогіе наши Сенгилеевскіе гости—почтеннѣйшій Петръ Петровичъ Тургеневъ и Д. И. Поповъ и въ Симбирскѣ насъ посѣщали; первый останавливался у своей дочери [1]), а послѣдній у насъ, и я всегда уступала ему свою комнату. У проѣзжаго фокусника больной нашъ перенялъ все его искусство, и когда былъ въ расположеніи, то по вечерамъ занималъ своихъ гостей этой забавой и самъ нѣсколько развлекался. Если не постоянная наша мысль, что мы изгнанники и по неволѣ тутъ живемъ, то мы бы могли себя считать счастливыми.

Такъ прошли лѣто и зима 1823 года. На весну 1824 года докторъ нашелъ, что больному нужно пить козье молоко; и у меня въ это время показалась кровь горломъ, почему намъ привели пару козъ; моя коза исхудала, потому, что ея молоко было мнѣ въ пользу, а его коза, напротивъ, раздобрѣла, за то больному ея молоко не по-

---

[1]) Анны Петровны (род. 1795 г., ум. 1855 г.), бывшей за д. с. с. Михаиломъ Николаевичемъ Сушковымъ (род. 1782 г., ум. 1833 г.), Оренбургскимъ вице-губернаторомъ; съ 1816 г. онъ былъ почетнымъ членомъ Вольнаго общества любителей россійской словесности.

могало и тяготило его желудокъ. Докторъ посовѣтовалъ ему ѣхать на воды, находящіяся въ 35-ти верстахъ отъ Симбирска въ селѣ Ундорахъ, въ имѣніи вышеупомянутаго генерала Ивашева. Мы отправились туда въ началѣ іюня; не знаю, какой составъ имѣла эта вода; онъ ее употреблялъ шесть недѣль. Мы пробыли въ Ундорахъ два мѣсяца, гдѣ больной былъ свѣжъ и веселъ. И чего тамъ не было, чтобы доставить удовольствіе! рѣшительно все: радушное гостепріимство хозяевъ, радушное избранное общество, прогулка, музыка, пѣніе; вечеръ всегда заключался исполненіемъ музыкантами зори, а пѣвчіе пѣніемъ „Коль славенъ нашъ Господь въ Сіонѣ". Подобнаго пріятнаго времени я во всю жизнь не проводила. Возвратясь домой въ началѣ августа, больной началъ чувствовать одышку, во время прогулки долженъ былъ на улицѣ садиться на столбикахъ отдыхать; потомъ открылся кашель съ сильнѣйшей мокротой, положившій его въ постель. Въ сентябрѣ онъ исповѣдывался, пріобщался Святыхъ Таинъ, соборовался и сдѣлалъ духовное завѣщаніе, предоставляя все послѣ его остающееся въ пользу жены своей. Между тѣмъ, начали ожидать въ Симбирскъ государя, и многіе добрые знакомые совѣтывали больному подать государю просьбу о прощеніи, на что́ онъ всегда отвѣчалъ: „Какъ я буду просить прощенія, когда я не знаю вины моей; она мнѣ не была объявлена". Въѣздъ государя былъ въ вечеру мимо нашего дома; но больной, не вставая съ постели, могъ только слышать колокольный звонъ и крикъ народа. На другой день по утру маменька рѣшилась отъ своего имени ходатайствовать у государя за умирающаго своего мужа. Просьба была ею подписана, въ вечеру я отправилась съ нею къ дому губернатора, гдѣ былъ государь. Множество народа ожидало его выхода, чтобы ѣхать на балъ въ Благородное Собраніе. Хотя я спрятала мою бумагу, но полиція замѣтила, и квартальный объявилъ мнѣ, что сегодня утромъ принимали прошенія, а теперь уже не время. Я отошла въ другую сторону; въ это время подъѣхалъ къ дому кн. Баратаевъ въ своемъ великолѣпномъ гусарскомъ мундирѣ; хотя я и близко отъ него стояла, но я замѣтила, что ему теперь не до меня. Я подвинулась какъ можно ближе къ выходу, но въ самое это время слышу голосъ квартальнаго, который кричитъ полицеймейстеру: „Александръ Иванычъ, вотъ эта опять подошла, та, что хочетъ подать просьбу". Признаюсь, это было сверхъ моихъ силъ; тѣснота, долгое ожиданіе, новость моего горькаго положенія, боязнь, что силой меня оттолкнутъ прочь, все это заставило меня удалиться. Я сѣла въ экипажъ, поѣхала домой, но дорогой чего-то лошади испугались, понесли, но, наѣхавъ на заборъ, сами остановились, и я только сильно ушибла ногу. Маменька меня встрѣтила, но я ничего не могла ей сказать, потому что у

меня совершенно пересохли языкъ и горло; я была совсѣмъ уничтожена, въ отчаяніи бросила бумагу, думая, что другая на моемъ мѣстѣ была бы смѣлѣе и счастливѣе. На другой день государь уѣхалъ. Всѣ участвовавшіе въ его пріемѣ, отдохнувъ и успокоившись, начали по прежнему навѣщать больного, и на вопросъ ихъ, каково его здоровье, всѣмъ отвѣчалъ одно: „Что вы меня спрашиваете? докторъ, который могъ меня вылѣчить, уѣхалъ, то что̀ можетъ мнѣ помочь?" Постепенно онъ долженъ былъ оставить большую свою переписку, и онъ сдѣлалъ меня своимъ секретаремъ; сначала, когда еще былъ въ силахъ ходить, часто, ходя взадъ и впередъ по комнатѣ и стуча пальцами по табакеркѣ, диктовалъ мнѣ письмо, назначая самъ, гдѣ ставить какой знакъ, говоря: „Комма, двоеточіе, точка съ запятой, точка". Такъ у него матеріалы письма были приготовлены въ головѣ! Право, это былъ необыкновенный умъ. Хотя онъ вставалъ иногда съ постели, но время отъ времени все становился слабѣе. Пищу любилъ самую острую и кислую: ему приготовлялся борщъ, что когда открывали крышку,—у насъ духъ захватывало, а если не такъ, то онъ и кушать не будетъ. Потомъ подавался пирожокъ съ говяжьимъ фаршемъ, внутрь котораго наливался бульонъ. Вотъ и вся его пища. Ночи онъ проводилъ безъ сна: кашель не давалъ ему покою, а если и засыпалъ, то начиналъ стонать, что̀ раздирало душу. Онъ ложился въ постель въ семь часовъ вечера, и я съ маменькой дежурили за полночь, дѣлая ему питье (морковь въ молокѣ) и все, что нужно. Потомъ смѣняла насъ женщина, отдыхавшая всегда, покуда мы сидѣли. Такъ продолжалось четыре мѣсяца. Въ такомъ положеніи наступилъ 1825 годъ; больной такъ былъ слабъ, что кромѣ доктора никого не могъ видѣть и принимать. Онъ весь пожелтѣлъ, но голова и умъ его совершенно были свѣтлы. Жизнь его примѣтно угасала. Въ послѣдній день онъ велѣлъ перевести себя въ той же комнатѣ на другой диванъ, потомъ попросился на кресло, его посадили, затѣмъ сказалъ: „Жена, гдѣ ты? положите меня, дайте мнѣ пить",—ему подали воды съ виномъ, онъ сказалъ: „Дайте мнѣ выпить взаправду,"—и ему подали цѣльнаго вина. Онъ немного выпилъ и сказалъ: „Вѣдь мнѣ очень худо?" Маменька сказала ему: „Молись, мой другъ, Богу" и онъ отвѣчалъ: „И вы то же дѣлайте, молитесь". Она положила земной поклонъ. Онъ перекрестился и съ тѣмъ испустилъ духъ— во 2-мъ часу по-полуночи 26-го генваря.

Нельзя описать первыхъ минутъ нашего горя о его потерѣ. Мы бросились другъ къ другу въ объятія и заплакали, чувствуя вполнѣ, что мы осиротѣли. Всѣ любившіе, сострадавшіе и благодѣявшіе покойному отдали ему послѣдній долгъ; особенно плакали: другъ его Тургеневъ и архимандритъ, у котораго при отпѣваньѣ часто преры-

вался голосъ. Могила его подъ самыми окнами архимандритской кельи [1]), и онъ, конечно, не скоро ее забылъ, какъ по долгу своему, а не менѣе по расположенію къ почившему.

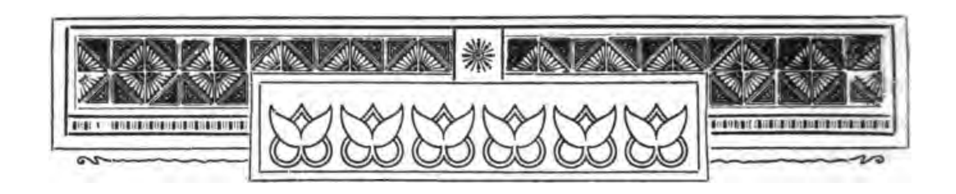
Мы выѣхали скоро изъ Симбирска, потому что поспѣшали въ Москву, гдѣ въ домѣ моего дяди [2]) имѣли продолжительный отдыхъ. При отъѣздѣ нашемъ въ Петербургъ, онъ взялъ съ маменьки слово возвратиться къ нему, что́ и было исполнено по окончаніи ея дѣлъ и по полученіи въ пансіонъ 600 сер., кои покойный получалъ въ Симбирскѣ, въ сентябрѣ мѣсяцѣ, гдѣ послѣ двухлѣтняго продолженія ея жизни, Господу угодно было воззвать ее къ себѣ [3]). Съ ней я все потеряла: у меня на свѣтѣ никого не было милаго... Я иногда думала идти въ монастырь, но судьба иначе устроила, назначивъ мнѣ, чрезъ два года по ея смерти, понести обязанности жены и матери, которыми исполнена была вся жизнь моя.

[1]) Въ Покровскомъ монастырѣ. Памятникъ цѣлъ до сихъ поръ; онъ возобновленъ Симбирской Ученой Архивной Коммиссій (сообщ. К. Н. Ходневъ).

[2]) М. Я. Мудрова.

[3]) А. Е. Лабзина скончалась 3-го октября 1828 г. и погребена на Ваганьковскомъ кладбищѣ; на памятникѣ ея написанъ псаломъ 39-й: „Терпя, потерпѣхъ, Господи, и внятъ ми, постави на камени нозѣ мои и исправи стопы моя“.

Основатель патріаршаго Бизюкова монастыря
Сергій Салтыковъ.

Лѣта 7188 февраля въ 17 день преставися рабъ Божій сея обители фундаторъ іеромонахъ Сергій Михайловичъ Салтыковъ.

17-го февраля текущаго 1905 года исполнилось двѣсти двадцать пять лѣтъ со дня смерти игумена Сергія Салтыкова[1]), основателя патріаршаго Бизюкова монастыря, Смоленской епархіи, упраздненнаго въ 1803 году.

Игуменъ Сергій, въ мірѣ Ѳеодоръ, принадлежалъ къ старинной родовитой фамиліи бояръ Салтыковыхъ, ведущей свое начало отъ прусскаго выходца Михаила Прушанина, поселившагося въ Новгородѣ въ XIII вѣкѣ. Благодаря давности родословной, заслугамъ на высшихъ поприщахъ государственной и общественной дѣятельности и большимъ матеріальнымъ средствамъ представителей своего рода,

---

[1]) Прилагаемый при семъ портретъ Салтыкова снятъ съ портрета, находящагося въ с. Бизюковѣ, Смоленской епархіи. Оригиналъ его сохраненъ священникомъ этого села Іаковомъ Строгановымъ (†1895 г.), что̀ видно изъ слѣдующаго указа Смоленской духовной консисторіи отъ 6 ноября 1852 года. „Преосвященнѣйшій Тимоѳей, епископъ Смоленскій и Дорогобужскій и Кавалеръ, предложеніемъ отъ 6 ноября 1852 года предложилъ Консисторіи предписать приходскому Дорогобужскаго уѣзда села Бизюкова священнику Іакову Строганову, чтобы онъ всемѣрно старался сохранить все, что только носитъ на себѣ священную память о разрушенномъ ставропигіальномъ Бизюковѣ монастырѣ и особенно потщился соблюсти отъ разрушенія какъ портретъ строителя обители, такъ и самую его могилу. Впрочемъ поелику замѣчено, что священникъ Строгановъ заботится о соблюденіи таковой святости и древности, напримѣръ: его попеченіемъ отысканы и сохранены усыпальницы схимонаховъ и нѣкоторыя ихъ одежды, а также портретъ Салтыкова, каковой заботливости предмѣстники его, къ сожалѣнію, не имѣли, то объявить ему отъ лица Епархіальнаго начальства благословеніе и благодарность, со внесеніемъ въ формуляръ“. Кромѣ упомянутыхъ въ этомъ указѣ предметовъ отъ временъ монастыря сохра-

Салтыковы занимаютъ одно изъ видныхъ мѣстъ въ россійской родословной книгѣ дворянъ. По исторической извѣстности среди нихъ замѣтно выдѣляется отецъ Бизюковскаго игумена, бояринъ Михаилъ Глѣбовичъ Салтыковъ-Морозовъ [1]). Бывшій военачальникъ въ Ливонской войнѣ при Грозномъ и посолъ польскій при Өеодорѣ Ивановичѣ и Годуновѣ, Михаилъ Салтыковъ въ смутное время на Руси сталъ во главѣ польской партіи среди московскихъ бояръ, намѣревавшейся передать русскій престолъ въ иноземныя руки. Тогда онъ усердно агитировалъ въ высшихъ кругахъ московскаго общества въ пользу престолонаслѣдства польскаго королевича Владислава, прибѣгалъ къ слезнымъ мольбамъ, убѣжденіямъ и насилію, чтобы вовлечь въ свой замыселъ непреклоннаго патріарха Гермогена, но успѣха не достигъ въ этихъ позорныхъ хлопотахъ. Въ 1613 г. на московскій престолъ взошелъ природный русскій бояринъ, и всѣ измѣнники отечества подверглись всеобщему безчестію.

Вожакъ ихъ Салтыковъ былъ проклятъ патріархомъ, изгнанъ изъ Россіи и искалъ пріюта у литовскаго короля Сигизмунда III-го. Король пожаловалъ ему мѣстечко подъ Черниговымъ, называвшееся Дѣвицей, гдѣ измѣнившій Россіи бояринъ и поселился съ своимъ семействомъ, состоявшимъ въ то время изъ жены Іульяніи, урожденной княгини Звенигородской, дочери и сыновей Петра, Ивана старшаго и младшаго и Өедора. По смерти отца, между 1613—1625 г., семья Салтыковыхъ, томясь одиночествомъ въ далекой Дѣвицѣ, съ королевскаго разрѣшенія, перешла въ дорогобужскія, порубежныя съ Россіей, свои родовыя вотчины, освободившіяся въ то время за смертію, или же за припятіемъ русскаго подданства, ихъ владѣльца Панкратія Салтыкова. Здѣсь старшій братъ Петръ поселился въ с. Озерищахъ, остав-

---

нились: церковь Успенія Пресвятыя Богородицы, построенная архимандритомъ Бизюкова монастыря Давыдомъ Нащинскимъ, — бывшимъ ректоромъ Кіевской духовной академіи и переводчикомъ сочиненій Өеофана Прокоповича на нѣмецкій языкъ (см. нашу статью о Нащинскомъ въ „Трудахъ Кіевской Духовной Академіи" за мартъ 1905 г.),—Михайло-Архангельская церковь, построенная архим. Мелхиседекомъ, родственникомъ историка Татищева (см. нашу брошюру „Бизюковъ монастырь и Смоленскіе епископы". Москва 1905 г. стран. 15), каменная колокольня, стоящая на усыпальницѣ, гдѣ вмѣстѣ съ Салтыковымъ погребенъ строитель ея, архим. Иннокентій, бывшій правитель Смоленской епархіи († 1731 г.) и часть монастырской стѣны. Несомнѣнно, много памятниковъ монастырскаго времени погибло во время сраженія русскихъ съ французами (Брокгаузъ, томъ XXX, столб. 2, стран. 553, Спб. 1900 г.), бывшаго въ Бизюковѣ на пути бѣгства Наполеона изъ Москвы, часть же ихъ отправлена въ Херсонскую епархію, гдѣ въ настоящее время находится Бизюковъ монастырь.

[1]) Русскій біографическій словарь, Спб. 1904 г., на букву „С", стран. 81—87.

шійся въ живыхъ Иванъ младшій въ Борисковѣ, а Өедоръ съ матерью въ с. Бизюковѣ [1]).

Время, когда Салтыковы поселились въ своихъ дорогобужскихъ вотчинахъ, было тяжелымъ временемъ для православныхъ жителей Смоленскаго края. Съ 1611 года онъ находился подъ властію польско-литовскаго короля Сигизмунда III, при которомъ въ 1625 году въ Смоленскѣ была учреждена уніатская архіепископія.

Религіозная нетерпимость къ православнымъ смольянамъ перваго правителя ея, архіепископа Льва Кревзы (1625—1640), была вмѣнена ему въ служебный долгъ королевской грамотой сигизмундова преемника Владислава IV. Этой грамотой король обязывалъ его „всякаго православнаго священника церкви или монастыря, который не хотѣлъ бы быть послушнымъ смоленскому архіепископу, находящемуся во единеніи съ римскою церковью, отдалять отъ церкви и лишать священства [2])“. Эту обязанность Кревза выполнялъ столь ревностно и столь широкихъ результатовъ достигъ въ борьбѣ съ православіемъ, что, по отзыву уніатскаго церковнаго историка Суши, къ концу его правленія епархіей въ Смоленскѣ не осталось ни одного схизматика. Также жестоко преслѣдовалъ всѣхъ противниковъ уніи и преемникъ Крезвы, архіеп. Андрей Квашнинскій (1640—1654) [3]). Тяжелое положеніе православныхъ жителей Дорогобужскаго уѣзда, лишенныхъ религіозной свободы, въ то время увеличивали бунты и междоусобицы крестьянъ на порубежьи, гдѣ находились вотчины Салтыковыхъ.

Дорогобужцы и вяземцы, въ настоящее время братья по вѣрѣ, земляки по родному краю и сосѣди по жительству, тогда были подданными двухъ враждебныхъ государствъ. По беззавѣтной удали широкой русской натуры, по ея же неравнодушію къ чужому благополучію, то, наконецъ, по родному же русскому: „до Бога высоко, до царя далеко“, дорогобужцы, точно древній печенѣгъ, или злой татаринъ, дѣлали набѣги на мирныя поселенія сосѣдей вяземцевъ, пользуясь всѣми пригодными въ данномъ случаѣ мѣрами: насиліемъ, огнемъ и мечемъ. Тѣ отвѣчали тѣмъ же, мстя за разбои и лишенія, и такимъ образомъ происходили набѣги, грабежи, пожары, поимы, бои и смертныя убійства, которыми характеризуется бытовая жизнь дорого-

---

[1]) Привилегій польскаго короля Сигизмунда III, Петру, Ивану и Өедору Салтыковымъ. Московскій архивъ Министерства Юстиціи, Литовскія метрики, № 97, ст. 23.

[2]) Привилегій Владислава IV смоленскому архіепископу Льву Кревзѣ отъ 9 февраля 1633 года. Литовскія метрики, № 108-й, л. 7—13.

[3]) Чистовичъ, Очеркъ исторіи Западно-Русской церкви, ч. II, стран. 401. Спб. 1884 г.

бужскаго порубежья Литовскаго государства въ послѣднія десятилѣтія предъ присоединеніемъ Смоленскаго края къ Москвѣ [1]).

Въ это тяжкое время всесторонних бѣдствій для православныхъ дорогобужанъ, у владѣльца с. Бизюкова Θедора Салтыкова явилось высокое намѣреніе основать православный монастырь. Для мѣстнаго православнаго населенія, насильственно обращаемаго въ унію уніатской іерархіей, это было великимъ благодѣяніемъ. Но основаніе монастыря по тому времени было сопряжено съ большими затрудненіями. Требовалось разрѣшеніе отъ короля и благословеніе отъ православной церковной іерархіи; король же въ 1633 году издалъ вышеупомянутое распоряженіе объ обращеніи православныхъ смольянъ въ унію, а кіевскій митрополитъ Петръ Могила, въ то время управлявшій западно-русской церковью, находился весьма далеко отъ Дорогобужа. При томъ же, нужно было ожидать, что преемникъ Кревзы фанатикъ Квашнинскій, отличавшійся особенною непріязнію къ православнымъ, и іезуиты, занявшіе сосѣдній съ Бизюковымъ Болдинъ монастырь, окажутъ всѣ мѣры противодѣйствія основанію православнаго монастыря. Но все, что нужно было для его основанія, сдѣлала и всѣ препятствія превозмогла благочестивая ревность Θедора Салтыкова. По признательности къ заслугамъ польской коронѣ его отца, боярина М. Г. Салтыкова, уступчивый и по душѣ вѣротерпимый король Владиславъ въ 1640 году далъ ему привилегій на основаніе монастыря; кіевскій же митрополитъ прислалъ свое благословеніе, призналъ новую обитель ставропигіальной и взялъ ее на свое попеченіе.

Такимъ образомъ подъ сѣнь Крестовоздвиженской церкви с. Бизюкова, бывшей здѣсь до переселенія Салтыковыхъ, въ ихъ богатую вотчину стали собираться благодатные воспитатели народнаго духа, первые иноки. Начали строиться келліи, приноровляться помѣщенія къ условіямъ монастырскаго быта, открывалась ежедневная служба, предъ святынями затеплились лампады, и сельская жизнь Бизюкова была объята новой идейно-высокой жизнью возникшей обители, началъ свое существованіе Бизюковъ монастырь. Съ устроеніемъ его Салтыковымъ было воздвигнуто священное знамя мира и любви для окрестныхъ мѣстностей — арены грабежей, поимовъ, боевъ и смертныхъ убійствъ. Сюда же, въ монастырь, изъ окрестныхъ мѣстностей собирались православные жители, присутствовали здѣсь за роднымъ богослуженіемъ, исповѣдывали свою православную вѣру, молились отъ совращенія въ унію и получали благодатную помощь въ борьбѣ съ

[1]) Выписки о разореніи и грабежахъ польскихъ людей россійскихъ деревень, стоящихъ близъ Польскаго рубежа. Въ дѣлахъ Польскаго двора, хранящихся въ Московскомъ Главномъ Архивѣ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ, въ 9-омъ свиткѣ подъ № 1-мъ, за 1625, 1632, 1634 и др. годы.

сильною властію уніатской іерархіи, усердно насаждавшей унію въ Смоленской епархіи. Всѣ богомольцы вновь возникшей обители переживали ея благотворное вліяніе. Коснулось оно и самого строителя Салтыкова. Его радовало осуществленіе думы о построеніи монастыря и сознаніе его великой пользы и нужды, какъ очага гонимаго уніей православія и какъ благодатнаго источника. Хотя въ это время шли еще сороковые годы описываемаго XVII в., для него годы не старческіе, но онъ уже чувствовалъ себя утомленнымъ обстоятельствами предыдущаго времени, и 20 іюля 1643 года составилъ духовное завѣщаніе.

Въ этомъ завѣщаніи ясно отражается высокая личность строителя и патрона Бизюкова монастыря, мірянина Өедора Салтыкова. „Его занимаетъ мысль о смерти, припоминаются слова Христовы: будьте готовы, яко въ онь же часъ не мните, Сынъ Человѣческій пріидетъ, взору предносится земная жизнь людей, въ которой такъ много опасностей, смертельно поражающихъ человѣка". При кратковременности ея всякій христіанинъ пока въ силахъ, по сознанію завѣщателя, долженъ совершать благія дѣла, чтобы не оказаться невѣрнымъ приставникомъ даровъ Божіихъ, удовлетворить Божію правосудію и обрѣсти на страшномъ судѣ милость Судіи. Завѣщателя страшитъ мысль о возможности раздоровъ послѣ его смерти изъ-за имущества, и онъ спѣшитъ составленіемъ завѣщанія устранить страданія своей безсмертной, многогрѣшной души. Та же боязнь побуждаетъ его усердно просить Господа Бога внушить исполнителямъ тестамента его остатней (послѣдней) воли сдѣлать все, согласно его завѣщанію.

Въ самомъ завѣщаніи Салтыковъ прежде всего выражаетъ желаніе, чтобъ его тѣло по христіанскому обычаю было похоронено при церкви Воздвиженія Честнаго Креста въ Бизюковѣ монастырѣ, который онъ при помощи и милости Божіей построилъ въ православной, всходной (восточной) церкви. Далѣе онъ подписываетъ своему монастырю часть своихъ вотчинъ, поручаетъ мать инокиню Евдокію духовному попеченію игумена Гедеона, проситъ вознаградить послѣ своей смерти своихъ слугъ, назначаетъ патронами и экзаменаторами завѣщанія своихъ родственниковъ и знакомыхъ и проситъ ихъ, подъ страхомъ суда Божія, быть опекунами и оборонцами Бизюкова монастыря, напоминая, что за нихъ иноки монастыря вѣчно будутъ приносить Господу прилежныя молитвы [1])". Повидимому, это завѣщаніе послѣдній разсчетъ съ міромъ Өедора Михайловича. Онъ все предусмотрѣлъ и устроилъ, оставалось только наступить послѣднему часу жизни. Но въ дѣйствительности въ 1643 году онъ не умеръ, и за-

[1]) Духовная Өедора Салтыка. Сборникъ Муханова, подъ № 342.

вѣщаніе отъ его смерти отдѣляетъ немалое разстояніе времени тридцати семи лѣтъ. Изъ завѣщанія не видно, чтобы тяжелый недугъ расположилъ его къ размышленію о смерти, продиктовавшему все изложенное въ немъ, поэтому остаются въ силѣ указанные въ завѣщаніи мотивы его составленія. Да и не время еще было ему умирать: монастырь только-что начиналъ свое существованіе и его строителю о многомъ нужно было позаботиться. Къ тому же все еще длилось тяжелое время литовскаго ига. Около монастыря бродили шайки поляковъ. Грабя и разоряя деревни и села, они не скрывали своего страшнаго замысла: перебить всѣхъ черныхъ поповъ и разорить православныя церкви. Напуганные этой угрозой, двѣнадцать иноковъ изъ первыхъ насельниковъ Бизюковской обители въ 1648 г. бѣжали за московскій рубежъ подъ защиту русскаго царя, и, очевидно, что только защита патрона спасла ее отъ разоренія [1]). А именно теперь, болѣе чѣмъ когда-либо, монастырь могъ надѣяться на попеченіе о себѣ своего основателя. Въ близкое къ упомянутому печальному случаю бѣгства монаховъ онъ принялъ монашество и съ этой поры уже весь принадлежалъ монастырю. Принятіе монашества Ѳедоромъ Михайловичемъ понятный и вполнѣ ясный поступокъ. Склонность къ монашеству появилась въ немъ навѣрное еще въ ранніе годы въ Москвѣ, когда, въ смутное время, поругаема была св. вѣра православная, лилась кровь междоусобной войны, страдали вѣрные сыны Россіи. Невольное же изгнаніе въ польской Дѣвицѣ, при тѣхъ же мрачныхъ картинахъ польскаго ига, естественно, могло только усилить это стремленіе. Но до времени оно не нашло себѣ исхода въ монашествѣ. До сороковыхъ годовъ описываемаго вѣка Салтыковъ оставался въ мірѣ, вступилъ въ бракъ, имѣлъ семью, любовь же свою къ монашеству показалъ, основавши монастырь въ своихъ владѣніяхъ. Съ основаніемъ монастыря въ давнишнемъ стремленіи его къ монашеству оставалось нѣчто недоконченное, не было полнаго удовлетворенія своимъ положеніемъ. Смерть жены и принятіе монашества матерью подсказали, куда его влечетъ собственное призваніе и обстоятельства жизни,—и сынъ знатнаго боярина, владѣлецъ богатыхъ вотчинъ, Ѳедоръ Салтыковъ сталъ инокомъ Сергіемъ. Пройдя нѣсколько лѣтъ монастырскаго послушанія подъ руководствомъ игуменовъ Гедеона и Кирилла, онъ около 1656 года самъ сталъ во главѣ монастыря, въ началѣ въ званіи строителя, а затѣмъ игумена.

Между тѣмъ въ 1654 году совершилось присоединеніе Смоленскаго края къ Москвѣ, и Бизюковъ монастырь изъ литовскаго под-

[1]) Акты Юго-Западной Россіи, т. III, ст. 237.

данства перешелъ къ родной православной Россіи, принявши церковную зависимость отъ московскаго патріарха. Спустя два года по принятіи русскаго подданства, изъ Москвы на имя строителя Бизюкова монастыря старца Сергія пришла царская грамота, которой къ его монастырю приписывался сосѣдній Свирколуцкій монастырь, основанный въ XVI в. преподобнымъ Герасимомъ Болдинскимъ [1]. Безшумной, заботливой дѣятельности по управленію двумя монастырями вмѣстѣ съ примѣрными иноческими подвигами для назиданія братства обоихъ монастырей игуменъ Сергій и намѣренъ былъ посвятить остатокъ своей жизни, но судьба готовила ему иное.

Въ это время шли вѣчно памятные пятидесятые годы XVII вѣка. Тревожно было тогда въ Москвѣ. Замѣчалось сильное возбужденіе во всѣхъ слояхъ общества. Чувствовалось что-то грозное, вѣщее. Отъ времени до времени на открытыхъ мѣстахъ, чтобы обратить на себя вниманіе, появлялись странныя лица. Порывисто жестикулируя, они говорили непонятныя рѣчи о гнѣвѣ Божіемъ, объ ересяхъ, антихристѣ и послѣднихъ временахъ міра, электризуя толпу силою слова и убѣжденностію тона. Проходили на патріаршій дворъ колодники и также необычнаго вида: изъ духовныхъ. А въ иной разъ народная толпа устремлялась на площадь, чтобы посмотрѣть на казнь разстриженныхъ поповъ и монаховъ. Это начался русскій расколъ.

Не казовая сторона этихъ явленій интересовала Бизюковскаго игумена, пріѣзжавшаго въ Москву по монастырскимъ дѣламъ. Къ подобнымъ явленіямъ онъ уже присмотрѣлся въ западномъ краѣ, любопытно было узнать о причинѣ общаго волненія и уличныхъ демонстрацій. Объясненіе этихъ явленій онъ могъ получить отъ своего родственника, царскаго окольничаго, боярина Михаила Салтыкова [2], въ домѣ котораго останавливался во время пріѣздовъ, и особенно отъ двухъ друзей этого дома: дворецкаго Салтыкова Исаіи и извѣстнаго въ расколѣ протопопа Аввакума. Исаію раскольническій писатель Семенъ Денисовъ помѣстилъ въ числѣ знаменитыхъ первыхъ расколоучителей, витійственно описанныхъ имъ въ раскольничьемъ патерикѣ, въ его Виноградѣ россійскомъ. По Денисову „Исаія былъ мужъ достохвальный разумомъ, достохвальный честію, достохвальнѣйшій страданіемъ. И онъ же, дивный Исаія, своего господина утверждаше въ древле церковномъ благочестіи стояти, еже не креститися тремя персты, но двѣма перстома знаменатися и иного древле православія держатися несумнѣнно“. Какъ упорный фана-

---

[1]) Описаніе документовъ и дѣлъ архива св. Сvнода, т. II, ч. 2, столб. 210 и приложенія, столб. LXXX — LXXXI.

[2]) Повседневныя дворцовыя записки времени Михаила Ѳеодоровича и Алексѣя Михайловича, ч. II, стран. 49, 65, 155 и др., Москва, 1769 г.

тикъ и пропагандистъ раскола, Исаія былъ сожженъ. „И испечена бысть, заключаетъ Денисовъ Исаіино житіе, жертва пречиста, пресладка, благоуханна, всѣхъ Владыцѣ Господу въ алтарь принесеся [1])“. Бояринъ Салтыковъ протежировалъ упомянутому протопопу Аввакуму и, какъ человѣкъ вліятельный у государя, не разъ спасалъ его отъ грознаго патріарха. Защита покровителя однако не спасла его: 1-го апрѣля 1681 года за великій на царскій домъ хулы онъ былъ сожженъ [2]), подобно Исаіи сталъ жертвой пресладкой и благоуханной. Эти двѣ жертвы отуманили своимъ благоуханіемъ вмѣстѣ съ бояриномъ Салтыковымъ и Бизюковскаго игумена.

Съ послѣднихъ словъ долженъ начаться грустный эпизодъ въ жизни Сергія Михайловича: его увлеченіе расколомъ. Съ описаніемъ этого увлеченія видимо должна прибавиться лишняя темная страница въ его біографіи, повѣствующая о томъ, какъ онъ, будучи преданнымъ сыномъ православной церкви и основателемъ монастыря въ прославленіе гонимаго православія, сталъ подъ темное знамя раскольничьяго раздора, бѣжалъ въ глухіе нижегородскіе лѣса, и подсудимымъ лицомъ являлся на московскій соборъ 1666—67 года.

Прибавилась ли однако эта страница?

Исключить ее нельзя, она была, но бросаетъ ли она тѣнь на свѣтлый обликъ Бизюковскаго игумена, покажутъ обстоятельства его отпаденія въ расколъ.

Вышеупомянутые ревнители старины, друзья боярина Салтыкова, собираясь въ его домѣ, вели оживленныя бесѣды о волновавшей въ то время московское общество церковной реформѣ п. Никона [3]). По этимъ бесѣдамъ Сергій Михайловичъ уяснилъ себѣ сущность этой реформы. Оказывалось, что патріархъ Никонъ, церковной зависимости котораго онъ, съ принятіемъ русскаго подданства, подчинилъ свой монастырь, былъ богоотступникомъ и еретикомъ, а его церковныя нововведенія есть еретическое заблужденіе, извращающее православную вѣру. Что затѣя патріарха незаконна, это видно изъ его образа дѣйствій: не послушныхъ себѣ онъ бросаетъ въ тюрьмы, разстригаетъ и ссылаетъ по монастырямъ, а что его противники правы, что мѣропріятія патріарха полны ересей и заблужденій, тому служатъ свидѣтельствомъ жертвы патріаршаго произвола, ихъ единодушный протестъ и страданія. При томъ, всѣ классы московскаго общества: бояре, духовные и холопы, юродивые и женщины него-

---

[1]) Виноградъ россійскій по рукописи Московской Хлудовской библіотеки, ст. 90—98.

[2]) Смирновъ, Исторія русскаго раскола старообрядства, ст. 87, Спб. 1895 г.

[3]) Щаповъ, Русскій расколъ старообрядства, Казань 1859 г., стран. 227, 296 и 343.

дуютъ, возмущены намѣреніями патріарха, готовы стать на защиту рушимой вѣры, и это единодушіе, негодованіе и жертвы служатъ вѣрной оцѣнкой церковной реформы.

Для гостя боярина Салтыкова, Бизюковскаго игумена, было ясно изъ этихъ рѣчей его новыхъ знакомыхъ, что церковныя преобразованія московскаго патріарха представляютъ, подобиое уніи, гоненіе на православную вѣру и церковь, которое нѣкогда онъ пережилъ въ Польшѣ. Этотъ выводъ безъ колебаній опредѣлилъ его отношеніе къ церковно-обрядовой реформѣ. Онъ примкнулъ къ противникамъ ея и отдался защитѣ церковной старины со всѣмъ увлеченіемъ неофита. Сказалось вліяніе фанатическихъ бесѣдъ Аввакума и Исаіи на Сергія Михайловича: увлекшись ими, онъ отпалъ въ расколъ.—Получилось новое данное о немъ: „моленійцо протопопа Аввакума царю Алексѣю Михайловичу о Нероновѣ, Сергіѣ Салтыковѣ и прочихъ ко жребію святительскаго чина достойныхъ, ихже нужно ему, великому государю, снискать“ [1]), данное, по которому въ исторіяхъ раскола онъ, какъ кандидатъ на архіерейство, рекомендованный самимъ протопопомъ Аввакумомъ, признается выдающимся расколоучителемъ [2]). Не считаясь съ этимъ отзывомъ о Бизюковскомъ игуменѣ, продолжимъ исторію его увлеченія расколомъ. Признано, что протестъ противъ церковно-обрядовыхъ исправленій патріарха Никона выходилъ не изъ личныхъ побужденій мести къ нему главнѣйшихъ и болѣе вліятельныхъ выразителей противленія, не изъ одного лишь упорнаго стремленія современниковъ раскола сохранить въ неизмѣнномъ видѣ дорогое наслѣдіе благочестивой русской старины,. но главнымъ образомъ изъ высокаго мотива ревности о церкви, изъ желанія, одушевленнаго боязнію за спасеніе души, предохранить православную вѣру отъ ересей, которыя просвѣщенные ревнители ея видѣли въ каждой подробности реформы патріарха Никона. Поэтому въ числѣ противниковъ послѣдней были несомнѣнно лица, руководившіяся въ отрицаніи обрядовыхъ исправленій единственно религіозными побужденіями душеспасенія. При самыхъ разнообразныхъ и противоположныхъ взглядахъ и сужденіяхъ, мнѣніяхъ и отзывахъ, высказывавшихся о церковныхъ преобразованіяхъ второй половины XVII вѣка, лицамъ, заинтересованнымъ въ нихъ и пожелавшимъ стать къ нимъ въ опредѣленное отношеніе, весьма не легко было узнать, не опасны ли эти преобразованія для московскаго православія и примѣрнаго русскаго благочестія, или же, напротивъ, они есть нѣчто необходимое въ церков-

---

[1]) Матеріалы для исторіи раскола, изданные подъ редакціей Н. И. Субботина, т. I, Москва, 1875 г., стран. 198—199.

[2]) Смирновъ, Исторія раскола. Спб. 1895 г., стран. 60.

ной жизни, что слѣдуетъ принять, иначе патріархъ Никонъ—еретикъ ли, или же доблестный пастырь, ревнующій о лучшихъ средствахъ спасенія. Рѣшеніе этого вопроса влекло за собою двоякое слѣдствіе: при положительномъ—послушаніе церковной власти и принятіе новыхъ чиновъ и обрядовъ, при отрицательномъ—противленіе ей и переходъ въ расколъ; при чемъ сомнѣніе о церковныхъ новшествахъ разрѣшалось или при благопріятныхъ условіяхъ (увѣщаніе церковной власти) и въ этомъ случаѣ переходило въ убѣжденіе правильности и необходимости ихъ, или же при неблагопріятныхъ (сужденія о реформѣ фанатичныхъ приверженцевъ старины), при которыхъ переходило въ протестъ противъ этихъ нововведеній, по силѣ противленія равный непріязненному чувству къ нимъ фанатика, совратителя новаго прозелита въ расколъ.

Къ лицамъ, о которыхъ ведемъ рѣчь, должно причислить и Сергія Михайловича. При родствѣ съ бояриномъ Салтыковымъ, убѣжденнымъ старообрядцемъ и покровителемъ противниковъ патріарха Никона, онъ оказался въ весьма благопріятныхъ условіяхъ для отпаденія въ расколъ. Отъ Аввакума и Исаіи онъ не могъ услышать безпристрастнаго сужденія о дѣлахъ церковнаго реформатора. Въ домѣ Салтыкова слышалась одна лишь непристойная брань на виновника опасной затѣи и изрыгались хулы на еретическую никоніанскую церковь, собиравшимся здѣсь фанатикамъ грезились послѣднія времена міра, свѣтопреставленіе и пришествіе антихриста. Измышленія и догадки выдавались за безспорныя положенія, высказывались пророческимъ тономъ съ чувствомъ фанатизма, какъ страстнаго, огненнаго горѣнія за пропагандируемыя идеи. Подобнаго тона и содержанія рѣчи могли поколебать душевное равновѣсіе человѣка съ самыми твердыми убѣжденіями и такого вліянія ихъ естественно было ожидать на Сергія Михайловича, жившаго долгое время въ Западномъ краѣ и не имѣвшаго противоположныхъ отзывовъ о церковныхъ преобразованіяхъ. Такимъ образомъ непринятіе новоисправленныхъ богослужебныхъ чиновъ и обрядовъ для него стало дѣломъ рѣшеннымъ.

Но разъ задѣтая совѣсть не могла уже дать ему покоя и требовала жертвъ исповѣдника гонимой вѣры.

Стояніе за старую вѣру выражалось въ расколѣ или въ положительныхъ страданіяхъ чрезъ тюремныя заключенія, тѣлесныя наказанія и смерть, или же въ укрывательствахъ, въ бѣгствахъ въ глухія лѣсистыя мѣстности. Въ послѣднихъ скрывались лица, не надѣявшіяся на успѣшный исходъ борьбы съ сильнымъ патріархомъ и разсуждавшія о своемъ отношеніи къ его реформѣ такъ, что они, по убѣжденіямъ старообрядцы, должны избрать такое положеніе, въ которомъ было бы возможно сохранить старую вѣру и жить по прави-

ламъ святыхъ отцовъ. Такимъ положеніемъ они признали бѣгство изъ Москвы и жизнь въ скитахъ, вдали отъ міра.

Весьма удобнымъ мѣстомъ для укрывательствъ былъ при началѣ раскола Нижегородскій край (мѣстности по рѣкамъ Керженецъ и Бѣлбашъ) съ дремучими лѣсами, непроходимыми топями и глубокими снѣгами. Объ этомъ краѣ и первыхъ поселенцахъ тамъ шла такая слава: „нѣсть во всей вселенной лучше такія вѣры, якоже тамо, и нѣсть нигдѣ добродѣтельныхъ человѣкъ, якоже тамо, и нѣсть спасенія душевнаго, хотящимъ спастися, якоже тамо" [1]).

Здѣсь искалъ душевнаго спасенія и Бизюковскій игуменъ Сергій Салтыковъ [2]). Церковно-обрядовую реформу московскаго патріарха, онъ, какъ было замѣчено, оцѣнивалъ по ея отношенію къ своей вѣрѣ православной, въ которой онъ твердо окрѣпъ во времена уніи и на прославленіе которой воздвигъ священный памятникъ въ Бизюковѣ монастырѣ. При принятіи этой реформы была опасность утратить ее, при бѣгствѣ же въ отдаленный, славный своимъ благочестіемъ Керженецъ можно было сохранить цѣлостной и неизмѣнной. Такимъ образомъ Сергій Михайловичъ оказался (послѣ 1660 года) на Керженцѣ, въ одномъ изъ скитовъ этого старообрядческаго поселенія, который, со времени бѣгства его сюда, получилъ названіе „Смольяны" [3]). Когда прошелъ первый порывъ увлеченія протестомъ противъ дѣлъ московскаго патріарха и Сергій Михайловичъ трезво отнесся къ своему поступку, для него стало яснымъ, что держаться старины можно и въ Бизюковѣ монастырѣ, значительно отдаленномъ отъ Москвы. Придя къ этому убѣжденію, онъ покинулъ нижегородскіе Смольяны и возвратился на родину, гдѣ мы и видимъ его въ 1665 году при обычныхъ занятіяхъ игумена [4]). Но по своей принадлежности къ старообрядческому салтыковскому кружку и вслѣдствіе челобитной протопопа Аввакума, онъ сталъ извѣстенъ церковнымъ властямъ, и, какъ противникъ книжныхъ исправленій, позванъ былъ на соборъ 1666—67 года. Составитель соборныхъ дѣяній, перечисляя лицъ, судимыхъ въ десятомъ засѣданіи этого собора, записалъ о Сергіѣ Михайловичѣ: „равнѣ игуменъ монастыря Бизюковскаго Сергій Салтыковъ, по многомъ своемъ сомнѣніи и любопреніи словномъ, пріиде въ покаяніе, пріятъ благословеніе и отпущенъ бысть на свое

---

[1]) Смирновъ, Внутренніе вопросы въ расколѣ въ XVII вѣкѣ, Спб. 1898 г., примѣчаніе на стран. XXIX — XXXIV.

[2]) Нижегородскія епарх. вѣдомости, за 1866 г., № 10, стран. 400—401.

[3]) Садовскій, Исторія раскола въ Нижегородскомъ краѣ, рукописное сочиненіе, хранящееся въ библіотекѣ Казанской духов. академіи.

[4]) Грамоты по Дорогобужскому уѣзду за 1665 г., хранящіяся въ Московскомъ архивѣ министерства юстиціи подъ № 7—3657.

обѣщаніе въ монастырь Бизюковскій"[1]). По этимъ краткимъ умѣреннаго тона строкамъ судебнаго акта видно, что въ лицѣ Бизюковскаго игумена предъ соборомъ стоялъ не фанатичный приверженецъ старины и упорный расколоучитель, а жертва раскольничьей пропаганды, ученикъ Аввакума и Исаіи. Но отъ своихъ учителей ученикъ усвоилъ лишь сомнѣніе въ правильности и необходимости новыхъ обрядовъ и увлеченіе протестомъ. На „любопреніи словномъ" съ отцами собора это сомнѣніе разъяснилось. Сергій Михайловичъ узналъ, что исправленіе патріархомъ Никономъ богослужебныхъ чиновъ и обрядовъ было дѣломъ уважительно мотивированнымъ, необходимымъ, правильнымъ и одобреннымъ греко-русскою церковью. Убѣдившись въ этомъ, онъ принялъ новоисправленныя богослужебныя книги, далъ обѣщаніе въ послушаніи св. церкви и былъ отпущенъ соборомъ въ свой монастырь.

Съ возвращеніемъ съ собора оканчивается историческая извѣстность Бизюковскаго игумена, печатныя данныя больше не упоминаютъ о немъ, архивныя же говорятъ объ его заботливой дѣятельности на благо и процвѣтаніе своихъ монастырей и о мирной кончинѣ 17 февраля 1680 года.

Воспроизведя теперь подробности жизни Сергія Михайловича, обстоятельства устроенія имъ своего монастыря и его обликъ до увлеченія расколомъ, можно утверждать, что религіозное волненіе половины XVII вѣка, бурными потоками разлившееся изъ Москвы по отдаленнымъ окраинамъ Руси, не могло пройти мимо Бизюковой обители, не могло не захватить и ея приснопамятнаго строителя. Въ краткихъ словахъ трудно воспроизвести тѣ чувства и состоянія, изъ которыхъ слагался душевный міръ современниковъ реформы патріарха Никона. На исключительно религіозную настроенность ихъ она вліяла многоразлично и во всѣхъ случаяхъ глубоко, рѣшительнымъ образомъ. Проповѣдники на площадяхъ и въ церквахъ, запугивавшіе набожный народъ антихристомъ и ересями, колодники съ выраженіемъ безповоротной рѣшимости и исповѣдническаго энтузіазма на страдальческихъ лицахъ, религіозный бредъ и экзальтированныя рѣчи пожираемыхъ огнемъ самосожигателей, ожидавшіе свѣтопреставленія и заживо погребавшіе себя ревнители старины, юродивые, бѣгавшіе за царемъ и умолявшіе его на древлее благочестіе вступити, шумѣвшія въ теремахъ боярыни и холопки, хулы на мнимо еретическую никоніанскую церковь, слезы, паденія ницъ и мольбы о прощеніи и помилованіи судимыхъ соборомъ 1666—67 года лицъ, эти и подобныя имъ явленія переполняютъ собою первоначальную исторію раскола; и изъ нея видно,

[1]) Матеріалы для исторіи раскола, т. II, Москва, 1876 г., ст. 118.

сколь многочисленными и разнообразными лучами отражалась реформа патріарха во внутреннемъ душевномъ мірѣ ея современниковъ, какія вызывала она настроенія, на какіе поступки располагала, вообще же, что она коснулась священнѣйшаго достоянія религіозной души русскихъ людей — ихъ св. вѣры. Палъ лучъ свѣта отъ дѣлъ патріарха Никона и на набожнаго Бизюковскаго игумена, но не чистымъ и яснымъ, а преломленнымъ чрезъ религіозную нетерпимость и личную непріязнь къ церковному преобразователю протопопа Аввакума, и изъ послушнаго сына православной церкви, какимъ былъ Бизюковскій игуменъ, онъ обратился въ хулителя и противника ея.

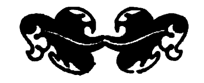
Увлеченіе расколомъ послужило для него новымъ испытаніемъ послѣ литовской церковной уніи, равносильнымъ ей по своему вліянію на его душевный міръ. Гоненія отъ уніатовъ возвысили и укрѣпили его православныя убѣжденія, увлеченіе же расколомъ сдѣлало ихъ болѣе сознательными и осмысленными. Будучи слѣпымъ приверженцемъ церковной старины по отпаденіи въ расколъ, послѣ собора 1666—67 г. онъ получилъ ясное понятіе о неизмѣнныхъ догматахъ православной вѣры и о церковной обрядности, подлежащей измѣненіямъ и усовершенствованію. И какъ унія не всѣхъ православныхъ привела къ католичеству, такъ и протестъ противъ церковной реформы патріарха Никона не всѣхъ противниковъ ея привелъ къ окончательному разрыву съ церковію и къ соборной анаѳемѣ. Кто покаялся въ своемъ заблужденіи, тотъ вышелъ съ собора оправданнымъ и прощеннымъ и не съ темною памятью о пребываніи въ расколѣ, а скорѣе съ славнымъ именемъ преданнаго сына св. церкви, представившаго въ своемъ увлеченіи протестомъ, въ лишеніяхъ и жертвахъ на защиту своихъ убѣжденій доказательство силы и твердости своего религіознаго чувства. И какъ мутная волна, прибивая къ прибрежной скалѣ, отлагаетъ отъ себя примѣсь, захваченную въ неопрятномъ мѣстѣ, такъ и отпавшіе въ расколъ и потомъ раскаявшіеся на соборѣ защитники церковной старины оставили у своихъ учителей все, что есть дурнаго въ расколѣ, и съ чувствомъ покаянія и любви возвратились въ лоно церкви.

Такимъ же вышелъ изъ раскола и перешелъ въ народную память и строитель Бизюкова монастыря Сергій Салтыковъ.

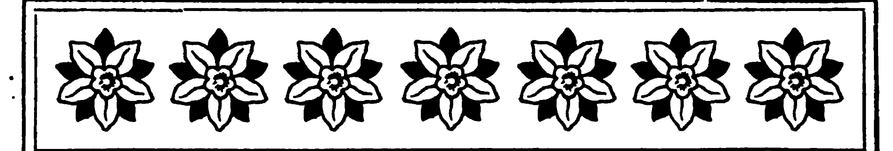
Минуло уже сто лѣтъ, какъ погасли послѣднія лампады въ этой обители. Время давно свѣяло съ народной памяти ея богатое прошлое, какъ оно же глубоко заметало вѣковою пылью кости монастырскихъ подвижниковъ. Одно только имя строителя ея Сергія осталось внѣ его дѣйствій. Изъ двухвѣковой дали времени, благоговѣйно хранимое, прошло оно чрезъ ряды смѣнявшихся поколѣній и цѣлымъ, не предавшись забвенію, достигло до нашей поры. Теперь его можно слы-

шать въ праздничной бесѣдѣ крестьянъ с. Бизюкова въ церковной оградѣ, гдѣ священные остатки обители невольно располагаютъ ихъ къ благодарному воспоминанію его имени. Съ особенною же силой ихъ благоговѣйная память къ своему именитому односельчанину живетъ въ глубокое утро великаго дня пасхальной седмицы, когда, по старинному обычаю, съ иконами и пѣніемъ „Христосъ воскресе" они изъ храма приходятъ въ усыпальницу, окружаютъ его гробницу и поминаютъ въ молитвахъ строителя бывшей Бизюковой обители, игумена Сергія [1]).

П. Строгановъ.

[1]) Авторъ исторіи россійской іерархіи Амвросій Орнатскій (ч. II, Москва, 1810 г., стран. 570); Звѣринскій въ Матеріалахъ для историко-топографическаго изслѣдованія о православныхъ монастыряхъ (ч. 1, Спб. 1890 г. стран. 81), князь П. Долгоруковъ въ Россійской родословной книгѣ (ч. 2, Спб. 1855, стран. 71—82) и Трофимовскій въ Историко-статистическомъ описаніи Смоленской епархіи (Спб., 1864 г., стран. 300), считаютъ годомъ смерти Сергія Салтыкова 1656-ой. Изъ представленной нами біографіи Салтыкова и помѣщенной въ началѣ ея надписи на его гробницѣ видно, что онъ умеръ не въ 1656, а въ 1680 году, 17 февраля. Разность между датой смерти Салтыкова этой надписи и годомъ его смерти по Амвросію Орнатскому пытался объяснить и примирить составитель исторіи села Бизюкова, священникъ I. Строгановъ, и за неимѣніемъ данныхъ выразилъ только свое недоумѣніе по поводу этого несходства; Строевъ же въ своихъ „Спискахъ іерарховъ и настоятелей монастырей" (Спб., 1877, столб. 598), имѣя въ виду свѣдѣнія о Сергіи Салтыковѣ послѣ 1656 года, осторожно не указываетъ года его смерти, а годомъ, когда онъ въ послѣдній разъ упоминается въ историческихъ документахъ, считаетъ 1666 г.

Историческіе и бытовые очерки западной старины.

Листки изъ воспоминаній боронессы дю Монте[1]).

II [2]).

Вѣнскіе нравы.—Замѣчательно ученый палачъ.—Кончина Наполеона.—Кольцо въ гробу императрицы австрійской.—Скандалы.—Шалость герцога Рейхштадтскаго.—Герцогъ Ришелье и его женитьба.—Принцъ Людовикъ Наполеонъ.—Принцесса Ламбаль.—Эпизодъ 1791 года.—Герцогиня Орлеанская.—Вдова Филиппа-Эгалите.—Еще принцъ Наполеонъ.—Тостъ въ Нанси.—Императоръ Александръ I.—Польская аристократія.—Современные нравы.—Вечеръ у жены австрійскаго посланника.—Царедворцы.

Вѣнскій дворъ служитъ примѣромъ истинно религіозной жизни и добрыхъ нравовъ; казалось бы, придворнымъ слѣдовало брать съ него примѣръ; не тутъ-то было. Высшая аристократія Вѣны самая безнравственная въ мірѣ (я говорю о мужчинахъ). У капитана гвардіи, князя Эстергази, сотни любовницъ, онъ воспитываетъ, не стѣсняясь молодыхъ дѣвушекъ для своего гарема и, несмотря на это, пользуется благоволеніемъ двора. Князь Кауницъ, австрійскій посланникъ въ Римѣ, на глазахъ у всѣхъ, предается самымъ постыднымъ излишествамъ. Такъ ведетъ себя вся высшая аристократія, сообразно съ своимъ состояніемъ и тѣмъ вліяніемъ, какимъ она пользуется. Аристократія до того запуталась въ долгахъ, до того испорчена и легкомысленна, что еслибы маіораты были уничтожены, то лѣтъ черезъ десять самыя знатныя фамиліи Австріи были бы нищія. Есть конечно исключенія: графъ Штаррахъ, де-Гойосъ (Эрнестъ), князь Клари, графъ Гоессъ и т. д. Но таковыхъ немного.

Въ Австріи, къ какому бы классу человѣкъ ни принадлежалъ, онъ мало обращаетъ вниманія на общественное мнѣніе. Имъ прене-

---

[1]) Souvenirs de la baronne du Montet 1785—1866. Paris. 1904.

[2]) См. „Русскую Старину“ сентябрь 1905 г.

брегаютъ лица самыя высокопоставленныя, по своему происхожденію и по роли, которую они играютъ въ политикѣ; они не гонятся за похвалой и не боятся порицанія.

Изумительная безцеремонность, съ какою они предаются своей распутной жизни, можетъ быть объяснена только равнодушіемъ ихъ согражданъ и долготерпѣніемъ монарха. На площадяхъ и болѣе людныхъ улицахъ Вѣны можно видѣть ежедневно министровъ и сановниковъ, занимающихъ при дворѣ самыя видныя должности, которые, несмотря на свои шестьдесятъ лѣтъ, проводятъ по утру два или три часа съ лорнеткою въ рукахъ, разсматривая публичныхъ женщинъ, которыхъ они подзываютъ, разговариваютъ съ ними, дразнятъ ихъ и на глазахъ у всѣхъ сопровождаютъ ихъ до дома. Никто не осмѣиваетъ ихъ за это, и скандальное зрѣлище повторяется изо дня въ день.

Передаю здѣсь одинъ разговоръ, прекрасно характеризующій эти нравы. „Чей это великолѣпный экипажъ, затмевающій всѣ остальные своимъ изяществомъ? На его дверцахъ изображенъ княжескій гербъ, свидѣтельствующій о томъ, что его владѣлецъ занимаетъ видныя должности?

— Развѣ вы не узнаете по этому гербу экипажъ князя Кауница, племянника извѣстнаго министра, бывшаго австрійскимъ посланникомъ при папскомъ дворѣ?

— Такъ эта дама, сіяющая молодостью, красотою и нарядами, вѣроятно княгиня, его супруга?

— Нѣтъ, спокойно отвѣчалъ мнѣ тотъ, къ кому я обратился съ этимъ вопросомъ, это его любовница. Князей часто жестоко надуваютъ; но на этотъ разъ Кауницъ не ошибся въ своемъ выборѣ. Я знаю эту молодую дѣвушку, она ведетъ себя хорошо и обладаетъ прекраснымъ характеромъ; другія времена, другіе нравы. Ея будущность обезпечена, и она пользуется извѣстностью. Когда она разоритъ князя, то возьметъ другаго любовника. Но она заслуживаетъ этого счастья“.

Покинутый моимъ услужливымъ чичероне, я продолжалъ свою прогулку подъ тѣнистыми деревьями, коими обсажена главная аллея Пратера, и любовался двойнымъ рядомъ роскошныхъ экипажей, на которые глазѣла публика. Замѣтивъ такой же точно экипажъ, какъ только-что описанный мною, я не могъ не удовлетворить своего любопытства, и догнавъ своего собесѣдника, просилъ его объяснить мнѣ, что это значитъ.

— Развѣ вы не видите, сказалъ онъ, это экипажъ княгини Кауницъ, одной изъ самыхъ прелестныхъ и интересныхъ женщинъ столицы? Подлѣ нея сидитъ ея дочь; по красотѣ и скромности она

можетъ считаться образцомъ среди лицъ ея пола. Молодой человѣкъ, который бесѣдуетъ съ нею, сдерживая своего великолѣпнаго скакуна, счастливый смертный, добивающійся ея руки. Этотъ бракъ навѣрное состоится. Видите, какъ онъ предупредителенъ? Онъ то поговоритъ съ княземъ и его любовницей, то очутится снова однимъ прыжкомъ возлѣ предмета своей любви. Сознайтесь, что страна, гдѣ можно дѣлать все это такъ свободно и быть выше всякихъ глупыхъ предразсудковъ, есть самая свободная страна въ мірѣ.

Нашъ разговоръ прервался, такъ какъ это необычайное зрѣлище навело меня на разныя размышленія.

Палачъ города Эгера, въ Богеміи, по фамиліи Гуссъ, считаетъ себя потомкомъ Іоанна Гусса.

Это человѣкъ очень кроткаго нрава и обладающій большими познаніями. Онъ имѣетъ богатую коллекцію медалей и старинныхъ произведеній искусства, которую желающіе могутъ осматривать, встрѣчая со стороны хозяина самый любезный пріемъ. Когда одинъ изъ нашихъ друзей выразилъ ему свое удивленіе по поводу того, что онъ могъ, при его наклонностяхъ и кроткомъ характерѣ, занимать должность палача, то Гуссъ отвѣтилъ на это съ грустью, что онъ не могъ не принять этой должности, такъ какъ по закону сынъ наслѣдуетъ ее отъ отца. Онъ изыскивалъ всю жизнь способъ причинять своимъ жертвамъ какъ можно менѣе страданій.

Прекрасныя коллекціи палача города Эгера осматривали императоры, короли и принцы.

Наполеонъ скончался! Лѣтъ десять тому назадъ это извѣстіе показалось бы невѣроятнымъ.

Теперь жители Вѣны говорятъ объ его кончинѣ какъ о смерти какого-нибудь актера. Это грандіозное событіе не производитъ никакого впечатлѣнія. Я не могу надивиться этому равнодушію. Эта уединенная скала среди океана, этотъ потухшій кратеръ, служащій могилою Наполеона, кажутся мнѣ грознымъ урокомъ, ниспосланнымъ Провидѣніемъ. Міръ былъ тѣсенъ для непомѣрнаго честолюбія этого человѣка. Монархи Европы преклонялись передъ его именемъ. Его побѣдоносныя войска, подобно огненному потоку, пронеслись по устрашенной и приниженной имъ Европѣ; но Провидѣніе уже намѣтило для него островъ Св. Елены.

Дворъ не облекся въ трауръ; Марія Луиза излила по этому поводу свое неудовольствіе въ письмѣ, преисполненномъ горечи; въ немъ она говоритъ, между прочимъ, что этимъ какъ бы подчеркивается незаконность ея брака. Юный герцогъ Рейхштадтскій горько плакалъ, узнавъ о кончинѣ своего отца. Нѣсколько дней спустя видѣли, какъ онъ ходилъ, поникнувъ головою съ потухшимъ взоромъ.

Я видѣла его вчера, онъ былъ въ глубокомъ траурѣ такъ же, какъ и всѣ его слуги.

На другой день послѣ пріѣзда курьера съ извѣстіемъ о кончинѣ Наполеона, я была разбужена рано утромъ страшнымъ топотомъ лошадей и экипажей. Императоръ, императрица и весь дворъ отправились на охоту.

Вотъ въ высшей степени изумительная, но вмѣстѣ съ тѣмъ вполнѣ правдивая исторія, разсказанная мнѣ графиней Траутмансдорфъ, дочерью оберъ-гофмейстера императора австрійскаго. Не знаю, какъ это случилось, что копія съ завѣщанія покойной императрицы очутилась въ бумагахъ одного чиновника, скончавшагося нѣсколько лѣтъ тому назадъ. Этотъ документъ былъ переданъ императору, который внимательно прочиталъ его, желая удостовѣриться, въ точности ли исполнена воля императрицы.

Одинъ пунктъ возбудилъ его сомнѣніе: императрица просила, чтобы ее похоронили съ маленькимъ золотымъ кольцомъ, подареннымъ ей княгинею Эстергази, которымъ она очень дорожила. Императоръ приказалъ навести справки: кольцо было такъ подробно описано въ завѣщаніи, что узнать его было не трудно. Когда посланный явился къ графинѣ О'Доннель, камерфрау у покойной императрицы, то она сказала, что кольцо было передано ей одной изъ горничныхъ императрицы, которая сняла его съ пальца умершей и что она возвратила кольцо графинѣ Эстергази по ея настоятельной просьбѣ. Посланный тотчасъ отправился къ графинѣ и потребовалъ у нея кольцо отъ имени императора. Княгиня была удивлена и вмѣстѣ съ тѣмъ испугана этимъ требованіемъ и взволнованная возвратила кольцо.

Тогда императоръ приказалъ оберъ-церемоніймейстеру отправиться въ склепъ Капуцинскаго монастыря, въ сопровожденіи всей братіи съ зажженными факелами, вскрыть мѣдный гробъ императрицы и надѣть на ея руку кольцо, съ которымъ она не хотѣла разставаться.

Эта церемонія была въ высокой степени печальна и зловѣща. Представьте себѣ колеблющійся свѣтъ факеловъ, коимъ озарялись низкіе, мрачные своды, печальное пѣніе монаховъ, съ видимымъ неудовольствіемъ присутствовавшихъ при церемоніи, которая была по ихъ понятіямъ оскверненіемъ императорской могилы (съ тѣхъ поръ какъ императоры погребались въ монастырѣ, ни разу не случалось, чтобы какая-либо могила была вскрыта), наконецъ, волненіе самого князя Траутмансдорфа, которому было поручено надѣть кольцо на палецъ покойной императрицы. Удары молота рабочихъ, жаровни, принесенныя ими для того, чтобы отпаять гробъ—все это представляло необычайную, зловѣщую картину. Когда всѣ три гроба, въ коихъ

было положено тѣло, были вскрыты, то оказалось, что черты лица покойной еще совершенно не измѣнились, но лицо почернѣло, кружевной чепчикъ, надѣтый на ея голову, не истлѣлъ, но такъ какъ тѣло было набальзамировано въ Италіи, и въ виду продолжительнаго переѣзда было туго стянуто полотняными повязками, то не было никакой возможности освободить изъ-подъ нихъ руки. Князь Траутмансдорфъ положилъ кольцо въ гробъ подъ тѣла.

По вскрытіи гроба въ подземельи быстро распространился такой сильный запахъ ароматическихъ травъ, что всѣ присутствующіе потребовали, чтобы гробъ былъ поскорѣе закрытъ.

Княгиня Эстергази разсказывала мнѣ, что когда она читала однажды императрицѣ вслухъ, то послѣдней очень понравилась одна мысль, высказанная авторомъ; и графиня просила у нея позволеніе вырѣзать это изреченіе на кольцѣ и поднести его императрицѣ, которая была этимъ очень тронута; это и было то самое кольцо, о которомъ идетъ рѣчь.

Какъ недавно, всего нѣсколько лѣтъ тому назадъ, эта очаровательная, красивая, молодая императрица была, во время конгресса въ Вѣнѣ, предметомъ поклоненія собравшихся монарховъ; какъ она блистала тогда молодостью и красотою!.. А теперь раздаются удары молота рабочихъ, которые со страхомъ и трепетомъ вскрываютъ ея гробъ. Что такое жизнь?..

Можете себѣ представить страшный гнѣвъ князя Кауница, всесильнаго министра великой Маріи Терезіи, который держалъ такъ высоко знамя своей государыни? Представьте себѣ этого гордаго, высокомѣрнаго и гнѣвнаго человѣка, когда онъ узналъ, что его сына посадили въ Вѣнѣ въ домъ предварительнаго заключенія.

Это событіе произвело большую сенсацію; аристократія оскорблена и возмущена; народъ удивленъ испорченностью нравовъ великихъ міра всего, и преувеличиваетъ въ своихъ разсказахъ возмутительныя подробности его порочной жизни; среднее сословіе, всегда завидующее высшему классу, недоброжелательное и революціонное, радуется униженію одного изъ аристократовъ. Князь Кауницъ очень уменъ; но его нравственныя правила были всегда не высоки. Онъ былъ арестованъ въ 1809 г. и заключенъ въ Ольмюцскую крѣпость; обвиненный въ государственной измѣнѣ, онъ по оправданіи своемъ получилъ всѣ высшіе ордена и былъ назначенъ посланникомъ въ Римъ, гдѣ онъ сошелъ съ ума отъ распутной жизни.

Вотъ нѣкоторые изъ отвѣтовъ, данныхъ имъ при допросѣ на судѣ. „Вы обвиняете меня въ томъ, что я соблазняю и насилую у себя въ домѣ невинныхъ молодыхъ дѣвушекъ, а я докажу вамъ, что онѣ соблазняютъ меня. Мой домъ осажденъ безстыжими матерями, которыя

приводятъ ко мнѣ своихъ дочерой. (Дѣйствительно, лѣстница того дома, гдѣ жилъ Кауницъ, была всегда переполнена недостойными матерями, которыя старались обратить его вниманіе на своихъ дочерей). Почему же полиція не пресѣкаетъ этотъ развратъ? Не я одинъ сталъ жертвою его, всѣ высокопоставленныя лица Вѣны испытываютъ то же" и т. д.

Подобными разсужденіями онъ сбиваетъ съ толку и отуманиваетъ судей, которые навѣрное глупѣе его. Въ концѣ концовъ, князь Кауницъ, справедливо заклейменный общественнымъ мнѣніемъ, будетъ оправданъ по закону; таковъ будетъ финалъ этого скандальнаго дѣла. Народъ, не знающій свода законовъ, подумаетъ, что большой преступникъ помилованъ за его большой чинъ, и будетъ жаловаться на несправедливость; высшая аристократія будетъ недовольна по поводу лишняго скандала и своихъ попранныхъ правъ, средній классъ будетъ повторять свой вѣчный припѣвъ о феодализмѣ и привилегіяхъ. Люди были такъ довольны тѣмъ, что столь извѣстное имя опозорено, что человѣкъ столь высокопоставленный униженъ и заключенъ въ тюрьму, что это случилось съ двоюроднымъ братомъ князя Меттерниха, съ зятемъ оберъ-камергера, съ имперскимъ княземъ! Какое наслажденіе!

Вообще, высшее общество здѣсь очень испорчено и очень распущено. Какъ примѣръ людей крайне испорченныхъ нравовъ указываютъ на высшихъ чиновниковъ. Кажется только, старикъ графъ Гаррахъ можетъ служить образцомъ чистыхъ и строгихъ нравовъ и примѣрнаго поведенія. Но всѣ недавно разбогатѣвшіе люди, вновь возведенные въ дворянство, банкиры и титулованные евреи ведутъ себя съ удивительнымъ высокомѣріемъ. Мелкіе чиновники и нерѣдко ихъ жены и дочери ведутъ себя безъ всякаго стыда и деликатности. Гдѣ же добрые нравы? Въ какомъ классѣ общества слѣдуетъ искать ихъ? Только въ императорской фамиліи и за весьма малыми исключеніями среди дамъ, принадлежащихъ къ высшей аристократіи, которыя ведутъ себя примѣрно, несмотря на то, что предосудительное поведеніе ихъ мужей имъ хорошо извѣстно. Имъ можно поставить въ вину одно: ихъ преступное равнодушіе къ поведенію мужей. Такъ напр. благородная и безупречная княгиня Лихновская воспитываетъ и вывозитъ въ свѣтъ незаконную дочь своего мужа; она любитъ ее до безумія! Графиня Пальфи покупаетъ разныя бездѣлушки и изящныя вещи, которыя ея мужъ даритъ своей любовницѣ; другая дама вышиваетъ для друга своего мужа экранъ! Можно было бы привести тысячу примѣровъ подобной снисходительности.

Молодой герцогъ Рейхштадтскій гулялъ на-дняхъ въ Гитцингѣ со своими дядями, эрцгерцогами, и принцемъ Антономъ Саксонскимъ,

прекраснымъ человѣкомъ, который не пользуется однако репутаціей человѣка особенно умнаго. Разговоръ принцевъ коснулся великихъ людей; каждый назвалъ того, кто по его мнѣнію наиболѣе заслуживалъ это названіе. Маленькій Наполеонъ, шедшій позади принца Антона, нарисовалъ ему на спинѣ мѣломъ большой нуль. Эрцгерцоги, замѣтивъ эту шалость, едва удержались отъ смѣха. Когда объ этомъ донесли императору, то онъ посадилъ маленькаго герцога на три дня подъ арестъ, но ему очень понравилась мѣткость сужденія своего внука.

Маленькій герцогъ кадетъ; онъ стоялъ на часахъ у дверей императора, и ему доставляло большое удовольствіе надѣвать мундиръ и отдавать честь, кому полагается. Императоръ относился къ нему съ чисто отеческой нѣжностью и добротою.

Герцогъ Ришелье (въ то время графъ Шинонъ) сочетался пятнадцати лѣтъ бракомъ съ дѣвицей Рошешуаръ, которой было всего двѣнадцать лѣтъ. По окончаніи церемоніи бракосочетанія онъ отправился немедленно путешествовать; а его молодая жена была помѣщена въ монастырь. Путешественники остановились на нѣсколько дней въ замкѣ Venéjean, близъ Pont-Saint-Esprit, гдѣ жила въ это время моя мать, только-что вышедшая замужъ за моего отца. Ей было очень забавно видѣть, какъ графъ Шинонъ за обѣдомъ, то и дѣло вынималъ портретъ своей хорошенькой маленькой жены и смотрѣлъ на него съ любовью, полагая, что никто этого не видитъ, такъ какъ онъ держалъ портретъ на колѣняхъ. Но эта страстная любовь была непродолжительна; въ тѣ нѣсколько лѣтъ, которыя Ришелье не видалъ своей жены, она очень пополнѣла и до того измѣнилась, что онъ не хотѣлъ признать ее, — упорно отказывался жить съ нею и уѣхалъ снова въ чужіе края, къ великому огорченію своей семьи, коей онъ былъ единственнымъ наслѣдникомъ. Его друзья удивлялись тому, что онъ не хлопоталъ о разводѣ. По ихъ мнѣнію, это не представляло трудности, но герцогъ объяснилъ имъ однажды съ смущеніемъ, что разводъ былъ невозможенъ. Въ одинъ изъ своихъ наѣздовъ во Францію, онъ встрѣтился со своей женою въ какомъ-то замкѣ; она была очень невинна, и по совѣту своихъ родныхъ, которые нарочно привезли ее въ этотъ замокъ, однажды ночью, взявъ свою подушку подъ мышку, она постучалась къ своему мужу и простодушно попросила пріютить ее, такъ какъ ей одной было страшно въ своей комнатѣ. Это и была причина, по которой герцогъ не могъ хлопотать о расторженіи брака. Герцогиня Ришелье жила постоянно въ замкѣ de Courteilles, близъ Парижа, гдѣ герцогъ часто навѣщалъ ее по возвращеніи своемъ во Францію; это была женщина вполнѣ достойная, но безобразная; впрочемъ, едва-ли она могла быть безобразнѣе

сестры герцогини, г-жи де Jumilhac, которая походила на маленькую обезьяну и которую кучеръ хотѣлъ однажды высадить изъ экипажа, потому что товарищи насмѣхались надъ нимъ, называя его обезьяньимъ кучеромъ. Княжна Клари, рожденная принцесса де-Линь, увидавъ, однажды, на вечерѣ у герцогини Беррійской, маленькую горбатую даму, вѣжливо поздоровалась съ нею, полагая, что она ей знакома.

— Вы принимаете меня вѣроятно за г-жу de Jumilhac, воскликнула горбатая дама, внѣ себя отъ гнѣва. Княгиня была очень сконфужена, такъ какъ это была правда.

Я много выѣзжала эту зиму и часто видѣла на балахъ во французскомъ посольствѣ, и на блестящихъ придворныхъ балахъ и концертахъ, короля неаполитанскаго (Фердинанда I † 1825). Ему видимо здѣсь очень нравилось, его наружность очень почтенная, хотя онъ и не имѣетъ величественной осанки; высокаго роста, съ сѣдыми волосами и очень выразительными, благородными чертами лица, онъ пользовался бы уваженіемъ вездѣ, къ какому бы классу общества онъ ни принадлежалъ.

Онъ говоритъ и смѣется очень громко. Въ театрѣ и въ особенности въ итальянской оперѣ, онъ громко выражаетъ свое одобреніе, во всеуслышаніе бьетъ тактъ о край ложи; на одномъ представленіи „Севильскаго цирюльника“ онъ воскликнулъ: „Браво, Лаццарони, браво!“ будучи въ восторгѣ отъ Лаблаша, который восхитительно спѣлъ одну арію. Лаблашъ былъ въ восторгѣ отъ этого возгласа, кокорый онъ прекрасно разслышалъ.

Король неаполитанскій очень набоженъ; онъ строго постится, ежедневно читаетъ положенныя молитвы и часто слушаетъ проповѣди. Онъ привезъ съ собою своего духовника. Это почтенный и красивый капуцинскій монахъ, который отказался занять приготовленное для него помѣщеніе и помѣстился въ одной изъ келій капуцинскаго монастыря. Король былъ въ склепѣ этого монастыря, гдѣ онъ посѣтилъ могилу королевы, своей супруги.

Король неаполитанскій очень упрямъ; если онъ что-либо рѣшилъ, то трудно заставить его измѣнить свое рѣшеніе. Онъ встаетъ очень рано, слушаетъ обѣдню, долго молится, обѣдаетъ въ двѣнадцать часовъ, затѣмъ отдыхаетъ; онъ ведетъ довольно крупную игру со своими придворными, отъ коихъ требуетъ аккуратной уплаты проигрыша безотлагательно, не позже 24 часовъ. Его морганатичная супруга, герцогиня Флорадіо, подъ предлогомъ нездоровья, распредѣлила свое время нѣсколько иначе. Это красивая еще и очень хорошо сохранившаяся женщина небольшаго роста, полная, брюнетка, она держитъ себя въ обществѣ очень тактично, будучи всегда на высотѣ своего положенія, какъ супруга короля, не носящая титула королевы. Ко-

роль дѣлаетъ ей великолѣпные подарки; ея уборы сказочны, ея бриліанты роскошны, вообще о ней говорятъ много хорошаго.

Король неаполитанскій страшно любитъ охоту; ему устраиваютъ ее всѣхъ видовъ. Это напоминаетъ мнѣ старую Лайбахскую исторію, изъ временъ его перваго посѣщенія Вѣны, лѣтъ тридцать тому назадъ. Онъ слышалъ, будто въ окрестностяхъ Лайбаха водятся медвѣди, и выразилъ желаніе видѣть охоту на медвѣдя. Не знали, какъ удовлетворить это желаніе; наконецъ, придумали пустить въ лѣсъ странствующаго медвѣдя, который великолѣпно танцовалъ. Его купили у вожака, сняли съ него цѣпи, подготовили охоту. Бѣдный медвѣдь далеко не ушелъ; привыкшій къ шуму и музыкѣ, почти ручной, онъ пошелъ на звуки рожка, и видя, что король въ него прицѣлился, вообразилъ, что это сигналъ къ танцамъ и пошелъ въ присядку. Раздался выстрѣлъ, и король, въ восторгѣ отъ того, что онъ убилъ медвѣдя, воскликнулъ: „O carissima bestia“! Это очень старая исторія, но она показалась мнѣ забавной.

Здѣсь находится принцъ Людовикъ Бонапартъ. Онъ „играетъ въ императорскую корону“. Онъ окруженъ молодыми взбалмошными интриганами, среди которыхъ нашъ другъ молодой Ричардъ de Querelles отличается своей романической восторженностью. Эти молодые повѣсы вздумали устроить въ честь своего героя и будущаго императора праздникъ въ развалинахъ стариннаго Баденскаго замка; послѣ многочисленныхъ тостовъ, пѣсенъ и рѣчей, они иллюминовали стѣны развалинъ, не предупредивъ о томъ властей; эта странная иллюминація посреди лѣса возбудила всеобщее изумленіе, но не произвела особаго эффекта, такъ какъ развалившіяся стѣны неправильныхъ очертаній не представляютъ ничего изящнаго и красиваго.

Молодые люди приглашали на праздникъ Беррье, который отъ этого отказался. De Querelles поклялся въ вѣрности императору, ставъ на одно колѣно среди густаго дремучаго лѣса. Романично! Принцъ разгуливаетъ весь день, заложивъ руки за спину, подражая Наполеону. Въ его лицѣ и въ осанкѣ нѣтъ ничего благороднаго; онъ имѣетъ успѣхъ въ обществѣ и бываетъ часто у княгини Бетюнъ. Его зовутъ ваше высочество. Дочь княгини вышла бы, я думаю, охотно замужъ за него или за какого-нибудь другаго „высочества“, коими тутъ кишмя кишитъ, но всѣ они очень бѣдны. Принцъ Людовикъ Бонапартъ близко сошелся съ Кульманомъ, республиканскимъ депутатомъ Страсбурга, и постоянно прогуливается въ компаніи г. и г-жи Кульманъ.

Здѣсь есть восхитительныя прогулки; мы проводимъ утро въ лѣсу, а вечера у маркизы де-Лаажъ. Въ Баденѣ общество и уединеніе имѣютъ одинаково свою прелесть.

Маркиза де-Лаажъ—женщина „былыхъ временъ“; ея разсказы

всегда интересны и правдивы. Статсъ-дама принцессы Ламбалль, она жила среди общества, уже исчезнувшаго съ лица земли и коего нѣсколько поколѣній потонули въ потокахъ крови.

Вчера она разсказывала о Маріи Антуанеттѣ, самой очаровательной и несчастной королевѣ въ мірѣ, а я держала въ это время въ рукахъ искусственную поблекшую розу, подаренную Маріей Антуанеттой принцессѣ Ламбалль, и которую она часто носила; этотъ простой на взглядъ цвѣтокъ сдѣланъ далеко не съ такимъ совершенствомъ, съ какимъ дѣлаются искусственные цвѣты въ настоящее время; но въ его стеблѣ находится миніатюрный портретъ королевы, который можно было увидѣть, нажавъ скрытую въ немъ пружину. Эта роза украшала въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ грудь, которая была окровавлена и разбита; въ ней билось преданное сердце, которое было растерзано за это высокое чувство, и если вѣрить легендѣ, было съѣдено однимъ изъ убійцъ графини Ламбалль.

Тутъ же, на столѣ у маркизы де-Лаажъ лежала отдѣлка изъ розъ, вышитыхъ по черному атласу, которую, по ея словамъ, носила королева; она подарила мнѣ кусочекъ этой матеріи—передъ юбки, по которому можно было судить о ростѣ Маріи Антуанетты.

Однажды, лѣтомъ, въ Тріанонѣ, въ жаркое послѣобѣденное время, молодая, прелестная королева слушала чтеніе „Исторіи Англіи“ Юма; маркиза де-Лаажъ, сопровождавшая принцессу Ламбалль, читала вслухъ. Когда она прочла то мѣсто, гдѣ описывается, что жена Карла I оставила его и бѣжала во Францію, Марія Антуанетта прервала ее и сказала съ трогательнымъ чувствомъ: „Я никогда, никогда не бросила бы короля!“

У королевы была привычка, которую можно назвать роковымъ предчувствіемъ. Она часто проводила пальцами между своей красивой тонкой шеей и ожерельемъ; это производило впечатлѣніе, какъ будто оно ее стѣсняло; дѣйствительно, королева ненавидѣла бриллiанты и носила ихъ только тогда, когда бывала къ тому вынуждена. Она любила украшать ими своихъ приближенныхъ дамъ, или ихъ дочерей и невѣстокъ въ дни ихъ представленія ко двору.

Этимъ привычнымъ для королевы жестомъ воспользовались, чтобы употребить во зло довѣрчивость кардинала Рогана, увѣривъ его, что это былъ условный знакъ между ними относительно гнуснаго дѣла объ ожерельи. Королева видѣла случайно знаменитое ожерелье у маркизы Ламбалль, но она даже не прикоснулась къ нему и сказала съ отвращеніемъ: „оно очень тяжелое“.

Я слушаю всегда съ жадностью правдивые разсказы о прошломъ; въ настоящее время нельзя достаточно оцѣнить возможность слышать правдивыя подробности объ интересныхъ людяхъ и событіяхъ.

Маркиза де-Лаажъ была, какъ я уже говорила, одною изъ статсъ-дамъ принцессы Ламбалль и племянницею г-жи Гебріанъ, ея старшей фрейлины, посланной встрѣтить ее, когда она пріѣхала во Францію. Свиданіе принцессы съ ея супругомъ произошло въ одномъ замкѣ, въ Бургундіи, близъ château-Vilain. Принцъ присутствовалъ инкогнито за столомъ, гдѣ она ужинала. Она тотчасъ узнала его и указала на него г-жѣ Гебріанъ, которая спросила, по какому признаку она рѣшила, что это и есть принцъ.

— „Потому, что онъ рыжъ и некрасивъ", отвѣчала она. Молодой принцессѣ было всего 15 лѣтъ; она овдовѣла $15^1/_2$ лѣтъ, послѣ семи мѣсяцевъ брачной жизни. Принцъ подозвалъ ее къ своему смертному ложу, чтобы попросить у нея прощенія. Она стала на колѣни подлѣ его постели, и онъ началъ исповѣдаться ей въ своихъ грѣхахъ, но они были такого свойства, что молодой женщинѣ невозможно было слышать ихъ; г-жа Гебріанъ, испуганная его признаніями, прервала его и увела принцессу, увѣривъ умирающаго, что жена прощаетъ его; но что она не можетъ допустить, чтобы принцесса слушала далѣе такія вещи, которыхъ она по своей невинности не могла понять.

Всѣ разговоры принца Ламбалль такъ же, какъ его поведеніе, отличались всегда большимъ цинизмомъ. „Я очень довольна, что освободилась отъ этого ужаснаго человѣка", говорила молодая принцесса своимъ приближеннымъ дамамъ. Она не захотѣла возвратиться въ Сардинію и предпочла провести первые годы своего вдовства въ монастырѣ, такъ какъ придворный этикетъ не позволялъ незамужней или вдовствующей молодой принцессѣ имѣть свой собственный домъ и бывать въ свитѣ до 25-ти-лѣтняго возраста. Молодая принцесса Ламбалль удалилась въ монастырь des dames de la rue Saint Antoine, гдѣ ей было отведено прекрасное помѣщеніе; она выѣзжала изъ дома только для того, чтобы присутствовать на придворныхъ балахъ и церемоніяхъ. Послѣ смерти Маріи Лещинской поговаривали о ея бракѣ съ Людовикомъ XV.

Принцесса Ламбалль находилась въ Вернонѣ у своего свекра, герцога Пентьеврь въ то время, когда она получила тайно записку отъ королевы, извѣщавшей ее объ отъѣздѣ короля въ Вареннъ. Она отправилась тотчасъ въ Англію. Но, узнавъ объ арестѣ королевской семьи, сѣла снова на корабль, поѣхала сначала въ Аахенъ, а затѣмъ въ Парижъ, чтобы раздѣлить участь королевы, которой она была весьма предана. Она вполнѣ понимала, на что она рѣшилась, и какъ рисковала жизнью, ибо прежде нежели отправиться къ королевѣ, она написала завѣщаніе и отослала свои брилліанты въ Сардинію.

Одна изъ ея дамъ, г-жа de Ginestous, сошла съ ума при видѣ

тѣхъ ужасовъ, коихъ она была свидѣтельницей въ страшные дни революціи. Ей пришлось перейти черезъ массу труповъ и по потокамъ крови, въ коей она выпачкала свое платье; на ея глазахъ совершались ужасныя убійства, она слышала страшныя проклятія; ея нервы не выдержали столькихъ потрясеній; она поправилась нѣсколько лѣтъ спустя, но снова сошла съ ума во время ареста герцога Ангулемскаго на югѣ Франціи, и помѣшалась на томъ, что герцогъ Ангулемскій спрятанъ у нея, и что его могутъ найти.

Я слышала сегодня вечеромъ болѣе обстоятельный разсказъ о первомъ отъѣздѣ княгини Ламбалль изъ Парижа; передаю его почти дословно.

Королева сказала г-жѣ Ламбалль: „поѣзжайте къ вашему вотчиму, въ Омаль, такъ какъ я не буду имѣть возможности видѣть васъ 2—3 дня: мнѣ нужно сжечь многія бумаги и т. д.“. Г-жа Ламбалль отвѣчала, что Омаль слишкомъ далеко; но что она поѣдетъ въ свой домъ въ Пасси. Королева присовокупила: „Возьмите съ собой г-жу Ginestous, маркизу Лаажъ и др.“. Принцесса уѣхала на слѣдующій день; ея дамы въ тотъ же вечеръ пріѣхали къ ней въ Пасси; онѣ долго не спали, и г-жа де-Лаажъ была очень удивлена, когда подъ утро, часа въ 4, къ ней кто-то тихонько постучался въ дверь. Она уже собиралась позвать свою горничную, когда узнала голосъ принцессы Ламбалль, которая просила ее не шумѣть и поскорѣй, не шумя открыть ей двери. Г-жа де-Лаажъ соскочила съ постели. Войдя, принцесса сказала ей поспѣшно: „король уѣхалъ“. Въ то же время она прочла ей записку королевы, въ которой говорилось приблизительно слѣдующее: „Я была обязана скрывать даже отъ васъ тайну, которая мнѣ не принадлежала; уѣзжайте скорѣй въ Англію; садьте на пароходъ въ Булоньи“. Принцесса не была увѣрена въ своихъ слугахъ и особенно не довѣряла одному изъ своихъ лакеевъ, рекомендованному ей герцогомъ Орлеанскимъ. Было рѣшено, что принцесса Ламбалль и ея дамы отправятся, какъ бы на прогулку, безъ всякихъ вещей, въ однѣхъ кисейныхъ платьяхъ и чепцахъ, такъ какъ въ то время не носили шляпъ.

Принцесса сдѣлала видъ, что мысль объ этой прогулкѣ пришла ей въ голову внезапно; она призвала своего мэтръ д'отеля и заказала ему обѣдъ на двѣнадцать персонъ. Она уѣхала въ роскошномъ золоченомъ экипажѣ, безъ всякихъ вещей. Г-жи де-Лаажъ и de Ginestous сидѣли по очереди на козлахъ. На первой или на второй станціи, принцесса приказала отпречь лошадей и сказала почтмейстеру:

„Я сейчасъ получила извѣстіе, что съ герцогомъ Пентьевръ слу-

чился ударъ; не можете ли вы дать мнѣ надежнаго почтальона, такъ какъ мнѣ хотѣлось бы поскорѣе прибыть къ нему, чтобы ухаживать за нимъ".

Почтмейстеръ стоялъ, положивъ руку на дверцы кареты; онъ взглянулъ на княгиню многозначительно и сказалъ:

„Будьте покойны, сударыня, вы поѣдете со мной и съ моимъ сыномъ".

Принцесса и ея дамы пріѣхали къ герцогу едва живыя отъ голода; пока ихъ покормили обѣдомъ, были сдѣланы приготовленія къ отъѣзду. Герцогиня Орлеанская принесла платки, чулки, рубашки, которыя онѣ засовывали въ мѣшки и въ карманы дамъ, такъ какъ ихъ некуда было уложить, герцогъ Пентьевръ далъ имъ денегъ; боясь возбудить подозрѣнія, принцесса не взяла ихъ у своего управляющаго. Наконецъ, онѣ прибыли въ Булонь и поспѣшили сѣсть на судно, на которое было наложено амбарю. Капитанъ хотѣлъ немедленно вернуться; г. де-Лаажъ, опытный морякъ, сталъ на руль, пригрозилъ капитану пистолетомъ и приказалъ ему продолжать путь. Экипажъ состоялъ всего изъ шести человѣкъ. Свита принцессы состояла изъ маркиза де-Лаажъ, г. de Ginestous, преданнаго ей негра и троихъ преданныхъ слугъ. Когда судно прибыло въ Дувръ, принцесса узнала о томъ, что король арестованъ; пробывъ въ Дуврѣ всего однѣ сутки, она отправилась на томъ же кораблѣ въ Остенде и оттуда въ Брюссель, гдѣ она провела шесть недѣль въ постоянной тревогѣ за королевскую семью; затѣмъ она поѣхала въ Аахенъ и оттуда къ королевѣ. Изумительная преданность, за которую она поплатилась самой ужасной смертью!

Я передала этотъ разсказъ подробно потому, что онъ вѣренъ до мельчайшихъ подробностей. Г-жа де-Лаажъ разсказывала намъ все это вчера вечеромъ и горевала о томъ, что всѣ мемуары, появляющіеся въ настоящее время, въ особенности такъ называемые „Мемуары г-жи Ламбалль" полны вымысловъ.

Повторяю еще разъ, я пишу безъ всякой системы, это не въ моемъ характерѣ. Я слушаю, наблюдаю, заношу въ мои памятные листки воспоминанія въ томъ порядкѣ, какъ они приходятъ мнѣ на память. Герцогиня Орлеанская, мать Филиппа Эгалите, дочь принца Конти, была самая сумасбродная особа, какую только можно себѣ представить. Она вела себя самымъ скандальнымъ образомъ. Ея первымъ любовникомъ былъ Мельфоръ. Однажды, онъ держалъ съ нею пари, что не пройдетъ и шести недѣль, какъ у нея будетъ новый любовникъ, и она, ни мало не стѣсняясь, уплатила ему проигранное пари, кинувъ ему до истеченія срока деньги на билліардъ, на которомъ герцогъ Орлеанскій игралъ съ Мельфоромъ. Старикъ маркизъ

Полиньякъ также былъ любовникомъ этой принцессы. Онъ долго держалъ это въ тайнѣ, но однажды вечеромъ, во время эмиграціи, въ Эдинбургѣ, графъ Артуа, графъ Водрель, Пюисегюръ и г-жа N. N. вывѣдали у него эту тайну. Онъ согласился по ихъ просьбѣ показать нѣсколько остроумныхъ писемъ и портретъ этой сумасбродной, но очень хорошенькой женщины. Нельзя упрекать Полиньяка за эту нескромиость, такъ какъ въ то время прошло уже сорокъ или пятьдесятъ лѣтъ со дня ея смерти.

Ея мать, княгиня Конти, рожденная герцогиня Орлеанская, во время ссоры со своимъ мужемъ, закричала однажды въ сердцахъ:

„Ну, хорошо, думайте, что хотите; но какъ бы то ни было, я могу дѣлать принцевъ безъ васъ, а вы можете производить на свѣтъ безъ меня только незаконнорожденныхъ“.

Герцогиня Орлеанская, мать Людовика Эгалите, была женщина очень хитрая: умирая, она завѣщала каждой изъ своихъ фрейлинъ запертый на ключъ шкапикъ, передавъ имъ передъ смертью ключи въ запечатанныхъ конвертахъ. Когда онѣ вскрыли эти ящички, то нашли въ нихъ лишь очень злостные и безстыжіе куплеты.

Кстати о маркизѣ Полиньякѣ, о которомъ я только-что упоминала. Приведу для характеристики эпохи нѣкоторыя изъ его странностей. Въ молодости онъ былъ очень хорошъ собою, уменъ, но очень мало образованъ. Въ бытность въ Лондонѣ онъ оказалъ какую-то услугу одному молодому человѣку, который явился къ нему, горячо поблагодарилъ его и просилъ позволенія прочитать ему стихи, написанные въ честь его:

— Я очень спѣшу, я не люблю стиховъ; мнѣ нужно одѣваться, отвѣчалъ Полиньякъ.

— Но, маркизъ, возразилъ поэтъ, не смущаясь... пока васъ будутъ причесывать...

— А, ну ладно! но я спѣшу... предупреждаю васъ. Поэтъ началъ: „О ты, Полиньякъ!“

— Милостивый государь, воскликнулъ Полиньякъ, я не терплю, чтобы мнѣ говорили ты, это большая смѣлость съ вашей стороны.

— Но, маркизъ, въ стихахъ это дозволяется, поэты говорятъ ты, обращаясь къ богинямъ, Буало говорилъ ты, обращаясь къ Людовику XIV.

— Я не знаю г. Буало; но если онъ позволялъ себѣ говорить ты Людовику XIV, то очевидно онъ былъ большой негодяй.

Когда маркизу минуло 78 лѣтъ, онъ вздумалъ жениться во второй разъ въ Лондонѣ. Напрасно отговаривали его друзья; онъ явился къ г-жѣ де-Лаажъ и просилъ ее помочь ему въ покупкѣ свадебнаго подарка; онъ собирался жениться на небогатой дѣвушкѣ, эмигранткѣ.

„Съ чего же мы начнемъ? спросила маркиза. Поѣдемте, другъ мой, прежде всего въ чулочный магазинъ, мнѣ кажется, что у нея нѣтъ чулокъ".

Графъ Артуа вызвалъ его въ Эдинбургъ, и такимъ образомъ этотъ бракъ разстроился, но нѣсколько мѣсяцевъ спустя, маркизъ увлекся другой молодой особой и этотъ разъ день свадьбы былъ уже назначенъ, когда старичекъ скончался.

Маркиза де-Лаажъ, которая состояла при принцессѣ Ламбалль и затѣмъ при вдовствующей герцогинѣ Орлеанской, разсказывала намъ сегодня вечеромъ много интереснаго о великолѣпномъ убранствѣ дома герцога Пентьевръ, его золотой посудѣ и т. д. и въ особенности благотворительности добродѣтельнаго герцога, о страшной неблагодарности его подчиненныхъ. Онъ послалъ одного изъ своихъ лакеевъ въ клубъ Вернонскаго отдѣла, послушать, какое рѣшеніе будетъ принято относительно его. Одинъ изъ патріотовъ замѣтилъ, что было бы несправедливо отнять имущество у гражданина Пентьевръ, который раздаетъ половину своего имущества бѣднымъ.

— „Ну, такъ что же, воскликнулъ одинъ негодяй, когда мы получимъ вторую половину, то у насъ будетъ вдвое больше".

— Ихъ разсчетъ вѣренъ, холодно замѣтилъ герцогъ, когда ему передали этотъ отвѣтъ.

Герцогиня Орлеанская, такая же добрая, какъ и ея отецъ, была заключена въ тюрьму. Она разсказывала, что для нея было тяжелѣе всего то, что ей приходилось оставаться зимою въ полной темнотѣ съ пяти часовъ вечера до слѣдующаго утра; тюремщикъ уносилъ лампу ровно въ пять часовъ, считая, что она не стоила ея. Одиночество и скрипъ запиравшихся засововъ наводили на нее ужасъ. Ей приносили отвратительную ѣду на загрязненномъ блюдѣ; позднѣе въ ея карцерѣ помѣстили публичную женщину, которая вначалѣ обращалась къ ней на ты, но вскорѣ перемѣнила свое обхожденіе и даже стала почтительно прислуживать ей. Кровожадный и грубый тюремщикъ сообщилъ ей самымъ жестокимъ образомъ о смерти ея друга, г-жи де-Ноаль, сдѣлавъ рукою страшный жестъ!

Нотаріусъ герцогини Орлеанской, добрый и преданный Белюржель, выпущенный изъ тюрьмы, гдѣ онъ былъ заточенъ вмѣстѣ со своей женою, посѣтилъ герцогиню Орлеанскую, которая разсказала ему о всѣхъ своихъ страданіяхъ, страхахъ и лишеніяхъ. Белюржель, стоя передъ герцогиней въ полномъ костюмѣ королевскаго нотаріуса, выставивъ ногу впередъ, положа руку на сердце, съ шляпой подъ мышкой, повторялъ при каждомъ печальномъ воспоминаніи герцогини, съ волненіемъ: „Герцогиня, это совсѣмъ какъ моя супруга! то же самое испытала г-жа Белюржель!"

Упоминая о своемъ мужѣ, герцогиня Орлеанская называла его не иначе какъ „этотъ несчастный человѣкъ!“ „Страшно подумать, говорила она, что они могли увлечь этого несчастнаго человѣка“.

Всѣ лица, близко стоявшія къ герцогинѣ Орлеанской, знаютъ, что она очень боялась своего сына Людовика Филиппа, и своей дочери, принцессы Аделаиды. Когда ей докладывали о пріѣздѣ ея дѣтей, то ея лицо покрывалось красными пятнами. Ихъ настойчивыя требованія о томъ, чтобы она отказалась отъ управленія своимъ состояніемъ въ пользу сына, герцога Орлеанскаго, и довольствовалась бы одной пенсіей, были причиною весьма непріятныхъ сценъ.

Ея второй сынъ, впослѣдствіи король Карлъ X, являлся въ роли посредника между матерью и сыномъ, онъ поддерживалъ требованія герцога Орлеанскаго и старался примирить ихъ.

Въ тотъ самый день, когда вдовствующая герцогиня Орлеанская сломала себѣ ногу, ей пришлось вынести со стороны своего сына страшную сцену. Герцогъ Орлеанскій, очень напуганный, поѣхалъ за братомъ, который, несмотря на поздній часъ, поспѣшилъ къ матери, чтобы примирить ихъ.

Вотъ нравственный и политическій обликъ принца Людовика Бонапарта, начертанный г-жею Вальшъ, которая хорошо знаетъ его. Онъ очень хорошо образованъ, обладаетъ твердой волей, настойчивостью или, лучше сказать, упорствомъ въ исполненіи разъ задуманнаго плана, чрезвычайно смѣлъ и честолюбивъ. По характеру и убѣжденіемъ онъ очень деспотиченъ; признавая власть грубой силы, онъ не скрываетъ, что все, что онъ говоритъ народу о свободѣ, которой онъ пользовался бы при его управленіи, если бы онъ получилъ когда-нибудь власть, не что иное какъ приманка, надъ которой онъ смѣется со своими приверженцами и которой онъ не придастъ со временемъ никакого значенія. Принцъ Людовикъ Наполеонъ прекрасно пишетъ; онъ излагаетъ свои мысли ясно, точно и краснорѣчиво, но въ разговорѣ у него не хватаетъ находчивости. Онъ храбръ до безумія, и къ нему можно примѣнить замѣчательныя слова Наполеона: „Отъ великаго до смѣшнаго одинъ шагъ“, а принцъ Людовикъ говоритъ быть можетъ въ душѣ: „Отъ смѣшнаго до великаго одинъ шагъ“, и этотъ шагъ сдѣланъ имъ въ Страсбургѣ. Онъ лживъ такъ же, какъ всѣ прочіе члены семейства Бонапартовъ; Наполеону I ничего не стоило соврать; его сынъ, молодой и интересный герцогъ Рейхштадтскій также былъ лживъ, по крайней мѣрѣ въ дѣтствѣ. Король Виртембергскій, говоря о сынѣ Жерома Бонапарта, юномъ герцогѣ де-Монфоръ, говорилъ: „Онъ обѣщалъ мнѣ... но я не могу разсчитывать на его слово, такъ какъ онъ всегда вретъ“.

— Какіе ужасы! какія страшныя драмы! воскликнула я, когда замолкъ разговоръ, коснувшійся ужасовъ Террора.

— Да, отозвался графъ Штейнвальдъ, но существуетъ множество жуткихъ фактовъ, которые остаются неизвѣстны, жертвы и палачи зачастую гибнутъ одновременно.

Графъ замолкъ, и его, всегда открытое, доброжелательное и веселое лицо омрачилось. Онъ молчалъ, а мы какъ-бы продолжали слушать его. Онъ замѣтилъ наше любопытство и возбужденное вниманіе.

„Во время Террора, сказалъ онъ, я былъ поставленъ внѣ закона. Мнѣ удалось бѣжать изъ моего замка. Мое знакомство съ разными французскими нарѣчіями, которыя я изучалъ въ юности для своего удовольствія, помогло мнѣ бѣжать переодѣтымъ и избѣгнуть эшафота. Передѣтый торговцемъ лошадей, я разъѣзжалъ по селамъ и городамъ, меня никто не узналъ и даже не заподозрѣлъ; мои манеры и языкъ вполнѣ подходили къ моей новой профессіи.

„Однажды вечеромъ я прибылъ съ двадцатью лошадьми въ одинъ маленькій городокъ, въ тотъ моментъ, когда туда пріѣхала общественная карета; путешественники оказались ярые террористы. Одни изъ нихъ ѣхали въ армію, другіе—въ сосѣдній городъ, сооружать эшафотъ; они не говорили, а вопили; среди негодяевъ находилась маленькая, блѣдная, худенькая женщина, которая имѣла видъ приговоренной къ казни, она была блѣдна, какъ смерть. Не знаю, была ли она хорошенькая, она была сильная блондинка; вѣки ея огромныхъ голубыхъ глазъ были красны, какъ будто онъ только-что много плакала. Вѣроятно, она очень спѣшила, коль скоро она рѣшилась ѣхать съ такими спутниками, подумалъ я. Она сѣла за общій столъ; ея руки дрожали, и когда она поднесла ложку къ губамъ, то я замѣтилъ, что въ нее упала слеза. Я взглянулъ на нее съ состраданіемъ, чтобы придать ей нѣсколько бодрости; затѣмъ я сталъ болтать съ остальными сидѣвшими за столомъ и взялъ на себя роль шута, чтобы отвлечь ихъ вниманіе. Это мнѣ удалось. Мои смѣшныя, но вполнѣ приличныя шутки имѣли успѣхъ; но подъ конецъ обѣда, когда головы разгорячились, мои ужасные спутники запѣли гимны, пѣсни крови, и стали предлагать зловѣщіе тосты. Бѣдная маленькая женщина сидѣла неподвижно, вся похолодѣвъ; ея учащенное дыханіе заставило меня опасаться за нее; я старался быть еще веселѣе и развязнѣе. Напрасный трудъ; одинъ изъ путешественниковъ, съ особенно звѣрскимъ выраженіемъ лица, взглянулъ на бѣдную маленькую женщину и предложилъ ей чокнуться съ нимъ. При этихъ словахъ она зардѣлась и сидѣла неподвижно, не произнося ни слова.

— „Ну что же, гражданка! вскричали всѣ разомъ... а за здравіе республики!“

Она не двинулась.

„Ну... ну“... Они встали всѣ разомъ и подошли къ ней со своими стаканами... Я понялъ, какой опасности она подвергалась своимъ отказомъ. Я сидѣлъ противъ нея; протянулъ руку, бросивъ на нее взглядъ полный состраданія и участія, я воскликнулъ: „Гражданка! я старшій среди васъ лѣтами, мнѣ принадлежитъ роль предсѣдателя, и съ этими словами я громко чокнулся объ ея стаканъ. Она взглянула на меня, но не шевельнулась.

„Вотъ и прекрасно“, сказалъ я, какъ будто удовлетворенный, „да здравствуетъ республика!“

Но моя уловка не удалась.

„Она не пила“, закричали они, „это аристократка!“

Они ругались, страшно шумѣли; окружили ее подобно дикимъ звѣрямъ, готовымъ растерзать ягненка. Одинъ изъ нихъ схватилъ ее за тонкую и гибкую талью. Она энергично оттолкнула его и вскочила; ея глаза засверкали... Она схватила стаканъ обѣими руками.

„Я выпью“, сказала она, какимъ-то страннымъ зловѣщимъ голосомъ. Ей хотѣли налить бѣлаго вина.

„Нѣтъ, я хочу краснаго вина, вина—цвѣта крови, я буду пить за смерть!“

„Браво!“ воскликнули они.

Ея желаніе было исполнено.

„Наливайте, наливайте полнѣе“, говорила она, она была внѣ себя. Я содрогнулся. Тогда всѣ сѣли; она одна стояла.

На ея лицѣ отразилась отчаянная рѣшимость, страшное горе, безуміе, если хотите, но какое-то восторженное безуміе.

„Я пью, сказала она, за стыдъ и позоръ Франціи, пью за паденіе послѣдняго камня ея прекрасныхъ памятниковъ! за послѣднюю каплю крови ея благородныхъ сыновъ! Я пью, продолжала она, содрогаясь отъ ужаса, за торжество эшафота; за низость людей, которые допускаютъ обезглавливать женщинъ! Я пью за пожары! за доносчиковъ! за измѣнниковъ! пью за низость! Вы этого хотѣли, продолжала она, бросая вокругъ себя молніеносные взоры; почему же вы не пьете? Это вѣдь чаша крови! чаша слезъ! чаша проклятій! При этомъ она дотронулась лезвіемъ ножа о край стакана. Тотъ, кто выпьетъ со мною, почувствуетъ, какъ топоръ падетъ на его голову; онъ этого хочетъ, это будетъ только справедливо, онъ будетъ пить за смерть!“

Всѣ молчали, но лица присутствующихъ выражали едва сдерживаемый гнѣвъ. Она смотрѣла на нихъ вызывающе; глаза ея сверкали; подымая стаканъ, ея рука дрожала; затѣмъ она подняла глаза къ небу и какъ будто стала молиться, такъ какъ ея губы шевелились. Одинъ изъ путешественниковъ подошелъ къ ней съ звѣрскимъ

видомъ и дотронулся до ея груди остріемъ своего ножа. Она, повидимому, не замѣтила этого.

„Замолчи, сказалъ онъ, или я убью тебя".

Она обернулась къ нему и, кротко взглянувъ на него, промолвила: „Благодарю, благодарю".

Онъ былъ озадаченъ. Не знаю, что происходило въ душѣ лютаго революціонера, но онъ вздрогнулъ и его грудь высоко поднялась. Онъ отошелъ.

Кровожадныя пѣсни и ужасные тосты смѣнились глубокимъ безмолвіемъ; молодая женщина все еще стояла, держа стаканъ обѣими руками.

„Покончимъ эту трагедію", сказалъ одинъ изъ террористовъ; пусть она пьетъ или умретъ.

— Она умретъ, отвѣчалъ глухой голосъ.

— Она выпьетъ, возразилъ другой.

„Она отправится въ Шарантонъ", сказалъ я съ притворной ироніей, она безумна, эта маленькая актриса!

Она взглянула на меня... никогда, никогда не забуду ея взгляда.

„Я пью", сказала она, поднося стаканъ къ своимъ побѣлѣвшимъ губамъ, „я пью за мщеніе небесъ! Услышь меня, великій Боже! Чаша Твоего долготерпѣнія переполнилась: этого довольно для Твоего гнѣва, будь справедливъ, часъ насталъ! накажи палачей, пусть они погибнуть, пусть захлебнутся въ пролитой ими крови, пусть ихъ растопчетъ толпа! Проклятіе, проклятіе! выпьемъ за проклятіе злыхъ!"

Бѣлокурые волосы молодой женщины какъ будто встали на ея головѣ; ея глаза выскакивали изъ своихъ орбитъ; ея члены потрясали конвульсіи. Присутствующіе издали вопль озобленія и внезапно смолкли; въ этотъ моментъ раздался раскатъ грома; разразилась гроза, вѣтеръ съ силою потрясалъ плохо прикрытые ставни; въ залу врывались потоки дождя. Она все еще держала въ рукахъ свой стаканъ, ожидая, чтобы кто-нибудь отвѣтилъ на ея зловѣщій тостъ быть можетъ ударомъ кинжала, но ей никто не отвѣтилъ. Гроза продолжалась, ежеминутно усиливаясь, а она стояла неподвижно; ея лицо принимало мало по малу первоначальное выраженіе робости, страданія и горя; смертельная блѣдность смѣнила краску, залившую ея щеки. Вдругъ, она съ силою бросила на полъ стаканъ и сѣла; съ нею никто больше не говорилъ.

— Что же было съ нею дальше? воскликнули мы всѣ разомъ.

По уговору съ почтальономъ, везшимъ дилижансъ, который умышленно опрокинулъ карету въ эту темную, бурную ночь, и при помощи торговца лошадьми, оказавшагося тутъ случайно, ее посадили

на лошадь и увезли, и она была такимъ образомъ спасена отъ неминуемой смерти.

— Гдѣ она теперь? Вѣроятно, на небѣ, продолжалъ графъ Штейнвальдъ, такъ какъ на землѣ у нея не было болѣе пристанища. Эшафотъ лишилъ ее всѣхъ близкихъ. Вынужденная то и дѣло мѣнять мѣстопребываніе, она умерла отъ тоски и истощенія. Господь услышалъ страшныя проклятія этой несчастной: всѣ наши сотрапезники погибли. И быть можетъ, умирая, они припомнили тостъ, провозглашенный ею въ корчмѣ.

Одинъ человѣкъ, хорошо знавшій императора Александра I, сказалъ о немъ очень удачно: „Онъ могъ быть только императоромъ, это была единственная роль, подходящая для него; во всякомъ иномъ положеніи онъ былъ бы посредственностью. Быть всегда на сценѣ— таково было его призваніе!“

Во время аудіенціи, данной маршалу Мезону, императоръ сказалъ ему:

„Народы должны наконецъ быть освобождены отъ самовластія; я уже примѣнилъ этотъ принципъ въ Польшѣ, я распространю его на все мое государство. Что касается Франціи, то я искренно желаю, чтобы она была счастлива, велика и сильна“.

Похваливъ Людовика XVIII, онъ присовокупилъ:

„Вы не боитесь, что, вступивъ на престолъ, онъ измѣнитъ свою систему?“

— Его высочество ознакомится вполнѣ съ положеніемъ страны и съ ея истинными нуждами только тогда, когда онъ будетъ царствовать; тогда онъ вступитъ вѣроятно на тотъ конституціонный путь, который намѣченъ его братомъ.

— То же самое говорилъ мнѣ Веллингтонъ, съ живостью возразилъ Александръ.

Императоръ примѣняетъ свои либеральныя идеи къ иностраннымъ государствамъ, которыя онъ надѣется ослабить, распространяя въ нихъ политическіе принципы, которые порождаютъ смуты и раздоры, разрушаютъ и подтачиваютъ мощь монархическихъ государствъ. Быть можетъ, онъ дѣлаетъ пробы на иностранцахъ, подобно больнымъ, которые пробуютъ свои лѣкарства на своихъ подчиненныхъ, говоря: Fiat experimentum in anima vili!

Императоръ не имѣетъ враждебныхъ намѣреній, но онъ хочетъ быть властителемъ Европы, и онъ этого достигъ. Онъ хитеръ, лукавъ, скрытенъ и деспотъ въ глубинѣ души; таковымъ онъ и выказываетъ себя въ Россіи по отношенію къ своимъ подданнымъ. Онъ всегда владѣетъ собою и всегда розыгрываетъ роль; онъ бываетъ раздражителенъ, сердитъ, но сдерживаетъ себя. Умѣетъ польстить ласковымъ обращеніемъ и напугать строгимъ выговоромъ и суровымъ вы-

раженіемъ лица. У него обширная память; онъ отлично образованъ, жаждетъ славы и извѣстности.

Польскіе магнаты располагали въ прежнее время жизнью своихъ несчастныхъ крѣпостныхъ и вполнѣ пользовались этимъ правомъ. Я слышала по этому поводу отъ самихъ поляковъ самыя невѣроятныя вещи. Такъ напр. по приказанію графини Ржевусской, прабабушки нынѣшнихъ графовъ Ржевусскихъ, былъ обезглавленъ одинъ изъ ея слугъ, коимъ она была недовольна (онъ былъ ей невѣренъ); она любила его и приказала обезглавить его во дворѣ своего замка.

Истинное братство существовало только между богатыми магнатами бывшей Рѣчи Посполитой, бѣдная шляхта служила и служитъ до сихъ поръ въ домахъ богатыхъ людей: они прислуживаютъ за столомъ, ѣздятъ на запяткахъ ихъ экипажей, спятъ у нихъ на лѣстницахъ; ихъ жены и дочери служатъ у магнатовъ горничными, и это никого не смущаетъ. Графъ Ржевусскій сказалъ однажды моей свекрови, которую поразило имя его лакея: „Его дѣйствительно зовутъ Залѣсскій; онъ такой же шляхтичъ, какъ и я!“

Моя добрая и милая свекровь стѣснялась, когда этотъ шляхтичъ прислуживалъ ей, но ему это, повидимому, не казалось унизительнымъ, онъ никогда не несъ иныхъ обязанностей и былъ отличнымъ слугою.

Графиня Ржевусская, рожденная Любомірская (также какъ и ея невѣстка), была дочь княгини Любомірской, прозванной княгиней Маршалковой, и матерью графа Венцеслава Ржевусскаго, графини Изабеллы Вальдштейнъ и графини Маріи Потоцкой. Это была женщина вполнѣ достойная и щедрая до расточительности; у нея было огромное состояніе, которое она прожила. Однажды, въ разговорѣ съ нами она упомянула, вѣроятно безъ малѣйшаго хвастовства, о своихъ 50 тысячахъ крѣпостныхъ, и когда я назвала ее, вполнѣ естественно: „Ваше величество“, то она много смѣялась этой шуткѣ. У нея были большіе долги, и она скончалась въ монастырѣ, гдѣ жила на пенсію, которую выдавали ей сообща ея кредиторы. Многія изъ ея помѣстій, находившіяся въ Россіи, были заложены въ казнѣ; по уплатѣ долга они должны были перейти къ ея семьѣ.

Во время пребыванія герцога Беррійскаго въ Вѣнѣ (кажется, въ 1800 г.) графиня хотѣла выдать за него свою дочь Изабеллу. Юный герцогъ очень желалъ заключить этотъ бракъ; въ то время состояніе графини Ржевусской было еще очень велико, и Ржевусскіе были по происхожденію не ниже Лещинскихъ.

Графиня отличалась утонченнымъ вкусомъ и жила съ чисто царской роскошью, хотя у нея зачастую не бывало денегъ. Она дала однажды завтракъ императору Александру, который во время одного

изъ своихъ путешествій долженъ былъ проѣхать въ нѣсколькихъ верстахъ отъ ея имѣнія. Такъ какъ ея замокъ показался ей малъ для этого случая, то она приказала выстроить наскоро обширныя деревянныя залы и галлереи, и купить въ Бродахъ четыре тысячи локтей бѣлаго коленкора, коимъ и были обтянуты деревянныя стѣны, изящно задрапированный коленкоръ поддерживался арматурами въ видѣ древняго оружія: эти арматуры были сдѣланы частью изъ посеребреннаго и вызолоченнаго картона; все это было выполнено прекрасно.

Завтракъ былъ великолѣпный. Императоръ провелъ въ этомъ импровизированномъ дворцѣ всего нѣсколько часовъ и былъ, повидимому, огорченъ и даже недоволенъ огромными затратами, сдѣланными графиней для его пріема; въ то время ея дѣла были уже весьма разстроены. Но при всей этой роскоши, у нея не бывало подчасъ самаго необходимаго. Однажды, когда графиня давала большой обѣдъ въ Вѣнѣ, въ своемъ хорошенькомъ домѣ, Jacober-Hof, мой дядя, жившій въ четвертомъ этажѣ, услыхалъ какой-то необычный шумъ на чердакѣ, надъ его квартирой; оказалось, что поваръ, у котораго не было дровъ, чтобы изготовить обѣдъ, вздумалъ разбить дорожные сундуки графини и употребить ихъ на дрова.

Это напоминаетъ мнѣ ея зятя, графа Вальдштейна, который, при подобномъ же случаѣ, превесело сказалъ своимъ гостямъ: „Господа, мы ѣдимъ сегодня мою коляску".

Въ настоящее время почти никто не живетъ такъ, какъ подобаетъ по его сословію и соціальному положенію; впрочемъ, требованія людей измѣняются сообразно съ модою. Кто читаетъ въ наше время сочиненія Скюдери, аббата Делилля и Флоріана? Легкая поэзія вышла изъ моды подобно тому, какъ вышли изъ моды газовые пуфы нашихъ бабушекъ. Ручьи журчатъ теперь, не возбуждая ни въ комъ восторга, птицъ не жалѣютъ спугнуть съ гнѣзда.

Въ наше время женщины пишутъ сочиненія по философіи и религіи; мнѣ представляются ихъ деликатныя ручки, подымающія тяжелые неотесанные куски камня, которые онѣ употребляютъ вмѣсто presse-papier. Я подозрѣваю, что онѣ наливаютъ въ свои чернильницы святой воды.

Въ сочиненіяхъ г-жи Лудръ, рожденной Жирарденъ, встрѣчаются глубокія мысли; но женщинѣ писательницѣ труднѣе всего быть постоянно серьезной и глубокомысленной, не будучи скучной. Г-жа Сталь избѣгла этихъ двухъ подводныхъ камней потому, что всѣ ея сочиненія проникнуты поэзіей и любовью.

Г-жа Жанлисъ много писала, умствовала, сочиняла комедіи, сказки, составляла проповѣди, молитвенники, но она не избѣгла педантизма.

Ея сочиненій избѣгаютъ, какъ болтовни старой брюзги. Литература превратилась въ суровый бичъ; перо Ламенне омочено въ желчь; перо Жоржъ Зандъ такъ же остро, какъ стилетъ разбойника или какъ долото ремесленника.

Падшій ангелъ, Ламартинъ, снизошедшій къ намъ съ чудныхъ надзвѣздныхъ міровъ, воспѣвалъ рѣющія въ пространствѣ блестящія облака и прозрачныя воды озера! Съ тѣхъ поръ какъ умъ есть не что иное, какъ товаръ, продаваемый на вѣсъ, его расходуютъ въ мірѣ гораздо менѣе; всѣ видятъ, что его не стоитъ тратить даромъ; или быть можетъ боятся, чтобы мошенники-фельетонисты не подхватили слово, за которое можно бы получить золотую табакерку.

Въ Парижѣ нужно имѣть репутацію патентованнаго умнаго человѣка; тамъ требуютъ ума, извѣстности въ печати, признанной знаменитости, которая служила бы украшеніемъ салона. Теперь нѣтъ болѣе аристократокъ, которыя покровительствовали бы молодымъ провинціальнымъ аббатамъ (въ родѣ Мармонтеля) и руководили бы ихъ первыми шагами; нѣтъ болѣе маркизъ, которыя постарались бы ввести въ свѣтъ робкаго поэта (аббатъ де-Лилль), представить его принцамъ крови; нѣтъ болѣе доброй г-жи Жоффренъ, дарившей на Рождество завсегдатаямъ ея салона—бѣднымъ писателямъ, по-просту бархатные штаны.

Такъ называемые bons mots, т. е. остроумныя и колкія словечки исчезли во Франціи со временъ Талейрана. Въ нашемъ обществѣ, которое куритъ и посѣщаетъ клубы, не умѣютъ болѣе шутить безъ злобы.

Теперь убиваютъ несчастнаго противника наповалъ.

Нѣкоторыя женщины пользуются еще во Франціи монополіей ума. Г-жа Жирарденъ говоритъ откровенно: „Я очень умна“ такъ же точно, какъ она говорила прежде: „Господи, какъ я хороша!“ Говорятъ, что она походитъ теперь на старую сибиллу; безъ сомнѣнія, она очень умна; всегда язвительная, насмѣшливая, она бываетъ проста и естественна только въ тѣ моменты. когда она заявляетъ о себѣ, какъ о самой умной женщинѣ въ мірѣ.

Г-жа Пизье (Pisieux), рожденная Монбуассье, умна и хитра не менѣе г-жи Жирарденъ, но у нея умъ не фельетонный; ея письма очаровательны, каждое изъ нихъ такъ и просится въ печать; впрочемъ, они съ этой цѣлью и писались. Нѣкоторыя ея мысли выше извѣстныхъ изреченій Ла-Рошфуко.

Г-жа Пизье обладаетъ рѣдкимъ качествомъ—быть умной и оставаться въ то же время свѣтской женщиной; она не дѣлается „синимъ чулкомъ“. Она была всегда добродѣтельной женщиной и образцовой христіанкой и матерью. Ее считаютъ злой, но она только дѣ-

лаетъ видъ, что она зла. „Я дѣлаю добро, говоритъ она, но говорю зло“. Это совершенно вѣрно; она смѣется надъ недостатками людей; ненавидитъ порокъ; разсказываетъ забавно, выражается очень оригинально и свободно; для того, чтобы ее знать, нужно познакомиться съ отрывками изъ ея сочиненій, о ней нельзя судить по однимъ ея словамъ. Благородная и щедрая, она зачастую растрачиваетъ свой умъ съ глупыми людьми. Она говоритъ восхитительные bons mots о своихъ внукахъ, составляя этимъ ихъ репутацію.

Вотъ что она писала мнѣ въ 1834 г. по поводу моей 17-лѣтней племянницы де-Ландріанъ [1]), которая только-что вышла замужъ; не могу удержаться отъ удовольствія передать начертанный ею прелестный образъ.

„Я видѣла вашу очаровательную племянницу; она завоевала наши сердца, она могла бы вскружить головы, если бы это не было слишкомъ низко для ея ангельской чистоты. Моя дочь жаждетъ, чтобы она ее полюбила, такъ какъ это прелестное созданіе внушаетъ при первой же встрѣчѣ такое чувство, она нравится, заинтересовываетъ, а ея робость придаетъ ей еще болѣе прелести; всѣ ея слова восхитительны, ея скромность очень ей къ лицу, словомъ, мы въ восторгѣ отъ нея“.

Приведу нѣкоторые отрывки изъ ея писемъ, открываю одно изъ нихъ на удачу.

„Ханжи разочаровали меня на счетъ святыхъ; я вѣрю въ Бога; слѣдовательно, имѣю кого боятся; вѣрю въ Богородицу; слѣдовательно, имѣю на кого надѣяться, полагаю, что съ меня довольно!“

„Въ то время, когда я уѣхала изъ Парижа, городъ погрязъ во всѣхъ отношеніяхъ нравственно и физически, какъ-будто грязь составляетъ необходимый элементъ его жителей“.

Г-жа Агу (рожд. Флавиньи) пишетъ въ своихъ сочиненіяхъ, что слабость есть ореолъ женщины, которая познаетъ себѣ цѣну только тогда, когда она пала. Мужья водятъ молодыхъ своихъ женъ въ bal Mabille и чтобы защитить ихъ отъ нахаловъ, возлагаютъ свои надежды на полицейскихъ. Моя дочь, княгиня Гененинъ, опускаетъ глаза и молчитъ, такъ какъ она не хочетъ даже говорить о неприличіи подобнаго развлеченія“.

„Въ странѣ, гдѣ свобода есть не что иное, какъ распущенность, порядокъ всегда будетъ считаться тираніей: равенство немыслимо и, во избѣжаніе подчиненія начальству, будетъ создана безпредѣльная анархія; и навѣрное найдется какая-нибудь желѣзная рука, которая наложитъ на безумцевъ свинцовый гнетъ“.

---

[1]) Edwiga de Villevielle, въ зам. въ графиня Ландріанъ.

„Надежда составляетъ для меня въ настоящее время потребность, я нахожу въ ней болѣе нежели утѣшеніе. Прощайте, милый другъ, я люблю васъ какъ воспоминаніе; мнѣ кажется, вы занимаете этимъ хорошее мѣсто въ моемъ сердцѣ".

Прерываю на этомъ выписки. Сохраните письма г-жи Пизье. Она пишетъ свои воспоминанія, которыя будутъ весьма остроумны и любопытны.

Высокопоставленные люди бываютъ подчасъ очень дерзки, это люди, безусловно лишенные вкуса и почти всегда глупые. Подобные же люди встрѣчаются во Франціи среди финансовой аристократіи, которая до крайности обидчива; этихъ людей нельзя назвать глупыми, но, будучи не лишены ума, они, къ сожалѣнію, убѣждены въ томъ, что они встрѣчаютъ постоянно помѣхи въ достиженіи успѣховъ, на которые они, по ихъ мнѣнію, могли бы разсчитывать. На самомъ дѣлѣ, людей выдающагося ума и таланта, къ какому бы классу общества они ни принадлежали, принимаютъ вездѣ съ почетомъ. Въ этомъ можно убѣдиться, бывая въ аристократическихъ салонахъ, куда хозяева стараются привлечь знаменитостей литературнаго и артистическаго міра точно такъ же, какъ послѣднія стремятся попасть туда и быть приняты наравнѣ съ аристократами. Въ салонѣ какой-нибудь герцогини нерѣдко случается встрѣтить ярыхъ республиканцевъ, кроткихъ, какъ агнцы, и разыгрывающихъ роль принцевъ, а въ салонѣ какого-нибудь банкира — принцевъ либераловъ, мнящихъ себя артистами и проповѣдующихъ самые демократическіе принципы.

Пріятно имѣть въ числѣ предковъ доблестныхъ рыцарей и славныхъ воиновъ. Подобное происхожденіе должно возбудить справедливую гордость, благородное соревнованіе, но не высокомѣріе. Тщеславіе умаляетъ все, это признакъ величайшей посредственности; для мѣщанскаго самолюбія должна по истинѣ быть пріятна эта глупость нѣкоторыхъ захудалыхъ аристократовъ, кичащихся своими предками, чѣмъ они становятся предметомъ насмѣшекъ даже благомыслящихъ людей своего сословія. Одинъ французскій дворянинъ, кичась предками, постоянно говорилъ о нихъ; одинъ изъ его товарищей, принадлежавшій къ гораздо болѣе извѣстной фамиліи, наскучивъ этимъ, сказалъ ему однажды съ досадой: „я никогда не говорю о своихъ предкахъ; на кой чортъ мнѣ нужны твои"?

Въ Вѣнѣ одна старая графиня (графиня Ф.), сухая, вся въ морщинахъ, накрашенная, настоящій кащей, встрѣтила однажды вечеромъ, во время первой оккупаціи Вѣны, молодаго рослаго красавца, гренадера императорской гвардіи; графиня была закутана въ плащъ, лицо ея было покрыто капюшономъ; гренадеръ остановилъ ее, схватилъ на руки и, чтобы разглядѣть свою добычу, поднесъ къ фонарю,

поднялъ ее къ свѣту и поспѣшно опустилъ на землю, не сказавъ ни слова. Разсказывая объ этомъ, графиня говорила пресерьезно своимъ непріятнымъ крикливымъ голосомъ: „эти французы очень умны; солдатъ, только взглянувъ на меня, узналъ, что я аристократка, и до того испугался того, что онъ былъ невѣжливъ съ особою моего ранга, что онъ бросилъ меня на троттуаръ, такъ что я чуть не расшиблась"!

Маркизъ de Saint M. былъ особенно одержимъ маніей хвастать своими предками. Эмигрируя изъ Франціи, онъ поручилъ портреты своихъ аристократическихъ предковъ одному изъ своихъ арендаторовъ, прося его сохранить ихъ во что бы то ни стало. По возвращеніи во Францію, нѣсколько лѣтъ спустя, его первою заботою было освѣдомиться объ этихъ драгоцѣнныхъ предметахъ. Преданный арендаторъ отвѣтилъ ему, сіяя, что онъ подвергся большой опасности, чтобы сохранить предковъ г. маркиза; опасаясь какъ бы его не приняли за аристократа и не обошлись бы какъ съ таковымъ, и желая въ то же время оправдать довѣріе своего господина, онъ отрѣзалъ у портретовъ головы, а тѣла сжегъ, такимъ образомъ они занимали мало мѣста, и ему удалось сохранить лица, коими маркизъ дорожилъ вѣроятно болѣе всего. И онъ передалъ ему коробку, заключавшую эти несчастныя лица! Маркизъ былъ неутѣшенъ. Эти рыцари безъ латъ, эти дамы безъ фижмъ утратили въ его глазахъ всю свою прелесть, но онъ постарался поправить бѣду. Много лѣтъ спустя его встрѣчали въ Парижѣ на набережныхъ и въ антикварныхъ лавкахъ, гдѣ онъ примѣрялъ головы своихъ предковъ ко всѣмъ стариннымъ портретамъ. Когда ему удавалось найти портретъ, къ которому можно было ихъ придѣлать, онъ покупалъ его, отрѣзалъ ему голову и замѣнялъ ее головою своего предка. Такимъ образомъ онъ возстановлялъ свою портретную галлерею. Меня увѣряли, что голова его отца пришлась какъ нельзя лучше къ фигурѣ Людовика XV: онъ не задумался продѣлать надъ нимъ обычную операцію и получилъ такимъ образомъ великолѣпный семейный портретъ съ голубой лентой черезъ плечо и прочими аттрибутами королевскаго достоинства.

Встрѣчали ли вы когда-нибудь англійскаго джентльмена, который не велъ бы своего происхожденія отъ Вильгельма Завоевателя? или бѣднаго ирландца, который не происходилъ бы отъ одного изъ королей Ирландіи? Если вы встрѣтите подобный феноменъ, то онъ отъ этого ни мало не потеряетъ, ибо первый причислитъ себя несомнѣнно къ англо-саксонской, а второй къ кельтической расѣ.

Среди притязаній французскихъ дворянъ самое распространенное— это притязаніе на Іерусалимское королевство. Восемь или девять аристократическихъ домовъ оспариваютъ другъ у друга мирнымъ образомъ эти царственныя права, раздѣляемыя ими со многими монар-

хами Европы, которые приняли титулъ и гербъ Іерусалимскаго королевства. Я получила однажды письмо, печать коего поразила меня; на ней были изображены гербы Франціи, Сициліи, Сардиніи, Іерусалима и т. д. Это было письмо отъ одного французскаго дворянина. Я была менѣе удивлена, увидавъ, нѣсколько лѣтъ спустя, печать одного англійскаго джентльмена, потомка незаконнорожденнаго сына Карла II, на которой были скромно изображены „только два герба“: англійскій и французскій, коими онъ считалъ себя въ правѣ пользоваться такъ же, какъ современные короли Великобританіи.

Я не осуждаю эти претензіи, такъ какъ онѣ имѣютъ одно большое преимущество: онѣ даютъ пищу здоровому, веселому смѣху, который становится въ настоящее время все болѣе и болѣе рѣдкимъ.

Современныя родословныя также имѣютъ свою хорошую сторону. Во-первыхъ, онѣ совершенно новенькія, блещутъ славными браками съ представителями угасшихъ аристократическихъ фамилій, прекрасно нарисованными и расписанными гербами, относящимися къ той эпохѣ, когда гербовъ вовсе не существовало.

Нѣмецкая аристократія болѣе реальна; она болѣе горда и тщеславна; гордая и высокомѣрная по отношенію ко всему, что съ ней соприкасается, она мало заботится о дворянскихъ правахъ другихъ людей; сомнительныя претензіи на дворянство показались бы ей скорѣе докучливы, нежели смѣшны. Она дорожитъ болѣе титулами, нежели древностью рода. Я знаю нѣсколько извѣстныхъ фамилій Австріи (среди которыхъ есть нѣсколько кавалеровъ Золотаго руна), которые говорятъ откровенно, что ихъ родъ не отличается древностью; эта простота есть истинное благородство.

Высшая англійская аристократія высокомѣрна, нетерпима, безжалостна; она все еще кичится подвигами Вильгельма Завоевателя; прямо невѣроятно, сколько славныхъ потомковъ оставили въ Англіи эти норманскіе герои. Но рядомъ съ этими древними баронами вы встрѣчаете такое множество вновь испеченныхъ кавалеровъ, баронетовъ и разныхъ сэръ и лэди, недавно еще служившихъ въ разныхъ мастерскихъ, конторахъ, банкахъ, на заводахъ, въ анатомическомъ театрѣ, что вы не знаете, что думать, и боитесь принять скальпель за шпагу, шапку за корону, каленкоръ за горностай и кисть за копье.

Въ республикахъ притязанія на дворянство выступаютъ еще ярче. Аристократія Берна нетерпима. Гг. Бонштеттенъ относятся свысока къ древнему роду графовъ Габсбурговъ; гг. Ваттервиль также мало снисходительны къ королевскому дому Виттельсбаховъ, царствующему въ Баваріи, считая себя старше его родомъ. Впрочемъ, вопросъ о старшинствѣ этихъ двухъ славныхъ родовъ остается еще спорнымъ. Я никогда не видѣла столько гербовъ, какъ въ Швейцаріи; простой

церковный сторожъ какой-нибудь приходской церкви имѣетъ скамью, украшенную гербомъ; то же можно видѣть въ церквахъ, на кладбищахъ, въ арсеналахъ и ратушахъ, такъ что получается впечатлѣніе, какъ будто республика состоитъ не въ томъ, чтобы дворяне сдѣлались плебеями, а чтобы мѣщане стали дворянами; быть можетъ, въ этомъ заключается секретъ современной демократіи. Наполеонъ угадалъ эту тайну плебейской гордости, пожаловавъ ордена и титулы ярымъ республиканцамъ, каковы герцогъ Лебренъ, графъ Булэ, герцогъ Фуше.

Претензіи мѣщанъ такъ же смѣшны, какъ и кичливость дворянъ, онѣ такъ же смѣшны, какъ тщеславіе дворянъ. Послѣднее нелѣпо; зависть мѣщанъ также смѣшна и вдобавокъ полна ненависти и злобы. Никто не виноватъ въ томъ, въ какомъ состояніи онъ родился по волѣ Провидѣнія. Кичиться своимъ происхожденіемъ недостойно человѣка; къ счастью, эта слабость встрѣчается довольно рѣдко. По-моему ничего нѣтъ столь смѣшнаго и нелѣпаго, какъ высокомѣріе, съ какимъ держитъ себя во Франціи выскочившій въ люди мѣщанинъ. Чѣмъ болѣе онъ либералъ, тѣмъ болѣе онъ высокомѣренъ, чѣмъ болѣе онъ разглагольствуетъ о равенствѣ, тѣмъ болѣе онъ относится съ презрѣніемъ къ тѣмъ, кто стоитъ ниже его и старается превзойти того, кто стоитъ выше; это очень жаль, такъ какъ среди этихъ напыщенныхъ людей нерѣдко встрѣчаются очень умные и дѣйствительно талантливые.

Мнѣ случилось однажды нечаянно позвонить у дверей богатаго фабриканта изъ Нанси, Б., вмѣсто квартиры титулованнаго аристократа, жившаго въ томъ же домѣ.

Б. выскочилъ изъ своей гостиной или конторы внѣ себя отъ бѣшенства и погрозилъ мнѣ кулакомъ, крича какъ бѣсноватый.

— Вы грамотная, кричалъ онъ, грамотная? Если бы вы умѣли читать, то увидѣли бы, что меня зовутъ Б.

— Мг., отвѣчала я, пожавъ плечами, я близорука и дѣйствительно ошиблась дверьми; будьте увѣрены, я не забуду того, что васъ зовутъ Б. Если вамъ случится по ошибкѣ позвонить у моихъ дверей, будьте увѣрены, что мои слуги откроютъ вамъ вѣжливо, какъ это имъ приказано.

Я и не знала, что этотъ господинъ часто бывалъ у хозяина того дома, въ которомъ мы жили (банкиръ) и что мои люди зачастую отворяли ему двери, такъ какъ единственная служанка богатаго банкира заставляла себя ждать. Я приказала своимъ слугамъ быть въ подобныхъ случаяхъ еще вѣжливѣе и старалась впредь не ошибаться, внимательно читая фамиліи на дверяхъ.

Однажды, по пути изъ Бадена въ Страсбургъ, мы пріѣхали на

*

одну почтовую станцію за нѣсколько минутъ до Кехлина, эльзасскаго депутата. Онъ повелительно приказалъ своему кучеру стать впереди нашей кареты, которая уже остановилась, и сталъ кричать почталіонамъ что есть мочи, чтобы они запрягали лошадей какъ можно скорѣй. Они же, не обращая на него ни малѣйшаго вниманія, стали перепрягать лошадей у нашей коляски. „Сюда лошадей, сюда сперва!" кричалъ достопочтенный депутатъ въ гнѣвѣ.

Почтальоны продолжали свое дѣло, говоря: „эта карета пріѣхала раньше".

Вмѣстѣ съ Кехлиномъ ѣхалъ какой-то господинъ; весь запыхавшись, онъ подошелъ къ нашей каретѣ и гордо сказалъ:

„Этотъ господинъ—депутатъ Кехлинъ, онъ очень спѣшитъ и долженъ быть въ Страсбургѣ къ полудню".

Мой мужъ отвѣчалъ ему съ иронической улыбкой: „онъ французскій депутатъ и спѣшитъ по дѣлу... Но мы вѣдь здѣсь въ Германіи, милостивый государь".

Кехлинъ, говорившій съ почтмейстеромъ и съ почтальонами повелительнымъ тономъ, величественно распахнувъ свое пальто, чтобы показать свою красную ленту, подошелъ къ нашему экипажу. Онъ пыхтѣлъ отъ злости. Спокойствіе и достоинство, съ какимъ встрѣтилъ его мой мужъ, тотчасъ произвели на него впечатлѣніе.

„Милостивый государь, сказалъ онъ снявъ шляпу (вѣжливость, на которую мой мужъ немедленно отвѣчалъ тѣмъ же), я очень спѣшу; вы оказали бы мнѣ огромную услугу, позволивъ мнѣ уѣхать впередъ.

— Я нисколько не спѣшу, отвѣчалъ мой мужъ, и всегда готовъ оказать услугу, если меня попросятъ вѣжливо.

— Я васъ прошу объ этомъ, милостивый государь, какъ депутатъ.

— Французскій депутатъ не имѣетъ права въ Германіи и даже во Франціи требовать нарушенія правилъ; но, если вы просите оказать вамъ услугу... и мужъ приказалъ почтальонамъ уступить. Наши почтальоны были внѣ себя. Впрочемъ, Кехлинъ оказался человѣкомъ благодарнымъ; на всѣхъ почтовыхъ станціяхъ вплоть до Страсбурга, для насъ были впередъ заказаны лошади, которыя намъ тотчасъ припрягли.

Французскіе депутаты горды. Я имѣла несчастье встрѣтить однажды на почтѣ въ Баденѣ одного депутата либеральной партіи департамента Вогезовъ. Мнѣ нужно было сказать только одно слово почтовому чиновнику; почта скоро отходила, и я показала ему адресъ и произнесла только: frankiren? Онъ покачалъ отрицательно головою, продолжая разыскивать письма депутата. Но этотъ господинъ, замѣтивъ на адресѣ моего письма титулъ „княгиня", страшно разозлился.

„Тутъ нѣтъ никакихъ княгинь, закричалъ онъ; (онъ воображалъ, что онъ во Франціи) я пришелъ раньше".

— Но, замѣтилъ ему чиновникъ, удивленный и испуганный его грубымъ тономъ, эта дама никому не помѣшала; она сказала только одно слово, и это мнѣ не мѣшало искать ваши письма". Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ передалъ депутату адресованную ему корреспонденцію. Но этотъ господинъ, ранѣе такъ спѣшившій, даже не взглянулъ на нихъ, а продолжалъ рычать.

— Княгиня! тутъ нѣтъ княгини.

— Нѣтъ также и депутата, сказала я ему вѣжливо, такъ какъ онъ умышленно держалъ свои письма такимъ образомъ, чтобы можно было прочесть его званіе депутата.

Въ прошломъ году одна француженка была въ Баденѣ и обѣдала у Шабера. Ей долго не подавали заказанныхъ ею котлетъ; потерявъ терпѣніе, она обратилась къ одному господину, проходившему по залѣ, котораго она приняла за мэтръ д'отеля.

— Monsieur, сказала она, уже часъ, какъ я заказала котлеты.

— Да! любезно отвѣтилъ господинъ и такъ какъ онъ продолжалъ ходить взадъ и впередъ по комнатѣ, въ ожиданіи обѣда, который ему должны были подать на террасѣ, то она снова остановилась и сказала ему очень недовольнымъ тономъ:

— Милостивый государь, скажите же, чтобы мнѣ подали котлеты, невозможно такъ заставлять ожидать.

— Увѣряю васъ, м. г., отвѣчалъ принцъ Е. Гессенъ Дармштадтскій, что я въ этомъ совершенно неповиненъ, и онъ подозвалъ слугу, приказавъ ему исполнить требованіе дамы.

А французскій буржуа расхохотался бы ей въ лицо, или, въ качествѣ депутата самой цивилизованной націи въ мірѣ, послалъ бы бѣдную даму къ чорту.

Роскошные салоны, сливки парижскаго общества, французскаго и иностраннаго, и милѣйшая, очаровательная посланница, графиня Аппони. Все это вещь извѣстная. Однажды вечеромъ въ то время, какъ у графини собралось избранное общество, вдругъ раздался звукъ упавшей люстры и громкій крикъ; всѣ бросились въ зало, полагая, что произошло большое несчастье. На полу лежала въ обморокѣ дама, а подлѣ нея нѣсколько разбитыхъ стекляшекъ изъ кинкета. Маршалъ Мармонтъ, игравшій въ залѣ въ вистъ, услышалъ стукъ упавшей люстры и крикъ. Броситься на помощь раненой красавицы (оказалось, что дама отдѣлалась испугомъ) было дѣломъ одного мгновенія. Онъ побѣжалъ, расталкивая толпу, и былъ уже близко къ пострадавшей, когда его адъютантъ поспѣшно доложилъ ему, что это была его супруга, съ которой онъ былъ въ ссорѣ; они ненавидѣли другъ

друга. Маршалъ поспѣшно ретировался, сдѣлавъ уморительную гримасу, и снова сѣлъ за карты. Всѣ очень сожалѣли, что лишились любопытнаго зрѣлища: эффектъ былъ бы полный, если бы услужливый адъютантъ не преградилъ маршалу путь и не остановилъ его благороднаго порыва.

Въ то время въ Парижѣ надѣлалъ много шума тотъ фактъ, что графъ Аппони, разославъ французскимъ маршаламъ приглашенія на вечеръ, опустилъ въ своемъ обращеніи пожалованные имъ Наполеономъ въ прибавленіе къ ихъ фамиліямъ титулы, соотвѣтствовавшіе названіямъ тѣхъ провинцій, которыя были завоеваны обратно Австріей въ 1814 г. По этому поводу поднялся страшный шумъ и гамъ; множество лицъ, не имѣвшихъ ни малѣйшаго отношенія къ маршаламъ, отказались отъ приглашенія, полученнаго ими изъ посольства, а тѣ, кои не были приглашены, злорадствовали. Трудно представить себѣ, какая поднялась буря. Но что сказали бы французы, если бы императоръ Александръ I пожаловалъ своимъ генераламъ въ добавленіе къ ихъ фамиліямъ названіе какой-нибудь французской провинціи, города или рѣки? или если бы австрійскій императоръ пожаловалъ маршалу князю Шварценбергу титулъ герцога Парижскаго?

Князь Вѣнскій, герцогъ Берлинскій, скажете вы съ гордостью. Да, но по той же причинѣ, мы увидѣли бы въ числѣ знаменитыхъ иностранныхъ генераловъ какого-нибудь графа Тулузскаго, князя Монмартрскаго, герцога Сенскаго; откровенно говоря, это было бы очень глупо, хотя вполнѣ логично; вся Европа расхохоталась бы при встрѣчѣ герцога Парижскаго съ княземъ Вѣнскимъ на Іенскомъ мосту въ Парижѣ, или на мосту Сенъ-Клу въ Берлинѣ; врядъ ли какой-нибудь князь Росбахскій встрѣтилъ бы во Франціи любезный пріемъ; невозможно было бы появиться подъ именемъ, которое было бы принято за кровное оскорбленіе. Неужели вы думаете, что князь Ваграмскій былъ бы принятъ любезно въ Вѣнѣ, столь близкой къ этому полю битвы, гдѣ доблестная австрійская армія понесла такое рѣшительное пораженіе? Если вы хотите, чтобы ваши генералы носили титулы провинцій, подвластныхъ Австріи, если вы находите справедливымъ, чтобы были герцоги Далматинскіе, Тревизскіе, Виченскіе и т. д. и т. д., то вамъ придется мириться съ герцогами Реймскими, Шампаньи и т. п.

Побѣдоносные союзники оказались скромнѣе, хотя они одержали побѣду надъ Франціей и Наполеономъ, надъ доблестью, надъ геніемъ, которые казались непобѣдимы; было чѣмъ возгордиться!

Бурбоны, по возвращеніи во Францію, рѣшили щадить самолюбія и признали всѣ титулы, полученные за доблестные подвиги. Любо-

пытно знать, было ли французскому правительству извѣстно о попыткѣ, сдѣланной графомъ Аппони, и была ли она сдѣлана по приказанію австрійскаго правительства? Во всякомъ случаѣ, онъ поступилъ крайне неловко; въ то время когда разразилась эта „салонная буря“, я получила отъ графини Аппони прелюбезную записочку, коей посланница приглашала меня къ себѣ и увѣдомляла, что она бываетъ дома по вторникамъ. Въ слѣдующіе три вторника у нея собралось менѣе блестящее общество, по поводу чего молодые дипломаты, состоявшіе при посольствѣ, громко высказывали свое сожалѣніе; маршалы не появлялись болѣе въ салонахъ австрійскаго посольства; впрочемъ, въ послѣдующіе годы его пріемы отличались прежнимъ блескомъ.

Я ненавижу царедворцевъ; они бываютъ по большей части удивительно неблагодарны, почти сами того не подозрѣвая; это такъ естественно [1]).

Всѣмъ извѣстно, какъ глубоко былъ оскорбленъ Карлъ X, считавшій свое отреченіе недѣйствительнымъ, когда по достиженіи герцогомъ Бордосскимъ совершеннолѣтія, многіе французскіе дворяне поспѣшили въ Прагу, чтобы привѣтствовать его, какъ короля Франціи.

Однимъ изъ первыхъ явился на поклонъ Троговъ (Trogoff), нѣкогда осыпанный Карломъ X благодѣяніями. Король сдѣлалъ видъ, что онъ не замѣчаетъ его, когда онъ явился во дворецъ. Князь Виндишгрецъ, стоявшій подлѣ Трогова, которому король не сказалъ ни слова, сказалъ Карлу X:

— Ваше величество вѣроятно не замѣтили подлѣ меня одного изъ самыхъ преданныхъ вашихъ слугъ.

— Нѣтъ, я видѣлъ его, печально отозвался король, не бросивъ ни одного взгляда на неблагодарнаго царедворца. Троговъ удалился глубоко огорченный и высказалъ княгинѣ Роганъ Рошфоръ свое горе, обливаясь слезами, на это княгиня дала ему понять, насколько его собственный поступокъ былъ необдуманъ и могъ, въ свою очередь, огорчить короля, осыпавшаго его своими милостями и благодѣяніями.

Дѣйствительно, Троговъ былъ взысканъ милостями короля. Незадолго до іюльской революціи, Карлъ X назначилъ его управляющимъ Сенъ-Клу.

— Троговъ, сказалъ ему однажды король, когда онъ былъ во дворцѣ, надѣюсь, вы примете меня это лѣто какъ подобаетъ.

Удивленный Троговъ отвѣтилъ: „Я былъ бы очень счастливъ принять ваше величество, но у меня нѣтъ замка.

---

[1]) Камбасересъ получилъ отъ Наполеона титулъ герцога Пармскаго, но уже въ 1816 г. онъ препроводилъ Вѣнскому двору заявленіе о томъ, что онъ формально отказывается отъ этого титула.

— Я знаю это и поэтому я назначилъ васъ управляющимъ Сенъ-Клу.

Полиньякъ (оберъ-шталмейстеръ) засыпалъ безъ церемоніи, развалясь въ креслѣ въ залѣ королевскаго дворца, въ присутствіи супруги дофина и принцевъ, въ то время какъ высочайшія особы играли въ вистъ. Супруга дофина, наблюдавшая однажды за нимъ, въ то время какъ онъ велъ себя столь безцеремоннымъ образомъ, сказала вслухъ: „Г. Полиньякъ, кажется, храпитъ“.

Тотъ же Полиньякъ жаловался однажды въ салонѣ г-жи Роганъ на скуку, царившую въ Пражскомъ дворцѣ, гдѣ жилъ Карлъ X.

— Такъ вы не поѣдете болѣе въ Прагу? сказала она.

— Конечно, нѣтъ, воскликнулъ онъ, тамъ слишкомъ скучно.

— Какъ, вы, г. Полиньякъ, вы не можете раздѣлить скуку королевской фамиліи въ эмиграціи? Вы, вы жалуетесь на скуку и однообразіе королевскаго салона? Это слишкомъ!

Урокъ, данный княгиней, былъ строгъ, но вполнѣ заслуженъ. Эти подробности сообщила мнѣ ея дочь, княгиня Рейсъ-Грейцъ.

Отмѣчу еще, что супруга дофина никогда не допускала, чтобы въ ея присутствіи отзывались неуважительно о принцахъ Орлеанскихъ. Но она была затронута за живое, узнавъ, что герцогамъ Орлеанскому и Немурскому было отведено въ Вѣнѣ помѣщеніе въ императорскомъ дворцѣ, въ тѣхъ самыхъ аппартаментахъ, которые она занимала нѣсколько дней передъ тѣмъ. Въ самомъ дѣлѣ было бы приличнѣе отвести для нихъ другое помѣщеніе. Впрочемъ, быть можетъ и принцы Орлеанскіе были обижены по той же причинѣ тѣмъ, что имъ отвели это помѣщеніе.

Супруга дофина читаетъ всѣ новѣйшіе романы. Но она не читала „Собора Парижской Богоматери“ (Notre-dame de Paris) или не прочла его еще въ то время, когда были написаны эти строки (въ 1849 г.).

„Я не могла бы, замѣтила она однажды, сказать Виктору Гюго всѣ тѣ любезности, какія сказала ему принцесса Елена“.

Генералъ Клуэ (Clouet) раскладывалъ каждый вечеръ пасіансъ на кругломъ столѣ, вокругъ котораго собиралась по вечерамъ королевская семья; это очень надоѣдало супругѣ дофина, которая ненавидитъ всякіе пасіансы, но она ни разу не дала почувствовать этого генералу.

Въ дни пріемовъ эта принцесса одѣвается всегда очень просто, но прилично. Ея излюбленный туалетъ: платье изъ матеріи лиловаго цвѣта, бѣлая шляпка, украшенная перьями, и бѣлая кашемировая шаль.

Редакторъ-Издатель С. Зыковъ.

останавливается, главнымъ образомъ, на статьяхъ, которыя болѣе заслуживаютъ вниманія и служатъ для характеристики журнала, указывая въ подстрочныхъ примѣчаніяхъ томъ и номеръ журнала и присоединяя въ большинствѣ случаевъ наименованіе статьи и фамилію автора.

Обратимся къ главному, первому, военному отдѣлу. Военный бытъ носитъ въ себѣ много специфическихъ чертъ. Отсюда понятны выраженія—военный духъ, военная выправка, даже полушутливое двухсловіе—военная косточка. Журналъ для чтенія воспитанникамъ военно-учебныхъ заведеній не оставался чуждымъ желанія принести пользу читателямъ именно подготовкою ихъ къ вступленію въ войска и предварительнымъ знакомствомъ ихъ съ военнымъ бытомъ. Капитальною статьею въ этомъ отношеніи являются „Солдатскія замѣтки". Замѣтки писаны для солдатскаго досуга, и первымъ вопросомъ, ими разрѣшаемымъ, является вопросъ: существуетъ ли вообще досугъ у солдата въ его многосложныхъ занятіяхъ.

Говоря о пьянствѣ, этомъ ужасномъ порокѣ, вѣчномъ спутникѣ чуть ли не всѣхъ воинскихъ преступленій, журналъ устанавливаетъ три степени „хмѣля": увеселенія, опьяненія и осатаненія или свиненія.

Журналъ, конечно, отводитъ мѣсто суворовскимъ анекдотамъ. Однажды Суворовъ ѣхалъ съ присланнымъ отъ князя Н. В. Репнина маіоромъ. „Сколько рыбъ въ водѣ"—былъ вопросъ Суворова. Маіоръ сказалъ первое пришедшее въ умъ число. „А сколько звѣздъ на небѣ?" снова спросилъ Суворовъ.—700.546.083 звѣзды, отвѣчалъ маіоръ. Наконецъ, отправляя отъ себя маіора, Суворовъ его спросилъ о различіи, по мнѣнію маіора, между нимъ, Суворовымъ, и Репнинымъ. „Такое различіе, ваше сіятельство, отвѣчалъ ловкій маіоръ, что князь Николай Васильевичъ и хотѣлъ бы сдѣлать меня подполковникомъ, но не можетъ, а вашему сіятельству стоитъ только захотѣть". Помилуй Богъ, хорошо,—вскричалъ Суворовъ,—помилуй Богъ, умный человѣкъ, могузнайка, подполковникъ, право, подполковникъ.

Останавливается журналъ на войнахъ, которыя вела Россія, и на выдающихся событіяхъ. Къ славнымъ страницамъ русской военной исторіи принадлежитъ Кагульская битва. Это—„истинно баснословное событіе, которое, случись нѣсколькими вѣками раньше, единогласно было бы отнесено въ область миѳовъ; 17 тысячъ русскихъ попались между полуторасто-тысячною арміею турокъ и стотысячною ордою татаръ; и что же? Турки разбиты въ прахъ; татары сами разсѣялись прахомъ". Центральной фигурой на исторической картинѣ войны 12-го года является, безспорно, Бородинская битва. Это была могила славы Наполеона, залогъ будущей славы Кутузова и Барклая-де-Толли.

Вотъ знаменитый приказъ Наполеона предъ Бородинской битвой: „Солдаты! вотъ сраженіе, котораго вы такъ желали. Побѣда въ рукахъ вашихъ, она нужна намъ. Она доставитъ намъ изобиліе, хорошія зимнія квартиры и скорое возвращеніе въ отечество. Дѣйствуйте такъ же, какъ вы дѣйствовали подъ Аустерлицомъ, при Фридландѣ, Витебскѣ и подъ Смоленскомъ, и позднее потомство вспомнитъ съ гордостью о вашихъ всегдашнихъ подвигахъ и скажетъ о каждомъ: и онъ былъ въ великой битвѣ подъ стѣнами Москвы!"

Журналъ, представлявшій въ нѣкоторомъ родѣ оффиціозъ для военно-учебныхъ заведеній, особенно цѣненъ по отношенію къ статьямъ, касавшимся этихъ учрежденій. Въ статьѣ объ историческомъ развитіи военно-учебныхъ заведеній высказывается общая мысль о значеніи военно-учебныхъ заведеній въ общественно-государственной жизни Россіи. „Цѣль военно-учебныхъ заведеній,—говорится въ статьѣ,—не состоитъ единственно въ томъ, чтобы образовать свѣдущихъ и достойныхъ офицеровъ для всѣхъ родовъ службы, но она клонится также и къ тому, дабы доставить вообще русскому дворянству, большая часть котораго не можетъ собственными способами образовать своихъ дѣтей,—воспитаніе, сходное съ его рожденіемъ и назначеніемъ его въ обществѣ,—воспитаніе, которое могло вкоренить въ молодыхъ людяхъ чувство нравственности и чести, познакомить ихъ съ полезнѣйшими знаніями различныхъ отраслей управленія и, такимъ образомъ, обезпечить будущность ихъ и Россіи, поселивъ въ нихъ неизмѣнную преданность къ престолу и любовь къ религіи".

Во второмъ, историческомъ отдѣлѣ прежде всего опредѣляется значеніе исторіи. Главное мѣсто отведено Петру Великому, Екатеринѣ 2-й и ея сподвижникамъ. Далѣе говорится о русскихъ замѣчательныхъ людяхъ.

Третій, научно-литературный отдѣлъ содержитъ въ себѣ статьи: патріотическія, по отечествовѣдѣнію, природовѣдѣнію, назидательныя статьи, церковныя рѣчи и беллетристику. Въ началѣ своего существованія журналъ отводилъ мѣсто на своихъ страницахъ исключительно подъ перепечатку статей, цѣликомъ или въ извлеченіяхъ, наиболѣе извѣстныхъ и талантливыхъ авторовъ. Въ дальнѣйшемъ своемъ существованіи журналъ сталъ печатать также сочиненія самихъ воспитанниковъ военно-учебныхъ заведеній. Такой обычай, въ силу справедливости, не можетъ быть признанъ удачнымъ: журналъ, обращаясь изъ органа для чтенія воспитанникамъ въ изданіе произведеній самихъ воспитанниковъ, не могъ, конечно, придерживаться своей военно-педагогической программы, ясно обрисованной предыдущимъ его существованіемъ.

Въ заключеніе г. Соколовскій говоритъ: это былъ почтенный военно-педагогическій органъ, истинный кадетскій журналъ, возрожденіе коего, конечно, въ нѣсколько измѣненной формѣ, представляется желательнымъ каждому русскому человѣку, дорожащему военнымъ воспитаніемъ и военной журналистикой.

Н. К-ш-ъ.

ПРИНИМАЕТСЯ ПОДПИСКА НА ЖУРНАЛЪ

РУССКАЯ СТАРИНА

1905 г.

ТРИДЦАТЬ ШЕСТОЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ.

Цѣна за **12** книгъ, съ гравированными лучшими художниками портретами русскихъ дѣятелей, **ДЕВЯТЬ** руб. съ пересылкою. За границу **ОДИННАДЦАТЬ** руб.—въ государства, входящія въ составъ всеобщаго почтоваго союза. Въ прочія мѣста за границу подписка принимается съ пересылкой по существующему тарифу.

Подписка принимается: для **городскихъ** подписчиковъ: въ С.-Петербургѣ—въ конторѣ „Русской Старины", Фонтанка, д. № 145, и въ книжномъ магазинѣ **А. Ф. Цинзерлинга** (бывшій Мелье и К°), Невскій просп., д. № 20. Въ Москвѣ при книжныхъ магазинахъ: **Н. П. Карбасникова** (Моховая, д. Коха). Въ Казани—**А. А. Дубровина** (Воскресенская ул., Гостиный дворъ, № 1). Въ Саратовѣ при книжн. магаз. **В. Ф. Духовникова** (Нѣмецкая ул.). Въ Кіевѣ — при книжномъ магазинѣ **Н. Я. Оглоблина**.

☛ Гг. **иногородные** обращаются исключительно: въ С.-Петербургъ, въ Редакцію журнала **„Русская Старина"**, Фонтанка, д. № 145, кв. № 1.

Въ „РУССКОЙ СТАРИНѢ" помѣщаются:

I. Записки и воспоминанія.—II. Историческія изслѣдованія, очерки и разсказы о цѣлыхъ эпохахъ и отдѣльныхъ событіяхъ русской исторіи, преимущественно XVIII-го и XIX-го в.в.—III. Жизнеописанія и матеріалы къ біографіямъ достопамятныхъ русскихъ дѣятелей: людей государственныхъ, ученыхъ, военныхъ, писателей духовныхъ и свѣтскихъ, артистовъ и художниковъ.—IV. Статьи изъ исторіи русской литературы и искусствъ; переписка, автобіографіи, замѣтки, дневники русскихъ писателей и артистовъ.—V. Отзывы о русской исторической литературѣ.—VI. Историческіе разсказы и преданія.—Челобитныя, переписка и документы, рисующіе бытъ русскаго общества прошлаго времени.—VII. Народная словесность.—VIII. Родословія.

Редакція отвѣчаетъ за правильную доставку журнала только передъ лицами, подписавшимися въ редакціи.

Въ случаѣ неполученія журнала, подписчики, немедленно по полученіи слѣдующей книжки, присылаютъ въ редакцію заявленіе о неполученіи предъидущей, съ приложеніемъ удостовѣренія мѣстнаго почтоваго учрежденія.

Рукописи, доставленныя въ редакцію для напечатанія, подлежатъ въ случаѣ надобности сокращеніямъ и измѣненіямъ; признанныя неудобными для печатанія сохраняются въ редакціи въ теченіе года, а затѣмъ уничтожаются.—Обратной высылки рукописей ихъ авторамъ редакція на свой счетъ не принимаетъ.

☛ Можно получать въ конторѣ редакціи **„Русскую Старину"** за слѣдующіе годы: 1876—1880 по **8** рублей; 1881 г., 1884 г., 1885 г. и съ 1888—1904 по **9** рублей.

ПРОДАЕТСЯ КНИГА

«МИХАИЛЪ ИВАНОВИЧЪ СЕМЕВСКІЙ,

ЕГО ЖИЗНЬ И ДѢЯТЕЛЬНОСТЬ»,

съ предисловіемъ и подъ редакц. Н. К. Шильдера. Цѣна **2** р. съ пересылкою. Съ требованіемъ обращаться: С.-Петербургъ, Б. Подъяческая ул., д. 7.

Редакторъ-издатель **С. Зыковъ**.

РУССКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ
ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНІЕ.

Годъ XXXVI-й. НОЯБРЬ. 1905 годъ.

СОДЕРЖАНІЕ:

Продолжается подписка на „Русскую Старину" изд. 1905 года.

Можно получить журналъ за истекшіе годы, смотри 4-ю стран. обертки.

Пріемъ по дѣламъ редакц. по понедѣльникамъ и четвергамъ отъ 1 ч. до 3 пополудни.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Тип. М. П. С. (Т-ва И. Н. Кушнеревъ и К°), Фонтанка, 117.
1905.

XI-я книга „Русской Старины" вышла 1-го ноября 1905 года.

Библіографическій листокъ.

Сборникъ Харьковскаго историко-филологическаго общества. Томъ 14-й. Изданъ подъ редакціей проф. Е. К. Рѣдина. Харьковъ, 1905.

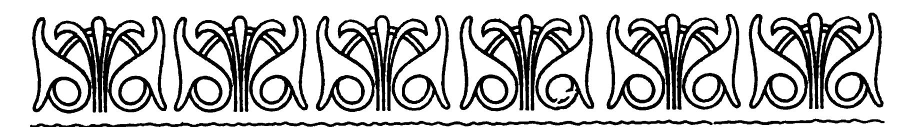
Четырнадцатый томъ Сборника начинается съ описанія торжественнаго засѣданія 28-го февраля 1902 г. по поводу двадцатипятилѣтія историко-филологическаго общества при Императорскомъ Харьковскомъ университетѣ (1877—1902). На торжественномъ засѣданіи присутствовали члены Общества, педагогическаго отдѣла, ректоръ университета Н. О. Куплевасскій, представители харьковскихъ ученыхъ обществъ и много гостей изъ мѣстнаго общества. Предсѣдатель Общества, проф. Н. Ѳ. Сумцовъ открылъ засѣданіе рѣчью, посвященною общему очерку дѣятельности Общества за 25 лѣтъ его существованія (прилож. I); секретарь общества, проф. Е. К. Рѣдинъ прочелъ очеркъ ученой дѣятельности общества за этотъ же періодъ времени (прилож. II); проф. Д. И. Багалѣй, завѣдывающій историческимъ архивомъ общества сказалъ рѣчь, посвященную исторіи этого архива (прилож. III); А. В. Ветуховъ, секретарь педагогическаго отдѣла, сказалъ рѣчь, въ которой охарактеризовалъ дѣятельность отдѣла за первое десятилѣтіе его существованія (прилож. IV). Кромѣ этихъ было произнесено еще нѣсколько привѣтственныхъ рѣчей отъ имени разныхъ ученыхъ Обществъ. На юбилей откликнулось все образованное русское общество: привѣтствія были присланы не только изъ разныхъ городовъ Россіи, но и изъ-за границы.

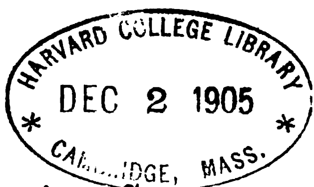
Къ 25-ти-лѣтнему юбилею Харьковскаго историко-филологическаго общества Е. М. Ивановымъ, по плану, предложенному проф. Д. И. Багалѣемъ, составленъ очеркъ—„Харьковскій историческій архивъ“. Этотъ архивъ въ настоящее время является однимъ изъ выдающихся провинціальныхъ собраній историческихъ документовъ; въ немъ сосредоточены важнѣйшіе матеріалы, касающіеся внутренней жизни въ XVIII в. обширной территоріи нынѣшнихъ Харьковской, Полтавской, Черниговской и отчасти Курской, Воронежской и Екатеринославской губерній. Основу Харьковскаго архива составили дѣла упраздненныхъ учрежденій Лѣвобережной и Слободской украйнъ. Сообразно съ этимъ архивъ дѣлится на два главныхъ отдѣленія: Малороссійское (Черниговo-Полтавское) и Слободско-Украинское (Харьковское). Въ связи съ послѣднимъ впослѣдствіи былъ образованъ еще особый отдѣлъ рукописей и бумагъ мѣстныхъ выдающихся дѣятелей. Наконецъ, разнообразные отдѣльные документы, пожертвованные частными лицами, и дѣла министерства юстиціи, присланныя (и нынѣ присылаемыя) Сенатскимъ архивомъ, составили довольно значительный 4-й отдѣлъ.

Возникновеніе, ростъ и развитіе Историческаго архива стоитъ въ самой тѣсной связи съ дѣятельностью историко-филологическаго общества. Основаніе архиву было положено въ 1880 г.; иниціаторомъ дѣла явился дѣйствительный членъ общества П. С. Ефименко, извѣстный знатокъ и изслѣдователь малорусской старины. Поселившись въ 1870-хъ годахъ въ Харьковѣ и принявши участіе въ дѣятельности общества вскорѣ по открытіи его, онъ обратилъ вниманіе членовъ общества на драгоцѣнные матеріалы по исторіи Лѣвобережной Малороссіи, хранившіеся въ архивѣ Черниговскаго губернскаго правленія. Въ особомъ докладѣ, прочитанномъ въ обществѣ въ 1879 г., г. Ефименко указалъ на важное научное значеніе этого архива, на печальныя условія его храненія и на настоятельную необходимость озаботиться его спасеніемъ. Докладъ вызвалъ живѣйшее сочувствіе, и общество, согласно предложенія П. С. Ефименко, немедленно возбудило ходатайство о передачѣ Черниговскаго архива въ свое распоряженіе. Въ 1880 году ходатайство получило благопріятное разрѣшеніе, и въ томъ же году Черниговскій архивъ былъ перевезенъ на средства общества въ Харьковъ. Весь обширный матеріалъ Черниговскаго архива по формѣ дѣлится на двѣ части: а) книги и б) отдѣльныя дѣла; первая часть, въ сравненіи со второю, незначительна: книгъ насчитывается не болѣе 200; что касается дѣлъ, то число ихъ очень велико—болѣе 30,000 номеровъ. По содержанію этотъ матеріалъ распадается на слѣдующія группы: I. Уголовныя дѣла. Сюда относится масса дѣлъ о преступленіяхъ противъ личности и собственности: о воровствѣ, побояхъ, убійствахъ, грабежахъ, о „гвалтовныхъ“ нападеніяхъ казацкой старшины другъ на друга, на казаковъ и посполитыхъ, о наѣздахъ разбойниковъ и гайдамаковъ, о притѣсненіяхъ со стороны великороссійскихъ воинскихъ командъ, о нарушеніяхъ семейнаго союза (прелюбодѣяніи), вѣры и нравственности. II. Гражданскія дѣла. Въ этой группѣ мы находимъ: а) огромное количество дѣлъ о поземельныхъ спорахъ казаковъ, посполитыхъ, шляхты и монастырей (съ копіями поземельныхъ актовъ); здѣсь обращаютъ на себя вниманіе дѣла знатнѣйшихъ малороссійскихъ фамилій—Милорадовичей, Маркевичей, Максимовичей, Миклашевскихъ, Маркевича, Галагана и многихъ другихъ; б) дѣла о пожалованіи крупныхъ имѣній—Разумовскому,

Свиданіе Императора Павла I
съ Косцюшко.

Россія, Калифорнія и Сандвичевы острова.

(Историческій очеркъ)[1].

Въ виду настоящихъ событій на Дальнемъ Востокѣ, приковывающихъ къ себѣ вниманіе всего міра, представляется вполнѣ современнымъ подѣлиться съ русскимъ обществомъ почти совершенно неизвѣстными ему историческими данными о попыткахъ русскихъ людей около ста лѣтъ тому назадъ утвердиться на Тихомъ океанѣ. Настоящій очеркъ посвященъ двумъ изъ этихъ попытокъ—устроенію русскихъ заселеній и морскихъ станцій въ Калифорніи и на „раѣ Тихаго океана", по выраженію путешественниковъ—Гавайскихъ (Сандвичевыхъ) островахъ, перешедшихъ нынѣ повидимому безповоротно въ обладаніе Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ.

I.

Съ XI столѣтія, походами новгородской вольницы на Югру и Самоядь начинается непрерывное движеніе на азіатскій востокъ русской колонизаціи, сперва чисто народной—промышленной, торговой, разбойничьей и земледѣльческой,—а затѣмъ всецѣло правительственной. Особенно энергичнымъ это движеніе становится со временъ Ермака—съ половины XVI вѣка. Удальцы-казаки и предпріимчивые купцы-промышленники, руководствуясь несложными соображеніями

[1] Главнѣйшими источниками для настоящаго очерка послужили слѣдующія книги: 1) Матеріалы для исторіи русскихъ заселеній по берегамъ Восточнаго океана. Вып. I—IV. Спб. 1861. Изд. морск. минист. 2) Историческое обозрѣніе образованія Россійско-американской компаніи (съ приложеніемъ оффиціальныхъ актовъ, писемъ главныхъ дѣятелей и пр.). Сост. П. Тихменевъ. Спб. 1861—63. 3) W. D. Alexander. A brief History of the Hawaiian people. N. J. 1899 и др.

прибыли и добычи, а также поощреніемъ правительственною властью ихъ самодѣятельности, уже въ первые шесть съ небольшимъ десятковъ лѣтъ послѣ смерти побѣдителя Кучумова царства (1584 г.) захватили почти всю обширную территорію нынѣшней Сибири и достигли береговъ Великаго океана. Въ 1647 г. былъ заложенъ Охотскій острогъ, явившійся первымъ русскимъ поселеніемъ у далекаго восточнаго моря. Въ слѣдующемъ году сибирскій казакъ Семенъ Дежневъ, собирая ясакъ съ инородцевъ по рѣкамъ Янѣ, Индигиркѣ и Колымѣ, дошелъ отъ устья Колымы по берегу Ледовитаго океана до пролива, впослѣдствіи получившаго названіе Берингова, и прошелъ этотъ проливъ на лодкахъ до устья Анадыри. Въ 1697 году казачій пятидесятникъ Василій Атласовъ и казакъ Морозко съ товарищами открыли и завоевали Камчатку; немного раньше Василій Поярковъ прошелъ все теченіе Амура. Вслѣдъ за казаками въ пустынныя страны сѣверо-востока направились промышленники пушныхъ звѣрей, заводя повсюду мѣновую торговлю съ туземцами, вездѣ выискивая дорогіе мѣха соболей, бобровъ, горностаевъ, песцовъ, морскихъ котовъ, еврашекъ, бѣлокъ, разноцвѣтныхъ лисицъ—красныхъ, чернобурыхъ, бѣлыхъ и сиводушекъ, выдръ, медвѣдей и иныхъ многочисленныхъ представителей звѣриныхъ породъ, промышляя рыбой и китами, изслѣдуя мѣсторожденія благородныхъ металловъ и драгоцѣнныхъ камней. Послѣ экспедицій Чирикова и Беринга (1725—1730 и 1733 гг.) и Шестакова и Гвоздева (около 1727 г.) въ Россіи явились уже болѣе или менѣе достовѣрныя свѣдѣнія о сѣверо-западномъ берегѣ Сѣверной Америки и сопредѣльныхъ съ нимъ островахъ. Съ сороковыхъ годовъ восемнадцатаго столѣтія наши моряки, промышленники и купцы предпринимаютъ многочисленныя путешествія на Алеуты и въ сѣверо-западную Америку. Эти смѣлые мореходы открыли множество острововъ, изъ которыхъ лишь немногіе получили имена своихъ открывателей: Ближніе, Крысьи, Лисьи, Андреяновскіе (по имени купца Андреяна Толстыхъ), острова Гвоздева, Прибылова, Уналашку, Кадьякъ и друг., наконецъ, была открыта ими и Аляска. Путешествія и открытія стоили чрезвычайныхъ усилій мореплавателямъ: суровый климатъ, негостепріимныя и бурныя воды Охотскаго и Берингова морей Великаго океана, крайній недостатокъ питанія; такія болѣзни какъ цынга и изнурительная лихорадка; зимовка въ снѣжныхъ пустыняхъ захваченныхъ льдами и страшными морозами путешественниковъ—всѣ эти препятствія, казалось, усиливали только энергію предпринимателей. Ко всѣмъ этимъ неблагопріятнымъ условіямъ слѣдуетъ еще присоединить весьма несовершенную конструкцію судовъ, на которыхъ приходилось совершать далекія и опасныя поѣздки, и обычное невѣжество въ морскомъ дѣлѣ командировъ „кораблей“,

благодаря отсутствію научнаго знанія „навигацкихъ хитростей“. В. М. Головнинъ разсказываетъ, что во время путешествія капитана Кука, спутники его видѣли одинъ изъ русскихъ „Галіотовъ на Алеутскихъ островахъ и немало удивлялись безразсудству и дерзости сихъ людей, отваживающихся плыть океаномъ на толь слабо и нескладно составленныхъ машинахъ“. Отсутствіе у руководителей экспедиціи необходимыхъ для мореплаванія познаній можетъ быть подтверждено рядомъ фактовъ, часто весьма курьезныхъ. Такъ однажды промышленное судно три раза подрядъ въ теченіе одного лѣта ходило съ остр. Уналашки на Котовые острова, отстоящіе отъ Уналашки на 160 миль, и не могло отыскать ихъ. Другое судно, прибывъ изъ Охотска въ Камчатку, долго не знало, гдѣ оно находится, полагая, что пріѣхало въ Японію или Америку.

Чтобы наглядно показать состояніе морскаго дѣла у русскихъ мореходовъ сибирской окраины XVIII столѣтія, не мѣшаетъ привести интересный безъискусственный разсказъ о плаваніи судна компаніи купца Киселева „Св. Зосима и Савватій“, бывшаго подъ командой по тогдашнему выраженію „старовояжнаго“ боцмана Сапожникова. Разсказъ этотъ извлеченъ изъ письма находившагося на суднѣ купца Кожина къ своему знакомому:

„О выходѣ нашемъ изъ Охотска вамъ не безъизвѣстно, губою шли все благополучно, и прошли первымъ заливомъ въ открытое море, простираясь въ назначенное мѣсто на Уналашку; какъ изъ Курилъ вышли идучи по морю,—земли не видали, и въ продолженіе путешествія дошли до такого мѣста, что въ платьѣ ходить нельзя, и ночью вышедъ на палубу отъ жару воздухъ очень тяжелый, и снасти растопились, а вокругъ судна видимъ червей много, и вода какъ грѣтая на огнѣ, а судно течью одолѣло, что ни одной минуты праздно помпы не бывали, попеременно по склянкамъ отливаются водою, а работныхъ выбило изъ силъ, но однако Богъ помощникъ, не хотя свое созданіе погубити, и все отливалися водою, а отъ воздуха тогда защиты нѣтъ ни въ каютѣ и ни въ трюмѣ, вездѣ жара—быть не можно. Стали послѣ говорить, отчего воздухъ такъ сталъ тепелъ; на то нашъ мореходъ сказалъ, что зимою всегда бываетъ такъ вода теплой, опять же стоятъ погоды полудневныя и нагнало воду теплую. На то народъ сталъ говорить, куда мы идемъ? Мореходъ сказалъ, что мнѣ надобно еще въ полдень идти, потому что я на линію свою не вышелъ, и народъ тутъ весь усумнился, и стали между собою говорить, что намъ надо выбирать другаго морехода, и видя себѣ отчаянную жизнь, потому что воды одна бочка, и выбрали себѣ другаго морехода, и отдали на власть Всемудраго Бога и стали служить акаѳистъ Божіей Матери, такожъ и угоднику Николаю Чудотворцу

и Зосиму и Савватію Соловецкимъ чудотворцамъ. По окончаніи службы Матерь Божію вынесли на палубу, также и угодниковъ и прикладывались вмѣсто исповѣди и просили со слезами; и какую намъ Богъ пошлетъ погоду—туда и пойдемъ, потому что не знаемъ, ходили на сѣверъ и въ полдень—нигдѣ земли не нашли. И черезъ короткое время пошла погода полдневая, отдали паруса и пошли по погодѣ, и шли на одинъ куршъ до 1800 верстъ, питались дождевою водою, и подошли нечаяннымъ образомъ къ землѣ, которая и оказалась островъ Шуяхъ". Такимъ образомъ по невѣжеству командира судно прошло къ югу до 1800 верстъ и еле-еле, случайно, въ самомъ жалкомъ состояніи добралось до группы острововъ Афонгакъ.

При указанныхъ условіяхъ морскія путешествія часто оканчивались гибелью судовъ со всѣми пассажирами. Такъ, въ одномъ только 1799 году погибло три корабля Россійско-Американской компаніи: „Сѣверный орелъ", „Св. Симеонъ и Анна"—у береговъ остр. Св. Павла—и „Фениксъ". Послѣднее судно шло изъ Охотска въ Кадьякъ, на немъ находилось 88 путешественниковъ, въ томъ числѣ только-что посвященный въ Иркутскѣ въ архіереи преосвященный Іоасафъ [1]), и грузу—на 500 тысячъ рублей ассигнаціями. Гдѣ погибъ „Фениксъ" и отчего именно—доселѣ остается неизвѣстнымъ.

Немало „морскихъ вояжей" на „Аляскинскую землю, называемую американской, на знаемые и незнаемые острова" было предпринято во второй половинѣ XVIII вѣка извѣстнымъ рыльскимъ гражданиномъ Григоріемъ Ивановичемъ Шелеховымъ [2]). Предпріятія Шелехова завершились образованіемъ въ 1798 году (уже послѣ его смерти) „Россійско-американской компаніи", принятой въ слѣдующемъ году имп. Павломъ подъ „Высочайшее Его Величества покровительство", и окончательнымъ переходомъ въ русскія руки Аляски и Алеутовъ.

На-ряду съ промышленными и завоевательными экспедиціями „компанейцевъ", сопровождавшимися ужасными и безсмысленными жестокостями, истребленіемъ туземныхъ массъ, ограбленіемъ и закабаленіемъ въ тяжелую крѣпостную работу оставшихся въ живыхъ алеутовъ,—правительствомъ снаряжались также морскія экспедиціи съ научными цѣлями „пополненія свѣдѣній о странахъ, въ Америкѣ находящихся" и упорядоченія отношеній промышленниковъ къ туземному населенію. Таковы готовившіяся въ Кронштадтѣ, но не по-

---

[1]) Іоасафъ, епис. Кадьякскій, въ мірѣ Иванъ Ильичъ Болотовъ; род. 1761 † 1799. Существуетъ его описаніе остр. Кадьяка, напечатанное послѣ смерти въ „Другѣ просвѣщенія". 1805 г. окт.

[2]) Гр. Ив. Шелеховъ, 1747—1795. Ему посвященъ односторонній очеркъ у А. Н. Пыпина, въ т. IV „Исторіи русской этнографіи". Спб. 1892, 251—254 стран. Тамъ же указаніе сочиненій Шелехова, стран. 262.

павшая на Востокъ вслѣдствіе Шведской войны, экспедиція капитана Муловскаго (1787) и экспедиція изъ Охотска капитана Биллингса (1790), посѣтившая Алеуты и Сѣверо-Западную Америку. Свѣдѣніями, доставленными находившимся въ этой послѣдней экспедиціи капитаномъ Сарычевымъ, весьма обогатилась гидрографія тѣхъ странъ.

Къ концу XVIII стол. владѣнія русскихъ въ Америкѣ и на прилегающихъ островахъ были довольно обширны. Съ соединеніемъ многихъ отдѣльныхъ промышленниковъ и предпринимателей сперва въ „соединенную Американскую", а затѣмъ въ „Россійско-Американскую" компанію, возникла необходимость въ объединеніи управленія колоніями. Въ 1790 году во главѣ открытыхъ и захваченныхъ земель Шелехову удалось поставить весьма энергичнаго и предпріимчиваго человѣка—Александра Андреевича Баранова. О личности Баранова, имя котораго, къ стыду нашему, нынѣ болѣе извѣстно на островахъ Тихаго океана и въ Америкѣ, чѣмъ въ Россіи, мы имѣемъ весьма скудныя свѣдѣнія [1]). Между тѣмъ его многолѣтняя дѣятельность на далекой окраинѣ, его стремленія къ обезпеченію и укрѣпленію интересовъ Россіи на Дальнемъ Востокѣ, его широкіе и дальновидные торговые и политическіе планы—все это заслуживало бы детальнаго изслѣдованія. А. А. Барановъ, небогатый купецъ, уроженецъ Каргополя (Олон. губ.), не получилъ никакого сколько-нибудь систематическаго образованія; его обученіе ограничилось только элементарной грамотностью, и всѣми своими довольно обширными и точными энциклопедическими познаніями, которыя видны изъ его переписки и отзывовъ современниковъ, онъ обязанъ исключительно своей собственной пытливости, страсти къ чтенію и путешествіямъ. До 1760 года мы встрѣчаемъ Баранова занимающимся въ Петербургѣ торговыми дѣлами, затѣмъ онъ отправился искать счастья и удачи за Уралъ съ небольшимъ капиталомъ и съ громадною молодою энергіею. Сперва онъ поселился въ Иркутскѣ, постепенно устроилъ тамъ стеклянный и водочный заводы, занимался подрядами, много разъ предпринималъ торговыя путешествія по Сѣверо-Восточной Сибири, держалъ винный откупъ въ Якутскѣ, завелъ торговыя заведенія и склады въ странѣ чукчей, въ Гижигинскѣ, Анадырскѣ, Охотскѣ. Въ 1787 г. за хозяйственныя сообщенія Россійское Вольно-Экономическое общество избрало Баранова своимъ членомъ. Шелеховъ давно былъ уже знакомъ

---

[1]) Главныя свѣдѣнія о немъ въ его „жизнеописаніи", составленномъ Хлѣбниковымъ (Спб. 1835). Главнымъ правителемъ Росс.-Амер. колоній былъ съ 1790 по 1818 гг. Также см. указ. выше соч. Тихменева, книгу В. Лагуса „Эрикъ Лаксманъ" (Спб. 1890), стран. 177 и др.; Гольмбергъ Act. Soc. Scicut. Fenn VII (1865), стран. 52 и сл. Въ соч. г. Лагусы любопытны указанія на вліяніе извѣстнаго академ. и естествоиспыт. Э. Лаксмана на Баранова.

съ Барановымъ, нѣсколько разъ звалъ его на службу компаніи, но пока шли успѣшно торговыя предпріятія самого Баранова, тотъ не хотѣлъ бросать своего дѣла. Лишь въ 1790 году, послѣ того, какъ чукчами были разрушены и истреблены всѣ его склады въ Анадырскѣ, перебиты его прикащики и рабочіе,—Барановъ рѣшился ѣхать въ Америку. Въ задачу настоящаго очерка не можетъ входить изложеніе дѣятельности Баранова въ качествѣ главнаго правителя россійско-американскихъ владѣній. Достаточно указать, что ему пришлось выдержать упорную борьбу съ туземцами (колошами, канягами, кенайцами и друг.) при весьма трудныхъ обстоятельствахъ: къ началу XIX в. русская власть была окончательно укрѣплена и признана среди мѣстныхъ племенъ. По окончаніи борьбы съ туземцами вниманіе Баранова было главнымъ образомъ посвящено развитію въ россійско-американскихъ владѣніяхъ промышленности и обезпеченію ихъ необходимыми товарами и продовольствіемъ. Мѣстное населеніе, довольствовавшееся почти исключительно рыбой, занятое главнымъ образомъ звѣроловствомъ, совершенно незнакомое съ земледѣліемъ, которому не благопріятствовали климатическія и почвенныя условія страны, не всегда могло изъ мѣстныхъ источниковъ имѣть достаточные запасы для жизни, особенно при наплывѣ русскихъ поселенцевъ съ болѣе культурными привычками и потребностями и при начавшемся быстромъ вымираніи коренныхъ обитателей. Отдаленность земель Россійско-Американской компаніи отъ русскихъ портовъ, главнымъ изъ коихъ являлся къ тому же мало удобный Охотскъ, самъ по себѣ слишкомъ отдаленный отъ большихъ торговыхъ центровъ, заставляла стремиться къ установленію и развитію торговыхъ сношеній съ Азіей, Америкой и лежащими между ними островами. Необходимость для колоній оживленныхъ торговыхъ оборотовъ, какъ для обезпеченія ихъ самихъ, такъ и для сбыта пушныхъ товаровъ, принадлежавшихъ компаніи, въ связи съ постоянными затрудненіями въ торговлѣ, возникавшими благодаря весьма сложнымъ политическимъ отношеніямъ того времени, привела мало по малу Баранова къ мысли о крайней желательности расширенія нашихъ владѣній въ болѣе пригодныхъ по природнымъ условіямъ для культуры странахъ юга. Формальное право на производство изысканій и организаціи экспедицій съ цѣлью увеличить владѣнія болѣе плодоносными странами могло опираться на привилегіи, дарованныя въ 1799 г. Россійско-Американской компаніи отъ императора Павла. Пунктъ 2-й этихъ привилегій разрѣшалъ компаніи „дѣлать открытія не только выше 55-го градуса сѣверной широты, но и далѣе къ югу и занимать открываемыя земли въ россійское владѣніе... если эти земли никакимъ другимъ народомъ не заняты и не вступили въ ихъ зави-

симость". Пунктъ 3-й привилегіи дозволялъ „заводить, гдѣ компанія найдетъ за нужное, по надобности и лучшему разумѣнію, заселенія и укрѣпленія для безопасности пребыванія".

Еще Шелеховъ просилъ разрѣшенія компаніи завести торговлю съ Японіей, Китаемъ, Индіей и Филиппинами, ходатайствуя „для лучшаго хода торговыхъ дѣлъ съ иностранцами" о назначеніи въ предполагаемыхъ мѣстахъ торговли россійскихъ консуловъ изъ „лицъ свѣдущихъ и важнаго духа". Экспедиція въ Японію Лаксмана [1]) въ 1792 г. (первое посѣщеніе русскими японскихъ островозъ) была, какъ кажется, результатомъ подобныхъ ходатайствъ, но въ общемъ Шелехову не удалось выхлопотать расширеніе и обезпеченіе своихъ торговыхъ операцій. „Намѣренія наши на Кантонъ, писалъ онъ Баранову, пресѣклись, ибо французы заставили весь свѣтъ противу себя воевать". „Но, продолжалъ онъ, дѣло это со временемъ не оставимъ исполнить, ибо имѣемъ въ томъ нужду и для Охотска". Ставшій вскорѣ послѣ смерти Шелехова (1795 г.) фактически во главѣ компаніи зять Шелехова камергеръ Н. П. Резановъ [2]) былъ человѣкъ, склонный къ широкимъ планамъ и очень предпріимчивый. Отмѣченныя выше крайнія трудности доставленія въ колоніи необходимыхъ для нихъ товаровъ морскимъ путемъ изъ Охотска и чрезвычайныя затрудненія, сопряженныя съ транспортированіемъ ихъ до этого порта черезъ Сибирь, привели Резанова къ необходимости безотлагательно испытать другіе, удобнѣйшіе способы снабженія россійскихъ владѣній въ Америкѣ. По его представленію въ 1803 году, компаніи было разрѣшено снарядить изъ Балтики кругосвѣтную экспедицію, которая должна была доставить въ колоніи нужные запасы и, забравъ оттуда мѣха и колоніальные товары, на обратномъ пути попытаться распродать ихъ въ южныхъ портахъ Китая. Для этой цѣли въ Лондонѣ было куплено два судна: „Леандръ", переименованное въ „Надежду" (430 тоннъ) и „Темза", переименованное въ „Неву" (373 тонны). Командованіе первымъ кораблемъ и всей экспедиціей было ввѣрено капитанъ-лейтенанту Крузенштерну [3]), а вторымъ—капитанъ-лейтенанту Лисянскому [4]).

---

[1]) См. Мор. сб. 1869 г. № 11. Ст. А. Сгибнева „Охотскій портъ съ 1649 по 1852 г." Описаніе путешествія самого Лаксмана изд. въ Петербургѣ въ 1805 г.

[2]) Никол. Петр. Резановъ, 1764—1807. Свѣдѣнія о немъ въ вышеупомянутой книгѣ Тихменева и въ ст. г. Военскаго „Русское посольство въ Японію въ нач. XIX в." „Рус. Стар." 1895 г. №№ 7 и 10, также въ вышеназван. соч. В. Лагуса объ Э. Лаксманѣ.

[3]) Ив. Ѳед. Крузенштернъ, 1770—1846. Записки его о путешествіи—Спб. 1809—1813. Крузенштернъ очень настаивалъ на идеѣ кругосвѣтнаго путешествія въ колоніи.

[4]) Юр. Ѳед. Лисянскій, 1784—1837. Описаніе его путеш. изд. въ Спб. 1813 г.

Во время приготовленія судовъ къ плаванію послѣдовали многія существенныя измѣненія въ первоначальномъ планѣ экспедиціи, такъ какъ состоялось Высочайшее повелѣніе объ отправленіи на ея судахъ посольства въ Японію [1]). Посломъ былъ назначенъ Резановъ, на котораго также было возложено порученіе на мѣстѣ изучить нужды россійско-американскихъ владѣній, обревизовать мѣстное управленіе и устранить замѣченные недостатки.

Главной же задачей Японской миссіи было установленіе возможности торговыхъ сношеній съ этой стороны колоній, весьма въ нихъ нуждавшихся. Послѣ посѣщенія Японіи поручикомъ Адамомъ Лаксманомъ [2]) подъ предлогомъ доставленія въ отечество бывшихъ въ Сибири японцевъ, потерпѣвшихъ крушеніе и выброшенныхъ на берегъ, можно было ожидать съ нѣкоторой увѣренностью удовлетворительныхъ результатовъ отъ вторичной попытки русскихъ вступить въ сношенія съ Японіею. Изъ путешествія Лаксмана оказывалось, что онъ былъ принятъ японскими чиновниками очень привѣтливо, хотя письмо, привезенное имъ отъ сибирскаго генералъ-губернатора, не было принято японцами подъ предлогомъ, что передача такого письма могла послѣдовать не иначе, какъ въ Нагасаки. Въ заключеніе своихъ переговоровъ Лаксманъ получилъ листъ со знакомъ японскаго императора, заключавшій въ себѣ дозволеніе одному русскому судну прибыть въ Нагасаки для веденія переговоровъ съ японскимъ правительствомъ. 28 іюля 1803 года экспедиція Резанова и Крузенштерна вышла изъ Кронштадта, и черезъ годъ „Нева“ достигла остр. Кадьяка, „Надежда“ же направилась къ берегамъ Камчатки.

Въ концѣ августа 1804 г. судно „Надежда“ вышло изъ Камчатки для слѣдованія въ Японію и послѣ шестинедѣльнаго плаванія достигло Нагасаки. Ошибочный образъ дѣйствій Резанова, выразившійся въ всевозможныхъ съ его стороны уступкахъ и согласіи на ограниченіе свободы посольства при переселеніи его для жительства съ судна на берегъ, въ видахъ оказанія особеннаго вниманія и уваженія японскимъ законамъ и обычаямъ, имѣли весьма неудовлетворительный исходъ. Въ японскомъ государственномъ совѣтѣ получала перевѣсъ партія, не желавшая вступать въ сношенія вообще съ иностранцами, не исключая и голландцевъ, стѣсняемыхъ во всемъ и нерѣдко тер-

[1]) См. указанную статью Военскаго.

[2]) Изложеніе свѣдѣній о путешествіи въ Японію Лаксмана и Резанова основано преимущественно на данныхъ книги Тихменева, оспариваемыхъ г. В. Лагусомъ въ его сочин. о В. Лаксманѣ (Спб. 1890). О путешествіи А. Лаксмана смотри книгу „Первое русское посольство въ Японію поручика Адама Лаксмана. М. 1805“. Сущ. тоже очень рѣдкая книга объ этомъ путешествіи В. Берха. Спб. 1822 г.

пѣвшихъ униженія ради жалкой привилегіи посылать въ Японію одно торговое судно въ годъ; перевѣсъ этой партіи былъ причиной совершенной неудачи Резанова въ достиженіи желаемаго. Ему было также отказано въ позволеніи вручить оффиціальное письмо нашего правительства, равно и привезенные имъ подарки. По словамъ переводчиковъ и прочихъ японскихъ чиновниковъ, участвовавшихъ въ переговорахъ, отказъ вступить въ сношенія съ Россіей произвелъ весьма неблагопріятное дѣйствіе въ народѣ. Многіе изъ японцевъ убѣждали Резанова выразить чѣмъ бы то ни было неудовольствіе на отказъ японскаго правительства вступить съ нимъ въ сношенія; они увѣряли, что въ такомъ случаѣ невозможно будетъ дальнѣйшее противодѣйствіе со стороны членовъ японскаго совѣта, нерасположенныхъ къ новымъ порядкамъ, и слѣдовательно возможно ожидать непремѣнной уступки со стороны японскаго правительства. Заключеніе это было тѣмъ болѣе вѣроятно, что многіе изъ высшихъ правительственныхъ чиновниковъ, пользовавшіеся большимъ авторитетомъ въ Японіи, явно высказывали свое расположеніе къ внѣшнимъ сношеніямъ. Резановъ ни на что не рѣшился, не прибѣгъ ни къ какимъ враждебнымъ демонстраціямъ противъ Японіи и, не достигнувъ въ своемъ посольствѣ ни одной изъ поставленныхъ ему цѣлей, возвратился въ началѣ іюня 1805 года въ Камчатку.

Почти одновременно также неудачно окончилась параллельная попытка со стороны Россіи вступить въ переговоры съ Китаемъ объ уступкѣ Россіи важнѣйшаго естественнаго пути сообщенія средней Сибири съ крайними предѣлами русскихъ владѣній на Востокѣ — р. Амура. Мы разумѣемъ посольство президента коммерцъ-коллегіи гр. Головкина (1806 г.). Мысль о возвращеніи Россіи Амура принадлежала Резанову и была вполнѣ раздѣляема гр. Н. П. Румянцевымъ.

II.

Изъ Камчатки Резановъ отправился на Алеуты и въ Аляску для изученія состоянія россійско-американскихъ владѣній. Тамъ на мѣстѣ ему пришлось убѣдиться, какую нужду терпятъ русскія поселенія во всемъ необходимомъ вслѣдствіе неудобствъ сообщеній и недостатка торговыхъ сношеній: хлѣба выдавалось не болѣе фунта въ недѣлю на каждаго, свѣжей рыбы не было, сушеная юкола, сивучина и изрѣдка нерпа составляли единственную пищу новоархангельцевъ. Нужда заставила не пренебрегать ничѣмъ, ѣли орловъ, воронъ, каракатицъ;

сильно развился скорбутъ, больнымъ давали пшено съ патокою и пиво, сваренное изъ еловыхъ шишекъ.

При такомъ тяжеломъ положеніи дѣлъ Барановъ настаивалъ на попыткѣ завязать торговыя сношенія съ богатой хлѣбомъ Калифорніей. Съ начала XIX ст. въ Калифорніи Барановымъ уже были организованы звѣроловные промыслы—главнымъ образомъ добыча бобровъ—частью совмѣстно съ иностранными предпринимателями (Океинымъ, Винншипомъ, Эрсомъ), частью самостоятельно. Теперь Барановъ убѣдилъ Резанова снарядить торговую экспедицію въ С.-Франциско. Главнѣйшимъ затрудненіемъ для установленія постоянныхъ торговыхъ отношеній съ Калифорніей являлась политика испанскаго правительства, которое всѣми мѣрами старалось оградить свои колоніи отъ всякихъ сношеній съ кѣмъ-либо, кромѣ испанскихъ подданныхъ. Главное руководство въ экспедиціи принялъ на себя самъ Резановъ. Въ концѣ февраля 1807 г. онъ вышелъ въ море на кораблѣ „Юнона", бывшемъ подъ управленіемъ лейт. Хвостова; послѣ нелегкаго мѣсячнаго плаванія „Юнона" достигла залива С.-Франциско.

Дальнѣйшій разсказъ объ экспедиціи Резанова покажетъ, сколько ловкости, хитрости и предпріимчивости необходимо было пустить въ ходъ для достиженія сколько-нибудь удовлетворительныхъ результатовъ.

Зная подозрительность испанцевъ, Резановъ, рѣшился войти въ портъ безъ обычнаго испрошенія разрѣшенія. Несмотря на то, что когда русскій корабль поровнялся съ крѣпостью, ему было дано нѣсколькими сигналами распоряженіе бросить якорь, онъ все же не останавливался, хотя и показывалъ видимую готовность выполнить предъявленное къ нему требованіе. Наконецъ, войдя при благопріятномъ вѣтрѣ въ гавань, „Юнона" встала на якорь въ разстояніи пушечнаго выстрѣла отъ крѣпости (приблиз. около 500 шаг.). Немедленно на русское судно прибылъ, въ сопровожденіи миссіонера, сынъ коменданта донъ Луисъ де Аргуэльо, исправлявшій за отсутствіемъ отца должность коменданта. Резановъ объяснилъ, что онъ шелъ въ Монтерей (резиденція испанскаго губернатора), что жестокій вѣтеръ и необходимость въ починкѣ судна заставили его зайти въ первый попавшійся портъ, прибавивъ, что онъ тотъ самый русскій уполномоченный, о которомъ мѣстныя власти должны были получить извѣстіе отъ испанскаго правительства. Удовольствовавшись объясненіемъ Резанова, сынъ коменданта пригласилъ его съ офицерами къ себѣ, а на судно тотчасъ же прислалъ свѣжіе припасы, которые очень подкрѣпили команду.

На вопросъ, гдѣ суда „Нева" и „Надежда", о прибытіи коихъ было получено увѣдомленіе, Резановъ отвѣчалъ, что отослалъ ихъ

обратно въ Россію и что, будучи назначенъ отъ россійскаго императора главнымъ начальникомъ американскихъ областей (здѣсь Резановъ сдѣлалъ явную натяжку), онъ желалъ бы переговорить съ испанскимъ губернаторомъ Калифорніи объ обоюдныхъ пользахъ русскихъ и испанскихъ владѣній, находящихся въ близкомъ сосѣдствѣ. Для опроверженія слуховъ, распущенныхъ нѣкоторыми иностранцами, о бѣдности русскихъ колоній, Резановъ послалъ всѣмъ значительнымъ лицамъ въ крѣпости дорогіе подарки, что́ невольно склонило ихъ въ его пользу, и первымъ послѣдствіемъ такого распоряженія было обѣщаніе снабдить русскихъ достаточнымъ количествомъ свѣжей провизіи для дальнѣйшаго плаванія „Юноны".

Замѣтивъ изъ разговоровъ съ миссіонерами, что испанцы колоній не прочь вступить съ нимъ въ торговыя связи, и что нужный для колоній грузъ продовольственныхъ припасовъ можетъ быть легко закупленъ на мѣстѣ, Резановъ отправилъ къ губернатору Калифорніи письмо, въ которомъ просилъ о дозволеніи пріѣхать къ нему въ Монтерей для личнаго свиданія. Губернаторъ, донъ Арильяго, отвѣчалъ, что онъ никакъ не допуститъ до этого Резанова (вѣроятно, главнымъ образомъ изъ опасенія навлечь на себя неудовольствіе центральнаго правительства за разрѣшеніе въѣзда иностранцевъ внутрь страны), но что онъ самъ поспѣшитъ явиться въ С.-Франциско, чтобъ познакомиться съ представителемъ русскихъ колоній, прибавивъ, что имъ отданы распоряженія употребить всевозможныя средства къ исполненію всѣхъ желаній дорогаго гостя.

Въ ожиданіи губернатора Резановъ со своими офицерами проводилъ каждый день въ гостепріимномъ домѣ дона Аргуэльо. При этомъ Резанову удалось пріобрѣсти расположеніе со стороны одной изъ дочерей коменданта доньи Консепсіи, благодаря чему упрочивались дружественныя сношенія русскихъ съ мѣстной калифорнской администраціей, столь необходимыя для достиженія той цѣли, съ которою прибылъ въ С.-Франциско Резановъ. Полнота разсказа требуетъ нѣсколько распространиться въ дальнѣйшемъ изложеніи о томъ участіи, которое принимала одна изъ представительницъ прекраснаго пола въ спасеніи Ситхи отъ ужасовъ голодовки. Донья Консепсія слыла первою красавицею во всей Калифорніи, и ея честолюбію, а можетъ быть и особенной любезности Резанова, русскія владѣнія въ Америкѣ обязаны тѣмъ, что изобиліе смѣнило у нихъ крайнюю нужду.

По пріѣздѣ губернатора въ С.-Франциско самыя дружественныя отношенія замѣнились церемонною принужденностью между представителями Россіи и Испаніи. Резановъ немедленно приступилъ къ дѣлу, но, несмотря на то, что лично произвелъ на губернатора самое пріятное впечатлѣніе, донъ Арильяго не рѣшился сразу удовлетворить его

просьбу, и совѣтовался съ комендантомъ и миссіонерами, которые были вполнѣ на сторонѣ Резанова.

При слѣдующемъ свиданіи донъ Арильяго обѣщалъ дать русскимъ разрѣшеніе на покупку хлѣба, но, повидимому, колебался исполнить это обѣщаніе. Еще болѣе привели его въ смущеніе полученныя имъ въ это время извѣстія о разрывѣ Россіи съ Франціею, изъ которыхъ послѣдняя находилась въ дружественныхъ отношеніяхъ съ Испаніей. Онъ даже счелъ необходимымъ вытребовать изъ Монтерея часть гарнизона и расположилъ его въ недальнемъ разстояніи отъ С.-Франциско. Подобное распоряженіе, хотя и приводилось въ исполненіе съ большою таинственностью, стало извѣстно Резанову. Къ тому же ожиданіе прибытія въ калифорнскія воды испанскаго крейсера и, наконецъ, явно обнаружившееся намѣреніе нѣкоторыхъ изъ иностранцевъ, находившихся въ числѣ экипажа „Юноны“, измѣнить при удобномъ случаѣ русскимъ, всѣ эти обстоятельства заставляли Резанова спѣшить съ отбытіемъ изъ С.-Франциско.

Въ виду всего этого Резановъ рѣшился на смѣлый шагъ для достиженія своей цѣли и благополучнаго отбытія въ Ситху. Имѣя случай ежедневно видѣть донью Консепсію и замѣтивъ въ ней необыкновенную независимость убѣжденій и вмѣстѣ съ тѣмъ неограниченное честолюбіе, Резановъ вздумалъ воспользоваться ея вліяніемъ на прочихъ членовъ семейства коменданта и близкими отношеніями, въ которыхъ находился къ этой семьѣ губернаторъ. Стараясь внушить молодой дѣвушкѣ мысль объ увлекательной, шумной великосвѣтской жизни въ столицѣ Россіи, роскоши императорскаго двора и пр., онъ довелъ ее до того, что желаніе сдѣлаться супругой русскаго камергера сдѣлалось ея любимою мечтою. Первый намекъ со стороны Резанова на то, что отъ нея зависитъ осуществленіе ея видовъ, былъ вполнѣ достаточенъ для того, чтобы заставить ее дѣйствовать согласно съ его желаніями.

Хотя желаніе доньи Консепсіи выйти замужъ за русскаго—схизматика и поразило ея родителей, ревностныхъ католиковъ, но все же Резанову удалось достигнуть того, что его обручили съ дочерью дона Аргуэльо. Окончательное же рѣшеніе вопроса объ этомъ бракѣ было оставлено до полученія разрѣшенія отъ папы. Со времени обрученія Резановъ, какъ будущій близкій родственникъ коменданта, могъ дѣйствовать съ большимъ успѣхомъ. Въ семействѣ Аргуэльо отъ него не было уже болѣе никакихъ тайнъ, и даже въ отношеніи предметовъ, чуждыхъ чисто семейнымъ дѣламъ. Самый портъ и всѣ его служащіе незамѣтно оказались въ распоряженіи русскаго камергера. Губернаторъ, побуждаемый со всѣхъ сторонъ просьбами исполнить желаніе Резанова о снабженіи русскихъ колоній хлѣбомъ, не только

въ концѣ концовъ согласился уступить русскимъ требуемое количество съѣстныхъ припасовъ, но даже предоставилъ въ ихъ распоряженіе своихъ людей для нагрузки. Братья доньи Консепсіи уже успѣли заранѣе заготовить большую часть нужнаго количества хлѣба, остальное же количество наперерывъ доставили миссіонеры. Нагрузка шла чрезвычайно быстро, и Резановъ, не обращая, повидимому, на распространявшіеся среди мѣстнаго населенія все болѣе и болѣе слухи о войнѣ, устраивалъ безпрестанно для властей праздники и обѣды и такимъ образомъ старался заглушить въ нихъ мысль о близкой, можетъ быть, враждѣ между обѣими державами.

„Юнона" не могла вмѣстить болѣе 4.600 пуд. груза, состоявшаго изъ пшеницы, муки, ячменя, гороха, бобовъ, соли, сала и небольшаго количества сушенаго мяса.

8 мая 1806 года Резановъ вышелъ изъ Калифорніи и въ началѣ іюня благополучно прибылъ въ Новоархангельскъ.

Снабженіе колоній продовольственными припасами изъ Калифорніи Резановъ и Барановъ считали столь выгоднымъ и удобнымъ, что при продолженіи сношеній надѣялись впослѣдствіи этимъ же путемъ доставлять хлѣбъ и другіе нужные предметы въ Охотскъ и Камчатку по цѣнамъ слишкомъ въ полтора раза меньшимъ противъ существовавшихъ тамъ въ 1804—6 гг., когда четверть хлѣба (вѣсомъ 7 пуд. 10 фун.) стоила 34—35 руб. ассигн., и четверть крупы 54—60 руб. ассигн. Любимою же мечтою этихъ двухъ русскихъ дѣятелей въ Новомъ Свѣтѣ было занятіе тѣхъ мѣстъ, которыя по конвенціи 1790 г. находились въ общемъ владѣніи Франціи и Испаніи. Они полагали, что дѣло это могло бы уладиться сравнительно очень легко при содѣйствіи нашего правительства, такъ какъ ни одна изъ названныхъ двухъ державъ не имѣла въ этихъ мѣстахъ никакихъ колоній. Сперва предполагалось устроить русское поселеніе въ заливѣ Жуанъ де Фука, въ портѣ Дисковери, гдѣ, по описанію Ванкувера, земля была вполнѣ плодородна, и гдѣ можно было съ успѣхомъ охотиться за бобрами и черными медвѣдями, водившимися тамъ въ изобиліи. На занятіе этого мѣста, равно какъ и порта Гавръ де Грей и рѣки Колумбіи считали достаточнымъ не болѣе 200 человѣкъ. Учредивъ поселеніе, укрѣпившись въ ней и ласковымъ обращеніемъ привязавъ къ себѣ туземцевъ, русскіе получали возможность непримѣтно, мало по малу, подвинуться къ Калифорніи и такимъ образомъ войти съ нею въ непосредственное сосѣдство. Выгодное же положеніе близкаго порта С.-Франциско имѣло шансы привлечь въ него торгующихъ изъ всѣхъ странъ. Въ своихъ замѣчаніяхъ о Калифорніи Резановъ, между прочимъ, писалъ: „Если бы прозорливые виды Петра В., начертавшаго при малыхъ тогда способахъ Берингову экспедицію, были какъ слѣ-

дуетъ выполнены, то можно утвердительно сказать, что Калифорнія никогда не была бы испанской провинціей, ибо съ 1760 г. только испанцы обратили на эту страну вниманіе и упрочили ее за собою единственно дѣятельностью миссіонеровъ".

Можетъ быть, предпріимчивость Резанова при дружественныхъ и семейныхъ связяхъ, заведенныхъ имъ въ Калифорніи, и помогла бы хоть нѣсколько осуществленію его плановъ относительно утвержденія русскихъ факторій по сосѣдству съ этой страной, но вниманіе его вскорѣ было отвлечено отъ Калифорніи предпринятой исключительно по его почину военной экспедиціей въ Японію [1]). Для этой „секретной" экспедиціи Резановъ выбралъ два судна, принадлежащія компаніи—„Юнону" и „Авось", во главѣ которыхъ стояли состоявшіе на компанейской службѣ морскіе офицеры лейт. Хвостовъ [2]) и мичм. Давыдовъ [3]). Приписывая отказъ японскаго правительства заключить торговый договоръ съ Россіей единственно противодѣйствію партіи, стоявшей за отчужденіе своего отечества отъ иностранцевъ, и считая эту партію не очень многочисленною, Резановъ пришелъ къ убѣжденію, что Японію возможно силою принудить къ исполненію желаній русскаго правительства. Еще до своего путешествія въ С.-Франциско, съ остр. Уналашки Резановъ писалъ Александру I-му: „Усиля американскія заведенія и выстроивъ суда, можемъ и японцевъ принудить къ открытію торга, котораго народъ весьма сильно желаетъ у нихъ. Я не думаю, чтобы Ваше Величество вмѣнили мнѣ въ преступленіе, когда, имѣвъ теперь достойныхъ сотрудниковъ, каковы Хвостовъ и Давыдовъ, и помощію которыхъ выстроивъ суда, пущусь на будущій годъ къ берегамъ японскимъ разорить на Матсманѣ селеніе ихъ, вытѣснить ихъ изъ Сахалина и разнести по берегамъ страхъ, дабы, отнявъ между тѣмъ рыбные промыслы и лиша до 200.000 человѣкъ пропитанія, тѣмъ скорѣе принудить ихъ къ открытію съ нами торга, къ которому они обязаны будутъ".

На это донесеніе Резановъ не получилъ никакого отвѣта, но не отказался отъ своей мысли. 27 іюля 1806 года онъ вышелъ съ двумя судами изъ Новоархангельска, лично принявъ на себя руководство всѣмъ предпріятіемъ. Будучи уже близко отъ береговъ Японіи, Резановъ внезапно перемѣнилъ свое намѣреніе: „Юнонѣ" съ Хвостовымъ было приказано идти въ Охотскъ (самъ онъ также былъ на „Юнонѣ"), а „Авосю" съ Давыдовымъ — въ Аниву, — заливъ въ южной части

[1] Подробности см. въ „Двукратномъ путешествіи въ Америку Хвостова и Давыдова". Спб. 1810.

[2]) Ник. Алек. Хвостовъ 1776—1809. Свѣдѣнія о немъ имѣются въ Русск. Біогр. Слов.

[3]) Гавр. Иван. Давыдовъ ум. 1809 г. лейт.

остр. Сахалина. Въ Охотскѣ Резановъ вновь передумалъ, вновь рѣшилъ напасть на берега Японіи, но уже лично отказался принимать въ ней участіе и, оставивъ двусмысленныя инструкціи Хвостову, уѣхалъ въ Россію. Въ силу данной ему инструкціи Хвостовъ осенью 1806 года разорилъ въ зал. Анивѣ японскія прибрежныя селенія и то же самое повторилъ и весною 1807 года. Никакихъ послѣдствій въ смыслѣ установленія торговыхъ сношеній съ Японіей эти нападенія не имѣли и остались для исполнителей ихъ безнаказанными, если не считать нѣкотораго неудовольствія имп. Александра I-го и кратковременнаго арестованія Давыдова и Хвостова (въ іюлѣ 1807 г.) командиромъ Охотскаго порта капитаномъ 2-го ранга Бухаринымъ [1]). 1-го марта 1807 г. умеръ Николай Петровичъ Резановъ, одинъ изъ самыхъ предпріимчивыхъ, просвѣщенныхъ и дальновидныхъ членовъ Россійско-Американской компаніи. Смерть не дала ему времени для осуществленія всѣхъ его широкихъ и смѣлыхъ плановъ. Можетъ быть и справедливъ отзывъ о немъ извѣстнаго Головнина (въ запискѣ, относящейся къ 1818 г.), что „сей человѣкъ былъ болѣе способенъ сочинять мечтательныя предначертанія въ кабинетѣ, нежели къ великимъ дѣламъ, происходящимъ на свѣтѣ“, но въ видахъ справедливости слѣдуетъ воздать должное способности Резанова заглядывать въ будущее, отдаваться всецѣло тому дѣлу, которое ему было поручено, и его стремленію всегда избѣгать шаблонныхъ путей и рутинныхъ пріемовъ.

III.

Со смертью Резанова проекты его объ установленіи и обезпеченіи постоянныхъ торговыхъ сношеній россійско-американскихъ владѣній съ Калифорніею и объ основаніи вблизи ея русскихъ поселеній не заглохли. Главное правленіе Россійско-Американской компаніи неоднократно обращалось къ правительству съ просьбой исходатайствовать у испанскаго двора разрѣшенія на торговлю компаніи съ испанскими колоніями въ Америкѣ. На первое представленіе главнаго правленія по этому предмету, сдѣланное въ 1808 году, оно получило увѣдомленіе отъ государственнаго канцлера гр. Н. П. Румянцева, что на переданное испанскому правительству представленіе отъ него не послѣдовало отвѣта. На вторичное представленіе главнаго правле-

[1]) Объ этомъ Бухаринѣ—знаменитомъ охотскомъ и камчатскомъ „сатрапѣ“ и взяточникѣ, см. интересныя данныя у г. Сгибнева. Мор. сб. 1869 г. № 11.

нія—въ 1809 году, гр. Румянцевъ отвѣтилъ компаніи по высочайшему повелѣнію, чтобы „она сама себѣ прокладывала дорогу въ торговлѣ съ Калифорніею". Тотчасъ же было предписано Баранову послать въ С.-Франциско судно съ грузомъ наиболѣе употребительныхъ Калифорнскими жителями товаровъ при прокламаціи отъ главнаго правленія о желаніи Россійско-Американской компаніи доставлять необходимые для тамошнихъ обитателей предметы въ обмѣнъ на произведенія самой Калифорніи. Въ 1812 году Барановъ отправилъ въ Монтерей своего уполномоченнаго, американскаго шкипера Эрса, и поручилъ ему довести предложеніе компаніи до мексиканскаго вице-короля. Эрсъ привезъ отвѣтъ, что мѣстные жители были бы весьма рады завести торговлю, но не смѣютъ нарушить запретъ безъ согласія центральной власти и просятъ компанію исходатайствовать въ Мадридѣ соотвѣтствующее дозволеніе. Испанскій консулъ въ Петербургѣ Сеа де Бермудесъ докладывалъ своему правительству пользу для колоніи домогательствъ компаніи; главное правленіе въ третій разъ повторило свою просьбу Румянцеву съ представленіемъ отзыва Калифорнскихъ властей,—но испанское правительство упрямо не хотѣло измѣнять своимъ традиціямъ.

Неудачи въ попыткахъ установить постоянныя торговыя отношенія, въ видахъ обезпеченія русскихъ владѣній продовольствіемъ, заставили компанію перейти къ попыткамъ осуществленія другихъ предположеній Резанова — объ основаніи земледѣльческихъ колоній. Имѣя въ виду совершенную невозможность завести земледѣліе въ какой-либо изъ мѣстностей, принадлежащихъ компаніи, по чрезвычайному обилію дождей, препятствующихъ созрѣванію хлѣбныхъ растеній, и по другимъ климатическимъ условіямъ, главное правленіе рѣшило устроить компанейское поселеніе въ болѣе благопріятномъ климатѣ, а именно въ мѣстности, о которой уже думалъ и Резановъ, на близкихъ къ русскимъ владѣніямъ берегамъ Новаго Альбіона. Берега эти получили свое названіе отъ англійскаго мореплавателя Дрэка; Испанія, хотя и претендовала на принадлежность ей сѣверозападнаго берега Америки до пролива Жуанъ де Фука, но такъ какъ доказательства ея правъ на эту территорію основывались только на томъ обстоятельствѣ, что въ 1788 году два испанскихъ судна плавали въ водахъ сопредѣльныхъ берегамъ Новаго Альбіона и пытались основать поселеніе въ заливѣ Нутка, то такія права подлежали сильному сомнѣнію. Непрочность испанскихъ правъ на названные берега подтверждалась и фактами: такъ испанцы захватили въ заливѣ Нутка англійское коммерческое судно, но по требованію англійскаго правительства должны были заплатить собственникамъ судна убытки, и въ 1790 году, по договору между Испаніей и Англіей, было уни-

чтожено самое испанское поселеніе въ заливѣ Нутка, всѣ же порты къ сѣверу отъ С.-Франциско были открыты для свободной торговли подданныхъ обѣихъ державъ. Учрежденіе же впослѣдствіи американцами укрѣпленія и факторіи на р. Колумбіи безъ всякаго возраженія со стороны Испаніи рѣшительно исключало всякія притязанія испанцевъ на безспорное обладаніе берегами Америки къ сѣверу отъ Калифорніи.

Въ 1809 году главнымъ правленіемъ было испрошено черезъ гр. Румянцева соизволеніе императора Александра Павловича на учрежденіе компанейскаго заселенія на берегахъ Новаго Альбіона и объ оказаніи всемилостивѣйшей защиты въ случаѣ противодѣйствія со стороны иностранцевъ. При этомъ компаніей было изложено о выгодахъ, если таковое заселеніе будетъ учреждено самимъ русскимъ правительствомъ.

Государемъ было повелѣно: „предоставить компаніи учредить такое заселеніе отъ себя и обнадежить ее при томъ высочайшей защитой во всякомъ случаѣ".

Съ развѣдочною цѣлью обозрѣнія мѣстности и избранія пункта для устройства будущаго поселенія, Барановъ осенью 1809 г. послалъ подъ начальствомъ своего помощника—Кускова, два судна—„Кадьякъ" и шк. „Св. Николай".

„Кадьякъ" съ Кусковымъ направился къ порту Гавръ де Грей, „Св. Николай"—съ командиромъ этой шкуны Булыгинымъ—къ устью р. Колумбіи. При дальнѣйшемъ слѣдованіи на соединеніе съ „Кадьякомъ" шкуна была разбита бурею у порта Гавръ де Грей, на ея выброшенный волнами экипажъ напали туземцы, многихъ убили, остальныхъ захватили въ плѣнъ. Эти плѣнные были лишь черезъ годъ выручены Кусковымъ. Кусковъ, воротившись въ Ситху, указалъ Баранову на облюбованное имъ для заселенія мѣсто — по сосѣдству съ зал. Румянцева (Мал. Бодего).

Въ 1810 году Кусковъ вновь отправился къ зал. Бодего на кораблѣ „Юнона" съ намѣреніемъ основать заселеніе, но эта поѣздка окончилась неудачею: нападеніе на „Юнону" у острова Корол. Шарлотты хорошо вооруженныхъ туземцевъ разстроило его планы, и онъ былъ вынужденъ воротиться въ Новоархангельскъ.

Наконецъ, въ 1811 году Кусковъ прибылъ къ намѣченному имъ мѣсту и началъ подготовительныя работы по устройству поселка. Проведя всю зиму у зал. Мал. Бодего, онъ сблизился съ вліятельнѣйшими изъ туземцевъ, обласкалъ, одарилъ ихъ и добился согласія на уступку русскимъ нужнаго количества земли. Затѣмъ, съѣздивъ къ Баранову для окончательныхъ совѣщаній, въ мартѣ 1812 г. Кусковъ привезъ къ берегамъ Новаго Альбіона грузъ матеріаловъ для первоначальнаго обзаведенія.

Мѣстомъ для заселенія была избрана небольшая бухта, расположенная около 15 ит. миль отъ зал. Румянцева (Мал. Бодего), на широтѣ 38°15′ и 123°15′ вост. долг. Ко дню тезоименитства императора Александра I—30 авг. 1812 г.—русское укрѣпленіе со всѣми службами было готово, въ этотъ день торжественно освящено и получило названіе „Россъ". Ядро поселка Россъ состояло изъ крѣпостцы, обнесенной тыномъ и рогатками, площадью 42×49 саж. Крѣпостца была построена на пригоркѣ (выше уровня моря на 110 фут.), вооружена 10 пушками. На склонахъ пригорка находились жилища переселенныхъ сюда алеутовъ и русскихъ. Внутри укрѣпленія находился домъ правителя и нѣкоторыя кладовыя; уже впослѣдствіи (въ 1814 году) вблизи землянокъ и домиковъ поселенцевъ были построены казармы для служащихъ, продовольственные магазины, сараи, кладовыя, мастерскія, бани, кожевенный заводъ, вѣтряная мельница, скотный дворъ. Постройки всѣ были деревянныя, матеріаломъ для нихъ главнымъ образомъ служила красная сосна (чага, похожая на лиственницу), которую легко было доставать изъ окрестности Бодего. Въ расположеніи частныхъ построекъ не замѣчалось опредѣленнаго плана: онѣ то безпорядочно жались въ кучу, то были разбросаны на далекомъ другъ отъ друга разстояніи. Такое отсутствіе плана въ устройствѣ Росса современныя данныя объясняютъ тѣмъ, что Кусковъ якобы не хотѣлъ мѣшаться во „вкусы" алеутовъ, не привыкшихъ къ стройности и планомѣрности; вѣрнѣе объяснить это явленіе тѣмъ, что Кусковъ самъ не могъ уяснить себѣ необходимости и полезности какой-либо распланировки.

При заселеніи не было хорошаго рейда, такъ что суда могли стоять безопасно въ бухтѣ лишь при NN вѣтрахъ; вблизи берега было много подводныхъ камней. На половинѣ разстоянія между Россомъ и зал. Мал. Бодего протекала рѣчка, называемая мѣстными жителями Шабакой, переименованная русскими въ Славянку. Рѣка эта вытекала изъ большаго озера, устье же ея преграждалось баромъ и при SW вѣтрахъ, сопровождаемыхъ большей частью дождями, засыпалась пескомъ въ такомъ количествѣ, что теченіе рѣки еле пробивало себѣ узкій проходъ. По рѣкѣ, на большомъ уже разстояніи отъ моря, было много подводныхъ и надводныхъ камней, изъ числа которыхъ одинъ, замѣчательный по величинѣ, имѣлъ въ срединѣ большое отверстіе, получившее названіе Славянскихъ воротъ.

Пристань находилась въ малой губѣ, къ югу отъ укрѣпленія. Возлѣ нея была устроена верфь для постройки судовъ, сараи и кузницы. Между пристанью и укрѣпленіемъ, въ долинѣ были расположены огороды. Разведенію овощей, изъ которыхъ особенно успѣшно

произросталъ картофель (2 раза въ годъ, самъ 10, 11), мѣшали многочисленные кроты. Продовольствіемъ жителей служило мясо сивучей и мѣстной птицы аръ, для охоты—были зубры, дикія козы, бараны. Въ морѣ и рѣкѣ водилось большое количество рыбы; пушныхъ звѣрей—было очень мало. Изъ домашняго скота—возможно было разведеніе лошадей, коровъ, овецъ,—мѣстной и привозныхъ породъ.

Главною цѣлью вновь устроенной колоніи было заведеніе въ ней земледѣлія въ обширныхъ размѣрахъ. Но достиженіе этой цѣли было крайне затруднено по многимъ причинамъ.

Главною была сильная степень влажности воздуха и морскіе туманы, сильно отражавшіеся на урожаяхъ; затѣмъ слѣдуетъ упомянуть о нерасположеніи къ обрабатыванію земли у алеутовъ, креоловъ и русскихъ промышленниковъ, всячески старавшихся уклониться отъ этого занятія и предпочитавшихъ ему всякое другое.

О земледѣльческихъ опытахъ въ первые годы по устройству заселенія Россъ даютъ понятіе слѣдующія цифры:

	Пшеницы	
Годы.	Посѣяно:	Получено:
1813 г.	1 п. 25 фун.	4 п. 5 фун.
1814 „	5 п.	22 п. 2 фун.
1815 „	5 п.	8 п.
1816 „	14 п. 14 фун.	48 п. 23 фун.
1817 „	ничего не собрано вслѣдствіе сильныхъ тумановъ	

Неудовлетворительность этихъ опытовъ ясно показала неудобство выбора мѣста для заселенія Кусковымъ; нужно впрочемъ имѣть въ виду, что, основывая заселеніе Россъ, Барановъ и Кусковъ видѣли въ этомъ лишь первый шагъ для пріобрѣтенія болѣе плодородныхъ и подходящихъ мѣстностей, но слѣдующаго крупнаго шага въ этомъ направленіи не было сдѣлано не по ихъ винѣ...

Уже вскорѣ послѣ основанія Росса (въ октябрѣ 1812 г.) испанцы обратили вниманіе на новыхъ сосѣдей: къ Кускову изъ С.-Франциско явился испанскій офицеръ съ 7 солдатами, просилъ разрѣшенія осмотрѣть укрѣпленіе, внимательно его осмотрѣлъ, спрашивалъ подробно о цѣляхъ поселенія. Ему было объяснено, что поселеніе устроено для обезпеченія россійско-американскихъ владѣній въ продовольственномъ отношеніи, и что русскимъ крайне желательно развитіе постоянныхъ торговыхъ отношеній съ Калифорніею, обѣщающихъ обѣимъ сторонамъ лишь однѣ выгоды. Офицеръ обѣщалъ исхлопотать у губернатора разрѣшеніе на торговлю и удалился.

Въ началѣ 1813 года явился въ Россъ тотъ же офицеръ съ бра-

*

томъ коменданта и словесно сообщилъ, что до оффиціальнаго разрѣшенія вопроса о торговлѣ губернаторъ рѣшилъ взять на свою отвѣтственность ее допустить съ нѣкоторыми ограниченіями; при этомъ посѣщеніи испанцы привезли въ подарокъ русскимъ колонистамъ 20 головъ рогатаго скота и 3 лошадей.

Но скоро со стороны испанцевъ начались дѣйствія не дружелюбнаго характера. Прежде всего Кусковъ получилъ отъ губернатора дона Аргильяго письмо, въ которомъ тотъ по приказанію мексиканскаго вице-короля требовалъ обстоятельныхъ свѣдѣній о причинахъ и цѣляхъ устройства русскаго поселенія и отъ кого получено на такое устройство разрѣшеніе. Кусковъ уклонился отъ отвѣта подъ предлогомъ неимѣнія хорошаго переводчика и поспѣшилъ войти въ сношенія съ Барановымъ на предметъ полученія отъ послѣдняго инструкцій для отвѣта. Послѣ же послѣдовавшей вскорѣ послѣ этого смерти дона Аргильяго, дружественно расположеннаго къ русскимъ, испанцы стали прямо требовать уничтоженія поселка Россъ, выражая при этомъ удивленіе, что въ своей прокламаціи (упомянутой выше) компанія обращалась съ своими предложеніями непосредственно къ жителямъ Калифорніи, а не къ начальствующему надъ ними вице-королю. Кусковъ отвѣчалъ, что до полученія соотвѣтствующихъ распоряженій изъ Петербурга онъ не можетъ предпринять что-либо своею властью для выполненія желаній испанской администраціи. Вслѣдъ засимъ послѣдовало оффиціальное извѣщеніе Кускову о запрещеніи испанскаго правительства всѣмъ иностранцамъ вести торговлю съ Калифорніей и распоряженіе всѣмъ судамъ, прибывшимъ изъ русскихъ владѣній, оставить немедленно испанскіе порты. Еще хуже стали отношенія къ русскимъ мѣстныхъ властей въ 1815 году, съ прибытіемъ въ Калифорнію новаго губернатора полковника Пабло Винсенте де Сола. По его распоряженію русскіе подданные, попавшіе на испанскую территорію, были арестованы и заключены подъ стражу. Тамъ содержали ихъ весьма дурно, употребляли принудительно на работы и принуждали къ переходу въ католичество. На свои требованія объ освобожденіи захваченныхъ Кусковъ не получалъ никакого отвѣта. Наконецъ, Барановъ былъ вынужденъ для выручки несчастныхъ плѣнниковъ въ 1816 году отправить въ Монтерей компанейское судно съ лейт. Подушкинымъ, которому поручилъ разъяснить дону де Сола законность учрежденія поселенія Россъ и настоятельно потребовать освобожденія арестованныхъ русскихъ торговцевъ и промышленниковъ. Губернаторъ любезно принялъ Подушкина, отпустилъ 15 человѣкъ изъ захваченныхъ, обѣщалъ распорядиться освободить остальныхъ, находящихся въ далекомъ разстояніи отъ Монтерея, обѣщалъ ходатайствовать о разрѣшеніи торговли съ рус-

скими, но въ то же время настаивалъ на уничтоженіи Росса. Настойчивости испанскихъ властей весьма содѣйствовало нетактичное вмѣшательство въ дѣла бывшаго въ то время въ Калифорніи извѣстнаго русскаго моряка капит.-лейт. Коцебу [1]), отправленнаго на бригѣ „Рюрикъ“ Румянцевымъ для изслѣдованія сѣверной части Великаго океана. Не имѣя никакихъ основаній, не будучи никѣмъ уполномоченъ, Коцебу подтверждалъ Кускову, что испанскія владѣнія на западномъ берегу Америки идутъ отъ С.-Франциско къ сѣверу непрерывно до залива Жуанъ де Фука, требовалъ у него объясненій, какъ смѣли русскіе безъ разрѣшенія своего правительства устраивать заселеніе, отказывался принять всѣхъ освобожденныхъ губернаторомъ русскихъ подданныхъ и т. д.

Въ 1817 г. гр. Нессельроде получилъ ноту мадридскаго правительства, въ которомъ оно упрекало русскихъ въ насильственномъ присвоеніи изъ коммерческихъ видовъ чужаго берега и просило уничтожить поселеніе Россъ. Главное правленіе Россійско-Американской компаніи горячо вступилось за свои права, и послѣ этого требованія объ удаленіи русскихъ съ береговъ Новаго Альбіона на нѣкоторое время прекратились.

Въ томъ же году отправленному въ колоніи кап.-лейтенанту фонъ Гагемейстеру [2]) главнымъ правленіемъ было поручено войти въ переговоры съ калифорнскимъ губернаторомъ и осмотрѣть Россъ. По осмотрѣ русскаго заселенія Гагемейстеръ призналъ необходимость его расширенія, и ему удалось получить согласіе отъ туземныхъ князьковъ на продажу добавочной территоріи компаніи. Вообще отношенія русскихъ поселенцевъ и алеутовъ къ туземцамъ Новаго Альбіона были все время хорошими, русскій способъ дѣйствія и политика Кускова были слишкомъ отличны отъ испанскаго режима съ его строгостями, гнетомъ монаховъ, эксплоатаціей труда населенія. Затѣмъ Гагемейстеръ и Кусковъ предприняли поѣздку въ С.-Франциско и имъ удалось получить отъ губернатора разрѣшеніе торговать въ испанскихъ портахъ съ русскими судами.

Въ концѣ 1818 г. мексиканскіе инсургенты заняли Калифорнію и объявили ее независимою подобно другимъ испанскимъ владѣніямъ въ Америкѣ. Эта перемѣна правленія была болѣе благопріятна для русскаго дѣла.

Съ занятіемъ большаго пространства состояніе земледѣлія въ Россѣ улучшилось. Послѣдніе годы управленія колоніею Кускова

---

[1]) Отт. Евст. Коцебу 1787—1846. Описаніе его пут. изд. въ Пет. въ 1821 г.

[2]) Леон. Андр. Гагемейстеръ 1833 г. Былъ главнымъ правителемъ Росс.-Амер. колоніи послѣ Баранова съ 1818 по 1820 г.

(1818—1821) урожаи пшеницы были самъ-третей и самъ-четвертъ, а въ 1821 г.—даже самъ-шесть, а ячменя—около самъ-третей.

Первыя десять лѣтъ земледѣльческихъ опытовъ въ Россѣ не принесли компаніи ожидавшихся запасовъ хлѣба, всѣ эти годы издержки значительно превышали доходы; выгоды владѣнія Россомъ состояли главнымъ образомъ въ облегченіяхъ плаванія компанейскихъ судовъ при слѣдованіи изъ Ситхи въ Калифорнію. Съ отдѣленіемъ отъ Испаніи Калифорніи торговля съ этой страной стала вестись безпрепятственно и съ каждымъ годомъ росла, и хлѣбные запасы въ Новоархангельскѣ могли постоянно быть пополняемы вывозомъ изъ Калифорнскихъ портовъ и по сравнительно недорогой цѣнѣ: пудъ пшеницы покупали въ С.-Франциско отъ 3 р. 60 к.—до 4 руб. на ассиг., пудъ пшеничной муки—9 руб.

Но все же главному правленію было необходимо время отъ времени организовать кругосвѣтныя экспедиціи изъ портовъ Балтійскаго моря, для снабженія мукой и припасами какъ Ситхи, Аляски и Алеутскихъ островов, такъ и Охотска; иначе обстоятельства ставили иногда населеніе россійско-американскихъ владѣній въ крайне трудное положеніе. Особенно тяжелое положеніе продовольственнаго дѣла было въ русскихъ колоніяхъ въ 1823—1824 гг. Полученная главнымъ правителемъ колоній кап.-лейт. Матв. Иван. Муравьевымъ [1]) депеша изъ Петербурга, что ожидавшееся въ колоніяхъ судно съ запасами изъ Россіи не придетъ, повергло въ отчаяніе жителей. Въ Калифорніи въ это время былъ неурожай и иныя кормовыя затрудненія въ видѣ крупнаго повышенія вывозныхъ торговыхъ пошлинъ и соперничества англійскихъ торговыхъ компаній. Муравьевъ рѣшилъ искать другихъ рынковъ и имъ была организована экспедиція на Сандвичевы острова подъ управленіемъ к—ра брига „Головкинъ" Этолина, которому удалось пріобрѣсти тамъ 1.500 фанегъ [2]) пшеницы и иныхъ товаровъ. „Нельзя описать радости всѣхъ жителей Ситхи при приходѣ судовъ съ богатымъ грузомъ", доносилъ главному правленію Муравьевъ, описывая возвращеніе Этолина изъ этой экспедиціи.

Частые политическіе перевороты въ Мексикѣ (съ которой была тѣсно связана Калифорнія)—правленіе юнты изъ 7 членовъ—провозглашеніе и отреченіе отъ престола императора Августина (ген. Штур-

---

[1]) Не слѣдуетъ смѣшивать съ Матв. Ив. Муравьевымъ-Апостоломъ, извѣстнымъ декабристомъ (1783—1886), и тоже съ адм. Матв. Мих. Муравьевымъ (1754—1823), бывшимъ впослѣдствіи директоромъ морскаго аудиторіатскаго департамента. Кап.-лейт. Матв. Ив. Муравьевъ былъ главнымъ правителемъ россійско-американскихъ колоній съ 1821 по 1825 г.

[2]) Испанская мѣра сыпучихъ тѣлъ; фанега пшеницы вѣс. ок. $3^1/_2$ пуд.; фанега ячменя—3 п.; гороха—4 пуда.

бида) въ 1822—23 гг., президентство ген. Санта-Анны, съ сопутствовавшими этимъ переворотамъ измѣненіями торговаго режима, рѣзкое колебаніе пошлинъ, закрытіе для иностранной торговли многихъ портовъ—эти обстоятельства заставляли главныхъ правителей россійско-американскихъ владѣній постоянно заботиться объ обезпеченіи продовольствія колоній помимо Калифорніи. Кромѣ сношеній съ Сандвичевыми островами, о которыхъ отчасти упоминалось выше и о которыхъ будетъ подробнѣе разсказано дальше, приходилось предпринимать и весьма отдаленныя экспедиціи: таковы, напр., поѣздки въ Чили Этолина въ 1829 г. (на „Байкалѣ“) и 1836 г. (на „Еленѣ“). Оба раза русскимъ удалось весьма выгодно сбыть свои грузы—издѣлія русскихъ фабрикъ и лѣсные матеріалы—и дешево пріобрѣсти большое количество пшеницы. Торговыя сношенія русскихъ съ Чили заставили калифорнскія власти изъ боязни потерять постоянныхъ покупателей своего хлѣба болѣе внимательно относиться къ русскимъ требованіямъ относительно уменьшенія пошлинъ и предоставленія большихъ торговыхъ льготъ. Въ 1828 году было учреждено въ С.-Франциско агентство компаніи. Первымъ агентомъ состоялъ мѣстный негоціантъ Гартманъ, защищавшій русскіе торговые интересы за плату 10% коммиссіи, послѣ него былъ агентомъ Костромитиновъ (одинъ изъ правителей Росса).

IV.

Въ 1839—1840 гг. главному правленію компаніи удалось вполнѣ обезпечить продовольственное дѣло въ россійско-американскихъ владѣніяхъ, но эта цѣль была достигнута слишкомъ дорогою цѣною, такъ какъ компанія отказалась вмѣстѣ съ тѣмъ отъ всякой политической роли въ водахъ Тихаго океана, которая единственно оправдывала ея существованіе, какъ собственника обширныхъ, богатыхъ и географически-важныхъ для будущаго Россіи территорій въ Америкѣ. Актомъ, положившимъ начало самоуничтоженію Россійско-Американской компаніи, былъ договоръ съ Гудсонбайскою торговою компаніею [1]). Эта послѣдняя обязалась доставлять въ русскія владѣнія опредѣленное количество всевозможныхъ припасовъ—хлѣбныхъ и мясныхъ—по недорогимъ, сравнительно, цѣнамъ и взамѣнъ этихъ обязательствъ получила въ долгосрочную аренду полосу земли, принадлежавшую Рос.-Амер. компаніи, для промысловъ. Польстившись на ближайшія тор-

---

[1]) Нѣкоторыя детали приведены ниже въ выдержкахъ изъ путеш. Лапласа.

говыя выгоды, отказавшись отъ иниціативы и самостоятельности, связавъ себя договоромъ, Рос.-Ам. компанія несомнѣнно должна была въ недалекомъ будущемъ уступить свое дѣло болѣе предпріимчивымъ и настойчивымъ иностранцамъ. Не оказалось и среди русскаго правительства того времени лица, способнаго повліять на компанію въ смыслѣ охраненія его отъ наложенія на себя руки и способнаго предвидѣть важное значеніе для будущихъ поколѣній Россіи владѣній ея на Великомъ океанѣ, въ Новомъ Свѣтѣ... Невольно вспоминаются слова Великаго Петра: „Упущенное время смерти безвозвратной подобно"...

Послѣ договора 1839 г. дни Росса были сочтены. Доскажемъ кратко исторію существованія этой русской колоніи съ 1820 по 1841 гг.

Въ 1820 г. правителемъ Росса былъ сдѣланъ „вольный мореходъ" Шмидтъ; онъ обратилъ особое вниманіе на распространеніе и улучшеніе земледѣлія, на пріохочиваніе поселенцевъ къ обработкѣ земли посредствомъ помощи всякаго рода ихъ частнымъ хозяйствамъ, на увеличеніе площади посѣвовъ. Благодаря заботамъ Шмидта за 1826—1833 гг. изъ Росса было вывезено въ Ситху до 6.000 пуд. пшеницы, т. е. около 800 пуд. ежегодно въ среднемъ.

Но все же это количество было весьма невелико для удовлетворенія цѣли, съ которой было основано заселеніе. Въ 1833 г. по иниціативѣ главнаго правителя колоній бар. Врангеля была выбрана новая мѣстность для посѣвовъ у устья р. Славянки, и эта мѣра улучшила добычу хлѣба: за четыре послѣдніе года существованія колоніи Россъ изъ нея было вывезено уже 9.918 пуд. пшен. и около 1.500 пуд. другихъ хлѣбовъ и овощей.

Гораздо лучше земледѣлія въ Россѣ развивалось скотоводство. Въ 1821 г. въ Россѣ числилось 187 головъ рогатаго скота, 736 гол. овецъ, 124 свиньи. Въ 1833 г. было уже 1.300 гол. рогатаго скота. За послѣднія 15 лѣтъ изъ Росса было вывезено въ Новоархангельскъ болѣе 6.000 пуд. солонины и 500 пуд. масла, не считая сала, кожъ, шерсти и т. п. продуктовъ. Затѣмъ обитатели Росса занимались въ небольшомъ количествѣ охотою и промыслами, кораблестроеніемъ, которое пришлось впрочемъ оставить по непригодности для морскихъ построекъ мѣстнаго лѣса, рубкою лѣса, садоводствомъ (разводились персики яблоки, груши, виноградъ, арбузы, овощи) и т. п.

По даннымъ, приводимымъ однимъ изъ современниковъ — К. Т. Хлѣбниковымъ—стоимость содержанія заселенія Россъ за 1825—1830 гг. была въ среднемъ ок. 45.000 руб. асс. въ годъ, оттуда же компанія получала припасовъ въ среднемъ на сумму ок. 13.000 руб. Не нужно забывать, что въ 30-хъ гг. вывозъ изъ колоніи увеличился, такъ что убытки компаніи отъ Росса были невелики и при болѣе раціональ-

номъ и внимательномъ отношеніи къ дѣлу могли смѣло замѣниться впослѣдствіи даже доходами.

Попытки бар. Врангеля[1]) присоединить къ русскому заселенію мѣстность, находившуюся за кряжемъ горъ, состоявшую изъ плодородной долины шириною около 20 верстъ, не удались и вызвали протестъ со стороны мексиканскаго правительства.

Русское министерство иностранныхъ дѣлъ не желало предпринимать никакихъ мѣръ къ формальному утвержденію за Россіей занятыхъ компаніею земель въ Новомъ Альбіонѣ. Въ 1827 г. главное правленіе съ грустью констатировало въ сообщеніи Чистякову, что „старанія о формальномъ утвержденіи за русскими мѣста, гдѣ утверждено заселеніе, остаются безъ успѣха, и по нынѣшнимъ обстоятельствамъ пока надежды на благопріятное рѣшеніе его имѣть нельзя".

Въ 1829 г. правленіе пришло къ болѣе категорическому выводу, что „всякую надежду... на расширеніе заселенія поддерживать было бы безполезно".

Съ другой стороны, мексиканское правительство еще съ 1822 г. настоятельно требовало черезъ своего лондонскаго повѣреннаго въ дѣлахъ дона Августа де Винсенте объ уничтоженіи Росса. Хотя это правительство и убѣдилось потомъ въ невозможности угрозами заставить русскихъ покинуть Россъ, но не теряло все-таки надежды и выжидало событій. Слѣдуетъ добавить, что мѣстныя калифорнскія власти относились къ русскому сосѣдству иначе. Когда въ Монтерей прибылъ военный шлюпъ „Аполлонъ", то калифорнскіе депутаты освѣдомлялись у коммиссара Русско-Америк. компаніи Хлѣбникова, справедливы ли имѣющіяся у нихъ свѣдѣнія о требованіяхъ мексиканской дипломатіи, и, получивъ утвердительный отвѣтъ, заявили, „что таковыя требованія ими уничтожаются, о чемъ и будетъ ими доведено до свѣдѣнія высшаго мексиканскаго правительства".

Весьма непріятнымъ явленіемъ для развитія русскаго заселенія являлись устроенныя возлѣ него кругомъ католическія миссіи—въ 1816 г. С. Рафаель, въ 1822—Солино и Сономи и др.,—которыя мало по малу отрѣзывали Россъ отъ Калифорніи и заключали его все въ болѣе и болѣе тѣсные предѣлы.

Но былъ моментъ, когда виды компаніи на окончательное закрѣпленіе за собой Росса были близки къ осуществленію. Въ 1834 г. мексиканскій генералъ Фигероа обратился съ письмомъ къ бар. Врангелю о принятіи посредничества въ сношеніяхъ мексиканскаго каби-

---

[1]) Бар. Ферд. Петр. Врангель. 1796—1870. Былъ главнымъ правителемъ росс.-ам. колоній съ 1830 по 1836 г. Описаніе его путеш. издано въ 1836—1841 гг.

нета съ петербургскимъ, что давало надежду на обоюдное соглашеніе.

Ген. Фигероа писалъ:

„Мексиканская нація, сбросивъ съ себя владычество Испаніи и желая поддерживать со всѣми націями союзъ и согласіе, заключила со многими державами трактаты; но какъ дипломатическія сношенія съ Россіей еще не имѣли мѣста, то и желательно было бы знать, признаетъ ли русское правительство независимость Мексиканской республики“.

Главное правленіе довело объ этомъ черезъ министра финансовъ гр. Канкрина до свѣдѣнія государя Николая Павловича и просило разрѣшенія на сношенія съ Мексикой, „на подобіе берлинскаго кабинета“. На это представленіе компанія получила отвѣтъ, что „государь императоръ не изволилъ признать еще возможнымъ такое признаніе“, но разрѣшилъ продолженіе торговыхъ сношеній съ Калифорніей и поручилъ бар. Врангелю войти въ переговоры съ Мексиканской республикой о формальной уступкѣ земель, а также съ цѣлью разузнать, въ какой степени актъ русскаго признанія могъ бы повліять въ смыслѣ уступки. Бар. Врангель предпринялъ путешествіе въ гор. Мексику, имѣлъ частныя свиданія съ и. д. президента ген. Барагапомъ и съ министрами Карро и Менастеріо, которые, въ случаѣ оффиціальнаго признанія Россіей мексиканскаго правительства, соглашались на уступку занятыхъ русскими земель и на присоединеніе къ русскому заселенію долины, но требовали оффиціальныхъ переговоровъ въ Лондонѣ между уполномоченными Россіи и Мексики. Въ подтвержденіе словесныхъ увѣреній Врангель получилъ даже отъ мексиканскаго правительства слѣдующую ноту:

„Мексиканское правительство, видя съ удовольствіемъ желаніе русскихъ колоній распространить торговыя сношенія съ Калифорніей, вполнѣ расположено утвердить ихъ формальнымъ трактатомъ съ е. в. императоромъ всероссійскимъ, почему и поручило своему министру въ Лондонѣ заключить означенный трактатъ, если русское правительство будетъ одушевлено тѣмъ же желаніемъ“. По возвращеніи въ Петербургъ, бар. Врангель передалъ эту ноту гр. Нессельроде, а также сообщилъ словесно о результатахъ переговоровъ. Но государь вновь не призналъ удобнымъ дать всему этому дѣлу ходъ [1]).

---

[1]) Бар. Врангель, лично докладывая о своей миссіи императору Николаю Павловичу, указалъ на примѣръ Пруссіи, которая, не признавая Мексиканской республики, все же заключила черезъ своего генеральнаго консула выгодный торговый трактатъ. Государь, прервавъ Врангеля, сказалъ: „Для Пруссіи выгоды впереди чести, а у меня—наоборотъ“. См. ст. Ф. Ф. Врангеля Энц. сл. Брок., т. VII, 338.

Въ 1836 г., вслѣдствіе донесенія главнаго правителя колоніи Купріянова о появленіи вблизи отъ Росса хуторовъ американскихъ выходцевъ — ранчей и о препятствіяхъ посему къ расширенію земледѣлія, главное правленіе получило отъ министра иностр. д. отзывъ, въ которомъ рекомендовалось колоніальному начальству „сообразоваться въ дѣйствіяхъ своихъ съ мѣстными обстоятельствами, употребляя впрочемъ всѣ способы, коими оно можетъ располагать на означенномъ пунктѣ, къ тому, чтобы удержать уже занятыя нами мѣста и устроенныя на нихъ заведенія“.

Отказавшись въ виду рѣшенія заключить договоръ съ Гудсонбойской компаніей отъ всякихъ дальнѣйшихъ политическихъ видовъ, ограничившись ближайшими коммерческими интересами, Рос.-Амер. компанія неизбѣжно пришла къ мысли ликвидировать свои дѣла въ Калифорніи. Въ іюнѣ 1839 г. компанія вошла съ представленіемъ къ министру финансовъ объ упраздненіи заселенія Россъ, и 15 октября того же года послѣдовало высочайшее повелѣніе—„оставить поселеніе Россъ, упразднить его контору, служащихъ и промышленниковъ выселить, орудія, товары и пр.—продать“.

Въ 1851 г. всѣ земледѣльческія заведенія компаніи при заселеніи со скотомъ и строеніями были проданы владѣльцу поселенія при р. Сакраменто швейцарцу Суттеру за 30.000 піастровъ съ ручательствомъ мексиканскаго правительства въ исправности платежа въ теченіе 4 лѣтъ.

V.

Не безъинтересно привести отрывки изъ путешествій русскихъ и иностранныхъ моряковъ, побывавшихъ лично въ Россѣ.

Осенью 1818 г. Россъ посѣтилъ на кораблѣ „Кутузовъ“ извѣстный Головнинъ [1]). По его описанію, „крѣпость Россъ составляетъ четвероугольный изъ толстыхъ и высокихъ бревенъ палисадъ, съ двумя по сторонамъ деревянными башнями, и защищается 13 пушками: внутри оной находится весьма хорошее строеніе: домъ начальника, казармы и магазины. Внѣ крѣпости—баня и скотные дворы. Гарнизонъ состоитъ изъ 26 человѣкъ русскихъ и 102 алеутъ, изъ коихъ многіе отлучаются на промыслы“. „Въ нашу бытность, про-

---

[1]) Вас. Мих. Головнинъ 1776—1831 гг. Дальнѣйшее описаніе заимствовано изъ его сочиненія: „Путешествіе вокругъ свѣта, совершенное на шлюпѣ „Камчатка“ въ 1817—1819 гг.“. 2 части, Спб. 1822 г.

должаетъ Головнинъ, 74 алеута находились у мыса Мендосино для ловли бобровъ, которые водятся между симъ мысомъ и мысомъ Троицы (Trinidad), хотя и не въ большемъ количествѣ. И съ такою-то силою здѣшній правитель, коммерціи совѣтникъ Кусковъ, не страшится испанцевъ и пренебрегаетъ ихъ угрозами". Излагая уже приведенныя отношенія мѣстныхъ испанскихъ властей къ русскимъ поселенцамъ, Головнинъ касается испанскихъ правъ на берега Новаго Альбіона и на отношенія туземцевъ къ испанцамъ и русскимъ: „Русскіе имѣли, по всѣмъ обычаямъ народнымъ, полное право поселиться на здѣшнихъ берегахъ, а испанцы хотятъ изгнать ихъ по неосновательнымъ и совершенно пустымъ притязаніямъ. Русскіе основали селеніе свое съ добровольнаго согласія коренныхъ жителей сей страны, съ дозволенія народа, не признающаго власти испанцевъ и въ вѣчной враждѣ съ нимъ пребывающаго. Дружеское расположеніе сего народа, до сего дня продолжающееся къ русскимъ, явно свидѣтельствуетъ, что они не насильно завладѣли сею землею. Русскіе промышленники по одному и по два ходятъ стрѣлять въ лѣса дикихъ козъ, часто ночуютъ у индѣйцевъ и возвращаются, не получивъ отъ нихъ ни вреда, ни обиды. Напротивъ того, испанцы въ маломъ числѣ и безъ оружія показаться между ними не смѣютъ, иначе всѣ будутъ убиты. Индѣйцы сіи охотно отдаютъ дочерей своихъ въ замужество за русскихъ и алеутъ, поселившихся у нихъ, и въ крѣпости Россъ теперь ихъ много. Чрезъ сіе составилось не только дружество, но и родственныя связи. Сверхъ того, русскіе поселились на такомъ берегу, который никогда никакимъ европейскимъ народомъ занятъ не былъ: ибо, кромѣ Лаперуза и Ванкувера, много другихъ послѣ ихъ здѣсь бывшихъ англійскихъ и американскихъ торговыхъ мореплавателей можно привести въ свидѣтели, что далѣе президіи св. Франциска къ сѣверу испанцы никогда никакого селенія не имѣли; въ сѣверной же сторонѣ пространнаго залива сего имени основали они миссію св. Рафаила, спустя 3 года послѣ нашего заселенія, и основали оную на землѣ, принадлежащей къ Новому Альбіону, а не къ Калифорніи; индѣйцы сожгли сіе ихъ заведеніе. Вотъ права русскихъ на занятіе Новаго Альбіона".

Указавъ далѣе иронически, что испанцы съ такимъ же основаніемъ „могли бы утверждать, что вся Америка отъ мыса Горна до Сѣвернаго полюса имъ принадлежитъ", и что они „даже на Восточную Сибирь могутъ предъявить свои права, ибо они славу открытія Берингова пролива себѣ присвоиваютъ и называютъ его именемъ какого-то испанца (Anian), который по всей вѣроятности никогда тамъ не плавалъ, а можетъ быть и вовсе не существовалъ", Головнинъ разсказываетъ свое свиданіе съ туземнымъ старшиной (тойономъ-хойбо) Валенилою, который просилъ его „чтобы болѣе русскихъ по-

селилось между ними, дабы могли они жителей защищать отъ притѣсненій испанцевъ" и просилъ „Россію взять ихъ подъ свою защиту". Портъ Румянцева (38°18′ с. ш.) Головнинъ не считаетъ удобнымъ и безопаснымъ, хотя онъ закрытъ отъ вѣтровъ: онъ мелководенъ, и въ немъ могутъ стоять только самыя малыя суда; рейдъ его съ юга совсѣмъ открытъ.

Также не вполнѣ удобными путешественникъ считаетъ зал. Бол. Бодего, Троицы и Дрека; изъ рѣкъ Новаго Альбіона онъ описываетъ Колумбію (у испанцевъ Ріо де лосъ Рейсъ) и Славянку (Шабакай).

Въ 1827—28 гг. въ Россѣ на шлюпѣ „Сенявинъ" былъ капитанъ Литке [1]). По его свѣдѣніямъ „селеніе Россъ имѣетъ до 90 десятинъ удобной земли, на которой высѣвается въ годъ пшеницы до 90 четв., ячменю до 15 четв. и снимается первой до 450 четв., послѣдняго до 65 четв. Въ лучшіе годы бываетъ урожай лучше, но среднимъ числомъ не болѣе, какъ самъ-пятъ или самъ-шестъ. Огородныя овощи родятся весьма хорошо. Скота отъ небольшаго числа въ теченіе 10 лѣтъ расплодилось до 500 гол. рогатаго, до 250 лошадей и до 600 овецъ; но, не имѣя пастбищъ, не знаютъ, что съ нимъ дѣлать. Въ Ситху доставляется солонины до 150 пуд. и до 100 пуд. масла, до 50 пуд. кожъ, выдѣланныхъ на мѣстѣ".

Въ 1839 г. въ Россѣ былъ французскій морякъ, капитанъ Лаплассъ [2]) на фрегатѣ „Артемида".

Описаніе его пребыванія въ русской колоніи заслуживаетъ быть подробно приведеннымъ, такъ какъ оно даетъ возможность составить себѣ нѣкоторое представленіе о жизни Росса и его значеніи:

„Въ 1839 г., во время моего пребыванія на Гавайскихъ островахъ, говоритъ кап. Лаплассъ, я много слышалъ о поселеніи, основанномъ Россійско-Американскою компаніею въ 35° с. ш. сѣверной части Нижней Калифорніи. Этимъ селеніемъ управлялъ тогда человѣкъ (г. Ротчевъ), о которомъ мои знакомые въ Гонолулу часто отзывались съ похвалою, выставляя его образованіе и его любезный и благосклонный характеръ..." Утромъ 12 августа (1839 г.), продолжаетъ г. Лаплассъ, мы подошли къ форту Россъ. Продержавшись вдоль берега въ продолженіе двухъ часовъ, я уже рѣшился поворотить, чтобъ дождаться полуденной обсерваціи, какъ вдругъ нѣчто похожее на укрѣпленіе обратило на себя мое вниманіе. На нашъ пушечный выстрѣлъ мы

---

[1]) Гр. Ѳед. Петр. Литке, впосл. презид. Имп. Ак. Н., 1797—1882 гг. Описаніе путеш. въ Аляску вышло въ 1835 г. въ 3 частяхъ: „Путешествіе вокругъ свѣта на военномъ шлюпѣ „Сенявинъ" въ 1826—1829 гг."

[2]) Кириллъ-Пьеръ-Теодоръ Лаплассъ, извѣстн. франц. путеш. 1793—1875 гг. Его опис. путеш. изд. въ Парижѣ въ 1854 г. въ 6 частяхъ: „Campagne de circumnavigation de la frégate l'Arthemise pendant les années 1837—1840".

вскорѣ получили отвѣтъ и едва успѣли лечь въ дрейфъ, какъ явились къ намъ двѣ лодки съ русскимъ конторщикомъ и двумя алеутами, которые по моей просьбѣ тотчасъ взялись вести фрегатъ въ Бодего.

„На крутомъ выступѣ, выдававшемся въ море въ видѣ полуострова, лежало русское селеніе. За стѣною форта виднѣлись крыши зданій и церковь съ греческимъ крестомъ; мельница съ выбѣленными стѣнами и огромными крыльями, вертѣвшимися съ быстротою; ниже у самаго берега справа и слѣва двѣ лощины, въ которыхъ лежали вытащенныя на песокъ нѣсколько гребныхъ судовъ — все это составляло передній фонъ прекрасной картины, тогда какъ на заднемъ находились холмы, отлогія покатости которыхъ были покрыты зеленью, а хребты — соснами. Но цѣлое лишено было жизни и носило въ себѣ отпечатокъ уединенія".

„Фрегатъ быстро пролетѣлъ 21 милю, раздѣлявшихъ Россъ отъ Бодего, гдѣ бросили якорь возлѣ судна Россійско-Американской компаніи, пришедшаго незадолго передъ нами за грузомъ".

Съѣхавъ на берегъ, французскій путешественникъ познакомился съ Ротчевымъ. Онъ нашелъ въ немъ „человѣка еще молодаго, пріятной наружности, свѣтскаго, повидимому, съ обширными познаніями и говорящаго превосходно по-французски. На слѣдующій день было рѣшено верхами отправиться въ Россъ, посвятивъ этотъ день осмотру мѣстности у зал. Бодего. Описаніе зданій у Бодего, принадлежавшихъ компаніи, крайне любопытно:

„Мы взошли сперва въ большой деревянный сарай, въ которомъ жили служители компаніи, какъ русскіе, такъ и креолы, среди болѣе чѣмъ сомнительной, по правдѣ сказать, чистоты. Алеутки, съ которыми живутъ эти служители, своею отвратительною безобразностью и нечистотою, давали жалкое понятіе о вкусѣ и привычкахъ хозяевъ сарая. Часть этого сарая, нѣсколько лучше устроенная, служила помѣщеніемъ самому начальнику, на случай, когда, оставляя Россъ, онъ пріѣжаетъ или наблюдать за погрузкою продуктовъ колоніи на суда, отвозящія ихъ въ Новоархангельскъ, или слѣдить за снабженіемъ экипажей этихъ же судовъ свѣжею провизіею. Далѣе Ротчевъ показалъ гостямъ „обширные магазины съ грузомъ, приготовленнымъ для судна, стоявшаго на рейдѣ".

„Грузъ этотъ состоялъ изъ множества боченковъ съ солониною, приготовленною на самомъ мѣстѣ въ особенномъ сараѣ, выстроенномъ исключительно для этого предмета, и въ которомъ лежало нѣсколько большихъ грудъ бѣлой соли, доставленной изъ Санъ-Блаза; другіе были наполнены коровьимъ масломъ, яйцами, сыромъ, или капустою, морковью, рѣпою, дынями, тщательно укупоренные и приго-

товленные къ перевозкѣ на мѣсто назначенія. Подлѣ боченковъ лежали мѣшки съ мукою, далѣе тюки дубленыхъ бычачьихъ или замшевыхъ кожъ, назначенныхъ на обувь промышленниковъ. По мѣрѣ того, какъ эти различные товары исчезали изъ магазина и направлялись къ берегу, гдѣ ихъ ожидали гребныя суда, эти послѣднія выгружали огромное количество копченыхъ и соленыхъ лососей, посланныхъ для снабженія Бодего и Росса главнымъ правителемъ изъ Новоархангельска, гдѣ жители, какъ русскіе, такъ и туземные, живутъ преимущественно рыбою".

На другой день, съ восходомъ солнца, начальникъ колоніи, капитанъ Лаплассъ и старшій врачъ фрегата верхомъ на коняхъ вдоль морскаго берега направились къ Россу.

Спустя нѣсколько часовъ путники достигли устья р. Славянки „незначительной рѣчки, превращающейся въ зимніе мѣсяцы въ бурный потокъ, увлекающій въ своихъ глубокихъ и быстрыхъ водахъ обломки каменьевъ и деревья съ горъ, гдѣ она беретъ начало, и равнинъ, гдѣ она протекаетъ". Мѣстность у устья Славянки, хотя и опаленная лѣтнимъ жаромъ, представляла однакожъ менѣе печальный видъ, чѣмъ окрестности Бодего. „Обращаясь въ противоположную сторону „отъ печальнаго и каменистаго морскаго берега", можно было видѣть „небольшія пространства, покрытыя зеленью, пространства, все чаще и чаще принимавшія видъ плодородныхъ оазисовъ, по которымъ можно было судить, что далѣе внутрь земли, вверхъ по Славянкѣ должны быть чудные лѣса и равнины, покрытыя роскошною растительностью". Ротчевъ, во время пути, разсказалъ своимъ спутникамъ слѣдующее:

„Вы не должны судить о нашей колоніи по печальному образчику, видѣнному вами этимъ утромъ. Ваше строгое сужденіе было бы основательно, если бъ вы прошлись по берегу океана, начиная съ нѣсколькихъ миль отъ Росса къ сѣверу, гдѣ лежитъ довольно широкая безплодная полоса земли, простирающаяся довольно далеко къ устью рѣки Колумбіи. Но здѣсь, въ небольшомъ отъ насъ разстояніи, находится превосходная почва, которая считается лучшею въ Калифорніи. Рѣчка, протекающая передъ нами, орошаетъ чудныя мѣстности, и ея воды утоляютъ жажду огромныхъ табуновъ оленей (cerfs), быковъ и даже дикихъ лошадей, за которыми наши промышленники въ обществѣ туземцевъ часто охотятся и берутъ ихъ живьемъ, или убиваютъ для кожи. Самыя тѣ мѣста, которыя вы по справедливости находите печальными, безплодными, не всегда таковы, ибо, когда послѣ лѣтнихъ палящихъ жаровъ, высушивающихъ здѣшнюю страну, подобно тому, какъ это бываетъ въ южныхъ провинціяхъ Франціи, являются осенніе дожди, тогда земля покрывается, какъ бы волшеб-

ною силою, превосходною растительностью. Растительность эта, благодаря хорошимъ днямъ, продолжающимся даже до конца года, пропадаетъ лишь въ январѣ отъ утренниковъ, но снова появляется въ мартѣ, такъ что въ Калифорніи и южномъ Орегонѣ эпоха, раздѣляющая два противоположныя времени года, считается всѣми жителями по справедливости самою лучшею и пріятнѣйшей въ продолженіе всего года. Тогда сѣверо-западный вѣтеръ, этотъ бичъ нашего побережья, замѣняется горными вѣтрами, при которыхъ растенія всюду быстро оживляются отъ благодѣтельныхъ дождей. Даже среди самой зимы температура обыкновенно бываетъ болѣе сырая, чѣмъ холодная, и ежели сильные вѣтры производятъ переворотъ въ атмосферѣ, то штили и маловѣтрія, иногда довольно продолжительныя, возвращаютъ воздуху прежнее его спокойствіе. Скоро достигнемъ мы равнинъ, окружающихъ Россъ; онѣ лучше обработаны, чѣмъ равнины около Бодего, гдѣ ощутителенъ недостатокъ воды. По этой причинѣ Бодего, не взирая на выгоду прибрежнаго расположенія, уступилъ первенство Россу".

Послѣ 9-ти-часоваго путешествія кап. Лаплассъ и его спутники прибыли въ Россъ.

Весь третій день пребыванія въ русскихъ владѣніяхъ любознательный путешественникъ посвятилъ личному осмотру крѣпостцы и ея окрестностей.

„Селеніе, сгруппированное на вершинѣ крутой возвышенности и казавшееся мнѣ съ моря значительнымъ, вблизи совершено потеряло свой грозный видъ. Стѣны состояли изъ частокола, вышиною не болѣе 4 метровъ; церковь, дома и магазины были небольшіе, деревянные и, слѣдовательно, непрочные, но спѣшу прибавить, что всѣ зданія были хорошо расположены и содержались превосходно. Цѣлое имѣло даже военный видъ, чему тоже способствовали полевыя орудія, поставленныя на небольшой эспланадѣ, окружающей вышеупомянутыя строенія. Сверхъ того у двухъ воротъ форта находились пушки бо́льшаго калибра, обстрѣливавшія мастерскія, магазины, мельницу и даже главнѣйшую ферму, между тѣмъ какъ фортъ былъ неприступенъ съ трехъ другихъ сторонъ по вышинѣ и крутизнѣ морскаго берега".

Осмотрѣвъ ферму Росса, кап. Лаплассъ нашелъ ее вполнѣ европейской по устройству.

Свое описаніе Росса г. Лаплассъ заканчиваетъ замѣчаніемъ, что „въ Россѣ каждый промышленникъ—воинъ, и всѣ занимаются тамъ сельскими работами съ тою же дисциплиною, съ какой они несутъ военную службу; людей, независящихъ отъ компаніи, она не терпитъ въ своихъ владѣніяхъ".

Спустя нѣсколько лѣтъ своего пребыванія въ Калифорніи г. Лаплассъ узналъ, что фортъ Россъ былъ упраздненъ русскими.

Соображенія Лапласса о значеніи этого событія и замѣчанія его о причинахъ его заслуживаютъ полнаго вниманія:

„Поистинѣ происшествія обнаружили въ дѣйствіяхъ компаніи и близорукость въ отношеніи интересовъ, какъ Россіи, такъ и ея собственныхъ, и отсутствіе дѣятельности въ ея предпріятіяхъ. Отсутствіе это тѣмъ непонятнѣе, что въ то время съ одной стороны ей были возобновлены высокимъ покровительствомъ монарха ея старыя привилегіи и дарованы новыя, между прочимъ монополія морской торговли съ Китаемъ, а съ другой ей были даны офицеры императорскаго флота съ порученіемъ изслѣдовать сѣверо-восточные берега Татаріи (?)[1]) и основать тамъ селенія. Подобныя политическія соображенія и быстрота ихъ выполненія доставили бы Россіи военныя и коммерческія точки, которыя въ настоящее время очень важны".

Далѣе приводится разсказъ о столкновеніи Россійско-Американской компаніи съ Гудзонбайской:

„Не въ дальнемъ разстояніи къ югу отъ острова Ситхи впадаетъ въ море рѣка Стахонъ, которая беретъ свое начало далеко внутри материка, имѣя вдоль своего теченія дикарей, занимающихся довольно значительнымъ промысломъ пушныхъ звѣрей. Давно уже Россійско-Американская компанія, для обезпеченія монополіи торговли, содержала тамъ вооруженное судно, съ тѣмъ, чтобы оно не допускало иностранцевъ раздѣлять ея барыши. Въ 1834 г. передъ входомъ въ Стахонъ является судно Гудсонбайской торговой компаніи. Шкиперъ проситъ позволенія подняться вверхъ по рѣкѣ, подъ предлогомъ основать колонію въ ея верховьяхъ; онъ не могъ сомнѣваться ни въ безуспѣшности подобнаго предпріятія среди многочисленнаго и дикаго народонаселенія, ни въ непреодолимыхъ затрудненіяхъ плаванія большаго судна по мелководіямъ этой рѣки. На дѣлѣ же, какъ оно впослѣдствіи и оказалось, все порученіе, данное этому шкиперу, состояло единственно въ томъ, чтобы произвести столкновеніе, которое заставило бы русскихъ или согласиться, въ ущербъ своихъ интересовъ, на требуемое и признать этою уступкою ничтожность своихъ правъ, или же запрещеніемъ входа въ рѣку объявить себя исключительными владѣтелями этихъ мѣстъ. Шкиперъ получилъ отказъ, и начальникъ станціи угрожалъ стрѣлять по его судну, если онъ попытается выполнить свое намѣреніе. Онъ снялся съ якоря безъ большихъ возраженій и поспѣшилъ отдать отчетъ о данномъ ему порученіи въ Куткѣ, гдѣ его ожидали, вѣроятно, съ нетерпѣніемъ, ибо черезъ годъ послѣ

---

[1]) Вѣроятно, Лаплассъ подъ этимъ терминомъ разумѣетъ остр. Сахалинъ.

этого главное правленіе въ С.-Петербургѣ получило отъ Гудсонбайской компаніи приглашеніе заплатить ей 15.000.000 франк. [1]) за убытки, понесенные судномъ отъ недопущенія его въ р. Стахонъ. Русское правительство признало это требованіе справедливымъ и приказало немедленно выплатить эту сумму. Ясно, прибавляетъ г. Лаплассъ, что при этомъ рѣшеніи были приняты въ разсчетъ политическія соображенія болѣе чѣмъ право [2]). Дѣйствуя такъ, правительство имѣло въ виду избѣжать политическихъ осложненій.

Эти-то самыя причины обязывали компанію заплатить требуемую сумму, ничтожную, впрочемъ, въ сравненіи съ ея огромными капиталами и ежегодными доходами. Компанія могла бы замять дѣло небольшимъ пожертвованіемъ и обезпечить себя въ будущемъ. „Но ея директоры, не сумѣвшіе принести жертву во время и не понимавшіе эпохи и ея требованій, вообразили, вѣроятно, подъ вліяніемъ ограниченнаго воззрѣнія на бережливость, что заключаютъ весьма выгодную сдѣлку, предложивъ противной сторонѣ уступки, на которыя англичане не замедлили согласиться. Такимъ образомъ селеніе у устья р. Стахонъ [3]) и свободное плаваніе по этой рѣкѣ были уступлены на 10 лѣтъ съ условіемъ ежегоднаго взноса 2.000 бобровъ. Далѣе Россійско-Американская компанія обязалась получать только отъ одной Гудсонбайской компаніи, въ продолженіе тѣхъ же десяти лѣтъ, всѣ тѣ мануфактурные и другіе предметы, въ которыхъ русскія колоніи нуждались и которые получались до сихъ поръ или изъ Россіи или изъ Бодега (муку, овощи, солонину и пр.). Наконецъ, и самый заливъ Бодега съ его поселеніями былъ оставленъ компаніи къ вящшему удовольствію англійской компаніи. Новый владѣлецъ Росса, гражданинъ Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ Суттеръ (переселенецъ изъ Швейцаріи, служившій въ гвардіи Карла X), уничтожилъ земледѣльческія заведенія и устроилъ вмѣсто нихъ большое число паровыхъ лѣсопиленъ.

„Итакъ, заключаетъ безпристрастный иностранецъ, съ цѣлью экономіи, впрочемъ предосудительной, Россійско-Американская компанія пожертвовала двумя пунктами, незначительными въ отношеніи числа жителей и зданій, но важными по своему положенію: Стахонскимъ постомъ, господствовавшимъ надъ рѣкою, посредствомъ которой имѣлось единственное сообщеніе съ материкомъ, и бухтою Бодега; послѣдняя, находясь на границахъ Орегона и Калифорніи, служила

---

[1]) По русскимъ источникамъ—21.500 фун. стерл. (около 135.000 руб. сереб.)

[2]) Причиною этого рѣшенія могли быть крайне неудачная редакція и неясность постановленій Конвенціи 16—28 февраля 1825 г. между Россіей и Англіей о торговлѣ и мореплаваніи на Тихомъ океанѣ.

[3]) Фортъ Діонисьевскій.

Россіи передовымъ постомъ въ странѣ, гдѣ теперь (начало 50-хъ гг.) совершаются чудныя дѣла"...

Констатируя затѣмъ, несмотря на всѣ благопріятныя условія, поразительный застой въ колоніальныхъ и торговыхъ дѣлахъ Россійско-Американской компаніи, Лапласъ находитъ причину всего этого „единственно въ сонливости директоровъ въ Петербургѣ".

„Это, замѣчаетъ онъ, обыкновенное послѣдствіе большихъ барышей, получаемыхъ безъ труда и риска посредствомъ монополіи и подъ защитою власти".

Свѣдѣнія о Россѣ есть также въ запискахъ другаго французскаго путешественника—атташе французскаго посольства въ Мексикѣ Дюфло де Мофра (1840—1842), [1]) который подтверждаетъ, что ни Мексиканское правительство, ни правительство Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ не оспаривали русскихъ правъ на ихъ заселенія въ сѣверной Калифорніи.

VI.

Ранѣе уже упоминалось о торговыхъ сношеніяхъ Россійско-Американской компаніи съ Сандвичевыми островами. Теперь остановимся подробнѣе на указанныхъ отношеніяхъ, едва не повлекшихъ за собою утвержденіе русскаго владычества на этихъ островахъ.

Первыя подробныя, лично собранныя свѣдѣнія о Сандвичевыхъ островахъ доставилъ въ Новоархангельскъ Гагемейстеръ, посѣтившій ихъ въ 1809 г. на кораблѣ „Нева". Гагемейстеръ былъ пораженъ природными богатствами этихъ острововъ и писалъ, что „любой изъ нихъ могъ бы доставлять все необходимое для русскихъ колоній и портовъ на Восточномъ океанѣ: сахарный тростникъ для выдѣлки рому и сахару, сорочинское пшено, туземное хлѣбное растеніе—таро, ничѣмъ не уступающее обыкновенной мукѣ". Королемъ Сандвичевыхъ острововъ, объединившимъ почти всѣхъ ихъ, былъ въ то время Томеомеа I (по болѣе распространенной у канаковъ транскрипціи Katehateha) [2]). Прибытіе русскаго судна сперва испугало короля, котораго американцы увѣряли въ намѣреніи русскихъ основать факторію въ его владѣніяхъ, но затѣмъ онъ отнесся очень довѣрчиво и любезно

---

[1]) „Exploration du territoire de l'Oregon, de Californies et de la mer Vermelle, executée pendant les années 1840—1842 par M. Duflot de Mofras, attaché à la légation de France à Mexico. 1844.

[2]) Томеомеа I 1795—1819.

къ Гагемейстеру и продалъ ему большое количество соли и сандальнаго дерева, несмотря на то, что избѣгалъ заводить торговлю съ иностранцами.

Въ 1812 г. Сандвичевы острова вновь посѣтило пріобрѣтенное у американцевъ Барановымъ судно, на которомъ находился уполномоченный главнаго правителя Слободчиковъ. Кор. Томеомеа принялъ его очень благосклонно и послалъ Баранову въ знакъ своего особеннаго уваженія почетный шишакъ и плащъ изъ разноцвѣтныхъ птичьихъ перьевъ. Слободчикову удалось пріобрѣсти для русскихъ колоній запасы провизіи въ обмѣнъ на мѣха.

Въ 1814 г., имѣя въ виду поддержать дальнѣйшія дружественныя связи съ Сандвичевыми островами, Барановъ вновь снарядилъ туда экспедицію на компанейскомъ суднѣ „Берингъ" подъ начальствомъ шкипера Беннета, съ порученіемъ закупки съѣстныхъ припасовъ. Судно это у остр. Кауаи (Kaouai)—называвшагося русскими Атуай—отъ бури разбилось и большая часть груза была выброшена на берегъ. Король остр. Кауаи Томари (по туземному иному произношенію Kaumualii) не былъ склоненъ возвращать русскимъ выброшенный моремъ грузъ, хотя и далъ русскому экипажу скудное количество съѣстныхъ продуктовъ, благодаря представленіямъ пріютившаго у себя русскихъ американскаго шкипера Шмидта.

Для выручки захваченнаго имущества Барановъ отправилъ въ 1815 г. на Сандвичевы острова въ качествѣ своего уполномоченнаго доктора Шеффера, который на американскомъ суднѣ „Изабелла" благополучно достигъ остр. Оаху—резиденціи кор. Томеомеа. Для удачнаго выполненія своей миссіи Шефферъ имѣлъ въ виду воспользоваться враждебными отношеніями Томеомеа и Томари, изъ которыхъ послѣдній былъ единственнымъ политическимъ соперникомъ короля Томеомеа [1]). Томеомеа принялъ Шеффера сперва очень благосклонно, но слухи, распускаемые изгнанными изъ Новоархангельска американцами, будто Шефферъ подосланъ русскими съ цѣлью развѣдать о томъ, какъ бы легче овладѣть островами, измѣнили расположеніе короля. Обстоятельство это заставило доктора Шеффера, съ согласія, впрочемъ, короля Томеомеа, удалиться на остр. Кауаи къ королю Томари. Удачное лѣченіе Томари отъ водяной болѣзни и любимой его супруги отъ лихорадки пріобрѣло доктору расположеніе и неограниченное довѣріе короля острова Кауаи. Томари не только согласился возвратить Баранову захваченный имъ русскій грузъ съ судна „Берингъ", но заключилъ съ Шефферомъ договоръ, въ кото-

---

[1]) Кор. Томари кромѣ острова Кауаи владѣлъ еще половиной остр. Оаху и еще двумя небольшими островами къ сѣверу отъ Оаху.

ромъ ставилъ себя въ полную зависимость отъ Россійско-Американской компаніи. Договоръ этотъ заключалъ въ себѣ слѣдующіе пункты: 1) корабль „Берингъ" и захваченный на немъ грузъ должны быть возвращены русскимъ за исключеніемъ нѣкоторыхъ, нужныхъ для короля вещей, за которыя онъ обязывался заплатить сандальнымъ деревомъ. 2) Король обязуется доставлять ежегодно въ русскія колоніи полный корабль сушенаго таро. 3) Все сандальное дерево на островахъ отдается въ распоряженіе д-ра Шеффера, и торговля этимъ предметомъ производится только съ компаніей. 4) Русскіе имѣють право учреждать факторіи во всѣхъ мѣстахъ владѣній Томари. Д-ръ Шефферъ съ своей стороны обѣщалъ доставить Томари для завладѣнія островами, находившимися во владѣніи Томеомеа, 500 человѣкъ и нѣсколько судовъ съ приличнымъ вооруженіемъ. За это король обязывался уплатить компаніи сандальнымъ деревомъ. Сверхъ того Шефферъ принималъ на себя командованіе войсками короля Томари, и компаніи должна быть уступлена во владѣніе половина острова Оаху, послѣ того какъ онъ весь будетъ отнятъ у короля Томеомеа. Наконецъ, по особому соглашенію, король Томари со всѣмъ подвластнымъ ему народомъ отдавался покровительству русскаго императора.

Еще до полученія извѣстій отъ Шеффера, Барановъ послалъ къ нему, для подкрѣпленія требованій, два судна „Открытіе" и „Ильмень", на которыхъ находилось до полусотни алеутовъ, предназначенныхъ для заселенія ими факторіи, если Шефферу удастся получить разрѣшеніе на ихъ постройку. Дальше этого планы Баранова не простирались. Получивъ донесеніе о договорѣ Шеффера съ Томари, Барановъ испугался послѣдствій и нареканій за самовольно предпринятую экспедицію. Онъ немедленно написалъ Шефферу, что безъ разрѣшенія главнаго правленія не можетъ одобрить заключенныя имъ условія, тѣмъ болѣе, что Сандвичевы острова, по слухамъ, состоятъ подъ покровительствомъ Англіи, убѣждая Шеффера возвратить въ Новоархангельскъ бригъ „Ильмень".

Между тѣмъ Шефферъ получилъ отъ короля Томари долину Ганалеи на сѣв. сторонѣ острова Кауаи и еще рядомъ два или три участка превосходной земли (у бухты Гонолулу) и построилъ небольшой редутъ, вооруженный пушками; на фортѣ развѣвался русскій флагъ; кромѣ того Шефферъ принялся вооружать фортъ въ Куаимеа (Quaimea),—резиденціи короля Томари. Чтобы еще болѣе склонить послѣдняго на свою сторону, Шефферъ купилъ американскую шкуну „Cydia" и подарилъ ее королю.

Къ сожалѣнію, предпріимчивость Шеффера не была поддержана и въ Петербургѣ, хотя можно смѣло сказать, что небольшая дипло-

матическая переписка могла оградить русскія притязанія отъ соперничества иностранцевъ, и не нужно было сколько-нибудь значительной вооруженной силы, чтобы помочь компаніи пріобрѣсти важнѣйшій опорный пунктъ въ Тихомъ океанѣ. По докладѣ Александру I просьбы короля Томари о покровительствѣ, государь призналъ неудобнымъ ея исполненіе, почему компаніи было поручено отклонить по возможности дружелюбнымъ образомъ желаніе короля, возвративъ ему постановленный на сей предметъ съ Шефферомъ актъ, и ограничиться поддержаніемъ съ островомъ мирныхъ и торговыхъ сношеній. Что же касается до земель, уступленныхъ королемъ Томари компаніч, то было разрѣшено ей пользоваться ими, если это признается выгоднымъ.

Впослѣдствіи возвращеніе королю акта о покровительствѣ было отмѣнено. Государь пожаловалъ королю Томари золотую медаль на лентѣ ордена Св. Анны съ надписью: „Владѣтелю Сандвичевыхъ острововъ Томари, въ знакъ дружбы его къ Россіянамъ", и сверхъ того кортикъ въ дорогой оправѣ и кармазинный плащъ съ золотыми кистями и позументомъ.

Король Томеомеа не оставался равнодушнымъ къ дѣйствіямъ д-ра Шеффера. Точно также не бездѣйствовали американскіе купцы, производившіе правильную торговлю съ Сандвичевыми островами, весьма опасавшіеся соперничества и захвата острововъ русскими. Въ 1816 г. имъ удалось пріобрѣсти у кор. Томари участки земли и построить на нихъ свои факторіи и затѣмъ, достигнувъ вліянія на короля, уничтожить факторіи Шеффера. Въ виду двухъ враговъ—американцевъ, успѣвшихъ овладѣть волею короля Томари, и короля Томеомеа, пославшаго противъ русскихъ нарядъ своихъ войскъ, европейски вооруженныхъ, подъ начальствомъ своего перваго министра Каланиману—Шефферъ и бывшіе съ нимъ русскіе, потерявъ все свое имущество, должны были спасаться бѣгствомъ на русскомъ суднѣ „Кадьякѣ". Шеффера туземцы чуть-чуть не утопили по совѣту американцевъ, онъ лишь чудомъ спасся отъ смерти. Удаленіе Шеффера съ Сандвичевыхъ острововъ происходило въ срединѣ 1817 г. Послѣ его отъѣзда на островахъ оставалась еще горсть русскихъ на остр. Оаху во главѣ съ промышленникомъ Таракановымъ, и ей удалось возвратиться въ Новоархангельскъ лишь въ слѣдующемъ (1818) году.

Необходимо отмѣтить то отсутствіе взаимной выручки и поддержки, ту несогласованность отдѣльныхъ дѣйствій различныхъ русскихъ дѣятелей въ данное время, которое наврядъ-ли возможно было у какой-либо другой національности. Этимъ явленіемъ розни и отсутствія координированныхъ дѣйствій вполнѣ объясняется неудача, постигшая такъ блестяще начатую попытку русскихъ утвердиться на Сандви-

чевыхъ островахъ. Какъ на фактъ, подтверждающій вполнѣ эту мысль, можно указать на посѣщеніе кап. Коцебу [1]) въ 1816 (въ самомъ концѣ года) этихъ острововъ. Когда корабль „Рюрикъ“ прибылъ въ Гонолулу, то Коцебу не только заявилъ королю Томеомеа о томъ, что образъ дѣйствій Шеффера не одобряется русскимъ правительствомъ, не только не принялъ никакихъ мѣръ для оказанія помощи Шефферу и другимъ соотечественникамъ хотя бы для поддержанія престижа русскаго имени, но даже подарилъ Томеомеа двѣ восьми фунтовыхъ мортиры съ большимъ числомъ снарядовъ, пороха и т. д. [2]), точно приглашая туземцевъ разрушить русскія поселенія и сбить русскій флагъ... Благодаря этому кап. Коцебу, правда, пріобрѣлъ почти даромъ у Томеомеа съѣстныхъ припасовъ для „Рюрика“ и былъ очень радушно принятъ самимъ королемъ, но не избѣжалъ столкновенія съ островитянами, которые подобно ему не умѣли отличать однихъ русскихъ отъ другихъ...

Въ 1818 г. Шефферъ вошелъ съ запискою къ министру внутренних дѣлъ (Б. П. Козодавлеву), въ которой объяснялъ весьма подробно всѣ выгоды отъ торговли съ Сандвичевыми островами и отъ занятія одного изъ нихъ для учрежденія русской факторіи и указывалъ на то число судовъ и людей, которое необходимо для успѣшнаго выполненія предпріятія. Министръ потребовалъ мнѣнія компаніи. Совѣтъ компаніи вмѣстѣ съ главнымъ правленіемъ признавалъ справедливыми доводы Шеффера о выгодахъ, которыя могутъ предстоять колоніямъ, Камчаткѣ и Охотску отъ снабженія ихъ произведеніями Сандвичевыхъ острововъ, въ особенности, если имѣть въ владѣніи одинъ изъ нихъ, но что для приведенія въ исполненіе предпріятія, въ той мѣрѣ, какъ это будетъ признано удобнымъ, компанія будетъ ожидать распоряженій правительства.

По докладѣ объ этомъ государю, имъ было повелѣно: объявить компаніи нижеслѣдующее: „повелѣвъ компаніи при самыхъ благопріятныхъ обстоятельствахъ, то есть при полномъ расположеніи Томари къ русскимъ и добровольной просьбѣ его о покровительствѣ Россіи, отклонить это предложеніе и ограничиться только дружественными и торговыми сношеніями съ Сандвичевыми островами. Его величество основывалъ свою волю на твердомъ убѣжденіи о неудобствахъ ближайшихъ отношеній къ означенному владѣльцу, оправдавшихся впослѣдствіи на самомъ дѣлѣ, слѣдовательно, тѣмъ болѣе находитъ въ настоящее время, что мысль о водвореніи русскихъ на одномъ изъ

[1]) Путеш. въ Южный океанъ и Беринговъ проливъ на кор. „Рюрикъ“ въ 1815—1817 гг. 3 части, Спб. 1821.

[2]) По гавайскимъ источникамъ самъ Коцебу объ этомъ въ путешествіи своемъ не разсказываетъ.

Сандвичевыхъ острововъ имѣетъ весьма мало основанія, но при томъ, одобряя намѣреніе компаніи возстановить дружественныя связи съ сандвическими владѣтелями и желая ей успѣха, его величество надѣется, что при благоразумныхъ распоряженіяхъ и осмотрительномъ выборѣ исполнителей порученій компаніи, она пріобрѣтаетъ тѣ же самыя выгоды, что и при водвореніи на островахъ—и что всѣмъ начальникамъ кругосвѣтныхъ казенныхъ судовъ будетъ предписано объявлять вездѣ въ тѣхъ отдаленныхъ мѣстахъ, что компанія пользуется покровительствомъ его величества. Что же касается до подарковъ, назначенныхъ отъ высочайшаго имени владѣльцу Сандвичевыхъ острововъ Томари, то компаніи предоставляется употребить ихъ по своему усмотрѣнію".

Такимъ образомъ мечты Баранова и предпріятіе д-ра Шеффера[1]) окончательно не удались. По замѣчанію Дюфло де Мофра, „вѣроятно опасности и издержки, сопряженныя съ утвержденіемъ на Сандвичевыхъ островахъ, были въ глазахъ русскаго правительства и Россійско-Американской компаніи преувеличены, и недостаточно выставлены выгоды, которыя проистекли бы впослѣдствіи отъ подобнаго занятія".

Дальнѣйшія сношенія русскихъ съ Сандвичевыми островами ограничивались лишь случайными торговыми экспедиціями, подобными тѣмъ, о которыхъ упоминалось выше, съ цѣлями пріобрѣтенія тамъ тѣхъ или иныхъ продовольственныхъ запасовъ и въ особенности соли, да стоянками въ гавайскихъ портахъ нашихъ военныхъ судовъ во время кругосвѣтныхъ плаваній для освѣженія запасовъ.

Благопріятный моментъ для пріобрѣтенія первоклассной морской станціи на Тихомъ океанѣ, столь важной при предстоявшемъ появленіи во флотѣ паровыхъ судовъ и способной играть громадную роль въ нынѣшнихъ міровыхъ событіяхъ на Дальнемъ Востокѣ,—былъ навсегда упущенъ.

Отказавшись отъ всякихъ политическихъ плановъ, довольствуясь

---

[1]) Д-ръ Шефферъ первоначально служилъ врачемъ при московской городской полиціи; въ 1812 г. принималъ участіе въ изготовленіи аэростата, пред назначавшагося для пораженія французскихъ войскъ. Въ 1813 г. отправился въ качествѣ врача въ кругосвѣтное плаваніе на кораблѣ Рос.-Ам. компаніи „Суворовъ" подъ начальствомъ лейт. М. П. Лазарева. При внезапномъ уходѣ послѣдняго изъ Новоархангельска, во избѣжаніе серьезныхъ послѣдствій отъ неблагоразумныхъ распоряженій Баранова, открывшаго съ береговыхъ батарей огонь по уходящему судну, Шефферъ, какъ „лицо, не терпимое на суднѣ", былъ высаженъ на берегъ (дѣло департ. Морск. Мин., арх. Морск. Мин. связка 163, 1816 г. № 49). Послѣ своего приключенія на Сандвичевыхъ островахъ, Шефферъ отправился въ Бразилію, гдѣ достигъ титула графа Франкентальскаго. Въ качествѣ уполномоченнаго бразильскаго императора онъ ѣздилъ потомъ въ Европу для набора солдатъ въ бразильскую гвардію.

безъ хлопотъ полученіемъ барышей, Россійско-Американская компанія не рѣшалась болѣе повторить попытки пріобрѣтенія вліянія на Сандвичевыхъ островахъ.

Въ заключеніе остановимся на эпизодѣ, относящемся къ попыткамъ вольной русской колонизаціи на островахъ Великаго океана [1]).

Въ 1809 г. нѣсколько изъ служащихъ компаніи въ Новоархангельскѣ, недовольные строгимъ режимомъ управленія колоніями Баранова, составили противъ него заговоръ. Главными руководителями заговора были промышленники Наплавковъ (изъ сосланныхъ въ Сибирь на поселеніе приказныхъ) и Поповъ (изъ крестьянъ). Наплавковъ ранѣе былъ въ Камчаткѣ и тамъ ознакомился по наслышкѣ съ подробностями возмущенія Беневскаго [2])—изъ ссыльно поляковъ,—конфедератовъ,—убившаго окружнаго начальника капитана Нилова, разграбившаго казенныя деньги и имущество и на суднѣ ушедшаго благополучно въ Кантонъ. Намѣреніемъ заговорщиковъ было убить Баранова, жившаго у него въ домѣ штурмана Васильева, американца Кларка, а также сыновей Баранова, захватить деньги, оружіе, крѣпость, съѣстные запасы, взять съ собой на судно женщинъ и подъ общимъ начальствомъ Попова, получившаго у нихъ званіе хорунжаго, при содѣйствіи штурмановъ Шехова, Ворошилова и Линкена на новомъ суднѣ „Открытіе“ уйти въ открытое море.

На захваченномъ кораблѣ было предположено слѣдовать къ остр. Пасхи, или къ Разбойничьимъ и Маріанскимъ, или же вообще къ какимъ-либо малонаселеннымъ островамъ въ горной части Тихаго океана, и поселиться тамъ, основавъ вольную русскую колонію. По пути предполагалось заѣхать на Сандвичевы острова, куда раньше ихъ не могла придти вѣсть о событіи, тамъ продать не безъ выгоды различные компанейскіе товары и пріобрѣсти себѣ запасовъ продовольствія на первое время. Планъ этотъ не удался, заговоръ въ самомъ началѣ былъ открытъ Барановымъ. Одинъ изъ заговорщиковъ, полякъ Лещинскій, боясь неуспѣха, выдалъ Баранову остальныхъ товарищей, и они всѣ были арестованы при составленіи письменнаго акта, который они готовились подписать. Шестеро главныхъ иниціаторовъ предпріятія были Барановымъ отправлены въ оковахъ въ Охотскъ для преданія суду. Дальнѣйшая участь ихъ неизвѣстна.

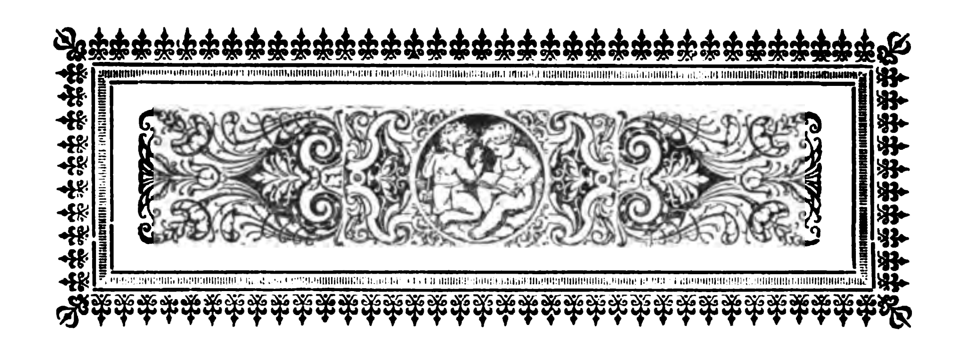
Такъ окончилась безъ успѣха, убитая въ самомъ зародышѣ, попытка образованія „казацкой“ вольной колоніи на одномъ изъ острововъ Тихаго океана.

Н. Вишняковъ.

---

[1]) Объ этомъ эпизодѣ разсказываетъ также С. Шашковъ въ своихъ „Историческихъ этюдахъ“ Спб. 1872, т. II.

[2]) Беневскій (или Беніовскій) 1741—1786. О его бѣгствѣ изъ Камчатки въ 1771 г. см. въ его запискахъ, изданныхъ въ Парижѣ въ 1791 г. (на франц. яз.), также см. ст. А. Сгибнева, „Рус. Ст.“ 1876 №№ 3 и 4.

Горнозаводская служба и общественная жизнь на Уралѣ въ крѣпостное время.

VIII [1]).

Нѣкоторою оригинальностью, проявлявшеюся въ особо-безцеремонномъ и грубоватомъ обращеніи съ служащими лицами и съ членами своей семьи, выдѣлялся, среди горныхъ начальниковъ прежняго времени, Карлъ Θедоровичъ Мейснеръ [2]).

Изъ многихъ, дошедшихъ до меня, разсказовъ объ этой личности, въ памяти моей удержались три слѣдующіе:

Въ день своихъ именинъ, онъ обыкновенно, кромѣ обѣда, на который приглашались исключительно мужчины и при томъ только инженеры, лѣсничіе, артиллеристы и высшіе горные чиновники, онъ устраивалъ также и балъ.

На послѣдній приглашались, кромѣ вышеуказанныхъ лицъ, съ ихъ семействами, и нѣсколько болѣе мелкихъ чиновниковъ.

Тщательно одѣтые въ мундиры и усердно напомаженные, аккуратно, къ назначенному часу, являлись они въ домъ начальника, робко и нерѣшительно входили въ залъ и, почтительно раскланявшись съ хозяиномъ, тотчасъ же, по его указанію, направлялись въ особо отведенныя для нихъ, въ нижнемъ этажѣ, комнаты.

Тамъ, для этихъ, второстепенныхъ гостей, уже были приготовлены ломберные столы и столики съ шашками; тамъ же, накрывались для нихъ и особые столы для закуски и ужина, одновременно

---

1) См. „Русскую Старину“ октябрь 1905 г.

2) Фамилія вымышлена.

съ таковыми же въ залѣ верхняго этажа, предназначавшимися для членовъ высшаго круга общества.

Угощеніе для маленькихъ чиновниковъ хотя и отличалось обиліемъ закусокъ, кушаній, настоекъ, наливокъ и дешевыхъ, мѣстнаго разлива, винъ, но, тѣмъ не менѣе, значительно уступало угощенію, которое предлагалось гостямъ верхняго этажа.

Вверху лилось рѣкою шампанское, а внизу—дешевенькое донское, сидящіе за ужиномъ вверху были только въ нѣсколько приподнятомъ и игривомъ настроеніи духа, внизу же кой-кто обрѣтался уже въ невмѣняемомъ состояніи. Только въ одномъ верхъ и низъ мало разнились другъ отъ друга: какъ тамъ, такъ и тутъ было одинаково шумно.

Въ числѣ другихъ приглашенныхъ, изъ мелкой, канцелярской братіи находился также одинъ субъектъ, недавно занявшій должность, дававшую ему право на приглашеніе, и въ первый еще разъ попавшій на балъ къ начальнику.

Незнакомый съ обычаями дома и непредувѣдомленный о нихъ сослуживцами, онъ большую часть вечера торчалъ въ верхнемъ этажѣ, съ большимъ удовольствіемъ и любопытствомъ наблюдая, какъ танцуютъ и веселятся многочисленные гости хозяина-именинника.

Такъ шло время до ужина. Вотъ, наконецъ, всѣ дамы и кавалеры двинулись изъ разныхъ пріемныхъ комнатъ и парами направлялись къ нѣсколькимъ, сервированнымъ для ужина, въ большой и просторной залѣ, столамъ. Въ числѣ ихъ, какъ-бы замыкая это шествіе, двигался туда же и маленькій чиновникъ. Онъ уже хотѣлъ занять свободное мѣстечко въ концѣ одного изъ столовъ, какъ былъ замѣченъ, случайно, Мейснеромъ.

Быстро пробравшись сквозь толпу гостей, Карлъ Өедоровичъ подошелъ къ злополучному чиновнику и, ухвативъ его за руку, громко и рѣзко спросилъ.

— Ты куда это залѣзъ, любезный?

Чиновникъ вздрогнулъ и, вытянувшись, руки по швамъ, недоумѣло глядѣлъ въ глаза начальнику.

— Удостоенъ... пригласили, ваше превосходительство, робко и едва слышно нашелся онъ пробормать въ отвѣтъ на вопросъ хозяина.

— Пригласили! А ты и обрадовался и лѣзешь куда не слѣдуетъ, тѣмъ же тономъ продолжалъ говорить Мейснеръ: Да развѣ здѣсь тебѣ мѣсто? Маршъ туда, внизъ! Тамъ для вашей братьи особый столъ приготовленъ, скомандовалъ онъ и, повернувъ гостя налѣво кругомъ, указалъ ему, жестомъ, дорогу.

Страшно переконфуженный и совершенно растерявшійся чиновникъ, спотыкаясь и задѣвая за стулья, чуть не бѣгомъ устремился изъ зала, по указанному хозяиномъ направленію.

Картина получалась поистинѣ весьма комичная.

Но гости, привыкшіе уже къ подобнымъ выходкамъ Карла Ѳедоровича, отнеслись къ ней довольно равнодушно, и только нѣкоторыя дамы не выдержали и довольно громко разсмѣялись.

Другой казусъ произошелъ за оффиціальнымъ, по какому-то торжественному случаю, даннымъ Мейснеромъ обѣдомъ. На немъ, по обыкновенію, присутствовали одни мужчины, а изъ дамъ находились только жена и сестра хозяина.

Во время застольной бесѣды, зашла, между прочимъ, рѣчь и о нашихъ военныхъ дѣйствіяхъ на Кавказѣ.

Жена Карла Ѳедоровича, женщина не особенно далекая, мало образованная и отчасти забитая нѣсколько деспотическимъ и суровымъ нравомъ супруга, обыкновенно во время такихъ обѣдовъ молчавшая, на этотъ разъ вздумала принять участіе въ разговорѣ и пренаивно спросила у мужа:

— А гдѣ этотъ Кавказъ, Карлъ Ѳедоровичъ?

— Въ Турціи! У, дура! Молчала бы лучше, коли Богъ умомъ обидѣлъ, грубо и рѣзко оборвалъ Мейснеръ свою дражайшую половину.

А вотъ и третья выходка этого господина.

Въ его домѣ, на Святкахъ, устраивался большой, костюмированный вечеръ, приглашенія на который были разосланы чуть не за цѣлый мѣсяцъ.

Всѣ дамы и барышни заблаговременно хлопотали и заботились о нарядахъ, выбирали и придумывали различные костюмы и, гдѣ бы ни встрѣтились, заводили неизмѣнно однѣ и тѣ же рѣчи, все объ этомъ излюбленномъ ими развлеченіи.

У Карла Ѳедоровича жила постоянно, со дня выпуска изъ пансіона, его младшая сестра, дѣвушка уже не первой молодости и собой не особенно красивая, но страстная любительница всевозможныхъ общественныхъ удовольствій. Предстоящій костюмированный вечеръ озабочивалъ ее едва-ли не болѣе, чѣмъ другихъ заводскихъ дѣвушекъ. Но она была прихотлива и разборчива, а потому долго не могла выбрать для себя такого костюма, который былъ бы и оригиналенъ, и шелъ ей къ лицу.

А между тѣмъ время шло, и до костюмированнаго вечера оставалось не болѣе недѣли. Однажды у Мейснера, совершенно случайно, собралось довольно большое общество. Играли въ карты и танцовали.

Сестра его, все еще не выбравшая себѣ костюма, была сильно этимъ озабочена и уже ко многимъ изъ знакомыхъ мужчинъ и дамъ обращалась съ просьбами указать ей какой-либо подходящій костюмъ. Ей охотно указывали, но всѣ эти указанія, повидимому, ее не удовлетворяли.

И вотъ, она, въ концѣ концовъ, рѣшается просить совѣта у брата, который, въ это время, занятъ былъ какимъ-то серьезнымъ разговоромъ съ мужчинами. Около нихъ образовался цѣлый кружокъ внимательныхъ слушателей.

— Посовѣтуйте, пожалуйста, братецъ,—кѣмъ бы мнѣ замаскироваться? подбѣгая къ Мейснеру, развязно спросила дѣвушка.

— Ахъ, отвяжись! Почемъ я знаю, сердито пробурчалъ онъ.

— Ну, нѣтъ, все-таки, придумайте что-нибудь, продолжала она, не обращая вниманія на недовольный тонъ, звучавшій въ его отвѣтѣ.

— Говорятъ, отстань. Не по моей части. Въ вашихъ, бабьихъ, дѣлахъ я ничего не смыслю.

— Неправда. Вы опытнѣе, вы должны знать. Нѣтъ, въ самомъ дѣлѣ скажите, какой костюмъ пойдетъ ко мнѣ больше, не переставала приставить къ брату дѣвушка.

— Ну, коли не можешь ничего выбрать, такъ задери подолъ на голову. Вотъ тебѣ и костюмъ подходящій будетъ, громко отрѣзалъ Карлъ Ѳедоровичъ и отвернулся отъ надоѣдливой сестрицы.

Крайне обиженной и сконфуженной такимъ неделикатнымъ отвѣтомъ барышнѣ не оставалось ничего болѣе, какъ поспѣшно, съ невольно выступившими на глазахъ слезами, удалиться отъ сердитаго братца и скрыться на время въ свою комнату.

Не удивительны сами по себѣ подобныя грубыя и оскорбительныя выходки, но удивительно, что человѣкъ, ихъ себѣ позволявшій, былъ далеко не глупый и не злой, а скорѣе добрый и общительный, но только немножко деспотъ и самодуръ.

Помощники горныхъ начальниковъ никакой особенной роли въ заводской администраціи не играли. Они, какъ упомянуто выше, участвовали въ коллегіальномъ рѣшеніи извѣстной части дѣлъ, въ присутствіи главной конторы, въ качествѣ перваго ея члена, и, сверхъ того, исполняли обязанности инспектора заводскихъ школъ и презуса военнаго суда.

Хотя, въ отсутствіе горныхъ начальниковъ, уѣзжавшихъ куда-либо изъ завода на болѣе или менѣе продолжительное время, помощники ихъ и исправляли временно обязанности главы округа; но и, въ этомъ случаѣ, они дѣйствовали не самостоятельно, а на основаніи заранѣе полученныхъ инструкцій, и, если встрѣчались серьезныя дѣла, не предусмотрѣнныя инструкціей, то рѣшеніе по нимъ всегда откладывали до возвращенія горнаго начальника.

Все это, вмѣстѣ взятое, служило, вѣроятно, причиной тому, что помощниками горныхъ начальниковъ назначались, большею частью, такіе инженеры, которые не обладали достаточными способностями для занятія самостоятельныхъ и отвѣтственныхъ, административныхъ

должностей, а между тѣмъ, по своему усердію и долголѣтней службѣ, заслуживали повышенія. Эти же должности давали право на полученіе, при отставкѣ, чина полковника, съ соотвѣтствующею ему пенсіей..

Большая часть помощниковъ горнаго начальника очень долго, лѣтъ по десяти и по пятнадцати, занимали свои должности и такъ свыкались съ ними, что, по выходѣ въ отставку, начинали скучать, опускаться, терять постепенно бодрость и силы и, сравнительно, скоро покапчивать всѣ свои разсчеты съ земною жизнью.

Привыкнувъ ежедневно, въ теченіе четырехъ-пяти часовъ, просиживать въ конторѣ, на мягкомъ и удобномъ креслѣ, перекидываясь, время отъ времени, парой—другой фразъ со вторымъ членомъ или секретаремъ; привыкнувъ, покуривая трубку, перебирать лежащую передъ ними кучку бумагъ и подписывать ихъ, не прочтя предварительно, а удостовѣрившись только, что онѣ подписаны уже секретаремъ и столоначальникомъ; привыкнувъ, въ извѣстные дни, посѣщать школы, вызывать и спрашивать кого-нибудь изъ учениковъ и сдѣлать, если окажется нужнымъ, замѣчаніе учителю, или тамъ же, во время годичныхъ испытаній, засѣдать во главѣ экзаменаціонной коммиссіи и ставить отмѣтки учащимся; привыкнувъ, наконецъ, въ качествѣ презуза военнаго суда, вершить, подготовленныя заранѣе аудиторомъ, уголовныя дѣла; привыкнувъ ко всему этому и вдругъ очутиться не у дѣлъ и не знать,—какъ убить, чѣмъ заполнить предстоящіе впереди цѣлые часы совершенно свободнаго времени.

Если бъ еще питали они страстишку къ картамъ, или къ чтенію, то все же могли бы, за этими занятіями, скоротать часокъ—другой своего досуга; но положеніе не привыкшихъ ни къ тому, ни къ другому роду занятій становилось дѣйствительно безотраднымъ и тяжелымъ и легко способствовало упадку ихъ духовныхъ и физическихъ силъ. Не мудрено, что такія личности, оставшись не у дѣлъ, вскорѣ же сходили въ преждевременную могилу.

Привычка большинства помощниковъ горнаго начальника подписывать дѣла, не читая, была извѣстна всѣмъ ихъ сослуживцамъ; но сами они никогда въ этомъ не сознавались, хотя, подъ-часъ, и бывали жестоко уличаемы.

Такъ, напримѣръ, одинъ изъ подобныхъ помощниковъ, Николай Петровичъ Бѣловъ [1]), жаловался однажды своимъ знакомымъ на массу, подлежащихъ его подписи, дѣловыхъ бумагъ, которыя предварительно требовалось прочесть и прочесть внимательно.

— Ну, этого-то вы, положимъ, не дѣлаете, замѣтилъ ему прія-

---

[1]) Фамилія вымышлена.

тель его, лѣсничій, а подмахиваете себѣ все, что вамъ ни подсунуть, не читая.

— Извините-съ, это неправда: какая бы пустая бумаженка ни была, я ужъ не подпишу ее, не прочитавши, возражалъ Бѣловъ на замѣчаніе пріятеля.

— А я вамъ фактически докажу противное, стоялъ на своемъ лѣсничій.

— Нѣтъ-съ, не докажете.

— Хотите пари?

— Извольте, на что угодно.

— На полдюжины шампанскаго?

— Идетъ.

И они ударили по рукамъ.

Дѣйствительно, въ первые, вслѣдъ за состоявшимся пари, дни Бѣловъ аккуратно прочитывалъ каждую бумагу; но вскорѣ это ему надоѣло, и онъ снова вернулся къ прежней привычкѣ—подписывать не читая.

Этого только и дожидался лѣсничій и, недѣли черезъ двѣ, зайдя пораньше въ контору, всунулъ въ пачку дѣловыхъ бумагъ, подлежавшихъ подписи Николая Петровича, заранѣе приготовленную бумагу; затѣмъ попросилъ секретаря, когда эта бумага будетъ подписана, передать ее къ нему, въ канцелярію.

Секретарь охотно исполнилъ просьбу лѣсничаго, который, заполучивъ нужную бумагу, въ тотъ же день отправился вечеркомъ къ Бѣлову.

— Ну-съ, Николай Петровичъ, посылайте за шампанскимъ. Вы проиграли пари, заявилъ онъ, здороваясь съ хозяиномъ.

— Какъ? Что? Я проигралъ... Не можетъ быть, протестовалъ Бѣловъ.

— А вотъ и доказательство. Не угодно ли? продолжалъ лѣсничій, передавая ему листъ бумаги.

А на листѣ было изложено, подписанное Николаемъ Петровичемъ, слѣдующее предписаніе управителю:

„Главная контора покорнѣйше проситъ ваше высоблагородіе возможно внимательнѣе относиться къ своимъ обязанностямъ и отнюдь не подписывать дѣловыхъ бумагъ, не прочитавши ихъ предварительно, какъ это обыкновенно дѣлаетъ помощникъ горнаго начальника".

Бѣловъ прочелъ и страшно сконфузился.

— Ну, развѣ бъ вы подписали такую бумагу, если бы знали ея содержаніе? спросилъ лѣсничій.

— Да, дѣйствительно... поддѣли, долженъ былъ, наконецъ, сознаться Николай Петровичъ, хотя, конечно, былъ очень недоволенъ выходкой пріятеля и долго, послѣ того, на него сердился.

IX.

Во главѣ управленія каждаго отдѣльнаго завода стоялъ управитель. Онъ считался болѣе или менѣе самостоятельнымъ хозяиномъ своего завода. На немъ, какъ и на горномъ начальникѣ, хотя и въ меньшей степени, лежали почти тѣ же самыя, разнообразныя обязанности.

Онъ вѣдалъ одновременно административную, техническую, хозяйственную, полицейскую и судную части.

Непосредственнымъ помощникомъ его, преимущественно по технической части, считался заводскій смотритель. Въ случаѣ отлучки изъ завода управителя, онъ временно вступалъ въ отправленіе его обязанностей.

Управителю были подчинены всѣ остальные чиновники, за исключеніемъ артиллерійскаго пріемщика.

Добросовѣстно исполнявшій свои обязанности управитель, подобно горному начальнику, имѣлъ не особенно много свободнаго времени, употребляя бóльшую часть его на служебныя занятія.

По свойству характера и въ отношеніи служебной дѣятельности, всѣхъ прежнихъ управителей можно подраздѣлить на нѣсколько категорій.

Къ первой изъ нихъ принадлежали инженеры, всецѣло преданные горно-заводскому дѣлу и внимательно слѣдившіе за всѣми улучшеніями и усовершенствованіями, какія только вносили въ него современные техники. Они, по мѣрѣ силъ и умѣнія, неустанно стремились къ одной цѣли—принести возможно большую пользу, считая это и прямымъ и священнымъ своимъ долгомъ.

Эти инженеры, еще въ стѣнахъ корпуса, учились не изъ подъ палки, не ради отмѣтокъ, а съ желаніемъ пріобрѣсти побольше необходимыхъ, научныхъ знаній и возможно всестороннѣе развить свои духовныя силы.

Конечно, такихъ личностей встрѣчалось, сравнительно, не много. Да много ли ихъ, строго говоря, найдется и въ настоящее время на разныхъ поприщахъ служебной дѣятельности? Какъ преобладала въ старину, такъ и нынѣ преобладаетъ всюду золотая посредственность.

Къ слѣдующей категоріи можно отнести хотя и знающихъ свое дѣло инженеровъ, но апатичныхъ, съ лѣнцой, которые, проживая въ отдѣльномъ заводѣ и пользуясь отсутствіемъ надъ собою высшаго начальства, стремились посибаритничать и провести время болѣе пріятно и разнообразно, чѣмъ высиживать, по цѣлымъ часамъ, въ неприглядной и казенной обстановкѣ заводскихъ конторъ, или таскаться по мрачнымъ мастерскимъ и фабрикамъ, подъ неумолчный

стукъ молотовъ и лязгъ желѣза. А этотъ фабричный воздухъ, наполненный миріадами угольныхъ пылинокъ, которыя набьются вамъ и въ глаза, и въ ротъ, и въ уши и за воротникъ платья!

Да и ради чего, собственно, усердствовать черезъ мѣру? Работы все не новыя, идутъ себѣ заведеннымъ порядкомъ, а надзиратели и мастера свое дѣло знаютъ и присмотрятъ за всѣмъ не хуже его, управителя.

Конечно, можно бы было сдѣлать кое-какія улучшенія въ техникѣ производства: уменьшить процентъ угара и брака, сократить нѣкоторые расходы, увеличить производительность, удешевить издѣлія. Да, разумѣется, все это возможно, стоитъ только побольше и посерьезнѣе заниматься, пораньше вставать, почаще заглядывать въ фабрики. Быть можетъ, и мелькнутъ порой подобныя мысли въ умѣ управителя, но вскорѣ же и исчезнутъ. Къ чему? Изъ-за чего? Задаетъ онъ себѣ вопросы и тотчасъ же разрѣшаетъ ихъ: чтобы получить какую-либо награду или повышеніе по службѣ; но для этого надо совершить что-либо значительное, видное, что не такъ-то легко, да еще и не всегда удастся. Очередныя же награды и повышенія и такъ придутъ въ свое время.

И дома и въ школѣ такіе субъекты выучивали свои уроки лишь изъ боязни наказанія, да чтобы, хоть съ грѣхомъ пополамъ, окончить курсъ и добиться того чина и званія, которые доставятъ имъ извѣстное мѣсто на служебномъ поприщѣ.

Представители третьей категоріи состояли изъ личностей развитыхъ, способныхъ и большихъ любителей разныхъ изящныхъ искусствъ, словомъ, изъ натуръ, такъ сказать, артистическихъ. Но, не обладая устойчивымъ характеромъ, они легко поддавались всевозможнымъ увлеченіямъ и большимъ и малымъ, людскимъ страстишкамъ и слабостямъ. Все у нихъ дѣлалось какими-то порывами. Отъ занятій техникой они переходили къ литературѣ, живописи, музыкѣ и ни въ чемъ не находили полнаго удовлетворенія. Прочтя, напримѣръ, въ спеціальномъ журналѣ о какомъ-нибудь новомъ усовершенствованіи въ заводскомъ производствѣ, примутся они горячо за примѣненіе прочитаннаго къ своему заводу и, если оно туго и не скоро осуществляется, теряютъ терпѣніе и бросаютъ начатое, не доведя его до конца. Иногда такимъ личностямъ и удавалось совершить что-либо хорошее и полезное, но, большею частію, затѣи и замыслы ихъ оставались безрезультатными.

Отъ скуки и недостатка интеллегентнаго общества и полнаго отсутствія какихъ-либо общественныхъ развлеченій, стремясь такъ или иначе поразнообразить свою обыденную жизнь, занимались они и охотою, и игрою въ карты, и кутежами, и любовными похожде-

ніями. Всему этому предавались они съ увлеченіемъ до тѣхъ поръ, пока не почувствуютъ охлажденія; а послѣднее у такихъ натуръ ждать себя долго не заставляло.

При этихъ условіяхъ, большинство инженеровъ несомнѣнно могло бы сильно опуститься и погрязнуть въ тинѣ захолустной, заводской жизни, если бъ не спасала ихъ женитьба. Она оказывала на нихъ большею частію самое благотворное вліяніе и невольно устанавливала болѣе регулярный образъ жизни, а хлопоты и заботы о семьѣ, заполняя часть свободнаго времени, отвлекали ихъ отъ пагубныхъ и вредныхъ наклонностей.

По этимъ уважительнымъ причинамъ, въ прежнее время, не только управители, но и смотрители маленькихъ заводовъ женились весьма рано. Изъ тѣхъ же немногихъ, которые почему-либо остались холостяками, значительный процентъ погибалъ нравственно.

Отъ скуки и одиночества они позволяли себѣ выпивать лишнее, обзаводились метрессами изъ мѣстныхъ Дульциней, которыя, забравъ слабохарактерныхъ субъектовъ въ грубыя и цѣпкія руки, постепенно и незамѣтно низводили ихъ до своего нравственнаго уровня.

Результатомъ подобнаго образа жизни являлись запой, совершенное разстройство здоровья и ранняя, преждевременная смерть.

Упомяну еще кстати объ управителяхъ-бѣлоручкахъ. Хотя они представляли рѣдкое исключеніе, но все же встрѣчались.

Это были люди не глупые, знавшіе свое дѣло и толково его исполнявшіе, но крайне чистоплотные, франтоватые и не выносившіе ничего грубаго и грязнаго.

Посѣщая заводскія фабрики, они проходили по нимъ спѣшно и осторожно, чтобы грязь, сало и угольный мусоръ не успѣли оставить какихъ-либо слѣдовъ на ихъ лицѣ, рукахъ и одеждѣ. Прежде, чѣмъ занять свое обычное мѣсто въ конторѣ, они внимательно осматриваютъ и кресло и столъ,—нѣтъ ли на нихъ пыли, и не рискуютъ ли они запачкать свое платье.

У такихъ управителей конторы содержались всегда въ безукоризненной чистотѣ. Сторожа хорошо знали требованія начальства и усердно слѣдили за ихъ исполненіемъ.

Бывало, прямо изъ заводскихъ фабрикъ заѣдетъ такой управитель къ кому-либо изъ знакомыхъ и явится передъ ними такимъ опрятнымъ и чистенькимъ, въ бѣлыхъ, безъ пятнышка, перчаткахъ, словно, только-что выѣхалъ изъ своей квартиры.

— Откуда это вы? спрашиваетъ хозяинъ.

— А-а прямо изъ завода, черезъ полчаса надо къ начальнику, и, вотъ, я завернулъ къ вамъ на перепутьи.

— Какъ? Такимъ чистенькимъ и прямо изъ завода? Какъ это вы ухитрились?

— А-а очень просто. Я аккуратно и скоро по этимъ фабрикамъ... Такъ, знаете, à vol d'oiseau.

Для пріема мастеровъ и рабочихъ, являвшихся къ нему на домъ съ разными просьбами, у него имѣлась передъ кабинетомъ особая пріемная комната. Прежде чѣмъ ввести въ нее перепачканныхъ въ сажѣ и прокопченныхъ дымомъ просителей, лакей тщательно ихъ осматривалъ и предварительно заставлялъ обтереть обувь и вообще нѣсколько пообчиститься. Затѣмъ, попрыскавъ въ комнатѣ оде-колономъ, докладывалъ уже о прибывшихъ управителю.

Когда же, по окончаніи пріема, мастеровые уходили, пріемная комната провѣтривалась, и всѣ слѣды пребыванія въ ней нечистоплотныхъ просителей тщательно уничтожались.

Всѣ, безъ исключенія, прежніе управители, а также и высшіе горные чиновники держали себя съ низшими должностными лицами нѣсколько свысокà, но не рѣзко и грубо, а скорѣе степенно и благодушно; въ служебныхъ разговорахъ обращались къ нимъ неизмѣнно на „ты", несмотря на то, что нѣкоторые изъ нихъ имѣли уже классные чины и носили званіе личнаго дворянина.

Впрочемъ, подобное обращеніе начальниковъ съ подчиненными было, въ старину, обычнымъ явленіемъ не только въ горномъ, но и во всѣхъ другихъ вѣдомствахъ, и нисколько не шокировало и не унижало служащихъ.

Вся суть заключалась не въ мѣстоименіи, а въ самомъ тонѣ, которымъ произносилось это мѣстоименіе. Иное „ты", сказанное ласково и привѣтливо, куда какъ пріятнѣе звучало въ ушахъ подчиненныхъ, чѣмъ болѣе вѣжливое „вы", произнесенное съ ироніей, сарказмомъ, или явнымъ презрѣніемъ.

Въ общемъ же всѣ прежніе управители болѣе или менѣе удовлетворительно исполняли свои обязанности и если не всегда вносили что-либо новое въ технику заводскихъ производствъ, то по крайней мѣрѣ поддерживали и не запускали уже существующихъ.

Какъ единственное исключеніе, выдѣлялся среди нихъ и оставилъ по себѣ не особенно лестную память Сергѣй Петровичъ Бергасовъ [1]). Этотъ горный инженеръ стоялъ далеко не на высотѣ своего положенія. Неглупый и способный, но питавшій неудержимую страсть къ картамъ, онъ посвящалъ имъ слишкомъ много времени, а потому, естественно, частенько неглижировалъ своими служебными обязанностями.

---

[1]) Фамилія вымышлена.

Эта несчастная страсть неблагопріятно отражалась не только на успѣшномъ ходѣ заводскаго дѣла, но и на нѣкоторыхъ подчиненныхъ служащихъ и знакомыхъ Бергасова инженерахъ и чиновникахъ, проживавшихъ въ ближайшихъ заводахъ. Особенно вредно вліяла она на молодежь, обладавшую неустойчивымъ характеромъ и слабою волею.

У Бергасова процвѣтали преимущественно азартныя игры.

На карточные вечера, или, вѣрнѣе, дни, ибо иногда цѣлая компанія игроковъ въ теченіе нѣсколькихъ сутокъ просиживала за ломберными столами, собирались не только свои, мѣстные партнеры, но довольно часто пріѣзжали таковые и изъ болѣе дальнихъ заводовъ смежнаго округа.

Этотъ, такъ сказать, безпросыпный картежъ представлялъ собою слѣдующую картину:

Просторная комната, съ десяткомъ игроковъ и зрителей, сидящихъ и стоящихъ за ломберными столами, полна клубами дыма отъ трубокъ, съ табакомъ Жукова, и рижскихъ или гаванскихъ сигаръ; весь полъ усыпанъ цѣлыми и изорванными картами, между которыми валялись пробки, окурки, спички, и все это было покрыто мѣстами пепломъ и пылью; на большомъ столѣ, у стѣны, стоитъ громадный подносъ съ тарелками разныхъ закусокъ, а рядомъ—другой, съ цѣлой батареей бутылокъ, окруженныхъ рюмками и стаканами.

Игра идетъ горячо, азартно. Груда ассигнацій, серебра и золота лежитъ передъ банкометомъ. Безпрестанно слышатся возгласы играющихъ: „Уголъ! дана! бита! на двѣнадцать кушей! транспортъ! по червонцу очко“ и т. п.

Чѣмъ дальше продолжается игра, тѣмъ замѣтнѣе измѣняетъ свой видъ лежащая передъ банкометомъ груда денегъ. Она то значительно уменьшается, то снова достигаетъ такой же величины и затѣмъ начинаетъ рости все болѣе и болѣе, вмѣщая въ себя, помимо денегъ, и разныя цѣнныя вещи. Одна за другой присоединяются къ ней и часы, и кольца, и перстни, и табакерки, и портъ-сигары, и даже такіе предметы, которые не могли помѣститься на ломберномъ столѣ и частію лежали въ углу комнаты, а частію—внѣ ея, въ каретникѣ и конюшнѣ, какъ, напримѣръ: пистолеты, ружья, экипажи, лошади, словомъ, все, чѣмъ только могли располагать, продувшіеся въ пухъ и прахъ, картежники.

И курьезную же картину представляло собою иногда возвращеніе домой такихъ игроковъ, за 60, 80, 100 и болѣе верстъ уѣхавшихъ изъ своихъ заводовъ—отвести душу за картами.

Одни ѣхали въ чужомъ тарантасѣ, безъ копѣйки въ карманѣ, безъ часовъ, перстней, портъ-сигара и вообще безъ всѣхъ тѣхъ ве-

щей, которыя были съ ними при выѣздѣ изъ дому и перешли въ другія руки.

Другіе же, наоборотъ, возвращались домой, подобно побѣдителямъ, сопровождаемые цѣлымъ обозомъ изъ многочисленныхъ трофеевъ, отнятыхъ у враговъ, во время жаркой и продолжительной схватки съ ними на зеленомъ полѣ.

Тутъ были дорожные и городскіе экипажи, упряжныя и верховыя лошади, сбруя, сѣдла, ружья и т. п.

Само собой, страсть Бергасова къ картамъ не мало вредила процвѣтанію завода, который, сравнительно съ другими, весьма тихо двигался по пути прогресса, а хозяинъ его частенько навлекалъ на себя справедливыя нареканія высшаго, горнаго начальства.

X.

Уральскіе заводы занимали громадную территорію и представляли собою какъ-бы отдѣльную область, совершенно изолированную, во всѣхъ служебныхъ отношеніяхъ, отъ окружающихъ ее городовъ и мѣстечекъ, подвѣдомственныхъ губернской администраціи.

Занесенные въ нее, силою обстоятельствъ, чиновники прочно утверждались въ ней, пуская глубоко свои корни и, плодясь и множась, послѣдовательно доставляли ей, этой области, свой кровный контингентъ кандидатовъ на многочисленныя и разнообразныя должности мѣстныхъ учрежденій. Удаленные отъ столицы на двѣ тысячи верстъ и лишенные удобныхъ путей сообщенія, заводскіе служащіе безвыѣздно, по десяткамъ лѣтъ, проживали въ своихъ горныхъ городкахъ и заводахъ, не переступая черты, или границы района Уральскихъ заводовъ. Очень немногіе разокъ-другой, въ теченіе всей своей жизни, заглядывали въ ближайшій губернскій или уѣздный городъ но прокатиться, на свой счетъ, въ Петербургъ представлялось чѣмъ-то невѣроятнымъ, немыслимымъ, не говоря уже о крайней затруднительности и неудобствѣ такой поѣздки, самые расходы, потребные на нее, были бы не по карману большинству чиновниковъ.

Командировки же служебныя, на казенный счетъ, давались чрезвычайно рѣдко и преимущественно высшимъ начальствующимъ лицамъ. Для остальныхъ же представлялись, въ этомъ отношеніи, весьма рѣдкіе случаи, а именно—сопровожденіе, такъ называвшихся, золотаго и дѣтскаго карavановъ.

Съ первымъ, подъ начальствомъ караваннаго смотрителя и его помощника, доставлялось изъ Екатеринбурга на петербургскій монет-

ный дворъ, добытое на уральскихъ золотыхъ промыслахъ и сплавленное въ лабораторіи, въ слитки, золото.

Со вторымъ, также подъ начальствомъ караваннаго и его помощника, доставлялись съ Уральскихъ заводовъ дѣти горныхъ инженеровъ и чиновниковъ въ столичные корпуса и училища.

Первый караванъ отправлялся съ Урала два раза въ годъ, зимою и лѣтомъ, а второй—однажды въ году, въ іюлѣ мѣсяцѣ.

Слѣдовательно, въ теченіе года могло съѣздить, на казенный счетъ въ Петербургъ только шесть чиновниковъ, что̀ изъ общаго ихъ числа составляло процентъ весьма ничтожный.

Хотя ежегодно контингентъ заводскихъ служащихъ нѣсколько и обновлялся прибывавшей изъ Петербурга молодежью,—горными инженерами, техниками и чиновниками,—но молодежь эта, проведшая 8—10 лѣтъ въ стѣнахъ столичныхъ корпусовъ и училищъ, гдѣ жила большею частію замкнуто и изолированно, не много новаго и интереснаго могла привезти съ собою заводскому обществу.

Всѣ эти условія дѣлали заводскую жизнь горныхъ чиновниковъ также болѣе или менѣе замкнутою въ извѣстныхъ предѣлахъ, съ тою только разницею, что предѣлы эти были несравненно обширнѣе, чѣмъ у воспитанниковъ корпусовъ и училищъ.

Большинство изъ членовъ высшаго заводскаго общества воспитывалось въ корпусахъ и другихъ закрытыхъ учебныхъ заведеніяхъ, а остальная часть ихъ представляла собою лицъ, съ домашнимъ или среднимъ образованіемъ, полученнымъ въ разныхъ второстепенныхъ училищахъ и гимназіяхъ.

Прежнія спеціальныя учебныя заведенія были устроены по образцу военныхъ корпусовъ, и въ нихъ господствовала одна и та же строгая, военная дисциплина.

Всѣ учащіеся проводили, почти безвыходно, по нѣсколько лѣтъ въ этихъ заведеніяхъ, среди товарищей, подъ постояннымъ и неослабнымъ контролемъ начальства. Только счастливчики, имѣвшіе въ городѣ родныхъ, пользовались правомъ уходить къ нимъ по праздникамъ.

Помимо знаній, соотвѣтствующихъ извѣстной спеціальности, большая часть воспитанниковъ очень мало пріобрѣтала другихъ, такъ сказать, общежитейскихъ свѣдѣній, способствовавшихъ къ болѣе полному и всестороннему умственному развитію.

Ученическія библіотеки были очень скудны; доставать книги для чтенія на сторонѣ могли очень немногіе, а если кому и удавалось раздобыться какимъ-нибудь романомъ, то и его приходилось читать украдкой, остерегаясь зоркихъ глазъ дежурнаго офицера или классанаго наставника, которые не преминутъ тотчасъ секвестровать книгу.

Да и, строго говоря, русская литература въ то время, въ тридцатыхъ и сороковыхъ годахъ еще только начинала пробивать дорогу и догонять ушедшую отъ нея впередъ иностранную. Журналовъ и вообще періодическихъ изданій выходило, сравнительно, немного, а въ учебныхъ заведеніяхъ обрѣтались они въ крайне ограниченномъ количествѣ.

Поэтому, для жаждавшихъ духовной пищи ощущался замѣтный недостатокъ въ необходимыхъ источникахъ.

Зато большинство воспитанниковъ учебныхъ заведеній прежняго типа пріобрѣтали и военную выправку, и нѣкоторый свѣтскій лоскъ, и умѣнье держать себя въ обществѣ. Уроки танцевъ, музыки, пѣнія и фехтованія, а равно и ученическіе спектакли, балы и концерты также не мало способствовали къ выработкѣ изъ нихъ пріятныхъ и полезныхъ членовъ общества. А постоянная, совмѣстная въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ, жизнь воспитанниковъ, строго порицавшихъ и преслѣдовавшихъ разныя неприглядныя свойства, какъ-то: подхалюзничаніе, ябедничество, фанфаронство и многія другія, оказывала на большинство изъ нихъ самое благотворное вліяніе. Благодаря этому, обладавшіе вышеприведенными свойствами воспитанники успѣвали со временемъ нравственно исправиться, а другіе тщательно скрывать ихъ и проявлять при случаѣ, по возможности, осторожно и незамѣтно.

Такимъ образомъ, можно сказать, что мужской персоналъ высшаго круга заводскаго общества состоялъ, въ общемъ, изъ лицъ, получившихъ болѣе или менѣе достаточное, по тогдашнему времени, образованіе, особенно по спеціальнымъ предметамъ.

Что же касается женскаго персонала, то онъ въ этомъ отношеніи значительно уступалъ мужскому.

Кончившихъ курсъ въ институтахъ или частныхъ губернскихъ пансіонахъ насчитывалось весьма немного. Большинство же получало болѣе или менѣе поверхностное домашнее образованіе, подъ руководствомъ гувернантокъ,—что случалось, сравнительно, гораздо рѣже,—или мѣстныхъ учителей и учительницъ, услуги которыхъ требовались чаще и которымъ, въ большинствѣ случаевъ, родители всецѣло поручали образованіе и воспитаніе своихъ дѣтокъ.

Подводя подъ общій уровень умственнаго и нравственнаго развитія всѣ элементы высшаго заводскаго общества, мы придемъ къ заключенію, что оно представляло собою болѣе или менѣе образованныхъ, недурно воспитанныхъ и обладавшихъ свѣтскими манерами и кое-какими салонными талантами личностей.

Что же касается до болѣе широкаго и всесторонняго умственнаго развитія, то имъ, въ строгомъ смыслѣ, ни одна изъ нихъ не обла-

дала. Да и откуда, какимъ образомъ могли бы онѣ пріобрѣсти подобное развитіе? Одна, двѣ газетки, неизмѣнный календарь и почти полное отсутствіе книгъ и журналовъ не давали возможности слѣдить за современнымъ состояніемъ не только иностранной, но и своей, отечественной жизни, со всѣми ея запросами и требованіями. У очень немногихъ, среди книгъ по ихъ спеціальности, можно было найти десятокъ—другой романовъ и повѣстей современныхъ авторовъ, Массальскаго, Кукольника, Зотова, Марлинскаго, Дюма, Сю, Поля Феваля и т. п. Имена же Канта, Шопенгауэра, Гегеля, Огюста Конта, а позднѣе—Лассаля, Джона-Стюарта Милля, Дарвина и другихъ мыслителей и ученыхъ были совершенно незнакомы заводскому обществу. О ихъ трудахъ и ученіи не имѣли тамъ ни малѣйшаго понятія.

О томъ, что творилось не только за границей настоящей, но и за границей горнозаводскаго района, до мѣстнаго заводскаго общества доходили урывками лишь самыя поверхностныя, самыя скудныя свѣдѣнія. Да и эти свѣдѣнія воспринимались имъ какъ бы случайно безъ всякаго особаго интереса, благодаря оброненному въ разговорѣ газетному сообщенію, или извѣстію, почерпнутому изъ письма, полученнаго изъ Петербурга или какого-нибудь другаго города Россійской Имперіи.

Поэтому наши отцы и дѣды жили большею частію личными и мѣстными интересами, жили просто, не мудрствуя лукаво, безъ особыхъ запросовъ и требованій; ретиво или умѣренно трудились на служебномъ поприщѣ и, такъ или иначе, смотря по достаткамъ, старались разнообразить свои досуги различными общественными развлеченіями.

Повседневный образъ жизни высшихъ горнозаводскихъ служащихъ былъ почти одинаковъ.

Всѣ члены семьи вставали довольно рано, часовъ въ 8—9 утра, и очень немногіе раньше или позже этого времени; обѣдали въ 3—4 часа по полудни, въ 7—8 часовъ вечера пили чай, въ 10—11 ужинали и до 12 часовъ ночи уже отправлялись на боковую.

Каждое воскресенье и въ большой церковный или царскій праздникъ, высшіе чиновники, послѣ молебна, прямо изъ собора, а не бывшіе въ послѣднемъ, изъ дому отправлялись къ горному начальнику.

Въ воскресенье и обыкновенные, праздничные дни, эти утренніе визиты дѣлались въ повседневной формѣ; въ царскіе же дни—въ полной парадной.

Они длились приблизительно часа полтора или два; время это визитеры проводили или въ игрѣ на билліардѣ, или въ разговорахъ, касавшихся разныхъ служебныхъ дѣлъ и общественныхъ новостей и событій.

Наговорившись, наигравшись и выпивъ, между прочимъ, по стакану кофе или чая, гости расходились по домамъ. Затѣмъ, въ четыре часа дня, тѣ же самыя лица, по приглашенію начальника, являлись къ обѣду, а въ восемь часовъ—провести запросто вечеръ.

Вечеромъ, обыкновенно, всѣ семейные служащіе пріѣзжали съ женами и взрослыми дочерями.

Обычай принимать у себя по воскреснымъ и праздничнымъ днямъ своихъ сослуживцевъ соблюдался всѣми горными начальниками, въ теченіе всего крѣпостнаго времени и почти совершенно вывелся съ уничтоженіемъ послѣдняго.

Дни именинъ хозяина и хозяйки и взрослыхъ дочерей ихъ всюду и въ каждой семьѣ праздновались болѣе или менѣе торжественно.

Кромѣ большихъ, именинныхъ вечеровъ, на которые съѣзжалось все мѣстное общество и сослуживцы изъ другихъ заводовъ округа, устраивались еще въ семейныхъ домахъ маленькія вечеринки. На послѣднія собирались запросто болѣе короткія и близкія между собою лица и проводили время подобно тому, какъ и на обычныхъ воскресныхъ и праздничныхъ вечерахъ горнаго начальника.

Не мало удовольствія и развлеченія доставляли заводскому обществу и любительскіе спектакли.

Любителей драматическаго искусства въ каждомъ горномъ городѣ находилось достаточно. Для устройства сцены всегда представлялась возможность временно занять какое-либо изъ обширныхъ казенныхъ зданій, недостатка въ которыхъ не было. Декораторы, режиссеры и гримеры почти всегда имѣлись подъ рукою. Это—бывшіе воспитанники корпусовъ, гдѣ, въ свое время, они имѣли не одинъ случай пріобрѣсти достаточно свѣдѣній по театральной части.

И, дѣйствительно, какъ устройство сцены, такъ и самая постановка спектаклей, въ нѣкоторыхъ городахъ, отличались всегда и художественнымъ вкусомъ и прекраснымъ ансамблемъ актеровъ-любителей. А нѣкоторые изъ нихъ исполняли свои роли прямо-таки артистически.

Не такъ давно вспоминали еще заводскіе старожилы о выдававшейся игрѣ горныхъ инженеровъ Г. А. Іосса, М. Н. Хирьякова и И. В. Любарскаго, изъ которыхъ первый, еще бывши въ корпусѣ, превосходно исполнялъ роли старухъ.

Однимъ изъ наиболѣе любимыхъ развлеченій, на святкахъ, было—костюмироваться.

У горнаго начальника, въ Новый годъ или наканунѣ его, устраивался обыкновенно грандіозный костюмированный вечеръ, отличавшійся разнообразіемъ и оригинальностью прекрасно исполненныхъ костюмовъ.

Не довольствуясь однимъ этимъ вечеромъ, молодежь, въ болѣе простыхъ костюмахъ, небольшими компаніями ѣздила по вечерамъ изъ дома въ домъ къ своимъ знакомымъ. При этомъ соблюдался такой порядокъ, чтобы, объѣхавъ нѣсколько, по пути лежащихъ, домовъ, остаться на остальную часть вечера въ заранѣе намѣченномъ. Обыкновенно избирался такой семейный домъ, гдѣ имѣлся просторный залъ, съ фортепіано или органомъ, чтобы можно было вволю и съ удовольствіемъ поплясать и повеселиться.

Святочныя гаданья также играли не послѣднюю роль въ забавахъ всѣхъ слоевъ женскаго общества.

Заводскія барышни и дѣвушки гадали разнообразными способами, но всѣ преслѣдовали при этомъ одну и ту же цѣль—узнать, что сулитъ имъ судьба въ будущемъ и скоро ли и какой именно суженый достанется на ихъ долю.

Такимъ образомъ, зимній сезонъ на Уральскихъ заводахъ проводился, въ общемъ, довольно пріятно и разнообразно.

XI.

Четырехъ-мѣсячный періодъ, съ 1-го мая по сентябрь, считался лѣтнимъ сезономъ и имѣлъ свои особыя развлеченія.

Въ теченіе полутора или двухъ лѣтнихъ мѣсяцевъ, когда рабочій людъ увольнялся на полевыя работы, и заводскія фабрики или вовсе прекращали или значительно сокращали свои дѣйствія, всѣ служащіе пользовались болѣе или менѣе свободнымъ временемъ и употребляли его на удовлетвореніе своихъ разнородныхъ склонностей.

Одни предавались охотѣ, другіе—рыбной ловлѣ, третьи устраивали катанья въ лодкахъ по заводскому пруду или поѣздки за городъ, пикникомъ, въ какое-либо живописное мѣстечко, недостатка въ которыхъ никогда не было.

Пользовались этимъ временемъ и коллекціонеры, старательно пополняя свои коллекціи новыми или лучшими экземплярами. Нѣкоторые инженеры и чиновники успѣвали составить, за время своей службы, весьма полныя и тщательно подобранныя коллекціи минераловъ, растеній и насѣкомыхъ. Изъ первыхъ встрѣчались иногда на столько цѣнныя, что желавшіе пріобрѣсти ихъ предлагали коллекціонерамъ очень купныя суммы, отъ трехъ, пяти и до десяти тысячъ рублей.

Пикники бывали двухъ родовъ: съ участіемъ дамъ и исключительно мужскіе.

На первыхъ собирали ягоды, грибы, играли въ разныя игры: въ

горѣлки, въ жмурки. На разостланныхъ на травѣ коврахъ пили чай, а потомъ, позднѣе, закусывали. Около ковровъ горѣли костры и отгоняли дымомъ комаровъ и мошекъ.

Совсѣмъ другую картину представляли собою пикники мужскіе.

Объ одномъ изъ нихъ пріятель и сослуживецъ моего отца, Зварковскій, разсказалъ мнѣ однажды слѣдующее:

— Большой компаніей, человѣкъ изъ двадцати, отправились мы въ просторныхъ лодкахъ, версты за три, вверхъ по заводскому пруду. Мѣстечко облюбовали прекрасное, ровное, нѣсколько возвышенное, окруженное деревьями и кустами и всего въ какихъ-нибудь сорока саженяхъ отъ берега. Всякихъ закусокъ и винъ захватили съ собой въ изобиліи. День выдался чудный, не особенно жаркій и безвѣтренный. Среди насъ добрая половина состояла изъ бывшихъ кадетъ. Намъ невольно припомнилась былая кадетская жизнь, и мы задумали поразвлечься незабытыми еще нами прежними юношескими забавами. Играли въ городки, лапту, чехарду, свайку; бѣгали, школьничали, пѣли, не забывая въ то же время и подкрѣплять свои силы. А въ источникахъ для этого недостатка не было, уже не говоря о всевозможныхъ закускахъ и яствахъ, въ видѣ паштетовъ, кулебякъ, дичи и только-что сваренной, изъ наловленной неводомъ рыбы, ухи.

Большихъ охотъ со сворами гончихъ, выжлятниками, доѣзжачими и цѣлымъ штатомъ загонщиковъ и другой охотничьей прислуги, какъ это водилось въ старину среди богатыхъ помѣщиковъ, въ заводахъ не было.

Охотились преимущественно за болотною и лѣсною дичью, или въ одиночку, или небольшими компаніями, какъ, напримѣръ, на тягѣ вальдшнеповъ. Въ послѣдней охотѣ принимали иногда участіе и дамы, но только въ качествѣ зрительницъ.

Устраивались временами и облавы на зайцевъ, дикихъ козъ, лисицъ, оленей, волковъ и другихъ, дикихъ животныхъ. Звѣрей этихъ выгоняли изъ лѣса на охотниковъ цѣлыя артели рабочихъ и подростковъ, вспугивая ихъ своимъ крикомъ и трещетками.

Встрѣчались среди служащихъ и охотники на крупнаго звѣря—медвѣдя.

Его или поднимали въ берлогѣ и убивали, по выходѣ изъ нея, изъ ружья, или же, принимали на рогатину и приканчивали ножомъ.

Послѣдній способъ преимущественно употреблялся мастеровыми—медвѣжатниками.

Били медвѣдей и съ лабаза, т. е. съ устроеннаго на древесныхъ вѣтвяхъ помоста, недалеко отъ котораго клалась на землю какая-либо падаль. Этотъ родъ охоты, какъ наиболѣе безопасный, практиковался, сравнительно, чаще.

Медвѣдей, въ прежнее время, особенно въ дачахъ Богословскаго и Гороблагодатскаго округовъ, водилось множество. Они бывали иногда на столько нахальны, что появлялись у самыхъ селеній и даже забирались въ ограды жилыхъ домовъ, гдѣ давили коровъ, овецъ и другую домашнюю скотину.

Не разъ заводскія женщины и дѣвушки, отправляясь въ лѣсъ за ягодами, особенно за малиной, встрѣчались съ косолапымъ Мишкой. Но почти не было случая, чтобы которая-нибудь изъ нихъ сдѣлалась его жертвою. Или звѣрь, завидя людей, уходилъ прочь, или люди спѣшили отъ него скрыться.

Между прочимъ, я слышалъ разсказъ о такомъ случаѣ:

Одна изъ женщинъ, уединясь отъ подругъ, забралась въ глухой уголокъ лѣса и, безпечно напѣвая пѣсенку, срывала спѣлую и сочную ягоду съ густыхъ и высокихъ кустовъ малинника. Вотъ, видитъ она надъ собою цѣлую вѣтку крупныхъ ягодъ, потянулась за нею и нагибаетъ ее къ себѣ; но вѣтка вырывается изъ рукъ и отклоняется въ противоположную сторону. Предположивъ, что это одна изъ ея подругъ, пробравшись за нею, вздумала ее поддразнивать, женщина снова хватается за вѣтку, но послѣдняя вторично вырывается.

— Ой, кто это тамъ балуетъ? проговорила она:—не трожь, это мои ягоды, я первая, ихъ запримѣтила.

Но отвѣта изъ-за кустовъ не послѣдовало.

Желая узнать притаившуюся соперницу, собирательница ягодъ осторожно раздвинула кусты, заглянула и, громко вскрикнувъ, безъ чувствъ свалилась на траву.

Тамъ, по ту сторону малинника, стоялъ на заднихъ лапахъ не кто иной, какъ самъ г. Топтыгинъ. Онъ, какъ извѣстно, большой лакомка и любитель плодовъ этого кустарника.

Удивленный и даже нѣсколько испуганный крикомъ, а затѣмъ наступившимъ молчаніемъ, Михаилъ Ивановичъ подошелъ къ женщинѣ, обнюхалъ ее и, забравъ въ свои лапы, отнесъ шаговъ за двадцать въ сторону. Затѣмъ положилъ на траву и, накидавъ на нее цѣлый ворохъ разнаго, сухаго хвороста, удалился въ лѣтную трущобу.

Черезъ нѣсколько времени женщина пришла въ себя, осмотрѣлась и, съ ужасомъ припомнивъ случившееся, начала неистово кричать и звать на помощь.

Къ этому крику присоединился другой, дѣтскій. Оказалось, что одна изъ собирательницъ ягодъ, дѣвочка-подростокъ была свидѣтельницей вышеописанной сцены: она собирала ягоды какъ разъ близъ того мѣста, на которое перетащилъ медвѣдь упавшую въ обморокъ женщину.

Находившіеся не особенно далеко остальныя товарки, услыхавъ

призывные крики, прибѣжали къ мѣсту происшествія и, освободивъ изъ-подъ груды хвороста перепуганную подругу, всѣ вмѣстѣ поспѣшили скорѣй выбраться на дорогу и избѣжать встрѣчи съ непріятнымъ конкуррентомъ по сбору ягодъ.

Одно изъ развлеченій заводскаго общества не признавало никакихъ сезоновъ и во всякое время года одинаково процвѣтало повсемѣстно. Это—карточная игра.

Играли во всевозможныя коммерческія и азартныя игры. Къ первымъ предпочтительно принадлежали бостонъ, а затѣмъ—ералашъ и пикетъ. Къ послѣднимъ—банкъ, цвикъ, трынка и, позднѣе, стуколка.

Помимо исключительно карточныхъ вечеровъ, на которыхъ составлялось два-три столика, играли и на балахъ, и на семейныхъ вечерахъ, въ особо отведенныхъ для того комнатахъ.

Въ коммерческія игры играли, сравнительно, по довольно скромному кушу, и онѣ оканчивались обыкновенно 10-ю, 20-ю рублями и весьма рѣдко болѣе.

Въ азартныя же выигрывались и проигрывались сотни, тысячи и даже десятки тысячъ рублей.

Такая особенно крупная игра велась, главнымъ образомъ, въ Екатеринбургѣ, среди золотопромышленниковъ и купечества, къ которымъ присоединялись довольно часто и кое-кто изъ горныхъ инженеровъ и чиновниковъ.

Когда случалось такой компаніи азартныхъ игроковъ сражаться на зеленомъ полѣ въ семейныхъ домахъ или даже у главнаго начальника, во время большихъ, именинныхъ вечеровъ или баловъ, то одинъ изъ постоянныхъ членовъ ея, купчикъ Зарѣзовъ, являлся туда, каждый разъ, съ изряднымъ запасомъ винъ и шампанскаго. Онъ прекрасно зналъ привычку своихъ партнеровъ—подкрѣплять, время отъ времени, свои силы живительною влагою.

Корзины и кульки такихъ запасовъ лежали въ экипажѣ Зарѣзова, подъ охраной, всѣмъ извѣстнаго кучера его, Митрофана.

Во время краткихъ антрактовъ карточной баталіи, всѣ ея участники, съ Зарѣзовымъ во главѣ, выходили въ ограду и вдохновлялись, для дальнѣйшихъ подвиговъ, разнообразнымъ содержимымъ нещадно опустошаемыхъ корзинъ и кульковъ.

Въ мундирахъ и фракахъ нѣкоторые даже безъ шляпъ, окруживши экипажъ, стояли картежники и подставляли свои стаканы Митрофану, который, отбивъ горлышко у бутылки, наполнялъ ихъ разными винами, сообразуясь съ извѣстнымъ ему вкусомъ каждаго. Въ темныя ночи сцена эта освѣщалась стоявшимъ на козлахъ фонаремъ и представляла собою довольно оригинальную жанровую картинку.

Исключительно карточные вечера устриавались большею частію въ квартирахъ холостяковъ и не всегда проходили спокойно и миролюбиво. Иногда, хотя и очень рѣдко, изъ-за какихъ-нибудь пустяковъ, а подъ-часъ и изъ-за болѣе или менѣе крупнаго и не совсѣмъ благовиднаго поступка, совершеннаго кѣмъ-либо изъ партнеровъ, возникали шумныя пререканія, горячіе споры и даже чувствительныя потасовки.

Подобные инциденты проявлялись, впрочемъ, только въ тѣхъ случаяхъ, когда, въ числѣ партнеровъ, попадались личности съ не совсѣмъ чистоплотными замашками, личности, не стѣснявшіяся, подъ шумокъ, и передернуть карту во время метки банка, и припрятать въ рукавъ лишняго туза, въ стуколкѣ или трынкѣ, словомъ, такъ или иначе сплутовать и незаконно поживиться на счетъ ближняго.

Слышалъ я, между прочимъ, объ одномъ весьма комичномъ эпизодѣ, дѣйствующими лицами котораго были горный чиновникъ и заводскій священникъ съ своею благовѣрною супругою, а зрителями— хозяинъ дома, командиръ полуроты и денщикъ его, солдатъ.

Это было раннимъ, лѣтнимъ утромъ.

Съ вечера и всю ночь у ротнаго командира человѣкъ пять-шесть партнеровъ дулись цѣлую ночь въ стуколку; трое изъ нихъ разошлись по домамъ почти на разсвѣтѣ, а двое—чиновникъ и священникъ, затѣяли еще сыграть вдвоемъ нѣсколько королей въ пикетъ.

Попику сильно не везло, и вотъ онъ вздумалъ сплутовать и подмѣнить карту, но сдѣлалъ это такъ неловко и неудачно, что былъ накрыть и уличенъ своимъ партнеромъ, такъ сказать, на мѣстѣ преступленія. Оба они, въ эту минуту, подкрѣпляя силы въ теченіе ночи живительною влагою, изъ стоявшихъ въ сторонкѣ бутылокъ и графинчиковъ, находились уже въ замѣтно возбужденномъ состояніи.

Не говоря лишнихъ словъ, горный чиновникъ, мужчина плотный и крѣпко сложенный, ухватилъ за рѣдкую, клинообразную бороденку малорослаго и тщедушнаго отца Ивана, вытащилъ его изъ-за стола и сталъ водить по комнатѣ, хладнокровно проговаривая:

— Батя, не плутуй! Батя, не плутуй!

Попикъ упирается, кричитъ, стонетъ, а хозяинъ и денщикъ, глядя на эту сцену, помираютъ со смѣху.

Между тѣмъ, не задолго до этого, отзвонили къ обѣднѣ, которую, какъ очередной священникъ, долженъ былъ служить отецъ Иванъ. И вотъ въ самый разгаръ только-что приведенной сцены въ комнату врывается его жена, шустрая и бойкая попадья. Увидѣвъ, въ какомъ унизительномъ и жалостномъ положеніи находится ея супругъ, она, съ визгомъ и крикомъ, кидается ему на помощь. Но чиновникъ, при появленіи попадьи, выпустилъ изъ рукъ еще бо-

лѣе порѣдѣвшую бороду отца Ивана, а попадья, ухвативъ его за рясу, потащила домой, осыпая на прощанье и хозяина и гостя самою изысканною и отборною бранью.

Картина получилась, по истинѣ, презабавная и грустная.

Но случай этотъ не пошелъ въ прокъ отцу Ивану. Онъ не переставалъ проводить дни и ночи за картами; не переставалъ, въ минуты несчастія, передергивать карты; все больше и больше продолжалъ манкировать своими обязанностями и, въ концѣ концовъ, былъ разстриженъ и лишенъ духовнаго сана.

Въ общемъ, результаты азартной игры были неблагопріятны для большинства картежниковъ. Солидные, переходившіе изъ одного кармана въ другой, куши никого изъ нихъ не обогатили, но матеріальное состояніе подорвали многихъ, особенно семейныхъ.

Зато для лакеевъ, державшихъ карты въ домахъ хозяевъ картежниковъ, гдѣ чаще всего велись азартныя игры, эти послѣднія представляли постоянную и обильную жатву, которую, безъ всякихъ затратъ, снимали они съ драгоцѣннаго, зеленаго поля.

Въ теченіе одного вечера тратилась нерѣдко цѣлая масса картъ: чуть кому не повезетъ, онъ кидаетъ на полъ колоду и беретъ новую. Къ утру, на полу комнаты, валялись онѣ дюжинами. А за каждую дюжину, обходившуюся при покупкѣ въ ихъ шесть рублей, игроки уплачивали двѣнадцать. Слѣдовательно, лакеи выгадывали на картахъ сто процентовъ чистаго барыша.

Не мудрено поэтому, что, въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ, нѣкоторые, долго служившіе на одномъ мѣстѣ, лакеи имѣли полную возможность сколотить весьма изрядный капиталецъ.

Въ случаѣ безденежья хозяевъ, они охотно снабжали ихъ, заимообразно, довольно крупными суммами, которыя при первомъ же благопріятномъ результатѣ игры возвращались имъ съ процентами. Но, случалось иногда, что хозяева, въ концѣ концовъ, прогорали и оставались неоплатными должниками своихъ лакеевъ. Послѣдніе, впрочемъ, безропотно мирились съ этимъ, ибо, и помимо пропавшихъ въ долгу денегъ, у нихъ все же оказывались на столько солидные капиталы, что они вскорѣ же мѣняли свое низкое, лакейское званіе на болѣе высокое и видное.

Такъ, напримѣръ, одинъ изъ подобныхъ лакеевъ открылъ большую, прилично обставленную гостиницу, съ прекраснымъ буфетомъ, [illegible]истками, отдѣльными кабинетами и тому подобными удобствами, и, управляя ею, до самой смерти, жилъ себѣ припѣваючи.

XII.

Мелкое чиновничество также доставляло себѣ, въ праздничные и торжественные семейные дни, разнаго рода развлеченія, подражая, въ этомъ отношеніи, своему начальству. Только именинныя празднества и вечеринки его отличались большею простотою и непринужденностью и устраивались, разумѣется, въ значительно меньшихъ и скромныхъ размѣрахъ.

Простой рабочій людъ, въ свою очередь, тоже не оставался безъ развлеченій.

Въ осеннее и зимнее время играми, среди нихъ, первенствующую роль, такъ называемыя, посидѣнки. Болѣе или менѣе значительная компанія знакомыхъ между собою дѣвушекъ и парней собиралась у кого-либо изъ сосѣдей, имѣвшихъ лишнюю комнату, или горницу. Тамъ, при свѣтѣ горящей лучины, сидя за прялками, молодыя дѣвушки и женщины распѣвали хоровыя пѣсни, балагурили, въ антрактахъ, съ парнями и угощались разнымъ, незатѣйливымъ лакомствомъ: пряниками, орѣхами и сѣмечками отъ подсолнуховъ.

Угощеніе это пріобрѣталось обыкновенно любезными кавалерами, въ складчину, и радушно предоставлялось въ полное распоряженіе прекраснаго пола.

Среди кавалеровъ всегда находились и музыканты, развлекавшіе собравшееся общество игрою на балалайкѣ или гармоникѣ. При этомъ болѣе веселые и удалые пускались въ плясъ и ловко отхватывали трепака.

Во время Святокъ, по вечерамъ, ходили по улицамъ и заходили въ знакомыя избы толпы ряженыхъ.

На масляницѣ устраивались общественныя, ледяныя горы, или катушки, съ которыхъ мужчины, на небольшихъ санкахъ, скатывали знакомыхъ женщинъ и дѣвушекъ.

Кромѣ того, любимыми забавами подростковъ и молодыхъ мастеровыхъ были игры въ снѣжки и города, или крѣпости.

Послѣдняя состояла въ томъ, что, на пруду, на нѣкоторомъ разстояніи одна противъ другой, расчищались двѣ четырехъ-угольныя площадки и огораживались, со всѣхъ сторонъ, довольно высокими и толстыми, сдѣланными изъ снѣга, стѣнами.

Сооруженія эти назывались крѣпостями, или городами.

Каждая изъ нихъ имѣла свой гарнизонъ и свои снаряды, состоявшіе изъ плотно скатанныхъ, снѣжныхъ комьевъ.

Во главѣ гарнизоновъ стояли особые начальники-коменданты, которые распоряжались ими во время штурма крѣпости, занятой противникомъ, или при защитѣ, отъ нападенія послѣдняго, своей собственной.

Приступая къ штурму, толпа мастеровыхъ стремительно, съ громкимъ гиканьемъ и криками ура, бросалась на непріятельскую крѣпость, нещадно осыпая противника снѣжною картечью и стараясь всѣми силами пробить снѣжныя стѣны и ворваться внутрь крѣпости.

Само собою, что если, по окончаніи военныхъ дѣйствій, и не оказывалось убитыхъ, то легко раненыхъ насчитывалось каждый разъ весьма не мало.

Весною, на Пасхѣ, въ Троицынъ и Духовъ день, а лѣтомъ, въ Петровки, устраивались на площадяхъ общественныя качели, обыкновенныя и вращающіяся.

Большая часть мужскаго персонала не прибѣгала, въ этихъ случаяхъ, къ возбуждающимъ средствамъ, полштофамъ и шкаликамъ, хотя, конечно, встрѣчались среди него и слегка выпившіе; но ихъ, сравнительно, бывало немного, а совершенно пьяные насчитывались единицами.

А между тѣмъ, въ прежнее время, когда процвѣталъ откупъ, не только въ горныхъ городкахъ, маленькихъ заводахъ, но и въ болѣе или менѣе людныхъ селеніяхъ недостатка въ питейныхъ заведеніяхъ не было. Но или пили умѣреннѣе, или вели себя скромнѣе, или строже былъ надзоръ за общественнымъ порядкомъ и благочиніемъ, только такого пьянаго разгула, такихъ безобразій и безчинствъ, какіе въ послѣдніе годы наблюдались и наблюдаются, въ праздничные дни среди заводскаго и фабричнаго люда, въ прежнее крѣпостное время, по крайней мѣрѣ, на Уральскихъ заводахъ, замѣтно не было.

Ни о какихъ хулиганахъ, ни о какой расправѣ ножами, ни о безпрестанныхъ увѣчьяхъ и даже убійствахъ, совершаемыхъ нынѣ пьяными ордами, тамъ и не слыхивали. А если и случалось порой что-либо подобное, то уже представляло собою нѣчто исключительное и чрезвычайное.

Это тѣмъ удивительнѣе, что, во-первыхъ,—въ крѣпостное время кабаки, какъ извѣстно, процвѣтали всюду, а откупщики, съ ихъ громаднымъ штатомъ довѣренныхъ, цѣловальниковъ и сидѣльцевъ, страшно богатѣли и благоденствовали, и, во-вторыхъ, — уровень умственнаго развитія прежнихъ заводскихъ мастеровыхъ былъ значительно ниже, чѣмъ нынѣшнихъ, и большинство ихъ не знало даже грамоты.

Казалось бы, что при такихъ условіяхъ скорѣе долженъ былъ выработаться болѣе грубый элементъ горно-заводскаго населенія, чѣмъ современное его поколѣніе. И это несомнѣнно имѣло бы мѣсто, если бы каждая семья рабочаго люда не стояла, въ старину, на крѣпкихъ устояхъ, освященныхъ обычаемъ и преданіемъ.

Воспитанная въ страхѣ Божіемъ, повиновеніи родителямъ и уваженіи къ старшимъ, прежняя, заводская молодежь была, естественно,

и сдержаннѣе, и почтительнѣе, и скромнѣе нынѣшней и не предъявляла, подобно ей, какихъ-то особыхъ и подъ-часъ несуразныхъ требованій.

Познакомивъ читателя съ разнородными развлеченіями всѣхъ слоевъ общества, упомяну, кстати, еще объ одномъ изъ нихъ, которое доставлялъ и чиновникамъ и рабочему люду сплавъ заводскаго весенняго каравана.

Каждый заводъ устраивался при такой рѣкѣ, которая удовлетворяла бы слѣдующимъ условіямъ: во-первыхъ, чтобы она, при запруженіи ея плотиною, давала возможность образованію такого скопа воды, котораго было бы достаточно для приведенія въ дѣйствіе водяныхъ двигателей заводскихъ фабрикъ, въ теченіе цѣлаго года. Во-вторыхъ, чтобы рѣка эта, или непосредственно, или посредствомъ другой, въ которую она впадаетъ, сообщалась съ какою-либо значительною и судоходною, если и не въ теченіе всего лѣта, то хотя въ весеннюю пору, рѣкою.

На первой или второй изъ нихъ, смотря по тому, гдѣ оказывалось болѣе удобное и подходящее для стоянки барокъ мѣстечко, возводилась плотина съ шлюзами и устраивался небольшой прудъ.

По берегамъ рѣчки и пруда селились рабочіе, занимавшіеся постройкой барокъ и входившіе въ составъ судовыхъ командъ каравана.

Такимъ образомъ, возникали поселки, носившіе названіе пристанскихъ селеній, или просто заводскихъ пристаней.

Въ каждомъ изъ нихъ имѣлся приличный, заводскій домъ, на случай пріѣзда начальства, и нѣсколько просторныхъ зданій магазиновъ, для склада и храненія доставляемыхъ съ завода металловъ и издѣлій.

Завѣдываніе пристанью поручалось особому смотрителю изъ урядниковъ или мелкихъ чиновниковъ, съ небольшимъ штатомъ вахтеровъ, писцовъ и сторожей.

До пристаней заводскія производства доставлялись гужемъ, на лошадяхъ.

Берега горныхъ рѣчекъ, по которымъ сплавлялись барки, состояли мѣстами на довольно значительномъ протяженіи изъ высокихъ, самыхъ прихотливыхъ формъ, скалъ, то совсѣмъ голыхъ, то густо покрытыхъ хвойнымъ лѣсомъ, и считались чрезвычайно живописными.

Поэтому нѣкоторые инженеры и чиновники, пользуясь весеннимъ караваномъ, устраивали нѣчто въ родѣ пикниковъ, спускаясь цѣлой компаніей изъ мужчинъ, дамъ и дѣтей, на главной баркѣ-казенкѣ, верстъ за шестьдесятъ и болѣе, внизъ по рѣкѣ до какой-либо деревни, связанной съ заводомъ грунтовою дорогою. Отсюда, въ поданныхъ изъ домовъ экипажахъ, возвращались въ заводъ уже на лошадяхъ.

На палубѣ казенки всегда имѣлись каюты для караванныхъ служащихъ. Въ болѣе просторныхъ и удобныхъ изъ нихъ располагались обыкновенно всѣ, участвовавшія въ пикникѣ, лица. За недостаткомъ помѣщенія въ каютахъ, разбивались на палубѣ временныя холщевыя палатки.

Вотъ насталъ день, назначенный для отвала каравана отъ пристани.

Рядъ барокъ, нагрузка которыхъ заводскими произведеніями была окончена еще наканунѣ, съ своими лоцманами, рулевыми и прочими судорабочими, стоялъ уже вдоль берега, ожидая сигнала тронуться въ далекій путь.

Раннимъ утромъ, одинъ за другимъ, подкатило къ пристани нѣсколько экипажей, съ участниками пикника, которые тотчасъ же взошли, по сходнямъ, на казенку и расположились на ея палубѣ.

Вслѣдъ за тѣмъ, появился на ней и священникъ съ причтомъ и началъ служить напутственный молебенъ.

Только-что онъ окончился, какъ раздались одинъ за другимъ три залпа изъ небольшой, мѣдной пушки, укрѣпленной на носу казенки.

Это—сигналъ къ отвалу каравана.

Вся посторонняя публика спѣшила сойти съ барокъ, и, послѣднія, одна за другой, во главѣ съ казенкой, стали отходить отъ пристани и, то медленно, то быстро, смотря по скорости теченія воды, понеслись внизъ по рѣкѣ, по хорошо извѣстному лоцманамъ фарватеру.

Пока барки проходили по знакомымъ еще мѣстамъ, собравшееся на казенкѣ общество занималось чаепитіемъ. Одна изъ старшихъ дамъ принимала на себя обязанность хозяйки и усердно угощала всю компанію. За утреннимъ чаемъ слѣдовали завтракъ, обѣдъ, вечерній чай и ужинъ.

Въ антрактахъ велись разговоры, затѣвались игры и уже непремѣнно составлялась партія въ бостонъ или ералашъ.

Во время остановокъ на ночевку, желающіе сходили на берегъ, гуляли, любовались окрестностями, охотились, ловили рыбу и вообще время даромъ не теряли.

Такимъ образомъ, въ знакомой, дружной компаніи, весело и непринужденно, небольшое общество проводило два—три дня, а иногда и болѣе. Послѣднее зависѣло отъ разныхъ, непредвидѣнныхъ и неизбѣжныхъ порой, при всякаго рода путешествіяхъ, обстоятельствъ.

Случалось иногда, что одна изъ барокъ, уклонившись отъ фарватера, становилась на мель и останавливала на время дальнѣйшее движеніе остальныхъ барокъ. Тогда всѣ судовыя команды являлись на помощь замелѣвшей баркѣ и, общими усиліями, старались какъ можно скорѣе снять ее съ мели.

Общество, пользуясь подобнымъ обстоятельствомъ, высаживалось на берегъ и съ интересомъ слѣдило за ходомъ работъ, дружно и толково производившихся рабочими.

Достигнувъ намѣченнаго пункта, участники пикника, хотя нѣсколько и утомленные непривычнымъ, водянымъ путемъ-дорогой, но все же довольные, что совершили его, усаживались въ поданные имъ экипажи и, кружнымъ путемъ, возвращались домой.

Караванъ же, съ бо́льшимъ или ме́ньшимъ благополучіемъ, направлялся далѣе и вступалъ въ Каму. Изъ Камы, смотря по мѣсту, куда назначена доставка заводскихъ произведеній, часть барокъ шла внизъ по Волгѣ, пользуясь попутнымъ теченіемъ, или поднималась бечевой, а впослѣдствіи пароходомъ, вверхъ по рѣкѣ, до Нижняго-Новгорода.

Случалось, что нѣкоторыя барки, не доходя до мѣста назначенія, разбивались о крутые и скалистые берега горныхъ рѣчекъ, особенно Ая и Чусовой, довольно частые, чуть не подъ прямымъ угломъ, изгибы и страшная быстрина теченія которыхъ, несмотря на опытность лоцмановъ, нерѣдко служили главною причиною аварій заводскихъ барокъ.

Добытые, по спадѣ весеннихъ водъ, изъ затонувшихъ барокъ металлы и издѣлія складывались на берегъ и уже значительно позднѣе, въ срединѣ лѣта, доставлялись къ мѣстамъ ихъ сбыта.

Для этого сооружался особый, такъ называемый, дополнительный караванъ, состоявшій изъ судовъ значительно ме́ньшихъ размѣровъ, называемыхъ полубарками.

И для пристанскихъ жителей дни, предшествовавшіе отвалу каравана, представляли собою особые мѣстные праздники. Ихъ родственники и знакомые, отправляясь на цѣлые пять мѣсяцевъ, въ качествѣ судовой команды, въ Нижній-Новгородъ и заполучивъ впередъ извѣстную часть довольно высокой рабочей платы, считали долгомъ доставить на прощаніе своимъ односельчанамъ возможно больше удовольствій предложеніемъ обильнаго угощенія водкой, закуской и лакомствами.

У караванныхъ рабочихъ, подобно рекрутамъ, было въ обычаѣ— послѣдніе дни передъ уходомъ каравана вволю попировать и повеселиться. Устраивались качели и скакульки, разбивались палатки торговцевъ; водились хороводы; раздавались звуки балалаекъ и гармоникъ, и весь небольшой контингентъ пристанскаго населенія проводилъ, около недѣли, такъ же шумно и весело, какъ и во время праздниковъ Пасхи.

Такъ текла цѣлые десятки лѣтъ ровною и тихою струею общественная жизнь на Уральскихъ заводахъ.

Только три крупныя событія, и то на короткій срокъ, нарушили за все это время ровное и спокойное ея теченіе.

Два изъ нихъ заключались въ посѣщеніи Уральскихъ заводовъ высокими гостями, а именно: герцогомъ Максимиліаномъ Евгеніевичемъ Лейхтенбергскимъ—въ началѣ 40-хъ и наслѣдникомъ цесаревичемъ Александромъ Николаевичемъ—въ началѣ 50-хъ годовъ.

Герцогъ, сколько помнится, посѣтилъ всѣ главные заводы, за исключеніемъ Богословскаго, а наслѣдникъ цесаревичъ—только Екатеринбургъ и Міясскіе золотые промыслы.

Изъ посѣщенія герцогомъ Кушвинскаго завода я смутно припоминаю слѣдующій эпизодъ:

Часть улицы и стоявшій на ней домъ горнаго начальника, въ которомъ помѣщался его высочество съ своею свитою, были прекрасно иллюминованы. Толпы народа тѣснились около дома и, по появленіи на балконѣ герцога, привѣтствовали его дружными и громкими криками ура. Его высочество выходилъ на балконъ нѣсколько разъ и кидалъ въ толпу мелкія серебряныя монеты, которыя подхватывались ею, при чемъ, разумѣется, не обходилось безъ свалки и неизбѣжныхъ послѣдствій ея—толчковъ, тумаковъ, а порой чувствительныхъ зуботычинъ.

Третьимъ событіемъ, случившимся лѣтомъ 1845 года, было землетрясеніе. Оно ощущалось, въ бо̀льшей или мéньшей степени, въ разныхъ мѣстахъ Гороблагодатскаго округа и представляло собою едва-ли не единственный случай этого сейсмическаго явленія на Уралѣ.

Мнѣ было тогда около пяти лѣтъ, и случай этотъ до сихъ поръ прекрасно сохранился въ моей памяти.

Отца и матери не было дома. Я игралъ въ залѣ, а моя бывшая кормилица, продолжавшая жить у насъ въ качествѣ няни, сидѣла въ дѣтской у кровати спавшаго брата. Вдругъ послышался какой-то странный глухой шумъ. Стѣны и оконныя стекла дома замѣтно дрогнули, всѣ легкіе предметы, какъ, напримѣръ, розетки на подсвѣчникахъ и на висѣвшихъ по стѣнамъ бра затрепетали и зазвенѣли, какъ будто какая-то, невидимая рука полегоньку ихъ встряхивала; небольшіе столики, стулья и прочая легкая мебель чуть замѣтно но все же явственно, колебались; даже полъ, словно палуба судна во время качки, слегка покачивался.

Не постигая, что все это значитъ, не столько напуганный, сколько удивленный, я оставилъ игрушки и стоялъ среди зала въ полнѣйшемъ недоумѣніи. Изъ него вывела меня вбѣжавшая ко мнѣ няня. Блѣдная, страшно перепуганная, она схватила меня за руку и, бросившись на колѣни передъ образомъ, крикнула:

— Свѣтопреставленіе! Молись! Молись!

Она истово закрестилась и стала класть земные поклоны. Я послѣдовалъ ея примѣру и, также ставъ на колѣни, началъ усердно молиться.

Землетрясеніе продолжалось очень недолго, не оставивъ по себѣ никакихъ слѣдовъ, а потому навѣянные имъ, на большинство заводскихъ жителей, страхи и ужасы вскорѣ же разсѣялись.

Не безъинтересно узнать, какіе мизерные оклады получали наши отцы и дѣды, и какимъ образомъ ухищрялись они, при этихъ условіяхъ, не только сводить концы съ концами, но и жить домовито, на широкую ногу и даже съ нѣкоторымъ комфортомъ?

Принимая въ расчетъ всѣ суммы, входившія въ общій окладъ содержанія по должности, т. е. жалованье, столовыя и квартирныя деньги [1]), по штату 1847 года, инженеры получали въ годъ:

Горные начальники отъ	1.500 р.	до	1.800 р.
Ихъ помощники			900 „
Управители заводовъ отъ	540 „	„	825 „
Ихъ помощники и смотрители отъ.	300 „	„	480 „
Механики			420 „

Въ настоящее же время горные начальники получаютъ 6.000—7.000 р., управители—3.000—3.600 р., смотрители—1.500—2.400 р., высшіе конторскіе служащіе—1.200—2.400 и низшіе—300—600 руб.

По сравненіи нынѣшнихъ окладовъ съ прежними, увидимъ, что первые увеличены болѣе, чѣмъ въ четыре раза противъ послѣднихъ, а жизненные припасы вздорожали, сравнительно съ прежними, самое большее въ 2½ или 3 раза, и то собственно мѣстные, а все, привозимое издалека, не только не вздорожало, но, благодаря пароходамъ и желѣзнымъ дорогамъ, даже нѣсколько подешевѣло.

А между тѣмъ нынѣшніе, значительно увеличенные оклады только что обезпечиваютъ семейнымъ служащимъ болѣе или менѣе скромную, безъ особыхъ затѣй и излишествъ, жизнь и возможность дать своимъ дѣтямъ высшее образованіе.

Поэтому и общественная жизнь заводскаго общества стала нынѣ совсѣмъ иною.

Прежнія требованія ея постепенно и незамѣтно съуживались, а частые и многолюдные балы и вечера, широкое хлѣбосольство и гостепріимство давно уже уступили мѣсто значительно болѣе скромнымъ, рѣдкимъ и менѣе люднымъ вечеринкамъ.

Не мало способствовалъ этому и наплывъ въ заводскую среду разновѣдомственныхъ элементовъ, которые стали держаться особня-

---

[1]) Квартирныя деньги не полагались имѣвшимъ квартиры въ натурѣ.

комъ и составлять свои отдѣльные кружки изъ прямыхъ своихъ сослуживцевъ.

Такимъ образомъ, если принять въ расчетъ все вышесказанное, то окажется, что нашимъ дѣдамъ и отцамъ, при ихъ скромныхъ окладахъ жалованья и широкихъ замашкахъ, было бы немыслимо сводить концы съ концами, если бы не имѣлось у нихъ подъ рукою добавочныхъ средствъ изъ иныхъ побочныхъ источниковъ.

Источники эти дѣйствительно существовали и были извѣстны не только главному мѣстному, но и высшему петербургскому горному начальству.

Впрочемъ, подобные источники, какъ всѣмъ извѣстно, обрѣтались въ старину и во всѣхъ другихъ вѣдомствахъ, чиновники которыхъ, также получавшіе весьма скудныя жалованья, не упускали случая пользоваться ими самопроизвольно и черпать изъ нихъ такія суммы, какія оказывались необходимыми для удовлетворенія потребностей приличной извѣстному чину и положенію жизни.

Мало того, само высшее начальство нерѣдко предоставляло комулибо изъ подчиненныхъ, такъ называемое, хлѣбное мѣстечко, съ единственною цѣлью—дать возможность поправить на немъ разстроенное состояніе или удовлетворить приставшихъ съ ножомъ къ горлу кредиторовъ, которымъ задалживались порой чиновниками весьма крупныя суммы.

Поэтому не ради обличенія и обличенія, вдобавокъ, безполезнаго, ибо въ настоящее время не найдется ни одной, служившей при крѣпостномъ правѣ, личности, а единственно ради полноты картины былой заводской жизни, я позволю себѣ указать тѣ источники, которые служили, въ старину, горнымъ инженерамъ и чиновникамъ значительнымъ подспорьемъ къ ихъ мизернымъ окладамъ.

XIV.

Источники эти можно подраздѣлить на постоянные и временные.

Къ первымъ относились:

1) Оброкъ, взимавшійся съ мастеровыхъ и работниковъ за освобожденіе ихъ на годичный срокъ отъ заводскихъ работъ и увольненіе въ разныя мѣста для частныхъ заработковъ.

Число мастеровыхъ, конныхъ и пѣшихъ работниковъ, въ каждомъ округѣ почти всегда болѣе или менѣе превышало потребность ихъ для выполненія назначенныхъ по смѣтѣ заводскихъ работъ. Вотъ

этотъ-то излишекъ рабочаго люда, состоявшаго, главнымъ образомъ, изъ разнаго рода ремесленниковъ, и увольнялся заводскимъ начальствомъ для сторонних заработковъ.

Эта чисто экономическая операція, не принося особаго ущерба дѣлу, доставляла между тѣмъ обоюдную выгоду: заводское начальство пріобрѣтало болѣе или менѣе изрядную сумму, а мастеровые и работники зарабатывали на сторонѣ значительно болѣе, чѣмъ своею работою на заводѣ, принимая въ расчетъ и уплату оброка.

2) Всѣ сбереженія, какія только удавалось сдѣлать заводоуправленію въ матеріалахъ и припасахъ, назначенныхъ по смѣтѣ на разныя заводскія производства.

Количество этихъ сбереженій представляла разность между дѣйствительными остатками припасовъ и матеріаловъ, къ концу заводскаго года, и тѣми, которые выводились въ бухгалтеріи, по конторскимъ книгамъ, на основаніи приходо-расходныхъ документовъ.

Разность эта считалась экономіей или сбереженіемъ и, будучи реализирована, поступала въ личное, безконтрольное распоряженіе начальства. Послѣднее, само собою, удѣляло изъ нея извѣстный процентъ въ пользу нѣкоторыхъ служащихъ, такъ или иначе причастныхъ къ хозяйственной части завода.

3) Излишекъ въ выдѣланныхъ заводомъ металлахъ.

Излишекъ этотъ происходилъ отъ похода, который полагался смотрителю металлическаго магазина, при ежедневномъ пріемѣ съ вѣсу отъ рабочихъ выдѣланныхъ ими металловъ.

На вѣсовую скалку накладывалось заразъ до 50-ти пудовъ, изъ которыхъ одинъ процентъ, т. е. около 10-ти фунтовъ вычитался, чтò, къ концу года, при выдѣлкѣ, напримѣръ, въ 60.000 пудовъ, давало до 600 пудовъ излишка.

Послѣдній сдавался обыкновенно, частнымъ образомъ, караванному смотрителю, который, по прибытіи въ Нижній Новгородъ, сбывалъ его желѣзоторговцамъ, а вырученныя деньги, за удержаніемъ извѣстнаго коммиссіоннаго процента, вручалъ, по возвращеніи домой, или управителю или смотрителю металлическаго магазина, смотря по тому, какой степенью довѣрія пользовался послѣдній у перваго.

4) Вскрышка пустыхъ породъ на золотыхъ промыслахъ.

Дѣйствительная стоимость добычи изъ нѣдръ земли золота, главнымъ образомъ, зависѣла отъ количества его, содержащагося въ одномъ пудѣ пустой породы.

Чѣмъ значительнѣе было это содержаніе, тѣмъ меньше, для добычи извѣстнаго количества его приходилось вскрывать пустой породы, а самая добыча обходилась гораздо дешевле.

При составленіи ежегодныхъ смѣтъ назначалось впередъ, какое именно количество золота должно быть добыто и сколько кубическихъ саженъ пустыхъ породъ вскрыто и свезено къ мѣстамъ ихъ свалки. Вмѣстѣ съ тѣмъ опредѣлялась приблизительно и средняя стоимость золотника золота.

Само собою, что смѣты составлялись крайне осторожно, съ нѣкоторымъ запасцемъ и ужъ, конечно, не въ ущербъ промысловымъ служащимъ.

Поэтому вскрышки пустыхъ породъ производилось въ натурѣ значительно менѣе, чѣмъ это значилось по смѣтамъ.

А между тѣмъ работа эта требовала наибольшихъ расходовъ, въ которыхъ, естественно, являлись довольно изрядныя сбереженія. Послѣднія, какъ подспорье къ скудному содержанію, шли въ пользу служащихъ и дѣлились между ними, сообразно съ служебнымъ положеніемъ каждаго, по усмотрѣнію мѣстнаго управителя, которому, разумѣется, доставалась львиная доля.

Хозяйственные и лично во все входившіе управители получали, въ этомъ случаѣ, значительно болѣе, чѣмъ менѣе хозяйственные и слишкомъ довѣрявшіе пріисковымъ смотрителямъ и надзирателямъ.

Усчитать же послѣднихъ, какъ непосредственно завѣдывавшихъ работами на золотыхъ пріискахъ, было чрезвычайно трудно и даже, пожалуй, совершенно невозможно.

Отвалы пустой породы, сваленные на неровной, съ ямами и оврагами, мѣстности, имѣли самыя разнообразныя и неправильныя формы, для вычисленія объемовъ которыхъ даже высшая математика оказалась бы безсильной.

5) Заводскіе караваны, или доставка водою, съ заводовъ ихъ произведеній къ мѣстамъ сбыта.

Операція эта представляла свои доходныя статьи, которыми пользовались исключительно караванные смотрители и ближайшіе ихъ помощники. Развѣ только небольшія крупицы изъ этихъ доходовъ удѣлялись ими бухгалтерамъ, охотно помогавшимъ составлять надлежащіе, по формѣ, отчеты въ израсходованіи суммъ, отпущенныхъ авансомъ на разныя караванныя потребности.

Главную статью караванныхъ доходовъ представляли разнаго рода аваріи.

Сядутъ ли барки на мель, разобьются ли онѣ о подводные камни и погрузятся со всѣмъ своимъ содержимымъ на дно рѣки, потерпятъ ли путемъ-дорогою какія-либо значительныя поврежденія, тотчасъ же вызываются смотрителемъ цѣлыя артели рабочаго люда, плотниковъ, кузнецовъ и чернорабочихъ, изъ ближайшихъ къ мѣсту аварій се-

леній. Дружными усиліями такихъ артелей или поднимаются замелѣвшія барки, или разгружаются затонувшія и все ихъ содержимое добывается изъ воды и складывается по близости на берегу, или тщательно исправляются и починяются поврежденныя части барокъ.

За всѣ эти работы смотритель расплачивался съ артелями наличными деньгами, отбирая отъ мѣстныхъ сельскихъ властей надлежащія, въ полученіи выданныхъ суммъ, росписки.

Само собою, что каждый смотритель показывалъ въ этихъ составленныхъ имъ роспискахъ значительно большее число работавшихъ людей, а недовыданныя такимъ образомъ суммы оставлялъ въ свою пользу.

Чѣмъ больше случалось въ пути каравана разныхъ несчастій, тѣмъ выгоднѣе было это для смотрителя.

Поэтому часть, изъ числа всѣхъ указанныхъ въ отчетѣ его, аварій была порою вымышлена, но обставлена и оформлена какъ слѣдуетъ, съ приложеніемъ надлежащихъ росписокъ и тому подобныхъ документовъ.

Уличить въ такихъ неправильныхъ и корыстныхъ дѣйствіяхъ караваннаго смотрителя было чрезвычайно трудно и даже, пожалуй, невозможно. Находившіеся въ его распоряженіи низшіе служащіе и судорабочіе никогда бы его не выдали, ибо такъ же пользовались при этомъ кое-какими, не лишними для нихъ выгодами.

Каждый заводъ имѣлъ своего караваннаго смотрителя, завѣдывавшаго сплавомъ судовъ до того пункта воднаго пути, гдѣ всѣ отдѣльные заводскіе караваны соединялись вмѣстѣ и поступали въ вѣдѣніе и управленіе одного или двухъ главныхъ караванныхъ.

Чины окружной и заводской полиціи имѣли также свои доходы. Первые отъ частныхъ заводоуправленій, которымъ за это, разумѣется, гдѣ только можно, мирволили; а послѣдніе—отъ лицъ торговаго и промышленнаго сословія, а также и отъ откупа.

Конторскіе чиновники, игравшіе нѣкоторую роль въ заводской, судебной и хозяйственной части, получали, въ свою очередь, извѣстную мзду, въ видѣ благодарности просителей за совѣты по разнымъ исковымъ, тяжебнымъ и инымъ дѣламъ и дѣлишкамъ.

Словомъ, не было такого заводскаго учрежденія, въ которомъ не нашлось бы кое-какихъ, хотя самыхъ маленькихъ источниковъ для извлеченія добавочныхъ средствъ къ получавшемуся чинами этихъ учрежденій казенному жалованью.

Временнымъ источникомъ служила только одна ежегодная командировка на Нижегородскую ярмарку для закупки тамъ на весь округъ мелочныхъ припасовъ, которыхъ расходовалось каждый годъ

на десятки тысячъ рублей, и которыхъ нельзя было пріобрѣсти у мѣстныхъ торговцевъ.

Командировка эта давалась преимущественно чиновнику для разныхъ порученій, но временно пользовались ею и другіе горные чиновники, въ тѣхъ случаяхъ, когда у нихъ встрѣчалась насущная нужда въ особомъ пособіи, какъ, напримѣръ, для сооруженія приданаго къ свадьбѣ дочери, или покрытія другихъ подобныхъ, вызванныхъ житейскими обстоятельствами, временныхъ и непредвидѣнныхъ расходовъ.

Одновременно съ оффиціально полученною такимъ чиновникомъ изъ главной конторы вѣдомостью о количествѣ подлежащихъ закупкѣ на ярмаркѣ мелочныхъ припасовъ, уже частно передавался ему смотрителемъ припаснаго магазина особый списокъ тѣхъ же припасовъ, оказавшихся въ экономіи.

Количества послѣднихъ включались въ число закупленнаго, а слѣдующія за нихъ по среднесправочнымъ цѣнамъ деньги удерживались при расчетѣ съ продавцами аккуратно доставлялись по принадлежности.

Справка о средне-справочныхъ цѣнахъ выдавалась особымъ ярмарочнымъ учрежденіемъ, при чемъ, благодаря взяткѣ, цѣны эти показывались выше дѣйствительныхъ.

Такимъ образомъ чиновникъ имѣлъ возможность удѣлить въ свою пользу болѣе или менѣе кругленькую сумму, несмотря на то, что въ благодарность за командировку привозилъ всегда своему начальству, какъ бы въ видѣ гостинца, изрядные запасы разныхъ хозяйственныхъ продуктовъ и снадобій.

Всѣ высшіе горные чиновники и вообщее разныя, второстепенныя начальствующія лица пользовались еще безмездно и личнымъ трудомъ рабочаго люда.

Кромѣ полагавшихся горнымъ инженерамъ и лѣсничимъ денщиковъ, штабъ-офицерамъ по два и оберъ-офицерамъ по одному, предоставлялись еще въ полное ихъ и другихъ чиновниковъ распоряженіе, по одному или болѣе мастеровыхъ, преимущественно изъ столяровъ, портныхъ, сапожниковъ и тому подобныхъ ремесленниковъ, а также и изъ простыхъ рабочихъ, для исполненія обязанностей кучеровъ, сторожей, лакеевъ и прочей домашней прислуги.

На счетъ заводскихъ же суммъ содержался въ каждомъ горномъ городѣ довольно многочисленный и весьма недурной струнный оркестръ. Музыканты формировались изъ состава низшихъ чиновъ, которые номинально числились на разныхъ, мелкихъ конторскихъ и заводскихъ должностяхъ и получали, присвоенное тѣмъ должностямъ, содержаніе.

Расходъ на пріобрѣтеніе музыкальныхъ инструментовъ относился обыкновенно или въ счетъ какихъ-либо заводскихъ работъ, или въ счетъ расходовъ по ремонту казенныхъ зданій и механизмовъ.

Кромѣ казеннаго жалованья, музыканты получали еще болѣе или менѣе приличную плату отъ членовъ общества за игру на ихъ балахъ, вечерахъ и любительскихъ спектакляхъ.

Изъ этой платы извѣстная, болѣе значительная, доля шла капельмейстеру, а остальная часть распредѣлялась между прочими музыкантами, сообразно искусству каждаго.

Но, если горные чиновники и пользовались разнаго рода доходами, то пользовались умѣренно и лишь на столько, чтобы имѣть возможность вести съиздавна установившійся на заводахъ образъ жизни. Это подтверждается тѣмъ фактомъ, что, по смерти или выходѣ въ отставку большинства инженеровъ и чиновниковъ, не оказывалось у нихъ ни крупныхъ капиталовъ, ни цѣнныхъ, недвижимыхъ имѣній.

Между тѣмъ, какъ извѣстно, чиновники, занимавшіе доходныя должности въ другихъ вѣдомствахъ, сплошь да рядомъ наживали, въ старину, солидныя состоянія и пріобрѣтали прекрасныя, въ сотни душъ, помѣстья.

Не замѣчалось на казенныхъ заводахъ и той чрезмѣрной эксплоатаціи крѣпостнаго люда, какая наблюдалась въ имѣніяхъ помѣщичьихъ и районахъ прежнихъ окружныхъ управленій, гдѣ изъ крѣпостныхъ и государственныхъ крестьянъ выжимались подчасъ послѣдніе соки, а сами они доводились нерѣдко до полнаго разоренія.

А если и встрѣчались на казенныхъ заводахъ случаи притѣсненія меньшей братіи, то это всегда было, есть и будетъ всюду, гдѣ только существуютъ начальники и подчиненные, сильные и слабые, богатые и неимущіе.

Въ подтвержденіе умѣреннаго пользованія въ старину на заводахъ разными доходами можно привести тѣ благопріятныя условія, при которыхъ приходилось служить нашимъ отцамъ и дѣдамъ.

Всѣ, безъ исключенія, заводскіе служащіе жили хозяйственно и домовито. Каждый держалъ лошадей, коровъ, козъ, овецъ и разную домашнюю птицу; каждый имѣлъ и огородъ, и покосъ, а порой и пашню, доставлявшіе ему и всѣ потребныя для домашняго обихода овощи и необходимый для скота кормъ.

Все это, вмѣстѣ съ дешевизной прочихъ предметовъ первой необходимости, позволяло имъ, при небольшихъ, сравнительно, денежныхъ затратахъ, не только вполнѣ прилично содержать семью, но и позволять себѣ болѣе или менѣе широкое радушіе—хлѣбосольство и гостепріимство.

Если послѣднія и требовали болѣе дорогихъ, привозныхъ продук-

ковъ, каковы: вина, десертъ и закуски, то и въ этомъ отношеніи заводское общество дѣйствовало разсчетливо и экономно. Всѣ эти продукты пріобрѣтались изъ первыхъ рукъ, съ Нижегородской ярмарки, черезъ посредство заводскаго чиновника-коммиссіонера, и обходились несравненно дешевле, чѣмъ если бы были куплены въ лавкахъ мѣстныхъ торговцевъ, у которыхъ къ тому же иныхъ изъ нихъ и вовсе не было.

Да и относительно винъ, можно сказать, что, кромѣ шампанскаго, часто и при каждомъ случаѣ употреблявшагося, остальные сорта ихъ подавались очень рѣдко, во время большихъ вечеровъ и обѣдовъ. Вообще же разныя столовыя вина съ успѣхомъ замѣняли домашнія наливки и запеканки, изъ всевозможныхъ ягодъ, между которыми особенно выдѣлялась и славилась на Уралѣ княженичная, какъ болѣе вкусная, ароматная и, сравнительно, рѣдкая.

Наливки въ каждомъ семейномъ домѣ заготовлялись въ изобиліи и обходились крайне дешево, ибо водка, на которой онѣ настаивались, отпускалась всѣмъ, занимавшимъ болѣе или менѣе видныя должности, горнымъ чиновникамъ безплатно. Мѣстный откупъ, въ этотъ случаѣ, отдавалъ распоряженіе своимъ довѣреннымъ—доставлять ежемѣсячно извѣстное количество ведеръ, или частей ихъ, каждому отдѣльному лицу, сообразно съ занимаемымъ имъ служебнымъ положеніемъ.

По поводу княженичной наливки сохранился на Уралѣ слѣдующій разсказъ.

Однажды, за обѣдомъ, въ домѣ управителя Т—ва, Глинка, въ первый разъ, попробовалъ этой наливки и пришелъ отъ нея въ восторгъ.

— Что за прелесть, выпивая и смакуя ее, проговорилъ Владиміръ Андреевичъ:—настоящій нектаръ. Откуда она у тебя, любезнѣйшій? спросилъ онъ хозяина.

— Домашняго приготовленія, ваше превосходительство, отвѣчалъ послѣдній:—лѣтъ восемь лежала въ подвалѣ. Все приберегалъ на черный день, вотъ и пригодилась.

— На черный день? Это къ моему-то пріѣзду? Вотъ такъ комплиментъ. Удружилъ, любезнѣйшій!

И Глинка громко и благодушно расхохотался.

Смѣялись и остальные гости, кромѣ хозяина, который страшно сконфузился и даже струсилъ; онъ вообразилъ, что неудачное выраженіе его можетъ повредить ему по службѣ, чего, конечно, не случилось, ибо Глинка прекрасно понималъ, что выраженіе это вырвалось у Т—ва невольно и совершенно неумышленно.

Болѣе значительные расходы, которые приходится нынѣ затрачивать отцу семейства на среднее и высшее образованіе сыновей, въ

доброе старое время, можно сказать, почти совсѣмъ не существовали.

Сыновья съ 10—12-ти лѣтняго возраста отправлялись, на казенный счетъ, въ горный или лѣсной корпуса, въ техническую школу, пробирное и Лисинское училища, гдѣ, на казенный же счетъ, не только давалось имъ среднее и высшее образованіе, но и всѣ они, за весь 8—10-ти лѣтній учебный періодъ времени пользовались тамъ и полнымъ содержаніемъ.

Слѣдовательно, родителямъ оставалось только подготовить мальчиковъ къ поступленію въ эти учебныя заведенія. А какъ подготовка эта требовала весьма немногаго, то обыкновенно поручалась какому-нибудь болѣе подходящему лицу изъ мѣстнаго учительскаго персонала.

Такіе учителя получали за свой трудъ отъ 2-хъ до 4-хъ рублей въ мѣсяцъ, смотря по тому, съ однимъ или большимъ числомъ учениковъ приходилось имъ заниматься.

Для ознакомленія дѣтей съ иностранными языками, первоначальныя знанія которыхъ требовались при поступленіи въ корпуса, родители прибѣгали или къ помощи молодыхъ инженеровъ, или гувернантокъ, всегда почти имѣвшихся въ домахъ высшихъ начальниковъ.

Послѣдніе охотно разрѣшали своимъ гувернанткамъ давать уроки посторонним дѣтямъ, въ домахъ ихъ родителей, и даже у себя на дому, одновременно съ своими дѣтьми.

А если еще принять въ разсчетъ, что, благодаря даровымъ ремесленникамъ, горнымъ чиновникамъ не приходилось платить за работу платья, обуви, мебели, экипажей и части разной хозяйственной утвари, которые поэтому обходились очень дешево или даже совсѣмъ ничего не стоили, то станетъ понятно, что на удовлетвореніе всѣхъ домашнихъ потребностей, включая въ ихъ число и частые пріемы гостей, и балы, и прочія общественныя развлеченія, расходовались каждымъ изъ нихъ, сравнительно, весьма скромныя суммы, далеко уступающія тѣмъ, которыя затрачиваются, при гораздо менѣе широкомъ образѣ жизни, современными заводскими служащими.

XV.

Контингентъ заводскаго общества, въ крѣпостное время, въ теченіе полстолѣтія, состоялъ почти изъ однихъ и тѣхъ же элементовъ служилаго чиновнаго люда.

Плодясь и множась, послѣдній доставлялъ заводамъ поколѣніе за

поколѣніемъ, такъ сказать, плоть отъ плоти и кровь отъ крови своей. Поколѣнія эти, выросшія при однихъ и тѣхъ же условіяхъ, сохраняли и передавали изъ рода въ родъ всѣ обычаи и нравы своихъ предковъ.

Новыхъ постороннихъ элементовъ появлялось въ заводахъ, сравнительно, такъ мало, что они естественно, не внося въ общественную жизнь ничего своего новаго, вскорѣ же поглощались ею и невольно подчинялись всѣмъ ея издавна установившимся условіямъ и требованіямъ.

Поэтому среди заводскихъ служащихъ не выдѣлялось, за все крѣпостное время, никакихъ чѣмъ-либо особеннымъ прославившихъ себя личностей.

Встрѣчались умные и не особенно далекіе, талантливые, бездарные, способные и не очень способные, но обладавшихъ выдающимися способностями въ какихъ-либо профессіяхъ или искусствахъ не встрѣчалось ни одного.

И это понятно.

Какъ и чѣмъ человѣкъ съ артистическими или научными наклонностями имѣлъ бы возможность усовершенствовать и развить ихъ въ заводахъ, или горныхъ городахъ, гдѣ почти безвыѣздно приходилось коротать ему цѣлые годы и гдѣ не существовало ни театра, ни оперы, ни библіотекъ, ни музеевъ, ни художественныхъ галлерей, словомъ, рѣшительно ничего, что могло бы служить ему необходимыми и желанными источниками.

Положеніе такихъ людей было поистинѣ печально и почти всегда влекло за собою крайне неблагопріятныя и пагубныя для нихъ послѣдствія.

Положимъ, подобныхъ личностей, благодаря одинаковымъ условіямъ воспитанія, встрѣчалось весьма немного; но все же онѣ изрѣдка проявлялись и влачили иногда долгіе годы въ совершенно чуждой имъ средѣ и обстановкѣ.

Случалось, что, не находя выхода изъ своего положенія, они предавались разнымъ вреднымъ развлеченіямъ, выкидывали рядъ всевозможныхъ эксцентричностей и слыли между сослуживцами какими-то чудаками и оригиналами.

Къ числу такого рода субъектовъ принадлежалъ, между прочимъ, и горный инженеръ Семенъ Ивановичъ Горскій [1]).

Способный, развитой, остроумный, страстный любитель литературы, музыки и пѣнія, словомъ, обладавшій разными артистическими наклонностями, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, нетерпѣливый и легко увлекающійся, онъ не только не любилъ, но даже ненавидѣлъ свою спе-

---

[1]) Фамилія вымышлена.

ціальность и манкировалъ ею при каждомъ удобномъ и неудобномъ случаѣ.

Вмѣсто того, чтобы посвящать свое время служебнымъ занятіямъ, онъ употреблялъ его на свои излюбленныя занятія: игралъ на гитарѣ и віолончели, распѣвалъ романсы и аріи, писалъ разнаго рода стихи и сатиры, на выдававшіеся общественные и служебные случаи, или на кого-либо изъ сослуживцевъ и знакомыхъ, принималъ горячее участіе въ любительскихъ спектакляхъ и всему этому отдавался всецѣло, но не на долго и какими-то порывами.

Не встрѣчая въ окружавшихъ его лицахъ должнаго сочувствія къ своимъ артистическимъ забавамъ, онъ нерѣдко раздражался, хандрилъ и прибѣгалъ къ обычному, въ этихъ случаяхъ, средству,—помогающему людямъ забывать на время ихъ горести и печали. Съ каждымъ годомъ онъ все болѣе и болѣе пристращался къ дарамъ Бахуса, подъ вліяніемъ которыхъ характеръ его дѣлался постепенно еще нетерпѣливѣе и несдержаннѣе.

Къ несчастію, въ одну изъ минутъ увлеченія онъ сдѣлалъ предложеніе, женился и, еще не достигши тридцати-лѣтняго возраста, былъ уже семьяниномъ. Къ женѣ, обыкновенной заводской барышнѣ, съ скуднымъ домашнимъ образованіемъ и ограниченнымъ развитіемъ, онъ вскорѣ же охладѣлъ, и семейная жизнь ихъ шла очень не гладко и оставляла желать многаго.

Не любившій горнаго дѣла и крайне нерадиво къ нему относившійся, Горскій естественно не могъ преуспѣвать по службѣ и постепенно отставалъ, въ этомъ отношеніи, отъ своихъ товарищей и сверстниковъ. Это еще болѣе раздражало и на столько озлобляло его, что онъ спѣшилъ скорѣй излить свою злобу въ остроумныхъ сатирахъ, безпощадно громившихъ всѣхъ, безъ разбора, и товарищей, и начальство.

А сколько всевозможныхъ, забавныхъ, нелѣпыхъ, а подъ-часъ и дикихъ выходокъ, и по службѣ, и въ обществѣ, и дома, выкидывалъ онъ въ своей жизни—трудно и перечесть.

Вотъ нѣкоторыя изъ нихъ.

Помощникомъ управителя промысловъ, гдѣ Семенъ Ивановичъ уже нѣсколько лѣтъ занималъ должность смотрителя, былъ назначенъ Андрей Петровичъ Карышевъ [1]), который былъ значительно моложе его по выпуску.

Согласно прежней военной дисциплины и субординаціи, всѣ смотрители, по пріѣздѣ новаго помощника управителя, спѣшили ему представиться. Но Горскій не поѣхалъ. Это показалось обиднымъ Карышеву, и онъ пожаловался управителю.

---

[1]) Фамилія вымышлена.

— Вѣроятно, онъ не былъ извѣщенъ о вашемъ пріѣздѣ, сказалъ на это послѣдній.

— Этого я не знаю.

— Навѣрно. Я распоряжусь.

И, вотъ, по приказанію управителя, изъ заводской конторы было послано Горскому предписаніе, съ увѣдомленіемъ, что вновь назначенный помощникъ управителя, капитанъ Андрей Петровичъ Карышевъ, прибылъ къ мѣсту служенія и вступилъ въ отправленіе своихъ обязанностей.

Семенъ Ивановичъ, получивъ это предписаніе, прочелъ его, усмѣхнулся и настрочилъ слѣдующій рапортъ:

„Изъ предписанія конторы, отъ такого-то числа, за такимъ-то номеромъ, мнѣ стало извѣстно, что сюда прибылъ нѣкій Андрей Петровъ Карышевъ, о чемъ и имѣю честь донести конторѣ“.

Отославъ такой рапортъ, самъ же, все-таки, не поѣхалъ явиться къ Карышеву.

Къ этой выходкѣ, которая не прошла бы безслѣдно для всякаго другаго, ближайшее начальство отнеслось крайне снисходительно и только невольно усмѣхнулось.

Въ другой разъ, будучи командированъ на развѣдки, нѣсколько недѣль прожилъ онъ въ небольшой деревнѣ, занимая горницу при избѣ промысловаго рабочаго.

Одолѣваемый, въ часы досуга, страшною скукою, онъ сталъ чудить тамъ, не переставая.

Подкрадется осторожно къ какой-нибудь одиноко сидѣвшей бабѣ и пугнетъ ее выстрѣломъ изъ пистолета; или заберется ночью въ огородъ и закричитъ дикимъ голосомъ „караулъ“ и тѣмъ взбаламутитъ и подниметъ на ноги чуть не всю деревню.

А однажды, зайдя въ избу къ хозяйкѣ, старушкѣ Маремьянѣ, и, не заставъ ее, вздумалъ отъ нечего дѣлать произвести у нея нѣчто въ родѣ ревизіи.

Осмотрѣвъ всѣ уголки, всю домашнюю утварь, подошелъ онъ, наконецъ, къ русской печи, открылъ заслонку и заглянулъ въ ея внутренность. Печь оказалась уже истопленной, оставшіеся и частью еще раскаленные угли загребенными къ сторонкѣ, а на поду печи стояли пирогъ, горшокъ съ щами и латка съ курицей, которые готовились хозяйкой къ обѣду своего постояльца.

„Постой-ка, подумалъ Горскій: я тебѣ сюрпризъ устрою“, и, быстро сбѣгавъ въ свою горницу, вернулся съ небольшой картонной коробкой пороха, уложилъ ее въ печь, за горшокъ, а самъ скрылся на палатяхъ.

Ничего не подозрѣвавшая старуха является въ избу, подходитъ

къ печи, беретъ ухватъ и начинаетъ подвигать горшокъ съ щами къ жару, т. е. къ углямъ, а вмѣстѣ съ нимъ къ нимъ же придвигаетъ и коробку съ порохомъ.

Едва успѣла Маремьяна отойти отъ печи и закрыть заслонку, какъ вдругъ раздался сильный взрывъ, и все содержимое печи полетѣло изъ нея вонъ, разбивая оконныя стекла и разсыпаясь всюду по избѣ.

Старуха страшно перепугалась, стоитъ, трясется вся и недоумѣло бормочетъ:

— Съ нами крестная сила! Мать, Пресвятая Богородица!

А Горскій лежитъ на палатяхъ и заливается хохотомъ.

А то еще возвращался онъ, темной зимней ночью, въ крытой кибиткѣ изъ дальняго пріиска домой. Дорога была скверная; лошади шли вяло, и терпѣніе Семена Ивановича стало истощаться.

Вынувъ часы, чтобы разсчитать,—долго ли еще придется ѣхать,— онъ, въ темнотѣ, кромѣ чуть бѣлѣвшагося циферблата, конечно, ничего не увидѣлъ. Ужъ онъ вертѣлъ часы и такъ и этакъ, усиленно напрягая зрѣніе, но все напрасно: стрѣлокъ на часахъ различить не было никакой возможности. Сильно раздраженный и безъ того скверной дорогой и медленной ѣздою, тутъ ужъ Горскій не выдержалъ и страшно раскипятился.

— На кой-же вы чортъ, проклятые, коли времени указать не можете! крикнулъ онъ и швырнулъ часы, вмѣстѣ съ цѣпочкой, въ лежавшіе по краямъ дороги, сугробы снѣга.

Хотя на другой день и послано было ихъ разыскивать, но напрасно: они такъ и пропали.

Не мало продѣлывалъ Семенъ Ивановичъ подобныхъ эксцентричностей; не мало выпустилъ на свѣтъ Божій прекрасныхъ и остроумныхъ стиховъ и сатиръ, мѣткихъ словечекъ и эпитетовъ, награждая ими, кого придется—и знакомыхъ, и родныхъ и ближайшихъ начальниковъ.

Немудрено, что такія наклонности и свойства характера мало способствовали служебнымъ успѣхамъ Горскаго.

Изъ этой артистической, крайне способной и даже, можно сказать, талантливой натуры могъ бы выработаться, при иныхъ условіяхъ, недурной поэтъ, сатирикъ, музыкантъ, актеръ, словомъ, все, что угодно, но только не горный инженеръ, которымъ сдѣлала его судьба совершенно случайно.

Прослуживъ двадцать лѣтъ и не достигнувъ за это время даже капитанскаго чина, Семенъ Ивановичъ вынужденъ былъ выйти въ отставку и распроститься навсегда съ горнозаводскою службою.

Конечно, какъ въ семьѣ встрѣчаются порой уроды, такъ и среди

заводскаго общества встрѣчались разные чудаки и оригиналы, но такихъ, какъ Горскій, не было ни одного.

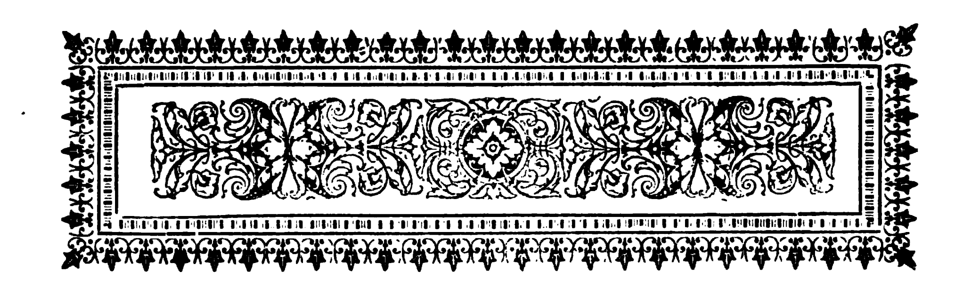
Но вотъ наступила знаменитая эпоха—освобожденіе крестьянъ отъ крѣпостной зависимости.

Большая часть разныхъ отдѣльныхъ частей управленія, которыя, въ крѣпостное время, были подчинены одному только горному начальству, распредѣлились уже между другими вѣдомствами. Стали появляться на заводахъ новыя лица, съ новыми взглядами, привычками, требованіями, а одновременно съ этимъ стала постепенно видоизмѣняться и заводская общественная жизнь, которая, въ концѣ концовъ, сдѣлалась неузнаваемой и почти во всемъ одинаковой съ общественною жизнью всѣхъ вообще большихъ и малыхъ городовъ Россійской Имперіи.

Ал. Корельскій.

2 марта 1905 г. г. Пермь.

За шестьдесятъ лѣтъ.

Воспоминанія Ив. Ив. Венедиктова.

VII [1]).

Новыя вѣянія.—Товарищество „Общественная Польза".—Хрулевъ.—Представленіе моихъ туманныхъ картинъ въ Зимнемъ дворцѣ.—Занятія мои въ морскомъ вѣдомствѣ.—Двадцативосьмилѣтній Комитетъ.—Служба въ военномъ министерствѣ.—Заключеніе.

Наступала пора новаго вѣянія. Всюду заговорили о прогрессѣ, и прогрессъ сталъ проявляться во всѣхъ видахъ распоряженій. Совершилось освобожденіе крестьянъ. Образовались комитеты для составленія положеній о равноправности и гласности суда и мѣстномъ самоуправленіи. Вернулся изъ-за границы Татариновъ съ богатымъ запасомъ матеріаловъ для преобразованія системы государственнаго счетоводства и съ проектомъ составленія безсекретныхъ и толковыхъ финансовыхъ смѣтъ. „Морской Сборникъ" выпустилъ трактатъ Пирогова о необходимости измѣненія системы образованія, съ цѣлью отдѣленія образованія общаго отъ спеціальнаго; ну и пошли всѣ прогрессировать; при чемъ, отъ избытка новыхъ ощущеній, обнаружились и забродившія дрожжи: заподозрѣнъ былъ въ своей благонадежности при самомъ началѣ кружокъ воскресныхъ школъ;—явились объявленія редактора журнала „Современное слово" о выдачѣ своимъ подписчикамъ, въ видѣ преміи, перевода существующихъ конституцій и, между прочими и многими новостями, появилось изобиліе такъ называвшихся стрижекъ. Множество дѣвочекъ подростковъ появились, какъ по формѣ, острижеными по-мужски, по возможности въ очкахъ. Большею частью съ воротничками и рукавичками не первой чистоты

[1]) См. „Русскую Старину" октябрь 1905 г.

и съ манерами удальства и ухарства. Много погибло этихъ бѣднягъ и много семействъ перенесло горя съ этимъ продуктомъ начала шестидесятыхъ годовъ.

Вотъ, какъ очевидецъ, припоминаю, не говоря о большинствѣ, одну изъ типичныхъ выходокъ такой барышни. Въ обширной залѣ военнаго министерства, въ которой собирались нуждавшіяся видѣть Милютина, ожидало его множество лицъ отъ высокопоставленныхъ до частныхъ просителей безразлично. Всѣ обратили вниманіе на развалившуюся на стулѣ молоденькую особу—стриженую, въ очкахъ, черное полуотрепаное платье, засаленные воротнички и чуть не мужскіе, выставленные на показъ сапоги.

Вошелъ Милютинъ, встрѣченный общимъ поклономъ, кромѣ обрисованной особы—она не встала. Милютинъ памятный своею вѣжливостью ввелъ обычай здороваться со всѣми безразлично, подавая руку. Дошла очередь и до барышни. Она, не вставая, сама протянула Милютину руку и подала бумагу. Милютинъ прочиталъ и сказалъ, что предметъ, о которомъ говорится въ бумагѣ, не его вѣдомства, а потому онъ сдѣлать ничего не можетъ.—А мнѣ сказали, что вы министръ, возразила барышня.—Да, вамъ сказали правду.—Я думала, что разъ министръ, такъ онъ уже все можетъ.—Вы ошиблись.—Ну, не можете, такъ и не надо, отвѣтила барышня, выхватила бумагу и, размахивая руками, двинулась черезъ залъ къ выходу, постукивая своими каблучищами. Всѣ улыбнулись.

Многія изъ такихъ стрижекъ, кромѣ бѣды себѣ и горя своимъ семействамъ, повліяли и на строй общества. Сдѣлавшись участницами сходокъ учащейся молодежи, увлекаясь идеями свободы и экзальтируя съ своей стороны эту молодежь готовностью на всякое самопожертвованіе, начиная съ признанія права гражданскаго брака, эти стрижки во многихъ кружкахъ развили идеи права на полученіе большаго, чѣмъ давалось обществу. Тотъ же духъ развивался и внѣ этихъ кружковъ. Куда бы ни пришли, всюду какое-то болѣзненное напряженіе и разговоръ на одну и ту же тему. Мѣстами перешли черезъ край. Горючій матеріалъ накоплялся изъ разныхъ случайностей.

По инціативѣ Платона Павлова, съ участіемъ двухъ братьевъ графовъ Ростовцевыхъ и Павла Васильевича Анненкова, составился домашнимъ образомъ кружокъ для развитія воскресныхъ чтеній народу. Одинъ изъ соревнователей этого кружка, въ порывѣ юношеской учености, выступилъ на лекціи въ публичное прекаnіе со священникомъ о правильности объясненія причинъ появленія радуги, чтó было признано неумѣстнымъ, и кружокъ долженъ былъ умѣрить свои стремленія, а потомъ воскресныя чтенія и совсѣмъ прекратились. Сочув-

ствовавшей кружку молодежи было много. Собирались у Михаила Ростовцева. Читались рефераты книгъ, которыя желательно было проводить въ народъ. Обсуждались мѣры къ развитію кружковъ воскресныхъ школъ и въ губерніяхъ, при установленіи связи этихъ кружковъ съ центральнымъ и т. д. Казалось все хорошо, и потому разрушеніе всѣхъ предположеній по независящимъ обстоятельствамъ вызвало массу неудовольствій, передававшихся на сходкахъ оскорбившейся молодежи въ различныхъ формахъ.

Распространился слухъ о днѣ выдворенія изъ Петербурга Чернышевскаго. Народу къ мѣсту отправленія собралось множество. Сходка приняла демонстративный характеръ. Крики, бросаніе букетовъ и т. п.; потребовалось насильственное удаленіе участниковъ, что̀ дало поводъ молодежи еще разъ выражать негодованіе противъ стѣснительныхъ распоряженій.

Образовалось прекрасное товарищество Покитонова, Водова и Струговщикова подъ фирмою—„Общественная Польза", съ солиднымъ капиталомъ для распространенія научныхъ свѣдѣній, преимущественно по естествовѣдѣнію. Товарищество открыло собственную типографію. Начались многочисленныя изданія переводовъ лучшихъ авторовъ и выдающихся сочиненій русскихъ, при чемъ охотно допускались къ труду, въ особенности переводовъ, даже только начинающіе работать молодые люди. Въ галлереяхъ зала, за колоннами, размѣстился громадный запасъ физическихъ и химическихъ принадлежностей и вообще приборовъ по разнымъ отраслямъ естествовѣдѣнія, а центръ зала обращенъ въ аудиторію для публичныхъ чтеній. Къ участію въ этихъ чтеніяхъ были привлечены лучшія въ то время ученыя силы; читали: Пеликанъ—целюлярную патологію, Цинковскій—ботанику, Ленцъ—физику, Ходневъ—химію, Загорскій—физіологію, Михайловъ—метеорологію, Пузыревскій—геологію, Иванъ Алексѣевичъ Вышнеградскій—механику, и другіе, съ платою, безразлично, по 25 р. за лекцію. Публика охотно посѣщала лекціи и у большей части лекторовъ постоянно наполняла аудиторію. Такъ, напримѣръ, Ходневъ читалъ химію съ опытами по четвергамъ. Первый день Рождества и Новаго года пришлись въ четвергъ. Принцъ Ольденбургскій, постоянно присутствовавшій на этихъ лекціяхъ, прислалъ заранѣе узнать—не будутъ ли онѣ отмѣнены по случаю праздниковъ? и получивъ отвѣтъ, что не будутъ отмѣнены, пріѣхалъ въ оба дня и нашелъ залъ переполненный слушателями. Дѣло шло отлично.

Товарищество, воспользовавшись пріѣздомъ въ Петербургъ Погодина, просило его прочитать что-либо. Погодинъ согласился, избравъ для лекціи судъ царя Петра надъ его сыномъ. Тема зажигательная и тогда современная. Передъ самымъ началомъ лекціи пріѣхалъ

шефъ жандармовъ, кн. Долгоруковъ и, отозвавъ Погодина за драпировку, спросилъ его: не можетъ ли онъ пропустить нѣкоторыя обстоятельства? Погодинъ отвѣчалъ, что если князь только совѣтуетъ, то онъ этого совѣта принять не можетъ, а если князь этого желаетъ, то онъ, Погодинъ, объявитъ, что отъ чтенія отказывается. Читайте все, сказалъ князь и самъ занялъ въ первомъ ряду кресло.

Представивъ Петра, какъ отца, въ очень грубыхъ краскахъ, Погодинъ закончилъ лекцію воззваніемъ: вотъ, какъ видите, слава Богу, мы дожили до того времени, что можемъ оцѣнять правдиво дѣйствія своихѣ царей. Раздался громъ апплодисментовъ, а когда показались и двѣ бѣлыя перчатки шефа жандармовъ—стекла задрожали отъ единодушнаго браво, при чемъ раздались съ хоръ крики: „браво Долгоруковъ".

Оказалось множество желавшихъ повторенія лекціи, но разрѣшеніе не послѣдовало.

Разрѣшеніе лекціи и отказъ въ ея повторенія были двѣ новыя будирующія капли въ бурливую массу.

Въ университетахъ начались вспышки, при чемъ такая вспышка въ Москвѣ закончилась избіеніемъ студентовъ мясниками Охотнаго ряда.

Стали появляться подметныя письма, угрожавшія пожарами, а, за тѣмъ, случайно или нѣтъ, начались частые пожары, за которыми послѣдовами огромные пожары—въ Ямской и въ Толкучемъ рынкѣ. Обнаружилась паника, отвлекшая вниманіе общества въ другую, а тутъ подоспѣло польское возстаніе, и броженіе какъ будто притихло; но впослѣдствіи, принявъ съ 4 апрѣля, болѣе опредѣленный характеръ, неоднократно о себѣ напоминало!...

Воскресныя школы и товарищество „Общественняя Польза" были мнѣ близки по участію, которое я принималъ въ нихъ лично по исключительнымъ условіямъ.

Я увлекался расширеніемъ значенія, бывшей до того игрушки—волшебнаго фонаря, съ цѣлью включить его въ число учебныхъ пособій. Началъ съ приготовленія фотографическимъ путемъ до 200 раскрашенныхъ предметовъ по зоологіи, которые были одобрены такими звѣздами первой величины, какъ Брандтъ и Бэръ. Это мнѣ польстило, и я пошелъ далѣе.

Въ виду моего пристрастія къ волшебному фонарю, товарищество „Общественная Польза" пригласило меня завѣдывать его проектирными приборами при лекціяхъ, что̀ дало мнѣ пріятное право, какъ участнику дѣла, присутствовать на всѣхъ лекціяхъ, безъ исключенія.

Около этого времени пріѣхалъ въ Петербургъ съ прекраснымъ приборомъ и отличными рисунками нѣкто Роде и показалъ въ театрѣ

картины геологическихъ переворотовъ, съ древнѣйшими обитателями нашей планеты, что̀ вызвало такое четверостишіе:

Господинъ Роде,
Приборомъ въ новомъ родѣ,
Показалъ, что въ природѣ
Живетъ уродъ на уродѣ.

Дѣла Роде пошли отлично, и онъ уже выработалъ тысячъ до десяти рублей, какъ ему вдругъ запретили продолжать представленія. Не имѣя знакомыхъ, Роде пріѣхалъ ко мнѣ, только по сходству̀ профессіи, съ просьбою, нельзя ли пособить. Я рискнулъ двинуться прямо къ министру внутреннихъ дѣлъ статск. совѣтн. Ланскому, къ которому получилъ свободный доступъ, когда онъ занималъ предшествующее мѣсто предсѣдателя опекунскаго совѣта. Какъ одинъ изъ представителей вымиравшаго масонства и сохранившій качества мистика, онъ, какъ выражался самъ, любилъ отвести душу, поговоривъ о чертикахъ. Мнѣ приходилось выслушивать цитаты изъ Сведенборга, а, затѣмъ, сообща трактовать Месмера, Эккарсгаузена, Гюбера, Корбека и др.

Ланской сказалъ мнѣ, что для Роде ничего сдѣлать не можетъ, такъ какъ прекращеніе чтеній исходитъ отъ митрополита.

Между тѣмъ я, соблазнившись программою Роде, затѣялъ составить для домашняго употребленія коллекцію геологическихъ рисунковъ, съ болѣе серьезнымъ объясненіемъ, для чего собралъ какія могъ сочиненія по геологіи: Лейля, Циммермана, Гартлига, Котта и взялся за составленіе популярнаго изложенія геологическихъ явленій.

Платонъ Павловъ и его товарищи по устройству воскресныхъ школъ, узнавъ о моей работѣ, предложили мнѣ устроить нѣсколько публичныхъ чтеній въ пользу тѣхъ школъ, для чего предводитель дворянства давалъ зало Дворянскаго собранія.

Не довѣряя достоинству собственной компиляціи, и при томъ для такого назначенія, я обратился къ содѣйствію спеціалистовъ, которые, отнесясь сочувственно къ моему предположенію, кое-что исправили и подсказали, впрочемъ, вспоминаю не безъ гордости, весьма не много.

При участіи и по совѣту К. Д. Кавелина, я направилъ свою работу для разсмотрѣнія въ университетъ и чрезъ нѣсколько дней былъ обрадованъ увѣдомленіемъ Кавелина, что факультетъ университета, разсматривавшій мою работу, призналъ ее удовлетворительною для своего назначенія; а затѣмъ она прошла черезъ цензурный комитетъ и была имъ одобрена.

Далѣе, для права публичнаго чтенія, оказалась надобность соблю-

сти еще множество формальностей—получить разрѣшеніе по учебному вѣдомству, потомъ отъ полиціи и еще что-то.

Отвезъ я свою работу къ Ивану Давидовичу Делянову, который не замедлилъ разрѣшеніемъ. Скоро разрѣшилъ и оберъ-полицеймейстеръ. Казалось, все сладилось. Оставался одинъ собственный страхъ появиться передъ публикою на эстрадѣ въ залѣ Дворянскаго собранія съ собственными рисунками и собственною компиляціею для объясненія рисунковъ; но судьба выручила.

Возвратясь какъ-то домой, я нашелъ у себя карточку Делянова и при ней пакетъ съ бумагою отъ 31 января 1861 г. № 524, въ которой, по указанію министра народнаго просвѣщенія, Ковалевскаго, сообщалось, что предполагаемыя мною объясненія, по содержанію своему, не могутъ принадлежать къ числу предметовъ, которые было бы удобно допускать къ публичному чтенію массѣ слушателей, весьма часто не столько подготовленной, чтобы излагаемыя гипотезы служили лишь нѣкоторымъ поясненіемъ науки, не порождая тѣхъ неумѣстныхъ толкованій, которыя возможны при неясномъ или превратномъ пониманіи предмета; почему въ разрѣшеніи чтеній мнѣ отказано.

Такимъ образомъ дѣло не выгорѣло, что, впрочемъ, меня не очень опечалило; и хотя вслѣдъ за тѣмъ въ журналѣ „Христіанское чтеніе", издававшемся Духовною академіею, появилась обширная статья, кажется, священника Никольскаго, въ которой было поставлено эпиграфомъ, что современная геологія не опровергаетъ, а подтверждаетъ книгу бытія, но я не счелъ нужнымъ и впослѣдствіи возобновлять ходатайство о разрѣшеніи публичныхъ чтеній, преслѣдуя одну предвзятую мысль: нельзя ли популяризировать употребленіе волшебнаго фонаря въ видѣ научнаго пособія для школъ и, въ особенности, для народныхъ чтеній.

Первымъ препятствіемъ къ этому дѣлу была дороговизна рисунковъ при изготовленіи ихъ ручнымъ способомъ. Англійскіе рисунки Карпентера или Негретти стоили отъ 3 до 6 руб. и болѣе, а мнѣ хотѣлось понизить цѣну, буде можно, до единицъ копѣекъ.

Въ это время появились первые зачатки распространившейся впослѣдствіи декалькоманіи, т. е. печатные красками рисунки, которые можно переводить на другую бумагу или на дерево и стекло, и тогда эта новость составляла привилегію храбраго на войнѣ и предпріимчиваго коммерсанта въ мирное время, Степана Александровича Хрулева, и была названа имъ метахромотипіею. Тоже рисунки, напечатанные на бумагѣ, которые съ помощью кипятка и лака можно было переводить на что угодно; но рисунки эти печатались красками безъ разбора, а мнѣ, въ предположеніи примѣнить этотъ способъ къ

рисункамъ для волшебнаго фонаря, нужно было употребленіе однѣхъ прозрачныхъ красокъ. Ожидая справиться съ этимъ дѣломъ, я сообщилъ Хрулеву свою мысль объ изготовленіи коллекцій рисунковъ по возможно большему числу научныхъ отдѣловъ.

Хрулевъ изъявилъ готовность посодѣйствовать выполненію моего намѣренія и предложилъ мнѣ взять подъ его ручательствомъ у Кокорева до пяти тысячъ рублей, но съ тѣмъ, чтобы рисунки выполнялись не иначе, какъ въ мастерской его, Хрулева, по назначенной имъ цѣнѣ, съ полученіемъ имъ денегъ непосредственно изъ кредита, какой будетъ открытъ мнѣ Кокоревымъ, безъ процентовъ, а взамѣнъ ихъ, по мѣрѣ продажи рисунковъ, которая должна быть подъ контролемъ Хрулева, ему должны принадлежать 25% изъ разницы цѣнъ—заготовительной и продажной, а мнѣ оставлялось 75% на всѣ расходы по пріобрѣтенію оригиналовъ, на уплату долга Кокореву и проч., не говоря вовсе о вознагражденіи за трудъ и хлопоты по направленію операціи.

Какъ я ни былъ неопытенъ въ коммерческихъ предпріятіяхъ, но мнѣ показалось, что я, изъявивъ согласіе на такое предложеніе, попаду въ безвыходную кабалу къ генералу Хрулеву, почему на требованіе его заключить условіе нотаріальнымъ порядкомъ и при томъ въ кратчайшій срокъ, въ виду якобы скораго отъѣзда Кокорева, я отъ заключенія условія отказался, высказавъ намѣреніе повести дѣло самостоятельно. Тогда Хрулевъ, не скрывая своего неудовольствія, напомнилъ мнѣ, что для меня необходима переводная бумага, а такъ какъ на способъ приготовленія такой бумаги онъ имѣетъ привилегію, то, въ случаѣ злоупотребленія мною этою привилегію, онъ уступитъ свое право не дешево. Чтобы я это зналъ и помнилъ.

Изслѣдовавъ бумагу Хрулева, я нашелъ въ ней крахмалъ и клей. Я попробовалъ употребить осажденный бѣлкомъ отваръ дикстрина. Приготовленіе оказалось проще, бумага чаще и переводъ легче. Я показалъ Хрулеву эту новую бумагу, доказавъ химически разницу въ способѣ приготовленія. Онъ сознался, что мой способъ лучше, и кончилъ вопросомъ, не хочу ли я—или войти съ нимъ въ компанію или продать ему мой способъ. Я отказался отъ того и другаго и, приготовивъ при немъ бумагу, предоставилъ ему пользоваться ею какъ хочетъ, не желая препятствовать ему и стѣснять себя. И мы разстались.

Устранивъ такимъ образомъ препятствіе къ пользованію бумагою, оставалось искать путь къ приготовленію рисунковъ. Въ это время появилась первая въ Россіи хромолитографія. Имѣвшій свою литографію, академикъ Сѣмячкинъ издалъ снимокъ съ иконы Казанской Божьей Матери. Думаю, чего же лучше, отправился къ Сѣмячкину.

Сталъ онъ высчитывать свои труды и расходы и высказывать условія. Я привезъ двадцать рисунковъ, большею частью сдѣланныхъ уже на стеклѣ красками, работы хорошихъ мастеровъ, такъ что оставалось только копировать, а частью гравюры. Всѣ рисунки слѣдовало помѣстить на одномъ листѣ. Вычертили размѣры. Все хорошо. Тутъ Сѣмячкинъ заявилъ, что собственно для меня нужно пріобрѣсти 10 или 12 камней, бумагу и получить отъ меня сколько-нибудь денегъ на эти расходы. Начался заборъ денегъ и прежде, чѣмъ я увидѣлъ начало работы, съ меня было взято около 600 руб. Это за одинъ листъ, а торговаться съ академикомъ я стѣснялся, въ особенности, когда, по неопытности, было выдано уже много денегъ. Наконецъ, появился первый, сохраненный понынѣ, оттискъ. Оказался дрянь, никуда не годный. Неопрятно, безъ вкусу и вмѣсто обѣщанныхъ, по числу камней, 10—12 красокъ отпечатанъ съ четырехъ — пяти камней, съ отталкивающимъ однообразіемъ. Въ заключеніе, послѣ вынужденныхъ поправокъ, удалось получить, вмѣсто условленныхъ 500 листовъ, всего 100 листовъ, и все-таки плохенькихъ. Тутъ я понялъ, какъ трудно вести затѣянное дѣло, но не падалъ духомъ потому, что, участвуя и самъ въ работахъ литографіи Сѣмячкина, узналъ технику и понялъ, что другой разъ меня надуть будетъ труднѣе, а хорошіе граверы были въ виду. Возможность имѣть дешевые рисунки для меня казалась вѣроятною, но при условіи сбыта ихъ въ большомъ числѣ.

Много времени спустя, встрѣтилъ я на какой-то выставкѣ, въ манежѣ около Зимняго дворца, одного изъ распорядителей, милѣйшаго Николая Васильевича Черняева. Сошлись мы около препаратовъ Озу. Черняевъ, разговорившись со мною, сталъ высказывать свое мнѣніе, какъ бы хорошо было сдѣлать такіе препараты доступными низшимъ учебнымъ заведеніямъ, но, къ сожалѣнію, такъ дороги, что объ этомъ и думать нельзя. Тогда я разсказалъ исторію моихъ работъ, направленныхъ къ той же цѣли. Черняевъ, выразивъ желаніе познакомиться со мною и посмотрѣть мои запасы, спросилъ мой адресъ и въ тотъ же день вечеромъ явился ко мнѣ. Познакомившись съ моими коллекціями, вызвалъ мое полномочіе содѣйствовать моимъ намѣреніямъ всѣми способами, какіе найдетъ подходящими для предвзятой цѣли.

Въ это время министромъ народнаго просвѣщенія былъ уже Александръ Васильевичъ Головнинъ.

Не прошло недѣли послѣ свиданія съ Черняевымъ, какъ я получилъ приглашеніе отъ Головнина побывать у него. Догадываясь, въ чемъ дѣло, я, отправляясь по приглашенію, взялъ съ собою нѣсколько рисунковъ и собственной работы, и приготовленныхъ Сѣмячкинымъ, чтобы показать, какъ трудно у насъ приготовить что-нибудь новенькое, несмотря на готовность пожертвованія трудомъ и деньгами.

Головнинъ выказалъ большое сочувствіе моему предположенію и высказался въ такомъ смыслѣ: я искренно желаю быть пособникомъ къ выполненію вашихъ намѣреній, но для того, чтобы я могъ принять оффиціально участіе, мнѣ необходима оффиціальная поддержка, для чего я предлагаю вамъ мои комнаты, если васъ не стѣснитъ мое предложеніе привезти сюда приборъ съ рисунками, по вашему выбору, и тогда прикажите сдѣлать всѣ приспособленія, какія для васъ необходимы. Все будетъ исполнено, а когда все будетъ готово, дайте мнѣ знать заблаговременно, въ какой день вы свободны, и я приглашу господъ преподавателей по естествовѣдѣнію, чтобы они высказали свое мнѣніе по вашему предложенію, и если голосъ ихъ будетъ въ вашу пользу, то разсчитывайте на мое всестороннее содѣйствіе. Большаго я и самъ бы не могъ придумать. Уѣхалъ въ восторгѣ.

Въ назначенный вечеръ присутствующихъ оказалось множество. Сколько можно было подслушать отзывы, качество рисунковъ было признано всѣми удовлетворительнымъ. Тѣмъ вечеръ и кончился. Черезъ нѣсколько дней пріѣхали ко днѣ проф. Кесслеръ и извѣстный преподаватель зоологіи Михайловъ, отъ которыхъ я узналъ, что, по сложившемуся мнѣнію, чтеніе лекцій съ волшебнымъ фонаремъ въ классахъ, по театральности обстановки, признано неудобнымъ; при чемъ, шутя, оба прибавили: не отбивайте хлѣбъ у честныхъ тружениковъ, для которыхъ изданіе иллюстрированныхъ учебниковъ составляетъ вопросъ безбѣднаго существованія.

Такимъ образомъ мои рисунки, какъ пособіе школьное, провалились. Оставалась надежда на публичныя чтенія; но тутъ я получилъ новое служебное назначеніе, при которомъ уже не могъ увлекаться своею идеею и работами, и потому счелъ дѣло, съ которымъ возился такъ долго, совсѣмъ потеряннымъ.

Но, черезъ нѣсколько лѣтъ уже, пріѣхалъ ко мнѣ флигель-адъютантъ Арсеньевъ съ приглашеніемъ показать мои работы при высочайшемъ дворѣ. Положеніе мое было для меня уже очень новымъ и казалось не легкимъ. Пріѣхалъ въ Зимній дворецъ, забравъ съ собою образцы разныхъ серій рисунковъ, не исключая и шаловливыхъ для дѣтей. Меня встрѣтила воспитательница бывшей тогда еще великою княжною, Маріи Александровны, Анна Ѳедоровна Тютчева, впослѣдствіи супруга Аксакова. Не зная цѣли вечера и вкуса ожидаемыхъ зрителей, я передалъ Аннѣ Ѳедоровнѣ коллекціи рисунковъ, именно дѣтскихъ, желая знать, не будутъ ли нѣкоторые изъ нихъ неумѣстными. Рисунки эти были отнесены камеръ-лакеемъ на подносѣ куда-то и по возвращеніи съ Анною Ѳедоровною, сопровождавшею великую княжну, было сообщено, что все, что я привезъ, показывать можно.

Наступалъ назначенный день. Для меня устроена была темная комната изъ числа собственныхъ аппартаментовъ ихъ величествъ. Собрались и усѣлись дѣти. Когда почувствовалось приближеніе государя, я открылъ по направленію къ двери одну сторону фонаря, дабы освѣтить входъ, и освѣтилъ чудную, незабываемую сцену. Приглашенныя дѣти бросились къ государю, и я видалъ, съ какою отеческою нѣжностью каждый изъ нихъ получалъ ласки и поцѣлуи. Это была какая-то святая картина.

Послѣ перваго отдѣленія, во время чая, пріѣхали гр. Перовскій и кн. Гагаринъ, которые попросили показать имъ особо скульптуру. Тѣмъ вечеръ и кончился.

Вскорѣ за тѣмъ появилось въ газетахъ, что при участіи главнаго начальника военно-учебныхъ заведеній Исакова и градоначальника Трепова предполагается для полезнаго развлеченія распространить упоуребленіе волшебнаго фонаря для популярныхъ чтеній. Вѣдомство военно-учебныхъ заведеній выписало фонари и рисунки изъ Лондона, собственно для своихъ заведеній. Потомъ стали пріобрѣтать приборы войска, а затѣмъ и многія общественныя учрежденія, для народныхъ чтеній. Показались въ продажѣ дешевые, но иностранные переводные рисунки: французскіе—нимфы да амуры. Нѣмецкіе, юмористическіе, большею частью по поводу преобразованія свиней и ихъ похожденій или по воспитанію дѣтей съ поощреніями и внушеніями различныхъ системъ, а русскіе рисунки ограничились фотографіями, очень дорогими, а приготовленіе научныхъ, систематическихъ и при томъ дешевыхъ коллекцій такъ и не осуществилось.

Чувствую, что я, быть можетъ, черезъ край много удѣлилъ мѣста воспоминаніямъ о своемъ участіи въ распространеніи волшебнаго фонаря, но я любилъ эту идею, посвятивъ этому дѣлу болѣе восьми лѣтъ свободнаго отъ службы времени, да и теперь еще не теряю надежды, что онъ когда-нибудь сослужитъ народу свою службу, коечему научитъ и въ праздничное время доставитъ дешевое развлеченіе, въ ущербъ любимой чарочкѣ зелена вина.

Увлекаясь этими воспоминаніями, я, въ порядкѣ ихъ изложенія, ушелъ много впередъ, такъ какъ, на самомъ дѣлѣ, фонарь былъ самъ по себѣ, а служба и общественная дѣятельность—сами по себѣ. И моя личная служба не оставалась безъ движенія.

Какъ-то Анненковъ потребовалъ меня къ себѣ и объявилъ, что случайно освободилось лучшее, какимъ онъ можетъ располагать, мѣсто делегата со стороны контроля при главномъ штабѣ военно-учебныхъ заведеній, подъ начальствомъ его высочества великаго князя Михаила Николаевича, и что онъ предлагаетъ это мѣсто мнѣ. Конечно, я принялъ это предложеніе съ удовольствіемъ, въ чемъ и не

раскаявался, вспоминая цѣлую жизнь день этого назначенія, какъ начало счастливо сложившейся всей, послѣдовавшей затѣмъ служебной карьеры.

Но вскорѣ, подъ давленіемъ духа времени и общаго стремленія къ преобразованіямъ, обозначалось, что и главному штабу военно-учебныхъ заведеній предстоитъ реформа. Его высочество получилъ назначеніе намѣстника на Кавказѣ, и около того же времени Анненковъ былъ назначенъ генералъ-губернаторомъ въ Кіевъ.

Главный штабъ военно-учебныхъ заведеній переименованъ въ главное управленіе военно-учебныхъ заведеній (деликатное переименованіе въ департаментъ) съ непосредственнымъ подчиненіемъ военному министру, и начальникомъ этого управленія назначенъ, бывшій попечителемъ Московскаго учебнаго округа генералъ-маіоръ Исаковъ, а на мѣсто Анненкова—доброй памяти, неусыпный труженикъ, Валерьянъ Алексѣевичъ Татариновъ, съ готовымъ уже проектомъ упорядоченія государственнаго счетоводства, правильнаго составленія финансовыхъ смѣтъ, болѣе осмысленнаго контроля и введенія единства кассы. При этомъ министерство финансовъ становилось, впервые, дѣйствительнымъ хозяиномъ государственнаго сундука. Несмотря на то, однако же, если бы министромъ финансовъ былъ не Рейтернъ, или, хотя бы и онъ, но не былъ бы подъ такимъ вліяніемъ великаго князя Константина Николаевича, подъ какимъ былъ Рейтернъ, то и эти, предложенныя Татариновымъ реформы, единственныя изъ всѣхъ реформъ того времени, не потребовавшія впослѣдствіи коренныхъ измѣненій, пожалуй, не удались бы, такъ какъ многіе министры высказывали свои опасенія за успѣшность новаго порядка составленія и исполненія финансовыхъ смѣтъ, ссылаясь на канцелярскія и разныя техническія затрудненія, при чемъ сквозило несочувствіе къ налагаемому новымъ порядкомъ ограниченію прежней свободы министерскихъ распоряженій. Противъ единства кассы были почти всѣ, находя это невыполнимымъ на практикѣ. Но упорство Татаринова взяло верхъ, и реформа сразу и безповоротно показала свои достоинства, за что́ по смерти Татаринова, семейство его получило исключительную, по иниціативѣ Государственнаго Совѣта награду, въ видѣ ста тысячъ рублей. Кажется, такъ.

Морское министерство, подъ главенствомъ великаго князя Константина Николаевича, прогрессировало вообще впереди другихъ учрежденій, по вопросамъ, возбуждавшимся и администраціею, и обществомъ. Такъ ему обязано возрожденіе эмеритуры, и оно же, выразивъ сочувствіе проектамъ Татаринова, взяло на себя пробу—нельзя ли примѣнить къ государственному счетоводству предварительный контроль, т. е. контрольную повѣрку разрѣшаемыхъ расхо-

довъ прежде выдачи денегъ, и примѣнить къ казеннымъ счетамъ итальянскую бухгалтерію?

Въ то же время данъ толчокъ къ развитію серьезнаго педагогическаго вопроса о системѣ умственнаго развитія юношества, въ статьѣ Пирогова о необходимости отдѣлять въ дѣтскомъ возрастѣ общее развитіе отъ спеціальнаго, не злоупотребляя этимъ послѣднимъ въ ущербъ первому. Статья эта не осталась безслѣдною въ особенности въ примѣненіи къ военно-учебнымъ заведеніемъ, вызвавъ коренной переворотъ во всемъ ихъ строѣ; объ этомъ, быть можетъ, придется сказать въ другомъ мѣстѣ.

Для испытанія новаго способа контроля Татариновъ выбралъ меня, а вопросъ о возможности примѣненія итальянской бухгалтеріи поручилъ Хитрово, и мы оба были командированы въ морское министерство и оба представили отвѣты отрицательные, не въ силу рутины и канцелярскаго консерватизма, а встрѣтивъ непреодолимыя препятствія въ существѣ порядка. Обширныя объясненія наши были, вѣроятно, достаточно основательны, судя потому, что Татариновъ сразу отказался поддерживать и ту и другую идеи.

Скажу только о пробѣ предварительнаго контроля, т. е. такого порядка, чтобы контроль санкціонировалъ правильность разрѣшаемаго мѣстною властью расхода, прежде выдачи денегъ изъ кассы и, затѣмъ, всю отвѣтственность за правильность расхода уже принималъ бы на себя. По прибытіи въ морское министерство, я взялъ, на выдержку, два дѣла, по которымъ была уже разрѣшена выдача денегъ считая себя обязаннымъ примѣнить къ пересмотру этихъ дѣлъ весь тотъ порядокъ и законы, какими долженъ руководствоваться контроль при ревизіи денежныхъ расходовъ. Татариновъ чуть не обнялъ меня за мои записки, найдя мою ревизію такою, какой желательно было достигнуть; но когда я ему показалъ счетъ употребленнаго мною времени, въ который вошло именно только то время, которое я дѣйствительно работалъ и что при этомъ понадобилось до 12 часовъ, или около четырехъ присутственныхъ дней, то Татариновъ согласился съ моимъ выводомъ, что при такомъ порядкѣ ревизіи контроль не только задержитъ, но просто остановитъ всѣ денежныя распоряженія администраціи. Къ этому я прибавилъ свое мнѣніе, что даже и послѣдовательный контроль, для успѣшнаго хода дѣла, долженъ потребовать громаднаго личнаго состава контрольныхъ учрежденій; иначе ревизія можетъ затянуться на столько, что придется ревизовать большею частью дѣйствія покойниковъ. Татариновъ все-таки съэкономничалъ въ штатахъ донельзя, а мое мнѣніе оправдалось. Ревизія въ восьмидесятыхъ годахъ затянулась уже лѣтъ на десять и болѣе, въ ущербъ спокойствію, а иногда и чести лицъ,

участвовавшихъ въ операціяхъ, но лишенныхъ возможности давностью времени давать контролю оправдательные отвѣты на его вопросы.

По окончаніи работы въ морскомъ вѣдомствѣ, Татариновъ назначилъ меня членомъ отъ контроля въ образовавшійся при Государственномъ Совѣтѣ комитетъ для пересмотра законовъ о казенныхъ подрядахъ и о способахъ казенныхъ заготовленій вообще.

Хочется упомянуть о сохранившемъ для меня, какъ чиновника, свою свѣжесть пріятномъ случаѣ.

Комитету предоставлено было исключительное право направлять свои работы прямо въ Государственный Совѣтъ при условіи, чтобы члены комитета свои работы, предварительно внесенія ихъ въ комитетъ, представляли на одобреніе своихъ министровъ, но Татариновъ сообщилъ государственному секретарю Буткову, что, назначивъ меня, онъ по особому довѣрію уполномочилъ меня представлять мои работы безъ предварительнаго представленія ему, Татаринову.

Кто зналъ Татаринова, тотъ согласится со мною, что я, именно какъ подчиненный ему чиновникъ, могъ считать такой отзывъ его лучшею и наиболѣе лестною для себя изъ всѣхъ поощреній оцѣнкою моей служебной дѣятельности. А я, поневолѣ, очень дорожилъ службою.

Предсѣдателемъ комитета былъ назначенъ бывшій главнымъ интендантомъ Черноморскаго флота и, кажется, управлявшій министерствомъ, членъ Государственнаго Совѣта, адмиралъ Метлинъ. Мѣстомъ засѣданій для комитета указано было помѣщеніе департамента государственной экономіи въ Государственномъ Совѣтѣ, по правдѣ сказать, очень мизерное, да и очень не щеголеватое. Засѣданія назначались по вечерамъ. Отъ двора предлагался нарядный и замысловато сервированный чай. Все хорошо. Принялись за работу, какъ всегда бываетъ для начала, горячо, сознавая важность работы и дѣйствительную потребность многихъ измѣненій въ дѣйствовавшихъ законахъ. Члены начали приводить, каждый по своему министерству, примѣры въ доказательство несостоятельности нѣкоторыхъ законоположеній. Казалось, завели пружину какъ слѣдуетъ. Усердствуя скорѣйшему ходу дѣла, согласились изъ членовъ образовать кружки и законы раздѣлить на части съ тѣмъ, чтобы каждый кружокъ разрабатывалъ свою часть и потомъ передавалъ на обсужденіе другаго кружка, дабы, по общемъ соглашеніи, приходить къ окончательнымъ выводамъ уже въ общемъ собраніи комитета.

Но скоро сказка сказывается, а дѣло дѣлается, какъ судьбѣ угодно. Такъ и у насъ, мало-по-малу, работы пошли медленнѣе и самыя засѣданія стали назначаться все рѣже, да рѣже. Назначенный при открытіи комитета дѣлопроизводителемъ его помощникъ статсъ-секре-

таря въ Государственномъ Совѣтѣ, молодой дѣйствительный статскій совѣтникъ Пановъ успѣлъ дослужиться до ордена Александра Невскаго и до чина дѣйствительнаго тайнаго совѣтника, а объ работахъ комитета все не было ни слуху, ни духу; и только черезъ 28 лѣтъ послѣ образованія комитета, и именно въ 1887 г., поступило въ продажу новое изданіе законовъ о казенныхъ подрядахъ; но и въ немъ существенными измѣненіями оказалось то, что законы о подрядахъ выдѣлены изъ прежнихъ законовъ въ особую книжку, а съ тѣмъ вмѣстѣ измѣнена и нумерація статей.

Мнѣ пришлось состоять въ комитетѣ только первыя пять лѣтъ, такъ какъ сперва я получилъ новое служебное назначеніе, а потомъ и выѣхалъ изъ Петербурга—и конецъ этого пятилѣтія неожиданно перевернулъ къ лучшему всѣ мои служебныя мечтанія.

Несмотря на обязательныя для меня контрольныя работы по главному управленію военно-учебныхъ заведеній и работы по комитету, Татариновъ, пригласивъ меня къ себѣ, указалъ мнѣ на бывшую на столѣ тетрадь въ полъ-стопы толщиною. Эта тетрадь оказалась первою, составленною по новой формѣ финансовою смѣтою министерства внутреннихъ дѣлъ.—Разсмотрите, сказалъ мнѣ Татариновъ, и недѣли черезъ двѣ, не болѣе, доставьте мнѣ ваши замѣчанія и соображенія. Рѣшился спросить, какъ по дѣлу для всѣхъ новому, въ чемъ должна заключаться моя работа? Нужно ли провѣрять правильность исчисленія въ цифрахъ (нѣсколько тысячъ статей), повѣрять ли законы, оправдывающіе требованія кредитовъ (ихъ нѣсколько сотенъ) или удовольствоваться одною оцѣнкою достоинства требованій по существу.—Это я предоставляю вашему усмотрѣнію, но помните, что изложенныя вами замѣчанія должны мнѣ служить матеріаломъ при дебатахъ въ Государственномъ Совѣтѣ при разсмотрѣніи настоящей смѣты, а слѣдовательно и общаго бюджета, такъ какъ я одинъ не могу разсмотрѣть всѣхъ отдѣльныхъ смѣтъ множества учрежденій. Я отношусь къ вамъ съ довѣріемъ и напоминаю, что болѣе двухъ недѣль, по порядку засѣданій въ Государственномъ Совѣтѣ, я ждать вашей работы не могу.

Пришелъ домой. Пересмотрѣлъ поверхностно нѣсколько листовъ ужасающей смѣты и въ первый разъ почувствовалъ себя въ безвыходномъ положеніи. Убѣдился, что съ настоящимъ дѣломъ незнакомъ вовсе. Посовѣтоваться не съ кѣмъ, а самъ не справлюсь. Въ счетахъ съ первыхъ же статей оказались невѣрности, которыхъ не только исправленіе, но самое указаніе было, видимо, невозможно безъ составленія особой и при томъ обширной записки, детали которой могли быть полезны Татаринову, мнѣ же были необходимы какъ оправдательный документъ, а времени на составленіе такой записки вовсе

не было. Ссылокъ на спеціальные законы и внутреннія по министерству распоряженія—цѣлыя сотни, а добыть всѣ такіе законы и предписанія для повѣрки ихъ и при томъ въ данный мнѣ короткій срокъ было бы не подъ силу и самому Аллаху. Признаться же Татаринову въ невозможности выполнить его задачу значило наклеить себѣ бубноваго туза, съ лишеніемъ всякой надежды на улучшеніе службы. Совершенно упалъ духомъ, задавшись вопросомъ—нельзя ли сбѣжать хотя куда-нибудь, лишь бы уйти отъ работы при сознательной неспособности ее выполнить, а тутъ, на глазахъ, семья, при которой страшно было выпустить изъ рукъ хотя и синицу, не зная, удастся ли еще поймать журавля въ небѣ.—Ужели Богъ меня оставилъ? думалось неотвязно. Что дѣлать?

Навязанная мнѣ работа не давалась вовсе, а дни шли за днями, и срокъ страшнаго суда приближался.

Въ одинъ изъ такихъ жестокихъ дней, хотя и не было нужды идти въ управленіе военно-учебныхъ заведеній, я пошелъ, чтобы только освободить на время семью отъ лицезрѣнія моей удрученной и нервно-расхлябанной фигуры—да и самому хотѣлось воздуху и чужихъ лицъ.

Меня встрѣтилъ начальникъ отдѣленія съ бумагою, на которой Исаковъ, по неопытности въ канцелярскомъ дѣлѣ, положилъ такую резолюцію, которая только по несоблюденію формы должна была вызвать со стороны контроля замѣчаніе и требованіе объясненій.— Что же вы не доложили Исакову это дѣло?—спросилъ я.—Да, онъ человѣкъ новый. Еще не выяснился,—получилъ я отвѣтъ, почему никто идти не рѣшается, и мы остановились на томъ, что вамъ, какъ представителю контроля, удобнѣе другихъ переговорить съ Исаковымъ. Я у него, послѣ общаго представленія, на которомъ онъ очень любезно напомнилъ наше однокашничество, еще ни разу не былъ, но, желая устранить щекотливую для его самолюбія переписку, я взялъ бумагу и пошелъ къ нему. Засталъ дома одного и, высказавъ, въ чемъ дѣло, вызвалъ, конечно, согласіе на перемѣну резолюціи, послѣ чего, считая мой визитъ оконченнымъ, взялся за шляпу; но тутъ-то и вышло нѣчто, совершенно для меня неожиданное.

— Знаете, началъ Исаковъ, что въ вашемъ приходѣ ко мнѣ, именно сегодня, есть какой-то пріятный для меня фатумъ, и я порадуюсь, если это подтвердится и съ вашей стороны. Я получилъ только-что утвержденный штатъ нашего управленія. По этому штату мнѣ назначенъ вице-директоръ. Васъ я самъ знаю съ дѣтства, какъ хорошаго человѣка да, кромѣ того, много слышалъ лестнаго для васъ отъ непосредственнаго вашего принципала—Татаринова, какъ о чиновникѣ и работникѣ, и знаю также объ умѣніи вашемъ, не нарушая строго-

сти требованій службы, сохранять добрыя отношенія съ вашими сослуживцами моего управленія. Вы знаете ихъ, и они васъ знають, почему первымъ лицомъ, въ которомъ я думалъ найти хорошаго и ближайшаго помощника въ званіи вице-директора, мнѣ представились вы; но, не приди вы сегодня, я, мнѣ кажется, не рѣшился бы пригласить васъ для объясненій, опасаясь моимъ предложеніемъ нарушить спокойное ожиданіе вами какой-либо лучшей карьеры по контролю. Теперь же, благо мы встрѣтились случайно, я предлагаю вамъ открывшееся у меня мѣсто и порадуюсь, если вы не откажетесь принять его. Могу предложить условія, которыя по сравненію съ настоящимъ вашимъ служебнымъ положеніемъ, по моему мнѣнію, для васъ не безвыгодны. Вы можете занять обширную и прекрасную квартиру со всѣми пріятными свойствами казенныхъ квартиръ. Содержаніе, со включеніемъ имѣющихся въ распоряженіи управленія суммъ, не менѣе 4.000 р. Въ отдаленномъ будущемъ—право на хорошую эмеритуру, а до этого времени разные виды поощреній, щедрость которыхъ по военному вѣдомству пользуется завидною для другихъ вѣдомствъ извѣстностью.

— Откровенно скажу, отвѣчалъ я, что никогда, самыя розовыя фантазіи не рисовали мнѣ на службѣ въ контролѣ такого будущаго, какое вы предлагаете мнѣ теперь же, почему я съ величайшею благодарностью и съ такою же радостью принимаю ваше предложеніе (послѣдовало обоюдное и искреннее рукопожатіе); но, имѣя еще не оконченными возложенныя на меня Татариновымъ порученія, я счелъ бы нужнымъ, чтобы предотвратить какія-либо противодѣйствія съ его стороны къ моему выходу изъ его вѣдомства, повидаться съ нимъ предварительно окончательнаго рѣшенія вопроса, о которомъ идетъ дѣло.— Я, перебилъ меня Исаковъ, считаю нужнымъ сказать, что могу сего же дня получить, быть можетъ, даже и не одно письмо, частью съ просьбами, а—частью съ рекомендаціями лицъ на открывшееся мѣсто и въ числѣ рекомендацій могутъ быть такія, на которыя по разнымъ обстоятельствамъ отвѣчать отказомъ неудобно, и тогда время на переговоры ваши съ Татариновымъ можетъ перевернуть все къ невыгодѣ для насъ обоихъ. Нельзя ли рѣшить теперь?, а тамъ, случись что, я самъ уже буду говорить съ Татариновымъ. Я согласился.

Исаковъ подошелъ къ письменному столу и написалъ двѣ записки. Одну запечаталъ, а другую открытую, позвалъ курьера и приказалъ—конвертъ отвезти къ военному министру, а открытую записку передать въ управленіе.

— Ну, теперь поздравьте меня съ новымъ сослуживцемъ, а васъ поздравляю съ новымъ мѣстомъ службы и желаю вамъ не каяться о вашемъ согласіи, сказалъ Исаковъ. Чтобы предупредить разныя слу-

чайности, я, какъ видите, поспѣшилъ увѣдомить военнаго министра, что мѣсто вице-директора уже занято по моему приглашенію, а управленію приказалъ составить немедленно представленіе о внесеніи васъ въ проектъ приказа. И такъ, на сей день прощайте.

Когда я вернулся въ управленіе, тамъ было уже всѣмъ извѣстно полученное приказаніе. Начались поздравленія и пожеланія. Покуда продолжались разные разговоры, мнѣ поднесли показать уже подписанное Исаковымъ и форменное представленіе о внесеніи меня въ приказъ. И такъ, дѣло было окончено.

Выйдя изъ управленія, я, признаюсь чистосердечно, испыталъ на себѣ дѣйствительность выраженія, что человѣкъ можетъ подъ собою земли не чувствовать. Я не чувствовалъ.

Если бы мнѣ сталъ кто-нибудь разсказывать, что съ нимъ случилось то, что пережилъ я самъ, то призналъ бы въ этомъ на половину прикрашенную побасенку.

Выйдя изъ дому удрученный и упавшій духомъ до отчаянія съ предрѣшенною вѣрою въ потерю надежды на всякое улучшеніе по службѣ и, слѣдовательно, осужденный на вѣчное сидѣніе на одномъ мѣстѣ, я, черезъ какихъ-нибудь два часа, возвращался домой не съ однѣми только радостными надеждами не потерять настоящее или съ однимъ ожиданіемъ улучшенія въ будущемъ, а чувствовалъ себя почетно и отлично уже устроеннымъ и лучше, чѣмъ мечталъ когда-либо, получивъ даже выше всего, что могъ бы сдѣлать для меня Татариновъ при самомъ пристрастномъ доброжелательствѣ, если бы я могъ чѣмъ-либо вызвать въ немъ такое побужденіе.

Ну, не пойди я въ управленіе, просто съ горя; не подвернись поданная мнѣ совершенно случайная, исключительная бумага; не согласись я снести, внѣ всякой моей обязанности, бумагу къ Исакову—и ничего бы не было; а тутъ неожиданно вся жизнь перевернулась. Какъ не сказать—судьба!!..

Теперь мнѣ 73 года. Со времени только-что описаннаго объясненія съ Исаковымъ прошло болѣе 30 лѣтъ, и за все это время я ежедневно благодарилъ Бога за тотъ счастливый день, въ который попалъ на новую служебную дорогу. Во все время, довольствуясь тѣмъ, что имѣлъ и не желалъ по службѣ ничего лучшаго,—я былъ вполнѣ счастливъ.

Вступивъ въ управленіе военно-учебныхъ заведеній къ началу проектированныхъ реформъ этихъ заведеній и при томъ одновременно съ введеніемъ новаго порядка государственнаго счетоводства, на мою долю выпало работы множество, но было молодо и потому работалось легко, тѣмъ болѣе, что работа, по существу своему, представляла много интереснаго.

При такой усиленной работѣ я кончилъ свою спеціальную миссію

въ пять лѣтъ и такъ какъ къ этому времени приготовлялось измѣненіе штатовъ по военному министерству вообще, то мое мѣсто было упразднено и мнѣ предложили занять, съ сохраненіемъ прежняго содержанія, открывшееся мѣсто члена военно-окружнаго совѣта въ Казани.

Не предвидя надобности переселиться когда-либо въ провинцію, сдѣланное мнѣ предложеніе, на первыхъ порахъ, меня и огорчило и сконфузило; а тутъ еще, какъ на бѣду, встрѣтилъ я академика Юлія Ивановича Симашко.—Не поздравляю васъ, сказалъ онъ мнѣ, услыхавъ о полученномъ мною предложеніи; я знакомъ съ Казанью. Знаю ваши склонности и связи съ нашими кружками, Казань вамъ не понравится и васъ не удовлетворитъ. Пусть университетскій городъ, но въ томъ университетѣ еще сто лѣтъ не выродятся плевелы, посѣянные Магницкимъ. Рознь повсюду. Партій не оберетесь—и по національностямъ, и по спеціальностямъ, по чинамъ, по близости къ начальству, по бабьимъ отношеніямъ и пр. и пр. Въ концѣ концовъ, никакого кружка, въ понятномъ для насъ смыслѣ, вы не найдете вовсе. Объ обществѣ же и говорить не хочется. На брюхѣ шелкъ, а въ брюхѣ щелкъ, т. е. на рубль амбиціи, хотя на грошъ аммуниціи. Претензіи восточной столицы, какъ называли Казань мѣстные бояре, остались прежнія, а силенки уже не хватаетъ, и чѣмъ это безсиліе становится чувствительнѣе, тѣмъ они становятся злѣе, какъ мухи передъ смертью. Въ каждомъ переулкѣ свои гвельфы и гиббелины. Самопризнанное всевѣдѣніе и самое безшабашное порицаніе всего и вся—составляетъ лучшее препровожденіе времени, кромѣ картъ, конечно. Общественной жизни никакой. Ну, просто своего рода клоповникъ. Не поздравляю.

Я было и носъ повѣсилъ, но нашлись другіе, бывалые люди, которые разсказывали, что Казань все-таки въ числѣ первыхъ шести—семи городовъ въ Россіи, и если нужно ѣхать въ провинцію, то Казанью брезговать не слѣдуетъ, такъ какъ она, не будучи хуже другихъ городовъ, имѣетъ преимущество по дешевизнѣ жизни.

Видя, что по слухамъ ни до чего вѣрнаго не доберешься, я поѣхалъ въ канцелярію военнаго министерства и объявилъ, что согласенъ ѣхать въ Казань. Это было въ концѣ Великаго поста.

На Страстной недѣлѣ мнѣ пришлось четыре дня сряду принимать отъ фельдъегерей пакеты съ извѣщеніями о различныхъ напутственныхъ любезностяхъ. Сына моего, котораго женѣ моей не хотѣлось оставлять въ Петербургской военной гимназіи, зачислили (въ видѣ изъятія) пажемъ-экстерномъ. Назначили усиленныя подъемныя деньги отъ военнаго министерства само по себѣ и отъ управленія военно-учебныхъ заведеній само по себѣ. Наконецъ, на Пасху прислали орденъ Анны 1-й степени.

Черезъ нѣсколько дней я получилъ прогоны и окончательно простился съ главнымъ управленіемъ военно-учебныхъ заведеній.

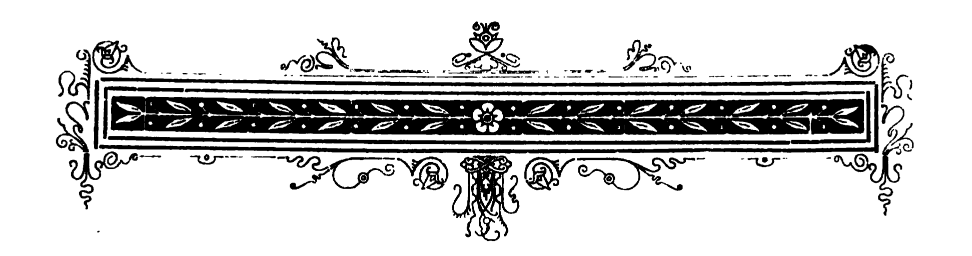
Уготовленное мнѣ мѣсто въ Казани оказалось мѣсто злачное, спокойное, безмятежное и безначальственное—благодать сущая. И прослужилъ я на немъ, по настоящее время, 25 лѣтъ припѣваючи.

Я говорю, что служилъ припѣваючи, но не могу вспомнить, чтобы и жилось въ Казани также. Рекомендація Симашко часто оказывалась не пристрастною; а въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ даже сдержанною. Въ 25 лѣтъ я не могъ привыкнуть къ гг. казанцамъ, разумѣя, конечно, претендующихъ на мѣсто въ сферѣ мѣстной интеллигенціи и въ руководящемъ слоѣ. Возродись бы новый Боккачіо и коснись казанцевъ перо Щедрина да Гоголя — сколько бы они нашли новыхъ типовъ, ищущихъ и по сіе время своихъ воспроизводителей. Мнѣ же подобная работа вовсе не по силамъ, почему я и обхожу воспоминаніе о Казани, по недостатку творчества. А вотъ о времени службы въ главномъ управленіи я могъ бы записать много интереснаго, въ особенности въ виду собиравшихся мною и сохранившихся у меня матеріаловъ о совершавшейся на моихъ глазахъ частью реформѣ, а частью ломкѣ военно-учебныхъ заведеній, но это дѣло серьезное и говорить о немъ слегка считаю грѣхомъ. Пусть оно всецѣло принадлежитъ исторіи извѣстной эпохи вообще и кадетскихъ корпусовъ въ частности, тѣмъ болѣе, что бывшія реформы во многомъ оказались временными, такъ какъ, благодаря участію военнаго министра Ванновскаго кадетскимъ корпусамъ было возвращено многое, что было упразднено военнымъ министромъ Милютинымъ.

Послѣ всего написаннаго мнѣ остается проектировать собственную эпитафію. Да, кажется, и пора.

Всю жизнь служилъ. Справилъ свой пятидесятилѣтній юбилей, получивъ на память табакерку съ алмазами. Изъ этого времени просидѣлъ 25 лѣтъ въ Казанскомъ военно-окружномъ совѣтѣ, въ которомъ, при составѣ его изъ семи лицъ, за это время перемѣнилось 42 лица. Былъ въ чинѣ тайнаго совѣтника 18 лѣтъ, имѣлъ пять звѣздъ, изъ которыхъ послѣднюю (Бѣлаго Орла) носилъ 15 лѣтъ. Дожилъ до большой рѣдкости — попасть въ число пенсіонеровъ по ордену Анны 1-й степени (которыхъ полагается на всю имперію 34), и службою вообще, и какъ средствомъ къ жизни оставался доволенъ, находя всегда свой кусокъ хлѣба сладкимъ, какъ не наслѣдственный, не краденый и не отъ бабы полученный, а трудомъ добытый. Аминь.

ДѢЛО ПЕТРАШЕВСКАГО,

какъ эпизодъ въ исторіи общественнаго движенія въ Россіи.

ъ исторіи русской общественной мысли и въ пестрой лѣтописи русскихъ политическихъ процессовъ однимъ изъ выдающихся эпизодовъ является извѣстное дѣло Петрашевскаго, ставшее при томъ знаменитымъ и въ исторіи русской литературы участіемъ въ немъ творца „Записокъ изъ мертваго дома", Ѳедора Михайловича Достоевскаго.

Пользуясь документальными данными, приведу эпизоды этого дѣла.

Въ мартѣ мѣсяцѣ 1848 г. дошло до свѣдѣнія шефа жандармовъ, что проживавшій въ С.-Петербургѣ титулярный совѣтникъ Буташевичъ-Петрашевскій „обнаруживаетъ большую наклонность къ коммунизму и съ дерзостью провозглашаетъ свои правила". За Петрашевскимъ былъ учрежденъ надзоръ. Въ то же время таковыя же свѣдѣнія о политической неблагонадежности Петрашевскаго дошли и до министра внутреннихъ дѣлъ, учредившаго и со своей стороны наблюденіе надъ нимъ. Съ цѣлью сосредоточить наблюденіе въ однѣхъ рукахъ, графъ Орловъ вошелъ въ соглашеніе съ графомъ Перовскимъ о передачѣ всего дѣла сему послѣднему.

Девятимѣсячныя наблюденія за Петрашевскимъ дали въ общемъ весьма скудныя данныя. Было лишь установлено, что Петрашевскій, отличаясь „либеральнымъ образомъ мыслей", имѣлъ „большой кругъ знакомства около 800 человѣкъ" и устраивалъ еженедѣльно по пятницамъ у себя на дому собранія своихъ знакомыхъ, въ 15—30 человѣкъ, которые, „оставаясь до 3-хъ и до 4-хъ часовъ за полночь, въ карты не играли, а читали, говорили и спорили".

Подобная безрезультатность наблюденія заставила прибѣгнуть къ попыткѣ помѣщенія въ общество Петрашевскаго съ января 1849 г.

„благонадежнаго агента“, каковая задача выпала на долю сына живописца Антонелли, окончившаго курсъ Петербургскаго университета и опредѣленнаго для этой цѣли въ одинъ съ Петрашевскимъ департаментъ. Свою миссію Антонелли исполнилъ столь успѣшно, что уже 11-го марта 1849 г. ему удалось, войдя въ довольно близкія отношенія къ Петрашевскому, присутствовать на его собраніи. Тотчасъ послѣ этого собранія Антонелли донесъ, что одинъ изъ присутствовавшихъ, учитель главнаго инженернаго училища Толь, говорилъ рѣчь „о религіи, доказывая, что будто она не только не нужна, но даже вредна, потому что убиваетъ нравственность и подавляетъ развитіе ума“. Антонелли присутствовалъ и на слѣдующихъ собраніяхъ. По его донесеніямъ, 18-го марта говорилъ рѣчь титулярный совѣтникъ Ястржембскій, состоявшій помощникомъ инспектора классовъ въ Технологическомъ институтѣ; рѣчь имѣла предметомъ разборъ различныхъ государственныхъ системъ; 25-го марта происходили пренія о „пользѣ“ возмущенія подчиненныхъ противъ начальства; 1-го апрѣля имѣли мѣсто дебаты о свободѣ книгопечатанія, измѣненіи судопроизводства и освобожденіи крестьянъ; 8-го апрѣля разбирались сочиненія Фурье и Прудона; 15-го апрѣля Ѳ. М. Достоевскій читалъ письмо Бѣлинскаго къ Гоголю, вызвавшее „множество восторженныхъ одобреній“, при чемъ положено было „распустить это письмо въ нѣсколькихъ экземплярахъ“; наконецъ, собраніе 22-го апрѣля было посвящено вопросу о цензурѣ и о той роли, которую долженствовала бы принять литература въ развитіи общественной мысли.

Въ то же время отъ зоркаго вниманія агента Антонелли не ускользнуло свободомысліе студента Толстова, за которымъ поэтому было учреждено наблюденіе посредствомъ агентовъ Шапошникова и Наумова. Эти агенты установили связь Толстова съ содержателемъ табачнаго магазина Шапошниковымъ, литераторомъ Катеневымъ, студентомъ Данилевскимъ и купеческимъ сыномъ Утинымъ; поименованныя лица собирались въ квартирѣ Шапошникова, гдѣ имѣли разговоры о желательности республиканскаго образа правленія въ Россіи.

Такимъ образомъ агентскія наблюденія на этотъ разъ увѣнчались успѣхомъ, и 22-го апрѣля послѣдовало высочайшее повелѣніе объ арестованіи и отправленіи въ С.-Петербургскую крѣпость какъ Петрашевскаго и Шапошникова, такъ и лицъ, посѣщавшихъ ихъ собранія. Вмѣстѣ съ тѣмъ была учреждена, по высочайшему повелѣнію, секретная слѣдственная коммиссія, подъ предсѣдательствомъ коменданта крѣпости генералъ-адъютанта Набокова; членами же коммиссіи были назначены дѣйствительный тайный совѣтникъ князь Гагаринъ; генералъ-лейтенантъ Дубельтъ и генералъ-адъютанты князь Долгоруковъ и Ростовцевъ.

Кромѣ самого Петрашевскаго, Шапошникова и четырехъ лицъ, имѣвшихъ связь съ послѣднимъ, было арестовано тридцать три человѣка [1]).

Приступивъ къ опросу всѣхъ арестованныхъ лицъ, слѣдственная коммиссія убѣдилась въ томъ, что „донесенія агентовъ о характерѣ собраній у Петрашевскаго и о происходившихъ на оныхъ разсужденіяхъ, касающихся политическихъ вопросовъ, большею частью достовѣрны". Вмѣстѣ съ тѣмъ коммиссіи удалось, благодаря этимъ допросамъ, открыть другихъ лицъ, состоявшихъ въ близкихъ сношеніяхъ съ арестованными; эти лица также были подвергнуты личному задержанію [2]).

Продолжая слѣдственныя дѣйствія, коммиссія установила, что, кромѣ Петрашевскаго, собранія происходили у Кашкина, Дурова и Пальма, жившихъ вмѣстѣ, и у Плещеева. У Кашкина собранія про-

---

[1]) Кандидатъ С.-Петербургскаго университета Дмитрій Ахшарумовъ, титулярный совѣтникъ Василій Головинскій, поручикъ л.-гв. конно-гренадерскаго полка Николай Григорьевъ, коллежскій совѣтникъ Дебу 1, коллежскій секретарь Дебу 2, отставной инженеръ поручикъ Ѳедоръ Достоевскій, отставной коллежскій ассесоръ Сергѣй Дуровъ, титулярный совѣтникъ Николай Кашкинъ, штабсъ-капитанъ л.-гв. Егерскаго полка Ѳедоръ Львовъ, поручикъ л.-гв. Московскаго полка Николай Момбелли, поручикъ л.-гв. Егерскаго полка Александръ Пальмъ, неслужащій дворянинъ Алексѣй Плещеевъ, помѣщикъ Курской губерніи Николай Спѣшневъ, учитель въ главномъ инженерномъ училищѣ Феликсъ Толь, студентъ С.-Петербургскаго университета Павелъ Филипповъ, титулярный совѣтникъ Ястржембскій, служащій въ коммиссіи описанія одеждъ и вооруженія россійскихъ войскъ свободный художникъ Алексѣй Берестовъ, старшій архиваріусъ главнаго с.-петербургскаго архива министерства иностранныхъ дѣлъ надворный совѣтникъ Александръ Баласогло, отставной подпоручикъ Михаилъ Достоевскій, бывшій вольнослушатель С.-Петербургскаго университета сынъ коллежскаго совѣтника Платонъ Дѣевъ, служащій въ департаментѣ внѣшней торговли титулярный совѣтникъ Николай Кайдановъ, штабсъ-капитанъ 1-го кадетскаго корпуса Дмитрій Кропотовъ, штабсъ-капитанъ генеральнаго штаба Павелъ Кузьминъ, отставной капитанъ-лейтенантъ Алексѣй Кузьминъ, служащій въ департаментѣ внѣшней торговли губернскій секретарь Порфирій Ламанскій, вольнослушатель С.-Петербургскаго университета однодворецъ Александръ Мадерскій, кандидатъ того же университета Александръ Михайловъ, служащій въ государственномъ заемномъ банкѣ коллежскій ассесоръ Карлъ Ольденовъ, служащій въ департаментѣ податей и сборовъ коллежскій секретарь Николай Серебряковъ, отставной капитанъ-лейтананть Алексѣй Тимковскій, служащій въ государственномъ заемномъ банкѣ надворный совѣтникъ Михаилъ Чириковъ, служащій въ канцеляріи С.-Петербургскаго военнаго генералъ-губернатора коллежскій секретарь Алексѣй Щолковъ и учитель рисованія въ гимназіяхъ Евстафій Бернардскій.

[2]) Студентъ С.-Петербургскаго университета Александръ Ханыковъ, уволенный отъ службы коллежскій секретарь Александръ Европеусъ, чиновники особыхъ порученій министерства внутреннихъ дѣлъ титулярный совѣтникъ

исходили еженедѣльно съ октября 1848 г. до новаго года, прекратившись съ пріѣздомъ къ Кашкину его родителей, когда они были перенесены къ чиновнику, и снова возобновившись въ февралѣ 1849 г. На собраніяхъ присутствовали Спѣшневъ, Ахшарумовъ, Ханыковъ, Европеусъ, Дебу 1-й и 2-й. По мнѣнію коммиссіи, въ этихъ собраніяхъ было „гораздо болѣе стройности и единомыслія, чѣмъ въ кружкѣ Петрашевскаго"; цѣлью ихъ было изученіе „системъ соціальныхъ и коммунистскихъ, преимущественно системы Фурье". На собраніяхъ было приступлено къ составленію библіотеки „изъ соціальныхъ и либеральныхъ книгъ"; библіотекаремъ былъ выбранъ Дебу 1, выписывавшій книги чрезъ посредство Петрашевскаго; состоялся также обѣдъ въ честь Фурье, 7-го апрѣля, въ день его рожденія; на обѣдѣ, по предложенію Дебу 2-го, было постановлено перевести на русскій языкъ сочиненіе Фурье. На собраніяхъ у Дурова и Пальма, происходившихъ въ мартѣ и апрѣлѣ мѣсяцахъ 1849 г., были прочитаны: Милюковымъ—переводъ изъ Paroles d'un croyant, подъ заглавіемъ „новое откровеніе митрополиту Антонію", Достоевскимъ—письмо Бѣлинскаго къ Гоголю и Дуровымъ—два письма Плещеева къ нему и Достоевскому. Появлялась мысль и о заведеніи собственной литографіи, но она осталась безъ осуществленія. Наконецъ, на собраніяхъ у Плещеева, бывавшихъ не въ установленные дни, разбирался вопросъ о возможности печатанія за границею книгъ, не разрѣшенныхъ русскою цензурою.

Далѣе коммиссія пришла къ заключенію, что кружокъ Петрашевскаго былъ ярымъ послѣдователемъ Фурье, который, являясь сторонникомъ равенства между людьми, избиралъ для достиженія этого состоянія путь „ученія и примѣра, безъ всякихъ насильственныхъ переворотовъ" и видѣлъ идеалъ общественной жизни не въ государствѣ, а въ „фалангахъ", въ 800 — 1800 человѣкъ, устраивающихъ „фаланстеріи съ особымъ дворцомъ для общаго жительства съ великолѣпными садами".

Засимъ коммиссія открыла подозрѣніе о существованіи въ Россіи тайнаго общества, о желаніи Черносвитова произвести возмущеніе въ Сибири и о стремленіи Момбелли образовать тайное братство взаимной помощи.

Разслѣдованіемъ коммиссіи была между тѣмъ установлена „малая

Константинъ Тимковскій, надворный совѣтникъ Беклемишевъ, отставной подпоручикъ Рафаилъ Черносвитовъ, титулярный совѣтникъ Есаковъ, коллежскій регистраторъ Ващенко, коллежскій секретарь Данилевскій и коллежскій ассесоръ Барановскій. Изъ послѣднихъ девяти лицъ шестеро были арестованы въ С.-Петербургѣ, а трое—внѣ столицы, Тимковскій и Беклемишевъ—въ Ревелѣ, а Черносвитовъ—близъ Омска.

виновность“ многихъ арестованныхъ лицъ, и къ дѣлу Петрашевскаго было причислено, кромѣ него самого, еще 27 человѣкъ: Спѣшневъ, Момбелли, Львовъ, Дебу 1-й, Григорьевъ, Филипповъ, Ахшарумовъ, Ханыковъ, Тимковскій, Данилевскій, Шапошниковъ, Катеневъ, Баласогло, Кашкинъ, Дуровъ, Черносвитовъ, Головинскій, Толь, Ястржембскій, Пальмъ. Дебу 2-й, Достоевскій Өедоръ, Плещеевъ, Европеусъ, Есаковъ, Ващенко и Беклемишевъ; остальныя лица были освобождены.

По высочайшему повелѣнію 24-го сентября 1849 г. для сужденія кружка Петрашевскаго была назначена военно-судная коммиссія подъ предсѣдательствомъ генералъ-адъютанта Перовскаго; ассесорами въ коммиссію были назначены: генералъ-адъютанты графъ Строгановъ 2-й, Анненковъ 2-й и Толстой, сенаторы: князь Лобановъ-Ростовскій, Веймарнъ и Дурасовъ.

Вскорѣ, однако, 27-го сентября, послѣдовало высочайшее повелѣніе объ освобожденіи отъ суда Ващенко, Есакова и Беклемишева, а затѣмъ по ходатайству суда были освобождены еще Баласогло и Данилевскій. Такимъ образомъ подъ судомъ оставалось 23 человѣка.

Обращаясь къ личностямъ отдѣльныхъ подсудимыхъ и касавшихся ихъ обстоятельствъ дѣла, на первомъ мѣстѣ слѣдуетъ поставить Петрашевскаго.

Петрашевскому было 27 лѣтъ; его отецъ былъ штадтъ-физикомъ, воспитывался Петрашевскій въ Александровскомъ лицеѣ, по окончаніи курса котораго въ 1840 г. поступилъ на службу въ департаментъ внутреннихъ сношеній министерства иностранныхъ дѣлъ; въ 1841 г. выдержалъ экзаменъ въ С.-Петербургскомъ университетѣ. Проникнувшись идеями Фурье, Петрашевскій въ 1844 г. желалъ получить должность воспитателя и преподавателя лицея, но желаніе его не осуществилось, такъ какъ директоръ лицея „не нашелъ въ немъ надлежащихъ свойствъ къ занятію этихъ должностей“. Тогда, съ цѣлью воздѣйствія на молодежь, Петрашевскій сталъ приглашать къ себѣ на домъ воспитанниковъ-лицеистовъ; одинъ изъ нихъ, Унковскій, „какъ склонный къ увлеченіямъ и могущій быть вреднымъ для другихъ воспитанниковъ“, исключенъ изъ лицея. Въ 1846 и 1847 гг. Петрашевскій сталъ собирать у себя на дому знакомыхъ, гдѣ разбирались сочиненія Фурье и обсуждались правительственныя дѣйствія. Въ февралѣ 1848 г. Петрашевскій роздалъ петербургскому дворянству двѣсти экземпляровъ своей литографированной записки, озаглавленной „О способахъ увеличенія цѣнности дворянскихъ или населенныхъ имѣній“. Содержаніе не соотвѣтствовало заглавію брошюры: въ брошюрѣ Петрашевскій высказывалъ широкіе взгляды о необходимости соціальныхъ преобразованій, для того, чтобы „въ народѣ, находящемся понынѣ въ дремотномъ состояніи, положить начало самосо-

знанія". Въ разговорахъ съ агентомъ Антонелли Петрашевскій явился сторонникомъ республиканскаго образа правленія, находилъ необходимость введенія суда присяжныхъ и признавалъ, что перемѣнить правительственный режимъ нужно „не вдругъ, а исподволь, приготовляя какъ можно осторожнѣе и вѣрнѣе средства къ возстанію, такимъ образомъ, чтобы идея о перемѣнѣ правительства не заронилась въ головы двумъ-тремъ-десяти лицамъ, но утвердилась бы въ массахъ народа и казалась не внушенною, а естественно рожденною, по положенію дѣлъ". При этомъ пропаганду своихъ идей Петрашевскій думалъ вести чрезъ помѣщеніе своихъ приверженцевъ въ учителя.

Судя по отзывамъ лицъ—кружковцевъ Петрашевскаго, послѣдній пользовался большимъ нравственнымъ вліяніемъ на нихъ. Такъ, по показанію Модерскаго, онъ поселился у Петрашевскаго для веденія хозяйства и для переводовъ и переписокъ; между тѣмъ Петрашевскій, не ограничившись простою ролью хозяина и желая „перевоспитать" Модерскаго, сталъ „разрушать его религіозныя вѣрованія" и зародилъ въ немъ искру соціализма, давалъ ему читать соціальныя сочиненія и познакомилъ его съ системой Фурье. По показанію же Тимковскаго, крайнія не религіозныя воззрѣнія Петрашевскаго сперва приводили его въ ужасъ, но затѣмъ „совершенно поколебали его вѣру"; Тимковскій „впалъ въ бездну невѣрія и злочестія".

Допрошенный въ качествѣ обвиняемаго Петрашевскій, называя себя фурьеристомъ, призналъ, что онъ желалъ „улучшеній въ отечествѣ", что онъ считаетъ законы — хорошими, но исполнителей — дурными и что ученіе Фурье не утопія. Будучи арестованнымъ, Петрашевскій думалъ продолжать свое вліяніе на своихъ товарищей, прибѣгнувъ для этого къ оригинальному способу: отломавъ въ своемъ казематѣ кусочекъ штукатурки, онъ написалъ на немъ жестянымъ обломкомъ вентилятора наставленія, приглашая подсудимыхъ не робѣть, требовать очной ставки, не вѣрить письменнымъ показаніямъ; исписанный кусокъ штукатурки онъ попытался положить во время прогулки подъ дерево, но былъ въ этомъ усмотрѣнъ часовымъ.

Въ письменномъ своемъ показаніи Петрашевскій излагалъ, что для разбора его дѣла слѣдовало бы назначить не слѣдственную, а ученую коммиссію, „которая могла бы разобрать всѣ предметы обвиненій въ видахъ науки, чтобы затѣмъ дать ему, Петрашевскому, средства доказать, что мысль его стать во главѣ разумнаго движенія въ народѣ русскомъ не была подобіе попытки Икара, что нѣтъ солнца, которое бы могло опалить его крылья". Бунта онъ не желалъ, но хотѣлъ бы „полной и совершенной реформы быта общественнаго и фаланстеръ считалъ ключемъ, пробнымъ камнемъ такой реформы.

Не безъ доли болѣзненнаго самолюбія Петрашевскій выражался: „что вамъ угодно, господа слѣдователи, то и дѣлайте, а передъ вами стоитъ человѣкъ, который съ колыбели чувствовалъ свою силу и, какъ Атлантъ, думалъ нести землю на плечахъ своихъ". Какою-то таинственностью звучитъ отъ его строкъ: „развѣется ли прахъ мой на четыре конца свѣта, вылетитъ ли изъ груди моей слабый вздохъ конца тишины подземнаго заточенія, его услышитъ тотъ, кому услышать слѣдуетъ, упадетъ капля крови моей на землю, выростетъ зорюшка, мальчикъ сдѣлаетъ дудочку, дудочка заиграетъ, прійдетъ дѣвушка и повторится та же исторія".

Въ дополнительномъ показаніи Петрашевскій требовалъ вознагражденія себѣ и своимъ товарищамъ, предоставляя сдѣлать вычетъ лишь за казенный ущербъ—за обломанную имъ въ казематѣ штукатурку для написанія на ней наставленія арестованнымъ. По предложенію коммиссіи, онъ же говорилъ, что реформа могла бы произойти мирнымъ путемъ, если бы можно было составить капиталъ въ 15 м. р. и на эти деньги основать первый фаланстеръ, по примѣру котораго завелись бы и другіе фаланстеры.

Въ особой запискѣ, поданной Петрашевскимъ, онъ излагаетъ, что не можетъ признать себя виновнымъ, а потому, обращаясь къ судьямъ, говоритъ: „не будьте же Тарквиніями, не наводите въ общество тишины могилы и безмолвія кладбища; будьте не инквизиторами, а друзьями человѣчества; за вашимъ рѣшеніемъ блюдетъ геній человѣчества, а въ лицѣ Западной Европы еще при жизни ждетъ васъ судъ потомства". Тутъ же Петрашевскій просилъ судить его черезъ присяжныхъ, въ открытыхъ судебныхъ засѣданіяхъ, со свободнымъ допускомъ всѣхъ желающихъ слушать дѣло.

Въ числѣ опечатанныхъ у Петрашевскаго бумагъ обращаетъ вниманіе черновикъ рѣчи, произнесенной на обѣдѣ въ честь Фурье. Здѣсь онъ говоритъ, между прочимъ, о трудности соціалистической дѣятельности въ Россіи по невѣжеству самихъ русскихъ фурьеристовъ и по складу русской общественной жизни и восклицаетъ: „соціализмъ и Россія, вотъ двѣ крайности, вотъ два понятія, которыя другъ на друга волкомъ воютъ, сказалъ бы Прудонъ, и согласить эти двѣ крайности должно быть нашей задачей"... Въ проектѣ письма, составленнаго, по мнѣнію суда, въ опровerженіе ошибочныхъ мнѣній, высказанныхъ однимъ изъ членовъ вечернихъ собраній у Петрашевскаго, послѣдній, опровергая девизъ разрушенія, пишетъ: „мы не пытаемся никого знакомить съ соціализмомъ прежде, нежели разрушимъ совершенно союзъ съ его наслѣдственными предразсудками, не увлечемъ тѣхъ, надъ кѣмъ тяготѣетъ рука семейственности и общественныхъ приличій. На насъ лежитъ трудъ, трудъ примѣненія общихъ

началъ, которыя выработала наука на западѣ, къ нашей дѣйствительности, высшихъ формулъ быта общественнаго, осуществленія въ фактахъ жизни дѣйствительной, внѣдреніе въ общественное сознаніе тѣхъ общихъ понятій, которыя и могутъ дать человѣческому общежитію надлежащій цвѣтъ и движеніе. Но вспомнимъ, что мы стоимъ на дикой почвѣ нашего отечества, что все въ нашей общественной жизни являетъ слѣды восточной патріархальности и варварства, что разумѣніе народа русскаго еще не пробуждалось, что мы, не только какъ соціалисты, но даже какъ люди, отбросившіе въ сторону предразсудки и умѣющіе глядѣть въ глаза истинѣ, не можемъ надѣяться единственно за такія наши достоинства мгновенно возбудить къ себѣ и къ нашимъ убѣжденіямъ сочувствія въ массахъ. Кто ждетъ мгновеннаго успѣха сочувствія, тотъ пусть остудитъ свой жаръ; тѣ перевороты, которые остаются на памяти вѣковъ, въ видѣ миріадъ разрушенныхъ созданій, или обозначаются рядомъ новыхъ совершеннѣйшихъ созданій, долго и медленно вырабатываются на нѣдрахъ природы. Рядъ творческихъ преобразованій можетъ и быть незамѣтенъ взгляду близорукаго наблюдателя. Вездѣ повторяется законъ постепенности и логической связи. Уподобимся же и мы въ отношеніи къ несозданной массѣ нашего быта общественнаго живой и творческой силѣ природы, вдохнемъ въ него жизнь, и тогда, дотолѣ разрозненные, члены быта общественнаго будутъ являть гармоничность въ своихъ движеніяхъ, и явленія общественной жизни не будутъ, какъ доселѣ, поражать насъ нестройностью. Нашъ путь дологъ, но маршрутъ хорошъ у насъ. На распутьи, въ глухую полночь, мы не повѣсимъ унылую голову, въ раздумьѣ, куда идти; не будемъ поджидать счастливой нечаянности запоздалаго прохожаго, чтобы во имя Христа и того, чему не вѣримъ, указалъ намъ милостиво путь; не будемъ сѣтовать на то, что версты въ 500, а не въ 250 саженъ, а будемъ, не истомляя своихъ силъ чрезмѣрной поспѣшностію, по-маленьку, неукоснительно подвигаться и черепашьимъ шагомъ, быть можетъ, обгонимъ быстроногихъ ахилловъ. Если исторія дѣлаетъ людей, то люди дѣлаютъ исторію. Этимъ толково заняться—не пирогъ съ кашей ѣсть. Намъ не годится вашъ девизъ—разрушеніе. Наша сила не въ числѣ, а въ истинѣ, прямотѣ нашихъ убѣжденій. Все въ природѣ ратуетъ въ пользу истины, чтобы свершилось торжество истины; не надо умалять ея силы и значенія примѣсью къ ней своихъ личныхъ разсчетовъ; не надо подчинять ее интересамъ своей личности, но надо для истины принести въ жертву самолюбивыя притязанія своей личности, не гнаться за мелочными торжествами своего самолюбія ко вреду общаго дѣла". Въ „афоризмахъ" Петрашевскій высказывается за выборность должностныхъ лицъ, за равноправность вѣроисповѣданій и пр.,

а также высказываетъ предположеніе о томъ, что въ будущемъ въ Сибири суждено возникнуть „народности русской, безъ примѣси".

Далѣе, въ бумагахъ Петрашевскаго было найдено много листовъ съ оглавленіями, для составленія разныхъ статей, подъ общимъ названіемъ „Запасъ общеполезнаго". Въ ряду этихъ оглавленій обращаютъ на себя вниманіе: о негодности Свода законовъ, о преобразованіи монастырей въ богадѣльни, о необходимости отправленія суда открытымъ, а не инквизиторскимъ образомъ, о введеніи національной одежды, о введеніи мирныхъ судей.

Слѣдующій за Петрашевскимъ подсудимый, Спѣшневъ, былъ курскимъ помѣщикомъ, воспитывался въ Александровскомъ лицеѣ и С.-Петербургскомъ университетѣ, но курса въ обоихъ заведеніяхъ не кончилъ; ему было ко времени ареста 28 лѣтъ.

Въ его бумагахъ нашелся черновикъ подписки для лицъ, вступающихъ въ русское тайное общество. Черновикъ былъ писанъ самимъ Спѣшневымъ. „Я, нижеподписавшійся,—было изложено въ подпискѣ,—добровольно, по здравомъ размышленіи и по собственному желанію, поступаю въ русское общество и беру на себя слѣдующія обязанности, которыя въ точности исполнять буду: 1) когда распорядительный комитетъ общества, сообразивъ силы общества, обстоятельства и представляющійся случай, рѣшитъ, что настало время бунта, то я обязываюсь, не щадя себя, принять полное и открытое участіе въ возстаніи и дракѣ, т. е., что по извѣщенію отъ комитета обязываюсь быть въ назначенный день, въ назначенный часъ, въ назначенномъ мнѣ мѣстѣ, обязываюсь явиться тогда и тамъ, вооружившись огнестрѣльнымъ или холоднымъ оружіемъ, или тѣмъ и другимъ, не щадя себя, принять участіе въ дракѣ и какъ только могу споспѣшествовать успѣху возстанія; 2) я беру на себя обязанность увеличивать силы общества пріобрѣтеніемъ обществу новыхъ членовъ; впрочемъ, согласно съ правиломъ русскаго общества, обязываюсь самъ лично больше пятерыхъ не афильировать; 3) афильировать, т. е. присоединять къ обществу новыхъ членовъ обязываюсь не на-обумъ, а по строгомъ соображеніи только такихъ, въ которыхъ я твердо увѣренъ, что они меня не выдадутъ, если бы даже и отступились послѣ отъ меня, что они исполнятъ первый пунктъ и что они дѣйствительно желаютъ участвовать въ этомъ тайномъ обществѣ; вслѣдствіе чего я обязуюсь, съ каждаго, мною афильрованнаго, взять письменное обязательство, состоящее въ томъ, что онъ перепишетъ отъ слова до слова сіи самыя условія, которыя и я здѣсь даю, все, съ перваго до послѣдняго слова, и подпишетъ ихъ; я же, запечатавъ его письменное обязательство, передаю его своему афильятору для доставленія въ комитетъ, тотъ своему и такъ далѣе; для сего я и переписываю

для себя одинъ экземпляръ сихъ условій и храню его у себя, какъ форму для афильяціи другихъ“. Кромѣ сего, у Спѣшнева былъ найденъ экземпляръ „Солдатской бесѣды“, сочиненной подсудимымъ Григорьевымъ.

По поводу обнаруженія изложенной выше подписки, Спѣшневъ объяснилъ, что она представляетъ изъ себя не копію, а эскизъ, имъ составленный еще четыре года назадъ, въ бытность его за границей, въ то время, когда онъ еще занимался разработкой вопроса объ исторіи тайныхъ обществъ; подписка никогда никому не предъявлялась и осталась неуничтоженною лишь случайно.

Третій подсудимый, поручикъ л.-гв. Московскаго полка Момбелли, 27 лѣтъ, воспитаніе получилъ въ Дворянскомъ полку. У него при обыскѣ найденъ также рядъ рукописей компрометтирующаго характера. Записка о римлянахъ, по мнѣнію коммиссіи, обнаруживаетъ „самыя преступныя мысли въ отношеніи Россіи и наполнена демагогическими выраженіями“. Описывая бѣдность Россіи, Момбелли пишетъ: „теперь еще пробѣгаетъ трепетъ по жиламъ, при воспоминаніи о видѣнномъ мною кусочкѣ хлѣба, которымъ питаются крестьяне Витебской губерніи; мука вовсе не вошла въ его составъ, онъ состоитъ изъ мякины, соломы и еще какой-то травы, не тяжеле пуху, и видомъ похожей на высушенный конскій навозъ, сильно перемѣшанной съ соломою“. Записка подписана по-французски: par le citoyen Nicolas. Далѣе у него обнаружены: переводъ Мицкевичскаго стихотворенія: „Къ друзьямъ Россіи“ (декабристамъ), копія письма Бѣлинскаго къ Гоголю, его дневникъ, гдѣ онъ высказываетъ враждебныя военному сословію мысли и пр.

Четвертый подсудимый, штабсъ-капитанъ л.-гв. Егерскаго полка Львовъ, 25 лѣтъ, воспитывался въ Московскомъ кадетскомъ корпусѣ и съ 1847 г. былъ назначенъ репетиторомъ химіи въ Павловскомъ кадетскомъ корпусѣ.

Пятый подсудимый, коллежскій совѣтникъ Дебу 1-й, 38 лѣтъ, былъ по происхожденію дворяниномъ и воспитывался въ институтѣ корпуса путей сообщенія.

Шестой подсудимый, поручикъ л.-гв. Конногренадерскаго полка Григорьевъ, 27 лѣтъ, былъ питомцемъ Пажескаго корпуса, откуда былъ выпущенъ въ Сибирскій уланскій полкъ; въ 1844 г. онъ былъ переведенъ въ гвардію.

Въ бумагахъ Григорьева было найдено сочиненіе „Солдатская бесѣда“ возмутительнаго содержанія.

Относительно своего сочиненія Григорьевъ показалъ, что оно было имъ написано „во время болѣзненнаго припадка желчи, по неудовольствію на иноземцевъ, на ихъ вліяніе и обиды полковаго на-

чальника"; первая же часть сочиненія „вылилась отъ негодованія на развратныхъ помѣщиковъ и вслѣдствіе жалости къ отставнымъ солдатамъ".

Седьмой подсудимый, Тимковскій, 34 лѣтъ, воспитывался въ С.-Петербургскомъ университетѣ и институтѣ восточной словесности, служилъ сперва во флотѣ, а затѣмъ въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ. Онъ былъ ярый фурьеристъ, готовый проповѣдывать это ученіе, по его словамъ, „на крышахъ и на перекресткахъ", но отрицавшій цѣлесообразность бунтовъ и кровавыхъ политическихъ переворотовъ.

Восьмой подсудимый, Ястржембскій, 34 лѣтъ, дворянинъ по происхожденію, воспитывался въ Харьковскомъ университетѣ. Къ своимъ общимъ соціальнымъ воззрѣніямъ онъ примѣшивалъ польскій вопросъ, являясь въ душѣ полякомъ; онъ говорилъ, что „за свободу Польши позволить выпустить себѣ всю кровь по каплѣ"; однако, если бы онъ былъ увѣренъ, что самостоятельность Польши вредна развитію общечеловѣческой идеи, то первый бы однимъ взмахомъ топора отрубилъ ей голову".

Девятый подсудимый, учитель Толь, 26 лѣтъ, воспитывался въ главномъ педагогическомъ институтѣ. Въ бумагахъ Толя были найдены переводъ лекцій Бидермана о соціализмѣ и историческое разсужденіе о началѣ и развитіи народовъ.

Десятый подсудимый, титулярный совѣтникъ Головинскій, 20 лѣтъ, сынъ генералъ-маіора, воспитывался въ училищѣ правовѣдѣнія. Присутствуя на собраніяхъ у Петрашевскаго, Головинскій, между прочимъ, говорилъ, что „болѣе прочихъ противится освобожденію крестьянъ графъ Панинъ"; самъ же онъ горячо возставалъ противъ крѣпостнаго права.

Одиннадцатый подсудимый, титулярный совѣтникъ Кашкинъ, 20 лѣтъ, воспитывался въ Александровскомъ лицеѣ. У него также были сборы фурьеристовъ, но самъ онъ смотрѣлъ на это ученіе, какъ на „безвредную экономическую систему".

Двѣнадцатый подсудимый, кандидатъ Ахшарумовъ, 26 лѣтъ, окончилъ курсъ С.-Петербургскаго университета. Онъ, на обѣдѣ въ честь Фурье, читалъ рѣчь собственнаго сочиненія. „Сегодня, господа—такъ начиналась рѣчь—мы даемъ обѣдъ въ честь мыслей и чувствъ истины, которыя соединяютъ насъ, поглощая всѣ личности". „Жизнь, какова она теперь, тяжела, гадка, не представляется согласною съ природой—говорилъ Ахшарумовъ—мы живемъ въ столицѣ безобразной, громадной, въ чудовищномъ скопищѣ людей, пораженныхъ болѣзнями, развратомъ; тамъ, за столицей, ползутъ города, единственная цѣль, высочайшее счастье для нихъ, апогея ихъ величія недо-

сягаемаго сдѣлаться многолюднымъ, развратнымъ, больнымъ, чудовищнымъ, какъ столица; а еще пониже, десятки милліоновъ работниковъ цѣлый день лѣтомъ на солнцѣ и дождѣ возятся съ землей".

Въ своихъ рукописныхъ замѣткахъ Ахшарумовъ являлся противникомъ соединенія людей въ государства.

Тринадцатый подсудимый, Ханыковъ, 23 лѣтъ, былъ приватнымъ слушателемъ университета. Онъ также произнесъ рѣчь на обѣдѣ въ честь Фурье.

Четырнадцатый подсудимый, коллежскій секретарь Европеусъ, 22 лѣтъ, воспитывался въ Александровскомъ лицеѣ.

Пятнадцатый подсудимый, коллежскій секретарь Дебу 2-й, 25 лѣтъ, воспитывался въ с.-петербургскомъ университетѣ.

Шестнадцатый подсудимый, отставной коллежскій ассесоръ Дуровъ, 33 лѣтъ, воспитывался въ благородномъ пансіонѣ при С.-Петербургскомъ университетѣ, служилъ ранѣе въ государственномъ коммерческомъ банкѣ, а затѣмъ въ канцеляріи морскаго министерства. Бывая у Петрашевскаго, Дуровъ въ свою очередь устраивалъ собранія фурьеристовъ у себя на дому.

Семнадцатый подсудимый, поручикъ л.-гв. Егерскаго полка Пальмъ, 26 лѣтъ, воспитывался въ Дворянскомъ полку, откуда былъ выпущенъ фельдфебелемъ.

Восемнадцатый подсудимый, студентъ С.-Петербургскаго университета Филипповъ, только 23 лѣтъ отъ роду.

Девятнадцатымъ по счету подсудимымъ былъ Ѳедоръ Михайловичъ Достоевскій. Въ то время Достоевскому было 27 лѣтъ. По донесенію агента Антонелли, Достоевскій былъ на собраніяхъ у Петрашевскаго 1-го и 15-го апрѣля; на послѣднемъ собраніи онъ читалъ переписку Гоголя съ Бѣлинскимъ. При первоначальныхъ допросахъ, Достоевскій показалъ, что онъ никогда не былъ въ короткихъ отношеніяхъ съ Петрашевскимъ, посѣщая однако его собранія. У него онъ говорилъ три рѣчи, двѣ изъ нихъ—о литературѣ и одну—„о личности и человѣческомъ эгоизмѣ", и не помнитъ, чтобы было въ словахъ его „что-нибудь политическое и вольнодумное". Если же—по словамъ Достоевскаго—желать лучшаго есть либерализмъ, то въ этомъ смыслѣ онъ, Достоевскій, можетъ быть названъ вольнодумцемъ. Ему, Достоевскому, было грустно, что на писателя уже заранѣе, прежде чѣмъ онъ написалъ что-нибудь, цензура смотритъ какъ будто на какого-то естественнаго врага правительства и принимается разбирать его рукопись уже съ очевиднымъ предъубѣжденіемъ. Признаваясь, что онъ читалъ переписку Гоголя съ Бѣлинскимъ, онъ удостовѣрялъ, что „не только въ сужденіяхъ его, но даже въ интонаціи голоса, или жестѣ, во время чтенія не было ничего способнаго вы-

казать пристрастіе къ которому-либо изъ переписывавшихся". Письмо Бѣлинскаго, по мнѣнію Достоевскаго, написано слишкомъ странно, чтобы возбудить къ себѣ сочувствіе, оно наполнено ругательствами, написано желчно и потому отвращаетъ сердце; читалъ же онъ его, какъ замѣчательнѣйшій литературный памятникъ.

Двадцатый подсудимый, дворянинъ Плещеевъ, имѣлъ въ то время 23 года отъ роду. Бывая у Петрашевскаго, Плещеевъ и у себя собиралъ людей свободнаго образа мыслей. Здѣсь онъ читалъ рѣчь Феликса Піа изъ газеты La presse, а у Дурова онъ читалъ письмо Бѣлинскаго къ Гоголю. Въ бумагахъ Щелкова отыскалось письмо Плещеева къ Дурову изъ Москвы; въ этомъ письмѣ, между прочимъ, онъ характеризуетъ тогдашнихъ профессоровъ университета и особенно хвалитъ Грановскаго и Кудрявцева, какъ прекрасныхъ лекторовъ и имѣющихъ большое вліяніе на студентовъ; наоборотъ, какъ любимъ всѣми Грановскій, такъ, по словамъ Плещеева, ненавидимъ Шевыревъ, педантъ и низкопоклонникъ, другъ всѣхъ губернаторовъ, распоряжающійся маскарадами графа Закревскаго, у котораго онъ въ передней сидитъ вмѣсто конторщика и записываетъ, кто желаетъ участвовать".

Двадцать первый подсудимый, московскій мѣщанинъ Шапошниковъ, былъ 28 лѣтъ отъ роду.

Двадцать второй подсудимый, сынъ купца, Катеневъ, 19 лѣтъ, воспитывался въ коммерческомъ училищѣ и Ларинской гимназіи; во время слѣдствія онъ обнаружилъ признаки разстройства умственныхъ способностей и былъ помѣщенъ въ лѣчебное заведеніе.

Отставной подпоручикъ Черносвитовъ, двадцать третій по счету подсудимый, отзывавшійся съ восторгомъ о Сибири, мечталъ о выдѣленіи этой страны въ самостоятельное государство и о производствѣ тамъ бунта помощью уральскихъ рабочихъ.

Предметомъ обсужденія коммиссіи была также записка дѣйствительнаго статскаго совѣтника Липранди, имѣвшаго наблюденіе за Петрашевскимъ. Въ этой запискѣ Липранди смотритъ крайне пессимистично на все дѣло, признавая, что сообщество Петрашевскаго было весьма многочисленнымъ, далеко превышая тѣхъ лицъ, кои были указаны агентомъ Антонелли, что сообщество, имѣя центръ въ Петербургѣ, располагало своими сочленами въ провинціи, которые являлись какъ бы миссіонерами; члены общества старались идти къ намѣченной ими цѣли путемъ, хотя и медленнымъ, но вѣрнымъ,— путемъ пропаганды; планъ кружка—были „планъ всеобъемлющій, общаго движенія, переворота и разрушенія"; составъ членовъ былъ весьма разнородный: тутъ были гвардейскіе офицеры, чиновники, студенты, даже мѣщане.

Разсмотрѣвъ записку Липранди, слѣдственная коммиссія отнеслась къ ней критически и журналомъ 31-го августа постановила, что съ мнѣніями этой записки коммиссія не могла согласиться.

Коммиссія, наоборотъ, признала, что организованнаго тайнаго общества не существовало и что лица, жившія въ провинціи, не являлись миссіонерами. Однако, коммиссія пришла къ заключенію, что „и открытаго уже совершенно достаточно, дабы обратить на себя вниманіе правительства". Поэтому она представила на высочайшее воззрѣніе особую записку съ изложеніемъ тѣхъ мѣропріятій, которыя могли бы способствовать устраненію возможности для появленія впредь подобныхъ общественныхъ движеній. Во-первыхъ, надлежало обратить особое вниманіе на „общественное обученіе, какъ относительно духа и направленія преподаванія вообще, такъ и относительно строгаго выбора учителей и повѣрки ихъ преподаванія"; во-вторыхъ, нужно было усилить наблюденія за ввозомъ въ Россію иностранныхъ книгъ; въ-третьихъ, требовался „самый осмотрительный цензурный надзоръ надъ русской журналистикой, такъ какъ, по мнѣнію коммиссіи, „многіе выпущенные изъ высшихъ учебныхъ гражданскихъ заведеній молодые люди, недовольствуясь служебными окладами, для подкрѣпленія своихъ средствъ, обращались къ составленію журнальныхъ статей, а въ числѣ сихъ статей, при недостаткѣ бдительной цензуры, нерѣдко прорывались такія, коихъ направленіе явственно вредно и посредствомъ сего легкаго способа, зараженные уже вольнодумствомъ сочинители разливали ядъ свой во внутренность государства и въ умы, чуждые еще пагубныхъ шатаній"; наконецъ, коммиссія указывала на неотложность „возможно бдительнаго наблюденія со стороны всѣхъ полицейскихъ начальствъ за сборищами и собраніями, дабы не могли изъ нихъ постепенно образоваться тѣ анархическіе союзы и клубы, которыхъ печальные плоды разрушили благоденствіе запада".

Генералъ-аудиторіатъ полагалъ всѣхъ подсудимыхъ, кромѣ Черносвитова и Катенева, подвергнуть смертной казни чрезъ разстрѣляніе, Черносвитова—выслать въ Вятку, а Катенева—по выздоровленіи, вновь предать суду. Однако, генералъ-аудиторіатъ принялъ во вниманіе уменьшающія вину обстоятельства и полагалъ вышеуказанныя наказанія замѣнить болѣе легкими, приговоривъ Петрашевскаго—къ безсрочной каторгѣ, Григорьева и Момбелли—къ каторжнымъ работамъ на 15 лѣтъ, Спѣшнева—на 12 лѣтъ, Львова, Филиппова и Ахшарумова—на 12 лѣтъ, Ханыкова—на 10 лѣтъ, Достоевскаго, Дурова и Дебу 1—на 8 лѣтъ, Дебу 2, Толя и Ястржембскаго—на 4 года, Плещеева—къ ссылкѣ въ Сибирь, Кашкина—къ ссылкѣ въ г. Холмогоры, Головинскаго—къ написанію въ рядо-

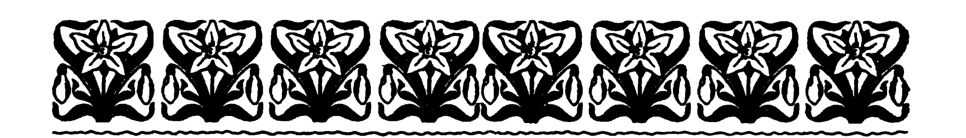
вые, въ баталіоны Оренбургскаго корпуса, Пальма—къ переводу въ армію, Тимковскаго—къ высылкѣ въ Олонецъ, Европеуса—къ высылкѣ въ Вятку, Шапошникова—къ отдачѣ въ арестантскія роты на 6 лѣтъ и опредѣленію затѣмъ на службу въ отдаленныя войска.

По дѣлу состоялся высочайшій докладъ генералъ-аудиторіата, на который 19-го декабря 1849 г. послѣдовала высочайшая резолюція: „быть по сему, но съ тѣми отмѣтками, которыя означены на выпискѣ". Высочайшія же отмѣтки на выпискѣ, принесшія подсудимымъ облегченіе ихъ участи, гласили нижеслѣдующее: статьи о Петрашевскомъ, Григорьевѣ, Львовѣ, Головинскомъ и Пальмѣ были конфирмованы резолюціями—„быть по сему"; противъ статьи о Момбелли стояла помѣтка—„на десять лѣтъ", о Филипповѣ и Ахшарумовѣ—„Филиппова и Ахшарумова на 4 года въ военные арестанты, а потомъ въ рядовые на Кавказъ"; Ханыкова—„рядовымъ въ Оренбургскіе линейные баталіоны"; о Дуровѣ—„на четыре года, а потомъ рядовымъ"; о Достоевскомъ—„на четыре года, а потомъ рядовымъ"; о Дебу 1—„на четыре года въ военные арестанты, а потомъ въ рядовые"; о Дебу 2—„въ военные арестанты на два года, а потомъ рядовымъ"; о Ястржембскомъ и Толѣ—„Ястржембскаго на 6 лѣтъ и Толя на два года" (здѣсь царская резолюція, увеличивъ Ястржембскому срокъ наказанія на 2 года, явилась суровѣе генералъ-аудиторіатскаго заключенія); о Плещеевѣ—„рядовымъ въ Оренбургскіе линейные баталіоны"; о Кашкинѣ—„рядовымъ въ Кавказскіе линейные баталіоны"; о Тимковскомъ и Европеусѣ—„Тимковскаго на шесть лѣтъ въ арестантскія роты, а Европеуса—рядовымъ въ Кавказскіе линейные баталіоны"; наконецъ, о Шапошниковѣ—„рядовымъ въ Оренбургскіе линейные баталіоны".

Нѣкоторыя царскія резолюціи, въ виду ихъ неполноты, вызвали необходимость новаго доклада генералъ-аудиторіата отъ 20 декабря. Генералъ-аудиторіатъ спрашивалъ высочайшихъ указаній на то, слѣдуетъ ли считать Европеуса приговореннымъ къ лишенію дворянства и нужно ли Пальма, какъ приговореннаго лишь къ переводу въ армію, и Черносвитова выводить на Семеновскій плацъ для выслушанія приговора. Сомнѣнія генералъ-аудиторіата разрѣшились резолюціею отъ 20 декабря: „Европеуса безъ лишенія дворянства; Пальма выводить тоже на площадь и тамъ объявить прощеніе; Черносвитова отправить прямо въ крѣпость съ фельдъегеремъ въ Кексгольмъ".

Михаилъ Соколовскій.

Объ увольненіи императоромъ Николаемъ I въ отставку сенаторовъ, рѣдко посѣщавшихъ собранія Сената.

Сенатъ, какъ извѣстно, былъ учрежденъ Петромъ Великимъ для управленія во время отлучекъ государя. Положеніе Сената, какъ временнаго замѣстителя высшей власти, было очень значительно. Въ сенаторы назначались люди опытные, дѣльные и къ труду способные. Затѣмъ въ послѣдующія царствованія, Сенату пришлось дѣлить власть съ учрежденіями, болѣе близко стоявшими у монаршаго престола, какъ Верховный тайный совѣтъ, Кабинетъ министровъ, Государственный Совѣтъ, а съ теченіемъ времени власть эта еще болѣе умалилась. Теперь, по повелѣнію государя императора отъ 17 января 1905 г., поднятъ вопросъ о пересмотрѣ существующаго положенія этого высокаго государственнаго учрежденія. Само собою разумѣется, что во время его упадка въ сенаторы стали попадать хотя и опытные и не мало принесшіе пользы родинѣ люди, но не рѣдко, по преклонному возрасту, подверженные болѣзнямъ и утратившіе большую долю прежнихъ силъ и энергіи и занятые, кромѣ того, другими обязанностями. Императоръ Николай Павловичъ, желая сократить излишніе расходы государства и, вслѣдствіе сего, обратившій вниманіе на положеніе существовавшихъ въ Имперіи учрежденій, не обошелъ и Сената. 11 декабря 1846 года министръ юстиціи графъ В. Н. Панинъ получилъ отъ его императорскаго величества собственноручное повелѣніе:

„Озабочиваясь очищеніемъ списковъ служащихъ по военной части, но не несущихъ должностныхъ обязанностей, и потому безполезныхъ, нахожу справедливымъ то же сдѣлать и по гражданскому вѣдомству, начавъ съ Сената; прошу мнѣ прислать списокъ однимъ тѣмъ сенаторамъ, которые службы не несутъ, въ Сенатъ не ѣздятъ и потому безполезны—съ отмѣткой, что каждый нынѣ получаетъ содержанія, и что ему слѣдуетъ въ пенсіонъ по уставу“.

12 декабря графъ Панинъ вошелъ къ государю съ всеподданнѣйшимъ представленіемъ:

„Въ исполненіе высочайшей вашего императорскаго величества воли, имѣю счастіе представить списокъ тѣмъ сенаторамъ, которые, по болѣзненному состоянію или по занятіямъ въ другомъ вѣдомствѣ, часто не присутствуютъ въ Правительствующемъ Сенатѣ.

„Къ числу послѣднихъ принадлежатъ преимущественно тѣ, кои состоятъ въ званіи почетныхъ опекуновъ, и потому я вмѣняю себѣ въ обязанность обратить вниманіе вашего величества на сіе обстоятельство, полагая, что государыня императрица встрѣтила бы нѣкоторое затрудненіе въ замѣщеніи должностей, возлагаемыхъ на почетныхъ опекуновъ, если бы занятія ихъ признаны были несовмѣстными съ исполненіемъ обязанностей по Сенату. Впрочемъ, если на то послѣдуетъ высочайшее соизволеніе, то я полагалъ бы войти въ сношеніе въ статсъ-секретаремъ Гофманомъ о средствахъ къ соглашенію на будущее время занятій означенныхъ лицъ по Сенату и опекунскому совѣту.

„Относительно увольненія отъ службы съ пенсіонными окладами на будущее время всѣхъ тѣхъ сенаторовъ, кои, по болѣзненному состоянію или по преклонности лѣтъ, не въ состояніи исполнять обязанности свои наравнѣ съ младшими и менѣе заслуженными сенаторами, считаю долгомъ повергнуть въ милостивое благоусмотрѣніе вашего величества, что могутъ представиться случаи, въ коихъ обыкновенный пенсіонный окладъ будетъ совершенно недостаточенъ къ удовлетворенію самыхъ неприхотливыхъ потребностей заслуженнаго старца съ многочисленнымъ семействомъ. На сіи лишь случаи осмѣливаюсь испрашивать разрѣшенія ходатайствовать о включеніи нѣкоторыхъ сенаторовъ, согласно послѣдовавшему уже на сей предметъ въ прежнее время разрѣшенію вашего величества, въ число не присутствующихъ сенаторовъ, съ сохраненіемъ окладовъ.

„Къ сему ходатайству я побуждаюсь еще слѣдующими причинами. Вашему величеству извѣстно, что я исполнилъ въ точности волю вашу о неувеличеніи издержекъ безъ необходимости, и вообще издержки на содержаніе сенаторовъ, назначаемыхъ по моему представленію, не увеличивались, потому что въ департаментахъ состояло только необходимое число присутствующихъ. Симъ правиламъ можно дать еще болѣе твердости, постановивъ негласнымъ образомъ, что въ департаментахъ должно быть не болѣе четырехъ сенаторовъ, когда ни одинъ изъ нихъ не имѣетъ постороннихъ занятій въ другомъ вѣдомствѣ, и пяти—въ семъ послѣднемъ случаѣ, не включая въ сіе число назначаемыхъ на производство ревизій или на исполненіе другихъ порученій. Но при семъ положительномъ ограниченіи числа сенаторовъ, необходимо, на случай болѣзни или другихъ обстоятельствъ, имѣть возможность пригласить къ присутствію тѣхъ, кои,

въ небольшомъ числѣ, будутъ отъ онаго освобождены. При сохраненіи же симъ послѣднимъ окладовъ жалованья, полагаю принять въ уваженіе время ихъ службы, преклонность ихъ лѣтъ, состояніе ихъ здоровья, семейное или безсемейное ихъ положеніе и, въ особенности, незначительность или неимѣніе собственнаго состоянія.

„Сверхъ того, имѣя въ виду необходимости сокращенія издержекъ, я полагалъ бы также постановить негласнымъ образомъ, что съ наступающаго года никакой сенаторъ, какую бы онъ ни занималъ прежде того должность и какіе бы онъ ни получалъ по оной оклады, не долженъ получать болѣе шести тысячъ рублей серебромъ въ годъ, дабы такимъ образомъ пресѣчь домогательства о сохраненіи высшихъ окладовъ, коихъ, безъ особаго высочайшаго разрѣшенія, отвергать я былъ не въ правѣ, и сокративъ нѣкоторыя излишнія издержки, оставить однакожъ достаточныя средства къ существованію тѣмъ, кои, по исполненіи важныхъ обязанностей генералъ-губернаторовъ и начальниковъ губерній, или послѣ многолѣтняго и труднаго управленія департаментомъ, несутъ полезную службу въ званіи сенаторовъ.

„Повергая сіи предположенія во всемилостивѣйшее воззрѣніе вашего величества, я буду ожидать повелѣній вашихъ объ увольненіи тѣхъ сенаторовъ, коихъ угодно будетъ вамъ назначить въ прилагаемомъ при семъ спискѣ, донося, что впереди помѣщены тѣ, кои рѣже являются къ должности. Если о состоящихъ въ различныхъ вѣдомствахъ не послѣдуетъ повелѣнія, то я полагалъ бы въ указъ объ увольненіи прочихъ включить, что они „по болѣзненному состоянію всемилостивѣйше уволены отъ присутствія въ Правительствующемъ Сенатѣ“, предоставляя имъ самимъ просить объ увольненіи отъ службы и о назначеніи пенсіи“.

Въ приложенномъ къ представленію спискѣ были показаны сенаторы: тайн. сов. Меркуловъ, генер.-лейт. Броневскій, президентъ комитета о просящихъ милостыни и членъ попечительнаго совѣта заведеній общественнаго призрѣнія въ Москвѣ, тайн. сов. Нечаевъ, членъ военнаго совѣта, генер.-лейт. Михайловскій - Данилевскій, почетный опекунъ С.-Петербургскаго опекунскаго совѣта и управляющій экспедиціею ссудной казны, тайн. сов. графъ Апраксинъ, оберъ-гофмейстеръ, дѣйств. камергеръ, членъ Госуд. Совѣта и президентъ Московской дворцовой конторы князь Урусовъ и тайн. сов. Даниловъ.

Отвѣтомъ на это представленіе было новое собственноручное, отъ 18 декабря 1846 г., повелѣніе графу Панину:

„По запискѣ вашей полагаю на-дняхъ съ вами лично переговорить. Въ спискѣ сенаторовъ, что вы прислали, не пояснено получаемое ими нынѣ содержаніе, заготовьте подобный списокъ, но не

однимъ этимъ, а всѣмъ сенаторамъ. Полагаю, что найдутся еще многіе, которыхъ дальнѣйшее сохраненіе въ службѣ безъ пользы. Я отнюдь не намѣренъ ихъ бросить въ нищету, но уваживъ лѣта службы и достоинство тѣхъ, коихъ уволить рѣшу, опредѣлю имъ пенсіоны по собственному усмотрѣнію, не придерживаясь устава. О прочемъ переговоримъ при свиданіи".

Требуемый его величествомъ списокъ былъ представленъ, при чемъ въ особой графѣ было показано и число дней, которые тотъ или другой сенаторъ къ присутствованію въ Сенатѣ по разнымъ причинамъ не пріѣзжалъ. Вмѣстѣ съ симъ графъ Панинъ вошелъ къ государю съ представленіемъ о выработанныхъ имъ правилахъ увольненія сенаторовъ.

Правила эти заключались въ слѣдующемъ:

„1) Не увольнять сенаторовъ въ званіе неприсутствующихъ съ сохраненіемъ всѣхъ прежнихъ окладовъ, по служенію въ Сенатѣ имъ присвоенныхъ, если они не занимаютъ какой-либо другой должности по особому высочайшему назначенію.

2) Состоящихъ въ семъ званіи неприсутствующихъ сенаторовъ, съ сохраненіемъ прежнихъ окладовъ, или съ производствомъ какого-либо другаго содержанія, и не исправляющихъ какой-либо другой обязанности, а равно и сенаторовъ, присутствующихъ въ одномъ общемъ собраніи, уволить отъ службы, предоставивъ имъ самимъ подать о томъ прошенія, но если они отъ того будутъ уклоняться, то сдѣлать распоряженіе объ увольненіи ихъ по преклоннымъ лѣтамъ или болѣзненному состоянію.

3) Сенаторамъ, увольняемымъ отъ службы по собственному прошенію, или по особому распоряженію, назначать пенсіи по уставу, если они состояли въ званіи сенатора менѣе пятнадцати лѣтъ.

Тѣмъ же изъ нихъ, кои состояли въ званіи сенатора болѣе 15 лѣтъ, назначать пенсіи по особому ходатайству, повергнутому въ непосредственное благоусмотрѣніе его величества, принявъ главнымъ къ тому основаніемъ время службы въ званіи сенатора.

4) Вѣдомости о присутствованіи сенаторовъ представлять его величества дважды въ годъ, сперва до наступленія вакантнаго времени, а потомъ въ концѣ года, вмѣстѣ съ росписаніемъ сенаторовъ на слѣдующій годъ, которое повергнуто уже будетъ на непосредственное усмотрѣніе его величества, вмѣстѣ съ донесеніемъ о тѣхъ сенаторахъ, кои по преклонности лѣтъ или по болѣзненному состоянію, не могутъ исполнять съ надлежащимъ раченіемъ всѣхъ обязанностей своего званія.

5) Число сенаторовъ въ департаментахъ ограничить четырьмя, когда ни одинъ изъ нихъ не служитъ въ другомъ вѣдомствѣ или не

имѣетъ другихъ обязанностей, или пятью въ семъ послѣднемъ случаѣ. Умноженіе числа сенаторовъ противъ означеннаго можетъ быть допущено только въ случаѣ увольненія ихъ отъ присутствія, по откомандировкѣ, по долговременной, но не хронической болѣзни, или по увольненію въ продолжительные отпуски свыше 4-хъ мѣсяцевъ съ высочайшаго соизволенія.

6) При назначеніи содержанія сенаторамъ, получавшимъ въ прежнемъ званіи или въ прежней должности болѣе 4 тыс. руб., никогда не превышать размѣра 6 тыс. руб. с., исключивъ излишки противъ сего высшаго оклада.

7) Изъ смѣты министерства юстиціи исключить тѣ оклады, кои производятся сенаторамъ, служащимъ въ другихъ вѣдомствахъ и не присутствующимъ въ департаментахъ Правительствующаго Сената, включивъ сіи статьи, по надлежащемъ сношеніи съ другими вѣдомствами и министромъ финансовъ, въ смѣты главныхъ управленій или высшихъ государственныхъ установленій, въ коихъ присутствуютъ лица, которымъ производятся сіи оклады".

Представленіе свое гр. Панинъ заключилъ словами:

„Въ сихъ правилахъ заключаются, какъ я смѣю думать, всѣ предметы, разрѣшенные Вашимъ Императорскимъ Величествомъ, и я не премину, по увольненію отъ службы сенаторовъ Меркулова и Броневскаго, представить на Всемилостивѣйшее утвержденіе росписаніе на будущій годъ, не ожидая послѣдствій сношенія съ сенаторами неприсутствующими и съ намѣстникомъ Кавказскимъ относительно князя Эристова, дабы не замедлить распредѣленія, соотвѣтственнаго ограниченію числа присутствующихъ сенаторовъ. Изустныя мои объясненія съ нѣкоторыми изъ нихъ будутъ соотвѣтствовать волѣ Вашего Величества, и я надѣюсь, что многіе изъ тѣхъ, кои въ семъ случаѣ испытаютъ милостивое Ваше снисхожденіе къ ихъ лѣтамъ или недугамъ, оправдаютъ впослѣдствіи усердіемъ и трудами вниманіе Вашего Величества къ прежнимъ ихъ заслугамъ".

Государь императоръ правила эти утвердилъ, съ условіемъ, чтобы имъ не было дано гласности; по отношенію же къ Варшавскому Сенату велѣлъ предварительно послать ихъ на заключеніе къ генералъ-фельдмаршалу князю Варшавскому, съ тѣмъ, чтобы онъ представилъ прямо его императорскому величеству свои соображенія, какъ примѣнить сіи правила къ варшавскимъ департаментамъ.

Сообразивъ сіи правила съ мѣстными положеніями, князь Варшавскій сообщилъ министру юстиціи: „что 1 и 4 пунктъ оныхъ могутъ быть вполнѣ примѣнены къ варшавскимъ департаментамъ Правительс. Сената. Изъ 2 пункта слѣдуетъ выключить сенаторовъ, присутствующихъ въ одномъ общемъ собраніи: ибо по учрежденію Сената

въ Царствѣ Польскомъ въ тамошнемъ общемъ собраніи полагаются для присутствія отдѣльные сенаторы въ числѣ 7, кромѣ предсѣдателя. 3, 6 и 7 пункты вовсе не могутъ быть примѣнены къ варшавскимъ департаментамъ Прав. Сената: ибо тамъ существуетъ особое положеніе о пенсіяхъ, которому подлежатъ и сенаторы, а также штаты, которыми опредѣлены постоянные оклады для сенаторовъ и членовъ Сената; наконецъ, 5-й пунктъ долженъ подлежать измѣненію сообразно съ учрежденіемъ варшавскихъ департаментовъ Сената, которымъ, для непремѣннаго комплекта, въ общемъ собраніи, положены предсѣдатель и 7 сенаторовъ, а въ департаментахъ и отдѣленіяхъ по одному первоприсутствующему и 4-ти сенаторовъ или членовъ Сената".

Не считая себя въ правѣ, за состоявшимся повелѣніемъ, лично входить съ докладомъ по этому предмету къ государю, графъ Панинъ увѣдомилъ объ этомъ князя Варшавскаго, при чемъ добавилъ, что, съ своей стороны, не встрѣчаетъ препятствій къ приведенію предположеній князя въ исполненіе.

Были ли примѣнены предполагаемыя мѣры въ Варшавскомъ Сенатѣ, и къ кому именно изъ сенаторовъ, намъ неизвѣстно, по С.-Петербургскимъ же и Московскимъ департаментамъ Правительствующаго Сената мѣру, указанную государемъ императоромъ, предположено было примѣнить къ сенаторамъ: Меркулову, Броневскому, Болгарскому, Мордвинову, Батюшкову, Муравьеву-Апостолу, Огареву, Писареву, Протасову, Бологовскому, князю Голицыну и князю Эристову.

Когда означеннымъ сенаторамъ сдѣлалось извѣстнымъ предположеніе уволить ихъ отставку, то нѣкоторые сами вошли въ переписку съ министромъ, другимъ же пришлось получить отъ всесильнаго въ то время министра юстиціи гр. Панина письменныя предложенія о подачѣ прошеній объ увольненіи отъ службы. Такъ, 20 декабря 1846 г. сенаторъ Броневскій писалъ графу Панину:

„Несчастное свойство моей болѣзни, упорно продолжаясь, дѣлаетъ меня неспособнымъ исполнять служебныя обязанности. Имѣю честь представить вашему сіятельству всеподданнѣйшую мою просьбу, для поднесенія Государю Императору, о увольненіи меня отъ службы. Всепокорнѣйше испрашиваю у васъ, милостивый государь, благосклоннаго предстательства о назначеніи мнѣ пристойнаго содержанія за 43-лѣтнюю службу, по причинамъ бѣднаго моего состоянія.

„Испытанныя возвышенность чувствъ и правота вашего сіятельства оставляютъ мнѣ лучъ надежды, что вы не лишите меня покровительства при горькой разлукѣ моей съ службою, которую любилъ выше всего на свѣтѣ и которой пожертвовано невозвратно все, что человѣкъ имѣетъ драгоцѣннаго.

„Во всякомъ случаѣ, я по благодушію вашему увѣренъ, что от-

ставка послѣдуетъ въ такомъ только случаѣ, если не представится никакой возможности отсрочить мнѣ время, на годъ, для излѣченія, которое продолжается дѣятельно и не безъ видимаго успѣха, оставя меня въ настоящемъ положеніи".

По докладѣ государю просьбы Броневскаго, его величество, указомъ, даннымъ Правит. Сенату 1 января 1847 г., высочайше повелѣлъ Броневскаго отъ службы, за болѣзнію, по прошенію, уволить. Того же 1 января 1847 г. военный министръ князь Чернышевъ сообщилъ графу Панину, что государь императоръ, обративъ всемилостивѣйшее вниманіе на 43-лѣтнюю службу сенатора Броневскаго и на заслуги, оказанныя имъ въ продолженіе 29-лѣтняго служенія въ Сибири, особенно по образованію Сибирскаго линейнаго казачьяго войска и по устройству киргизовъ средней орды,—всемилостивѣйше соизволилъ пожаловать ему пенсію, не въ примѣръ другимъ, по три тысячи рублей серебромъ въ годъ".

25 декабря того же 1846 г. графъ Панинъ получилъ отъ сенатора Меркулова письмо:

„Г. оберъ-прокуроръ Правительствующаго Сената 8-го департамента,—получа отношеніе г. директора вашей канцеляріи, объявилъ мнѣ лично, что на увольненіе меня отъ присутствія съ получаемыми мною окладами Высочайшей воли не послѣдовало, а вмѣстѣ съ симъ дано мнѣ знать, что я объ увольненіи совершенно отъ службы къ 30 декабря сего года могу прислать прошеніе, и вы, ваше сіятельство, обѣщаете ходатайствовавать у Монарха объ увеличеніи мнѣ пенсіона. Вполнѣ чувствую благосклонность вашего сіятельства и съ должнымъ уваженіемъ приношу мою благодарность, но почитаю долгомъ и нынѣ повторить, что если я утруждалъ ваше сіятельство просьбою, то единственно потому, что положительно не имѣю такого состоянія, чтобы содержать себя и семейство, лишась получаемыхъ окладовъ.

Въ будущемъ 1847 г. я долженъ получить знакъ отличія безпорочной службы за XXXV лѣтъ. Несмотря на преклонность лѣтъ моихъ и на разстроенное здоровье, призывая Бога помощь, рѣшаюсь продолжать службу до конца моей жизни, поручая себя милостивому покровительству вашего сіятельства".

Въ виду такого отзыва Меркулова и неприсылки имъ до января просьбы объ увольненіи, гр. Панинъ 4 января 1847 г. сообщилъ оберъ-прокурору 8 д-та Сената Зубкову:

„Сенаторъ Меркуловъ написалъ мнѣ, что вы ему объявили отъ имени моего, что на увольненіе его въ неприсутствующіе сенаторы высочайшаго соизволенія не послѣдовало и что онъ можетъ прислать прошеніе объ увольненіи его отъ службы. Къ сему Петръ Кирилловичъ присовокупилъ, что просьба его имѣла единственнымъ основа-

ніемъ неимѣніе достаточнаго состоянія для содержанія себя и семейства безъ получаемаго нынѣ оклада, и что онъ рѣшается служить до конца жизни. Въ предупрежденіе дальнѣйшихъ недоразумѣній, я нахожу необходимымъ войти, чрезъ ваше посредство, въ полное и откровенное объясненіе съ Петромъ Кирилловичемъ по всѣмъ симъ предметамъ. Дѣйствительно, вамъ поручено было, милостивый государь, вслѣдствіе распоряженія моего, предупредить сенатора Меркулова о томъ, что онъ, не занимая никакой другой должности, кромѣ сенаторской, не могъ быть включенъ въ число неприсутствующихъ, съ сохраненіемъ всѣхъ окладовъ. Еще менѣе возможно, чтобы сенаторъ, неприсутствовавшій въ продолженіе 160 дней, считался на дѣйствительной службѣ и пользовался преимуществами, сопряженными съ исполненіемъ возложенныхъ на него обязанностей.

„Уважая лично Петра Кирилловича и прежнюю его службу, я находилъ, что было бы и приличнѣе и удобнѣе во всѣхъ отношеніяхъ, чтобы онъ самъ просилъ, по разстроенному здоровью, увольненія отъ службы, и тогда полагалъ бы возможнымъ ходатайствовать о нѣкоторомъ увеличеніи слѣдующей ему по закону пенсіи, которая составляетъ токмо 381 руб. 15 коп. сер. Правительство не въ состояніи обезпечить содержанія всѣхъ лицъ, увольняемыхъ отъ службы, въ такомъ размѣрѣ, который бы соотвѣтствовалъ вполнѣ ожиданію, которое основано не на правѣ, а на собственномъ расчетѣ. Въ недавнее еще время жалованье гг. сенаторовъ на службѣ не превышало почти того размѣра, который назначенъ для производства пенсій, и потому увеличеніе сего послѣдняго не можетъ равняться возвышенію окладовъ, предназначенныхъ для служащихъ.

„Покорнѣйше прошу ваше превосходительство прочесть сіе письмо въ подлинникѣ Петру Кирилловичу, убѣждая его, по возможности, прислать, безъ потери времени, прошеніе, въ установленной формѣ, объ увольненіи отъ службы, или сообщить мнѣ рѣшительный отзывъ по сему предмету, оставивъ ему нѣсколько дней на представленіе онаго, дабы избѣгнуть, по возможности, весьма непріятной для меня необходимости представить государю императору объ увольненіи сенатора отъ службы, безъ его просьбы“.

На это письмо Зубковъ отвѣтилъ, что онъ былъ два раза у сенатора Меркулова, показывалъ ему письмо, и что сенаторъ объявилъ ему о намѣреніи непремѣнно отправить 14 января прошеніе о своемъ увольненіи.

20 января 1847 г. было, наконецъ, получено министромъ всеподданнѣйшее прошеніе Меркулова, при письмѣ къ графу Панину объ исходатайствованіи ему усиленной пенсіи, въ виду ограниченности его средствъ для поддержанія себя и семейства.

24 января 1847 г. статсъ-секретарь Танѣевъ сообщилъ графу Панину, что государь императоръ, изъявивъ соизволеніе на увольненіе сенатора Меркулова, согласно прошенію его, по болѣзненному состоянію, вовсе отъ службы, всемилостивѣйше повелѣть изволилъ, во вниманіе къ долговременной и усердной его службѣ, производить ему въ пенсіонъ по 1.200 руб. сер. въ годъ изъ государственнаго казначейства.

Сенаторъ Болгарскій прислалъ министру юстиціи 27 декабря 1846 г. слѣдующее письмо:

„По порученію вашего сіятельства, былъ у меня 24 сего декабря г. вице-директоръ департамента министерства юстиціи, съ словеснымъ отъ вашего имени объявленіемъ, что, такъ какъ государю императору благоугодно, чтобы сенаторы, по росписанію неприсутствующіе въ Сенатѣ, равно и тѣ, которые, не принадлежа къ департаментамъ Сената, присутствуютъ только въ общемъ онаго собраніи, къ коему и я причисленъ, на будущее время размѣщены были по департаментамъ, или, по состоянію нездоровья, просили объ увольненіи ихъ отъ службы, то чтобъ и я сдѣлалъ отзывъ вашему сіятельству: могу ли я продолжать служеніе въ департаментѣ, или чувствую себя, по болѣзни, къ тому неспособнымъ. На это сдѣлавъ короткій отзывъ вице-директору, имѣю честь относительно сего объясниться предъ вами, милостивый государь, подробнѣе.

„Хотя исполнилось мнѣ 78 лѣтъ, въ томъ числѣ 60 лѣтъ моему служенію престолу и отечеству и хотя раны и убои, назадъ тому 52 года полученные мною въ дѣлѣ противъ варшавскихъ мятежниковъ, съ претерпѣніемъ семимѣсячнаго въ рукахъ ихъ тяжкаго плѣна, много сдѣлали вреднаго вліянія на мое здоровье, особенно на зрѣніе и слухъ, но не ослабили душевныхъ моихъ способностей и рвенія къ службѣ. Сіе доказывается моимъ послѣ того участіемъ въ Персидскомъ походѣ, служеніемъ на Кавказѣ и тѣмъ, по переходѣ моемъ изъ военной службы въ гражданскую, что былъ я 4 года губернаторомъ и 23 года присутствую въ Правительствующемъ Сенатѣ, находившись и первоприсутствовавшимъ во временномъ общемъ собраніи до самаго закрытія его. Кромѣ того, по высочайшей волѣ въ бозѣ почивающаго государя императора, подтвержденной и его императорскимъ величествомъ государемъ, благополучно царствующимъ, 17 лѣтъ провелъ я въ общемъ служеніи съ военнымъ министромъ въ Донскомъ комитетѣ; болѣе 10 лѣтъ находился предсѣдателемъ медицинскаго совѣта, два года ревизоромъ бывшаго при министерствѣ финансовъ департамента госуд. имуществъ и за успѣшныя дѣйствія по всѣмъ симъ назначеніямъ многократно удостоенъ былъ лестныхъ знаковъ особеннаго монаршаго благоволенія и милостей.

„Все же сіе свидѣтельствуетъ, что, несмотря на раны мои и склоненіе къ старости, я не переставалъ быть дѣятельнымъ и существенно полезнымъ для службы.

„Въ настоящее время, хотя образовавшійся на глазахъ моихъ катарактъ оказывается чѣмъ далѣе, тѣмъ примѣтнѣе, но врачующій меня медикъ, признавая сіе знакомъ близкаго созрѣнія его, тѣмъ болѣе надѣется счастливо окончить операцію и не позже слѣдующаго лѣта возвратить мнѣ полное зрѣніе. Посему, если то возможно, я всепокорнѣйше прошу ваше сіятельство о исходатайствованіи мнѣ предъ милосерднымъ монархомъ той только милости, чтобы съ причисленіемъ меня къ которому-либо изъ департаментовъ Сената, могъ я быть до лѣта свободенъ отъ присутствія въ общемъ собраніи, имѣя въ предметѣ употребить это время для окончательнаго пользованія себя“.

Получивъ такое сообщеніе, графъ Панинъ поѣхалъ къ Болгарскому для личныхъ переговоровъ, послѣдствіемъ которыхъ было другое письмо послѣдняго, отъ 5 января 1847 года:

„Послѣ того посѣщенія, которымъ ваше сіятельство вчера изволили меня почтить, я тотчасъ занялся обсужденіемъ моей жизни, моей службы и моихъ ранъ, и соображеніемъ сего съ тѣмъ по отношенію къ службѣ состояніемъ, въ какое благоугодно его императорскому величеству поставить сенаторовъ на будущее время, и, наконецъ, убѣдился, что дѣйствительно не по силамъ своимъ я брался въ точности исполнять всѣ ихъ обязанности; а потому спѣшу увѣдомить васъ, милостивый государь, что я отступаю отъ прежней мысли и совершенно покоряюсь судьбѣ, будучи въ полномъ упованіи, что при вашемъ свидѣтельствѣ предъ милосерднымъ монархомъ, 60-ти-лѣтнія мои заслуги и необезпеченная 78-ми-лѣтняя старость моя, со всемилостивѣйшимъ увольненіемъ меня отъ службы, не будутъ оставлены безъ отеческаго вниманія“.

Вслѣдъ затѣмъ Болгарскій подалъ на высочайшее имя двѣ просьбы: одну—объ увольненіи его отъ службы, другую,—въ коей дополнилъ перечень своихъ служебныхъ заслугъ, о которыхъ забылъ упомянуть въ первомъ своемъ прошеніи.

Въ докладѣ государю по поводу этихъ просьбъ гр. Панинъ, между прочимъ, объяснивъ, что сенаторъ Болгарскій женатъ, имѣетъ сына, служащаго въ С.-Петербургскомъ уланскомъ полку корнетомъ, и 79 душъ благопріобрѣтеннаго имѣнія, и что пенсія ему, по уставу, должна производиться въ размѣрѣ 1.143 руб. 60 к. сер.,—ходатайствовалъ о назначеніи послѣдней въ количествѣ 2.000 руб. сер. въ годъ.

Государь императоръ повелѣлъ производить Болгарскому въ пенсіонъ по 2.000 руб. сер. въ годъ изъ государственнаго казначейства.

Сенаторъ Мордвиновъ, посылая министру юстиціи прошеніе на высочайшее имя объ увольненіи отъ службы, просилъ министра, „исходатайствовать полное при отставкѣ содержаніе, по бывшимъ примѣрамъ его товарищей“.

Представляя государю прошеніе Мордвинова, графъ Панинъ въ докладѣ своемъ его величеству, между прочимъ, изложилъ:

„Тайн. сов. Мордвиновъ состоитъ въ службѣ съ 1781 г., болѣе 50 лѣтъ, въ званіи сенатора находится съ 6 декабря 1.826 г.,— 20 лѣтъ. Полный окладъ его содержанія, безъ вычета, составляетъ 3.000 р. сер. Кромѣ того, онъ получаетъ арендныя деньги 1.388 р. сер., срокъ производства коихъ оканчивается въ настоящемъ году, 12 апрѣля, холостъ; имѣнія родоваго за нимъ считается 49 душъ; находясь въ военной службѣ, былъ въ 1812 г. въ походахъ и дѣйствительныхъ сраженіяхъ октября 6, 7 и 8 числъ при взятіи города Полоцка, гдѣ лишился правой ноги. По уставу о пенсіяхъ, тайный совѣтникъ Мордвиновъ, за свыше 35-лѣтнюю службу, имѣетъ право на полученіе при отставкѣ полнаго пенсіона, составляющаго 1.143 р. 60 к. с.

„Принимая во вниманіе, что г. Мордвиновъ находится въ званіи сенатора 20 лѣтъ, я полагалъ бы соотвѣтственно предположеніямъ, кои имѣлъ счастіе повергать на высочайшее вашего императорскаго величества благоусмотрѣніе, возможнымъ назначить г. Мордвинову пенсію по 2.000 р. с. изъ государственнаго казначейства“.

Уволивъ Мордвинова отъ службы, указомъ Правительствующему Сенату отъ 5 января 1847 г., государь императоръ назначилъ ему пенсію, согласно представленію министра юстиціи, и, сверхъ того, во уваженіе тяжелой его раны, дополнительную, изъ инвалиднаго капитала, въ 858 руб. сер. въ годъ, со дня увольненія въ отставку.

9 января 1847 г. было получено всеподданнѣйшее прошеніе сенатора Батюшкова, въ которомъ онъ, сознавая себя не въ силахъ исполнять обязанности, съ званіемъ сенатора сопряженныя, просилъ государя обратить вниманіе на 57-лѣтнюю его службу и уволить отъ службы съ пенсіею въ размѣрѣ получавшагося имъ содержанія.

Государь императоръ, изъявивъ соизволеніе на увольненіе его, согласно прошенію, за слабостію здоровья, вовсе отъ службы, повелѣлъ, во вниманіе къ долговременной и усердной его службѣ, производить ему въ пенсіонъ по 2.500 руб. сер. въ годъ изъ государственнаго казначейства.

Къ сенаторамъ Муравьеву-Апостолу и Огареву министру пришлось обратиться съ письменными предложеніями о подачѣ прошеній объ отставкѣ. Муравьеву-Апостолу графъ Панинъ писалъ:

„Милостивый государь Иванъ Матвѣевичъ.

„По случаю нѣкоторыхъ преобразованій въ устройствѣ граждан-

ской службы, государю императору благоугодно было изъявить волю о неоставленіи въ званіи неприсутствующихъ сенаторовъ тѣхъ, кои въ дѣйствительной службѣ не состоятъ, и представить мнѣ войти съ ними по сему предмету въ сношеніе. Вслѣдствіе того, я полагаю, милостивый государь, что вамъ пріятно будетъ имѣть достовѣрную справку о томъ размѣрѣ пенсіи, на которую вы имѣете право по закону, и если при подачѣ прошенія объ увольненіи васъ отъ службы вы пожелаете ходатайствовать о сохраненіи полнаго количества или части тѣхъ окладовъ, которые вамъ нынѣ производятся, то я вмѣняю себѣ въ пріятную обязанность оказать вамъ въ семъ случаѣ все возможное содѣйствіе, хотя за успѣхъ я поручиться не могу. Сверхъ того, если вы желаете сохранить въ отставкѣ мундиръ, то я просилъ бы васъ, милостивый государь, и объ этомъ ко мнѣ отнестись. Прилагая у сего справку о пенсіяхъ, я пользуюсь настоящимъ случаемъ, чтобъ увѣрить васъ, м. г., въ тѣхъ чувствахъ истиннаго почтенія, которыя я привыкъ питать къ вамъ съ молодыхъ лѣтъ и которыя раздѣляются всѣми тѣми, кои имѣли честь находиться съ вами въ какихъ-либо сношеніяхъ. Не излишнимъ считаю присовокупить, что мѣра, о которой я имѣлъ честь вамъ сообщить, есть общая и приведена уже въ исполненіе въ отношеніи къ тѣмъ сенаторамъ, кои находились въ одинаковомъ съ вами, м. г., положеніи".

Сенаторъ Муравьевъ-Апостолъ, по полученіи извѣщенія министра, просилъ государя императора, чрезъ посредство графа А. Ѳ. Орлова, о высочайшемъ соизволеніи на продолженіе службы своей въ Московскомъ Сенатѣ, но, получивъ въ этомъ отказъ, 16 апрѣля 1847 г. послалъ на высочайшее имя прошеніе о своемъ увольненіи и о назначеніи ему, за свыше 50-ти лѣтнюю службу пенсіи, сверхъ тѣхъ пожалованій, которыми онъ уже пользовался отъ щедротъ императрицы Екатерины II и его величества.

Сенаторъ Огаревъ получилъ отъ графа Панина слѣдующее письмо:

„Милостивый государь, Николай Ивановичъ.

Государь императоръ, при разсмотрѣніи вѣдомости о присутствіи сенаторовъ въ д-тахъ въ минувшемъ году, обратилъ вниманіе на то, что нѣкоторые изъ нихъ, не имѣя никакихъ обязанностей по другимъ вѣдомствамъ, часто не пріѣзжаютъ въ присутствіе и что отъ этого должны происходить медленность и замѣшательство въ производствѣ дѣлъ. Въ предупрежденіе сихъ неудобствъ, его величеству благоугодно было поручить мнѣ объясниться съ сенаторами, относительно коихъ сдѣлано сіе замѣчаніе, дабы они, по мѣрѣ возможности, содѣйствовали своимъ присутствіемъ въ Сенатѣ къ успѣшному и безостановочному производству дѣлъ. Долговременная усердная и полезная служба вашего высокопр—ва извѣстна его и. в—ву и потому

при исполненіи вами обязанностей званія вашего, конечно, будетъ всегда принято въ уваженіе, что вы состоите въ семъ званіи болѣе 20 лѣтъ съ пользою для службы. Но, быть можетъ, что ослабѣвшія ваши силы и разстроенное ваше здоровье заставляютъ васъ желать, м. г., если не теперь, то въ неотдаленномъ времени, отдохновенія отъ трудовъ. На сей единственно случай я считаю долгомъ предупредить васъ, м. г., что я полагалъ бы возможнымъ ходатайствовать предъ государемъ императоромъ о назначеніи вамъ содержанія не въ обыкновеннымъ размѣрѣ пенсій и что я сочту себя весьма счастливымъ, если мнѣ можно будетъ доставить вамъ какъ при семъ, такъ и при всякомъ другомъ случаѣ новыя доказательства искренняго моего къ вамъ уваженія".

Слѣдствіемъ этого письма графа Панина была подача Огаревымъ всеподданнѣйшаго прошенія объ увольненіи его въ отставку съ пенсіею.

Въ то же время прислалъ просьбу объ отставкѣ и сенаторъ Протасовъ, ходатайствовавшій вмѣстѣ о пенсіи и предоставленіи ему права носить въ отставкѣ сенаторскій мундиръ.

Объ этихъ трехъ сенаторахъ графъ Панинъ вошелъ къ государю императору съ общимъ докладомъ, въ которомъ, между прочимъ, изложилъ: „Изъ формулярныхъ списковъ означенныхъ сенаторовъ видно: дѣйств. тайн. сов. Огаревъ состоитъ въ службѣ съ 1797 г., въ званіи сенатора съ 22-го августа 1826 г. и первоприсутствующимъ сенаторомъ въ 7 департаментѣ Правительствующаго Сената съ 2-го декабря 1845 г., жалованья получаетъ 3.000 руб. и арендныя деньги по 2.000 руб. сер. на 12 лѣтъ съ 1 января 1844 г.; отъ роду 67 лѣтъ. Имѣетъ родовое имѣніе 400 душъ, кромѣ того, за женою его состоитъ также родоваго 100 душъ. По уставу слѣдуетъ Огареву пенсіи 1.143 р. 60 к. с. Тайн. совѣтн. Муравьевъ-Апостолъ находится въ службѣ съ 1773 г., назначенъ сенаторомъ въ 1824 г., а въ октябрѣ 1841 г. уволенъ изъ вѣдомства министерства иностранныхъ дѣлъ, состоитъ въ числѣ неприсутствующихъ сенаторовъ и получаетъ двѣ пенсіи, одну по указу отъ 3-го февраля 1796 г., 566 р. 16 к. с., и другую—617 р. 85 к. с. Жалованья по званію сенатора производится 643 р. 31 к. с. Отъ роду имѣетъ 73 г., родоваго имѣнія за нимъ состоитъ 150 душъ, пенсіи, по силѣ 61 ст. устава, слѣдуетъ ему 643 р. 31 к. с. Тайный совѣтникъ Протасовъ—въ службѣ съ 1803 г., въ званіи сенатора съ 31-го декабря 1839 г., присутствуетъ въ 8-мъ департаментѣ Сената, жалованья получаетъ 3.000 р., имѣетъ отъ роду 57 л. и родоваго имѣнія 1.130 душъ. Г. Протасову слѣдуетъ пенсіи по уставу 762 р. 30 к. с. въ годъ. Сообразивъ службу означенныхъ сенаторовъ съ высочайше утвержденными вашимъ императорскимъ величествомъ правилами, коими предоставлено мнѣ повергать на не-

посредственное всемилостивѣйшее воззрѣніе и назначеніе пенсій въ увеличенномъ размѣрѣ увольняемымъ отъ службы сенаторамъ, я полагалъ бы назначить дѣйств. тайн. совѣтнику Огареву возвышенный окладъ пенсіи 2.000 р., такъ какъ онъ состоитъ въ званіи сенатора болѣе 20 лѣтъ, былъ оберъ-прокуроромъ, нынѣ занимаетъ должность первоприсутствующаго, и всѣ сіи обязанности исполнялъ съ особенною добросовѣстностью, постояннымъ усердіемъ и пользою для службы. Тайному совѣтнику Муравьеву-Апостолу, прослужившему въ званіи сенатора 22 года, можно бы было также назначить пенсію въ увеличенномъ размѣрѣ, но какъ ему производятся уже теперь двѣ пенсіи по прежней службѣ, составляющія 1.184 р. 1 к. с., то съ прибавленіемъ получаемаго по званію сенатора жалованья 643 р. 31 к., которое ему слѣдовало бы въ пенсію по уставу, вся сумма будетъ почти равняться увеличенному размѣру пенсіи, посему я полагалъ бы обратить ему въ пенсію, на точномъ основаніи 61 ст. уст. о пенсіяхъ получаемое имъ жалованье 643 р. 31 к. с.—Сенатору Протасову по уставу слѣдуетъ пенсіи 762 р. 30 к., и какъ онъ находится въ званіи сенатора только семь лѣтъ, то я полагаю не увеличивать сего размѣра. При семъ я не встрѣчаю препятствія на дозволеніе носить ему въ отставкѣ мундиръ по званію сенатора, на что́ онъ, по закону, имѣетъ право“.

27-го апрѣля 1847 г. статсъ-секретарь Танѣевъ сообщилъ министру юстиціи о воспослѣдовавшемъ высочайшемъ соизволеніи на увольненіе отъ службы и назначеніи пенсіи: Огареву—въ возвышенномъ размѣрѣ, по 2.000 р. сер.; Муравьеву-Апостолу „къ прежнимъ двумъ пенсіямъ, составляющимъ 1.184 р., получаемое имъ жалованье—643 р. 31 к., всего по 1.827 р. 31 к. сер.“, и Протасову по уставу 762 р. 30 к. въ годъ, съ дозволеніемъ сему послѣднему носить въ отставкѣ мундиръ по званію сенатора.

Очередь до сенатора Писарева дошла 16-го февраля 1847 г. Въ этотъ день графъ Панинъ писалъ ему:

„Милостивый государь Александръ Александровичъ.

Государь императоръ, потребовавъ въ концѣ минувшаго года общій списокъ о присутствіи сенаторовъ въ департаментахъ Правительствующаго Сената, изъ онаго усмотрѣлъ, что ваше превосходительство въ продолженіе года до 94 дней не присутствовали въ Сенатѣ. Его императорскому величеству благоугодно было предоставить мнѣ по сему предмету объясниться съ вашимъ превосходительствомъ, дабы отъ продолжительнаго неучастія вашего въ производствѣ дѣлъ не произошло затрудненія въ порядкѣ разсмотрѣнія и рѣшенія оныхъ. Вслѣдствіе того, я вмѣняю себѣ въ обязанность обратиться къ вашему превосходительству съ покорнѣйшею просьбою принимать по-

*

стоянное уваженіе въ дѣлахъ по званію, вами носимому, если здоровье вамъ позволитъ выѣзжать; въ противномъ случаѣ и если бы вы предпочли, милостивый государь, воспользоваться отдохновеніемъ, на которое вы долговременною службою вашею пріобрѣли полное право, то въ случаѣ просьбы вашей объ увольненіи отъ службы, я надѣюсь, что мнѣ можно будетъ ходатайствовать предъ государемъ императоромъ о назначеніи вамъ пенсіи съ нѣкоторымъ увеличеніемъ противъ установленнаго закономъ размѣра.

На это послѣдовалъ отвѣтъ:

Ваше сіятельство, милостивый государь, графъ Викторъ Никитичъ!

Усердная работа денно и ночно, трудная, точно сверхъ силъ моихъ, временно разстроила мое здоровье; заграничныя воды, повидимому, еще болѣе мнѣ повредили. Чувствую, что надобно таки мнѣ позаняться здоровьемъ своимъ, и нуженъ бы мнѣ временный отдыхъ для леченія, почему ежедневно два раза ножныя ванны помѣшали быть въ Сенатѣ 94 раза.

Привычка къ дѣятельности и къ службѣ мнѣ пуще жизни; и такъ, цѣль стараній къ выздоровленію—есть желаніе быть еще полезнымъ въ жизни, потеря же службы, заслуженной трудами, и потеря эполетовъ, купленныхъ кровью, будетъ для меня потерею надежды лучшей жизни. Вотъ единственный отвѣтъ, который я могу дать на письмо вашего сіятельства.

Я прошу объ эполетахъ, о полученіи же оклада скажу, что прежде былъ я главнымъ попечителемъ Московскаго учебнаго округа, безъ всякаго жалованья отъ казны. Много благодаренъ за умноженіе моего жалованья. Конечно, разстроивъ состояніе мое и жены моей, деньги были бы очень кстати, но деньги я никогда не любилъ, а мысль жить безъ службы для меня страшнѣе самой смерти. Имѣть надежду выздоровленія для службы вотъ одна мысль ежеминутная и молитва ежедневная къ Всевышнему".

Г. фельдмаршалъ можетъ засвидѣтельствовать мою службу и дѣятельность вашему сіятельству.

Тогда графъ Панинъ вторично обратился къ Писареву съ письмомъ:

„Я имѣлъ честь, во исполненіе высочайшей воли, обратить вниманіе вашего превосходительства на то, что вы весьма часто не присутствовали въ Правительствующемъ Сенатѣ въ теченіе минувшаго года. Изъ вѣдомостей, представленныхъ мнѣ о присутствіи гг. сенаторовъ съ новаго года по 15-е марта, я усмотрѣлъ, милостивый государь, что въ сіе время изъ 50 дней, 36 было такихъ, въ которыхъ вы участія въ дѣлахъ не принимали. По долгу званія моего я обязанъ, милостивый государь, обратить еще разъ вниманіе ваше на

то, что при подобномъ уклоненіи отъ участія въ засѣданіяхъ Сената неизбѣжны медленность и другія затрудненія всякаго рода. Посему, если здоровье ваше дѣйствительно не позволяетъ вамъ продолжать сихъ занятій, то я не сомнѣваюсь въ томъ, что государь императоръ уважитъ причины, по коимъ отдохновеніе отъ трудовъ, хотя на время, содѣлалось для васъ необходимостью. Въ настоящемъ положеніи вашего здоровья вы вовсе не можете посвятить занятіямъ своимъ той дѣятельности, которая, какъ вы мнѣ объяснить изволили, сдѣлалась для васъ потребностію, чтó видно изъ вышеприведеннаго мною числа дней присутственныхъ, въ которой вы участвовали въ дѣлахъ. Что касается до желанія вашего превосходительства сохранить мундиръ съ эполетами, то это обстоятельство исключительно подлежитъ разсмотрѣнію и ходатайству г. военнаго министра".

Писаревъ, ссылаясь на то, что по сильному нездоровью вынужденъ былъ оставить варшавскую службу и просился быть помѣщеннымъ въ общее собраніе Сената, на что послѣдовало высочайшее соизволеніе, переданное ему фельдмаршаломъ гр. Паскевичемъ-Эриванскимъ, попросилъ тогда министра обратить вниманіе, что, при невозможности, вслѣдствіе леченія, бывать ежедневно на службѣ, присутствовать только одинъ день въ недѣлю дало бы ему возможность быть еще полезнымъ по выздоровленіи своемъ, ибо „привычка къ дѣятельности и къ службѣ для него пуще жизни". При письмѣ своемъ онъ прислалъ министру и прошеніе на высочайшее имя, въ которомъ ходатайствовалъ объ увольненіи его въ отпускъ на полгода, по болѣзни, съ сохраненіемъ полнаго сенаторскаго жалованья.

Въ докладѣ государю о Писаревѣ министръ юстиціи, указавъ на происходившую между ними переписку, мнѣніе свое, что просьба сенатора о перечисленіи его въ общее собраніе не подлежитъ удовлетворенію и что онъ, графъ Панинъ, полагаетъ уволить Писарева отъ званія сенатора, по болѣзни, съ пенсіей по уставу, т. е. по 1.143 р. 60 коп. въ годъ.

По этому докладу состоялось 15 іюля 1847 г. высочайшее повелѣніе объ увольненіи сенатора Писарева, по прошенію отъ службы, съ мундиромъ и пенсіономъ полнаго оклада въ 1.143 руб. 60 коп. въ годъ.

Относительно сенатора князя Эристова министромъ юстиціи было испрошено предварительно заключеніе отъ намѣстника Кавказскаго князя М. С. Воронцова, который въ отзывѣ своемъ, между прочимъ, изложилъ:

„Милостивое снисхожденіе государя императора даетъ мнѣ смѣлость объясниться въ семъ случаѣ съ полною откровенностью и представить мое покорнѣйшее мнѣніе, что князь Еристовъ находится,

въ семъ случаѣ, нѣкоторымъ образомъ въ исключительномъ положеніи, и что человѣколюбивое сердце августѣйшаго нашего монарха найдетъ возможность выйти для него изъ общаго правила. Почтенный сей старецъ, какъ мнѣ самому извѣстно, по службѣ моей при князѣ Циціановѣ, съ самаго вступленія въ Грузію россійскихъ войскъ и правленія, первый подалъ и почти полвѣка продолжаетъ подавать примѣръ своимъ соотчичамъ безпредѣльной преданности и вѣрности всероссійскому престолу. Первый, и будучи уже не въ самыхъ молодыхъ лѣтахъ, вошелъ въ ряды регулярныхъ нашихъ войскъ и съ тѣхъ поръ безпрестанно во всѣхъ войнахъ, на всѣхъ границахъ Грузіи служилъ вѣрно и неустрашимо, а не рѣдко счастливо и съ успѣхомъ для общихъ дѣлъ. Теперь лѣта его не позволяютъ ему быть въ дѣятельной службѣ, въ рядахъ нашихъ; но и теперь онъ помогаетъ намъ во всѣхъ случаяхъ, въ комитетахъ и коммиссіяхъ для благоустройства или защиты края, гдѣ слово и вліяніе его всегда сильны, въ нашу пользу; рѣдко идетъ въ походъ какая-нибудь грузинская милиція безъ того, чтобы она не представилась сему грузинскому нестору, для полученія отъ него ободрительнаго слова и благословенія, онъ же безпрестанно имъ всѣмъ твердитъ, что Грузія всѣмъ обязана Россіи, и что всѣ грузины должны быть готовы умереть на службѣ той великой державы, безъ присутствія которой ихъ отечество должно бы непремѣнно погибнуть подъ игомъ иновѣрцевъ. Предположеніе, теперь до него касающееся, конечно основано на общемъ правилѣ и не имѣетъ ничего для него обиднаго, но зная совершенно князя Еристова и всю пылкость его чувствъ и преданности, я не могу не опасаться, что объявленіе ему о лишеніи чего-нибудь изъ этого, что онъ получилъ за службу, а паче предложеніе, чтобы онъ подалъ просьбу объ увольненіи, будетъ для него такой ударъ, что я бы съ горестью принялся ему объ этомъ говорить, если бы на то воспослѣдовала непремѣнная высочайшая воля—и потому, пользуясь позволеніемъ о семъ съ вами объясниться, священнымъ долгомъ считаю покорнѣйше просить ваше сіятельство всеподданнѣйше представить все сіе на всемилостивѣйшее соображеніе. Почтенному сему старцу не долго остается жить, и смѣю думать, что было бы справедливо и согласно съ сердцемъ августѣйшаго государя нашего оставить его въ семъ отношеніи въ теперешнемъ его положеніи“.

По всеподданнѣйшемъ докладѣ государю отзыва кн. Воронцова, его величество, принимая во вниманіе долговременную службу князя Эристова, воинскіе подвиги, постоянную преданность къ правительству и общее уваженіе, коимъ онъ пользуется въ Грузіи, высочайше повелѣть соизволилъ: оставить его въ званіи сенатора,—имѣя при

томъ въ виду, что онъ и въ прежнее время не присутствовалъ въ Правительствующемъ Сенатѣ.

Изъ числа намѣченныхъ къ увольненію сенаторовъ остались, кромѣ кн. Эристова, по-прежнему въ службѣ сенаторы кн. Г. С. Голицынъ и Д. Н. Бологовской, несмотря на сдѣланныя имъ гр. Панинымъ предложенія отдохнуть въ отставкѣ.

Не лишнимъ находимъ привести здѣсь происходившую между этими лицами и министромъ юстиціи переписку.

„Милостивый государь князь Григорій Сергѣевичъ", — писалъ 11 февраля 1847 г. графъ Панинъ кн. Голицыну,—„государь императоръ, усмотрѣвъ изъ списка о присутствіи сенаторовъ въ депертаментахъ Прав, Сената, что нѣкоторые изъ нихъ, въ числѣ коихъ и ваше сіятельство, не присутствовали въ продолженіе многихъ дней, высочайше повелѣть мнѣ соизволилъ объясниться по сему предмету какъ съ вами, милостивый государь, такъ и съ другими сенаторами, дабы отсутствіе ихъ, столь часто повторяемое и не всегда прдвидимое при слушаніи дѣлъ, доложенныхъ въ ихъ присутствіи, не имѣло вліянія на своевременное и правильное окончаніе дѣлъ, и въ особенности уголовныхъ производствъ, требующихъ безотлагательнаго движенія.

„Мнѣ извѣстно, милостивый государь, что здоровіе ваше иногда затрудняетъ выѣздъ вашъ въ присутствіе, но если вы не предвидите улучшенія въ состояніи вашемъ, то вы можетъ быть предпочтете, при увольненіи отъ службы, воспользоваться заслуженнымъ пенсіономъ и нужнымъ отъ трудовъ отдохновеніемъ. Съ моей стороны, я сочту счастливымъ, если содѣйствіе мое къ исполненію желаній вашихъ при семъ случаѣ могло бы увѣнчаться нѣкоторымъ успѣхомъ".

Голицынъ отвѣчалъ:

„Имѣвъ честь получить почтеннѣйшее отношеніе ко мнѣ вашего сіятельства, я поспѣшаю извѣстить васъ, м. г., что съ крайнимъ прискорбіемъ усмотрѣлъ я изъ письма вашего, что по многолѣтней, усердной и безпорочной службѣ подвергъ я себя замѣчанію въ неисправномъ отправленіи своей должности. Я завѣряю васъ, м. г., что этому не могло быть другой причины, какъ отъ частыхъ припадковъ хронической болѣзни, 15 лѣтъ меня отягощающей, но, благодаря Бога, я нынѣ почти совсѣмъ отъ нихъ освободился, и не только не затрудняюсь присутствіемъ въ Прав. Сенатѣ, но, по привычкѣ моей къ службѣ, въ коей провелъ большую часть жизни, она въ теперешнемъ моемъ положеніи и на уклонѣ дней моихъ составляетъ единственное мое занятіе, и ежели силы мои дозволятъ, то надѣюсь окончить жизнь мою на службѣ государю и отечеству.

„Позвольте мнѣ при семъ случаѣ, принеся вашему сіятельству искреннѣйшую благодарность за предложеніе мнѣ, въ случаѣ увольненія меня отъ службы, исходатайствовать мнѣ заслуженный пенсіонъ, надѣяться, что вы не откажете ходатайства вашего о воззрѣніи государя императора на ничтожное мое состояніе и стѣсненное положеніе, въ которомъ нынѣ нахожусь“.

Сенаторъ Бологовской получилъ отъ графа Панина 16 февраля 1847 г. слѣдующее письмо:

„Милостивый государь Дмитрій Николаевичъ!

„Въ продолженіе минувшаго года ваше превосходительство весьма часто не изволили присутствовать въ Прав. Сенатѣ.

„Обстоятельство сіе, обнаруженное вѣдомостью, составленною изъ присылаемыхъ еженедѣльно донесеній, должно было обратить на себя вниманіе государя императора, тѣмъ болѣе, что при усилившихся нынѣ занятіяхъ уголовныхъ д-товъ Правит. Сената незамедлительное теченіе и правильное производство дѣлъ требуютъ всего вниманія и постояннаго участія сенаторовъ. Его императорскому величеству благоугодно было поручить мнѣ объясниться по сему предмету съ вашимъ прев-ствомъ, дабы не могло произойти неудобствъ отъ непостояннаго присутствія вашего въ Правит. Сенатѣ. Если состояніе здоровья вашего не позволяетъ вамъ выѣзжать въ присутствіе и вообще отдѣлять нужное для служебныхъ обязанностей время, то я не премину, милостивый государь, въ случаѣ изъявленія вами желанія, ходатайствовать объ увольненіи вашемъ отъ службы, и о назначеніи слѣдующей вамъ по закону пенсіи“.

Бологовской прислалъ слѣдующій отвѣтъ: „на отношеніе вашего сіятельства отъ 16 текущаго мѣсяца поспѣшаю имѣть честь отвѣчать. Съ давнихъ временъ пріобыкши исполнять служебную мою обязанность съ тѣмъ рвеніемъ, которое, уповаю я, въ свое время не ускользнуло даже и отъ высочайшаго вниманія, мнѣ остается крайнѣйше скорбѣть, что я какъ бы подозрѣваюсь теперь не только въ уклоненіи отъ службы, но даже и въ самой добросовѣстности; ибо если бы болѣзнь моя, препятствующая присутствовать иногда въ Правит. Сенатѣ, принадлежала изнеможенію жизненныхъ силъ моихъ, а не заключалась бы просто въ періодическихъ припадкахъ, какъ на самомъ дѣлѣ есть она, въ такомъ случаѣ, съ моей стороны, было бы укоризненно занимать званіе мое изъ видовъ единственно спекулятивныхъ, которыми въ продолженіе моего служенія я никогда не руководствовался, ничего не снискивалъ и рѣшительно ничего не получалъ.

„Графъ! въ военномъ поприщѣ, такъ какъ и по службѣ административной, смѣю сказать, я пользовался постояннымъ отличіемъ, но

если на проходящемъ теперь пути временная болѣзнь моя и другая, неизвѣстная мнѣ причина, труды и вообще службу мою оставляютъ внѣ всякаго замѣчанія, то, тѣмъ не менѣе, доколѣ силы мои не истощатся, усердіе мое къ службѣ пребудетъ въ одинаковой во мнѣ мѣрѣ, въ минуту же упадка оныхъ, я, конечно, не премину обратиться къ средству, вашимъ сіятельствомъ мнѣ указанному".

Этотъ отвѣтъ побудилъ графа Панина обратиться къ нему 24 апрѣля 1847 г. съ вторичнымъ письмомъ:

„Многочисленныя занятія не позволяли мнѣ имѣть честь ранѣе отвѣчать на письмо вашего прев-ства отъ 23 февраля, которое требуетъ объясненій. Въ первомъ моемъ письмѣ я имѣлъ честь обратить вниманіе ваше на то, что, присутствуя весьма рѣдко въ Правит. Сенатѣ, ваше прев—ство, повидимому, не имѣете возможности продолжать занятій, по сему званію на васъ возложенныхъ. При семъ случаѣ я объяснялъ вамъ, милостивый государь, что успѣшное теченіе дѣлъ въ Сенатѣ, сообразно волѣ государя императора, требуетъ всего вниманія и постояннаго участія гг. сенаторовъ. Въ отвѣтѣ вашемъ вы изволили, милостивый государь, изъяснить слѣдующее: „мнѣ остается крайнѣйше скорбѣть, что я какъ бы подозрѣваюсь теперь не только въ уклоненіи отъ службы, но даже и въ самой добросовѣстности, ибо, если бы болѣзнь моя, препятствующая присутствовать иногда въ Прав. Сенатѣ, принадлежала изнеможенію жизненныхъ силъ моихъ, а не заключалась бы просто въ періодическихъ припадкахъ, какъ на самомъ дѣлѣ есть она, въ такомъ случаѣ, съ моей стороны, было бы укоризненно занимать званіе мое изъ видовъ единственно спекулятивныхъ, которыми въ продолженіе моего служенія я никогда не руководился, ничего не снискивалъ и рѣшительно ничего не получалъ". — Подобныхъ разсужденій и предположеній въ моемъ письмѣ къ вамъ, милостивый государь, вовсе не заключалось, ибо оно преимущественно относилось къ тому, что вы въ теченіе минувшаго года очень часто не присутствовали въ Сенатѣ, что̀ обратило на себя вниманіе его императорскаго величества. Съ 1-го января по 15 марта изъ представленныхъ мнѣ вѣдомостей видно, что изъ 50-ти присутственныхъ дней не менѣе сорока дней вы въ Сенатѣ не были, что̀ вполнѣ подтверждаетъ прежнія мои замѣчанія, и потому я считаю долгомъ обратить вновь на содержаніе прежняго моего письма вниманіе вашего прев—ства, тѣмъ болѣе, что, по уменьшенію числа сенаторовъ въ д—тахъ, ходъ дѣлъ въ нихъ долженъ замедлиться и затрудниться при частомъ отсутствіи присутствующихъ".

30 апрѣля 1847 г. Бологовской опять написалъ графу Панину:

„Хотя полагалъ я, что на письмо вашего сіятельства, отъ

16-го февраля, я имѣлъ честь по вопросу, мнѣ сдѣланному, дать полное объясненіе, но, имѣя теперь въ виду, что оно оказывается не совсѣмъ удовлетворительнымъ, признаю себя обязаннымъ на послѣднее письмо вашего сіятельства, отъ 20 сего мѣсяца, имѣть честь пояснить то, что и въ предшествующемъ я стремился высказать. Болѣзнь моя (подагра) есть припадокъ, какъ извѣстно, періодическій и если въ вѣдомостяхъ усматривается, что этотъ случай претилъ мнѣ нѣкоторое время присутствовать въ Прав. Сенатѣ, то тѣ же вѣдомости обнаружатъ предъ вашимъ сіятельствомъ ежедневное теперь тамъ мое занятіе, тѣмъ болѣе необходимое, что, по болѣзни прочихъ гг. сенаторовъ, мы только трое остаемся присутствовать въ д-тѣ, что, съ тѣмъ вмѣстѣ, служитъ доказательствомъ, что съ достиженіемъ сенаторскаго званія мы всѣ, относительно лѣтъ нашихъ, въ болѣзненныхъ нашихъ припадкахъ какъ бы очередуемся“.

Сенаторы Бологовской и князь Голицынъ были помѣщены въ распредѣленіе сенаторовъ по департаментамъ на 1848 годъ.

Первый поселенческій начальникъ о бывшихъ военныхъ поселеніяхъ.

Извѣстно, что ужасный бунтъ, бывшій въ старорусскихъ и новгородскихъ округахъ пахотныхъ солдатъ, вспыхнулъ въ холеру 1831 г., которая, какъ тогда говорили, и была причиной этой дикой безчеловѣчной возбужденности поселянъ, находившихъ для себя спокойствіе въ истязаніи и увѣчьяхъ своихъ начальниковъ и ихъ семействъ. Утверждали, что поселяне были вообще озлоблены на интеллигентный классъ, который, какъ воздержанный въ пищѣ, платилъ незначительную дань эпидеміи и по малочисленности не выдѣлялся смертностью, тогда какъ поселянъ холера валила повсемѣстно и нещадно. Такая наглядность легко обманывала темный людъ. Явились подозрѣнія въ умерщвленіи поселянъ ихъ начальниками, дѣйствующими изъ какихъ-то выгодъ и наградъ. Вскорѣ округа облетѣла роковая вѣсть, что холерою именуется отрава, въ видѣ порошка, который господа будто-бы для отравленія поселянъ насыпаютъ въ колодцы, рѣки и на овощи. Затѣмъ было достаточно одной искры, чтобы пламя бунта охватило все военное поселеніе и обнаружило въ немъ тотъ высшій предѣлъ умоизступленія, до котораго въ состояніи дойти невѣжественный человѣкъ.

Тѣмъ не менѣе, тогда же ходили и другіе слухи о причинахъ бунта, но робкіе и болѣе сдержанные. Говорили, что быть одновременно пахаремъ и солдатомъ для крестьянина чрезвычайно тяжело, военная дисциплина слишкомъ ослабляетъ земледѣліе, а начальство требуетъ, чтобы это хозяйство было на высотѣ своего достоинства; наконецъ, устройство мостовъ, сооруженіе дорогъ, педантичная чистота въ селеніяхъ, всевозможныя ограниченія домашняго быта—все это лишало поселянина нормальнаго отдыха и сна, выдвигало одинъ лишь трудъ и трудъ.

Иные прибавляли, что военное поселеніе—не народное и не госу-

дарственное достояніе, а личное желаніе графа Аракчеева. Полтора десятка лѣтъ несли поселяне безропотно ярмо этой графской затѣи, но на душѣ все болѣе и болѣе накипало и росло озлобленіе, которое рано или поздно должно было прорваться наружу и ознаменоваться какимъ-либо событіемъ. А тутъ пришла нежданно азіатская гостья и дала толчокъ мести. О таковой мести довольно прозрачно намекаетъ г. А. Мартосъ въ своемъ докладѣ Николаю I, составленномъ 16-го августа 1831 года: г. Мартосъ писалъ государю, что на долю его выпало впервые водворять военныя колоніи и онъ былъ назначенъ начальникомъ въ первое поселеніе, учрежденное при р. Волховѣ въ Высоцкой вотчинѣ. Тринадцать лѣтъ г. Мартосъ управлялъ поселеніемъ и ему, конечно, болѣе чѣмъ кому-либо знакомы порядки и жизнь бывшихъ поселеній. Къ тому же, какъ говорится въ докладѣ, этотъ начальникъ все время особенно слѣдилъ за ходомъ развитія военныхъ поселеній.

Начало военнымъ поселеніямъ въ новгородскомъ краѣ, по словамъ г. Мартоса, было положено сряду послѣ отечественной войны, но въ то время поселеніе не имѣло опредѣленныхъ формъ, ибо высшее начальство смутно вѣрило въ реформу и въ поселенческихъ начаткахъ все дѣлалось какъ-то на ощупь. Спустя нѣкоторое время, система преобразованія крестьянина въ солдата стала замѣтно расширяться. Одному изъ генераловъ поручено было учредить въ Ямъ-Бронницахъ другое поселеніе, на подобіе Высоцкаго, но вмѣсто успѣха тамъ скоро возмутились поселенцы и для усмиренія потребовалась воинская сила. „Тогда еще было брошено на новгородскую почву зерно, долженствующее дать плодъ кровавой мести",—говоритъ г. Мартосъ и обращается къ государю съ такими словами: „Въ первый годъ вашего бракосочетанія ваше величество изволили лично видѣть горетьс и домогательства тамошнихъ жителей".

Однако, этотъ мятежъ прошелъ незамѣченнымъ, а, напротивъ, послѣ него съ особеннымъ жаромъ принялись за проекты военныхъ поселеній. Придумывая мотивы и основы для новаго войска, прожектеры по поводу желаемыхъ поселеній обратились, между прочимъ, за мнѣніемъ къ лицамъ, знающимъ это дѣло и знакомымъ съ новгородскимъ краемъ. Многіе высказывали свои взгляды о поселеніяхъ, и каждый старался поддержать осуществленіе ихъ, но не почему-либо иному, а лишь изъ желанія угодить всесильному тогда Аракчееву. Напр., новгородскій губернаторъ Н. Н. Муравьевъ 7-го іюля 1818 г. пишетъ, „что Новгородъ предопредѣленъ быть средоточіемъ сѣвернаго военнаго поселенія, средоточіемъ части того удивительнаго величія и твердости камня, на коемъ долженъ силою своею опираться необозримый колоссъ Россіи". Далѣе, говоря о платѣ жителямъ за

военный постой, г. губернаторъ продолжаетъ: „Сдѣлался бы Новгородъ достойнымъ средоточіемъ той богатой округи земли, въ которой монаршею доблестію патріотизма и человѣколюбія засѣвается сѣмя того воинственнаго племени, которое произведетъ для Россіи неисчерпаемый источникъ витязей, полководцевъ, побѣдоносныхъ защитниковъ своего отечества". О подобныхъ словахъ г. Мартосъ отзывался въ своемъ докладѣ, „что новгородскій губернаторъ столь даже неостроумно ласкательствовалъ".

Относительно поселенческихъ построекъ г. Мартосъ пишетъ, что работами крайне спѣшили. Въ короткое время, какъ бы по мановенію волшебной силы, выросли въ штабахъ огромныя зданія, явились пароходы, флотилія, дома военныхъ пахарей, протянулись всюду дороги, перекинулись въ поляхъ чрезъ ручейки мосты, да такіе, какіе можно было встрѣтить, пожалуй, только въ городахъ. Тысячи чернорабочихъ солдатъ, сформированныхъ въ кадры, обстраивали полки, продолжали тяжелыя работы до глубокой осени. Не одна тысяча этихъ несчастныхъ тружениковъ, терпѣливыхъ и покорныхъ своему начальству, обрѣла при сооруженіяхъ смерть. „Сіе не могутъ свидѣтельствовать могилы ихъ"—докладывалъ г. Мартосъ,—„могилъ нынѣ не существуетъ, а цифры вѣрной убыли людей въ отчетахъ баталіоновъ и полковъ легко покажутъ великій итогъ смертности". Возникли военныя поселенія. Г. Мартосъ поясняетъ, что по обыкновенному опыту, изъ нашего крестьянина съ терпѣніемъ въ короткое время можно сдѣлать хорошаго солдата и матроса, а теперь какихъ стоило трудовъ и трудовъ безконечныхъ обратить цѣлое населеніе землепашцевъ въ военное званіе. Крестьянъ заставили бросить свой домъ, поля, нивы; лишили ихъ собственности и принудили жить въ казенныхъ домахъ, построенныхъ наскоро, изъ сыраго лѣса и неудобныхъ для крестьянской жизни. Дали, вмѣсто сохи, ружье, сняли національную одежду, которая такъ проста, недорога и крайне характерна для русскаго крестьянина; приказали даже обрить бороды.

Прошло немного лѣтъ. Англійскій и тирольскій рогатый скотъ, доставленный на берега Волхова, вскорѣ вымеръ и этимъ ясно доказалъ, что теорія сельской экономіи не подружилась съ практикой.

Поселяне сразу лишились способа удобрять землю. Затѣмъ мало-по-малу стали сознавать всѣ неудобства домовъ, вытянувшихся на огромномъ и утомительномъ для глаза пространствѣ; убѣдились, что поля значительно отдалились отъ дворовъ, и что остальной скотъ изнуряется въ частыхъ прогонкахъ, такъ какъ выгоны лежали даже за полями. „Обративъ пахаря въ солдата—говоритъ г. Мартосъ,—употребили на это дѣло много усилій, называемыхъ необходимыми

мѣрами строгости, отчего запылало мщеніе и надо было ждать, когда ударитъ часъ его".

По мнѣнію г. Мартоса военныя поселенія и въ мирное время представляли продолженіе войны. „Государства—говоритъ онъ далѣе въ докладѣ—подобно человѣку, имѣютъ свои страсти, свои недуги, свое паденіе и свое возвышеніе. Случалось, что одинъ предпріимчивый умъ, при неограниченной смѣлости, стоялъ при ступеняхъ трона и всходилъ на тронъ. Пьерри, Кромвель, Лжедмитрій, одолженные слѣпому случаю, были великими дѣйствующими лицами на политическомъ театрѣ исторіи. Будущее скрыто отъ смертнаго, но ежели у насъ явится когда-либо человѣкъ съ подобными страстями, не обратится ли онъ предпочтительно къ тѣмъ людямъ, которые въ Старой Руссѣ и окрестъ Новгорода нынѣ предали смерти начальниковъ своихъ съ лютѣйшимъ остервенѣніемъ, какого не представляетъ исторія ни въ одной странѣ свѣта. Лестныя обѣщанія злодѣя, указаніе добычи поведутъ за нимъ эти яростныя толпы и въ три форсированные перехода марша новгородскіе стрѣльцы явятся на Пулковой горѣ, гдѣ столица должна будетъ или откупиться контрибуціей, или вѣрно ожидать таковой же участи, какую испытали Умань и другіе города Подоліи при набѣгахъ атамана Желѣзняка. Да не сбудется никогда мысль сія".

Затѣмъ, г. Мартосъ беретъ на себя смѣлость представить государю свои соображенія о томъ, что было бы полезнѣе перевести военныя поселенія на границы Черноморіи и Кавказской области, гдѣ поселяне могли бы охранять эти границы отъ вторженія горскихъ народовъ. Въ примѣръ онъ приводитъ кроатское войско, поселенное принцемъ Евгеніемъ на турецкой границѣ.

Коммиссія, учрежденная по реформированію иллирійскихъ провинцій, намѣревалась устроить кроатскіе полки по образцу французской національной гвардіи, но Наполеонъ I назвалъ это нелѣпостью, посмѣялся надъ этимъ и доказалъ австрійскому министру всю важность пограничныхъ военныхъ колоній, при чемъ настоялъ оставить кроатовъ на прежнемъ мѣстѣ безъ всякихъ преобразованій. Такимъ образомъ, польза отъ военныхъ поселеній признавалась лишь въ томъ случаѣ, когда они были бы водворены на границахъ, а не какъ у насъ—близъ столицы. Вѣдь и принцъ Евгеній не избралъ мѣстомъ водворенія кроатовъ въ окрестностяхъ Вѣны и осѣдлости поляковъ, а разселилъ поселянъ по границамъ страны.

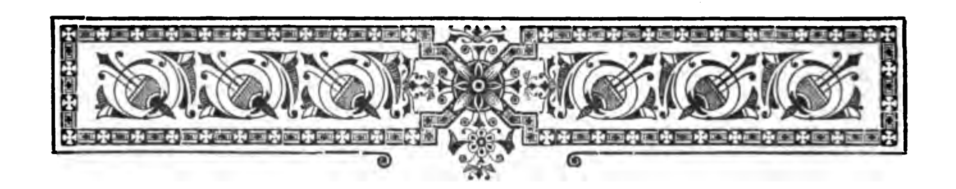
„Новгородскія вечерни—далѣе пишетъ Мартосъ—были ужаснѣе самой Варѳоломеевской ночи. Фанатизмъ, подстрекаемый политикою, возбудилъ парижанъ умерщвлять гугенотовъ, но здѣсь, по крайней мѣрѣ, вѣроисповѣданіе было предлогомъ кровопролитія. Въ окрестно-

стяхъ же Новгорода и Старой Руссы злодѣйская рука русскаго хладнокровно, варварски разила русскаго же".

Наконецъ, докладъ свой государю поселенческій начальникъ оканчиваетъ такими словами: „Никогда исполины безчеловѣчій не приносили чистосердечнаго раскаянія и сердцу мирнаго гражданина свойственнаго желанія: видѣть на берегахъ тихаго Волхова лучше русскаго квакера, нежели сухопутнаго флибустьера".

26-го октября 1897 г. **А. Слезскинскій.**

РАЗГОВОРЫ

императора Павла I-го съ Тадеушемъ Косцюшко въ Петербургѣ [1]).

На другой день по вступленіи на престолъ [2]), императоръ Павелъ позвалъ придворнаго доктора Гарика и спрашивалъ о положеніи и о здоровьѣ заключеннаго Тадеуша Косцюшко, а затѣмъ отдалъ приказаніе, чтобы узникъ ни въ чемъ не имѣлъ недостатка. Это сдѣлало всѣхъ очень предупредительными къ заключенному. Англичанинъ Гарикъ всегда оставался другомъ Косцюшко.

На третій день императоръ выѣхалъ съ обычною свитою и вышелъ изъ экипажа у самаго мѣста заключенія. Бой барабановъ и бряцанье оружія при отдачѣ чести нѣсколько удивили Косцюшко.

Вошелъ Павелъ I.

— Я пришелъ, любезный генералъ,—сказалъ императоръ,—чтобы вернуть вамъ свободу.

Обрадованный Косцюшко поклонился. О смерти Екатерины онъ зналъ отъ Гарика.

— Развѣ вы не узнаете меня?—спросилъ Павелъ.

— Въ особѣ Павла я узнаю императора, а въ возвращеніи имъ мнѣ свободы—персону для меня даже еще высшую...

— Я всегда соболѣзновалъ о вашей участи, но въ царствованіе моей матери не могъ ничѣмъ вамъ помочь. Нынѣ же я счелъ первѣйшею своею обязанностью предоставить вамъ свободу. Вы свободны!

---

[1]) Разговоры эти записаны по-французски (вѣроятно, они и велись на этомъ языкѣ) кн. Матвѣемъ Гагаринымъ. Точность ихъ, разумѣется, остается на отвѣтственности лица, ихъ записавшаго, что же касается возможности разговоровъ, то она оправдывается общими симпатіями императора Павла къ національному польскому герою. *Г. В.*

[2]) Т. е. 7-го ноября 1796 года. *Г. В.*

— Всепресвѣтлѣйшій государь! Я никогда не скорбѣлъ надъ собственною участью, но не перестану скорбѣть надъ участью моей отчизны, сказалъ Косцюшко, поклонившись.

— Забудьте объ отчизнѣ. Ее постигла судьба многихъ другихъ государствъ, о которыхъ осталась память только въ исторіи. Исторія навѣки сохранитъ объ васъ прекрасное воспоминаніе.

— О, я предпочиталъ бы быть забытымъ, лишь бы моя отчизна была свободна! Дѣйствительно, пало много государствъ, но паденіе Польши не имѣетъ для себя ничего подобнаго въ исторіи.

— Почему, любезный генералъ? Вѣдь, государства греческое и римское были же раздѣлены?

— Правда, государь, но они были покорены оружіемъ и утратили свободу раньше, чѣмъ существованіе. Между тѣмъ, Польша пала въ то время, когда достигла желаемой свободы и когда проявила наивысшую степень энергіи и патріотизма. Тѣ государства, если бы довольствовались собственною территоріею, если бы честолюбіе ихъ ограничивалось жаждою блеска и могущества, которое зависитъ отъ доброкачественности внутренняго управленія и если бы они желали оставаться спокойными на столько, на сколько Польша испоконъ вѣка къ этому стремилась—скажу положительно—они могли бы существовать.

— Но вы согласны, что ваша Польша не шла объ руку съ сосѣдними государствами и что ваши соотечественники сами служили орудіемъ гибели своей отчизны.

— Увольте меня, ваше величество, отъ дальнѣйшаго объясненія, ибо о паденіи моей отчизны я не могу безъ сердечной боли ни говорить, ни мыслить.

— Это нимало меня не обижаетъ. Я еще болѣе уважаю васъ. Мнѣ даже доставляетъ удовольствіе разговаривать съ вами объ этомъ, ибо въ первый разъ мнѣ приходится говорить съ гражданиномъ, который на самомъ дѣлѣ любитъ свое отечество. Если бы большая часть поляковъ думали такъ, какъ вы, Польша могла бы еще держаться.

— Такихъ, государь, была большая часть. Ваше величество могли бы быть свидѣтелемъ той гражданской доблести и того патріотизма, кои представили необыкновенныя доказательства во время послѣдняго возстанія. Знаю, какъ старались дать вашему величеству ложное и самое худшее представленіе о нашемъ народѣ. Ославили его передъ цѣлымъ міромъ толпою отъявленныхъ разбойниковъ, не признающихъ справедливости и недостойныхъ самаго существованія. Всеобщую патріотическую ревность, клонившуюся единственно къ пользѣ отечества, къ освобожденію его изъ утѣсненія и неустройства—называли „бунтомъ“.

Наилучшія гражданскія стремленія считали причиною и слѣдствіемъ разъяреннаго якобинства. Наконецъ, не только вопреки всякой справедливости, но даже вопреки несомнѣнной выгодѣ Россіи, уничтоженіе нашей несчастной родины путемъ окончательнаго разбора ея областей,—выставляли самою спасительною мѣрою.

Отсюда—столько соблазна небезопаснаго для существованія всѣхъ государствъ, столько дурныхъ послѣдствій, столько всеобщаго несчастья, столько жертвъ! Такъ что если бы, собравъ все это вмѣстѣ, представить вашему императорскому величеству, когда бы васъ не заслоняли тѣ, кои все, кромѣ своихъ личныхъ интересовъ, считаютъ за ничто и для того окружаютъ престолъ, чтобы не имѣли къ нему доступа правда и человѣколюбіе—то такое великодушное, такое доброе сердце, какъ вашего величества, безъ сомнѣнія, сжалилось бы надъ судьбою нашего народа.

— Смотрите, какая высокая доблесть чувствъ! сказалъ Павелъ, обращаясь къ свитѣ.

— Простите, ваше величество, быть можетъ, я зашелъ слишкомъ далеко.

— Нѣтъ! Напротивъ, вы заставили меня задуматься, вы тронули мое сердце. Прощайте! Теперь ни о чемъ не думайте, заботьтесь только о своемъ здоровьи. Я отдалъ приказаніе, чтобы вы ни въ чемъ не имѣли недостатка. Если чего желаете—скажите смѣло, вѣрьте мнѣ, какъ своему другу, ибо я дѣйствительно вашъ другъ и желаю, чтобы вы взаимно были моимъ.

— Моими чувствами пребудутъ навсегда глубочайшее почтеніе и искреннѣйшая благодарность.

— Прибавьте, и дружба... Прощайте. До свиданія, сказалъ Павелъ.

Другой разъ при свиданіи между ними произошелъ слѣдующій разговоръ.

— Какъ поживаете, генералъ? Чѣмъ вы такъ опечалены? Отчего такъ грустны? спросилъ Павелъ.

— Я получилъ отъ вашего императорскаго величества самый дорогой даръ—свободу, но развѣ можетъ отразиться на лицѣ радость, когда еще на сердцѣ глубоко лежитъ печаль.

— Какая же тому причина?

— Мои собратья еще не освобождены.

— Они будутъ освобождены, повѣрьте моему слову.

— Государь! первый разъ въ жизни преклоняю колѣна передъ человѣкомъ; но въ лицѣ вашего величества я почитаю благодѣтеля и избавителя человѣчества, сказалъ Косцюшко, преклоняя колѣна.

— Встаньте, прошу васъ! сказалъ Павелъ, приподнимая его.

— И Потоцкій и Нѣмцевичъ?

— Послушайте, генералъ,—первый уже освобожденъ, а другой человѣкъ, какъ говорятъ, безпокойнаго и строптиваго характера... относительно его я еще колеблюсь нѣсколько...

— Нѣмцевичъ всегда разумно служилъ отчизнѣ, и я смѣло могу поручиться передъ вашимъ величествомъ, что онъ останется спокойнымъ.

— Мнѣ этого достаточно. Не останется и онъ, единственный изъ поляковъ, которому бы я не возвратилъ свободы. Скоро увидите его свободнымъ. Но я знаю, что вы недостаточно обезпечены. Вотъ вамъ дарственная запись на 300 душъ въ Витебской губерніи, а вотъ бумаги на отпускъ изъ моей казны 60.000 рублей.

— Съ благодарностью принимаю благодѣяніе, какъ новое доказательство великодушія вашего величества. Но ежели я могу воспользоваться имъ, дозвольте, государь, удѣлить часть моимъ собратьямъ, нуждающимся болѣе меня.

— Какія благородныя мысли! дѣлайте, какъ вамъ угодно. Чѣмъ болѣе я васъ узнаю, тѣмъ болѣе васъ уважаю. Но скажите мнѣ, другъ мой, гдѣ вы думаете выбрать для себя мѣсто жительства? Я очень былъ бы радъ, если бы вамъ понравилась моя страна, если уже не по какимъ-либо другимъ причинамъ, то хотя бы потому, что вы имѣете въ немъ (указывая на себя) друга и что въ числѣ моихъ владѣній есть ваша родина.

— Уже тамъ, гдѣ я родился, не найду себѣ родины [1]). Найду ее въ той странѣ, въ которой окончу свою жизнь. Эта страна—Америка [2]). За свободу той и другой родины я жертвовалъ своею жизнью. Малѣйшее счастье первой проникаетъ и всегда будетъ проникать радостью мое сердце.

— Я не порицаю вашихъ столь прекрасныхъ поводовъ къ соболѣзнованію. Но, другъ мой, надо покориться судьбѣ; вы знаете, какъ она непостоянна, какъ часто мѣняетъ положеніе дѣлъ, какъ эта перемѣна иногда даже превосходитъ наши надежды.

— Ахъ! Если бы хотя была надежда...

— Не печальтесь. Не волнуйтесь. Это вредно для вашего здоровья. Надѣйтесь на Провидѣніе: кто знаетъ, какой путь предназначила судьба вашей родинѣ. Иногда и корабль въ бурю исчезаетъ изъ людскихъ глазъ, погружаемый волнами, но вдругъ снова вздымался на верху ихъ и, потрясенный бурною стихіею, остается все же невредимымъ.

---

[1]) Косцюшко родился 12 февраля 1746 г. въ Меречавщизнѣ, въ бывшемъ Новогрудскомъ воеводствѣ. *Г. В.*

[2]) Желанію Косцюшки не было суждено исполниться: онъ умеръ (15 октября 1817 г.) въ Солотурнѣ, въ Швейцаріи. Останки его, въ 1818 г., перенесены въ Краковъ и погребены въ катакомбахъ собора на Вавелѣ. *Г. В.*

*

— Однако, меня ожидаетъ моя жена... Бесѣдовать съ вами мнѣ никогда не надоѣстъ. Будьте здоровы и любите меня.

— Вотъ, честный и рѣдкій человѣкъ, сказалъ Павелъ, обращаясь къ свитѣ...

Затѣмъ, пожавъ Косцюшкѣ руку и поцѣловалъ его въ лобъ, удалился.

Часто потомъ императоръ посѣщалъ Косцюшко, часто выходилъ съ нимъ въ особую комнату, часто, если не могъ быть самъ, присылалъ къ нему своего камергера, справиться объ его здоровьѣ; нѣсколько разъ былъ со своимъ сыномъ, великимъ княземъ Александромъ.

Однажды подъѣхала къ мѣсту заключенія Косцюшко царская карета съ камергеромъ. Косцюшко, одѣтый въ американскій военный мундиръ, голубаго цвѣта съ бѣлыми обшлагами, при шпагѣ, сѣлъ въ карету.

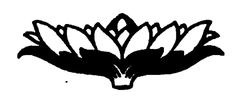
Великое множество народа, желая видѣть Косцюшко, собралось на улицѣ, по которой проѣзжалъ онъ во дворецъ, такъ что экипажъ едва могъ двигаться.

При входѣ во дворецъ ожидало нѣсколько пажей съ кресломъ, чтобы на немъ, въ виду слабаго здоровья Косцюшко, внести его по лѣстницѣ въ покои. Тамъ императоръ Павелъ, взявши Косцюшко за руку, провелъ въ аппартаменты императрицы.

Послѣдняя приняла плѣннаго генерала весьма любезно. При этомъ присутствовали и царскія дѣти.

При отъѣздѣ императоръ Павелъ далъ Косцюшко три свои экипажа, прислалъ вексель на 12.000 рублей, на дорожные расходы и ассигновку на 6.000 руб. годовой пенсіи. Императрица подарила Косцюшко бумажникъ, вышитый собственными руками, съ медальономъ своимъ и супруга, осыпаннымъ брилліантами, и вложила въ этотъ бумажникъ вексель на три тысячи червонцевъ [1]).

Сообщилъ **Г. А. Воробьевъ.**

[1]) По свидѣтельству біографа Косцюшко P. Jullien'a, безкорыстіе Косцюшко простиралось до того, что онъ отослалъ изъ Англіи обратно, при письмѣ, царскіе подарки. *Г. В.*

Императоръ Николай I въ военно-судныхъ конфирмаціяхъ.

(Историко-юридическій этюдъ).

Въ настоящемъ этюдѣ я приведу резолюціи по военно-суднымъ дѣламъ императора Николая I, пользуясь архивными первоисточниками. Этюдъ, при всей эпизодичности положенія, пріобрѣтаетъ все-таки значеніе въ виду того, что—насколько мнѣ извѣстно—эти резолюціи въ громадномъ большинствѣ случаевъ никогда не были обнародываемы, да и во всякомъ случаѣ не составляли еще предмета самостоятельнаго, хотя бы краткаго, очерка. Нужнымъ полагаю предварить, что нижеприводимый этюдъ составляетъ, въ хронологическомъ отношеніи, продолженіе моихъ же этюдовъ „Изъ русской военно-уголовной старины", касающихся временъ императоровъ Павла I и Александра I [1]).

Говоря о военно-судебномъ прошломъ за царствованіе императора Николая I, нужно прежде всего остановиться на „генеральномъ" военномъ судѣ, произведенномъ въ 1853 г. надъ предсѣдателемъ и членами высочайше утвержденнаго въ 18 день августа 1814 г. комитета (нынѣ Александровскаго комитета о раненыхъ). Къ этому первенствующему значенію дѣла въ русской военно-уголовной лѣтописи обязываютъ личности подсудимыхъ—заслуженныхъ генераловъ русской арміи.

Въ означенномъ комитетѣ было обнаружено хищеніе свыше чѣмъ на милліонъ рублей. Хищеніе было произведено директоромъ комитетской канцеляріи тайнымъ совѣтникомъ Политковскимъ, пользовавшимся въ комитетѣ особымъ довѣріемъ со стороны предсѣдателя и членовъ. Самъ Политковскій умеръ, а суду были преданы „за бездѣйствіе власти, безпечность и допущеніе важнаго государственнаго

---

[1]) Этюды напечатаны въ прошломъ году въ „Русской Старинѣ" (августъ) и въ Варшавскомъ военномъ журналѣ (октябрь).

ущерба“ генералъ Ушаковъ, какъ предсѣдатель, и адмиралъ Колзаковъ, генералы Мандерштернъ, Арбузовъ, Граббе и Зассъ, какъ члены. Кромѣ Мандерштерна, всѣ поименованныя лица были содержимы подъ арестомъ.

Какъ и нужно было думать, генералы, изъ которыхъ пятеро носили до того времени званіе государевыхъ генералъ-адъютантовъ, не принимали рѣшительно никакого участія въ расхищеніи суммъ, имѣвшихъ филантропическое назначеніе. Да ихъ и не обвиняли въ этомъ. Роковое довѣріе къ Политковскому привело ихъ на скамью подсудимыхъ.

Судъ, подъ предсѣдательствомъ генералъ-фельдмаршала князя варшавскаго графа Паскевича-Эриванскаго, въ составѣ полныхъ генераловъ и членовъ генералъ-аудиторіата, разсмотрѣвъ обстоятельства дѣла, пришелъ къ заключенію, что наиболѣе виновными оказываются генералъ Ушаковъ и адмиралъ Колзаковъ, какъ состоявшіе въ комитетѣ довольно продолжительное время; при томъ первый, какъ предсѣдатель, имѣлъ болѣе прочихъ членовъ возможности и способовъ ознакомиться съ дѣлопроизводствомъ комитета. Меньшая вина была признана генеральнымъ судомъ для генераловъ Граббе и Засса, по недавнему, менѣе года, нахожденію ихъ на службѣ въ комитетѣ, и для генерала Мандерштерна, не имѣвшаго возможности удѣлять большаго вниманія дѣятельности комитета по своимъ занятіямъ въ должности директора Чесменской богадѣльни.

Поэтому судъ приговорилъ: Ушакова—къ исключенію изъ службы, съ выдержаніемъ подъ арестомъ шесть мѣсяцевъ, Колзакова — къ исключенію изъ службы, Арбузова, Граббе и Засса — къ трехмѣсячному аресту и Мандерштерна—къ мѣсячному аресту.

Этотъ приговоръ былъ повергнутъ на высочайшую конфирмацію, которая и послѣдовала 10 апрѣля 1853 г.

Привожу текстъ этой резолюціи.

„Приговоръ суда касательно г. Ушакова нахожу правильнымъ, но считаю гораздо виновнѣе въ томъ, что дозволилъ себѣ дерзко настаивать въ награжденіи Политковскаго, не смотря на мои отказы, тогда какъ отличія нисколько съ его стороны не было, но, напротивъ того, ежели бъ Ушаковъ исполнилъ свою обязанность по долгу данной присяги, воровство бы открылось; потому приговоръ суда утверждаю во всей силѣ. Адмирала Колзакова, вмѣнивъ лишеніе генералъ-адъютантскаго званія и судъ въ наказаніе, уволить отъ службы. Генерала Мандерштерна, вмѣнивъ судъ въ наказаніе, возвратить къ прежней должности коменданта. Генерала Арбузова, вмѣнивъ лишеніе генералъ-адъютантскаго званія и судъ въ наказаніе и принявъ въ соображеніе малое нахожденіе въ наличности при коми-

тетѣ за командировкой къ командованію гренадерскимъ корпусомъ, избавить отъ дальнѣйшаго взысканія и возвратить къ должности инспектора гвардейскихъ и гренадерскихъ резервныхъ и запасныхъ баталіоновъ. Генералъ-лейтенантовъ Граббе и Засса признаю виновными только въ томъ, что, усумнясь въ правильности существовавшаго порядка въ комитетѣ, не довели объ этомъ, какъ генералъ-адъютанты, до Моего свѣдѣнія, за что объявить имъ строжайшій выговоръ и отъ дальнѣйшаго взысканія освободить".

Для полноты замѣчу, что Арбузовъ, Граббе, Зассъ и Колзаковъ были вскорѣ снова назначены генералъ-адъютантами: первый— 15 апрѣля 1854 г., второй и третій — 25 іюля 1854 г. и послѣдній 17 ноября 1855 г.

Разслѣдованіе преступленій должно вестись узаконеннымъ путемъ. Пытка устраняется изъ дозволенныхъ мѣръ къ исторженію сознанія отъ подсудимаго. Между тѣмъ, при разслѣдованіи дѣла о кражѣ новозакатальскій плацъ-маіоръ Грибовскій „пыталъ" казака Губина и урядника Шимкова „голодомъ, а послѣдняго, для возбужденія жажды, кормилъ икрой и запрещалъ давать ему пищу", а и. д. новозакатальскаго коменданта маіоръ Печковскій „приказалъ запереть его въ барбетъ, гдѣ были мертвыя тѣла и смрадъ отъ нихъ, а потомъ содержать связаннымъ въ коридорѣ дома комендантскаго управленія". Генералъ-аудиторіатъ приговорилъ Грибовскаго и Печковскаго къ разжалованію въ рядовые. Но строже посмотрѣлъ на дѣло императоръ Николай I, и пытка, противная закону и чувству человѣчности, вызвала суровую резолюцію положенную 22 сентября 1850 г.: „маіоровъ Грибовскаго и Печковскаго, лишивъ чиновъ, орденовъ и дворянства, отдать на десять лѣтъ въ крѣпостные арестанты".

Другое дѣло, вызвавшее преданію суду лицъ, примѣнявшихъ пытку, касалось кражи изъ Симбирскаго уѣзднаго казначейства болѣе 30 т. р. Обвинявшіеся въ кражѣ чины мѣстнаго гарнизоннаго батальона Васильевъ, Диковъ, Рѣзцовъ и Казанжъ были „вынуждаемы къ сознанію слѣдующими истязаніями": 1) „наказаніемъ розгами и палками въ сараѣ полицейскаго дома и въ квартирѣ бывшаго окружнаго генерала генералъ-лейтенанта Мандрыки, пріѣхавшаго въ Симбирскъ для содѣйствія слѣдственной коммиссіи къ открытію виновныхъ; 2) содержаніемъ Рѣзцова и Казанжи закованными въ ножныхъ кандалахъ и съ надѣтыми на руки кожаными рукавицами, въ которыхъ они не могли владѣть руками, а рядового Дикова—съ закованными назадъ руками; 3) изнуреніемъ рядового Васильева жаж-

дою, для сильнѣйшаго возбужденія коей кормили его соленою рыбою и, не давая воды, поили водкою". Противъ 2-го и 3-го пунктовъ государь поставилъ знакъ нотабене (NB) и написалъ слово: „пытка"; въ конфирмаціи же, положенной на это дѣло 31 декабря 1853 г., было изложено: „ежели всякое преступленіе должно быть изслѣдовано и преслѣдовано по законамъ, то тѣмъ строже наблюдать должно, чтобы изслѣдованіе производилось въ порядкѣ, а не пыткой, которая составляетъ не менѣе важное преступленіе и ничѣмъ извиняема быть не можетъ: виновныхъ въ семъ предать военному суду"; слова „порядкѣ" и „пыткой" подчеркнуты собственноручно императоромъ Николаемъ I.

Здѣсь же умѣстно будетъ упомянуть о замѣчаніи государя на незаконное наложеніе оковъ на обвиняемаго дворянина. Дворянинъ Рабцевичъ, обвинявшійся въ „буйственныхъ поступкахъ противъ нижнихъ чиновъ", былъ доставленъ въ Минскъ закованнымъ, въ противность уставу, по которому дворяне „должны содержаться подъ строгимъ карауломъ со всѣми правилами предосторожности, кромѣ тѣлеснаго наказанія, къ коему оковы причисляются". Резолюція, положенная въ февралѣ мѣсяцѣ 1854 г., касалась высшаго представителя мѣстной власти: „генералъ-адъютанту Бибикову поставить на видъ о неправильныхъ дѣйствіяхъ".

Сознаніе подсудимаго въ предъявленномъ обвиненіи, по существующему закону, не связываетъ судъ обязательнымъ обвинительнымъ приговоромъ, и судъ, не взирая на это сознаніе, можетъ оправдать подсудимаго. Въ то же время несознаніе подсудимаго, уличающагося судебными доказательствами, ни на минуту не остановитъ судъ признать подсудимаго виновнымъ: судъ строитъ свой приговоръ на показаніяхъ свидѣтелей. Подобное подтвержденіе о неприданіи абсолютной вѣры объясненіямъ подсудимаго встрѣчается въ резолюціи, положенной на дѣло о рядовомъ С.-Петербургской инвалидной команды Вдовицынѣ. Вдовицынъ занимался перепискою бумагъ въ канцеляріи с.-петербургскаго гарнизоннаго батальона; 21 іюня 1850 г. онъ отлучился изъ казармъ и напился до нетрезваго состоянія; на улицѣ его повстрѣчалъ рядовой Соберъ, который и повелъ его по Воскресенскому мосту, гдѣ Вдовицынъ вырвался изъ рукъ Собера и бросился въ Неву, но былъ благополучно вытащенъ изъ воды. Подсудимый объяснить свои поступки не могъ, отозвавшись безпамятствомъ; свидѣтельствовавшій Вдовицына физикатъ допускалъ возможность болѣзненнаго его состоянія, а потому

генералъ-аудиторіатъ полагалъ освободить его отъ наказанія за покушеніе на самоубійство, признавъ виновнымъ лишь въ нетрезвомъ поведеніи и самовольной отлучкѣ. По дѣлу, между прочимъ, выяснилось, что еще въ 1848 г. Вдовицынъ за пьянство и самовольную отлучку былъ лишенъ, властью батальоннаго командира полковника Дебиля, унтеръ-офицерскаго званія и приговоренъ къ ста ударамъ розогъ; въ то время еще не было извѣстно начальству Вдовицына происхожденіе его изъ оберъ-офицерскихъ дѣтей, изъятыхъ отъ тѣлеснаго наказанія. Это обстоятельство не ускользнуло отъ вниманія генералъ-аудиторіата, который полагалъ полковнику Дебилю объявить выговоръ за то, что онъ „оштрафовалъ Вдовицына безъ производства изслѣдованія и даже безъ отобранія отъ него показанія и за употребленіе въ канцоляріи для письма". Резолюція отъ 18 октября 1851 г. гласила: „хотя приговоръ и утвержденъ, но нахожу, что вѣры давать негодяю, уже бывшему за пьянство въ штрафѣ, отнюдь не слѣдовало, а еще менѣе избавлять отъ заслуженнаго вторично наказанія, равно какъ и за покушеніе на самоубійство; полковника Дебиля арестовать на восемь дней за неосновательность".

Дѣяніе не вмѣняется въ вину подсудимому при совершеніи его имъ въ припадкѣ безпамятства. Здѣсь нѣтъ преступника, а есть больной, подлежащій не наказанію, а лѣченію. Въ современной юридической практикѣ признаніе подсудимыхъ душевно-больными составляетъ заурядное явленіе. Но не таковымъ оно было въ годы императора Николая I. Каждая высочайшая резолюція, затрогивающая этотъ сложный юридическій вопросъ, является новшествомъ.

Отставной поручикъ л.-гв. драгунскаго полка Жандръ произвелъ на улицѣ выстрѣлъ, не причинивъ никакого вреда. Жандръ былъ преданъ суду, и 28 мая 1826 г. послѣдовала высочайшая конфирмація: „объявить семейству поручика Жандра́, что онъ можетъ быть имъ отданъ только тогда, когда дадутъ подписку, что его будутъ держать запертымъ съ тѣмъ, чтобы онъ подъ собственною отвѣтственностью не могъ дѣлать никому никакого зла, а когда они не возьмутъ лично за сіе отвѣтственность, о чемъ прежде донести, то перевести его въ Обуховскую больницу и подвергнуть его должному медицинскому излѣченію и надзору, все на счетъ казны" [1]. Слѣдовательно, больной подсудимый отдавался на поруки родственниковъ; любопытна здѣсь однако оговорка, что, при согласіи родственниковъ взять на поруки подсудимаго, послѣдній, при совершеніи новаго

---

[1]) Эта резолюція писана не собственноручно государемъ.

преступленія, подлежалъ личной отвѣтственности, т. е. не представлялъ субъекта, изъятаго отъ уголовнаго преслѣдованія.

Въ смыслѣ невмѣненія въ вину преступленія, совершеннаго въ то время, какъ подсудимый не находился въ равновѣсіи своихъ душевныхъ и умственныхъ силъ, находится резолюція по дѣлу о штабсъ-капитанѣ генеральнаго штаба Ситниковѣ. Эта резолюція, допускавшая, что преступленіе совершено не „въ здравомъ умѣ", влекла уголовное наказаніе, хотя, по своей мягкости, и не соотвѣтствовавшее мѣрѣ содѣяннаго; иначе говоря, эта резолюція какъ бы вносила въ юридическую практику возможность установленія въ среду уменьшающихъ вину обстоятельствъ душевной болѣзни, когда послѣдняя не доказана категорически, но и не опровергнута рѣшительнымъ образомъ.

Ситниковъ въ 1830—31 гг. составилъ рядъ „возмутительныхъ" писемъ политическаго характера, съ туманными ссылками на священное писаніе. За это онъ былъ преданъ суду. По дѣлу же выяснилось, что еще въ 1829 г. онъ обратился съ всеподданнѣйшей просьбой о выдачѣ ему въ пособіе 25 т. р., при чемъ предлагалъ ввести въ систему уголовныхъ наказаній смертную казнь за совершеніе неравныхъ браковъ, „какъ пружину, вооружающую молодыхъ людей", и доносилъ о „сговорѣ" любимой имъ дѣвицы за одного престарѣлаго генерала. Возникло сомнѣніе въ нормальности умственныхъ способностей Ситникова, и онъ былъ освидѣтельствованъ свѣтилами тогдашней современной медицинской науки Вилліе и Рюлемъ; въ заключеніи этихъ врачей было сказано о подсудимомъ, что онъ „вовсе не сумасшедшій", а „имѣетъ, какъ говорится, горячую голову, равно пылкій, злобный и мстительный характеръ, а, слѣдовательно, есть предметъ, достойный жалости". Высочайшая резолюція на дѣлѣ отъ 14 апрѣля 1832 г. гласила: „поелику я не вѣрю, чтобъ въ здравомъ разсудкѣ кто-либо могъ рѣшиться на подобное покушеніе, то штабсъ-капитана Ситникова, лишивъ знаковъ отличія, отставить отъ службы и, какъ опаснаго въ обществѣ, заключить въ монастырь".

Въ случаѣ болѣзни подсудимаго наказаніе должно быть примѣнено съ особою осмотрительностью и даже замѣнено другимъ. Нѣсколько военно-плѣнныхъ бывшихъ польскихъ войскъ были преданы суду за самовольную отлучку съ пути. Одинъ изъ подсудимыхъ оказался больнымъ. Поэтому 8 октября 1834 г. государь конфирмовалъ дѣло резолюціей, гдѣ, между прочимъ, излагалъ: „больного по должномъ освидѣтельствованіи отправить на родину".

Одобрительный отзывъ начальства о нравственныхъ и служебныхъ качествахъ подсудимаго является обоюдоострымъ средствомъ при сужденіи о возможности смягченія ему наказанія. Главнымъ тормозомъ въ безусловномъ принятіи въ соображеніе этого отзыва служитъ сомнѣніе въ томъ, что эта аттестація вполнѣ соотвѣтствуетъ истинѣ: вѣдь возможно, что начальство пожалѣетъ подсудимаго и пожелаетъ облегчить его участь путемъ даже не вполнѣ достовѣрной аттестаціи.

Императоръ Николай I, конфирмуя дѣла, всегда обращалъ вниманіе на то, соотвѣтствуетъ ли истинѣ аттестація.

Бухгалтеръ Сохранной казны С.-Петербургскаго опекунскаго совѣта, коллежскій ассесоръ Петровъ, рапилъ кинжаломъ свою жену, будучи въ нетрезвомъ видѣ. Судъ приговорилъ Петрова къ десятилѣтней каторгѣ. Дѣло, кажется, должно было разрѣшиться просто; но вышло не такъ. По дѣлу было видно, что начальство аттестовало Петрова хорошо, а жена его и товарищъ Матвѣевъ отозвались о немъ, какъ о человѣкѣ, сильно преданномъ злоупотребленію спиртными напитками. И это маленькое обстоятельство остановило вниманіе государя, который 29 ноября 1849 г. конфирмовалъ дѣло резолюціей: „вмѣсто каторги отдать въ крѣпостные арестанты въ Свеаборгъ; опекунскому совѣту объявить мое удивленіе и крайнее неудовольствіе, что не только не далъ знать про укоризненное поведеніе сего чиновника, но при вопросѣ моемъ, какого былъ поведенія до происшествія, осмѣлился его аттестовать хорошо, а директора, какъ непосредственнаго его начальника, посадить на 24 часа на гауптвахту, въ примѣръ другимъ“.

За нетрезвое состояніе былъ преданъ суду прапорщикъ Модлинскаго пѣхотнаго полка Кривчиковъ. По дѣлу оказалось, что 18 октября 1840 г. онъ былъ преданъ суду, а черезъ мѣсяцъ былъ произведенъ въ прапорщики, такъ какъ былъ хорошо аттестованъ, но кѣмъ именно былъ такъ аттестованъ,—неизвѣстно. 27 августа 1841 г. государь конфирмовалъ дѣло резолюціей: „обстоятельства неправильной аттестаціи изслѣдовать во всей строгости“.

Суду былъ преданъ прапорщикъ Кишиневскаго гарнизоннаго баталіона Глушковъ; изъ дѣла выяснилось, что Глушковъ неоднократно до суда замѣчался въ нетрезвомъ поведеніи, а между тѣмъ баталіонный командиръ маіоръ Гребскій аттестовалъ его хорошо. 18 января 1841 г. дѣло было конфирмовано: „маіора Гребскаго, какъ неблагонадежнаго, отъ командованія баталіономъ отрѣшить, съ переводомъ въ другой“.

Наконецъ, любопытная резолюція была положена 26 октября 1844 г. на дѣло о прапорщикѣ Воронежскаго гарнизоннаго батальона Чекановѣ, произведенномъ изъ унтеръ-офицеровъ гвардейской инва-

лидной команды и обвиненномъ въ растратѣ прогонныхъ денегъ: „его императорскому высочеству великому князю Михаилу Павловичу не оставить строго взыскать съ виновныхъ въ удостоеніи къ производству въ офицеры подобнаго поведенія унтеръ-офицера, что и отношу къ безпечности ближайшаго начальства“. Въ то время Михаилъ Павловичъ стоялъ во главѣ гвардейскаго корпуса.

При Николаѣ I примѣнялись шпицрутены. Замѣчателенъ здѣсь слѣдующій случай.

Офицеры Курскаго гарнизоннаго батальона капитанъ Череповъ, штабсъ-капитанъ Шумаковъ и поручикъ Рославлевъ наказывали рядового 15 егерскаго полка Евсѣева шпицрутенами. За третій побѣгъ Евсѣевъ былъ приговоренъ къ прогнанію сквозь тысячу шпицрутеновъ четыре раза; при производствѣ экзекуціи, на второмъ разѣ, онъ упалъ; его посадили на телѣжку и докончили экзекуцію. Врачъ при экзекуціи не присутствовалъ. Чрезъ нѣсколько часовъ Евсѣевъ умеръ. Офицеры были преданы суду, а 21 іюля 1827 г. послѣдовала по ихъ дѣлу резолюція: „всѣхъ разжаловать въ рядовые до выслуги“. Слѣдовательно,—чувствую, что мнѣ съ улыбкою поспѣшатъ замѣтить зоилы — шпицрутены даже причиняли смерть. Увы, да! долженъ отвѣтить я. Но виновные въ этомъ непростительномъ поступкѣ офицеры понесли сами за это нелегкое наказаніе.

Въ конфирмаціяхъ государь не рѣдко смягчалъ приговоръ, гдѣ дѣло шло о тяжеломъ тѣлесномъ наказаніи.

Значительное число нижнихъ чиновъ Кишиневскаго батальона было отдано подъ судъ „за пьянство, буйство и ослушаніе офицера“. Часть ихъ была приговорена къ наказанію палками. Но 6 апрѣля 1833 г. государь, соглашаясь съ заключеніемъ генералъ-аудиторіата, сдѣлалъ въ резолюціи оговорку: „согласенъ, но вмѣсто палокъ наказать розгами“.

21 августа 1847 г. государь конфирмовалъ дѣло о мятежникахъ киргизахъ. Изъ подсудимыхъ трое были приговорены къ смертной казни; государь повелѣлъ отправить ихъ въ арестантскія роты, на двадцать лѣтъ каждаго; муллу, вмѣсто отдачи въ солдаты, было высочайше повелѣно отправить тоже въ арестантскія роты, но на пятнадцать лѣтъ; трое киргизовъ были присуждены къ наказанію шпицрутенами; это наказаніе государь замѣнилъ тоже арестантскими ротами.

Здѣсь же нужно упомянуть о конфирмаціяхъ по дѣламъ о жестокомъ обращеніи съ крестьянами.

Отставной поручикъ Карцовъ былъ обвиненъ въ жестокомъ обращеніи съ крестьянами; онъ предавалъ погребенію умершихъ безъ

христіанскаго обряда и не разрѣшалъ ходить имъ на исповѣдь и къ принятію Св. Таинъ. Генералъ-аудиторіатъ далъ заключеніе о ссылкѣ Карцова въ Иркутскую губернію на житье, съ отдачею въ смирительный домъ на два года. На дѣло послѣдовала 20 января 1855 г. высочайшая конфирмація: „быть по сему, но отослать на десять лѣтъ въ каторжную работу“.

Начальникъ Александровской инвалидной команды поручикъ Кривозубовъ, за жестокое обращеніе съ дворовыми людьми, подлежалъ, по мнѣнію генералъ-аудиторіата, разжалованію въ рядовые. 25 января 1840 г. была положена резолюція: „Кривозубова вмѣсто военной службы отдать въ военно-арестантскія роты“.

Высочайшая резолюція, положенная 24 сентября 1851 г. на дѣло о дворянинѣ Гродненской губерніи Бортновскомъ, обвиненномъ въ жестокомъ обращеніи съ крестьянами и „причиненіи смерти крестьянской малолѣтней дѣвочкѣ“, гласила: „опредѣлить рядовымъ въ отдѣльный кавказскій корпусъ“.

Даже при „оставленіи въ сильномъ подозрѣніи“—такого рода приговоръ входилъ въ тогдашнюю юридическую практику—обвиняемые въ жестокомъ обращеніи съ крестьянами несли извѣстную кару. Такъ, помѣщика Курской губерніи дворянина Александра Абрамовича резолюціею отъ 29 сентября 1841 г. было повелѣно: „оставя въ сильномъ подозрѣніи, выслать въ Симбирскъ подъ строгій надзоръ“.

Государь преслѣдовалъ настойчиво всякое проявленіе насилія.

18 іюля 1837 г. послѣдовала резолюція: „поручика графа Алопеуса и корнета Бобарыкина за нетрезвое поведеніе и буйство на улицѣ, какъ недостойныхъ не только гвардіи, но и вовсе на службѣ терпимыми быть, слѣдовало бы отставить отъ службы, но, вмѣнивъ имъ въ наказаніе долговременное нахожденіе подъ судомъ и арестомъ, перевесть тѣми же чинами въ Кавказскіе линейные баталіоны; штабсъ-ротмистра Седморацкаго, не только не препятствовавшаго, какъ старшій, но участвовавшаго въ пиру, на которомъ произошло пьянство, выписать тѣмъ же чиномъ въ линейные Кавказскіе баталіоны; членамъ же генералъ-аудиторіата, два раза поставившимъ слабый приговоръ и не обратившимъ должнаго вниманія на позорное поведеніе гвардейскихъ офицеровъ, дѣлаю строжайшій выговоръ“; два послѣднія слова были подчеркнуты собственноручно государемъ. Преступленіе заключалось въ безчинствѣ, произведенномъ на улицахъ Царскаго Села и сопровождавшемся выбитіемъ оконныхъ стеколъ въ домахъ.

„За буйство вооруженною рукою“ отставной корнетъ Левшинъ, отставной прапорщикъ Тетеринъ и губернскій регистраторъ Соколовъ,

по заключенію генералъ-аудиторіата, подлежали заключенію въ крѣпости, соотвѣтственно на четыре, шесть и три мѣсяца. Въ резолюціи, положенной на дѣло 12 апрѣля 1847 г., было положено: „г. Левшина выслать на жительство въ Вятку, взявъ имѣніе въ опеку; Тетерина, уже прежде отставленнаго за дурное поведеніе и вновь изобличеннаго въ буйствѣ, разжаловать въ рядовые съ опредѣленіемъ въ дальніе гарнизоны, а въ прочемъ и касательно положенныхъ всѣмъ арестовъ быть по сему“. Слѣдовательно, высочайшая конфирмація не только не несла облегченіе участи подсудимымъ, но даже усиливала имъ наказаніе.

Поручикъ Кирасирскаго принца Вильгельма полка Имзенъ былъ преданъ суду за буйство на улицѣ и оскорбленіе полиціи. Военный судъ призналъ, что Имзенъ дѣйствовалъ „въ безпамятствѣ“, но генералъ-аудиторіатъ съ такимъ воззрѣніемъ не согласился, а высочайшая конфирмація отъ 2 марта 1839 г. повелѣвала: „поручика Имзена за буйство на улицѣ и нанесеніе ударовъ полицейскимъ служителямъ при отправленіи ими ихъ должности разжаловать въ рядовые впредь до выслуги; презусу и чинамъ военно-судной коммиссіи и аудитору за неправильныя дѣйствія и явное послабленіе сдѣлать строжайшій выговоръ и арестовать на гауптвахту на восемь дней“.

Приведенная резолюція, доказывающая желаніе государя преслѣдовать всякое проявленіе насилія, заставляетъ сдѣлать попутно два-три замѣчанія.

Во-первыхъ, ссылка на нетрезвое состояніе не можетъ идти подсудимому въ оправданіе: совершенный, хотя бы и въ нетрезвомъ состояніи, проступокъ долженъ быть уголовно наказанъ.

Во-вторыхъ, установленіе безпамятства въ моментъ преступленія должно производиться съ особою осмотрительностью.

Въ-третьихъ, наконецъ, государь явился защитникомъ обиженной полиціи въ столкновеніи ея съ офицерами. По этому поводу любопытно привести свѣдѣніе о дѣлѣ жандармскаго прапорщика Андреева. Онъ стоялъ въ нарядѣ близъ театра, какъ къ послѣднему подъѣхалъ не съ надлежащей стороны генералъ-маіоръ Давыдовъ. Андреевъ „оказалъ дерзость генералу, препятствуя идти въ театръ“. Онъ былъ преданъ суду и, по заключенію генералъ-аудиторіата, подлежалъ двухнедѣльному аресту. На докладѣ этого дѣла генералъ-адъютантъ Чернышевъ написалъ: высочайше повелѣно исполнить по заключенію аудиторіатскаго департамента, сверхъ того, его величеству угодно, чтобы снестись съ генералъ-адъютантомъ Бенкендорфомъ о томъ, полагаетъ ли онъ нужнымъ удержать прапорщика Андреева въ жандармахъ, такъ какъ онъ доказалъ, что не умѣетъ вести себя прилично сему званію, и съ мнѣніемъ своимъ доставилъ бы справку, от-

куда Андреевъ поступилъ въ жандармы". Слѣдовательно, Андрееву происшествіе грозило въ конецъ испортить его служебную карьеру. Шефъ жандармовъ отвѣчалъ, что Андреевъ, какъ отличающійся хорошимъ поведеніемъ, можетъ быть оставленъ въ корпусѣ жандармовъ. 10 октября 1829 г. послѣдовало повелѣніе объ исполненіи по мнѣнію А. Х. Бенкендорфа.

Религіозныя преступленія влекли суровыя наказанія.

Высочайшая резолюція отъ 30 іюня 1830 г. утверждала заключеніе генералъ-аудиторіата, который удѣльнаго крестьянина Псковской губерніи Якова Савельева, за богохуленіе, полагалъ наказать тридцатью ударами кнута.

Аренсбургскаго гарнизоннаго батальона рядовые Куликовъ и Грибановъ были преданы суду по обвиненію въ отступленіи отъ православія и переходѣ въ старообрядчество. По сентенціи военнаго суда подлежало ихъ сослать въ каторгу, по предварительномъ отсѣченіи у нихъ двухъ пальцевъ, которыми они присягали. Батальонный командиръ полагалъ прогнать ихъ сквозь 500 шпицрутеновъ по 5 разъ, окружной генералъ—прогнать сквозь 500 шпицрутеновъ по 3 раза, а командиръ отдѣльнаго корпуса внутренней стражи генералъ-отъ-инфантеріи Капцевичъ находилъ возможнымъ прогнать ихъ одинъ разъ сквозь 500 шпицрутеновъ и затѣмъ сослать въ Сибирь на поселеніе. Генералъ-аудиторіатъ соглашался съ мнѣніемъ генерала Капцевича. По дѣлу резолюція состоялась 21 ноября 1830 г. Она была писана рукою В. Ѳ. Адлерберга и гласила: „графу Александру Ивановичу угодно лично объясниться съ его превосходительствомъ Алексѣемъ Николаевичемъ по сему дѣлу и на счетъ исполненія воспослѣдовавшаго по оному высочайшаго разрѣшенія—наказать подсудимыхъ по конфирмаціи генерала Капцевича въ такомъ только случаѣ, если лѣта ихъ и состояніе здоровья то позволятъ безъ опасенія, а вмѣсто ссылки въ Сибирь назначить ихъ въ крѣпостные арестанты, одного—въ Ревель, а другого—въ Динабургъ, повелѣвъ содержать ихъ только въ карцерѣ безъ употребленія въ работѣ".

Во время царствованія императора Александра I случилась извѣстная „семеновская исторія", заключавшаяся въ явномъ неповиновеніи полка своему полковому командиру и причинившая большія огорченія государю. Отголоскомъ этой исторіи въ царствованіе императора Николая I послужило судное дѣло о нѣсколькихъ офицерахъ, бывшихъ въ этомъ полку, и о которыхъ открылись новыя обстоятель-

ства. Въ вину этимъ офицерамъ было поставлено: 1) подполковнику Бородинскаго пѣхотнаго полка Кашкарову—то, что онъ „скрылъ записку фельдфебеля съ именами зачинщиковъ“, 2) полковнику Костромскаго пѣхотнаго полка Вадковскому—то, что онъ „несообразнымъ съ долгомъ службы поведеніемъ далъ усилиться безпорядку“; 3) маіору Тарутинскаго пѣхотнаго полка князю Щербатову—то, что въ письмѣ къ Ермолаеву помѣстилъ „неприличныя выраженія“ и „допускалъ нижнихъ чиновъ забавляться шутками насчетъ полковаго командира“ и 4) отставному полковнику Ермолаеву—то, что по выходѣ въ отставку „заготовилъ вчернѣ оскорбительное письмо къ Шварцу, смѣялся надъ нимъ во время службы при нижнихъ чинахъ, имѣлъ переписку съ послѣдними и домогался видѣться съ арестантами, содержащимися на Охтенскомъ пороховомъ заводѣ“. Не взирая на пятилѣтнюю давность со дня происшествія, имѣвшаго мѣсто, какъ извѣстно, 16 октября 1820 г., государь конфирмовалъ дѣло 27 февраля 1826 г. строгой резолюціей: „полковника Вадковскаго и подполковника Кашкарова посадить въ крѣпость, перваго—на два съ половиною года, втораго—на два года, послѣ чего отправить на службу въ Кавказскій корпусъ, дабы имѣть случай загладить свой проступокъ; маіора князя Щербатова и отставнаго полковника Ермолаева, лишивъ чиновъ и орденовъ, опредѣлить рядовыми въ Кавказскій же корпусъ впредь до выслуги“.

Рядовой л.-гв. гренадерскаго полка Кирилловъ былъ признанъ виновнымъ въ убійствѣ фельдфебеля и въ покушеніи на самоубійство. По заключенію генералъ-аудиторіата подсудимый подлежалъ наказанію кнутомъ и ссылкѣ въ каторжныя работы. Генералъ-адъютантъ Демидовъ полагалъ наказать Кириллова шпицрутенами чрезъ тысячу человѣкъ двѣнадцать разъ, при собраніи нижнихъ чиновъ всѣхъ гвардейскихъ полковъ, и ссылкою въ каторжныя работы. Генералъ-адъютантъ Дибичъ находилъ мнѣніе Демидова „болѣе правильнымъ, такъ какъ оно болѣе сообразно съ прежде бывшими примѣрами“. На дѣло послѣдовала 11 сентября 1828 г. высочайшая резолюція: „прогнать сквозь строй по мнѣнію генералъ-адъютанта Дибича“.

Кадетъ Московскаго кадетскаго корпуса Житковъ нанесъ удары тесакомъ штабсъ-капитану того же корпуса Соколовскому, съ намѣреніемъ лишить его жизни. Тяжкое воинское наказаніе со стороны юноши-кадета было вызвано тѣмъ, что Соколовскій послѣ того, какъ его задѣлъ „указательной палочкой“ Житковъ по рукѣ, вырвалъ изъ рукъ кадета эту указку и ударилъ его ею нѣсколько разъ. Соколовскій, по заключенію генералъ-аудиторіата, подлежалъ переводу изъ Московскаго кадетскаго корпуса, какъ оказавшійся неумѣлымъ

въ обращеніи съ кадетами, а Житковъ — къ ссылкѣ въ каторжныя работы; при этомъ было признано полезнымъ, въ служебныхъ видахъ, объявить резолюцію при собраніи всѣхъ кадетъ. 12 ноября 1835 г. послѣдовала высочайшая резолюція: „Житкова разжаловать въ рядовые до выслуги и отправить на службу въ Сибирскіе линейные баталіоны, а въ прочемъ быть по сему".

Часовой—лицо неприкосновенное. Азбучная истина должна быть извѣстна всякому военному человѣку, поэтому оскорбленіе часоваго составляло довольно крупное воинское преступленіе.

Отставной поручикъ Гаевскій былъ присужденъ за оскорбленіе часоваго къ разжалованію въ рядовые; генералъ-аудиторіатъ ходатайствовалъ о смягченіи ему наказанія, принявъ во вниманіе его бытность въ сраженіяхъ и содержаніе подъ арестомъ. Ходатайство не было удовлетворено и резолюціей 4 марта 1848 г. было повелѣно: „отставного поручика Гаевскаго разжаловать въ рядовые".

Въ видахъ поддержанія дисциплины необходимо обращать вниманіе на извѣстную условность въ отношеніяхъ офицеровъ съ нижними чинами, даже если бы послѣдніе были изъ разжалованныхъ офицеровъ. По дѣлу объ оскорбленіи прапорщикомъ Нижегородскаго драгунскаго полка Есиповымъ эскадроннаго командира капитана Головкова 4 іюля 1844 г. была дана высочайшая конфирмація: „надо генералу Нейдгарду приказать наистрожайше наблюдать, чтобъ разжалованные изъ офицеровъ нижніе чины, даже по производствѣ въ унтеръ-офицеры, отнюдь не квартировали съ офицерами, о чемъ и подтвердить прочимъ главнымъ начальникамъ". Конфирмація была вызвана тѣмъ обнаруженнымъ въ судѣ обстоятельствомъ, что разжалованный изъ офицеровъ унтеръ-офицеръ Туманскій жилъ не въ казармахъ, а на частной квартирѣ, имѣя при томъ общеніе съ офицерами.

Любопытнымъ отраженіемъ эпохи разводовъ, манежей и экзерциргаузовъ служитъ также дѣло полковника Чайковскаго. 30 августа 1831 г. былъ назначенъ разводъ въ г. Севастополѣ; разводъ долженъ былъ принимать губернаторъ, но онъ поручилъ исполнить эту обязанность полковнику Чайковскому; на бѣду къ разводу прибылъ, съ нѣкоторымъ запозданіемъ, генералъ-маіоръ Жерве; не желая уступать своихъ правъ, какъ коменданта, на пріемъ развода другимъ лицомъ, Чайковскій прекратилъ разводъ, произведя при этомъ безпорядокъ. Военный судъ приговорилъ Чайковскаго къ отставленію отъ службы, мотивируя свой сравнительно слабый приговоръ тѣмъ, что побудительныя „причины основаны на прямомъ усердіи его къ должности своей и на истинномъ желаніи удержать ввѣренный ему постъ въ своемъ значеніи" и проступокъ былъ совершенъ „не отъ

злости и умысла, а единственно отъ недоумѣнія". 19 февраля 1832 г. послѣдовала высочайшая конфирмація: „полковнику Чайковскому, заслужившему за дерзость противъ старшаго передъ фронтомъ, быть разжалованнымъ въ рядовые, во уваженіе прежней отличной службы и полученныхъ ранъ, сдѣлать строжайшій выговоръ и выдержать мѣсяцъ на гауптвахтѣ; генералъ-маіору Жерве, за подачу неисправности своимъ подчиненнымъ опозданіемъ къ разводу и за прочіе неприличные поступки сдѣлать выговоръ; членамъ же судной коммиссіи за неосновательное и самопроизвольное сужденіе сдѣлать строжайшій выговоръ".

Просмотръ резолюцій заставляетъ сдѣлать еще одно любопытное замѣчаніе. Преслѣдуя нарушеніе подчиненными дисциплины, императоръ Николай I въ дѣлахъ, въ которыхъ были привлекаемы къ отвѣтственности подчиненные совмѣстно съ начальствующими лицами, всегда стоялъ за облегченіе участи младшаго, даже за полное его оправданіе, вполнѣ основательно полагая, что нерѣдко младшій творитъ лишь волю пославшаго.

О пожарѣ интендантскаго магазина въ Одессѣ было произведено слѣдствіе; убытокъ казны простирался до 80 т. р. По мнѣнію аудиторіатскаго департамента, смотрителя магазина штабъ-ротмистра Толстого, за неосмотрительность, надлежало арестовать на мѣсяцъ, а ученику Алексѣеву дать сто ударовъ розогъ. 4 декабря 1830 г. состоялось высочайшее повелѣніе объ исполненіи, относительно Толстого, по мнѣнію департамента, и о полномъ прощеніи Алексѣева.

Корнетъ поселенныхъ эскадроновъ Новоархангельскаго уланскаго полка Дмитріевъ былъ признанъ виновнымъ въ нападеніи на домъ помѣщика Садовскаго и въ учиненіи тамъ грабежа. По заключенію генералъ-аудиторіата, корнета Дмитріева, принимая во вниманіе его молодость, слѣдовало разжаловать въ рядовые. Виновными же были признаны и нижніе чины. Однако, иначе взглянулъ на это дѣло августѣйшій конфирматоръ, написавшій 19 ноября 1834 г.: „корнета Дмитріева, лишивъ чиновъ и дворянства, отправить въ крѣпостные арестанты въ Бобруйскъ на 10 лѣтъ, по прошествіи коихъ обратить на службу рядовымъ; нижнихъ чиновъ, имъ завлеченныхъ въ грабежъ, избавить отъ наказанія".

Категорически высказывается высочайшее мнѣніе о вовлеченіи нижнихъ чиновъ въ преступленіе приказаніемъ начальства въ резолюціи, положенной 24 марта 1838 г. на дѣло о прапорщикѣ Люблинскаго егерскаго полка Лавровѣ, обвинявшемся, совмѣстно съ нижними чинами, въ самовольномъ захватѣ лошадей у поселянъ и „наказаніи" ихъ фухтелями: „нижнихъ чиновъ не наказывать, ибо исполняли волю начальника".

Даже крѣпостные признавались иногда вовлеченными въ преступленіе приказаніями своихъ господъ. Прапорщикъ Углицкаго егерскаго полка Соболевъ былъ обвиненъ въ убійствѣ и въ покушеніи на грабежъ; Соболева сопровождалъ дворовый человѣкъ, отзывавшійся, что онъ исполнялъ приказаніе барина. 28 мая 1843 г. было высочайше повелѣно: „крѣпостного человѣка въ военную службу отдать, не предавая суду“.

Казенная копѣйка и беззаконное завладѣніе ею клеймится строгимъ наказаніемъ.

Въ печати много разъ приводился печальный случай съ командиромъ Эриванскаго карабинернаго полка флигель-адъютантомъ княземъ Дадіаномъ. Будучи на Кавказѣ, въ 1837 г., императоръ Николай I удостовѣрился въ томъ, что князь Дадіанъ не оправдалъ его довѣрія и допустилъ рядъ проступковъ по денежной части. Государь, вспыльчивый въ гнѣвѣ, на смотру лишилъ князя Дадіана свитскаго званія и приказалъ его судить. Въ 1840 г. былъ поднесенъ на высочайшую конфирмацію докладъ объ этомъ дѣлѣ, и 12 мая послѣдовала резолюція: „полковникъ князь Дадіанъ совершенно достоинъ присужденнаго наказанія, вина его сугубо тяжка тѣмъ, что онъ носилъ званіе Моего флигель-адъютанта и, бывъ близкимъ родственникомъ корпуснаго своего командира, какъ бы обязанъ былъ симъ еще болѣе удаляться отъ всего законопротивнаго, служа скорѣе другимъ примѣромъ строгаго соблюденія порядка службы; нарушивъ столь наглымъ образомъ свою обязанность, онъ не достоинъ никакого помилованія; желая, однако, и въ семъ случаѣ оказать возможное вниманіе къ службѣ генералъ-адъютанта барона Розена, повелѣваю, лишивъ полковника князя Дадіана чиновъ, орденовъ, княжескаго и дворянскаго достоинствъ и вмѣнивъ трехлѣтнее содержаніе въ казематѣ въ наказаніе, отправить на жительство безвыѣздно въ Вятку“.

Даже лица, на обязанности которыхъ лежала ревизія денежныхъ суммъ, подлежали уголовному преслѣдованію, въ случаѣ какихъ-либо преступленій по пользованію этими суммами. Ревизоръ Санктпетербургскаго почтамта Штейнбергъ и младшій сортировщикъ Шагинъ были признаны виновными въ „утайкѣ почтовыхъ сборовъ“. Изъ дѣла выяснилось, что „подавательскія книги“ не ревизовались счетной экспедиціей въ теченіе полутора лѣтъ. Эту небрежность генералъ-аудиторіатъ полагалъ довести до свѣдѣнія почтоваго начальства. Резолюціей же 8 декабря 1838 г. повелѣвалось: „счетной экспедиціи почтамта сдѣлать строгій выговоръ, внеся членамъ оной въ формуляръ“.

Приведу нѣсколько высочайшихъ конфирмацій, иллюстрирующихъ службу офицеровъ николаевскаго времени.

Генералъ-маіоръ Леманъ былъ преданъ суду за наказаніе двухъ горнистовъ шомполами и держаніе безсмѣннаго ординарца. Генералъ-аудиторіатъ полагалъ ограничиться въ наказаніи генерала содержаніемъ его въ теченіе мѣсяца подъ арестомъ. Высочайшая конфирмація отъ 7 августа 1844 г. усиливала это наказаніе: „уволить отъ службы съ мундиромъ и пенсіономъ“.

Рекрутская партія, которую велъ Московскаго гарнизоннаго батальона прапорщикъ Доссе, была найдена въ сильной степени изнуренною. 6 іюня 1838 г. дѣло о немъ было конфирмовано резолюціей: „какъ ненадежнаго отставить отъ службы“.

Учителя Костромскаго батальона Ивановъ и Петровъ и писецъ Бартеневъ были признаны виновными въ томъ, что не отозвались на окрикъ часоваго и угрожали ему побоями. Резолюціей 21 октября 1850 г. государь утвердилъ приговоръ о нихъ и написалъ: „какъ по дѣлу видно, что часовой занималъ постъ въ фуражкѣ, тогда какъ всякій часовой быть долженъ въ полной формѣ, по уставу предписанной, то за таковой безпорядокъ командира Костромскаго батальона арестовать на трое сутокъ на гауптвахтѣ, а корпусному командиру принять мѣры, чтобы подобнаго нигдѣ не было“.

Поручикъ Навагинскаго пѣхотнаго полка Пасынковъ, бывшій дежурнымъ по Новотроицкому укрѣпленію, оскорбилъ того же полка подпоручика Сверчевскаго; но затѣмъ офицеры помирились и подали соотвѣтствующій рапортъ. Генералъ-маіоръ Оперманъ ограничился наложеніемъ легкаго наказанія на Сверчевскаго—нарядомъ его не въ очередь на дежурство. Военный судъ призналъ фактъ примиренія, но генералъ-аудиторіатъ, считая Пасынкова старшимъ по отношенію къ Сверчевскому, полагалъ написать послѣдняго, какъ нарушившаго дисциплину, въ рядовые, объявивъ при томъ выговоръ суду за признаніе этой „ссоры“ личною обидою. 19 августа 1843 г. заключеніе генералъ-аудиторіата было высочайше утверждено: „быть по сему, а генералъ-маіору Оперману сдѣлать выговоръ за неумѣстныя распоряженія“. Юнкера драгунскаго принца Александра Нидерландскаго полка были преданы суду за дерзость противъ начальства; по суду оказалось, что штабсъ-капитанъ Сергѣевъ, услышавъ слова прапорщика Воскобойникова „къ обидѣ“ юнкера Штерича, не принялъ мѣръ „къ удовлетворенію“ этой обиды и не донесъ о семъ начальству, но далъ „незаконный“ совѣтъ Штеричу — пригласить товарищей и вмѣстѣ съ ними идти къ Воскобойникову съ требованіемъ извиненія. 6 ноября 1842 г. послѣдовала высочайшая конфирмація: „штабсъ-капитана Сергѣева, нарушившаго строгость порядка

подчиненности и возбудившаго все дѣло чрезъ свое противозаконное распоряженіе, отдать подъ судъ".

Поручикъ гусарскаго принца Фридриха Гессенъ-Кассельскаго полка Веселовскій и корнетъ Клястицкаго гусарскаго полка Поляковъ подрались; было конфирмовано 30 іюня 1850 г. высочайшею резолюціею: „отставить отъ службы за неприличное офицерскому званію поведеніе, предоставляя, буде пожелаютъ, начать службу рядовыми". Офицеръ не можетъ быть присвоителемъ чужой собственности. Судъ, разсмотрѣвъ дѣло о простой кражѣ, учиненной подпоручикомъ образцоваго пѣхотнаго полка Андреяновымъ, полагалъ отъ наказанія его освободить за силою высочайшаго манифеста; но генералъ-аудиторіатъ считалъ, что „офицеръ, учинившій столь постыдные поступки, не можетъ быть терпимъ въ службѣ", а потому далъ заключеніе объ отставленіи его отъ службы, съ отдачею подъ полицейскій надзоръ. Высочайшая резолюція отъ 29 мая 1841 г. гласила: „быть по сему, но запретить жительство въ столицахъ". За буйство, произведенное въ нетрезвомъ видѣ, былъ преданъ суду поручикъ Оренбургскаго уланскаго полка Пищальниковъ. Генералъ-аудиторіатъ, принявъ во вниманіе отличную аттестацію Пищальникова, приговорилъ его къ двухмѣсячному содержанію на гауптвахтѣ и переводу въ отдѣльный кавказскій корпусъ. 18 іюня 1842 г. послѣдовала резолюція: „отставить за нетрезвое состояніе".

Житомірскій комендантъ маіоръ Шарамовичъ былъ признанъ виновнымъ въ упускѣ политическаго арестанта Олизара. 3 мая 1835 г. послѣдовала высочайшая резолюція: „маіора Шарамовича за явное пренебреженіе предписаній начальства и совершенное нерадѣніе къ своей должности разжаловать въ рядовые до выслуги".

С.-Петербургскій маіоръ отъ воротъ капитанъ Богдановъ былъ обвиненъ въ оказаніи посредства при перепискѣ содержавшихся въ крѣпости государственныхъ преступниковъ. Генералъ-аудиторіатъ полагалъ сослать Богданова въ Сибирь, въ каторжныя работы. Дѣло было конфирмовано 12 сентября 1828 г. резолюціей: „вмѣсто каторги сослать въ крѣпостные арестанты въ Бобруйскъ".

Точно также попадаются нерѣдко дѣла о неисправномъ несеніи гарнизонной службы. Бородинскаго егерскаго полка прапорщикъ Бардинскій, стоя на караулѣ у Спасскихъ воротъ, злоупотреблялъ спиртными напитками и ушелъ, наконецъ, вовсе съ своего поста. Генералъ-аудиторіатъ полагалъ разжаловать его въ рядовые. Высочайшая конфирмація 14 декабря 1838 г. излагала: „Генералъ-аудиторіатъ положилъ рѣшеніе вовсе не согласное съ законами и пренебреженіемъ

степени виновности подсудимаго, разрушающее порядокъ службы и потому прапорщика Бардинскаго, лишивъ дворянства, разжаловать въ рядовые и отдать въ арестантскія роты до исправленія".

Время императора Николая I было временемъ дуелей. За дуэль обыкновенно не превышало разжалованіе въ рядовые.

Между отставнымъ поручикомъ Навагинскаго полка Остенъ-Сакеномъ и маршъ-коммиссаромъ Добленскаго гауптманскаго суда Клейстомъ произошла дуэль; Клейстъ былъ убитъ, а Сакенъ скрылся за границу; 27 января 1844 г. послѣдовало повелѣніе: „бѣжавшаго за границу Сакена судить, при поимкѣ, какъ бѣглаго и какъ убійцу". Вскорѣ Сакенъ былъ пойманъ и сужденъ; послѣдовало вторичное повелѣніе отъ 19 декабря 1844 г.: „не лишая дворянства, снявъ крестъ, въ рядовые на Кавказъ до выслуги, противъ непріятеля".

Изъ-за пустаго разговора во время обѣда произошла дуэль между штабсъ-ротмистрами л.-гв. гусарскаго полка князьями Яшвилемъ и Долгорукимъ. Произошла дуэль безъ свидѣтелей, князь Долгоруковъ былъ убитъ, а князь Яшвиль преданъ суду. На дѣло была положена 2 іюля 1842 г. Высочайшая резолюція: „въ рядовые до отличной противъ непріятеля выслуги; полковнику Герздорфу, какъ отличному и всѣми уважаемому офицеру должно было не пренебрегать происшедшимъ за обѣдомъ, призвать къ себѣ обоихъ ссорившихся офицеровъ и требовать по званію своему немедленнаго примиренія, тѣмъ болѣе, что все дѣло было столь ничтожно, что болѣе походило на ребячьи шалости, чѣмъ на поступки благородныхъ офицеровъ, когда же присутствуютъ при этомъ старшіе офицера, ихъ долгъ—неприличій не терпѣть и на людяхъ прекращать, предвидя послѣдствія".

Дуэль Лермонтова съ барономъ де Барантомъ была конфирмована 13 апрѣля 1840 г.: „поручика Лермонтова перевесть въ Тенгинскій пѣхотный полкъ тѣмъ же чиномъ, отставнаго поручика Столыпина и г. Браницкаго освободить отъ надлежащей отвѣтственности, объявивъ первому, что въ его званіи и лѣтахъ полезно служить, а не быть празднымъ". Лермонтовъ въ то время служилъ въ л.-гв. гусарскомъ полку.

Дуэль прапорщика л.-гв. конно-гренадерскаго полка Залѣскаго была конфирмована 11 января 1834 г. „единственно во уваженіе прежней отличной службы продержать годъ въ казематѣ, переведя тѣмъ же чиномъ въ Нижегородскій драгунскій полкъ".

Дуэль прапорщика л.-гв. Преображенскаго полка Веревкина была конфирмована 1 февраля 1834 г.: „прапорщика Веревкина, продер-

жавъ мѣсяцъ на гауптвахтѣ, возвратить на службу". Веревкинъ за дуэль былъ до суда отставленъ отъ службы.

Штабсъ-ротмистръ Богаевскій, бывшій поручикъ гусарскаго Герцога Максимиліана Лейхтенбергскаго полка, вызвалъ на дуэль князя Гагарина; согласно заключенію генералъ - аудиторіата, Богаевскій подлежалъ двухмѣсячному аресту.

Побѣги были также довольно частымъ явленіемъ.

Особенно типичнымъ является въ этомъ отношеніи дѣло о рядовомъ л.-гв. драгунскаго полка Кузнецовѣ. Въ 1814 г. онъ бѣжалъ изъ рядовъ русской арміи и остался въ предѣлахъ Франціи, возвратившись въ Россію лишь въ 1828 г. Добровольная явка послужила поводомъ почти къ полному помилованію Кузнецова; 20 октября 1829 г. послѣдовало высочайшее повелѣніе объ опредѣленіи Кузнецова въ 1-ую уланскую дивизію, „безъ наказанія", но съ лишеніемъ знака отличія военнаго ордена.

Послѣ турецкой войны было дѣло о бѣгломъ рядовомъ Камчатскаго пѣхотнаго полка Краснодемскомъ. Онъ остался въ Турціи при выступленіи полка въ Россію. Судъ приговорилъ его къ смертной казни. Командиръ полка полагалъ исключить его изъ воинскаго званія и отдать подъ надзоръ отца; бригадный командиръ считалъ необходимымъ заключить его въ крѣпость на два года; дивизіонный командиръ признавалъ возможнымъ оставить его на службѣ, лишивъ лишь дворянскаго достоинства и переведя въ другой полкъ; корпусный командиръ соглашался съ мнѣніемъ бригаднаго командира. Генералъ-аудиторъ далъ заключеніе о переводѣ въ полки, расположенные въ Россіи. 4 сентября 1830 г. послѣдовала высочайшая конфирмація, строгая, сравнительно съ мнѣніями начальствующихъ лицъ: „отдать на пять лѣтъ въ крѣпостные арестанты въ Бобруйскъ".

Послѣ венгерской кампаніи было дѣло о бѣгломъ прапорщикѣ Люблинскаго егерскаго полка Васильевѣ, который, по взятіи въ плѣнъ венграми, изъявилъ желаніе поступить на венгерскую службу и обращался къ „мятежническому правительству" съ просьбою о выдачѣ ему содержанія. 7 декабря 1851 г. высочайшая конфирмація гласила: „лишивъ чиновъ и дворянства, исполнить надъ симъ весь обрядъ смертной казни по полевому уголовному уложенію до разстрѣлянія, вмѣсто котораго отправить на 20 лѣтъ въ Сибирь на каторжную работу".

Польскій мятежъ принесъ значительное число дѣлъ о побѣгѣ.

За добровольное вступленіе въ ряды польскихъ войскъ въ 1830 г., отступленіе отъ православной вѣры и принятіе чужой фамиліи былъ

преданъ суду отставной подполковникъ Курдиновскій. Онъ былъ приговоренъ къ каторгѣ, но резолюціей 6 іюня 1847 г. она была замѣнена арестантскими ротами: „быть по сему, но за добровольное признаніе въ арестантскія роты вмѣсто каторги". Добровольное признаніе заключалось въ открытіи своего настоящаго званія по взятіи въ плѣнъ русскими.

Унтеръ-офицеръ л.-гв. Гродненскаго гусарскаго полка Каминскій былъ преданъ суду за „нарушеніе вѣрноподданнической присяги служеніемъ въ рядахъ бывшихъ польскихъ мятежниковъ". Краткія свѣдѣнія о немъ не лишены интереса: онъ вступилъ въ службу рядовымъ въ Волынскій уланскій полкъ, въ 1820 г. уволенъ въ отставку, въ 1822 г. снова принятъ на службу, а въ 1824 г. переведенъ въ Гродненскій гусарскій полкъ; онъ участвовалъ въ кампаніяхъ 1812—1814 гг., за каковыя награжденъ знакомъ отличія военнаго ордена и медалью за взятіе Парижа; слѣдовательно, служилъ Каминскій довольно продолжительно. Судъ приговорилъ его повѣсить и держать арестованнымъ и закованнымъ въ ножныя желѣза; командиръ полка полагалъ прогнать его два раза черезъ тысячу человѣкъ и сослать въ Сибирь, содержа его, какъ георгіевскаго кавалера, нескованнымъ; начальникъ дивизіи считалъ возможнымъ прогнать его три раза чрезъ пятьсотъ человѣкъ. Генералъ-аудиторіатъ заключалъ о ссылкѣ его въ Сибирь. 25 октября 1834 г. послѣдовала высочайшая резолюція: „рядовымъ въ дальніе гарнизоны въ Оренбургскій корпусъ".

Юнкеръ гвардейскаго уланскаго полка Якубовскій перешелъ въ мятежныя войска въ 1830 г.; въ апрѣлѣ мѣсяцѣ 1831 г. онъ былъ взятъ въ плѣнъ и назвался дворяниномъ Якубинскимъ изъ Галиціи. Сперва онъ былъ направленъ въ Динабургскую арестантскую роту, а въ февралѣ 1832 г. переведенъ на Кавказъ, гдѣ онъ отличился, произведенъ въ унтеръ-офицеры, прапорщики, подпоручики, поручики, штабсъ-ротмистры и получилъ знакъ отличія военнаго ордена и Анны 3 ст.; генералъ-аудиторіатъ далъ заключеніе о ссылкѣ Якубовскаго въ каторжныя работы, но полагалъ возможнымъ его помиловать. 27 января 1849 г. высочайше повелѣно: „лишить знаковъ отличія, употребить по-прежнему на службу".

Военному же суду предавались поляки—невоенные, за участіе въ возстаніи. Судьба ихъ, впрочемъ, была счастливой: конфирмаціи доказываютъ, что императоръ Николай I понималъ въ нихъ чувство къ родинѣ, быть можетъ и ложно понятое, и не желалъ быть ни мстительнымъ, ни злопамятнымъ. Резолюція 8 апрѣля 1841 г. по дѣлу о помѣщикѣ Виленской губерніи Гавріилѣ Огинскомъ гласила: „простить, не возвращая конфискованнаго имѣнія и назначивъ пре-

бываніе во внутреннихъ губерніяхъ, кромѣ столицъ", а резолюція 30 января 1836 г. по дѣлу о помѣщикѣ Волынской губерніи Михаилѣ Чацкомъ носила почти тотъ же характеръ: „простить, имѣнія не возвращать и оставить подъ строгимъ надзоромъ".

Любопытную страницу уголовной старины составляетъ вопросъ о „доносахъ". Любопытно выяснить, въ какой мѣрѣ доносъ почитался закономѣрнымъ явленіемъ и когда онъ влекъ уголовную кару.

Недонесеніе о чемъ-либо, умалчиваніе составляетъ, конечно, наказуемый проступокъ.

Гренадерскаго наслѣднаго принца прусскаго полка штабсъ-капитанъ Эренкрейцъ скрылъ преступленіе нижнихъ чиновъ своей роты, совершившихъ воровство. Хотя онъ и оправдывался желаніемъ сохранить честь своей роты, тѣмъ не менѣе 24 января 1835 г. состоялась обвинительная высочайшая резолюція: „штабсъ-капитана Эренкрейца арестовать на три мѣсяца, съ содержаніемъ на гауптвахтѣ, а потомъ выписать въ армейскіе полки".

Отставной генералъ-маіоръ Патковскій, будучи командиромъ Симбирскаго егерскаго полка, скрылъ, что изъ полка бѣжало 33 человѣка. Генералъ-аудиторіатъ заключалъ о разжалованіи Патковскаго въ рядовые. Вмѣстѣ съ тѣмъ генералъ-аудиторіатъ довелъ до высочайшаго свѣдѣнія о наличности нѣкоторыхъ обстоятельствъ, уменьшающихъ вину Патковскаго—прежней безпорочной службы, долговременнаго содержанія подъ арестомъ, совершенія преступленія не изъ корыстныхъ видовъ и просилъ о вмѣненіи ему ареста и суда въ наказаніе. Государь, резолюціею 20 апрѣля 1844 г. согласился съ ходатайствомъ генералъ-аудиторіата, но съ оговоркой: „быть по сему, но мундира не возвращать".

Казакъ Басанецъ уговорилъ служащихъ въ Черниговскомъ земскомъ судѣ Глѣбова и Перфильева написать доносъ на Ященко, рядоваго Черниговскаго гарнизоннаго батальона, о томъ, что онъ будто бы объявлялъ, будучи въ нетрезвомъ видѣ, о своемъ нежеланіи служить государю. 2 января 1827 г. было высочайше повелѣно: „Ященко и прочихъ простить и написать князю Репнину, чтобы объявить Глѣбову и Верзилову не заниматься впредь подобными дѣлами, а въ противномъ случаѣ будетъ поступлено съ ними по всей строгости законовъ, что и исполнить въ случаѣ неисполненія". Слѣдовательно, доносъ окончился весьма благополучно для дѣйствующихъ лицъ.

Нѣсколько лицъ подало доносъ на камергера гр. Огинскаго. Доносъ оказался несоотвѣтствующимъ истинѣ, и нѣкоторыхъ изъ доносчиковъ постигла тяжелая кара; такъ, крестьянина Іоциса и евреевъ

Закса и Петлянскаго присудили, „какъ вполнѣ изобличенныхъ въ подачѣ ложныхъ доносовъ на гр. Огинскаго по личной на него злобѣ, освободивъ отъ заслуженнаго ими тѣлеснаго наказанія за всемилостивѣйшимъ манифестомъ, лишить всѣхъ правъ состоянія и сослать, какъ людей безпокойныхъ, склонныхъ къ ябедамъ и вредныхъ для общества, въ Сибирь на поселеніе". 26 сентября 1843 г. повелѣно: „никого изъ лицъ сихъ впредь ни къ какимъ дѣламъ не допускать".

Генералъ-маіоръ Моллеръ 3 октября 1826 г. подалъ на высочайшее имя заявленіе о томъ, что департаментъ податей и сборовъ неизвѣстно по какимъ причинамъ уменьшилъ государственный доходъ болѣе, чѣмъ на 250 тысячъ рублей, что при управленіи имъ двумя губерніями онъ довелъ доходъ въ четыре года почти до 7 милліоновъ рублей, каковая цифра впослѣдствіи упала, и что, наконецъ, казна въ Черномъ морѣ „имѣетъ важный ущербъ и недоимку въ выдачахъ большихъ суммъ денегъ и въ корабельныхъ матеріалахъ". Государь на прошеніе положилъ резолюцію: „прежде всего объявить просителю, что, если все, что показываетъ, справедливо, то будетъ удовлетворенъ, но что, если окажется ложь, то будетъ преданъ строгости законовъ, какъ фальшивый доносчикъ; хочетъ ли на сіе рѣшиться?" Моллеръ рѣшился, и началось дѣло, закончившееся конфирмаціею отъ 13 іюня 1830 г.: „хотя и подлежалъ наказанію по всей строгости законовъ, какъ ложный доносчикъ, посадить на три мѣсяца въ крѣпость, а потомъ выслать изъ столицы въ Олонецъ, съ воспрещеніемъ оттуда отлучаться".

Доносъ принимался къ свѣдѣнію, въ случаѣ признанія его справедливымъ. Бухгалтеръ Черноморскаго департамента Яцынъ доносилъ о неправильныхъ дѣйствіяхъ адмирала Грейга. Генералъ-аудиторіатъ полагалъ объ этомъ довести до высочайшаго свѣдѣнія. 8 іюля 1837 г. послѣдовала резолюція: „адмиралу Грейгу сообщить рѣшеніе генералъ-аудиторіата, предоставивъ представить свои оправданія".

Унтеръ-офицеръ С.-Петербургскаго внутренняго гарнизоннаго батальона Пироговъ способствовалъ къ открытію злоупотребленія по количеству истребованныхъ на рекрутъ денегъ и по представленію на ревизію фальшивыхъ книгъ. Генералъ-отъ-артиллеріи Капцевичъ высказалъ мнѣніе, что „во уваженіе того, что онъ открылъ злоупотребленіе, которое могло бы продолжаться на долгое время, и что чрезъ то открытіе казна получила въ возвратъ всѣ безъ изъятія перетребованныя деньги, избавить за сіе отъ наказанія". 13 февраля 1836 г. состоялась высочайшая конфирмація: „исполнить по мнѣнію г. Капцевича". Въ производствѣ этого дѣла обращаютъ вниманіе взгляды двухъ высшихъ начальствующихъ лицъ на доносы. Генералъ Капцевичъ выражался, что онъ, „какъ начальникъ, терпитъ доносы и они въ служ-

бѣ нужны"; доносъ же Пирогова онъ называлъ „полезнымъ". Генералъ-адъютантъ графъ Бенкендорфъ, не разъ въ теченіе разслѣдованій ходатайствовавшій за Пирогова, писалъ, что, въ случаѣ непримѣненія къ участи Пирогова самой широкой милости его, „примѣръ приведетъ въ опасеніе претерпѣть равную участь всякаго, кто желалъ бы обнаружить злоупотребленіе".

Обособленными представляются резолюціи объ иностранцахъ подсудимыхъ.

Здѣсь упомяну о резолюціи, положенной 18 марта 1837 г. на дѣло поручика Кавалергардскаго полка барона де-Геккерна, нанесшаго, какъ извѣстно, смертельную рану Пушкину на дуэли: „рядового Геккерна, какъ не русскаго подданнаго, выслать съ жандармомъ за границу, отобравъ офицерскіе патенты".

Другое дѣло—о поручикѣ лейбъ-кирасирскаго ея величества полка Сивинисѣ. Онъ былъ обвиненъ въ составленіи, изъ корыстныхъ видовъ, подложныхъ актовъ отъ имени грека Зоя Зосимы. 8 марта 1826 г. состоялась по его дѣлу высочайшая конфирмація: „на мѣсто ссылки въ рудники выслать за границу".

Слѣдовательно, иностранцы не отбывали положеннаго наказанія и изгонялись въ чужіе края изъ предѣловъ Россіи.

Императоръ Николай I былъ строгій и послѣдовательный приверженецъ чистоты семейной жизни. Устои этой жизни, въ томъ видѣ, какъ ихъ выработало предшествующее время, государь считалъ незыблемыми и желалъ ихъ всемѣрно укрѣплять.

За похищеніе изъ дома помѣщика Гранбицкаго его крѣпостной, отставной штабсъ-ротмистръ Ермолинскій получилъ, въ словахъ высочайшей по его дѣлу конфирмаціи отъ 24 октября 1838 г., званіе „развратнаго": „штабсъ-ротмистра Ермолинскаго считать отставленнымъ за развратное поведеніе".

Надѣлавшій много шума въ тогдашнемъ свѣтѣ увозъ корнетомъ л.-гв. гусарскаго полка княземъ Вяземскимъ изъ театральнаго училища дѣвицы Кохъ кончился для виновнаго резолюціей отъ 25 марта 1837 г.: „вмѣнивъ судъ въ наказаніе, перевесть въ армію тѣмъ же чиномъ".

За бракъ, не обставленный законными формальностями, налагалось то же наказаніе.

Флигель-адъютантъ штабсъ-капитанъ л.-гв. Преображенскаго полка баронъ Розенъ обвинялся въ томъ, что онъ испрашивалъ высочайшее

разрѣшеніе на вступленіе въ бракъ съ дочерью генералъ-лейтенанта Иловайскаго, зная о несогласіи на этотъ актъ ея отца; на судѣ этого обвиненія не подтвердилось; наоборотъ, отецъ невѣсты далъ ему, Розену, свое согласіе, но затѣмъ измѣнилъ свое рѣшеніе; Розенъ же былъ признанъ виновнымъ въ томъ, что, узнавъ о несогласіи отца, онъ все же женился на дочери. Генералъ-аудиторіатъ полагалъ назначить двухнедѣльный арестъ. 23 іюля 1832 г. послѣдовала высочайшая резолюція: „перевесть маіоромъ въ Апшеронскій пѣхотный полкъ".

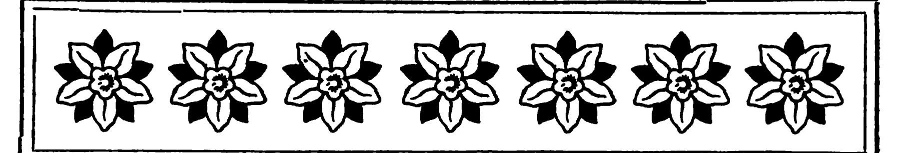
Штабсъ-ротмистръ кавалергардскаго полка графъ Ферзенъ тайно вступилъ въ бракъ съ графиней Ольгой Строгановой, увезя ее изъ родительскаго дома. 9 августа 1829 г. послѣдовала высочайшая резолюція по дѣлу Ферзена: „штабсъ-ротмистра графа Ферзена перевести въ Свеаборгскій гарнизонный батальонъ тѣмъ же чиномъ".

Въ связи съ мнѣніемъ о необходимости твердо поддерживать семейныя начала императоръ Николай I уважалъ теплое сыновнее чувство. Даже преступленія, совершенныя въ силу чрезвычайно развитаго сыновняго чувства, развитаго въ ущербъ пользы службы, не вмѣнялись въ вину. Такъ, рядовой 3-го учебнаго карабинернаго полка Бѣлозеровъ совершилъ побѣгъ съ цѣлью повидаться со своей тяжкобольной матерью; побѣгъ—преступленіе, а между тѣмъ дѣло Бѣлозерова было конфирмовано въ 1842 г. резолюціей: „простить".

Предыдущее изложеніе съ достаточною подробностью рисуетъ характеръ конфирмацій императора Николая I.

Членъ Спб. Археологическаго института **Михаилъ Соколовскій**.

Ревность Н. Н. Пушкиной.

12 сентября 1833 г. Пушкинъ писалъ женѣ о томъ, какъ провелъ время въ Казани, гдѣ былъ съ 5 до 8 сентября, и, между прочимъ, сообщилъ ей: „Я... попалъ на вечеръ къ одной blue stockings, сорокалѣтней, несносной бабѣ съ вощеными зубами и съ ногтями въ грязи. Она развернула тетрадь и прочла мнѣ стиховъ съ двѣсти какъ ни въ чемъ не бывало. Баратынскій написалъ ей стихи и съ удивительнымъ безстыдствомъ расхвалилъ ея красоту и геній. Я такъ и ждалъ, что принужденъ буду написать ей въ альбомъ, — но Богъ помиловалъ; однако, она взяла мой адресъ и стращаетъ меня перепиской и пріѣздомъ въ Петербургъ, съ чѣмъ тебя и поздравляю“. Эта „несносная баба“ была писательница А. А. Фуксъ, поклонница поэта, въ домѣ которой онъ встрѣтилъ сердечный и теплый пріемъ. 8 сентября, уѣзжая изъ Казани, Пушкинъ писалъ ей: „надѣюсь, что обѣщаніе ваше пріѣхать въ Петербургъ не есть одно любезное привѣтствіе“, и благодарилъ „за ласковый пріемъ путешественнику, которому долго памятно будетъ минутное пребываніе его въ Казани“. Сопоставляя эти два письма къ женѣ объ А. А. Фуксъ и къ самой Фуксъ, профессоръ Е. Бобровъ („А. А. Фуксъ и казанскіе литераторы 30—40 годовъ“, „Русск. Стар.“ 1904 г., іюнь, 496—497) находитъ, что Пушкинъ не только проявилъ „безотчетную страсть къ сарказму“, но „хотѣлъ подыграться въ тонъ своей супругѣ, которая, какъ столичная щеголиха, конечно, осмѣяла бы захолустную провинціалку“ и поэтому „вылилъ цѣлый ушатъ помоевъ“ на А. А. Фуксъ. Противъ Пушкина, такимъ образомъ, выдвигается тяжелое обвиненіе въ лицемѣріи. Несправедливость этого обвиненія рѣзко бросается въ глаза.

Александра Андреева Фуксъ была умна, образована и, судя по ея портрету, приложенному къ „Русской Старинѣ“ 1904 г., очень недурна наружностью, даже если портретъ и польстилъ ей. На „захолустную провинціалку“ она похожа очень мало, и, конечно, не ударила бы въ грязь лицомъ передъ Наталіей Николаевною Пушкиною,

если бы сдержала свое обѣщаніе и навѣстила домъ поэта. О ея свѣтскости и тактѣ всего краснорѣчивѣе говоритъ приведенное свидѣтельство самого Пушкина; какъ ни хотѣлось, по всей вѣроятности, Александрѣ Андреевнѣ имѣть въ своемъ альбомѣ собственноручныя строки Пушкина, посѣщеніе котораго взволновало и обрадовало ее, она, въ тотъ вѣкъ „альбомовъ модныхъ", не позволила себѣ обезпокоить царя поэзіи просьбой „написать что-нибудь въ альбомъ". Что же заставило Пушкина дать такой нелестный отзывъ объ этой умной, образованной и недурной собою женщинѣ?

Отвѣтить на это нетрудно, если вспомнить, кому Пушкинъ такъ незаслуженно-рѣзко отозвался о своей казанской поклонницѣ. Пушкинъ писалъ женѣ. Изъ дошедшихъ до насъ писемъ его къ ней можно заключить, что Наталья Николаевна, любила ли она или не любила мужа, ревновала Пушкина, хотя бы изъ одной женской гордости, и ему не разъ приходилось успокаивать ее и оправдываться. „Грѣхъ тебѣ меня подозрѣвать въ невѣрности къ тебѣ", писалъ онъ ей 30 сентября 1832 г. 24 августа 1833 г. Пушкинъ пишетъ ей изъ Павловскаго: „здѣсь я нашелъ большую перемѣну... уланы переведены, а барышни разъѣхались... Вельяшева, мною нѣкогда воспѣтая, живетъ здѣсь въ сосѣдствѣ, но я къ ней не поѣду, зная, что тебѣ было бы это не по сердцу; здѣсь объѣдаюсь я вареньемъ и проигралъ три рубля въ двадцать четыре роббера въ вистъ. Ты видишь, что во всѣхъ отношеніяхъ я здѣсь безопасенъ... Я веду себя хорошо, и тебѣ не за что на меня дуться". Въ письмѣ 2 сентября 1833 г. изъ Нижняго-Новгорода Пушкинъ сообщаетъ женѣ: „важное признаніе" о своемъ ухаживаніи за безобразной городничихой и прибавляетъ: „уфъ, кончилъ! отпусти и помилуй". Въ письмѣ 19 сентября 1833 г. изъ Оренбурга Пушкинъ полушутливо успокаиваетъ свою ревнивую жену: „какъ я хорошо веду себя! какъ ты была бы мною довольна! За барышнями не ухаживаю, смотрительшей не щиплю, съ калмычками не кокетничаю—и на-дняхъ отказался отъ башкирки, несмотря на любопытство, свойственное путешественнику. Знаешь ли ты, что есть пословица: „на чужой сторонѣ и старушка Божій даръ. То-то, женка. Бери съ меня примѣръ".—„Смотри, женка"—пишетъ ей поэтъ 2 октября того же года изъ Болдина: „того и гляди, избалуешься безъ меня, забудешь меня — искокетничаешься. Одна надежда на Бога да на тетку Авось, сохранятъ тебя отъ искушеній разсѣянности. Честь имѣю донести тебѣ, что съ моей стороны я передъ тобою чистъ, какъ новорожденный младенецъ. Дорогою волочился я за однѣми 70-и 80-лѣтними старушками. А на молоденькихъ зас...хъ шестидесятилѣтнихъ и не глядѣлъ". 17 апрѣля 1834 г. Пушкинъ писалъ изъ Петербурга женѣ, уѣхавшей съ дѣтьми

въ деревню къ роднымъ, что холостая компанія, встрѣтивъ его въ ресторанѣ Дюше, звала съ собой къ Софьѣ Астафьевнѣ (очевидно, къ „погибшимъ, но милымъ созданіямъ“): „все это меня смутило, такъ что я къ Дюше являться ужъ болѣе не намѣренъ“; 28 апрѣля онъ пишетъ о своемъ времяпрепровожденіи: „Святую недѣлю провелъ я чинно дома, былъ всего вчерась (въ пятницу) у Карамзиной, да у Смирновой. На качеляхъ не являлся; завтра будетъ балъ, на который также не явлюсь“. 13 мая Пушкинъ успокаиваетъ жену: „письмо твое очень мило, а опасенія на счетъ истинныхъ причинъ моей дружбы къ Софьѣ Карамзиной очень пріятны для моего самолюбія... Волочиться я ни за кѣмъ не волочусь“.—„Обѣдаю у Дюше часа въ 2, чтобы не встрѣтиться съ холостою шайкою“—пишетъ онъ въ концѣ мая. Въ томъ же письмѣ онъ сообщаетъ ей: „Лѣтній садъ полонъ; всѣ гуляютъ“, а 11 іюня уже долженъ оправдываться: „нашла за что браниться! за Лѣтній садъ... Да вѣдь Лѣтній садъ мой огородъ. Я, вставши отъ сна, иду туда въ халатѣ и туфляхъ. Послѣ обѣда сплю въ немъ, читаю и пишу. Я въ немъ дома“. Досталось Пушкину за то, что онъ проводилъ часы въ Лѣтнемъ саду въ обществѣ какой-то Hérminie; кто она, осталось неизвѣстнымъ (вѣроятно, одна изъ свѣтскихъ знакомыхъ поэта); о ней Надежда Осиповна Пушкина, мать Александра Сергѣевича, упоминаетъ дважды въ письмахъ къ своей дочери Ольгѣ Сергѣевнѣ Павлищевой („Воспоминанія объ А. С. Пушкинѣ“ Л. Павлищева, Москва, 1890 г., стр. 218, 352). 21 іюня Пушкинъ опять оправдывается противъ новаго обвиненія въ ухаживаніи за дамами: „когда я представлялся в. кн., дежурная была не С., а моя прицыпленая кузинка Бичерина, до которой я не охотникъ; да хотя бы и С. была въ караулѣ, такъ ужъ если влюбляться... Ты меня ловишь во лжи, доказывая, что я видѣлъ и того, и другаго, слѣдственно, въ свѣтѣ бываю; это ничего не доказываетъ“. 30 іюня Пушкинъ опять защищается: „твоя Шишкова ошибается; я за ея дочкой Полиной не волочился, потому что не видывалъ“. 11 іюля Пушкинъ снова успокаиваетъ Наталью Николаевну: „ты сердишься на меня за С. Съ С. я не кокетничаю, потому что и вовсе не вижу“. Пушкина не было въ Петербургѣ въ сентябрѣ 1835 г. (7 сентября онъ уѣхалъ въ Михайловское), когда А. П. Кернъ прислала ему записку; Наталья Николаевна переслала ему записку въ деревню, вѣроятно, не распечатавъ ее, и Пушкинъ 29 сентября сообщаетъ женѣ содержаніе записки Кернъ: „дура вздумала переводить Занда и проситъ, чтобъ я сосводничалъ ее со Смирдинымъ. Чортъ побери ихъ обоихъ! Я поручилъ Аннѣ Николаевнѣ [1])

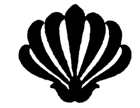
[1]) Вульфъ.

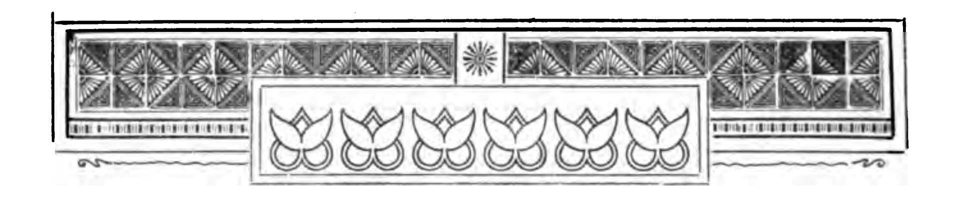
отвѣтить ей за меня, что, если переводъ ея будетъ такъ же вѣренъ, какъ она сама вѣрный списокъ съ m-me Зандъ, то успѣхъ ея несомнителенъ, а что со Смирдинымъ дѣла я никакого не имѣю". Тонъ этого отзыва объ А. П. Кернъ, этомъ „геніи чистой красоты", этомъ „мимолетномъ видѣніи", на которомъ остановилось когда-то вдохновеніе поэта, совершенно тотъ же, въ которомъ написано письмо объ А. А. Фуксъ, навлекшее на Пушкина тяжелое обвиненіе со стороны проф. Е. Боброва. 2 октября, получивъ отъ Натальи Николаевны новый нагоняй, Пушкинъ пишетъ ей: „жду отъ тебя писемъ порядочныхъ, гдѣ бы я слышалъ тебя и твой голосъ, а не брань, вовсе мною не заслуженную, ибо я веду себя какъ красная дѣвица". 14 мая 1836 г. онъ опять успокаиваетъ Наталью Николаевну: „сижу дома—вижу только мужескъ полъ".

Всѣ эти выписки выразительно рисуютъ подозрительность и ревность Натальи Николаевны. Намъ неизвѣстны ея письма къ мужу, но и приведенныхъ отвѣтовъ Пушкина достаточно, чтобы можно было увидѣть, какъ тяжело приходилось поэту отъ ревности жены. А. О. Смирнова („Записки" ч. I, Спб., 1895, стр. 340) разсказываетъ о ревности Пушкиной: „однажды, возвратясь съ бала, на которомъ она вообразила, что мужъ ея ухаживаетъ за m-me Крюднеръ (что было совершенно несправедливо), m-me Пушкина дала ему пощечину, о чемъ онъ, смѣясь, разсказывалъ Вяземскому, говоря, „что у его мадонны рука тяжеленька". „Многіе стараются возбудить ея ревность" — говоритъ Смирнова (l. c.),—„а у нея такъ мало проницательности, что она вѣритъ всему, что ей разсказываютъ". Не желая огорчать любимую женщину и вносить ссору въ свой домъ. Пушкинъ старательно избѣгалъ всего, что могло подать Натальѣ Николаевнѣ хоть самый отдаленный поводъ къ подозрѣніямъ и упрекамъ въ невѣрности. Для этого, онъ иногда пускался на хитрости. Получивъ записку отъ Кернъ, Пушкинъ, чтобы успокоить жену и показать ей, что его нисколько не интересуетъ Анна Петровна, бранитъ ее и „сулитъ чорта" женщинѣ, къ которой когда-то былъ неравнодушенъ, и которая обратилась къ нему, какъ къ другу, за простой услугою. То же самое и съ А. А. Фуксъ. Пушкинъ зналъ, что появленіе въ его домѣ умной и пріятной женщины, да еще его поклонницы, не пройдетъ ему даромъ со стороны Натальи Николаевны, и онъ, какъ говорится, „забѣжалъ впередъ" и въ предвидѣніи пріѣзда Фуксъ въ Петербургъ разругалъ въ письмѣ къ женѣ свою казанскую почитательницу, надѣясь, что послѣ такого отзыва о ней жена ревновать его не станетъ, и домашній миръ не будетъ нарушенъ. Это была вынужденная и довольно невинная хитрость. Пушкинъ писалъ эти строки не для себя и потомства, а для жены

и судить по нимъ объ его истинныхъ отношеніяхъ къ людямъ особенно къ женщинамъ, не слѣдуетъ. Самъ же г. Бобровъ признаетъ, что Пушкинъ „хотѣлъ подыграться въ тонъ своей супругѣ“. При чемъ же тутъ „безотчетная страсть къ сарказму“ и „ушатъ помоевъ“. У Пушкина, дѣйствительно, можно найти не одно проявленіе „страсти къ сарказму“, но взятый г. Бобровымъ примѣръ неудаченъ.

Н. Лернеръ.

Историческіе и бытовые очерки западной старины.

Походъ Гарибальди на Римъ, Ментана [1]).

I.

Самоотверженный и безкорыстный борецъ за единство и свободу родины, ярый ненавистникъ папы и католическаго духовенства, Гарибальди замышлялъ въ 1867 г. походъ на Римъ. Призывая къ нему своихъ приверженцевъ, онъ произносилъ пламенныя рѣчи о необходимости „уничтожить папскую лавочку, истребить эту желтую лихорадку, раздавить это гнѣздо ехиднъ, задушить это ненавистное племя, болѣе зловредное и опасное, нежели холера-морбусъ“.

Народъ, какъ всегда, сбѣгался взглянуть на него, полюбоваться его красной рубашкой, его великолѣпной бородой, послушать его могучій, звонкій и вмѣстѣ съ тѣмъ пѣвучій голосъ; женщины млѣли отъ восторга, мужчины кричали: „Эвива!“ но по окончаніи смотра, производимаго гарибальдійцамъ, всѣ спокойно расходились по домамъ и, несмотря на призывъ героя, деньги не сыпались, какъ прежде, въ революціонную казну.

Министръ Раттацци, не считая себя въ правѣ запретить итальянскому гражданину высказывать свои намѣренія, не мѣшалъ ему произносить горячія рѣчи, но предупредилъ Гарибальди, что перейти отъ слова къ дѣлу онъ ему не позволитъ.

По желанію Раттацци, военный министръ Ревель приказалъ командующему войсками Неаполитанскаго и Флорентинскаго округовъ воспрепятствовать qualumque costo (во что бы то ни стало) враждебнымъ дѣйствіямъ, направленнымъ противъ папской территоріи, въ виду того, что итальянское правительство рѣшило строго соблюдать конвенцію, заключенную съ Наполеономъ III въ сентябрѣ 1864 г., въ силу которой оно обязалось не нападать на папскую территорію

[1]) Mentana. Emile Olivier. Le correspondant, 10 juin 1905 г.

и защищать ее съ оружіемъ въ рукахъ отъ посторонняго посягательства.

Командующему войсками предписывалось, между прочимъ, не довѣрять ложнымъ слухамъ, распускаемыхъ революціонерами о томъ, будто правительство, преслѣдуя ихъ открыто, въ тайнѣ поощряетъ ихъ дѣйствія.

Такимъ образомъ, доступъ въ Римъ, казалось, былъ совершенно закрытъ волонтерамъ.

Гарибальди понималъ, что его революціонныя разглагольствованія могли показаться въ концѣ концовъ смѣшными и что ему слѣдовало какъ можно скорѣй перейти отъ словъ къ дѣлу. Несмотря на вѣру въ свою непобѣдимость, которая выражалась, строго говоря, въ томъ, что онъ терпѣлъ пораженіе всякій разъ, когда ему приходилось столкнуться съ болѣе серьезнымъ противникомъ, онъ опасался французовъ, которые въ силу сентябрьской конвенціи, имѣли право вмѣшаться въ дѣло, если бы Риму угрожала опасность.

Вспомнивъ, какъ сочувственно относился къ нему всегда Узедомъ, и зная о тайныхъ проискахъ второстепенныхъ прусскихъ агентовъ, искавшихъ сближенія съ его приверженцами, Гарибальди рѣшилъ обратиться за содѣйствіемъ къ Бисмарку.

Не рискуя послать къ нему своего друга Паллавичино, который былъ всюду извѣстенъ, Гарибальди послалъ въ Берлинъ одного венгерца, подполковника Фригзи, давъ ему рекомендательное письмо къ Бисмарку, написанное на французскомъ языкѣ. Фригзи было поручено просить Бисмарка о нравственной поддержкѣ и о болѣе существенной помощи деньгами и оружіемъ, взамѣнъ чего Гарибальди ручался, что Италія никогда не будетъ сражаться вмѣстѣ съ Франціей противъ Пруссіи.

10 ноября 1867 г., Бисмаркъ передалъ Бенедетти, что „Гарибальди, рѣшивъ напасть на папскія владѣнія, писалъ ему, прося о нравственной и матеріальной поддержкѣ со стороны Пруссіи, и что письмо Гарибальди было передано ему довѣреннымъ лицомъ генерала, посланнымъ съ этой цѣлью въ Берлинъ.

„Подозрѣвая въ этомъ интригу со стороны Австріи и зная, какъ легко поддѣлать почеркъ Гарибальди, я соблюдалъ въ разговорѣ съ его посланнымъ крайнюю осторожность“, говорилъ Бисмаркъ, „и просилъ его, чтобы при нашемъ свиданіи присутствовалъ повѣренный въ дѣлахъ Италіи. Когда же онъ на это не согласился, то, не зная, съ какого рода агентомъ я имѣю дѣло, я сказалъ ему, что я не располагаю никакими суммами, въ коихъ я бы не былъ обязанъ дать отчета, что я не имѣю права взять изъ арсенала самое незначительное число оружія и что, по моему мнѣнію, Франція не допу-

ститъ, чтобы папское правительство было ниспровергнуто толпою волонтеровъ; подобнаго рода предпріятіе не имѣетъ, какъ мнѣ кажется, ни малѣйшаго шанса на успѣхъ".

Въ то же время Бисмаркъ писалъ своему тайному агенту во Флоренціи, Бернгарди, что онъ не имѣлъ возможности удостовѣриться въ подлинности письма и узнать, точно ли явившееся къ нему лицо было приближеннымъ къ Гарибальди, какъ оно утверждало, и дѣйствительно ли на него было возложено порученіе, о коемъ онъ говорилъ, полагая, что это могло быть ловушкою со стороны Франціи или Австріи, устроенной съ цѣлью скомпрометтировать Пруссію въ глазахъ итальянскаго правительства, а я имѣлъ основаніе опасаться этого, писалъ Бисмаркъ, такъ какъ газеты, инспирированныя Франціей, какъ, напр., „Италія", намекаютъ на то, что Пруссія поощряетъ планы Гарибальди и революціонной партіи, я ограничился выраженіемъ своего сочувствія къ стремленіямъ итальянцевъ, и заявилъ полковнику, что я не имѣлъ до сихъ поръ никакого повода сомнѣваться въ искреннемъ и добромъ расположеніи итальянскаго правительства по отношенію къ Пруссіи или предполагать, что между ними былъ заключенъ договоръ. Я обратилъ также его вниманіе на то, что революціонной партіи было бы опасно приступить къ рѣшительнымъ дѣйствіямъ, не бывъ увѣренной въ томъ, что она встрѣтитъ одобреніе со стороны итальянскаго правительства. Мнѣ было бы пріятно, продолжалъ Бисмаркъ, если бы вамъ удалось разузнать чрезъ вашихъ знакомыхъ, не возбуждая этимъ особеннаго вниманія, дѣйствительно ли Фригзи близокъ къ Гарибальди и могъ ли генералъ возложить на него подобнаго рода порученіе. Если бы вы могли, не компрометтируя себя, войти въ непосредственныя сношенія съ Гарибальди, или съ близкими къ нему вліятельными лицами, то я желалъ бы, чтобы вы передали имъ устно, что, совершенно не зная, кто такое полковникъ Фригзи, назвавшійся его уполномоченнымъ, я долженъ былъ дѣйствовать крайне осторожно".

Въ то время, когда эта инструкція была получена Бернгарди, Гарибальди находился во Флоренціи на конгрессѣ мира.

Бернгарди тотчасъ навелъ справки у Паллавичино, который подтвердилъ полномочія, данныя полковнику Фригзи, и вмѣстѣ съ тѣмъ обѣщалъ прусскому агенту устроить секретное свиданіе со своимъ другомъ. Дѣйствительно, по возвращеніи изъ Флоренціи, 21 сентября, Гарибальди явился на свиданіе съ Бернгарди, въ полночь, въ уединенный домъ, находившійся близъ Porta Romana, совершивъ предварительно прогулку на противоположный конецъ города, чтобы сбить съ толку соглядатаевъ, если бы таковые оказались.

Бернгарди, со своей стороны, пришелъ поздно вечеромъ къ лѣст-

ницѣ, ведущей во дворецъ Питти, куда явился за нимъ довѣренный агентъ и повелъ его впотьмахъ къ дверямъ дома, которыя онъ отворилъ имѣвшимся у него ключемъ, зажегъ свѣчу, поднялся со своимъ спутникомъ во второй этажъ и ввелъ его въ пустую комнату, въ которой стояло всего два стула и маленькій столъ съ двумя свѣчами. Въ ту же минуту въ комнату вошелъ чрезъ другія двери Гарибальди, поднявшійся по другой лѣстницѣ. Обмѣнявшись привѣтствіями, они сѣли къ столу.

— Единственная цѣль моего свиданія съ вами, сказалъ Бернгарди, заключается въ томъ, чтобы сообщить вамъ побужденія, руководящія г. Бисмаркомъ.

И онъ изложилъ, присовокупивъ:

— Если вы имѣете что-либо сообщить моему правительству, я могу передать ему ваши слова.

Гарибальди колебался нѣкоторое время.

— Я представляю собою единственную законную власть, существующую въ Римѣ, сказалъ онъ наконецъ; я избранъ въ 1849 г. всеобщею подачей голосовъ римскимъ народомъ, коему принадлежитъ власть и начальство надъ городомъ. Я одинъ имѣю право говорить и дѣйствовать отъ имени римскаго народа. Папское правительство есть не что иное, какъ ничѣмъ не оправдываемая узурпація; оно возстановлено незаконной силой иноземныхъ штыковъ и только ими держится до сихъ поръ. Мнѣ необходимо взять Римъ, Италіи необходимо освободиться отъ французской опеки и искать спасенія въ тѣсномъ союзѣ съ Пруссіей. Правительство, опираясь на свое соглашеніе съ Франціей, хочетъ овладѣть Римомъ или, лучше сказать, римской территоріей: будучи въ союзѣ съ Франціей, оно готово взамѣнъ уступокъ съ ея стороны, соединить съ нею свои силы для войны съ Пруссіей, которая дѣйствовала такъ прямодушно и così cavallerescamente (планъ рыцарскій) завоевала для Италіи Венецію, тогда какъ Франція заставила ее дорого заплатить за оказанную ей поддержку: это было бы актомъ самой постыдной неблагодарности.

„Я одинъ могу помѣшать этому, взявъ Римъ и не допустивъ осуществленія замысловъ правительства, ибо мои собственные планы обширны: правительство хочетъ ниспровергнуть только одну свѣтскую власть папы, тогда какъ мои дѣйствія направлены не только противъ свѣтской, но и противъ духовной его власти, которую я хочу сокрушить. Она есть зло, несравненно большее, нежели свѣтская власть папы, и должна быть уничтожена прежде всего, дабы Италія могла воспрянуть. Мои цѣли вполнѣ соотвѣтствуютъ интересамъ Пруссіи, слѣдовательно, прусское правительство должно желать мнѣ удачи. Я разсчитываю на его сочувствіе“.

Бернгарди обѣщалъ передать эти слова Бисмарку. Они простились, обмѣнявшись рукопожатіемъ.

— Если мы встрѣтимся гдѣ-либо... сказалъ Бернгарди.

— Non si conosciamo (мы незнакомы), отвѣчалъ Гарибальди.

Маркиза Паллавичино, сопровождавшая генерала, ожидала его внизу, на лѣстницѣ. Бернгарди обмѣнялся съ нею нѣсколькими словами и передалъ ей шифръ для веденія переписки.

Обращаясь къ Бисмарку, Гарибальди хотѣлъ въ то же время знать и образъ мыслей Раттацци, для чего онъ послалъ къ нему своего друга Ачерби, чтобы узнать, могъ ли онъ разсчитывать на его поддержку. Раттацци отвѣчалъ:

„Ни въ какомъ случаѣ; я буду препятствовать его замысламъ".

Злоба, возбужденная словами Раттацци въ друзьяхъ національнаго героя, свидѣтельствуетъ, что они вѣрили ихъ искренности.

Паллавичино рвалъ и металъ: „это покорный слуга императора", говорилъ онъ, настоящій сатана, которому недостаетъ только роговъ" [1]).

Слѣдовало ли Гарибальди попытать счастья, при недостаткѣ оружія и денегъ, бездѣятельности Пруссіи и бдительности Франціи? Ближайшіе друзья героя считали походъ на Римъ предпріятіемъ безразсуднымъ, не имѣвшимъ ни малѣйшаго шанса на успѣхъ, и полагали, что единственнымъ ея результатомъ могъ быть возвратъ въ Италію французскихъ войскъ, отъ которыхъ съ такимъ трудомъ удалось отдѣлаться. Но, несмотря на разногласіе во взглядахъ, друзья Гарибальди относились къ нему по-прежнему почтительно и сочувственно и были готовы идти подъ его знаменемъ; рѣшительнѣе всѣхъ высказывался надменный Мадзини. Этотъ ярый революціонеръ не одобрялъ мысли о походѣ на Римъ, который предпринимался въ интересахъ правительства. Онъ мечталъ о возстаніи римскихъ гражданъ и провозглашеніи республики, которая распространялась бы изъ этого священнаго града по всей Италіи.

Но никакія соображенія не могли подѣйствовать на Гарибальди, который считалъ себя истиннымъ папою, папою разума и человѣколюбія, единственнымъ преемникомъ Христа и, какъ таковой, крестилъ и благословлялъ. Убѣжденный въ томъ, что онъ никогда не терпѣлъ пораженія, даже при Аспромонте, онъ хотѣлъ одержать вторично побѣду на римской территоріи. Къ тому же три римскіе комитета: гарибальдійскій, мадзиніевскій и пьемонтскій, имѣвшіе каждый своего отдѣльнаго начальника и свои средства, составили союзъ и послали къ нему депутатовъ съ извѣщеніемъ, что все готово, что у нихъ не хватаетъ только оружія и денегъ, чтобы онъ поспѣшилъ прислать

[1]) Guerzoni, Vita di Garibaldi, стр. 482.

ихъ и сталъ во главѣ ихъ. Гарибальди отвѣчалъ, что онъ скоро пріѣдетъ, и послалъ для подготовленія возстанія Гуерцони и Куччи.

Въ полученныхъ ими инструкціяхъ говорилось, что движеніе имѣло цѣлью ниспровергнуть власть духовенства, провозгласить Римъ столицею Италіи и предоставить римскому народу полную свободу рѣшить свою судьбу путемъ плебисцита. Командующимъ отдѣльными отрядами разрѣшалось завладѣть въ пользу революціонеровъ имуществомъ правящаго класса Папской области, имъ предписывалось избѣгать столкновенія съ итальянскими войсками и продолжать военныя дѣйствія даже въ томъ случаѣ, если бы Гарибальди и большая часть его офицеровъ были арестованы.

Такимъ образомъ, походъ гарибальдійцевъ получилъ характеръ агрессивныхъ дѣйствій противъ папской власти и одновременно былъ вызовомъ противъ Франціи и дерзкой выходкой по отношенію итальянскаго короля. Разумѣется, ни папа, ни Наполеонъ III, ни Викторъ-Эммануилъ не могли допустить, чтобы эта экспедиція окончилась успѣхомъ. Для папы это было бы равносильно гибели, для императора—было бы безчестіемъ, а для короля—униженіемъ.

Отправляясь на границу папскихъ владѣній и садясь на поѣздъ, Гарибальди признался маркизѣ Паллавичино, что у него совсѣмъ не было денегъ и, взявъ ее за обѣ руки, онъ сказалъ тономъ настоятельной просьбы:

„Curate di procurar fondi“ (постарайтесь достать денегъ).

Для маркизы это заявленіе было полной неожиданностью; пораженная этимъ, она поспѣшила къ Бернгарди и умоляла его добиться отъ своего правительства, чтобы оно поддержало деньгами движеніе, въ успѣхѣ котораго оно было заинтересовано. Бернгарди отвѣчалъ, что Пруссія не могла оказать содѣйствія нападенію на дружественную державу, которая не подала ей въ своихъ оффиціальныхъ сношеніяхъ ни малѣйшаго повода къ жалобамъ; къ тому же онъ не былъ уполномоченъ вступать въ подобные переговоры; единственнымъ, по его мнѣнію, средствомъ добиться чего-нибудь отъ прусскаго правительства было послать въ Берлинъ человѣка авторитетнаго, въ родѣ Паллавичино, чтобы переговорить съ Бисмаркомъ, что̀ маркиза взялась устроить.

Между тѣмъ, Раттацци рѣшилъ сдержать слово, данное французскому правительству, и вмѣстѣ съ тѣмъ выполнить угрозу, высказанную по адресу Гарибальди. Имъ былъ посланъ на границу папскихъ владѣній армейскій корпусъ, численностью до 40 тысячъ человѣкъ. Въ „Journal officiel“ появилась 20 сентября замѣтка, не оставлявшая сомнѣнія въ томъ, что этотъ отрядъ былъ посланъ не для отвода глазъ. Военный министръ Ревель, выдающійся дипломатъ и знатокъ

своего дѣла, былъ человѣкъ честный, благородный, строгихъ правилъ, при томъ убѣжденный католикъ, отъ котораго нельзя было ожидать уступчивости и слабости. Имъ были даны начальнику охраннаго отряда самыя строгія инструкціи. Но граница Папской области была растянута, ее трудно было охранять, и многочисленные и отлично дисциплинированные патрули не были въ состояніи задержать отдѣльныхъ лицъ, переходившихъ границу безъ оружія. Весьма многіе пробрались такимъ образомъ тайкомъ.

Вопросъ о томъ, какія мѣры будутъ приняты правительствомъ, когда Гарибальди попытается, въ свою очередь, перейти тайкомъ границу, вызвалъ въ военномъ совѣтѣ оживленныя пренія; Раттацци почти не вмѣшивался въ нихъ, говорилъ мало, но когда всѣ разошлись, предоставивъ ему принять окончательное рѣшеніе, онъ задержалъ Ревеля и сказалъ: „Я согласенъ съ вами, надобно отправить Гарибальди на Капреру“. Немедленно былъ вызванъ поручикъ Пиццутти, извѣстный твердостью характера и чрезвычайною вѣжливостью въ обхожденіи, и ему было поручено арестовать генерала. Прибывъ въ Синалунгу, поручикъ засталъ Гарибальди въ постели. Когда онъ предложилъ ему отъ имени министерства отступить къ Флоренціи, то генералъ отвѣчалъ, что никто не въ правѣ приказывать ему и что онъ будетъ дѣйствовать по своему усмотрѣнію. Тогда офицеръ заявилъ въ самыхъ вѣжливыхъ выраженіяхъ, что онъ арестуетъ его. Гарибальди взялъ ванну и послѣдовалъ за нимъ. Это было 25 сентября.

Когда разнесся слухъ объ арестѣ героя, толпа возбужденнаго народа устремилась съ угрозами къ дому Раттацци, но его не оказалось дома. Одинъ изъ привратниковъ, пытавшійся задержать толпу, былъ убитъ, другой брошенъ въ Арно, трое другихъ были ранены; при этомъ было разграблено два оружейныхъ магазина. Къ счастью, въ этотъ моментъ разразился ливень, разсѣявшій толпу, которую разогнала окончательно національная гвардія. Подобныя демонстраціи происходили и въ другихъ городахъ Италіи, но такъ какъ ихъ устраивала небольшая кучка людей, то толпу легко было разсѣять. Большая часть населенія отнеслась къ аресту Гарибальди совершенно равнодушно, и правительство имѣло полное основаніе смотрѣть на эти демонстраціи какъ на случайный взрывъ народныхъ чувствъ, такъ что Раттацци не счелъ даже нужнымъ держать Гарибальди какъ плѣнника, а предложилъ ему удалиться на свой островъ съ условіемъ, что онъ не сдѣлаетъ попытки бѣжать. Гарибальди отказался связать себя какимъ-либо обѣщаніемъ. Тѣмъ не менѣе, морской министръ Печето, посланный къ нему для переговоровъ, тщетно прождавъ цѣлый день новыхъ инструкцій, разрѣ-

шилъ ему на свой страхъ отправиться на Капреру безо всякихъ условій.

Гарибальди уѣхалъ на островъ 27 сентября, запретивъ своимъ друзьямъ устраивать какія бы то ни было манифестаціи въ честь его и заявивъ письменно, что онъ возвращается на Капреру добровольно и не связанъ никакими условіями,

Военное судно „Esploratore“ доставило его на островъ. Уѣзжая, онъ просилъ друзей продолжать движеніе, какъ будто онъ стоялъ во главѣ ихъ, и даже удвоить дѣятельность; въ то же время онъ писалъ Раттацци, что, дѣйствуя энергично, правительство можетъ покончить дѣло въ нѣсколько дней, снискавъ этимъ любовь народа, а „если бы иностранныя державы своими угрозами вздумали остановить насъ“, присовокуплялъ генералъ, „то за нами пойдутъ женщины и дѣти, и тогда весь міръ увидитъ, къ чему можетъ привести рѣшимость народа“.

Этотъ горячій призывъ возъимѣлъ свое дѣйствіе. Депутаты лѣвой, собравшись на совѣщаніе, протестовали. Криспи, до тѣхъ поръ возстававшій противъ всякихъ рѣшительныхъ дѣйствій, присоединился къ тѣмъ, кои настаивали на необходимости дѣйствовать энергично. Онъ учредилъ, совмѣстно съ Паллавичино, 8 октября, комитетъ, получившій названіе „комитета для вспоможенія раненымъ“, но который въ сущности былъ предназначенъ руководить движеніемъ. Самыми вліятельными членами комитета были Кайроли и Криспи. Хотя они стояли въ палатѣ на сторонѣ Раттацци, но, по его приказанію, на границѣ по-прежнему задерживали вооруженныхъ волонтеровъ, разсѣивали формировавшіяся банды и не позволяли провозить оружіе и боевые снаряды; два военныхъ судна было послано въ Капреру съ цѣлью блокировать островъ; они задержали Гарибальди въ тотъ моментъ, когда онъ садился на „Кагліари“, собираясь отплыть къ берегамъ Италіи, и заставили его возвратиться на островъ. Гарибальдійцы громко жаловались на вѣроломство правительства и напоминали, что генералу была предоставлена полная свобода и онъ не былъ связанъ никакими условіями.

„Необходимость охранять безопасность государства подразумѣвалась сама собою“, отвѣчало правительство, „этого не было надобности оговаривать. Мы обязаны арестовать всякаго, кто угрожаетъ спокойствію государства“.

Гарибальдійцы, повинуясь приказанію своего генерала, организовались подъ начальствомъ Ачерби, который былъ избранъ ими главнокомандующимъ, но между ними возникло разногласіе по поводу того, какимъ образомъ надлежало приступить къ дѣйствію. Люди болѣе благоразумные были того мнѣнія, что слѣдовало выждать момента,

когда въ Римѣ вспыхнетъ возстаніе; болѣе рѣшительныя и энергичныя лица возражали на это, что, такъ какъ Римъ не подавалъ признака жизни, то слѣдовало поднять возстаніе въ провинціи, чтобы разбудить столицу.

Вопросъ былъ рѣшенъ неожиданно и безповоротно толпою волонтеровъ въ полтораста человѣкъ, изъ коихъ только одна треть была вооружена плохенькими ружьями. Движимые голодомъ и боязнью передъ итальянскими войсками, они перешли границу Папской области, напали на Аквапенденте, разбили папскихъ жандармовъ и овладѣли крѣпостью. Послѣ этого гарибальдійцамъ нельзя было долѣе медлить, Куччи поспѣшно двинулся на Римъ; Менотти съ двадцатью человѣками перешелъ границу; Ачерби расположился со своей главной квартирой въ Торре Альфина; наконецъ, 13 октября, вступилъ въ Папскую область Никотера; одновременно въ ней появились со всѣхъ сторонъ банды мятежниковъ.

Папское правительство имѣло въ своемъ распоряженіи всего 12 тысячъ войска и могло выставить противъ Гарибальди не болѣе 7 или 8 тысячъ. Несмотря на столь незначительную численность войска, призывъ гарибальдійцевъ къ возстанію противъ папской власти не имѣлъ успѣха въ Римѣ. Населеніе Рима осталось спокойно; провинція также была вѣрна папѣ. И народъ смотрѣлъ на волонтеровъ, какъ на бандитовъ, а не какъ на освободителей.

Но революціонеры умѣли искусно фабриковать ложныя извѣстія. Въ принадлежавшихъ ихъ перу газетныхъ статьяхъ появились многочисленныя описанія ихъ геройскихъ подвиговъ и восторженнаго пріема, который оказывало имъ населеніе. Чуть не каждое утро появлялись телеграммы, опровергавшіяся вечеромъ, о томъ, что въ Римѣ вспыхнуло возстаніе.

Гарибальди, со своей стороны, не бездѣйствовалъ. Сторожевыя суда не успѣвали перехватить его прокламацій, которыя распространяли легенду о ложныхъ побѣдахъ и фантастическихъ геройскихъ подвигахъ его приверженцевъ. Эти ложныя извѣстія разжигали воображеніе.

Сколько-нибудь существенной помощи этимъ мнимымъ героямъ никто не оказывалъ, денегъ имъ никто не посылалъ, но зато ихъ осыпали цвѣтами краснорѣчія. Въ концѣ концовъ всѣ повѣрили баснѣ, будто въ Римѣ вспыхнуло возстаніе, будто имъ объята вся Папская область, откуда несется отчаянный призывъ о помощи. Въ умахъ, незамѣтнымъ образомъ совершился полнѣйшій переворотъ; походъ гарибальдійцевъ на Римъ, не встрѣчавшій вначалѣ ни въ комъ сочувствія, привлекъ мало-по-малу всеобщія симпатіи; самые робкіе и осторожные люди, настаивавшіе вначалѣ на томъ, чтобы Раттацци подавилъ возстаніе, метали громъ и молнію, умоляли его не допу-

стить, чтобы революціонеры сдѣлали то, что надлежало совершить королю, и убѣждали правительство вступить въ Римъ во главѣ гарибальдійцевъ.

Органъ умѣренной партіи „Opinione“ писалъ: „Въ Римъ слѣдуетъ вступить намъ, а не Гарибальди. Для этого нѣтъ надобности спрашивать согласія императора Наполеона, которое онъ не можетъ дать; не слѣдуетъ обращать вниманія на его формальный отказъ; его слова надобно истолковывать, но не понимать буквально. Не надобно ждать, чтобы въ Римѣ вспыхнуло возстаніе, нужно спѣшить въ Римъ, чтобы предупредить его. Можно сказать положительно, что въ началѣ октября 1867 г. въ Италіи не было ни одного политическаго дѣятеля и ни одной газеты, которые бы не утверждали, что, выполняя сентябрьскую конвенцію, правительство сдѣлало не только достаточно, но даже слишкомъ много, что эту конвенцію слѣдовало игнорировать и идти рѣшительно на Римъ.

„Мы должны вступить въ Римъ раньше французовъ“, говорили всѣ.

„Пойдемъ туда вслѣдъ за Гарибальди или вмѣстѣ съ нимъ“, говорили самыя пылкія головы.

„Вступимъ въ Римъ раньше Гарибальди и безъ него“! говорили болѣе умѣренные.

Всѣ обвиняли министерство въ слабости, трусости и низкопоклонной угодливости передъ Наполеономъ III. Если бы оно вздумало упорствовать въ этотъ моментъ, то на него обрушилось бы всеобщее негодованіе.

Всѣ переходили на сторону гарибальдійцевъ, всѣ выражали имъ сочувствіе.

Распоряженія правительства исполнялись нехотя или вовсе не исполнялись. Явилась какая-то всеобщая распущенность. Только хорошо дисциплинированная и преданная королю армія оставалась вѣрной правительству. Между тѣмъ число отдѣльныхъ волонтеровъ, несмотря на самый бдительный надзоръ, увеличивалось съ каждымъ днемъ.

Министерство, не съумѣвшее помѣшать сформированію многочисленныхъ вооруженныхъ бандъ, не могло долѣе бездѣйствовать и поощрять революціонное движеніе, которое грозило охватить все королевство. Оно не могло предоставить папу въ руки людей, которые могли обратить затѣмъ свое оружіе противъ короля.

Раттацци, со своей стороны, считалъ невозможнымъ предотвратить революцію въ Папской области и, отказавшись отъ пассивной роли, которой онъ держался раньше, рѣшилъ предупредить гарибальдійцевъ, дѣйствуя смѣло и энергично.

3 октября онъ телеграфировалъ Нигрѣ, прося его отправиться въ

Біаррицъ, гдѣ находился въ то время Наполеонъ III, и передать императору, что „судя по извѣстіямъ, полученнымъ изъ Рима, положеніе въ этомъ городѣ становится серьезнымъ; тамъ со дня на день можетъ вспыхнуть революція, которую, несмотря на всѣ усилія, едва-ли удастся предотвратить. Италія могла противустоять этому движенію, соблюдая сентябрьскую конвенцію и настаивая на точномъ ея выполненіи, но она рисковала при этомъ оскорбить національное чувство. Мы намѣрены держаться того же образа дѣйствій и впредь, если папскія войска успѣютъ подавить движеніе; но мы не можемъ смотрѣть равнодушно на учрежденіе въ Римѣ такого образа правленія, которое можетъ угрожать опастностью Италіи и монархіи. Подобный случай предусмотрѣнъ конвенціей, и итальянское правительство будетъ вынуждено вмѣшаться въ дѣло для охраны общественпаго порядка и защиты нашихъ установленій“.

По совѣщаніи съ Руэромъ, сопровождавшимъ Нигру, императоръ отвѣчалъ, что вопросъ о томъ, что нужно будетъ предпринять въ случаѣ революціи, не можетъ быть рѣшенъ a priori, не принимая во вниманіе тѣхъ обстоятельствъ, коими она будетъ вызвана и коими будетъ сопровождаться; что надобно дѣлать различіе между возстаніемъ, подготовленнымъ заранѣе, и возстаніемъ, вспыхнувшимъ внезапно; что, въ виду ареста Гарибальди, непосредственная опасность миновала и, въ случаѣ какихъ-либо новыхъ осложненій, императоръ можетъ обѣщать только не принимать никакого рѣшенія, не снесшись предварительно съ итальянскимъ правительствомъ и не попытавшись войти съ нимъ въ соглашеніе.

Раттацци придавалъ огромное значеніе тому, чтобы не задѣть Наполеона III и не нарушить существовавшаго съ нимъ добраго согласія, такъ какъ это угрожало бы Италіи большой опасностью. Онъ благодарилъ императора за данное обѣщаніе, но выговорилъ себѣ свободу дѣйствій „въ случаѣ, если бы произошли событія, которыя окажутся сильнѣе человѣческой воли“, т. е., въ случаѣ, если бы въ Римѣ вспыхнула революція, онъ рѣшилъ идти туда, не ожидая согласія императора.

Но объ этой революціи, которая дала бы итальянцамъ возможность выйти изъ затруднительнаго положенія, не было слуха, зато со стороны французскаго правительства раздавались ежедневно все болѣе и болѣе энергичныя жалобы. По существовавшему обычаю, несмотря на серьезное положеніе дѣлъ, Сартижъ и Маларэ уѣхали на время вакацій въ отпускъ, и дѣлами французскаго посольства завѣдывалъ во Флоренціи ля-Виллестро, человѣкъ весьма проницательный, внимательно слѣдившій за ходомъ дѣлъ. Въ Римѣ остался графъ Арманъ, серьезный дипломатъ, до глубины души преданный интересамъ па-

скаго престола. Они оба не довѣряли Раттацци и объясняли не въ его пользу самые естественные его поступки.

Ихъ донесенія, которыя понимались въ Парижѣ буквально, волновали французовъ, и Мустье телеграфировалъ: „Императоръ озабоченъ тѣмъ, что итальянское правительство не въ состояніи будетъ помѣшать гарибальдійскимъ отрядамъ вступить на папскую территорію“.

„Мы дѣлаемъ все, что можемъ, отвѣчалъ Раттацци, сообщаемые вамъ факты невѣрны“. „Пусть такъ, отвѣчалъ императоръ, я не сомнѣваюсь въ искренности вашего правительства, я согласенъ съ тѣмъ, что оно дѣйствуетъ лойяльно, но оно безсильно. Поэтому я считаю, что Франціи надобно самой сдѣлать то, что оно не въ силахъ исполнить; предупреждаю васъ объ этомъ, согласно заключенной нами конвенціи“.

На слѣдующій день онъ телеграфировалъ Виктору Эммануилу: „Я вижу съ прискорбіемъ, что большое количество волонтеровъ вступаетъ на папскую территорію и что конвенція, заключенная 15 сентября, не соблюдается. Если это будетъ продолжаться, то я буду волей-неволей вынужденъ послать въ Римъ отрядъ войска. Прошу ваше величество сдѣлать все возможное, чтобы вмѣшательство это оказалось ненужнымъ“.

Отвѣтъ короля былъ такъ же откровененъ, какъ предостереженіе императора: „Послѣ того, какъ моимъ правительствомъ сдѣланы всевозможныя условія, чтобы лояйально выполнить конвенцію, рискуя при этомъ оскорбить національное чувство, я узналъ съ грустью, что ваше величество предполагаете обратное. Вашему величеству извѣстно протяженіе нашей границы и трудности, съ коими сопряжена ея охрана. Вы легко поймете, что даже для болѣе многочисленной арміи было бы совершенно невозможно воспрепятствовать переходу на римскую территорію отдѣльныхъ и не вооруженныхъ волонтеровъ, которые соединяются затѣмъ въ отряды, не имѣющіе предводителей. Я долженъ признаться, что настроеніе народа въ Италіи возбужденное и что одна мысль о вмѣшательствѣ Франціи могла бы имѣть въ высшей степени серьезныя послѣдствія, коихъ я желалъ бы всячески избѣжать. Ручаюсь вашему величеству, что мы и впредь употребимъ всевозможныя старанія къ тому, чтобы парализовать движеніе волонтеровъ, но, если бы дѣло дошло до тѣхъ событій, коихъ ваше величество опасаетесь, то единственнымъ средствомъ уладить дѣло было бы послать въ Римъ итальянскія войска. Что касается политическихъ вопросовъ, то мы могли бы придти къ соглашенію впослѣдствіи.

Въ то же время Раттацци велѣлъ передать Нигрѣ: что, если французы вмѣшаются въ дѣло, то итальянское правительство предупредитъ ихъ и займетъ Папскую область. „Мы свято соблюдали конвенцію, говорилъ Раттацци, соблюдаемъ ее и въ настоящее время

цѣною огромныхъ жертвъ, подвергая себя большой опасности; и мы не допустимъ, чтобы Франція нарушила ее. Слѣдовательно, если французскія войска будутъ посланы въ Римъ, то мы будемъ вынуждены со своей стороны вмѣшаться въ дѣло и занять папскую территорію; это необходимо, если мы хотимъ предотвратить междоусобіе и спасти наши учрежденія".

Вмѣшательство Франціи было, повидимому, дѣломъ рѣшеннымъ; оно было только вопросомъ времени, поэтому Раттацци, съ согласія короля и Ревеля, рѣшилъ предупредить появленіе французовъ и сдѣлать рѣшительный шагъ. По его предположенію военный министръ выработалъ планъ вступленія королевскихъ войскъ въ Папскую область съ оговоркою, что итальянскія войска остановятся въ виду Рима, не вступая въ него. Эта оговорка была выслушана въ военномъ совѣтѣ холодно. „Насъ обвинятъ въ такомъ случаѣ, сказалъ одинъ изъ министровъ, въ томъ, что мы сдѣлались папскими сбирами". Было рѣшено, что войска вступятъ въ Римъ и нанесутъ папскому войску рѣшительное пораженіе.

Такимъ образомъ политика Гарибальди, къ которой склонялись вначалѣ только нѣкоторые члены совѣта, была принята въ концѣ концовъ всѣмъ министерствомъ. Ревель, какъ ревностный католикъ, не согласился участвовать въ агрессивныхъ дѣйствіяхъ противъ папы. 16 октября онъ подалъ въ отставку.

Извѣстивъ Наполеона III о принятомъ рѣшеніи, Раттацци не стѣснялъ болѣе волонтеровъ. Хотя мѣры, принятыя для охраны границы, не были отмѣнены, такъ какъ Ревель, управлявшій еще министерствомъ до назначенія ему преемника, не допустилъ бы этого; но въ сущности вступленію инсургентовъ въ Папскую область никто не препятствовалъ; Раттацци даже поощрялъ ихъ, давъ между прочимъ 100.000 франковъ какому-то проходимцу, Гирелли, съ тѣмъ, чтобы онъ сформировалъ римскій легіонъ. Въ то же время Кристи былъ посланъ къ префекту г. Перуджіи съ приказаніемъ не препятствовать дѣйствіямъ волонтеровъ и выдавать имъ оружіе.

II.

Наполенъ III возвратился изъ Біаррица въ Сенъ-Клу 15 октября и на слѣдующій день предсѣдательствовалъ въ совѣтѣ.

Въ запискѣ, представленной императору Руэромъ еще 18 сентября, былъ изложенъ планъ совмѣстныхъ дѣйствій французскихъ и испанскихъ войскъ, согласно которому французы должны были за-

нять Чивитта-Веккію и Римъ, а италіанцы Витербо. Само собою разумѣется, Пій IX никогда не согласился бы на эту комбинацію, но объ его согласіи никто не заботился.

Раттацци телеграфировалъ Нигрѣ, что согласіе италіанскаго правительства на вступленіе иноземныхъ войскъ могло послужить поводомъ къ всеобщему возстанію. Онъ отвергалъ всякую мысль о совмѣстныхъ дѣйствіяхъ французскихъ и италіанскихъ войскъ и писалъ, что одно средство „ввести въ Папскую область королевскія войска, для того, чтобы возстановить порядокъ, не нарушая вопроса о принципѣ верховной власти папы, который слѣдовало рѣшить совмѣстно съ Франціей“.

По полученіи этой телеграммы Руэръ высказался рѣшительно: „Если Гарибальди высадится въ Витербо и пойдетъ на Римъ, то нужно немедленно послать 10.000 чел. въ Чивитта-Веккію, преслѣдовать его, изгнать изъ Папской области, предложить папѣ возвратиться въ Римъ, привезти его обратно, если окажется, что онъ уже уѣхалъ изъ Рима, оставить въ этомъ городѣ отрядъ французскихъ войскъ, а такъ какъ сентябрьская конвенція этимъ будетъ нарушена, то надобно будетъ обратиться къ великимъ державамъ съ просьбою гарантировать совмѣстно безопасность папы“.

Оставаться пассивнымъ было бы, по мнѣнію Рувье, признакомъ попустительства со стороны Франціи, и это могло бы привести на предстоящихъ выборахъ къ весьма непріятнымъ столкновеніямъ. Ніель и Мустье взглянули на дѣло еще рѣшительнѣе; по ихъ мнѣнію, этотъ вопросъ былъ для Франціи вопросомъ чести; конвенція, подписанная Франціей, должна быть выполнена.

Три министра: Ла-Валеттъ, Дюрюи и Барошъ доказывали опасность, съ какой былъ сопряженъ походъ въ Римъ: дойти въ Римъ не трудно, говорили они, но какъ выбраться оттуда? Оккупація роковымъ образомъ могла затянуться. Возвращеніе нашихъ войскъ въ Италію вызоветъ гнѣвъ и ненависть народа и ввергнетъ Италію въ объятія Пруссіи. Благоразумно ли будетъ потерять союзника, на котораго Франція могла разсчитывать въ тѣхъ затруднительныхъ обстоятельствахъ, въ коихъ находилась Европа? Императрица возражала на это, что было бы еще прискорбнѣе вызвать неудовольствіе католиковъ, коимъ была гарантирована независимость ихъ церковнаго главы, и еще болѣе прискорбно потерять честь: если Франція не настоитъ на выполненіи конвенціи, скрѣпленной ея подписью, то кто будетъ вѣрить ея слову?

Императоръ, умѣвшій обнять всякій вопросъ и правильно изложить положеніе, понималъ, что въ каждомъ изъ этихъ выводовъ была доля правды; вполнѣ раздѣляя мнѣніе Ла-Валетта, о неудобствѣ вто-

ричной оккупаціи Рима и понимая въ особенности, что было бы опасно лишиться союза съ Испаніей, онъ сознавалъ, однако, къ чему его обязывали католицизмъ и честь Франціи. Поэтому, не колеблясь ни минуты, онъ рѣшилъ охранять интересы папы, но считалъ необходимымъ избѣжать послѣдней возможности тягостной оккупаціи и взять на себя этотъ безкорыстный долгъ только въ томъ случаѣ, если бы итальянское правительство уклонилось отъ него. 17 октября рѣшеніе императора было измѣнено; имъ были посланы телеграммы въ Римъ и во Флоренцію. Въ Римъ Наполеонъ III телеграфировалъ: „Пусть папское правительство энергично защищается, вполнѣ полагаясь на помощь со стороны Франціи". Въ телеграммѣ, отправленной во Флоренцію, говорилось: „Французское правительство ни въ какомъ скучаѣ не допускаетъ мысли о вмѣшательствѣ итальянскихъ войскъ, хотя бы даже въ Римѣ вспыхнула революція".

На эту послѣднюю телеграмму Раттацци отвѣчалъ, что онъ дѣлаетъ все возможное къ тому, чтобы сентябрьская конвенція была соблюдена и удвоиваетъ усиліе къ тому, чтобы воспрепятствовать движенію волонтеровъ. Какъ извѣстно, это было не совсѣмъ вѣрно. Мустье отвѣчалъ: „Если вы намѣрены исполнить эту конвенцію, докажите это, закрывъ бюро для набора солдатъ, распустивъ комитеты вспоможенія, и добейтесь обнародованія за королевской подписью воззванія, въ коемъ было бы заявлено, что волонтеры будутъ арестованы, обезоружены и отправлены внутрь страны".

Это заявленіе было получено во Флоренціи 12 числа вечеромъ; министры поспѣшно собрались на совѣщаніе. Раттацци былъ того мнѣнія, что эти требованія, посягающія на достоинство націи и короля, должны быть отвергнуты, войска должны безъ промедленія вступить на римскую территорію и не ожидать сложа руки, вступленія иноземныхъ войскъ. „Въ тотъ день, когда итальянскій флагъ появится за предѣлами папской территоріи, слабыя папскія войска, окруженныя возставшимъ народомъ, будутъ разсѣяны. Мы успѣемъ взять Римъ до появленія французскаго флота въ Чивитта-Веккіи; двинемъ же войска, не теряя ни минуты".

Большинство министровъ присоединилось къ этому мнѣнію, но меньшинство, впрочемъ, довольно значительное, считало подобный образъ дѣйствій слишкомъ рискованнымъ. Рѣшеніе было слишкомъ важное, чтобы его можно было принять большинствомъ голосовъ: 19 октября вечеромъ министерство подало въ отставку, предоставляя королю самому рѣшить вопросъ о дальнѣйшемъ образѣ дѣйствій.

Король писалъ Наполеону III:

„Обращаюсь къ вашей исконной дружбѣ ко мнѣ и къ Италіи и во имя ея прошу васъ выслушать слѣдующее: я знаю, что вслѣдствіе

нынѣшнихъ обстоятельствъ, ваше величество поставлены во Франціи въ затруднительное положеніе; но и здѣсь положеніе считаю натянутымъ, такъ какъ общественное мнѣніе въ Италіи крайне возбуждено. Мнѣ было бы весьма прискорбно, если бы узы дружбы, искони существовавшія между нами, были нынѣ порваны. Ваше величество желаете возстановленія порядка на римской территоріи, гдѣ стремленіе народа къ освобожденію вызвало революцію. Мое правительство и я, въ видахъ соблюденія сентябрьской конвенціи, боролись всѣми силами съ этимъ движеніемъ внѣ предѣловъ папской территоріи. Нынѣ, когда оно угрожаетъ безопасности папскаго престола, я не могу ничего сдѣлать, чтобы остановить его, такъ какъ я не могу переступать границу. Если ваше величество сочтете нужнымъ послать войска въ Чивитта-Веккію или въ Римъ, то я буду также вынужденъ перейти границу папскихъ владѣній, и ненормальный порядокъ вещей будетъ скоро прекращенъ. Я издамъ вмѣстѣ съ тѣмъ воззваніе, въ коемъ заявлю, что я не питаю къ французскимъ войскамъ никакихъ враждебныхъ чувствъ и что мы двинули войска помимо нашего желанія для того единственно, чтобы возстановить порядокъ, нарушенный не по нашей винѣ. Ваше величество, по своей высокой мудрости, найдете возможнымъ уладить дѣло такъ, чтобы при этомъ были обезпечены интересы обѣихъ націй".

Викторъ-Эммануилъ, видимо, хотѣлъ приписать себѣ иниціативу проекта совмѣстной оккупаціи Папской области, предложеннаго Руэромъ и отвергнутаго Раттацци. Наполеонъ III отвѣчалъ: „Мое правительство сообщило правительству вашего величества о мѣрахъ, необходимыхъ для того, чтобы остановить наступленіе гарибальдійцевъ въ Папскую область и въ точности соблюсти конвенцію. Я готовъ повиноваться чувствамъ дружбы, кои я питаю къ вамъ и къ Италіи, но не могу принести имъ въ жертву важные интересы и обязанности. Совмѣстная оккупація только осложнила бы вопросъ для обоихъ правительствъ. Я убѣжденъ, что, оказавъ энергичное противодѣйствіе революціонному элементу, вы укрѣпите этимъ вашу власть и упрочите дружескія отношенія, существующія между Франціей и Италіей. Поэтому я надѣюсь, что вы примете всѣ необходимыя мѣры къ тому, чтобы сдѣлать посылку французскихъ войскъ въ Римъ ненужной. Какъ только возстаніе будетъ подавлено, я готовъ изыскать вмѣстѣ съ вами способъ уладить римскій вопросъ".

Изъ этого отвѣта было ясно, что, если бы король не воспрепятствовалъ вступленію волонтеровъ въ папскія владѣнія или ввелъ бы въ нихъ свои войска, то это могло послужить поводомъ къ войнѣ. Раттацци убѣждалъ Виктора-Эммануила не пугаться этихъ угрозъ.

„Онъ ихъ не осуществитъ", говорилъ онъ, по многимъ причи-

намъ: во-первыхъ, это противорѣчитъ интересамъ французскаго народа; очень много французскихъ капиталовъ помѣщено въ итальянскихъ предпріятіяхъ; война окончательно погубитъ наши и безъ того разстроенные финансы; она была бы разореніемъ для насъ и для Франціи. Наполеонъ взвѣситъ опасность, которой онъ подвергся бы, объявивъ намъ войну и порвавъ этимъ единственную доблестную страницу своего царствованія, заключающуюся въ содѣйствіи, которое имъ было оказано возрожденію Италіи. Онъ не захотѣлъ бы вновь начать завоеваніе Мексики и рисковать своей династіей для того, чтобы заслужить благоволеніе Пія IX и поддержать тотъ революціонный очагъ, откуда исходятъ всѣ заговоры, направленные противъ его правительства. Когда онъ увидитъ, что мы заняли Римъ, онъ не только не подумаетъ прогнать насъ оттуда, но захочетъ помочь намъ преобразовать папскую власть. Если же онъ сдѣлаетъ ошибку и вмѣшается въ это дѣло, то мы встрѣтимъ его, какъ должно. Бываютъ обстоятельства, когда народы должны думать не объ угрожающей имъ опасности, а о защитѣ своихъ правъ, когда имъ приходится защищать свою честь, хотя бы это повлекло за собою самыя прискорбныя послѣдствія“.

Даже среди людей наиболѣе умѣренныхъ многіе высказывали громко, что „столкновеніе съ Франціей, при тогдашнемъ бѣдственномъ положеніи страны, могло быть для Италіи стимуломъ къ объединенію и къ нравственному возрожденію“. Въ Туринѣ такъ говорили всѣ, и можно было удивляться спокойствію, съ какимъ всѣ допускали возможность войны съ Франціей.

Король хвастался только для вида ad pompam et ostentationem, но въ сущности онъ давалъ себѣ вполнѣ ясно отчетъ въ положеніи дѣлъ, гораздо яснѣе, нежели Раттацци и всѣ благонамѣренные люди и революціонеры Турина и Флоренціи. Онъ зналъ, что императоръ ни подъ какимъ видомъ не позволитъ ему вступить въ Римъ, и не придавалъ серьезнаго значенія словамъ своего зятя, который говорилъ, что „надобно принудить къ этому императора“. Раттацци поручилъ въ то же время вывѣдать мнѣніе Бисмарка, чтобы знать, въ какой мѣрѣ можно было разсчитывать на Пруссію въ случаѣ вмѣшательства Франціи. Бисмаркъ отвѣтилъ его посланному: „Франція имѣетъ законное право поддержать папу; королевское правительство не можетъ обѣщать своей поддержки для агрессивныхъ дѣйствій противъ правительства, съ коимъ оно поддерживаетъ дружескія отношенія, каковыя ему нѣтъ повода нарушать“.

Тогда Викторъ-Эммануилъ рѣшился. Онъ принялъ отставку совѣта, отвѣтилъ императору собственноручно, что тайная вербовка солдатъ будетъ воспрещена, комитеты будутъ распущены и что обѣщанное

воззваніе будетъ обнародовано: словомъ, онъ сдѣлаетъ все, противъ чего протестовалъ Раттацци.

Эти обѣщанія, видимо, были вполнѣ серьезны, такъ какъ король поручилъ одновременно портфель министра иностранныхъ дѣлъ Чіальдини, храброму генералу, однажды побѣдившему Гарибальди при Аспромонте.

Къ заявленію Виктора-Эммануила французское правительство отнеслось съ довѣріемъ, которое отразилось въ замѣткѣ, появившейся въ „Moniteur officiel". „Въ виду опасности, угрожавшей папскимъ владѣніямъ со стороны революціонныхъ бандъ, перешедшихъ границу", говорилось въ этой статьѣ, „французское правительство рѣшило послать экспедиціонный отрядъ въ Чивитта-Веккію, какъ того требовали честь и достоинство Франціи, ибо ея правительство не можетъ допустить, чтобы обязательства, скрѣпленныя подписью Франціи, не были выполнены. Но итальянское правительство дало императорскому правительству самыя категорическія увѣренія: имъ приняты всѣ мѣры къ тому, чтобы не допустить вторженіе революціонеровъ въ папскія владѣнія и обезпечить строгое соблюденіе конвенціи. Вслѣдствіе этого посадка войскъ на суда, по повелѣнію императора, пріостановлена. Для выполненія королевскихъ обѣщаній вновь назначенному министру нужно было немедленно сформировать министерство и твердо взять дѣло въ свои руки. Но Чіальдини не было въ Туринѣ; его приходилось ждать. Раттацци, отставка коего была принята, ни во что не вмѣшивался, чтобы не брать на себя отвѣтственности и не стѣснить свободу дѣйствій своего преемника; онъ пребывалъ въ бездѣйствіи, не отдавалъ никакихъ приказаній и ничего не воспрещалъ. Этимъ бездѣйствіемъ власти тотчасъ воспользовались революціонеры: начиная отъ высшихъ чиновъ администраціи и кончая низшими, всѣ наперерывъ старались облегчить доставку волонтеровъ и снабдить ихъ оружіемъ. Никогда еще черезъ границу не перешло такое множество волонтеровъ, какъ съ того момента, когда Викторъ-Эммануилъ обѣщалъ, что они будутъ задержаны. То и дѣло происходили народныя манифестаціи; комитеты заволновались; Криспи телеграфировалъ Раттацци: „Медлить долѣе нельзя, освободите Гарибальди, перейдите границу, займите Чивитта-Веккію; этого требуютъ честь и безопасность страны".

Напуганный король поспѣшно вызвалъ Ревеля, который до пріѣзда Чіальдини продолжалъ управлять военнымъ министерствомъ, и съ негодованіемъ сказалъ ему, говоря о Раттацци: „Онъ предаетъ меня; онъ погубитъ меня; надобно пресѣчь ему возможность дѣйствовать".

— Это очень легко сдѣлать, сказалъ Ревель, смѣясь;—я напишу

ему, чтобы онъ пріѣхалъ въ военное министерство; онъ явится немедленно. Мы отведемъ ему приличное помѣщеніе; я дамъ въ его распоряженіе своего повара, и онъ будетъ лишенъ возможности выѣзжать и кого бы то ни было принимать.

— Но, замѣтилъ король,—г-жа Раттацци будетъ бѣсноваться и натворитъ переполоха. Не слѣдуетъ прибѣгать къ столь крайнимъ мѣрамъ; достаточно того, если Раттацци оставитъ министерство; примите полномочія, я васъ поддержу; далѣе мы увидимъ, что намъ дѣлать.

Ревель отказался принять полномочія, рѣшивъ ждать Чіальдини, который долженъ былъ пріѣхать со дня на день; но обѣщалъ королю, что Раттацци завтра же покинетъ дворецъ Рикарди и переселится на свою частную квартиру. Отправившись къ бывшему президенту кабинета, онъ передалъ ему желаніе короля. Раттацци изъявилъ согласіе подчиниться этому требованію и передалъ завѣдываніе полиціей префекту Кантелли.

— Grazutante! воскликнулъ король, когда Ревель сообщилъ ему объ успѣхѣ.

20-го числа, утромъ, пріѣхалъ, наконецъ, Чіальдини. Онъ только-что приступилъ къ переговорамъ съ должностными лицами, какъ вдругъ воздухъ огласился криками: „Гарибальди! Гарибальди!", и толпа устремилась къ площади Santa Maria Novella, гдѣ Гарибальди, стоя на балконѣ, кричалъ: „Мы возьмемъ Римъ! благодарю населеніе Флоренціи. Говорятъ о прибытіи иноземнаго флота; не бойтесь его; онъ будетъ разсѣянъ дуновеніемъ народа!". И городъ огласился возгласами: „Viva Roma! Viva Garibaldi!".

III.

Несмотря на бдительный надзоръ девяти военныхъ судовъ, Гарибальди удалось бѣжать съ острова Капрера безъ всякой помощи со стороны правительства. Его зять Канціо, получивъ деньги отъ неутомимаго казначея революціонеровъ, Лемми, нанялъ небольшое судно „San Francesco", на которомъ ему удалось проскользнуть мимо крейсеровъ, наблюдавшихъ за островомъ Капрера; и онъ успѣлъ предупредить Гарибальди о своемъ прибытіи чрезъ нѣкую г-жу Коллинсъ, давно уже проживавшую въ этой мѣстности. Гарибальди послалъ къ ней свою дочь Терезиту и своего секретаря Бассо, чтобы обсудить планъ побѣга. Было рѣшено, что онъ явится ночью на берегъ и попытается пробраться въ рыбацкой лодкѣ въ Сардинію. Канціо и „San Francesco" должны были ожидать его на восточномъ

берегу острова въ гавани Брандинчи. Гарибальди притворился больнымъ, заперся на три дня въ своей комнатѣ, выкрасилъ волосы и бороду, надѣлъ рыбацкій костюмъ и, выбравъ время между закатомъ солнца и восходомъ луны (это было въ полнолуніе), растянулся въ „beccacino“—лодкѣ, употребляемой для охоты за утками, борта которой возвышаются надъ водою всего на нѣсколько сантиметровъ и которой управляютъ однимъ весломъ, находящимся на рулѣ, дѣйствуя имъ на подобіе рыбьяго хвоста. Въ этой лодкѣ онъ переправился чрезъ Монетскій проливъ, подвергаясь во время этого плаванія большой опасности, ибо хотя волненіе, поднятое сирокко, было не особенно значительно, но все же волны были слишкомъ велики для маленькой лодченки, черезъ которую онѣ время отъ времени перекатывались. Гарибальди присталъ къ берегу у Maddalena и переночевалъ у г-жи Коллинсъ. На слѣдующій день онъ отправился далѣе въ рыбацкой лодкѣ.

На окрикъ „кто идетъ?“ лодочникъ отвѣчалъ: Pescatori! Лодку пропустили.

17 числа Гарибальди высадился на берегу Сардиніи, провелъ ночь въ пещерѣ; 18-го числа сѣлъ на лошадь и цѣлыхъ семнадцать часовъ ѣхалъ по горамъ, останавливаясь лишь на короткое время въ пастушечьихъ хижинахъ. Переправившись черезъ горы, онъ встрѣтился наконецъ со своимъ зятемъ въ Брандинчи и тотчасъ отплылъ съ нимъ къ берегу Тосканы. 20 числа, въ полдень, онъ уже былъ во Флоренціи. Бросившись въ объятія Кайроли, Гарибальди воскликнулъ:

— Изъ всѣхъ рискованныхъ предпріятій моей жизни самымъ труднымъ и вмѣстѣ съ тѣмъ самымъ великолѣпнымъ былъ мой побѣгъ съ острова Капрера,—я буду имъ гордиться всю жизнь.

Правительству ничего не оставалось, какъ арестовать его. Но гдѣ было правительство? Раттацци, отставка котораго была принята и который былъ уже выселенъ изъ министерскаго зданія и передалъ всѣ свои полномочія въ руки префекта Кантелли, не хотѣлъ, точно такъ же, какъ и прочіе коллеги, совершать актъ, который предрѣшилъ бы политику его преемника. Но преемника этого еще не существовало. Чіальдини не успѣлъ сформировать министерства, у него не было законной власти точно такъ же, какъ Раттацци не имѣлъ нравственнаго авторитета. Дорожа своей славой и популярностью, Чіальдини боялся вызвать энергическими мѣрами неудовольствіе гарибальдійцевъ, а анархія между тѣмъ возрастала.

Понимая, однако, что невозможно было игнорировать появленіе Гарибальди во Флоренціи, министръ вступилъ съ нимъ въ переговоры, послалъ къ нему Криспи, даже самъ поѣхалъ къ нему. Гари-

бальди не обратилъ на всѣ эти заискиванія ни малѣйшаго вниманія и, поручивъ одному изъ своихъ друзей заказать для него экстренный поѣздъ, уѣхалъ 22-го октября изъ Флоренціи, никого не предувѣдомивъ.

Чіальдини узналъ объ его отъѣздѣ, услыхавъ свистокъ удалявшагося поѣзда. Тогда онъ рѣшился просить Раттацци подписать приказъ объ арестованіи генерала, но, вмѣсто того, чтобы послать этотъ приказъ надлежащимъ властямъ по телеграфу, что̀ дало бы возможность задержать Гарибальди въ Перуджіо, гдѣ онъ долженъ былъ проѣхать 22 числа въ 6 часовъ вечера, приказъ былъ посланъ съ нарочнымъ, который явился къ префекту гор. Гадда 23 числа въ 2 часа утра; между тѣмъ Гарибальди уже въ 11 часовъ вечера былъ въ Терни. Когда десять карабинеровъ, посланныхъ за нимъ въ погоню, явились въ Ріето, генералъ переѣхалъ уже границу.

Помощникъ префекта, донося объ этомъ, присовокуплялъ, что „появленіе карабинеровъ вызвало въ городѣ такое волненіе, что населеніе оказало бы навѣрно серьезное сопротивленіе, если бы они сдѣлали попытку арестовать генерала“.

Теперь уже не было болѣе надобности охранять границу, и войскамъ былъ отданъ приказъ сосредоточиться между Терни, Пассокоррезе и Орбителло.

Прибывъ на папскую территорію, Гирибальди сразу увидѣлъ, что революціонное движеніе, на которое онъ возлагалъ большія надежды, и о которомъ многократно провозглашалось въ его лживыхъ депешахъ, было подавлено, революціонныя банды были разстроены и положеніе дѣлъ было хуже, нежели до его отъѣзда въ Капреру. Тогда онъ рѣшилъ сосредоточить свои войска между Пассокоррезе и Кастель Маджіоре. Такъ какъ папскія войска не оказали ему въ этомъ пунктѣ никакого сопротивленія, то это сосредоточеніе совершилось безъ труда; гарибальдійцы изобразили это подвигомъ достойнымъ Ганнибала или Наполеона.

Волонтеровъ было у Гарибальди отъ семи до восьми тысячъ; изъ нихъ едва пятьсотъ человѣкъ были въ красныхъ рубахахъ, прочіе— въ своей собственной изодранной одеждѣ, кто въ рубашкѣ, кто въ жилетѣ; офицеры были вооружены кто палкой, кто вѣткой, срѣзанной отъ дерева; весьма немногіе имѣли сабли, кинжалъ или пистолетъ. Въ рядахъ волонтеровъ не было ни порядка, ни дисциплины. Рядомъ съ храброй молодежью, принадлежавшей къ самымъ доблестнымъ фамиліямъ, шли сотни всякаго сброда, грабившаго все по пути.

Когда художникъ Коста спросилъ одного крестьянина, по какому пути пошли волонтеры, то послѣдній отвѣчалъ: „Видите эту груду птичьихъ перьевъ? Вездѣ, гдѣ вы ихъ увидите, будьте увѣрены, что

вы напали на ихъ слѣдъ". Съ этой толпой проходимцевъ и бродягъ Гарибальди атаковалъ въ Монтеротондо.

Монтеротондо представлялъ изъ себя четыреугольный замокъ, стоявшій на очень крутомъ холмѣ, обнесенномъ стѣнами съ тремя массивными воротами, такъ что доступъ въ него былъ чрезвычайно труденъ. Замокъ господствовалъ надъ желѣзной дорогой и надъ всѣми дорогами, ведущими въ Римъ по лѣвому берегу Тибра. Совершенно непонятно, почему папское войско не привело эту крѣпость въ состояніе надлежащей обороны. Въ ней было всего на всего двѣ пушки и 320 чел. гарнизона съ 12 офицерами.

Эти храбрецы отражали, въ теченіе 27 часовъ осаждавшія ихъ банды гарибальдійцевъ, сметая ихъ орудійнымъ огнемъ, какъ только онѣ появлялись на открытомъ мѣстѣ. Чтобы сломить ихъ сопротивленіе, пришлось поджечь ворота. Тогда они заперлись въ замкѣ. Подожженные еще разъ, они сдались, едва не изжаренные огнемъ.

Въ этотъ моментъ къ Монтеротондо подошелъ посланный на помощь осажденнымъ двухтысячный отрядъ папскихъ войскъ. Увидавъ, что замокъ находится во власти гарибальдійцевъ, отрядъ поспѣшно отошелъ къ Риму.

IV.

Узнавъ о томъ, что итальянское правительство пропустило волонтеровъ черезъ границу, Наполеонъ III былъ чрезвычайно разгнѣванъ.

„Я вижу съ прискорбіемъ, писалъ онъ Виктору-Эммануилу, что обѣщанія вашего величества не исполняются".

На слѣдующій день, узнавъ о дальнѣйшихъ успѣхахъ Гарибальди, императоръ рѣшилъ перейти отъ словъ къ дѣлу и телеграфировалъ королю:

„Я отмѣнилъ по вашей просьбѣ посылку флота; но у васъ еще не сформированъ кабинетъ, волонтеры по-прежнему наводняютъ папскую территорію, Риму угрожаетъ опасность; я не могу долѣе медлить оккупаціей Чивитта-Веккіи".

Одновременно съ этимъ заявленіемъ въ „Montineur'ѣ" появилась 26 октября слѣдующая замѣтка:

„Въ виду новыхъ попытокъ со стороны революціонныхъ бандъ вступить на папскую территорію, императоръ отдалъ вновь приказаніе посадить на суда войска, вызванныя въ Тулонъ. Защитникамъ Рима не слѣдуетъ приходить въ отчаяніе".

Французскій флотъ снялся съ якоря.

Между тѣмъ Чіальдини все медлилъ, не зная, какую принять программу. Тогда Викторъ-Эммануилъ, понимая необходимость немедленно сформировать какой бы то ни было кабинетъ, обратился къ Менабреа и поручилъ ему выполнить дѣло, за которое не умѣлъ взяться Чіальдини.

Менабреа сформировалъ министерство, тотчасъ обнародовалъ королевское воззваніе, написанное въ самыхъ энергическихъ выраженіяхъ, и принялъ рядъ самыхъ энергическихъ мѣръ: спектакль, назначенный въ пользу комитетовъ, былъ запрещенъ; самые комитеты были закрыты и ихъ бумаги конфискованы; по новоду ихъ дѣятельности начато слѣдствіе. Протестъ депутатовъ крайней лѣвой, расклеенный на стѣнахъ, былъ сорванъ; контракты, заключенные на поставку оружія, уничтожены.

Будь все это сдѣлано нѣсколькими днями раньше, французскій флотъ не вышелъ бы изъ Тулона. Но онъ былъ уже въ открытомъ морѣ. Узнавъ объ отплытіи судовъ, Викторъ-Эммануилъ телеграфировалъ императору:

„Коль скоро ваше величество, несмотря на сдѣланное мною заявленіе, полагаете нужнымъ занять Чивитта-Веккію, порядокъ вещей, установленный конвенціей, является этимъ нарушеннымъ. Вслѣдствіе чего войскамъ, расположеннымъ на границѣ, отданъ мною приказъ вступить на римскую территорію. Если вы пожелаете отмѣнить приказъ объ отправкѣ судовъ, я могу еще отмѣнить свое приказаніе".

Наполеонъ III отвѣчалъ въ тотъ же день:

„Если бы я воздержался, по совѣту вашего величества, отъ вмѣшательства, то революціонныя банды безпрепятственно овладѣли бы Римомъ. Вступленіе войскъ вашего величества въ Папскую область подаетъ поводъ къ серьезнымъ осложненіямъ; о чемъ я глубоко скорблю".

Французскій флотъ продолжалъ свое плаваніе, и 30 октября французскій флагъ взвился на стѣнахъ Чивитта-Веккіи. Въ тотъ же день въ „Gasetta Uffizvale" появилась замѣтка о томъ, что королевскія войска получили приказаніе перейти границу и занять нѣкоторые пункты Папской области.

Съ этого момента вопросъ о независимости папы долженъ былъ рѣшиться не въ Парижѣ и Флоренціи; его рѣшеніе зависѣло всецѣло отъ сраженія, которое должно было произойти между французскими и итальянскими войсками и гарибальдійцами.

V.

Друзья Гарибальди почти всѣ, безъ исключенія, были того мнѣнія, что послѣ появленія королевскаго воззванія, коимъ генералъ былъ объявленъ бунтовщикомъ, и прибытія французовъ въ Чивитта-Веккію, у него не было никакой надежды на успѣхъ, и ему оставалось только перейти со своими волонтерами обратно границу. Гвасталла и Кайроли, пріѣхавъ въ Монтеротондо 31 числа утромъ, убѣждали его повиноваться королю и отступить.

„Быть можетъ, волонтеры могли бы разбить маленькое папское войско", говорили они, „но имъ, конечно, не справиться съ сотнями батальоновъ, и героическая гекатомба будетъ безполезна".

Выслушавъ ихъ, Гарибальди всталъ и сказалъ:

„Bene, bene, мои храбрецы, я буду дѣйствовать по своему усмотрѣнію" и приказалъ немедленно своимъ волонтерамъ сражаться до послѣдней крайности, при какихъ бы то ни было обстоятельствахъ. Въ дневномъ приказѣ по арміи онъ металъ громъ и молніи противъ итальянскихъ войскъ.

„Если гнусные происки, вызванные гнусной сентябрьской конвенціей, побудятъ іезуитовъ и презрѣнныя consorteria (партіи) требовать, чтобы мы сложили оружіе, повинуясь правительству „втораго декабря", то я напомню всему міру, что одинъ я, римскій генералъ, получилъ полномочія отъ единственнаго законнаго правительства, — отъ Римской республики; избранный всеобщей подачей голосовъ, я имѣю право остаться на этой территоріи, подлежащей моей юрисдикціи".

Послѣ паденія Монтеротондо, передъ Гарибальди былъ открытъ путь до самаго Рима, куда генералъ Канцлеръ отступилъ съ папскими войсками. Гарибальди дошелъ безпрепятственно до Кастель Гіубилео, въ разстояніи ружейнаго выстрѣла отъ Рима, и былъ готовъ придти на помощь тому призрачному инсуррекціонному движенію, о которомъ его увѣдомляли. Но самый развитый изъ его офицеровъ, Чуерсони, доложилъ ему, что онъ напрасно теряетъ время въ ожиданіи возстанія, котораго не будетъ, и совѣтовалъ ему какъ можно скорѣе отойти съ этого пункта, гдѣ онъ подвергался большой опасности. Тогда Гарибальди далъ сигналъ отступить къ Монтеротондо. Волонтеры, мечтавшіе поживиться въ Римѣ богатой добычей, были объяты паническимъ страхомъ. Обманутые, голодные, они полагали, что ихъ преслѣдуютъ войска и что они погибли; болѣе 2.000 человѣкъ бѣжало что есть духа къ границѣ.

Гарибальди замѣтилъ ихъ съ высоты башни, гдѣ онъ проводилъ цѣлые дни, осматривая горизонтъ; увидавъ, что они неслись, подобно

бурному потоку, онъ воскликнулъ: „Это безпорядочное бѣгство есть дѣло этихъ проклятыхъ солдатъ Мадзини; они говорятъ: „Къ чему прогонять папу, чтобы замѣнить его другимъ еще болѣе худшимъ правительствомъ? Лучше сидѣть дома, гдѣ можно поѣсть и попить какъ слѣдуетъ, и гдѣ въ добавокъ будетъ цѣла и шкура! Этотъ мадзиніевскій сбродъ учинилъ страшное бѣдствіе“, писалъ онъ въ своихъ запискахъ.

Отстаивать долѣе Монтеротондо было невозможно; въ немъ не было никакихъ запасовъ, а близость къ границѣ благопріятна дезертирству. Кромѣ того, хотя позиція, занятая Гарибальди, была хороша для отраженія пѣхоты, но она была беззащитна противъ артиллеріи, которая могла занять близъ лежащія высоты и обстрѣливать гору со всѣхъ сторонъ. Гарибальди рѣшилъ отступить къ Тиволи, гдѣ онъ могъ опереться на Апеннины и гдѣ ему было открыто отступленіе въ Абруцскія горы.

Получивъ телеграмму отъ Мустье, съ извѣщеніемъ о рѣшимости французскаго правительства защитить папу, представитель Франціи, Арманъ, все время настаивавшій на вмѣшательствѣ, отправился, внѣ себя отъ радости, въ полной парадной формѣ и въ парадномъ экипажѣ, съ этой вѣстью къ папѣ, но появившееся нѣсколько дней спустя сообщеніе о томъ, что отправка флота пріостановлена, снова вызвало тревогу при папскомъ дворѣ. „Флотъ не придетъ“, повторяли всѣ съ грустью. Взятіе Гарибальди Монтеротондо вызвало въ Римѣ еще большій переполохъ; всѣмъ чудилось, что генералъ находится уже у воротъ Рима. Папа приказалъ укладывать вещи и готовился къ бѣгству; въ Чивитта-Веккіи его ожидало испанское судно; кардиналы, которымъ папа не сообщалъ о своихъ намѣреніяхъ, были страшно удручены. Наконецъ, всѣ вздохнули съ облегченіемъ: „Французскія войска отплыли! Они скоро прибудутъ! Они уже прибыли!“ Но подоспѣютъ ли они во́-время? Это волновало всѣхъ.

Неизвѣстность продолжалась не долго. 30 октября авангардъ французскихъ войскъ, подъ командою генерала Польгеса (Polhés), вступилъ въ Римъ. Генералы папскихъ войскъ, Канцлеръ и Фальи, зная, что наилучшее средство обороны есть нападеніе тотчасъ, рѣшили атаковать Гарибальди и 3 ноября, въ 4 часа утра, 3.000 солдатъ папскаго войска и 2.200 французовъ выступили изъ папской столицы. Папскія войска шли во главѣ отряда; французы составляли арьергадъ; войска направились къ Монтеротондо, гдѣ они надѣялись встрѣтить Гарибальди, но онъ выступилъ въ тотъ день въ Тиволи, нѣсколько замѣшкавшись, по настоятельной просьбѣ своего сына генерала Менотти Гарибальди, который хотѣлъ роздать до выступленія солдатамъ сапоги, полученные въ то утро. Едва Гарибальди успѣлъ вступить въ Ментону, какъ конный разъѣздъ донесъ

о приближеніи непріятеля; раздавшіеся выстрѣлы подтвердили справедливость этихъ словъ: генералъ былъ застигнутъ врасплохъ. Папскія войска, предводительствуемыя смѣлымъ Шареттомъ, захватили передовые посты гарибальдійцевъ, выдвинутые на 4 километра отъ Ментоны, и оттѣснили ихъ въ деревню, вызвавъ среди гарибальдійцевъ невообразимый переполохъ.

Гарибальди самъ навелъ орудія, приказалъ отбить атаку и съ помощью такихъ храбрецовъ, какъ онъ, взялъ обратно часть оставленной деревни. Папскія войска остановились, но ихъ ряды не смѣшались; Гарибальди пытался обойти ихъ съ обоихъ фланговъ. Тогда ринулись въ битву французы. Одинъ батальонъ 29-го полка атаковалъ правое крыло гарибальдійцевъ и отрѣзалъ его отъ Монтеротондо; батальонъ егерей и батальонъ 1-го линейнаго полка атаковали лѣвый флангъ и, остановившись въ нѣкоторомъ разстояніи, открыли огонь. Достаточно было нѣсколькихъ выстрѣловъ, чтобы обратить волонтеровъ въ постыдное бѣгство. Гарибальди, сидѣвшій на лошади, былъ пораженъ и сказалъ Коста: „Я видѣлъ въ Беззеккѣ, какъ люди бѣжали, но никогда не видалъ, чтобы бѣжали такъ, какъ они“.

Въ пять часовъ вечера весь отрядъ гарибальдійцевъ, за исключеніемъ нѣсколькихъ человѣкъ, укрывшихся въ деревнѣ, былъ обращенъ въ бѣгство. Нѣсколько сотъ храбрецовъ блестящимъ образомъ поддержали славу итальянской доблести, но огромное большинство волонтеровъ даже не вступило въ бой. На другой день утромъ французскія войска захватили всѣхъ отсталыхъ безъ боя, и надъ Ментоной взвился бѣлый флагъ. Гарибальдійцы потеряли 150 чел. убитыми, 240 ранеными, 900 взятыми въ плѣнъ; папскія войска—30 чел. убитыми, 103 ранеными; французы—4 чел. убитыхъ, 36 раненыхъ.

Волонтеры сложили оружіе въ Пассокоррезе и перешли на итальянскую территорію. „Непобѣдимый“ генералъ также перешелъ обратно границу, поникнувъ головою и обдумывая сдѣланную имъ страшную ошибку, которая повредила его дѣлу и его репутаціи. Его никогда не видѣли такимъ осунувшимся, постарѣвшимъ и мрачнымъ, какъ въ эту кампанію. Онъ былъ арестованъ въ Фильини. Французскому посланнику разсказывали, будто онъ бросился на землю, крича, что онъ американскій гражданинъ. По словамъ его друзей, сидя на станціи, на стулѣ, онъ заявилъ, что онъ итальянскій депутатъ, римскій генералъ, американскій гражданинъ, что его арестъ есть беззаконіе и что онъ подчиняется только силѣ. Четыре карабинера подхватили его подъ руки и отнесли въ карету, въ которой онъ былъ отправленъ въ фортъ Вариньяно, близъ Специи. Какъ американскій гражданинъ, онъ прибѣгнулъ къ покровительству консула Соединен-

ныхъ штатовъ, но, несмотря па его заступничество, онъ остался подъ арестомъ.

Такъ легко воспламеняющійся итальянскій народъ отнесся этотъ разъ совершенно равнодушно къ аресту своего народнаго героя, и волненіе въ Туринѣ, коего такъ боялся Викторъ-Эммануилъ, быстро улеглось.

27 ноября зять Гарибальди, Канціо, телеграфировалъ Менотти Гарибальди:

„Твой отецъ заболѣлъ".

Менотти явился въ министерство и просилъ предоставить Гарибальди нѣкоторую долю свободы.

Менабреа, убѣжденный, что, въ случаѣ смерти генерала, его обвинятъ въ томъ, что онъ приказалъ отравить его, тотчасъ пригласилъ къ нему врача и на основаніи его отзыва приказалъ перевезти его въ Капреру; желая избавиться отъ постояннаго надзора, Гарибальди далъ подписку о томъ, что онъ не оставитъ острова до 1 мая.

Въ своемъ невольномъ уединеніи, онъ рѣшился, по совѣту друзей, напечатать рядъ историческихъ романовъ, которые были направлены въ особенности противъ папы и католическаго духовенства.

II.

Къ характеристикѣ Наполеона I. 1798—1816 г.г.

Изъ записокъ графа Адріана де Планси [1]).

I.

Въ числѣ многочисленныхъ записокъ и воспоминаній, оставленныхъ дѣятелями первой имперіи, подвизавшимися на поприщѣ гражданской службы, видное мѣсто занимаютъ записки нѣкоторыхъ префектовъ Наполеона I, десятки лѣтъ хранившіяся подъ спудомъ въ частныхъ и общественныхъ архивахъ и только въ послѣдніе годы увидавшія свѣтъ.

Давая обильный матеріалъ для изученія законодательной и административной дѣятельности временъ первой имперіи, эти записки представляютъ значительный интересъ и во многихъ другихъ отношеніяхъ; оно и понятно, ибо лицо, занимавшее видный административный постъ, въ столь богатую событіями эпоху, каковы времена консульства и первой имперіи, имѣло возможность занести на стра-

---

[1]) Souvenirs du comte de Plancy. Paris, 1904.

ницы своихъ воспоминаній не мало любопытныхъ фактовъ и личныхъ наблюденій, а надобно замѣтить, что должность префекта, учрежденная во Франціи 28 плювіоза (17 февраля) 1800 г., была одною изъ самыхъ видныхъ; префектъ являлся въ своемъ департаментѣ представителемъ императорской власти, назначался изъ лицъ высшаго круга, имѣлъ непосредственныя сношенія съ императоромъ, наблюдалъ во ввѣренномъ ему департаментѣ за исполненіемъ законовъ и правительственныхъ распоряженій, разрѣшалъ всѣ вопросы управленія, не подлежавшіе вѣдѣнію высшихъ инстанцій, издавалъ постановленія, имѣвшія предметомъ общественную безопасность и т. д. Образцовымъ префектомъ былъ графъ Адріанъ де Планси (р. 1778—1855 г.), стоявшій во главѣ департамента Сены и Марны въ 1814 г., въ то время, когда союзныя войска вступили въ предѣлы Франціи и этотъ департаментъ сдѣлался театромъ военныхъ дѣйствій. Къ этому времени относится и самая интересная часть оставленныхъ имъ записокъ, которыя изданы въ прошедшемъ году въ Парижѣ.

До поступленія своего на службу изящный, богатый, молодой графъ де Планси вращался въ интимномъ кругу извѣстнаго дѣятеля первой французской революціи, бывшаго члена конвента, Барраса, который послѣ переворота 18 брюмера долженъ былъ, по приказанію Наполеона, удалиться изъ Парижа въ свое имѣніе Гробуа, такъ какъ Бонапартъ, несмотря на ихъ прежнюю близость, не только не любилъ Барраса, но даже боялся его, подозрѣвая его въ участіи въ направленныхъ противъ него тайныхъ проискахъ.

За Баррасомъ, который жилъ въ Парижѣ во времена директоріи истинно съ царской роскошью, окруженный золотой молодежью, послѣдовали въ Гробуа его адъютанты и весь его штатъ.

Въ его домъ стеклось множество лицъ, пользовавшихся нѣкогда его покровительствомъ; однихъ влекло въ Гробуа чувство признательности и дружбы, другихъ любопытство; вокругъ бывшаго директора образовался такимъ образомъ дворъ, такой же блестящій и многочисленный, какъ тотъ, коимъ онъ былъ окруженъ въ Люксенбургскомъ дворцѣ. Его составляли по большей части ярые республиканцы, считавшіе переворотъ, совершенный Бонапартомъ, посягательствомъ на свободу французскаго народа. Маленькій дворъ Барраса оживлялся цѣлымъ роемъ молодыхъ женщинъ, замѣчательной красоты, среди которыхъ блистала на первомъ мѣстѣ красавица г-жа Талліенъ, любовница Барраса, которую онъ звалъ Таллита и которой подарилъ роскошный домъ въ Парижѣ.

„Таллита, по отзыву всѣхъ ее знавшихъ, была прелестнѣйшею женщиной Парижа. Она была особенно хороша въ простомъ кисейномъ платьѣ греческаго покроя, небрежно стянутомъ у пояса, съ

обнаженными шеей и руками. Своей поступью, осанкой и роскошными формами она походила на богиню".

Баррасу было въ то время сорокъ четыре года.

„По описанію Планси, онъ былъ высокъ ростомъ, крѣпкаго тѣлосложенія и держалъ себя съ достоинствомъ, былъ веселъ, привѣтливъ и обращалъ большое вниманіе на то, чтобы окружающіе вели себя скромно и благопристойно. Онъ не терпѣлъ въ мужчинахъ кокетства. Лицо его было весьма пріятное, несмотря на то, что онъ носилъ всегда на высотѣ глаза мушку изъ англійской тафты, величиною въ пятифранковую монету".

„Въ новой резиденціи Барраса появлялась время отъ времени г-жа де Монпезенъ съ дочерью, это были родственницы Барраса, имѣвшія на него, какъ говорили, большое вліяніе, но самымъ интереснымъ посѣтителемъ Гробуа былъ генералъ Косцюшко, нашедшій, послѣ паденія Польши, убѣжище во Франціи, гдѣ его доблестный и возвышенный характеръ снискалъ ему многочисленныхъ друзей. Директорія предлагала ему пенсію въ 6.000 франковъ, но онъ выказалъ удивительное безкорыстіе, отказавшись отъ нея подъ предлогомъ, что онъ не могъ принять отъ Франціи никакой помощи въ виду крайне стѣсненнаго денежнаго положенія страны. Косцюшко былъ въ самыхъ дружественныхъ отношеніяхъ съ Баррасомъ и съ третьимъ консуломъ Лебреномъ. Какъ человѣкъ въ высшей степени безкорыстный, польскій генералъ находился всегда въ стѣсненныхъ обстоятельствахъ. Онъ жилъ въ департаментѣ Сены и Марны у одного изъ своихъ друзей, по происхожденію швейцарца, который предложилъ ему у себя гостепріимство. Этотъ человѣкъ и его жена оказывали Косцюшко всевозможные знаки вниманія, доходившіе до того, что они велѣли изобразить въ своемъ паркѣ неровности почвы, напоминавшія очертаніе того поля битвы, на которомъ Косцюшко одержалъ побѣду.

„Въ числѣ постоянныхъ посѣтителей Барраса былъ также извѣстный министръ полиціи Фуше, многіе члены національнаго собранія и весьма многіе офицеры и генералы, между прочимъ генералъ Бернадъ, зять Іосифа Бонапарта. Большая часть этихъ лицъ, недовольная происшедшимъ переворотомъ, не стѣсняясь, выражала свое неудовольствіе въ тѣсномъ дружескомъ кругу.

Баррасъ принималъ ежедневно наединѣ многихъ лицъ, съ коими подолгу совѣщался. Ожидались важныя событія.

„Однажды", разсказываетъ Планси, „въ кабинетѣ Барраса собралось нѣсколько республиканскихъ генераловъ; всѣ они горячо жаловались на то, что Бонапартъ завладѣлъ властью и поступалъ тираннически. Обсуждались мѣры, какимъ образомъ отдѣлаться отъ тиранна.

„Наполеонъ, узнавъ о томъ, какой духъ царствовалъ при маленькомъ дворѣ въ Гробуа, приказалъ Баррасу немедленно отправиться въ Брюссель. Другъ Барраса, Фуше, пріѣзжалъ неоднократно въ Гробуа и убѣждалъ его подчиниться этому приказанію, но Баррасъ упорно отказывался, и Фуше обѣщалъ своему другу употребить все стараніе къ тому, чтобы приказаніе это было отмѣнено".

Въ домѣ Барраса дѣлались приготовленія къ энергичной защитѣ, но въ то же время его слуги готовили дорожныя кареты. Дѣйствительно, нѣсколько дней спустя, прискакалъ отъ Фуше курьеръ съ письмомъ, въ которомъ министръ полиціи предупреждалъ Барраса, что „генералъ Бонапартъ рѣшилъ захватить его силою, если онъ не уѣдетъ немедленно изъ Франціи, и что съ этой цѣлью въ Гробуа послано нѣсколько бригадъ жандармовъ. Только тогда Баррасъ рѣшилъ удалиться въ Брюссель, откуда онъ возвратился больной и постарѣвшій уже послѣ реставраціи Бурбоновъ".

Послѣ отъѣзда Барраса въ Бельгію, общество, собиравшееся въ Гробуа, разсѣялось. Планси переѣхалъ въ Парижъ, гдѣ онъ женился на дочери третьяго консула Лебрена и, благодаря его протекціи, поступилъ аудиторомъ въ государственный совѣтъ, гдѣ присутствовалъ на засѣданіяхъ, происходившихъ подъ предсѣдательствомъ перваго консула, на которыхъ вырабатывался новый кодексъ законовъ.

„Изъ того обстоятельства, что первый консулъ предсѣдательствовалъ всегда въ совѣтѣ, нѣкоторыя лица выводили заключеніе, говоритъ Планси, „что совѣтъ былъ стѣсненъ въ своихъ сужденіяхъ и подчинялся ему во всемъ, но я могу утверждать, что самые просвѣщенные люди Франціи обсуждали въ совѣтѣ всѣ вопросы вполнѣ свободно, ничѣмъ не стѣсняемые во время преній. Бонапартъ не столько обращалъ вниманіе на ихъ политическія убѣжденія, сколько старался воспользоваться ихъ свѣдѣніями. Стараясь оживить пренія, онъ обращался иногда къ членамъ совѣта въ шутливомъ тонѣ:

„Ну, г. якобинецъ, говорилъ онъ, напримѣръ, скажите намъ свое мнѣніе" или „а вы, г. роялистъ, что вы думаете объ этомъ?"

Извѣстно, при какихъ обстоятельствахъ совершилось покушеніе на жизнь перваго консула. Нѣкоторые изъ соучастниковъ заговора, послѣ взрыва адской машины, скрывались въ Парижѣ. На другой день послѣ покушенія, Бонапартъ бесѣдовалъ о случившемся съ удивительнымъ хладнокровіемъ и спокойствіемъ.

„Въ настоящее время, говорилъ онъ, изъ Англіи пріѣзжаютъ заговорщики, которые присоединяются къ своимъ единомышленникамъ, тайно проживающимъ въ Парижѣ. Они пріѣзжаютъ на англійскихъ судахъ, высаживаются на прибрежныхъ скалахъ, на которыя они взбираются при помощи веревокъ, чтобы укрыться отъ надзора. Я

увѣренъ, что и въ настоящій моментъ они высаживаются и направляются въ Парижъ, прячась по пути на фермахъ".

Однажды Бонапартъ, извѣщенный полиціей о томъ, что въ Парижѣ носился слухъ, будто австрійскій посланникъ Кобенцель скрывалъ въ своемъ домѣ оружіе, сказалъ во всеуслышаніе въ засѣданіи совѣта:

„Развѣ парижане не знаютъ меня? развѣ они не знаютъ, что если бы я убѣдился въ томъ, что Кобенцель дѣйствительно скрываетъ въ своемъ домѣ оружіе, то я не смотрѣлъ бы на него долѣе какъ на посланника, а приказалъ бы повѣсить его у воротъ его дома, какъ заговорщика, и я увѣренъ, что этимъ я не нарушилъ бы человѣческихъ правъ".

Ставъ императоромъ, Бонапартъ по-прежнему любилъ предсѣдательствовать въ государственномъ совѣтѣ и, какъ прежде, когда онъ былъ первымъ консуломъ, часто придавалъ засѣданіямъ характеръ дружеской бесѣды.

Однажды онъ сказалъ:

„Въ Парижѣ говорятъ, будто я намѣреваюсь объявить войну Австріи и что эта держава дѣлаетъ большія вооруженія. Но развѣ не знаютъ, что ежели императоръ австрійскій купитъ хотя бы одного коня, то я буду въ Вѣнѣ прежде, нежели его осѣдлаютъ?"

Другой разъ, когда въ совѣтѣ обсуждался вопросъ о жалованіи приходскимъ священникамъ, императоръ настаивалъ на томъ, чтобы оно было увеличено и, когда совѣтъ высказался противъ этого, Наполеонъ сказалъ съ живостью: „развѣ вы не знаете, что священникъ наилучшая полиція?"

Принявъ императорскій титулъ и желая придать своей власти болѣе блеска, Наполеонъ рѣшилъ короноваться. Любопытны передаваемыя Планси подробности о приготовленіяхъ, предшествовавшихъ этому торжеству. На него, вмѣстѣ съ прочими аудиторами, были возложены, въ день церемоніи, особыя обязанности:

„Когда я отправился, вмѣстѣ съ прочими аудиторами, къ оберъ-церемоніймейстеру, чтобы получить соотвѣтственныя инструкціи", разсказываетъ онъ, „Сегюръ далъ каждому изъ насъ маленькую палочку, обтянутую бархатомъ; это была, въ миніатюрѣ, точная копія съ его церемоніймейстерскаго жезла. Онъ сказалъ намъ, что, когда мы явимся съ этой палочкою во дворецъ, то передъ нами распахнутся всѣ двери и намъ будетъ предоставлено сдѣлать всѣ приготовленія, какія мы сочтемъ нужнымъ".

Затѣмъ Сегюръ приказалъ разставить длиннѣйшій столъ и внести коробку, въ которой лежали деревянныя фигуры, изображавшія должностныхъ лицъ, которыя должны были участвовать въ церемоніи;

всѣ эти фигуры были одѣты въ соотвѣтствующіе костюмы. Тогда, съ церемоніаломъ въ рукахъ, мы разставили эти фигуры въ томъ порядкѣ и на тѣхъ мѣстахъ, которыя онѣ должны были занимать во время торжественнаго шествія отъ трона къ престолу и обратно.

Благодаря этимъ подготовительнымъ учрежденіямъ мы были въ состояніи выполнить церемоніалъ безукоризненно. Репетиціи происходили въ большомъ залѣ Тюильрійскаго дворца, и намъ говорили, что въ то же самое время императоръ, со своей стороны, производилъ въ своихъ аппартаментахъ другаго рода репетиціи, подъ руководствомъ знаменитаго трагика Тальмы, который безподобно изображалъ въ пьесахъ Корнеля императоровъ и консуловъ и съ большимъ достоинствомъ и благородствомъ носилъ императорскую мантію и консульскую тунику.

Церемоніалъ былъ отпечатанъ въ двухъ экземплярахъ, которые отличались одной подробностью, а именно: въ первомъ было сказано, что корона будетъ возложена на голову Наполеона папою, а во второмъ—что императоръ возьметъ ее изъ рукъ папы и самъ возложитъ на свою голову. Это измѣненіе было сдѣлано вслѣдствіе заявленія императора, что онъ не долженъ не изъ чьихъ рукъ получить корону, которой онъ обязанъ единственно своему мечу. Вмѣстѣ съ тѣмъ Наполеонъ выразилъ желаніе самому возложить корону на голову императрицы.

Наполеонъ хотѣлъ, чтобы коронаціонный кортежъ отличался возможнымъ блескомъ, дабы парижане надолго сохранили о немъ воспоминаніе, и поэтому приказалъ, чтобы кортежъ прослѣдовалъ въ соборъ Парижской Богоматери въ порядкѣ, указанномъ въ церемоніалѣ; для чего всѣ участвующіе должны были собраться въ Тюильри; однако, ему пришлось отказаться отъ этой мысли, когда ему былъ представленъ такой расчетъ: предполагая, что въ каждой каретѣ будетъ сидѣть по четыре человѣка, понадобилось бы нѣсколько минутъ только на то, чтобы они сѣли въ экипажъ у дворца и вышли изъ него у собора, а такъ какъ число приглашенныхъ къ участію въ церемоніи было очень велико, то потребовалось бы болѣе трехъ дней на то, чтобы всѣ они подъѣхали къ церкви и заняли свои мѣста.

Во время церемоніи, „Наполеонъ, по свойственной ему живости или быть можетъ потому, что онъ былъ озабоченъ, шелъ такъ скоро, что я былъ неоднократно вынужденъ останавливать его, дергая за его императорскую мантію, а его братья, только-что возведенные изъ простыхъ генераловъ въ княжеское достоинство, забывали, что они должны были по своему новому званію идти во главѣ кортежа и ихъ приходилось подталкивать, чтобы они шли скорѣе и сохраняли подо-

бавшее имъ мѣсто... То же было и съ императорскими регаліями. Маршалъ, несшій мечъ Карла Великаго, стремился все время идти скорѣе тѣхъ, кои несли скипетръ и корону".

II.

Вскорѣ послѣ коронаціи Наполеона I авторъ цитируемыхъ нами записокъ былъ назначенъ префектомъ въ департаментъ Дуары, образованный изъ присоединенной къ Франціи части Пьемонта. Эта мѣстность переживала тревожное время; въ ней еще не улеглось броженіе, вызванное присоединеніемъ; населеніе относилось къ французской администраціи въ высшей степени враждебно; возбужденіе умовъ поддерживалось духовенствомъ и дворянствомъ, которые лелѣяли надежду возвратить королю сардинскому утраченный престолъ и обезпечить торжество католической вѣрѣ.

Желая лично удостовѣриться въ томъ, какія надежды можно было возлагать на мѣстное населеніе и какой духъ царствовалъ среди него, Наполеонъ совершилъ (въ 1804 г.) поѣздку въ Пьемонтъ, выразивъ желаніе, чтобы къ его пріему не было сдѣлано никакихъ приготовленій. Ему былъ оказанъ вездѣ восторженный пріемъ, за исключеніемъ одного департамента (de la Sésia), гдѣ за его экипажемъ бѣжало всего нѣсколько уличныхъ мальчишекъ, крича: „Vive l'empereur".

Недовольный этимъ пріемомъ (de cette réception „de ruisseau", какъ онъ выразился), Наполеонъ высказалъ громко, что, вслѣдствіе неблагонадежнаго духа, царствующаго въ этомъ департаментѣ, онъ будетъ упраздненъ; мѣстныя власти и представители сословій были приняты императоромъ сурово, но весь его гнѣвъ обрушился на секретаря Гардини, котораго Наполеонъ назвалъ даже интриганомъ и врагомъ Франціи.

Услыхавъ это обвиненіе, Гардини, честно служившій французскому правительству и до того преданный его интересамъ, что онъ навлекъ этимъ на себя неудовольствіе своихъ согражданъ, высоко поднялъ голову и, прервавъ рѣчь императора, возразилъ съ достоинствомъ:

„А кто же, какъ не я, далъ вашимъ солдатамъ оружіе, когда они, не имѣя ничего, спускались по склонамъ Сенъ-Бернарда, идя на завоеваніе Италіи?—Кто далъ имъ хлѣба?—Опять таки я! И меня называютъ врагомъ французовъ! ваше величество, я удаляюсь"...

И онъ повернулся, чтобы уйти; Наполеонъ, удивленный и растроганный этими горячими и благородными словами, подошелъ къ Гар-

дини, удержалъ его и сказалъ, протянувъ ему руку: „Нѣтъ, вы мой другъ“.

Тѣмъ не менѣе Гардини счелъ долгомъ отправиться къ министру внутреннихъ дѣлъ, бывшему свидѣтелемъ этой сцены, и подалъ ему прошеніе объ отставкѣ, на что министръ заявилъ, что послѣ сказаннаго императоромъ онъ не можетъ принять его отставки.

Департаментъ все-таки былъ раскассированъ, его округа были распредѣлены по сосѣднимъ департаментамъ, а Гардини былъ перемѣщенъ въ Ивре, въ томъ же званіи секретаря.

Въ Туринѣ населеніе сдѣлало Наполеону встрѣчу, достойную побѣдителя. Въ честь его въ залѣ театра былъ данъ роскошный балъ, но императоръ пробылъ тамъ недолго. По прибытіи изъ Парижа курьера съ тревожными вѣстями онъ уѣхалъ изъ Турина такъ неожиданно, что въ городѣ узнали объ его отъѣздѣ только на другой день. Наполеонъ позабылъ въ Туринѣ свою маленькую треуголку, которая была помѣщена въ большомъ дворцовомъ залѣ подъ стеклянныимъ колпакомъ и долго хранилась, какъ реликвія. Данный въ честь императора балъ, на которомъ присутствовало все мѣстное дворянство и всѣ красавицы Турина, далъ Наполеону столь высокое понятіе о Пьемонтѣ и его жителяхъ, что онъ назначилъ впослѣдствіи генералъ-губернаторомъ Пьемонта своего зятя, князя Боргезе, и совѣтовалъ ему имѣть въ Туринѣ дворъ“.

Во время возстаній, происходившихъ въ Пьемонтѣ послѣ его присоединенія къ Франціи, въ странѣ начались страшные разбои; бандиты, называвшіе себя „сторонниками короля сардинскаго“, свирѣпствовали между Туриномъ, Александріей и Генуей, перехватывали казенныя деньги, грабили кассы и почтальоновъ, которые ихъ везли, не щадя, разумѣется, и проѣзжихъ.

Залисетти, посланникъ въ Неаполѣ, ѣхавшій со свитою въ Геную, хотѣлъ, не взирая на полученное имъ предостереженіе, проѣхать ночью черезъ Боккеттскій горный проходъ, въ Лигурійскихъ Альпахъ. Поздно вечеромъ онъ подъѣхалъ къ крутому подъему, на который лошади стали взбираться шагомъ, какъ вдругъ экипажи, въ которыхъ ѣхала впереди его свита, были окружены шайкой разбойниковъ, во главѣ которыхъ былъ самъ Магино, извѣстнѣйшій изъ разбойничьихъ атамановъ этой мѣстности. Бандиты остановили первую карету, связали почтальоновъ и, съ пистолетомъ въ одной рукѣ и кинжаломъ въ другой, ограбили путешественниковъ; затѣмъ, приказавъ почтальонамъ продолжать путь, подошли къ слѣдующему экипажу и продѣлали то же.

Между тѣмъ Залисетти, сидѣвшій со своей свитой въ третьемъ экипажѣ, полагая, что въ передней каретѣ произошла поломка и что ее исправляютъ, продолжалъ дремать; но насталъ и его чередъ.

Забравъ чемоданы, прочія вещи и деньги, атаманъ хотѣлъ взять одинъ маленькій ящикъ, стоявшій подъ ногами у Залисетти, тогда послѣдній заявилъ рѣшительнымъ тономъ, что въ немъ лежатъ важныя бумаги, которыя могутъ быть нужны ему одному.

— Хорошо, сказалъ Магино, дайте мнѣ честное слово, что въ ящикѣ нѣтъ ни золота, ни драгоцѣнныхъ вещей.

— Даю слово, отвѣчалъ Залисетти.

— Въ такомъ случаѣ, возразилъ Магино, оставьте ящикъ у себя, но дайте мнѣ вашъ орденъ Почетнаго легіона.

Посланнику пришлось разстаться съ орденомъ, который разбойникъ тотчасъ надѣлъ въ петлицу.

Залисетти, который былъ прежде министромъ полиціи, вѣроятно, провелъ Магино, отплативъ ему такимъ образомъ за его продѣлки надъ полиціей.

Нѣсколько времени спустя Магино, подражая Наполеону, принявшему титулъ императора французовъ и короля Италіи, провозгласилъ себя „императоромъ равнины и королемъ горъ“.

Смѣлые разбои этого бандита, которые онъ совершалъ всегда открыто и съ помощью вооруженной силы, встревожили, наконецъ, правительство, которое назначило цѣну за его голову. За поимку его живымъ или мертвымъ было обѣщано 10 тысячъ франковъ. Столь крупная награда вызвала соревнованіе со стороны полицейскихъ агентовъ, которые были не прочь заработать крупную сумму. Но всѣ ихъ старанія долгое время оставались тщетны, такъ какъ Магино умѣлъ внушить такой страхъ во всѣхъ кантонахъ, гдѣ онъ свирѣпствовалъ, что никто не рѣшался выдать его и онъ находился вездѣ въ большей безопасности, нежели его преслѣдователи.

Полиція Александріи, получивъ однажды извѣстіе, что Магино бродитъ въ близъ лежащихъ горахъ и появляется нерѣдко въ окрестностяхъ города, установила за нимъ такой бдительный надзоръ, что ей удалось, наконецъ, прослѣдить, въ какомъ домѣ онъ чаще всего бывалъ, и жандармскій начальникъ послалъ на разсвѣтѣ сильный отрядъ, чтобы окружить этотъ домъ и произвести въ немъ обыскъ.

Прибывъ къ назначенному часу, офицеръ окружилъ домъ и бросился въ него въ сопровожденіи нѣсколькихъ человѣкъ, чтобы захватить свою добычу, увѣренный въ томъ, что десять тысячъ франковъ будутъ принадлежать ему; несмотря на ранній часъ, онъ засталъ въ домѣ двухъ особъ, сидѣвшихъ за столомъ, распивая кофе; однако, на столѣ стояла третья чашка. Въ этотъ моментъ раздался выстрѣлъ; выглянувъ въ окно, офицеръ увидѣлъ распростертаго на землѣ человѣка. Это и оказался Магино, которому не удалось на этотъ разъ бѣжать. Двое солдатъ хотѣли обезоружить его, но у разбойника

хватило еще силъ нанести имъ ударъ кинжаломъ; они упали замертво подлѣ него. Тогда офицеръ приказалъ дать залпъ и, когда Магино былъ убитъ, онъ снялъ съ его груди орденъ Почетнаго легіона, взятый атаманомъ у Залисетти. Этотъ орденъ по просьбѣ офицера былъ пожалованъ ему.

III.

Осенью 1807 г. Наполеонъ рѣшилъ возложить на себя корону Италіи и съ этой цѣлью отправился въ Миланъ, выразивъ желаніе, чтобы ему не устраивали торжественныхъ встрѣчъ, которыя могли задержать его въ пути.

„Въ октябрѣ мѣсяцѣ 1807 г., читаемъ въ запискахъ Планси, я былъ секретно извѣщенъ губернаторомъ Пьемонта о томъ, что императоръ, по пути въ Миланъ, проѣдетъ чрезъ мой департаментъ. Получивъ вскорѣ послѣ этого извѣстіе о прибытіи Наполеона въ Кивассо, я отправился въ этотъ городъ и засталъ императора въ гостиницѣ, за ужиномъ. Онъ сидѣлъ за столомъ съ Бертье и ѣлъ яичницу и жареныя миноги.

Увидавъ меня, Наполеонъ сказалъ: „Генеральный секретарь, назначенный къ вамъ, склоненъ къ интригамъ“.

Я отвѣчалъ, что я всегда считалъ Джіардини человѣкомъ умнымъ, преданнымъ Франціи и его величеству.

— Что желаетъ населеніе вашего департамента? спросилъ императоръ вслѣдъ за тѣмъ.

— Ваше величество, онъ желаетъ имѣть дорогу черезъ Сенъ-Бернардъ, если это не противорѣчитъ политикѣ вашего величества.

— Но на это предпріятіе потребуется много денегъ, возразилъ императоръ.

Я объяснилъ, что желаніе такъ велико, что мы могли бы распредѣлить работу по частямъ между общинами и, увеличивъ нѣсколько налоги, можно бы собрать недостающую сумму.

Императоръ замѣтилъ на это съ живостью:

— Конечно, это будетъ не трудно, если вы заставите всѣхъ работать...

— Ваше величество, весь департаментъ заставляетъ меня просить васъ о томъ, чтобы была проложена дорога черезъ Сенъ-Бернардъ, холодно замѣтилъ я.

Затѣмъ онъ сталъ бесѣдовать съ мэромъ Кивассо, отставнымъ военнымъ, служившимъ подъ знаменами короля сардинскаго и, внезапно обернувшись ко мнѣ, сказалъ:

„Вашъ департаментъ требуетъ дороги черезъ Сенъ-Бернардъ? разрѣшаю вамъ подать объ этомъ докладную записку министру внутреннихъ дѣлъ“.

Затѣмъ онъ вышелъ изъ гостиницы и прошелъ черезъ дворъ, привѣтствуемый несмѣтной толпою народа, кричавшаго: „Да здравствуетъ императоръ“.

Я трепеталъ за императора; мои опасенія оказались вполнѣ основательны; я узналъ впослѣдствіи, что одинъ убійца слѣдилъ за нимъ до самаго Милана и былъ арестованъ въ этомъ городѣ въ дворцѣ.

Но звѣзда императора была въ то время въ своемъ зенитѣ!“

IV.

Во время похода 1812 года, Плансн занималъ должность префекта въ департаментѣ Сены и Марны и былъ свидѣтелемъ печальнаго возвращенія французскихъ войскъ послѣ битвы подъ Лейпцигомъ.

„Въ Меленъ, городъ департамента Сены и Марны, прибылъ герцогъ Рагузскій со своимъ корпусомъ“, читаемъ въ запискахъ; „его солдаты были до такой степени утомлены, что на нихъ жалко было смотрѣть. Мѣстные жители встрѣтили ихъ радушно, пріютили ихъ въ своихъ домахъ, накормили и напоили ихъ. Я лично угощалъ въ префектурѣ герцога Рагузскаго и офицеровъ его штаба; за обѣдомъ всѣ были грустны и молчаливы; видимо, всѣ были изнурены и рано разошлись на отдыхъ.

На слѣдующій день корпусъ выступилъ изъ города, чтобы прикрыть Парижъ; нѣсколько минутъ спустя, герцогъ Рагузскій сѣлъ на лошадь, чтобы слѣдовать за своимъ отрядомъ. Я сопровождалъ его до городскихъ воротъ.

Не болѣе какъ полчаса спустя ко мнѣ прискакалъ курьеръ съ письмомъ отъ подъ-префекта гор. Куломье, который сообщалъ мнѣ, что императоръ ночевалъ на мельницѣ, названіе которой онъ мнѣ сообщилъ. Это извѣстіе привело насъ въ восторгъ, такъ какъ оно подавало намъ надежду на то, что императоръ поспѣетъ въ Парижъ раньше непріятеля и что войска, шедшія къ столицѣ, измѣнятъ положеніе дѣлъ; несомнѣнно, что если бы императоръ потерпѣлъ пораженіе подъ стѣнами Парижа и былъ вынужденъ отступить, то вся Франція поспѣшила бы къ нему на помощь. Энергическими мѣрами можно было бы заставить непріятеля перейти обратно границу; и

союзные монархи, увидавъ Францію вооруженною, согласились бы, въ концѣ концовъ заключить почетный миръ.

Поэтому, я послалъ, не теряя ни минуты, герцогу Рагузскому депешу подъ-префекта, полагая, что надежда увидѣть императора придастъ войскамъ и населенію энергію, каковой требовали обстоятельства, и что Парижъ будетъ держаться до послѣдней крайности.

Къ сожалѣнію, эта надежда оказалась напрасной; на слѣдующій день прискакалъ отъ того же подъ-префекта второй курьеръ съ извѣщеніемъ, что онъ жестоко ошибся, что на мельницѣ ночевалъ не императоръ Наполеонъ, а императоръ Александръ. Можно себѣ представить, какъ ошеломило насъ это извѣстіе, не предвѣщавшее ничего добраго.

Парижъ сдался послѣ трехдневной осады. Надобно полагать, что непріятель атаковалъ его не особенно энергично, такъ какъ слабый корпусъ герцога Рагузскаго, разумѣется, не могъ долго сдерживать непріятельскую армію.

Парижъ, который мы защищали въ теченіе шести мѣсяцевъ самымъ энергичнымъ образомъ, не принялъ никакихъ мѣръ для самообороны. Намъ это было извѣстно, и это обстоятельство неоднократно вызывало наше неудовольствіе. Трудно себѣ представить, что, зная о приближеніи непріятеля, городъ съ милліоннымъ населеніемъ не вооружилъ ни одного человѣка и что населенію было роздано оружіе всего за три дня до сдачи!

Парижъ одинъ отвѣтственъ за паденіе императора и за всѣ бѣдствія, постигшія отечество.

Послѣ капитуляціи, герцогъ Рагузскій отступилъ со своимъ 15-тысячнымъ корпусомъ, и Парижъ былъ занятъ союзными войсками.

Я могу сказать съ гордостью, что въ департаментѣ Сены и Марны дѣло обстояло совершенно иначе; хотя непріятельскія войска появились въ разныхъ пунктахъ этого департамента, но имъ нигдѣ не было предоставлено квартиръ. Меленъ былъ занятъ союзными войсками послѣ капитуляціи Парижа, да и то они заняли только полъ-города.

Благодаря этому, Наполеонъ могъ найти пріютъ въ Фонтенебло. Когда, въ самый день капитуляціи Парижа, императоръ явился къ воротамъ столицы и увидалъ, что они охраняются русскими войсками, то онъ перенесъ свою главную квартиру въ Фонтенебло, гдѣ онъ и ожидалъ свои войска, кои, по расчету его приближенныхъ, все еще доходили до 60 тысячъ человѣкъ.

Я отправился немедленно въ резиденцію императора и засталъ

Наполеона въ большой галлереѣ съ герцогомъ Бассано и однимъ изъ маршаловъ.

Какъ только я представился, императоръ сказалъ мнѣ:

— Г. Планси, я только-что проѣхалъ чрезъ вашъ департаментъ; должно быть, вы прекрасный человѣкъ, такъ какъ всѣ хвалятъ васъ, но замокъ вашъ очень запущенъ.

— Ваше величество, отвѣчалъ я,—будучи занятъ общественной службой, мнѣ пришлось поневолѣ запустить его.

Оказывается, императоръ останавливался со своей главной квартирой въ Планси и даже ночевалъ тамъ. Я слышалъ впослѣдствіи, что нашъ сельскій священникъ, котораго ограбили казаки, явился къ нему безъ сутаны и почти безъ верхней одежды; говоря обо мнѣ, онъ выразился, что я былъ для нихъ вторымъ провидѣніемъ.

Наполеонъ провелъ въ замкѣ Планси ночь на 17 марта, наканунѣ битвы подъ Арсисъ-сюръ-Объ. Это пребываніе окончилось не особенно благополучно для моего имущества, ибо, когда императоръ ночевалъ въ какомъ-либо домѣ, то тѣ лица, кои завѣдывали устройствомъ для него помѣщенія, выкидывали обыкновенно, для скорости, все, что они находили въ предназначавшейся для него комнатѣ, въ окно и затѣмъ разставляли въ ней легендарную миніатюрную походную мебель, о которой повѣствуетъ исторія.

Въ той же комнатѣ, въ Планси, ночевалъ два дня спустя императоръ Александръ.

Опустошеніе, произведенное въ моемъ домѣ слугами Наполеона, было только прелюдіей къ погрому, учиненному въ немъ казаками, которые прибыли по пятамъ русскаго императора. Они выломали карнизы и перила на лѣстницѣ, чтобы соорудить костры, растащили ковры, содрали старинную обивку съ мебели. Большіе охотники до рыбы, они опустошили всѣ рвы замка, самымъ оригинальнымъ и варварскимъ способомъ выловивъ изъ нихъ рыбу. Выстроившись во рву въ линію двумя рядами, спина къ спинѣ, тѣсно прижавшись другъ къ другу, казаки по командѣ шли впередъ, гоня передъ собою рыбу до тѣхъ поръ, пока оба ряда не сходились лицомъ къ лицу, тогда имъ оставалось только черпать пригоршнями загнанную рыбу и выбрасывать ее на берегъ.

— Вы скоро освободитесь отъ дикой орды, наводнившей преданную мнѣ Шампань, сказалъ Наполеонъ мэру Планси, бесѣдуя съ нимъ 17 марта, вечеромъ.—Это совершится вопреки тѣмъ измѣнникамъ, о коихъ вы говорите и кои мнѣ такъ же хорошо извѣстны, какъ вамъ.

Въ тотъ моментъ, какъ онъ говорилъ это, императору подали депешу, прочитавъ которую, онъ произнесъ:

— Я не веду переговоровъ съ побѣжденными.

Слѣдовательно, Наполеонъ могъ въ этотъ моментъ однимъ словомъ прекратить войну, но онъ твердо вѣрилъ въ свою счастливую звѣзду, которая блестѣла тогда еще ярко.

Въ дальнѣйшей бесѣдѣ со мною, императоръ спросилъ, могу ли я быстро и секретно препроводить маленькую записочку полицейскому префекту, который былъ вмѣстѣ съ тѣмъ членомъ временнаго правительства. Я отвѣчалъ, что могу сдѣлать это, такъ какъ я знаю преданныхъ людей, которые готовы сдѣлать все, чтобы услужить ему: онъ приказалъ герцогу Бассано передать мнѣ эту записку.

Едва успѣлъ герцогъ уйти, какъ ввели жандарма парижскаго гарнизона.

— Что тебѣ нужно? спросилъ императоръ.

— Ваше величество, отвѣчалъ жандармъ,—вчера какъ только непріятель вступилъ въ Парижъ, жандармерія была заперта въ казармы—вѣроятно, боялись ея недовольства. Мнѣ удалось бѣжать, выпрыгнувъ изъ окна, и я поспѣшилъ къ вамъ.

— Ты хорошо сдѣлалъ, возразилъ императоръ,—можешь ли ты вернуться въ Парижъ?

— Могу, ваше величество.

— Ну, такъ скажи твоимъ товарищамъ, чтобы они поспѣшили ко мнѣ, сюда.

Я сказалъ императору, что могу дать жандарму статское платье, въ которое онъ могъ переодѣться, такъ какъ въ военномъ мундирѣ его могли задержать.

— Хорошо, сказалъ императоръ.

Тогда жандармъ сдѣлалъ по-военному нѣсколько шаговъ къ императору и, отдавая честь, сказалъ:

— Ваше величество, я прошу дать мнѣ крестъ.

— Ты получишь его по возвращеніи, отвѣчалъ императоръ.

Я велѣлъ жандарму подождать меня нѣсколько минутъ.

Тѣмъ временемъ вернулся герцогъ Бассано и вручилъ мнѣ маленькую записку, которую надлежало препроводить въ Парижъ; она заключала всего нѣсколько словъ:

„Можно ли разсчитывать на васъ?“

Я сталъ искать жандарма, но всѣ мои поиски оказались тщетны. Я убѣжденъ въ томъ, что это былъ шпіонъ, подосланный къ намъ съ цѣлью вывѣдать, былъ ли императоръ во Фонтенебло, что онъ тамъ дѣлалъ и какими силами располагалъ; по всей вѣроятности, ему было также поручено повліять извѣстнымъ образомъ на солдатъ и т. д. Не найдя жандарма, я призвалъ солдата изъ резервныхъ войскъ, который многимъ былъ мнѣ обязанъ, передалъ ему записку герцога Бассано, и мы условились, что онъ спрячетъ ее, для большей безо-

пасности, въ ручку ножа, приспособленнаго для этой цѣли. Онъ переодѣлся и уѣхалъ.

Отвѣтъ, привезенный имъ, былъ достоинъ истиннаго политика и дипломата; онъ гласилъ:

„Судя по тому, что мною сдѣлано, можно судить о томъ, что я сдѣлаю".

Герцогъ Бассано сдѣлалъ гримасу и отсчиталъ посланному триста франковъ, вполнѣ заслуженныхъ солдатомъ, такъ какъ порученіе было опасное, и онъ выполнилъ его очень скоро и хорошо. На обратномъ пути онъ наткнулся на отрядъ герцога Рагузскаго и былъ задержанъ. Его подвергли допросу, и дѣло грозило окончиться плохо, когда онъ рѣшился назвать меня.

Зная, что непріятель навѣрно атакуетъ вскорѣ Меленъ, я счелъ долгомъ передъ отъѣздомъ изъ Фонтенебло предупредить императора о томъ, что у насъ не было ни одного солдата,—въ городѣ было всего 7 тысячъ жителей, національная гвардія была въ походѣ, а у меня оставалось только нѣсколько резервныхъ солдатъ національной гвардіи. Императоръ обѣщалъ прислать войска.

Заставъ въ Меленѣ все въ томъ же положеніи, въ какомъ я оставилъ его, я возвратился въ Фонтенебло, условившись предварительно съ генераломъ, который командовалъ войсками, расположенными въ департаментѣ Сены и Марны, что при появленіи непріятеля онъ взорветъ мосты, дабы дорога отъ Мелена до Фонтенебло осталась свободна. По пути мнѣ встрѣтился полковникъ Кольберъ съ полкомъ уланъ, который шелъ на выручку города.

Прибывъ въ Фонтенебло, я явился къ императору; онъ завтракалъ съ Бертье.

Императоръ держалъ въ правой рукѣ бараній окорокъ, а лѣвой рукой счищалъ корку хлѣба, въ которомъ онъ былъ запеченъ.

Я удивился, что онъ завтракалъ съ такимъ аппетитомъ въ тотъ моментъ, когда онъ могъ быть взволнованъ и озабоченъ, но меня еще больше удивилъ предметъ его бесѣды.

Я стоялъ почтительно противъ императора, при шпагѣ и со шляпой подъ мышкой, наблюдая и прислушиваясь съ величайшимъ вниманіемъ ко всему, что будетъ говориться и происходить вокругъ меня. Я былъ увѣренъ, что въ тотъ моментъ, когда императоръ потерялъ свою столицу и когда единственнымъ его убѣжищемъ было Фонтенебло, гдѣ мы могли ежеминутно подвергнуться нападенію со стороны непріятеля, не имѣя возможности защититься, разговоръ будетъ касаться только серьезныхъ вопросовъ.

Вмѣсто этого за завтракомъ только и было рѣчи о любовныхъ похожденіяхъ принца Евгенія Богарне и очаровательной танцовщицы

Биготтини, которую мы всѣ знали. Мериньи, которому были извѣстны всѣ перипетіи этой связи, передавалъ ихъ императору, принимавшему оживленное участіе въ разговорѣ.

Вставъ изъ-за стола, Наполеонъ прошелъ мимо меня и ласково похлопалъ меня по щекѣ. Тогда Мериньи подошелъ ко мнѣ и, когда императоръ скрылся въ свои апартаменты, онъ сказалъ мнѣ, смѣясь:

— Вы въ милости, Плансп!

— Немного поздно, отвѣчалъ я, въ свою очередь улыбнувшись. Затѣмъ, принявъ серьезный видъ, я присовокупилъ:

— Будьте такъ любезны, передайте императору, что я прошу у него аудіенціи на минутку.

Мериньи вошелъ въ кабинетъ и, вернувшись, сказалъ мнѣ, что какъ только Лефевръ, бывшій у императора, уйдетъ, я могу войти.

Вскорѣ я былъ введенъ въ кабинетъ и сказалъ императору, что я получилъ изъ Парижа частныя письма, въ коихъ мнѣ сообщали, что на улицахъ раздаются крики: „Да здравствуетъ Людовикъ XVIII". Весьма возможно, что эти возгласы издаютъ женщины и школьники, но вообще населеніе поражено тѣмъ, что среди него появились непріятельскія войска.

Я спросилъ императора, увѣренъ ли онъ въ маршалахъ и генералахъ, окружающихъ его, присовокупивъ, что я предлагаю ему этотъ вопросъ потому, что однажды за обѣдомъ одинъ изъ его маршаловъ держалъ, въ присутствіи многихъ высшихъ офицеровъ, довольно легкомысленныя рѣчи, которыя были встрѣчены, какъ мнѣ показалось, сочувственно, и что другой генералъ выражался о немъ въ высшей степени язвительно, а между тѣмъ это былъ одинъ изъ храбрѣйшихъ генераловъ арміи.

— Я боюсь, ваше величество, что всѣмъ наскучила война, что всѣ утомлены ею, сказалъ я въ заключеніе.

Императоръ слушалъ меня съ видимымъ неудовольствіемъ и просилъ назвать тѣхъ генераловъ, о коихъ шла рѣчь.

— Простите, ваше величество, отвѣчалъ я,—факты, по счастью, не достаточно серьезны, чтобы я рѣшился скомпрометтировать кого-нибудь; къ тому же по своему положенію я недостаточно хорошо знакомъ съ этими господами, чтобы судить по ихъ словамъ объ ихъ истинныхъ намѣреніяхъ; я хотѣлъ только предостеречь ваше величество; прошу позволенія никого не называть.

Императоръ настаивалъ; я снова отказался исполнить его требованіе. Онъ расхаживалъ большими шагами взадъ и впередъ по комнатѣ.

Наконецъ, онъ остановился передо мною и повелительно приказалъ мнѣ отвѣчать Тогда я рѣшился назвать одного дивизіоннаго генерала.

— Да, это бѣдовая голова, сказалъ онъ,—это человѣкъ вѣчно недовольный; онъ говоритъ все, что ему взбредетъ на умъ, но это одинъ изъ лучшихъ и храбрѣйшихъ офицеровъ арміи.

Сказавъ это, Наполеонъ немного помолчалъ и затѣмъ оставилъ меня одного, такъ что я не могъ объяснить ему выработанный мною проектъ изгнанія изъ Парижа непріятеля и оттѣсненія его къ границѣ.

Императоръ могъ бы сосредоточить въ Фонтенебло 60.000 чел., которые были недалеко оттуда; герцогъ Рагузскій съ 15.000 чел. прикрывалъ Фонтенебло. Поэтому я хотѣлъ совѣтовать императору идти немедленно на Парижъ со всѣми силами, объявивъ, что всѣ тѣ, кои примутъ участіе въ этомъ смѣломъ предпріятіи, могутъ разсчитывать на большое повышеніе и награды.

Кромѣ того, слѣдовало отдать префектамъ и подпрефектамъ приказъ объявить въ ихъ департаментахъ рекрутскій наборъ, наскоро вооружить новобранцевъ, превратить города въ укрѣпленныя мѣста, загородить дороги, разрушить мосты и звонить день и ночь въ набатъ, призывая всѣхъ къ оружію.

Мнѣ было подчинено въ моемъ департаментѣ 600 сельскихъ приходовъ, и я могъ бы мигомъ выполнить предлагаемыя мѣры, превративъ обширное пространство въ огромный и неприступный вооруженный лагерь.

Придуманная мною мѣра была не столь крайнимъ средствомъ, какъ пожаръ Москвы, къ которому прибѣгнулъ Ростопчинъ съ цѣлью лишить французовъ продовольствія. Трудно допустить, чтобы три милліона людей не могли изгнать 200.000 иноземнаго войска, если бы они стали повсемѣстно безпокоить и преслѣдовать его.

Первый отпоръ могли дать непріятелю пятьдесятъ тысячъ человѣкъ національной гвардіи, превосходно организованной моими стараніями въ департаментѣ Сены и Марны.

Но, какъ я уже сказалъ, императоръ, ушедшій изъ кабинета, оставивъ меня одного, не далъ мнѣ возможности изложить мой планъ. Онъ вызвалъ, не теряя ни минуты, начальника жандармовъ маршала Монсея и приказалъ ему арестовать генерала, котораго я имѣлъ неосторожность назвать. Къ счастью, его не нашли, или, лучше сказать, постарались не найти, а событія слѣдовали одно за другимъ съ такою быстротою, что приказаніе императора осталось невыполненнымъ.

Какъ только генералъ Монсей удалился, императоръ приказалъ бить тревогу, и дворцовый дворъ наполнился гвардейскими гренадерами, которые уже прибыли въ Фонтенебло.

Услыхавъ звонъ оружія, я вышелъ изъ кабинета и увидѣлъ императора на балконѣ, окруженнаго генералами. Онъ держалъ къ вой-

скy горячую рѣчь, въ которой сообщилъ о происходящемъ въ Парижѣ, сказалъ, что Франція легко можетъ потерять плоды сорокалѣтнихъ жертвъ и т. д.

Затѣмъ войска прошли церемоніальнымъ маршемъ мимо балкона; музыка играла, по желанію Наполеона, марсельезу; гренадеры, проходя подъ балкономъ, кричали: „Да здравствуетъ императоръ!“

Послѣ этого Наполеонъ возвратился въ свои покои, а я уѣхалъ въ Меленъ, чтобы привести въ порядокъ свои дѣла, вполнѣ увѣренный въ томъ, что на слѣдующій день императоръ отправится въ Парижъ со всѣми войсками, какія ему удалось собрать.

По пріѣздѣ въ Меленъ, оказалось, что все произошло такъ, какъ я ожидалъ: непріятель овладѣлъ частью города, префектурой, моимъ обѣдомъ и т. д., но такъ какъ мостъ былъ своевременно разрушенъ, то мы сохранили часть города.

Я былъ такъ твердо увѣренъ въ томъ, что императоръ пойдетъ къ Парижу, чтобы овладѣть имъ, и что въ окрестностяхъ города произойдетъ серьезное сраженіе, что я послалъ къ женѣ довѣреннаго человѣка, того самаго, который такъ удачно выполнилъ данное ему отъ имени императора порученіе, и велѣлъ передать ей записку, въ которой писалъ: „Запрись съ дѣтьми въ подвалъ; ждите, когда я пріѣду освободить васъ“. Дѣйствительно, я намѣревался сопровождать императора или слѣдовать за нимъ въ нѣкоторомъ разстояніи, чтобы видѣть, какъ пойдетъ дѣло и что мнѣ слѣдовало предпринять.

Но, въ то время какъ я дѣлалъ соотвѣтствующія распоряженія, въ Фонтенебло было принято совершенно инаго рода рѣшеніе.

Еще по пути въ Фонтенебло я узналъ, что 15-тысячный корпусъ герцога Рагузскаго, на который я смотрѣлъ, какъ на нашъ авангардъ, отступилъ къ Версалю, а на его мѣсто появились непріятельскія войска. Я не могъ объяснить себѣ это движеніе.

Не доѣзжая одной мили до Фонтенебло, мнѣ повстрѣчалась карета, запряженная четверкою лошадей, которая мчалась во весь опоръ по направленію къ Парижу. Когда экипажъ поровнялся со мною, я увидѣлъ, что въ немъ сидѣли генералы и, узнавъ адъютанта, сопровождавшаго ихъ, закричалъ:

— Что новаго?

— Все улажено, отвѣчалъ онъ.

Такимъ образомъ я вернулся въ Фонтенебло убѣжденный въ томъ, что миръ былъ подписанъ, чѣмъ я былъ очень доволенъ; къ несчастью, я скоро узналъ, что во встрѣченной мною каретѣ ѣхали маршалы, везшіе отреченіе Наполеона, и что они пріѣзжали въ Фонтенебло съ цѣлью вынудить у него это отреченіе.

Войдя во дворецъ, я увидѣлъ императора, стоявшаго въ углу въ

одной изъ комнатъ, печально прислонившись къ амбразурѣ окна; онъ спросилъ меня, что мнѣ нужно. Я отвѣчалъ, что ищу князя Бертье; онъ указалъ мнѣ на дверь, ведшую на деревянную лѣстницу, по которой можно было спуститься въ садъ; сойдя съ лѣстницы, я увидѣлъ князя, расхаживавшаго взадъ и впередъ въ одиночествѣ, и сообщилъ ему, что по пути въ Фонтенебло я слышалъ, что солдаты, стоявшіе по близости бивуакомъ, подожгли часть лѣса, густо поросшаго верескомъ, и что огонь проникъ въ лѣсную чащу; поэтому я просилъ его дать въ мое распоряженіе нѣсколько ротъ солдатъ, чтобы потушить огонь.

Бертье, видимо, колебался, но когда я замѣтилъ, что, въ случаѣ отказа, я буду вынужденъ приказать бить въ набатъ, чтобы призвать на помощь народъ, что̀ при тогдашнихъ обстоятельствахъ могло повлечь за собою весьма серьезныя послѣдствія, то онъ понялъ, что я былъ правъ, и поднялся вмѣстѣ со мною во дворецъ. Мы прошли черезъ комнату, въ которой находился императоръ, и я видѣлъ, что онъ все еще стоялъ въ томъ же положеніи, въ какомъ я засталъ его, войдя въ эту комнату.

Отреченіе Наполеона было полной неожиданностью даже для тѣхъ, кои находились въ центрѣ событій.

Послѣ этого потрясающаго событія мы очутились какъ бы среди огромной пустыни, гдѣ лежало распростертымъ тѣло императора".

V.

„Людовикъ XVIII полагалъ необходимымъ для упроченія своей династіи, чтобы королевскіе принцы ближе познакомились съ Франціей и чтобы французы знали ихъ лично. Съ этой цѣлью онъ поручилъ герцогу Беррійскому объѣхать нѣкоторые департаменты. Министръ внутреннихъ дѣлъ сообщилъ мнѣ оффиціально, что принцъ будетъ въ моемъ департаментѣ, и я отправился ему навстрѣчу въ Мо (Meaux).

Національная гвардія стояла подъ ружьемъ; епископъ, окруженный духовенствомъ, всѣ военные и гражданскіе чины были въ сборѣ.

Когда мнѣ донесли, что принцъ подъѣзжаетъ къ городу, я сѣлъ на лошадь и поѣхалъ ему навстрѣчу. Мнѣ было извѣстно, что онъ не любитъ длинныхъ рѣчей, и я совѣтовалъ всѣмъ говорить какъ можно кратче. Что касается меня, то, привѣтствовавъ принца, я только спросилъ, каковы будутъ его дальнѣйшія приказанія.

Онъ предложилъ мнѣ сопровождать его, и я помѣстился, по принятому обычаю, у дверцы его кареты. Какъ оказалось впослѣдствіи, принцъ не намѣревался заѣзжать въ Мо и приказалъ кучерамъ остановиться у въѣзда въ городъ только для того, чтобы смѣнить лошадей. Онъ рѣшилъ проѣхать черезъ городъ не останавливаясь и ни съ кѣмъ не разговаривая.

Но мэръ, желавшій во что бы то ни стало, чтобы принцъ видѣлъ сдѣланныя для него приготовленія, воздвигнутыя для него тріумфальныя арки, прекрасную выправку національной гвардіи и чтобы онъ выслушалъ привѣтствія горожанъ, распорядился подать свѣжихъ лошадей на противуположномъ концѣ города. Такимъ образомъ принцъ былъ вынужденъ, волей неволей, принять мэра, муниципальный совѣтъ и выслушать ихъ рѣчи; затѣмъ національная гвардія выстроилась шпалерами, и нашъ кортежъ медленно прослѣдовалъ по городу.

Какъ мнѣ казалось, принцъ былъ очень недоволенъ; поэтому я распорядился, чтобы всѣ шли какъ можно скорѣй, но герцогъ все-таки находилъ, что мы идемъ тихо, онъ подгонялъ барабанщиковъ и тѣхъ, кто шелъ впереди; получалось впечатлѣніе, какъ будто мы всѣ бѣжали вслѣдъ за нимъ. Въ довершеніе бѣды герцога ожидали по пути профессора и воспитанники коллегіи, произнесшіе рѣчи на латинскомъ и французскомъ языкахъ, а у дверей собора стояло духовенство съ крестами и хоругвями и, наконецъ, епископъ, давшій герцогу свое благословеніе.

Надобно сознаться, что произнесенныя рѣчи были немного длинноваты, но лица, произнесшія ихъ, полагали, что они исполняютъ свой долгъ. Нетерпѣніе герцога было такъ велико, что мнѣ никогда въ жизни не приходилось видѣть, чтобы кто-либо такъ спѣшилъ; что касается меня, то я находился въ крайне затруднительномъ положеніи, стараясь всѣми силами сказать что-либо въ извиненіе мэра, относительно котораго герцогъ то и дѣло выражалъ свое неудовольствіе. Его нетерпѣніе достигло крайнихъ предѣловъ въ тотъ моментъ, когда намъ пересѣкъ дорогу изящный экипажъ, въ которомъ сидѣли двѣ хорошенькія женщины.

Наконецъ, мы достигли окраины города, гдѣ ожидали запряженныя лошади. Герцогъ поспѣшно вскочилъ въ карету, почтальоны помчались въ галопъ, и герцогъ вскорѣ скрылся изъ вида.

Всѣ были глубоко изумлены столь страннымъ посѣщеніемъ и смотрѣли другъ на друга въ величайшемъ смущеніи.

Мэръ сказалъ мнѣ, что онъ получилъ письмо отъ министра, который предупреждалъ его о проѣздѣ герцога Беррійскаго, и приказалъ ему принять его съ подобающими почестями.

Нѣсколько дней спустя, я узналъ, что всему было причиной стра-

стное желаніе герцога Беррійскаго пріѣхать въ Парижъ раньше тѣхъ двухъ дамъ, которыя встрѣтились намъ по пути. Это были двѣ англичанки, коихъ герцогъ видѣлъ незадолго передъ тѣмъ въ театрѣ. Тотъ, кто передалъ мнѣ это, видѣлъ ихъ нѣсколько дней спустя въ ложѣ напротивъ ложи герцога Беррійскаго.

Объѣзжая департаменты, герцогъ, повидимому, не вполнѣ точно выполнилъ намѣренія короля, который нашелъ, что онъ слишкомъ поспѣшно исполнилъ возложенное на него порученіе. Поэтому брату короля графу Артуа было поручено вторично объѣхать департаменты. Такимъ образомъ я имѣлъ честь принимать у себя за столомъ, въ префектурѣ, графа Артуа и лицъ его свиты. Графъ милостиво пригласилъ меня отобѣдать у него на слѣдующій день въ Фонтенебло.

Я никогда не видалъ столь любезнаго и предупредительнаго хозяина, какъ графъ Артуа: онъ имѣлъ даръ оказать особое вниманіе каждому изъ гостей.

За столомъ помѣстилось отъ двѣнадцати до пятнадцати лицъ. Я сидѣлъ по правую руку отъ графа, г. Пюисегюръ напротивъ его. За стуломъ графа стоялъ привратникъ замка, служившій при императорѣ Наполеонѣ. Это былъ худощавый, смуглолицый человѣкъ, съ очень черными волосами и бакенбардами. Изъ-за его глупыхъ выходокъ я чувствовалъ себя во время обѣда нѣсколько разъ очень непріятно и неловко.

Графъ Артуа былъ въ Фонтенебло впервые по возвращеніи во Францію; онъ любилъ этотъ дворецъ, гдѣ онъ нѣкогда жилъ, и воображеніе рисовало ему многіе предметы, которые онъ видѣлъ прежде во дворцѣ; ему казалось, что онъ ихъ узнаетъ.

Онъ то и дѣло обращался къ Пюисегюру.

— Обернись, Пюисегюръ, взгляни на эту картину, висящую надъ дверьми, она тутъ висѣла и прежде.

Услыхавъ эти слова, привратникъ нагнулся и, просунувъ голову между графомъ и мною, сказалъ громко, тономъ человѣка, которому хорошо извѣстно все находящееся во дворцѣ.

— Простите, ваше сіятельство, эта картина написана Прудономъ: я повѣсилъ ее всего два мѣсяца тому назадъ.

— А! воскликнулъ графъ.

Нѣсколько минутъ спустя, онъ снова обратился къ Пюисегюру и сказалъ:

— Представь себѣ, Пюисегюръ, я узналъ зеленую кровать, стоявшую въ комнатѣ принцессы Аделаиды!

Вновь проснулась голова чернаго человѣка:

— Простите, ваше сіятельство, она выписана изъ Ліона оберъ-гофмаршаломъ въ прошломъ году!

— А! произнесъ снова принцъ.

Но весь поглощенный тѣмъ, что онъ видѣлъ, графъ снова обратился черезъ нѣсколько минутъ къ Пюисегюру:

— Пюисегюръ, замѣтилъ ли ты маленькій столикъ съ инкрустаціей изъ камей: это тотъ самый, который стоялъ въ кабинетѣ.

— Простите, ваше сіятельство, вмѣшался снова черноволосый человѣкъ, просовывая голову, эти камеи работы Изабея; онѣ сдѣланы во время консульства; императоръ очень любилъ этотъ столъ.

Этотъ разъ я повернулся къ говорившему и взглянулъ на него такъ строго, что, мнѣ казалось, онъ меня понялъ, но я ошибся, ибо когда, минуту спустя, графъ Артуа обратился снова къ Пюисегюру:

— Пюисегюръ, ты вѣрно также узнаешь канделябры, придѣланныя къ камину?

— Простите, ваше сіятельство, поспѣшно вмѣшался смуглый человѣкъ,—эти канделябры взяты въ Испаніи въ послѣднюю войну; я поставилъ ихъ тутъ не болѣе, какъ полгода тому назадъ.

— А! воскликнулъ снова графъ Артуа.

Я едва сдержалъ себя; къ счастью, подали дессертъ, и черноволосый человѣкъ, весьма довольный тѣмъ, что ему представился случай высказать свои свѣдѣнія, былъ вынужденъ удалиться.

VI.

Хотя обстоятельства благопріятствовали Бурбонамъ возсѣсть на престолъ, но имъ было необходимо кореннымъ образомъ измѣнить образъ правленія, приведшій къ гибели несчастнаго Людовика XVI.

Людовикъ-Филиппъ и его ближайшіе совѣтники отлично понимали это и поспѣшили обнародовать конституціонную хартію.

Въ теченіе всего 1814 г. французское правительство было занято преобразованіемъ формы правленія и къ концу года въ странѣ водворилось наружное спокойствіе и тишина, повидимому обѣщавшія упроченіе династіи. Бурбоны ликовали.

Но спокойствіе было только кажущееся. Уже въ февралѣ мѣсяцѣ 1815 г. начали обнаруживаться явные признаки неудовольствія; оно поддерживалось противниками Бурбоновъ, въ числѣ коихъ были лица, занимавшія во времена имперіи высшія должности и устраненныя новымъ правительствомъ; въ числѣ ихъ были отставные полковники и даже многіе офицеры дѣйствующей арміи.

Неудовольствіе поддерживалось втайнѣ герцогомъ Орлеанскимъ, который, взявъ на себя ту же роль, какую игралъ въ 1789 г. его

отецъ, льстилъ народу и буржуазіи, въ надеждѣ воспользоваться реставраціей монархіи въ своихъ цѣляхъ.

Враги Бурбонской династіи разсчитывали низвергнуть короля при помощи войска, которое только и мечтало возвести снова на престолъ Наполеона.

Фуше, которому новая монархія не могла простить роли, которую онъ игралъ въ 1793 г. и который былъ устраненъ Людовикомъ XVIII отъ дѣлъ, побуждалъ недовольныхъ дѣйствовать энергично, а Наполеонъ съ своего острова слѣдилъ за движеніемъ, о коемъ ему доносили его агенты.

Воспользовавшись настроеніемъ Франціи и раздорами, начавшимися на Вѣнскомъ конгрессѣ, Наполеонъ тайно покинулъ Эльбу и 1 марта 1815 г. высадился на югѣ Франціи.

Спокойствіе, коимъ пользовались Бурбоны, внезапно смѣнилось страхомъ. Графъ Артуа поспѣшилъ въ Ліонъ въ надеждѣ пресѣчь императору путь къ Парижу.

Между тѣмъ еще до высадки императора во Франціи подготовлялся заговоръ съ цѣлью низвергнуть Людовика XVIII и возвести на престолъ герцога Орлеанскаго. Во главѣ заговора стояли Лефевръ, командовавшій бывшимъ л.-гв. егерскимъ полкомъ, переименованнымъ въ полкъ королевскихъ егерей, два брата Лаллеманъ, изъ коихъ одинъ былъ артиллерійскимъ генераломъ, а другой стоялъ во главѣ Энскаго департамента.

Подготовляя втайнѣ переворотъ, эти лица не рѣшались дѣйствовать открыто. Дабы ускорить дѣло, Фуше предупредилъ заговорщиковъ, что ихъ планы извѣстны двору, что противъ нихъ собираются принять мѣры и что если они хотятъ спасти свою жизнь, то имъ остается только поспѣшно идти на Парижъ. На слѣдующій день по полученіи этого извѣстія, генералъ Лаллеманъ уѣхалъ въ Лилль съ тѣмъ, чтобы возвратиться оттуда во главѣ войска. Тогда король поспѣшилъ обнародовать воззваніе къ жителямъ Парижа, въ коемъ возвѣщалось о существованіи заговора.

Узнавъ между тѣмъ о высадкѣ императора Наполеона, Людовикъ XVIII издалъ вторую прокламацію, въ которой угрожалъ Наполеону участью, каковая постигаетъ измѣнниковъ, а между тѣмъ Наполеонъ, желая придать своему возвращенію во Францію законный характеръ, чтобы обезсилить этимъ оппозицію, выставлялъ себя въ своихъ прокламаціяхъ къ народу защитникомъ свободы и равенства, пріобрѣтенныхъ Франціей въ 1789 г., и счелъ нужнымъ заручиться одобреніемъ французскаго народа путемъ голосованія, результатъ коего было рѣшено объявить на собраніи делегатовъ отъ избирательныхъ коллегій, извѣстномъ подъ названіемъ „Майское поле“.

На этомъ собраніи присутствовала значительная часть арміи, государственныя сословія и многія выдающіяся лица, съѣхавшіяся со всѣхъ концовъ Франціи.

„Я ожидалъ съ нетерпѣніемъ", говоритъ Планси, „того дня, когда должно было состояться это собраніе. Судя по тому, какъ пройдетъ этотъ день, можно было составить себѣ понятіе о томъ, какая участь ожидала попытку Наполеона.

Если бы онъ явился на это собраніе въ мундирѣ простаго генерала, съ саблей въ рукахъ, и далъ понять собравшимся въ короткой рѣчи, каково было положеніе Франціи передъ лицомъ Европы, и поклялся не складывать оружія и не ѣсть ничего, кромѣ солдатскаго хлѣба, до тѣхъ поръ, пока не будетъ заключенъ миръ, этимъ все было бы спасено.

Можно себѣ представить мое изумленіе и разочарованіе, когда, сидя въ трибунѣ, откуда я могъ за всѣмъ наблюдать, я увидѣлъ, что императоръ прибылъ со своей семьею на Майское поле, одѣтые какими-то паяцами, съ ногъ до головы въ бѣломъ атласѣ съ золотою бахромою, въ шляпахъ, отдѣланныхъ перьями и приподнятыхъ спереди.

Что касается произнесенной имъ рѣчи, изъ которой я не запомнилъ ни слова, то она была безцвѣтна и произнесена безъ малѣйшаго воодушевленія. Благословеніе знаменъ прошло холодно; только полки, проходя за знаменами мимо Наполеона, кричали: „да здравствуетъ императоръ!"

Эта церемонія произвела на меня удручающее впечатлѣніе, и я сказалъ въ полголоса брату, который сопровождалъ меня: „Мы пропали! Поѣдемъ къ моему нотаріусу, я передамъ тебѣ все свое имущество, которое ты употребишь такъ, какъ мы условимся".

Дѣйствительно, я отправился съ нимъ вскорѣ къ нотаріусу, а затѣмъ возвратился въ Меленъ и сталъ выжидать событій.

Когда я узналъ, что Марія Луиза не могла пріѣхать къ императору, это еще болѣе подтвердило мои опасенія.

Событія слѣдовали одно за другимъ съ ужасающею быстротою; войска двинулись къ границѣ подъ предводительствомъ императора.

Печальный исходъ сраженія при Ватерлоо и послѣдствія, какія оно имѣло для судьбы Наполеона, всѣмъ извѣстны.

Неудавшаяся кандидатура на польскій престолъ[1].

1759—1764.

I.

Въ 1759 г. курфирсту саксонскому Фридриху Августу (р. 1696 г. † 1763 г.), царствовавшему одновременно въ Польшѣ подъ именемъ Августа III, шелъ шестьдесятъ четвертый годъ. Здоровье его было такъ шатко, что вопросъ о его преемникѣ волновалъ всѣхъ тѣхъ, кто такъ или иначе былъ заинтересованъ личностью будущаго короля польскаго, а этимъ интересовались всѣ сосѣди Польши, въ особенности Екатерина II, которая рѣшила доставить польскій престолъ пользовавшемуся ея особымъ расположеніемъ, Станиславу Понятовскому и дѣятельно интриговала съ этой цѣлью.

Въ числѣ соискателей польской короны былъ младшій сынъ Августа III, саксонскій принцъ Ксаверій-Францискъ-Августъ, родившійся въ Дрезденѣ 25 августа 1730 г. и служившій съ 1758 г., въ чинѣ генералъ-лейтенанта, въ рядахъ французской арміи.

Честолюбивыя мечты о коронѣ, на которую принцъ, какъ младшій сынъ курфирста, не могъ претендовать, зародились въ немъ впервые въ 1759 г., подъ вліяніемъ бесѣдъ съ его адъютантомъ Буэде Мартанжемъ.

Большой интриганъ, человѣкъ ловкій и смѣлый, Мартанжъ мечталъ быть адъютантомъ не простаго, безвѣстнаго генерала, а короля, и съ этой цѣлью старался всѣми силами пробудить въ душѣ своего генерала честолюбивыя мечты и желанія.

О наслѣдованіи принцемъ Ксаверіемъ саксонскаго престола не могло быть рѣчи, такъ какъ прямымъ наслѣдникомъ Фридриха-Августа являлся его старшій сынъ, Фридрихъ-Христіанъ, но, конечно, ничто не мѣшало Ксаверію домогаться избранія на престолъ Польши. Если бы старшій братъ, въ надеждѣ соединить, подобно отцу, на своей главѣ обѣ короны, увидѣлъ въ этомъ нарушеніе своихъ интересовъ, то, по мнѣнію изобрѣтательнаго Мартанжа, его можно было вознаградить, предоставивъ ему, при поддержкѣ Франціи и Австріи, титулъ короля саксонскаго.

Такъ легко устранялось, по его мнѣнію, главное препятствіе къ избранію принца Ксаверія въ преемники Августа III. Но онъ упускалъ изъ вида, что это препятствіе было не единственнымъ.

Польша, поставленная въ затруднительное положеніе между Рос-

---

[1]) Un candidat au trône de Pologne. Daniel Massé. (La Revue de Paris, 1-er octobre 1905).

сіей, Австріей и Франціей, которыя соперничали между собою за преобладающее вліяніе въ этой странѣ, не зная, кому изъ своихъ магнатовъ, вѣчно враждовавшихъ между собою, предоставить корону, должна была неминуемо подвергаться давленію со стороны державъ, которыя поддерживали каждая своего кандидата.

Франція, издавна интересовавшаяся судьбами Польши, дѣйствовала въ этомъ случаѣ заодно съ Австріей, чтобы составить противовѣсъ союзу Россіи, Англіи и Пруссіи, поэтому кандидатъ, выставленный Франціей, весьма естественно долженъ былъ встрѣтить отпоръ со стороны Россіи.

Обсуждая вопросъ о польскомъ престолонаслѣдіи, де-Мартанжъ писалъ принцу Ксаверію:

„Россія стремится распространить свое вліяніе на обще-европейскія дѣла, по той же причинѣ, по которой Франція должна стремиться ограничить это вліяніе; для достиженія своихъ цѣлей Россія должна поддерживать и упрочить свои отношенія къ Германіи; вмѣстѣ съ тѣмъ, держа своихъ ближайшихъ сосѣдей, въ особенности поляковъ, въ нѣкоторой зависимости и подчиненіи, ей ничто не мѣшаетъ, въ подходящій моментъ двинуть свои войска для поддержанія своихъ требованій. На этой политикѣ зиждилась дружба, существовавшая между дѣдомъ вашего королевскаго высочества и царемъ Петромъ I.

„Царь считалъ необходимымъ заручиться вліяніемъ въ Германіи и былъ готовъ на всякія жертвы, чтобы пріобрѣсти Мекленбургъ. По той же причинѣ, когда польскій престолъ сдѣлался вакантнымъ, король, вашъ отецъ, встрѣтилъ со стороны Россіи самую энергичную поддержку, благодаря которой онъ и утвердился на престолѣ. Въ политику Петербургскаго двора входитъ, чтобы власть курфирста была соединена съ достоинствомъ короля польскаго. Для политики русскаго двора эта комбинація имѣетъ столь важное значеніе, что Франціи едва-ли удастся заставить его отказаться отъ нея путемъ переговоровъ, и я увѣренъ, что никакіе доводы и софизмы не заставятъ русскаго посланника измѣнить свой взглядъ на дѣло“.

Доводы де-Мартанжа, справедливые относительно прошлаго, не могли быть примѣнены къ данному случаю, такъ какъ Россія, несомнѣнно имѣвшая рѣшающій голосъ въ дѣлахъ польскихъ, не могла поддержать кандитатуру саксонскаго принца именно потому, что въ избраніи его было заинтересовано французское правительство. Одна изъ сестеръ принца, Марія-Жозефина, была супругою дофина, сына Людовика XV и Маріи Лещинской, и король французскій писалъ 26 октября 1759 г. своему посланнику въ Варшавѣ, Терсье, что „супруга дофина питаетъ искреннее расположеніе только къ принцу Ксаверію, который, служа въ рядахъ моей арміи, снискалъ всеобщее уваженіе“.

Помимо этихъ родственныхъ отношеній симпатіи французскаго двора были на сторонѣ принца Ксаверія и по другой причинѣ: такъ какъ старшій сынъ Августа III, Фридрихъ-Христіанъ, долженъ былъ наслѣдовать престолъ въ Саксоніи, то этого было достаточно, чтобы Франція предпочла видѣть на польскомъ престолѣ младшаго брата, дабы королевская и курфирстская короны не соединились въ третій разъ на одной главѣ, какъ того желала Россія.

Будучи кандидатомъ Франціи, принцъ Ксаверій могъ разсчитывать на поддержку Австріи, но предпріимчивый совѣтникъ принца не отчаявался въ томъ, что въ его пользу удастся склонить и Россію, „если не пожалѣть денегъ на подкупъ русскаго двора“.

„Какимъ образомъ могла бы Франція склонить Россію въ пользу вашего королевскаго высочества?“ говоритъ онъ въ одномъ изъ своихъ писемъ, „и заручиться ея согласіемъ на ваше избраніе, согласіемъ столь необходимымъ, что, если Россія станетъ упорствовать въ своемъ рѣшеніи, то это можетъ повести къ кровопролитной войнѣ“... „По моему мнѣнію“, продолжаетъ онъ, „Франція не можетъ вести съ русскимъ дворомъ переговоровъ о вашемъ избраніи, дѣйствуя путемъ однихъ убѣжденій и разсужденій. Успѣха можно добиться только путемъ интриги; принявъ во вниманіе продажность русскихъ министровъ, поощрять и поддерживать расточительность императрицы, ея любовь къ роскоши и блеску, словомъ, слѣдуетъ добиваться согласія монархини, не жалѣя, въ случаѣ надобности, денегъ, которыя поступятъ въ личную шкатулку императрицы и будутъ розданы министрамъ этого продажнаго двора. Эта держава во многомъ не походитъ на остальныя. Въ Россіи неограниченная власть монарха такъ велика, что его воля стоитъ выше закона и всѣхъ принциповъ; ваше королевское высочество поймете, что эту волю можно направить по своему желанію, потворствуя его вкусамъ и доставляя ему деньги, необходимыя для удовлетворенія его прихотей. Выгоды, которыя Франція извлечетъ изъ тѣснаго союза съ будущимъ королемъ польскимъ, вознаградятъ ее за всѣ затраты, сдѣланныя во время веденія переговоровъ, на столько, что она не должна жалѣть средствъ, чтобы заручиться содѣйствіемъ Россіи къ осуществленію ея плановъ относительно вашего королевскаго высочества“.

Надобно полагать, что Мартанжъ былъ твердо увѣренъ во всемогуществѣ золота при русскомъ дворѣ, ибо, возвращаясь къ этому вопросу въ другомъ шифрованномъ письмѣ отъ 22 ноября 1759 г., онъ напоминаетъ принцу еще разъ, что Франція одна заинтересована въ его избраніи на польскій престолъ, поэтому, въ случаѣ неудачи, ему придется поспѣшить въ Версаль, чтобы оплакать свою неудачу вмѣстѣ со своей сестрой, и что „такъ какъ Россію можно привлечь

на свою сторону только деньгами, то, если бы Францiя отказала въ денежной помощи, нужно будетъ просить, при ея содѣйствiи, денегъ у испанскаго правительства, чтобы повлiять окончательно на рѣшенiе Россiи".

Принцъ Ксаверiй нашелъ доводы Мартанжа основательными, и между нимъ и его сестрою, супругою дофина, завязалась дѣятельная переписка, въ которой обсуждались всесторонне надежды, какiя можно было возлагать на Польшу, и тѣ пути, коими эти надежды можно было осуществить.

Эти письма, представляющiя, несомнѣнно, значительный интересъ, не были въ распоряженiи автора цитируемой статьи, который высказываетъ, между прочимъ, предположенiе, что если они не утрачены окончательно, то они должны находиться въ Россiи. Судьба этихъ писемъ такова: шкатулка, въ которой хранилась переписка принца Ксаверiя, была похищена у него въ сраженiи подъ Минденомъ, въ 1759 г., заключавшiяся въ ней письма, въ томъ числѣ письма Мартанжа, были препровождены русскому двору, который, въ свою очередь, отослалъ ихъ въ Варшаву, потребовавъ объясненiй; при этомъ обращалось особое вниманiе на отзывы Мартанжа, оскорбительные для русскаго двора и императрицы. Ознакомившись съ содержанiемъ этихъ писемъ, Августъ III былъ весьма огорченъ и встревоженъ и поручилъ своему первому министру, графу Брюлю, войти въ сношенiе съ принцемъ Ксаверiемъ и потребовать у него объясненiй.

„Всѣ бумаги, бывшiя въ моей шкатулкѣ, взяты непрiятелемъ, отвѣчалъ принцъ графу Брюлю 16 декабря 1759 г. Выраженiе дружескихъ чувствъ и обѣщанiя, данныя мнѣ моей сестрою, супругою дофина, словесно или письменно, имѣютъ совершенно частный характеръ и не могутъ интересовать Европу или волновать кабинеты, въ особенности, русское правительство. Я не думаю, чтобы кто-либо могъ поставить мнѣ въ вину, если бы, полагаясь на дружеское расположенiе моей сестры, я сталъ добиваться того положенiя, которое, не лишая меня благоволенiя короля, моего возлюбленнаго отца, способствовало бы величiю нашего дома. Руководствуясь этими двумя принципами, я велъ съ моей сестрой дружескую переписку, обсуждая средства, при помощи которыхъ я могъ бы устроить свою судьбу".

Это объясненiе, какъ видно изъ письма графа Брюля къ принцу Ксаверiю, не удовлетворило Августа III.

„Е. к. в. долго качалъ головой, когда я имѣлъ честь сообщить ему шифрованную часть письма Мартанжа; онъ взялъ его у меня изъ рукъ, читалъ и перечитывалъ и сказалъ: „Поведенiе по отношенiю меня довольно странное, высокомѣрное и ни на чемъ не основанное. Строятъ планы, не спрашивая меня, и располагаютъ моимъ

наслѣдіемъ безъ моего вѣдома. Я долженъ знать подробно все, какъ оно было, ибо я не знаю, что отвѣчать Россіи, которая считаетъ, что по отношенію къ ней поступили не такъ, какъ должно, и что ее оскорбили. Онъ хочетъ поссорить меня съ этимъ дворомъ! Надѣюсь все-таки, что выраженія этого письма принадлежитъ не Ксаверію, а Мартанжу".

Графъ Брюль заканчиваетъ письмо совѣтомъ, чтобы принцъ Ксаверій обсудилъ свой отвѣтъ съ сестрой, „такъ какъ эта принцесса обладаетъ особымъ даромъ выражаться мягко и убѣдительно, никого не оскорбляя".

17 февраля 1760 г. принцъ Ксаверій взялся за перо, чтобы отвѣтить графу Брюлю. Заявивъ въ самыхъ почтительныхъ выраженіяхъ о своей сыновней преданности къ Августу III, онъ писалъ о Россіи:

„Если въ письмѣ Мартанжа проскользнуло какое-нибудь выраженіе относительно министровъ этого двора, которое могло бы показаться оскорбительнымъ въ томъ случаѣ, если бы означенная записка была обнародована, то я не вижу, какимъ образомъ императрица и ея министры могли бы быть оскорблены этимъ, коль скоро записка предназначалась исключительно для меня, и взглядъ, высказанный въ ней, есть взглядъ частнаго лица".

„При всестороннемъ обсужденіи текущихъ событій и возможнаго способа дѣйствій, разумѣется, могла быть высказана и такая точка зрѣнія, которую можно было истолковать въ неблагопріятномъ смыслѣ, въ особенности если взять ее безъ всякой связи съ предыдущимъ и послѣдующимъ. Въ документѣ, предназначенномъ для министерства или для публики, разумѣется, не могли бы быть допущены выраженія, оскорбительныя для тѣхъ лицъ, о коихъ въ нихъ упоминается; но нельзя ставить въ вину сужденія, высказанныя въ частномъ, не подлежавшемъ оглашенію письмѣ, хотя бы они и были неосмотрительны. Въ данномъ случаѣ можно осуждать лишь дурной умыселъ, а не цѣль, которая имѣлась въ виду.

„Я увѣренъ, любезный графъ, что вы оцѣните чистоту намѣреній, къ достиженію коихъ мнѣ совѣтовали стремиться, ибо намѣченный для этого образъ дѣйствій ставитъ главнымъ условіемъ возвеличеніе нашего дома, не нарушая права другаго кандидата и въ особенности не уклоняясь ни на минуту отъ полнѣйшаго подчиненія волѣ короля, моего возлюбленнаго отца".

Какимъ образомъ король, „его возлюбленный отецъ", принялъ это оправданіе, видно изъ письма Брюля къ генералу Фонтенэ, въ которомъ онъ пишетъ: „Король ожидаетъ отъ принца Ксаверія искренней исповѣди; отвѣтъ принца не встрѣтилъ одобренія е. в., но возбудилъ его гнѣвъ".

Одновременно съ этимъ графъ Брюль писалъ 29 марта 1760 г. самому принцу; въ его письмѣ находилась нижеслѣдующая шифрованная приписка:

„Я имѣлъ честь въ точности прочитать оба ваши письма его величеству. Король сказалъ (переданы его собственныя выраженія), что они ни мало не убѣдили его и что тотъ, кѣмъ писано это объясненіе, умѣетъ очень ловко написать всякую галиматью; очевидно, онъ же и есть авторъ замѣчательнаго документа, о которомъ идетъ рѣчь.

„По моему мнѣнію, самое лучшее было бы передать это дѣло, насколько возможно, забвенію, чтобы его величество забылъ произведенное имъ впечатлѣніе".

Послѣ этого письма дѣло дѣйствительно какъ будто бы заглохло, но въ сущности принцъ Ксаверій и его адъютантъ не отказались отъ своихъ надеждъ и плановъ; напротивъ того, они стали еще энергичнѣе хлопотать при версальскомъ, мадридскомъ и вѣнскомъ дворахъ, при дѣятельномъ содѣйствіи супруги дофина, но на этотъ разъ ихъ интриги держались въ строгой тайнѣ.

II.

5 октября 1763 г. Августъ III скончался. Изъ числа многочисленныхъ кандидатовъ на его престолъ нѣкоторые очень скоро потеряли всякую надежду на избраніе. Такъ, напр., принцъ Конти, которому польскіе магнаты, проживавшіе въ Парижѣ, предлагали корону еще въ 1745 г., былъ вскорѣ устраненъ такъ же точно, какъ и саксонскій принцъ Карлъ, братъ Ксаверія. Гетманъ Браницкій, мечтавшій о коронѣ для себя лично, также не располагалъ достаточнымъ числомъ голосовъ. Въ концѣ концовъ осталось два кандидата: принцъ Ксаверій саксонскій и Станиславъ Понятовскій, которому покровительствовала Екатерина II.

Понятовскій могъ разсчитывать только на поддержку императрицы, но она сказала: „я хочу, чтобы онъ былъ королемъ, и онъ будетъ имъ", а принцъ Ксаверій надѣялся на помощь Франціи, которая только ожидала согласія Испаніи и Австріи, чтобы высказаться рѣшительно въ его пользу. Принцъ вошелъ въ соглашеніе со своимъ братомъ Карломъ и могъ разсчитывать на голоса, поданные вначалѣ въ пользу этого послѣдняго. Что касается Браницкаго, то онъ не только имѣлъ заднюю мысль добиться короны для себя лично, но

твердо рѣшилъ не допускать избранія русскаго кандидата, противопоставивъ даже, въ случаѣ надобности, сорока тысячамъ русскихъ „десять тысячъ, жаждавшихъ славы“ поляковъ, которые должны были разбить ихъ. Становясь въ оппозицію Россіи, онъ тѣмъ самымъ игралъ въ руку саксонскаго принца.

Между тѣмъ правительство Людовика XV, выжидая отвѣтъ Мадридскаго и Вѣнскаго дворовъ, повелѣло своимъ министрамъ и посланникамъ въ Варшавѣ, Дрезденѣ и Петербургѣ дѣйствовать согласно съ Австріей, чтобы обезпечить избраніе принца Ксаверія.

Въ то же время Мартанжъ неутомимо работалъ въ пользу принца, старался повліять на министра иностранныхъ дѣлъ герцога Шуазеля и требовалъ, чтобы въ Варшаву было послано 600 тысячъ ливровъ.

„Если будутъ ожидать отвѣта изъ Мадрида“, писалъ онъ своему генералу, „то хотя бы отвѣтъ оказался благопріятный, но онъ будетъ полученъ тогда, когда воспользоваться имъ будетъ уже поздно. Два милліона могутъ сослужить тѣмъ временемъ хорошую службу“, и онъ настаиваетъ на необходимости достать денегъ, „этотъ нервъ всякаго дѣла, являющійся необходимымъ условіемъ его успѣха“.

О томъ же хлопоталъ и самъ принцъ.

„Ваше участіе и обѣщанное вами содѣйствіе“, писалъ онъ дофину 18 января 1764 г., „а равно доброжелательное отношеніе Вѣнскаго двора, который только ожидаетъ рѣшительнаго заявленія со стороны Франціи, чтобы дѣйствовать совмѣстно, а также соглашеніе, заключенное мною съ братомъ, который, находя мое избраніе вполнѣ соотвѣтствующимъ своимъ интересамъ, обѣщалъ мнѣ свою помощь и поддержку своихъ друзей, — все это даетъ мнѣ надежду, что мои виды на Польшу увѣнчаются наилучшимъ успѣхомъ, при условіи, ежели я буду въ состояніи противопоставить нѣкоторую сумму денегъ тѣмъ деньгамъ, которыя такъ щедро раздаетъ Россія. Но такъ какъ я ничего не могу сдѣлать самъ и мое положеніе не позволяетъ мнѣ прибѣгнуть къ займу для того, чтобы достать денегъ, то мнѣ остается лишь прибѣгнуть къ Франціи: моя судьба находится всецѣло въ вашихъ рукахъ. Извѣстная сумма, ассигнованная для раздачи въ Польшѣ, теперь же можетъ принести несравненно болѣе пользы, нежели сумма въ три раза больше впослѣдствіи“.

Къ тому же вопросу онъ возвращается въ письмѣ отъ 25 января 1764 г. къ маркизу Польми, французскому посланнику въ Польшѣ.

„Я тороплю насколько возможно дружественные мнѣ договоры, такъ какъ я не могу открыто поставить своей кандидатуры, не имѣя никакихъ шансовъ на успѣхъ. Но я полагаю, что на него можно будетъ разсчитывать, если мнѣ помогутъ деньгами“.

„Дружественные дворы“ не спѣшили высказаться.

„Это молчаніе смущаетъ меня, писалъ принцъ тому же Польми 31 января 1765 г. Мнѣ пишутъ, что моя бездѣятельность произвела, какъ я и предвидѣлъ, неблагопріятное впечатлѣніе въ Польшѣ. Но мнѣ невозможно принять какое-либо рѣшеніе, не зная, что предпримутъ дворы, которые одни могутъ обезпечить мнѣ успѣхъ. Поэтому вы можете быть увѣрены въ томъ, что я прошу ихъ поспѣшить насколько возможно. О томъ же прошу васъ настаивать со своей стороны. Вы видите событія вблизи и можете засвидѣтельствовать, какія пагубныя послѣдствія можетъ имѣть это промедленіе“.

Видя, что державы продолжали медлить, саксонскій принцъ послалъ 1 февраля герцогу Шуазелю самое настоятельное письмо. Отвѣтъ долженъ былъ рѣшить, будетъ ли его кандидатура поставлена оффиціально.

„Обстоятельства такъ настоятельно требуютъ скораго рѣшенія, что я не могу долѣе ожидать и долженъ выяснить свою участь, рискуя въ противномъ случаѣ потерять окончательно довѣріе преданной мнѣ партіи. Мнѣ говорятъ, что если я промедлю прибѣгнуть къ тѣмъ средствамъ, кои могутъ поддержать готовность моихъ друзей дѣйствовать въ мою пользу, то они начнутъ дѣйствовать въ пользу Понятовскаго, польстившись на благодѣянія, расточаемыя ему Россіей. Между тѣмъ самые доброжелательные сторонники Саксонскаго дома увѣряютъ меня, что было бы не только возможно, но даже очень легко противупоставить этому кандидату голосъ самой многочисленной и здравой части польскаго народа, если бы дворянство воеводствъ убѣдилось на дѣлѣ въ томъ, что существуютъ дружественные республикѣ дворы, кои принимаютъ участіе въ моемъ избраніи... Разсчитывая на участіе ко мнѣ Франціи, я льстилъ себя надеждою склонить Испанію оказать мнѣ, связанному столькими узами съ домомъ Бурбоновъ, свое содѣйствіе по вступленію на престолъ, полагая, что принцамъ этого дома было бы болѣе желательно видѣть на немъ меня, нежели кандидата Россіи.

„Есть люди, герцогъ, готовые оказать мнѣ содѣйствіе въ расчетѣ на помощь, которую могъ бы оказать мнѣ король; инструкціи, которыя будутъ посланы имъ своимъ представителямъ въ Польшѣ, могутъ быть составлены въ такомъ смыслѣ, чтобы никому не было извѣстно о его желаніи и объ оказываемой имъ поддержкѣ. Но мнѣ придется отказаться отъ всякой надежды или быть поставленнымъ въ весьма неловкое положеніе, если я не буду имѣть возможности, получивъ просимую сумму, поддержать дружественное расположеніе моихъ друзей и дать республикѣ и прочимъ державамъ, интересующимся ея свободой, возможность выяснить истинныя намѣренія и планы

Берлинскаго и Петербургскаго дворовъ и тѣ обязательства, какія они принимаютъ на себя.

„Отвѣтъ, который я ожидаю отъ васъ, герцогъ, съ обратнымъ курьеромъ, рѣшитъ мою судьбу безповоротно. Если, въ силу какихъ-либо высшихъ соображеній, которыя я не въ состояніи предвидѣть, король замедлитъ рѣшеніемъ или откажетъ мнѣ въ своемъ содѣйствіи, я все-таки настоятельно прошу васъ поспѣшить отвѣтомъ, хотя бы онъ былъ отрицательный, и сообщить мнѣ его въ такой категорической формѣ, чтобы я могъ, сообразуясь съ этимъ, дѣйствовать и выйти изъ той неизвѣстности, въ которой я нахожусь съ моими друзьями".

На просьбу принца Ксаверія никто не отозвался, а Россія относилась къ его кандидатурѣ все болѣе и болѣе враждебно. Рѣшивъ возвести на престолъ Понятовскаго, Екатерина II начала стягивать къ польской границѣ войска, чтобы поддержать его избраніе. Австрія не желала воевать. Испанія не хотѣла тратить денегъ, а Людовикъ XV обѣщалъ дать половину той суммы, которая была нужна для будущаго сейма, только въ томъ случаѣ, если бы другую половину дала Испанія.

Зато между Версалемъ, Вѣной и Варшавой шла въ это время оживленная переписка, въ которой обсуждались самые эфемерные планы. Такъ какъ Австрія уклонялась отъ активнаго участія въ дѣлѣ, не имѣя возможности мобилизовать войско, чтобы поддержать французскаго кандидата, то возникъ планъ поднять Турцію, подкупивъ великаго визиря; графъ Флеммингъ, бывшій польскій посланникъ въ Вѣнѣ, придумалъ ни болѣе ни менѣе, какъ заставить дѣйствовать татарскаго хана, который могъ бы со своими полчищами тревожить восточныя границы Россіи.

Но планы саксонскаго принца не шли такъ далеко. Въ самомъ дѣлѣ, трудно было допустить, чтобы великій визирь или ханъ, весьма мало интересовавшійся европейской политикой, стали дѣйствовать въ его пользу, тогда какъ Испанія, Франція и Австрія, коимъ было весьма важно вырвать Польшу изъ-подъ вліянія Россіи, относились къ дѣлу равнодушно.

7 марта 1764 г. принцъ Ксаверій писалъ Мартанжу:

„Итакъ, наше дѣло выяснилось, и финалъ его именно таковъ, какъ я ожидалъ. Я предвидѣлъ, что мнѣ нечего было ждать отъ французскаго двора, и угадалъ вѣрно. Не скрою, что это непріятное извѣстіе очень взволновало меня, хотя я и ожидалъ его; мое горе усугубляется тѣмъ, что я вынужденъ отказаться отъ своихъ плановъ и намѣреній въ тотъ именно моментъ, когда представляется наиболѣе шансовъ на успѣхъ и когда обстоятельства видимо наиболѣе благопріятствуютъ мнѣ".

О рѣшеніи Французскаго двора выразить свое сочувствіе намѣреніямъ принца Ксаверія въ принципѣ, отказавшись отъ активнаго содѣйствія ему, вслѣдствіе равнодушнаго отношенія Испаніи и Австріи, принцъ узналъ отъ дофина.

„Какъ ни тяжело было мнѣ, любезный братъ, получить неблагопріятное извѣстіе, сообщенное въ вашемъ письмѣ, о томъ, чтобы я не разсчитывалъ на помощь и поддержку со стороны Франціи для осуществленія моихъ видовъ на польскую корону,—писалъ принцъ дофину, „но ваше увѣреніе въ неизмѣнной ко мнѣ дружбѣ было мнѣ большимъ утѣшеніемъ и дало мнѣ возможность перенести это горе. Причины, на основаніи которыхъ Франція приняла, по вашимъ словамъ, это рѣшеніе, весьма вѣски. Мнѣ даже было легче отказаться отъ моихъ плановъ, несмотря на то, что обстоятельства благопріятствуютъ ихъ осуществленію, нежели оставаться долѣе въ неизвѣстности".

Несмотря на это увѣреніе, принцу Ксаверію было нелегко оставить свои надежды. Онъ все еще не складывалъ оружія и 30 апрѣля 1764 г. писалъ императрицѣ австрійской:

„Я вполнѣ увѣренъ, что ваше величество не можете относиться безразлично къ благополучію государства, въ неприкосновенности котораго заинтересована вся Европа, и я льщу себя надеждою, что ваше величество не отнесетесь равнодушно и къ моему личному участію въ этомъ дѣлѣ".

Приблизительно то же самое писалъ онъ 19 мая королю испанскому:

„Вашему величеству извѣстно, вѣроятно, въ какомъ положеніи находятся дѣла въ Польшѣ, какъ энергично дѣйствуютъ русскіе и какая опасность угрожаетъ этому королевству; не будучи предотвращена своевременно, эта опасность можетъ распространиться на всю Европу. Великій генералъ и старѣйшіе сенаторы и магнаты готовы соединиться для защиты отечества и свободы и надѣются, что это имъ удастся, лишь бы имъ помогли нѣкоторой суммой денегъ. Я не могъ не откликнуться на ихъ настоятельныя просьбы и послалъ имъ ту сумму, которой я могъ располагать по моимъ средствамъ, въ надеждѣ, что ваше величество придете мнѣ на помощь вмѣстѣ съ наихристіаннѣйшимъ королемъ и императрицей (австрійской). Соблаговолите, ваше величество, спасти націю, несправедливо угнетаемую, обезпечивъ вмѣстѣ съ тѣмъ Европу отъ неминуемой гибели и сдѣлавъ кое-что для меня и для моего дома. Большая часть поляковъ будетъ за меня, если только имъ удастся противостоять насилію русскихъ".

Просьбы принца Ксаверія никого не тронули. Даже Франція

покинула его въ рѣшительный моментъ. Людовикъ XV пришелъ къ убѣжденію, что на польскій престолъ можетъ быть избранъ только полякъ. Онъ велѣлъ сообщить примасу депешу, въ которой онъ предоставлялъ полякамъ свободу избрать короля, не намѣчая никакого кандидата и выражая готовность признать того, кто будетъ избранъ по законамъ и конституціи страны.

Этимъ Людовикъ XV предупреждалъ желанія Россіи, которая не хотѣла дѣйствовать вопреки Франціи. Депеша короля вполнѣ успокоила ее. Россія дала полную волю своимъ интригамъ, и когда въ Варшавѣ собрался 7 сентября 1764 г. сеймъ для избранія короля, то близость русской арміи способствовала скорѣйшему окончанію выборовъ.

На польскій престолъ былъ избранъ Станиславъ Понятовскій.

Принцъ Ксаверій, по смерти отца короткое время управлявшій Саксонскимъ герцогствомъ въ качествѣ регента, поселился въ 1768 г. въ Мюнхенѣ, а затѣмъ переѣхалъ во Францію, гдѣ онъ пріобрѣлъ у архіепископа бордосскаго, князя Роганъ, великолѣпный замокъ Pont sur Seine, гдѣ онъ прожилъ 15 лѣтъ подъ именемъ графа де Люзасъ. Революція заставила его покинуть это убѣжище въ 1791 г. Принцъ скончался 21 января 1806 г. въ Забельтицѣ.

Дворецъ Pont sur Seine, въ которомъ жила во времена первой имперіи мать Наполеона I, Летиція Бонапартъ, былъ сожженъ въ 1814 г.

Реставрированный впослѣдствіи, онъ принадлежитъ нынѣ Казиміру Перрье. Въ этомъ дворцѣ была найдена въ 1791 г. переписка принца Ксаверія, хранящаяся въ архивѣ департамента Объ (Aube).

Редакторъ-Издатель С. Зыковъ.

на имѣнія и грунты, купчія крѣпости, раздѣльные акты, мировыя записи; в) дѣла межевыя, касающіяся, съ одной стороны, внутренняго административнаго размежеванія въ предѣлахъ самой Малороссіи (полковъ, сотенъ, намѣстничествъ), съ другой, пограничнаго—Малороссіи съ Польшей, Великороссіей, Слободской украйной, Запорожьемъ. III. Дѣла военнаго управленія. Къ нимъ относятся: а) множество дѣлъ о наборѣ, комплектованіи, обмундированіи и снабженіи войскъ провіантомъ, фуражомъ, волами, повозками и пр.; б) обширная группа дѣлъ и документовъ, касающихся воинской дисциплины и воинской службы—пограничной, внутренней гарнизонной и заграничной. Въ этой категоріи выдающійся интересъ представляютъ документы о командированіи казаковъ на Украинскую линію, Ладожскій каналъ, Донъ, въ Царицынъ, Оренбургъ, Очаковъ и Голштинію. IV. Дѣла финансоваго управленія. Здѣсь мы встрѣчаемъ какъ отдѣльные документы, такъ въ особенности книги, заключающія въ себѣ свѣдѣнія о всякаго рода денежныхъ сборахъ (государственныхъ, войсковыхъ, общественныхъ) и натуральныхъ повинностяхъ; особый отдѣлъ составляютъ дѣла по управленію государственными имуществами—свободными и ранговыми маетностями и конскими заводами. V. Дѣла административныя содержатъ обильныя свѣдѣнія объ урожаяхъ, винокуреніи, добываніи соли, рыболовствѣ, звѣроловствѣ, заводахъ и фабрикахъ, ярмаркахъ, торговлѣ и торговыхъ цѣнахъ, неурожаяхъ, мѣрахъ противъ эпидемій, эпизоотій, вредныхъ насѣкомыхъ, пожаровъ, общественномъ призрѣніи, народномъ образованіи, дорогахъ, мостахъ, почтахъ. VI. Дѣла, касающіяся сословныхъ отношеній. Къ этой категоріи относятся ревизіи, послужные списки и цѣлый рядъ другихъ документовъ, характеризующихъ юридическое положеніе и бытовую обстановку казацкой старшины, казаковъ, посполитыхъ (свободныхъ, владѣльческихъ и монастырскихъ) и подсусѣдковъ (монастырскихъ, владѣльческихъ, казачьихъ и посполитскихъ); сюда же нужно отнести жалованныя грамоты малороссійскимъ городамъ съ первой половины XVII вѣка, заключающія въ себѣ богатѣйшій матеріалъ для исторіи городовъ (Чернигова, Нѣжина, Стародуба, Полтавы и др.) и малорусскаго мѣщанства. VII. Церковныя дѣла. Въ этомъ отдѣлѣ встрѣчаются интересныя свѣдѣнія объ особенностяхъ малорусской церкви—ея соборномъ характерѣ, выборѣ прихожанами священниковъ и т. п.

Второе обширное отдѣленіе Харьковскаго архива—Слободско-Украинское. Документы, переданные Харьковскимъ губернскимъ правленіемъ въ Историческій архивъ, содержатъ въ себѣ такіе же матеріалы для внутренней, бытовой исторіи Слободской Украйны, какъ Малороссійское отдѣленіе для исторіи Лѣвобережной. Большая часть дѣлъ касается казачества; здѣсь мы находимъ документы о повинностяхъ казаковъ, о притѣсненіяхъ ихъ казацкой старшиной и вели-

ніи, въ Бахмутѣ, Изюмѣ и др. мѣстахъ; еще больше дѣлъ административныхъ, заключающихъ данныя о мѣрахъ предосторожности противъ пожаровъ, опасной болѣзни, саранчи, о цѣнахъ провіанта и фуража, о селеніяхъ и хуторахъ Харьковскаго полка и др. Всѣ эти документы имѣютъ не только мѣстный, но и общій интересъ.

До 1883 г. историко-филологическое общество не имѣло спеціальнаго помѣщенія для архива, и перевезенные изъ Чернигова документы три года должны были пролежать въ тюкахъ на хорахъ актоваго зала и въ библіотечномъ корридорѣ.

За 20 слишкомъ лѣтъ своего существованія Историческій архивъ успѣлъ превратиться въ одно изъ крупныхъ и примѣчательныхъ учрежденій. Въ настоящее время въ немъ сосредоточено огромное количество въ высшей степени важныхъ документовъ, касающихся историческаго прошлаго обширной территоріи Лѣвобережной Малороссіи и Слободской Украйны. По богатству матеріаловъ онъ далеко оставляетъ за собою многіе губернскіе архивы и приближается къ областнымъ центральнымъ архивамъ—Кіевскому и Виленскому. Несмотря на такое въ высокой степени важное значеніе архива, его юридическое и финансовое положеніе недостаточно прочно; въ то время какъ Кіевскій и Виленскій архивы въ значительной мѣрѣ обезпечены, устроены,—Харьковскій архивъ далеко не можетъ сказать того же о себѣ. Правда, архивъ дождался, наконецъ, соотвѣтствующаго своимъ нуждамъ помѣщенія; съ передѣлкою этого послѣдняго, съ устройствомъ безопаснаго отопленія будетъ гарантирована сохранность его богатствъ, но матеріальное его положеніе слишкомъ плачевно.

Значительный интересъ представляютъ отдѣлы Сборника, посвященные памяти профессоровъ И. И. Миклашевскаго и А. И. Кирпичникова. 3-го декабря 1901 г. отъ воспаленія легкихъ скончался на 43 году своей жизни проф. Харьковскаго университета по каѳедрѣ политической экономіи и статистики; онъ обладалъ широкимъ энциклопедическимъ образованіемъ. 30-го апрѣля 1903 г. въ Москвѣ умеръ членъ-основатель историко-филологическаго общества при Харьковскомъ университетѣ, заслуженный профессоръ Московскаго университета А. И. Кирпичниковъ. Онъ извѣстенъ въ ученомъ мірѣ своими трудами по западно-европейской литературѣ, по изученію народныхъ произведеній, какъ западно-европейскихъ, такъ и русскихъ, новѣйшей русской литературы, равно по иконографіи въ связи съ легендарными сказаніями, апокрифами. Особенно А. И. Кирпичниковъ извѣстенъ своимъ капитальнымъ трудомъ—многотомной исторіей всеобщей литературы. Въ педагогическомъ мірѣ онъ извѣстенъ учебниками по грамматикѣ и словесности.

Таково содержаніе 14-го тома Сборника.

Н. К-ш-ъ.

Редакторъ-издатель **С. Зыковъ**.

РУССКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ

ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНІЕ.

Годъ XXXVI-й. ДЕКАБРЬ. 1905 годъ.

СОДЕРЖАНІЕ:

ПРИЛОЖЕНІЕ: Портретъ Евгенія Александровича Бѣлова.

Продолжается подписка на „Русскую Старину" изд. 1905 года.

Можно получить журналъ за истекшіе годы, смотри 4-ю стран. обертки.

Пріемъ по дѣламъ редакц. по понедѣльникамъ и четвергамъ отъ 1 ч. до 3 пополудни.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Тип. М. П. С. (Т-ва И. Н. Кушнеревъ и К°), Фонтанка, 117.

1905.

XII-я книга „Русской Старины" вышла 1-го декабря 1905 года.

Библіографическій листокъ.

Замѣтка. Главная редакція юбилейнаго изданія „Столѣтіе Военнаго Министерства" въ опроверженіе невѣрныхъ свѣдѣній объ одномъ изъ историческихъ очерковъ, считаетъ необходимымъ напечатать слѣдующее разъясненіе.

Въ октябрьской книжкѣ журнала „Русская Старина" въ отдѣлѣ „Библіографическій Листокъ", была помѣщена рецензія подъ заглавіемъ: „Императорская главная квартира—исторія государевой свиты" томъ II-й. Царствованіе императора Александра I-го. Составилъ В. В. Квадри. Помощникъ составителя по сбору историческихъ матеріаловъ М. К. Соколовскій.

Въ самомъ заглавіи статьи указано, въ чемъ состояло сотрудничество г. Соколовскаго, но въ рецензіи вездѣ говорится о двухъ „авторахъ" и двухъ „составителяхъ" и имъ обоимъ приписывается „талантливость изложенія", правильная оцѣнка положенія свиты. Изложеніе очерка высочайшихъ путешествій, выясненіе дѣятельности князя Волконскаго и пр.; статья оканчивается словами, что этотъ военно-историческій трудъ дѣлаетъ большую честь его составителямъ.

По обязанностямъ моимъ главнаго редактора я имѣлъ ближайшее наблюденіе за ходомъ работъ по составленію и изданію обоихъ томовъ очерка, перечитывалъ рукопись автора г. Квадри передъ сдачею въ печать и считаю своею обязанностью вступиться за его авторскія права. Весь текстъ составленъ и написанъ имъ единолично; группировка фактовъ и документовъ и всѣ выводы изъ нихъ, составленіе никогда неиздававшагося ранѣе списка чиновъ свиты императора Александра I-го, выписки изъ приказовъ о назначеніи и убыли каждаго изъ нихъ, розыскиваніе портретовъ и даже составленіе алфавита именъ и портретовъ въ книгѣ—все сдѣлано безъ участія въ работѣ г. Соколовскаго. Такимъ образомъ единственный авторъ и составитель очерка В. В. Квадри и это ясно обозначено на обложкѣ изданія. Заслуги, которыя могутъ быть признаны въ этомъ трудѣ, принадлежатъ ему одному и на немъ одномъ лежитъ отвѣтственность за всякую неправильность въ обрисовкѣ или истолкованіи событій, неточности и даже корректурныя ошибки.

Главный редакторъ генералъ-лейтенантъ *Д. Скалонъ.*

Сборникъ Императорскаго Русскаго Историческаго общества. Томъ сто двадцатый. Бумаги кабинета министровъ императрицы Анны Іоанновны 1731—1740 гг. Собраны и изданы подъ редакціею А. Н. Филиппова. Т. VII. 1738 г.

Этотъ томъ служитъ продолженіемъ 117-го тома сборника и содержитъ въ себѣ бумаги кабинета министровъ лишь за первую половину 1738 г.—за январь—іюнь мѣсяцы.

Что касается содержанія бумагъ, напечатанныхъ въ разсматриваемомъ нами томѣ, то оно вообще, какъ и прежде,—отличается большимъ разнообразіемъ и относится ко всевозможнымъ вопросамъ управленія государствомъ. Больше же всего, однако, занимало вниманіе кабинета министровъ въ 1737 и 1738 г.—дѣло военное. Какъ извѣстно, въ эти годы велась на югѣ генералъ-фельдмаршалами Минихомъ и Ласси весьма тяжелая кампанія противъ турокъ. Въ кабинетъ изо дня въ день поступаютъ отъ разныхъ лицъ доношенія, въ которыхъ сообщается о сборѣ рекрутъ, воловъ или лошадей, о собраніи накопившихся за прежніе годы недоимокъ, о ходѣ операцій по снабженію армій обоихъ генералъ-фельдмаршаловъ артиллеріею, аммуниціею, провіантомъ и проч. Эти доношенія являются преобладающими въ реестрѣ входящихъ бумагъ и какъ бы отодвигаютъ на задній планъ всѣ прочія дѣла, подлежащія вѣдомству кабинета. Въ свою очередь, кабинетъ посылаетъ рядъ указовъ и объявляетъ высочайшія повелѣнія по дѣламъ, касающимся снабженія армій всѣмъ нужнымъ, для успѣшнаго похода, матеріаломъ, разсылаетъ всюду офицеровъ для скорѣйшаго сбора этого матеріала и отсылки его въ опредѣленныя мѣста, понуждаетъ мѣста и лицъ къ успѣшному выполненію указанныхъ задачъ.

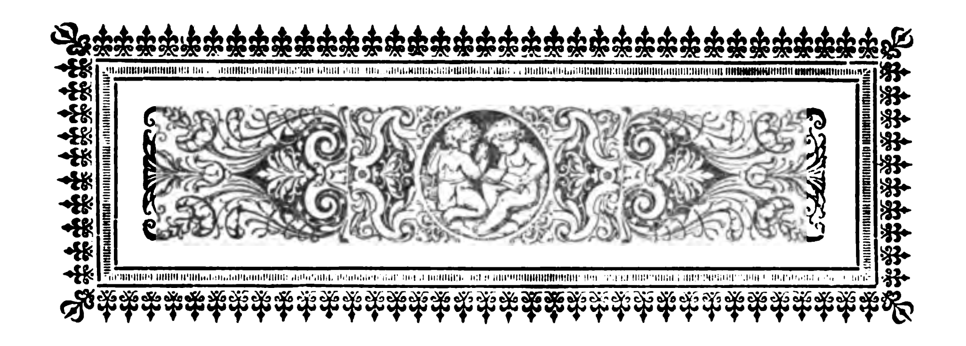
Вотъ, напримѣръ, именной указъ отъ 14-го января князю Барятинскому о неполученіи отъ него вѣдомости о закупкѣ провіанта, лошадей, воловъ, а равно и объ имѣющихся на-лицо у него деньгахъ, съ повелѣніемъ прислать означенную вѣдомость въ трехдневный срокъ съ посланнымъ курьеромъ: „По указамъ нашимъ прислано къ вамъ отъ генерала-поручика Волкова на покупку провіанта денегъ 150.000 руб., о которыхъ вы отъ 17 прошедшаго декабря всеподданнѣйше доносили, что на покупку онаго провіанта употреблены и употребляются, при томъ же сообщали вы вѣдомость, что и изъ малороссійскихъ и слободскихъ полковъ доходовъ на провіантъ же и на лошадей и воловъ издержана немалая сумма, и требовали, чтобъ, вмѣсто издержанной суммы, изъ таможенныхъ доходовъ такое жъ число возвратить изъ комиссаріата, или откуда повелѣно будетъ, на что къ вамъ посланъ указъ отъ 30 прошедшаго-жъ декабря, по которому требовано напредь вѣдомости—сколько воловъ и лошадей и какими цѣнами куплено, и сколько денегъ заплачено, и доплатить надлежитъ, и кому именно отданы, и сколько ихъ нынѣ у васъ на-лицо имѣется; однако-жъ оной и по се число не получено. А нынѣ еще о покупкѣ лошадей и воловъ и о прочихъ нужнѣйшихъ исправленіяхъ къ будущей кампаніи чинятся опредѣленія, къ чему весьма потребно намъ вѣдать, сколько вы въ бытность свою тамъ откуда денегъ получили и на что порознь издержали. Того ради имѣете вы прислать о томъ вѣдомость: 1) сколько вы отъ генерала-поручика Волкова, такожъ изъ военной коллегіи и изъ комиссаріата и изъ таможенныхъ доходовъ получили; 2) на тѣ деньги сколько провіанта, лошадей, воловъ и прочаго куплено и какими цѣнами; 3) сколько за взятыхъ съ обывателей воловъ заплачено, и гдѣ, и въ какихъ мѣстахъ, и по чему за каждаго вола порознь; 4) тотъ купленный провіантъ, лошади и волы кому отданы и по возвращеніи войскъ нашихъ сколько изъ тѣхъ лошадей и воловъ нынѣ есть на-лицо. И такую вѣдомость, не продолжая больше трехъ дней, отправить къ намъ съ симъ нашимъ посланнымъ курьеромъ; такожъ какіе званіями городы, мѣ-

Тип. М. П. С. (Т-ва И. Н. Кушнеревъ и К°), Фонтанка, 117.

Евгеній Александровичъ

БѢЛОВЪ.

Е. А. БѢЛОВЪ.

(По случаю десятилѣтія со дня его кончины).

I.

Немногимъ изъ современниковъ извѣстно имя выдающагося петербургскаго педагога и историка Евгенія Александровича Бѣлова, теперь почти забытаго, хотя со смерти его прошло всего десять лѣтъ. Можетъ быть, произошло это потому, что большая часть его сочиненій разбросана въ періодическихъ изданіяхъ, а вышедшія отдѣльно уже составляютъ библіографическую рѣдкость и большинству, особенно провинціальной публикѣ мало доступны. Кромѣ того, никто не рекламировалъ Е. А—ча при жизни, какъ нынѣ принято рекомендовать даже бездарныхъ писателей, послѣ же его смерти лишь газетные и журнальные некрологи частію отмѣтили его труды. Между тѣмъ не только полная перипетій и невзгодъ жизнь его, а также протекшая въ самую замѣчательную эпоху 60—80-хъ гг. его литературная и педагогическая дѣятельность, но еще больше—окружающая среда, знакомство съ такими свѣтилами отечественной литературы и науки, какъ Н. И. Костомаровъ, К. Н. Бестужевъ-Рюминъ, П. И. Мельниковъ, Д. Л. Мордовцевъ, А. Н. Пыпинъ, Н. Г. Чернышевскій и другіе, наконецъ, его сношенія съ высшимъ петербургскимъ педагогическимъ міромъ — даютъ много интереснаго и поучительнаго. Почему, въ виду истекшаго 2-го ноября сего года десятилѣтія со дня кончины Е. А—ча, по разсказамъ близко знавшихъ его людей и архивнымъ документамъ [1]), мы рѣшаемся посвятить болѣе обстоятельный очеркъ его дѣятельности.

[1]) Собраннымъ и обязательно доставленнымъ намъ членомъ Саратовск. учен. архив. коммиссіи Г. Г. Дыбовымъ-младшимъ, коему за то приносимъ искреннюю благодарность.

Родился Бѣловъ 20 января 1826 года въ Нижнемъ-Новгородѣ гдѣ отецъ его, Александръ Васильевичъ, служилъ военнымъ топографомъ. По словамъ Е. А—ча, онъ обладалъ большимъ природнымъ умомъ и рѣдкой начитанностью, но не могъ дать дѣтямъ приличнаго воспитанія, такъ какъ умеръ въ молодыхъ лѣтахъ, когда сыну Евгенію едва исполнилось девять лѣтъ. Мать Евфросинья Перфильевна, урожденная Квашнина, женщина отъ природы не глупая, но крайне вспыльчивая, благодаря полученному дома уродливому воспитанію, при ограниченности своего образованія и по своей добротѣ — „она была совсѣмъ безсребренница: ничего ей было не надо“, — едва-ли могла имѣть большое вліяніе на умственное и научное развитіе оставшихся послѣ смерти мужа малолѣтнихъ дѣтей Евгенія и Николая.

„Съ дѣтства до замужества она жила жизнью барышни, далекой отъ житейскихъ заботъ. Въ домѣ отца (который служилъ въ войскахъ Суворова простымъ солдатомъ, возвратившись изъ похода офицеромъ) старшіе употребляли всѣ усилія къ тому, чтобы, Боже сохрани, ее не приняли за простолюдинку и не вспомнили о ея демократическомъ происхожденіи. Поэтому она должна была вести жизнь замкнутую, съ утра до вечера сидѣть затянутой въ корсетъ и вышивать въ пяльцахъ. Крѣпостныя дѣвушки были единственными проводницами, черезъ которыхъ только изрѣдка доходили до барышни вѣсти изъ міра житейскаго. При мужѣ продолжалось то же. Поэтому, оставшись послѣ смерти его ни къ чему неподготовленной, она очутилась лицомъ къ лицу съ тяжелой заботой—воспитывать двухъ сыновей и, конечно, не могла безъ посторонней помощи справиться съ такой большой задачей“ [1]).

Е. А. „до конца жизни горько сожалѣлъ о томъ, что въ годы дѣтства и юности не было около него человѣка, который могъ бы толково руководить его воспитаніемъ. Свою мать онъ менѣе всего считалъ къ тому способной. Отъ нея онъ унаслѣдовалъ только полное безкорыстіе, вспыльчивость и безхарактерность“ [2]).

Въ судьбѣ его принялъ близкое участіе дядя Николай Васильевичъ Бѣловъ, который помогъ матери опредѣлить Евгенія въ Нижегородскій дворянскій пансіонъ [3]), находившійся при тамошней губернской гимназіи, и все время пребыванія его въ послѣднемъ, а позднѣе въ университетѣ, оказывалъ ему посильную помощь.

---

[1]) Изъ сообщенія дочери Бѣлова Евгеніи Евгеніевны отъ 4 августа 1905 г.

[2]) Изъ письма ея Г. Г. Дыбову 19 іюня 1905 г.

[3]) Если не ошибаемся, пансіонъ этотъ впослѣдствіи послужилъ основаніемъ нынѣ существующему въ Н.-Новгородѣ дворянскому институту.

Въ пансіонѣ Е. А. познакомился съ извѣстнымъ впослѣдствіи ученымъ К. Н. Бестужевымъ-Рюминымъ, имѣвшимъ потомъ большое вліяніе на его судьбу и литературную дѣятельность. Завязалось это знакомство, по словамъ Евгеніи Евгеніевны, при очень курьезныхъ обстоятельствахъ.

„Когда К. Н. только-что поступилъ въ пансіонъ, то, по обычаю, какой-то одноклассникъ, изъ тѣхъ, что по нѣсколько лѣтъ сидятъ въ одномъ отдѣленіи, уже великовозрастный", хотѣлъ было побить новичка. Е. А., бывшій на два класса старше Бестужева-Рюмина, увидя худенькаго, слабенькаго мальчика (какимъ былъ К. Н.), явно непривыкшаго къ грубымъ нравамъ и обычаямъ тогдашнихъ учебныхъ заведеній, проникся къ нему симпатіей и сожалѣніемъ и крикнулъ вызывавшему на единоборство ученику, чтобы тотъ не смѣлъ драться. Но такъ какъ обладатель здоровыхъ кулаковъ оказался глухъ къ воззванію, то Бѣловъ самъ жестоко посчитался съ нимъ, заставивъ его ретироваться".

Случай этотъ такъ сблизилъ обоихъ будущихъ писателей, что дружба ихъ не прекращалась всю жизнь. Позднѣе, живя вмѣстѣ въ Петербургѣ, К. Н. часто при встрѣчѣ припоминалъ Бѣлову о его дѣтскомъ заступничествѣ.

Въ гимназіи Бестужевъ обладалъ громадными способностями и быстро все схватывалъ. Какъ разсказываетъ Ев. Ев—на, „отецъ не разъ говаривалъ, что К. Н. поражалъ его въ то время удивительной памятью на стихи, которыхъ онъ зналъ наизусть цѣлую массу".

Въ ту пору „Нижегородская гимназія считалась, если не лучшимъ, то однимъ изъ лучшихъ учебныхъ заведеній въ Казанскомъ округѣ". Въ концѣ 30-хъ годовъ, при директорѣ Михаилѣ Фроловичѣ Граціанскомъ, тамъ господствовала полная патріархальность. Каждую субботу сѣкли лѣнивыхъ, для чего директоръ съ особой торжественностью являлся въ классъ и вызывалъ по списку своихъ жертвъ. Учителя дрались въ классѣ. Одинъ учитель—математики—бралъ ученика за волосы и тащилъ его черезъ классъ отъ доски къ скамейкамъ и отъ скамейки къ доскамъ. Другой учитель—географіи и русскаго языка,—замѣтивъ въ первомъ классѣ мальчика, грызущаго ногти, велѣлъ ему взять въ ротъ кусокъ мѣла. Онъ же заставлялъ двухъ учениковъ таскать другъ друга за волосы.

Въ преподаваніи были такіе курьезы. Учитель читалъ по книгѣ то, что надо было выучить, а ученики, слѣдя по своимъ книгамъ, зачеркивали то, что пропускалъ при чтеніи учитель. Если же въ программѣ, составленной въ Казани, недоставало чего-нибудь, написаннаго въ учебникѣ, то учитель, Богъ знаетъ откуда, выкапывалъ недостающее и торжественно диктовалъ ученикамъ.

*

Самымъ блестящимъ образчикомъ преподавателя въ тогдашней Нижегородской гимназіи былъ учитель математики, который самъ ни разу не говорилъ въ классѣ и не спрашивалъ учениковъ. Можно представить, каковы успѣхи имѣли у него гимназисты. Въ теоріи словесности, которая преподавалась по Кошанскому, господствовали ломоносовское раздѣленіе слога на высокій, средній и низкій, источники изобрѣтенія и хріи. Рѣдко попадались въ ту эпоху между учителями люди порядочные [1]).

Болѣе выгодно выдѣлялся „среди этихъ дравшихся и недравшихся, злыхъ и добродушныхъ лицъ“ только одинъ учитель исторіи П. И. Мельниковъ, назначенный въ Нижегородскую гимназію 25 мая 1839 г. Бѣловъ и Бестужевъ-Рюминъ „вспоминали о немъ съ большимъ уваженіемъ, какъ о преподавателѣ, приносившемъ ученикамъ большую пользу“.

„По разсказамъ ихъ, пишетъ дочь Бѣлова [2]), я составила себѣ о немъ представленіе, какъ объ учителѣ, который ни о какихъ методахъ преподаванія и возбужденія вниманія къ себѣ не помышлялъ. Придя въ классъ, онъ наскоро спрашивалъ,—что было задано, затѣмъ садился на подоконникъ и начиналъ разсказывать то, что должно было составить предметъ слѣдующаго урока. Такъ какъ разсказчикъ онъ былъ талантливый, то и, помимо всякихъ искусственныхъ педагогическихъ пріемовъ, достигались интересъ къ предмету и вниманіе со стороны учащихся. У себя дома онъ охотно принималъ учениковъ и не отказывалъ имъ въ книгахъ, чѣмъ отецъ мой широко и пользовался“.

Несомнѣнно, Мельниковъ настолько заинтересовалъ своихъ способныхъ учениковъ изученіемъ особенно русской исторіи, что это потомъ повліяло сильно какъ на Бѣлова, такъ и на Бестужева при выборѣ ими спеціальности для своей служебной карьеры.

Шестнадцати лѣтъ [3]), въ 1842 году Бѣловъ кончилъ гимназическій курсъ и осенью того же года, вмѣстѣ съ матерью и братомъ Николаемъ, поѣхалъ въ Казань, гдѣ всѣ втроемъ поселились на одной изъ Горшечныхъ [4]) улицъ. Брата Николая, не получившаго, вслѣдствіе скудныхъ средствъ, никакого, кромѣ первоначальнаго, образованія, прихватили съ собой для того, чтобы пристроить куданибудь на службу. И тамъ, дѣйствительно, судьба ему улыбнулась,

---

[1]) См. „Заволжская вивліоѳика“, 1887, 1, 43.

[2]) Въ письмѣ отъ 19 іюня 1905 г.

[3]) Въ то время это было не рѣдкостью. Такъ, напримѣръ, учившійся въ той же гимназіи П. М. Мельниковъ кончилъ курсъ 15 лѣтъ, извѣстный профессоръ В. П. Васильевъ—даже 13 лѣтъ.

[4]) Въ Казани существуютъ двѣ Горшечныя улицы: Старая и Новая, но дочь Бѣлова не помнитъ, на которой изъ нихъ жилъ ея отецъ.

пожалуй лучше, чѣмъ Е. А—чу. Онъ нѣкоторое время служилъ въ одномъ изъ казенныхъ учрежденій Казани, затѣмъ переѣхалъ въ Нижній, женился выгодно, купилъ домъ и долгое время былъ гласнымъ тамошней думы.

Бѣловъ поступилъ въ 1-е отдѣленіе философскаго факультета (что нынѣ историко-филологическій) [1]). Въ ту пору Казанскій университетъ стоялъ очень высоко въ научномъ отношеніи. Въ немъ были такіе профессора, которые могли служить украшеніемъ любаго изъ столичныхъ университетовъ, какъ, напримѣръ: Н. М. Благовѣщенскій, В. И. Григоровичъ, Д. М. Мейеръ, Н. А. Ивановъ, К. К. Фойгтъ и другіе.

Фойгтъ (впослѣдствіи ректоръ Харьковскаго университета и членъ совѣта министерства народнаго просвѣщенія) читалъ при Бѣловѣ русскую словесность. Несмотря на свое иноземное происхожденіе и фамилію, это былъ вполнѣ русскій человѣкъ, прекрасно зналъ новые европейскіе языки и имѣлъ солидное знакомство съ произведеніями общей литературы, которая всегда была его любимымъ предметомъ. Среди другихъ иностранцевъ-профессоровъ онъ выгодно выдѣлялся мягкостью обращенія, „можно сказать нѣжностью своего характера, представлявшею его отличительную черту, которая высказывалась и въ простомъ его обхожденіи и въ изяществѣ его манеръ“ [2]). Студенты очень его любили.

Самъ Бѣловъ съ особеннымъ восторгомъ вспоминалъ профессора римской словесности и древностей, знаменитаго филолога Н. М. Благовѣщенскаго (скончавшагося 4 августа 1892 г.). Послѣдній пріѣхалъ въ Казань молодымъ человѣкомъ на должность адъюнкта и съ первыхъ же дней въ продолженіе семилѣтняго тамъ пребыванія пользовался громаднымъ успѣхомъ за свои талантливыя лекціи, которыя слушались не одними только филологами. Впослѣдствіи онъ былъ профессоромъ Петербургскаго университета, ректоромъ университета въ Варшавѣ и подъ конецъ своей многолѣтней службы членомъ совѣта министерства народнаго просвѣщенія. Николай Михайловичъ былъ горячо преданъ дѣлу и наукѣ, что даже по выходѣ въ отставку (не задолго до смерти) не прекращалъ свои интересныя научныя занятія по римской литературѣ и древностямъ, пользуясь европейской извѣстностью [3]). Несмотря на нелюбовь студентовъ къ классицизму, по его предмету почти совсѣмъ не было неуспѣвающихъ.

---

[1]) Между тѣмъ профессоръ Н. И. Карѣевъ въ „Памят. книжкѣ Имп. Александров. лицея на 1898 г.“ показываетъ, что Бѣловъ поступилъ въ университетъ въ 1845 году.

[2]) „Заволжская вивліоѳика“; 1887 г., стрн. 58.

[3]) См. Некрологъ Благовѣщенскаго, составленный профес. Помяловскимъ, въ „Журн. М-ва Нар. Просв.“ 1892 г., XI.

Бѣловъ учился у него хорошо и пользовался особенной его благосклонностью. Даже спустя нѣсколько лѣтъ позднѣе, онъ не забылъ своего даровитаго ученика и, когда Е. А—чъ переѣхалъ въ Петербургъ, запросто заходилъ къ нему, не смущаясь дальностью разстоянія съ Николаевской улицы у вокзала на Малый проспектъ Васильевскаго острова, гдѣ въ домѣ № 15 до самой смерти жилъ Бѣловъ. Н. М. самъ назначилъ „журфиксы" по понедѣльникамъ, говаривалъ онъ Е. А—чу въ шутку, чтобы побесѣдовать съ „своимъ пріятелемъ".

Большой ученостью въ періодъ студенчества Бѣлова въ Казанскомъ университетѣ отличался профессоръ русской исторіи, извѣстный своими научными трудами, Николай Алексѣевичъ Ивановъ, человѣкъ даровитый, знавшій свой предметъ „въ совершенствѣ". Е. А. относился къ нему съ большимъ уваженіемъ и любовью" [1]).

Къ сожалѣнію, студентомъ Бѣловъ былъ юноша очень беззпечный, нисколько не заглядывавшій въ будущность. Онъ любилъ повеселиться, попировать, почитать, поспорить горячо о прочитанномъ (эта черта осталась за нимъ на всю жизнь), но долго, серьезно, усидчиво его трудно было заставить заниматься науками. Благодаря этому, при своихъ блестящихъ способностяхъ онъ успѣвалъ только по тѣмъ предметамъ, которые быстро схватывалъ у любимыхъ профессоровъ и легко запоминалъ.

Ивановъ имѣлъ на него большое вліяніе. Вслѣдствіе ли особеннаго уваженія къ любимому профессору или же изучаемый имъ у послѣдняго предметъ былъ ему по душѣ, только учился Е. А. у него столь хорошо, что Николай Алексѣевичъ прочилъ его оставить при университетѣ для подготовки къ профессорскому званію на каѳедру русской исторіи. И можетъ быть предположеніе это осуществилось бы, если бы не двойка, поставленная на выпускномъ экзаменѣ по греческому языку профессоромъ Фатеромъ [2]).

Когда Бѣловъ сообщилъ объ этой неудачѣ Иванову, послѣдній такъ „раздосадовался", что съ размаха швырнулъ бывшій у него въ рукахъ кулекъ съ провизіей столь сильно, что тотъ полетѣлъ на другой конецъ комнаты [3]).

Вслѣдствіе этого печальнаго инцидента, Е. А. окончилъ университетъ лишь со степенью дѣйствительнаго студента въ 1849 году, т. е. черезъ пять лѣтъ по вступленіи на факультетъ.

Такую задержку въ прохожденіи курса профессоръ Бестужевъ-Рю-

---

[1]) Изъ письма ко мнѣ бывшаго директора Саратов. гимназіи М. А. Лакомте отъ 22 марта 1905 г.

[2]) Тамъ же.

[3]) Изъ письма Е. Е. Бѣловой, 4 августа 1905 г.

минъ объясняетъ [1]) перерывами, во время которыхъ Е. А. проживалъ въ Нижнемъ-Новгородѣ. Но по какимъ причинамъ произошли эти перерывы, къ сожалѣнію, неизвѣстно. Можетъ быть, онъ былъ замѣшанъ въ одномъ изъ студенческихъ волненій, вынудившихъ его покинуть на время Казань, или же тому помѣшали скудныя средства его родныхъ для безпрерывнаго прохожденія курса.

Очевидно, послѣднее обстоятельство и заставило его, по выходѣ изъ университета, занять какую-то незначительную должность въ казанской палатѣ гражданскаго суда [2]), и только 8-го іюня 1850 г. онъ вступаетъ на педагогическое поприще учителемъ географіи въ Пензенскій дворянскій институтъ.

Послѣ нѣсколькихъ лѣтъ борьбы съ нуждой, недоѣданія, бѣганья по урокамъ въ погонѣ за заработкомъ, онъ могъ, наконецъ, вздохнуть свободно. Правда, жалованье институтское едва превышало 300 руб. въ годъ, но при дешевизнѣ въ Пензѣ на предметы первой необходимости, можно еще было жить прилично. Вскорѣ онъ познакомился съ дочерью мѣстнаго архитектора Варварой Ивановной Петровой, въ лицѣ которой нашелъ добрую подругу жизни. В. И—на получила хорошее домашнее воспитаніе, прекрасно играла на роялѣ и свободно говорила по-французски. Молодые супруги жили дружно, думая, что счастью ихъ не будетъ конца, но судьба судила иначе. 21 іюня 1852 г. Е. А. былъ перемѣщенъ на должность учителя того же предмета въ Саратовскую гимназію. Тамъ черезъ четыре года В. И—на опасно занемогла послѣ родовъ и тихо скончалась, оставивъ на рукахъ неутѣшнаго вдовца единственную дочь Евгенію (и по нынѣ здравствующую въ Петербургѣ).

II.

Саратовъ въ ту пору не многимъ отличался отъ губернскихъ городовъ своего времени. Большаго научнаго центра, какъ теперь онъ еще не представлялъ, но въ немъ, помимо обычныхъ казенныхъ учебныхъ заведеній, уже насчитывалось нѣсколько частныхъ училищъ. Какъ городъ, лежащій на судоходной рѣкѣ и имѣвшій поэтому болѣе удобное и быстрое сообщеніе съ другими мѣстностями Россіи, и какъ житница Поволжья, привлекавшая къ себѣ окрестную торговлю и промышленность, Саратовъ былъ, конечно, несравненно

[1]) Въ некрологѣ Бѣлова—„Журн. М-ва Нар. Просв." 1895 г., XII, 102—106.

[2]) На этотъ случай указываетъ дочь Бѣлова, но въ формулярномъ его спискѣ о томъ указаній нѣтъ.

лучше, обширнѣе, люднѣе и просвѣщеннѣе глухой Пензы. Благодаря ссылкѣ въ него политическихъ преступниковъ и привлеченію въ край людей образованныхъ, въ немъ уже въ ту пору начинаетъ замѣчаться нѣкоторый оттѣнокъ прогрессивнаго направленія. 50-ые годы составляютъ въ жизни его едва-ли не самый блестящій періодъ умственнаго подъема людей мыслящихъ. Въ это время мы видимъ въ немъ Чернышевскаго, Костомарова, Мордовцева, А. Ф. Леопольдова, В. Г. Варенцова, Н. А. Мордвинова, И. А. Ганъ и другія молодыя силы, рвавшіяся къ кипучей дѣятельности, послѣ тяжелой Севастопольской войны, въ эпоху передъ освобожденіемъ крестьянъ. Пылкій и увлекающійся Бѣловъ съ своими обширными стремленіями на пользу ближняго, по пріѣздѣ въ Саратовъ, сразу вошелъ въ водоворотъ этой заманчивой жизни.

Ему прежде всего пришлось познакомиться съ Н. Г. Чернышевскимъ, состоящимъ съ 1851 г. старшимъ учителемъ русской словесности въ мужской гимназіи. Такъ какъ у обоихъ были общіе интересы, одинаковое направленіе, общая цѣль и, пожалуй, одинаковые же молодые, пылкіе, легко увлекающіеся характеры [1]), то они скоро сблизились и сдѣлались друзьями. По разсказамъ людей близко знавшихъ покойнаго, Н. Г., такъ много превосходившій Бѣлова и умомъ и талантомъ, образованіемъ, силой воли, имѣлъ громадное вліяніе на складъ мыслей послѣдняго,—наравнѣ, а можетъ быть даже больше, чѣмъ профессоръ философіи Казанскаго университета, извѣстный Д. М. Мейеръ, о которомъ Е. А. всегда вспоминалъ съ благоговѣніемъ [2]). По словамъ М. А. Лакомте, Бѣловъ былъ самымъ близкимъ лицомъ къ Чернышевскому.

Когда пришло извѣстіе о кончинѣ Ч—го, Бѣловъ, сильно тѣмъ пораженный, ушелъ въ свою комнату, заперся и долго тамъ плакалъ.

Незадолго до своей смерти, Е. А. хотѣлъ было написать что-то о преподаваніи Н. Г—ча въ Саратовской гимназіи. Но, вѣроятно, этотъ трудъ остался ненапечатаннымъ по независящимъ отъ него причинамъ такъ же, какъ и другіе его труды: „Исторія древней Греціи“ и „Исторія Рима“, составленныя на основаніи новѣйшихъ извѣстій (послѣдняя по Моммсену) [3]).

---

[1]) Чернышевскій былъ только на три года старше Бѣлова.

[2]) Профессоръ Н. И. Карѣевъ говоритъ (въ „Памят. книж. Имп. Алекс. Лицея на 1898—99 г.“), Е. А. „довольно часто упоминалъ, что первоначальными своими научными и общественными воззрѣніями онъ обязанъ лекціямъ Д. М. Мейера—извѣстнаго своею проповѣдью началъ гуманности“.

[3]) Обѣ рукописи эти нынѣ переданы дочерью Бѣлова въ императорскую публичную библіотеку. Изъ нихъ „Исторія Греціи“ вполнѣ закончена съ помѣткой „іюль 1881 г.“, а „Исторія Рима“ осталась недописанной. Должно

Въ Саратовѣ (приблизительно съ 1853 г.) Чернышевскій вмѣстѣ съ Бѣловымъ работали надъ переводомъ книги профессора Гейдельбергскаго университета Ф. К. Шлоссера: „Исторія XVIII столѣтія и XIX до паденія Французской имперіи", съ подробнымъ изложеніемъ хода литературы. Было переведено восемь томовъ, которые появились въ свѣтъ въ 1858 г.

Оба они очень тяготились царившимъ въ то время режимомъ въ тамошней гимназіи, директоромъ которой былъ суровый нѣмецъ— А. А. Мейеръ, а инспекторомъ не менѣе перваго желчный педантъ Э. Х. Ангерманнъ, кандидаты Казанскаго университета, первый — историко-филологическаго, второй — физико-математическаго факультетовъ,—„блаженной памяти" стяжавшаго себѣ печальную извѣстность попечителя Магницкаго. Оба держали учащихся, да и отчасти учащихъ въ ежовыхъ рукавицахъ. Къ Н. Г—чу, очевидно, благодаря его родственнымъ связямъ въ Саратовѣ, Мейеръ относился нѣсколько благосклоннѣе. „Отъ него и Ангерманна, пишетъ М. А. Лакомте, я слышалъ о Чернышевскомъ всегда съ большимъ уваженіемъ, какъ о человѣкѣ даровитомъ". Но отношенія гимназическаго начальства къ Бѣлову, видимо, были не совсѣмъ доброжелательныя. Правда, по словамъ одной особы, пожелавшей не упоминать ея фамиліи, Е. А. „не имѣлъ никакихъ серьезныхъ столкновеній съ суровымъ директоромъ, но и не былъ съ нимъ въ дружбѣ, а поддерживалъ только оффиціальныя отношенія".

Вслѣдствіе этихъ, должно быть, обстоятельствъ, Е. А. нѣсколько иначе относился къ своимъ преподавательскимъ обязанностямъ въ гимназіи, чѣмъ преподавалъ потомъ ту же географію и исторію въ женскомъ институтѣ и въ пансіонѣ г-жи Фляммъ. „Въ гимназіи, говоритъ Лакомте, казалось, онъ мало интересовался преподаваніемъ своего предмета и подолгу молча ходилъ изъ угла въ уголъ по классу".

Оживлялся Е. А. только среди искреннихъ друзей своихъ. Чрезъ посредство Чернышевскаго онъ познакомился съ историкомъ Н. И. Костомаровымъ [1]), на котораго Н. Г. также имѣлъ большое вліяніе [2]).

быть, смерть помѣшала ему исполнить эту работу. Е. А. остановился на царствованіи императора Гадріана, гдѣ описываетъ взгляды послѣдняго на христіанъ и христіанство, согласно выдержекъ изъ его писемъ.

[1]) Костомаровъ сосланъ въ Саратовъ въ 1848 г., въ 1852 г. онъ состоялъ на должности переводчика тамошняго губернскаго правленія.

[2]) Архиваріусъ саратовскаго окружнаго суда В. А. Никольскій разсказываетъ объ этомъ вліяніи слѣдующее: „Н. И—чъ отличался страннымъ характеромъ. Сослуживцы считали его „безумнымъ". Когда онъ сочинялъ что-нибудь, то быстро ходилъ по комнатѣ, стучалъ по столу, иногда колотилъ себя кулакомъ въ грудь, случалось, что въ экстазѣ онъ ломалъ стулья и билъ окна,

Они составили тѣсный товарищескій кружокъ съ либеральнымъ направленіемъ. Каждый вторникъ пріятели собирались у Бѣлова, куда часто заглядывалъ управляющій саратовской удѣльной конторы Н. А. Мордвиновъ съ нѣкоторыми своими служащими, заходилъ изрѣдка М. А. Лакомте, бывшій въ то время старшимъ учителемъ исторіи въ гимназіи, принималъ еще дѣятельное участіе въ кружкѣ Иванъ Алексѣевичъ Ганъ, предсѣдатель саратовской казенной палаты [1]).

Костомаровъ, однако, какъ говоритъ Лакомте, избѣгалъ частаго посѣщенія общества, посвящая все свое время литературнымъ занятіямъ. Но когда къ нему являлись гости, онъ „всегда принималъ ихъ радушно и любилъ иногда угощать малиновымъ квасомъ по Домострою".

Заглядывали на бѣловскіе журфиксы и барышни и молодыя барыни. Послѣднія больше молчали, слушая ученые и полунаучные споры мужчинъ.

Собранія эти нельзя было назвать строго-литературными. Сами участники кружка именовали ихъ „говорильнями", потому что тутъ говорилось обо всемъ и безъ конца. Все интересное въ области литературы, искусствъ, философіи, педагогики, прочихъ наукъ, а также жгучіе современные вопросы всесторонне освѣщались и дебатировались. Каждая свѣжая книжка „Отечественныхъ записокъ" разбиралась положительно по косточкамъ. Въ числѣ самыхъ интересныхъ и заядлыхъ ораторовъ были Костомаровъ и Чернышевскій.

Послѣдній, приходя на журфиксы, не подходилъ ко всѣмъ здороваться, какъ то дѣлали другіе, а ограничивался рукопожатіемъ только тѣхъ, кто находился по дорогѣ къ намѣченному имъ мѣсту. Онъ прежде всего искалъ глазами свободный стулъ, на которомъ поскорѣе усаживался и начиналъ прислушиваться къ дебатамъ. Проходило немного времени, и уже видишь его въ числѣ главныхъ спорщиковъ. По временамъ, впрочемъ, онъ больше молчалъ и только внимательно прислушивался къ тому, о чемъ говорили ораторы.

Такъ незамѣтно и нескучно короталось свободное время. Сегодня собирались у однихъ, завтра у другихъ. Свѣтскихъ знакомыхъ Бѣ-

---

„искусственно подогрѣвая себя, чтобы разжечь воображеніе и рельефнѣе нарисовать картину прошлаго. Жившая съ нимъ мать, видя въ такомъ состояніи сына и боясь, какъ бы онъ чего-нибудь не сдѣлалъ съ собой, бѣжала сейчасъ же къ Чернышевскому, прося послѣдняго „вразумить Колю". Н. Г. сначала успокаивалъ мать, а потомъ шелъ уговаривать своего друга. И они вмѣстѣ уже безъ волненій и „подогрѣваній" обсуждали тему намѣченнаго сочиненія. Говорятъ, что съ такимъ „бѣснованіемъ" Костомаровъ создалъ „Бунтъ Стеньки Разина".

[1]) Имъ въ 60-хъ г. составлена и издана въ Петербургѣ брошюра: „О настоящемъ бытѣ мѣщанъ Саратовской губерніи".

ловъ не заводилъ, отчасти вслѣдствіе того, что располагалъ небольшими средствами, на которыя трудно было устраивать пріемы съ помпой, а главнымъ образомъ,—благодаря отсутствію у большинства саратовскихъ жителей какихъ-либо опредѣленныхъ убѣжденій; если же у иныхъ и были убѣжденія, то діаметрально противоположныя воззрѣніямъ бѣловскаго кружка на человѣческую личность и роль послѣдней въ обществѣ.

Конечно, на вечерахъ этихъ не выставлялось никакихъ угощеній. Придутъ, посидятъ, поболтаютъ, поспорятъ до кипяченія, ну, выпьютъ по стакану чая, если любезная хозяйка, или добрый хозяинъ раскошелятся приготовить самоваръ, и мирно разойдутся иногда въ 2—3 часа ночи. Люди собирались не для ѣды, а для широкаго общенія въ области человѣческой мысли. Они жаждали часовъ свиданья для обмѣна впечатлѣніями, накопившимися за короткій промежутокъ времени ихъ разлуки между журфиксами...

Въ 1854 г. скромные рессурсы Е. А—ча нѣсколько поправились. Кромѣ должности учителя географіи въ институтѣ благородныхъ дѣвицъ при начальницѣ О. И. Швенцонъ [1]), онъ получилъ уроки въ пансіонѣ Фляммъ [2]). Какъ разсказываетъ одна изъ его ученицъ, пожелавшая скрыть свою фамилію, уроки Бѣлова въ послѣднемъ были настоящими лекціями, такъ живо и интересно „читалъ" онъ. Болѣе памятна ей его лекція о реформаторской дѣятельности Лютера, которую покойный разсказывалъ особенно увлекательно, съ рѣдкой талантливостью оттѣняя эту знаменательную эпоху.

Всегда строго обдуманные и дополненные новыми данными уроки Бѣлова невольно заставляли ученицъ слушать ихъ и успѣвать по исторіи.

Въ пансіонѣ Е. А. познакомился съ будущей второй женой своей, дочерью пастора одной изъ нѣмецкихъ колоній Саратовской губерніи, Матильдой Алексѣевной Марпургъ, на которую лекціи его произвели чарующее впечатлѣніе. Знакомство болѣе окрѣпло, когда, по окончаніи, весной 1857 г., курса М. А. была оставлена при пансіонѣ классной дамой.

Надо же было случиться такъ, что въ этотъ именно годъ скончалась Варвара Ивановна. Молодой вдовецъ первое время сильно грустилъ въ одиночествѣ. Но потомъ успокоился, молодость брала

---

[1]) Черезъ годъ, кажется, ее смѣнила не безызвѣстная въ педагогическомъ мірѣ Лидія Карловна Эрнстъ, урожденная Конради, скончавшаяся въ іюнѣ 1905 г.

[2]) Въ пансіонѣ этомъ было три класса, но ученицы могли оставаться и долѣе „для лучшаго усвоенія пройденнаго курса". Въ 70-хъ годахъ онъ преобразованъ въ частную гимназію г-жи Ульрихъ, а нынѣ министерская.

свое, страсти еще не погасли, и онъ увлекся бывшей своей ученицей. Въ августѣ 1857 г. состоялась ихъ свадьба...

Опять жизнь Бѣлова потекла по обычной колеѣ. Снова открылись вторничные вечера.

Въ этотъ періодъ Чернышевскаго уже не было въ Саратовѣ. Въ апрѣлѣ 1854 г. уѣхалъ онъ въ Петербургъ, откуда лишь въ лѣтніе мѣсяца, наѣзжая къ своему отцу на свиданье, заходилъ къ Е. А. Всю свою дружбу и привязанность Бѣловъ перенесъ на Костомарова. Они часто видѣлись, чаще бесѣдовали и больше спорили, иногда, какъ говорится, „до бѣлаго калѣнья“. Горячіе споры ихъ не ограничивались только кабинетомъ, но выходили и за предѣлы ихъ.

Постоянными участниками бѣловскаго кружка въ послѣдній періодъ жизни Е. А. въ Саратовѣ были: появившійся на саратовскомъ горизонтѣ въ 1856 г. Д. Л. Мордовцевъ съ своей женой Анной Никаноровной (писавшей подъ псевдонимомъ А. Б—цъ), Викторъ Гавриловичъ Варенцовъ, занявшій послѣ Чернышевскаго должность старшаго учителя словесности въ гимназіи, которому Е. А. приходился родней по женѣ [1]), врачъ Маріинскаго института Святославъ Ѳедоровичъ Стефани, наконецъ, одну зиму 1857—58 г. часто посѣщалъ Бѣлова Александръ Павловичъ Ровинскій, принимавшій въ то время участіе въ засѣданіяхъ такъ называемой редакціонной коммиссіи по улучшенію быта помѣщичьихъ крестьянъ.

На журфиксы допускались и гимназисты. Мнжду прочимъ въ числѣ знакомыхъ Бѣлова былъ одинъ воспитанникъ послѣдняго класса гимназіи М., юноша очень талантливый, большой начитанности, прекрасно владѣлъ новыми языками, писалъ недурные стихи. Но вдругъ за нѣсколько мѣсяцевъ до выпускныхъ экзаменовъ, на масляницѣ, онъ застрѣлился. Въ городѣ случай этотъ произвелъ большой переполохъ. Ходили разныя слетни, но все было такъ запутано, что истины доискаться не могли. Виновникомъ безвременной кончины юноши выставляли даже Д. Л. Мордовцева, о чемъ вотъ какъ разсказывали автору настоящаго очерка.

Какъ-то разъ гимназистъ принесъ тетрадку своихъ стиховъ къ своимъ знакомымъ. Тамъ былъ и Мордовцевъ. Юноша прочелъ нѣсколько своихъ произведеній. Присутствующимъ они понравились. Выразилъ одобреніе его таланту и Данила Лукичъ, въ то время, какъ редакторъ „Губернскихъ Вѣдомостей“, считавшійся большимъ авторитетомъ въ городѣ. Онъ обѣщалъ юношѣ блестящую будущность,

---

[1]) Варенцовъ былъ женатъ на сестрѣ второй жены Бѣлова Бертѣ Алексѣевнѣ. Послѣ него, умершаго въ Сициліи, она вышла замужъ за директора департамента м-ва финансовъ во время управленія послѣднимъ Н. Хр. Бунге, извѣстнаго Рихтера.

наговорилъ много лестнаго, поощрялъ къ дальнѣйшимъ занятіямъ на избранномъ пути и даже согласился помѣстить нѣкоторыя изъ его стихотвореній въ „Вѣдомостяхъ". Обрадованный гимназистъ чуть не на другой же день отправился къ нему въ губернское правленіе. Каковъ же былъ его ужасъ, когда въ ближайшемъ нумерѣ мѣстнаго органа онъ прочелъ себѣ отвѣтъ, въ которомъ, помимо критическаго разбора его произведеній, редакція допустила глумленіе, издѣвательство, совѣтуя молодому „поэту" заняться лучше своимъ дѣломъ, „прилежнѣе учиться", чѣмъ „пробиваться глупостями". Юноша былъ самолюбивый, впечатлительный. Отзывъ такъ повліялъ на него, что онъ перестал показываться въ обществѣ, сторонился потѣшавшихся послѣ того надъ нимъ товарищей, ходилъ задумчивымъ и, наконецъ, покончилъ съ собой.

Мы не ручаемся за достовѣрность факта, но дѣйствительно Д. Л. былъ человѣкъ ядовитый. По крайней мѣрѣ, ведя дружбу съ Костомаровымъ, принимая его у себя и самъ бывая у него, вмѣстѣ съ нимъ работая надъ изслѣдованіемъ мѣстной старины и издавая „Сборники" съ его и своими произведеніями [1]), онъ въ то же время сильно его не долюбливалъ и въ обществѣ не ихъ круга отзывался о немъ не совсѣмъ одобрительно, чѣмъ едва-ли не помѣшалъ служебной карьерѣ Н. И—ча въ Саратовѣ. Впослѣдствіи въ своихъ очеркахъ и воспоминаніяхъ, печатавшихся, кажется, въ книжкахъ „Недѣли" за 1867 г., онъ вывелъ его подъ именемъ „профессора Ратмирова", а Бѣлова подъ именемъ „Чернова".

Передъ знаменательнымъ 1861 годомъ всюду въ Россіи царило необыкновенное оживленіе общественной мысли. Разныхъ либеральныхъ „сходокъ" (говориленъ) открылось много и въ Саратовѣ. Всѣхъ занимала мысль предстоящаго освобожденія крестьянъ изъ рабства помѣщиковъ. Разсуждали и о недавнемъ печальномъ прошломъ и о тягостномъ настоящемъ.

„Послѣ стольких лѣтъ гнета, разсказываетъ одна близкая къ Бѣлову особа, разбуженные севастопольскимъ погромомъ, наэлектризованные ожиданіемъ реформъ, всѣ спѣшили составить себѣ правильныя понятія, провѣрить все традиціонное и, конечно, говорили, говорили и говорили. Нынѣшнее время,—время втораго погрома,—похоже на то, но есть и огромная разница. То былъ первый лепетъ, первая попытка мыслить и формулировать свои мысли. И что больше назрѣло, т. е. отрицательное отношеніе къ традиціонному, то первое и вырвалось. Потому и отрицали (все?), отрицали безъ конца, пока не пере-

---

[1]) Ими совмѣстно выпущены „Памятныя книжки Саратов. губ." на 1858, 1859 и 1860 гг. и „Малороссійскій литературный Сборникъ" 1859 г.

шло это въ каррикатуру нигилиста. Что неизмѣримо труднѣе—составить себѣ положительные идеалы, то пошло уже потомъ, а еще труднѣе,—какъ достигнуть этихъ идеаловъ, т. е. перейти къ активной дѣятельности, то въ ту пору до этого было очень далеко"...

Конечно, ни состоящій подъ надзоромъ полиціи Костомаровъ, ни Мордовцевъ, какъ чиновникъ губернскаго правленія, а еще того меньше Бѣловъ, несмотря на свою пылкость, не могли принять активнаго участія въ этомъ движеніи, ибо въ тѣ годы малѣйшія подобныя попытки кончались очень печально. Напримѣръ, изъ Саратова былъ высланъ въ концѣ 50-хъ годовъ учитель гимназіи Дмитріевъ за то только, что пользовался въ городѣ „популярностью". Потомъ ни за что, ни про что сослали „въ неудобообитаемые" города Россіи двухъ врачей. Е. А. Бѣловъ, прослуживши нѣсколько лѣтъ въ Саратовѣ и „будучи чтимъ въ городѣ", едва-ли бы и при благопріятныхъ обстоятельствахъ могъ устремиться въ активные дѣятели. „Онъ былъ чистый теоретикъ, несмотря на то, что весь жаръ души своей посвящалъ политическимъ и общественнымъ вопросамъ,—но только въ теоріи. Характеръ у него былъ не тотъ, да и время не поспѣло. Съ годами онъ все болѣе укладывался въ типъ кабинетнаго ученаго, хотя стимуломъ къ болѣе и болѣе глубокому изученію исторіи все оставалась политика и общественные вопросы"...

1 мая 1859 г. Е. А. былъ допущенъ къ исправленію должности инспектора классовъ въ дѣвичьемъ институтѣ, а 10 января слѣдующаго года состоялся высочайшій приказъ о его утвержденіи. Вслѣдствіе этого онъ поспѣшилъ кончить счеты съ ненавистной ему классической гимназіей и 6 мая того же года отчислился изъ нея отъ должности учителя географіи. Вмѣсто того, онъ взялъ въ институтѣ (съ 7 августа) уроки исторіи. Имѣлъ къ тому же частные уроки, между прочимъ въ семьѣ богатаго помѣщика Деконскаго. Такимъ образомъ матеріально онъ былъ вполнѣ обезпеченъ и будущая карьера, казалось, улыбалась ему. Но вдругъ, Богъ знаетъ по какимъ причинамъ [1]), онъ сталъ настойчиво хлопотать о своемъ переводѣ изъ Саратова и едва-ли не съ этою цѣлью четыре раза ѣздилъ въ Петербургъ [2]). Но такъ какъ, видимо, подходящихъ для него должностей

[1]) Дочь Бѣлова объясняетъ это обстоятельство тѣмъ, что въ Саратовѣ „ужъ очень стало тяжко жить и ему казалось, что въ Петербургѣ будетъ легче дышаться". Съ этимъ однако едва-ли можно согласиться, принимая во вниманіе благоволеніе къ нему начальницы института Эрнстъ и открывавшейся дороги къ дальнѣйшимъ послѣ инспекторства повышеніямъ. Достичь въ 33 года отвѣтственной должности инспектора—это былъ большой шагъ впередъ.

[2]) Съ 23 декабря 1861 по 27 февраля 1862 г.; въ лѣтнее вакаціонное время 1863 г. и съ 22 декабря на 28 дней, наконецъ, съ 1 іюля 1864 г. сверхъ вакаціоннаго времени на 28 дней.

не находилось, то онъ рѣшился, наконецъ, промѣнять обезпеченное мѣсто инспектора на должность опять простаго учителя исторіи въ Васильевской (что на Васильевскомъ островѣ) женской гимназіи, куда былъ „перемѣщенъ“ приказомъ 5 декабря 1864 года.

Весной 1865 г. Бѣловъ покинулъ Саратовъ [1]), а осенью пріѣхала въ Петербургъ его жена съ дочерью.

III.

Какъ можно догадываться, побудительной причиной переселенія Е. А. въ столицу было усиленіе въ Саратовѣ надзора за политической пропагандой, которая будто бы стала распространяться и въ Поволжьѣ, благодаря якобы революціонной дѣятельности Чернышевскаго. По крайней мѣрѣ (какъ нами сообщено въ статьѣ „Изъ исторіи учебной реформы 60-хъ гг.“—„Русская Старина“, 1905, III) о разрушительныхъ идеяхъ, проводившихся послѣднимъ, министръ народнаго просвѣщенія графъ Толстой открыто высказывалъ въ Саратовѣ учителямъ гимназіи. А какъ Бѣловъ находился въ очень близкихъ сношеніяхъ съ Н. Г—чемъ, что, будучи въ 1861 г. въ Петербургѣ, останавливался у него на квартирѣ, то у мѣстной администраціи невольно, конечно, могло родиться подозрѣніе въ соучастіи съ нимъ Бѣлова. Возможно, что о томъ дано было знать свыше, и за нимъ, видимо, былъ учрежденъ до поры—до времени негласный надзоръ, очень для него тягостный, который позднѣе разразился привлеченіемъ его къ допросу въ III отдѣленіи.

Уѣзжая изъ Саратова съ цѣлью успокоиться въ Петербургѣ, Бѣловъ, однако, жестоко въ томъ ошибся.

Шестидесятые годы въ Петербургѣ представляли самое мрачное и тяжелое время. Съ одной стороны проводились разныя реформы для благоустройства государства и облегченія участи населенія, а съ другой—допускался страшный произволъ, попиравшій всякія права личности и свободы гражданъ. Послѣ суда и ссылки Чернышевскаго въ обществѣ какъ-то всѣ примолкли и присмирѣли. Правительство съ особенной подозрительностью смотрѣло на каждое проявленіе свободнаго слова и даже простыхъ разговоровъ на политическія темы.

Трудно еще жилось Бѣлову на первыхъ порахъ въ столицѣ, бла-

---

[1]) Профес. Н. И. Карѣевъ въ вышеуказанной статьѣ своей („Памят. кн. И. Александ. лицея 1898—9 г.“) неправильно указываетъ, что Бѣловъ переселился въ Петербургъ въ 1864 г.

годаря незавидному служебному положенію. Очутившись послѣ довольно солиднаго по тому времени инспекторскаго оклада на скудномъ жалованьи учителя исторіи и при дороговизнѣ петербургской жизни, онъ, конечно, принужденъ былъ бѣдствовать. Новыхъ должностей, которыя могли бы хотя нѣсколько обезпечить семью, не было, а „хорошихъ уроковъ трудно было найти“. И если бы не близкое знакомство его съ Костомаровымъ, занимавшимъ уже извѣстное положеніе среди петербургскихъ ученыхъ и педагоговъ, какъ профессоръ университета, и Бестужевымъ-Рюминымъ, то Е. А. врядъ ли одинъ самостоятельно могъ выбраться изъ тяжелой колеи на торную дорогу.

Къ Н. И—чу Бѣловъ заглянулъ вскорѣ послѣ пріѣзда семьи. Тамъ, къ полной своей неожиданности, онъ встрѣтилъ своего бывшаго школьнаго товарища, Константина Николаевича; послѣдній просилъ его бывать у себя, и старая дружба, такимъ образомъ, возобновилась. Общими усиліями стали хлопотать и добились того, что Е. А. получилъ уроки въ женскихъ гимназіяхъ: Петровской [1]) и Вознесенской, что нынѣ Александровская (съ 15-го августа 1865 по 15-е августа 1870 г.). Потомъ онъ преподавалъ исторію въ пансіонѣ Беренсъ, 1-й военной гимназіи (около года), Михайловскомъ артиллерійскомъ училищѣ (въ началѣ 70-хъ годовъ); но главнымъ образомъ его педагогическая дѣятельность сосредоточивается въ младшихъ (до IV) классахъ императорскаго Александровскаго лицея [2]), сначала по найму (съ 1-го марта 1867 г. по 15-е августа 1870 г.), а затѣмъ въ качествѣ штатнаго преподавателя исторіи до 1-го сентября 1891 г., когда онъ вышелъ въ отставку съ чиномъ дѣйствительнаго статскаго совѣтника и пенсіей 2.041 р. 46 к. въ годъ [3]).

Лишь только Е. А. нѣсколько устроился, оперился и вздохнулъ свободнѣе, получивъ уроки въ лицеѣ и „еще, кажется, не успѣлъ начать тамъ занятій, разсказываетъ дочь его, какъ его потребовали въ III отдѣленіе“, гдѣ ему пришлось имѣть „очень бурныя объясненія“ съ графомъ Шуваловымъ по дѣлу Чернышевскаго. Стоило большихъ хлопотъ, чтобы нѣсколько себя реабилитировать. И все-таки ему было предложено прекратить педагогическую дѣятельность.

— Въ чемъ же моя вина?—спросилъ Бѣловъ шефа жандармовъ.

---

[1]) Въ „Новомъ Времени“ отъ 8-го ноября 1895 г. № 7075 неправильно указано, что онъ былъ преподавателемъ въ Покровской гимназіи (въ Гавани).

[2]) Впрочемъ около года (съ 1-го февраля 1868 г.) Е. А. читалъ въ старшихъ классахъ про эпоху Петра Великаго, вмѣсто покинувшаго лицей кол. совѣтн. Васильевскаго.

[3]) Кромѣ того, какъ говоритъ дочь Бѣлова, Е. А. въ продолженіе трехъ лѣтъ преподавалъ исторію великому князю Петру Николаевичу.

Ничего опредѣленнаго ему, однако, не отвѣтили. И только по вторичномъ ознакомленіи съ дѣломъ Чернышевскаго, Е. А—чу дозволили остаться на занимаемыхъ должностяхъ.

Допросъ на него подѣйствовалъ сильно. Вернулся онъ оттуда взволнованнымъ и печальнымъ и долго не могъ успокоиться, сдѣлавшись на всю жизнь крайне подозрительнымъ и боязливымъ въ сношеніяхъ съ людьми. Для иллюстраціи этого его состоянія, бывшій воспитатель Александровскаго лицея, д. с. с. Ф. К. Неслуховскій приводитъ такой случай, происшедшій уже много лѣтъ спустя.

„Когда 7 апрѣля 1885 г. скончался Костомаровъ [1]), на панихидѣ въ его квартирѣ я произнесъ рѣчь, въ которой, между прочимъ, указалъ на то, что Н. И. былъ иниціаторомъ основанія у насъ общества въ память славянскихъ первоучителей Кирилла и Меѳодія, поставивъ это покойному въ особую заслугу. На панихидѣ присутствовалъ только тѣсный кружокъ друзей историка, въ томъ числѣ издатель „Гражданина", князь Мещерскій. Отведя Неслуховскаго въ сторону, Бѣловъ замѣтилъ ему:

— Эхъ, напрасно вы, Францъ Карловичъ, коснулись объ этомъ обществѣ: какъ бы чего не было.

Въ то время въ высшихъ правительственныхъ сферахъ мысль объ основаніи Кирилло-Меѳодіевскаго общества не пользовалась фаворомъ и подвергалась сильному гоненію, такъ какъ подозрѣвали въ этомъ скрытую политическую пропаганду какого-то сепаратизма и обвиняли Костомарова въ украинофильскихъ стремленіяхъ въ связи съ приверженностью покойнаго историка идеѣ объединенія воедино всѣхъ славянскихъ народностей.

Въ ближайшемъ нумерѣ „Гражданина" князь Мещерскій не преминулъ упомянуть про это и „зѣло продернулъ" Неслуховскаго за его рѣчь.

— Ну, вотъ, вѣдь говорилъ я вамъ: не слѣдовало касаться этого общества,—съ горечью сказалъ послѣднему Бѣловъ.

Въ лицеѣ Е. А. выдвинулся, какъ даровитый педагогъ, обладавшій большой начитанностью по своей спеціальности. По словамъ Неслуховскаго, онъ „не былъ въ строгомъ смыслѣ учителемъ исторіи, а скорѣе талантливымъ профессоромъ, лекціи котораго пользовались колоссальнымъ успѣхомъ". За свою прямоту онъ пользовался уваженіемъ товарищей и любовью воспитанниковъ [2]). „Нѣкоторые изъ нихъ

---

[1]) Н. И. умеръ въ домѣ Комарова, противъ кадетскаго корпуса, на 1-й линія Васильевскаго острова.

[2]) Извѣстный педагогъ Викторъ Петровичъ Острогорскій, преподававшій съ Бѣловымъ вмѣстѣ въ Василеостровской гимназіи, называетъ его „рѣдкимъ типомъ педагога, товарища и идеалиста чистѣйшей воды". Острогорскій по-

подъ его вліяніемъ пріобрѣтали особый интересъ къ исторіи; въ частности, воспитанникамъ нравилось, что Е. А. вступалъ съ ними по поводу тѣхъ или другихъ историческихъ фактовъ въ общія разсужденія, нерѣдко касавшіяся современныхъ событій. Е. А. по возможности старался слѣдить постоянно за новыми явленіями въ области исторической науки, что не всегда встрѣчается у преподавателей среднихъ учебныхъ заведеній, особенно послѣ нѣсколькихъ лѣтъ педагогической дѣятельности" [1]).

Почти всегда онъ готовился къ урокамъ, заимствуя матеріалъ изъ послѣднихъ научныхъ изслѣдованій, для чего иногда довольно усидчиво занимался въ императорской публичной библіотекѣ [2]). „Живость его характера очень часто заставляла его даже особенно увлекаться тѣми или другими темами, что, быть можетъ, не шло въ пользу систематичности преподаванія, но, несомнѣнно, его оживляло".

Поселившись въ 1867 г. съ одиннадцатилѣтней дочерью отдѣльно отъ жены, Е. А. со всѣмъ жаромъ молодости предался излюбленнымъ занятіямъ. Года черезъ три подъ давленіемъ Бестужева-Рюмина онъ рѣшился выступить на литературномъ поприщѣ. Первая самостоятельная работа его „Русскій расколъ и патріархъ Никонъ" была напечатана въ апрѣльской и майской книжкахъ журнала „Семейные вечера" 1870 г., издававшагося подъ редакціей С. Кашпировой. За первой попыткой пошли другія. Въ дальнѣйшихъ своихъ литературныхъ занятіяхъ Е. А. уже не ограничивается узкой рамкой сухаго

мѣстилъ сочувственный А. Е. некрологъ въ „Новостяхъ" отъ 4-го ноября 1895 года.

Здѣсь не лишнимъ будетъ отмѣтить, что въ числѣ ученицъ Бѣлова въ той же гимназіи была дочь К. Д. Кавелина, Софья Константиновна, сильно интересовавшаяся исторіей. По окончаніи гимназіи, около года она брала у Е. А. уроки у себя на дому. Когда въ 1873 г. она вышла замужъ за художника Брюлова и оставила педагогическую дѣятельность, Е. А. очень сожалѣлъ о томъ, такъ какъ былъ увѣренъ, что его ученица займется исторіей научно. Большинство женщинъ онъ считалъ страдающими отсутствіемъ логичности и безпристрастія. Только въ одной Кавелиной Бѣловъ не видѣлъ этихъ недостатковъ и признавалъ ее высокоталантливой. Смерть ея въ молодыхъ лѣтахъ была тяжелымъ ударомъ отцу (сконч. 7 мая 1885 г.).

[1]) Н. Карѣевъ. „Е. А. Бѣловъ" (въ „Памятн. кн. Александровскаго лицея на 1898—99 уч. г.").

[2]) У него была и своя библіотека, составленная, однако, безъ строго опредѣленной системы. Книги въ нее поступали, видимо, случайно, такъ какъ недостатокъ средствъ не позволялъ ему часто тратить деньги на покупку дорогихъ и рѣдкостныхъ изданій. Послѣ его смерти значительная часть этой библіотеки продана Г. А. Лееру, съ которымъ покойный былъ въ самыхъ лучшихъ отношеніяхъ, и другимъ—въ одиночку. Оставшаяся часть неподлежащихъ продажѣ книгъ, какъ дорогое воспоминаніе о покойномъ, хранится у дочери Е. А.

изслѣдователя старины, но даже откликается на современные общественные вопросы въ цѣломъ рядѣ публицистическихъ и критическихъ статей, печатавшихся въ „Гражданинѣ“ (подъ редакціей Достоевскаго), „Новостяхъ“, „Новомъ Времени“ и другихъ изданіяхъ. Одно время онъ даже очень близко стоялъ къ редакціи газеты „Русскій Міръ“, издававшейся М. Г. Черняевымъ [1]).

Въ 1875 г. онъ помѣстилъ въ сборникѣ П. Н. Полевого: „Необходимый кругъ знаній“ составленную имъ „Русскую исторію“, не имѣвшую, однако, успѣха, такъ какъ издана она была небрежно, съ большими пропусками и массой корректурныхъ ошибокъ, чѣмъ былъ недоволенъ и самъ авторъ. Тѣмъ не менѣе этотъ неуспѣхъ не обезкуражилъ его. 26 января 1876 г. онъ вошелъ къ директору лицея генералъ-лейтенанту Н. И. Миллеру съ слѣдующей „докладной запиской“.

„Отсутствіе курсовъ по средней исторіи на русскомъ языкѣ, которые соотвѣтствовали бы объему преподаванія всеобщей исторіи въ императорскомъ Александровскомъ лицеѣ, подало мнѣ мысль составить записки для воспитанниковъ IV класса лицея.—Нѣсколько лѣтъ преподаванія по этимъ запискамъ убѣдили меня, что размѣръ, приданный мною курсу средней исторіи, можетъ быть, безъ особеннаго напряженія, усвоенъ лицеистами IV класса. Я предпочелъ составленіе „Записокъ“, каково бы ни было ихъ достоинство, о которомъ не мнѣ судить, переводу курса средней исторіи съ нѣмецкаго или французскаго языковъ. Всѣ иностранные курсы, несмотря на достоинство многихъ изъ нихъ, приспособлены къ потребностямъ тѣхъ странъ и народовъ, для которыхъ они составлялись. Поэтому, въ нѣмецкихъ курсахъ наибольшее и первое мѣсто отведено Германіи въ ущербъ исторіи Англіи, Франціи и другихъ странъ, и наоборотъ: во французскихъ учебникахъ на первомъ планѣ поставлена исторія Франціи и точно также въ ущербъ исторіи другихъ странъ. Кромѣ того, какъ въ тѣхъ, такъ и въ другихъ совершенно оставлены безъ вниманія исторія Византіи, хотя у нѣмцевъ она весьма много разработана, и исторія славянскихъ народовъ. Между тѣмъ, какъ исторія Византіи, такъ и исторія славянскихъ народовъ необходимы для уразумѣнія исторіи русской. Поэтому, на основаніи бывшихъ примѣровъ, я осмѣливаюсь покорнѣйше просить ваше превосходительство исходатайствовать мнѣ пособіе для напечанія моего курса средней исторіи“.

Ходатайство было удовлетворено и 24 апрѣля выдали Бѣлову изъ кассы лицея „въ заемъ 400 руб.“ Книга эта, изданная въ 1878 г., въ теченіе многихъ лѣтъ служила руководствомъ, по которому пре-

---

[1]) Перечень трудовъ см. ниже.

*

подавалась въ лицеѣ исторія среднихъ вѣковъ [1]), но, какъ говоритъ Ф. К. Неслуховскій, не пользовалась среди лицеистовъ популярностью, въ силу „тяжеловѣсности“ ея изложенія, что признавалъ и самъ Бѣловъ, не разъ исправлявшій „курсъ“ сообразно экзаменаціоннымъ требованіямъ. Въ то же время, какъ ни странно, устными разсказами его по исторіи лицеисты заслушивались и въ благодарность за это старались елико возможно показать ему свою любовь и уваженіе, рѣдко выпадавшія на долю другихъ преподавателей [2]).

Благодаря своему живому, общительному характеру, Е. А. не могъ долгое время пробыть въ одиночествѣ. По словамъ дочери, бывать въ обществѣ для него было какой-то необходимой потребностью. Послѣ уроковъ и обѣда онъ обыкновенно усаживался за чтеніе газеты или книги, при чемъ усиленно курилъ. Но какъ только время приближалось къ 8 часамъ вечера, онъ, хотя бы чувствовалъ себя не совсѣмъ здоровымъ, несмотря и на дурную погоду, отправлялся навѣстить кого-нибудь изъ друзей своихъ. Чаще всего бывалъ онъ у Костомарова, Бестужева-Рюмина, Кавелина, художника Лемохи и изрѣдка заглядывалъ къ Пыпину.

Къ послѣднему Бѣловъ былъ очень расположенъ и искренно уважалъ его, какъ писателя и какъ родственника Чернышевскаго. При встрѣчѣ съ нимъ онъ приходилъ въ хорошее расположеніе духа. А. Н. напоминалъ ему своего двоюроднаго брата и будилъ рой воспоминаній о саратовской жизни. Всѣмъ, что писалъ Пыпинъ, Е. А. всегда сильно интересовался, читая рѣшительно все, что выходило изъ подъ его пера. Но Александръ Николаевичъ относился къ Бѣ-

---

[1]) Н. И. Карѣевъ: „Памят. кн. Лицея 1898—99 г.“

[2]) Кажется, чуть ли не въ томъ же 1878 г. воспитанники преподнесли, напримѣръ, ему чудный золотой портсигаръ, съ выгравированными на немъ фамиліями участниковъ подношенія, въ числѣ коихъ встрѣчается современный беллетристъ князь Дм. Голицынъ (Муравлинъ), до сей поры съ чувствомъ глубокой благодарности вспоминающій своего незабвеннаго учителя (князь принадлежитъ къ XXXVIII курсу, выпущенному въ 1881 г.). Затѣмъ, въ 1881 г. группа лицеистовъ XI курса, явившись на квартиру къ Бѣлову, преподнесла ему экземпляръ „Изборника великаго князя Святослава Ярославича 1073 года“ (изданнаго „иждивеніемъ члена-учредителя о-ва любителей древн. письменности Тимоф. Савича Морозова, Спб. 1880“), въ дорогомъ кожаномъ переплетѣ съ золотымъ тисненіемъ на корешкѣ и надписью (на внутреннемъ бѣломъ листѣ передъ текстомъ): „Любимому учителю отъ XI курса— 1878—1881 гг.“. На послѣднемъ листѣ подписались слѣдующіе лицеисты: Бажановъ, Бутлеровъ, Глинка, Гулькевичъ, Евреиновъ, Зыковъ, Кирѣевскій, Коростовцевъ, Массалимовъ, Норденъ, Носиловъ, Савицкій, Трифоновъ, Шиповъ, Щигельскій.—Дочь Бѣлова принесла „Изборникъ“ въ даръ Имп. публичной библіотекѣ.—Е. А. состоялъ членомъ-корреспондентомъ этого о-ва любителей древ. письменности.

лову какъ-то неровно, подъ часъ холодно и недовѣрчиво, что послѣдняго огорчало. Причину этой холодности можно отнести, пожалуй, къ тому, что А. Н. держался нѣсколько иныхъ направленій и воззрѣній, чѣмъ Бѣловъ. Оба отличались и своими характерами, своими работами и даже пріемами творчества. У Пыпина была во всемъ опредѣленная система, чего нельзя было сказать про Бѣлова. Первый былъ педантиченъ до мелочей и всегда садился за работу уже съ строго выработанной программой. У Бѣлова же работа всецѣло зависѣла отъ степени его вдохновенія, подобно его другу Костомарову.

Какъ можно догадываться, отношенія Пыпина къ Бѣлову охладѣли съ 1867 г., когда А. Н. сталъ постояннымъ сотрудникомъ „Вѣстника Европы", журнала съ явно враждебнымъ славянству направленіемъ. Еще большее охлажденіе послѣдовало со стороны Пыпина, когда Е. А. вступилъ въ число членовъ такъ называемаго славянскаго комитета (гдѣ пробылъ около года), въ которомъ принималъ дѣятельное участіе и Бестужевъ-Рюминъ.

Улучшились отношенія только подъ конецъ жизни обоихъ писателей, кажется, послѣ того, когда въ мартѣ 1889 г. кружокъ преподавателей петербургскихъ высшихъ и среднихъ учебныхъ заведеній выработалъ проектъ устава Историческаго общества, внесеннаго въ историко-филологическій факультетъ университета при особой запискѣ за подписомъ 10-ти членовъ (въ томъ числѣ Бѣлова). 7 октября уставъ былъ утвержденъ Деляновымъ, а 29 ноября состоялось, подъ предсѣдательствомъ профессора В. И. Ламанскаго, открытіе и первое засѣданіе общества въ числѣ 29 учредителей. На второмъ засѣданіи былъ избранъ предсѣдателемъ профессоръ Н. И. Карѣевъ. Бѣловъ не пропускалъ почти ни одного засѣданія, принимая участіе въ оживленныхъ преніяхъ. На засѣданіи 12 сентября 1890 г. онъ прочелъ рефератъ „О значеніи царствованія Грознаго въ русской исторіи", а 9 октября 1891 г. читалъ на тему „О верховникахъ и дворянствѣ" [1]).

Одно лѣто, когда Пыпинъ снялъ дачу въ Петергофѣ, Е. А. устроился по близости въ деревнѣ и часто, ради прогулки, заходилъ къ А. Н—чу: они подолгу бесѣдовали объ интересующихъ ихъ научныхъ предметахъ. Встрѣчались они изрѣдка у Костомарова (жившаго на Васильевскомъ островѣ, по 9 линіи, въ домѣ Карманова), почти ежедневнымъ посѣтителемъ коего былъ Бѣловъ.

По вторникамъ у Н. И—ча собирались лучшіе представители тогдашняго интеллигентнаго общества: между прочимъ, писатель Данилевскій,

---

[1]) Рефераты эти напечатаны въ книжкахъ издаваемаго о-вомъ „Историческаго Обозрѣнія".

профессоръ астрономіи при петербургскомъ университетѣ, Савичъ (человѣкъ съ большими средствами, но по философскому складу своего ума мало обращавшій вниманія на свою внѣшность), священникъ Смоленскаго кладбища о. Стефанъ Опатовичъ, Над. Алдр. Бѣлоозерская и графиня Толстая, жена призидента академіи художествъ. Н. Ив. былъ очень друженъ съ Савичемъ, Толстой и Бѣлоозерской. Послѣдняя до женитьбы его на Кисель (урожденной Крагельская) исполняла у него роль секретаря [1]).

Сначала гости Костомарова пили чай, а затѣмъ переходили въ обширный кабинетъ гостепріимнаго хозяина, гдѣ компанія засиживалась „до поздняго часа ночи". Если приходилъ К. Н. Бестужевъ-Рюминъ, то обыкновенно начинались жаркіе споры между тремя историками объ эпохѣ Грознаго и о роли боярства въ ней, о смутномъ времени, объ эпохѣ Петра Великаго.

По словамъ Неслуховскаго, на эпоху Грознаго Бѣловъ придерживался взгляда Бестужева. Костомаровъ былъ противъ. „Отличительною чертою историческаго міросозерцанія Е. А. былъ своеобразный демократизмъ, который приводилъ его къ своего рода оправданію Іоанна Грознаго за его борьбу съ боярской олигархіей. И не только въ разговорахъ съ близкими людьми и въ своихъ сочиненіяхъ, но даже на урокахъ онъ любилъ возвращаться къ этой темѣ и вносилъ особенную горячность въ возникавшіе по этому поводу споры. Въ общемъ Бѣловъ до конца жизни оставался сторонникомъ принциповъ свободы личности и общественнаго прогресса, хотя по живости своего темперамента и не всегда держался однихъ и тѣхъ же мнѣній относительно того, какія изъ общественныхъ теченій современности наиболѣе соотвѣтствовали основнымъ его воззрѣніямъ". Впрочемъ, за послѣднее время онъ стоялъ довольно далеко отъ общественной жизни, хотя продолжалъ отзывчиво относиться ко всему, что доходило до его свѣдѣнія [2]).

Близость Е. А—ча къ такимъ несходнымъ между собою дѣятелямъ, какъ Бестужевъ-Рюминъ и Костомаровъ, можно объяснить особенной уживчивостью его характера. „Партійность среди серьезныхъ людей для него была непостижима. Онъ говаривалъ, что она напоминаетъ ему старовѣрское: „Съ нечестивцами и табашниками не ѣмъ, не пью за однимъ столомъ". Не расколъ, а свободное общеніе, взаимное признаніе заслугъ между людьми науки и литературы онъ считалъ желательнымъ и необходимымъ" [3]).

---

[1]) Подъ его диктовку она написала автобіографію Н. И—ча, появившуюся въ годъ его смерти въ „Русской Мысли" (V и VI кн.).

[2]) Карѣевъ „Памят. кн. Лицея".

[3]) Изъ письма Е. Е. Бѣловой отъ 14 августа 1905 г.

Благодаря этому онъ до конца своихъ дней сохранилъ дружбу съ Бестужевымъ, которому былъ многимъ обязанъ. „Искреннее доброжелательство, теплое участіе, всегдашняя готовность дать совѣтъ неопытному провинціалу, разсказываетъ Е. Е—на, характеризовали отношенія К. Н. къ моему отцу въ первый и послѣдующій періодъ ихъ знакомства. Кажется, я не ошибусь, если скажу, что онъ цѣнилъ въ Е. А—чѣ живаго собесѣдника, съ которымъ его соединяла общность интересовъ къ одному и тому же научному предмету и ко всѣмъ общественнымъ вопросамъ. Втянувши отца въ литературныя занятія, онъ очень интересовался всякой его научной работой и никогда не отказывалъ ему въ книгахъ изъ своей богатой библіотеки".

Въ то же время Костомаровъ былъ расположенъ къ Бѣлову настолько, что, пиша „Богдана Хмельницкаго", читалъ ему его въ рукописи.

Кончина послѣдняго (въ 1885 г.) много повліяла на его здоровье. Еще большій ударъ нанесла ему смерть (въ 1889 г.) горячо любимаго Чернышевскаго. Къ тому же и убійственный петербургскій климатъ дѣйствовалъ на него разрушительно. Силы стали слабѣть, энергія пала, дѣятельность съ каждымъ годомъ убавлялась: за послѣдніе годы онъ уже почти совсѣмъ не занимается историческими изысканіями, помѣщая за годъ по одной—двѣ статьѣ въ періодической печати. Слабость здоровья и открывшаяся болѣзнь заставили его 1 сентября 1891 г. подать въ отставку. Лицей съ большой грустью разстался съ нимъ. Педагогическій персоналъ послѣдняго 15 сентября устроилъ ему пышные проводы и чествованіе по случаю сорокалѣтія его педагогической дѣятельности.

Когда Е. А. вошелъ въ залъ, почти весь составъ педагогическаго совѣта привѣтствовалъ его адресомъ, составленнымъ профессоромъ Н. И. Карѣевымъ и прочитаннымъ директоромъ Гартманомъ [1]).

---

[1]) Вотъ этотъ адресъ. „Многоуважаемый Евгеній Александровичъ. Покидая Имп. Александровскій лицей послѣ долгаго въ немъ служенія, вы оставляете по себѣ добрую и почтенную память. Ваше преподаваніе исторіи всегда отличалось тою основательностью и глубиной, какія даются лишь самостоятельнымъ изученіемъ источниковъ. Но вы не только учили воспитанниковъ лицея исторіи, вы оказывали на нихъ самое благотворное вліяніе своею преданностью дѣлу, своей неуклонной прямотой, всѣмъ нравственнымъ авторитетомъ своей личности. Разставаясь нынѣ съ вами, совѣтъ И. А—го лицея считаетъ долгомъ выразить вамъ свои чувства уваженія и признательности". Адресъ, кромѣ директора, подписали 35 членовъ совѣта.

Въ свою очередь, воспитанники поднесли Е. А. бюваръ съ серебряной доской, на которой было написано: „Глубокоуважаемому Евгенію Александровичу Бѣлову отъ благодарныхъ лицеистовъ".

Въ ресторанѣ „Мѣдвѣдь“ сослуживцы устроили ему обѣдъ. Говорилось, конечно, много тостовъ и рѣчей. Между прочимъ, одинъ изъ участниковъ пира сказалъ: „Сегодняшній день въ полномъ смыслѣ праздникъ разума и сердца. Вы вселяли все время, неустанно, въ воспитанникахъ тотъ взглядъ на исторію, который выраженъ въ знаменательномъ изреченіи великаго американскаго мыслителя Эмерсона, который сказалъ: „благодаря изученію исторіи народовъ, человѣкъ обращается въ храмъ исторической жизни человѣчества, воспринимая юридическую мудрость римлянъ, любовь къ художеству грековъ и средневѣковую доблесть рыцарей“.

Въ годъ своей кончины Е. А. жилъ съ дочерью на дачѣ въ Мустамякахъ по Финляндской желѣзной дорогѣ, все лѣто чувствуя себя плохо. Съ переѣздомъ въ августѣ на городскую квартиру, чахотка съ каждымъ днемъ замѣтнѣе стала разрушать организмъ. Сильные приступы кашля не давали ему покоя. Дни писателя были сочтены, и 2 ноября его не стало. 5-го числа были скромныя похороны. Проводить до могилы тѣло бѣднаго труженика собрались немногіе, рѣчей не говорили и всѣ тихо разошлись.

Прахъ историка покоится на Смоленскомъ кладбищѣ, на углу Троицкой и Рождественской дорогъ. Могилу окружаетъ желѣзная рѣшетка съ мраморнымъ памятникомъ, на которомъ написано золотыми буквами: „Евгеній Александровичъ Бѣловъ. Родился 20 января 1826 г., скончался 2 ноября 1895 г.“.

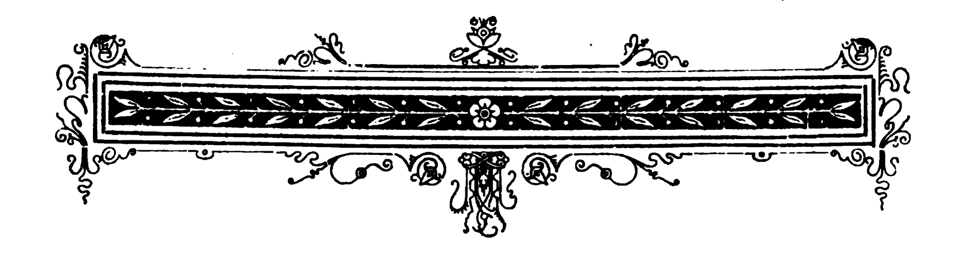
Съ лѣвой стороны памятника, прикрѣпленнымъ къ рѣшеткѣ, стоитъ футляръ съ вѣнкомъ подъ стекломъ. На черныхъ лентахъ вѣнка красуется бѣлыми буквами краткая, но многоговорящая надпись: „Учителю XLIX курса“.

Очевидно, вѣнокъ этотъ отъ лицеистовъ, такъ сильно любившихъ и уважавшихъ своего наставника.

Чтобы сохранить живую память о покойномъ, мы прилагаемъ рѣдкостный портретъ его, снятый во время службы его въ Саратовѣ

П. Юдинъ.

Записки П. М. Гудимъ-Левковича о войнѣ 1877—78 года.

Въ задунайскомъ нашемъ походѣ 1877 года я принималъ участіе въ такомъ маленькомъ чинѣ, что личная моя дѣятельность ни для самого меня, ни для успѣховъ въ общемъ дѣлѣ, не могла имѣть никакихъ серьезныхъ послѣдствій. Но вслѣдствіе нѣкоторыхъ причинъ, которыя выяснятся изъ моего разсказа, я имѣлъ возможность съ полной достовѣрностью знать много такого, что далеко не всѣмъ было извѣстно.

Во время самаго похода я дѣлалъ болѣе или менѣе подробныя замѣтки о всемъ происходившемъ и, просмотрѣвъ ихъ по возвращеніи моемъ домой, я нашелъ, что многія изъ нихъ могли бы быть прочитаны не безъ интереса, если только онѣ будутъ напечатаны безъ пропусковъ. Имѣя въ виду, что сдѣлать это немедленно совершенно невозможно, я поручаю исполненіе моего намѣренія моимъ наслѣдникамъ.

Считаю нужнымъ добавить, что буду говорить съ полной увѣренностью лишь о томъ, что лично видѣлъ, и передавать лишь тѣ разговоры, при которыхъ присутствовалъ; о дошедшихъ же до меня слухахъ буду упоминать лишь съ оговоркою.

I.

Почему въ 1877 году я задумалъ воевать?—Первая моя неудача въ Кіевѣ.—Поѣздка въ Румынію и вторая неудача въ Плоэшти.—Знакомство съ прекраснымъ незнакомцемъ.—Желѣзнодорожный аферистъ.—Похожденія отставнаго лейбъ-улана.—Не было бы удачи, да третья неудача помогла.

Въ 1877 году мнѣ стукнуло ровно 50 лѣтъ. Жилъ я съ женою и двадцати-лѣтнимъ сыномъ у себя въ имѣніи, гдѣ въ теченіе 30-ти

лѣтъ усердно и съ любовью занимался сельскимъ хозяйствомъ. Въ молодости я прямо изъ университета зачислился юнкеромъ на Кавказъ, гдѣ прослужилъ два года въ Кабардинскомъ полку, которымъ въ то время командовалъ князь А. И. Барятинскій, затѣмъ вышелъ въ отставку и служилъ только по выборамъ.

Дѣтей у насъ было нѣсколько, но, за исключеніемъ сына, о которомъ я упомянулъ выше, всѣ умерли, поэтому понятно, что вся наша любовь, а въ особенности любовь матери, сосредоточилась на этомъ единственномъ сынѣ.

Между тѣмъ весной 1877 года сдѣлалось очевиднымъ, что война съ Турціей неизбѣжна, и я понялъ, что удержать сына дома будетъ невозможно, если мнѣ не удастся придумать какое-нибудь непреодолимое препятствіе къ поступленію его въ ряды сражающихся. Это препятствіе было мною найдено и выразилось рѣшительнымъ и безповоротнымъ моимъ намѣреніемъ самому зачислиться въ дѣйствующую армію. При этомъ мнѣ легко было убѣдить сына, что сдѣлать это обоимъ намъ одновременно совершенно невозможно.

Въ первыхъ числахъ мая я поѣхалъ въ Кіевъ, разсчитывая, что тамъ легко будетъ устроить все нужное для выполненія моего намѣренія, такъ какъ въ числѣ вліятельныхъ лицъ этого города я имѣлъ много родственниковъ и знакомыхъ. Оказалось, однако, что это было не такъ легко, какъ я думалъ. Мнѣ здѣсь сказали, что по вновь установленнымъ порядкамъ никто не можетъ быть зачисленъ изъ отставки прямо въ дѣйствующую армію, не прослуживъ нѣкоторое время, болѣе или менѣе продолжительное, въ резервѣ. Такъ какъ это вовсе не соотвѣтствовало моимъ намѣреніямъ, то мнѣ посовѣтывали ѣхать въ Румынію, гдѣ въ то время находились уже наши войска, и похлопотать о своемъ дѣлѣ чрезъ посредство лицъ, пользовавшихся расположеніемъ великаго князя Николая Николаевича. Въ числѣ этихъ лицъ мнѣ указали на полковника Струкова, флигель-адъютанта князя Лопухина-Демидова и генерала Столыпина. Съ первыми двумя я былъ знакомъ, а къ послѣднему запасся рекомендаціей.

Не долго раздумывая, я взялъ заграничный паспортъ и поѣхалъ въ Плоэшти, гдѣ въ то время находилась главная квартира главнокомандующаго и куда со дня на день ожидали пріѣзда государя.

По пріѣздѣ въ Плоэшти, я съ перваго же дня принялся за хлопоты по моему дѣлу, но сразу увидѣлъ, что врядъ ли оно „выгоритъ“. Столыпинъ и Демидовъ обѣщали мнѣ свое содѣйствіе, но въ теченіе нѣсколькихъ дней я заходилъ и къ тому и къ другому, не добившись никакого результата; что же касается до Струкова, то онъ съ перваго же слова сказалъ мнѣ, что изъ моихъ хлопотъ ничего не

выйдетъ, такъ какъ зачисленіе на службу вовсе не зависитъ отъ главнокомандующаго—„для этого“, добавилъ онъ, „установленъ порядокъ, котораго очень строго придерживаются“. Впослѣдствіи я убѣдился въ безусловной вѣрности этихъ словъ, такъ какъ въ Плоэшти перебывало много отставныхъ, пріѣзжавшихъ туда съ тою же, какъ и я, цѣлью и уѣхавшихъ, ничего не добившись.

О похожденіяхъ одного изъ этихъ неудачниковъ, весьма симпатичнаго молодаго человѣка, вышедшаго изъ лейбъ-уланскаго полка всего лишь два года тому назадъ, я намѣренъ разсказать болѣе подробно, но отлагаю это пока, теперь же поговорю о моихъ мытарствахъ.

Цѣлую недѣлю таскался я отъ одного лица къ другому, изъ одной канцеляріи въ другую; вездѣ одинъ отвѣтъ: „здѣсь вы ничего не добьетесь“. Наконецъ, нашелся добрый человѣкъ (помощникъ начальника штаба по строевой части генералъ Кульчевскій), давшій мнѣ совѣтъ, которому я и послѣдовалъ.

„Если у васъ есть знакомый между командирами кавалерійскихъ полковъ“, сказалъ мнѣ онъ, „заручитесь отъ него удостовѣреніемъ о согласіи офицеровъ этого полка на ваше въ него зачисленіе. Съ этимъ удостовѣреніемъ пріѣзжайте опять сюда для подачи прошенія, которое мы пошлемъ въ Петербургъ и, если вы сами тамъ похлопочете, то въ какія-нибудь 5—6 недѣль дѣло ваше можетъ удасться“.

Узнавъ, что 9 кавалерійская дивизія, съ начальникомъ которой я былъ довольно близко знакомъ, расположена немного выше по Дунаю въ окрестностяхъ Слатины, я поѣхалъ туда и въ нѣсколько часовъ получилъ требуемое удостовѣреніе, такъ что въ тотъ же день выѣхалъ обратно въ Плоэшти. Послѣ подачи прошенія мнѣ не оставалось ничего другаго, какъ ѣхать въ Петербургъ, но, сообразивъ, что я поспѣю туда ранѣе моего прошенія, я предпочелъ остаться въ Плоэшти до отсылки моихъ бумагъ и тѣмъ самымъ получилъ возможность присутствовать при встрѣчѣ государя, прибытіе котораго ожидали чрезъ 3—4 дня.

Въ теченіе этихъ нѣсколькихъ дней не произошло ничего такого, о чемъ стоило бы разсказывать, тѣмъ не менѣе о двухъ маленькихъ эпизодахъ я нахожу не лишнимъ упомянуть въ видѣ курьеза.

Оставаясь въ Плоэшти безъ всякаго дѣла, я отъ скуки слонялся по городу и заходилъ пить кофе, обѣдать и ужинать, то въ одинъ, то въ другой изъ многочисленныхъ садиковъ „café chantant“, расплодившихся, вѣроятно, тамъ по случаю прибытія нашихъ войскъ. Здѣсь мнѣ приходилось очень часто встрѣчаться съ какимъ-то щегольски одѣтымъ и пріятной наружности молодымъ человѣкомъ польскаго

типа, старавшимся при всякомъ удобномъ, а иногда и вовсе неудобномъ, случаѣ завязать со мною знакомство, вступая въ болѣе или менѣе отвлеченные разговоры.

Находя такую назойливость подозрительной, я описалъ наружность этого субъекта одному хорошему моему знакомому, имѣвшему по своему служебному положенію возможность угадать, кто былъ этотъ „прекрасный незнакомецъ“.

— Судя по нарисованному вами портрету, отвѣчалъ мой пріятель, это долженъ быть одинъ изъ членовъ тайной полиціи такой-то. Мнѣ названа была фамилія, которую я теперь позабылъ, но назовемъ его хоть паномъ Кепшисюльскимъ.

— Знаете что, прибавилъ мой знакомый, вдѣньте въ петлицу сюртука вашъ георгіевскій крестъ, и этотъ господинъ отъ васъ отстанетъ.

Пустить „Георгія“ въ дѣло я не могъ, позабывъ захватить его съ собой при отъѣздѣ, но названную мнѣ фамилію постарался запомнить.

Въ день пріѣзда государя, находясь въ толпѣ ожидавшихъ, я нѣсколько усталъ и потому вышелъ изъ толпы и усѣлся на скамьѣ около одного изъ окружавшихъ площадку палисадниковъ.

Скоро я замѣтилъ Кепшисюльскаго, сновавшаго въ толпѣ то въ одну, то въ другую сторону и, то съ однимъ, то съ другимъ, заговаривавшаго. Замѣтивъ, наконецъ, меня, онъ сейчасъ же подошелъ и, раскланявшись, какъ съ близко знакомымъ, сѣлъ со мной рядомъ.

Послѣ нѣсколькихъ словъ о погодѣ, онъ граціозно приподнялъ свою соломенную шляпу и съ привѣтливой улыбкой назвалъ свою фамилію (само собою разумѣется, вымышленную), прибавивъ съ вѣжливымъ поклономъ: „могу ли узнать, съ кѣмъ честь имѣю говорить“.

— Пріѣзжій, отвѣчалъ я, что же касается до фамиліи моей, то я не могу понять, для чего она вамъ понадобилась. Если васъ это такъ интересуетъ, добавилъ я, поступите такъ, какъ сдѣлалъ я, чтобы узнать, что ваша фамилія Кепшисюльскій.

Милый мой знакомый незнакомецъ вскочилъ, какъ ошпаренный, и послѣ этого оставилъ меня въ покоѣ.

Другой курьезный случай—моя встрѣча съ желѣзнодорожнымъ гешефтъ-махеромъ Варшавскимъ, котораго я зналъ лѣтъ 20 тому назадъ и при томъ съ очень нелестной для него стороны, такъ какъ вслѣдствіе одной мошеннической его продѣлки, знакомство наше завершилось предостереженіемъ объ угрожающей ему съ моей стороны обидой дѣйствіемъ.

Встрѣча эта произошла такъ: сидѣлъ я какъ-то въ одномъ изъ ресторанчиковъ въ обществѣ „густыхъ эполетъ“ (хотя чиномъ я

былъ только поручикъ, но по возрасту вполнѣ подходилъ къ генераламъ), какъ вдругъ увидѣлъ Варшавскаго, о присутствіи котораго въ Плоэшти я ничего не зналъ, подходящаго къ нашему столику, съ радостной улыбкой и протянутой ко мнѣ рукой.

— Кого я вижу, запѣлъ онъ съ умиленіемъ, покачивая головой и, несмотря на то, что я руки ему не подалъ, а только кивнулъ головой, пододвинулъ стулъ и усѣлся около меня. Затѣмъ, разсчитывая, вѣроятно, что знакомство съ густыми эполетами будетъ ему не безполезно въ предстоящихъ гешефтъ-махерскихъ его операціяхъ, онъ попросилъ меня представить его окружающимъ.

Я вынужденъ былъ исполнить его просьбу, хотя сдѣлалъ это съ ироничеcкой улыбкой и въ слѣдующей формѣ: „г. Варшавскій, счастливый строитель желѣзныхъ дорогъ“.

Варшавскій не только этимъ не обидѣлся, но сейчасъ же воспользовался случаемъ для перечисленія своихъ, на этомъ поприщѣ, подвиговъ, при чемъ министровъ, съ которыми имѣлъ дѣло, называлъ не иначе, какъ по имени и отчеству, вспоминая обѣды, которыми онъ ихъ угощалъ и т. п.—„Я и тутъ взялъ на себя маленькое дѣло, вовсе для меня не интересное“,—пояснилъ Варшавскій, „но вѣдь долженъ же каждый въ такую, какъ теперь, минуту сослужить службу отечеству“.

Послѣднія слова сопровождались энергическимъ ударомъ въ грудь и дрожаніемъ голоса.

Маленькое дѣло, о которомъ шла рѣчь, заключалось, какъ я узналъ, въ заподрядѣ 30.000 троечныхъ подводъ, за плату по пяти рублей золотомъ въ сутки, что составляло на бумажныя деньги по 8 рублей [1]).

На этомъ маленькомъ дѣлѣ онъ имѣлъ возможность заработать милліоны и если ихъ не заработалъ, то лишь по своей винѣ, такъ какъ неаккуратно разсчитывалъ подводчиковъ, за что впослѣдствіи и поплатился.

Не знаю, удалось ли Варшавскому убѣдить слушателей въ своемъ патріотизмѣ, но не подлежитъ сомнѣнію, что онъ наравнѣ съ членами пресловутой „золотой компаніи“ (Горвицъ, Коганъ и Грегеръ) пользовался большимъ вниманіемъ и даже почетомъ у высокопоставленныхъ лицъ.

На обратномъ пути однимъ изъ моихъ спутниковъ оказался тотъ самый лейбъ-уланъ, о неудачныхъ попыткахъ котораго зачислиться въ дѣйствующую армію я упомянулъ выше. Это былъ, какъ я уже

---

[1]) Договоривъ подводы по 5 руб. бумажныхъ въ сутки, онъ получалъ въ свою пользу по 3 руб. отъ каждой.

сказалъ, очень симпатичный молодой человѣкъ, веселаго и откровеннаго характера (Николай Галактіоновичъ Петровъ), прослужившій послѣ выпуска въ указанный выше полкъ всего лишь два или три года, а два года тому назадъ вышедшій, по семейнымъ обстоятельствамъ, въ отставку и принявшійся за хозяйничаніе въ своемъ имѣніи въ Орловской, если не ошибаюсь, губерніи.

Увлеченный перспективой войны, онъ поспѣшилъ въ Плоэшти, гдѣ, перепробовавъ все то же, что и я, потерпѣлъ полную неудачу. Будучи лично извѣстенъ великому князю Николаю Николаевичу, какъ шефу лейбъ-уланскаго полка, онъ рѣшился обратиться съ просьбой о содѣйствіи, прямо къ главнокомандующему, но тутъ представилось затрудненіе: какимъ образомъ подвернуться великому князю на глаза, такъ какъ просить для него аудіенціи никто не рѣшался, ссылаясь на массу занятій главнокомандующаго. Тогда Петрову пришло на умъ обратиться по этому дѣлу къ камердинеру великаго князя, и эта попытка оказалась удачной, такъ какъ, сочувствуя „патріотическимъ стремленіямъ" молодаго человѣка, великодушный его покровитель рѣшился пропустить просителя въ палисадникъ около дома, занимаемаго великимъ княземъ, и посовѣтовалъ ему ожидать тамъ той минуты, когда его высочество выйдетъ туда, чтобы посидѣть въ тѣни послѣ обѣда.

Не прошло и полчаса, какъ въ дверяхъ дома показался великій князь, сопровождаемый Струковымъ, и, замѣтивъ Петрова, сталъ всматриваться въ него, а потомъ спросилъ съ видимымъ удивленіемъ:

— Петровъ! какими судьбами здѣсь?

— Желаю служить отечеству подъ начальствомъ вашего высочества.

— Ну, что же, я очень радъ,—сказалъ великій князь.

— Къ сожалѣнію, мнѣ этого мало, брякнулъ Петровъ.

— Какъ такъ, съ недоумѣніемъ спросилъ главнокомандующій.

— Желалъ бы, чтобы и другимъ были извѣстны милостивыя слова вашего высочества, пояснилъ Петровъ.

— Понимаю, сказалъ тогда великій князь, и, обращаясь къ Струкову, добавилъ: скажи Непокойчицкому, чтобы Петрову выдали удостовѣреніе о желаніи моемъ имѣть его на службѣ въ дѣйствующей арміи.

— Ну, теперь дѣло въ шляпѣ, подумалъ Петровъ и вмѣстѣ со Струковымъ пошелъ къ начальнику штаба.

Получивъ желаемое удостовѣреніе, Петровъ, согласно данному ему совѣту, направился на другой же день къ военному министру—генералу Милютину, но и тутъ добиться пріема оказалось невозможнымъ. Умудренный опытомъ, Петровъ, не долго думая, опять обратился къ камердинеру и опять успѣшно.

На другой же день онъ былъ впущенъ въ пріемную министра ранѣе начала доклада, гдѣ и подалъ прямо въ руки Милютина свою докладную записку съ приложеніемъ удостовѣренія, отъ котораго ожидалъ чудесъ, но, къ крайнему изумленію, услышалъ отъ министра слѣдующія слова: „что же и прекрасно, поѣзжайте въ Петербургъ и подайте тамъ прошеніе въ главный штабъ“.

Однако, Петровъ не послѣдовалъ буквально этому совѣту, и, подавъ, какъ и я, прошеніе въ штабъ дѣйствующей арміи, ѣхалъ теперь въ столицу, чтобы лично похлопотать въ главномъ штабѣ о зачисленіи его въ дѣйствующую армію.

Это было для меня какъ нельзя болѣе на руку, такъ какъ, поручивъ Петрову, имѣвшему въ Петербургѣ много знакомыхъ между лицами болѣе или менѣе вліятельными, похлопотать въ главномъ штабѣ и за меня я получилъ возможность пробыть нѣсколько лишнихъ дней у себя дома.

Петровъ охотно принялъ на себя мое порученіе и о результатахъ обѣщалъ меня увѣдомить.

Недѣли двѣ спустя я получилъ отъ Петрова телеграмму; „зачислили было меня въ резервъ, съ трудомъ выхлопоталъ обратно мои бумаги. Ѣду домой садить капусту. На-дняхъ получите письмо“.

Тремя днями позже я дѣйствительно получилъ письмо, съ приложеніемъ записочки, писанной карандашемъ на клочкѣ бумаги, гласившей слѣдующее: „бумаги Гудимъ-Левковича получены, будетъ зачисленъ въ резервъ, если личнымъ ходатайствомъ не добьется другаго результата“.

— Вотъ тебѣ, бабушка, и Юрьевъ день! подумалъ я. Вмѣсто того, чтобы сидѣть покойно дома и заниматься любимымъ дѣломъ, придется тянуть лямку и упражняться въ фрунтистикѣ.

Приходилось, не теряя времени, ѣхать въ Петербургъ, и потому 2—3 часа спустя чемоданъ мой былъ уложенъ, и коляска стояла у подъѣзда. Оставалось проститься съ своими и спѣшить на желѣзнодорожную станцію, чтобы поспѣть на поѣздъ прямаго сообщенія, отходившій въ 10 часовъ вечера по направленію Бахмачъ—Минскъ—Вилейка.

Въ это время внезапно хлынулъ дождь, да такой, что ѣхать было немыслимо и поспѣть къ поѣзду невозможно при наступившей слякоти и тьмѣ. Слѣдующій поѣздъ отходилъ въ 9 часовъ утра, но уже не прямымъ сообщеніемъ на Минскъ и Вилейку, а окружнымъ на Курскъ.

Отложивъ мой выѣздъ до слѣдующаго вечера, я потерялъ бы цѣлыя сутки, тогда какъ, выѣхавъ на другой день утромъ, я времени не терялъ, почему и предпочелъ послѣднее, и это, какъ оказа-

лось потомъ, имѣло рѣшительное вліяніе на благопріятный исходъ моего дѣла.

Когда по пути къ Курску нашъ поѣздъ остановился вечеромъ у станціи Льговъ, я увидѣлъ у платформы какіе-то необыкновеннаго вида и ярко освѣщенные вагоны, въ которыхъ, какъ оказалось, пріѣхала изъ Скерневицы княгиня Барятинская, жена фельдмаршала, который самъ проѣхалъ въ свое имѣніе близъ Льгова дня три тому назадъ.

Я упомянулъ, что въ молодости служилъ подъ начальствомъ князя Барятинскаго, когда онъ командовалъ Кабардинскимъ полкомъ. Кое-какія военныя случайности были причиною особеннаго его расположенія ко мнѣ, вслѣдствіе чего я исполнялъ при немъ обязанности безсмѣннаго ординарца во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда предвидѣлась встрѣча съ горцами. Когда мнѣ пришлось, по домашнимъ обстоятельствамъ, оставить службу, князь при прощаніи сказалъ мнѣ: „не забывайте, что во мнѣ вы всегда найдете искренне расположеннаго къ вамъ человѣка".

Прошло съ тѣхъ поръ около 30-ти лѣтъ; съ княземъ я послѣ этого не встрѣчался, почему имѣлъ полное право думать, что онъ вовсе забылъ о моемъ существованіи; тѣмъ не менѣе подъ первымъ впечатлѣніемъ мнѣ пришла мысль повидаться съ княземъ и попросить его содѣйствія въ моемъ дѣлѣ, почему, отдавъ кондуктору багажную квитанцію и получивъ свой багажъ, я взялъ извозчика и поѣхалъ въ городъ.

Едва отъѣхавъ отъ станціи, я началъ уже раскаиваться въ своей опрометчивости: „здѣсь я по всей вѣроятности", подумалъ я, „ничего не добьюсь: какое дѣло фельдмаршалу до какого-то юнкера, служившаго когда-то подъ его начальствомъ, между тѣмъ въ Петербургъ я опоздаю и буду безповоротно зачисленъ въ резервъ. Вотъ ужъ поистинѣ можно сказать: сѣлъ между двухъ стульевъ".

Эти размышленія очень меня смутили, но, вспомнивъ пословицу quand le vin est tirée, il faut le boire", я махнулъ рукой и поѣхалъ дальше.

На другой день я послалъ записку къ адъютанту князя—полковнику Кузнецову, въ которой сообщалъ ему, что такой-то служившій на Кавказѣ подъ начальствомъ князя, желаетъ его видѣть по личному дѣлу, и, признаюсь по правдѣ, не ждалъ благопріятнаго отвѣта, а ужъ во всякомъ случаѣ не скораго. Но не прошло и двухъ часовъ, какъ я получилъ отвѣтъ такого содержанія: „Генералъ-фельдмаршалъ поручилъ мнѣ передать вамъ, что его сіятельству пріятно повидаться съ вами и проситъ васъ пожаловать сегодня между 4—5 часами. 1-го іюля 1877 года".

Свиданіе съ княземъ останется всегда однимъ изъ отраднѣйшихъ моихъ воспоминаній, такъ какъ оно возстановило во мнѣ вѣру въ хорошія стороны человѣческой природы.

Говоря безъ прикрасъ, я искренно и горячо любилъ своего бывшаго полковаго командира, такъ какъ знать его близко и не любить было невозможно, но, признаюсь, не считалъ его способнымъ на серьезную привязанность къ подчиненнымъ, которыхъ у него перебывало много и которыхъ ему приходилось и терять, и мѣнять, какъ мѣняютъ перчатки.

Повторяю, что я даже не надѣялся, чтобы онъ помнилъ о моемъ существованіи, такъ какъ великіе міра сего легко выбрасываютъ изъ памяти весь лишній балластъ; но сдѣланный мнѣ княземъ пріемъ— дружескій и радушный, заставилъ меня убѣдиться, что нѣтъ правила безъ исключенія.

Отвѣтивъ на нѣсколько вопросовъ князя относительно того: женатъ ли я, имѣю ли дѣтей и т. п., я приступилъ къ изложенію моей просьбы.

— Вы непремѣнно хотите зачислиться прямо въ дѣйствующую армію, спросилъ фельдмаршалъ—но вѣдь это совершенно противно установленнымъ теперь порядкамъ. Я радъ бы вамъ помочь, но право не знаю, удастся ли мнѣ это, тѣмъ болѣе,—прибавилъ онъ съ улыбкой,— что, какъ вы знаете, мы не совсѣмъ въ ладахъ съ Милютинымъ.

Эти послѣднія слова, хотя и сказанныя въ шутливомъ тонѣ, совсѣмъ меня обезкуражили, такъ какъ въ нихъ я угадывалъ косвенный отказъ въ содѣйствіи, но князь, замѣтивъ произведенное ими на меня впечатлѣніе, поспѣшилъ добавить: „впрочемъ, попытаюсь. Поѣзжайте домой, оставивъ вашъ адресъ у Кузнецова, и ждите отъ меня извѣстій“.

Какъ видно изъ приведеннаго письма Кузнецова ко мнѣ, я былъ у князя 10-го іюля, а 18-го получилъ телеграмму слѣдующаго содержанія: „Высочайшимъ приказомъ отъ 16-го іюля въ селѣ Бѣломъ (въ Болгаріи) вы зачислены въ дѣйствующую армію въ 9-ый драгунскій полкъ“.

Какимъ образомъ уладилось дѣло въ шестидневный срокъ, я и теперь не понимаю. Надо полагать, что фельдмаршалъ обратился за меня съ ходатайствомъ непосредственно къ кому-либо изъ приближенныхъ государя, такъ какъ въ противномъ случаѣ приказъ о моемъ зачисленіи на службу не могъ бы состояться такъ скоро.

Дѣло мое, какъ оказывается уладилось вслѣдствіе лишь того, что 9-го числа вечеромъ дождь помѣшалъ моему выѣзду изъ дома, или другими словами: „не было бы удачи, да неудача помогла“.

II.

Проѣздъ до Бухареста, а потомъ въ Горній Студень.—Секретъ, открытый мнѣ генераломъ Кучевскимъ.—Поѣздка моя на авось—подъ Плевну.—Бой 19-го августа на высотахъ между д. Сталевицей и Пелешатомъ.—Бахвальство Тихменева.—Мои мелко-травчатыя военныя соображенія.

Сборы мои въ путь, обмундировка въ Кіевѣ и проѣздъ до Бухареста заняли около двухъ недѣль, такъ что въ столицу Румыніи я пріѣхалъ только 10-го августа.

На другой день, утромъ, я поѣхалъ къ начальнику „тыла" г. Каталею, для того, чтобы узнать, куда мнѣ слѣдовало направиться для присоединенія къ полку, но ничего узнать не могъ, такъ какъ самъ Каталей ничего не зналъ. „Вы лучше всего сдѣлаете", сказалъ онъ мнѣ, „поѣхавъ въ Горній Студень, гдѣ въ настоящее время находится императорская квартира и штабъ главнокомандующаго. Тамъ вы можете все узнать".

Купивъ на другой день маленькую бричку, въ которую впрягли привезенную изъ Россіи мою упряжную лошадь, уложили мои и моего повара вещи, я 14-го числа сѣлъ на верховую свою лошадь, также привезенную изъ дому, и мы отправились въ дальній путь.

Въ Горній Студень пріѣхали мы 16-го числа, а на другой день я пошелъ къ знакомому уже мнѣ генералу Кучевскому, съ цѣлью освѣдомиться о мѣстѣ нахожденія 9-го драгунскаго полка. Оказалось, что этотъ полкъ, послѣ похода за Балканы, сдѣланнаго имъ въ отрядѣ генерала Гурко, посланъ для отдыха и поправки изнуренныхъ этимъ походомъ лошадей въ мѣстность, удаленную отъ театра военныхъ дѣйствій, и пробудетъ тамъ неопредѣленное время; что же касается до остальныхъ частей 9-го корпуса, то онѣ вмѣстѣ съ 4-мъ корпусомъ направлены подъ Плевну.

При этомъ извѣстіи я вспомнилъ, что командиръ 4-го корпуса генералъ Зотовъ, съ которымъ я познакомился въ Кіевѣ, при первой неудачной моей поѣздкѣ въ Румынію, предлагалъ мнѣ поступить къ нему ординарцемъ, на что я, поблагодаривъ его за любезное предложеніе, отклонилъ его, не будучи увѣренъ въ томъ, что 4-ый корпусъ войдетъ въ составъ дѣйствующей арміи, такъ какъ онъ находился въ то время въ Кіевѣ, тогда какъ другіе корпуса были уже на берегахъ Дуная.

Понятно, что, вспомнивъ объ этомъ, я не утерпѣлъ, чтобы не пожаловаться Кучевскому на постоянныя свои неудачи, и сказалъ ему: „опять промахъ".

— Ну, батенька, успокоилъ онъ меня, если такъ, то еще не все

потеряно; скажу вамъ по секрету, что сегодня (17-го августа) Зотовъ назначенъ начальникомъ штаба западной арміи, т. е. всѣхъ войскъ, посланныхъ подъ Плевну, а въ томъ числѣ и 9-го корпуса, поэтому, если вы къ нему поѣдете, то онъ можетъ удержать васъ при себѣ въ качествѣ ординарца.

За этотъ совѣтъ я горячо поблагодарилъ добраго Кучевскаго, но вмѣстѣ съ тѣмъ подумалъ: „а вѣдь очень можетъ быть, что Зотовъ, недовольный отклоненіемъ мною его предложенія въ Кіевѣ, не захочетъ теперь исполнить моей просьбы“. Однако, долго раздумывать не приходилось; до селенія Парадимъ, гдѣ въ это время находился Зотовъ, было, какъ мнѣ сказали, около 70-ти верстъ, почему, оставивъ въ Горнемъ Студнѣ повара, багажъ и верховую лошадь, я, рано утромъ на другой день, сѣлъ на упряжную кобылу—здоровенную и выносливую лошадь—и поскакалъ по указанной мнѣ дорогѣ.

Долго „скакать“ оказалось, однако, невозможнымъ: болгарское солнце стало немилосердно припекать, такъ что моя кобыла вся взмылилась; поневолѣ скоро пришлось укоротить поводья и ѣхать шагомъ. Къ полудню я проѣхалъ такимъ образомъ, не болѣе 30—35 верстъ, при чемъ нѣсколько разъ сбивался съ дороги и попадалъ вновь на нее, руководствуясь мимическими указаніями встрѣчныхъ болгаръ. Лошадь моя совсѣмъ изнемогла, жара въ этотъ день доходила, какъ я узналъ въ Парадимѣ, до 40° Реомюра въ тѣни; надо было дать и себѣ и лошади роздыхъ.

Свернувъ съ дороги и забравшись въ какой-то виноградникъ, я закусилъ, утолилъ жажду виноградомъ, а потомъ, подложивъ сѣдло подъ голову, уснулъ богатырскимъ сномъ въ тѣни виноградныхъ лозъ.

Проспалъ я три часа, послѣ чего, покормивъ немного лошадь, пустился въ дальнѣйшій путь.

Къ закату солнца я добрался до мѣста расположенія частей 9-го корпуса, гдѣ узналъ, что до Парадима оставалось еще 9—10 верстъ. Скоро въ лагерѣ 4-го корпуса засвѣтились огоньки, благодаря которымъ, ужъ я болѣе не сбивался съ дороги и около 9-ти часовъ вечера попалъ, куда слѣдовало, т. е., какъ оказалось, остановился лишь въ нѣсколькихъ шагахъ отъ палатки моего племянника, состоявшаго при Зотовѣ ординарцемъ. Внезапное мое появленіе въ этой палаткѣ произвело несказанный эффектъ; хотя мой племянникъ, съ которымъ я видѣлся въ Кіевѣ, зналъ о намѣреніи моемъ, зачислиться въ дѣйствующую армію, но зналъ также о неудачахъ, постигшихъ всѣхъ тѣхъ, которые добивались того же, почему встрѣчи со мною въ окрестностяхъ Плевны никоимъ образомъ не ожидалъ.

Выпивъ стакановъ 20 чая и побалагуривъ съ племянникомъ и

*

нѣкоторыми его сослуживцами, зашедшими въ его палатку, я легъ въ постель и проспалъ до утра буквально, какъ убитый.

Проснувшись на другой день по обыкновенію своему очень рано, я вышелъ, чтобы освѣжиться и осмотрѣть окрестности. Предъ моими глазами простиралась довольно обширная равнина, окаймленная верстахъ въ 3—4 возвышенностью съ устьями нѣсколькихъ балокъ. По равнинѣ ползъ мѣстами туманъ или паръ отъ водяныхъ испареній, обѣщая ясный солнечный день.

Очень скоро я услышалъ звуки отдаленной ружейной перестрѣлки, а вслѣдъ затѣмъ и пушечную пальбу, учащавшуюся и приближавшуюся все болѣе и болѣе. Звуки эти доносились съ той возвышенности, о которой я упомянулъ, находившейся къ западу отъ того мѣста, гдѣ была расположена штабъ-квартира Зотова, т. е. по направленію къ Плевнѣ.

Вернувшись въ палатку, я разбудилъ племянника и, обративъ его вниманіе на отдаленный грохотъ пушечной и дробь ружейной пальбы, спросилъ, часто ли у нихъ бываютъ такіе дивертисменты и какія части нашихъ войскъ находятся въ томъ мѣстѣ, откуда слышится перестрѣлка.

На первый вопросъ племянникъ мой отвѣчалъ, что ничего подобнаго еще не бывало, а на второй, что верстахъ въ 4—5 отъ нашего лагеря два полка 4-го корпуса (Углицкій и Галицкій) занимаютъ возвышенность между двумя болгарскими деревнями: Сгалевицей и Пелишатомъ.

Казалось очевиднымъ, что турки, выйдя изъ Плевны, находящейся верстахъ въ 15-ти отъ Парадима, наступаютъ съ значительными силами на нашъ передовой отрядъ, не успѣвшій еще укрѣпиться на занятой имъ позиціи; не далѣе какъ черезъ 5—6 минутъ это мое предположеніе было подтверждено казакомъ, прискакавшимъ съ депешей отъ начальника 16-ой дивизіи, генерала Померанцева.

Въ ожиданіи предстоявшаго, я велѣлъ осѣдлать свою лошадь и, когда Зотовъ, въ сопровожденіи конвоя и нѣсколькихъ лицъ его штаба направился къ близъ лежащему холму, для наблюденія за происходившимъ, я присоединился къ его свитѣ.

Свита эта состояла изъ весьма немногихъ лицъ, а именно: начальника артиллеріи 4-го корпуса генерала Башилова, начальника штаба полковника Новицкаго и штабъ-лѣкаря Гилтовскаго. Всѣ три адъютанта Зотова и ординарецъ (мой племянникъ) отсутствовали по слѣдующимъ причинамъ: капитанъ Пелегрини былъ посланъ наканунѣ приготовлять квартиры для румынскаго князя Карла и его свиты, поручикъ Ердели отправленъ былъ за нѣсколько лишь минутъ передъ тѣмъ, на телеграфную станцію (верстахъ въ 9-ти) для отсылки

депеши главнокомандующему съ извѣщеніемъ о наступленіи турокъ, третій адъютантъ графъ Ржевускій лежалъ въ лихорадкѣ, а племяннику моему было поручено снять вагенбургъ и отвести его н всякій случай подальше за линію аріергарда.

Сообразивъ, что все это сложилось для меня очень благопріятно, я ждалъ только случая, чтобы этимъ воспользоваться.

Вѣдь Зотову, подумалъ я, непремѣнно понадобится послать когонибудь къ передовымъ войскамъ съ приказаніями; ни Башилова, ни Гилтовскаго онъ послать не можетъ, увѣсистый, не менѣе 9 пудовъ Новицкій для этого дѣла не годится, а начальникъ мусульманскаго конвоя, черкесъ, почти ни слова не говоритъ по-русски, или, по крайней мѣрѣ, говоритъ такъ плохо, что на сдѣланный ему мною какой-то вопросъ онъ отвѣчалъ несвязно и неудопонятно, слѣдовательно, безъ меня не обойдутся.

Между тѣмъ турки наступали все ближе и ближе; ружейный и пушечный огонь учащался и слился въ какой-то непрерывный гулъ и трескотню, весьма похожую на грохотъ сотни телѣгъ, несущихся во всю прыть по каменной сухой дорогѣ. Наконецъ, мы увидѣли на склонѣ возвышенности между Сгалевицей и Пелешатомъ, на лѣвой ближайшей къ Пелешату оконечности склона, нашу артиллерію, спускавшуюся съ горы въ безпорядкѣ. Въ то же время вся дорога между Пелешатомъ и Парадимомъ была запружена массой болгарскихъ арбъ, скота и людей, убѣгавшихъ изъ деревни.

Минута для предложенія моихъ услугъ показалась мнѣ удобной, почему, подъѣхавъ къ Новицкому, съ которымъ я познакомился въ Кіевѣ, я просилъ его сообщить Зотову, что „проѣзжій офицеръ" предлагаетъ ему свои услуги, для исполненія обязанностей по передачѣ его распоряженій, при этомъ я просилъ Новицкаго фамиліи моей не называть.

Это предложеніе было принято Зотовымъ съ очевиднымъ удовольствіемъ, и онъ сейчасъ же потребовалъ меня къ себѣ.

Не знаю, исполнилъ ли Новицкій мою просьбу не называть по имени „проѣзжаго офицера", но когда Зотовъ взглянулъ на меня, лицо его выразило чрезвычайное удивленіе, и онъ промолвилъ: „Павелъ Максимовичъ! Какими это судьбами вы очутились здѣсь?" Но такъ какъ для длинныхъ разговоровъ время было неподходящее, то онъ сей-же-часъ перешелъ къ передачѣ мнѣ порученія, заявивъ только, что онъ съ удовольствіемъ принимаетъ мое предложеніе исполнять „на сегодня" обязанности его ординарца.

Это „на сегодня" мнѣ не совсѣмъ понравилось, но я подумалъ: „вѣдь труденъ только первый шагъ, а что будетъ дальше... увидимъ".

Данное мнѣ порученіе заключалось въ томъ, чтобы узнать отъ

Померанцева, въ какомъ положеніи дѣло, какъ велики силы непріятеля, куда направлена его атака и причину отступленія нѣсколькихъ нашихъ орудій.

Стегнувъ свою лошадь плетью, я поскакалъ съ пыломъ, вовсе не соотвѣтствующимъ моему возрасту и заставившимъ, быть можетъ, улыбнуться самого даже Зотова, но „назвавшись груздемъ, полѣзай въ кузовъ"... Нельзя же ординарцу-поручику ѣздить генеральскимъ аллюромъ.

Подъѣхавъ къ подножью горы, я засталъ тамъ нѣсколько орудій и зарядныхъ ящиковъ, спустившихся, какъ мы видѣли, съ возвышенности, а также санитарныхъ фургоновъ, переполненныхъ ранеными. Многіе другіе раненые, иные шли упираясь въ землю штыками ружей, другіе ползли внизъ по спуску. Повидимому, санитарный отрядъ плохо исполнялъ свои обязанности, такъ какъ, поднявшись на гору, я увидѣлъ нѣсколько отдѣльныхъ группъ санитарной прислуги, укрывшихся въ ложбинкахъ, предоставивъ раненымъ добираться до перевязочнаго пункта, кто какъ могъ.

Меня это чрезвычайно поразило. На Кавказѣ я ничего подобнаго никогда не видѣлъ [1]).

Померанцева и начальника штаба 16-ой дивизіи я нашелъ шагахъ въ двухстахъ отъ цѣпи. Первый изъ нихъ почти совсѣмъ дряхлый старикъ—показался мнѣ, хотя и довольно покойнымъ, но какъ будто нѣсколько пріунывшимъ. Онъ сидѣлъ на лошади съ опущенными поводьями, наклонивъ голову и повернувшись спиной къ мѣсту боя; что же касается Тихменева, то онъ, напротивъ того, имѣлъ видъ чрезвычайно возбужденный и, какъ мнѣ показалось, былъ на-веселѣ. Передавъ Померанцеву вопросы Зотова, я услышалъ слабый старческій голосъ, поручавшій Тихменеву сообщить мнѣ все нужное; „у меня слабая грудь и мнѣ трудно говорить", добавилъ онъ, обращаясь ко мнѣ.

— Непріятель, такъ началъ свою рѣчь Тихменевъ,—направилъ первую атаку на передовой нашъ редутъ, который вы видите вотъ тамъ. Двѣ бывшія на этомъ редутѣ роты были изъ него выбиты, но, поддержанныя шестью посланными къ нимъ ротами, вытѣснили, въ свою очередь, турокъ. Тѣмъ не менѣе, въ виду громаднаго превосходства силъ непріятеля, было сдѣлано распоряженіе выйти изъ редута и отступить. Это отступленіе было тѣмъ болѣе необходимо, что на нашемъ лѣвомъ флангѣ, за дер. Пелешатъ, появилась непріятельская кавалерія, очевидно имѣвшая намѣреніе отрѣзать эту выдвинувшуюся часть нашихъ войскъ.

[1]) Санитарныхъ отрядовъ тамъ въ мое время не было, но раненыхъ все же не оставляли на произволъ судьбы.

— Намъ необходимо подкрѣпленіе, добавилъ Тихменевъ,—такъ какъ безъ него мы долго здѣсь не удержимся.

Выслушавъ все это, я „взялъ подъ козырекъ“ и собирался уѣхать, но Померанцевъ, движеніемъ руки, подозвалъ меня ближе къ себѣ и сказалъ едва слышнымъ голосомъ:

— Дѣло было не совсѣмъ такъ, какъ передалъ вамъ полковникъ. Изъ редута наши отступали сами, такъ какъ удержаться въ немъ они не могли; что же касается до непріятельской кавалеріи, то я ее и раньше не видѣлъ, да и теперь не вижу. Турки прекратили пока атаку на нашъ лѣвый флангъ, а что будетъ дальше—не знаю; во всякомъ случаѣ, подкрѣпленіе намъ нужно, такъ какъ въ резервѣ у насъ всего лишь двѣ неполныя роты: одна на лѣвомъ флангѣ, а другая на правомъ. Ну, теперь поѣзжайте съ Богомъ.

Я зналъ, что въ 9-й корпусъ было уже послано распоряженіе о движеніи частей этого корпуса по направленію къ сс. Сгалевицѣ и Пелешату и что самъ Зотовъ не могъ предпринять ничего рѣшительнаго, имѣя въ своемъ распоряженіи для охраны Парадима и пути къ Горнему Студню всего лишь одинъ полкъ [1]). Поэтому я сообразилъ, что торопиться съ такими неясными и отчасти противорѣчивыми свѣдѣніями не представлялось особой надобности, и нашелъ лучшимъ уяснить себѣ личнымъ осмотромъ дѣйствительное положеніе дѣла.

Вдоль балки на возвышенности была растянута наша цѣпь на протяженіи около одной версты отъ дер. Пелешатъ. На всемъ этомъ пространствѣ никакихъ земляныхъ работъ не было произведено, такъ что для нашихъ солдатъ не имѣлось никакой защиты отъ непріятельскихъ пуль, кромѣ высоко разросшейся кукурузы; пули же сыпались какъ градъ съ противоположной стороны той же балки. Непріятельскихъ стрѣлковъ и пушекъ нельзя было видѣть, такъ какъ и тѣ и другіе были скрыты также кукурузой, покрывавшей все поле по другую сторону балки. Весьма многіе изъ нашихъ солдатъ, пользуясь тѣмъ обстоятельствомъ, что въ кукурузѣ начальство не могло ихъ видѣть, отползли отъ окраины балки и укрылись за небольшимъ гребнемъ, окаймлявшимъ ее. За этимъ же гребнемъ укрывалась и наша немногочисленная артиллерія, дѣйствуя по непріятелю навѣснымъ огнемъ.

Подъѣхавъ къ первому попавшемуся на моемъ пути батарейному командиру, неустрашимо стоявшему на самой вершинѣ гребня, я, на мои разспросы, получилъ отъ него слѣдующее разъясненіе: 1, изъ редута наши не „отступили“, а просто напросто бѣжали... и хорошо сдѣлали,

---

[1]) Другой же полкъ, Владимірскій, прибылъ лишь утромъ въ самый день боя.

такъ какъ безъ этого они были бы перебиты, или же взяты въ плѣнъ, такъ какъ турки наступали массами; 2, турки легко могли прорваться въ слѣдъ за бѣгущими, и тогда намъ могло бы прійтись плохо, но почему-то оплошали, должно быть, думали, что тутъ приготовлена для нихъ ловушка и 3, турецкой кавалеріи никакой не было видно, кромѣ нѣсколькихъ десятковъ баши-бузуковъ, показавшихся было за Пелешатомъ, регулярная же конница, появившаяся вслѣдъ за этимъ тамъ же, была, какъ надо полагать, наша, такъ какъ извѣстно всѣмъ, что въ Плевнѣ вовсе нѣтъ регулярной кавалеріи.

Впослѣдствіи дѣйствительно оказалось, что баши-бузуки забрались было въ самомъ началѣ боя въ дер. Пелешатъ и начали поджигать тамъ постройки, но очень скоро были прогнаны, а частью перебиты гусарами Кіевскаго полка.

Не считая себя въ правѣ терять на разспросы много времени, я съ этими свѣдѣніями уѣхалъ и, чтобы наверстать потерянное время, погналъ свою лошадь во всю прыть, такъ что сопровождавшіе меня два татарина изъ конвоя еле-еле поспѣвали за мной.

Когда я подъѣхалъ къ Зотову, то нашелъ его очень взволнованнымъ, такъ какъ въ это время на правомъ нашемъ флангѣ, у Сгалевицы, завязалось, повидимому, серьезное дѣло.

Скоро пушечный и ружейный дымъ заволокли непроглядной тучей всю возвышенность. Ружейный огонь слышался непрерывной дробью, а иногда до насъ доносились крики ура, доказывавшіе, что дѣло доходило до рукопашныхъ схватокъ.

— Поѣзжайте опять, сказалъ мнѣ Зотовъ, спустя лишь нѣсколько минутъ по моемъ возвращеніи, надо перевести резервную роту лѣваго фланга на правый флангъ и пусть удерживаются до послѣдней крайности; скажите, что кавалерія 9-го корпуса скоро подоспѣетъ.

Минутъ черезъ 5—6 я снова очутился на мѣстѣ боя, но не на лѣвомъ уже нашемъ флангѣ, а на правомъ, гдѣ въ это время происходили жаркія схватки. На этомъ флангѣ были устроены три редута и такъ какъ дымъ покрывалъ всю мѣстность густою пеленою, то я съ трудомъ переѣзжалъ отъ одного къ другому, полагая, что найду Померанцева на которомъ-либо изъ нихъ. Оказалось, однако, что ни его, ни Тихменева я не нашелъ; первый изъ нихъ, какъ я узналъ впослѣдствіи, уѣхалъ въ Пелешатъ, для перемѣны раненаго подъ нимъ коня, второй же уѣхалъ вмѣстѣ съ нимъ туда же по неизвѣстной причинѣ.

Такъ какъ Померанцевъ, уѣзжая на короткое лишь время, никому не передалъ общей команды, то я рѣшительно не зналъ, къ кому обратиться для передачи распоряженія Зотова о переводѣ на правый флангъ резервной роты лѣваго фланга, самъ же я сдѣлать это не

рѣшился, во-первыхъ, потому, что не считалъ себя въ правѣ, а во-вторыхъ, такъ какъ атака турокъ на редуты скоро прекратилась и огонь непріятеля началъ замѣтно ослабѣвать, а затѣмъ и вовсе прекратился или, правильнѣе сказать, передвинулся мало-по-малу влѣво, направляясь на лѣвый нашъ флангъ. На одномъ изъ редутовъ я узналъ, что онъ два раза переходилъ изъ рукъ въ руки, но что послѣ того, какъ турки во второй разъ были изъ него выбиты, они отступили на другую сторону балки.

Переждавъ еще нѣсколько минутъ, я счелъ за лучшее проѣхать вдоль цѣпи, по направленію къ Пелешату, въ надеждѣ повстрѣчаться съ Померанцевымъ, хотя—по правдѣ сказать, въ этомъ не представлялось уже надобности, такъ какъ распоряженіе о переводѣ резерва на правый нашъ флангъ было бы теперь не своевременнымъ.

Выбравшись изъ тучи дыма, я увидѣлъ, что турки дѣйствительно очистили всю балку, изъ чего заключилъ, что атаку редутовъ они возобновлять не намѣрены. Подъѣхавъ затѣмъ ближе, я началъ различать по другую сторону балки отдѣльныя части турецкихъ войскъ, присутствіе же турецкихъ стрѣлковъ на окраинѣ этой балки обнаруживалось маленькими клубиками бѣлаго дыма, ежеминутно подымавшагося изъ кукурузной заросли. Временами вспыхивали болѣе крупные клубы дыма, и вслѣдъ затѣмъ слышалось шипѣніе гранаты, пролетавшей, какъ всегда кажется, надъ самой головой, но эти гранаты перелетали, въ большинствѣ случаевъ, чрезъ нашу окраину балки и разрывались сзади у подножія возвышенности, или на ея склонѣ, не причиняя намъ никакого вреда.

О ружейномъ огнѣ нельзя, къ сожалѣнію, сказать того же... убитые и раненые не переставали выбывать изъ строя. Это объясняется отчасти отсутствіемъ какого бы то ни было прикрытія для нашихъ солдатъ, о чемъ я упоминалъ уже, а отчасти характеромъ мѣстности, такъ какъ наша сторона балки была нѣсколько ниже занимаемой турками. Въ этомъ выдвинувшемся пунктѣ, хотя и были устроены на скорую руку неглубокіе по причинѣ каменистой почвы ровики, но они прикрывали только нижнюю часть тѣла стрѣлковъ, а для полнаго его прикрытія надо было плашмя лежать, при чемъ отвѣчать на выстрѣлы непріятеля было бы невозможно. Далѣе до дер. Пелешатъ и такихъ даже ровиковъ не было.

Въ одномъ изъ ровиковъ на мысѣ я увидѣлъ командира Углицкаго полка, полковника Томиловскаго, на вопросъ котораго: „скоро ли получимъ подкрѣпленіе?“ я отвѣчалъ утвердительно. Тогда Томиловскій, приподнявшись немного, указалъ мнѣ въ балкѣ одно мѣсто. „Вы видите“, сказалъ онъ мнѣ, „залегшихъ тамъ турокъ. Они отъ насъ совсѣмъ близко, не болѣе 150 шаговъ, а между тѣмъ въ совер-

шенной безопасности, такъ какъ изъ нашихъ ровиковъ ихъ не видно, а вздумаетъ кто приподняться для выстрѣла, сейчасъ же попадетъ подъ пули турецкихъ стрѣлковъ, залегшихъ на противоположной сторонѣ балки".

И дѣйствительно, несмотря на то, что наши лежали смирно и даже совсѣмъ не стрѣляли, градъ пуль съ противоположной возвышенности не переставалъ осыпать всю окружающую мѣстность.

„Эти шельмецы", добавилъ Томиловскій, уже два раза бросались на насъ въ штыковую, но мои солдаты лихо отбрасывали ихъ внизъ, пользуясь тѣмъ, что во время атаки огонь съ той стороны балки прекращался.

Продолжать разговоръ было не совсѣмъ удобно, такъ какъ, сидя на лошади, я безполезно подвергался опасности, да и мои два спутника, конвойные черкесы, хотя и стоявшіе нѣсколько поодаль, не были въ безопасности. Съ грустнымъ какимъ-то чувствомъ отъѣхалъ я отъ Томиловскаго; лицо его показалось мнѣ почему-то „фатальнымъ", и мнѣ пришло въ голову, что врядъ ли ему уцѣлѣть. Это, такъ называемое, „предчувствіе", по счастью, не оправдалось, какъ вѣроятно бываетъ и въ большинствѣ случаевъ, о чемъ впослѣдствіи забываютъ.

Проѣхавъ по цѣпи, я дальше увидѣлъ Померанцева и Тихменева, выѣзжавшихъ изъ углубленія, въ которомъ находилась дер. Пелешатъ.

Передавъ Померанцеву порученное мнѣ Зотовымъ и сообщивъ ему личныя мои наблюденія, я добавилъ, что у Томиловскаго очень не густы ряды и что, по его словамъ, онъ уже два раза отбилъ атаку турокъ, засѣвшихъ въ ложбинѣ, на очень близкомъ отъ него разстояніи.

Померанцевъ сей-же-часъ распорядился о посылкѣ къ нему резервной роты, подоспѣвшей, повидимому, какъ разъ вó-время, ибо, направившись вмѣстѣ съ Померанцевымъ на правый нашъ флангъ, мы услышали въ вершинѣ крики ура.

Миновавъ редуты, мы направились къ Сгалевицѣ, гдѣ уже застали часть кавалеріи 9-го корпуса, вступившей въ эту деревню съ противоположной отъ насъ стороны. Тогда я понялъ причину внезапнаго прекращенія атаки турками редутовъ, такъ какъ, находясь на возвышенности, не застланной дымомъ, какъ наша сторона балки, они прежде насъ увидѣли приближеніе войскъ 9-го корпуса, почему и порѣшили отступить по добру—по здорову.

Съ этой минуты [1]) дѣло было кончено: турки начали отступать на всѣхъ пунктахъ. Мнѣ оставалось только поспѣшить къ Зотову съ донесеніемъ, чтó я и сдѣлалъ; но, спустившись съ горы, я встрѣтилъ

[1]) Около двухъ часовъ по полудни

его въ сопровожденіи всей его свиты въ полномъ почти комплектѣ. Сообщивъ Зотову объ удачномъ исходѣ дѣла, я извинился, что нѣсколько замѣшкался, объяснивъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, и причину, послѣ чего, поднявшись на гору, мы полной рысью поѣхали прямо въ Сгалевицу.

Отсюда былъ немедленно посланъ кавалерійскій отрядъ съ частью пѣхоты для преслѣдованія турокъ, но изъ этого, разумѣется, ничего не вышло, такъ какъ непріятель успѣлъ уже скрыться въ балкахъ и оврагахъ, пересѣкающихъ окрестности Плевны во всѣхъ направленіяхъ. Наши потери въ этотъ день достигли, по собраннымъ на другой день свѣдѣніямъ, 1.060 человѣкъ убитыми и ранеными; турки, по дошедшимъ слухамъ, потеряли болѣе, что́ весьма правдоподобно, такъ какъ мы защищались, а они нападали.

Раненыхъ турокъ мы нашли на мѣстѣ боя очень мало, что́ говорило въ пользу ихъ санитарной организаціи. Былъ слухъ, впрочемъ, что „братушки", Богъ вѣсть откуда появившіеся въ концѣ сраженія, добивали раненыхъ турокъ и этимъ объясняли незначительность поднятыхъ нами раненыхъ. Несмотря, однако, на нѣкоторую вѣроятность такого объясненія, я все же думаю, что, если болгарамъ и удалось добить нѣсколькихъ раненыхъ, то весьма немногихъ, такъ какъ, во-первыхъ, и всѣхъ-то болгаръ появилось на полѣ битвы не болѣе 2—3 десятковъ, а во-вторыхъ, наши офицеры ихъ не допустили бы распоряжаться такимъ образомъ. Одинъ генеральнаго штаба офицеръ разсказывалъ мнѣ потомъ, что ему удалось защитить отъ болгаръ двухъ раненыхъ; весьма вѣроятно, что и другіе дѣлали то же.

Убитыхъ турокъ собирали и закапывали въ теченіе двухъ дней, но, не смотря на это, будучи посланъ на третій день съ помощникомъ Непокойчицкаго—Левицкимъ, для указанія ему мѣстности и объясненія относительно разныхъ моментовъ боя, мы насчитали до десяти труповъ, лежавшихъ въ рытвинахъ и оврагахъ.

Возвращусь, однако, къ событіямъ 19-го августа.

Послѣ окончательнаго отступленія турокъ, Зотовъ объѣхалъ вдоль и поперекъ все поле по обѣимъ сторонамъ балки, при чемъ разспрашивалъ меня, какъ очевидца, то о томъ, то о другомъ; наконецъ, вспомнивъ, вѣроятно, что не получилъ отъ меня отвѣта на его вопросъ: какими судьбами я очутился подъ Плевной, опять спросилъ меня объ этомъ.

Я отвѣчалъ, что зачисленъ въ 9-ый драгунскій полкъ, а попалъ въ его отрядъ, заѣхавъ вчера вечеромъ навѣстить моего племянника.

— Видно, судьба рѣшила быть мнѣ при васъ ординарцемъ! добавилъ я, намекая на предложеніе, сдѣланное имъ мнѣ въ Кіевѣ.

— Право не знаю можно ли будетъ теперь это сдѣлать, сказалъ Зотовъ, вѣдь вы зачислены въ 9-ый корпусъ, а я командую 4-мъ.

— Командовали до вчерашняго дня, поправилъ я,—сегодня же вы уже не командиръ 4-го корпуса, а начальникъ штаба Плевненскаго отряда.

Зотовъ взглянулъ на меня съ видимымъ недоумѣніемъ:

— Какъ, вы уже это знаете?

— Зналъ еще третьяго дня въ Горнемъ Студнѣ, отвѣчалъ я,—и, сказать по правдѣ, поэтому именно пріѣхалъ сюда, такъ какъ въ штабѣ главнокомандующаго мнѣ сказали, что отъ васъ зависитъ удержать меня при себѣ ординарцемъ, въ виду того, что 9-ый корпусъ вошелъ въ составъ западной арміи.

— Ну, такъ оставайтесь, сказалъ Зотовъ, послѣ какъ-нибудь это уладимъ!

Оказывается, такимъ образомъ, что я самъ себя назначилъ ординарцемъ къ Зотову.

Въ этотъ день не произошло ничего такого, о чемъ стоило бы разсказывать...

Впрочемъ, не лишенъ интереса разговоръ между Тихменевымъ и корреспондентомъ газеты „Daily News“, Макъ Гаханомъ, свидѣтелемъ котораго я былъ совершенно случайно. Ѣхали мы въ общей свитѣ всѣ трое рядомъ. Макъ Гаханъ разспрашивалъ, а Тихменевъ съ паѳосомъ ораторствовалъ: „получивъ отъ генерала Зотова приказаніе отступить къ Парадиму, мы начали было приводить въ исполненіе это распоряженіе, но потомъ, убѣдясь въ возможности удержать наши позиціи, мы завязали бой... „Et comme vous voyez“, послѣдствія показали, что поступили мы не дурно“.

„Ну, можно ли такъ врать“, подумалось мнѣ. Не знаю, кто могъ передавать Померанцеву или Тихменеву приказаніе отступать, но только не я; между тѣмъ никто другой, кромѣ меня, не передавалъ во время боя приказаній ни тому, ни другому. Мало того, что я, какъ выше сказано, передавалъ Померанцеву въ присутствіи Тихменева приказъ: „держаться до послѣдней крайности“. Весьма можетъ быть, что наканунѣ или же еще ранѣе, было высказано, въ видѣ предположенія, что два передовые полка, въ случаѣ наступленія турокъ въ превосходныхъ силахъ и при невозможности удержать занятыя ими позиціи, отступили бы къ Парадиму для совмѣстнаго отпора; но если такое предположеніе и дѣйствительно было [1]), оно вовсе не было равносильно приказанію отступить, не принимая боя. Во всякомъ

[1]) Что весьма вѣроятно, такъ какъ всѣ возможныя случайности должны быть предвидѣны на войнѣ.

случаѣ, свѣдѣнія, сообщаемыя Тихменевымъ Макъ Гахану, были не точны и хвастливы.

Я вовсе не берусь защищать Зотова. Онъ, несомнѣнно, былъ очень хорошій человѣкъ и главное правдивъ, иногда даже до грубости и до забвенія собственныхъ интересовъ[1]), и эта правдивость была причиной враждебныхъ къ нему отношеній весьма многихъ; былъ онъ также лично храбръ и, какъ я слышалъ отъ компетентныхъ людей, знатокомъ военнаго дѣла и хорошимъ теоретикомъ, но, по моему личному мнѣнію, ему не доставало той смѣлой иниціативы, которая способствуетъ достиженію блестящихъ результатовъ.

Весьма можетъ быть, что, будь на его мѣстѣ Скобелевъ, или даже Гурко, турки, отошедшіе отъ Плевны довольно далеко, были бы совершенно разбиты. Весьма можетъ быть, что, пославъ войска 9-го корпуса въ обходъ и двинувъ впередъ свои резервы, для поддержанія Углицкаго и Галицкаго полковъ, онъ могъ бы забрать въ плѣнъ всѣхъ выступившихъ изъ Плевны турокъ съ ихъ артиллеріей и даже можетъ быть съ Османомъ; но могъ ли онъ на это рѣшиться, оставивъ туркамъ въ случаѣ неудачи открытымъ путь къ Горнему Студню, гдѣ находился въ то время императоръ. Могъ ли онъ также разсчитывать на дружное и умѣлое содѣйствіе старика Крюднера. Дать положительный отвѣтъ на эти вопросы довольно трудно.

III.

Движеніе къ Плевнѣ.—Занятіе позицій.—Бомбардировка и ея результаты.—Наши потери за дни бомбардировки.—Военный совѣтъ у главнокомандующаго и принятое на немъ рѣшеніе штурмовать Плевну 30-го августа.—Общая наша неподготовленность къ этому штурму.—Наступленіе Скобелева на «Зеленыя Горы».—Расположеніе нашихъ войскъ 28-го августа.—Диспозиція къ общей атакѣ на 30-е.—Различные отдѣльные эпизоды въ теченіе половины дня 30-го августа.

Съ 19-го по 25 августа мы занимали прежнія позиціи, подготовляясь къ обложенію Плевны, съемкой на планъ ближайшихъ ея окрестностей, рекогносцировками и т. п. Хотя снятый планъ оказался впослѣдствіи далеко не точнымъ, онъ въ практическомъ смыслѣ оказался настолько удовлетворительнымъ, что при движеніи къ Плевнѣ представлялась возможность имъ руководствоваться. Неточность плана произошла не по винѣ топографа—поручика Сафонова, а вслѣдствіе того,

---

[1]) Чему я приведу ниже доказательства.

что онъ, вслѣдствіе огня турокъ, не могъ приближаться на слишкомъ близкое къ Плевнѣ разстояніе. Этому усердному и предпріимчивому офицеру пришлось даже какъ-то остаться съ астролябіей одному среди поля, хотя и не на тронѣ, какъ королю Сетивая, но тѣмъ не менѣе въ очень непріятномъ положеніи.

Посылали также въ этотъ промежутокъ времени парламентера—адъютанта Зотова—капитана Пилигрини, но, встрѣченный ружейнымъ огнемъ турокъ, онъ вынужденъ былъ обратиться вспять, не солоно хлебавши.

Впрочемъ, и взялся онъ за дѣло не совсѣмъ умѣло, поѣхавъ не битой дорогой, какъ бы слѣдовало, а прямикомъ по оврагамъ.

Въ это время нашъ штабъ началъ пополняться новыми лицами. Изъ императорской квартиры были присланы „состоять“ при Зотовѣ три флигель-адъютанта: полковникъ графъ Милорадовичъ и два нѣмецкихъ барона поручики Корфъ и Розенъ. Прибылъ также къ намъ бывшій attaché при посольствѣ въ Вѣнѣ Алексѣй Спиридоновичъ Татищевъ, зачисленный въ дѣйствующую армію рядовымъ. Поселился временно у насъ корреспондентъ одной изъ нашихъ газетъ Максимовъ, раненый недѣли двѣ спустя въ отрядѣ Скобелева, куда менѣе трусливые корреспонденты устремлялись, какъ мухи на медъ. Помимо этихъ гостей, болѣе или менѣе осѣдлыхъ, у насъ ежедневно появлялись новые посѣтители: начальники корпусовъ, дивизій и бригадъ, румынскіе генералы, въ томъ числѣ ихъ военный министръ, военные агенты „дружественныхъ державъ“ съ медовыми рѣчами и затаенной злобой въ душѣ и, наконецъ, корреспонденты газетъ иностранныхъ и нашихъ, лакомые до извѣстій первѣйшей свѣжести и достовѣрности.

Всѣ эти случайные посѣтители имѣли цѣлью провѣдать что-нибудь о будущихъ намѣреніяхъ и предположеніяхъ, но, несмотря на крайнюю словоохотливость и любезность начальника нашего штаба Николая Дементьевича Новицкаго, онъ отдѣлывался однѣми шуточками, приходившимися вовсе не по вкусу любопытнымъ.

24-го августа прибыла въ нашъ отрядъ осадная артиллерія (20 орудій), а 25-го послѣ обѣда началось передвиженіе войскъ къ Плевнѣ съ цѣлью занять въ теченіе ночи намѣченные ранѣе пункты.

Нашъ штабъ, выѣхавъ изъ Парадима около 6-ти часовъ вечера и употребивъ для объѣзда двинувшихся впередъ частей не менѣе 2-хъ часовъ, очутился при наступленіи ночи немного впереди дер. Пелешатъ, на той выдвинувшейся косѣ, куда 19-го августа была направлена первая атака турокъ.

Мы поѣхали вдоль по этой косѣ, но чрезъ какія-нибудь 15—20 минутъ вся окружающая мѣстность заволоклась такимъ густымъ туманомъ, что въ трехъ шагахъ нельзя было различить ѣдущаго на ло-

шади человѣка, и только слышалось похрапываніе лошадей и звукъ ихъ подковъ, ударяющихся о каменистую почву.

Такъ какъ тутъ вовсе не было никакой дороги, то мы то и дѣло попадали въ глубокія рытвины, наѣзжали на колючій кустарникъ и вмѣсто того, чтобы ѣхать по возвышенной косѣ, съѣзжали то въ одну, то въ другую балку. Проплутавъ, такимъ образомъ, около часа времени, мы потеряли даже сознаніе направленія, которому слѣдовало держаться, такъ какъ единственный въ подобныхъ случаяхъ руководитель—вѣтеръ совершенно отсутствовалъ. Ѣхать дальше было положительно невозможно, тѣмъ болѣе, что, продолжая двигаться, мы не могли бы знать, приближаемся ли мы къ Плевнѣ, или же удаляемся отъ нея. Поневолѣ пришлось остановиться для ночлега.

Для защиты отъ сырости и ночнаго холода мы не имѣли при себѣ ничего кромѣ такъ называемыхъ „непромокаемыхъ" плащей и папиросъ для заглушенія назойливыхъ требованій желудка, но папиросы отсырѣли, а спички отъ сырости также не загорались. Разсѣдлавъ лошадей и привязавъ ихъ къ кустамъ, а сѣдлами замѣнивъ подушки, мы разлеглись на мокрой отъ тумана землѣ въ надеждѣ уснуть и сдѣлать такимъ образомъ незамѣтнымъ для себя отсутствіе комфорта. Однако уснуть оказалось невозможнымъ: сырость пронизывала до костей, съ каучуковыхъ плащей стекали за воротъ ручьемъ осадки тумана; пришлось отказаться отъ сна, пытаясь согрѣться движеніемъ.

Къ счастью, намъ на выручку появился нежданно какой-то предпріимчивый маркитантъ, предвидѣвшій, вѣроятно, нашу невзгоду и молчкомъ слѣдовавшій за нами со своей „каруцей" (повозкой).

Пока мы разсѣдлывали лошадей, укладывались спать и потомъ предавались гимнастическимъ упражненіямъ, онъ успѣлъ разбить небольшую палаточку и повѣсить въ ней зажженный фонарь въ видѣ вывѣски.

Очень скоро собралась у него компанія человѣкъ въ 9—10, а затѣмъ появился и Зотовъ.

Не даромъ говорятъ, что общественныя бѣдствія служатъ вѣрнѣйшимъ звеномъ для сближенія. Здѣсь начальникъ отряда Зотовъ и рядовой Татищевъ, позабывъ о іерархической лѣстницѣ, передавали другъ другу изъ рукъ въ руки чарку съ отвратительной румынской „мастикой" (водка).

Закусивъ засохшимъ швейцарскимъ сыромъ съ еще болѣе засохшей „французской булкой", мы попробовали заглушить вкусъ мастики шампанскимъ, но оно, несмотря на цѣну въ 8 рублей, оказалось чуть ли не хуже мастики. Тѣмъ не менѣе мы все-таки согрѣлись, а затѣмъ вновь улеглись спать и, подъ вліяніемъ непривычной намъ „выпивки", благополучно уснули. Впрочемъ, относительно другихъ я

дѣлаю лишь предположеніе, но что касается до меня, то я проснулся за нѣсколько лишь минутъ до восхода солнца, разбуженный утреннимъ холоднымъ вѣтеркомъ. Утро было ясное, вѣтерокъ разогналъ туманъ, почему четверть часа спустя мы были уже на коняхъ и поѣхали дальше.

Весь день 26-го августа проведенъ былъ нами въ объѣздѣ занятыхъ нашими войсками позицій, и надо сказать, что выборъ этихъ позицій былъ вполнѣ удаченъ, такъ какъ мы оставались на нихъ до самаго конца осады [1]).

По установленіи нашихъ орудій, началась бомбардировка турецкихъ укрѣпленій, продолжавшаяся 27, 28 и 29-го августа съ продолжительными, впрочемъ, перерывами, необходимыми для отдыха прислуги и охлажденія орудій, а отчасти по недостатку снарядовъ.

Въ теченіе тѣхъ же дней отдѣльный отрядъ нашихъ войскъ, подъ начальствомъ князя Имеретинскаго, былъ послѣ взятія Ловчи направленъ къ Плевнѣ по Ловчинскому шоссе, отдѣленному отъ насъ при походѣ къ Плевнѣ глубокимъ, почти непроходимымъ Тученицкимъ оврагомъ. Здѣсь, начиная съ 28-го августа, между турками и передовыми частями войскъ Имеретинскаго, предводимыми Скобелевымъ, происходилъ непрерывный бой, имѣвшій цѣлью занятіе высотъ, извѣстныхъ впослѣдствіи подъ наименованіемъ „Зеленыя Горы". Эти горы, возвышаясь надъ окружающей Плевну мѣстностью и фланкируя „Радищевскій" оврагъ, гдѣ были установлены наши батареи, имѣли громадное значеніе.

Вслѣдствіе почти отвѣсной крутизны стѣнокъ Тученицкаго оврага между главною частью нашего отряда и отрядомъ Имеретинскаго не было удобнаго сообщенія, кромѣ рѣдкихъ и крутыхъ тропинокъ, по которымъ возможно было перебраться съ одной стороны на другую только пѣшкомъ и съ большимъ затрудненіемъ верхомъ, да и то въ одномъ лишь мѣстѣ.

На правомъ нашемъ флангѣ румыны занимались въ эти же дни устройствомъ редутовъ и другими земляными работами, при чемъ, какъ увидимъ позже, у нихъ для успѣшнаго производства всѣхъ этихъ работъ, кромѣ кирокъ и лопатъ, ничего не имѣлось.

Несмотря на вялость нашей бомбардировки, турки, не имѣвшіе, вѣроятно, надобности сберегать запасы снарядовъ, отвѣчали намъ съ большой энергіей, посылая намъ не менѣе двухъ выстрѣловъ на одинъ съ нашей стороны, вслѣдствіе чего потери наши за эти дни нельзя назвать „незначительными". Точное число убитыхъ и ране-

---

[1]) Напрасно поэтому распространяли слухъ, что Тотлебену пришлось все передѣлывать.

ныхъ за 4 дня бомбардировки мнѣ неизвѣстно, но изъ свѣдѣній, полученныхъ 27-го утромъ видно, что за одинъ лишь первый день, то есть 26-го, въ артиллерійскихъ частяхъ одного лишь 4-го корпуса потери были слѣдующія: убиты: 1 офицеръ, 6 нижнихъ чиновъ и 27 лошадей, ранены: 3 офицера, 39 солдатъ и 32 лошади.

Что касается результатовъ нашей бомбардировки, то они оказались совершенно ничтожными и, даже, если можно такъ выразиться, отрицательными, такъ какъ ни одинъ изъ турецкихъ редутовъ не былъ разрушенъ и, не смотря на бомбардировку, нѣсколько новыхъ было воздвигнуто турками.

На днѣ моей ладунки, оборвавшейся 28-го августа и брошенной мною въ сундукъ, я нашелъ по возвращеніи домой двѣ депеши: одну отъ исполнявшаго должность корпуснаго командира 4-го корпуса генерала Крылова, а другую отъ генерала Лошкарева. Переписываю первую изъ нихъ отъ слова до слова: „огонь непріятельскихъ укрѣпленій значительно усилился. Радищевскій оврагъ и высота, находящаяся къ югу, сильно обстрѣливаются, въ обстрѣливаніи участвуютъ новыя укрѣпленія, возведенныя за ночь". Очевидно, что хотя Плевна была обложена съ трехъ сторонъ, а на четвертую за рѣчку Видъ было послано 27-го августа 8 кавалерійскихъ полковъ съ 3-мя конными батареями, подъ начальствомъ генерала Лошкарева, для атаки Плевненскихъ укрѣпленій никакой подготовки не было еще сдѣлано. Тѣмъ не менѣе на военномъ совѣтѣ у великаго князя главнокомандующаго, происходившемъ утромъ 28-го августа, было, несмотря на возраженія Зотова, рѣшено предпринять общую атаку всѣхъ турецкихъ укрѣпленій 30-го числа, т. е. въ день тезоименитства государя.

Считаю не лишнимъ упомянуть, что, когда по выходѣ Зотова изъ палатки великаго князя, мы сѣли съ нимъ въ коляску и остались такимъ образомъ съ глазу на глазъ, онъ, сообщивъ мнѣ о принятомъ рѣшеніи, добавилъ: „изъ этой атаки ничего не выйдетъ: потери будутъ громадныя, а Плевны мы не возьмемъ" [1]).

Когда послѣ этого мы, чтобы не терять времени, поѣхали въ коляскѣ въ объѣздъ нашихъ позицій, при чемъ приходилось постоянно выходить изъ экипажа и пробираться къ батареямъ пѣшкомъ, я былъ очень доволенъ, увидѣвъ, наконецъ, нашихъ конвойныхъ и при нихъ нашихъ верховыхъ лошадей, что́ дало мнѣ возможность исполнить порученіе Зотова, заключавшееся въ томъ, чтобы,

[1]) Ручаюсь честнымъ словомъ, что привожу буквально подчеркнутую мною фразу Зотова.

перебравшись черезъ Тученицкій оврагъ, устроить такъ называемую летучую почту для сообщенія съ отрядомъ Имеретинскаго [1]).

Эта летучая почта устраивается такъ, что депеши передаются отъ одного пикета къ другому, гдѣ можно верхомъ на конѣ и вскачь, а гдѣ нельзя проѣхать на конѣ,—пѣшими.

Наиболѣе удобнымъ для этого мѣстомъ оказалась крутизна насупротивъ лощины, идущей къ дер. Брестовацъ, о которой я упоминалъ выше, такъ какъ хотя съ нашей (правой) стороны оврага приходилось спускать лошадей по одиночкѣ въ поводу, при чемъ надо было мѣстами скользить по щебню, а мѣстами спускаться какъ по лѣстницѣ, переступая, а иногда и соскакивая съ камня на камень, но зато для подъема на другую (лѣвую) сторону существовала по лощинѣ узенькая дорожка, по которой жители д. Брестовацъ спускались къ ручью, протекающему на днѣ оврага.

Поднявшись по этой дорожкѣ, которую въ это время расширяли наши саперы, я засталъ въ одномъ мѣстѣ Скобелева въ то время, какъ шаговъ за 300 впереди началось наступленіе на „Зеленыя Горы", при чемъ ружейная пальба шла съ перекатомъ и залпами.

Видѣлъ я здѣсь Скобелева въ первый разъ и признаюсь, съ перваго же раза былъ, въ буквальномъ смыслѣ слова, очарованъ тѣмъ яснымъ спокойствіемъ, смахивавшимъ даже на равнодушіе и беззаботность, съ которымъ онъ, не торопясь, отдавалъ приказанія. Въ этомъ спокойствіи и неторопливости сказывалась полная его увѣренность въ успѣхѣ, сообщавшаяся и окружавшимъ его.

Князя Имеретинскаго я нашелъ при остальныхъ частяхъ его отряда, расположеннаго по обѣимъ сторонамъ Ловчинскаго шоссе въ разстояніи около полуверсты за дер. Брестовацъ.

У него въ это время происходила пушечная перестрѣлка съ крешинскими редутами, при чемъ я замѣтилъ, что турецкіе четырехъ-фунтовые снаряды не только долетали до насъ, но и перелетали дальше, тогда какъ наши 9-ти фунтовыя орудія рѣдко добрасывали снаряды до цѣли [2]).

Въ этотъ день Скобелеву удалось овладѣть только первой половиной Зеленыхъ Горъ, другая же ближайшая къ Плевнѣ часть оставалась въ рукахъ турокъ, которыхъ пришлось выбивать оттуда въ теченіе цѣлаго дня 29-го числа и 30-го августа до полудня, такъ что въ день, назначенный для общей атаки, еще не все протяженіе

---

[1]) Телеграфъ не былъ еще установленъ.

[2]) Впослѣдствіи мнѣ приходилось видѣть, что при такой же пушечной перестрѣлкѣ съ крешинскими редутами ставили наши 9-ти фунтовки почти дыбомъ, съ цѣлью поравняться дальнобойностью съ маленькими турецкими пушечками Круповскаго издѣлія.

этой существенно важной въ тактическомъ отношеніи возвышенности было нами занято. Что было бы съ нами, если бы Скобелеву не удалось выбить турокъ со всей площади Зеленыхъ Горъ до часа, назначеннаго 30-го числа для общей атаки.

Отвѣтить на этотъ вопросъ трудно, но пусть всякій, знакомый съ военнымъ дѣломъ, взглянетъ на хорошій планъ, указывающій на расположеніе нашихъ и турецкихъ войскъ до окончательнаго очищенія Зеленыхъ Горъ отъ послѣднихъ, и отвѣтитъ самъ себѣ безпристрастно.

Вѣдь очевидно, что наши батареи на „Артиллерійской Горѣ" и наши войска въ „Радишевской" балкѣ подверглись бы амфиладному огню турецкой артиллеріи и стрѣлковъ, съ той части Зеленыхъ Горъ, которая къ 29-му августа оставалась еще въ рукахъ непріятеля.

Для того, чтобы наша неподготовленность къ общей атакѣ сдѣлалась еще болѣе очевидной, я считаю не лишнимъ упомянуть о нѣкоторыхъ подробностяхъ, для чего мнѣ надо вернуться къ предыдущему дню.

27-го августа главнокомандующій, въ сопровожденіи Зотова и всей свиты, поѣхалъ предъ наступленіемъ вечера осмотрѣть позиціи, занятыя румынами, и ихъ земляныя работы. Оказалось, что у нихъ не было ни туровъ, ни фашинника, необходимыхъ для этихъ работъ, почему я былъ посланъ, около 5-ти часовъ вечера, въ сопровожденіи одного румынскаго офицера, въ дер. Парадимъ, съ приказаніемъ въ резервный паркъ отпустить румынамъ нужное количество того и другаго. Принявъ во вниманіе, что отъ мѣста расположенія румынъ до Парадина было не менѣе 15 верстъ, отпускъ и нагрузка нужнаго матеріала могли быть окончены лишь къ утру слѣдующаго дня, спрашиваю: въ какой видъ могли быть приведены румынскіе редуты для бомбардировки турецкихъ укрѣпленій 28, 29 и утра 30 августа.

Возвращаясь изъ Парадима къ тому мѣсту, съ котораго былъ посланъ, я услыхалъ впереди по направленію къ дер. Гривицѣ учащенную ружейную и пушечную пальбу. Пришпоривъ лошадь, я скоро очутился на перекресткѣ двухъ дорогъ, изъ которыхъ одна соединяла Парадимъ и Пелешатъ съ Плевной, другая же вела изъ дер. Тученицы въ дер. Гривицу. Свернувъ на послѣднюю и проскакавъ еще около тысячи шаговъ, я замѣтилъ, что тѣ части нашихъ войскъ, которыя занимали эту мѣстность, куда-то передвинулись, такъ какъ на этомъ мѣстѣ ихъ не оказалось. Между тѣмъ и пушечная и ружейная пальба почти совсѣмъ стихли, почему я предположилъ, что, во время моего отсутствія, наши войска атаковали и успѣли занять дер. Гривицу. Пустившись вскачь, я скоро убѣдился

въ безошибочности моего предположенія, такъ какъ, несмотря на сумерки, распознялъ нашихъ донскихъ казаковъ около самой деревни.

Послѣ нѣсколькихъ вопросовъ мнѣ оставалось только одно: ѣхать домой, т. е. въ Пелешатъ, гдѣ въ эту ночь находился еще штабъ Зотова, но, проѣхавъ около 1/4 версты, я наткнулся на всадника, одѣтаго въ форму атаманскаго полка, въ сопровожденіи двухъ конвойныхъ казаковъ. Этотъ всадникъ оказался ординарцемъ великаго князя, барономъ Фитингофъ, посланнымъ главнокомандующимъ въ отрядъ Скобелева съ какимъ-то порученіемъ.

Стояли они тутъ, не зная, куда ѣхать, почему Фитингофъ обратился ко мнѣ съ вопросомъ, не могу ли я указать ему дорогу къ Тученицкому оврагу.

Чтобы попасть въ отрядъ Скобелева, Фитингофу надо было избрать одинъ изъ двухъ путей: кружный (верстъ въ 15—16), а именно битой дорогой до дер. Тученицы (верстъ 6—7), потомъ Тученицкимъ оврагомъ, верстъ около 5-ти, переѣхать въ этомъ мѣстѣ на другую сторону оврага, доѣхать до Ловчинскаго шоссе, а по нему до дер. Брестовацъ, другой прямой—вдоль Радишевской балки по прямому направленію къ дер. Брестовацъ, сокращавшей путь болѣе, чѣмъ на 10 верстъ, но съ переѣздомъ черезъ Тученицкій оврагъ въ такомъ мѣстѣ, гдѣ таковой совершенно невозможенъ ночью.

Для человѣка, незнакомаго съ мѣстностью, проѣхать ночью тѣмъ или другимъ путемъ было немыслимо.

Тутъ мнѣ пришло на мысль, на кой чортъ поѣду я теперь въ Пелешатъ, для проѣзда къ которому, 12—13 верстъ, ночью и на крайне уставшей лошади, придется употребить не менѣе 2-хъ часовъ. Зотова я застану уже въ постели, такъ что отдавать ему отчетъ въ исполненномъ порученіи не окажется нужнымъ. Не лучше ли доѣхать съ Фитингофомъ до дер. Радишево и тамъ заночевать. Это мое предложеніе было съ удовольствіемъ принято моимъ случайнымъ спутникомъ, и мы поѣхали.

Въ качествѣ охотника и съ лягавой, и съ гончими, и съ борзыми, я пріобрѣлъ привычку легко оріентироваться, почему для сокращенія пути я рѣшился проѣхать въ Радишево не по нѣсколько кружной дорогѣ, а балкой.

Свернувъ съ дороги вправо и проѣхавъ мелкимъ кустарникомъ около четверти версты, мы попали какъ разъ въ устье Радишевской балки. Однако, вслѣдствіе почти непроглядной темноты ночи, чрезвычайно пересѣченной мѣстности и множества овраговъ, мы добрались до Радишево не скоро, и весьма можетъ быть проѣхали бы

мимо, если бы не наткнулись на нашу цѣпь, встрѣтившую насъ, по счастью, не выстрѣлами, а окликомъ.

Отсюда насъ направили влѣво, вдоль ручья, придерживаясь котораго, мы доѣхали до деревни, гдѣ на одномъ изъ склоновъ замѣтили свѣтившійся изъ маленькаго окошечка огонекъ. Огонь былъ разведенъ въ каминѣ, и мы застали около него командира батальона, бывшаго въ цѣпи, собственноручно варившаго какую-то похлебку.

Хозяинъ прииялъ насъ очень радушно: угостилъ своей похлебкой и чаемъ, изъ которыхъ первая оказалась сухарной размазней, съ разваренными въ ней кусками бифстекса, оставшагося еще отъ Бухареста, а второй до того густымъ отъ песка, что воткнутая въ этотъ осадокъ ложечка стояла совершенно перпендикулярно и отпивать изъ стакановъ чай надо было съ большими предосторожностями, чтобы не набрать полный ротъ грязи. Гостепріимство нашего хозяина не ограничилось этимъ, такъ какъ, подтвердивъ мое мнѣніе о совершенной невозможности перебраться ночью черезъ Тученицкій оврагъ, онъ предложилъ намъ ночлегъ въ его избѣ, а нашимъ казакамъ въ обозѣ.

Расположиться въ самой избѣ оказалось, однако, невозможнымъ, такъ какъ, во-первыхъ, бывшіе его обитатели, болгары, увезли изъ нея рѣшительно все, а, во-вторыхъ, потому, что она была грязна до невѣроятности, почему по уходѣ нашего хозяина къ своему батальону, мы вышли на балкончикъ или вѣрнѣе крылечко и улеглись на двухъ имѣвшихся тамъ по обѣимъ его сторонамъ скамейкамъ.

Однако, спать пришлось намъ не долго. Мы были разбужены выстрѣлами сначала рѣдкими, но превратившимися скоро въ батальонный огонь съ криками „ура."

Надѣвъ на себя плащи, служившіе намъ одѣялами, подвязавъ шашки и револьверы, мы побѣжали на выстрѣлы, но наши догадливые казаки нагнали насъ очень скоро верхомъ на своихъ коняхъ и съ нашими въ поводахъ.

Когда мы подъѣхали къ цѣпи, огонь началъ уже стихать, а вскорѣ и вовсе умолкъ; оказалось, что какой-то солдатикъ, которому что-то приснилось или померещилось, выстрѣлилъ, за нимъ другой, третій... и пошла потѣха.

Такія фальшивыя тревоги случаются, какъ извѣстно, довольно часто и за нихъ никого нельзя винить: причиной такихъ тревогъ бываетъ крайняя усталость и возбужденное состояніе нервной системы. Даже въ привычныхъ кавказскихъ войскахъ случалось нерѣдко то же самое.

Возвращаться въ избушку намъ не захотѣлось, такъ какъ до разсвѣта оставалось не болѣе 2—3 часовъ, которые мы предпочли

провести въ бесѣдѣ съ нашимъ хозяиномъ и другими офицерами его батальона.

На наши разспросы относительно окружающей мѣстности, расположенія турецкихъ редутовъ, ложементовъ и т. п. намъ отвѣчали, что обо всемъ этомъ никто рѣшительно ничего не знаетъ. „Мы знаемъ только", отвѣчали намъ, „что передъ нами возвышенность, именуемая Артиллерійской Горой, на которой устраиваются наши редуты и батареи, что за ней находится широкій и глубокій оврагъ, въ которомъ на противоположной сторонѣ виднѣются хорошо устроенные турецкіе ложементы, въ нѣсколько рядовъ, еще далѣе на горѣ находятся турецкіе редуты, но сколько ихъ—не знаемъ".

Не слѣдуетъ забывать, что это происходило въ ночь съ 27-го на 28-е августа, и что 28-го, какъ выше уже сказано, былъ рѣшенъ вопросъ объ атакѣ турецкихъ укрѣпленій 30-го числа и въ тотъ же день составлена „диспозиція" этой общей атаки.

Можно было бы подумать, что расположеніе непріятельскихъ укрѣпленій, его ложементовъ и пр. было неизвѣстно однимъ лишь второстепеннымъ начальникамъ, что также было бы нежелательно, а что высшему начальству все это извѣстно въ точности, но такое предположеніе опровергается слѣдующимъ фактомъ: предъ самымъ почти разсвѣтомъ батальонный командиръ, пріютившій насъ въ эту ночь, получилъ въ нашемъ присутствіи приказаніе выбрать охотниковъ изъ всѣхъ ротъ, для посылки ихъ въ лежащій за Артиллерійской Горой оврагъ, съ цѣлью ознакомленія съ расположенными въ немъ и за нимъ турецкими ложементами и редутами. При этомъ никакихъ указаній о томъ, куда и по какому направленію должны идти развѣдчики, не было сдѣлано.

Не сообразивъ, вѣроятно, что при наступающемъ разсвѣтѣ, предполагаемая развѣдка, состояться въ эту ночь не можетъ, батальонный командиръ поручилъ фельдфебелямъ сдѣлать предписанный вызовъ охотниковъ. Результатъ этого вызова былъ поразительный: въ 3-хъ ротахъ откликнулись утвердительно буквально всѣ, въ 4-ой же ровно ни одинъ человѣкъ. Чему приписать такое различіе въ духѣ и настроеніи солдатъ одного и того же батальона?.. Думаю, что въ этомъ случаѣ, какъ и во всѣхъ тѣхъ, когда рѣшеніе вопроса зависитъ отъ толпы, голосъ одного крикуна увлекъ всѣ прочіе, крикнулъ какой-нибудь запѣвало „не желаемъ", и всѣ остальные повторили то же.

Нашъ хозяинъ былъ страшно взбѣшенъ такимъ отвѣтомъ одной изъ его ротъ и угрожалъ, что въ первомъ дѣлѣ онъ пошлетъ ее впереди прочихъ. Досада батальоннаго командира вполнѣ понятна, но угроза—по моему мнѣнію—далеко не цѣлесообразна: идти на

непріятеля въ передовыхъ отрядахъ не должно быть наказаніемъ, а отличіемъ и признакомъ довѣрія.

Послѣ этого длиннаго отступленія, сдѣланнаго мною съ цѣлью выяснить нашу неподготовленность къ предположенной на 30 августа общей атакѣ, возвращаюсь къ изложенію событій по порядку.

Расположеніе войскъ западной арміи было 28-го августа слѣдующее: на правомъ нашемъ флангѣ стояли румыны, занимая пространство отъ Гривицкаго шоссе до рѣки Видъ. Они имѣли предъ собой турецкіе редуты. Численность румынскихъ войскъ простиралась, по ихъ словамъ, до 30.000, но, какъ мнѣ кажется, эта цифра была ими преувеличена для приданія большаго значенія ихъ участію въ общемъ дѣлѣ, отъ размѣровъ котораго могъ зависѣть размѣръ предполагаемаго впослѣдствіи вознагражденія. Въ центрѣ, т. е. на протяженіи отъ Гривицкаго шоссе до Тученицкаго оврага, была расположена пѣхота и артиллерія 4-го и 9-го корпусовъ, изъ которыхъ первый занималъ пространство отъ названнаго выше оврага до д. Радишево, а 9-й—все остальное. Здѣсь насчитывалось всего (вмѣстѣ съ резервами) до 30.000 человѣкъ. На лѣвомъ нашемъ флангѣ за Тученицкимъ оврагомъ наступалъ на Зеленыя Горы отрядъ Имеретинскаго въ составѣ до 12.000 всѣхъ родовъ оружія. Далѣе отъ д. Брестовацъ до рѣки Видъ мы имѣли 10 полковъ конницы, выставившей на всемъ этомъ протяженіи пикеты, и, наконецъ, за рѣку Видъ было послано, какъ уже выше сказано, 8 кавалерійскихъ полковъ.

Изъ числа 20-ти осадныхъ орудій 12 были установлены на такъ называемой великокняжеской батареѣ, за перекресткомъ дорогъ изъ Плевны въ Пелешатъ и изъ Гривицы въ Тученицу, а остальные 8 между Радишевскимъ и Тученицкимъ оврагами.

Значительнѣйшая часть нашей полевой артиллеріи была распредѣлена по батареямъ „Артиллерійской Горы“, менѣе же значительная на протяженіи между Тученицкимъ оврагомъ и дер. Радишево и между устьемъ Радишевскаго оврага и дер. Гривицей.

Силы непріятеля не были намъ извѣстны. По однимъ свѣдѣніямъ у Османа-Паши было до 70.000 войска, по другимъ же всего лишь 45.000. Однако, первая изъ этихъ цифръ заслуживаетъ бо́льшаго вѣроятія, такъ какъ при сдачѣ Плевны 28-го ноября у Османа насчитывалось до 45.000 человѣкъ, тогда какъ въ трехъ-мѣсячный періодъ времени отъ 28-го августа до 28-го ноября турецкія войска понесли очень значительныя потери убитыми, ранеными и взятыми въ плѣнъ въ двухъ большихъ сраженіяхъ (30 августа и 28 ноября), въ двухъ менѣе крупныхъ при занятіи нашими войсками Телиша и Горнаго Дубняка, въ нѣсколькихъ еще меньшихъ стычкахъ и при

почти непрерывной бомбардировкѣ въ теченіе трехъ мѣсяцевъ. Число имѣвшихся у турокъ орудій мнѣ неизвѣстно, такъ какъ по взятіи нами Плевны я позабылъ объ этомъ справиться, а на сдѣланное нами, во время осады, „приблизительное" исчисленіе полагаться трудно, знаю лишь одно, что турецкія пушки превосходили въ большинствѣ случаевъ наши дальнобойностью и что во время бомбардировки на каждый нашъ выстрѣлъ они очень часто отвѣчали двумя.

Вечеромъ 28-го августа была написана общая диспозиція на 30-ое число, на другой же день приступили къ разнымъ подготовительнымъ работамъ, какъ, напримѣръ, къ изготовленію штурмовыхъ лѣстницъ (которыя, впрочемъ, оставались безъ употребленія, къ выкопкѣ большихъ ямъ, для погребенія убитыхъ, безъ чего можно было бы обойтись... хотя, къ сожалѣнію, о нихъ нельзя сказать того же, что сказано о лѣстницахъ [1]) и т. д.

Общая диспозиція на 30-ое августа заключалась въ слѣдующемъ: съ разсвѣтомъ: открыть усиленный пушечный огонь залпами со всѣхъ редутовъ и батарей, продолжая его съ перерывами до 4-хъ часовъ дня, т. е. до часа, назначеннаго для общей атаки. Въ теченіе этого же времени отрядъ Скобелева продолжаетъ наступленіе по Зеленымъ Горамъ, стараясь занять къ означенному времени западную ихъ оконечность до спуска съ этой возвышенности къ Ловчинскому шоссе.

Въ 4 часа по полудни: общая атака, а именно: румыны, съ поддержкою одной бригады 9-го корпуса, атакуютъ Гривицкій редутъ.

Шестнадцатая дивизія 4-го корпуса, протянувъ по Артиллерійской Горѣ до крайней ея оконечности (въ то время еще нами не занятой), спускается въ балку и атакуютъ редуты. Въ поддержку этой дивизіи назначена была одна дивизія 9-го корпуса [2]).

Отрядъ Скобелева, занявъ въ теченіе дня западную оконечность Зеленыхъ Горъ, спускается къ Ловчинскому шоссе и атакуетъ редуты противъ него.

Главный резервъ центра былъ расположенъ на пространствѣ между Радишево и Великокняжской батареей, вплоть до дороги на Пелешатъ.

Подробности диспозиціи я не помню, такъ какъ прослушалъ ее только одинъ разъ, немедленно послѣ составленія ея въ нашемъ

---

[1]) Къ чему это заблаговременное заготовленіе могилъ. Боялись, что въ случаѣ неудачи придется оставить тѣла убитыхъ непогребенными. Но не лучше ли было не слишкомъ заботиться о вѣчномъ покоѣ мертвыхъ, чтобы не тревожить спокойствіе духа живыхъ.

[2]) Номера не помню, но командовалъ ею генералъ Вельяминовъ.

штабѣ, тѣмъ не менѣе сущность ея была вполнѣ согласна съ вышеизложеннымъ.

Уснули мы 29-го числа подъ яснымъ безоблачнымъ небомъ, а 30-го проснулись подъ нависшимъ густымъ туманомъ, смѣнившимся скоро мелкимъ осеннимъ дождемъ, произведшимъ на всѣхъ крайне удручающее впечатлѣніе, такъ какъ при такой погодѣ шансы на успѣхъ дѣлались еще болѣе сомнительными. Тѣмъ не менѣе согласно диспозиціи бомбардировка началась съ разсвѣтомъ.

Мы нѣкоторое время надѣялись, что по случаю дождя, тумана и слякоти атака будетъ отложена до слѣдующаго дня, что̀ было весьма возможно, такъ какъ до часа, назначеннаго для атаки, оставалось еще около десяти часовъ, въ теченіе которыхъ легко было бы предупредить объ ея отмѣнѣ всѣ части войскъ. Къ сожалѣнію, надежда наша не осуществилась.

Часовъ около 9-ти утра, потерявъ надежду на упомянутую выше отмѣну, Зотовъ, въ сопровожденіи всего своего штаба, выѣхалъ для объѣзда передовыхъ позицій, начавъ этотъ объѣздъ съ правой оконечности нашего центра и протянувъ до крайней оконечности лѣваго, и остановился около восьми-пушечной осадной батареи. При этомъ объѣздѣ, онъ, оставляя свиту и конвой въ укрытыхъ по возможности мѣстахъ, поднимался пѣшкомъ къ нашимъ редутамъ и батареямъ, гдѣ освѣдомлялся о результатахъ бомбардировки. Свѣдѣнія эти были далеко не утѣшительныя, такъ какъ нашей артиллеріи, стрѣлявшей по сдѣланнымъ наканунѣ „намѣткамъ“, т. е. почти что на авось, хотя и удалось взорвать два зарядныхъ ящика [1]) на турецкихъ редутахъ, но въ общемъ результаты были совсѣмъ ничтожны и непріятельскій пушечный огонь вовсе не ослабѣвалъ, въ чемъ, впрочемъ, и самимъ намъ легко было убѣдиться [2]).

До осадной батареи мы доѣхали немногимъ позже 11-ти часовъ, такъ что до часа атаки оставалось еще не мало времени, въ теченіе котораго помимо пушечной пальбы въ центрѣ и у румынъ, да пушечной и ружейной на Зеленыхъ Горахъ произошло лишь два мелкіе эпизода.

Эпизодъ 1-й. Около полудня начальникъ штаба 16-й дивизіи полковникъ Тихменевъ, вѣроятно, уже подзакусившій, услышавъ усиленную пальбу на оконечности Зеленыхъ Горъ и позабывъ, какъ надо думать, что Скобелеву до начала общей атаки предстояло выбить не-

[1]) Что взорваны были не погреба, а ящики, можно было заключить по незначительной силѣ взрывовъ.

[2]) Я сопровождалъ Зотова при посѣщеніи всѣхъ редутовъ и батарей, почему имѣю право утверждать, что всѣ полученныя имъ свѣдѣнія были не радостны.

пріятеля изъ занимаемыхъ имъ на этихъ горахъ позиціи, вообразилъ себѣ, что время общей атаки, указанное въ диспозиціи, уже наступило. Поэтому, не справившись съ часами и не предувѣдомивъ начальника дивизіи, двинулъ всѣ 4 полка этой дивизіи впередъ, направивъ ихъ въ атаку редутовъ. Два полка успѣли спуститься съ оконечности Артиллерійской Горы въ балку и, хотя, по распоряженію начальника дивизіи, это несвоевременное движеніе было пріостановлено, но изъ спустившихся въ балку двухъ полковъ не вернулось назадъ около тысячи человѣкъ.

Точныхъ свѣдѣній о количествѣ погибшихъ при этой злополучной катастрофѣ не было получено, но, принявъ во вниманіе, что наши два полка были встрѣчены ружейнымъ огнемъ изъ всѣхъ турецкихъ ложементовъ, расположенныхъ на противоположномъ склонѣ въ нѣсколько рядовъ, слѣдуетъ думать, что указанная выше цифра не была преувеличена.

За этотъ подвигъ Тихменевъ былъ впослѣдствіи только перемѣщенъ, получивъ назначеніе состоять при штабѣ главнокомандующаго, съ производствомъ въ генералъ-маіоры.

Второй эпизодъ, нѣсколько комическаго свойства, но могшій, однако, имѣть трагическія послѣдствія, заключался въ слѣдующемъ: около того же полудня, получивъ отъ Зотова приказаніе съѣздить къ одному изъ резервныхъ полковъ, если не ошибаюсь Архангелогородскому, стоявшему въ ложбинѣ за дорогой изъ дер. Гривицы въ Пелешатъ, и перевести этотъ полкъ нѣсколько впередъ на такое мѣсто, гдѣ, не теряя связи съ главнымъ резервомъ—онъ, въ случаѣ надобности, могъ бы поддержать атаку или 9-го корпуса или румынъ, я поѣхалъ вдоль Радишевской балки по дорогѣ, ведущей къ означенной ложбинѣ, а, слѣдовательно, и къ Великокняжеской батареѣ, около которой былъ расположенъ штабъ главнокомандующаго.

Миновавъ дер. Радишево, я повстрѣчалъ командира 9-го корпуса генерала Крюднера со свитой, который въ самый моментъ нашей встрѣчи, свернувъ съ дороги, спускался въ Радишевскую балку.

Шаговъ за 20—25 далѣе я встрѣтилъ какого-то полковника, состоявшаго, какъ оказалось, при великомъ князѣ, который спросилъ меня, не знаю ли я, гдѣ онъ можетъ найти генерала Крюднера, къ которому онъ имѣетъ порученіе отъ главнокомандующаго.

Оглянувшись назадъ, я увидѣлъ, что Крюднеръ и вся его свита успѣли уже скрыться въ туманѣ, почему, указавъ тропинку, по которой они поѣхали, я сказалъ посланцу великаго князя, что, ускоривъ шагъ лошади и поѣхавъ по указываемой мною тропинкѣ, онъ можетъ догнать Крюднера въ какія-нибудь 2—3 минуты.

— Во всякомъ случаѣ, добавилъ я нѣсколько опрометчиво, — вы

найдете его на одномъ изъ редутовъ, гдѣ, какъ вы видите, поминутно вспыхиваютъ красные огоньки и надъ которыми также ежеминутно лопаются турецкія гранаты.

Храброму полковнику не захотѣлось, повидимому, быть на чужомъ пиру не прошенымъ гостемъ, почему онъ спросилъ меня, не могу ли я передать Крюднеру приказаніе главнокомандующаго. „Такъ какъ", добавилъ онъ, „по незнанію мѣстности, я могу опоздать, а приказаніе очень спѣшное".

Объяснивъ причину, по которой я не могъ исполнить его желаніе, такъ какъ обязанъ прежде всего исполнить данное мнѣ Зотовымъ порученіе, я еще разъ указалъ на тропинку и на изрыгающій огонь редутъ, взялъ „подъ козырекъ" и поѣхалъ дальше.

Употребивъ не менѣе полутора часа на исполненіе даннаго мнѣ порученія и возвращаясь тою же дорогою назадъ, я, къ крайнему моему удивленію, засталъ полковника буквально на томъ же мѣстѣ, гдѣ его оставилъ.

— Вотъ кстати вы опять здѣсь, радостно воскликнулъ онъ, — представьте себѣ, пробовалъ спуститься въ балку и сразу запутался въ кустахъ, такъ что еле-еле назадъ выбрался... Я очень близорукъ, почему то, что вамъ кажется легкимъ, для меня очень трудно; такъ какъ теперь вы свободны, добавилъ онъ,—то сдѣлайте одолженіе, передайте за меня Крюднеру приказаніе великаго князя.

До времени, назначеннаго для атаки, оставалось еще болѣе 2-хъ часовъ, для передачи Крюднеру приказанія великаго князя понадобилось бы не болѣе 20—30 минутъ, поэтому я согласился, подумавъ только про себя: почему же, голубчикъ, ты не просишь меня проводить тебя до Крюднера, а передаешь мнѣ исполненіе порученія.

Приказаніе великаго князя заключалось въ слѣдующемъ: если бы движеніе 4-го корпуса послѣдовало ранѣе назначеннаго по диспозиціи времени, то, не стѣсняясь этой диспозиціей, одна изъ дивизій 9-го корпуса должна поддержать атаку.

Такое же условное распоряженіе было послано и всѣмъ другимъ частямъ, Зотову же было передано предложеніе начать атаку ранѣе 4-хъ часовъ, если это будетъ найдено имъ возможнымъ.

Сообразивъ, что движеніе впередъ 4-го корпуса можетъ послѣдовать съ минуты на минуту, такъ какъ предложеніе объ этомъ, по всей вѣроятности, послано Зотову одновременно съ приказаніями другимъ частямъ, т. е. не менѣе полутора часа тому назадъ, я пришпорилъ лошадь и пустился по тропинкѣ, спускавшейся въ Радишевскую балку, вскачь.

Крюднера я нашелъ на томъ самомъ редутѣ, который былъ указываемъ мною храброму полковнику, почему, передавъ ему распоря-

женіе великаго князя и поскакавъ потомъ не обратнымъ путемъ, а прямо къ редуту, гдѣ находился Зотовъ, я потратилъ на все это не болѣе 15-ти минутъ.

Фамиліи доблестнаго полковника я не называю лишь только потому, что спросить его объ этомъ не дозволяла „субординація", а послѣ этого я въ свитѣ главнокомандующаго его не встрѣчалъ [1]).

Этотъ комическій эпизодъ весьма легко могъ имѣть трагическія послѣдствія, сдѣлавшись причиною одной изъ тѣхъ путаницъ, которыми изобилуютъ наши военныя лѣтописи. Вспомнимъ „Федюхины горы" подъ Севастополемъ, гдѣ мы „горы проходили, вмѣстѣ не сошлись" и многіе другіе тому подобные казусы. Къ счастію, Зотовъ, вспомнивъ, вѣроятно, уроки военной нашей исторіи, не рѣшился измѣнить часа общей атаки изъ опасенія, какъ онъ самъ мнѣ сказалъ, такой путаницы. „Опасаются увеличенія грязи отъ не прерывающагося дождя", сказалъ онъ мнѣ, „но грязи и теперь уже по щиколотки и при томъ, уже лучше по грязи, да дружно разомъ, какъ съ точностію указано въ диспозиціи".

Благодаря сообщенному выше комическому эпизоду, нежелательная путаница произошла бы въ дѣйствительности и, если мы ея избѣжали, то лишь пришедшимъ Зотову на память урокомъ исторіи.

Такому недобросовѣстному исполненію порученій, какъ то, о которомъ я здѣсь разсказывалъ, очень многіе не захотятъ вѣрить, но я повторяю, что въ моемъ разсказѣ ни на волосъ не уклонился отъ истины [2]).

IV.

Неудавшаяся атака нашего центра.—Гибельныя ея послѣдствія.—Наши санитары и наши полевые жандармы. — Лазаретныя палатки. — Депеша великаго князя Зотову.—Блужданія наши въ теченіе всей почти ночи.—Утѣшительныя вѣсти съ обоихъ фланговъ.—Любопытный эпизодикъ утромъ 31 числа.—Особое благоволеніе ко всѣмъ состоящимъ при комъ-нибудь, или при чемъ-нибудь.—Наше великодушіе по отношенію къ союзникамъ.

Приступая къ повѣствованію о штурмѣ 30-го августа, считаю нужнымъ сдѣлать оговорку, что буду разсказывать лишь о томъ, чему лично былъ свидѣтелемъ. Пусть разскажутъ другіе о томъ, какъ было

---

[1]) Я вовсе не поцеремонился бы назвать эту фамилію, такъ какъ если эти записки увидятъ когда-либо свѣтъ, то ни я, ни онъ не будемъ уже въ живыхъ, мертвые же срама не имутъ.

[2]) На другой день произошло нѣчто совершенно схожее, но объ этомъ послѣ, скажу лишь теперь, что героемъ оказался опять одинъ изъ блестящихъ

дѣло у Скобелева и у румынъ; я же ограничусь повѣствованіемъ о дѣйствіяхъ частей 4-го корпуса.

Начать съ того, что къ часу, назначенному для атаки, совсѣмъ почти уже стемнѣло: осенью вообще день непродолжителенъ, туманъ же ускорилъ еще болѣе наступленіе сумерекъ. Между тѣмъ липкая глинистая почва раскисла до такой степени, что достаточно было пройти пѣшкомъ лишь нѣсколько шаговъ, чтобы на каждомъ сапогѣ накопилось по 3—4 фунта грязи. Можно поэтому легко понять, до какой степени былъ труденъ войскамъ 4-го корпуса подъемъ на Артиллерійскую Гору и спускъ съ этой горы въ балку.

При этомъ спускѣ наши войска были встрѣчены убійственнымъ огнемъ шрапнели и непрерывнымъ ружейнымъ со всѣхъ турецкихъ ложементовъ, устроенныхъ на противоположной сторонѣ балки въ нѣсколько, какъ оказалось, ярусовъ, возвышающихся одинъ надъ другимъ.

Зотовъ въ это время придвинулся къ мѣсту атаки, откуда были слышны выстрѣлы атакующихъ, подвигавшихся, какъ было замѣтно по выстрѣламъ, все впередъ.

Прошло отъ времени начала атаки около получаса [1]), какъ вдругъ намъ стало замѣтно, что движеніе нашихъ войскъ пріостановилось и выстрѣлы ихъ стали рѣже.

— Поѣзжайте къ Вельяминову и какъ можно скорѣе, сказалъ мнѣ Зотовъ, пусть немедленно двинетъ два полка въ поддержку атакующимъ.

Переѣзжая Радишевскій ручей, окаймленный во многихъ мѣстахъ довольно высокими скалистыми берегами, я увидѣлъ много раненыхъ, омывающихъ въ ручьѣ свои раны, а вмѣстѣ съ ними изрядное число нераненыхъ, укрывшихся подъ навѣсомъ скалистыхъ береговъ. Думаю, что это были санитары. Упоминаю я объ этомъ лишь потому, что не хочу ничего скрывать.

Вообще говоря, наши санитары дѣйствовали безъ должнаго надзора и руководства. Къ сожалѣнію, приходится сказать то же самое о полевыхъ жандармахъ: въ число обязанностей послѣднихъ входило освѣдомляться у тяжело раненыхъ, умирающихъ, не имѣютъ ли они чего-либо передать своимъ роднымъ, и записывать адреса послѣднихъ.

офицеровъ, состоявшихъ при главнокомандующемъ. Общихъ выводовъ я также дѣлать не намѣренъ, такъ какъ въ числѣ состоявшихъ при великомъ князѣ были и такіе вполнѣ достойные офицеры, какъ Охотниковъ, Лосевъ, Ризенкампфъ и мн. др.; скажу лишь только одно, что не все то золото, что блеститъ.

[1]) А можетъ быть и больше, такъ какъ слѣдить въ подобныя минуты за теченіемъ времени невозможно, а справляться съ часами недосугъ.

Весьма гуманное мѣропріятіе, жаль только, что оно вовсе не исполнялось. Въ день боя 30-го августа жандармы рвали и кушали виноградъ, обрывали грецкіе орѣхи; объ исполненіи же своихъ обязанностей и не помышляли. Давно, въ 60-хъ еще годахъ, было замѣчено однимъ поэтомъ, что у насъ ничто не выполняетъ своего назначенія

„Царь-колоколъ не бьетъ,
Царь-пушка не стрѣляетъ, и проч.“

Извиняясь предъ предполагаемымъ читателемъ за это длинное отступленіе, возвращаюсь къ разсказу.

Нашелъ я Вельяминова и начальника его штаба на вершинѣ Артиллерійской Горы, нѣсколько правѣе того мѣста, откуда наши войска спустились для атаки. Оба они усѣлись въ ложбинѣ и наблюдали за ходомъ дѣла, хотя вслѣдствіе сумерекъ и не вполнѣ разсѣявшагося тумана, почти ничего не было видно. Передавъ приказаніе Зотова, я, въ ожиданіи его исполненія, отъѣхалъ шаговъ на 200 влѣво, гдѣ засталъ нѣсколькихъ казаковъ изъ конвоя Вельяминова, оставившихъ своихъ лошадей у подножія горы на попеченіе товарищей и взобравшихся сюда полюбопытствовать.

Отсюда была видна въ балкѣ длинная линія ружейныхъ вспышекъ, прорѣзывавшихъ мракъ красноватыми полосками. Прошло лишь нѣсколько минутъ, и эта линія стала отодвигаться назадъ, сначала медленно и не разрываясь, а потомъ все быстрѣе и быстрѣе, при чемъ въ линіи огней образовались промежутки, а скоро эти огоньки вспыхивали только по одиночкѣ, послѣ чего на нашей вершинѣ показались отступавшія наши войска сначала небольшими группами, а потомъ массами.

Было очевидно, что возобновлять атаку представлялось невозможнымъ и что Вельяминовъ могъ бы оказать поддержку отступившимъ войскамъ лишь въ случаѣ ихъ преслѣдованія непріятелемъ. Къ счастію, турки на преслѣдованіе не отважились, безъ чего намъ могло бы прійтись довольно плохо, такъ какъ у подножія горы, вдоль Радишевскаго ручья, царствовалъ сумбуръ невообразимый.

Спустившись къ этому ручью, я наткнулся на конвой Зотова и скоро отыскалъ и его самого. Онъ дѣлалъ здѣсь распоряженія о водвореніи въ отступившихъ войскахъ возможнаго порядка, послѣ чего, прождавъ еще 10—15 минутъ, направился къ перевязочному пункту, обозначавшемуся сквозь темноту и туманъ яркимъ освѣщеніемъ въ лазаретныхъ палаткахъ.

Эти палатки были биткомъ набиты тѣми ранеными, которымъ представлялась еще возможность оказать какую-либо помощь: имъ отрѣзывали изуродованные члены, пилили кости, извлекали пули и т. п.,

при чемъ слышались страшные стоны, сливавшіеся въ непрерывный почти гулъ.

Масса раненыхъ разложена была въ-сплошную въ нѣсколько длинныхъ параллельныхъ рядовъ, на мокрой землѣ, безъ какой бы то ни было подстилки. Тутъ большинство состояло изъ „безнадежныхъ", т. е. такихъ, которымъ никакія операціи не помогутъ, но были также и такіе, для которыхъ не хватало мѣста въ палаткахъ.

Отъ стоновъ этихъ несчастныхъ стоялъ какой-то не передаваемый словами гулъ, смѣшанный съ храпѣніемъ, захлебываніемъ кровью, скопившейся въ горлѣ, и какимъ-то невнятнымъ бормотаніемъ, еще болѣе ужасающими, чѣмъ громкіе крики оперируемыхъ.

Запахъ крови и пота былъ здѣсь до невыносимости удушливый, чему способствовали туманъ, усилившій испареніе, и совершенная неподвижность воздуха, отчего испаренія эти висѣли надъ рядами тѣлъ неподвижной тучей.

Картины, изображающія послѣдствія международныхъ боенъ, производятъ потрясающее впечатлѣніе видомъ изуродованныхъ человѣческихъ тѣлъ, оторванныхъ снарядами членовъ и т. п., но на картинѣ не могутъ быть воспроизведены ни стонъ страдальцевъ, ни запахъ истекающей изъ нихъ крови, почему мнѣ кажется, что непосредственное участіе въ ужасахъ войны можетъ послужить наиболѣе убѣдительной проповѣдью въ пользу мира.

Отъ перевязочнаго пункта мы, оставивъ дер. Радишево влѣво, поѣхали въ гору по тропинкѣ, которую скоро потеряли, и забрались въ какую-то трущобу, всю изрѣзанную рытвинами, съ большими каменными глыбами и заросшую мелкимъ колючимъ кустарникомъ. Куда направляли мы путь, не знаю, но полагаю, что въ дер. Тученицу, гдѣ на эту ночь приготовленъ былъ для насъ ночлегъ.

Выбравшись кое-какъ на гору, мы пытались опредѣлить направленіе, по которому слѣдовало ѣхать, но это было невозможно, вслѣдствіе тумана и тьмы, разсчитывать же на инстинктъ лошадей, всегда чующихъ конюшню, также было не совсѣмъ надежно, такъ какъ въ Тученицѣ мы были всего одинъ лишь разъ, а двѣ послѣднія ночи пришлось ночевать въ полѣ.

Колебанія наши продолжались, однако, не долго, такъ какъ, едва лишь въѣхавъ на гору, мы услышали топотъ копытъ нагонявшаго насъ всадника. Этимъ всадникомъ оказался лейбъ-казакъ, съ депешей къ Зотову отъ великаго князя [1]). Чтобы прочесть депешу, надо было добыть огня, спички же отъ сырости не горѣли.

---

[1]) Могутъ спросить, какимъ образомъ посланцу удалось отыскать насъ. Объясняется же это очень просто: въ балкѣ ему указали, куда мы поѣхали, а доѣхавъ до горы, онъ далъ волю лошади, которая и привезла его къ ѣхавшимъ впереди лошадямъ.

Пришлось ѣхать на виднѣвшійся вдали огонекъ, оказавшійся небольшимъ фонаремъ, освѣщавшимъ одну изъ палатокъ при артиллерійскомъ паркѣ.

Намъ вынесли фонарь, Зотовъ и Новицкій слѣзли съ лошадей, и я послѣдовалъ ихъ примѣру, присоединился къ нимъ „по вольности дворянской". Содержаніе депеши было слѣдующее: „снять на ночь осадныя батареи и направить ихъ къ Пелешату. Къ Осману послать парламентера для переговоровъ о трехъ-дневномъ перемиріи для уборки убитыхъ и раненыхъ. Немедленно пріѣхать въ велико-княжескую квартиру для совѣщанія".

За буквальную точность моего изложенія не ручаюсь, но смыслъ депеши передаю вѣрно, такъ какъ прочелъ ее вмѣстѣ съ другими, совершенно отчетливо, не могъ только разобрать подписи.

— Должно быть вездѣ неудача, пробормоталъ Зотовъ,—посылку парламентера придется, разумѣется, отложить до завтра, восьми-пушечную батарею снять возможно, а двѣнадцати-пушечную врядъ ли успѣемъ. Ѣхать на совѣщаніе надо.

— Ѣхать-то надо, подтвердилъ Новицкій,—„но доберемся ли"...

Подозвавъ офицера (мусульманина), командовавшаго конвоемъ, Зотовъ спросилъ его, найдетъ ли онъ дорогу къ велико-княжеской палаткѣ и, несмотря на уклончивый отвѣтъ, приказалъ ѣхать впередъ, а мы за нимъ послѣдовали.

Предстояло проѣхать около четырехъ верстъ, а между тѣмъ, проѣздивъ болѣе часа, мы оставались въ полномъ невѣдѣніи, приблизились ли мы къ цѣли нашего странствованія, или же удалились отъ нея.

Нашъ проводникъ объявилъ, наконецъ, что, не попавъ нигдѣ на дорогу, онъ совсѣмъ спутался и не знаетъ даже теперь, какого направленія надо держаться. Послѣ непродолжительнаго совѣщанія рѣшили, что слѣдуетъ продолжать попытку въ надеждѣ попасть на какую-либо дорогу и доѣхать по ней до какого-нибудь лагеря, гдѣ окажется возможность оріентироваться.

Скитанія эти при совсѣмъ почти пустыхъ желудкахъ и послѣ двухъ ночей, проведенныхъ въ полѣ на голой землѣ, а слѣдовательно и вовсе почти безъ сна были, конечно, всѣмъ намъ не по нутру. Помимо этого, не знаю, что думали другіе, но что касается меня, то отъ предполагаемаго совѣщанія я не ждалъ ничего хорошаго въ виду очевидной его скороспѣлости, и потому вовсе не желалъ, чтобы оно состоялось. Высказывать свое мнѣніе я, разумѣется, не смѣлъ, но про себя думалъ: распоряженіе о снятіи осадныхъ батарей и о посылкѣ парламентера для переговоровъ о трехдневномъ перемиріи вовсе, какъ мнѣ казалось, не цѣлесообразны: первое ослабило бы наши средства обороны въ случаѣ наступленія турокъ, а второе могло

только открыть Осману глаза относительно плохаго нашего положенія и побудить его къ наступленію, на которое онъ—быть можетъ безъ этого и не рѣшился бы.

Относясь вслѣдствіе этого къ нашимъ попыткамъ найти дорогу къ велико-княжеской батареѣ не только пассивно, но даже не сочувственно, я былъ очень непріятно пораженъ, когда, проплутавъ еще съ полчаса, мы услышали звонъ подковъ нашихъ лошадей, внезапно съѣхавшихъ на убитую каменистую дорогу.

Покоробило меня еще болѣе, когда бывшій въ нашей свитѣ флигель-адъютантъ баронъ Корфъ заявилъ, что по очертаніямъ лежавшаго влѣво отъ дороги лѣска онъ опозналъ мѣстность и что мы находимся на дорогѣ, идущей къ палаткѣ великаго князя.

Я вполнѣ убѣдился въ томъ, что баронъ Корфъ не ошибся, такъ какъ мы попали на ту самую дорогу, на которой я встрѣтилъ утромъ храбраго полковника, ѣхавшаго къ Крюднеру съ порученіемъ отъ главнокомандующаго.

По предложенію самого Корфа, онъ смѣнилъ нашего проводника, черкеса, и поѣхалъ впередъ, но, проѣхавъ не болѣе 200—300 шаговъ, мы опять очутились на мягкой размокшей отъ дождя землѣ, а вслѣдъ за симъ вовсе потеряли дорогу.

Послѣ этого кружили мы еще долго такъ, какъ приходится кружить во время мятели. Поднявшійся передъ разсвѣтомъ вѣтерокъ дулъ на насъ то спереди, то сзади, то справа, то слѣва, убѣждая насъ, что мы вертимся на одномъ мѣстѣ.

Рѣшили, наконецъ, отдать поводья, и умные наши кони, почуявъ, вѣроятно, запахъ жилья, привезли насъ къ крутому оврагу, на противоположной сторонѣ котораго свѣтились рѣдкіе огоньки. Проѣхавъ вдоль оврага около полуверсты, мы отыскали спускъ, по которому доѣхали до деревни, оказавшейся Тученицей, гдѣ на эту ночь были разбиты наши палатки.

Хотя уже начинался разсвѣтъ, такъ что мы имѣли бы возможность добраться туда, куда былъ приглашенъ Зотовъ, но онъ нашелъ болѣе благоразумнымъ дать небольшой роздыхъ и людямъ и лошадямъ съ возможностью и тѣмъ и другимъ наполнить опустѣвшіе желудки, почему мы, разсѣдлавъ лошадей, разбрелись по палаткамъ.

Отдыхъ нашъ былъ, однако, весьма непродолжителенъ. Не прошло и одного часа, какъ пріѣхалъ казакъ съ донесеніемъ отъ Скобелева, что редуты, названные впослѣдствіи Скобелевскими, еще съ вечера имъ заняты, находятся нынѣ въ нашихъ рукахъ, но что для ихъ удержанія ему необходимо подкрѣпленіе.

Эти редуты, расположенные почти около самой Плевны, имѣли огромное значеніе, почему, получивъ это извѣстіе, мы всѣ значи-

тельно пріободрились; когда же къ утру получилось донесеніе объ успѣхѣ на правомъ нашемъ флангѣ, гдѣ румыны при содѣйствіи нашей бригады (или же правильнѣе сказать наша бригада при содѣйствіи румынъ) овладѣли Гривицкимъ редутомъ, мы и совсѣмъ воспрянули духомъ. По наступленіи разсвѣта, я былъ посланъ вдоль Тученицкаго оврага съ порученіемъ доѣхать до того мѣста, съ котораго хорошо видны редуты, занятые Скобелевымъ, для того, чтобы удостовѣриться, находятся ли они въ нашихъ рукахъ, и немедленно увѣдомить объ этомъ Зотова; другіе же два офицера нашего штаба были посланы въ Гривицкіе редуты съ такимъ же порученіемъ. Эти два офицера, поскакавъ по прямой дорогѣ, ведущей къ дер. Гривицѣ, встрѣтивъ на обратномъ пути Зотова, ѣхавшаго по той же дорогѣ къ великому князю, донесли, что редутъ занятъ нашими и румынскими войсками. Можно поэтому понять крайнее изумленіе Зотова, встрѣченнаго главнокомандующимъ слѣдующими словами: „а вѣдь Гривицкій редутъ отбитъ обратно турками“.

Лично я при этомъ не присутствовалъ, но передаю этотъ эпизодъ со словъ присутствовавшихъ. Услышавъ такой неожиданный „репримандъ“, Зотовъ, какъ разсказывали, совсѣмъ растерялся и ничего не отвѣчалъ, несмотря на полученныя имъ лишь за нѣсколько минутъ донесенія совершенно противорѣчиваго свойства. Не въ его характерѣ было утверждать что-либо, въ чемъ лично не удостовѣрился.

Болѣе находчивый Новицкій рѣшился сказать великому князю, что полученное имъ свѣдѣніе ошибочно, такъ какъ два нашихъ офицера, вернувшіеся съ Гривицкаго редута за нѣсколько лишь минутъ тому назадъ, утверждаютъ противное.

— Я также посылалъ туда офицера князя Оболенскаго, сказалъ главнокомандующій съ нѣкоторымъ раздраженіемъ.

Новицкій, однако, не сдался и попросилъ разрѣшить вновь послать двоихъ нашихъ офицеровъ, на что и получилъ согласіе, данное, впрочемъ, какъ бы нехотя „ну, пожалуй, пошлите“.

Были посланы одинъ изъ адъютантовъ Зотова—капитанъ Пилигрини и мой племянникъ поручикъ Гудимъ-Левковичъ, которые, вернувшись черезъ полчаса, донесли, что Гривицкій редутъ съ минуты его занятія не переходилъ въ руки непріятеля.

Оказалось, что офицеръ, посланный великимъ княземъ, вовсе не былъ на Гривицкомъ редутѣ, а, услышавъ свистъ турецкихъ пуль, посылавшихся съ редута и перелетавшихъ черезъ занятый нашими войсками другой редутъ, счелъ болѣе благоразумнымъ вернуться назадъ и донести, что занятый нами наканунѣ редутъ отбитъ турками.

Въ этомъ поступкѣ князя Оболенскаго поражаетъ не только недостатокъ мужества и сознанія долга, а еще болѣе отсутствіе всякой

сообразительности, такъ какъ ему не пришло даже въ голову подумать, куда же дѣвались наши и румынскія войска, выбитыя турками изъ редута.

Князь Оболенскій получилъ на другой день золотую саблю „за храбрость“, а вслѣдъ за этимъ былъ повышенъ въ чинѣ, какъ надо полагать, за сообразительность.

Вообще говоря въ кампанію 1877—1878 г. награды всѣмъ „состоявшимъ“ при высшемъ начальствѣ лицамъ выдавались слишкомъ щедро.

Считаю себя въ правѣ смѣло говорить объ этомъ, такъ какъ и самого себя не исключаю изъ числа слишкомъ щедро награжденныхъ, получивъ, кромѣ Румынскихъ ордена и медали, по одному ордену за каждое изъ трехъ крупныхъ дѣлъ подъ Плевной (19 и 30-го августа и 28-го ноября).

Что касается до фронтовыхъ армейскихъ офицеровъ, несравненно больше выстрадавшихъ отъ всякихъ лишеній и неудобствъ и чаще подвергавшихъ жизнь свою опасностямъ, то къ нимъ были не такъ щедры.

По поводу указанной выше щедрости приведу нѣсколько примѣровъ: начальникъ одного штаба сказалъ въ моемъ присутствіи командиру батареи, хотя и очень удаленной отъ Плевны, но бывшей всегда на виду у высшаго начальства[1]), что онъ будетъ представленъ къ Георгіевскому кресту; „помилуйте, за что же?“ скромно спрашиваетъ тотъ, „Георгій вѣдь выдается по статуту, я же ничего не сдѣлалъ подходящаго“.—„Ну что же изъ этого, батенька вы мой“, добродушно возражаетъ начальникъ штаба, „если мы васъ представимъ къ Владиміру, то капитану И....... придется дать Анну или Станислава. Неужели же онъ не заслуживаетъ Владиміра?“

Разумѣется, что несговорчивый батарейный командиръ долженъ былъ согласиться съ этимъ неотразимымъ аргументомъ.

Другой случай: передъ 30-мъ августа я, въ интимномъ разговорѣ съ однимъ давнишнимъ моимъ знакомымъ, сказалъ, что онъ поступаетъ не разсчетливо, уклоняясь отъ порученій Зотова, всегда оставаясь гдѣ-нибудь подальше отъ него или же просто дома. „Вѣдь васъ и прислали къ намъ, очевидно, для того, чтобы вы заслужили крупную награду“.

— Вы думаете, можетъ быть, что я боюсь быть убитымъ или раненымъ, отвѣчалъ мой пріятель,—но право вы ошибаетесь... я вѣрю въ свою звѣзду и потому смерти не боюсь... хотите: я поѣду вмѣстѣ съ вами первый разъ, когда васъ пошлютъ подъ пули... но скажите мнѣ,

---

[1]) Двѣнадцати-пушечной осадной.

зачѣмъ я стану изъ кожи лѣзть. Вѣдь Скобелева изъ меня не выйдетъ [1]), а что мнѣ дадутъ или Георгія или золотую саблю, въ этомъ не можетъ быть сомнѣнія... вѣдь я уже 10 лѣтъ состою флигель-адъютантомъ и три года въ чинѣ полковника.

И дѣйствительно, за 30-е августа онъ былъ награжденъ золотою саблей, хотя и не понюхалъ даже пороха.

Третій случай: мнѣ лично довелось слышать, какъ великій князь Николай Николаевичъ сказалъ одному изъ своихъ ординарцевъ, посланному предъ 30-мъ августа въ какую-то командировку и возвратившемуся изъ нея дня четыре спустя: „а я здѣсь Георгія тебѣ приготовилъ".

Эти слова были сказаны вполголоса, но такъ какъ ординарецъ подошелъ къ великому князю, сидѣвшему на конѣ, пѣшкомъ, ѣхалъ же я непосредственно сзади, то поневолѣ услышалъ то, что для меня не предназначалось.

Много другихъ подобныхъ случаевъ я могъ бы здѣсь перечислить, но думаю, что и этихъ трехъ вполнѣ достаточно. Не могу закончить эту главу, не упомянувъ еще объ одномъ курьезѣ: хотя Гривицкій редутъ былъ, съ оффиціальной точки зрѣнія, взятъ приступомъ румынами, но, какъ я выше уже сказалъ, турки были выбиты изъ него нашей бригадой, румыны же подоспѣли позже, т. е. тогда, когда этотъ редутъ перешелъ окончательно въ наши руки.

Тѣмъ не менѣе по свойственному ли намъ великодушію, или же по политическимъ соображеніямъ, честь этого дѣла была всецѣло приписана румынамъ и даже четыре крупповскія пушки большаго калибра, бывшія въ редутѣ, были отданы румынамъ въ видѣ трофея.

Всѣ мы очень хорошо знали это, иные изъ насъ негодовали, а другіе, болѣе хладнокровные, только улыбались.

Дней пять или шесть спустя случилось мнѣ за обѣдомъ у Румынскаго князя Карла сидѣть рядомъ съ начальникомъ штаба румынской арміи, съ которымъ мнѣ и прежде доводилось встрѣчаться, и мнѣ пришло въ голову спросить его объ этомъ инцидентѣ.

— Скажите пожалуйста, mon général, какимъ образомъ случилось, что ваши войска опоздали къ штурму Гривицкаго редута.

Вопросъ этотъ былъ сдѣланъ мною неожиданно, безъ предварительной подготовки (à brule pour point, какъ говорятъ французы) и съ такимъ видомъ, какъ-бы рѣчь шла о фактѣ общеизвѣстномъ.

— Il y a eu un malentendu... „Тутъ произошло недоразумѣніе", отвѣчалъ онъ,—„наши войска были по ошибкѣ направлены не на такъ называемый Гривицкій редутъ, а на сосѣднее съ нимъ неболь-

---

[1]) Подлинныя слова.

шое укрѣпленіе, потерпѣвъ при этомъ значительныя потери (des pertes sensibles); когда же ошибка была замѣчена, то поспѣвать за вашими было уже поздно.

V.

День 31-го августа.—Обратный переходъ въ руки турокъ Скобелевскихъ редутовъ.—Поѣздка моя къ Осману съ предложеніемъ перемирія и отказъ Османа.—Пессимистическія воззрѣнія на положеніе дѣлъ и еще болѣе пессимистическіе совѣты нашихъ друзей-агентовъ дружественныхъ державъ.—Не веселые дни.—Геройскіе замыслы нашихъ союзниковъ.—Оплошность генерала Крылова.—Завтраки на императорскомъ редутѣ.—Слухъ о замѣнѣ Зотова Тотлебеномъ.—Причины этой замѣны.

Весь день 31-го августа прошелъ въ какомъ-то выжидательномъ съ обѣихъ сторонъ положеніи. О возобновленіи атаки съ нашей стороны не могло быть и рѣчи, такъ какъ наши потери въ день 30-го августа были слишкомъ значительны; турки же до самого почти вечера также ничего не предпринимали. Восьмипушечная осадная батарея была снята и увезена, двѣнадцати же пушечная (великокняжеская) осталась на мѣстѣ и продолжала дѣйствовать.

Мы хоронили убитыхъ, перевозили раненыхъ въ болѣе безопасное мѣсто, въ подкрѣпленіе же Скобелеву, несмотря на повторенныя имъ нѣсколько разъ требованія, не послали ни одного человѣка.

Весьма многіе обвиняли потомъ Зотова въ умышленномъ будто бы съ его стороны нежеланіи дать Скобелеву требуемое имъ подкрѣпленіе, но я убѣжденъ, что это обвиненіе неосновательно.

Начать съ того, что присутствіе главнокомандующаго, отодвинувъ Зотова на задній планъ, снимаетъ съ него всякую отвѣтственность; съ другой же стороны, вчерашнія потери до такой степени ослабили нашъ центръ, что врядъ ли представлялась возможность выдѣлить изъ него какую-либо часть, въ виду возможности наступленія турокъ, которое было весьма вѣроятно. Мнѣ кажется только, что, имѣя въ виду недостаточность нашихъ силъ для возобновленія въ близкомъ будущемъ общаго штурма Плевненскихъ укрѣпленій, слѣдовало заблаговременно распорядиться объ отступленіи Скобелева на Зеленыя Горы изъ занятыхъ имъ редутовъ, что, при полной бездѣятельности турокъ, могло быть исполнено безъ всякаго риска.

Въ теченіе дня турки пытались нѣсколько разъ атаковать Скобелевскіе редуты, но эти попытки были до такой степени нерѣшительны, что этой именно нерѣшительностью, обнаружившей недо-

статокъ у Османа наличныхъ силъ для серьезной атаки, и слѣдовало воспользоваться.

Однако, передъ наступленіемъ вечера обѣ стороны надумались и, повидимому, надумались почти одновременно. Около 5-ти часовъ вечера сдѣлано было распоряженіе о посылкѣ Скобелеву 2-хъ полковъ, направивъ ихъ по ближайшему пути, а именно вдоль Тученицкаго оврага по правой его сторонѣ, съ тѣмъ, чтобы перебрались они на Зеленыя Горы тамъ, гдѣ при отвѣсной почти крутизнѣ, это окажется возможнымъ.

Въ ожиданіи исполненія этого распоряженія, мы стояли на возвышенномъ мысѣ, между Радишевскимъ и Тученицкимъ оврагами, откуда все происходившее у занятыхъ Скобелевымъ редутовъ и на плоскогоріи за ними до самой почти возвышенности, окаймляющей рѣку Видъ, было отчетливо видно, какъ на ладони.

Едва успѣли двинуться два посланные Скобелеву полка, какъ на возвышенности за Скобелевскими редутами, мы увидѣли густыя массы турокъ, наступавшихъ по наклонной плоскости отъ возвышенности надъ рѣкою Видъ. Очень скоро эти массы раздѣлились, продолжая наступать вразсыпную и направляя въ редуты частый ружейный огонь. Въ то же время со всѣхъ ближайшихъ турецкихъ редутовъ: справа изъ-за Плевны и слѣва отъ Кришина, какъ градъ, посыпалась шрапнель на Скобелевскіе редуты, а справа отъ нихъ въ лощинѣ мы замѣтили густую толпу турокъ, скрывавшуюся въ засадѣ, съ очевидною цѣлью ударить въ данную минуту съ фланга.

Съ этой минуты мы потеряли всякую надежду на удержаніе въ нашихъ рукахъ редутовъ: силы непріятеля были слишкомъ превосходны, посланные же отъ насъ два полка не могли подоспѣть во̀время.

Огонь съ занятыхъ Скобелевымъ редутовъ и ложементовъ началъ замѣтно ослабѣвать, изъ чего можно было заключить, что масса снарядовъ и пуль, сыпавшихся на нихъ со всѣхъ сторонъ, значительно убавила число защитниковъ.

Въ это время я замѣтилъ около Ловчинскаго шоссе небольшую кучку нашихъ, перебѣжавшихъ, какъ надо полагать, туда по одиночкѣ изъ атакуемыхъ турками редутовъ, такъ какъ эта кучка растянулась въ линію и стала отступать къ подножію Зеленыхъ Горъ, отстрѣливаясь.

Между тѣмъ наступавшіе по плоскогорію турки подошли къ редутамъ вплотную и въ то же время залегшіе въ лощинѣ также ринулись туда же.

Для насъ, свидѣтелей происходившаго, безъ всякой возможности протянуть руку помощи, картина представлялась ужасная.

Блескъ лучей заходившаго на горизонтѣ солнца, отражался на штыкахъ и сабляхъ турокъ, добивавшихъ оставшихся въ ложементахъ раненыхъ, а также и тѣхъ храбрецовъ, которые не захотѣли оставить умирающихъ своихъ товарищей.

Что были тутъ и не раненые, въ этомъ я убѣдился, увидѣвъ нѣсколькихъ нашихъ выскакивавшихъ изъ редутовъ и убѣгавшихъ внизъ вдогонку за отступавшими къ Зеленымъ Горамъ. Нѣсколько конныхъ баши-бузуковъ, выскочивъ въ это время изъ лощины, пытались было отрѣзать имъ путь, но, встрѣченные ружейнымъ огнемъ нашихъ стрѣлковъ, поспѣшили убраться назадъ, не успѣвъ перехватить ни одного изъ убѣгавшихъ.

Такимъ образомъ, „Скобелевскіе“ редуты, бывшіе, какъ я слышалъ потомъ изъ устъ компетентныхъ лицъ (Тотлебена и Обручева), ключемъ турецкихъ позицій и стоившіе намъ такъ много крови, перешли опять въ руки непріятеля [1]).

На другой день, т. е. 1-го сентября, я былъ посланъ въ Плевну къ Осману съ пакетомъ отъ главнокомандующаго, заключавшимъ въ себѣ предложеніе о трехдневномъ перемиріи для уборки убитыхъ и раненыхъ.

Въ Плевну меня, однако, не впустили, задержавъ на оконечности Гривицкаго шоссе, предложивъ обождать разрѣшенія Османа-паши, который вмѣсто этого разрѣшенія прислалъ начальника своего штаба Тафикъ-бея съ предложеніемъ передать ему пакетъ великаго князя и пріѣхать на другой день въ то же мѣсто для полученія отвѣта. Нечего было дѣлать... пришлось покориться необходимости, хотя я и доказывалъ Тафикъ-бею, что еще не поздно и что поэтому я и сегодня могъ бы получить отвѣтъ ранѣе, чѣмъ наступитъ ночь [2]). Полученный мною на другой день отвѣтъ Османа заключалъ въ себѣ категорическій отказъ отъ перемирія на какой бы то ни было срокъ. Этотъ отказъ нельзя не признать звѣрски-варварскимъ поступкомъ. Онъ могъ бы быть оправданъ, съ военной точки зрѣнія, въ томъ только лишь случаѣ, если бы турецкій Гази имѣлъ въ виду предпринять наступательныя дѣйствія и не дать намъ времени для подготовки къ защитѣ, но такъ какъ послѣдствія показали, что никакихъ агрессивныхъ плановъ онъ не имѣлъ, но этотъ его отказъ можетъ быть объясненъ однимъ лишь изувѣрствомъ и звѣрскою жестокостію.

---

[1]) Тотлебенъ высказалъ эту мысль въ разговорѣ, о которомъ я сообщу ниже, а Обручевъ въ разговорѣ съ Зотовымъ, при осмотрѣ нашихъ и турецкихъ позицій, въ единоличномъ моемъ присутствіи.

[2]) Переговаривалъ я съ Тафикъ-беемъ на французскомъ языкѣ, которымъ онъ владѣлъ недурно.

А сколько страданій было послѣдствіемъ этой безполезной жестокости... На мѣстѣ боя оставалось тяжело раненыхъ не менѣе, чѣмъ убитыхъ, почему сотни несчастныхъ были обречены на медленную мучительную агонію. Какъ продолжительна была эта агонія, никто, разумѣется, не знаетъ; укажу, однако, на фактъ, отъ котораго способно содрогнуться самое черствое сердце: на пятый день послѣ 30-го августа на Артиллерійскую Гору приползли двое нашихъ раненыхъ солдатъ, измученныхъ страданіями отъ ранъ, неимовѣрною жарою днемъ и ночнымъ холодомъ, пятидневной мучительной жаждою, а быть можетъ и голодомъ. Изъ этихъ двухъ страдальцевъ одинъ скоро умеръ, а другой какимъ-то чудомъ остался живъ.

Уныніе, охватившее насъ въ вечеръ 30-го августа и отчасти разсѣявшееся утромъ 31-го, по полученіи свѣдѣній о нѣкоторыхъ частныхъ успѣхахъ, воцарилось послѣ потери Скобелевскихъ редутовъ съ большей еще силой, тѣмъ болѣе, что Скобелеву было приказано очистить Зеленыя Горы и отступить за дер. Брестовацъ.

Многіе находили, что и этого было мало, что намъ слѣдовало бы не только отказаться отъ покушеній на Плевну, но по добру-по-здорову отступить за Дунай, чтобы подготовиться тамъ къ новой кампаніи въ будущемъ году, „если въ теченіе зимы не удастся заключить мира на болѣе или менѣе выгодныхъ условіяхъ".

Само собою разумѣется, что большинство не раздѣляло этого мнѣнія, но наши пессимисты находили сильную поддержку въ военныхъ агентахъ „дружественныхъ намъ державъ", распространявшихъ преувеличенные слухи о силахъ непріятеля, о боевой его готовности, о преимуществахъ его вооруженія и подготовленныхъ имъ на пути къ Константинополю укрѣпленныхъ позиціяхъ.

Привожу рѣчь, произнесенную однимъ изъ этихъ агентовъ въ дружественной съ нами бесѣдѣ: „что Плевна... въ сравненіи съ тѣмъ, что ожидаетъ васъ впереди! Допустимъ даже, что вы ею овладѣете послѣ громадныхъ потерь, что же можете вы предпринять потомъ? Вѣдь на вашемъ пути вы встрѣтите не одну Плевну, а цѣлые десятки такихъ же крѣпкихъ мѣстъ, при томъ же чѣмъ болѣе вы будете удаляться отъ операціоннаго вашего базиса, тѣмъ труднѣе окажется доставка боевыхъ припасовъ и продовольствія для войскъ, между тѣмъ, какъ и теперь, находясь въ 50—60 верстахъ отъ Дуная, вы терпите недостатокъ и въ томъ и въ другомъ".

Многое другое въ томъ же духѣ говорилъ „дружественный намъ" нѣмецъ, и нѣкоторые изъ насъ слушали его, разинувъ ротъ, хотя и слышались подчасъ протесты на непонятномъ нѣмцу русскомъ языкѣ, въ родѣ того, что „Богъ не выдастъ, свинья не съѣстъ".

Къ счастью, не всѣ увѣровали въ безусловную мудрость друже-

скихъ совѣтовъ, послѣдствіемъ чего было достопамятное „стоять и умереть“.

Потянулись скучные однообразные дни и ночи: днемъ объѣздъ позицій, а ночью вистъ или баккара, смотря по собравшимся партнерамъ, предпочитавшимъ то или другое.

Въ первое время усиливавшаяся подчасъ канонада съ той или другой стороны, съ учащенной ружейной пальбой, внезапно разгоравшейся и также внезапно стихавшей, нарушали нѣсколько томительное однообразіе. Въ такихъ случаяхъ Зотовъ посылалъ кого-нибудь узнать, въ чемъ дѣло, но очень скоро къ этимъ фальшивымъ тревогамъ до такой степени привыкли, что не обращали на нихъ никакого вниманія и не считали нужнымъ отрываться отъ дѣла.

Наши союзники румыны въ теченіе первыхъ двухъ недѣль „сидѣнія“ подъ Плевной два или три раза собирались атаковать турецкій редутъ, расположенный напротивъ занятаго ими (?) Гривицкаго редута, назначались даже дни атаки, но дѣло все какъ-то не ладилось. Не помню, какого именно числа [1]), мы были даже приглашены румынскимъ княземъ къ обѣду, съ тѣмъ, чтобы послѣ обѣда присутствовать при штурмѣ этого редута. Передъ закатомъ солнца румынскія войска были придвинуты къ мѣсту атаки, часть же нашихъ войскъ заняла гребень сосѣдней горы, для поддержанія румынъ, если въ этомъ окажется надобность.

Произошло, однако, нѣчто крайне забавное: румыны спустились въ балку, отдѣлявшую одинъ редутъ отъ другаго, заняли тамъ пустовавшую траншею и пролежали въ ней до наступленія ночи и подъ кровомъ благодатной тьмы вернулись обратно.

Пресловутый штурмъ этимъ и ограничился.

Что касается до насъ, то мы ничего не предпринимали, а только устраивали новыя оборонительныя укрѣпленія, углубляли ложементы и расчищали спуски въ Тученицкій оврагъ, при чемъ приходилось дробить динамитомъ цѣлыя скалы.

За весь сентябрь у насъ не произошло ничего такого, о чемъ стоило бы разсказывать, за исключеніемъ развѣ прискорбнаго зѣвка генерала Крылова, который, имѣя въ своемъ распоряженіи 18 конныхъ полковъ, пропустилъ въ Плевну около двухъ тысячъ турокъ, прошедшихъ по Орханійскому шоссе между двухъ отдѣльныхъ частей его отряда.

Этотъ зѣвокъ оказался тѣмъ болѣе непростительнымъ, что турецкія войска проконвоировали, какъ говорили, въ Плевну очень значительный обозъ съ провіантомъ и боевыми припасами, почему всѣ были

[1]) Фактъ былъ мною въ памятной книжкѣ записанъ, а число не отмѣчено.

возмущены до крайности этой оплошностью. Но въ вопросѣ о томъ, кто именно былъ виновникомъ этой оплошности, мнѣнія раздѣлялись. Большинство обвиняло Крылова, какъ главнаго начальника всего коннаго отряда, но были и такіе, которые сослали вину на генерала Лошкарева, который хотя и былъ подчиненъ Крылову, но, находясь по другую сторону р. Видъ, т. е. почти у самаго шоссе, по которому шли турки, могъ бы, по мнѣнію послѣднихъ, взять на себя иниціативу дѣла съ бывшими подъ его командой 8-ю полками, не ожидая приказанія отъ Крылова.

Я не берусь судить, кто правъ, но думаю, что въ военномъ дѣлѣ дисциплина имѣетъ чрезвычайно важное значеніе. Конечно, Лошкаревъ могъ бы нарушить дисциплину, вспомнивъ знаменитое изреченіе: храбрыхъ не судятъ, но подвергать себя военному суду было бы также не совсѣмъ благоразумно.

Надо полагать, что мнѣніе большинства одержало верхъ, такъ какъ Крыловъ уѣхалъ очень скоро за симъ въ Россію, а Лошкаревъ остался.

И такъ, подъ Плевной мы „стояли“ и дѣйствительно умирали отъ скуки, такъ какъ мы точно замерли въ какомъ-то летаргическомъ усыпленіи.

Государь, проживавшій въ это время въ деревнѣ Парадимѣ, посѣщалъ нашъ отрядъ не менѣе раза въ недѣлю, при чемъ мы были угощаемы роскошными завтраками. Въ первые дни собирались для этого на „Царскомъ валикѣ“, вправо отъ великокняжеской батареи, а потомъ во все остальное время осады на „Императорскомъ редутѣ“, между дер. Радишево и Тученицкимъ оврагомъ.

Этотъ редутъ былъ вовсе не вооруженъ, и въ немъ не помѣщались войска для сохраненія въ немъ чистоты, не уживающейся съ солдатомъ. Передъ каждымъ пріѣздомъ государя пріѣзжало нѣсколько огромныхъ фургоновъ съ посудой и разными многочисленными припасами для завтрака, который состоялъ изъ разнообразныхъ и обильныхъ закусокъ съ не менѣе разнообразными сортами водокъ и винъ. Изъ горячей же пищи подавались бульонъ, пожарскія котлеты, кофе и чай. Незачѣмъ, конечно, и говорить о томъ, что подаваемое было высокаго качества.

Помимо разныхъ столовыхъ винъ: красныхъ, бѣлыхъ, портвейна, хереса и т. п. имѣлось и шампанское, подававшееся, впрочемъ, лишь по желанію участниковъ завтрака, и такіе „желающіе“ находились не рѣдко, для чего надлежало обращаться къ генералъ-адъютанту Рылѣеву, завѣдывавшему угощеніемъ.

Для государя накрывали маленькій столъ съ пятью приборами, къ которому приглашались: великій князь, румынскій князь Карлъ,

германскій посолъ Вердеръ и Зотовъ, въ случаѣ же отсутствія кого либо изъ первыхъ троихъ мѣсто отсутствовавшаго занималъ кто-нибудь другой по очереди. Вся остальная публика, и въ томъ числѣ наши тузы, какъ Милютинъ, Суворовъ и т. п., размѣщались прямо на землѣ вокругъ разостланныхъ огромныхъ скатертей безъ соблюденія іерархическаго порядка, такъ что какому-нибудь прапорщику или поручику приходилось иногда сидѣть или, правильнѣе, лежать бокъ-о-бокъ съ военнымъ министромъ.

По окончаніи завтрака государь садился на приготовленный заранѣе стулъ у передняго фаса редута и, направляя большую зрительную трубу то въ одну, то въ другую сторону, подолгу всматривался въ Плевну, Зеленыя Горы и другія турецкія позиціи.

Выраженіе лица государя было въ эти минуты серьезно и грустно: наши неудачи не могли, конечно, способствовать хорошему настроенію духа.

Такъ шли за днями дни, а за недѣлями недѣли.

Укомплектованіе нашей западной арміи, послѣ очень значительныхъ потерь 30-го августа, подвигалось впередъ весьма медленно, а на скорое прибытіе гвардіи и гренадерскаго корпуса нельзя было разсчитывать, почему приходилось, вооружась терпѣніемъ, сидѣть сложа руки и у моря ждать погоды.

Въ непродолжительномъ времени мы узнали, что на смѣну Зотова вызванъ изъ Россіи Тотлебенъ, при чемъ причину немилости къ Зотову объясняли различно: одни говорили, что немилости въ буквальномъ смыслѣ слова нѣтъ и что смѣщеніе его съ должности начальника штаба западной арміи было вызвано нѣкоторыми политическими соображеніями, другіе же утверждали, что онъ вооружилъ противъ себя весьма многихъ своею рѣзкостью и „неумѣніемъ жить".

Я, конечно, могу ошибаться, но мнѣ сдается, что правы были и въ равной почти степени какъ одни, такъ и другіе.

Что князь румынскій Карлъ, въ качествѣ номинальнаго начальника всѣхъ войскъ, расположенныхъ подъ Плевной, имѣлъ причину быть недовольнымъ образомъ дѣйствій Зотова, это не подлежитъ сомнѣнію, такъ какъ сей „неумѣющій жить" человѣкъ не только находилъ возможнымъ дѣлать всѣ нужныя по арміи распоряженія лично, отъ своего имени, но въ большинствѣ случаевъ не извѣщалъ даже князя Карла объ этихъ распоряженіяхъ. По этому поводу была даже получена Зотовымъ отъ румынскаго князя оффиціальная бумага, въ которой, между прочимъ, было сказано, что, вполнѣ признавая авторитетность Зотова въ военномъ дѣлѣ, князь Карлъ, желая оправдать лестное довѣріе государя императора, хотѣлъ бы имѣть самыя точныя и подробныя свѣдѣнія о всѣхъ распоряженіяхъ по арміи. Какой былъ

отвѣтъ Зотова, я не знаю, но самое сообщеніе князя Карла я имѣлъ въ рукахъ. Весьма вѣроятно, что это дошло такъ или иначе до свѣдѣнія государя и дало поводъ къ устраненію недоразумѣній политическаго свойства.

Съ другой стороны, нельзя отрицать, что Зотовъ, своею рѣзкостью и неразборчивостью въ выраженіяхъ, успѣлъ возбудить противъ себя весьма многихъ изъ старшихъ и равныхъ ему по чину; съ подчиненными же Зотовъ всегда былъ чрезвычайно вѣжливъ, что, конечно, не могло остаться безъ послѣдствій.

Разсказывали, напримѣръ, что на военномъ совѣтѣ у великаго князя Зотовъ, на предложеніе одного изъ участвовавшихъ, брякнулъ необдуманно: „какія глупости“.

Полагаю, что одного этого примѣра неразборчивости въ выраженіяхъ вполнѣ достаточно; что же касается до „неумѣнія жить“, то практическіе люди изъ числа наиболѣе расположенныхъ къ Зотову заглазно укоряли его въ этомъ.

— Вѣдь до Парадима всего лишь 8—9 верстъ, говорили эти практическіе люди,—а онъ, Зотовъ, вовсе не думаетъ о необходимости посѣщать приближенныхъ государя.

Въ штабъ главнокомандующаго, расположенный въ селѣ Боготѣ, всего лишь въ 2-хъ верстахъ отъ дер. Тученицы, гдѣ мы квартировали, Зотовъ съѣздилъ за все время не болѣе 2—3 разъ. „Съ такими замашками далеко не уѣдешь“, говорили практическіе люди... И были правы. На кой чортъ объѣзжать всякій день всѣ позиціи, теряя для этого ежедневно по 5 — 6 часовъ времени. Вѣдь этимъ никого не удивишь. Да и врядъ ли кто-либо будетъ освѣдомляться объ этомъ.

VI.

Сплошное обложеніе Плевны.—Передача Зотовымъ должности Тотлебену и совѣщаніе четырехъ генераловъ.—Предсказанія Скобелева сбываются.—Усиленныя земляныя работы и раздражительность Тотлебена, возбужденная сплетнями.—Игра въ карты и сплетни, какъ послѣдствія скуки.—Нерво-успокоительное средство.—Гавелонъ и казакъ.—Многоразличные фокусы Скобелева.—Неудача предпріятія, порученнаго мнѣ Зотовымъ, и ея причины.—Веселый эпизодъ на „Императорскомъ редутѣ“.—Похвальная настойчивость Тотлебена и мнимый вывихъ ноги.

Въ первыхъ числахъ октября пришла, наконецъ, гвардія, но какого именно числа, не помню, такъ какъ за возникшей вслѣдъ за этимъ усиленной дѣятельностью, отмѣтить день ея прибытія упу-

стилъ изъ виду. Вновь прибывшія вы́йска были направлены къ рѣкѣ Видъ, у которой былъ оставленъ одинъ Волынскій полкъ; остальные же перешли на другую ея сторону для завершенія кольцеобразнаго обложенія Плевны. При этомъ движеніи гвардейскихъ полковъ нашими армейскими войсками было произведено „демонстративное" наступленіе на Зеленыя Горы съ цѣлью отвлечь вниманіе непріятеля.

Въ теченіе немногихъ послѣдовавшихъ дней были заняты гвардейцами Горный Дубнякъ послѣ упорнаго боя и Телишъ при помощи одного лишь артиллерійскаго огня.

Въ этихъ дѣлахъ я не участвовалъ, а потому не имѣю права сообщать о нихъ что-либо.

Говорятъ, что наши войска дрались, какъ и всегда, съ безконечной удалью, но что при штурмѣ Горнаго Дубняка, чуть-чуть, что не былъ данъ приказъ объ отступленіи, если бы въ эту критическую минуту турками не былъ бы поднятъ бѣлый флагъ, какъ сигналъ сдачи укрѣпленій. За достовѣрность этого факта не ручаюсь и сообщаю о немъ лишь потому, что ничего скрывать не намѣренъ. На другой день послѣ демонстраціи, о которой упомянуто выше, Зотовъ, передавая свою должность Тотлебену, объѣхалъ вмѣстѣ съ нимъ всѣ наши позиціи, при чемъ свита и конвой были еще Зотовскіе, съ Тотлебеномъ же пріѣхалъ и участвовалъ въ объѣздѣ одинъ лишь вновь назначенный начальникомъ его штаба князь Имеретинскій.

При этомъ объѣздѣ произошла между главными дѣйствующими лицами маленькая сцена, о которой я хочу разсказать подробно, такъ какъ она, не будучи и сама по себѣ лишена интереса, была, какъ я думаю, одной изъ причинъ враждебныхъ отношеній Тотлебена къ Зотову и Скобелеву, обнаружившихся не одинъ разъ впослѣдствіи.

Начавъ объѣздъ съ праваго нашего фланга и побывавъ на всѣхъ нашихъ редутахъ и батареяхъ, на которыя взбирались пѣшкомъ, оставляя свиту и конвой у подножія возвышенностей, мы доѣхали до Тученицкаго оврага, гдѣ присоединился къ намъ Скобелевъ. Здѣсь послѣ короткаго совѣщанія между генералами, всѣ четверо [1]) слѣзли съ лошадей и, приказавъ свитѣ и конвою оставаться на мѣстѣ, начали спускаться пѣшкомъ къ окраинѣ оврага. Пользуясь тѣмъ обстоятельствомъ, что при предшествовавшемъ посѣщеніи редутовъ я нигдѣ не отставалъ отъ генераловъ и сопровождалъ ихъ повсюду, я тоже слѣзъ съ лошади и послѣдовалъ за ними. Разсуждалъ я при этомъ такъ: отдѣляются отъ свиты и конвоя, очевидно, лишь для того, чтобы, двигаясь гурьбой, не навлечь на себя вниманіе турокъ,

---

[1]) Тотлебенъ, Зотовъ, Скобелевъ и князь Имеретинскій.

но если четыре человѣка не будутъ замѣчены, то однимъ больше или меньше не составитъ разницы. Надо думать, что Зотовъ былъ того же мнѣнія, такъ какъ, оглянувшись и увидѣвъ меня, онъ не сказалъ мнѣ ни слова. Спустившись въ какую-то лощину, изъ которой были хорошо видны окраины Зеленыхъ Горъ, а также Плевна и всѣ наши позиціи на Артиллерійской Горѣ, генералы усѣлись и занялись разсмотрѣніемъ плана, разостланнаго на землѣ княземъ Имеретинскимъ. Тотлебенъ, замѣтивъ мое присутствіе, посмотрѣлъ вопросительно на меня, потомъ на Зотова и что-то шепнулъ ему на ухо. Зотовъ отвѣчалъ также шепотомъ и сдѣлалъ мнѣ рукой знакъ, чтобы я присѣлъ въ оврагѣ, послѣ чего я счелъ свое присутствіе вполнѣ узаконеннымъ.

Довольно долго генералы водили пальцами по плану, перенося глаза отъ плана на окружающую мѣстность и обмѣниваясь вполголоса отрывочными вопросами и отвѣтами. Наконецъ, я услышалъ голосъ Скобелева, обратившагося къ Тотлебену со слѣдующими словами:

— Вы изволите видѣть, ваше высокопревосходительство, что турки, занявъ на Зеленой Горѣ вотъ это мѣсто и построивъ на немъ хотя бы одинъ только редутъ, будутъ обстрѣливать продольнымъ огнемъ всѣ Радишевскія наши позиціи.

— Совершенно вѣрно, отвѣчалъ Тотлебенъ,—но вѣдь это одно лишь предположеніе. Если бы турки имѣли это въ виду, то ужъ давно могли бы укрѣпиться на указываемомъ вами мѣстѣ.

— Вотъ, поэтому-то я и полагаю, ваше в—во, возразилъ Скобелевъ,—что намъ бы слѣдовало предупредить ихъ, такъ какъ пока мѣстность эта нами не занята, турки легко могутъ установить на ней свои батареи, не строя даже редута.

При этомъ возраженіи Тотлебенъ весь покраснѣлъ... Было очевидно, что это ему не понравилось.

— Занятіе Зеленыхъ Горъ поведетъ къ значительнымъ потерямъ и потребуетъ затрату большихъ силъ, располагать которыми мы не можемъ, промолвилъ Тотлебенъ какъ бы про себя, не обращаясь ни къ кому изъ присутствующихъ. Затѣмъ, повернувшись къ Зотову, спросилъ: а вы, ваше в—во? Каково ваше мнѣніе?

— Я совершенно согласенъ съ генераломъ Скобелевымъ, отвѣтилъ Зотовъ.

Тутъ Тотлебенъ вспыхнулъ весь какъ огонь и сказалъ съ какой-то язвительной интонаціей:

— Однако, мнѣ кажется, что не такъ еще давно вы думали иначе... Владѣя даже этими горами, вы не считали возможнымъ и нужнымъ удерживать ихъ за собой.

При этомъ намекѣ на послѣдствія 30-го августа, Зотовъ, подвер-

женный не менѣе Тотлебена, быстрымъ приливамъ крови, сдѣлался красенъ, какъ вареный ракъ, и возразилъ съ нѣкоторой запальчивостью:

— Не слѣдуетъ забывать, что съ прибытіемъ гвардіи силы наши болѣе, чѣмъ удвоились, а сравнительно съ наличностью 31-го августа даже утроились, почему то, что было невозможно тогда, сдѣлалось теперь совершенно возможнымъ, отвѣчалъ Зотовъ.

Послѣдовало довольно продолжительное молчаніе; Тотлебенъ какъ будто о чемъ-то размышлялъ, а остальные ждали.

— Если бы я былъ увѣренъ, что занятіе Зеленыхъ Горъ не поведетъ къ большимъ потерямъ... проговорилъ, наконецъ, Тотлебенъ, но Скобелевъ, не дождавшись конца фразы, подхватилъ на лету:

— О, въ этомъ весьма легко убѣдиться... Мы можемъ съѣздить туда хотя бы сію же минуту и удостовѣриться, что турокъ тамъ очень немного и что никакихъ укрѣпленій, кромѣ ложементовъ и ровиковъ, у нихъ нѣтъ.—Но только, добавилъ Скобелевъ, если сегодня мы сдѣлаемъ эту рекогносцировку, то съ наступленіемъ ночи надо выбить оттуда турокъ, такъ какъ въ противномъ случаѣ у нихъ къ утру выростетъ что-нибудь вродѣ редута.

— Вотъ, видите, замѣтилъ Тотлебенъ:—вы и сами указываете на опасность предлагаемой вами рекогносцировки.

Мнѣ кажется, что Тотлебенъ хотѣлъ сказать этими словами, что не слѣдуетъ открывать непріятелю глаза относительно стратегическаго значенія, придаваемаго нами Зеленымъ Горамъ, но Скобелевъ умышленно или искренно понялъ смыслъ этихъ словъ иначе и началъ увѣрять, что личная опасность для участниковъ въ рекогносцировкѣ совершенно незначительна, такъ какъ не представляется необходимымъ подъѣзжать слишкомъ близко къ турецкой цѣпи.

Намекъ Скобелева на личную опасность задѣлъ, повидимому, самолюбіе севастопольскаго героя, такъ что, поднимаясь съ мѣста, онъ сказалъ:

— Ну, пожалуй, поѣдемъ.

За буквальную точность всего сообщеннаго мною выше я, разумѣется, не могу ручаться, такъ какъ разговоръ, при которомъ я присутствовалъ, не стенографировалъ, но, вернувшись съ объѣзда домой, я тотчасъ же занесъ все мною слышанное въ записную книжку, придерживаясь даже тѣхъ самыхъ выраженій и оборотовъ фразъ, которыми обмѣнивались участники разговора.

Присоединивъ къ себѣ свиту и конвой, генералы переѣхали Тученицкій оврагъ насупротивъ дер. Брестовацъ, поднялись на гору въ промежуткѣ между этой деревней и Зелеными Горами, проѣхали по равнинѣ влѣво отъ Ловчинскаго шоссе назадъ окраинной деревни, и этимъ рекогносцировка ограничилась.

Такимъ образомъ наша поѣздка не представляла, дѣйствительно, почти никакой опасности, но съ другой стороны, Тотлебенъ едва-ли имѣлъ возможность извлечь изъ нея какое-либо понятіе о мѣстности, такъ какъ могъ для этого руководствоваться одними лишь словесными поясненіями Скобелева.

Кончилось тѣмъ, что атака Зеленыхъ Горъ не была разрѣшена Тотлебеномъ не только въ эту ночь, но даже и послѣ.

На другой день, при обычномъ объѣздѣ позицій, Зотовъ, оставивъ свиту и конвой около большой Радишевской батареи, пошелъ по гребню Артиллерійской Горы ложементами, которые были уже къ этому времени устроены на всемъ ея протяженіи, вплоть до мостика, представлявшаго изъ себя нѣчто вродѣ рога на носу носорога и названнаго нами нескромнымъ наименованіемъ „пупъ".

Съ верхушки этого „пупа" легко можно было видѣть, не вооруруженнымъ даже глазомъ, турецкія укрѣпленія за балкою, ближайшую часть Плевны и большую половину Зеленыхъ Горъ.

Зотову хотѣлось, повидимому, удостовѣриться — оправдалось ли вчерашнее предсказаніе Скобелева о томъ, что послѣ нашей вечерней рекогносцировки турки немедленно приступятъ къ укрѣпленію Зеленыхъ Горъ, почему онъ спросилъ начальника взвода, занимавшаго этотъ холмъ, не замѣчено ли было въ теченіе ночи производство на Зеленыхъ Горахъ какихъ-либо работъ?

Отвѣтъ былъ утвердительный: въ теченіе всей ночи тамъ постоянно слышенъ былъ шумъ отъ скрипа колесъ, передвиженія войскъ и т. п., а съ разсвѣтомъ люди, занимавшіе вершину кургана, замѣтили свѣжія земляныя насыпи, довольно высокія и на большомъ протяженіи. Взобравшись на вершину и вооружась биноклемъ, я дѣйствительно увидѣлъ длинную полосу свѣжей насыпи, около которой копошились какіе-то муравьи.

Оказалось, такимъ образомъ, что предвидѣніе Скобелева вполнѣ осуществилось; турки въ теченіе одной лишь ночи успѣли заложить редутъ, который вслѣдъ затѣмъ былъ ими вооруженъ и усиленъ пушками.

По вступленіи Тотлебена въ должность начальника штаба западной арміи номинально, само собой разумѣется, въ сущности же полновластнаго распорядителя, у насъ повсюду пошли усиленныя земляныя работы; за рѣкою Видъ устраивались редуты, расположенные большимъ полукругомъ съ діаметромъ около 5-ти верстъ, передъ редутами, съ обѣихъ сторонъ отъ нихъ и даже сзади, были вырыты ложементы и ровики въ нѣсколько рядовъ. У насъ, т.е. на правой сторонѣ рѣчки, также было устроено нѣсколько новыхъ редутовъ; ложементы же были значительно углублены, а на протяженіи Артил-

лерійской Горы отъ Радишевской батареи соединены между собою крытыми ходами, такъ что на всемъ протяженіи гребня можно было пройти, вовсе не подвергаясь ружейному огню турокъ.

Хотя нельзя не признать безусловной полезности этихъ работъ, но къ ихъ исполненію было приступлено съ такою лихорадочной поспѣшностью, что приходилось очень часто высылать на работы одну и ту же часть по два дня къ ряду, или же, въ виду переутомленія войскъ, не исполнять вполнѣ наряда. Въ послѣднемъ случаѣ Тотлебенъ чрезвычайно раздражался, говорилъ во всеуслышаніе, что „встрѣчаетъ непонятное для него противодѣйствіе", тогда какъ ни о какомъ противодѣйствіи не могло быть и рѣчи, а была просто-напросто полнѣйшая невозможность выполнять въ точности наряды по причинѣ сухой и каменистой почвы, чрезвычайное тяжелые.

Разъ даже Тотлебенъ, не стѣсняясь присутствіемъ великаго князя, „разносилъ одного весьма усерднаго и дѣльнаго генерала, такъ что за самого Юпитера было вчуже совѣстно. Великій князь находился не далѣе 40 шаговъ и если, быть можетъ, не все слышалъ, то всю эту сцену видѣлъ.

Одной изъ причинъ такой раздражительности Тотлебена слѣдуетъ предположить довольно распространенное въ обществѣ скучающихъ людей зло — сплетню.

Главнокомандующій проживалъ въ это время въ селѣ Боготъ, а въ 1½ — 2 верстахъ въ дер. Тученицѣ жили Тотлебенъ и Зотовъ, при чемъ начальники штаба послѣднихъ двухъ помѣщались въ одной и той же большой избѣ. Близость этихъ трехъ штабовъ и постоянное между ними общеніе были причиной быстраго распространенія всѣхъ циркулировавшихъ слуховъ, преувеличивавшихся и разроставшихся на подобіе катящейся съ горы глыбы снѣга. Отыскивались доброхотные передаватели этихъ слуховъ по принадлежности, а вѣдь очень рѣдко встрѣчаются люди, не придающіе значенія сплетнямъ. Тотлебенъ, какъ я имѣю причину думать, не принадлежалъ къ числу послѣднихъ и допускалъ наушничаніе, такъ, напримѣръ: Зотовъ имѣлъ неосторожность сказать по поводу чрезмѣрнаго обремененія солдатъ земляными работами: „бѣда, если спеціалистъ руководитъ всѣмъ дѣломъ. Онъ въ этой спеціальности видитъ единственное спасеніе". Не прошло и трехъ дней, какъ эти слова сдѣлались извѣстны Тотлебену.

Въ качествѣ безобиднаго и не принадлежащаго ни къ какой изъ „политическихъ" партій старичка, я былъ въ довольно близкихъ отношеніяхъ со всѣми; съ Зотовымъ я очень часто игралъ въ вистъ, съ княземъ Имеретинскимъ въ пикетъ, а съ начальникомъ Зотовскаго штаба Новицкимъ и посѣщавшими его членами другихъ шта

бовъ въ баккара, весьма распространенную между сливками общества, увлекательную и крупную игру. У меня самого собиралось каждую пятницу весьма разнокалиберное общество, такъ, напримѣръ, Зотовъ, Имеретинскій, Ретлигеръ, Новицкій, нѣкоторые флигель-адъютанты и т. п., а въ качествѣ величинъ меньшаго калибра поручики и даже одинъ рядовой (вольноопредѣляющійся Сергѣй Спиридоновичъ Татищевъ). Игра всегда заканчивалась закуской и легкой выпивкой, а у меня довольно обильнымъ ужиномъ [1]), что, конечно, способствовало болѣе или менѣе откровенной бесѣдѣ. Зотовъ не любилъ терять по-пустому время и послѣ ужина уходилъ немедленно къ себѣ, и тогда языки еще болѣе развязывались. И, Боже мой, чего тутъ я не наслушался. Всего хуже тутъ доставалось отсутствующимъ „закадычнымъ" пріятелямъ. О Зотовѣ говорили, конечно, въ моемъ присутствіи очень сдержанно и отнускали подчасъ однѣ лишь невинныя шуточки.

Скобелевъ весьма часто служилъ главной темой разговоровъ. На него также никто не нападалъ открыто, а только въ видѣ слуховъ сообщались отзывы другихъ отсутствующихъ о дѣятельности этого талантливаго генерала, возбуждавшаго всеобщую зависть.

Такъ, напримѣръ: „а знаете, вѣдь говорятъ нѣкоторые, что у него тамъ, на Зеленыхъ Горахъ, разыгрывается каждую ночь кукольная комедія съ ружейной пальбой въ небо и тому подобными фокусами".

— Отчего же, спрашиваю я,—изъ его отряда поступаютъ всякое утро въ лазаретъ раненые?

— Ну, конечно, отвѣчаетъ разсказчикъ,—я сообщаю только то, что мнѣ передавали, самъ же я этому не вѣрю.

Или же такъ: играемъ въ карты и слышимъ учащенную пальбу въ Скобелевскомъ отрядѣ: „Опять заведена шарманка", говоритъ вполголоса и съ иронической интонаціей одинъ изъ закадычныхъ друзей Скобелева... Остальные „друзья" язвительно улыбаются.

Заботился Скобелевъ о пищѣ и вообще объ удобствѣ своихъ солдатъ. Дѣлаетъ это онъ для того, чтобы вселить къ себѣ преданность и легче посылать ихъ въ бойню. Покупаетъ онъ на свой счетъ бѣлый хлѣбъ и посылаетъ его въ лазареты для своихъ больныхъ и раненыхъ—дѣлаетъ онъ это для того, чтобы дошло до свѣдѣнія, кого слѣдуетъ. О Тотлебенѣ Скобелевъ такого-то вотъ мнѣнія... о Зотовѣ сказалъ вотъ что и т. д., и т. д. Но всего болѣе обнаруживалось ехидство въ слѣдующемъ случаѣ: какой-то многомудрый пол-

---

[1]) Я имѣлъ повара, а изъ Россіи мнѣ прислали 18 пудовъ разной провизіи, вовсе не имѣвшейся въ продажѣ въ Болгаріи.

ковникъ генеральнаго штаба, говоря о дѣятельности Скобелева, назвалъ его пренебрежительно „молокососъ". Присутствующій при этомъ старичекъ, кавказскій генералъ, возразилъ съ горячностью: „за честь сочту идти въ дѣло съ такимъ молокососомъ". Черезъ нѣсколько дней было доведено до свѣдѣнія этого старичка-энтузіаста, что будто бы Скобелевъ, говоря о немъ, обозвалъ его „паршивенькимъ генералишкой". Я почти убѣжденъ, что это выдумка, но если бы это даже и было вѣрно, то какъ слѣдуетъ назвать поступокъ доброхотнаго вѣстовщика, если не злостной сплетней [1]).

Справедливость понуждаетъ меня сказать, что значительное большинство относилось къ этому сплетничанью гадливо, хотя и не считало себя обязаннымъ опровергать сплетни, такъ какъ весьма неудобно и щекотливо заводить разговоръ объ этомъ; однако, я попытался одинъ разъ и какъ мнѣ кажется съ успѣхомъ. Играя какъ-то съ Зотовымъ въ пикетъ, я спросилъ его, какого онъ мнѣнія о Скобелевѣ.

— Чрезвычайно талантливый генералъ, отвѣчалъ Зотовъ, — но кажется, интриганъ и вообще злой и нехорошій человѣкъ.

Когда же я возразилъ, что у Скобелева много враговъ и потому не слѣдуетъ вѣрить всему тому, что разсказываютъ о его „интригахъ", то Зотовъ махнулъ рукой и сказалъ: „очень можетъ быть... Сплетникамъ вѣрить не надо... Богъ съ ними". Впослѣдствіи я никогда отъ него не слышалъ ничего дурнаго о Скобелевѣ, хотя приходилось говорить часто.

Къ сожалѣнію, нельзя сказать, чтобы Тотлебенъ относился также недовѣрчиво къ доходившимъ до него наушничаніямъ. Онъ, какъ говорится, все „наматывалъ на усъ", а потомъ при случаѣ отплачивалъ.

Зотова онъ мало-по-малу совсѣмъ устранилъ отъ дѣла, а такъ какъ устранить Скобелева было невозможно, то онъ ограничился тѣмъ, что на каждомъ шагу ставилъ ему препятствія [2]).

Долго пришлось намъ пребывать въ совершенной почти неподвижности; солдаты работали лишь кирками и лопатами; тѣ же, кому заниматься такими работами не подобаетъ, подвизались на зеленомъ полѣ и „чесали языки". Гвардейцы и войска, бывшія подъ непосредственнымъ начальствомъ Скобелева, находились въ лучшемъ сравнительно положеніи; у первыхъ, какъ уже выше сказано, было нѣсколько болѣе или менѣе серьезныхъ столкновеній съ непріятелемъ, что же касается вторыхъ, то Скобелевскому отряду было, по ини-

[1]) Я разскажу позже кое-что тождественное и съ наименованіемъ лицъ.

[2]) Я ниже буду имѣть случай указать на невѣрныя (чтобы не сказать болѣе) реляціи Тотлебена о дѣятельности этого несимпатичнаго ему генерала.

*

ціативѣ великаго князя, присвоено названіе „летучаго“, т. е. такого, которому надлежало поспѣвать туда, гдѣ оказывается въ немъ надобность, такъ что помимо повторявшихся почти каждую ночь перестрѣлокъ съ турками, этому отряду представлялся нѣсколько разъ случай оправдывать свое названіе. За то у насъ, т. е. на протяженіи отъ Тученицкаго оврага до Гривицы, царствовало полнѣйшее затишье.

Трудно себѣ представить, до какой степени томительно бездѣятельное состояніе; передъ самымъ, какъ говорится, носомъ у непріятеля и до какой степени это дѣйствуетъ на нервы. Въ подобныхъ случаяхъ предпринимаются обыкновенно какія-нибудь мелкія, хотя бы и безцѣльныя передвиженія: рекогносцировки, вылазки и т. п... у насъ же, кромѣ земляныхъ работъ—ровнехонько ничего.

Я какъ-то прочелъ разсказъ о тигрѣ и удавѣ, посаженныхъ въ одну клѣтку и просидѣвшихъ тамъ въ теченіе цѣлыхъ сутокъ въ непрерывномъ съ обѣихъ сторонъ ожиданіи нападенія. Оба они пришли послѣ этихъ сутокъ въ полнѣйшее изнеможеніе, вслѣдствіе слишкомъ продолжительнаго напряженія нервной системы.

Необходимо „разрѣжать“ отъ времени до времени „накопившуюся энергію“. Я не одинъ разъ испыталъ это на себѣ: съѣздишь, бывало, въ Скобелевскій отрядъ, и нервное напряженіе ослабнетъ.

Укажу кстати на такой гигіеническій способъ успокоенія нервовъ, предпринятый на моихъ глазахъ однимъ молодымъ лейбъ-казакомъ: при одной изъ гигіеническихъ поѣздокъ моихъ на Зеленыя Горы, когда онѣ опять были въ нашихъ рукахъ, я, спускаясь на возвратномъ пути съ возвышенности за дер. Брестовацъ въ лощину, идущую отъ этой деревни къ ручью, протекающему въ Тученицкомъ оврагѣ, повстрѣчался съ однимъ изъ ординарцевъ Скобелева, сопровождавшимъ какую-то внушительнаго вида особу въ цивильной одеждѣ и двухъ-козырчатомъ пробочномъ котелкѣ на головѣ. Особа эта, какъ оказалось, былъ генералъ англійской арміи Гавлонъ, препровожденный изъ императорской или великокняжеской квартиры къ Скобелеву, для ознакомленія съ нашими позиціями на Зеленыхъ Горахъ и на полянѣ передъ Кришиномъ.

— Вотъ оказія, сказалъ мнѣ ординарецъ Скобелева, — генералъ поручилъ мнѣ проѣхать съ этимъ просвѣщеннымъ мореплавателемъ вдоль нашихъ позицій, я же ни англійскаго, ни французскаго языка не знаю, такъ, что объясняться съ нимъ придется развѣ жестами... Не можете ли вы замѣнить меня.

Я согласился и, объяснивъ Гавлону, въ чемъ дѣло, повернулъ лошадь назадъ, послѣ чего мы поѣхали на правый флангъ позицій въ сопровожденіи пріѣхавшаго съ Гавлономъ молодаго казака. Объѣздъ

совершился безъ всякихъ „инцидентовъ“, но когда мы доѣхали до крайняго лѣваго фланга, заканчивавшагося насупротивъ Кришенскихъ турецкихъ редутовъ и тамъ остановились, то нашъ казакъ, стегнувъ внезапно свою лошадь, помчался во весь карьеръ къ дер. Кришинъ, откуда турки перестрѣливались съ нашими стрѣлками, расположенными въ промежуткахъ между батареями, тоже обмѣнивавшимися гранатами съ Кришинскими редутами непріятеля.

Неожиданный „пассажъ“ нашего казака привелъ въ первую минуту и меня самого въ неудоумѣніе; что же касается до моего спутника, то онъ былъ приведенъ въ совершенный ужасъ и даже отчаянье. „Mais qu'est ce qu'il a donc?.. Mais il est fou; il va se faire tuer!“ Однако, увидѣвъ, что нашъ удалецъ вынулъ изъ чехла винтовку, я догадался, что ему захотѣлось поджигитовать, и потому сталъ успокаивать Гавлона, объясняя ему, что подобныя джигитовки весьма обыденное для нашихъ казаковъ дѣло и что „On peut parier dix contre un, qu'il reviendra sain et sauf“, — (можно прозакладывать 10 противъ одного, что онъ вернется цѣлъ и невредимъ). Несмотря на пристрастіе англичанъ къ всевозможнымъ пари, Гавлонъ ничего не отвѣтилъ и продолжалъ бормотать про себя и по-англійски и по-французски, указывая, между прочимъ, на то обстоятельство, что всякое несчастіе съ этимъ казакомъ падетъ на его отвѣтственность. Между тѣмъ нашъ джигитъ, подскакавъ шаговъ на сто къ деревнѣ, выстрѣлилъ, вложилъ второй и третій патронъ и опять выстрѣлилъ, послѣ чего закинувъ винтовку за плечо, вернулся тѣмъ же аллюромъ обратно, и только тогда я услышалъ протяжное и глубокое „У-уфъ“... англичанина.

Чѣмъ же можно объяснить этотъ почти что совсѣмъ сумасбродный поступокъ молодаго казака... Пріѣхалъ онъ на войну, мечталъ о подвигахъ и цѣлой тысячѣ опасностей... и вдругъ, прошло около полугода, а ему не довелось ни пороха понюхать, ни даже увидѣть непріятеля, находясь все время почти носъ съ носомъ съ этимъ непріятелемъ и со дня на день ожидая потѣху. Вотъ онъ и воспользовался первымъ представившимся случаемъ, чтобы разрядить слишкомъ наэлектризованную нервную свою систему.

Той же причинѣ приписывали нѣкоторые рекогносцировку на Зеленыя Горы Скобелева, произведенную имъ на глазахъ государя и, хотя этой шуткѣ пріятелей бѣлаго генерала я не придаю серьезнаго значенія, но о самомъ фактѣ и о впечатлѣніи, имъ произведенномъ, разсказать не мѣшаетъ. Произошло это въ то время, когда Скобелевъ тщетно добивался разрѣшенія на занятіе ближайшей половины Зеленыхъ Горъ и долженъ былъ ограничиваться охраной Ловчинскаго шоссе, на протяженіи между дер. Боготомъ и Брестовацъ. При одномъ

изъ пріѣздовъ государя на Императорскій редутъ, когда послѣ обычнаго завтрака онъ занялся обзоромъ окружающей мѣстности, мы увидѣли всадника въ бѣлой одеждѣ и на бѣломъ конѣ, спускавшагося въ лощину, идущую отъ Тученицкаго оврага къ дер. Брестовацъ, а за нимъ около сотни ѣдущихъ вразсыпную казаковъ.

Въ этомъ всадникѣ мы, конечно, сейчасъ же узнали Скобелева, но о причинѣ поляленія его въ этомъ мѣстѣ догадаться не могли. Иные думали, что онъ собирается переѣхать Тученицкій оврагъ и побывать на Императорскомъ редутѣ. Между тѣмъ переѣхавъ упомянутую выше лощинку, Скобелевъ и сопровождавшіе его казаки поднялись на противоположную возвышенность и скрылись въ гущѣ виноградниковъ. По прошествіи нѣсколькихъ минутъ вся эта конница, выѣхавъ изъ виноградника, появилась въ довольно близкомъ разстояніи отъ турецкаго редута, построеннаго турками на Зеленой Горѣ, и тѣмъ же разсыпнымъ строемъ продолжала приближаться къ редуту, все болѣе и болѣе сопровождая это движеніе ружейными выстрѣлами. Какъ только этотъ маленькій отрядецъ былъ непріятелемъ замѣченъ, то мы увидѣли, какъ цѣлая вереница турокъ, спустившись въ траншею, идущую почти перпендикулярно къ мѣсту, гдѣ находились наши, быстро двигалась впередъ съ очевидной цѣлью отрѣзать имъ путь отступленія. У многихъ изъ насъ тревожно забилось сердце. Но чтобы „правду истину сказать“ тревога и волненіе выражались болѣе искренно и единодушно между румынами, пріѣхавшими къ намъ вмѣстѣ съ княземъ Карломъ. Всѣ ихъ движенія, тревожныя указанія пальцемъ на Скобелева и на движущихся по траншеѣ турокъ, отрывочныя восклицанія: „O mon Dieu, il ne les voit pas, il ne recule pas et bientôt il sera trop tard“ свидѣтельствовали о живомъ ихъ интересѣ и сочувствіи къ нашему герою и отчасти энтузіазмѣ нѣкоторыхъ изъ нихъ къ его личности; между тѣмъ, какъ между нашими никакой особенной тревоги не замѣчалось.

Большинство, какъ я думаю, было увѣрено, что Скобелевъ „не изъ такихъ“, чтобы попасть въ ловушку, а нѣкоторые, конечно, весьма немногіе, смотрѣли на дѣло съ другой точки зрѣнія и „со скрежетомъ зубовнымъ“, если можно такъ выразиться, думали: „ишь какой спектакль устроилъ“, выражая эту мысль язвительными улыбками, а впослѣдствіи въ задушевныхъ бесѣдахъ иные говаривали, что такими „фокусами“ только пыль въ глаза пускаютъ.

По мнѣ же пусть будетъ спектакль, пусть будетъ и фокусъ, но, во-первыхъ, не всякій продѣлалъ бы этотъ фокусъ такъ умѣло, а, во-вторыхъ, онъ оказался не безрезультатнымъ, такъ какъ спустя лишь нѣсколько дней Скобелеву было разрѣшено занять ближайшую половину Зеленыхъ Горъ, чего онъ давно добивался, находя это не-

обходимымъ. Онъ наглядно показалъ, что успѣхъ дѣла зависитъ отъ умѣнья взяться за него, а когда получилъ желаемое разрѣшеніе, то доказалъ это на дѣлѣ [1]).

Такъ какъ зашла рѣчь о Скобелевскихъ фокусахъ и спектакляхъ, то надо сознаться, что на это онъ великій былъ мастеръ, но говорю я это не въ хулу нашему герою, а напротивъ. Такъ, напримѣръ, я слышалъ отъ очевидцевъ, что, когда при штурмѣ Ловчи одинъ батальонъ замялся и, подойдя шаговъ на 300 къ непріятельскому редуту, остановился, а нѣкоторые изъ болѣе податливыхъ нашихъ солдатъ пустились даже наутекъ, то Скобелевъ, подскакавъ къ батальону, поставилъ его въ ружье и, ставъ передъ фронтомъ, заставилъ солдатъ продѣлать подъ градомъ пуль всѣ ружейные пріемы, какъ дѣлается это на ученіяхъ. Затѣмъ похвалилъ солдатъ, назвалъ ихъ молодцами и скомандовалъ: „Впередъ за мной, ребята!“ Черезъ нѣсколько минутъ молодцы очутились въ турецкомъ редутѣ.

Желая быть вполнѣ безпристрастнымъ, я укажу на нѣкоторыя мелочи, изъ которыхъ можно заключить, что Скобелевъ, дѣйствительно, всегда отличался „незаурядностью“ въ своихъ поступкахъ, производившею на присутствующихъ впечатлѣніе, т. е. то, что его завистники окрестили иностраннымъ словомъ „эффекты“. Такъ, напримѣръ: при посѣщеніи передовыхъ своихъ траншей и ложементовъ, онъ почти всегда шелъ не въ углубленія, а по насыпи, иногда даже останавливался, чтобъ о чемъ-нибудь спросить, и при этомъ на жужжаніе пуль не обращалъ никакого вниманія.

Для чего онъ это дѣлалъ? Потому ли, что находилъ неудобнымъ и непріятнымъ идти тѣснымъ коридоромъ, биткомъ набитымъ солдатами, всегда сопровождаемыми извѣстнымъ ароматомъ и платье которыхъ изобилуетъ паразитами, или же для того, чтобы произвести „эффектъ“ на подчиненныхъ, показавъ имъ, что пули бояться не слѣдуетъ.

Въ первомъ случаѣ нельзя вѣдь упрекать его за чистоплотность и предпочтеніе, отдаваемое имъ свѣжему воздуху, а во второмъ—примѣръ пренебреженія къ опасностямъ заразительно дѣйствуетъ на подчиненныхъ и внушаетъ имъ уваженіе къ начальнику. Во всякомъ случаѣ злая критика нѣкоторыхъ была тутъ вовсе неумѣстна.

Ѣздилъ онъ всегда на бѣлой лошади и въ бѣломъ кителѣ, выставляя себя мишенью для непріятельскихъ стрѣлковъ, знавшихъ его

---

[1]) Однако, все это лишь мои предположенія... Очень можетъ быть, что занятіе Зеленыхъ Горъ было уже предрѣшено въ принципѣ и что рекогносцировка, о которой шла здѣсь рѣчь, была уже сдѣлана Скобелевымъ съ разрѣшенія высшаго начальства. На эту мысль меня наводитъ необычайное собраніе на Императорскомъ редутѣ всѣхъ штабовъ.

подъ именемъ акъ-паша, т. е. бѣлаго генерала. Въ самые суровые дни осенью и зимою онъ одѣвалъ поверхъ кителя легонькое на шелковой подкладкѣ пальто, которое или совсѣмъ не застегивалъ, или же въ случаѣ дождя и сильнаго вѣтра, бралъ на одну пуговицу.

Опять спрошу, для чего онъ это дѣлалъ? Потому ли, что не любилъ кутаться и стѣснять тяжелой одеждой свободу движенія, или же съ цѣлью дать примѣръ выносливости, которая такъ необходима въ военномъ дѣлѣ. Мнѣ случалось, однако, видѣть, какъ въ сырую и холодную погоду онъ по временамъ вздрагивалъ, сгибалъ и разгибалъ спину, какъ дѣлаютъ это продрогшіе, но тѣмъ не менѣе не застегивалъ пальто, не надѣвалъ башлыка и т. п., словомъ, не дѣлалъ ничего для предохраненія себя отъ стужи и только въ проливной дождь накидывалъ бурку. Было ли это послѣдствіемъ привычки, или предвзятой цѣли, или же, наконецъ, даже „военнымъ кокетствомъ“ — это рѣшительно все равно... Солдаты смотрѣли на него, восхищались своимъ „анераломъ“ и легче переносили всякія невзгоды.

Я видѣлъ Скобелева, хотя и часто, но только урывками; за все время осады Плевны мнѣ только два раза довелось быть при немъ въ теченіе цѣлаго дня, т. е. съ утра до поздней ночи, но и за эти два дня мнѣ удалось видѣть много такого, о чемъ поразсказать считаю не лишнимъ.

Мнѣ кажется, что я упомянулъ выше о полученномъ мною разъ навсегда разрѣшеніи ѣздить туда, гдѣ разгоралась внезапно усиленная канонада и учащенная ружейная пальба, подъ условіемъ, чтобы, взявъ съ собою двухъ казаковъ, присылать одного изъ нихъ съ извѣщеніемъ о происходящемъ. Такимъ образомъ, разъ какъ-то около половины октября, услышавъ рано утромъ усиленный огонь по направленію позицій, занимаемыхъ Скобелевымъ, я, въ сопровожденіи двухъ казаковъ, поскакалъ на выстрѣлы. Чтобы не терять напрасно времени, я взялъ одну изъ осѣдланныхъ лошадей конвоя, почему, не болѣе какъ черезъ 10 — 12 минутъ, очутился передъ дер. Кришинъ, гдѣ находились передовыя войска Скобелева, и убѣдился, что тамъ все тихо, но что дальше по направленію къ рѣкѣ Видъ, гдѣ стоялъ гвардейскій Волынскій полкъ, завязалось, повидимому, серьезное дѣло.

Трудно было воздержаться отъ желанія посмотрѣть на происходящее тамъ впереди, и потому я рѣшился расширить рамку даннаго мнѣ Зотовымъ разрѣшенія и, стегнувъ лошадь, поскакалъ дальше.

Отъ дер. Брестовацъ до переправы черезъ Видъ у дер. Трнины было по прямому направленію около 6 — 7 верстъ, если проѣхать балкой, отдѣлявшей наши кавалерійскіе пикеты отъ турецкихъ редутовъ, но если ѣхать по линіи нашихъ пикетовъ, то пришлось бы

проѣхать гораздо больше и при томъ постоянно то спускаться въ овраги, то подниматься на крутыя возвышенности, чтó потребовало бы очень много времени, почему я рѣшился проѣхать вскачь вдоль упомянутой балки, въ разсчетѣ, что изъ турецкихъ редутовъ насъ не замѣтятъ, а если и замѣтятъ, то по дальности разстоянія стрѣлять по намъ не будутъ.

Предположеніе мое вполнѣ оправдалось; при проѣздѣ первыхъ 4—5 верстъ, такъ какъ на всемъ этомъ протяженіи мы услышали не болѣе 2-хъ разъ свистъ нѣсколькихъ шальныхъ пуль, пущенныхъ изъ редутовъ наудалую, но при кругомъ поворотѣ балки, на четвертой или пятой верстѣ, мы внезапно увидѣли саженяхъ въ 300 впереди частые бѣленькіе клубочки дыма, поднимавшіеся изъ мелкаго кустарника, покрывавшаго правую сторону балки. Является вопросъ: кто стрѣляетъ изъ кустовъ — наши или турки. Этотъ вопросъ разрѣшился очень скоро свистомъ изряднаго количества пуль, пролетѣвшихъ отчасти надъ нашими головами, а также взрывшими около насъ землю. „Это, ваше благородіе, онъ въ насъ стрѣляетъ", сказалъ одинъ изъ казаковъ. „Должно быть, турки", добавилъ онъ въ видѣ поясненія.

Долго раздумывать не приходилось. Мы живо повернули влѣво и по весьма кстати оказавшейся здѣсь ложбинѣ поднялись на гору.

Проѣхавъ по гребню около полуверсты и разглядывая, не представится ли гдѣ-нибудь возможность присоединиться къ нашимъ, я замѣтилъ, что пушечный огонь турокъ на другой сторонѣ балки внезапно прекратился, а вслѣдъ за нимъ на чистой отъ кустовъ возвышенности показалась турецкая артиллерія, отъѣзжавшая съ мѣста боя къ редуту и только на этомъ редутѣ пушечная пальба продолжалась, прикрывая отступленіе своей пѣхоты, которая не замедлила появиться на той же голой вершинѣ, отступая къ редуту [1]).

Оказалось, что турки атаковали на разсвѣтѣ волынцевъ съ цѣлью помѣшать устройству ими редута, заложеннаго на правой сторонѣ балки. Попытка турокъ не имѣла успѣха, послѣ чего волынцы безпрепятственно укрѣпились на занятомъ ими мѣстѣ.

Зная о предоставленномъ Скобелеву правѣ движенія съ частью его отряда туда, гдѣ можетъ оказаться въ ней надобность, я былъ увѣренъ, что онъ долженъ быть гдѣ-нибудь не далеко, почему поѣхалъ по такому направленію, гдѣ могъ разсчитывать на встрѣчу.

---

[1]) Я часто думалъ потомъ, что причиной такого быстраго отступленія турокъ было мое и моихъ двухъ казаковъ появленіе въ ихъ тылѣ; они подумали, что приближается отрядъ Скобелева, и не пожелали очутиться между двухъ огней. Объ этомъ я, конечно, никому не сказалъ ни слова, опасаясь навлечь на себя неудовольствіе Скобелева.

Дѣйствительно, переѣхавъ одинъ оврагъ и поднявшись на возвышенность, я увидѣлъ группу всадниковъ съ бѣлымъ (Скобелевскимъ) значкомъ впереди; артиллерія и пѣхота двигались нѣсколько далѣе, приблизительно въ полуверстѣ. Узнавъ отъ меня, въ чемъ было дѣло, Скобелевъ сказалъ: „ну жаль... опоздали... А все-таки надо своихъ провѣдать, чтобы знали, что на подмогу они всегда могутъ разсчитывать... Да и туркамъ напомнить объ этомъ не мѣшаетъ". Говорилъ онъ это, точно думая вслухъ, потомъ, обращаясь прямо ко мнѣ, добавилъ: „хотите, поѣдемъ вмѣстѣ, вы намъ укажете ближайшую дорогу".

Такъ какъ при дальнѣйшемъ движеніи отряда ему приходилось два или три раза подниматься на возвышенности, то съ турецкаго редута намъ стали посылать гранаты, почему Скобелевъ опережалъ отрядъ и проводилъ его мѣстами болѣе скрытыми отъ глазъ непріятеля. На одномъ изъ переваловъ пѣхота могла пройти незамѣтно, лощинами, доступными для пѣшихъ и конныхъ, но артиллеріи приходилось переѣзжать прямо черезъ горбъ; тогда Скобелевъ, остановившись со свитой на самомъ возвышенномъ мѣстѣ этого горба, перевелъ всѣ орудія и зарядные ящики по личной командѣ съ неравномѣрными интервалами, такимъ образомъ, чтобы на турецкомъ редутѣ не могли бы угадать удобной минуты для выстрѣловъ. Онъ стоялъ на бѣлой лошади, обернувшись спиной къ турецкому редуту, не обращая никакого вниманія на лопавшіяся ежеминутно гранаты, и совершенно спокойнымъ голосомъ командовалъ: „первая рысью, вторая стой и т. д.", пока не перевелъ всю артиллерію безъ всякаго урона.

Спрашиваю, что побуждало Скобелева подвергать свою жизнь опасности вмѣсто того, чтобы перебраться черезъ перевалъ лощинами, какъ сдѣлалъ бы другой. Могутъ сказать, что дѣлалъ онъ это напоказъ, но дѣло въ томъ, что кромѣ полковника Мельницкаго и меня тутъ никого не было изъ постороннихъ; Мельницкій уже довольно долго состоялъ въ его отрядѣ и успѣлъ оцѣнить его; что же касается до меня, то была ли какая-нибудь надобность кокетничать передъ старымъ хрычемъ въ поручичьемъ чинѣ.

Нѣтъ... тысяча разъ нѣтъ... это было не „кокетничаніе", а сознаніе долга.

На полугорѣ послѣдняго перевала отрядъ былъ остановленъ, такъ какъ было очевидно, что въ его поддержкѣ волынцы не имѣли надобности. Къ гребню горы пододвинуты были одни лишь музыканты, наигрывавшіе какой-то маршъ: „турки-то насъ видятъ, пояснилъ Скобелевъ, но и своимъ надо дать знать, что мы близко—веселѣе имъ будетъ".

Послѣ нѣсколькихъ минутъ отдыха артиллерія была также при-

двинута къ окраинѣ возвышенности и, по личной командѣ Скобелева, открыла по турецкому редуту огонь.

Выстрѣлъ изъ перваго орудія былъ необыкновенно удаченъ: граната лопнула какъ разъ надъ самымъ редутомъ—прицѣльщикъ видно постарался. „Молодчина“ похвалилъ его Скобелевъ и, повернувшись ко мнѣ, прибавилъ: „удивляются, что мы всегда бьемъ турокъ. Да какже и не бить съ такими молодцами“. Потомъ, обращаясь къ Куропаткину, сказалъ: „запишите, какъ его зовутъ. Надо при первомъ случаѣ дать ему Георгія“.

Надо было видѣть, съ какою радостью была принята эта похвала и это обѣщаніе. Опять эффектный кунстъ-штюкъ, могутъ сказать завистники, но во всякомъ случаѣ очень цѣлесообразный кунстъ-штюкъ.

Такъ какъ люди послѣ быстраго хода на протяженіи около 10 верстъ по горамъ и оврагамъ нуждались въ отдыхѣ и такъ какъ день былъ сырой и холодный, то имъ было приказано, нарубивъ кустарника, развесть костры и расположиться для отдыха, а между тѣмъ Скобелевъ со свитой и конвоемъ поѣхалъ къ волынцамъ. Спускъ съ горы былъ въ этомъ мѣстѣ чрезвычайно крутъ и неудобенъ; но когда мы спустились до обрыва надъ протекавшимъ на днѣ балки ручьемъ, то тутъ уже приходилось не спускаться, а скользить по щебню, посадивъ лошадей на зады. Скобелевъ, ни на минуту не задумавшись, стегнулъ свою лошадь плетью и поѣхалъ внизъ, какъ на салазкахъ; мы волей неволей сдѣлали то же, конвойные же казаки, раздавшись вправо и влѣво, послѣдовали за нами вразсыпную, при чемъ одна изъ лошадей съѣхала не на ногахъ, а бокомъ. Будь я на мѣстѣ Скобелева, то, признаюсь откровенно, что поискалъ бы болѣе удобнаго мѣста, или же слѣзъ бы съ коня и спустился бы пѣшій, что́ потребовало бы немного времени, такъ какъ спускъ къ ручью былъ не длиннѣе 15-ти аршинъ, но тутъ, очевидно, дѣло было въ томъ, чтобы подчиненные, слѣдуя его примѣру, пріучались къ быстрымъ передвиженіямъ, не обращая вниманія на препятствія [1]).

Волынцы встрѣтили Скобелева весьма одушевленнымъ и радостнымъ „здравія желаемъ ваше высокопр-во“. Онъ же сказалъ имъ нѣсколько словъ, смыслъ которыхъ былъ тотъ, что при всякихъ случайностяхъ они всегда могутъ разсчитывать на поддержку.

Пробывъ въ лагерѣ волынцевъ около двухъ часовъ, мы поѣхали обратно. Короткій осенній день кончался, такъ что мы вернулись къ нашему отряду съ наступленіемъ сумерекъ. Пошелъ мелкій осенній

[1]) При этомъ я обратилъ вниманіе на то, что Скобелевъ спустился внизъ, переѣхалъ ручей и поднялся на другую сторону обрыва, ни разу не оглянувшись, какъ бы желая показать, что въ такого рода переправѣ нѣтъ ничего необыкновеннаго.

дождикъ съ холоднымъ вѣтеркомъ, хотя и не сильнымъ, но пронизывающимъ до костей. Костры тѣмъ не менѣе продолжали горѣть, и около нихъ грѣлись солдаты и, хорошо отдохнувъ, весело балагурили.

Приказавъ подбавить въ костры кустарника, Скобелевъ сказалъ: пусть турки думаютъ, что мы здѣсь ночуемъ. Не будутъ мѣшать волынцамъ въ постройкѣ редута. И когда это было исполнено, онъ безъ барабаннаго боя велѣлъ собрать отрядъ къ обратному походу, послѣ чего разослалъ всѣхъ своихъ адъютантовъ и ординарцевъ (и меня въ томъ числѣ) осмотрѣть около костровъ кустарники, чтобы убѣдиться, что въ нихъ не осталось слишкомъ крѣпко уснувшихъ.

Походъ предстоялъ не близкій и, вслѣдствіе размокшей почвы, довольно тяжелый, почему для большей быстроты движенія отрядъ былъ раздѣленъ на двѣ колонны, изъ которыхъ одна была поручена Куропаткину.

Никогда ни въ одномъ изъ военачальниковъ я не замѣчалъ такой „щепетильной“ заботливости о правильности и безопасности движенія отряда. Обыкновенно бываетъ такъ, что высшіе начальники, оставаясь при войскахъ, когда имѣется въ виду встрѣча съ непріятелемъ, оставляютъ ихъ на попеченіе своихъ подчиненныхъ и уѣзжаютъ впередъ при обратномъ движеніи, т. е. тогда, когда никакой случайности нельзя уже предвидѣть.

Понятно, что всякому хочется поскорѣе добраться домой, согрѣться, обсушиться и пообѣдать. У Скобелева было не такъ; имѣя, какъ надо полагать, за правило раздѣлять съ подчиненными не только опасности, но и всѣ мелкія невзгоды и непріятности военной жизни и при томъ, зная по опыту, что отсутствіе начальника можетъ быть поводомъ къ нарушенію порядка, всегда необходимаго при какомъ бы то ни было передвиженіи войска, онъ неослабно наблюдалъ за всѣмъ.

Обратный путь потребовалъ не менѣе трехъ часовъ; въ теченіе этого времени Скобелевъ разъ пять обгонялъ колонну, проѣзжая стороной по такимъ рытвинамъ и водомоинамъ, гдѣ только такому привычному коню, какъ его сѣрый арабъ, было подъ силу справляться со всѣми препятствіями, обходя ихъ или перескакивая; мнѣ же, неотступно сопровождавшему его, приходилось не одинъ разъ попадать въ какую-нибудь яму и съ трудомъ изъ нея выкарабкиваться. Обогнавъ колонну, Скобелевъ останавливался и пропускалъ ее мимо себя до самаго хвоста. Каждому изъ проходившихъ мимо ротныхъ командировъ онъ дѣлалъ какой-нибудь вопросъ: готовятъ ли въ лагерѣ горячую пищу для людей, у всѣхъ ли есть башлыки и т. п.

„Все это штуки“ говорили зоилы; но, допустимъ даже, что это была дѣйствительно напускная, но не искренняя заботливость о здо-

ровьѣ и удобствахъ своихъ солдатъ; все же для пользы дѣла, онъ въ сто кратъ лучше того величественнаго индифферентизма, съ которымъ другіе высшіе военачальники относятся къ подобнымъ „не заслуживающимъ вниманія“ мелочамъ, и не за эти ли именно мелочи Скобелевъ пріобрѣлъ ту беззавѣтную преданность солдатъ, доходившую, какъ всѣмъ извѣстно, до фанатизма: „съ такимъ анераломъ и умирать не жалко“, говорили они, и дѣйствительно, смерть сама по себѣ, какъ неизбѣжная участь каждаго, страшна весьма немногимъ и въ такомъ отвратительномъ дѣлѣ, какъ война, всѣ поневолѣ съ нею осваиваются, убивая другихъ и себя подвергая участи быть убитымъ.

Тяжелы на войнѣ неудобства и лишенія: холодъ, голодъ, отсутствіе должнаго ухода за больными и ранеными и т. д.; понятно поэтому, что милъ и дорогъ солдату тотъ начальникъ, который заботится о немъ, пренебрегая личными своими удобствами.

Личная храбрость вовсе не добродѣтель (хотя, конечно, и не порокъ, какъ находятъ иные). Она зависитъ отъ крѣпости нервовъ, которая дается природой, но странное дѣло, я всегда замѣчалъ, что крѣпко-нервные, по отношенію къ личнымъ опасностямъ и страданіямъ, оказываются наиболѣе слабо-нервными, когда дѣло идетъ о чужихъ страданіяхъ, и наиболѣе имъ сочувствуютъ.

Я видѣлъ много храбрыхъ на своемъ вѣку... видѣлъ и не храбрыхъ; первые дѣлили съ солдатами послѣдній грошъ, чтобы чѣмъ-либо скрасить его неприглядное существованіе, а вторые, въ большинствѣ случаевъ, наживались, урѣзывая необходимое у того же солдата [1]).

Однако я вижу, что мнѣ приходится извиниться предъ читателемъ за слишкомъ длинныя свои философствованія и потому возвращаюсь къ разсказу.

Пропустивъ мимо себя всю колонну, Скобелевъ всякій разъ посылалъ назадъ кого-либо изъ ординарцевъ, чтобы удостовѣриться, не окажется ли отставшій на пройденномъ пути.

Казалось бы, излишняя заботливость, такъ какъ за отрядомъ слѣдовали санитарные фургоны, которые могли подобрать отставшаго. Однако, случилось такъ, что на этотъ разъ предосторожность оказалась не лишнею; одинъ молодой солдатикъ изъ новобранцевъ, изнуренный безкормицей въ теченіе цѣлаго дня и продолжительной ходьбою по грязи, постыдившись, какъ надо полагать, присѣсть въ санитарный фургонъ, свернулъ съ дороги въ кусты, прилегъ и захрапѣлъ,

---

[1]) Конечно, нѣтъ правила безъ исключеній; бываютъ жестокосердные храбрецы и мягкосердные трусы, но и то и другое встрѣчается рѣдко.

такъ что посланный ординарецъ нашелъ его въ кустахъ по храпу, догналъ задній фургонъ и приказалъ подобрать отсталаго, избавивъ, быть можетъ, его отъ болѣзни, вслѣдствіе такого неудобнаго ночлега [1]).

Было около полуночи, когда мы добрались до лагеря. Скобелевъ, пригласивъ всѣхъ спутниковъ въ большую ярко освѣщенную палатку, служившую общей столовой, поѣхалъ къ себѣ, чтобы переодѣться. Такъ какъ прошло около четверти часа, и онъ не возвращался, то я, ощущая нѣкоторое нетерпѣніе отъ голода, спросилъ у одного изъ его ординарцевъ, гдѣ же вашъ генералъ, неужели ему ѣсть не хочется.

— Должно быть, поѣхалъ къ котламъ, чтобы убѣдиться, все ли въ порядкѣ, отвѣчалъ мнѣ тотъ, добавивъ съ улыбкой: „это съ нами бываетъ".

Можно опять сказать „фокусъ", о которомъ я, впрочемъ, и не догадался бы, если бы не получилъ приведеннаго выше разъясненія.

Пусть говорятъ о Скобелевѣ, что хотятъ... Пусть одни видятъ въ немъ геніальнаго полководца, а другіе, не имѣя возможности отрицать военныхъ его способностей, обвиняютъ его въ наклонности къ сценическимъ эффектамъ, не подлежитъ, однако, сомнѣнію, что высшіе начальники должны бы были брать съ него примѣръ, хотя бы для того, чтобы солдату съ такимъ анераломъ и умирать было не жалко.

О другомъ цѣломъ днѣ, проведенномъ мною со Скобелевымъ, 28-го ноября, я разскажу позже, теперь же благо зашла рѣчь о фокусахъ—упомяну еще объ одномъ, очень позабавившемъ государя, но возбудившемъ въ завистникахъ жесточайшее озлобленіе.

Когда было получено у насъ извѣстіе о взятіи Карса, государь замѣтилъ въ разговорѣ за обѣдомъ, что не мѣшало бы дать знать объ этомъ защитникамъ Плевны, чтобы вселить въ нихъ мысль о безполезности дальнѣйшаго сопротивленія.

Посылать объ этомъ оффиціальное сообщеніе было найдено не совсѣмъ приличнымъ и при томъ не вполнѣ достигающимъ цѣли, такъ какъ такое сообщеніе осталось бы, по всей вѣроятности, извѣстнымъ одному лишь Осману-пашѣ и его приближеннымъ, а скрыто отъ всѣхъ прочихъ. Приходилось пошевеливать мозгами, почему всѣ принялись за измышленіе различныхъ способовъ увѣдомить Плевненскій гарнизонъ о крупномъ торжествѣ нашего оружія. Придумали, наконецъ, слѣдующее: назначить день для благодарственнаго молебна, который долженъ быть отслуженъ одновременно на всѣхъ окружавшихъ Плевну реду-

[1]) Это дѣйствительный, а не мною вымышленный фактъ, какъ могутъ подумать.

тахъ, съ пѣніемъ и музыкой, а затѣмъ послѣ небольшаго промежутка—одновременный залпъ орудій на всѣхъ нашихъ редутахъ и батареяхъ. Эффектъ ожидался поразительный. Упустили при этомъ изъ вида лишь то, что Плевна находилась далеко не въ центрѣ нашего обложенія, разстилавшагося на протяженіи около 50 верстъ, и что потому звукъ выстрѣловъ достигнетъ до нея не одновременно, а съ болѣе или менѣе значительными промежутками, такъ что звуковаго эффекта не получилось.

Государь присутствовалъ на молебнѣ, отслуженномъ придворнымъ духовенствомъ на Императорскомъ редутѣ чрезвычайно торжественно; когда наступила минута залпа, то полнѣйшее его фіаско сразу обнаружилось: этотъ редутъ находился въ разстояніи отъ Плевны не болѣе 2-хъ верстъ, почему эффектъ залпа въ ней и у насъ долженъ былъ получиться почти одинаковый, между тѣмъ мы никакого залпа не слыхали и звукъ выстрѣловъ достигалъ до насъ съ очень большими промежутками и при томъ постепенно ослабѣвая по мѣрѣ увеличенія разстоянія. Эта неудача не помѣшала намъ отлично позавтракать, но, говорятъ, что государь выразилъ неудовольствіе результатомъ.

Между тѣмъ Скобелевъ, никого не предупредивъ, приготовилъ къ ночи слѣдующаго дня такую „штуку“: въ теченіе дня у него устроили транспарантъ громадныхъ размѣровъ съ лаконической надписью турецкими буквами „Карсъ взятъ“, и когда наступила ночь, то этотъ транспарантъ, перенесенный къ передовымъ нашимъ ложементамъ на Зеленой Горѣ, былъ освѣщенъ и на длинныхъ шестахъ поставленъ перпендикулярно.

При этомъ соблюдалась полнѣйшая тишина; было даже приказано не отвѣчать на выстрѣлы непріятелямъ ложементовъ, стоявшихъ мѣстами отъ турецкой цѣпи въ 100—150 шаговъ, почему и турки замолкли.

Въ первыя минуты послѣ того, какъ транспарантъ былъ приведенъ въ вертикальное положеніе, тишина не была нарушена, но вслѣдъ затѣмъ въ рядахъ непріятеля послышался неистовый гамъ и тучи пущенныхъ ими пуль мгновенно разнесли транспарантъ въ лохмотья. Тогда хоръ нашихъ музыкантовъ заигралъ въ нашихъ ложементахъ народный гимнъ, сопровождаемый такимъ дружнымъ ура, что имъ былъ заглушенъ звукъ выстрѣловъ.

Такимъ образомъ штука удалась какъ нельзя лучше, и эта удача привела очень многихъ въ бѣшенство.

„На такія шутки онъ мастеръ“, говорили эти многіе, но, мнѣ кажется, что если бы мастерство Скобелева однимъ этимъ и ограничивалось, то у него легко нашлись бы конкурренты. Горе лишь въ

томъ, что конкуррировать съ нимъ въ другаго рода „шуткахъ" было далеко не столь же легкимъ дѣломъ.

Вообще говоря, зависть и мелкое соперничество между нѣкоторыми изъ нашихъ высшихъ военачальниковъ доходили иногда до смѣшнаго. Разскажу по этому поводу одинъ случай.

При одномъ объѣздѣ нашихъ позицій на Артиллерійской Горѣ одинъ субалтернъ-офицеръ, занимавшій со взводомъ на оконечности этой горы небольшой шеханьчикъ, извѣстный у насъ подъ наименованіемъ „пупъ", сообщилъ Зотову, что наши стрѣлки, занимающіе ровикъ у подножія этого шехана, ежедневно подвергаются чрезвычайно мѣткимъ выстрѣламъ какого-то искуснаго стрѣлка (по предположенію нашихъ солдатъ, англичанина), убивающаго или ранящаго по одному, или по два нашихъ ежедневно.

Этотъ „просвѣщенный мореплаватель" забирался всякій день около 9-ти часовъ утра на противоположную шехану возвышенность и изъ устроеннаго тамъ маленькаго парапета съ двумя бойницами упражнялся въ стрѣльбѣ по живой мишени. Съ наступленіемъ сумерекъ англичанинъ уходилъ и до другаго дня не возвращался.

Трехъ-пушечная наша батарейка, поставленная около шехана, ничего не могла сдѣлать, такъ какъ парапетикъ былъ отъ нея закрытъ шеханомъ, углубленіе же нашего ровика и прокладка по насыпи туровъ или фашинъ не достигали цѣли, такъ какъ „англичанинъ" стрѣлялъ съ большой возвышенности и при томъ пользовался тѣми минутами, когда производилась смѣна нашихъ стрѣлковъ, или же когда по какимъ-либо причинамъ имъ приходилось подняться на ноги. Къ этому сообщенію разсказчикъ добавилъ, что, такъ какъ ночью парапетикъ этотъ никѣмъ не занятъ, то командиръ его роты просилъ разрѣшенія начальника дивизіи генерала Бѣлокопытова заложить ночью подъ парапетикомъ фугасъ и взорвать его на другой день, когда присутствіе въ немъ искуснаго стрѣлка будетъ замѣчено. Разрѣшеніе, однако, не послѣдовало.

Выслушавъ все это, Зотовъ поручилъ мнѣ переговорить съ упомянутымъ выше ротнымъ командиромъ [1]) и если, по осмотрѣ мѣстности, дѣло окажется удобоисполнимымъ, то испросить отъ его имени въ инженерномъ паркѣ все нужное для взрыва.

Утромъ на другой день иду къ начальнику инженеровъ генералу Ретлингеру съ просьбой отъ имени Зотова объ отпускѣ изъ парка одного динамитнаго патрона и 200 саженъ проводника, такъ какъ взрывъ могъ быть безопасно произведенъ на этомъ разстояніи, но

[1]) Фамилію позабылъ, а въ прилагаемой запискѣ, мною отъ него полученной, она написана такъ неразборчиво, что прочесть ее теперь оказалось невозможнымъ.

такъ какъ Ретлингеръ не могъ этого сдѣлать безъ разрѣшенія Тотлебена, то онъ обѣщалъ мнѣ прислать не позже вечера того же дня приказъ парку объ отпускѣ требуемаго, что и было имъ исполнено.

Ѣду въ паркъ, гдѣ, не заставъ главнаго его начальника, получаю обѣщаніе, что на другой день все нужное будетъ мнѣ отпущено. Опять ѣду на другой день, но тогда оказалось, что динамитные патроны и проводники имѣются, но недостаетъ какой-то деревянной трубки, безъ которой взрывъ невозможенъ.

Признаюсь, что у меня явилось подозрѣніе въ умышленномъ придумываніи препятствій: возможное ли дѣло, думалось мнѣ, чтобы въ паркѣ имѣлось все нужное для производства взрывовъ и не было необходимыхъ для этого принадлежностей. Но вспомнивъ, что въ это время былъ присланъ къ намъ морскимъ вѣдомствомъ лейтенантъ Рюминъ для испытанія какихъ-то вновь придуманныхъ динамитныхъ ракетъ, я сейчасъ же отправился къ нему какъ спеціалисту за совѣтомъ.

Оказалось, что эти деревянныя трубки дѣйствительно необходимы, но что съ Рюминымъ пріѣхалъ матросъ, который можетъ изготовить таковую не далѣе какъ къ завтрашнему или послѣзавтрашнему вечеру, при чемъ считаю долгомъ заявить, что бравый лейтенантъ горячо взялся за это дѣло съ условіемъ его личнаго участія въ предпріятіи

На другой же день трубочка была изготовлена; ѣду съ ней въ паркъ, гдѣ она оказалась вполнѣ пригодной, но тутъ явилось новое препятствіе; въ паркѣ остается всего лишь сто саженъ проводника, а такъ какъ они должны быть сохранены, для подготовляемаго румынами взрыва одного турецкаго редутика, находящагося въ близкомъ разстояніи отъ занимаемаго ими Гривицкаго редута, то начальникъ парка считаетъ долгомъ увѣдомить объ этомъ Ретлингера и выдастъ мнѣ требуемое количество проводника лишь въ случаѣ подтвержденія даннаго разрѣшенія.

Считаю необходимымъ замѣтить, что Тотлебенъ относился крайне скептически къ предполагавшемуся взрыву румынами турецкаго редута: находилъ его совершенно ненужнымъ и даже по этому поводу подтрунивалъ, почему я имѣлъ причины думать, что въ отпускѣ мнѣ 200 саженъ изъ имѣвшихся на лицо 1.000 саженъ проводника мнѣ не будетъ отказано. Оказалось, однако, не то. Послѣ доклада Тотлебену обстоятельствъ дѣла, я получилъ записку слѣдующаго содержанія: предъявителю сего выдать четыреста мѣшковъ изъ депо у редута № 33 [1]).

---

[1]) Мѣшками, набитыми землей, замѣняютъ туры для защиты ровиковъ отъ ружейныхъ выстрѣловъ.

Въ этихъ мѣшкахъ не было никакой надобности, такъ какъ уже выше было мною сказано, что закрыть мѣшками ровики у шеханьчика не представлялось возможнымъ, почему записку эту я положилъ въ карманъ.

Когда я сообщилъ обо всемъ этомъ Зотову, то онъ улыбнулся и сказалъ: я такъ и думалъ, что этимъ кончится.

И въ самомъ дѣлѣ можно ли было ожидать, что какое-либо предпріятіе, задуманное Зотовымъ, могло бы быть допущено. Вѣдь въ случаѣ удачи, государь и великій князь были бы этой удачей довольны и кредитъ Зотова могъ бы возстановиться, хотя бы только отчасти, чего съ извѣстной точки зрѣнія допускать не слѣдовало.

Основательность этого соображенія подтверждается слѣдующимъ: 1) Зотову не отказали прямо, такъ какъ изъ такого отказа могъ бы произойти скандалъ, но свели дѣло на нѣтъ, при помощи цѣлаго ряда отговорокъ; 2) разрѣшеніе на выдачу мѣшковъ имѣло видъ злаго сарказма, такъ какъ если бы мѣшками можно было защищать наши ровики, то Зотовъ, не прибѣгая къ взрыву, долженъ бы былъ самъ ихъ истребовать; 3) дня за два до окончательнаго отказа полковникъ Розгоновъ, состоявшій въ штабѣ Тотлебена, при встрѣчѣ со мной на улицѣ, сказалъ мнѣ: „охота вамъ браться за это дѣло. Если хотите, то мы можемъ поручить вамъ кое-что болѣе заманчивое", и, наконецъ, 4) во время игры въ пикетъ съ начальникомъ штаба Тотлебена, съ княземъ Имеретинскимъ, произошло слѣдующее: въ его комнату привели для личнаго допроса турецкаго перебѣжчика, оказавшагося очень молодымъ, красивымъ и интеллигентно развитымъ унтеръ-офицеромъ. Когда допросъ окончился и мы остались вдвоемъ, то, продолжая игру, милѣйшій князь, забирая прикупку, карта за картой и приговаривая согласно своей привычкѣ: „гадость и опять гадость", внезапно остановился и, обращаясь ко мнѣ, сказалъ: „ну, не гадость ли въ самомъ дѣлѣ взрывать такихъ молодцовъ на воздухъ".

Не знаю, забылъ ли онъ, что играетъ со мной, или же хотѣлъ объяснить причину отказа въ пособіяхъ предпринятаго Зотовымъ взрыва, но я отвѣтилъ ему: согласитесь, однако, князь, что не красиво также устраивать тиръ по людямъ и что „à la guerre, comme à la guerre" за смерть своихъ совершенно законно и справедливо отплатить смертью непріятеля, прекращая вмѣстѣ съ тѣмъ отвратительную забаву какого-то искуснаго стрѣлка, да еще, какъ говорятъ, англичанина.

Добрѣйшій и чрезвычайно мягкаго и симпатичнаго характера князь Имеретинскій ничего не отвѣчалъ; углубился въ карты и началъ считать взятки.

Выводъ изъ всего сказаннаго получается такой: хотя взрывъ ка-

кого-то парапетика не представляется въ военномъ отношеніи особенно важнымъ дѣломъ, но важно то, что какому-то англичанину (или пусть даже будетъ турку) предоставили безнаказанно убивать и калѣчить нашихъ изъ-за того только, чтобы Зотову не удалось обратить на себя вниманіе государя и главнокомандующаго, такъ какъ весьма похвальное гуманное участіе къ непріятелю не должно было бы препятствовать охраненію своихъ солдатъ и въ разсказанномъ случаѣ не можетъ служить оправданіемъ.

Повторяю еще разъ, война—пакостное дѣло, но по русской пословицѣ, „коли взялся за гужъ, не говори, что не дюжъ", и своимъ альтруистическимъ мягкосердіемъ нельзя оправдывать невниманія къ собственной защитѣ, очевидно, поэтому, что тутъ не мягкосердіе играло роль, а желаніе поставить ножку антипатичному сверстнику.

Чтобы показать, до какой степени радовала государя всякая удача, а въ особенности, если она была послѣдствіемъ удали и отваги и, съ другой стороны, какъ долго помнилъ онъ тѣ случаи, когда отсутствіе удали обнаруживалось, я разскажу слѣдующій эпизодъ, при которомъ мнѣ довелось присутствовать.

Во время одного изъ обычныхъ завтраковъ на Императорскомъ редутѣ былъ подведенъ къ этому редуту батальонъ пѣхоты, какъ надо полагать для его охраны, чего прежде и послѣ никогда не дѣлалось. Офицеры этого батальона были, по приказанію государя, приглашены къ завтраку, но, войдя въ редутъ, когда государь сидѣлъ уже за столомъ, а всѣ мы разсѣлись и разлеглись около скатерти, они не присоединились къ намъ, а сбились въ кучку въ самомъ отдаленномъ углу редута. Замѣтивъ это, государь всталъ, скомкалъ салфетку и съ нѣкоторымъ неудовольствіемъ, положивъ ее на столъ, подошелъ быстрыми шагами къ группѣ офицеровъ и сказалъ: „что же вы, господа, не садитесь. Вѣдь они тамъ все съѣдятъ. Ничего вамъ не оставятъ".

Надо было видѣть, съ какой быстротой все около нашей скатерти зашевелилось; важнѣйшіе тузы стали приглашать къ себѣ въ сосѣди этихъ новыхъ гостей, наливать имъ рюмки и угощать радушно.

По окончаніи завтрака государь вновь подошелъ къ группѣ тѣхъ же офицеровъ, опять столпившейся въ углу редута, и, затягиваясь папироской, весело сказалъ: „а вы слышали, господа, какъ вчера мои уланы отличились. Безъ артиллеріи и пѣхоты Врацу взяли, выбивъ изъ нея турокъ... Это не то, что вашъ Лошкаревъ", добавилъ онъ съ раздраженіемъ.

Это былъ намекъ на разсказанный мною выше случай, когда Лошкаревъ (по мнѣнію нѣкоторыхъ, въ сущности же Крыловъ) пропустилъ безъ выстрѣла турецкій отрядъ, конвоировавшій разные запасы въ Плевну.

*

Правдолюбивый Зотовъ не вытерпѣлъ, взялъ подъ козырекъ и дерзнулъ возстановить истину, сказавъ: „Не Лошкаревъ, а Крыловъ, ваше императорское величество“.—„Лошкаревъ“, повторилъ государь.— „Не Лошкаревъ, а Крыловъ“, повторилъ также Зотовъ.

Всѣ присутствовавшіе взглянули на Зотова съ изумленіемъ и ожидали очень плачевныхъ послѣдствій отъ этой выходки, но его спасли уланы, взявшіе накануне Врацу; государь затянулся еще разъ папироской и, роняя ее на землю, промолвилъ: „ну все равно, Лошкаревъ или Крыловъ, тутъ дѣло не въ этомъ, а въ подвигѣ моихъ улановъ“.

Извѣстно было всѣмъ приближеннымъ, что государь, несмотря на доброту и мягкость своего характера, не выносилъ подобно всѣмъ вѣнценосцамъ противорѣчія, но вчерашняя удача сдѣлала его еще болѣе милостивымъ.

Не могу умолчать здѣсь объ одномъ маленькомъ эпизодѣ, послѣдовавшемъ за вышеизложеннымъ.

Докуривъ, какъ я сказалъ, папироску и уронивъ ее на землю, государь взялъ изъ портъ-сигара другую и, держа ее въ правой рукѣ, ждалъ огня. Стоявшій прямо противъ него офицеръ выхватилъ изъ кармана спички и протянулъ зажженную къ государю. Тогда государь, наклонившись съ папироской къ огню, подалъ лѣвой рукой свой открытый портъ-сигаръ прислужившемуся офицеру, но тотъ взять папиросы не рѣшался—то поднималъ, то опускалъ руку.

— Что же вы не берете, сказалъ очень серьезно государь,—папиросы хорошія.

Громко разсмѣяться по поводу этой шутки никто не осмѣлился, но у всѣхъ на устахъ расцвѣла радостная улыбка умиленія.

Конечно, у весьма многихъ улыбка эта была вызвана юмористическимъ объясненіемъ колебаній офицера, не рѣшавшагося будто-бы взять предлагаемую папироску по недовѣрію къ ихъ доброкачественности, но большинство было порадовано хорошимъ настроеніемъ духа всѣми любимаго царя, тѣмъ болѣе, что такое настроеніе было во все предшествовавшее время далеко не обычнымъ дѣломъ.

Цѣлый рядъ неудачъ подъ Плевной и постоянная тревога за будущее не могли веселить государя, и хотя съ прибытіемъ значительныхъ подкрѣпленій положеніе дѣла измѣнилось къ лучшему, но сдача Плевны все-таки затягивалась. Очень многіе стали терять терпѣніе, поговаривали о необходимости штурма для ускоренія развязки. Утверждали даже, что великій князь главнокомандующій раздѣляетъ также это мнѣніе, но надо отдать справедливость Тотлебену, что, рѣшивъ обойтись безъ этой крайней мѣры, онъ твердо стоялъ на своемъ.

Когда около половины ноября было получено извѣстіе о дѣлѣ подъ Бѣлой, въ которомъ турки имѣли временный успѣхъ и угро-

жали занятіемъ Тырнова, поставивъ такимъ образомъ нашу западную армію между двумя турецкими, то говорили, что даже государь, все это время склонявшійся къ мнѣнію Тотлебена, сталъ подумывать о необходимости штурма и намекнулъ объ этомъ Тотлебену.

— Я старый солдатъ, привыкшій къ повиновенію, отвѣчалъ послѣдній,—и потому исполню все то, что будетъ мнѣ приказано.

Но, вернувшись домой, онъ, слѣзая съ коня, оступился, вывихнулъ ногу и слегъ въ постель.

Пролежалъ онъ, такимъ образомъ, два или три дня, но когда изъ Тырнова было получено донесеніе о полнѣйшемъ фіаско Сулеймана, отбитаго войсками съ большими у турокъ потерями, то государь, посѣтившій въ тотъ же день больнаго съ передачей ему полученнаго извѣстія, мгновенно поднялъ его на ноги.

Твердость, высказанная въ этомъ случаѣ Тотлебеномъ, выше всякихъ похвалъ, и много говорить по этому поводу не приходится, такъ какъ результаты вполнѣ подтвердили правильность его взгляда; не прошло двухъ недѣль, и Плевна очутилась въ нашихъ рукахъ.

VII.

Сдача Плевны.—Причина моей болтовни о личныхъ моихъ похожденіяхъ въ этотъ день.—Погоня моя за Скобелевымъ.—Положеніе дѣлъ за рѣкой Видъ, въ минуту его и моего прибытія туда.—Торжественная минута.—Бѣлый флагъ.—Зрѣлище у моста.—Переговоры.—Неудавшаяся попытка генерала Струкова.—Картина Плевненской лощины.—Грабители-румыны.—Сдача турецкаго оружія.—Ночное мое путешестіе.—Видъ поля сраженія на другой и третій день.

День 28-го ноября, т. е. день сдачи Плевны навсегда останется въ моей памяти. Далеко не будучи партизаномъ войны, я тѣмъ не менѣе долженъ сознаться, что по слабости человѣческой натуры, или же, правильнѣе сказать, вслѣдствіе какой-то ея раздвоенности, я такъ былъ увлеченъ всеобщимъ энтузіазмомъ, что этотъ день пролетѣлъ для меня, какъ одна минута, хотя въ теченіе этого дня я испыталъ очень много разнообразныхъ ощущеній.

Громъ пушекъ, ружейная трескотня, движеніе войскъ и крики ура производили какое-то опьяняющее дѣйствіе, вслѣдствіе чего трупы убитыхъ и стоны раненыхъ представляются какимъ-то необходимымъ аксессуаромъ, на который обращаешь мало вниманія. Только на другой день появляется реакція: торжественное отступаетъ на задній планъ, а грустное и печальное замѣняетъ его мѣсто.

Записывая мои воспоминанія объ этомъ днѣ, я буду говорить

лишь о томъ, что лично видѣлъ и слышалъ, но такъ какъ многое изъ видѣннаго мною находится въ рѣзкомъ противорѣчіи съ нѣкоторыми распространившимися впослѣдствіи слухами, то я считаю нужнымъ забѣжать впередъ и сообщить здѣсь о тѣхъ невѣрныхъ и злостныхъ росказняхъ, которыя мнѣ пришлось опровергать мѣсяца два позже.

Въ январѣ 1878 г. пріѣхалъ въ Тырново состоявшій при великомъ князѣ, главнокомандующемъ генеральнаго штаба генералъ-маіоръ Тихменевъ, о доблестяхъ котораго я уже упоминалъ выше. Въ пріятельской бесѣдѣ за вечернимъ чаемъ онъ, въ присутствіи трехъ генераловъ, одного капитана и меня, разсказалъ слѣдующее [1]):

— А слышали вы, господа, такъ началъ онъ, — какую Скобелевъ выкинулъ 28-го ноября штуку... Объ этомъ, добавилъ онъ, — упомянуто даже въ реляціи Тотлебена. Когда Малороссійскому полку пришлось отбивать атаку цѣлой массы турокъ, то Ганецкій послалъ приказаніе дивизіи Каталея идти на поддержку, но Скобелевъ задержалъ движеніе этихъ войскъ, лишивъ ихъ возможности исполнить приказаніе Ганецкаго и поддержать атакованные гренадерскіе полки. Этого мало, добавилъ Тихменевъ,—тотъ же хваленый „бѣлый генералъ“ пытался было предвосхитить у Ганецкаго честь принятія шпаги у Османа.

Первое изъ этихъ сообщеній имѣло нѣкоторое подобіе правды, хотя искаженной до невѣроятности, почему я сейчасъ же рѣшился сдѣлать къ нему необходимую поправку, но второе было ничѣмъ инымъ, какъ гнусной ложью, почему я не вытерпѣлъ и громко сказалъ: „первое сообщеніе ваше, генералъ, не точно, а второе—чистѣйшая ложь“.

Тихменевъ вспыхнулъ и грозно посмотрѣлъ на меня, но добродушный и находчивый Новицкій немедленно успокоилъ его, объяснивъ, что сказанное мною рѣзкое слово, очевидно, относится не къ нему, а къ первоначальному распространителю этого слуха:

— Вы, батенька, съ Павломъ Максимовичемъ, т. е. со мною, не спорьте, добавилъ онъ, — такъ какъ онъ весь этотъ день былъ при Скобелевѣ, пусть лучше онъ разскажетъ намъ, какъ было дѣло.

Тихменевъ успокоился, сложилъ руки на груди и сказалъ:

— Ну, пожалуйста, разскажите.

Послѣ этого я въ короткихъ словахъ объяснилъ все то, что будетъ изложено ниже съ большими подробностями, которыя безъ объясненія ихъ причины могли бы показаться излишними.

Вставъ съ постели 28-го ноября, по обыкновенію моему, очень

[1]) Новицкій, Немира, Бодиско, Гринфельдъ.

рано, я услышалъ частые пушечные выстрѣлы и ружейную пальбу по направленію Скобелевскаго отряда.

Взявъ съ разрѣшенія Зотова также уже проснувшихся двухъ казаковъ, я поскакалъ на Зеленыя Горы; оказалось, что тамъ все было тихо и что войска Скобелева двинулись впередъ. Выѣхавъ на Кришинскую равнину, мы увидѣли, что на ней нѣтъ нашихъ, почему, укоротивъ поводья, поѣхали рысью къ Кришинскимъ редутамъ. Едва проѣхали мы около полуверсты, какъ одинъ изъ моихъ казаковъ замѣтилъ, что эти редуты заняты нашими, послѣ чего, удостовѣрившись при помощи бинокля въ зоркости моего спутника, я пустился вскачь. Такимъ образомъ, я очутился на Кришинскомъ редутѣ, не позже четверти часа послѣ выѣзда моего изъ Тученицы. Здѣсь я узналъ: 1) что турецкій перебѣжчикъ, а можетъ быть лазутчикъ, состоявшій на жалованіи у Скобелева, извѣстилъ его еще ночью, что почти всѣ турецкія войска двинуты къ рѣкѣ Видъ и что тамъ устроенъ другой временный мостъ, изъ чего было ясно, что Османъ рѣшился прорваться силой сквозь окружавшее его кольцо; 2) что объ этомъ Скобелевъ далъ знать ночью же въ главную квартиру и Тотлебену [1]); 3) что на разсвѣтѣ Скобелевъ двинулъ войска къ Кришинскимъ редутамъ и занялъ ихъ безъ выстрѣла, и 4) что, пославъ на разсвѣтѣ одну бригаду къ переправѣ черезъ рѣку Видъ у Трнины, онъ, въ сопровожденіи свиты, поѣхалъ туда же минутъ за десять передъ тѣмъ. Терять время на дальнѣйшіе разспросы было некогда, почему, написавъ коротенькую записку къ Зотову и отославъ ее съ однимъ изъ казаковъ, я поскакалъ по знакомой мнѣ балкѣ, ведущей прямо къ Трнинѣ вдоль турецкихъ редутовъ, расположенныхъ по правой ея сторонѣ.

Почти всѣ эти редуты были уже пусты, и только изъ послѣдняго было сдѣлано въ насъ нѣсколько ружейныхъ выстрѣловъ, не задѣвшихъ ни меня, ни сопровождавшаго меня казака.

Проѣзжая вбродъ черезъ рѣку Видъ, я повстрѣчалъ какого-то доктора, сопровождавшаго санитарные фургоны съ ранеными, отъ котораго узналъ, что Скобелевъ переѣхалъ рѣку тутъ же не болѣе одной минуты тому назадъ и, дѣйствительно, поднявшись на маленькую возвышенность, окаймлявшую рѣчку по другую ея сторону, я увидѣлъ группу всадниковъ съ бѣлымъ значкомъ впереди, быстро подвигавшуюся къ Орханійскому шоссе.

Убѣдившись такимъ образомъ, что догнать Скобелева мнѣ будетъ очень легко, я рѣшился потратить нѣсколько минутъ для обозрѣнія

---

[1]) Надо думать, что этому сообщенію не повѣрили, такъ какъ никакихъ распоряженій не послѣдовало.

мѣстности, съ цѣлью составить себѣ понятіе о положеніи дѣла, почему, свернувъ вправо, я поскакалъ къ одному изъ нашихъ редутовъ, бывшему не далѣе 200—300 шаговъ отъ меня и посылавшему снаряды вдоль рѣчки.

Вооружившись биноклемъ, я съ высоты редута увидѣлъ слѣдующее: мостъ на рѣкѣ Видъ насупротивъ Плевненской лощины весь запруженъ какими-то безформенными массами, до такой степени перепутанными, что, несмотря на очень хорошую мою зрительную трубку, разсмотрѣть ее было нельзя. На той части лощины за мостомъ, которая была мнѣ видна, столпились массы турокъ, не представлявшихъ изъ себя стройнаго войска, а какую-то смѣсь людей, лошадей, фургоновъ, орудій, зарядныхъ ящиковъ и т. п. По другую сторону рѣки, на той площади, гдѣ за нѣсколько минутъ передъ тѣмъ шелъ по словамъ старшаго на редутѣ офицера оживленный бой, гарцовали, отступая къ мосту, какіе-нибудь 200—300 башибузуковъ и виднѣлись то тамъ, то сямъ сломанные арбы и фургоны съ лежащими на землѣ убитыми или ранеными буйволами, бывшими въ запряжкѣ этихъ арбъ и фургоновъ. Со всѣхъ нашихъ редутовъ, окружавшихъ равнину, непрерывно сыпались гранаты, на сбившіяся за мостомъ массы и отчасти на разсѣянныхъ на площади башибузуковъ.

Очевидно было, что сраженіе возобновиться не можетъ, такъ какъ армія Османа находилась въ полномъ разстройствѣ, если неожиданнная атака турокъ была блистательно отражена двумя нашими полками, то чего же могли они ожидать теперь, когда всѣ наши войска были наготовѣ. Впрочемъ, и самъ Османъ-паша о вторичныхъ наступательныхъ дѣйствіяхъ, повидимому, не помышлялъ, такъ какъ отступилъ не къ рѣкѣ Видъ, а на другую сторону рѣчки.

Единственно, на что турки могли еще надѣяться, это сильная диверсія изъ Орханіе, но и эта надежда, если она входила въ рассчеты Османа, удерживавшаго до послѣдней минуты всѣ редуты надъ Видомъ, не осуществилась.

Изъ сказаннаго выше очевидно, что, если Скобелевъ дѣйствительно остановилъ Каталея, шедшаго, какъ говорилъ Тихменевъ, на поддержку гренадеровъ, то сдѣлалъ онъ это въ то время, когда натискъ турокъ былъ уже отраженъ, такъ что гренадеры ни въ чьей поддержкѣ не нуждались, и, слѣдовательно, разсказъ Тихменева, а если онъ соотвѣтствовалъ реляціи Тотлебена, то и послѣдняя представляется искаженіемъ истины.

Когда я присоединился къ свитѣ Скобелева, успѣвшаго доѣхать до Орханійскаго шоссе, то засталъ его у какого-то отряда нашихъ войскъ, гдѣ онъ передавалъ Куропаткину какое-то приказаніе, послѣ котораго послѣдній поскакалъ по направленію къ Плевнѣ. Куда и

зачѣмъ былъ посланъ Куропаткинъ, я не знаю, но полагаю, что ѣздилъ къ Ганецкому для полученія распоряженія относительно ожидавшагося общаго наступательнаго движенія [1]).

Во время отсутствія Куропаткина царило сравнительно всеобщее затишье; канонада продолжалась съ обѣихъ сторонъ, но не усиленная, а со стороны турокъ весьма даже слабая, съ тѣхъ лишь редутовъ и батарей, которыя они удержали за собой на хребтѣ горъ, возвышавшихся надъ Видомъ.

Что касается до насъ, то въ ожиданіи чего-то рѣшительнаго мы всѣ спѣшились и, приплясывая, старались согрѣть коченѣвшіе отъ стужи члены. Вдругъ изъ-за горъ стали доноситься до насъ отдаленные крики ура, изъ чего мы могли заключить, что наши войска, расположенныя по правую сторону рѣки Вида, приближаются. Въ то же время мы увидѣли вправо отъ насъ на окраинѣ горы, господствовавшей надъ Видомъ, густую массу войскъ, подвигавшуюся къ одному изъ турецкихъ редутовъ. Что означало это движеніе?.. Наступленіе ли нашихъ войскъ, или же отступленіе турокъ, я и теперь не знаю, такъ какъ удостовѣриться въ этомъ, при помощи даже зрительной трубки, оказалось невозможнымъ, пространной же реляціи о дѣлѣ 28-го ноября я не читалъ. Во всякомъ случаѣ, минута была торжественная.

Было очевидно, что продолжительной осадѣ Плевны наступилъ конецъ. Молодые офицеры пришли въ неописуемый восторгъ; бросались въ объятія другъ къ другу, поздравляли и жали руки даже у незнакомыхъ; Скобелевъ же сѣлъ на коня и съ видимымъ нетерпѣніемъ чего-то ожидалъ.

Прискакалъ, наконецъ, Куропаткинъ съ отвѣтомъ отъ Ганецкаго, послѣ чего Скобелевъ, обращаясь къ свитѣ, сказалъ: „Господа, кто хочетъ, можетъ ѣхать за мной". Четыре офицера его свиты, къ которымъ присоединился и я, вскочили на коней и въ сопровожденіи конвоя понеслись вслѣдъ за Скобелевымъ по направленію къ Плевнѣ.

Проѣхали мы по шоссе не болѣе версты, какъ встрѣчены были казакомъ съ депешей Ганецкаго къ Скобелеву, по прочтеніи которой онъ обратился къ намъ со словами: „ну, поздравляю васъ, господа, Османъ выставилъ бѣлый флагъ въ знакъ сдачи", и прибавилъ за симъ: „что же, поѣдемъ что ли къ мосту? Вѣдь надо полагать, что турки стрѣлять въ насъ не будутъ". Проѣхавъ еще шаговъ сто, мы увидѣли подъѣзжавшихъ къ шоссе съ лѣвой его стороны генерала Свѣчина и начальника его штаба, которые, по предложенію Скобелева, присоединились къ намъ.

---

1) Изъ послѣдовавшаго за симъ я имѣю причины думать, что Скобелевъ предлагалъ Ганецкому свои услуги при атакѣ гвардейцевъ и гренадеръ.

По мѣрѣ приближенія къ мосту мы все чаще и чаще стали наталкиваться на кучи убитыхъ и раненыхъ турокъ, настигнутыхъ, какъ надо полагать, шрапнелью. Иныя раны представляли ужасный видъ, такъ что въ другое время содрогнулось бы сердце, а тутъ... ничего... смотришь на все это, какъ ни въ чемъ не бывало, поглощенный интересомъ минуты. Какое-то безсознательное равнодушіе овладѣваетъ человѣкомъ, вслѣдствіе, какъ я думаю, предварительной подготовленности ко всевозможнымъ ужасамъ. Въ нихъ ничего нѣтъ непредвидѣннаго, ничего такого, съ мыслію о чемъ не освоился бы заранѣе: вѣдь безъ этого обойтись не можетъ, слѣдовательно, такъ и должно быть.

На каждомъ шагу валялись брошенныя турками ружья, кирки, лопаты и т. п., лежало много подбитыхъ или опрокинутыхъ арбъ и фургоновъ, съ вывалившейся изъ нихъ поклажей. Между прочимъ, я замѣтилъ телеграфные аппараты, кучки проволоки и длинныя размотавшіяся ленты телеграфной бумаги. По всему было видно, что Османъ разсчитывалъ на успѣхъ и собрался въ путь-дорогу обстоятельно.

У самаго моста, на немъ и по другую его сторону былъ сумбуръ невообразимый: мостъ былъ буквально запруженъ сплошною массой фуръ, лафетовъ съ пушками и зарядныхъ ящиковъ, сцѣпившихся между собою колесами и застрявшихъ на мѣстѣ. Одна изъ этихъ фуръ особенно врѣзалась въ моей памяти: изъ двухъ запряженныхъ въ нее буйволовъ одинъ былъ убитъ и, падая, притянулъ къ землѣ голову другаго, смотрѣвшаго на своего убитаго товарища съ какимъ-то тупымъ недоумѣніемъ и ужасомъ. Онъ, видимо, былъ несравненно болѣе, чѣмъ люди, опечаленъ и пораженъ внезапною смертію себѣ подобнаго... Да и не мудрено; вѣдь онъ не сознавалъ всей важности совершившагося историческаго событія, не сознавала этого и лошадь, свалившаяся съ моста и безпомощно болтавшаяся на крѣпкихъ артиллерійскихъ выносахъ.

По обѣимъ сторонамъ рѣки лежали около воды въ разнообразныхъ положеніяхъ убитые и раненые турки; первые, должно быть, доползли кое-какъ сами, чтобы утолить мучительную предсмертную жажду и отдали душу Богу; вторые же обмывали сами себѣ или другъ другу раны и даже перевязывали ихъ оторванными отъ одежды ветошками, посторонняго же ухода не было.

По другой сторонѣ рѣки хаосъ былъ полнѣйшій; разнообразныя части войска перемѣшались, напоминая собою ярмарочную толпу, а вовсе не армію, хотя бы и разбитую. Этому сходству способствовало разнообразіе костюмовъ, отсутствіе ружей у людей, которые ихъ побросали, и виднѣвшіяся среди толпы арбы съ кладью, запряженныя буйволами. Впрочемъ, у самаго почти берега стоялъ лафетъ съ пушкой

въ четырехъ-конной запряжкѣ, но совершенно брошенный на произволъ судьбы, такъ какъ ни ѣздовыхъ, ни орудійной прислуги при немъ не было ни души, а на козлахъ сидѣлъ какой-то черный, какъ смола, оборванецъ и преспокойно чѣмъ-то закусывалъ, поглядывая на насъ своими бѣлыми глазами. За лафетомъ стояла двухъ-колесная арба съ разнымъ домашнимъ хламомъ, въ которомъ хозяйничали баши-бузуки, доискиваясь, какъ надо думать, чего-либо цѣннаго, которымъ можно было бы поживиться.

Далѣе при помощи зрительной трубки можно было видѣть цѣлую вереницу такихъ же арбъ съ кладью и сидящими поверхъ клади дѣтьми и женщинами, собравшимися, какъ видно, послѣдовать за арміей Османа. Для довершенія сходства съ ярмаркой, около этихъ арбъ были разложены костры, у которыхъ люди грѣлись и въ котелкахъ варили пищу.

Простоявъ у моста минутъ 10—15, мы увидѣли подъѣзжающаго къ нему турецкаго офицера на породистой лошади и въ сопровожденіи двухъ трубачей и бѣлаго значка.

— А вѣдь это они приняли насъ за парламентеровъ, сказалъ Скобелевъ, и пока ѣхавшій къ намъ офицеръ медленно пробирался черезъ запруженный мостъ, между Скобелевымъ и Свѣчинымъ произошелъ слѣдующій разговоръ:

— Скажите ему, сказалъ Скобелевъ, что мы не уполномочены вести переговоры, но что можемъ дать ему конвой, для сопровожденія его къ Ганецкому.

— Отчего же я долженъ это сказать, а не вы, возразилъ Свѣчинъ.

— Да хотя бы оттого, что ваша дивизія участвовала сегодня въ дѣлѣ, а я здѣсь сегодня послѣдняя спица въ колесницѣ.

Весь этотъ разговоръ передается мною если не дословно, то съ полной точностью, подчеркнутыя же мною слова—буквальныя.

Изъ этого уже можно видѣть, что Скобелевъ не только не имѣлъ намѣренія предвосхитить у Ганецкаго честь принятія сабли отъ Османа, какъ утверждалъ Тихменевъ, но даже вовсе устранялъ себя отъ какого бы то ни было участія въ переговорахъ. Засимъ возникъ вопросъ, кто будетъ служить переводчикомъ въ разговорѣ съ турецкимъ офицеромъ, но такъ какъ въ немъ я узналъ Тефикъ-бея, съ которымъ я при посылкѣ къ Осману объяснялся на французскомъ языкѣ, то этотъ вопросъ самъ собою разрѣшился.

Когда Свѣчинъ передалъ Тефикъ-бею то, что было условлено, то Скобеловъ, наклонившись къ Свѣчину, сказалъ по-русски: „спросите однако его, имѣетъ ли онъ письменное уполномочіе отъ Османа, такъ какъ безъ этого переговоры съ нимъ будутъ напрасной потерей времени“.

Оказалось, что у Тефикъ-бея уполномочія не имѣлось, но такъ какъ Османъ находился не далѣе 100 шаговъ отъ моста, гдѣ онъ лежитъ, будучи раненъ въ ногу, то можно съѣздить къ нему и, получивъ требуемое, вернуться назадъ черезъ 15—20 минутъ.

Послѣ этого Тефикъ уѣхалъ, а Скобелевъ послалъ казака къ Ганецкому съ извѣщеніемъ о происходившемъ.

Вернулся къ намъ тотъ же парламентеръ скорѣе, чѣмъ мы ждали, и объявилъ, что Османъ-паша не нашелъ нужнымъ давать ему уполномочія на веденіе переговоровъ, такъ какъ „вы побѣдили и поэтому имѣете право предписать условія сдачи, мы же обязаны на нихъ согласиться“.

Оставалось лишь препроводить парламентера къ Ганецкому, но въ эту минуту подскакалъ къ намъ Струковъ и, услышавъ послѣднія слова Тефикъ-бея, спросилъ, о чемъ идетъ рѣчь, и вслѣдъ затѣмъ прибавилъ, что, состоя при великомъ князѣ главнокомандующемъ, онъ можетъ взять на себя переговоры объ условіяхъ сдачи.

Тефикъ взглянулъ на его погоны, которыя оставались еще въ то время прежнія, т. е. полковничьи, пожалъ плечами и промолвилъ „et bien, partons donc s'il vous plait“ (въ такомъ случаѣ поѣдемъ, если вамъ угодно).

Едва ступили они на мостъ, Скобелевъ повернулъ коня назадъ и поскакалъ навстрѣчу къ Ганецкому, который, не торопясь, подъѣзжалъ къ намъ шагомъ и былъ шагахъ въ 200 отъ моста; узнавъ же, въ чемъ дѣло, онъ пришпорилъ коня и вошелъ въ избу, гдѣ находился Османъ, почти одновременно съ Струковымъ.

Оказывается, что если кто-нибудь покушался занять мѣсто Ганецкаго и принять отъ Османа его саблю, то этотъ предпріимчивый генералъ былъ не Скобелевъ, а Струковъ.

Конечно, такому досужему вѣстовщику, какъ Тихменевъ, ошибиться было не трудно; ему сказали, что нѣкій молодой генералъ, фамилія котораго начинается съ буквы С., покушался на саблю Османа, но потерпѣлъ неудачу. Кто же могъ это быть? задалъ себѣ вопросъ Тихменевъ и рѣшилъ, что никто иной, какъ Скобелевъ, и сталъ разглашать свое предположеніе, „ничто же сумняшеся“.

У избушки, гдѣ находился Османъ, генералы спѣшились и вошли къ нему, мы же, т. е. мелкота и конвой, остались на коняхъ у ограды.

Не будучи связанъ служебными обязанностями, я съ моимъ казакомъ поѣхалъ дальше по шоссе къ Плевнѣ.

Передъ моими глазами разстилалась большая котловина шириною въ полторы версты или около того, а длиною около $2^1/_2$—3 верстъ, окаймленная съ обѣихъ сторонъ возвышенностями. Посрединѣ этой

котловины пролегала шоссированная дорога, по лѣвую сторону которой стоялъ въ нѣсколько рядовъ длинный обозъ турецкихъ арбъ, съ запряженными въ нихъ буйволами и до самаго верха нагруженными пожитками плевненскихъ жителей и ихъ семействами. Въ ту и другую сторону отъ шоссе все пространство было покрыто группами турецкихъ солдатъ и офицеровъ, беззаботно сидѣвшихъ и лежавшихъ съ трубочками въ зубахъ и совершенно покойно перекидывавшихся словами.

При моемъ появленіи между ними съ моимъ казакомъ, они въ первыя минуты какъ-то недовѣрчиво на насъ поглядывали, но очень скоро успокоились и продолжали покойно курить и балагурить. Одинъ изъ нихъ подошелъ даже ко мнѣ и, указывая на свою магазинную винтовку, сказалъ: „бери тюбекъ якши“ (ружье хорошее). Такъ какъ при этомъ онъ повернулъ винтовку дуломъ къ себѣ, протянулъ ее ко мнѣ, показывая жестомъ, чтобъ я надѣлъ ее себѣ на плечи, то я, сказавъ спасибо, передалъ ее моему казаку, хотя и зналъ, что отбирать что бы то ни было у непріятеля не дозволяется, но рѣшился это сдѣлать, что бы не обидѣть вѣжливаго турка отказомъ [1]). На возвышенности вправо отъ лощины я скоро увидѣлъ длинныя вереницы турецкихъ солдатъ, спускавшихся по тропинкамъ въ лощину. Это были войска, занимавшія до послѣдней минуты редуты надъ рѣкою Видомъ.

Доѣхавъ до ближайшихъ построекъ города, я тѣмъ же путемъ поѣхалъ назадъ, и когда поровнялся съ тѣмъ мѣстомъ, гдѣ стояли турецкія арбы, то увидѣлъ на каждой изъ нихъ по два, по три румынскихъ солдата, сбрасывавшихъ на землю пуховики и тому подобный хламъ, доискиваясь повидимому чего-либо болѣе цѣннаго. Какъ и откуда появились эти румыны, я не видѣлъ, но при нихъ были и офицеры, равнодушно глядѣвшіе на этотъ грабежъ. Мало того, одинъ изъ нихъ, увидѣвъ турецкаго офицера на небольшой, но очень красивой лошадкѣ, приказалъ ему жестомъ спѣшиться, взялъ лошадь за поводья и передалъ ее своему вѣстовому. Возмущенный донельзя этимъ зрѣлищемъ, прекратить которое я не имѣлъ права, я пришпорилъ лошадь и поскакалъ къ той избѣ, гдѣ оставилъ нашихъ генераловъ. По счастью я засталъ Скобелева сидящимъ уже на конѣ и сообщилъ ему о происходившемъ. Очевидно, что Скобелевъ былъ не менѣе меня этимъ раздосадованъ, такъ что даже весь покраснѣлъ отъ негодованія и быстро поскакалъ къ мѣсту, гдѣ про-

[1]) Винтовка эта была послѣ сдана мною въ общій складъ, хотя я убѣдился впослѣдствіи, что не всѣ соблюдали это правило и даже купилъ потомъ три турецкихъ ружья: Пибоди, Шнейдера, Ремингтона.

исходилъ грабежъ, сдѣлалъ внушительный выговоръ офицерамъ, которые немедленно прекратили безобразіе.

Въ это время было сдѣлано распоряженіе о сдачѣ турками оружія. Группы турецкихъ солдатъ поднимались по очереди, покойно подходили къ избушкѣ, гдѣ находился Османъ, и складывали у ея ограды ружья и все прочее, послѣ чего переходили на другую сторону рѣки, гдѣ становились въ шеренги по ротамъ, проходили дальше, а на ихъ мѣсто приходили и строились въ ряды другіе.

Эта процедура продолжалась до сумерекъ, такъ что, не дождавшись конца, вмѣстѣ съ Османомъ-пашей, усаженнымъ на дрожки, мы уѣхали.

У въѣзда въ Плевну произошла встрѣча великаго князя съ Османомъ, о которой я распространяться не буду, такъ какъ разговора между ними я не слышалъ и, сопровождая Скобелева, пригласившаго къ обѣду Тефикъ-бея и потому спѣшившаго домой, поѣхалъ дальше.

Пока мы успѣли проѣхать Плевну во всю ея длину, наступила ночь и до такой степени темная, что въ трехъ шагахъ ничего не было видно. У выѣзда изъ города мнѣ пришлось разстаться съ Скобелевымъ, ему надо было свернуть вправо и ѣхать по Ловчинскому шоссе, я жъ долженъ былъ ѣхать прямо по направленію къ Тученицѣ.

Несмотря на заманчивое предложеніе Скобелева отобѣдать у него въ интересномъ обществѣ Тефикъ-бея, я долженъ былъ отказаться, такъ какъ была пятница, т. е. день, въ который у меня собирались гости, и хотя послѣ такого утомительнаго дня нельзя было ожидать много гостей, но хозяину на всякій случай слѣдовало быть дома.

Оглянувшись кругомъ, я нигдѣ не нашелъ моего казака; онъ или гдѣ-нибудь отсталъ, или же, смѣшавшись съ казаками Скобелева, уѣхалъ съ ними. Пришлось ѣхать въ одиночествѣ.

По выѣздѣ изъ Плевны мнѣ надо было попасть на дорогу, ведущую изъ дер. Радишево, но такъ какъ по ней въ теченіе трехъ мѣсяцевъ никто не ѣздилъ, то отъ нея не осталось никакого слѣда; дорога же на Пелешатъ, идущая вдоль балки между Артиллерійской Горой и турецкими укрѣпленіями, была протерта. Предпочитая ѣхать по дорогѣ, а не наобумъ, я выбралъ послѣднюю, держа на всякій случай револьверъ наготовѣ, опасаясь встрѣчи со своими или чужими мародерами, безъ которыхъ нигдѣ и никогда дѣло не обходится.

Проѣхавъ около одной версты, я услышалъ подъ ногами лошади какой-то зловѣщій хрустъ, напоминавшій звукъ раздробляемыхъ костей и, дѣйствительно, наклонившись къ землѣ, увидѣлъ, что ѣду по истлѣвшимъ трупамъ, лежавшимъ вездѣ сплошными почти кучами. Я вспомнилъ тогда, что тутъ оставались наши убитые и раненые послѣ штурма 30-го августа, и невольно содрогнулся.

„Что же это“, подумалъ я, „неужели же для меня трупы своихъ и чужихъ не одно и то же. Почему нѣсколько часовъ тому назадъ я такъ равнодушно смотрѣлъ не только на безжизненные трупы турокъ, но и на страданія раненыхъ, а теперь содрогаюсь отъ хруста костей моихъ собратій“.

Но дѣло въ томъ, что наши впечатлѣнія вполнѣ зависятъ отъ настроенія духа; весь этотъ день я былъ подъ вліяніемъ какого-то опьяненія, нервы отупѣли; громъ пушекъ, крики ура заглушали человѣчныя чувства. Очень сложная и вмѣстѣ съ тѣмъ довольно глупая машина-человѣкъ.

Я слѣзъ съ коня и сталъ пробираться между костями такъ, чтобы не нарушать покой на вѣки успокоенныхъ, какъ будто что бы то ни было могло ихъ потревожить.

Однако и это настроеніе очень скоро улетучилось. Прохлада ночи и въ особенности усталость и чувство голода заставили подумать о постели и ожидавшей меня дома горячей пищѣ, такъ что, выбравшись на чистую дорогу, я сѣлъ на лошадь и полной рысью поспѣшилъ домой.

Къ величайшему моему удовольствію, я узналъ отъ моихъ людей, что никто изъ обычныхъ гостей не приходилъ, одинъ только Зотовъ, жившій отъ меня въ нѣсколькихъ шагахъ, присылалъ узнать, соберется ли у меня вистъ.

На другой день рано утромъ я той же дорогой поѣхалъ въ Плевну, но для сокращенія пути поѣхалъ на дер. Радишево, гдѣ, перебравшись черезъ Артиллерійскую Гору, спустился въ балку и вновь попалъ на Пелешатскую дорогу.

На томъ мѣстѣ, гдѣ лежали кости нашихъ, я засталъ роту солдатъ, выкапывавшихъ неглубокія ямы и хоронившихъ покойниковъ весьма поспѣшно, для очищенія дороги отъ представляемаго ею печальнаго зрѣлища, такъ какъ по этой дорогѣ долженъ былъ проѣхать государь.

Въ Плевнѣ я обратилъ вниманіе на страшную грязь и вонь, господствовавшую почти вездѣ, но въ особенности около тѣхъ домовъ, въ которыхъ всѣ двери и окна были наглухо заколочены досками и въ которыхъ, какъ мнѣ сказали, найдены были трупы турокъ, умершихъ отъ инфекціонныхъ болѣзней. Разсказывали, что будто бы вмѣстѣ съ умершими оставляли, по распоряженію Османа, въ этихъ домахъ и безнадежныхъ, заколачивая окна и двери, чтобы зараза не распространилась. Я этому не вѣрю, хотя, во время всѣхъ ужасовъ войны, такая жестокость была возможна. Объѣхавъ улицы Плевны, я направился къ мосту, гдѣ ранжировка плѣнныхъ турокъ все еще продолжалась, а затѣмъ поѣхалъ къ редуту, выдержавшему наканунѣ натискъ Османа.

Разстояніе отъ моста до этого редута было въ 1½ или 2 версты. Все это пространство было усѣяно тѣлами убитыхъ и раненыхъ турокъ. Раненыхъ оставалось уже немного, въ особенности вблизи отъ моста; легко раненые сами добрались еще наканунѣ до рѣки, другіе же были убраны нашими санитарами; но чѣмъ дальше отъ моста, тѣмъ болѣе встрѣчалось труповъ, попадались также и тяжело раненые, нѣкоторые изъ послѣднихъ стонали и, указывая пальцами на губы, просили воды (су).

Воды у меня не было, почему, давъ нѣсколькимъ изъ жаждущихъ по глотку водки изъ моей фляги, я вернулся къ мосту и, обратившись въ какому-то полковнику генеральнаго штаба, попросилъ его, чтобы была послана для раненыхъ турокъ бочка воды. Этотъ офицеръ поблагодарилъ меня за сообщеніе и обѣщалъ, что просьба моя будетъ исполнена.

Повернувъ опять къ редуту, я сталъ временами натыкаться на цѣлыя кучки въ 10—12 человѣкъ убитыхъ, какъ надо полагать шрапнелью, турокъ. Предположеніе мое о шрапнели основано на томъ, что раненыхъ въ этихъ кучкахъ не было, а на трупахъ виднѣлись изуродованія и раздробленія костей.

У самаго редута глазамъ моимъ представилась ужасная картина: на всемъ протяженіи передняго его фасада и даже по бокамъ лежала сплошная масса тѣлъ шириною шаговъ въ 20, если не болѣе. Видно было, что турки шли въ атаку смѣло и съ замѣчательнымъ упорствомъ. Видно было также, что нашъ редутъ переходилъ въ руки турокъ, такъ какъ между нашими убитыми встрѣчалось довольно много съ штыковыми ранами, а въ самомъ редутѣ въ углу одной изъ амбразуръ я видѣлъ тѣло молодаго нашего солдатика, пригвожденное штыкомъ къ стѣнѣ и застывшее въ этой позѣ. Глаза этого солдатика были широко раскрыты и выражали ужасъ, охватившій его въ минуту смерти. Между ужасными картинами войны всегда отыщется что-нибудь, произведшее особенно тяжелое впечатлѣніе. Такъ, на Кавказѣ, меня въ особенности поразила смерть жизнерадостнаго юнца, убитаго пулей наповалъ, а за минуту передъ тѣмъ весело со мною разговаривавшаго. Здѣсь, при видѣ этого молодаго солдатика, мнѣ невольно пришла мысль о несчастной матери, ожидающей его возвращенія. Поразилъ меня также видъ красавца-турка, а вѣрнѣе поляка, лежавшаго около самой наружной стѣны нашего редута съ распростертыми руками и съ маленькой раной на лбу, изъ которой выступилъ наружу мозгъ. Всѣ эти впечатлѣнія и нѣкоторыя другія останутся въ моей памяти навсегда неизгладимыми.

Далѣе за редутомъ было два или три глубокихъ ровика, расположенныхъ одинъ за другимъ въ растояніи одинъ отъ другаго въ

20—30 шагахъ; устройство этихъ ровиковъ или ложементовъ оказалось чрезвычайно цѣлесообразнымъ, давъ возможность укрыться въ нихъ выбитымъ изъ редута нашимъ войскамъ и задержать натискъ непріятеля до прибытія на подмогу свѣжихъ войскъ.

Что турки овладѣли и первымъ изъ этихъ ровиковъ, видно было изъ того, что въ промежутокъ между нимъ и вторымъ такимъ же ровикомъ лежало довольно много убитыхъ турокъ; но видно было также, что дальше они не пошли и что съ этого мѣста началось ихъ отступленіе.

Къ сожалѣнію моему тутъ никого не было изъ участвовавшихъ въ дѣлѣ, у кого я могъ бы разспросить о его подробностяхъ; взводъ солдатъ при одномъ офицерѣ, высланный сюда для уборки тѣлъ, былъ назначенъ изъ другаго полка. Люди этого взвода переносили трупы однихъ лишь нашихъ и складывали ихъ въ длинныя сплошныя вереницы, для одновременнаго огульнаго ихъ отпѣванія и погребенія. Раненыхъ тутъ вовсе не было, надо полагать, что они были подобраны еще наканунѣ, но за то убитыхъ было такъ много, что къ 10 часамъ утра, т. е. къ тому времени, когда я пріѣхалъ на мѣсто далеко не всѣ были убраны.

Я пробылъ на полѣ сраженія около трехъ часовъ, а уборка нашихъ убитыхъ не была еще закончена; что же касается турокъ, то за нихъ еще не принимались, какъ я выше сказалъ и не только что за убитыхъ, но даже и за раненыхъ.

Положимъ, что умирать въ лазаретѣ или на полѣ не составляетъ большой разницы, но все же мнѣ кажется, что вмѣсто одного взвода можно было выслать два, предназначивъ одинъ изъ нихъ спеціально для раненыхъ турокъ и при томъ въ сопровожденіи фельдшеровъ и санитарныхъ фургоновъ. Допустивъ даже, что оставшіеся на полѣ сраженія раненые турки принадлежали къ числу такъ называемыхъ „безнадежныхъ“, но, во-первыхъ, это вѣдь только съ точки зрѣнія докторовъ, а не тѣхъ, которые имѣютъ надобность въ докторахъ и съ нетерпѣніемъ ждутъ ихъ помощи; во-вторыхъ же, при уходѣ и на мягкой постели все-таки умирать легче, чѣмъ на голой каменистой землѣ, подъ открытымъ небомъ, при довольно значительной стужѣ и безъ капли воды, въ которой раненые имѣютъ неутолимую жажду.

Возвращаясь къ мосту, я, къ удивленію моему, нигдѣ не встрѣтилъ обѣщанной бочки съ водой, почему, подъѣхавъ къ обѣщавшему ее штабъ-офицеру, остановился передъ нимъ и посмотрѣлъ ему въ глаза вопросительно.

Напоминать объ его обѣщаніи я, признаюсь, не осмѣлился, да при томъ и находилъ безполезнымъ. Ужъ если обѣщаніе не исполнено, подумалъ я, значитъ, это оказалось невозможнымъ, если же вздумаю

настаивать, то только нарвусь на непріятность за непрошенное вмѣшательство не въ свое дѣло. Однако, оказалось, что этотъ почтенный офицеръ былъ не изъ таковскихъ; встрѣтивъ мой вопросительный (а, быть можетъ, нѣсколько укоризненный) взглядъ, онъ какъ-то болѣзненно поморщился, махнулъ отчаянно рукой и сказалъ: „знаю, знаю, надо послать, непремѣнно надо. Да что будете дѣлать. Ничего нѣтъ, ни бендюги, ни бочки, а тутъ еще принесла нелегкая румынскаго князя; надо было встрѣтить, отрапортовать, сопровождать при объѣздѣ рядовъ и пр. и пр... Но вотъ сейчасъ пошлю вѣстоваго, и онъ раздобудетъ хоть боченокъ". Пришлось на этомъ успокоиться и уѣхать.

Утромъ на другой день я опять пріѣхалъ туда же, но уже не одинъ, а съ племянникомъ моимъ, его лакеемъ и однимъ изъ нашихъ вѣстовыхъ, которымъ захотѣлось посмотрѣть на мѣсто боя.

Къ величайшему моему удивленію, я увидѣлъ здѣсь, что не только тѣла убитыхъ турокъ не были еще убраны, но что между ними были еще и раненые, хотя въ менѣе значительномъ, чѣмъ вчера, числѣ. Надо думать, что большинство послѣднихъ было свезено въ лазареты, а другіе, пролежавъ около двухъ сутокъ на холодѣ, присоединились къ первымъ.

Среди лежащихъ тѣлъ бродило нѣсколько отрепанныхъ мародеровъ, шарившихъ по карманамъ убитыхъ и стаскивавшихъ даже съ нихъ обувь, когда же я подъѣхалъ къ одному изъ нихъ, чтобы прогнать его, то въ нѣсколькихъ шагахъ услышалъ тяжелый стонъ... Оказалось, что это былъ предсмертный стонъ забытаго раненаго.

VIII.

Штабъ 4-го корпуса обрекается на бездѣйствіе. — Нѣчто вродѣ „ссылки" его персонала, „въ мѣста не столь отдаленныя".—Извѣстіе о перемиріи и отъѣздъ Зотова, а затѣмъ и мой на родину.—Нѣчто о дѣлѣ подъ Шейново и впечатлѣніе, произведенное этимъ дѣломъ на завистниковъ „бѣлаго генерала".

Послѣ занятія Плевны мы остановились въ ея окрестностяхъ въ теченіе лишь нѣсколькихъ дней, а затѣмъ весь плевненскій отрядъ былъ различными путями направленъ за Балканы. Одинъ лишь злополучный штабъ 4-го корпуса составлялъ исключеніе. Зотова съ его штабомъ послали въ Тырново и, забравъ у него постепенно всѣ войска его корпуса, одинъ полкъ за другимъ, оставили въ концѣ концовъ его рѣшительно ни при чемъ.

Онъ глубоко чувствовалъ обиду, но на явную несправедливость

не жаловался, а сознавая долгъ солдата, сосредоточенно молчалъ, ни разу не заикнувшись о неправдѣ. Послѣ сраженія у Шейново, я порывался было къ Скобелеву, но Зотовъ мнѣ сказалъ, что прикомандировать меня къ Скобелевскому штабу онъ не имѣетъ права, вернуться же въ 9-ый драгунскій полкъ я самъ не захотѣлъ.

Просидѣли мы въ Тырново до заключенія перемирія, послѣ чего Зотовъ „по разстроенному здоровью" уѣхалъ въ Россію; что же касается меня, то, видя, что дѣло близится къ концу и, зная изъ вполнѣ достовѣрнаго источника, что на временное даже вступленіе нашихъ войскъ въ Константинополь „дружественныя намъ державы" не изъявили согласія [1]), я, испросивъ 28-ми дневный отпускъ и подавъ вмѣстѣ съ тѣмъ прошеніе объ увольненіи меня отъ службы, уѣхалъ домой, куда и поспѣлъ къ началу весеннихъ посѣвовъ.

О всемъ происходившемъ по другую сторону Балканскихъ горъ я, чрезъ посредство Зотова и нѣкоторыхъ другихъ лицъ, имѣлъ довольно подробныя свѣдѣнія, но, не желая говорить о томъ, что мнѣ извѣстно только по наслышкамъ, я могъ бы закончить на этомъ мои воспоминанія, если бы не считалъ нужнымъ дополнить ихъ однимъ маленькимъ эпизодомъ, могущимъ дать понятіе о томъ, до чего можетъ дойти зависть и злоба.

Когда, послѣ блистательнаго дѣла подъ Шейново, озлобленіе противъ Скобелева въ сердцахъ его завистниковъ достигло крайнихъ предѣловъ, мнѣ случилось въ Тырново играть въ винтъ, однимъ изъ партнеровъ котораго былъ генералъ Шнитниковъ. Другой партнеръ также генералъ, сдавая карты, обратился вдругъ къ Шнитникову съ такимъ вопросомъ:

— А слышали вы, батенька, какъ Михаилъ Дмитріевичъ (Скобелевъ) васъ подъ орѣхъ „раздѣлалъ въ газетѣ".

— Нѣтъ. Ничего не слышалъ и не читалъ, отвѣтилъ Шнитниковъ.

— Какъ же, какъ же. Да вамъ непремѣнно прочесть это надо... все молъ, что вы съ Зотовымъ подъ Плевной настроили, пришлось по пріѣздѣ Тотлебена передѣлывать.

— Ну это-то или нѣчто вродѣ я читалъ въ „Новомъ Времени". Но вѣдь эта статейка написана Немировичемъ-Данченко. При чемъ же тутъ Михаилъ Дмитріевичъ.

— Ахъ, вы Алексѣй Божій человѣкъ, продолжалъ инсинуаторъ, да развѣ же вы не знаете, что Немировичъ пишетъ подъ диктовку Скобелева.

---

[1]) Для разъясненія этого вопроса, ѣздилъ, какъ я слышалъ въ Вѣну, С. С. Татищевъ, кого же посылали въ Берлинъ, не знаю.

*

На этомъ разговоръ прекратился, такъ какъ сдача картъ была окончена, но я замѣтилъ, что Шнитниковъ сталъ послѣ этого играть разсѣянно и нервно, сдѣлалъ даже ренонсъ, что съ порядочнымъ игрокомъ никогда не могло случиться при нормальномъ расположеніи духа.

Встрѣтивъ на другой день Шнитникова, я нарочно подошелъ къ нему и спросилъ: „скажите, генералъ, неужели вы повѣрили тому, что вчера говорилъ X . . . о Скобелевѣ“.

— Разумѣется, что не повѣрилъ, отвѣчалъ Шнитниковъ, такъ какъ если бы это была правда, то это было бы ужъ слишкомъ гадко. Мы вѣдь съ нимъ старые пріятели и даже школьные товарищи, при каждой встрѣчѣ мы обнимаемся, какъ братья... Что же бы это было тогда. Іудины объятья... что ли?..“ [1]).

Эти слова и тонъ рѣчи доказывали, однако, что сѣмя сомнѣнія запало гдѣ-то въ душу.

Да. Много врали и клеветали на Скобелева. Но это участь всѣхъ. выдающихся изъ общаго уровня людей.

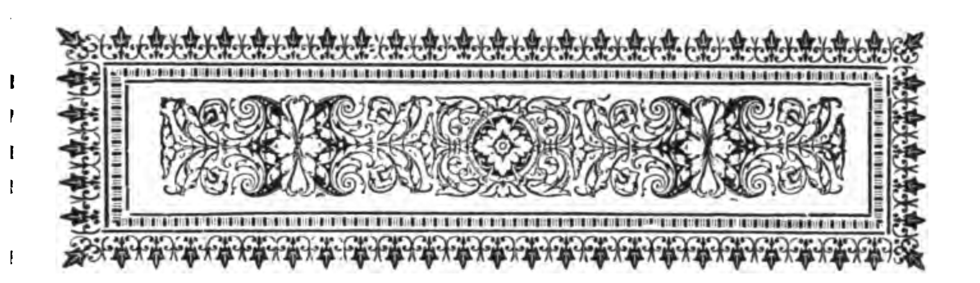
Нѣтъ болѣе нашего „бѣлаго генерала“. Теперь я уже почти совсѣмъ старикъ, а не могъ удержаться отъ слезъ при полученіи горестной вѣсти.

Теперь, однако, замолкнетъ злоба и зависть; герою будетъ отдано должное, выдающимся его способностямъ и заслугамъ отдана будетъ справедливость, и даже его завистники не осмѣлятся болѣе клеветать, да и побужденія къ клеветѣ не будетъ болѣе ощущаться, такъ какъ смерть примиряетъ.

Оказалось, однако, что я ошибся.

[1]) Привожу слова Шнитникова почти дословно, такъ какъ былъ пораженъ тономъ, которымъ они были произнесены.

Переписка П. Д. Паренсова съ К. В. Левицкимъ передъ началомъ военныхъ дѣйствій въ Турціи.

Среда, 15 (27)-го декабря 1876 г. Букарестъ.

Милостивый государь Казиміръ Васильевичъ. Только сегодня пріѣхалъ утромъ въ Букарестъ. Чтобы объяснить такое долгое странствованіе, перечисляю всѣ дни дороги. Декабря 3-го выѣхалъ изъ Кишинева. Все 4-е просидѣлъ въ Жмеринкѣ, вслѣдствіе опозданія поѣзда, на которомъ ѣхалъ. 5-го ночью прибылъ въ Кіевъ. 6-го переодѣлся [1]) и 7-го рано утромъ выѣхалъ, но вслѣдствіе опозданія поѣзда просидѣлъ въ Брестѣ и въ среду 8-го декабря, къ ночи, прибылъ въ Варшаву. 9-го получилъ паспортъ, размѣнялъ деньги, 10-го утромъ выѣхалъ и въ субботу 11-го, рано утромъ, пріѣхалъ въ Вѣну.

Паспортъ взялъ на свое имя,—Паренсовъ, помѣщикъ Вологодской губерніи. Сдѣлано такъ по совѣту г-на Хитрово, въ виду того, что, въ случаѣ неудачи, за настоящее лицо консулъ всегда можетъ вступиться.

При промѣнѣ денегъ дали за 100 руб. — 300 франковъ. На 1000 руб. потерялъ 252 руб. и получилъ за 1000 руб.—748 золота. Пріѣхавъ въ Вѣну, прежде всего направился къ Фельдману [2]), чтобы отъ него получить нѣкоторыя свѣдѣнія о Новиковѣ [3]) и вообще о вѣнскомъ воздухѣ. По словамъ Фельдмана, которыя въ тотъ же день

---

[1]) Въ статское платье.

[2]) Военный агентъ въ Вѣнѣ.

[3]) Посолъ въ Вѣнѣ.

оправдались,—Новиковъ—Мещериновъ [1]). Въ Вѣнѣ смотрятъ не съ непріязнью на возможный переходъ нашей арміи за Дунай, лишь бы этотъ переходъ совершился не въ Сербіи.

Новиковъ болтунъ, находится подъ вліяніемъ Андраши, котораго боится болѣе всего, боится войны, боится за себя.—Все это, resumé словъ Фельдмана.

Обручевъ уѣхалъ уже въ Петербургъ.—Вмѣстѣ съ Фельдманомъ отправились мы къ Новикову, который принялъ меня весьма сухо и только тогда смилостивился, когда разобралъ шифрованное письмо, мною ему отданное. Для полной характеристики сообщу вамъ весь мой разговоръ. Новик.—Что вамъ угодно? Я.—Его императорское высочество поручилъ мнѣ спросить ваше превосходительство, въ какомъ положеніи находятся наши переговоры съ Австріей? (Точное повтореніе словъ, сказанныхъ мнѣ его высочествомъ при моемъ отъѣздѣ). Новик.—Это вопросъ слишкомъ общій. Это секретъ; я вамъ отвѣчать не могу. Все зависитъ отъ Петербурга, куда я послалъ донесеніе съ Обручевымъ. Поставьте мнѣ вопросы, я вамъ отвѣчу мое мнѣніе, но оно не есть дѣло рѣшенное.

Поставленный въ необходимость ставить вопросы, я долженъ былъ сочинять ихъ, что было не легко, такъ какъ я о переговорахъ съ Австріей ничего не зналъ, а объ отношеніяхъ къ этой державѣ могъ судить только какъ частный человѣкъ. Тѣмъ не менѣе я поставилъ рядъ вопросовъ и получилъ слѣдующіе отвѣты.

Вопросъ 1-й. Какъ смотритъ австро-венгерское правительство на сосредоточеніе нашихъ войскъ въ Бессарабіи и на возможность вступленія ихъ въ Румынію?

Отвѣтъ. Совершенно дружелюбно. Андраши мнѣ недавно сказалъ: Nous vous donnons la Roumanie.

Вопросъ 2-й. Какъ смотритъ правительство Австро-Венгріи на возможность перехода нашей арміи черезъ Дунай?

Отвѣтъ. Смотря, гдѣ вы будете переходить. Если будете переходить прямо въ Турцію, то съ Богомъ. Австрія противъ этого ничего не имѣетъ.

Вопросъ 3-й. Какъ посмотритъ Австрія на возможный переходъ нашей арміи черезъ Балканы, движеніе на Адріанополь, можетъ быть далѣе; вообще, какое можетъ произвести на Австро-Венгрію впечатлѣніе быстрое движеніе, успѣшныя дѣйствія нашихъ войскъ? Не можно ли предвидѣть, по какимъ-нибудь примѣтамъ, что, въ случаѣ, если мы зайдемъ далеко, то повторится 1853-й годъ?

---

[1]) Т. е. похожъ. Мещериновъ, бывшій помощникъ начальника главнаго штаба, былъ очень суетливъ.

Отвѣтъ. Идите, куда хотите; я ручаюсь, что кромѣ дружелюбнаго взгляда ничего не будетъ. За Адріанополемъ вы, вѣроятно, встрѣтитесь съ новыми нашими друзьями—англичанами.

Вопросъ 4-й. Полагаетъ ли австро-венгерское правительство остаться пассивнымъ зрителемъ нашего движенія и не имѣетъ ли оно въ виду, содѣйствуя этому движенію, или изъ своекорыстныхъ видовъ, занять Герцеговину и Боснію?

Отвѣтъ. Весьма возможно, даже вѣрно, что она займетъ Герцеговину и Боснію, хотя правительство Австро-Венгріи всѣми силами старается этого избѣжать, въ виду того, что, занявши эти провинціи, придется ихъ оставить за собой, чего Австрія не желаетъ (?), чтобы не увеличивать еще болѣе количества своихъ славянскихъ подданныхъ. Я, съ своей стороны, желаю, чтобы Австрія заняла теперь же Боснію и Герцеговину; этимъ она занялась бы сама (отвлеклась бы отъ Россіи) и притянула на себя часть турецкихъ силъ, такъ какъ я не могу допустить, чтобы турки пустили къ себѣ безъ сопротивленія даже своихъ друзей австрійцевъ.

Вопросъ 5-й. Если, какъ ваше превосходительство полагаете, Австрія займетъ Боснію и Герцеговину, а наши войска будутъ на Балканахъ, то вѣдь окажется, что австрійская армія будетъ у насъ въ тылу, и тылъ нашъ будетъ подъ гнетомъ сосѣдства арміи, дѣйствительныя намѣренія которой точно не опредѣлены.

Отвѣтъ. Это ничего. Я ручаюсь, что далѣе пограничной черты Босніи и Герцеговины австрійскія войска не пойдутъ, гдѣ бы вы ни были. Я еще недавно видѣлъ Андраши и эрцъ-герц. Альбрехта; они вполнѣ расположены и смотрятъ дружелюбно на вступленіе нашихъ войскъ въ Турцію.

Вопросъ 6-й. А какъ посмотритъ австрійское правительство на вступленіе части, болѣе или менѣе значительной, нашихъ войскъ въ Турцію—черезъ Сербію? (Этотъ вопросъ я задалъ по совѣту Фельдмана; объясненіе причины см. дальше).

Новиковъ вскочилъ, какъ ужаленный. Какъ это можно! Этого нельзя; тогда сейчасъ война съ Австріей. Помилуйте, въ какое положеніе вы меня поставите. Да зачѣмъ такой кругъ?... Скажите, вы знаете, гдѣ будетъ переправа? Я.—Не знаю. Новик.—Да вы не секретничайте; мнѣ нужно это знать. Вѣдь я не врагъ. Я.—Не знаю, это секретъ. Новик.—Почему вы спросили, что будетъ дѣлать Австрія въ случаѣ вступленія русскихъ въ Сербію? Я.—Потому что, повидимому, въ Вѣнѣ этого очень опасаются. Новик.—И имѣютъ основаніе; если русскіе солдаты появятся у Кладова, то, при существующемъ сильномъ возбужденіи публики и прессы австрійской, а въ особенности венгерской противъ Россіи, произойдутъ сейчасъ же столкновенія

русскихъ съ венграми и Австріей. Напишите великому князю, что Австрія нисколько и ничѣмъ не помѣшаетъ нашему движенію въ Турцію, лишь бы не черезъ Сербію. Я и то стараюсь умалчивать о поѣздкѣ Никитина въ Сербію; къ счастію, меня не спрашиваютъ, но я знаю, что на это косятся. Я.—Кстати ваше превосходительство, вѣдь если мы будемъ переходить Дунай не въ Сербіи, то все же эта помощь матерьяльная, равносильная прибавкѣ сербской арміи частью нашихъ войскъ; такъ не все ли равно, если какая-нибудь часть арміи нашей взойдетъ въ Сербію? Новик.—Нѣтъ, нѣтъ; о Сербіи и не говорите. Посылайте туда Никитина [1]), добровольцевъ, оружіе, но не пробуйте идти организованными частями черезъ Кладово.

Затѣмъ посолъ просилъ меня изложить ему письменно заданные мною вопросы, обѣщалъ телеграфировать его высочеству отвѣты на эти вопросы прямо въ Кишиневъ и позвалъ меня обѣдать на другой день, т. е. 24-го (новаго стиля). Онъ прибавилъ, что ждетъ депеши изъ Петербурга съ отвѣтомъ на его письма, посланныя черезъ Обручева.—На другой день за столомъ были, кромѣ посла, его жены, меня и Фельдмана, еще три члена посольства. Нѣкоторые изъ нихъ задавали странные вопросы; такъ, напримѣръ, князь Урусовъ спросилъ меня въ присутствіи всѣхъ: вѣроятно вы по-прежнему займетесь осадой турецкихъ крѣпостей?—Я.—Вѣроятно, тѣмъ болѣе, что главнокомандующій самъ инженеръ и захочетъ попробовать свое искусство на этомъ поприщѣ. (Буквальное повтореніе словъ его высочества, сказанныхъ мнѣ при прощаньѣ въ видѣ совѣта, какъ отвѣчать). Затѣмъ другой спросилъ: гдѣ будете переправляться?—Я отвѣчалъ: на пространствѣ между Килійскимъ устьемъ и Кладовымъ. Новиковъ опять заволновался, увелъ меня въ кабинетъ и спрашивалъ, что не нарочно ли я при другихъ упомянулъ о Кладовѣ, но, что не могу ли я ему сказать, куда мы идемъ.—Я отвѣчалъ, что положительно ничего не знаю, что мнѣ ни о Кладовѣ, ни о другомъ пунктѣ никто ничего не говорилъ. Тогда Новиковъ успокоился, обѣщалъ телеграфировать его высочеству и спросилъ, куда я ѣду. Я отвѣчалъ: въ Бухарестъ, гдѣ буду ожидать приказаній великаго князя.

Разстались хорошо.

Вопросъ 6-ой былъ заданъ мною по слѣдующей причинѣ. Фельдманъ сообщилъ мнѣ, что въ Австріи (Вѣнѣ) упорно держится слухъ, что мы пойдемъ черезъ Сербію. Это очень имъ не нравится, но все же увѣрены въ этомъ. Даже эрцъ-гер. Альбрехтъ, доброжелательный Россіи, спрашивалъ Фельдмана, зачѣмъ мы хотимъ идти черезъ Сер-

---

[1]) Генералъ Никитинъ былъ посланъ въ Сербію упорядочить положеніе нашихъ добровольцевъ и возвратить ихъ въ Россію.

бію; что, по его мнѣнію, надо идти прямѣе, а главное быстро и рѣшительно. Большаго сопротивленія отъ войскъ Турціи встрѣтить не можемъ. Фельдманъ находитъ, что надо оставить существующимъ этотъ слухъ (путь на Сербію), если хотимъ идти другимъ путемъ; а такъ какъ Новиковъ болтунъ, весьма боится Андраши и первый же ему разболтаетъ изъ угодливости, то и Новикова лучше оставить въ убѣжденіи о пути на Сербію, тѣмъ болѣе, что никто не можетъ поручиться, что Андраши, узнавъ что-либо—не сообщитъ Турціи.

Несмотря на упорно держащійся въ Вѣнѣ слухъ о пути на Сербію, Турція, видимо, ждетъ въ другомъ мѣстѣ. При мнѣ получилъ Новиковъ донесеніе отъ консула Кудрявцева изъ Сераева, что всѣ регулярныя войска изъ Босніи уходятъ къ Рущуку и Виддину, оставляя въ Босніи въ складахъ все оружіе. Это оружіе предназначается для милиціи, сборъ которой въ Сераевѣ объявленъ. Черезъ Митровицу постоянно подвозятъ съ юга орудія, порохъ, снаряды, идущіе потомъ и на востокъ и въ Боснію. Во время разговоровъ съ Новиковымъ, онъ старался убѣдить меня въ томъ, что опасаться Австріи нѣтъ никакой причины, но что нужно опасаться Румыніи, которая держитъ себя крайне двусмысленно; министры Румыніи то и дѣло ѣздятъ въ Вѣну, къ Андраши.

Возбужденіе въ публикѣ и прессѣ противъ Россіи—громадное; но всѣ газеты надѣются на мирный исходъ переговоровъ на конференціи. Новиковъ очень боится войны и находитъ, что время (политическое) крайне неудобно для войны.

Выводъ изъ всего написаннаго сдѣлайте сами, хотя, мнѣ кажется, онъ единственный: Новиковъ въ рукахъ у Андраши и вообще—Австріи. Австрія плутуетъ. Это послѣднее мнѣніе еще болѣе подтвердилось во мнѣ послѣ сегодняшняго разговора съ барономъ Стюартомъ [1]).

Очень жалѣю, что Стюартъ не былъ предупрежденъ о цѣли моей поѣздки. Уѣзжая изъ Кишинева я просилъ г-на Хитрово [2]) написать Стюарту, чтобы онъ, къ моему пріѣзду, подготовилъ бы нѣсколько довѣренныхъ лицъ, если таковыя есть, такъ какъ для начала не вижу другаго способа дѣйствовать, какъ черезъ другихъ. Стюартъ согласенъ съ этимъ взглядомъ, знаетъ лицъ, которыя могутъ быть полезны, но надо употребить нѣсколько дней для того, чтобы ихъ найти. Вслѣдствіе этого я обреченъ на 3-хъ дневное, если не болѣе, сидѣніе въ Букарестѣ. Думаю, что мнѣ удастся, при содѣйствіи и

---

[1]) Генеральный консулъ въ Румыніи.

[2]) Михаилъ Александровичъ. Дипломатическій чиновникъ при главнокомандующемъ.

по совѣту Стюарта, поступить конторщикомъ въ Журжево къ одному весьма зажиточному хлѣбному торговцу—болгарину. Это разъяснится на-дняхъ. Курьеръ ѣдетъ завтра, и я не жду рѣшенія этого вопроса для отправки этого донесенія.

По совѣту того же Стюарта прошу сдѣлать слѣдующее: попросите его высочество, чтобы онъ содѣйствовалъ о принятіи въ одно изъ военно-учебныхъ заведеній въ Петербургѣ сына драгомана Русскаго консульства въ Рущукѣ Яни Георгіевича Карвониди. Этотъ Карвониди грекъ, плутъ большой, служитъ безъ жалованья, но можетъ быть весьма полезенъ, если сынъ его будетъ въ Россіи. Я говорилъ объ этомъ Артуру Адамовичу [1]) передъ моимъ отъѣздомъ, онъ одобрилъ эту мысль. Объ этомъ дѣлѣ знаетъ и Золотаревъ [2]). Пусть великій князь посодѣйствуетъ, а я вслѣдъ за симъ сообщу о лѣтахъ мальчика. Стюартъ ждетъ съ нетерпѣніемъ отвѣта о принятіи Юліуса въ нашу службу. Артамоновъ знаетъ о его работахъ. Казалось бы полезнымъ перетащить этого барина, который и самъ этого желаетъ. Стюартъ спросилъ, сколько у меня денегъ собственно для дѣла. У меня 3.000 руб. не тронуты, но при промѣнѣ обратились въ 2.244 золота. Стюартъ говоритъ, что это положительно мало и что не въ томъ дѣло, чтобы истратить деньги, а въ томъ, чтобы имѣть ихъ въ данную минуту подъ рукой. Почемъ вы знаете, говоритъ Стюартъ, можетъ быть, послѣ долгихъ, безплодныхъ дѣйствій, вдругъ вамъ представится случай, гдѣ надо будетъ сейчасъ же вынуть большую сумму и сразу отдать. Просите у великаго князя присылки еще 5.000 руб. Пусть они лежатъ у меня въ Букарестѣ, какъ резервъ. Не истратите—отдадите, а истратите на дѣло, то эти 5.000 найдетъ русская армія, придя на Дунай. Вслѣдствіе этого прошу васъ испросить разрѣшенія его высочества выслать сейчасъ же барону Стюарту, для потребностей моего дѣла, 5.000 рублей.

Изъ Журжева я буду переписываться съ барономъ Стюартомъ другимъ шифромъ, а онъ уже будетъ передавать вамъ.

Въ Букарестѣ народъ (въ баняхъ, гостиницахъ) ждутъ скоро русскую армію, идущую въ Сербію.

Прошу васъ, Казиміръ Васильевичъ, выразить мои вѣрноподданническія чувства его императорскому высочеству. Прошу васъ письмо это прочитать все, потому что есть вещи, особенно въ разговорѣ съ Новиковымъ, которыя нельзя передать разсказомъ.

О здѣшнихъ дѣлахъ не пишу, такъ какъ будетъ писать Стюартъ.

[1]) Непокойчицкому.

[2]) Василій Григорьевичъ, полковникъ генеральнаго штаба въ штабѣ главнокомандующаго.

Пишу ночью; въ коридорѣ австрійскіе жиды такъ и шныряютъ и подъ разными предлогами стучатъ въ дверь.

Не пренебрегайте Юліусомъ и если рѣшитесь, то не теряйте времени; откладывать нельзя: да или нѣтъ. Сообщите Стюарту, который работаетъ энергично.

Сейчасъ свели съ агентами: одинъ ѣдетъ въ Рущукъ, другой въ Шумлу, третій вызванъ сюда. Я остаюсь покуда здѣсь; въ Журжевѣ буду наѣздами. Жить тамъ нельзя, ие для себя, а для дѣла. Изъ Журжева буду на подводѣ ѣздить въ стороны. Денегъ, денегъ и денегъ. Въ Журжевѣ префектъ Румыніи на жалованіи Турціи.

16-го декабря 1876 г.

Только-что узналъ, это письмо дойдетъ до Кишинева курьеромъ; сначала предполагалось курьеромъ только до Унгень, а потомъ почтой. Поэтому писалъ шифромъ, теперь же продолжаю просто. Переписывать некогда,—скоро поѣздъ. Покуда извѣстно, въ общихъ чертахъ, что у Рущука войска не много, но ждутъ прибытія. Въ Рущукѣ велѣно приготовить для войскъ обывательскія квартиры. Между румынами господствуетъ мнѣніе, что русскіе пойдутъ черезъ Сербію. Болгары же говорятъ, на основаніи турецкихъ слуховъ, что мы пойдемъ осаждать Силистрію и Шумлу. Евлогій Георгіевъ [1]) проситъ, въ случаѣ войны, и послѣ переправы брать во всѣ наши отряды болгарскихъ волонтеровъ, уроженцевъ Балканъ, окрестностей Габрова, Тырнова, Османъ-Базара, Беброва и т. д., которые, зная хорошо всѣ ходы, будутъ полезными вожаками и, кромѣ того, будучи приданы, въ извѣстномъ числѣ, къ русскимъ отрядамъ, наберутся храбрости и умѣнья, будучи же предоставлены сами себѣ, не принесутъ много пользы. Агенты Евлогія говорятъ, что турки передвигаютъ войска съ мѣста на мѣсто нарочно; оттого въ газетахъ являются свѣдѣнія о прибытіи въ разные пункты новыхъ войскъ.

17-е декабря (утро).

Прибылъ Бобриковъ [2]). Судя по письму Хитрово къ Стюарту, депеша Новикова не произвела у васъ радостнаго впечатлѣнія. Если мое письмо № 1-й, отправляющееся вмѣстѣ съ симъ, недостаточно разъяснитъ эту депешу (я имѣю право думать, что она туманна), то сообщите содержаніе депеши сюда барону Стюарту, для передачи мнѣ. Я разъясню. Самъ я не знаю, какъ она написана, потому что она послана послѣ меня, хотя и должна состоять изъ отвѣтовъ на мои вопросы, описанные въ письмѣ № 1-й.

---

[1]) Извѣстный болгарскій патріотъ, жившій въ Букарестѣ.

[2]) Георгій Ивановичъ, тогда полковникъ генеральнаго штаба.

21-го декабря 1876 года.

Милостивый государь Казиміръ Васильевичъ. Не имѣю ничего сообщить важнаго. Дня черезъ два-три вернутся нѣкоторые изъ моихъ людей, тогда сообщу. Покуда извѣстно, что около Рущука насъ не ждутъ. Ждутъ у Силистріи и Калафата. Около Рущука и въ самомъ Рущукѣ отъ 4-хъ до 5-ти тыс. низамовъ и редифовъ. Объ этомъ писалъ вамъ Бобриковъ. На-дняхъ проѣхалъ турецкій пароходъ мимо Рущука въ Виддинъ и провезъ туда до 1.000 человѣкъ солдатъ. По слухамъ, въ горахъ нѣтъ еще особыхъ приготовленій для задержанія, по крайней мѣрѣ, со стороны Тырнова и Габрова. Дороги въ окрестностяхъ Бухареста, во всѣ стороны, кромѣ шоссированныхъ, ужасны. Были замерзши, теперь слегка оттаяли, и легкій экипажъ завязаетъ по ступицу. Если оттаетъ еще, будетъ еще хуже. Говорятъ, что около нашего Рождества обыкновенно подмерзаетъ.

По возвращеніи нѣкоторыхъ посланныхъ, съ однимъ изъ нихъ отправлюсь на югъ.

Относительно высылки денегъ остаюсь при прежнемъ: вышлите, и чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше. Не знаешь ни дня, ни часа, когда онѣ понадобятся и понадобятся сію минуту, безотлагательно.

Прошу выслать мнѣ отчетную карточку, о которой пишу и Нагловскому [1]), а также листы 11, 12, 15 и 16 десятиверстной.

25-го декабря (ст. стиля) 1876 г.

Милостивый государь Казиміръ Васильевичъ. Сегодня утромъ пріѣхалъ Казариновъ [2]), и я получилъ ваше письмо. Въ Варшавѣ я передалъ Медему [3]) письма вамъ и П. А. Шувалову [4]), со вложенными письмами моей женѣ. Онъ взялся отправить ихъ казенными пакетами въ виду того, что, по его же заявленію, письма на почтѣ распечатываются. Судьбу моихъ писемъ я знаю, слѣдовательно, только до стола въ кабинетѣ Медема. Впрочемъ, въ письмѣ къ вамъ особеннаго ничего не было, кромѣ сообщенія пройденнаго маршрута и о размѣнѣ денегъ. Послѣднее обстоятельство приходится повторить. За 1.000 р. бумажками получилъ 748 р. золота. Слѣдовательно, на расходы по командировкѣ получилъ не 3.000, а гораздо менѣе. Одну 1.000 еще не мѣнялъ. Большая потеря на курсѣ, совѣты барона Стюарта и отсутствіе какой-либо возможности опредѣлить, регулировать или хотя бы пред-

[1]) Полковникъ генеральнаго штаба, состоялъ для порученій при начальникѣ штаба арміи.

[2]) Секретарь нашего консульства въ Букарестѣ.

[3]) Варшавскій губернаторъ.

[4]) Графъ П. А. Ш. начальникъ штаба Петербургскаго военнаго округа.

видѣть величину и время расходовъ по командировкѣ заставили меня просить васъ доставить мнѣ въ Букарестъ, на имя барона Стюарта, 5.000 р. с. Эти деньги можно перевести, выслать почтою, или какъ хотите. Нѣтъ надобности въ 5.000 р. золотомъ.

Можетъ быть, они всѣ вернутся вамъ же, но мнѣ необходимо быть независимымъ отъ кармана. Прошу васъ поэтому выслать эти деньги неотлагательно.

Относительно настроенія посольства нашего въ Вѣнѣ считаю нужнымъ, еще разъ, категорически заявить, что настроеніе это не только миролюбиво вообще, но дальше: la paix a tout prix. Это взглядъ Новикова и даже чистосердечный взглядъ Фельдмана. Сколько я ни старался, всѣми путями, прямыми и косвенными, добиться основаній подобнаго миролюбія, добился только неопредѣленныхъ отвѣтовъ: время (политическое) дурно выбрано; время года дурно выбрано: вы завязнете. Зеленый [1]) теперь въ Кишиневѣ и сообщилъ, что теперь ни ходить, ни ѣздить нельзя. Его чемоданъ въ 12 фунт. еле тащили 6 паръ воловъ... и т. п. Я позволяю себѣ думать, что на взглядѣ Фельдмана, до нѣкоторой степени, если не вполнѣ, отражается взглядъ Обручева, который долго жилъ въ Вѣнѣ и уѣхалъ почти что наканунѣ моего пріѣзда. Взглядъ же Обручева, вѣроятно, находится въ зависимости отъ тѣхъ переговоровъ, свѣдѣній и бумагъ, которыя онъ повезъ въ Петербургъ, содержаніе которыхъ отъ меня тщательно скрыто.

Теперь скажу нѣсколько словъ о Стюартѣ и здѣшнихъ дѣлахъ. Бывая каждый день у Стюарта и успѣвъ снискать его расположеніе, я положительно удостовѣряю, принимая всю отвѣтственность за мои слова, что этотъ человѣкъ не только дѣлаетъ все, что можетъ, но даже болѣе того. Такъ, напр., консулы не получаютъ никакой суммы на отправку курьеровъ и даже не имѣютъ людей для этого. Стюартъ, тѣмъ не менѣе, по возможности, посылаетъ курьеровъ на свой страхъ; недѣлю тому назадъ онъ отправилъ курьеромъ въ Петербургъ собственнаго камердинера. Этотъ человѣкъ встрѣтился въ Пашканахъ съ курьеромъ, вызваннымъ депешей изъ Яссъ, отъ Якобсона [2]) и передалъ ему, для доставки въ Кишиневъ, бумаги, въ томъ числѣ и мои письма № 1-й и 2-й. Стюартъ, несмотря на неоднократные запросы, не имѣетъ изъ Петербурга никакихъ инструкцій относительно того, каковы должны быть его отношенія къ Кишиневу, т. е. насколько онъ долженъ сообщать туда свои дипломатическія дѣйствія; тѣмъ не менѣе, насколько мнѣ извѣстно, онъ сообщилъ великому князю

---

[1]) Военный агентъ въ Константинополѣ.

[2]) Нашъ консулъ въ Яссахъ.

копію своего письма канцлеру[1]). Въ высшей степени энергично дѣйствуетъ онъ по вопросу оказанія помощи въ моемъ дѣлѣ и ему исключительно, и на сколько дѣло позволяетъ, 2-му секретарю Золотареву, обязанъ я довольно удачной организаціей системы добыванія свѣдѣній. Дѣйствія его по отношенію къ румынскому правительству также не оставляютъ желать ничего лучшаго. Слѣдуетъ имѣть въ виду, что князь Карлъ боится Турціи, боится Австріи, слушается Берлина, боится Россіи; хочетъ быть королемъ, но боится примѣра Милана, обѣщаетъ много, но не дѣлаетъ ничего. Въ такое сложное время не допускаетъ свиданія съ Стюартомъ иначе, какъ по предварительно (наканунѣ) испрошенной аудіенціи.

Люди нынѣшняго министерства (Братіано, Іонеско и К°) это нѣчто вродѣ цыгано-жидо-грековъ (вообще это партія демократовъ, красныхъ). Братіано изображаетъ человѣка преданнаго Россіи; пріѣзжаетъ къ Стюарту, когда стемнѣетъ, на извозчикѣ или приходитъ пѣшкомъ, сообщаетъ секретныя свѣдѣнія (ненужныя), но только что Стюартъ спроситъ: „Et bien quand est-ce que nous signons?“ (конвенцію), „Ah, pas encore; vous savez le prince, il est allemand; il ne veut signer qu'à la dernièr heure, mais vous pouvez être sure...“

Стюартъ, выведенный окончательно изъ терпѣнія, предложилъ, наконецъ, что пускай они подпишутъ конвенцію въ послѣднюю минуту, но пусть князь Карлъ напишетъ собственноручное письмо государю, или хотя бы великому князю, съ заявленіемъ о своихъ намѣреніяхъ быть заодно съ нами. Князь отклонилъ это.

Какъ же теперь помирить съ одной стороны готовность князя быть съ нами, высказанную имъ Бобрикову, а съ другой, несогласіе написать письмо личное, негласное? Правительство Румыніи не довѣряетъ намъ и боится насъ. Конечно, тутъ работаютъ и вѣнскіе друзья, да, пожалуй, и берлинскіе. Правда и то, что особенно стѣсняться Румыніей нечего; въ послѣднюю минуту она все же будетъ съ нами, хотя и недобровольно, тѣмъ болѣе, что народъ положительно за насъ.

Но если бы румынское правительство стало тверже на нашу сторону, то облегчились бы командировки въ родѣ командировки Игнаціуса, или вопросы о заготовленіи разныхъ продуктовъ. Теперь же приходится прежде всего скрываться отъ румынскаго правительства.

Чѣмъ объяснить, какъ положительнымъ недовѣріемъ къ намъ, командировки, переодѣтыми, въ Кишиневъ маіора генеральнаго штаба Пенковича и Гики! Я случайно ѣхалъ съ ними отъ Кишинева до Раздѣльной, даже чѣмъ-то услужилъ Пенковичу. И вдругъ здѣсь, въ ресторанѣ, встрѣтился съ Пенковичемъ, только въ обратной

[1]) Князь А. М. Горчаковъ.

формѣ: я—статскимъ, а онъ—военнымъ. Онъ меня очевидно узналъ, но покуда дѣло ограничивается съ его стороны пронизывающими взглядами. На случай чего-нибудь, у меня есть въ Кишиневѣ братъ-близнецъ, замѣчательно похожій на меня, полковникъ генеральнаго штаба. Этотъ способъ уже выручилъ меня въ Брестѣ. Я встрѣтилъ одного молодаго литовскаго улана Степанова, изъ числа офицеровъ министерства Анненкова[1]), перевозившаго летучій отрядъ изъ Ново-Минска въ Скерневицы. Ручательствомъ, что Степановъ повѣрилъ мнѣ, служитъ то, что онъ имѣлъ нахальство разсказывать мнѣ, какъ онъ, съ моимъ братомъ, участвовали, на маневрахъ въ Варшавѣ, въ набѣгѣ Рубашевскаго[2]), при чемъ дѣлали по нѣскольку дней, по 180 верстъ въ сутки, при чемъ, по словамъ Степанова, онъ и мой братъ были все время впереди отряда.

Третьяго дня, 22 декабря, около 6 час. по полудни Братіано, втихомолку, явился къ Стюарту прочитать протестъ Румыніи, отправленный Турціи по поводу того, что Савфетъ-паша обозвалъ всѣ народы Турціи, въ томъ числѣ и румынъ—оттоманами, а также по поводу исторіи съ телеграфной станціей въ Ишканахъ (объясненіе этого вы найдете въ № 655 Journal de Bukarest, при семъ прилагаемомъ, а также и другихъ, прилагаемыхъ газетахъ. Между прочимъ, обратите вниманіе на № 1 и 2 января 1877 г. Turquie). На обычный вопросъ Стюарта: „et bien nous signons?“ послѣдовалъ обычный отвѣтъ Братіано: „ah, pas encore, nous devons attendre“.

Когда пойдетъ это письмо, я не знаю; если бы случилось что-либо экстренное или получились какія-либо особенно интересныя свѣдѣнія, то постараюсь послать курьера отъ Стюарта.

(Кстати, чтобы покончить о Пенковичѣ, замѣчу, какъ невыгодно русскимъ агентамъ за границей жениться на туземкахъ. Русскій консулъ въ Яссахъ—Якобсонъ, женатъ на сестрѣ Пенковича, и есть слухъ, что Якобсонъ зналъ о поѣздкѣ Пенковича въ Кишиневъ. Сообщаю это только въ видѣ слуха, не имѣя никакого солиднаго основанія утверждать вѣроятность его).

По части пріобрѣтенія разныхъ продуктовъ здѣсь—время удобное. Денегъ нѣтъ, денегъ ищутъ и все продаютъ весьма дешево.

Я просилъ барона Стюарта телеграфировать сегодня въ Кишиневъ о согласіи моемъ быть за начальника штаба въ Кавказской дивизіи; но въ депешѣ, и теперь въ письмѣ повторяю: съ моей стороны препятствія нѣтъ; рѣшеніе же этого вопроса вполнѣ предоставляю начальству. Прошу и весьма прошу безотлагательно доставить

---

[1]) По передвиженію войска.

[2]) Командиръ Кубанскаго конвоя варшавскаго генералъ-губернатора.

мнѣ 5.000 руб. Если останутся, то вернутся въ ту же кассу арміи, а если я встрѣчу здѣсь задержку, то можетъ быть и въ дѣлѣ задержка.

На-дняхъ ѣду курьеромъ отъ Стюарта прямо въ Рущукъ. Жду только пріѣзда одного изъ главныхъ агентовъ. По имѣющимся свѣдѣніямъ онъ былъ третьяго дня въ Зимницѣ и Систовѣ. Боюсь выѣхать, не дождавшись его, такъ какъ отъ него жду многаго. Вѣроятно, придется его отправить снова, а я могу, пожалуй, просидѣть въ Рущукѣ дня два и даже три. По имѣющимся свѣдѣніямъ съ верхняго Дуная—и даже у Турнъ-Северина—пошелъ ледъ, пароходъ въ Журжевѣ не перевозитъ пассажировъ и приходится переѣзжать на каикѣ; случается, что на дня два или три совсѣмъ затираетъ рѣку.

Посылаю вамъ нѣсколько №№ Neue Freie Presse—жидовская вѣнская газета, страшный врагъ Россіи, представитель денежной аристократіи Вѣны и Австріи вообще. Journal de Bukarest и Epoche—мѣстные вѣстники, первый съ французскимъ, второй съ вѣнскимъ оттѣнкомъ и, наконецъ, Turquie, которую добываю (нерегулярно) черезъ драгомана нашего консульства, Г. Няга, изъ здѣшняго министерства иностранныхъ дѣлъ.

Теперь перейду къ тому, что знаю новаго, но еще раньше упомяну, что обнародованіе турецкой конституціи, а именно то, что Румынія названа оттоманскою, а румыны—оттоманами, произвело здѣсь, во всѣхъ слояхъ, сильное возбужденіе. Въ правительственныхъ сферахъ оно выразилось вотированіемъ и отправленіемъ въ Константинополь протеста, о которомъ писалъ выше, а въ публикѣ намѣреніемъ произвести демонстрацію, устроить факельцугъ по главной улицѣ, къ дворцу князя, съ криками: долой турокъ! но мѣрами правительства демонстрація предотвращена. Казалось бы, какая удобная минута намъ воспользоваться и поставить Румыніи вопросъ категорически: за насъ или противъ насъ? но, какъ я уже сказалъ, съ одной стороны Стюартъ, схватившійся за этотъ случай, получилъ отъ Братіано вѣчное „ah, pas encore!“, съ другой—Стюартъ не рѣшился поставить все на карту, потому что не имѣетъ изъ Петербурга инструкцій, до какой степени настойчивости долженъ онъ требовать рѣшительнаго отвѣта. На неоднократно посланные вопросы по этому пункту, въ Петербургъ, отвѣта еще нѣтъ; наконецъ, съ курьеромъ-камердинеромъ, посланнымъ на прошлой недѣлѣ, и о которомъ я упомянулъ раньше, Стюартъ настоятельно спрашиваетъ отвѣта, на сколько можетъ онъ прижать Румынію—тоже нѣтъ отвѣта, хотя отъ самаго курьера есть депеша, что онъ благополучно прибылъ въ Петербургъ въ четвергъ, 23 декабря ст. стиля, и передалъ всѣ бумаги.

26-го декабря (ст. ст.).

Моихъ агентовъ еще нѣтъ. Вчера отправилъ еще одного въ Никополь и Турнъ-Магорели.

Я очень радъ, что не воспользовался совѣтомъ извѣстнаго вамъ Рогули дѣйствовать помимо консуловъ, и шляться, по выраженію Рогули, по кабакамъ и въ толпѣ... и такимъ образомъ узнавать.

Хотя мои люди еще не вернулись, но изъ разговоровъ моихъ съ ними, до отправленія ихъ, а въ особенности со старикомъ Евлогіемъ, о которомъ я писалъ шифромъ, имѣю слѣдующія свѣдѣнія: болгары единогласно говорятъ, что въ Рущукѣ регулярная турецкая дивизія. Въ газетѣ Turquie (№ 1, 1877 г.) стоитъ: Фазли-паша назначенъ начальникомъ дивизіи въ Рушукѣ. Рифаатъ-паша и Ахмедъ-паша назначены командирами бригадъ этой дивизіи. Итого, по двумъ источникамъ (болгары и газета)—въ Рущукѣ дивизія изъ двухъ бригадъ.

Князь Карлъ сказалъ Бобрикову, что у Рущука 4.300 чел. и что, по его свѣдѣніямъ, турецкіе батальоны состоятъ не изъ 500 чел., а изъ 250—300 чел. Такъ какъ организація дивизій турецкихъ весьма различна теперь, то получимъ: 1 дивизія = 2 бриг. = 4 полкамъ = = 16 батальонамъ, по 300 чел. въ батальонѣ = 4.800 чел. Если возьмемъ ту же дивизію въ 12 батальоновъ, но по 400 чел. въ батальонѣ, получимъ тѣ же 4.800 чел. Итого по тремъ источникамъ (князь, болгары, газета): въ Рущукѣ дивизія Фазли-паши, состоящая изъ двухъ бригадъ, 1-я—Рифаатъ-паша, 2-я—Ахмедъ-паша,—силою около 4.500 чел.

Князь Карлъ сообщилъ Бобрикову, что у Рущука укрѣпленія остались земляными. То же сообщили мнѣ и болгары; что касается до того, есть ли укрѣпленія на командующей возвышенности къ ю. отъ Рущука (о чемъ вы мнѣ говорили), то, по словамъ болгаръ, дѣйствительно существуетъ командующая высота, съ которой весь Рущукъ виденъ; черезъ высоту эту идутъ дороги на Разградъ, Османъ-Базаръ и, вообще, внутрь страны, на югъ и юго-востокъ. Осенью (въ октябрѣ) укрѣпленія тамъ не было; что теперь, еще не знаю, но буду знать и сообщу.

Ахмедъ-Эюбъ-паша (который былъ у Зайчара) назначенъ муширомъ (главнокомандующимъ) войскъ по Дунаю. Онъ былъ въ Рущукѣ, осматривалъ укрѣпленія и уѣхалъ въ Шумлу. Въ Добруджѣ, по словамъ болгаръ, дивизія, такая же, какъ и въ Рущукѣ. По свѣдѣніямъ газеты Turquie генералъ-маіоръ (général de brigade) Али-паша назначенъ начальникомъ дивизіи въ Добруджѣ.

Въ Константинополь изъ разныхъ мѣстъ Европейской Турціи прибывали египетскія войска, между прочимъ, изъ Салоникъ при-

были въ Скутари (на азіатскомъ берегу) 23-го декабря ст. ст.; но затѣмъ провезены на 4-хъ пароходахъ въ Варну, а оттуда въ Силистрію. На этихъ 4-хъ пароходахъ (т. е. при войскахъ, перевезенныхъ въ Варну на этихъ пароходахъ и отправленныхъ въ Силистрію) были 4 запряженныя полевыя батареи. Это согласуется съ свѣдѣніями болгаръ, что насъ ждутъ у Силистріи и что у Силистріи количество войскъ прибываетъ. Вообще ежедневно приходится слышать, что насъ ждутъ, главнымъ образомъ, у Силистріи и въ Сербіи. Послѣдніе дни (съ недѣлю) всѣ прибывающія съ Дуная лица единогласно свидѣтельствуютъ, что замѣтно большое передвиженіе турецкихъ войскъ къ Виддину (Калафатъ),—передвиженіе совершается Дунаемъ и сухимъ путемъ съ юга, изъ внутри страны, и со стороны Шумлы. Лакей Стюарта (болгаринъ), ѣздившій въ Журжево, лично видѣлъ большой пароходъ, поднимавшійся по Дунаю съ войсками; въ публикѣ говорили, что пароходъ везетъ 1.000 человѣкъ въ Виддинъ. Шелъ пароходъ мимо Рущука, но откуда, лакей, конечно, не знаетъ.

Въ пѣхотѣ турецкой (регулярной) на людяхъ 4-хъ дневный запасъ сухарей и полагается имѣть на мулахъ еще на 4 дня, итого на 8 дней при частяхъ; но, по заявленію самихъ турокъ, часто сухарей не хватаетъ и въ походѣ замѣняютъ ихъ просто лепешками.

Для васъ, конечно, старая новость—это подлѣйшій уголъ желѣзной дороги Галацъ-Браиловъ; да къ тому же тутъ мостъ на рѣкѣ Серетъ, въ публикѣ (болгары и сами румыны), ужасно боятся за этотъ уголъ и за мостъ. Хотя рѣка Серетъ и не составляетъ серьезнаго препятствія для прохода войскъ, но задержка въ движеніи будетъ большая. Румыны убѣждены, что въ случаѣ военныхъ дѣйствій, первымъ дѣломъ турокъ будетъ разрушить мостъ на рекѣ Серетѣ и участокъ желѣзной дороги Галацъ-Браиловъ. Румыны побаиваются, даже теперь, порчи моста башибузуками, до открытія военныхъ дѣйствій, при чемъ причиною такой порчи, въ мирное время, можетъ быть какая-нибудь случайность, происходящая отъ воли Божьей. Это, конечно, слухи, но тѣмъ не менѣе, этотъ уголъ желѣзной дороги весьма непріятенъ.

Въ письмѣ моемъ шифромъ я писалъ о нѣкоторыхъ моихъ агентахъ. Во главѣ ихъ стоитъ болгаринъ Евлогій Георгіевъ. Это тотъ самый Евлогій, про котораго баронъ Стюартъ докладывалъ великому князю, что онъ жертвуетъ, въ случаѣ вступленія арміи нашей въ Румынію, на 80.000 франковъ разныхъ продуктовъ для корма людей. Евлогій милліонеръ—патріархъ, можно сказать, болгарскій. Онъ говоритъ, что если окажется мало 80.000 (продуктами), то дастъ и 180.000. Онъ холостой, пожилой, въ высшей степени солидный. Въ нашемъ консульствѣ въ Букарестѣ лежитъ его духовное завѣщаніе,

гдѣ все свое состояніе жертвуетъ на устройство университета въ Болгаріи. Ни одно какое-либо серьезное дѣло или предпріятіе русскихъ безъ Евлогія не обходится. Такъ, напр., получена сегодня депеша начальника штаба, вызывающая Тарасенкова [1]); мы не знаемъ, гдѣ онъ. Послали за Евлогіемъ, прося послать своихъ молодцовъ въ Турнъ-Сѣверинъ, Кладово и вообще отыскать Тарасенкова.

Казариновъ привезъ заявленіе Аренса [2]) или Артамонова [3]) (не помню чье), узнать о количествѣ бревенъ (лѣса) въ Галацѣ, Браиловѣ, Слатинѣ и проч.—Какъ быть. Опять Евлогія на сцену. Пріѣхалъ я—все же Евлогій. Депутація болгаръ, представлявшаяся государю, Горчакову, Бисмарку, Андраши (Балабановъ и Цанковъ—хорошій Цанковъ, а то есть и другой) поѣхали на средства Евлогія и ему пишутъ донесенія. Евлогію принадлежитъ половина Ольтеницы, т. е. половина Ольтеницы занята его хлѣбными складами. У него есть дѣла и агенты въ Шумлѣ, Рущукѣ, Журжевѣ, Систовѣ, Габровѣ и т. д. Самъ онъ родомъ изъ Габрова. Человѣкъ солидный, скромный и молчаливый. Патріотъ ревностный. Можетъ быть намъ полезенъ до крайности и былъ уже много полезенъ. Между тѣмъ, на его просьбу принять жертву въ 80.000 франковъ не получено отвѣта т. е. милостивой благодарности. Это Евлогія нѣсколько огорчаетъ.

Будьте такъ добры, въ виду пользы намъ же, поговорите Артуру Адамовичу, нельзя ли ему написать письмо на имя барона Стюарта, приблизительно такое, что его высочество, выслушавъ докладъ барона Стюарта о предложеніи Евлогія Георгіевича и Верона (Веронъ, тоже богатый болгаринъ, предложилъ продуктовъ для нашей арміи на 50.000 франковъ), изволилъ милостиво отозваться объ этомъ предметѣ и благодаритъ ихъ за ихъ преданность, любовь къ Россіи и проч., и проч.

Евлогій будетъ читать и плакать, а намъ это въ пользу. Не откажите, убѣдительно прошу васъ сдѣлать это. Людямъ, подобнымъ Евлогію, деньги не дороги, у него у самого мильона два франковъ; имъ нужно ласковое слово и, конечно, пріятное щекотаніе тщеславія, что, вотъ, дескать, самъ великій князь благодаритъ. Евлогій умница, читаетъ газеты, разсуждаетъ и вообще милостивое слово его высочества Евлогію разнесется не только между болгарами въ Румыніи, но будетъ извѣстно вплоть до Филипполя. По слову Евлогія къ намъ, по переходѣ Дуная и до перехода, присоединится болгарская молодежь; и молодежь не безъ разбора (набитая въ здѣшнемъ центральномъ Болгарскомъ комитетѣ, нѣчто въ родѣ нашихъ нигили-

---

[1]) Инженерный офицеръ.

[2]) Интендантъ арміи.

[3]) Николай Дмитріевичъ, штабъ-офицеръ надъ вожатыми.

*

стовъ, возведенная на пьедесталъ московскимъ славянскимъ комитетомъ, а въ особенности, делегатомъ этого комитета,—Іонинымъ, братомъ Іонина Рагузскаго), а присоединятся настоящіе юнаки, которые, по словамъ Евлогія, могутъ быть намъ весьма полезны особенно своимъ отличнымъ знаніемъ Балканъ (Евлогій говоритъ про болгаръ балканскихъ). Евлогій проситъ только не формировать изъ нихъ отдѣльныхъ, самостоятельныхъ отрядовъ, а придавать къ нашимъ отрядамъ, при чемъ они вначалѣ будутъ полезны намъ своимъ знаніемъ мѣстности, а въ то же время, понаберутся у нашихъ войскъ умѣнья.

Когда мнѣ потребовались агенты, то Евлогій взялъ на себя роль 1-го агента, а для порученій, особой смышлености и въ то же время требующихъ смѣлыхъ и рискованныхъ путешествій, выписалъ изъ Вѣны своего коммерческаго агента Начовича [1]), говорившаго по-французски. Этотъ Начовичъ скоро вернется съ Дуная, и съ нимъ я отправлюсь самъ. Согласитесь, что всѣ подобныя дѣйствія Евлогія вознаграждаются не деньгами, а ласкою, и поэтому, не боясь надоѣсть вамъ, прошу настоятельно и убѣдительно исполнить просьбу мою и барона Стюарта—написать черезъ барона Стюарта благодарность Евлогію за всѣ его старанія и приношеніе, а Верону—за приношеніе. Такое письмо воздастся намъ сторицею. Надо замѣтить, что Евлогій и почти всѣ его агенты скомпрометтированы у турокъ.

Заодно ужъ, въ виду возможной встрѣчи, сообщу легкую характеристику нашего консульства въ Букарестѣ. О Стюартѣ уже сказано выше. Второй секретарь Золотаревъ—весьма толковый, солидный молодой человѣкъ. Въ Букарестѣ уже около 5 лѣтъ; знаетъ Румынію вдоль и поперекъ; отлично говоритъ по-румынски и хорошо по-болгарски. Правая рука Стюарта и ведетъ всѣ наисекретнѣйшія дѣла. У него ключъ отъ ящика съ шифрами. Немножко угловатъ манерами, и я думаю, что этому обстоятельству слѣдуетъ приписать то, что нашъ Золотаревъ [2]) (ген. штаба) не особенно лестно о немъ отзывался. Золотаревъ (здѣшній) способенъ работать днемъ и ночью. 1-й драгоманъ Няга, солидный, толковый, отлично знающій языки, уменъ. 1-й секретарь—Казариновъ, который былъ у васъ. Ума посредственнаго. Не пользуется довѣріемъ Стюарта и иногда совсѣмъ не посвящается въ секретныя дѣла. Такъ, напр., переговоры о конвенціи (военной) велись, кромѣ Нелидова [3]) и Кантакузена, Стюартомъ и Золотаревымъ, а Казариновъ ничего не зналъ. За то манерами мягокъ и сладокъ. Завидуетъ Золотареву. Всѣ порученія

[1]) Впослѣдствіи министръ финансовъ Болгаріи.

[2]) Впослѣдствіи посолъ въ Константинополѣ.

[3]) Полковникъ генеральнаго штаба.

Стюарта, требующія толковости, быстроты и тайны, совершаются Золотаревымъ, а разъѣзжать на вечера по консуламъ и другимъ лицамъ—это область Казаринова.

29-го декабря, среда.

Только-что видѣлъ Т., вернувшагося изъ Кладова. Такъ какъ онъ не поспѣлъ на вчерашній вечерній поѣздъ въ Яссы, то можетъ прибыть только въ воскресенье въ Кишиневъ, а для этого ему надо выѣхать въ пятницу вечеромъ, онъ же хочетъ выѣхать въ четвергъ вечеромъ на томъ основаніи, что ему въ Букарестѣ скучно, а лучше прожить лишній день въ Яссахъ, гдѣ онъ не былъ. Я сказалъ ему, что лучше обождать до пятницы, потому что я жду каждый день свѣдѣній, и, слѣдовательно, могу получить эти свѣдѣнія въ пятницу утромъ, да, наконецъ, каждый день здѣсь приноситъ новости, но онъ остался при своемъ. Тогда я прошелъ къ барону Стюарту и просилъ его, во всякомъ случаѣ, задержать Т. до пятницы, тѣмъ болѣе, что когда бы онъ ни выѣхалъ, все же равно раньше воскресенья вечера въ Кишиневѣ не будетъ. (Не знаю, знаетъ ли Т., кто я. Если Бобриковъ сказалъ, то знаетъ. Представленъ же я, какъ вологодскій помѣщикъ, двоюродный братъ жены Стюарта).

Прочитывая мое письмо, мнѣ пришла мысль, не напрасно ли я пишу разныя характеристики; это въ сущности не мое дѣло и къ моему дѣлу не идетъ. Но рѣшилъ оставить, какъ есть; повредить не можетъ, а можетъ, при какомъ-либо случаѣ, быть полезнымъ. Поэтому прошу васъ не вѣрить Т., если онъ будетъ говорить, что могъ бы пріѣхать ранѣе воскресенья, направившись на почтовыхъ, на Корнешти. Онъ заявилъ было объ этомъ намѣреніи, но такъ какъ въ консульствѣ знаютъ, что онъ ужасный трусъ, то, смѣясь, разсказывали, что по дорогѣ на Корнешти есть разбойники. Т. тотчасъ же заявилъ, что не поѣдетъ на почтовыхъ. Знали же въ консульствѣ, что онъ боязливаго характера, потому что онъ, еще ѣдучи въ Кладово, приходилъ при мнѣ къ Стюарту заявить, что боится жить въ Букарестѣ; что онъ изъ окна своего номера въ гостиницѣ видѣлъ, какъ на противуположной сторонѣ улицы совѣщались два статскихъ, изъ коихъ одного онъ встрѣтилъ въ коридорѣ гостиницы, что эти два статскихъ ходили на уголъ улицы бесѣдовать съ какой-то феской и, наконецъ, закончилъ свой разсказъ просьбой, чтобы баронъ Стюартъ категорически сообщилъ ему, насколько обезпечена его, Т., жизнь. Этотъ оригинальный вопросъ заставилъ Стюарта иронически улыбнуться, а меня покраснѣть.

Я живу въ той же гостиницѣ и хотя знаю, что за мной слѣ-

дять, но знаю, что и за консуломъ слѣдятъ, да и за всѣми, что это болѣе забавно, нежели страшно, хотя и не отрицаетъ необходимости быть осторожными, но опять не относительно жизни, а относительно бумагъ, писемъ и т. п.

Вчера вечеромъ уѣхалъ въ Кишиневъ господинъ Юговичъ, ѣдущій въ Петербургъ съ предложеніемъ въ морское министерство о какой-то подводной лодкѣ, которая, кажется, можетъ проплыть подъ водой изъ Кронштадта до Безики. У этого Юговича есть братъ въ Кишиневѣ, кажется, желѣзнодорожный инженеръ. Молодой Юговичъ хотѣлъ ѣхать изъ Букареста курьеромъ въ Кишиневъ; но Стюартъ не рѣшился дать ему бумагъ, потому что букарестская полиція не выдавала Юговичу билета на свободный выѣздъ изъ города, а безъ этого свидѣтельства Стюартъ не рѣшился выдать русскаго паспорта и вручить корреспонденцію. Не дай Богъ, власти Румыніи задержать его на дорогѣ.

Письмо это буду продолжать до отъѣзда Т. Прошу убѣдительно увѣдомить меня: перемѣнить ли мнѣ форму, такъ и направленіе писемъ, или оставить какъ есть, въ видѣ частнаго дневника. Прошу также увѣдомить, состоялось ли назначеніе мое въ кавказскую дивизію. Это меня очень интересуетъ, главнымъ образомъ, потому, что по моимъ скромнымъ соображеніямъ, въ случаѣ похода, кавказскіе казаки не будутъ въ обозѣ, чего я для себя не желалъ бы.

9 ч. вечера. Какое счастіе, что задержалъ Т. Только-что пріѣхалъ, давно жданный мною, Начовичъ. Я уже говорилъ съ нимъ, но онъ просилъ дать ему время до завтрашнаго утра, для приведенія въ порядокъ замѣтокъ, сдѣланныхъ при его рекогносцировкахъ.

Теперь скажу слѣдующее: по письму начальника штаба къ барону Стюарту видно, что въ Кишиневѣ желаютъ скорѣйшаго разъясненія положенія Румыніи, другими словами, скорѣйшаго подписанія конвенціи, чтó понятно. Поэтому, и въ письмѣ начальника штаба высказано желаніе, чтобы дѣйствія Стюарта были направлены къ скорѣйшему разрѣшенію этого вопроса, въ смыслѣ положительномъ, т. е. подписанію.

Игнатьевъ [1]) на-дняхъ телеграфировалъ: „удивительно, что въ то время, какъ Румынія здѣсь протестуетъ противъ нѣкоторыхъ пунктовъ и терминовъ новой конституціи—она же медлитъ подписать конвенцію. Настаивайте на скорѣйшемъ подписаніи и проч.“.

Итакъ, съ двухъ сторонъ давленіе въ пользу скорѣйшаго подписанія. Но конвенція не подписана и можно думать, что Стюартъ не настаиваетъ? Но вѣдь мы не знаемъ содержанія депешъ Горчакова?

[1]) Графъ Николай Павловичъ.

Можетъ, тамъ ключъ къ загадкѣ? (впрочемъ, можетъ, у васъ извѣстны депеши Горчакова, тогда то, что пишу теперь—лишнее). А способъ узнать есть. Не знаю, какъ онъ покажется съ моральной стороны, но съ практической примѣнимъ и вѣренъ: всѣ депеши сюда идутъ изъ Петербурга, черезъ Одессу, Кишиневъ и т. д. Главнокомандующій имѣетъ право приказать доставлять ему всѣ письма и депеши, однимъ словомъ, сдѣлать, такъ называемую, перлюстрацію депешъ. Ключъ у Хитрово есть. Баронъ Стюартъ, въ бытность свою въ Кишиневѣ, въ виду возможности полученія важныхъ депешъ, приказалъ всѣ депеши, шифрованныя и нешифрованныя, адресованныя въ консульство, въ Букарестъ, задерживать въ Кишиневѣ для прочтенія. Уѣзжая, баронъ Стюартъ не дѣлалъ отмѣны этого распоряженія, и я могу засвидѣтельствовать, что онъ не будетъ огорченъ, если депеши Горчакова и Гирса къ нему будутъ перлюстрованы въ Кишиневѣ. Конечно, для вида, онъ, можетъ быть, и будетъ огорченъ, но въ сущности нѣтъ. По крайней мѣрѣ, въ разговорахъ со мною, онъ высказалъ, въ формѣ опасенія, не скажу надежду, на вѣроятное предположеніе, что перлюстрованія будутъ. А если оно есть, то и дѣло въ шляпѣ.

P. S. Этотъ вопросъ о перлюстраціи нѣсколько идетъ въ разрѣзъ, съ сказанными мной на первой страницѣ листа 4-го, о неполученіи инструкцій изъ Петербурга. Я имѣю возможность положительно удостовѣрить, что со вчерашняго дня, 28 декабря ст. ст. (даже ранѣе, съ 27 декабря, вечера) депеши отъ Горчакова стали получаться.

Пожалуйста, поговорите обстоятельно съ Бобриковымъ и Артамоновымъ, имѣются ли подробныя свѣдѣнія о конфигураціи береговъ Дуная отъ Журжево до Систова (Зимницы). Мнѣ представляется возможность проѣхать Дунаемъ отъ Журжева до Систова (Зимницы), но возможность весьма рискованная въ двухъ отношеніяхъ: 1) Попасться въ руки турокъ. 2) Утонуть. Слѣдовательно, если свѣдѣнія Бобрикова и Артамонова достаточны, то я не поѣду. Дѣло въ томъ, что въ Журжевѣ есть паровая лодка, принадлежащая греку, не то другу, не то поставщику турокъ. Лодка поднимаетъ, кромѣ трехъ человѣкъ прислуги, въ томъ числѣ и хозяина, еще двухъ, много 3-хъ человѣкъ. Можно было бы нанять эту лодку и проѣхаться до Зимницы. Времени потребовалось бы часовъ 6-ть.

Евлогій положительно противъ этой поѣздки по двумъ причинамъ: 1) Грекъ направитъ, подъ разными предлогами, ходъ лодки ближе къ южному берегу Дуная, или на мель у турецкаго берега и тогда—финалъ; 2) Будь это лѣтомъ не бѣда, а зимой, при большой водѣ и вѣтрахъ, ѣхать на скорлупѣ, которая и названіе-то имѣетъ: муха,—неудобно.

Начовичъ противъ перваго возражаетъ, что, имѣя оружіе, можно

заставить грека слушаться, противъ 2-го—авось, не будетъ вѣтра. Жду вашего отвѣта. Во всякомъ случаѣ результатъ этой экскурсіи—посмотрѣть правый берегъ отъ Рущука до Систова, потому что сухопутьемъ ѣхать по самому берегу нельзя—затоплено, а по дорогѣ—не видно праваго берега.

Вчера долженъ былъ пріѣхать къ Стюарту Братіано, но заболѣлъ. Сегодня Стюартъ былъ у него. Повидимому, до подписанія конвенціи еще очень далеко. Братіано, какъ и слѣдуетъ истому румыну, проситъ задатокъ, т. е. часть обѣщанныхъ ружей и пятидесяти пушекъ.

На вопросы же по поводу этихъ обѣщанныхъ ружей, пушекъ и проч., вопросы, посылаемые Стюартомъ въ Петербургъ—отвѣтъ: молчаніе.

Если хотите, то, до нѣкоторой степени, Братіано правъ.

Министры Румыніи сильно хлопочутъ о признаніи Европой Румыніи—нейтральной, на подобіе Бельгіи, Швейцаріи... Если это будетъ, то для насъ это преграда по дорогѣ въ Турцію, пожалуй, непреодолимая.

Письмо князя къ великому князю будетъ, кажется; неизвѣстно, еще впрочемъ какого содержанія. Князь хотѣлъ было вначалѣ отдѣлаться телеграммой въ Кишиневъ по случаю новаго года.

Посылаю вамъ газеты десять №№ Neue Freie Presse, 4-е №№ Epoche, 4-е №№ Journal de Bukarest и Turquie, а также одинъ листокъ прибавленія Timpul.

Прошу васъ, Казиміръ Васильевичъ, взять на себя трудъ засвидѣтельствовать мои вѣрноподданническія чувства его высочеству.

Уважающій васъ Петръ Паренсовъ.

Пожалуйста, займитесь перлюстраціей депешъ, идущихъ изъ Петербурга въ Букарестъ; право, не будете въ накладѣ. Замѣтьте, что Петербургъ не отвѣчаетъ Стюарту на вопросъ: „слѣдуетъ ли сообщать Кишиневу всю переписку Букареста съ Петербургомъ“. Если бы Петербургъ былъ до крайности заинтересованъ, чтобы Стюартъ не сообщалъ, то, навѣрное, телеграфировалъ бы: „не сообщайте ни за что“; а онъ молчитъ. Съ другой стороны, можетъ быть, въ Петербургѣ считаютъ неловкимъ разрѣшить Стюарту сообщать вамъ вообще все, и поэтому отдѣлываются молчаніемъ. А Стюартъ, конечно, не рискуетъ.

Понятно, что мои намеки на перлюстрацію составляютъ секретъ для Стюарта; т. е. онъ, вѣроятно, догадывается, что я напишу объ этомъ, но громко не было произнесено съ его стороны: „напишите“, а съ моей: „напишу“.

Хотя это въ родѣ игры въ кошки—мышки, но il faut sauver les convenances.

31-го декабря 3 часа по полудни.

Сейчасъ получилъ еще 2 №№ Turquie, которые прилагаю.

Сегодня же въ ресторанѣ, первый разъ получилъ газету: Messager de Vienne, organe des intèrêts d'orient, выходитъ три раза въ недѣлю. Я много слышалъ о ней, но въ розничной продажѣ здѣсь нѣтъ. Газета имѣетъ корреспондентовъ въ Шумлѣ, Рущукѣ, Силистріи и проч.

Въ № 79, 9-го января нов. ст., который читалъ сегодня, корреспонденція изъ Шумлы отъ 31-го декабря, гдѣ говорится, что, несмотря на заявленія многихъ газетъ, и между прочимъ Journal des Débats, утверждающей, что у Шумлы есть укрѣпленный лагерь съ 50 тыс. человѣкъ, въ настоящее время, 31 декабря нов. ст., въ Шумлѣ всего 12.000. Сравните эту цифру и цифру Начовича (10.000), и мое мнѣніе, что не менѣе 10.000.

Въ той же газетѣ изъ Галаца пишутъ: 1-го января нов. ст. отсюда (изъ Галаца) отплылъ въ Силистрію, на зимнюю стоянку, броненосный корветъ.

Выпишите эту газету. Хвалятъ.

Погода все сырая. Туманы ужасные уже болѣе недѣли.

Что значатъ новости, сообщенныя бар. Стюартомъ нач. шт. въ письмѣ съ Т.

1) О перевозкѣ волонтеровъ изъ Турна въ Унгени.

2) О мобилизаціи Австріи?

Жители ждутъ около крещенья морозовъ, которыхъ еще не было.

28-го декабря ст. ст., вторникъ.

Такъ какъ письмо пишется постепенно, то во время писанія являются свѣдѣнія, опровергающія, добавляющія, изъясняющія писанное. Вотъ причина существованія листа А.

Относительно льда на Дунаѣ. У Турнъ-Сѣверина и выше, дѣйствительно, показался ледъ, но это не дунайскій, а изъ впадающихъ рѣчекъ, особенно текущихъ съ сѣвера.

Сегодня получили депешу ген.-адъют. Непокойчицкаго въ выдачѣ мнѣ въ случаѣ нужды денегъ изъ консульства. До сихъ поръ своихъ еще довольно. Экономію буду соблюдать и до сихъ поръ, по совѣсти, не могу еще попрекнуть себя въ расточительности.

Прилагается листокъ: Supliment estreordinar le № 210 Timpul. Тамъ отмѣчено интересное и приложенъ переводъ. Всѣ цифры турецкихъ войскъ, стоящія подъ рубрикой — дутыя. Ихъ надо дѣлить, по крайней мѣрѣ, на 4. Тогда выйдетъ въ Рущукѣ не 18 тыс., а 4 съ полов. тыс., какъ я и пишу. Эти цифры офиціознаго Вакитъ

расходятся даже съ назначеніями, приведенными въ французской офиціальной Turquie, прилагаемой. Въ ней (газетѣ) говорится: Фазли (Фезли)-паша назначенъ начальникомъ дивизіи въ Рущукѣ. А тутъ вдругъ Вакитъ говоритъ о 18-ти-тыс. Далѣе, въ Turquie говорится: Али-паша назначенъ начальникомъ дивизіи въ Добруджѣ, а Вакитъ насчиталъ тамъ уже 27 тыс., да еще въ Тульчѣ 21 тыс. Это положительно вздоръ. Въ Добруджѣ дивизія, какъ и въ Рущукѣ и въ Тульчѣ можетъ быть части этой дивизіи, да башибузуки.

4) Пожалуйста сообщите: доноситъ ли вообще Кожевниковъ [1]). Болгары увѣряютъ, что онъ могъ бы знать все, касающееся Рущука и Шумлы, какъ свои пять пальцевъ.

Кожевниковъ былъ прежде въ Трновѣ и оставилъ у болгаръ плохую память своей недѣятельностію и отсутствіемъ энергіи.

31-го декабря.

5) Пожалуйста, увѣдомьте: продолжать ли посылку газетъ или вы ихъ получаете.

6) Пожалуйста, увѣдомьте, если можно, то и депешей, продолжать ли мое писаніе въ томъ духѣ, какъ теперь.

Понедѣльникъ 27-го декабря 1876 г. (ст. ст.).

Офиціозный журналъ Вакитъ утверждаетъ, что въ экстренномъ совѣтѣ министр. вчерашняго числа (4 января н. ст.) было принято рѣшеніе—отказать въ принятіи пунктовъ, предложенныхъ конференціей. Что касается до интернаціональной комиссіи, учрежденія международной полиціи, равенства греческаго и болгарскаго языковъ съ турецкимъ въ офиціальныхъ сношеніяхъ, учрежденія полиціи и спеціальныхъ трибуналовъ, сбора податей по провинціямъ, такъ и сбора 3% съ 100 на расходы, то этотъ отказъ основанъ на конституціи и законѣ Валай Тулой.

Вакитъ думаетъ, что рѣшеніе это принудитъ уполномоченныхъ выѣхать. Между тѣмъ надѣется на нейтральность Европы, такъ что борьба будетъ только между Россіей и Турціей.

Турецкіе генералы думаютъ (надѣются), что будутъ въ состояніи противустоять грудью русской арміи. По свѣдѣніямъ этого журнала (Вакитъ), военныя силы Турціи въ Дунайскомъ вилайетѣ состоятъ изъ 160.000 чел., раздѣленныхъ слѣдующимъ образомъ. Силистрія—15 тыс., Рущукъ—18 тыс., Шумла—24 тыс., въ Добруджѣ—27 тыс., Тульча—21 тыс. Остальное находится въ разныхъ мѣстностяхъ вилайета.

---

[1]) Нашъ консулъ въ Рущукѣ.

Кельнская газета сообщаетъ, что государь, не находя способнаго генерала у насъ, приглашаетъ Мантейфеля, который кстати русскій фельдмаршалъ. Мантейфель отказалъ на томъ основаніи, что будто берлинскій дворъ потребовалъ въ случаѣ согласія его—выйти изъ прусской службы.

Изъ Польши и сѣверной части Россіи идутъ значительныя массы войскъ, амуниціи и всякіе запасы, направляясь въ Кишиневъ.

Кельнская газета, по враждебности Россіи и тенденціозности извѣстій, стоитъ почти рядомъ съ Neue Freie Presse; но эта послѣдняя превосходитъ всякое вѣроятіе.

4-го января 1877 г. (ст. стиль).

Милостивый государь Казиміръ Васильевичъ. Такъ какъ я не имѣю отъ васъ отвѣта на мой вопросъ о степени пригодности моихъ писемъ и духа ихъ, продолжаю по-прежнему.

На случай вступленія нашихъ войскъ въ Румынію или на случай пріѣзда его высочества въ Бухарестъ необходимо имѣть въ виду слѣдующее: вицепрезидентъ сената Іонъ Гика, открытый, закоренѣлый врагъ Россіи и другъ Турціи; не скрываетъ нигдѣ и никогда своихъ крайнихъ антипатій къ Россіи и симпатій къ Турціи, глава туркофильской партіи въ Румыніи.

Президентъ камеры Р., редакторъ газеты Румынулъ.

Крайній республиканецъ, во время осады Парижа жилъ тамъ, былъ на сторонѣ коммуны и настолько рѣзокъ въ коммунистскихъ воззрѣніяхъ своихъ, что даже члены коммуны находили его слишкомъ крайнимъ. Врагъ Россіи—другъ Турціи.

Военный министръ, полковникъ С. Отецъ его, цыганъ, былъ въ услуженіи у тестя бывшаго военнаго министра генералъ Флореско. Маленькій С. былъ воспитанъ въ этомъ семействѣ и, достигнувъ чина полковника, сдѣлался послушнымъ орудіемъ Іона Гики; благодаря этой протекціи, добился до званія военнаго министра, при чемъ, первымъ дебютомъ его было требованіе предать суду генерала Флореско, что̀ и исполнилось. Человѣкъ по общимъ отзывамъ бездарный, мало знающій, но съ гибкой спиной; другъ Турціи и врагъ Россіи. Благодаря тому, что С. — послушное орудіе Іона Гики, происходитъ то, что Барбошскій мостъ на р. Серетъ (по жел. дор.) не защищенъ ничѣмъ, несмотря на неоднократныя заявленія многихъ, въ томъ числѣ командира регулярнаго полка, стоящаго въ Галацѣ. У моста не только нѣтъ прикрытія, но даже, хотя бы для формы, нѣтъ караула.

Бывшій военный министръ Флореско, генералъ-лейтенантъ (Ge-

neral de division) вполнѣ преданъ Россіи; говорятъ, весьма знающій и занимающійся человѣкъ.

Есть здѣсь полковникъ К., ищетъ мѣста, желаетъ получить полкъ; весьма вѣроятно, что при вступленіи нашихъ войскъ въ Румынію, явится съ предложеніемъ услугъ. Продажный человѣкъ, готовъ служить двумъ сторонамъ. Довѣрять нельзя ни на грошъ. То же можно сказать про коменданта Бухареста, полковника К.

На-дняхъ получено шифрованное письмо Игнатьева; суть его въ томъ, что конференціи кончились, что въ понедѣльникъ, 3-го января ст. ст., будетъ предложенъ Портѣ словесный ультиматумъ и въ случаѣ отрицательнаго отвѣта послѣдуетъ отъѣздъ пословъ и разрывъ. Игнатьевъ прибавляетъ (вѣроятно, по своимъ соображеніямъ или по слухамъ въ Константинополѣ), что турки перейдутъ на лѣвый берегъ Дуная. Въ связи съ этимъ есть свѣдѣніе изъ турецкихъ газетъ, что будто въ Рущукскомъ арсеналѣ спѣшно строятъ плоты, паромы и mahons (турецкое транспортное судно), для переправы войскъ, въ случаѣ надобности. Вслѣдствіе этого я просилъ Кожевникова навести справки, а также послалъ нарочнаго болгарина въ Рущукъ.—Кожевниковъ сегодня написалъ Стюарту, что у него нѣтъ денегъ для справки, что онъ получилъ отъ штаба 500 р., но что этого мало. Я посылаю ему завтра утромъ 1.000 франковъ.

Есть слухъ (турецкій источникъ), что турки укладываютъ у Рущука мины на Дунаѣ. Моимъ людямъ велѣно навести справки. Я сомнѣваюсь въ этомъ слухѣ.

Сегодня 5-го января важныя новости. Братіано самъ явился къ Стюарту съ предложеніемъ подписать конвенцію. При этомъ онъ просилъ, въ силу обѣщанія, даннаго Россіей, доставить имъ поскорѣй 50 пушекъ, 500 артиллерійскихъ лошадей и вмѣсто ружей—2 мил. франковъ, чтобы на эти деньги купить ружей въ Парижѣ. Кромѣ этого, Братіано убѣдительно просилъ доставить поскорѣй торпедо, для защиты Барбошскаго моста и офицеровъ для укладки торпедо. О мостѣ Братіано говорилъ съ большимъ страхомъ; спохватились. Въ силу инструкцій, полученныхъ 27 и 28 декабря ст. ст. изъ Петербурга (вспомните мои слова о перлюстраціи), Стюартъ телеграфировалъ въ Петербургъ, спрашивая, какой дать отвѣтъ Братіано, а также телеграфировалъ въ Кишиневъ.

Здѣсь въ генеральномъ штабѣ, еще во время министерства Флореско, начали печатать карту Румыніи, маршрутную, но по сверженіи Флореско, дѣло остановилось. Тѣмъ не менѣе, я имѣю надежду, т. е. мнѣ обѣщали, конечно, за деньги, добыть экземпляръ вчернѣ, не отдѣланный. Обѣщали достать къ вторнику, 11 января. Кромѣ того одинъ книгопродавецъ, конкурирующій съ генеральнымъ штабомъ по

части изданія картъ, обѣщалъ дать свою карту, тоже не отдѣланную, карту населенныхъ пунктовъ съ обозначеніемъ количества душъ въ деревняхъ. Посмотрѣвъ эти карты, я, если найду стоющимъ, пошлю съ нарочнымъ.

Я уже давно имѣлъ въ виду провѣрять свѣдѣнія, получаемыя моими людьми, и дополнять ихъ свѣдѣніями, добытыми изъ румынскаго военнаго министерства тѣмъ болѣе, что князь хвастался Бобрикову, что его офицеры гуляютъ даже по южному берегу Дуная. Но Стюартъ, въ виду двусмысленности политики Румыніи, не рѣшился передать Братіано мою записку. Теперь же, вслѣдствіе очевиднаго поворота Румыніи въ нашу сторону, записка моя передана сегодня Братіано. Записка составлена осторожно, такъ что по ней никакъ нельзя судить, какіе именно пункты для насъ важны. Въ пятницу 7-го янв. поѣдетъ къ вамъ курьеръ, можетъ быть извѣстный вамъ, Райчо Николовъ [1]). Если это рѣшится утвердительно, т. е. посылка, то я вызову къ пятницѣ моихъ людей съ Дуная и вѣроятно буду въ состояніи сообщить вамъ еще кое-что.

Въ случаѣ если будете посылать обратно нашего курьера или пошлете своего къ намъ, пожалуйста пришлите письма Евлогію Георгіеву и Верону, о которыхъ я писалъ въ письмѣ № 4; сегодня уже пришлось толковать съ Евлогіемъ и спрашивать, гдѣ его склады, а его еще не поблагодарили.

Карцевъ [2]) телеграфировалъ, какъ вамъ извѣстно, Стюарту о приготовленіи поѣздовъ для перевозки добровольцевъ изъ Сербіи; депеша была не шифрованная и конечно была прочтена Братіано (перлюстрація). Сегодня Братіано проговорился Стюарту, можетъ быть и нарочно, что знаетъ о предполагаемой перевозкѣ добровольцевъ и при этомъ спросилъ: неужели вы покидаете Сербію? Стюартъ затруднялся отвѣтомъ, говорилъ, что ничего не знаетъ, т. е. не знаетъ причины этого. Братіано не вѣрилъ и наконецъ спросилъ личное мнѣніе Стюарта, который заявилъ, что хотя и ничего не знаетъ, но думаетъ не есть ли это военная хитрость съ нашей стороны, т. е. усыпить непріятеля на счетъ движенія въ Сербію,—а потомъ и пойти туда. Братіано задумался, потомъ вдругъ схватился за лобъ, съ восклицаніемъ и съ выраженіемъ человѣка, угадавшаго наконецъ тайну сокровенную. Я увѣренъ, что теперь Братіано даетъ голову на отсѣченіе, что мы идемъ главными силами въ Сербію.

Сегодня, въ четвергъ 6 января ст. ст., получилъ отъ моихъ агентовъ

[1]) 1853 г. мальчикомъ переплылъ Дунай и сообщилъ нашимъ войскамъ свѣдѣнія о туркахъ. Портретъ его былъ помѣщенъ въ Русск. Худож. Листкѣ Тима. Въ 1877—78 гг. служилъ офицеромъ въ болгарскихъ дружинахъ.

[2]) Нашъ генеральный консулъ въ Сербіи.

слѣдующія свѣдѣнія отъ 2 января ст. ст.: въ Раховѣ (Орѣховѣ) было недѣли двѣ тому назадъ 700 человѣкъ пѣхоты, но ихъ отправили въ Систово; теперь въ Раховѣ нѣтъ ничего. Въ Никополѣ отнюдь не болѣе 2-хъ таборовъ, 900 человѣкъ пѣхоты; въ Никополѣ скупаютъ, заготовляютъ пшеницу и кукурузу (дѣлаютъ складъ). Въ Систовѣ не болѣе 800 человѣкъ разныхъ родовъ оружія (по первому моему письму: 600 пѣх., 150 кавал. и двѣ батар.).

Слѣдуетъ замѣтить, что сообщаемыя сегодня свѣдѣнія почерпнуты изъ другаго источника, т. е. отъ другаго агента, сравнительно съ свѣдѣніями письма № 4 въ Вратцѣ (Wratza), по слухамъ моего агента, есть таборъ пѣхоты въ 400 человѣкъ и что по дорогѣ, ведущей изъ Вратцы въ Софію, строятъ укрѣпленіе; къ сожалѣнію, мой агентъ забылъ названіе мѣста, гдѣ именно строятъ укрѣпленіе. Помнитъ только, что въ верховьяхъ Искера, и полагаетъ, что это у Интаково (на моей картѣ, французской—Литаково, такъ какъ Интаково находится въ верховьяхъ Искера и господствуетъ, командуетъ входомъ въ ущелье Искера). Этотъ человѣкъ, сообщившій мнѣ поименованныя свѣдѣнія, купецъ, торгующій солью и снабжающій солью прибрежные пункты Дуная, поэтому онъ ѣздитъ по Дунаю на турецкихъ судахъ, не возбуждая подозрѣнія. Онъ болгаринъ. 31-го декабря стараго стиля онъ плылъ внизъ по Дунаю на турецкомъ суднѣ и вслѣдствіе сильныхъ тумановъ ѣхалъ очень медленно. На Дунаѣ встрѣтилъ онъ 31 декабря поднимающихся по Дунаю къ Видину три парохода, шедшіе изъ Рущука. Каждый изъ пароходовъ велъ на буксирѣ баржу. Все это было полно солдатъ. 1-го января, т. е. на другой день, возлѣ самаго Рущука, встрѣтилъ онъ еще два турецкихъ парохода, но безъ баржъ. Эти пароходы были также наполнены солдатами и везли 4 орудія (по описанію полевыя). Эти два парохода также поднимались по Дунаю. По предположенію моего господина, на этихъ пяти пароходахъ и трехъ баржахъ должно было быть около 2.000 человѣкъ. Такъ что количество войскъ въ Рущукѣ, показанное въ письмѣ моемъ № 4 (7.000), слѣдуетъ уменьшить на 2.000, такъ какъ войска на этихъ судахъ ѣхали изъ Рущука. Но съ другой стороны войска, о которыхъ я упоминалъ въ письмѣ № 4—и показывалъ неприбывшими 28-го и 29-го декабря (1.100 и 1.300)—прибыли. Слѣдовательно, къ 1 янв. стараго стиля число всѣхъ войскъ въ Рущукѣ было опять таки около 7.000 человѣкъ. Эти 2.400 человѣкъ редифы изъ Дамаска. Такъ что въ Рущукѣ большинство войскъ азіатскихъ.—Тахиръ-паша уѣхалъ изъ Рущука въ Виддинъ.

Передъ Рущукомъ, на якорѣ, стоятъ три винтовыя лодки, возвышающіяся надъ водою на метра (?) приблизительно; каждая имѣетъ по

4 орудія въ башнѣ. Башенъ на каждой лодкѣ одна. Рулевой съ рулемъ открыть, т. е. не въ башнѣ.

Мой человѣкъ увѣряетъ, что башни на лодкахъ деревянныя; за вѣрность этого послѣдняго обстоятельства я не отвѣчаю.

Нѣсколько времени тому назадъ кромѣ этихъ трехъ судовъ, были еще два небольшихъ корвета, которые держали постоянные рейсы между Виддиномъ и Рущукомъ. Но теперь, вслѣдствіе того, что они очень глубоко сидятъ въ водѣ, ихъ отвезли въ Тульчу на зимовку, такъ что въ настоящее время нѣтъ ни одного турецкаго военнаго судна—крейсера, плавающаго по Дунаю между Рущукомъ и Виддиномъ, кромѣ тѣхъ трехъ винтовыхъ шлюповъ, которыя стоятъ.

Въ Шумлу пріѣзжалъ какой-то англійскій инженеръ (я думаю, все тотъ же Беккеръ), осматривалъ фортъ у Каспитшена, о которомъ я уже писалъ. Инженеръ этотъ нашелъ, что фортъ Бешъ-Тепе дурно поставленъ и что въ случаѣ, если непріятель подойдетъ къ нему съ южной стороны, то можетъ легко овладѣть имъ и, овладѣвъ имъ, удобно обстрѣливать Шумлу. Инженеръ этотъ указалъ мѣсто для постройки дополнительныхъ укрѣпленій. Но еще до сихъ поръ не приступлено ни къ какимъ новымъ работамъ и самый фортъ Бешъ-Тепе не вполнѣ конченъ и не вооруженъ.

Теперь обращусь къ слухамъ: Здѣсь распространился слухъ, т. е. консульство получило секретное свѣдѣніе, кажется, въ видѣ слуха, что нѣкоторые наши эмигранты, сочувствуя Турціи, задумали устроить компанію петролистовъ или петролейщиковъ, при чемъ одной изъ цѣлей этихъ господъ поставлено взрываніе русскихъ артиллерійскихъ (или патронныхъ) ящиковъ, на походѣ, бивакѣ и на квартирахъ.

Консульство хотя и получило объ этомъ свѣдѣніе, кажется, въ видѣ слуха (а впрочемъ не знаю), но встревожилось и приняло мѣры для наблюденія за эмигрантами и другими лицами, находящимися здѣсь, въ Яссахъ, а особенно въ Галацѣ. Консульство предписало наблюдать и тамъ. Затѣмъ также, въ видѣ слуха, что изъ Вѣны, также эмигрантами доставляются, черезъ Букарестъ, на Дунай мины. Куда именно на Дунай, не знаю. Объ всемъ этомъ будутъ наведены справки.

Конвенція переписывается въ нужномъ числѣ экземпляровъ, въ консульствѣ, съ большой торопливостью. Есть надежда думать, что скоро будетъ подписана.

Посылаемый курьеръ Раича Николовъ вѣроятно будетъ отправленъ отъ васъ сюда. Пожалуйста, не пропустите этого случая, чтобы исполнить слѣдующее:

1) Благодарственныя письма болгарамъ Евлогію Георгіевичу и Верону. Первому за пожертвованіе и услуги, оказанныя и оказываемыя

нашему дѣлу, а второму за пожертвованіе. Евлогій, какъ уже я писалъ, участвуетъ во всякомъ нашемъ начинаніи и полезенъ не только по сю сторону Дуная, но и по ту сторону Балканъ.

2) Сообщите подробности о здоровьи великаго князя. Здѣсь ходятъ слухи, что онъ опять заболѣлъ и что вообще поправляется весьма медленно.

3) Отвѣчайте пожалуйста на вопросы о содержаніи моихъ писемъ и посылать ли газеты?

4) Назначенъ ли я въ кавказскую дивизію?

Прошу васъ, не полѣнитесь эти просьбы исполнить.

Здѣсь нѣсколько дней стала зима, но снѣгу маловато.

Судя по иностраннымъ газетамъ, въ Кишиневѣ не мало корреспондентовъ иностранныхъ газетъ.

Многіе жители Рущука подтвердили, что не слыхали и не видали, чтобы въ Рущукъ привозили или черезъ Рущукъ провозили тяжелыя большія пушки, осадныя или крѣпостныя. Это подтверждаетъ сообщенное мною, что орудія разныхъ укрѣпленій Рущука—полевыя, хотя и вѣрно то, что 4 орудія въ новомъ, цементномъ укрѣпленіи Б—довольно большаго калибра.

Также сообщено изъ вѣрныхъ источниковъ, что не видѣли и не слышали, чтобы въ это новое цементное укрѣпленіе Б провозили бревна, брусья (это отвѣтъ на мой вопросъ по поводу возможности постройки блиндажей и платформъ). Также до сихъ поръ не подтвердился слухъ о постройкѣ въ Рущукѣ паромовъ, плотовъ и лодокъ для переправы на этотъ берегъ.—По свѣдѣніямъ, сообщаемымъ болгариномъ, служащимъ на Рущукской станціи желѣзной дороги, т. е. тѣмъ, который сообщилъ о перевозкѣ цемента, оказывается, что войска, находящіяся въ Рущукѣ, составляютъ дивизію (что̀ согласуется съ сообщеннымъ мною въ № 4) изъ состава 2-го корпуса; штабъ 2-го корпуса находится въ Шумлѣ. Два батальона изъ Рущукской дивизіи были въ Скутари (Шкодрѣ); это согласуется и съ другими свѣдѣніями, что дивизія въ Рущукѣ сборная.

Въ Рущукъ почти каждый вечеръ прибываютъ солдаты, но весьма малыми партіями отъ 60—150 человѣкъ; прибываютъ въ самомъ жалкомъ видѣ. Такъ, напримѣръ, недавно прибыла партія и одинъ умеръ въ вагонѣ, и товарищи его, при выходѣ изъ вагоновъ, оставили его въ вагонѣ.

Общество желѣзныхъ дорогъ въ Рущукѣ имѣетъ запасъ большихъ бревенъ до 100 штукъ, которыя имъ не нужны. Они хотятъ ихъ продать, но покупщики не являются.

Теперь сообщу слѣдующее, требующее отвѣта въ самомъ скоромъ времени:

1) Аренсъ просилъ барона Стюарта узнать о складахъ Евлогія Георгіевича. Евлогій проситъ сообщить, гдѣ должны быть сдѣланы заготовки или куда должно быть свезено имѣющееся продовольствіе.

2) Въ Румыніи сѣна почти нѣтъ.

3) Братіано сообщилъ Стюарту, что можетъ поставить бревенъ изъ казенныхъ дачъ, сколько потребуется; Братіано просилъ увѣдомить поскорѣе, нужны ли доски, такъ какъ ихъ, въ случаѣ нужды, надо приготовить.

4) Есть много лицъ, имѣющихъ и желающихъ продать разные продукты, но если намъ нужно, то надо торопиться, потому что вслѣдствіе безденежья, ждать не будутъ и продадутъ. Такъ, напримѣръ, въ Краіовѣ есть господинъ, имѣющій 3.000 кило ячменя и предлагающій купить. Но онъ же, въ случаѣ неполученія скораго отвѣта, намѣренъ вести ячмень въ Калафатъ—на продажу туркамъ. Ячменя вообще много теперь, отвѣчайте по этому пункту скорѣй.

По 1-му, 3-му и 4-му пункту отвѣчайте мнѣ или барону Стюарту скорѣй.

Есть надежда, что военный министръ Сланичано скоро полетитъ.

Въ гостиницѣ, гдѣ я живу, бываютъ часто, по вечерамъ, сходки депутатовъ. Таковая была и вчера и въ среду, 5-го января. Эта послѣдняя кончилась послѣ 2-хъ часовъ ночи. На ней было сообщено депутатамъ о желаніи Румыніи заключить военную конвенцію съ Россіей. Пренія продолжались долго. Въ результатѣ вышло: большинство за заключеніе конвенціи; во главѣ же меньшинства были: Іонъ Гика (вице-президентъ сената), Дмитрій Стурдза (бывшій министръ путей сообщенія) и Константинъ Градисчано (депутатъ).

Сегодня прибылъ къ Евлогію Георгіевичу болгаринъ Церковскій, бѣжавшій изъ Рущука. Онъ пришелъ въ Рущукъ изъ Виддина, былъ въ сношеніяхъ съ моими агентами, но возбудилъ подозрѣніе турокъ и едва убѣжалъ. По его словамъ, въ Виддинѣ и его окрестностяхъ (напр., въ Бѣлградчикѣ), вообще на границѣ Румыніи и Сербіи (около Виддина), около 30—40 тысячъ человѣкъ турецкихъ войскъ. По слухамъ, турки изъ Виддина намѣреваются, при открытіи военныхъ дѣйствій, устремиться на Калафатъ. Слухи эти распространены въ Виддинѣ и его окрестностяхъ. Что же касается 30—40 тысячъ, то хотя поручиться за вѣрность ихъ не могу, но тѣмъ не менѣе, по моимъ другимъ свѣдѣніямъ, оно близко къ истинѣ.

Если турки, дѣйствительно, устремятся на Калафатъ, то я весьма сомнѣваюсь, чтобы румыны могли удержать этотъ пунктъ. Жду отвѣтовъ вашихъ. О пунктахъ 1, 3, 4, написанныхъ на стран. 1-й и 2-й этого (6-го листа) поговорите съ Аренсомъ, такъ какъ иниціа-

тива идетъ, кажется, отъ него. О бревнахъ знаетъ и Артамоновъ. Вамъ передавалъ Тарасенковъ.

Имѣйте въ виду слѣдующее: 1) вслѣдствіе несчастныхъ столкновеній добровольцевъ въ Сербіи съ Никитинымъ и сербскими властями, русскихъ между собой, на русскихъ многіе смотрятъ недружелюбно, особенно по вопросамъ, касающимся порядка, дисциплины и поведенія вообще. Составилось мнѣніе, что русскіе—скандалисты, буяны, пьяницы и населеніе (нѣкоторая часть) боится русскихъ.

Затѣмъ, 2) хотя добровольцы и уѣзжаютъ, но все же есть часть, которая останется и останется, можно думать, не лучшая въ нравственномъ отношеніи. Эта часть, войдя въ сношеніе съ солдатами, можетъ распространять разные слухи, вообще, вліять.

Изъ этихъ 2-хъ приведенныхъ обстоятельствъ истекаетъ то, что, если предполагается послать часть войскъ въ Сербію, то эта часть, или эти части должны отличаться строгой дисциплиной и быть въ рукахъ у желѣзнаго начальника.

Сербы хвалятъ храбрость русскихъ, но прибавляютъ: „немудрено: всегда были пьяны, воры, безпорядочны...“ Такъ будутъ они смотрѣть вначалѣ и на регулярныхъ, въ случаѣ ихъ прибытія. Крайняя необходимость, чтобы часть или части, въ случаѣ посылки въ Сербію, отличались строгимъ внутреннимъ порядкомъ.

Не столько важно, я думаю, послать лихихъ; лихихъ оставимъ для другихъ мѣстъ; но въ Сербію, подумайте, пожалуйста, объ этомъ, необходимо начальника съ желѣзной волей и части выдержанныя. Не подумайте, что это совѣтъ; совѣтовать не имѣю права и не мое дѣло. Это только скромное мнѣніе, уважающаго васъ П. Паренсова [1]).

13-го января 1877 г.

Милостивый государь Казиміръ Васильевичъ. Пріѣздъ Бобрикова меня нѣсколько озадачилъ; я ждалъ получить отъ васъ отвѣты, хотя бы на нѣкоторые вопросы. Остаюсь въ надеждѣ, что завтра получу что-нибудь черезъ Кантакузена.

Сегодня пріѣхалъ курьеръ отъ Кожевникова съ письмомъ Стюарту. Кожевниковъ пишетъ, что получилъ „записку Главнаго Штаба, посланную черезъ барона Стюарта“ и шлетъ отвѣты на имя г. Хитрово. Записка эта та, которую я послалъ ему. Въ письмѣ къ барону

[1]) Въ нашей редакціи есть оффиціальныя свѣдѣнія, какъ держали себя не только добровольцы, но и важныя оффиціальныя лица. Мы не рѣшаемся выставить это на показъ изъ чувства отвращенія и стыда за Россію. *Ред.*

Стюарту Кожевниковъ сообщаетъ нѣкоторыя цифры турецкихъ войскъ, которыя совершенно совпадаютъ съ моими цифрами, за исключеніемъ Силистріи, гдѣ встрѣчается громадная разница. Но я долженъ оговориться, что Силистрія совершенно не входила въ мой районъ, агенты мои тамъ не были, и цифра моя относительно Силистріи взята на основаніи слуховъ. Бобриковъ сообщилъ мнѣ, что вы ждете отъ меня свѣдѣній относительно части восточнѣе Рущука и гор. Калараша. При отправленіи моемъ, границы моего участка были Раховъ и Ольтеница. Я почти покончилъ съ участкомъ къ западу и югу отъ Рущука; теперь мои люди направлены къ Туртукаю и Ольтеницѣ, о Каларашѣ же я не имѣлъ въ виду. Теперь озабочусь и о Каларашѣ, а, слѣдовательно, и о Силистріи.

Здѣсь со дня на день ожидается паденіе в. м. полк. Сланичано.

Правительство и компанія жел. дор. до-нельзя стали бояться за Барбошскій мостъ. Генералъ Флореско даже пишетъ по этому поводу начальнику штаба. На-дняхъ, мнѣ придется быть въ Галацѣ, и я кстати посмотрю участокъ желѣзной дороги и мостъ.

Въ одномъ изъ засѣданій депутатовъ, происходившихъ въ отелѣ, гдѣ я живу, именно въ среду 5 января, когда былъ предложенъ вопросъ о военной конвенціи, Іонъ Гика предложилъ свое мнѣніе, а именно: конвенцію отвергнуть, а въ случаѣ вступленія русскихъ въ Румынію, князю распустить всю армію, удалиться въ Краіово и оттуда будетъ протестовать передъ Европой о нарушеніи правъ. Если протестъ этотъ не будетъ уваженъ, то отречься отъ престола. Въ переводѣ на обыкновенный языкъ это значитъ такъ: князь уйдетъ, Румынія будетъ вилайетомъ на особыхъ правахъ, а я каймакамомъ.

Враждебный намъ министръ путей сообщенія Стурдза смѣненъ; временно его мѣсто занялъ Вернеско, онъ же министръ внутреннихъ дѣлъ, но, кажется, на-дняхъ министромъ путей сообщенія будетъ назначенъ Фалькояно, человѣкъ, вполнѣ преданный Братіано. Кстати о Братіано. Мое инкогнито до нѣкоторой степени разоблачено. Какъ это случилось, не знаю; думаю, что начало шло отъ Пенковича, который, очевидно, меня узналъ, а потомъ, вѣроятно, дѣло шло черезъ полицію. По крайней мѣрѣ, на-дняхъ, Братіано, увидѣвъ меня, сказалъ: „какъ вы еще здѣсь?“ и потомъ, улыбаясь, говоритъ: „Mon colonel, notre police est mauvaise, elle m'avait instruit que vous êtes parti“. А сегодня спрашивалъ у Бобрикова, зачѣмъ я здѣсь. Бобриковъ отвѣтилъ, что мой пріѣздъ не имѣетъ ничего общаго съ Румыніей.

Впрочемъ, это обстоятельство покуда не имѣетъ значенія и мѣшать мнѣ не можетъ.

Здѣшніе болгары, и живущіе за Дунаемъ, до-нельзя смущены слухами, идущими изъ разныхъ мѣстъ, между прочимъ, и изъ Петер-

*

бурга, что Россія ни за что не будетъ воевать, но отступится отъ начатаго дѣла, несмотря на неполученіе удовлетворенія. Даже самые ревностные, а, слѣдовательно, вѣрующіе патріоты, болгары, поникли главой и начинаютъ терять надежду на заступничество Россіи. Нѣкоторые изъ моихъ агентовъ давали понять, что не напрасны ли труды (не въ смыслѣ вознагражденія, а въ смыслѣ пользы дѣлу). Нельзя не согласиться, что положеніе Болгаріи будетъ горькое, если мы дѣйствительно отступимся, не достигнувъ ничего. Можно думать, что и для самой Россіи, отступленіе — шагъ рискованный. Врядъ ли когда, кромѣ 12-го года, наши народныя страсти доходили до такого возбужденія, какъ это было теперь. Не находя себѣ исхода въ войнѣ съ врагомъ внѣшнимъ, какъ бы не случилось, что страсти эти примутъ направленіе другое, внутреннее и тѣмъ дадутъ почву для разныхъ дѣятелей!

Хроника нашей внутренней жизни показываетъ, что у насъ, какъ и вездѣ, есть безпокойные элементы (чисто русскіе), готовые, во всякое время, волноваться, даже и тогда, когда мысли и дѣйствія всѣхъ слоевъ общества устремлены на югъ. Что же будетъ, когда въ общество вернется масса людей, ждавшихъ борьбы, увлекавшихся, надѣявшихся и вернувшихся обратно безъ результатовъ, не коснувшись дѣла.

15-го января.

Вы не можете себѣ представить, многоуважаемый Казиміръ Васильевичъ, какую сердечную отраду почувствовалъ я, ощутивъ въ моихъ рукахъ письмо ваше отъ 12-го января, переданное мнѣ Кантакузенымъ. Эта отрада еще болѣе увеличилась, когда я ознакомился съ содержаніемъ его. Спѣшу отвѣчать, хотя и не знаю, когда пойдетъ это письмо.

Евлогій Георгіевъ и Веронъ отнюдь не уступаютъ за деньги или другое вознагражденіе, а прямо жертвуютъ безвозмездно продукты для нашей арміи. Если у васъ было сомнѣніе, то надо думать, что заявленіе Евлогія и Верона дурно выражено. Вы пишете, что закупки будутъ производиться массами, при посредствѣ крупныхъ капиталовъ. Позволяю себѣ замѣтить, что врядъ ли найдется много капиталистовъ, которые могли бы соперничать съ Евлогіемъ Георгіевичемъ по части хлѣбной торговли. Это, конечно, не значитъ, чтобы я указывалъ только на Евлогія, но имъ пренебрегать не слѣдуетъ. У него свой домъ, контора и хлѣбные магазины въ Галацѣ, Ольтеницѣ и далѣе по Дунаю вплоть до Калафата (Журжево въ томъ числѣ). Въ Букарестѣ домъ роскошный, контора и склады. Капиталу нѣсколько милліоновъ франковъ, а оборотъ, конечно, больше. Ѣздитъ

въ каретѣ на великолѣпныхъ лошадяхъ, выписанныхъ изъ Россіи, абонированъ въ итальянской оперѣ въ Букарестѣ! Чего вамъ крупнѣе? Могу васъ увѣрить, что безъ Евлогія не обойдемся при вступленіи въ Румынію, а поэтому письмо, въ виду безвозмездной жертвы, кромѣ полезнаго, ничего не принесетъ.

Такъ какъ теперь дѣло выяснилось, то я могу вамъ сообщить, что въ тотъ день, когда было получено письмо начальника штаба къ Стюарту относительно скорѣйшаго подписанія конвенціи, была получена телеграмма отъ Игнатьева въ томъ же смыслѣ, а вечеромъ пришла депеша Горчакова: „не настаивайте на подписаніи конвенціи, а предоставьте Братіано собственнымъ размышленіямъ". Затѣмъ, на слѣдующій день вновь депеша Горчакова въ томъ же духѣ и съ увѣдомленіемъ, что курьеръ, ѣдущій черезъ Кишеневъ, привезетъ измѣненія статьи 23-й.

Я былъ связанъ словомъ, даннымъ Стюарту, не писать вамъ о содержаніи депешъ, а потому и заговорилъ о перлюстраціи. Когда я говорилъ съ барономъ Стюартомъ о перлюстраціи, то я находилъ эту манипуляцію не особенно удобной; но узналъ, что въ нашемъ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ существуютъ особые чиновники, занимающіеся перлюстраціей шифрованныхъ депешъ иностранныхъ правительствъ; интересныя или важныя депеши представляются государю. При этомъ я узналъ, что изъ опыта дознано, что, нѣтъ шифра indéchifrable; узналъ также, что въ виду существованія перлюстраціи, нѣкоторыя изъ иностранныхъ правительствъ не посылаютъ важныхъ извѣстій посредствомъ депешъ, а курьерами. Такъ, напр., Берлинъ и Лондонъ посылаютъ сюда каждую недѣлю два раза курьеровъ, которые, сдавъ здѣсь и принявъ корреспонденцію, ѣдутъ въ Константинополь. Слѣдовательно, Лондонъ и Берлинъ имѣютъ извѣстія изъ Константинополя и обратно, два раза въ недѣлю и при томъ самымъ вѣрнымъ путемъ. Дорого да мило.

У меня есть люди, постоянно живущіе въ разныхъ пунктахъ по Дунаю и въ Балканахъ; въ нѣкоторыхъ пунктахъ есть даже по нѣскольку лицъ; есть другіе, разъѣзжающіе-корреспондирующіе и, наконецъ, два только лица, имѣющія сношеніе непосредственно со мной. Я знаю большинство изъ разъѣзжающихъ агентовъ; изъ нихъ же только одинъ знаетъ опредѣленно меня. Къ Евлогію ежедневно является кто-нибудь, откуда-нибудь, такъ что я имѣю ежедневныя сношенія съ Дунаемъ и Болгаріей; но изъ осторожности, получивъ новое свѣдѣніе,—провѣряю его черезъ кого-нибудь изъ разъѣзжающихъ.

Тѣмъ не менѣе, я еще сегодня, отправляя одного изъ главныхъ лицъ, подтвердилъ о постоянномъ, а не временномъ наблюденіи.

Такъ, напримѣръ, сегодня получилъ стороной извѣстіе, что три канонерки, бывшія у Рущука, будто бы ушли внизъ по рѣкѣ. Но по всѣмъ даннымъ, свѣдѣніе это сомнительно, а потому велѣно провѣрить другимъ лицамъ; вамъ же пишу объ этомъ никакъ не для свѣдѣнія о фактѣ, а какъ образчикъ дѣйствій.

О стоянкахъ судовъ противъ устьевъ рѣкъ Арджисъ, Ольта и Жіулъ велѣно осмотрѣть; до сихъ поръ въ этихъ мѣстахъ судовъ на стоянкѣ, временной или постоянной, не было, т. е. военныхъ судовъ. о частныхъ лодкахъ см. листъ 8.

О постоянномъ пребываніи бывшей арміи Мухтара-паши въ окрестности Рущука до сихъ поръ нѣтъ свѣдѣній; пройти прямо они не могли безъ того, чтобы я о нихъ не узналъ. Хотя я знаю, что войска изъ Герцеговины, Босніи и отъ границъ Черногоріи уходили, но всѣ они направлялись въ Константинополь, а потомъ распредѣлялись въ разные пункты.

Кожевниковъ пишетъ, будто бы въ Силистріи 4.000 человѣкъ. Это положительно невозможно. Я лично, на сколько теперь вообще познакомился съ дѣломъ, не допускаю этого, да и никто, съ кѣмъ приходилось говорить, не допускаетъ этой цифры. Въ Силистріи не можетъ быть менѣе, чѣмъ въ Рущукѣ, а въ Рущукѣ 7 тысячъ. Я не особенно стою за мою цифру относительно Силистріи—15 тысячъ, но въ одномъ увѣренъ, что въ ней болѣе, чѣмъ въ Рущукѣ. Завтра отправляется отъ меня господинъ въ Рущукъ, который направитъ нѣсколько лицъ въ Силистрію для первоначальной развѣдки и для организаціи постояннаго наблюденія. Кромѣ того, направится еще человѣкъ въ Калафатъ, для наблюденія съ этого берега; но отъ Калафата собственно не жду многаго.

Здѣсь стоятъ морозы съ недѣлю. Дунай, пожалуй, скоро начнетъ замерзать, но покуда еще нѣтъ.

Имѣйте, пожалуйста, въ виду, что цифры турецкихъ войскъ, приводимыя въ разныхъ турецкихъ и туркофильскихъ органахъ, положительно дуты и раздуты. Хотя и очевидно, что турки готовятся, но только не относительно войскъ: ихъ негдѣ взять. Они, дѣйствительно, разбогатѣли относительно орудій. Кто за нихъ платитъ — неизвѣстно, но, несомнѣнно, друзья. Кое-гдѣ строятъ укрѣпленія.

P. S. Какъ мнѣ пріятно, что кавказская дивизія будетъ у Журжева, я буду въ знакомыхъ мѣстахъ.

16-го января.

Сегодня въ Галацъ не попалъ. Ѣду туда завтра. Сегодня встрѣтился съ полковникомъ Мазюкевичемъ, а вчера были у Бобрикова

Кирпичевъ [1]) и Битнеръ. Они всѣ распорядились очень неудачно, т. е. не они, а генералъ Деппъ, который приказалъ имъ взять переводчиковъ изъ Кишинева, отнюдь не входить въ сношенія съ мѣстными жителями и отнюдь не ѣздить къ консулу (?). Вышло то—что они понабрали изъ Кишинева, Богъ знаетъ, какихъ-то грековъ, ровно ничего не знающихъ изъ мѣстныхъ обстоятельствъ. Для болгарина достаточно увидѣть грека, чтобы быть на сторожѣ и ничего не говорить. Мазюкевичъ рѣшился измѣнить этимъ инструкціямъ, я досталъ ему отъ Евлогія болгарина, съ которымъ онъ ѣдетъ завтра на сѣверную часть Аржиса. По своемъ возвращеніи изъ Галаца, я поѣду съ нимъ и съ Начовичемъ, на лошадяхъ, въ Ольтеницу, гдѣ мнѣ нужно быть. Покуда до свиданья.

Среда, 19-го января.

Сегодня вернулся изъ Галаца. Я ѣздилъ туда по своему дѣлу, но за-одно посмотрѣлъ и Барбошскій мостъ на основаніи слѣдующихъ соображеній. Галацъ и мостъ не входятъ въ мой районъ, а скорѣе въ районъ Бобрикова, который касается всей Румыніи; но Бобриковъ могъ бы узнать дѣйствительно, что сдѣлано румынами относительно обороны моста только въ томъ случаѣ, если бы онъ могъ, не вступая въ офиціальную свою должность, собрать справки инкогнито, потому что полагаться на офиціальныя заявленія Сланичано нельзя. Сланичано постоянно заявляетъ, что они все сдѣлали и что теперь остановка за нашими пушками и торпедо. Случилось же такъ, что Бобрикову на другой же день по пріѣздѣ пришлось уже войти въ открытыя сношенія съ Сланичано и Братіано, а, слѣдовательно, ѣхать на мѣсто, взглянуть на дѣйствительность уже было не ловко. Вотъ почему я это дѣло взялъ на себя.

Пріѣхавъ въ Галацъ, я вошелъ въ сношенія съ нашимъ инженеромъ Клименко и съ полковникомъ Граммонъ. Объ этомъ Граммонѣ слѣдуетъ поговорить. Онъ былъ во время министерства Флореско—директоромъ канцеляріи военнаго министерства. Чрезвычайно и, можно сказать, обширно образованный человѣкъ. Кончилъ курсъ военныхъ наукъ въ Парижѣ. Армія румынская обязана ему многимъ. Большой другъ генерала Флореско и другъ русскихъ. Человѣкъ весьма порядочный и надежный. Я получилъ черезъ Стюарта письмо отъ Флореско Граммону и провелъ съ нимъ цѣлый день. Клименко сообщилъ слѣдующее: мостъ на Серетѣ отстоитъ на двѣ версты отъ устья Дуная и виденъ съ фарватера, слѣдовательно, можетъ быть обстрѣливаемъ съ броненосцевъ. Серетъ около моста имѣетъ глубину

[1]) Военные инженеры.

8 фут., устье его на засорено и, слѣдовательно, канонерки могутъ входить въ Серетъ. Серетъ не охраняется войсками и мостъ можетъ быть взорванъ динамитомъ. Клименко находитъ, что самая большая опасность угрожаетъ мосту отъ динамита, для чего не нужно посылать отрядъ, а послать 10 человѣкъ, если мостъ не охраненъ, и 100— если охраненъ. Высадиться имъ у устьевъ Серета весьма удобно. Лучшимъ средствомъ обороны—пикеты, кордоны по берегу и патрули по мосту. Все это должно быть постоянно, т. е. безпрерывно. Я вполнѣ съ этимъ соглашаюсь.

Опасности отъ стрѣльбы съ судовъ, съ Дуная по мосту, Клименко не признаетъ, потому, будто бы, что стрѣльба съ качающагося монитора по небольшой цѣли не вѣрна, вѣроятность попаданія мала, снаряды стоютъ дорого и надо много выстрѣлять снарядовъ, чтобы произвести вредъ.

Съ этимъ я совершенно не согласенъ. Разстояніе до устья отъ моста 2 версты (1.000 саженъ). Возьмемъ до фарватера Дуная еще 200 саженъ, итого 1.200 саженъ. Дистанція для орудія съ броненосца хорошая и вполнѣ возможная. Съ моста, какъ я лично убѣдился, отлично видно устье Серета и Дунай; нѣтъ ничего, чтό бы препятствовало видѣть мостъ съ Дуная. Если снаряды дороги, то и разрушеніе моста дорого и важно. Что касается до невѣрности стрѣльбы съ качающагося монитора, то мнѣ это даже смѣшно; если встать на эту точку, то логичный выводъ будетъ невозможность морскихъ сраженій, гдѣ не только орудіе качается, но и цѣль качается.

Мостъ съ желѣзными фермами и виденъ хорошо. Заявляя все это, я, конечно, соглашаюсь, что главная опасность мосту, конечно, угрожаетъ отъ динамита.

Противъ высадки и противъ входа канонерокъ въ Серетъ можно и должно устроить батареи и ретраншаменты для пѣхоты. Объ этомъ много говорить не буду, потому что все это сообщитъ Клименко. Изъ разговоровъ съ Граммономъ я узналъ, что они давно уже (Граммонъ съ паденіемъ Флореско тоже палъ и теперь начальникомъ штаба 3-й территоріальной дивизіи; штабъ въ Галацѣ) хлопочутъ о защитѣ моста, но, благодаря бездѣйствію военнаго министра, ничего еще не сдѣлано. Они давно уже имѣли въ виду сдѣлать все то по части насыпки батарей, что говоритъ Клименко; Граммонъ писалъ въ Букарестъ и просилъ: денегъ, инструментовъ и роту саперъ или хоть взводъ. Все это было писано съ мѣсяцъ тому назадъ. Отвѣты: денегъ не прислано, вмѣсто роты саперъ, бездѣйствующихъ въ Букарестѣ, прислали двухъ сержантовъ; относительно инструментовъ велѣли вытребовать изъ Фокшанъ и Рымника. Пришедшій инструментъ оказался почти негоднымъ; Граммонъ говоритъ, что не было и 10 лопатъ цѣлыхъ.

Начали починять, но задерживаютъ немножко деньги. Разрѣшенія начать работы не получено еще. Для охраны отъ динамита Граммонъ распорядился поставить роту у моста. Рота теперь 100 человѣкъ, изъ нихъ 25 человѣкъ рекрутъ трехмѣсячныхъ, а 75—старыхъ. Оставивъ необходимое число для обученія рекрутъ, Граммонъ могъ поставить только 60 человѣкъ. Но этого недостаточно, потому что надо протянуть кордонъ по Дунаю, въ обѣ стороны отъ Серета. И относительно этихъ людей весьма плохо. Морозы стали доходить ночью до 9 и 10 градусовъ Реом. Теплыхъ бараковъ или землянокъ нѣтъ и не на что строить. Количество войскъ въ Галацѣ убавилось почти на-дняхъ и все убавляется (то же и въ Браиловѣ). Одинъ полкъ было велѣно отправить въ Камрадъ (?!!?) и доробанцы распущены до 1-го февраля въ виду переорганизаціи арміи, по которой численность ея не увеличится, а увеличится только число частей извѣстнаго наименованія. Тѣмъ не менѣе Граммонъ надѣется, дня черезъ четыре, по исправленіи инструментовъ, приступить къ землянымъ работамъ. Говоря о Серетѣ, слѣдуетъ упомянуть о необходимости заградить устье рѣки всевозможными плавучими преградами, въ томъ числѣ минами. Мостъ отличный, конструкціи хорошей и при поврежденіи потребовалъ бы долгой и серьезной починки.

Поѣздка моя въ Галацъ, къ сожалѣнію, не позволила мнѣ видѣться съ Юліусомъ, который въ это время былъ здѣсь; но съ нимъ видѣлся Бобриковъ и пишетъ рапортъ начальнику штаба. Здѣсь Донъ Карлосъ, который ѣдетъ къ вамъ одновременно съ Мазюкевичемъ, который повезетъ и это посланіе. Сегодня, въ настоящую минуту, опять въ отелѣ, гдѣ я живу, засѣданіе депутатовъ. Вернеско-министръ внутреннихъ дѣлъ и временно завѣдывавшій министерствомъ публичныхъ работъ подалъ въ отставку, которая еще не утверждена. О паденіи Сланичано поговариваютъ по-прежнему, но теперь поговариваютъ, что, пожалуй, и Братіано полетитъ. Полагаютъ, что предсѣдатель совѣта министровъ будетъ или Когольничано или Епуряно. Оба славятся за самыхъ умныхъ, ученыхъ и дѣльныхъ людей Румыніи. Они составляютъ середину между бѣлыми и красными.

Еще о Галацѣ. Фосколо, продавшій или подрядившій всѣ свои суда туркамъ и офиціально поставляющій имъ хлѣбную провизію, открытый агентъ турокъ, поѣхалъ въ Кишиневъ. Романенко, консулъ нашъ въ Галацѣ, кажется, телеграфировалъ вамъ о его выѣздѣ.

Въ числѣ здѣшнихъ офицеровъ есть нѣкто Кантили. Когда шла рѣчь (а, можетъ, и еще будетъ), о посылкѣ офиціальныхъ военныхъ агентовъ въ Кишиневъ, то называли Кантили. Имѣйте въ виду, что это явный другъ турокъ. На балу въ Тульчѣ, бывшемъ по случаю конституціи, отплясывалъ и былъ, какъ говорятъ, plus turc que les

turcs eux mêmes.—Выписывалъ изъ Измаила музыку для этого бала; пришлось просить разрѣшенія Сланичано, который, конечно, разрѣшилъ. Но на другой день, высшее правительство по телеграфу отказало, и турецкимъ пароходамъ, пришедшимъ въ Измаилъ за музыкой, пришлось вернуться.—Это, конечно, подробности, но главное, что Кантили—другъ турокъ.

Дунай не замерзаетъ. Мѣстные жители поговариваютъ, что, пожалуй, и совсѣмъ не замерзнетъ нынче, развѣ мѣстами затретъ.—Это говорятъ и въ Журжевѣ, и въ Галацѣ, и въ Букарестѣ.

Вѣроятно, Стюартъ будетъ писать о томъ, что князь Карлъ заявилъ ему о существованіи будто бы плана у турокъ переправиться на этотъ берегъ.—То же, кажется, пишетъ и Бобриковъ.—Изъ моихъ источниковъ я еще ничего не слышалъ.

Посылаю вамъ 2-ю часть Каницца о Болгаріи. Она только-что получена, въ ней есть о горныхъ проходахъ въ Балканахъ. Посылаю 2 экземпляра карты, вчернѣ, изъ книжнаго магазина, о которомъ я уже писалъ. Дорогъ не нанесено еще.—Селенія назначены на основаніи административнаго дѣленія на коммуны.—Это административное дѣленіе населенныхъ пунктовъ, съ обозначеніемъ числа домовъ и семействъ въ деревняхъ, помѣщено въ прилагаемой зеленой книгѣ, данной министерствомъ внутреннихъ дѣлъ этому книжному магазину, для составленія карты. Магазинъ, благодаря содѣйствію 2-го секретаря консульства, Золотарева, который вообще очень помогаетъ,—уступилъ мнѣ.

Пожалуйста, увѣдомьте, есть ли у васъ въ депо карта Румыніи, составленная въ 1855—1856—57 годахъ австрійскими ingenieurs-Géographes, Grande Carte. Граммонъ настоятельно совѣтовалъ мнѣ добыть ее, но, можетъ быть, она у васъ есть? Она на нѣсколькихъ листахъ.

Мазюкевичъ былъ въ Журжевѣ и окрестностяхъ, видѣлъ издали Рущукъ и разсматривалъ мой черновой видъ Рущука (чистый посланъ вамъ), нашелъ его похожимъ и снялъ съ него копію на память.

Поговариваютъ, что свергнутый, т. е. вышедшій въ отставку министръ Стурдза (бывшій публичныхъ работъ) снова вступаетъ въ министерство министромъ финансовъ; Братіано будто оставитъ министерство финансовъ, возьметъ внутреннихъ дѣлъ вмѣсто уходящаго Вернеско, оставаясь президентомъ. О Сланичано что-то перестали говорить.

Теперь до свиданья. Пожалуйста, при случаѣ, если время позволитъ, напишите мнѣ. Жду извѣстій изъ Кишинева, какъ манны небесной.

Между 19 и 27 января.

Милостивый государь Казиміръ Васильевичъ. Получено письмо начальника штаба Евлогію, за которое премного вамъ благодаренъ.

Новыхъ свѣдѣній еще нѣтъ, старыя остаются въ своей силѣ. Послѣ завтра ѣду въ маленькое путешествіе [1]); вернусь къ концу недѣли, такъ какъ къ этому времени ожидаю новостей изъ Силистріи.

Болгары разныхъ мѣстностей по сю и по ту сторону Дуная и Балканъ крайне возмущены газетными сказками объ адресахъ, поданныхъ будто бы (Портѣ) болгарами разныхъ округовъ, а затѣмъ они подписаны разной сволочью, которой и между болгарами есть, какъ и вездѣ, довольно.

2-го февраля 1877 г. Букарестъ.

Только-что вернулся изъ Рущука, гдѣ провелъ три дня. Думалъ прожить дольше, но консулъ Кожевниковъ посовѣтовалъ уѣхать, такъ какъ я уже обратилъ на себя вниманіе своимъ пріѣздомъ и экскурсіями.

Видѣлъ много; объѣздилъ Рущукъ съ запада, юга, востока и съ сѣвера (на лодкѣ), обошелъ всѣ укрѣпленія, нѣкоторыя видѣлъ издали (100 – 150 ш.), другія измѣрилъ, въ третьи входилъ.

Сообщить письменно чрезвычайно трудно, надо рисовать планъ, указывать разстоянія, относительное положеніе и проч.

Имѣя въ виду, дней черезъ 12—15, совершить еще нѣкоторыя экскурсіи, обѣщающія быть интересными, и для которыхъ средства подготовляются, прошу: не будетъ ли разрѣшено пріѣхать въ Кишиневъ, для личнаго доклада, дня на два.

Жду отвѣта.

Прошу васъ, Казиміръ Васильевичъ, въ письмахъ вашихъ отмѣчать, какіе №№ моихъ писемъ получены—я ставлю № на письмѣ и на конвертѣ [2]).

Справки на счетъ флотиліи частью наведены, частью наводятся.— Въ Рущукѣ одна канонерка Шимшерекъ или Шимшекъ, переименованная изъ Рущукъ.

Букарестъ, 8 февраля 1877 г.

Я писалъ вамъ, что давно уже послалъ Кожевникову 1.000 фр. и цѣлый рецептъ необходимыхъ свѣдѣній.

Долго не получалъ я отвѣтовъ на мои вопросы и недоумѣвалъ; поѣздка моя въ Рущукъ разъяснила дѣло. Оказывается, что Кожевниковъ посылалъ отвѣты на мои вопросы прямо въ Кишиневъ, на

---

1) Въ Рущукъ подъ чужимъ именемъ.

2) По окончаніи войны, очень многихъ писемъ, въ дѣлахъ полеваго штаба, не оказалось. Они пропали. П. П.

имя г. Хитрово, въ запечатанныхъ конвертахъ, которые хотя и проходили черезъ Букарестъ, но, будучи запечатаны, не были намъ извѣстны. Такъ, по словамъ Кожевникова, вамъ посланъ фотографическій видъ Рущука съ объяснительной запиской и планъ крѣпости, (составленный, кажется, Артамоновымъ и, въ настоящее время, добавленный однимъ изъ агентовъ Кожевникова).

Теперь одновременно съ этимъ письмомъ получится на имя г. Хитрово донесеніе Кожевникова, первое, которое я читалъ.

Изъ донесенія Даскалова, нашего консульскаго агента въ Варнѣ, видно, что въ Варну прибыла султанская гвардія и оттуда направлена въ окрестности Шумлы (Праводы и Шумлинскій фортъ—Каспиштене), въ ожиданіи дальнѣйшихъ приказаній.

Вчера получилъ свѣдѣнія отъ моего агента изъ Силистріи, что одинъ болгаринъ, снабженный 20 наполеонами и вопросными пунктами (русскими, военными), пойманъ въ Тульчѣ; имѣя турецкій паспортъ, вѣроятно, будетъ повѣшенъ. Это бы еще не бѣда (гдѣ лѣсъ рубятъ, тамъ щепки летятъ), но жаль, что на немъ пойманы вопросные пункты. Это не изъ моихъ людей, потому что я въ Тульчу никого не посылалъ. Несомнѣнно, что этотъ случай еще болѣе возбудитъ подозрительность турокъ и ихъ протекторовъ, и этимъ затруднитъ рекогносцировки вообще. Кожевниковъ говоритъ, что и мой визитъ въ Рущукъ не остался не замѣченнымъ.

Кожевниковъ пріѣхалъ сюда на нѣсколько дней и занялъ у меня для расплаты съ его агентами 1.500 фр. Эти деньги я долженъ былъ занять въ здѣшнемъ консульствѣ, такъ какъ у меня осталось всего около 600 фр. На деньги, отданныя Кожевникову (1.000 и 1.500), представляю росписки.

Баронъ Стюартъ вызвалъ сюда, по дѣламъ Любы [1]), галацкаго консула Романенко, такъ что теперь здѣсь собрались три нашихъ консула.

Мнѣ кажется, что посылаемыя изъ арміи лица, съ разными порученіями, дѣлали бы лучше, если бы входили въ сношенія съ тѣми, которыя находятся уже здѣсь и командированы тоже съ военными цѣлями; кажется, это мнѣ потому, что 1) секрета отъ насъ не утаишь и 2) войдя въ сношенія—могли бы быть другъ другу полезны. Ужъ на что секретничали инженеры, однако, я получилъ отъ моихъ агентовъ слѣдующее донесеніе: „тогда-то, тамъ-то, туда-то проѣхалъ русскій офицеръ Битнеръ; при немъ провожатымъ Іованчо Ванковъ изъ Краіовы“. Такъ оно и было.

Въ доказательство того, что при совмѣстномъ дѣйствіи, мы

---

[1]) Нашъ морякъ Новосильцевъ (Новосельскій?).

могли бы быть другъ другу полезны, ссылаюсь на Мазюкевича. Спросите, былъ ли Бобриковъ и я ему полезны?

Секреты Любы хранились долго подъ спудомъ, но такъ какъ и въ его дѣлѣ не обошлось безъ Евлогія, то понятно, что и я узналъ.

Мы всѣ, находящіеся здѣсь, обстоятельствами приходимъ въ соприкосновеніе не только съ прямой цѣлью командировки, но и со всѣмъ положеніемъ, и потому, безспорно, кромѣ пользы вновь пріѣзжимъ—ничего не принесемъ.

Здѣсь живетъ г. Z.; онъ даетъ понять, что званіе корреспондента не есть главное, а что онъ снабженъ также миссіей—не то отъ правительства, не то отъ арміи. При первомъ знакомствѣ съ нимъ баронъ Стюартъ не нашелъ нужнымъ раскрыть мою личность и личность Любы, и Z чуть не помѣшалъ мнѣ ѣхать въ Рущукъ, заявляя, что его интересы, при посѣщеніи Рущука, куда онъ собирался, гораздо выше моихъ; баронъ Стюартъ, опасаясь разсердить корреспондента такой газеты, пообѣщалъ ему дать курьерскій паспортъ въ Рущукъ; я протестовалъ и, наконецъ, долженъ былъ сообщить Z. свое званіе и цѣль моей поѣздки—тогда только Z. уступилъ.

Мое скрытничанье отъ Z. не составляетъ противорѣчія съ высказаннымъ мною выше о неудобствѣ секрета между командированными. Ни я, ни Бобриковъ не допускаемъ мысли, чтобы Z. имѣлъ порученіе (серьезное) изъ арміи; допуская существованіе миссіи, на него возложенной, пришлось бы прійти къ заключенію, что у васъ неурожай людей.

Люба былъ однажды въ смѣшномъ положеніи, когда у барона Стюарта, Z., въ присутствіи Любы, разсказывалъ свои свѣдѣнія о морскомъ дѣлѣ на фрегатѣ „Адмиралъ Лазаревъ".

Люба не узнавалъ своего судна—но желая сохранить инкогнито—молчалъ. Теперь Z. собирается ѣхать одновременно съ Кожевниковымъ, подъ его флагомъ, въ Рущукъ.

Здѣсь ужасно боятся перехода турокъ на этотъ берегъ Дуная; по временамъ появляются тревожные слухи о яко бы полученныхъ телеграммахъ: Турки строютъ мостъ у Виддина. Турки сосредоточиваютъ суда и строютъ паромы у Рущука.

Понятно, что черезъ нѣсколько часовъ является опроверженіе.

Что касается до меня, то я положительно не допускаю мысли перехода турокъ гдѣ бы то ни было, кромѣ Калафата; въ этомъ пунктѣ переходъ законенъ и возможенъ.

Въ дополненіе къ свѣдѣніямъ, сообщеннымъ Кожевниковымъ, онъ проситъ меня передать, что по извѣстіямъ, полученнымъ имъ передъ самымъ отъѣздомъ изъ Рущука, въ Чифлыкъ (помѣстье) Массапаши, находящемся въ 6 час. на с.-в. отъ Разграда, противъ Шумлы,

гдѣ большіе лѣса, заказано нѣсколько досокъ и начали работать цѣль неизвѣстна.

Жду отвѣта на мое письмо, написанное по возвращеніи изъ Рущука.

Въ Силистріи много иностранныхъ офицеровъ, преимущественно англичанъ.

P. S. Англійскій консулъ въ Рущукѣ ѣздилъ по Болгаріи и въ Сливно, говорилъ рѣчь приблизительно слѣдующаго содержанія:

„Вы видите, что Россія не хочетъ и не можетъ вамъ помочь... Одна надежда обратиться вамъ къ Англіи, которая, какъ вы сами знаете, сильна. Англія дастъ вамъ все, но подъ условіемъ: теперь же, разъ навсегда, отречься отъ Россіи, слабость и гнилость образованія которой ясна каждому“.

Рѣчь эта была сказана болгарамъ на площади Сливно, собравъ предварительно народъ. Болгары донесли Кожевникову немедленно.

P. S. Иностранные консулы снабжаются изобильно деньгами для пропаганды. Русскій консулъ не можетъ выѣхать изъ Рущука,—ибо не на что.

Письмо Паренсова Артамонову, 8-го апрѣля 1877 года.

Дорогой Николай Дмитріевичъ [1]). Сегодня ѣдетъ въ Кишиневъ баронъ Стюартъ и везетъ много интересныхъ данныхъ: рапортъ Бобрикова начальнику штаба № 17 съ приложеніями и мой рапортъ ему же № 7 съ приложеніями.

Я взялъ на себя смѣлость, не получивъ ни разрѣшенія формальнаго, ни кредита, на сколько возможно устроить сѣть наблюденій, такую, о которой говорилъ мнѣ Нагловскій. Просилъ, чтобы мнѣ прислали Фрезе въ помощь, но, кажется, это въ трубѣ. Безъ помощника я не могу отлучиться изъ Букареста, для рекогносцировокъ, потому что ежедневно являются агенты, отъ которыхъ надо принимать донесенія и снова отправлять.

Бобриковъ сильно занятъ разными переговорами съ румынскими властями и не можетъ меня замѣщать. Вода въ Дунаѣ сильно велика; примѣръ: вся полоса до деревень Слободзія, Малу, Парапанъ, Балярія—залита. Лощина, гдѣ деревня Мечка, на турецкомъ берегу вся залита. Вода еще продолжаетъ прибывать.

Здѣсь паника, ждутъ прихода черкесовъ и башибузуковъ; много семействъ выѣхало въ горы, а про Журжево и говорить нечего.

Сегодня пріѣхалъ къ князю Карлу адъютантъ Абдулъ Керима

---

[1]) Артамоновъ.

требовать объясненій по поводу укрѣпленій, возводимыхъ въ Калафатѣ. Чѣмъ это кончится, не знаю.

Кожевниковъ сообщаетъ, что Юліусъ отдалъ свою карту на продажу въ Вѣну за 150 наполеоновъ. Мы телеграфировали Фельдману, прося взглянуть и, если хороша, купить.

Наблюденіе требуетъ денегъ, которыхъ у насъ нѣтъ; тѣ 5.000 фр., что я рискнулъ занять въ консульствѣ, составляютъ каплю въ морѣ. Въ депешѣ, отвѣтной на мою, было сказано только: „Сборъ свѣдѣній и рекогносцировки возлагаются на Паренсова". Непокойчицкій.

Безъ Фрезе не могу бросить Букареста и поѣхать въ Корабію, Челею или Турнъ-Магурели. Курьеры отсюда были каждый день, и мнѣ приходится сидѣть.

Левицкому не писалъ еще ничего, а пишу рапорты начальнику штаба. Авось, будетъ лучше.

Я бы могъ проѣхаться на пароходѣ Mouche по Дунаю, куда угодно. Пароходикъ имѣетъ 5 человѣкъ команды, проситъ 6 лиръ въ день, въ полномъ моемъ распоряженіи; но не могу отлучиться изъ Букареста, а потомъ будетъ, пожалуй, поздно.

Пароходикъ можно и купить. За него даютъ уже 8.000 франк. Прилагаю письмо Кожевникова по этому поводу.

Вмѣстѣ съ этой экспедиціей идетъ и донесеніе Кожевникова, подробное, гдѣ упоминается, наконецъ, о „Сеифи" и должно быть о „Хезеръ".

Неужели Левицкій поѣдетъ на Царскіе смотры наканунѣ выступленія.

Ко мнѣ ежедневно являются люди съ того берега, то въ переводчики, то въ вожаки. Между прочимъ, довольно извѣстный гайдукъ Панайотъ Хитовъ; еще другой мой знакомый по Рущуку, еле удравшій оттуда; я началъ организовать изъ нихъ команды вожаковъ и лазутчиковъ. Но боюсь; ихъ надо кормить,—а деньги?

Напишите мнѣ объ этомъ непремѣнно.

Письмо Кожевникова къ Паренсову. Рущукъ, 5-го апрѣля 1877 г.

Многоуважаемый Петръ Дмитріевичъ. Не имѣя долго времени положительнаго отвѣта по вопросу о маленькомъ пароходѣ, я долженъ былъ дождаться прибытія въ Рущукъ хозяина парохода, а также съ другой стороны провѣрить то, что мнѣ было доставлено, т. е. сообщено по этому дѣлу, г. Карвониди.

Оказывается нынѣ, что хозяинъ парохода Mouche можетъ принять сдѣланное ему предложеніе и согласиться сдѣлать плаваніе до Флорентины, не приставая нигдѣ къ турецкому берегу въ продолженіе 5—10 дней съ платой по 6 турецкихъ золотыхъ въ день. Если же

понадобится совершать нѣсколько продолжительныхъ плаваній, то онъ желаетъ, чтобы пароходъ его былъ купленъ на другое имя (ему предлагаютъ теперь за него 8.000 франковъ) или же хоть, по крайней мѣрѣ, застраховать въ эту сумму, во избѣжаніе всякихъ случайностей. Самъ же онъ берется управлять пароходомъ за условленную по взаимному соглашенію плату.

Вотъ всѣ условія, при которыхъ капитанъ Andréas можетъ быть въ вашемъ распоряженіи.

Какъ видно, событія двигаютъ насъ къ окончательной развязкѣ... грабежи, насилія, убійства и разнаго рода нестерпимые безпорядки усиливаются, и каждый новый день приноситъ намъ какую-нибудь печальную новость. Всеобщее настроеніе умовъ воинственное. Турки, по крайней мѣрѣ молодые, дѣлаютъ видъ, что радуются приближенію войны, что же касается болѣе опытныхъ въ этомъ дѣлѣ стариковъ, то они потряхиваютъ какъ-то сомнительно головами и думаютъ, что едва-ли Турціи удастся одолѣть сильнаго „москова" и хорошо приготовившагося...

Въ препровождаемой нынче экспедиціи обратите, пожалуйста, вниманіе на секретную замѣтку о крѣпостяхъ. Замѣтка это сдѣлана была мною по самымъ вѣрнѣйшимъ указаніямъ и какъ изображающая [1] не лишена интереса.

Дружески прошу вашу руку и прошу вѣрить въ искренность чувствъ преданнаго вамъ В. Кожевникова. Я не виноватъ, что мои свѣдѣнія по военной части опаздываютъ. Пакеты мои часто лежатъ по цѣлымъ недѣлямъ въ Букарестѣ, гдѣ, кажется, мало обращаютъ вниманія на скорое отправленіе пакетовъ.

14-го апрѣля.

Милостивый государь Казиміръ Васильевичъ. Представляю на ваше благоусмотрѣніе слѣдующее обстоятельство: ко мнѣ являются ежедневно въ большомъ числѣ различные болгары съ предложеніемъ услугъ въ качествѣ проводниковъ, переводчиковъ и т. п. Находясь здѣсь давно и имѣя довольно обширныя знакомства между болгарами, я имѣю возможность дѣлать между ними выборъ, т. е. контролировать ихъ благонадежность. Между тѣмъ несомнѣнно, что къ начальникамъ частей будутъ являться тоже различные люди, съ предложеніемъ услугъ, и начальники частей легко могутъ впасть въ ошибку, т. е. взять или мало знающихъ людей, а иногда и неблагонадежныхъ. По крайней мѣрѣ извѣстно, что уже есть два лица, предложившія или имѣющія предложить свои услуги частямъ нашихъ войскъ, и въ то же время, состоящія турецкими шпіонами, именно: Харизіадисъ и Мехмедъ-ага (сѣдой около 50 лѣтъ). Первый явился изъ Вид-

[1] Одно слово не разобрано.

дина въ Рущукъ, затѣмъ въ Букарестъ, гдѣ прожилъ сутки и затѣмъ отправился въ Браиловъ, навстрѣчу нашихъ войскъ. Второй тоже отправился изъ Турціи въ Браиловъ.

Не найдете ли удобнымъ поручить мнѣ набрать людей по числу дивизій (хотя бы), и отправить ихъ, съ моимъ свидѣтельствомъ туда, куда будетъ указано.

Эти дивизіонные вожатые или переводчики уже могутъ, по приказанію н—ка дивизіи, набрать вполнѣ вѣрныхъ людей для полковъ или вообще отдѣльныхъ частей.

Я знаю, напримѣръ, что многіе греки хотятъ сдѣлать себѣ профессію изъ обязанности переводчика или вожатаго, а между тѣмъ, всѣ греки противъ насъ, противъ болгаръ и за Турцію.

Для главной квартиры, т. е. штабъ-офицеру надъ вожатыми я подобралъ превосходныхъ людей, т. е. сдамъ ему моихъ главныхъ агентовъ.

Полковникъ Нагловскій писалъ мнѣ, что вы ждете отъ меня осмотра или провѣрки пунктовъ въ дислокаціи нашей арміи около Букареста; позволяю себѣ завѣрить, что подобнаго приказанія я не получалъ. Теперь же прошу инструкцій и къ этому присовокупляю, что есть два способа получить нужныя свѣдѣнія: 1) объѣздить эти пункты, 2) добыть въ министерствѣ Румыніи списки населенныхъ пунктовъ (подробные изъ министерства внутреннихъ дѣлъ) и провѣрить по нимъ.

Первый способъ теперь положительно невозможенъ: Бобриковъ цѣлый день рвутъ на куски разные Братіано, Фалькояно, Чернаты и т. п.

Я, цѣлый день, сижу за полученіемъ, свѣркою донесеній и отправкою людей. Кромѣ того, при существующей въ Букарестѣ паникѣ, необходимо объѣхать съ разрѣшенія и съ содѣйствіемъ румынскаго правительства, а то иначе сочтутъ за шпіона и, пожалуй, побьютъ, а я не знаю, въ правѣ ли я или Бобриковъ сообщить или открыть румынскому правительству дислокацію арміи нашей и съ своей стороны считаю это сообщеніе положительно невозможнымъ и опаснымъ. Какъ разъ, на другой день, дислокація очутится у турокъ.—Это вѣрно.

По моему мнѣнію, второй способъ предпочтительнѣе, и я жду указаній.

Лучше всего было бы, если бы вы прислали сюда Фрезе; право, надо время чтобы, познакомиться съ людьми, условіями и пр. Тогда могъ бы я дѣлать другое.

Кромѣ того прошу указаній, когда и гдѣ присоединиться мнѣ къ дивизіи.

Я просилъ начальника штаба рапортомъ о присылкѣ сюда Фрезе, излагая мотивы; но отвѣта не получилъ. Теперь повторяю эту просьбу вамъ и повторяю наиубѣдительнѣйшимъ образомъ.

Мы всѣ здѣсь весьма огорчены полученнымъ сегодня бар. Стюартомъ, отъ министра иностранныхъ дѣлъ Когальничано, извѣстіемъ, что не только великій князь посылаетъ письмо князю Карлу съ Поповымъ, но что даже государь шлетъ письмо съ Долгорукимъ! И это въ то время, когда Румынія, въ лицѣ своихъ представителей, дѣлаетъ намъ всякія пакости (примѣръ, недаваніе поѣздовъ) и только вчера немного сдались, когда Стюартъ объявилъ, что, если они будутъ продолжать свои пакости, то онъ немедленно выѣдетъ изъ Букареста и милліонъ франковъ отдастъ теперь (въ силу ихъ пакостей), только получивъ особое высочайшее повелѣніе: такъ боченки и стоятъ у Стюарта.

Когальничано, который вчера былъ подъ конецъ вечера у ногъ Стюарта, боясь не получить милліонъ и боясь выѣзда Стюарта, сегодня, получивъ отъ Гики депешу о письмахъ государя и великаго князя, заговорилъ такимъ тономъ, что мы всѣ поразились.

Въ понедѣльникъ, 11-го апрѣля, въ день пріѣзда Стюарта положеніе дѣлъ относительно Румыніи было таково, что на заявленіе Стюарта, чтобы Братіано къ нему пріѣхалъ (прежде Братіано всегда ѣздилъ самъ, находя, что это лучше по многимъ причинамъ),—Братіано не только не пріѣхалъ, но даже не принялъ секретаря, посланнаго къ нему.

Пріѣхалъ Когальничано и тоже съ выговоромъ и протестомъ о вступленіи нашихъ войскъ.

Стюартъ потребовалъ аудіенціи у князя, для сообщенія подробностей по поводу вступленія нашихъ войскъ; отказа не послѣдовало прямаго, но министры заявили, что надо ждать 15 апрѣля, когда соберутся палаты. Тогда Стюартъ заявилъ, что, если въ три часа по полудни 13-го апрѣля (т. е. въ тотъ же день) онъ не будетъ принятъ княземъ, то въ тотъ же вечеръ онъ, со всѣмъ консульствомъ и со всѣми русскими, выѣдетъ изъ Букареста.

Тогда рѣшили дать аудіенцію въ 3 часа по полудни, но при непремѣнномъ условіи, чтобы аудіенція (обыкновенно бывающая съ глазу на глазъ) произошла въ присутствіи Братіано и Когальничано.

Такъ и было. Положимъ, Стюартъ не остался въ долгу и благодарилъ князя за то, что тотъ въ ознаменованіе особаго довѣрія къ русскому консулу рѣшился измѣнить дипломатическому обычаю, по которому аудіенція у лица, по особому случаю, происходитъ безъ свидѣтелей.

Потомъ вамъ нѣсколько извѣстны задержки въ Яссахъ; получается

донесеніе изъ Яссъ по телефону, что не даютъ поѣздовъ, Стюартъ или Бобриковъ ѣдутъ къ Братіано, тотъ говоритъ, что все сдѣлаетъ,— въ результатѣ, военный министръ даетъ депешу, чтобы отнюдь не давали намъ поѣздовъ, покуда не кончатъ перевозку доробанцевъ, т. е. до 14-го апрѣля.

Милостивый государь Казиміръ Васильевичъ. Сегодня получилъ я извѣстіе отъ полковника Артамонова, что вами одобрено мое предложеніе принимать переводчиковъ и проводниковъ въ части войскъ, съ моимъ свидѣтельствомъ. Считаю нужнымъ повторить, что это крайне необходимо. Вся Румынія кишитъ шпіонами.

Сообщеніе на лодкахъ съ Турціей существуетъ въ слѣдующемъ видѣ; турки пускаютъ къ себѣ на берегъ только тѣхъ, кого хотятъ, румыны же, на основаніи будто бы нейтральности пускаютъ, всѣхъ; такимъ образомъ явились сюда турецкіе шпіоны: Харизіадесъ, уже уѣхавшій въ Браиловъ съ предложеніемъ услугъ нашимъ войскамъ, докторъ Данковскій и одинъ артиллеристъ турецкій, котораго схватили здѣсь вчера болгары, передали румынскимъ властямъ; несомнѣнно, что власти выпустятъ (это шпіоны, которыхъ я лично знаю; вообще же ихъ тьма).

На-дняхъ пріѣхалъ изъ Рущука господинъ и производилъ съемку позиціи у Фратешти; полиція схватила его, но узнавъ отъ него, что онъ французъ—извинилась и выпустила, а онъ, кончивъ съемку, уѣхалъ въ Рущукъ.

Вы не повѣрите, какія препятствія и антагонизмъ встрѣчаемъ мы на каждомъ шагу въ румынскихъ властяхъ, особенно въ Когальничано. Вчера предъявилъ онъ Стюарту весьма дерзкую ноту за то, что наши войска арестовали въ Галацѣ и Браиловѣ шпіоновъ, румынскихъ подданныхъ. Стюартъ сегодня отвѣчалъ нотой весьма рѣзкой.

До сихъ поръ Бобриковъ не можетъ добиться, чтобы назначили комисаровъ въ войска. Румыны врутъ и надуваютъ на каждомъ шагу. Напримѣръ, Братіано говоритъ: „къ вечеру будетъ сдѣлано"... Ничуть не бывало. Фалькояно обѣщаетъ прійти въ такомъ-то часу—обманъ Братіано ссылается на Когальничано, Когальничано на Братіано, оба ссылаются на Фалькояно, а Фалькояно ссылается на обоихъ. Всѣ врутъ и обманываютъ на каждомъ шагу.

Пожалуйста, сообщите, кому вѣдать надлежитъ, чтобы не дѣлали ни единой уступки, не оказывали ни единой милости Братіано, покуда бар. Стюартъ не увѣдомитъ окончательно, что всѣ вопросы Бобрикова и особенно Измаилова [1]) рѣшены окончательно.

Повѣрите ли, что мы пятый день добиваемся съ Бобриковымъ, чтобы намъ дали провожатыхъ полицейскихъ (уѣздныхъ) чиновъ

---

[1]) Инженеръ путей сообщенія.

для осмотра дислокаціонныхъ пунктовъ. Ѣхать безъ нихъ неудобно потому, что, при существующемъ порядкѣ вещей, ничего не сдѣлаешь, а только наткнешься на кучу непріятностей. Въ первый же день, какъ мы заявили требованіе—Братіано сказалъ: „къ вечеру будутъ", и вотъ 5 дней, что ничего не сдѣлано, несмотря на постоянныя требованія и напоминанія.

Теперь требуемъ отъ военнаго министерства, чтобы далъ офицеровъ сопровождать насъ. Это ужъ значительно хуже въ сравненіи съ просимыми нами чиновниками, но все же хоть какъ-нибудь объѣздимъ пункты.

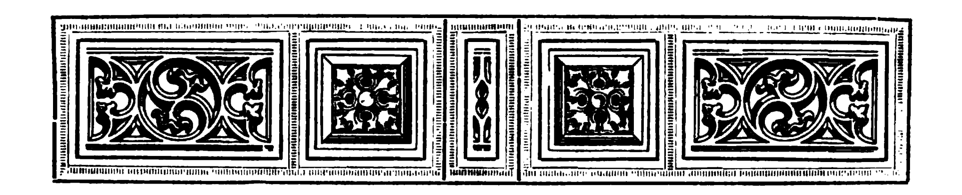
Конвенція служитъ для румынъ только предлогомъ придираться, находя, что мы ее нарушаемъ. Напримѣръ, Когальничано, протестуя противъ ареста шпіоновъ нашими войсками, ссылается на конвенцію, по которой преслѣдуемы могутъ быть только тѣ лица, которыя погрѣшили противъ румынскихъ законовъ, а такъ какъ Румынія мирная страна, то шпіоны могутъ гулять сколько угодно.

По-моему надо сдѣлать одно изъ двухъ: 1) Или пусть князь Карлъ объявитъ военное положеніе въ странѣ и приметъ на это время диктаторскую власть или 2) пусть мы будемъ въ Румыніи какъ въ странѣ, занятой силою.

Мы не могли объѣзжать пунктовъ напримѣръ потому, что только 18-го апрѣля была утверждена конвенція въ Сенатѣ; до тѣхъ поръ не имѣла силы.—Да и теперь-то она ни къ чему не служитъ.

Извините, что худо пишу; тороплюсь очень, да кромѣ того, съ утра до вечера злишься.

Къ біографіи Г. С. Саблукова.

(Страничка изъ семинарской жизни).

Двадцать девятаго января текущаго года исполнилось 25 лѣтъ со дня кончины извѣстнаго оріенталиста, бывшаго профессора Казанской духовной академіи, Гордѣя Семеновича Саблукова. Однако, несмотря на то, что покойный оставилъ замѣтный слѣдъ въ историкоэтнографической и археологической наукѣ своими изслѣдованіями, ни столичная, ни мѣстная (казанская) печать ничѣмъ не отмѣтили эту годовщину; даже родная академія не почтила память своего выдающагося дѣятеля хотя бы краткой молитвой.

Не говоря уже о критической оцѣнкѣ его трудовъ, біографическія свѣдѣнія о немъ скудны. Существуетъ единственный болѣе или менѣе обстоятельный некрологъ, помѣщенный въ годъ его кончины въ „Православномъ Собесѣдникѣ“ (1880, ч. I), хотя нечуждый нѣкоторыхъ пробѣловъ. Особенно отсутствуютъ въ печати данныя о его служебно-педагогической дѣятельности въ Саратовѣ, гдѣ Г. С. началъ свою карьеру, въ качествѣ преподавателя тамошней духовной семинаріи и гдѣ пребываніе его тѣсно связано съ первыми солидными трудами его по исторіи Зототой Орды и Сарая.

Онъ былъ назначенъ туда 13 августа 1830 года учителемъ гражданской исторіи и еврейскаго языка [1]) прямо со школьной скамьи, изъ Московской духовной академіи, которую окончилъ со степенью кандидата. Семинарія эта только-что въ тотъ годъ открылась, и молодому, еще неискусившемуся преподавателю на первыхъ порахъ, конечно, трудно было оріентироваться, съ одной стороны, чтобы уразумѣть всю соль преподавательской практики того времени, а съ дру-

[1]) Изъ дѣла семинарск. архива за 1844 г. № 83. Въ „Православ. Собесѣдникѣ“ 1880, I, 289 указывается только первый предметъ его преподаванія и о дальнѣйшей службѣ въ Саратовѣ болѣе не упоминается.

гой—умѣть вложить знанія въ учащихся, составъ коихъ по развитію, укладу жизни и научной подготовкѣ былъ крайне разнообразный: тутъ были и воспитанники мѣстныхъ духовныхъ заведеній и уже испытавшіе режимъ дореформенной бурсы ученики риторическихъ и философскихъ отдѣленій, переведенные изъ семинаріи Пензенской и Астраханской, куда до того отправлялись изъ Саратовской епархіи жаждавшіе духовнаго просвѣщенія юноши.

При открытіи семинаріи, въ составъ риторическаго класса было принято 172 ученика духовныхъ училищъ: Саратовскаго, Камышинскаго и Петровскаго; 76 человѣкъ перешли изъ низшаго отдѣленія Пензенской семинаріи въ философскій классъ и 41 воспитанникъ составили богословское отдѣленіе новой семинаріи изъ учебныхъ заведеній другихъ губерній. Къ началу перваго учебнаго года въ Саратовской семинаріи опредѣлилось 289 учащихся. Между тѣмъ, преподавателей, или, какъ въ то время называли ихъ, профессоровъ даже съ семинарскимъ начальствомъ было очень мало, всего шесть: ректоръ—архимандритъ Никодимъ изъ баккалавровъ С.-Петербургской духовной академіи, начавшій преподавать здѣсь богословіе; инспекторъ—іеромонахъ Іоаннъ, бывшій инспекторъ Рязанской семинаріи, „профессоръ" философіи; затѣмъ, не считая Саблукова, двое переведенныхъ изъ Пензенской семинаріи наставниковъ: К. М. Сокольскій, занимавшійся по риторикѣ, поэзіи и французскому языку и извѣстный составитель греческаго словаря Ив. Ѳедор. Синайскій, преподававшій въ семинаріи тотъ же языкъ, „общую" гражданскую исторію и философію; наконецъ, кандидатъ Московской академіи Як. А. Розановъ—учитель физико-математическихъ наукъ и нѣмецкаго языка.

По нравственнымъ качествамъ и умственному и научному развитію, выше всѣхъ изъ нихъ стоялъ Синайскій, увлекавшій слушателей любимымъ имъ греческимъ языкомъ. Также отличался богатствомъ своихъ познаній въ богословіи и архимандритъ Никодимъ, умѣвшій передавать ихъ учащимся. Что же касается о. Іоанна, то это былъ любимецъ семинаристовъ. Остальные преподаватели далеко не были на высотѣ своего призванія.

Благодаря отчасти, видимо, этому обстоятельству, затѣмъ громадному количеству учащихся (въ среднемъ, приходилось по 50 человѣкъ на каждаго преподавателя), первые годы семинарія не могла похвастаться успѣхами своихъ питомцевъ не только по общимъ, но даже по спеціальнымъ предметамъ. По ревизіи, произведенной въ 1832 г. преосвященнымъ Іаковомъ, Саблуковъ оказался незавиднымъ преподавателемъ еврейскаго языка, хотя впослѣдствіи изъ него вышелъ прекрасный знатокъ какъ этого языка, такъ и языковъ арабскаго и татарскаго, и самъ же епископъ Іаковъ назначилъ его потомъ 8 марта

1837 г. въ ту же семинарію учителемъ послѣдняго предмета, какъ лучшаго татаровѣда.

Отчего произошла первая неудача Гордѣя Семеновича на педагогическомъ поприщѣ—сказать съ точностью трудно. Можетъ быть, и дѣйствительно, въ теченіе двухлѣтней службы своей въ семинаріи, онъ не успѣлъ еще освоиться съ предметомъ и пріемами преподаванія, или же просто не умѣлъ произвести выгоднаго для себя на ревизора впечатлѣнія, такъ какъ не отличался особеннымъ краснорѣчіемъ, говорилъ съ затрудненіемъ, подбирая соотвѣтствующія слова для выраженія своей мысли. Онъ отличался особенной скромностью своего характера, не позволявшей ему дѣлать что-либо напоказъ, благодаря этому въ Саратовской семинаріи Г. С. оставилъ добрую и вполнѣ заслуженную по себѣ память.

Обладая огромнымъ запасомъ свѣдѣній не только по своимъ предметамъ, но и по другимъ предметамъ семинарскаго курса, и имѣя здравый взглядъ на вещи, онъ отличался еще и тактомъ простаго, всегда ровнаго отношенія ко всѣмъ, вслѣдствіе чего его мнѣніемъ дорожили не одни ученики, но и сослуживцы.

Можно догадываться, первое время въ семинаріи Саблукову не везло потому, что ректоръ о. Никодимъ, какъ начальникъ, былъ плохъ и совсѣмъ почти не входилъ въ нужды заведенія,—велъ жизнь замкнутую, будучи мало доступенъ и учащимъ, и учащимся. Было ли это слѣдствіемъ его высокомѣрія или чрезвычайной скромности,—сказать трудно.

Съ отъѣздомъ его въ 1833 году изъ Саратова на должность ректора Иркутской семинаріи, когда мѣсто его занялъ инспекторъ іеромонахъ Анастасій (за годъ передъ тѣмъ переведенный изъ Астраханской семинаріи вмѣсто о. Іоанна), Саблукову, по опредѣленію семинарскаго начальства, было поручено исправленіе должности „профессора философіи“ (съ 12 мая по 23 ноября 1833 года).

Назначеніе это произошло вслѣдствіе того, что самъ о. Анастасій, человѣкъ болѣзненный, слишкомъ мало времени посвящалъ класснымъ занятіямъ. Вопреки приказанію преосвященнаго, „задавалъ ученикамъ въ продолженіе сентябрьской трети 1832 г. не по три упражненія въ мѣсяцъ, а только по одному, и тѣмъ оставилъ умы учениковъ философіи „въ спячкѣ и безъ раскрытія“ [1]).

Чувствуя себя неспособнымъ долѣе нести ректорскія обязанности, онъ въ концѣ того же года уволился на покой въ Донской монастырь, а на его мѣсто былъ присланъ 29 ноября бывшій инспекторъ Псковской семинаріи архимандритъ Спиридонъ (Граціановъ), человѣкъ,

---

[1]) Дѣло семинар. архива за 1833 г. № 108.

хотя не большой учености, но доброй души и полезный наставникъ юношей. Послѣдній чрезвычайно строго наблюдалъ за тѣмъ, чтобы преподаватели не отступали отъ устава и развивали въ учащихся знанія и способности. Малѣйшее отступленіе вызывало со стороны его замѣчанія, оканчивавшіяся иногда довольно печально для преподавателей. Былъ разъ такой случай.

Ректоръ вошелъ въ семинарское правленіе съ запиской, въ которой жаловался, что учитель философіи Иловайскій нерадиво относится къ ученическимъ упражненіямъ, недостаточно ихъ исправляетъ и дѣлаетъ неправильную критику. На этомъ представленіи преосвященный Іаковъ написалъ: „Ректоръ требуетъ дѣльнаго. Сочиненія— душа духовнаго святилища наукъ. Безполезенъ наставникъ безъ усердія къ критикѣ и выправкѣ ученическихъ сочиненій“ [1]).

Иловайскій хотѣлъ оправдаться и подалъ владыкѣ прошеніе, стараясь доказать несправедливость на него доноса ректора. Но преосвященный наложилъ такую резолюцію: „Для соблюденія добраго порядка наставники семинаріи должны повиноваться ректору безпрекословно по учебнымъ дѣламъ. Ректоръ—хозяинъ семинаріи. Онъ отвѣчаетъ за все... Ректоръ, объемля весь кругъ наукъ святилища духовнаго просвѣщенія, яснѣе, нежели профессоръ, долженъ видѣть, на что обратить умы юношества. Просвѣщеніе красно доброю цѣлію, а не однимъ развитіемъ мыслящихъ способностей. Иловайскаго слѣдовало бы предать суду за неумѣстныя заключенія объ отзывѣ ректора. Но, по малоопытности его въ дѣлахъ жизни, прощаю ему въ надеждѣ, что и ректоръ проститъ“ [2]).

Конечно, дѣло это кончилось ничѣмъ, благодаря добродушію и простотѣ о. Спиридона, но случай этотъ далъ понять преподавателямъ, какъ слѣдуетъ относиться къ своимъ педагогическимъ обязанностямъ. Наставники, добросовѣстно относившіеся къ дѣлу преподаванія, видѣли полное поощреніе со стороны ректора. Большимъ расположеніемъ о. Спиридона пользовался и Саблуковъ.

По настоянію послѣдняго, опредѣленіемъ семинарскаго правленія, 13-го января 1834 г., Г. С—ча назначили помощникомъ къ іеромонаху Евангелу, который, по слабости здоровья, былъ совершенно неспособенъ нести инспекторскія обязанности. Какъ при Евангелѣ (скончавшемся 3-го іюня 1833 г.), такъ и при смѣнившемъ его іеромонахѣ Христофорѣ, Саблуковъ почти самостоятельно управлялъ семинарскими дѣлами, ибо оба эти инспектора не могли по своему „немощству“ и смиренству предъявлять какихъ-либо требованій къ

---

[1]) Тамъ же, дѣло за 1839 г. № 36.

[2]) Тамъ же.

своему помощнику; оба они считались въ семинаріи за праведниковъ и оба были людьми очень религіозными, почти все время посвящая молитвѣ. Не разъ ученики заставали того и другаго въ ихъ квартирахъ молящимися съ колѣнопреклоненіемъ даже тогда, когда, по ихъ соображеніямъ, нельзя было ожидать, чтобы они стояли на молитвѣ [1]). Зато кандидатъ богословія, іеромонахъ Тихонъ (Солнцевъ), поступившій инспекторомъ послѣ Христофора, человѣкъ суровый, іезуитъ, былъ грозой и для преподавателей, и для семинаристовъ. Онъ не терпѣлъ ни малѣйшаго отступленія отъ буквы закона и былъ зѣло крутъ съ учениками. Не разъ даже семинаристы приносили на него формальныя жалобы въ правленіе и преосвященному за его жестокое обращеніе и безпричинное преслѣдованіе. Само собою разумѣется, жалобы учащихся, подвергавшихся отъ инспектора за дѣйствительные проступки ихъ, оставлялись безъ послѣдствій; но онѣ характеризуютъ личность о. Тихона со стороны поборника дисциплины и порядка и со стороны его положенія на почвѣ закона, чему особенно сочувствовалъ при своемъ, какъ ни странно, мягкосердечіи и любви къ учащейся молодежи, преосвященный Іаковъ.

Во время инспекторства о. Тихона, карцеръ семинарскій никогда не оставался пустымъ. Только-что выйдетъ изъ него одинъ ученикъ, какъ на смѣну ему готовъ другой: инспекторъ строго наблюдалъ за этимъ и часто присматривалъ самъ, находятся ли виновные въ карцерѣ. При такихъ дозорахъ, конечно, не обходилось и безъ курьезовъ.

Понятно, гуманному и добросердечному Г. С. Саблукову было жутко и тяжело ладить съ такимъ инспекторомъ. И все же онъ выдержалъ искусъ, не рѣдко являясь единственнымъ ходатаемъ за учащихся предъ суровымъ монахомъ.

Послѣ назначенія, по желанію преосвященнаго, Г. С—ча учителемъ татарскаго языка, положеніе его въ семинаріи еще болѣе упрочилось. Владыка, сильно интересовавшійся древней исторіей мѣстнаго края, старался привить и къ Саблукову страсть къ археологіи и нумизматикѣ. По его порученію, послѣдній сталъ заниматься собираніемъ разныхъ предметовъ, относящихся къ исторіи Золотой орды и древнихъ названій селъ и деревень Саратовской епархіи. Съ этой цѣлью въ 1842 г. онъ былъ командированъ, подъ предлогомъ ревизіи духовнаго, уѣзднаго и приходскаго училищъ, въ г. Камышинъ, откуда начинаются курганы и городища періода татарскаго владычества. А потомъ не разъ въ каникулярное время совершалъ поѣздки

[1]) По смерти о. Христофора Саблуковъ исполнялъ обязанности инспектора семинаріи съ 24 марта по 24 сентября 1838 г. „И за усердіе и успѣшное выполненіе возложенной на него должности“ ему объявлена благодарность оберъ-прокурора Святѣйшаго Синода 27 января 1841 г.

въ уѣзды Николаевскій, Новоузенскій (въ то время Саратовской губерніи), Царицынскій и Царевскій (нынѣ Астраханской губерніи), резиденція коего, г. Царевъ, расположена на мѣстѣ бывшей татарской столицы Сарая. Результатомъ этихъ изслѣдованій вскорѣ явилось сочиненіе „О мѣстѣ Сарая, станицы Кипчакской орды“, помѣщенное въ №№ 48 и 49 мѣстныхъ „Губернскихъ Вѣдомостей“ за 1843 годъ.

Преосвященный былъ такъ доволенъ этими занятіями Г. С—ча, что, согласно его прошенія, исхлопоталъ ему, „во уваженіе его болѣзненнаго состоянія и усердной службы“, разрѣшеніе Святѣйшаго Синода (отъ 14 іюня 1843 г.) объ увольненіи его „отъ обязательства поступить въ духовное званіе безъ взысканія полученнаго имъ классанаго оклада“ [1]).

Благодаря старанію Саблукова при семинаріи началъ было создаваться музей древностей, куда 3 іюня 1844 г. онъ впервые доставилъ 6 монетъ кипчакскихъ, 4 турецкихъ и два желѣзныхъ и стальныхъ обломка съ арабскими надписями [2]).

Ко времени ревизіи въ 1844 г. Саратовской семинаріи профессоромъ Казанской духовной академіи Ивановымъ-Платоновымъ, Г. С. уже обладалъ громадными познаніями въ арабскомъ и татарскомъ языкахъ, начатыхъ имъ изучать лишь съ 1836 г. въ Саратовѣ. Ревизоръ обнаружилъ въ немъ обширную эрудицію и далъ о немъ очень лестный отзывъ [3]). Послѣ этого Саблукова избираютъ въ семинарское правленіе съ совѣщательнымъ голосомъ для разсужденія по учебнымъ дѣламъ, какъ лицо въ этомъ отношеніи болѣе компетентное [4]). Казанская академія поручаетъ ему сдѣлать переводъ утрени на татарскій языкъ и Г. С—чу дѣлается предложеніе перейти на службу въ Казанскую духовную семинарію для преподаванія татарскаго языка и „нужныхъ переводовъ на татарскій языкъ“, съ жалованіемъ 358 р. въ годъ и квартирныхъ 143 руб. [5]). Саблуковъ согласился перемѣнить мѣсто службы, но почему-то это назначеніе тогда не состоялось. Вмѣсто него въ слѣдующемъ (1849) году онъ былъ перемѣщенъ баккалавромъ въ Казанскую академію по каѳедрѣ греческаго языка.

За это время Г. С. успѣлъ помѣстить въ „Саратовскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ“: „Монеты золотой орды“ (1844 г., №№ 2 и 3), „Очерки внутренняго состоянія Кипчакскаго царства“ (1844 г., №№ 26—36), выпущенные въ слѣдующемъ году отдѣльнымъ изданіемъ, „О мѣстоположеніи Сарая, столицы Золотой орды“ (1845 г.,

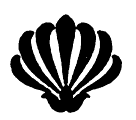

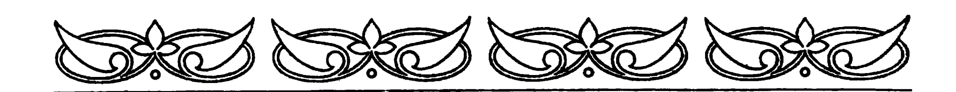
[1]) Дѣло семинар. архива за 1844 г. № 83.
[2]) Тамъ же, дѣло № 55.
[3]) Тамъ же, дѣло 1848 г. № 47.
[4]) Дѣло 1847 г., № 48.
[5]) Дѣло 1849 г., № 85.

№№ 13—21), „Очеркъ исторіи и внутренняго быта Хозарской державы на Волгѣ“ (1849 г., №№ 6—9), „Исторія Золотой орды до смерти Бердабека“ (1849 г., № 11) и „О государственныхъ учрежденіяхъ, законахъ, религіи и образованности монголовъ Золотой орды“ (1849 г., №№ 32 и 33).

Въ Казани Г. С. не переставалъ заниматься излюбленными восточными языками. Тамъ имъ былъ сдѣланъ переводъ (въ 1878 г.) съ арабскаго языка „Корана“, считающійся до нынѣ единственнымъ въ русской литературѣ по своей точности и сохраненію духа магометанства переводомъ; существовавшій же до того переводъ Корана съ французскаго языка страдалъ многими недостатками. Онъ перевелъ еще съ турецкаго языка 1-ю часть „Исторіи турокъ“ сочиненія Богадуръ-хана, и съ арабскаго приложеніе къ Корану и два трактата: „Свѣдѣнія о Коранѣ и сличеніе магометанскаго ученія о именахъ Божіихъ съ ученіемъ христіанскимъ“. Послѣдній трудъ вышелъ изъ печати (въ 1884 г.), когда Г. С. былъ уже въ отставкѣ. Однако, академія оцѣнила его по достоинству и преподнесла за него маститому оріенталисту званіе почетнаго доктора богословія.

П. Юдинъ.

Памятники русской старины въ Польшѣ.

Вѣроятно, не многимъ изъ интересующихся холмской стариной извѣстно, что въ разстояніи 1 версты на сѣверо-западъ отъ села Стрѣльцы Грубешовскаго уѣзда Люблинской губерніи, на окраинѣ Бѣлопольскаго лѣса, существовалъ въ древнее время православный монастырь. До сихъ поръ жители Стрѣлецъ и сосѣднихъ деревень указываютъ урочище „Монастырь", находящееся на довольно высокомъ холмѣ, вблизи рѣчки Волнянки, впадающей въ городѣ Дубенкѣ въ Западный Бугъ. Объ этомъ монастырѣ въ окрестныхъ приходахъ сохранились въ народѣ преданія, разукрашенныя фантастическими разсказами о постигшей его судьбѣ. Въ народѣ существуетъ преданіе, впрочемъ, не подтвержденное никакими данными. что на томъ мѣстѣ, въ древнія времена, былъ монастырь, неизвѣстнаго названія, несомнѣнно, православный, ибо, кромѣ православной вѣры, здѣсь не было еще распространено католичество. Но когда именно былъ основанъ этотъ монастырь, когда и по какимъ обстоятельствамъ уничтоженъ и какое имѣлъ значеніе среди туземнаго населенія, на эти вопросы, за неимѣніемъ историческихъ фактовъ, можно отвѣчать пока лишь одними только предположеніями. Основываясь на нѣкоторыхъ данныхъ: преданіяхъ народа, характерѣ мѣста и урочища и давности его существованія, нельзя не отнести возникновенія этого монастыря ко временамъ удѣльныхъ русскихъ князей, когда нынѣшняя холмщина входила въ составъ Галичско-Волынскаго княжества, и что основателями этой обители могли быть иноки изъ Кіева, которые пришли въ Холмскій край, научили жителей сей страны православной вѣрѣ, а послѣ учредили здѣсь монастырь. Съ теченіемъ времени, монастырь этотъ опустѣлъ, или вѣрнѣе разоренъ непріятелями. Братія этого монастыря разошлась по разнымъ мѣстамъ земли русской, а другая часть, которая не попала въ плѣнъ, успѣла увезти изъ монастыря древній каменный четырехконечный крестъ съ славянской монографіей, находящійся на погостѣ Стрѣлецкой Свято-Георгіевской церкви. Монахи желали увезти этотъ крестъ въ городъ Владиміръ-Волынскій въ тамошній монастырь, но почему-то оставили оный на

погостѣ Стрѣлецкой церкви, гдѣ онъ стоитъ и понынѣ. Самое урочище „Монастырь" окружено каналомъ, имѣются на немъ нѣсколько штукъ древнихъ дубовыхъ деревьевъ, а каналъ сей тянется на нѣсколько верстъ въ сѣверо-восточномъ направленіи. Фантастическое преданіе говоритъ, что монастырь по этому каналу направился черезъ мѣстечко Любомль Волынской губерніи въ городъ Кіевъ.

Время основанія села Стрѣльцы теряется въ глубокой древности. Преданіе говоритъ, что въ древности, во время нашествія татаръ или шведовъ на эту мѣстность, русскія войска подъ предводительствомъ трехъ русскихъ братьевъ полководцевъ князей Іосифа, Михаила и Филиппа Стангурскихъ сильно оборонялись отъ непріятеля. Прежде чѣмъ подойти къ мѣстности, гдѣ теперь село Стрѣльцы, урочище, именуемое Барановецъ, непріятель долгое время стоялъ съ войскомъ на холмѣ, такъ называемомъ „Стрилкова гора" подъ Дубенкой и послѣ того рѣшилъ выпустить первый выстрѣлъ, который будто попалъ въ самый центръ присутствовавшихъ въ той мѣстности русскихъ войскъ, отъ чего и само первое селеніе отъ пріютившихся здѣсь русскихъ героевъ получило свое названіе отъ слова Стрилъ, Стрыльци, Стрѣльцы. Другими именами, кромѣ того оффиціальнаго названія, оно въ народѣ не именуется. Иные же думаютъ, что нѣкогда, во время перехожденія черезъ эту мѣстность славянскихъ племенъ, тутъ происходило Стрѣлецкое вѣче или Стрѣлецкая рада, отчего будто бы и самая мѣстность названа Стрѣльцы. Какого наименованія оно было раньше, въ приходѣ не извѣстно. Извѣстно, что Стрѣльцы въ 1600 году перенесено на второе, а въ 1859 году послѣ регуляціи крестьянскихъ земель на дворскія на третье теперешнее мѣсто. Впервые это село упоминается 1 января 1478 года, когда Белзскій воевода, вотчинникъ села Стрѣльцы, присутствовалъ въ Красноставскомъ судѣ [1]) и что тогда могла существовать здѣсь православная Стрѣлецкая церковь. Памятникомъ существованія здѣсь Стрѣлецкой церкви сохраняется въ церкви старинная икона Покрова Пресвятыя Богородицы, писанная по штукатуркѣ масляными красками на доскѣ въ строго византійскомъ стилѣ, высотою 1 арш. 10 верш. и шириною 1 арш. 4 верш. съ надписью „сія икона сооружена за стараніемъ отца іерея Георгія Хмарука на тотъ часъ 1416 г.," а въ 1896 году обмыта и въ штукатуркѣ исправлена. Другая древняя благодатная икона Божіей Матери съ предвѣчнымъ Младенцемъ, писанная на доскѣ по штукатуркѣ въ мѣдной серебряной ризѣ съ двумя позолоченными коронами взамѣнъ прежней богатой, взятой въ 1807 году австрійскимъ прави-

---

[1]) Запись находится въ архивѣ древнихъ актовъ Виленской археологической коммиссіи, № акта книги 19827.

тельствомъ, и третья икона св. великомученика Георгія Побѣдоносца съ 8-ю изображеніями страданій съ надписью „1772“ г. Кто же былъ этотъ Хмарукъ? Стрѣлецкій ли священникъ и когда основанъ приходъ, въ приходскихъ документахъ Стрѣлецкой церкви не упоминается. Извѣстно о существованіи Стрѣлецъ изъ привилегіи Іоанна Казиміра, короля польскаго, отъ 23 мая 1650 года, данной въ Шалахахъ въ обозѣ подъ Соколемъ крестьянину села Стрѣльцы на солтыство Григорію Байкевичу за его храбрость въ битвахъ съ непріятелемъ.

Въ этой привилегіи Байкевичъ былъ награжденъ особымъ поземельнымъ надѣломъ и освобождаетъ его отъ всякаго рода повинностей; такимъ образомъ ясно, что это селеніе тогда уже существовало и другаго названія не носило. Подтвердительныя граматы послѣдовали отъ 14 февраля 1721 г. короля польскаго Августа II и 3 февраля 1766 г. короля Станислава-Августа.

Въ XVIII в. имѣніе Стрѣльцы принадлежало графу Рафаилу Холоневскому, который при нашествіи войскъ безвѣстно пропалъ. Съ 1815 по 1833 г. Стрѣльцы со всѣми угодіями находилось въ вѣдѣніи казны. Въ 1833 г. 10 августа и въ 1834 году 3 февраля казна продала им. Стрѣльцы Іосифу Ижицкому, а послѣдній отъ 12 августа 1855 года уступилъ графу Витольду Полстыло за 165 т. руб. Ижицкій началъ было насаждать колонизацію села Стрѣльцы, но не привелъ свое намѣреніе въ исполненіе; затѣмъ вмѣсто него въ 1859 г. ярый Полстыло, дѣлая замѣну крестьянскихъ полей на дворскія, самовольно захватилъ ихъ болѣе выгодныя усадьбы и вмѣсто нихъ надѣлилъ крестьянъ меньшими участками земли. Во время послѣдовавшей регуляціи крестьяне желали остаться на старыхъ надѣлахъ, но, вопреки ихъ желанію, гордый Полстыло болѣе 38 крестьянъ домохозяевъ съ семействами изгналъ изъ надѣловъ и на ихъ мѣсто водворилъ нынѣшнихъ иностранцевъ католиковъ-колонистовъ, прибывшихъ изъ австрійской провинціи Моравіи. Съ 1878 г. им. Стрѣльцы поступило въ ординацію графа Замойскаго.

Одинъ весьма важный документъ, относящійся къ Стрѣлецкой церкви, остался съ первоначальныхъ временъ уніатскихъ—это дарственная грамата короля польскаго Іоанна III Собѣсскаго, отъ 25 апрѣля 1676 года; копія съ подлинника хранится при Стрѣлецкой церкви, скрѣпленная отъ 3 декабря 1860 года священникомъ Іоанномъ Лисовскимъ, благочиннымъ б. Дубенецкаго благочинія и настоятелемъ прихода города Дубенки. Какъ по содержанію, такъ и по языку она очень интересна, поэтому приведемъ ее буквально въ такомъ видѣ, въ какомъ она вышла изъ подъ пера самого короля. Вотъ что, между прочимъ, значится въ этомъ документѣ:

„Іоаннъ Третій Божіею Милостію Король Польскій, Великій Князь

Русскій, Прусскій, Мазовецкій, Жмудьскій, Кіевскій, Волынскій, Подольскій, Инфлянтскій, Смоленскій, Сѣверскій и Черниговскій извѣщаемъ настоящею Нашею граматою всѣхъ вообще и каждаго отдѣльно, кому объ этомъ вѣдать надлежитъ, что мы имѣемъ обыкновеніе оказывать особое Наше уваженіе и вниманіе духовнымъ лицамъ назначеннымъ служенію и славѣ Божіей и желая имѣть оныхъ всегда подъ покровительствомъ Нашей милости и снисходя къ плачевному положенію набожнаго отца Мартина Абрамовича, пресвитера церкви Святаго Георгія, постановили Мы оному подарить и отдать во владѣніе его находящуюся въ нашей королевской власти церковную землю въ селѣ Стрѣльцахъ въ староствѣ Дубенкѣ Малой, послѣ смерти набожнаго отца Ѳомы Абрамовича и оную землю даримъ и закрѣпляемъ со всѣми къ этой землѣ изъ давнихъ временъ принадлежащими угодіями и принадлежностями, лугами, садами, огородами, постройками, „пожитками“ съ свободною варкою пива, куреніемъ водки для собственной (домашней) надобности съ правомъ—свободно на тамошней мельницѣ молоть хлѣбъ безъ „мѣрки“, свободно изъ лѣсовъ ближайшихъ возить дерево на отопленіе и постройки, однако, безъ большаго вреда съ свободной рыбной ловлей въ рѣкѣ, имѣть держать и спокойно пользоваться будетъ такъ точно, какъ и прежніе его предшественники до конца своей жизни. Отъ всѣхъ затѣмъ экономическихъ повинностей равно какъ и отъ повинностей принадлежащихъ къ республикѣ освобождаемъ онаго. Даемъ обѣщаніе сіе отъ Насъ самихъ и всемилостивѣйшихъ наслѣдниковъ Нашихъ въ томъ, что набожнаго отца Мартина Абрамовича отъ пожизненнаго владѣнія этой земли не устранимъ и власти и полномочія для устраненія никому не дадимъ; но онаго какъ законнаго пріемника при этомъ владѣніи сохранимъ. Объявляемъ настоящимъ администраторамъ и ихъ пріемникамъ, чтобы сему Нашему желанію не отказывали сопротивленія. То что Мы дѣлаемъ это да сдѣлаютъ и Наши Милостивѣйшіе Наслѣдники наши королевскіе права республики и церкви святой римско-католической сохранятъ въ цѣлости. Въ силу чего мы нашею собственною рукою расписываемся и Нашу печать приложить повелѣваемъ. Дано въ Варшавѣ дня 25 апрѣля MDCLXXVI (1676) царствованія же Нашего XII. На подлинномъ его Королевскимъ Величествомъ собственною рукою подписано: Іоаннъ король. (М. П.)“.

„Грамата при церковной землѣ набожнаго отца Мартина Абрамовича въ селѣ Стрѣльцахъ въ староствѣ Дубенкѣ Малой послѣ набожнаго отца Ѳомы Абрамовича, Криштофъ Тарановскій Краковско-Варшавскій канцлеръ его королевскаго величества секретарь“.

Изъ вышеупомянутаго документа, иконы Покрова Пресвятыя Богородицы и каменнаго креста о сооруженіи церкви и основаніи при-

хода въ XV вѣкѣ, видно, что православная церковь во имя святаго великомученика Георгія Побѣдоносца въ селѣ Стрѣльцахъ существовала съ давнихъ временъ. Объ упоминаемомъ въ приведенномъ документѣ церкви ничего намъ неизвѣстно. Нѣтъ свѣдѣній о ней и во все послѣдующее время до 1772 года. По инвентарной описи церковнаго имущества за 1789 годъ, находящагося въ музеѣ Холмскаго св. богородицкаго братства, озаглавленнаго Seksya C. Volumen I, значится, что Стрѣлецкая церковь построена въ 1772 году, а по церковнымъ документамъ за 1817 и 1828 гг. значится довольно старой, требующей капитальнаго ремонта. Въ 1830 году 9 августа въ 4 часа утра во время страшной грозы, ударомъ молніи истребленъ Стрѣлецкій Свято-Георгіевскій храмъ и на томъ же мѣстѣ, 25 февраля 1831 года построена временная часовня, и освященная 23 апрѣля 1831 г. протоіереемъ Холмскаго собора Матвѣемъ Бѣлявскимъ. Въ 1845 году 26 іюня на мѣсто часовни, основанъ былъ новый нынѣшній деревянный объ одномъ куполѣ продолговатый четырехконечный храмъ, построенный на востокъ на добровольныя пожертвованія прихожанъ при участіи б. помѣщика имѣнія с. Стрѣльцы Іосифа Ижицкаго, имѣющій въ высоту 9 саж. 1 арш., ширину 3 саж. 1 арш. и въ длину 7 саж. и первоначально освященный 4 іюня 1850 года, на основаніи распоряженія преосвященнаго Филиппа Шумборскаго б. епископа холмскаго отъ 29 мая 1850 года за № 741, священникомъ Іоанномъ Лисовскимъ, благочиннымъ б. Дубенецкаго благочинія и настоятелемъ прихода города Дубенка. Послѣ возсоединенія холмскихъ уніатовъ въ Стрѣлецкой церкви устроенъ по православному обряду новый престолъ и освященъ 29 іюня 1876 г., настоятелемъ прихода села Бусько, священникомъ Іаковомъ Лотоцкимъ, и послѣ ремонта и покраски стѣнъ церковь и новоустроенный иконостасъ освящены 5 октября 1897 г. настоятелемъ прихода с. Стрѣльцы священникомъ Михаиломъ Литвинцемъ. На церковномъ погостѣ, особо отъ церкви, построена въ 1810 году деревянная колокольня съ 8 колоколами. На первомъ колоколѣ въ 15 п. 38 ф. надпись „Благовѣствуй земле радость велію"; на второмъ въ 2 п. „року Божія 1717"; на третьемъ въ 2 п. „року Божія 1740"; на четвертомъ „року Божія 1799"; на пятомъ „In te domine speravimus"; на шестомъ въ 10 пуд. „Отлитъ сей колоколъ въ Москвѣ на заводѣ А. Д. Самгина, ко храму св. Георгія въ с. Стрѣльцахъ усердіемъ прихожанъ въ память восшествія на престолъ государя императора Николая II, 1895 г."; на седьмомъ „Москва, заводъ П. Н. Финлянскаго вѣсу 9 п. 8 ф. На восьмомъ „Въ с. Стрѣльцы въ церковь св.-вел. муч. Георгія Побѣдоносца отъ Александра Кобычева. Колоколо-литейный заводъ В. Орлова. С.-Петербургъ, 1899 года"

Послѣ регуляціи Стрѣлецкаго имѣнія, постановленіемъ правитель.

ственной коммиссіи внутреннихъ и духовныхъ дѣлъ, отъ 31-го января 1859 года за № 45924/9323 поступило вмѣсто прежней церковной земли въ 70 мор. 152 пр., усадебной 4 мор. 31 пр., пахотной 46 мор. 82 пр., луговой 23 мор. 121 пр. и неудобной 280 пр., всего 74 морга 214 прентовъ. По табеляричной описи Стрѣлецкаго церковнаго имущества за 1860 годъ, доходы и расходы священника исчислены слѣдующимъ порядкомъ: дохода съ фундушеваго хозяйства 110 руб. 24½ коп., отъ доходовъ за требоисправленія 28 руб. 31 коп.; всего дохода 138 руб. 55½ коп. Расходъ на нужды церкви равнялся 28 руб. 31 коп., разныхъ податей 21 руб. 47 коп. — всего расхода 49 руб. 78 коп. Стало быть, всего дохода въ Стрѣлецкомъ приходѣ священникъ получалъ 88 руб. 77½ коп. По штату отъ 29-го мая 1876 года священникъ получаетъ жалованья 1.200 руб., псаломщикъ 200 руб. и церковный сторожъ 50 руб.

Къ приходу села Стрѣльцы приписана деревня Березовецъ и 4 хутора Теремецъ, Клопотъ, Стрѣльцы и Стрѣлецкая Мазярня. По даннымъ за 1904 годъ дворовъ въ приходѣ 99, прихожанъ 396 мужск. и 359 женск. Въ селѣ Стрѣльцахъ существуетъ съ 1869 года начальное училище министерства народнаго просвѣщенія.

Постановленіемъ Люблинской губернской по крестьянскимъ дѣламъ коммиссіи отъ 21-го мая 1869 года и 13-го апрѣля 1895 года предоставлены священнику Стрѣлецкаго прихода слѣдующіе сервитуты: 1) получать 13 саженъ дровъ на топливо, считая каждую 108 кубическихъ футовъ, 2) получать ежегодно по 18 деревьевъ на строенія, въ 16 дюймовъ діаметра, длиною 42 фута, 3) на изгороди ежегодно: а) хворостяную 905 колковъ, вышиною 7 футовъ, діаметра 3½ дюйма и 60 фуръ хворосту; б) на изгородь изъ жердей одно дерево, размѣра, какъ на строенія, и 12 кольевъ двойной ширины противъ указанныхъ выше, т. е. 7-ми дюймоваго діаметра, вышиною 7 футовъ, и в) на изгородь изъ жердей по одному дереву, размѣра какъ на строенія и по два столба, діаметра 12-ти дюймовъ, и 4) пасти 5 лошадей и 18 штукъ рогатаго скота, не считая годичнаго приплода.

Въ 1640 году священникомъ Стрѣлецкой церкви былъ о. Іеронимъ Поповичъ, который подавалъ жалобу на Варвару Комаровскую, жену Белзскаго подкоморія и владѣлицу имѣнія села Неледова, за то, что она арестовала о. Іеронима, когда онъ 18 марта изъ своего настоящаго прихода возвратился въ прежнее мѣсто служенія, въ с. Неледовъ, для передачи церковнаго имущества ктиторамъ Неледовской церкви. Освободившись изъ-подъ ареста, о. Іеронимъ заявилъ суду 3 апрѣля, что Комаровская, узнавъ о прибытіи его въ с. Неледовъ, выслала въ церковноприходскій домъ свою дворню, которая здѣсь, по приказу своей госпожи, схватила и съ ругательствами

повела его въ с. Хижовицы, мѣстопребываніе подкоморія; въ Хижовицахъ Комаровская, обругавъ его, велѣла посадить на день въ грязную тюрьму, а вечеромъ отвести назадъ въ Неледовъ и здѣсь засадить на недѣлю въ тюрьму, изъ которой онъ спасся бѣгствомъ. Въ 1657 году священникъ Стрѣлецкой церкви о. Іерофей Бобриковичъ избитъ и ограбленъ управляющимъ имѣніями Николая Даниловича, Иваномъ Држевошовскимъ. Въ 1658 году 30 апрѣля, тотъ же священникъ Бобриковичъ жаловался на Лещинскихъ и ихъ слугъ: Држевошовскаго, Бартошовскаго и крестьянина Гавріила за нанесеніе ему 15 числа въ домѣ еврея (куда послѣ богослуженія отправился) тяжкихъ побоевъ и обидъ, наконецъ, арестованіе его до вечера и грабежъ на его полѣ хлѣба въ зернѣ, пшеницы и ржи. 6-го ноября былъ раненъ его сынъ Ѳеодоръ Владиславомъ Мальчевскимъ въ имѣніи м. Дубенки. Тогда же былъ избитъ и самъ священникъ, умолявшій Мальчевскаго пощадить сына, который вмѣстѣ съ нимъ прибылъ для покупокъ въ м. Дубенку на торгъ.

Въ 1858 году священникомъ Стрѣлецкой церкви былъ о. Іоаннъ Гукевичъ, который во время жатвы просилъ къ себѣ крестьянъ с. Стрѣльцы для уборки хлѣба. Когда уборка хлѣба началась, пріѣхалъ на поле управляющій имѣнія Стрѣльцы Іосифъ Банашкевичъ, католикъ, и сильно избилъ священника плеткой за то, что крестьяне не пошли въ дворъ на барщину работать, а пошли къ священнику. За враждебныя дѣянія и нанесеніе священнику побоевъ Іосифъ Банашкевичъ послѣ праздничнаго богослуженія въ присутствіи прихожанъ на амвонѣ мѣстной церкви поцѣловалъ священнику ноги и извинился.

Въ 1860 году отъ 8-го іюня священникъ Стрѣлецкой Свято-Георгіевской церкви о. Іоаннъ Гукевичъ подалъ преосвященному Іоанну Терашкевичу б. епископу холмскому жалобу на главноуполномоченнаго Стрѣлецкимъ имѣніемъ Сигизмунда Завадскаго слѣдующаго содержанія:

„Еще въ 1853 году протоколомъ приходскаго попечительства признано необходимымъ перестройка колокольни и дополненіе починки нѣкоторыхъ приходскихъ строеній, когда же по истеченіи лѣтъ отъ упомянутаго года до настоящаго, несмотря на численныя припоминанія и представленія этой нужды главноуполномоченному, никакого результата не послѣдовало, подписанный принужденъ былъ обстоятельство это представить подъ днемъ 17-го мая 1860 г. начальнику уѣзда, присовокупляя одновременно, что главноуполномоченный Сигизмундъ Завадскій огородъ, подаренный черезъ прежняго владѣльца Іосифа Ижицкаго въ пользованіе дячка, на которомъ огородѣ прихожане на свои средства выстроили для того же дячка жилой домъ,

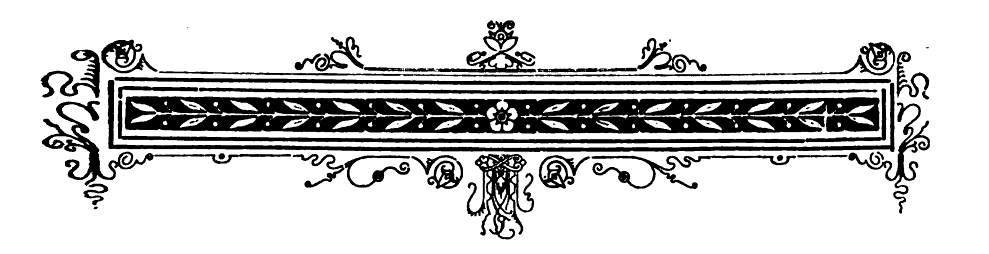
отъ котораго платится подымнаго налога 2 руб. 80 коп., огородъ этотъ въ пользу двора отнялъ и съ помѣщенія дяка выбросилъ, требуя, чтобы настоятель домъ и часть огорода при замѣнѣ вошедшихъ въ составъ земель, для настоятеля, на помѣщеніе и содержаніе для дяка уступилъ, о чемъ при регуляціи рѣчи не было и въ протоколѣ замѣны этого не внесено. На такое представленіе подписавшаго начальникъ уѣзда предложилъ главноуполномоченному немедленно заняться отстройкой колокольни и приказалъ одновременно, чтобы не рѣшался дяка тронуть съ мѣста въ его пользу опредѣленнаго, какъ выше сказано. Главноуправляющій Завадскій на дню 26 мая (7 іюня) 1860 г. за № 43 въ лицѣ войта гмина, пригласилъ подписавшаго священника, чтобы прибылъ по приходскимъ дѣламъ къ нему. Не предвидя послѣдствій, отправился я въ канцелярію войта гмина, гдѣ предложено мнѣ, чтобы я отправился къ главноуполномоченному, куда прибывши сейчасъ при вступленіи спрошенный сразу: „какъ ты смѣлъ писать на насъ жалобу къ начальнику"? а когда я отвѣтилъ, что отношеніе мое къ начальнику не было моимъ намѣреніемъ жаловаться, а только было донесеніемъ, вытекающимъ съ обязанности моего долга, несмотря на многочисленныя мои представленія, сдѣланныя вамъ, и не въ состояніи будучи дождаться какого-нибудь результата — тогда главноуполномоченный Завадскій съ настоящимъ бѣшенствомъ закричалъ: „дуракъ ты, поцѣлуй меня" (но приличіе не позволяетъ выразить гдѣ) и началъ самыми площадными словами ругать меня, которыхъ (словъ) приличный языкъ произнести и скромныя уши выслушать бы не могли, добавляя къ этому: „не дамъ тебѣ пастбища, не дамъ дровъ, а ни хворосту, а ни даже ягодъ и грибовъ, прикажу занимать, буду тебя грабить, забирать, за всякую штуку будешь платить по рублю, буду тебѣ во всемъ надоѣдать, огорода для дяка не дамъ—изъ дому его выгоню"; а когда я замѣтилъ, что все это эрекціей для настоятеля и безпрепятственное употребленіе обезпечено, въ самомъ страшномъ гнѣвѣ и бѣшенствѣ подскочилъ ко мнѣ, повторяя: „дуракъ ты, поцѣлуй меня" (чего приличіе высказать не дозволяетъ) „или тебя черти возьмутъ или меня—намъ не нужно священника, ни дяка";—нельзя предположить, чтобы высказанное не слышали во второй комнатѣ присутствующіе, чѣмъ сдѣлался большой соблазнъ и въ самомъ дѣлѣ, какъ оказывается съ поступковъ главноуполномоченнаго Завадскаго и его непочтеніе для настоятеля, какъ со стороны служащаго — не будетъ имѣть что дѣлать въ Стрѣльцахъ ни священникъ, ни дякъ, по недостаткѣ прихожанъ, такъ какъ и таковыхъ уже недостатокъ, которыхъ изгналъ 38 семействъ самыхъ лучшихъ хозяевъ, дастъ себя чувствовать священнику и дяку, такъ какъ никакого дохода приход-

скаго нѣтъ ни для священника, ни для дяка, равно какъ и оплата, которую собирали на содержаніе для дяка по 7½ коп. и по 2 гарца збожа отъ этихъ хозяевъ прекратилось, а съ остальныхъ, оставшихся еще до какого-то времени, около 20-ти семействъ хозяевъ и 20-ти семействъ слугъ дворскихъ, владѣющихъ одними только огородами этой же самой дорогой пойдетъ, такъ какъ не мыслимо, чтобы могли перенести всѣ обиды и презрѣніе, какія постоянно слушаютъ и переносятъ, чего и подписанный былъ свидѣтелемъ, когда главноуполномоченный, разгнѣванный и возбужденный до бѣшенства, не обращая вниманія на мое присутствіе, повторилъ то, что на каждомъ шагу есть единственной его поговоркой: „я долженъ съ корнемъ искоренить это русское племя изъ Стрѣлецъ". Изъ этихъ короткихъ словъ легко понять, въ какомъ почтеніи и вниманіи имѣетъ нашу святую религію и служителя, когда на каждомъ шагу руководствуется такимъ упрямствомъ и удовлетворяя своей мести, способствуетъ на всякомъ шагу къ уменьшенію прихожанъ и даже предсказываетъ, что священникъ, за прихожанами изъ Стрѣлецъ уйти долженъ, а онъ за 45 руб. приходскую землю (фундушевую) выарендуетъ, учителя, который бы училъ по-польски, призоветъ и назначитъ ему жалованье".

Далѣе о. Гукевичъ пишетъ, что, „пройдя такія испытанія, когда послѣ послѣдняго столкновенія съ главноуполномоченнымъ съ хвастовства и угрозъ его сознаю, что положеніе моей личности подъ угрозой, принимая во вниманіе, что человѣкъ, какимъ есть Завадскій, не имѣющій никакого удержу въ своей злости, въ своемъ возбужденіи могъ бы допуститься всякихъ злоупотребленій, будучи подъ такой угрозой, представляя его преосвященству долголѣтнія мои заслуги въ этомъ приходѣ, безъ малѣйшаго упрека, дабы взвѣсивши на вѣсы тѣ униженія и оскорбленія, которыя выпали на мою долю и которыхъ еще я могу ожидать въ будущемъ, своею отеческою опекою сообща съ гражданскою властью, благоволилъ меня защитить отъ таковыхъ и присвоенныхъ настоятелю правъ на основаніи эрекціи въ безспорномъ употребленіи таковыхъ благоволилъ обезпечить, о чемъ покорнѣйше прошу ваше преосвященство".

Григорій Крашкевичъ.

Историческіе и бытовые очерки западной старины.

Изъ воспоминаній графа Рамбюто.

(1806—1848 гг.).

Графу Клоду-Филиберу-Бартело Рамбюто, видному административному дѣятелю наполеоновскихъ временъ (р. 1781 † 1869 г.) было восемь лѣтъ, когда вспыхнула первая французская революція.

Нѣкоторый недостатокъ систематическаго образованія, вполнѣ естественный и неизбѣжный въ то смутное и тревожное время, какое переживала страна въ исходѣ XVIII вѣка, былъ восполненъ имъ впослѣдствіи серьезнымъ чтеніемъ и бесѣдами съ выдающимися по уму людьми, въ числѣ коихъ особенно благотворное вліяніе на его развитіе имѣлъ бывшій министръ Людовика XVI, графъ Нарбоннъ, на дочери которою Рамбюто впослѣдствіи женился.

По совѣту Нарбонна Рамбюто поступилъ камергеромъ ко двору Наполеона I, который, какъ тонкій знатокъ людей, быстро отличилъ въ толпѣ придворныхъ этого молодаго человѣка съ аристократическими манерами, пріобрѣтенными имъ въ салонахъ старинной французской знати.

Молодой Рамбюто, со своей стороны, поддался обаянію этого необыкновеннаго человѣка, искренно привязался къ нему и преданно служилъ ему до конца. Графу пришлось служить въ тяжелое бурное время, когда всѣхъ волновали политическія страсти, но онъ не увлекся политикой и не примкнулъ ни къ какой партіи; обладая ровнымъ, уравновѣшеннымъ характеромъ, удивительнымъ трудолюбіемъ и умѣніемъ работать, Рамбюто служилъ честно, безкорыстно, безъ низкопоклонства тремъ послѣдовательнымъ правительствамъ: Наполеону I, Бурбонамъ и Людовику-Филиппу, занимая должности префекта въ

разныхъ департаментахъ и выказалъ при этомъ выдающіяся административныя способности и умѣнье справляться со своими сложными и отвѣтственными обязанностями.

Въ послѣдніе годы реставраціи онъ былъ членомъ палаты депутатовъ, во время іюльской монархіи—пэромъ Франціи и префектомъ Сенскаго департамента. Въ этой послѣдней должности онъ много сдѣлалъ для украшенія города Парижа, который за его пятнадцатилѣтніе управленіе совершенно преобразился: его работами были выпрямлены и расширены старинныя извилистыя улицы Парижа, пробиты новыя, устроены водостоки, насажены деревья, масляное освѣщеніе замѣнено газовымъ, исправлены и докончены многіе памятники, выполнены обширныя работы по ассенизаціи города—словомъ, городъ принялъ при немъ, и благодаря его стараніямъ, свою нынѣшнюю физіономію великолѣпнаго европейскаго города.

Въ салонъ графа Рамбюто, который принадлежалъ по своему происхожденію къ старинной французской аристократіи, съѣзжались самые выдающіеся представители аристократическаго міра, извѣстнѣйшіе дипломаты, писатели и артисты; въ числѣ его друзей были: Друо, Коленкуръ, Ройе-Колларъ, Казиміръ Перье, Брольи, Тьеръ, Моле, Гизо. Весьма естественно, что у него накопилось за его долгую жизнь не мало воспоминаній, которыми, по удаленіи отъ дѣлъ, въ 1848 г., онъ любилъ дѣлиться съ окружающими и которыя дали ему обширный матеріалъ для его мемуаровъ, написанныхъ вполнѣ объективно, безъ малѣйшей примѣси желчи и озлобленія.

I.

Въ 1806 г., графъ Рамбюто, которому было тогда 25 лѣтъ, похоронивъ горячо любимую имъ мать, съ которой онъ до тѣхъ поръ никогда не разставался, пріѣхалъ въ Парижъ и былъ представленъ императору Наполеону.

„Я удостоился этой чести, въ іюлѣ мѣсяцѣ, въ Сенъ-Клу“, разсказываетъ онъ. „Мнѣ пришлось часа три ожидать въ пріемной вмѣстѣ съ княземъ Шванценбергомъ и принцемъ Баденскимъ. Императоръ принялъ меня весьма милостиво; говорилъ со мною о Бургундіи, спросилъ, почему я не поступилъ на военную службу, въ которой служили всѣ мои предки. Я отвѣчалъ, что мнѣ хотѣлось послѣдовать примѣру моихъ сверстниковъ, и поступить въ войско въ то время, когда парижская молодежь послѣ сраженія при Маренго была призвана подъ знамена, но что этому воспротивилась моя мать.

Я высказалъ императору свое горячее желаніе поступить въ гражданскую службу и состоять при его особѣ.

Онъ улыбнулся и обѣщалъ не забыть меня. Послѣ этого мое имя стало появляться въ спискахъ приглашенныхъ ко двору, но мнѣ пришлось цѣлыхъ три года ждать столь желаннаго назначенія меня камергеромъ.

Въ 1807 г. Наполеонъ, заботясь объ упроченіи своей династіи, рѣшилъ развестить со своей бездѣтной супругой. Разводъ состоялся 16 декабря 1809 г., но еще раньше этого „по возвращеніи изъ Ваграма [1]), занятый мыслью о предстоявшемъ бракѣ, и желая придать своему двору болѣе пышности и блеска, императоръ пожаловалъ значительное число лицъ въ камергеры, шталмейстеры, статсъ-дамы и всевозможные придворные чины. Въ томъ числѣ и я былъ пожалованъ въ камергеры.

Зимній сезонъ 1809 г. былъ блестящій. Императоръ раза четыре или пять разъ въ недѣлю проводилъ вечеръ у принцессы Полины. Такъ какъ онъ любилъ шумъ и веселье, то на эти маленькія собранія приглашались молодые люди его свиты: Марме, Сентъ-Олеръ, де Ноайль и другіе.

Онъ очень ухаживалъ въ то время за одной фрейлиной принцессы Полины, г-жею Матисъ, дочерью сенатора.

Въ эту зиму итальянскимъ посланникомъ Марескальки былъ данъ знаменитый шахматный балетъ. Императоръ былъ одѣтъ негромъ и принималъ участіе въ кадрили, трубя въ охотничій рогъ. Обѣ королевы, г-жи Бассано и Барраль сверкали драгоцѣнными камнями. Я былъ кавалеромъ г-жи Пеллапра, одѣтой въ костюмъ крестьянки; ея ослѣпительная красота привлекла взоры императора, и Боссе взялся устроить дѣло. Маскарадъ послужилъ исходной точкой его блестящей карьеры.

Вскорѣ послѣ этого состоялось бракосочетаніе Наполеона съ Маріей-Луизой. Я былъ назначенъ къ нему дежурнымъ камергеромъ и присутствовалъ при его встрѣчѣ у Тріумфальной арки, наскоро сколоченной изъ досокъ и обтянутой холстомъ; по странному стеченію обстоятельствъ, тридцать лѣтъ спустя, состоя уже префектомъ Сенскаго департамента, я проѣхалъ подъ той же, столь памятной для меня, аркой, сопровождая его прахъ въ Домъ инвалидовъ.

Во время бракосочетанія въ церкви на мнѣ лежала обязанность размѣстить кардиналовъ. Для нихъ было приготовлено тридцать четыре кресла, но такъ какъ ихъ пріѣхало всего двадцать девять человѣкъ, то я приказалъ убрать пустыя кресла; первою заботою импе-

[1]) Сраженіе при Ваграмѣ происходило 5 и 6 іюля.

ратора было пересчитать кардиналовъ, онъ подозвалъ меня и спросилъ, всѣ ли пріѣхали: пришлось сказать, что пятеро отсутствовали. Въ тотъ же вечеръ этимъ кардиналамъ было воспрещено являться во дворецъ и носить знаки кардинальскаго достоинства. Ихъ прозвали „черными кардиналами".

Необычайное по своему великолѣпію зрѣлище представляла большая Луврская галлерея, гдѣ стояли, въ два ряда, мужчины и дамы въ парадномъ одѣяніи, въ ожиданіи новобрачныхъ.

Королевы и принцессы были окружены свитой, среди которой находились первыя красавицы Парижа. Принцессы были очаровательны; королева Вестфальская блистала молодостью и красотою, королева Гортензія изяществомъ и граціей.

Понятно, какое сильное впечатлѣніе должно было произвести это зрѣлище на молодую, робкую принцессу, смущенную столь многочисленнымъ и блестящимъ собраніемъ. Марія-Луиза, послѣ первыхъ же родовъ, страшно пополнѣла, но въ то время она была стройна, имѣла прекрасный цвѣтъ лица и очаровательную ножку. Робость придавала ей своеобразную грацію. Она внушала къ себѣ уваженіе и симпатію, что̀ въ соединеніи со всемогуществомъ располагало къ ней всѣ сердца.

Самымъ грандіознымъ баломъ, даннымъ по случаю бракосочетанія Наполеона I, былъ балъ императорской гвардіи. Къ этому случаю, въ зданіи военной школы было сооружено огромное танцовальное зало, въ которомъ былъ всего одинъ только выходъ, такъ что, если бы во время этого бала случилось что-либо подобное происшествію, ознаменовавшему собою праздникъ князя Шварценберга, то всѣ присутствующіе сдѣлались бы неминуемо жертвою пламени.

Въ день бала у князя Шварценберга я былъ дежурнымъ при императорѣ и долженъ былъ участвовать въ первой кадрили, которую я танцовалъ съ принцессой Туръ-и-Таксисъ, сестрой прусской королевы, которая вышла впослѣдствіи замужъ за графа Эстергази.

Было очень жарко. Вдругъ налетѣлъ сильный порывъ вѣтра, задувшій свѣчи, отчего въ одномъ мѣстѣ вспыхнула легкая драпировка, украшавшая стѣну. Одинъ изъ моихъ товарищей, рослый Дюмануаръ, вскочилъ на скамью и успѣлъ потушить огонь, но маленькая шелковая полоска, прикрывавшая то мѣсто, гдѣ была пробита драпировка, продолжала тлѣть; пламя быстро перешло на потолокъ, расписанный масляной краской, и мигомъ охватило зало.

Мнѣ слѣдовало быть подлѣ императора; я поспѣшилъ къ приготовленной для него эстрадѣ, но его тамъ не оказалось. Вскочивъ на его кресло, я замѣтилъ въ толпѣ его шляпу, которую онъ надѣлъ, чтобы его можно было отличить. Онъ взялъ императрицу

подъ руку и велъ ее въ садъ. Видя его въ безопасности, я бросился спасать окружающихъ. Подлѣ меня были иностранныя принцессы; мнѣ удалось вывести ихъ чрезъ запасныя двери, которыя устраивались всегда позади мѣста, предназначеннаго для императора. Несчастная княгиня Лайенъ, разыскивая свою дочь, хотѣла возвратиться въ зало черезъ другую дверь и погибла въ пламени. Съ помощью полковника Жакмино и Чернышева я поднялъ съ пола князя Куракина (русскаго посланника), полуобгорѣвшаго въ своемъ шитомъ мундирѣ.

Я былъ дежурнымъ въ ночь на 20 марта, когда императрица мучилась въ родахъ. Весь дворъ былъ въ сборѣ; ужинъ былъ сервированъ на маленькихъ столикахъ.

Часовъ около двухъ мы были встревожены сумрачнымъ видомъ оберъ-гофмаршала, и онъ не старался разсѣять нашихъ опасеній. Въ этотъ моментъ императоръ говорилъ врачу Дюбуа:

— Спасайте мать, это вашъ долгъ; дѣйствуйте такъ же смѣло, какъ ежели бы вы имѣли дѣло съ женою какого-нибудь торговца съ улицы Сенъ-Дени.

Утомясь быть такъ долго между страхомъ и надеждою, мы улеглись на полу на коврахъ, какъ вдругъ дверь распахнулась, и императоръ вбѣжалъ, крича: „Прикажите произвести двѣсти пушечныхъ выстрѣловъ“.

Великое событіе совершилось. Наши сердца бились такъ сильно, что, казалось, мы слышали ихъ трепетаніе. Минуту спустя, г-жа Монтескье вышла въ зало, держа на рукахъ короля римскаго, котораго показала всѣмъ намъ. Наконецъ-то мы могли отдохнуть; впрочемъ, не надолго, такъ какъ оберъ-гофмаршалъ прислалъ вскорѣ сказать мнѣ, что мнѣ приказано отправиться съ радостнымъ извѣстіемъ къ королю Вестфальскому. Николаи былъ посланъ въ Вѣну, Лабрифъ въ Неаполь, Монье въ Карлсруэ.

Въ числѣ придворныхъ сановниковъ Наполеона видное мѣсто занималъ бывшій министръ Людовика XVI, графъ Нарбоннъ, человѣкъ выдающагося ума и душевныхъ качествъ. Разсчитывая на его благодѣтельное вліяніе въ качествѣ ближайшаго совѣтника молодой императрицы, въ особенности во время своихъ отлучекъ изъ столицы, Наполеонъ хотѣлъ назначить его оберъ-гофмейстеромъ Маріи-Луизѣ, но приближенные императрицы, боясь найти въ немъ опаснаго соперника, употребили все свое вліяніе къ тому, чтобы это назначеніе не состоялось. Марію-Луизу убѣдили упросить супруга, чтобы онъ избавилъ ее отъ этой непріятности. Онъ пробовалъ настаивать, но въ концѣ концовъ уступилъ.

— Такъ какъ императрица не хочетъ имѣть васъ, сказалъ На-

полеонъ Нарбонну—то я беру васъ къ себѣ; надѣюсь, мы останемся оба этимъ довольны; тѣмъ хуже для нея, если она не съумѣла оцѣнить васъ.

Наполеонъ предложилъ графу Нарбонну занять временно мѣсто его адъютанта, присовокупивъ:

— У васъ нѣтъ состоянія, Нарбоннъ?

— Нѣтъ, ваше величество, у меня нѣтъ ничего, кромѣ долговъ.

— Ну, такъ я даю вамъ двѣсти тысячъ на ихъ уплату.—Затѣмъ онъ спросилъ о его родныхъ, о графинѣ, его матери.

— Она меня не любитъ, не правда ли? сказалъ императоръ.

Нарбоннъ нашелся:

— Она до этого еще не дошла, ваше величество, отвѣчалъ онъ,— она находится еще въ періодѣ восторженнаго поклоненія.

Во время поѣздки императора въ Компьенъ, мнѣ было поручено сдѣлать маленькую перемѣну въ этикетѣ. Однажды утромъ, вставъ съ постели, императоръ сказалъ мнѣ:

— Императрицѣ не должно быть равной; позаботьтесь о томъ, чтобы впредь всѣ кресла, за исключеніемъ моего и ея, были убраны.

Такъ какъ въ поѣздкѣ участвовали королевы: испанская, неаполитанская и голландская, то я выразилъ нѣкоторое недоумѣніе.

— Дѣлайте такъ, какъ я говорю, сказалъ онъ;—госпожа Рамбюто и королева неаполитанская—одно и то же.

На мое замѣчаніе, что слѣдовало бы все-таки установить нѣкоторыя градаціи, такъ какъ придворнымъ дамамъ приходилось во время путешествія довольствоваться иногда складными стульями и скамьями, онъ согласился, чтобы для принцессъ ставились стулья. Я поспѣшилъ передать это приказаніе по принадлежности и извиниться по поводу того, что оно будетъ мною выполнено. Въ тотъ же вечеръ, королевы испанская и голландская сѣли на свои стулья, дѣлая видъ, будто онѣ этого не замѣчаютъ. Но королева неаполитанская спросила меня рѣзко:

— Милостивый государь, гдѣ же мое мѣсто?

Я указалъ ей на стулъ, присовокупивъ: „по повелѣнію императора!“ Она была нелюбезна со мною все остальное путешествіе.

Наполеонъ жилъ очень скромно. У него бывалъ пріемъ только два раза въ недѣлю, по четвергамъ и воскресеньямъ; все остальное время онъ работалъ.

Ровно въ пять часовъ онъ совершалъ прогулку въ коляскѣ, покрикивая то „направо“, то „налѣво“, и кучеръ сворачивалъ въ указанномъ направленіи, иной разъ на совершенно непроѣзжую дорогу.

Случалось, что императоръ отправлялся съ семи часовъ утра въ Курбвуа, гдѣ онъ проводилъ два, три часа, выбирая унтеръ-офице-

ровъ гвардіи для посылки въ Испанію. Снявъ шпагу, онъ отдавалъ ее мнѣ, и я слѣдовалъ за нимъ, когда онъ обходилъ ряды войска, разспрашивая солдатъ и офицеровъ и диктуя мнѣ свои резолюціи.

Въ большомъ залѣ, который служилъ впослѣдствіи билліардной, происходили еженедѣльно засѣданія государственнаго совѣта. Потолокъ этого зала былъ росписанъ прелестной картиной Прудона; на каминѣ стоялъ портретъ Бонапарта, онъ былъ изображенъ переѣзжающимъ черезъ Сенъ-Бернардъ на пѣгой лошади. Это не было фантазіей художника, такъ какъ эта лошадь существовала еще въ мое время, она жила въ одномъ изъ отдѣленій парка, гдѣ императоръ навѣщалъ ее два или три раза въ лѣто, ласкалъ и давалъ ей хлѣба.

Я присутствовалъ однажды въ этомъ залѣ на бесѣдѣ о національной гвардіи и устройствѣ когортъ. Лекторъ доказывалъ, что это было не что иное, какъ замаскированная конскрипція.

Императоръ разсердился.

— Вы полагаете, милостивый государь, что я лукавлю, сказалъ онъ,—что я скрываю свои намѣренія, свои поступки, хочу обречь страну на небывалыя жертвы. Вы заблуждаетесь; я лучше васъ знаю Францію и отдаю ей должное. Если бы судьба когда-либо измѣнила мнѣ, если бы мои дѣйствія подверглись критикѣ, я не только не сталъ бы скрывать понесенныхъ мною потерь и не предъявилъ бы болѣе умѣренныхъ требованій, напротивъ, я бы увеличилъ ихъ, и я убѣжденъ, что Франція, не колеблясь, дала бы мнѣ послѣдняго человѣка и послѣдній грошъ.

Другой разъ обсуждался вопросъ о національной гвардіи; пренія, начавшись въ три часа, затянулись до семи; императоръ, не принимавшій въ нихъ особеннаго участія, неожиданно воскликнулъ:

— Господа, національная гвардія—это провидѣніе лавочниковъ! Вооружая чернь, создаютъ революціи; вооружая собственниковъ—предупреждаютъ ихъ. Не забывайте это, „когда вы захотите издать хорошій законъ“.

Припоминаю также одно засѣданіе, въ которомъ обсуждался вопросъ о созданномъ Наполеономъ привилегированномъ сословіи.

Императоръ произнесъ длинную рѣчь:

— Во время революціи должно уничтожать лишь тѣ учрежденія, которыя хотятъ чѣмъ-либо замѣнить; то, что не замѣнено новымъ, нельзя считать уничтоженнымъ окончательно. Уничтожая титулы и привилегіи, вы полагали, что этимъ сдѣлано очень много; въ сущности, вы придали этимъ еще болѣе блеска историческимъ именамъ. Какая надобность какому-нибудь Монморанси или Ларошфуко быть графомъ, герцогомъ или маркизомъ? Имъ достаточно ихъ имени.

Титулъ создаетъ равныхъ. Поэтому, давъ моимъ маршаламъ титулы, присоединивъ къ ихъ именамъ прозвища, напоминающія объ ихъ побѣдахъ, вознаграждая ихъ за блестящіе подвиги и жалуя дворянскія отличія, я остался вѣренъ принципу равенства, коимъ такъ гордятся во Франціи, и которое не только не унижаетъ, а, напротивъ, возвышаетъ человѣка; я далъ всякому возможность достигнуть высшихъ степеней, и теперь никто не можетъ сказать стоящему ниже его: „ты не подымешься выше“. Реформа, произведенная мною, популярна потому, что въ основѣ ея положенъ принципъ равенства,— талантъ, отвага и удача рѣшаютъ остальное.

Эти засѣданія и многія другія, о которыхъ у меня сохранилось воспоминаніе, свидѣтельствуютъ о томъ, что Наполеонъ вполнѣ понималъ свой народъ. Онъ часто говорилъ, что на немъ лежитъ великая миссія: связать прошлое съ будущимъ.

— Я никого не свергнулъ съ престола, говорилъ онъ, я нашелъ корону повергнутою въ прахъ и возвратилъ ей прежній блескъ, возложивъ ее па свою голову.

Онъ любилъ мысленно переживать прошлое.

— Въ исторіи нѣтъ примѣра, сказалъ онъ однажды,—чтобы ктонибудь сдѣлалъ такую блестящую карьеру, какъ я; но для того, чтобы передать престолъ моимъ дѣтямъ, мнѣ необходимо властвовать хотя бы временно во всѣхъ европейскихъ столицахъ!

Я не умѣю передать всѣхъ его словъ, всѣхъ его бесѣдъ, которыя вспоминаются мнѣ отрывочно. Однажды, въ государственномъ совѣтѣ, когда обсуждался университетскій уставъ, императоръ сказалъ:

— Предразсудки имѣютъ огромное значеніе въ дѣлѣ управленія государствомъ, ихъ напрасно старались уничтожить; я былъ бы не прочь возстановить ихъ.—Какое несчастье, что всякая духовная корпорація зависитъ у насъ отъ иноземнаго духовнаго главы; не будь этого, я завтра же передалъ бы воспитаніе юношества въ руки духовныхъ конгрегацій. Вы никогда не найдете въ университетѣ такихъ традицій, такого корпоративнаго духа, столько усердія, преданности и доброжелательства, которые оплачивались бы такъ дешево.

Никогда не забуду его гнѣвную выходку противъ Порталиса. Я замѣтилъ, что, отправляясь въ тотъ день на засѣданіе, императоръ имѣлъ недовольный, озабоченный видъ. Едва усѣвшись, онъ воскликнулъ:

— Что бы вы сказали, господа, о человѣкѣ, который, будучи облеченъ довѣріемъ своего хозяина и приглашенъ къ участію въ его совѣщаніяхъ для того, чтобы подать ему совѣтъ и высказать свои взгляды и возраженія, сталъ бы дѣйствовать заодно съ его вра-

гами, зналъ бы ихъ преступные замыслы, былъ бы посвященъ въ тайну самыхъ серьезныхъ плановъ иноземнаго монарха и не только содѣйствовалъ бы ему своимъ молчаніемъ, но оказывалъ бы ему даже дѣятельное содѣйствіе? Г. Порталисъ, говоря это, я обвиняю васъ предъ вашими коллегами. Отвѣчайте! Извѣстно ли вамъ о папской граматѣ, коей императоръ отлученъ отъ церкви? Какъ вы отнеслись къ этому? разглашали ли вы этотъ слухъ вмѣсто того, чтобы хранить его въ тайнѣ? Эти господа будутъ вашими судьями.

Несмотря на всю строгость и требовательность Наполеона, никто не умѣлъ такъ, какъ онъ, отдавать должное заслугамъ и таланту и такъ умѣло пользоваться людьми.

Онъ говорилъ обыкновенно холодно, нѣсколько рѣзко, но всегда выразительно, иногда ему случалось воодушевляться.

Онъ требовалъ строгаго исполненія разъ установленныхъ правилъ. Однажды, во время пребыванія въ Сенъ-Клу, императрица, которая нерѣдко скучала и мѣшала ему работать, вошла въ дежурную комнату, гдѣ я былъ вдвоемъ съ маршаломъ Бессьеромъ, и попросила меня доложить императору, что она желаетъ его видѣть, что̀ я и исполнилъ. Императоръ тотчасъ принялъ ее, но вечеромъ онъ сказалъ мнѣ:

— Неприлично, чтобы императрица приходила ко мнѣ чрезъ вашу пріемную. Ежели она придетъ еще разъ, то я запрещаю вамъ докладывать мнѣ.

Однажды, я получилъ отъ военнаго министра приказаніе доложить императору о пріѣздѣ адъютантовъ Массены, командовавшаго арміей въ Португаліи; они привезли плохія вѣсти объ очищенныхъ позиціяхъ, отступленіи французскихъ войскъ и т. п. Выслушавъ четвертаго и пятаго адъютанта, Наполеонъ вышелъ изъ себя и накинулся на меня, говоря, что не мое дѣло вводить курьеровъ, что я не военный министръ, что я не знаю своихъ обязанностей, что это дѣло его адъютанта, затѣмъ онъ приказалъ позвать генерала графа Лобау и сдѣлалъ ему выговоръ. Тотъ спокойно выслушалъ его и отвѣчалъ:

— Ваше величество, мнѣ хорошо извѣстны правила: отъ восхода до заката солнца все лежитъ на обязанности камергера, отъ заката до восхода—на обязанности адъютанта. Измѣните приказаніе, иначе хотя бы явилось пятьдесятъ курьеровъ, я не буду докладывать о нихъ: это дѣло Рамбюто.

Императоръ не возразилъ ни слова. Въ тотъ день я входилъ въ его кабинетъ по дѣлу разъ пять или шесть, и всякій разъ онъ былъ со мною очень рѣзокъ. На слѣдующій день онъ подошелъ ко мнѣ очень веселый, подергалъ меня за ухо и сказалъ ласково: „ну, что? сердишься еще? Я знаю, что ты преданъ мнѣ, я доволенъ тобою“.

Это былъ единственный разъ за всѣ три года, которые я состоялъ при немъ, что онъ говорилъ со мною рѣзко. Онъ былъ добръ и вѣжливъ до мелочей. Такъ, напр., когда ему нужно было позвать насъ, онъ не звонилъ, а посылалъ за нами курьера или самъ пріотворялъ двери кабинета.

Императоръ завтракалъ всегда на маленькомъ столикѣ. Ему подавали обыкновенно жареную баранину, курицу, иногда рыбу, овощи, фрукты, сыръ и шамбертенъ. Обѣдалъ онъ всегда вдвоемъ съ императрицей; только по воскреснымъ днямъ приглашались къ обѣду родственники. Кромѣ коронованныхъ особъ, посторонніе къ обѣду никогда не приглашались. Но въ дни охоты, на сборномъ пунктѣ, бывалъ завтракъ, на который допускались приглашенные и дежурные: это давало императору случай оказать любезность высокопоставленнымъ лицамъ.

Наполеону случалось нерѣдко работать десять, двѣнадцать и даже пятнадцать дней безъ отдыха; въ такихъ случаяхъ онъ говорилъ мнѣ: „у меня распухли ноги; видите, мнѣ необходимо движеніе, напишите Бертье", и онъ отправлялся кататься верхомъ; загонялъ 6—8 лошадей, а вернувшись домой, бралъ ванну, обѣдалъ, ложился спать и, проспавъ семь часовъ, вставалъ бодрый и свѣжій и снова могъ работать цѣлую недѣлю безъ отдыха.

Въ управленіи императорскимъ домомъ оберъ-гофмаршалъ соблюдалъ величайшій порядокъ. Нашимъ лакеямъ выдавались новыя свѣчи не иначе, какъ по предъявленіи огарковъ. Комнаты не начинали топить ранѣе 1-го ноября. Нашъ столъ былъ роскошный, но намъ разрѣшалось требовать въ пріемное зало только прохладительные напитки, мадеру и булочки. Ни фруктъ, ни сухарей, ни чашку чая, кофе или шоколада намъ туда не подавали. Доставляло огромное удовольствіе устроить иной разъ маленькую пирушку у придворныхъ дамъ. Одна изъ дамъ приносила ветчину, другая паштетъ или страсбургскій пирогъ, и въ тотъ день мы уже не притрогивались къ роскошному императорскому обѣду и ужинали этими скромными припасами, которые, какъ запрещенный плодъ, имѣли для насъ особенную прелесть.

Наполеонъ тратилъ на одежду всего двадцать тысячъ франковъ въ годъ, и сердился, когда эта сумма расходовалась вся. Онъ носилъ всегда шелковые чулки, даже при сапогахъ, которые дѣлались поэтому на прекрасной нѣжной подкладкѣ, и мундиръ лейбъ-гвардіи егерскаго полка, только на охотѣ онъ надѣвалъ соотвѣтственный костюмъ, но поверхъ него все-таки накидывалъ сѣрый сюртукъ. Лишь въ особо торжественные дни Наполеонъ облачался въ императорскую форму. Онъ носилъ также неизмѣнно маленькую шляпу, по-

добную которой имѣлъ право носить кромѣ него только принцъ Невшательскій (маршалъ Бертье). Большая часть придворныхъ была въ военныхъ чинахъ. Когда императоръ потребовалъ, чтобы маршалы и генералы носили внѣ службы роскошные мундиры, отдѣланные кружевами, то многіе были очень этимъ недовольны. Бертье заказалъ себѣ даже мундиръ констабля изъ бархата безъ шитья.

Когда герцогиня Монтебелло выразила императору свое удивленіе по поводу новаго этикета, то онъ отвѣчалъ: „Въ монархіи нѣкоторые люди должны имѣть положеніе, независимое отъ ихъ чина и состоянія. Вашъ сынъ, напримѣръ, будетъ герцогомъ Монтебелло и какъ таковой будетъ имѣть доступъ въ тронный залъ, независимо отъ того, будетъ ли онъ полковникъ или капитанъ, тогда какъ капитаны не имѣютъ пріѣзда ко двору, а полковники имѣютъ право находиться только въ маршальскомъ залѣ. Изъ этого вы видите, что кромѣ военнаго мундира, для придворныхъ должна существовать какая-нибудь иная форма, подобно тому, какъ существуютъ особыя придворныя званія“.

Каждое воскресенье императоръ совершалъ выходъ къ обѣднѣ, предшествуемый чинами своей квартиры; онъ шелъ ни съ кѣмъ не разговаривая, но на обратномъ пути останавливался въ каждомъ залѣ и говорилъ то съ тѣмъ, то съ другимъ, смотря по тому, хотѣлъ ли онъ выразить кому-либо свое неудовольствіе или наградить. Однажды, въ Сенъ-Клу онъ замѣтилъ полковника, который позволилъ себѣ быть дерзкимъ съ генераломъ Ламетъ, инспектировавшимъ его часть.

— Вы позволили себѣ, m-eur, быть судьею моихъ поступковъ, сказалъ императоръ,—вы позволили себѣ контролировать сдѣланный мною выборъ и оказать неповиновеніе вашему начальнику! Онъ виновенъ лишь въ томъ, что не приказалъ васъ немедленно арестовать и не предалъ васъ военному суду. Никакая армія не можетъ существовать безъ дисциплины. Вы нарушили ее, я лишаю васъ за это командованія полкомъ. Благодарите Бога, что я не наказываю васъ болѣе строго и дѣлаю вамъ снисхожденіе во вниманіе къ вашимъ прежнимъ заслугамъ.

Все это было сказано грознымъ, рѣзкимъ тономъ; но императоръ умѣлъ, когда нужно, вознаграждать однимъ словомъ, жестомъ, улыбкой, умѣстно заданнымъ вопросомъ, который показывалъ, какъ хорошо онъ все помнилъ, какъ онъ цѣнилъ малѣйшую заслугу.

Его гнѣвъ не былъ продолжителенъ, въ особенности онъ никогда не сердился долго на солдатъ, которыхъ онъ любилъ и лелѣялъ; съ ними онъ былъ привѣтливъ, обращался съ ними за панибрата и гордился ими.

— Съ французами, сказалъ однажды Наполеонъ, слѣдуетъ держать

себя всегда въ нѣкоторомъ отдаленіи: если имъ дать руку, они сядутъ на шею! Но это было сказано просто, безъ высокомѣрія.

Онъ былъ добръ и простъ, любилъ народъ, но ненавидѣлъ чернь: къ негодяямъ онъ относился безъ всякаго милосердія. Такъ, въ 1811 г., когда въ Канѣ произошелъ бунтъ изъ-за недостатка зерноваго хлѣба, императоръ послалъ для разслѣдованія одного изъ своихъ адъютантовъ, генерала Дюронеля. Я присутствовалъ при томъ, какъ онъ давалъ ему инструкціи.

— Разберите дѣло быстро и справедливо: нѣсколько строгихъ взысканій предотвратятъ худшія послѣдствія. Женщины всегда разсчитываютъ на свою безнаказанность, поэтому онѣ идутъ во время бунтовъ всегда во главѣ другихъ; не щадить ихъ, онѣ должны, наравнѣ съ другими, предстать предъ судомъ; если онѣ будутъ осуждены, разстрѣляйте ихъ наравнѣ съ остальными!

II.

Въ теченіе всей зимы 1812 г. я былъ дежурнымъ при императорѣ. Адъютантомъ его былъ Нарбоннъ, шталмейстеромъ мой зять, а моя сестра—воспитательницею короля римскаго. Его величество чуть не каждый вечеръ приглашалъ дежурныхъ къ императрицѣ и бесѣдовалъ съ нами: разговаривать было для него развлеченіемъ, болѣе того, потребностью; онъ выбиралъ всегда для бесѣды серьезные сюжеты. Однажды разговоръ зашелъ о Людовикѣ XVI, о его честности, добрыхъ намѣреніяхъ, о его неспособности принимать твердое рѣшеніе; кто-то изъ насъ сказалъ, что если бы король съумѣлъ съ самаго начала устранить кого слѣдуетъ, то онъ спасъ бы этимъ свою голову и монархію. На это императоръ возразилъ:

— Король не предотвратилъ бы грозу тѣмъ, что онъ стеръ бы съ лица земли своихъ враговъ; ихъ замѣнили бы другіе. Когда революція назрѣла, всегда найдутся люди, которые совершатъ то, что начато другими. Но дѣло въ томъ, что во время революціи огромное большинство людей состоитъ изъ трусовъ, которые стараются угадать, на чьей сторонѣ будетъ сила, чтобы примкнуть къ этимъ людямъ и найти въ нихъ поддержку. Если бы у Людовика XVI хватило смѣлости на что-нибудь рѣшиться, то люди говорили бы о его рѣшимости и силѣ, и онъ могъ бы провести нѣкоторыя требованія, ибо только сильный человѣкъ можетъ быть великодушенъ. Въ политикѣ надобно иногда идти впереди общественнаго мнѣнія; ставъ во главѣ его, можно вести народъ куда хочешь. Если же идти у него на буксирѣ, то

можно не только зайти очень далеко, но, пожалуй, дальше того, чѣмъ хотѣлось бы.

Другой разъ разговоръ коснулся Людовика XIV; императоръ видимо интересовался первыми годами его царствованія; я сказалъ, что Людовикъ XIV отдалъ въ своихъ мемуарахъ долгъ признательности своей матери за то, что она стояла на стражѣ королевской власти во время регентства и одержала побѣду надъ фрондой, не сдѣлавъ уступокъ ни народу, ни парламенту, ни принцамъ. Императоръ ухватился за эту мысль и долго говорилъ объ этомъ вопросѣ, намекая на императрицу, которую, какъ всѣ тогда полагали, онъ хотѣлъ назначить регентшей на время своего отсутствія.

Я не принималъ участія въ поѣздкѣ Наполеона въ Голландію, вѣроятно, потому что императрица не захотѣла имѣть моего тестя своимъ обергофмаршаломъ. Я не сопровождалъ его также въ Дрезденъ; по этому поводу можно сказать, что ничтожныя причины вызываютъ зачастую серьезнѣйшія послѣдствія.

Я былъ въ весьма дружескихъ отношеніяхъ съ госпожею де Бассано и, относясь съ недовѣріемъ къ Талейрану, старался упрочить дружескія отношенія графа Нарбонна къ ея мужу. Однажды утромъ, госпожа Бассано сказала мнѣ:

— Императоръ хочетъ взять Талейрана въ Варшаву; но это большой секретъ, императоръ ставитъ ему въ вину то, что онъ дѣлаетъ изъ всего исторіи; если бы возможно было распустить слухъ, что Талейранъ поѣдетъ съ императоромъ, но такъ, чтобы это исходило не отъ насъ, то это могло бы измѣнить все дѣло.

Я взялся самымъ невиннымъ образомъ распустить этотъ слухъ. Въ тотъ же вечеръ я игралъ на билліардѣ съ Бубной, неразлучнымъ спутникомъ Меттерниха, Нессельроде и Чернышева. Эти господа заговорили со мною, какъ и слѣдовало ожидать, о спискѣ лицъ, назначенныхъ въ поѣздку, который былъ уже всѣмъ извѣстенъ и въ которомъ стояло и мое имя. Я назвалъ вскользь Талейрана, какъ бы не придавая этому ни малѣйшаго значенія; на слѣдующій день объ этомъ говорилъ весь городъ.

Императоръ былъ внѣ себя отъ гнѣва. Онъ призвалъ Талейрана.

— Мои намѣренія стали извѣстны, воскликнулъ онъ; у васъ бываетъ разъ въ мѣсяцъ Шварценбергъ; онъ былъ у васъ вчера, а Куракинъ былъ у васъ полчаса спустя. Значитъ, вы сказали имъ объ этомъ.

Талейранъ клялся и божился, затѣмъ, подумавъ немного, сказалъ: „ваше величество, это никто иной какъ Рамбюто. Вы знаете мои дружескія отношенія къ госпожѣ Лавель; онъ принятъ у нея какъ свой человѣкъ, я могъ сказать при немъ нѣсколько неосторожныхъ словъ; впрочемъ, ему извѣстно все, что происходитъ въ вашемъ

интимномъ кругу, и онъ не разъ передавалъ намъ разныя новости".

Императоръ былъ внѣ себя отъ гнѣва и приказалъ Дюроку выслать меня за сто верстъ отъ Парижа. Но Дюрокъ любилъ меня. онъ послалъ за мною, далъ мнѣ головомойку, заставилъ меня сознаться во всемъ и такъ какъ онъ былъ въ сущности доволенъ, что Талейранъ не поѣдетъ съ Наполеономъ, то онъ заступился за меня и успокоилъ императора. Я былъ вычеркнутъ изъ списка лицъ, сопровождающихъ императора, точно такъ же, какъ Талейранъ, коего замѣнилъ въ эту неудачную поѣздку аббатъ де-Прадтъ.

Передъ началомъ кампаніи 1812 г. Наполеонъ поручилъ графу Нарбонну отправиться въ Вильну и передать императору Александру его послѣднія предложенія. Александръ принялъ его весьма любезно и сказалъ между прочимъ:

— Что хочетъ императоръ? Привлечь меня на свою сторону, заставить меня сдѣлать шаги, которые разорили бы моихъ подданныхъ, и такъ какъ я на это не соглашаюсь, то онъ хочетъ объявить мнѣ войну, увѣренный въ томъ, что послѣ двухъ или трехъ проигранныхъ сраженій и оккупаціи нѣкоторыхъ областей или даже одной изъ столицъ, я буду вынужденъ просить мира, условія котораго онъ мнѣ продиктуетъ, но онъ ошибается.

Затѣмъ, взявъ подробную карту своихъ владѣній, онъ медленно развернулъ ее на столѣ и продолжалъ:

— Я вполнѣ вѣрю, графъ, что Наполеонъ величайшій полководецъ Европы, что его войско самое храброе, что его офицеры самые мужественные и прекрасно обученные; но разстояніе составляетъ преграду. Если, понеся нѣсколько пораженій, я отступлю, разоряя все на своемъ пути и предоставлю довершить остальное времени, необитаемому пространству и климату, то, быть можетъ, я и одержу, въ концѣ концовъ, побѣду надъ самой грозной изъ современныхъ армій.

Этотъ разговоръ до того поразилъ Нарбонна, что онъ передалъ его императору слово въ слово, такъ, какъ онъ приведенъ здѣсь, и это произвело, повидимому, впечатлѣніе на Наполеона, но жребій былъ брошенъ.

Иллюзія! геройство! въ этихъ двухъ словахъ вся исторія этой злополучной кампаніи, это признавалъ самъ императоръ. Я слышалъ, какъ Наполеонъ говорилъ въ Тюильри въ моемъ присутствіи Даву и Лобау: „какъ часто самые прекрасно задуманные планы, самые обдуманные проекты могутъ окончиться неудачей благодаря непредвидѣннымъ обстоятельствамъ. Владычествуя въ Европѣ, располагая всѣми ея силами, я думалъ, что насталъ моментъ напасть на Россію; я хотѣлъ воздвигнуть преграду, которую ей не удалось бы переступить

и задержать этимъ развитіе ея могущества лѣтъ на сто; а вмѣсто этого я ускорилъ его, быть можетъ, лѣтъ на пятьдесятъ".

Назначенный въ 1814 г. префектомъ Луарскаго департамента и принимавшій въ этомъ званіи дѣятельное участіе въ организаціи обороны департамента противъ вступившихъ во Францію союзныхъ войскъ, Рамбюто отправился, послѣ отреченія Наполеона, въ Парижъ, чтобы получить инструкціи новаго правительства. „Я никогда не забуду", пишетъ онъ, „печальнаго вида этого длиннаго пути, по которому тянулись иноземныя войска, и безчисленныхъ бивуаковъ, чрезъ которые мнѣ пришлось проѣхать. Ничто не можетъ сравниться съ мрачнымъ безмолвіемъ Фонтенебло, съ унылымъ видомъ дворца: словно надъ нимъ пронеслась смерть. Я явился къ императору за послѣдними приказаніями.

— Прощайте, сказалъ онъ,—вы хорошо служили мнѣ, но у васъ есть обязанности по отношенію къ отечеству. Поѣзжайте въ Парижъ, исполните вашъ долгъ, не забывайте меня.

По воцареніи Людовика XVIII, положеніе Рамбюто, какъ преданнаго слуги Наполеона, было весьма щекотливо и затруднительно, тѣмъ болѣе, что положеніе новаго правительства было шатко, возраставшія смуты въ арміи и въ среднихъ классахъ, неосторожныя дѣйствія роялистовъ, ихъ неумѣніе щадить самолюбія и личные интересы, постоянныя угрозы прибѣгнуть къ поддержкѣ иностранныхъ державъ, тогда какъ правительству слѣдовало всѣми силами стараться замаскировать это прискорбное покровительство—предвѣщали новыя осложненія. Наполеонъ, находившійся на островѣ Эльбѣ, былъ слишкомъ уменъ, чтобы не воспользоваться ошибками новаго правительства и не сдѣлать попытки воспользоваться ими.

Когда пришло извѣстіе, что императоръ покинулъ островъ Эльбу и высадился во Франціи, то Рамбюто, озабочиваясь поддержаніемъ порядка и спокойствія въ своемъ департаментѣ, писалъ аббату Монтескье:

„При настоящихъ обстоятельствахъ нельзя терять ни минуты. Во французской арміи не найдется ни одного человѣка, который сталъ бы стрѣлять въ Наполеона; онъ это знаетъ и на этомъ основываетъ свой разсчетъ. Не посылайте противъ него ни одного полка, они всѣ перейдутъ на его сторону. Вы должны были предвидѣть опасность.

„Я считаю возможнымъ ручаться за войска только до тѣхъ поръ, пока Наполеонъ не явится предъ ними".

Между тѣмъ довѣренное лицо Наполеона,—генералъ Бертранъ, писалъ мнѣ по его порученію. Я отвѣтилъ ему, что я буду вѣренъ существующему правительству такъ же точно, какъ я былъ вѣренъ и

преданъ императору. Въ то же время ко мнѣ явился молодой Гизо (братъ будущаго министра), посланный министромъ внутреннихъ дѣлъ.

У него былъ на все одинъ припѣвъ: возжечь гражданскую войну!

— Но вѣдь вы посланы министерствомъ, сказалъ я, у васъ должны быть инструкціи. Нужно ли созвать національную гвардію? Какой военной власти долженъ я подчиняться?

На все это онъ не могъ дать никакого отвѣта.

Генеральный совѣтъ, облеченный Людовикомъ XVIII, при его поспѣшномъ отъѣздѣ изъ Франціи, чрезвычайными полномочіями, находился въ весьма затруднительномъ положеніи, не зная, какія принять мѣры, онъ постановилъ просить меня не оставлять управленія департаментомъ, обязуясь утвердить всѣ распоряженія, какія я найду нужнымъ сдѣлать. Я не счелъ себя въ правѣ отказать моимъ соотечественникамъ въ этомъ послѣднемъ доказательствѣ моей преданности, но возбудилъ сильное неудовольствіе королевскихъ агентовъ.

Поѣхавъ по дѣламъ службы въ Парижъ, я былъ принятъ Наполеономъ въ Елисейскихъ поляхъ.

— Если бы вы присоединились ко мнѣ въ Ліонѣ, сказалъ мнѣ Наполеонъ,—то вы были бы теперь префектомъ Сенскаго департамента.

— Ваше величество, отвѣчалъ я,—я служилъ вамъ до послѣдней минуты, и такъ какъ вы сами освободили меня отъ присяги, то я былъ обязанъ служить королю такъ же точно, какъ я служилъ вамъ; при томъ мнѣ извѣстно, что вчера, въ разговорѣ съ Коленкуромъ, вы одобрили мои дѣйствія.

— Это правда; если бы у меня было двадцать пять такихъ префектовъ, какъ вы, то я не былъ бы вынужденъ отречься отъ престола.

Затѣмъ, императоръ говорилъ о мѣрахъ, принятыхъ мною къ оборонѣ Луарскаго департамента, присовокупивъ, что, будучи доволенъ моей дѣятельностью, онъ возложилъ на меня, декретомъ отъ 28 марта, организовать на тѣхъ же началахъ оборону четырнадцати департаментовъ, но что этотъ декретъ не могъ еще быть полученъ мною.

Онъ разспрашивалъ меня о состояніи умовъ въ департаментахъ, о находящихся тамъ войскахъ и милостиво простился со мною.

Въ теченіе нѣсколькихъ дней, проведенныхъ мною въ Парижѣ, я убѣдился въ томъ, что многіе удалялись отъ императора, одними руководило при этомъ желаніе ограничить его замыслы, другими—желаніе сохранить, въ случаѣ неудачи, путь къ отступленію. Незначительное число истинныхъ друзей ясно видѣло угрожавшую ему опасность. Однажды Ласказъ (Las Cases), бывшій дежурнымъ при

Люсьенѣ Бюнапартѣ, разсказалъ мнѣ о проискахъ Фуше и какимъ образомъ императоръ обнаружилъ ихъ чрезъ своего секретаря, посланнаго въ Базель для переговоровъ съ довѣреннымъ лицомъ Меттерниха.

Онъ сказалъ между прочимъ со словъ Люсьена Бонапарта, что Наполеонъ былъ готовъ удалиться въ Венгрію и жить тамъ, какъ частный человѣкъ, если бы его сынъ былъ признанъ императоромъ, а регентшей была назначена императрица. Ласказъ утверждалъ, что съ этимъ предложеніемъ былъ посланъ въ Вѣну Монталонъ, но что въ ту же ночь императоръ одумался и, пославъ за Камбасересомъ, сказалъ ему, что объ этомъ еще будетъ время подумать послѣ проиграннаго сраженія, и этотъ проектъ былъ оставленъ.

Фуше говорилъ и дѣйствовалъ не стѣсняять, принималъ открыто уполномоченныхъ различныхъ партій. Я убѣдился въ этомъ однажды вечеромъ, обѣдая у него въ обществѣ нѣкоторыхъ лицъ, принимавшихъ дѣятельное участіе въ республиканскомъ заговорѣ. Послѣ обѣда Фуше сказалъ мнѣ.

— Такъ какъ же, Рамбюто, вы не хотите ѣхать на югъ, вы предпочитаете остаться въ палатѣ. Вы правы! Если императоръ можетъ спасти Францію, то мы обязаны служить ему и помогать ему; но если придется выбирать—то вы слишкомъ преданы Франціи, чтобы колебаться.

Взглянувъ на моихъ собесѣдниковъ, я понялъ, что онъ этимъ какъ бы ручался имъ въ моемъ содѣйствіи. Я отвѣчалъ совершенно спокойно, что единогласное избраніе меня депутатомъ въ палату налагало на меня серьезныя обязанности и что я долженъ былъ оправдать оказанное мнѣ довѣріе. Уйдя отъ Фуше, я поспѣшилъ къ Коленкуру. Когда я передалъ ему нашъ разговоръ, онъ всплеснулъ руками, воскликнувъ: „Я отлично знаю, что онъ измѣняетъ намъ, но мы не достаточно сильны, чтобы отдѣлаться отъ него!"

— Это равносильно тому, любезный герцогъ, какъ если бы вы сказали, что императоръ и всѣ мы вмѣстѣ съ нимъ серьезно больны и что Франція предоставлена на волю судьбы.

Все это заставляло меня призадуматься, мое положеніе было довольно щекотливо. Маршалъ Сюше, командовавшій альпійской арміей, энергично настаивалъ на томъ, чтобы я былъ посланъ въ Ліонъ. Но императоръ на это не соглашался.

— Ліонъ такъ преданъ мнѣ, говорилъ онъ, что туда достаточно послать мой сапогъ! Вы хотите имѣть Рамбюто потому, что это человѣкъ способный; тѣмъ болѣе причины послать его на югъ, въ коемъ мы не увѣрены: пусть онъ избираетъ Нимъ или Монтобанъ; впослѣдствіи, если онъ захочетъ, его можно будетъ послать въ Ліонъ; теперь же время требовать услугъ, а не награждать.

Было ясно, что моя служба королю вредила моей службѣ императору.

Съ другой стороны, министръ внутреннихъ дѣлъ, Карно, предлагалъ послать меня въ Дижонъ. Когда я пріѣхалъ въ Парижъ и явился къ нему, то онъ принялъ меня довольно холодно. Я былъ этимъ обиженъ и въ тотъ же вечеръ сказалъ Фуше:

— Что съ вашимъ коллегой? онъ думаетъ, кажется, что я очень добиваюсь префектуры?

Фуше разсмѣялся.

— Карно вновѣ; онъ васъ не знаетъ; онъ видитъ въ васъ только дворянина и камергера,—этого довольно, чтобы вызвать въ немъ недовѣріе къ вамъ. Я поговорю съ нимъ, и вы останетесь довольны.

Дѣйствительно, я получилъ на слѣдующій день отъ Карно записочку съ приглашеніемъ на завтракъ. Съ первыхъ же словъ онъ извинился за свой холодный пріемъ и сказалъ:

— Я потребовалъ вашъ послужной списокъ, просмотрѣлъ вашу переписку, ваши донесенія и не могу дать вамъ болѣе убѣдительнаго доказательства моего довѣрія къ вамъ, какъ предложивъ вамъ мѣсто префекта въ Дижонѣ, моемъ родномъ городѣ. Я всегда готовъ помочь вамъ, такъ какъ я считаю васъ добрымъ французомъ, искуснымъ администраторомъ и прекраснымъ гражданиномъ.

Это заставило меня предать забвенію то, что было сказано наканунѣ. Впослѣдствіи я часто видѣлся съ Карно и высоко цѣнилъ гео за преданность императору и Франціи.

Рамбюто отказался отъ префектуры въ Дижонѣ, точно такъ же, какъ и отъ другихъ предложенныхъ ему мѣстъ, но когда до него дошелъ слухъ о томъ, что императоръ недоволенъ и даже опечаленъ отношеніемъ его бывшихъ слугъ и что къ числу ихъ онъ причисляетъ и его, Рамбюто, то это заставило графа измѣнить свое рѣшеніе, и онъ отправился, по желанію императора, на югъ и вступилъ въ управленіе префектурой въ Монтобанѣ, гдѣ ему было поручено подавить волненіе роялистовъ.

Въ самый разгаръ этой дѣятельности было получено извѣстіе о пораженіи Наполеона при Ватерлоо, объ его отреченіи и о возвращеніи Людовика XVIII въ Парижъ.

Послѣ вторичной перемѣны правительства, Рамбюто, несмотря на сдѣланное ему герцогомъ Ангулемскимъ предложеніе остаться въ Монтобанѣ, или получить другую профектуру, не счелъ удобнымъ еще разъ мѣнять правительство и рѣшилъ выйти въ отставку и удалился въ свое имѣнье, которое въ короткое время было дважды за-

нято союзными войсками и до того истощено поставкою фуража и провіанта, что ему понадобилось болѣе двухъ лѣтъ, чтобы привести въ порядокъ свое хозяйство.

III.

Въ 1827 году, послѣ продолжительнаго, почти тринадцатилѣтняго отдыха, графъ Рамбюто выступилъ снова на арену общественной дѣятельности, бывъ избранъ депутатомъ въ палату отъ Маконскаго округа. Въ то время дни февральской монархіи были уже сочтены.

Карлъ X, обладавшій, по словамъ Сореля, „всѣми качествами, необходимыми для того, чтобы изящно проиграть сраженіе и любезно разорить династію“, окончательно вооружилъ противъ себя не только либераловъ, но и самихъ роялистовъ, и когда, вслѣдъ за отказомъ палаты депутатовъ въ содѣйствіи правительственной политикѣ, король, основываясь на неправильномъ толкованіи одной изъ статей хартіи, измѣнилъ собственной властью избирательный законъ и уничтожилъ свободу печати, издавъ съ этой цѣлью 25-го іюля знаменитые ордонансы, то во Франціи вспыхнула революція.

„Когда появились ордонансы, я былъ на водахъ въ Сентъ-Альбанѣ съ женой и дѣтьми“, разсказываетъ Рамбюто. „Предвидя возможность волненій, я поспѣшилъ въ Маконъ, гдѣ узналъ объ іюльскихъ дняхъ. Это было подобно громовому удару. Почта, посланная изъ Парижа 30-го числа, пришла украшенная трехцвѣтными флагами, Бурбоны были низложены, префектъ замѣненъ административной комиссіей, и я убѣдилъ своихъ друзей стать во главѣ движенія, чтобы предупредить безпорядки, а самъ поѣхалъ немедленно въ Парижъ.

Въ Парижъ я пріѣхалъ поздно вечеромъ. У заставы дѣлали сборъ въ пользу раненыхъ. Народъ возвращался изъ Рамбулье[1]), и я слышалъ, что Пажолю[2]), предводительствовавшему толпой, говорили, что если бы ему съ пятью или шестью эскадронами поручили оттѣснить ее, то онъ разсѣялъ бы ее, какъ стадо барановъ, и ни одинъ человѣкъ не вернулся бы въ Парижъ. Я отправился прямо къ Казиміру Перрье. Его первыя слова были: „Вамъ нужно отправиться въ Пале-Рояль“ (дворецъ герцога Орлеанскаго, будущаго короля Луи-Филиппа).

---

[1]) Гдѣ Карлъ X отрекся отъ престола.

[2]) Бывшій генералъ имперіи, относившійся очень враждебно къ Бурбонамъ. Какъ извѣстно, это шествіе на Рамбулье заставило Карла X рѣшиться уѣхать въ Шербургъ.

Послѣднія десять лѣтъ я уклонялся отъ этого, не потому, чтобы я питалъ какія-либо непріязненныя чувства къ герцогу и его семьѣ, напротивъ: милостивое отношеніе ко мнѣ герцогини Орлеанской и принцессы Аделаиды (сестры Людовика-Филиппа) къ моей сестрѣ чрезвычайно трогали меня, но я былъ всей душою преданъ императору и не хотѣлъ принимать участія ни въ какой интригѣ, а тѣмъ менѣе въ заговорѣ противъ него; я дорожилъ своей независимостью и бывалъ въ Тюильри только по обязанности депутата, разъ или два въ годъ; я былъ преданъ законной монархіи до тѣхъ поръ, пока она была вѣрна хартіи; тщетно убѣждали меня Перрье, Себастіани, Дюпенъ, А. де-Сталь—я былъ глухъ ко всѣмъ ихъ убѣжденіямъ, но теперь положеніе измѣнилось. Перрье указалъ мнѣ нашъ общій долгъ, я видѣлся также съ Себастіани. Они переговорили съ герцогомъ Орлеанскимъ, и мнѣ было дано знать, что я буду принятъ на другой день рано утромъ.

Я отправился къ назначенному часу. По дорогѣ я встрѣтилъ Готье де ла Жирондъ, одного изъ бывшихъ друзей герцогини Ангулемской.

— Куда вы идете?

— Въ Пале-Рояль.

Мы разговорились.

— Вы можете заявить принцу и о моей готовности служить ему, сказалъ онъ,—у насъ нѣтъ инаго исхода.

Когда меня ввели, герцогъ былъ одинъ съ своей супругой; онъ былъ въ длинномъ сюртукѣ, безъ галстуха; она въ ситцевомъ капотѣ писала за маленькимъ столомъ. Герцогъ обнялъ меня и сказалъ, что онъ радъ меня видѣть, что ему давно хотѣлось считать меня въ числѣ своихъ друзей и что онъ очень цѣнитъ меня за мои убѣжденія.

— Ваше королевское величество, отвѣчалъ я,—я всегда отдавался дѣлу всей душою и всегда былъ готовъ служить Франціи, даже при королѣ, если бы онъ того пожелалъ. Въ настоящее время вы одни можете спасти страну; поэтому я отдаю въ ваше распоряженіе то, что я посвятилъ императору: безграничную преданность.

Онъ вторично обнялъ меня.

— Съ такими людьми, какъ вы, есть только одно средство доказать имъ свое довѣріе—это говорить съ ними откровенно. Я спокоенъ за Англію и за Россію; но Вѣна!.. вотъ мой естественный врагъ.

— Ваше величество возразилъ я, будьте увѣрены, что меня не было бы здѣсь, если бы сынъ императора могъ питать какія-либо надежды. Мы научились въ школѣ его отца тому, что интересы Франціи должны

стоять выше всего. Теперь вы одни можете спасти монархію и предотвратить величайшія бѣдствія: республику и гражданскую войну. Поэтому бонапартисты будутъ на вашей сторонѣ.

Тогда онъ попросилъ меня повидаться съ Бассано и написать генералу Друо, чтó я и обѣщалъ сдѣлать. Между прочимъ, герцогъ спросилъ меня о настроеніи палаты; я передалъ ему слова Готье; онъ присовокупилъ:

— Не могу же я, однако, принять корону до тѣхъ поръ, пока король находится во Франціи.

При этихъ словахъ, герцогиня, поднявъ голову отъ письма, прерывая молчаніе, воскликнула:

— Нѣтъ, г. Рамбюто, это незозможно!

Ея волненіе, ея слезы сильно взволновали меня.

— Ваше величество, сказалъ я, — во время переворота нельзя медлить и выжидать. Вы будете королевой на этой недѣлѣ, или никогда [1]). Вернуться подъ сѣнь вѣковыхъ деревьевъ Нельи болѣе не въ вашей власти: васъ ожидаетъ либо престолъ, либо ссылка со всѣми вашими дѣтьми.

Она вздохнула и ничего не отвѣчала. Я долго говорилъ о надеждахъ, возлагаемыхъ на нихъ Франціей, и о нуждахъ страны; откланявшись ихъ высочествамъ, я отправился къ г-жѣ Монжуа; она настояла на томъ, чтобы я прошелъ къ принцессѣ Аделаидѣ, которая спросила меня, о чемъ я говорилъ съ ея братомъ. Я повторилъ ей все, что я сказалъ герцогу, и умолялъ ее повліять на него.

— Иначе навѣрно будетъ провозглашена республика и президентомъ ея будетъ избранъ Лафайетъ, поэтому необходимо дѣйствовать рѣшительно. Конечно, герцогъ Орлеанскій не дастъ Франціи побѣдъ и завоеваній; онъ не можетъ сослаться на старинныя традиціи и на преемственность власти, но онъ можетъ быть королемъ-гражданиномъ, избраннымъ палатами и утвержденнымъ страною, онъ можетъ опереться на принципы 89 года, можетъ дѣйствовать подъ защитою трехцвѣтнаго знамени, которому онъ служилъ; умудренный уроками прошлаго, онъ можетъ поставить себѣ за правило искать поддержки въ народѣ, ибо хотя духовенство и заслуживаетъ уваженія, но оно не должно быть опорою государства; дворянство въ качествѣ сословія крупныхъ землевладѣльцевъ можетъ утратить свое первенствующее вліяніе, слѣдовательно, настаетъ господство средняго сословія; на его обязанности лежитъ улучшить положеніе низшихъ классовъ.

Принцесса Аделаида попросила меня изложить всѣ эти мысли на бумагѣ, чтобы поговорить съ братомъ.

1) Герцогъ Орлеанскій, уѣхавъ изъ Парижа незадолго до революціи, провелъ въ Нельи самые тревожные іюльскіе дни.

Отъ нея я поспѣшилъ къ Бассано, который, какъ оказалось, вполнѣ раздѣлялъ мой взглядъ. Онъ находилъ такъ же точно, какъ и я, что никакая попытка въ пользу короля римскаго не была мыслима, что провозглашеніе республики было неизбѣжно и поэтому слѣдовало спѣшить. Онъ обѣщалъ мнѣ содѣйствіе всѣхъ приверженцевъ императора: Друо, Лобау, Корбино, Эксельмана.

Отъ Бассано я поѣхалъ на завтракъ къ герцогу Брольи и засталъ у него принца Адріана Лаваль-Монморанси, пріѣхавшаго изъ Рамбулье съ порученіемъ извѣстить о согласіи Карла X отречься отъ престола въ пользу своего внука герцога Бордосскаго, подъ условіемъ, что регентомъ будетъ назначенъ герцогъ Орлеанскій.

-- Поздно, сказалъ Брольи, — это было возможно три дня тому назадъ; теперь можно спасти монархію не иначе, какъ пожертвовавъ династіей.

— У насъ совершается революція на англійскій ладъ. Во Франціи будетъ свой 1688 годъ. Переворотъ будетъ произведенъ при помощи палатъ; конституція останется неизмѣнной. На чемъ же была бы основана власть регента? Что стали бы мы дѣлать съ Карломъ X, герцогиней Беррійской, герцогомъ и герцогиней Ангулемскими, если бы на престолъ вступилъ Генрихъ V, столкновенія и недоразумѣнія были бы ежедневно.

Я видѣлся также съ Лафайетомъ, который засѣдалъ въ Ратушѣ, окруженный цѣлою свитой революціонеровъ. Вечеромъ, послѣ засѣданія палатъ, въ которомъ была избрана коммиссія для обсужденія хартіи, которая должна было представить свои заключенія на слѣдующій день, я видѣлъ Талейрана. Онъ относился весьма сочувственно къ движенію, которое онъ вполнѣ предвидѣлъ.

— Не лучше ли было бы образовать на четыре или пять недѣль временное правительство, которое дало бы палатамъ возможность совершить необходимыя перемѣны, успокоить умы и предупредить волненія, неизбѣжныя во время всякаго возстанія? говорилъ онъ.

— Нѣтъ, отвѣчалъ я,—я этого взгляда не раздѣляю. Революція застигла всѣхъ врасплохъ; всякій уже старается воспользоваться ею въ своихъ видахъ. Власть палатъ призрачна, если глава правительства не будетъ избранъ немедленно, то чрезъ два дня придется выбирать между республикой и Карломъ X. Выжидать значило бы дать разыграться страстямъ. Увѣрены ли вы въ томъ, что вы можете повелѣвать бурей, имѣете ли вы власть Нептуна, чтобы остановить напоръ волнъ?

Дѣйствительно, на слѣдующій день Парижъ былъ объятъ революціей. Національная гвардія не была еще организована и въ Пале-Роялѣ стояли на часахъ добровольцы, одѣтые въ лохмотьяхъ; это

была мѣстная чернь, преданная герцогу Орлеанскому и сбѣжавшаяся для того, чтобы помѣшать разграбленію его дворца. Съ этого дня, въ теченіе двухъ слишкомъ мѣсяцевъ ихъ можно было встрѣтить въ ихъ изодранномъ платьѣ повсюду: на лѣстницѣ, въ пріемной, во дворѣ дворца, и большого труда и искусства стоило удалить ихъ и заставить ихъ уступить мѣсто національной гвардіи.

Весь день прошелъ въ совѣщаніяхъ относительно того, какъ надлежало дѣйствовать на слѣдующій день. Республиканская партія мечтала разогнать палату или заставить ее избрать въ президенты Лафайета; успѣхъ экспедиціи въ Рамбулье (когда Карлъ X былъ принужденъ отказаться отъ престола) вскружилъ всѣмъ голову. Можно было всего опасаться,

Особенное уваженіе заслужилъ въ эти дни Одилонъ Барро, показавшій себя отличнымъ патріотомъ и дальновиднымъ политикомъ. Онъ одинъ имѣлъ смѣлость высказать правду Лафайету, убѣдилъ его отказаться отъ званія президента палатъ и отъ провозглашенія республики и доказалъ ему, что Людовикъ-Филиппъ будетъ „лучшею изъ республикъ“. Эти благоразумныя слова были повторены имъ, когда онъ представилъ народу короля изъ окна Ратуши.

Передъ открытіемъ засѣданій палатъ царило неописуемое смятеніе. У зала засѣданій собралась несмѣтная толпа. Вездѣ слышалось имя Лафайета.

Когда я вошелъ, Бераръ только-что окончилъ чтеніе своего доклада; Сальвертъ вошелъ на трибуну и настаивалъ на томъ, чтобы пренія были отложены до слѣдующей среды; взволнованные слушатели какъ будто были подавлены шумомъ и угрозами, доносившимися извнѣ. Когда онъ кончилъ рѣчь, Лафайетъ, предсѣдательствовавшій, спросилъ: имѣетъ ли кто-нибудь возразить? Воцарилось молчаніе, я стоялъ подлѣ трибуны. Поспѣшно взойдя на нее, я сказалъ слѣдующее:

„Г., Парижъ спасъ Францію отъ деспотизма, палатѣ надлежитъ спасти ее отъ анархіи, я требую, чтобы собраніе приняло къ свѣдѣнію фактъ отреченія Карла X, нарушившаго основной законъ конституціи, чтобы оно призвало на престолъ герцога Орлеанскаго и не расходясь обсудило бы вопросъ объ измѣненіи хартіи и объявило бы, что оно не разойдется до выполненія этого великаго дѣла. Припомните, что въ Англіи парламентъ предупредилъ междоусобную войну, утвердивъ въ одну ночь билль о правахъ и призвавъ на престолъ Оранскій домъ; эта благоразумная поспѣшность обезпечила странѣ сорокъ лѣтъ свободы и благоденствія“.

7-го августа Людовикъ-Филиппъ принялъ корону, предложенную ему палатой, и подписалъ новую хартію.

Одною изъ ближайшихъ заботъ коммиссіи, выработавшей конституцію, было установить расходъ на содержаніе главы государства.

Однажды вечеромъ, когда я былъ у короля, онъ заговорилъ со мною объ этомъ.

— Ваше величество, сказалъ я,—такъ какъ вы удостоиваете спросить моего совѣта, то я скажу, что вамъ лучше всего обратиться къ палатѣ съ посланіемъ и заявить, что хотя вамъ достаточно имѣть коня и шпагу для того, чтобы служить Франціи, но что честь и достоинство націи повелѣваютъ монарху, стоящему во главѣ ея, занимать подобающее мѣсто между правителями европейскихъ державъ, среди которыхъ Франціи все еще принадлежитъ первое мѣсто.

Онъ прервалъ меня:

— А сколько вы мнѣ дадите?

— Шестнадцать милліоновъ.

— Я хочу восемнадцать, Лаффитъ обѣщалъ это.

— Въ такомъ случаѣ, ваше величество, онъ обѣщалъ болѣе того, что онъ можетъ дать; ваши лучшіе друзья думаютъ точно такъ же, какъ я, что, имѣя 16 милліоновъ, ваше величество будете богаче, нежели былъ Карлъ X.

Людовикъ-Филиппъ не сумѣлъ создать для своего правительства надежной опоры въ народѣ. Въ рабочемъ классѣ шло глубокое броженіе, вызванное развитіемъ капиталистическаго строя. Господство плутократическихъ интересовъ привело къ тому, что никогда еще развращенность высшихъ классовъ не обнаружилась съ такой очевидностью, какъ въ это царствованіе и на Людовика-Филиппа, несмотря на его личную популярность въ обществѣ, было сдѣлано множество покушеній, изъ коихъ особенный ужасъ возбудила въ Европѣ адская машина Фіески въ 1835 г.

„По утру 28-го іюля 1835 г., разсказываетъ Рамбюто, бывшій въ то время уже префектомъ г. Парижа, мы очень волновались по поводу предстоявшаго смотра національной гвардіи, который король намѣревался произвести лично. Съ разныхъ сторонъ до насъ доходили смутные слухи, предвѣстники волненій и преступныхъ покушеній. Я говорилъ по этому поводу съ маршаломъ Лобау, и когда мы вошли въ кабинетъ короля, чтобы доложить ему, что все готово, я сталъ умолять его величество, чтобы онъ поручилъ своимъ адъютантамъ отбирать прошенія, которыя ему будутъ представлять, а не позволялъ просителямъ проталкиваться сквозь толпу и подходить къ нему.

— Я согласенъ, сказалъ онъ,—но будьте увѣрены, что, если мнѣ угрожаетъ какая-либо опасность, то развѣ изъ какого-нибудь окна, а не на улицѣ.

Мы спустились съ лѣстницы; я велъ подъ руку маршала герцога Тревизскаго (Мортье), который страдалъ подагрою и шелъ съ трудомъ.

Во время смотра мы замѣтили на углу Вандомской площади нѣсколько человѣкъ подозрительной наружности.

По правую руку отъ короля находился маршалъ Лобау, по лѣвую де-Ла-Рю; я ѣхалъ позади. Возлѣ маршала находился принцъ Жуанвильскій, а возлѣ де-Ла-Рю герцогъ Орлеанскій.

Мы ѣхали такъ близко одинъ къ другому, что мое колѣно задѣло за колѣно маршала Тревизскаго, который все время былъ около меня. Я извинился; въ этотъ моментъ раздался страшный залпъ, который я принялъ въ первую минуту за несвоевременный взрывъ петарды. Наши лошади встали на дыбы, и я увидѣлъ, что маршалъ зашатался въ сѣдлѣ; я протянулъ ему руку, чтобы поддержать его, сказавъ: „осторожнѣе, маршалъ, вы упадете", какъ вдругъ онъ склонился на шею моей лошади; впереди упалъ Рьессекъ.

Я понялъ, въ чемъ дѣло, и тотчасъ заставилъ свою лошадь перескочить черезъ тѣло Рьессека и закричалъ королю: „Впередъ, ваше величество, выѣзжайте изъ-подъ выстрѣловъ!" въ то же время я указалъ чинамъ національной гвардіи, находившимся подлѣ меня, на окно, изъ котораго шелъ густой дымъ, и сказалъ: „оцѣпите этотъ домъ и все, что въ немъ есть!" Но Флаго уже позаботился объ этомъ.

Король отвѣчалъ мнѣ съ большимъ хладнокровіемъ: — Гг., вернитесь на свои мѣста; будемъ продолжать смотръ.

Онъ разсказывалъ мнѣ впослѣдствіи, что, обернувшись, онъ увидѣлъ изъ знакомыхъ ему лицъ только одного меня. Генералъ Лаказъ и жандармскій полковникъ Раффе были смертельно ранены; у генерала Аймесъ былъ прострѣленъ на вылетъ носъ, генералу Дюма пуля попала въ шляпу, а герцогу Брошьи за галстукъ. Двѣ дробинки попали въ шею и въ задъ лошади, на которой ѣхалъ король, одна попала въ сюртукъ его величества, но онъ запретилъ говорить объ этомъ.

Приказаніе продолжать смотръ помѣшало намъ, въ первый моментъ, дать себѣ ясный отчетъ въ совершившемся; я успѣлъ только сказать Баррьеру, одному изъ штабныхъ офицеровъ, сопровождавшихъ меня: „Поспѣшите предупредить королеву и принцевъ, что король здравъ и невредимъ, разыщите мою жену и успокойте ее!"

Смотръ продолжался; только на обратномъ пути, переѣзжая въ томъ мѣстѣ, гдѣ произошла катастрофа чрезъ залитую кровью улицу, мы поняли весь ея ужасъ: стѣна турецкаго сада была изрѣшетена пулями; помимо участниковъ смотра, пострадало 25—30 человѣкъ зрителей и солдатъ національной гвардіи. Я приказалъ перенести ихъ

въ госпиталь Saint-Louis, гдѣ, несмотря на заботливый уходъ, только немногіе оправились отъ полученныхъ ранъ; смотръ окончился среди жуткаго безмолвія.

На Вандомской площади насъ ожидало трогательное зрѣлище: королева съ дочерьми, юные принцы, принцесса Аделаида ожидали короля съ вполнѣ понятнымъ волненіемъ. Всѣ кинулись со слезами къ нему на шею; дамы ихъ свиты кинулись къ намъ, розыскивая кто мужа, кто брата; и я имѣлъ счастье обнять жену и дочерей. Но церемонія еще не была окончена. Несмотря на тропическую жару, король снова сѣлъ на лошадь и мы заняли наши мѣста, чтобы присутствовать при прохожденіи 17 легіоновъ, что̀ продолжалось болѣе двухъ часовъ.

Вѣсть о покушеніи разнеслась съ быстротою молніи; народъ привѣтствовалъ короля громкими криками, тѣснился около него и, не имѣя возможности коснуться его руки, старался дотронуться хотя до его сапога.

Похороны злополучныхъ жертвъ были обставлены торжественно; одинъ за другимъ везли семнадцать гробовъ; впереди — съ тѣломъ маршала, а позади тѣло молодой 18-лѣтней дѣвушки, которую провожали ея подруги—зрѣлище произвело на всѣхъ потрясающее впечатлѣніе. Когда король окропилъ гробы святою водою, въ толпѣ послышались рыданія; невинныя жертвы были погребены въ общей могилѣ на кладбищѣ инвалидовъ".

IV.

Положеніе дѣлъ во Франціи все болѣе и болѣе ухудшалось; Людовикъ-Филиппъ, раздѣлявшій вначалѣ взгляды либеральныхъ министровъ: Лаффита, Лафайета, склонился мало-по-малу на сторону консерваторовъ и хотя ему удалось подавить возстаніе, вспыхнувшее въ разныхъ мѣстностяхъ королевства, и многочисленныя покушенія на его личность кончались для него благополучно, но онъ въ значительной степени утратилъ сочувствіе общества; озлобленіе французовъ достигало высшей степени, когда всѣ попытки либеральной оппозиціи добиться пересмотра хартіи окончились неудачей. Въ министерство Гизо оппозиція, имѣвшая среди своихъ членовъ приверженцевъ конституціи, республиканцевъ, легитимистовъ и бонапартистовъ, во главѣ съ Ламартиномъ и Ледрю Ролленомъ, потребовала реформы закона о выборахъ, которымъ правительство старалось, по мѣрѣ возможности, ограничить участіе общественнаго мнѣнія въ государственныхъ дѣ-

лахъ. Когда всѣ попытки добиться пересмотра этого закона окончились неудачей, вспыхнула давно уже подготовлявшаяся февральская революція.

„Когда разразились событія 1848 г.“, воспоминаетъ Рамбюто, „многія лица, которыя по своему служебному положенію должны были бы предвидѣть ихъ, были удивлены ими гораздо болѣе меня. Я давно уже тревожился; въ воздухѣ чувствовалось приближеніе грозы“.

При выборахъ въ муниципальный совѣтъ все чаще и чаще попадали люди, стремившіеся болѣе къ политикѣ, нежели къ административной службѣ, интересовавшіеся болѣе интересами своими личными и своей партіи, нежели города; духъ систематической оппозиціи до такой степени проникъ всюду, что въ палатѣ изъ четырнадцати депутатовъ тринадцать оказались на сторонѣ оппозиціи; этотъ духъ проникъ также и въ среду національной гвардіи.

„Бессонъ, командовавшій 3 легіономъ, говорилъ мнѣ, что онъ не отвѣчаетъ за него. То же говорили Гюссонъ, Лавока, Шапюи, Бутарель. Мэры и самые преданные правительству члены совѣта не скрывали отъ меня своихъ опасеній: не было сомнѣнія въ томъ, что при малѣйшемъ столкновеніи можно было ожидать полное равнодушіе и отсутствіе энергіи съ одной стороны и смѣлость и предпріимчивость съ другой. Я былъ увѣренъ, что мы увидимъ національную гвардію на баррикадахъ. Между тѣмъ всѣ были убѣждены въ томъ, что войско могло идти противъ народа не иначе, какъ по примѣру національной гвардіи. Слѣдовательно, на какую же силу можно было разсчитывать?

Я счелъ долгомъ немедленно сообщить эти свѣдѣнія Гизо и Дюшателю. Они выслушали меня холодно, какъ человѣка, который разбудилъ васъ не въ урочный часъ, но это не помѣшало мнѣ заговорить о томъ же съ Гизо вторично, когда я встрѣтился съ нимъ у г-жи N. Онъ отвѣчалъ мнѣ нетерпѣливымъ тономъ: „если бы у васъ былъ полонъ ротъ дѣла, какъ у меня, то вы не теряли бы время на выслушиваніе этой парижской галиматьи“.

Что касается Дюшателя, то онъ полагался на донесенія полицейскаго префекта, который, не отрицая того, что мои опасенія имѣли нѣкоторое основаніе, утверждалъ, что тайныя общества не были еще готовы къ дѣйствію, что имъ нужно было три или четыре мѣсяца для того, чтобы подготовиться, и что нельзя было ожидать ничего рѣшительнаго до наступленія весны.

Въ пятницу вечеромъ, 18-го февраля, я отправился въ Тюильри. Я пытался два или три раза говорить съ королемъ, высказать ему мою тревогу, но говорить съ нимъ о томъ, что ему не нравилось, было не легко. Не помню, кто-то изъ министровъ сказалъ: „Король говоритъ со мною, но я не говорю съ королемъ!“

Это вполнѣ относилось къ Людовику-Филиппу, съ которымъ не было возможности говорить, не бывъ назойливымъ. Несмотря на его довѣріе ко мнѣ и всегда милостивое отношеніе, я чувствовалъ, что предметъ разговора будетъ щекотливый, чтобы не сказать болѣе: мнѣ не хотѣлось лѣзть ему на глаза и говорить даже о томъ, что касалось моихъ непосредственныхъ обязанностей. Гораздо легче было говорить съ герцогомъ Немурскимъ, который былъ много доступнѣе, поэтому, видя въ тотъ вечеръ, что всѣ мои попытки завести рѣчь съ королемъ были напрасны, я сообщилъ принцу все, что я слышалъ: угрозы республиканцевъ, ихъ разсчетъ на отреченіе короля, ненадежность національной гвардіи, опасность борьбы, которую можно было бы предупредить, сдѣлавъ извѣстныя уступки, и безуміе предполагать, что возможно разогнать по простому требованію пристава съ банкета сотню депутатовъ, за которыми стояло 30 или 40 тысячъ избирателей; это значило искушать Бога! Принцъ внимательно выслушалъ меня и обѣщалъ передать все слышанное королю.

Въ субботу у меня былъ большой обѣдъ на шестьдесятъ персонъ: собралось много дипломатовъ, нѣсколько иностранцевъ, интересовавшихся нашими дѣлами, мэры, депутаты, члены муниципальнаго совѣта, командиры отрядовъ національной гвардіи. Каждый сообщалъ слышанное и передавалъ свои опасенія; всѣ сходились въ томъ, что положеніе было весьма серьезное. Въ этотъ же день состоялся обѣдъ въ коммерческомъ судѣ, на который были приглашены бывшіе его предсѣдатели. Около одиннадцати часовъ вечера они явились ко мнѣ въ полномъ составѣ и заявили, что по причинѣ волненія умовъ въ городѣ и необезпеченности собственности и торговли, они обращаются ко мнѣ, какъ къ представителю города, какъ къ другу, который 15 лѣтъ оказывалъ имъ содѣйствіе, съ просьбой, чтобы я открылъ глаза королю и его министрамъ. Ихъ было 27 человѣкъ. Ихъ слова взволновали всѣхъ присутствующихъ, но опасенія, высказанныя ими, никого не удивили: всѣ до того раздѣляли ихъ, что Сегуенъ, собираясь въ тотъ вечеръ ко мнѣ, сказалъ своей супругѣ: „Поѣдемъ къ префекту, это, вѣроятно, послѣдній вечеръ въ Ратушѣ".

Какъ я сожалѣлъ въ тотъ критическій моментъ о томъ, что не было принцессы Аделаиды, которая слушала меня и умѣла внушить королю, какъ дѣйствовать.

Я видѣлся два раза съ Монталиве; онъ раздѣлялъ мой взглядъ относительно національной гвардіи и банкета, и полагалъ, что только смѣна министерства могла предотвратить опасность; но какъ было убѣдить короля, который былъ несговорчивѣе, чѣмъ когда-либо? Маршалъ Жераръ говорилъ съ нимъ еще болѣе рѣшительнымъ тономъ, но это ни къ чему не повело.

20 числа, въ воскресенье, я былъ дежурнымъ въ сберегательной кассѣ, мнѣ представляли ежемѣсячно отчетъ о движеніи суммъ, изъ котораго я выводилъ цѣнныя указанія, относительно матеріальнаго положенія населенія Парижа и его настроенія. Въ то утро въ кассу поступило вкладовъ 315.000 франковъ, а было взято 1.280.000 фр., тогда какъ въ предыдущее воскресенье было внесено 800.000 фр. и взято обратно 487.000 фр. Это показалось мнѣ весьма знаменательнымъ. Я немедленно написалъ объ этомъ Дюшателю. Впослѣдствіи я узналъ отъ генерала Трезеля, бывшаго въ то время военнымъ министромъ, что въ тотъ день, въ совѣтѣ министровъ, онъ обратилъ вниманіе короля на необходимость, на случай возстанія, назначить кого-либо командующимъ войсками въ Парижѣ, такъ какъ въ виду возможнаго кровопролитія королевская фамилія не должна быть виновной въ пролитой крови.

Въ понедѣльникъ утромъ, я отправился въ 9 часовъ къ Делессеру; подробно объяснилъ ему свои опасенія; настаивалъ на угрожающей опасности, говорилъ объ ослѣпленіи короля, о заблужденіи его министровъ, полагавшихъ, что вся Франція за нихъ, потому, что въ палатѣ на ихъ сторонѣ было большинство, и умолялъ его открыть глаза двору. Онъ отвѣчалъ мнѣ, что онъ раздѣляетъ мои опасенія, но не предвидитъ такихъ печальныхъ послѣдствій, какъ я; „волненіе болѣе поверхностно, нежели глубоко, говорилъ онъ; у мятежниковъ нѣтъ оружія, снарядовъ и организаціи; нѣкоторая часть оппозиціи, опасаясь, что событія опередятъ ее, рѣшила, повидимому, пойти на соглашеніе; тайные общества и руководители движенія проповѣдуютъ необходимость выждать; разумѣется, это не означаетъ, что они отказались отъ своихъ замысловъ; будущее полно угрозъ, но въ настоящую минуту не можетъ произойти ничего серьезнаго; самая паника, охватившая населеніе, представляетъ ту выгоду, что она отождествляетъ его интересы съ интересами правительства; словомъ, всѣ надлежащія мѣры приняты и для охраны ратуши назначенъ довольно значительный отрядъ“.

Я отправился къ Себастіани: „Любезный другъ, сказалъ я,—вы довольны духомъ войскъ; вы ручаетесь за ихъ преданность, вы увѣряете меня, что герцогъ Немурскій—идолъ арміи; все это прекрасно говорить въ Тюильри и если бы намъ предстояло сражаться съ русскими или англичанами, то я не имѣлъ бы никакихъ опасеній относительно вашихъ офицеровъ и солдатъ; иное дѣло дѣйствовать войску на парижскихъ улицахъ; подумали ли вы о томъ, что передъ вами въ числѣ мятежниковъ могутъ оказаться солдаты національной гвардіи? Объ этомъ нужно хорошенько подумать и въ случаѣ надобности заставить вашихъ солдатъ стрѣлять какъ можно скорѣе, не давъ имъ

времени одуматься, не давъ мятежникамъ поколебать ихъ рѣшимость". На Себастіани смотрѣлъ на дѣло такъ же оптимистично, какъ Делессеръ.

Отъ него я поѣхалъ къ генералу Жакемино. Онъ былъ не совсѣмъ здоровъ. Я засталъ его за обѣдомъ, въ халатѣ. Я сказалъ ему, что командиры всѣхъ 17 легіоновъ, не говоря уже о мэрахъ, членовъ муниципальнаго совѣта и тысячи другихъ, вполнѣ заслуживающихъ довѣрія лицъ, увѣряли меня, что національная гвардія не будетъ стрѣлять въ народъ, что часть ея устроитъ манифестацію на банкетѣ, другіе присоединятся къ бунтовщикамъ и что самыя лучшія роты не устоятъ передъ кликами: „Да здравствуетъ реформа! Долой министерство!"—Долгъ повелѣваетъ намъ сказать королю правду, присовокупилъ я, и я пріѣхалъ уговориться съ вами относительно этого шага.

Генералъ воскликнулъ внѣ себя отъ гнѣва, потрясая рыбой, которую онъ держалъ на вилкѣ: „Если бы мы не были старые друзья, то я сказалъ бы вамъ, что вы клевещете на національную гвардію, что вы ея не знаете, что я знаю ее лучше васъ; если я сяду на лошадь, то за мной пойдетъ пятьдесятъ тысячъ человѣкъ; только смутьяны и трусы могутъ разсказывать басни, которымъ вы напрасно вѣрите".

Разговоръ, начатый въ такомъ тонѣ, конечно, не могъ продолжаться; я простился съ Жакемино, отъ души желая, чтобы правымъ оказался онъ, а не я.

Но не я одинъ былъ полонъ тревоги: вечеромъ королева встрѣтила меня взволнованная со словами: „Любезный префектъ, дѣло очень плохо!"

— Да, ваше величество, отвѣчалъ я, но не все еще потеряно, если король того захочетъ.

— Поговорите съ нимъ откровенно, сказала она.

Я подошелъ къ королю. Наконецъ-то, я имѣлъ возможность высказать ему правду.

Какъ сейчасъ вижу: мы стояли въ простѣнкѣ, между двумя окнами, прислонясь къ консолѣ, на которомъ стоялъ великолѣпный ларецъ филигранной работы.

Я передалъ королю все, что мнѣ было извѣстно, начиная съ плановъ республиканцевъ и кончая моимъ разговоромъ съ Сегюеномъ касательно отреченія короля и регентства герцогини Орлеанской; предполагаемой измѣны національной гвардіи; шага, сдѣланнаго предсѣсѣдателями коммерческаго суда; возврата вкладовъ изъ сберегательной кассы; бездѣятельности министровъ, которые надѣялись все уладить парламентскимъ путемъ. Я говорилъ быстро, волнуясь, такъ

какъ я боялся истощить его терпѣніе и опасался, что мнѣ не удастся высказать все до конца. Я заключилъ свою рѣчь, указавъ на крайнюю необходимость дѣйствовать энергично при помощи войска, чтобы разстроить всѣ планы прежде, нежели вспыхнетъ революція.

Король прервалъ меня.

— Любезный префектъ, сказалъ онъ, вотъ уже годъ, какъ меня стараются застращать,—но безуспѣшно. Чтобы добиться этого, нынѣ прибѣгли къ самому вѣрному средству, напугать васъ, зная, съ какимъ довѣріемъ я отношусь къ вамъ и какъ я люблю васъ. Но вспомните мое слово: все то, что васъ такъ тревожитъ есть не что иное, какъ вспышка, которая не продлится и двухъ часовъ. Черезъ недѣльку, любезный префектъ, вамъ будетъ очень досадно и неловко за высказанныя вами опасенія.

И онъ отошелъ отъ меня очень довольный.

Тогда я подошелъ къ герцогу Немурскому и принялся снова за то же. Я настаивалъ на томъ, что я говорилъ ему прошлую пятницу, добавивъ нѣкоторыя подробности; выразилъ сожалѣніе по поводу безпечности короля; старался доказать ему, что настала пора проявить не только храбрость, но и осмотрительность. Напрасный трудъ! Онъ убѣждалъ меня въ томъ, что я ошибаюсь, что всѣ мѣры приняты, что въ войскахъ увѣрены; что на національную гвардію можно положиться болѣе, нежели я думаю; министрамъ извѣстно изъ вѣрнаго источника, что мысль о банкетѣ оставлена и т. д. Я ушелъ въ отчаяніи: я видѣлъ королевскую семью въ послѣдній разъ.

Послѣ того, какъ я уѣхалъ, король сказалъ: „Префектъ хорошій, полезный преданный человѣкъ, но онъ старѣется, его умственныя способности слабѣютъ“.

Изъ Тюильри я отправился на вечеръ къ принцу де-Линь. Тутъ всѣ наиболѣе трезвые умы дипломатическаго корпуса были серьезно озабочены завтрашнимъ днемъ. Я говорилъ съ ними осторожно, не скрывая, однако, своихъ мыслей, и постарался еще разъ убѣдить Дюшателя, но онъ былъ твердо увѣренъ въ возможности придти къ соглашенію съ оппозиціей.

Послѣ этихъ неудачныхъ разговоровъ, я заѣхалъ въ послѣдній разъ въ Ратушу, твердо рѣшивъ, во что бы то ни было, исполнить свой долгъ. Во вторникъ мнѣ доложили, что въ городъ вступили войска.

Приведшій ихъ полковникъ Бутарель сказалъ мнѣ:

— Я привелъ вамъ 180 человѣкъ, на которые, по моему мнѣнію, можно вполнѣ положиться, только позаботьтесь, чтобы они были сыты, такъ какъ если отпустить ихъ для ѣды по домамъ, то они не вернутся.

*

Я приказалъ накрыть въ швейцарской столъ на тридцать человѣкъ, на которомъ все время стояли яства, предназначавшіяся исключительно для солдатъ національной гвардіи. Другой столъ былъ накрытъ для офицеровъ и штаба; генералъ и полковники обѣдали съ нами; войска получили усиленный раціонъ хлѣба, вина, холодной говядины и дровъ для бивуака. Всѣ мѣры были приняты заблаговременно. Въ мое распоряженіе была предоставлена госпитальная пекарня; въ ней было заготовлено отъ 15—16 тысячъ раціоновъ. Такимъ образомъ, во вторникъ и въ среду было заготовлено 3—5 тысячъ раціоновъ.

Мнѣ пришлось вскорѣ порадоваться этой предусмотрительности, такъ какъ въ четвергъ, когда появились баррикады, въ городѣ было прервано всякое сообщеніе; войска не получили ни пайка, ни фуража, кирасирскія и артиллерійскія лошади ѣли хлѣбъ. Въ четвергъ утромъ я приказалъ закупить все, что было въ сосѣднихъ мясныхъ лавкахъ, и когда бунтовщики ворвались въ Ратуши, то они нашли на кухнѣ 26 окороковъ.

Первою моей заботою было спросить командировъ, увѣрены ли они въ своихъ солдатахъ.

— Я поручусь скорѣе за своихъ солдатъ, чѣмъ за офицеровъ, сказалъ Люзи; они смѣло пойдутъ за національной гвардіей.

Во вторникъ и въ среду чины муниципальнаго совѣта осаждали меня просьбами, или, лучше сказать, требованіями о созывѣ засѣданія совѣта. Они говорили, что я беру на себя огромную отвѣтственность, не созывая совѣта, чтобы выслушать его мнѣніе; но я не сдавался, будучи убѣжденъ, что возрожденіе, подъ какимъ бы то ни было видомъ, парижской коммуны, было бы равносильно гибели монархіи, поэтому я отвѣтилъ, что я отнесусь къ собранію, созванному безъ разрѣшенія подлежащей власти, какъ къ мятежу, и приму соотвѣтствующія мѣры. Генералъ Тайландье разстался съ нами въ среду, въ пять часовъ утра, и поѣхалъ въ военную школу, откуда онъ возвратился лишь въ четыре часа вечера. Уѣзжая, онъ приказалъ кавалеріи не сходить до его возвращенія съ лошадей: жаль было смотрѣть на эти великолѣпные эскадроны, которые, стоя подъ дождемъ, промокли до костей, отказываясь войти подъ своды Ратуши, гдѣ они были бы, по крайней мѣрѣ, защищены отъ непогоды. Что касается меня, то, не получая ни отъ кого приказаній, я не зналъ, что дѣлать. Еще въ 8 часовъ утра я послалъ спросилъ Делессера, могу ли я отправиться въ Тюильри. Онъ отвѣтилъ, чтобы я не безпокоился; онъ былъ того мнѣнія, что все еще могло уладиться, и говорилъ, что я доберусь несомнѣнно до Тюильри, но не ручался, что я буду въ состояніи вернуться оттуда. Въ виду этихъ заявленій,

я остался на своемъ посту. Что сказали бы про меня, если бы я не былъ на мѣстѣ въ такой моментъ, когда правительство бездѣйствовало и когда у войска не было начальства!

Въ пять часовъ вечера ко мнѣ пришелъ полковникъ Люзи и сказалъ:

— Г. префектъ, я иду съ баталіономъ моего полка и венсенскими стрѣлками освободить 40 солдатъ муниципальной гвардіи, окруженныхъ на фабрикѣ Лепажа, коимъ угрожаетъ опасность. Вы дали въ мое распоряженіе отрядъ національной гвардіи, но что же я могу сдѣлать, не имѣя патроновъ? У моихъ солдатъ нѣтъ и по четыре патрона на человѣка.

Благодаря Бога, съ полгода передъ тѣмъ я получилъ отъ Себастіани 20 тысячъ патроновъ, слѣдовательно, я могъ снабдить ими полковника и Тайландье, который возвратился въ ту минуту.

Мы узнали одновременно о нападеніи на мэрію 7 округа и о столкновеніи, происшедшемъ на площади св. Іоанна, гдѣ былъ убитъ капитанъ 7-го полка легкой конницы. А мы все еще не получали никакихъ приказаній. Я послалъ три письма, которыя остались безъ отвѣта: когда министры теряютъ свое положеніе, они не хотятъ компрометтировать себя какими-либо чрезвычайными мѣрами, предоставляя другимъ устраиваться, какъ они знаютъ.

Въ шесть часовъ мнѣ доложили, что меня желаютъ видѣть депутаты отъ Сенскаго департамента, въ числѣ коихъ были, между прочимъ, Карно и Вавенъ. Я принялъ ихъ въ библіотекѣ. Они заявили мнѣ, что посланы своими коллегами просить меня о созывѣ муниципальнаго совѣта, мэровъ, полковниковъ гвардіи и четырнадцати депутатовъ для обсужденія вопроса о томъ, въ какой степени городу угрожаетъ опасность; довѣріе жителей и муниципальнаго совѣта къ префекту побудили ихъ, какъ они заявили, сдѣлать этотъ шагъ.

Я отвѣчалъ:

— Господа, вступая въ исполненіе моихъ обязанностей, я присягалъ на вѣрность королю; я никогда не буду содѣйствовать возстановленію парижской коммуны, я не желаю стоять во главѣ ея. Благодарю васъ за оказанную мнѣ честь и прошу васъ не сердиться за мой отказъ. Если вы полагаете, что мое присутствіе или мое личное вліяніе могутъ остановить кровопролитіе, то я готовъ идти съ вами на баррикады; дайте мнѣ только время надѣть мундиръ.

Они отвѣчали, что пришли не за этимъ, что они уважаютъ мои чувства; они хотѣли только предотвратить неминуемую опасность и сожалѣютъ о томъ, что долгъ повелѣваетъ мнѣ соблюдать присягу.

Вечеръ прошелъ тревожно, хотя въ предмѣстьяхъ все было спокойно, мы ожидали ежеминутно образованія новаго министерства и

назначенія главнокомандующаго, который могъ бы, наконецъ, принять какія-нибудь рѣшительныя мѣры, какъ вдругъ, въ десять часовъ вечера, мы были поражены какъ громовымъ ударомъ слухомъ о перестрѣлкѣ на бульварѣ капуциновъ, о шествіи при свѣтѣ факеловъ съ трупами павшихъ жертвъ, о возмущеніи въ городскихъ кварталахъ и о волненіи въ предмѣстьяхъ. Въ одиннадцать часовъ, съ колокольни собора Богоматери раздался звукъ набата: это былъ призывъ къ всеобщему возстанію, а у насъ уже полтора сутокъ не было ни министерства, ни командующаго войсками!

Я роздалъ солдатамъ весь оставшійся провіантъ, забралъ все, что можно было найти въ сосѣднихъ булочныхъ, мясныхъ и у виноторговцевъ; и, несмотря на то, что храбрый полковникъ Бутарель со своими 180 человѣками солдатъ продолжалъ охранять Ратушу, предвидя нападеніе на нее, я позаботился увезти свою семью въ болѣе безопасное мѣсто.

Когда семья уѣхала, я ходилъ съ часъ взадъ и впередъ по освѣщеннымъ заламъ Ратуши, прислушиваясь къ звукамъ набата и къ ружейнымъ выстрѣламъ, а затѣмъ прилегъ, приказавъ разбудить себя при малѣйшей тревогѣ.

Я проспалъ четыре часа. Въ пять часовъ утра положеніе еще не измѣнилось. Въ шесть часовъ пріѣхалъ Себастіани съ генераломъ Гарробъ (Garraube), у коего шляпа была прострѣлена пулей. Онъ сообщилъ мнѣ, что Тьеръ былъ въ Тюильри, куда его вызвали ночью, что командующимъ войсками былъ назначенъ Бюжъ и что было рѣшено дѣйствовать энергично; колонна солдатъ разгоняла уже народъ на бульварахъ, ему было поручено защищать зданіе Ратуши, и онъ хотѣлъ установить сообщеніе съ войсками чрезъ улицы Сенъ-Дени и Сенъ-Мартенъ. Я замѣтилъ, что эти улицы были усѣяны баррикадами, которыя пришлось бы брать силою; при чемъ мы понесли бы, конечно, потери, такъ какъ въ солдатъ навѣрно стали бы стрѣлять изъ оконъ.

Собравшись въ залѣ засѣданій префектуры, мы обсуждали тактику дальнѣйшихъ дѣйствій, отмѣчая на планѣ г. Парижа пункты, въ которыхъ находились баррикады, когда пріѣхалъ Роже де Серенсей, адъютантъ Себастіани, оставленный имъ при маршалѣ Бюжо, и сообщилъ намъ приказаніе, отданное маршаломъ по желанію короля и продиктованное, вѣроятно, новымъ министерствомъ, прекратить непріязненныя дѣйствія, убрать войска, предоставивъ всѣ мѣры къ поддержанію порядка національной гвардіи. Но у нея не было начальника. Въ большей части легіоновъ полковники и офицеры отказались командовать. Себастіани понялъ, въ чемъ дѣло; онъ выхватилъ саблю изъ ноженъ, кинулъ ее на столъ, воскликнувъ:

— Я болѣе ничего не значу, я ни во что не вмѣшиваюсь, я болѣе не командую войскомъ.

Бутарель заявилъ мнѣ, что онъ болѣе не въ состояніи сдерживать свою команду и также намѣренъ удалиться. Я умолялъ генераловъ не уводить войска, а имѣть ихъ подъ рукою, чтобы ими можно было воспользоваться въ случаѣ надобности. Они исполнили мою просьбу; войска были оставлены на площади и на набережныхъ до двухъ часовъ по полудни, послѣ чего они возвратились въ казармы.

Покончивъ съ этимъ вопросомъ, наши генералы только и думали о томъ, какъ бы позавтракать; Себастіани выразилъ даже желаніе помыться; я повелъ его во внутреннія комнаты и былъ не мало удивленъ, увидѣвъ, что онъ вынулъ изъ кармана и положилъ на каминъ туго набитый кошелекъ, въ которомъ было 10 тысячъ франковъ золотомъ, захваченные имъ на всякій случай. Это показывало, какъ мало онъ разсчитывалъ на возможность подавить возстаніе.

Пока они завтракали, я замѣтилъ во дворѣ нѣсколько безоружныхъ солдатъ національной гвардіи. Мнѣ сказали, что это тѣ самые люди, коихъ полковникъ Люзи привелъ изъ мастерскихъ Лепажа и которыхъ ему удалось освободить только подъ условіемъ, что они сложатъ оружіе. Въ эту минуту мнѣ доложили, что во дворѣ появилась толпа бунтовщиковъ, разыскивавшихъ этихъ солдатъ, коихъ они хотѣли убить. Я умолялъ Себастіани окружить ихъ двумя эскадронами кирасиръ и отвести подъ ихъ охраною въ казармы, гдѣ они были бы въ безопасности. Онъ отвѣчалъ отказомъ.

— Мнѣ настоятельно приказано, сказалъ онъ,—избѣгать всякаго столкновенія; а не могу рискнуть на шагъ, который дастъ поводъ къ выстрѣламъ. Очень жаль, но я не желаю попасть подъ судъ.

Я не могъ допустить, чтобы этихъ бѣднягъ убили! Благодаря самоотверженію гг. Бюже, Гурди и Минь, которые сняли съ себя все, что могли, мы переодѣли нѣсколько человѣкъ, обрили имъ бороду и усы, и они успѣли бѣжать; другіе спрятались въ зданіе Ратуши, трое спрятались подъ кровать моей дочери, гдѣ она и нашла ихъ въ пятницу, возвратясь въ свою комнату; а на ея постели храпѣли въ безчувственномъ состояніи двое изъ бунтовщиковъ, такъ что она успѣла выпустить несчастныхъ солдатъ. Къ несчастью, не всѣмъ имъ удалось спастись. Многіе изъ этихъ преданныхъ людей погибли.

Нѣкоторые все еще надѣялись на благополучный исходъ. Я ожидалъ въ своемъ кабинетѣ, окруженный генералами и семью или восемью чинами муниципальнаго совѣта. Въ числѣ этихъ лицъ было человѣка три—четыре, хорошо освѣдомленные о намѣреніяхъ революціонеровъ и пришедшихъ какъ будто съ цѣлью слѣдить за моей

безопасностью. Въ часъ мы узнали объ отреченіи короля. Полчаса спустя мнѣ доложили о приходѣ депутаціи отъ національной гвардіи. Въ зало вошло человѣкъ около пятнадцати офицеровъ; одинъ изъ нихъ сказалъ:

— Г. префектъ, Ратуша во власти народа; впредь всѣ приказанія будутъ исходить отъ него; мы явились сказать вамъ, что ваши полномочія прекратились.

— Хорошо, господа, отвѣчалъ я,—присутствующіе здѣсь генералы заявили мнѣ, что войска не могутъ защитить меня и не будутъ повиноваться мнѣ. Гг. члены муниципальнаго совѣта свидѣтели того, что я исполнилъ свой долгъ и уступаю лишь силѣ; я удаляюсь и предоставляю свой кабинетъ въ ваше распоряженіе.

— Мы не хотимъ выгонять васъ изъ дому, мы помѣстимся въ другой комнатѣ.

— Боже упаси, господа, чтобы я остался тутъ, потерявъ право распоряжатсья въ этомъ зданіи. Черезъ нѣсколько минутъ меня здѣсь не будетъ.

При первыхъ же словахъ офицеровъ, генералы исчезли; я остался одинъ. Позвавъ моего вѣрнаго Бюффе, я кинулъ въ каминъ всѣ бумаги, которыя я не хотѣлъ оставить послѣ себя, и, взявъ трость и шляпу, спустился по лѣстницѣ, прошелъ мимо столпившихся революціонеровъ вдоль рѣшетки Ратуши, такъ какъ я не могъ пройти черезъ площадь, занятую войскомъ и революціонерами. По пути я встрѣтилъ Виктора Гюго и мэра 8-го округа, которые шли ко мнѣ узнать новости; я подтвердилъ имъ слухъ объ отреченіи короля; они побѣжали въ палату, а я поспѣшилъ къ женѣ и дѣтямъ, которые, само собою разумѣется, безпокоились обо мнѣ. Обнявъ ихъ, я отправился къ секретарю, чтобы послать немедленно подробный отчетъ о происшедшемъ Тьеру.

Вечеромъ мнѣ пришлось разстаться съ семьей. Мы узнали, что наша квартира была разграблена, но могли ли мы думать о нашемъ личномъ несчастьѣ, когда оно постигло и королевскую семью!

Маршалъ Жераръ передавалъ мнѣ, что въ злополучные февральскіе дни онъ видѣлъ короля два раза: первый разъ въ среду утромъ. Предчувствуя все то, что подготовлялось, онъ отправился въ Тюильри чтобы переговорить съ его величествомъ, но едва добился того, чтобы о немъ доложили, такъ такъ король былъ въ это время въ кабинетѣ у королевы. Наконецъ, его ввели. Король былъ очень оживленъ и, обратясь къ нему, сказалъ:

— Вотъ подите же, какъ трудно поладить съ дѣловыми людьми; я толкую съ ними битыхъ три часа; они хотятъ, чтобы я заплатилъ

110 тысячъ франковъ сверхъ того, что полагается, за вводъ во владѣніе моей сестры, и я никакъ не могу убѣдить ихъ.

Жераръ, глубоко изумленный, пытался объяснить королю положеніе дѣлъ, король быстро прервалъ его и старался успокоить; затѣмъ, видя, что это ему не удается, онъ отпустилъ его, сказавъ довольно рѣзко:

— Меня ожидаетъ Дюшатель; я не могу долѣе говорить съ вами, но повѣрьте мнѣ, любезный маршалъ, что все это кончится скоро и какъ нельзя лучше.

На другой день, король послалъ за нимъ своего адъютанта и потребовалъ его такъ поспѣшно, что тотъ не далъ Дюшателю даже надѣть мундира, который ему принесли во дворецъ. Лишь только онъ успѣлъ выйти, король подалъ ему актъ отреченія и приказалъ ему немедленно сѣсть на лошадь и объявить его народу, чтобы успокоить его. Жераръ сѣлъ на лошадь короля; когда онъ въѣзжалъ въ улицу Сентъ-Оноре, то ему прекратила путь толпа, состоявшая, по большей части, изъ солдатъ 3 легіона, которые заставили своего командира вести ихъ въ Тюильри; толпа кричала:

— Да здравствуютъ реформы! Оглушенный неистовыми криками и оттѣсненный толпою, Дюшатель не могъ ничего сказать народу и былъ вынужденъ возвратиться въ Тюильри вмѣстѣ съ толпою. Король собирался уѣхать изъ Парижа.

Революція совершилась.

Изъ архивныхъ мелочей.

Столкновеніе Булгарина съ матерью Грибоѣдова.—Морское ополченіе въ Крымскую войну.—Отношеніе Дибича къ Новосильцову.—Наказаніе фрейлинъ за непорядочное поведеніе.—Рапортъ графа Салтыкова.—Изъ царскихъ резолюцій.

Столкновеніе Булгарина съ матерью Грибоѣдова.— Характеръ и исторія взаимоотношеній Грибоѣдова и Булгарина образуютъ интересный вопросъ въ біографіи А. С. Грибоѣдова. Писавшіе о немъ не однажды—и съ недоумѣніемъ—останавливались на фактѣ тѣсной дружбы его съ Булгаринымъ. И хотя въ грибоѣдовской біографической литературѣ накопилось не мало матеріаловъ, относящихся къ этому загадочному обстоятельству, однако, и доселѣ вопросъ окончательно еще не вырѣшенъ.

Настоящее сообщеніе не имѣетъ претензіи исчерпать этотъ вопросъ. Въ соотвѣтствіи съ характеромъ неизданнаго документа, помѣщаемаго ниже, мы коснемся только одной стороны дружескихъ отношеній Грибоѣдова и Булгарина: денежныхъ и вообще хозяйственныхъ и житейскихъ услугъ, какія Булгаринъ оказывалъ Грибоѣдову.

Всѣмъ своимъ воспитаніемъ и образованіемъ, склонностями и дарованіями тяготѣвшій къ искусствамъ, наукѣ, литературѣ и общественности, Грибоѣдовъ, по прихоти судьбы, былъ оторванъ отъ культурныхъ центровъ и въ качествѣ „добровольнаго изгнанника“, дипломатическаго чиновника, скитался въ почетной ссылкѣ по Кавказу и Персіи. Разрывъ съ культурнымъ міромъ больно отзывался на Грибоѣдовѣ, и въ своихъ письмахъ съ востока поэтъ - дипломатъ часто и горько жаловался друзьямъ на отсутствіе сколько-нибудь культурной обстановки, книгъ, журналовъ и извѣстій изъ общественныхъ круговъ [1]). Для него было важно имѣть въ столицѣ пріятеля, стоящаго въ курсѣ книжныхъ, журнальныхъ и общественныхъ новостей и вмѣ-

---

[1]) См. полн. собр. соч. А. С. Грибоѣдова, изд. 1889, ред. И. А. Шляпкина, т. I, стр. 170, 172, 206, 210, 228 и др.

стѣ съ тѣмъ постоянно готоваго на услуги. Въ лицѣ Ѳ. В. Булгарина Грибоѣдовъ нашелъ именно такого человѣка.

Познакомившись съ Грибоѣдовымъ въ 1824 или 1823 году [1]) и быстро сблизившись съ нимъ, Булгаринъ потомъ въ теченіе почти пяти лѣтъ, до самой смерти поэта въ 1829 г., оказывалъ своему высокому другу всевозможныя услуги. Несомнѣнно, ни одинъ изъ друзей Грибоѣдова, ни даже С. Н. Бѣгичевъ, не принесъ славному поэту столько практической пользы и помощи, какъ Булгаринъ. Даже въ жуткіе первые мѣсяцы 1826 г., когда велось слѣдствіе по дѣлу декабристовъ и Грибоѣдовъ сидѣлъ подъ арестомъ, Булгаринъ, съ рискомъ для личнаго благополучія, сносился черезъ подкупленнаго офицера стражи съ Грибоѣдовымъ и пересылалъ ему книги и деньги, о чемъ свидѣтельствуютъ любопытныя записочки Грибоѣдова къ Булгарину изъ-подъ ареста [2]). Въ позднѣйшихъ письмахъ его къ Булгарину сохранилось также не мало свидѣтельствъ о разнообразныхъ услугахъ и одолженіяхъ Булгарина. Напр., въ письмѣ отъ 16-го апрѣля 1827 г., изъ Тифлиса, Грибоѣдовъ пишетъ: „Любезный другъ Ѳадей Венедиктовичъ. Прежде всего просьба, чтобы не позабыть, а потомъ уже благодарность за дружеское твое вниманіе къ скитальцу въ восточныхъ краяхъ. Пришли мнѣ пожалуйста статистическое описаніе, самое подробнѣйшее, сдѣланное по лучшей новѣйшей системѣ, какого-нибудь округа южной Франціи, или Германіи, или Италіи“. Въ концѣ того же письма Грибоѣдовъ добавляетъ: „Развѣдай у Петерса, моего

---

[1]) Въ какомъ году произошло знакомство Грибоѣдова съ Булгаринымъ, въ біографической литературѣ не установлено; даже „Хронологическая канва проф. Шляпкина (приложенная при 1 т. соч. Грибоѣдова) не отмѣчаетъ этой даты. Самъ Булгаринъ въ своихъ воспоминаніяхъ о Грибоѣдовѣ („Сынъ Отечества“ 1830, № 1) говоритъ только, что въ бытность Грибоѣдова въ Петербургѣ въ 1824—1825 гг. онъ упросилъ поэта разрѣшить снять съ него портретъ. Однако, позднѣе, въ статьѣ „Какъ люди дружатся“ („Сѣверная Пчела“ 1837, № 47), Булгаринъ говоритъ о своемъ первомъ знакомствѣ съ Грибоѣдовымъ нѣсколько подробнѣе, отмѣчая, что знакомство произошло, когда Булгаринъ „уже былъ въ Петербургѣ и занимался словесностью, издавалъ Сѣверный Архивъ“. „Сѣверный Архивъ“ началъ выходить въ 1822 году. Только лѣтомъ 1823 г., послѣ долгаго отсутствія, Грибоѣдовъ снова побывалъ (кажется, на очень короткое время) въ Петербургѣ („Рус. Старина“ 1874, VII, 39) и тогда могъ познакомиться съ Булгаринымъ. Но, кажется, вѣрнѣе было бы отнести знакомство къ началу іюня 1824 г., когда Грибоѣдовъ снова и надолго пріѣхалъ въ Петербургъ. Булгаринъ упоминаетъ, что въ моментъ знакомства съ Грибоѣдовымъ „безсмертіе уже было въ его портфелѣ“. Въ 1823 г. „Горе отъ ума“ еще не было закончено; только къ іюню 1824 г. были готовы всѣ четыре акта. Въ перепискѣ Грибоѣдова имя Булгарина впервые появляется въ письмѣ отъ 10-го іюня 1884 г. (Соч., т. I, 185).

[2]) I, 215—220.

портного, и Жандра попроси, что онъ пятый мѣсяцъ не шлетъ мнѣ платья, получивши деньги 600 р. отъ матушки" [1]). Въ письмѣ отъ 12-го іюня 1828 г.: „Вотъ, мой другъ, письмо ко мнѣ моей сестры [2]). Разсуди, и если можно, спишись съ ней, помоги... Но я совершенно оставлю это на твой произволъ, какъ другу, обо мнѣ искренно попечительному. Скажи Александру Всеволодскому, что Одоевскій требуетъ отъ матушки уплаты долгу — 5.000 рублей. Можетъ ли онъ уплатить ему за матушку (которой онъ самъ долженъ тридцать четыре тысячи)?.. Поговори ему и побуди его непремѣнно сдѣлать мнѣ пріятное. Прощай. Ты далъ мнѣ волю докучать тебѣ моими дѣлами. Терпи и одолжай меня, это не первая твоя дружеская услуга тому, кто тебя цѣнить умѣетъ". И въ томъ же письмѣ, выше и ниже приведенныхъ отрывковъ, еще просьбы: о присылкѣ географическихъ картъ, книгъ по коммерціи и бухгалтеріи, о справкахъ въ департаментѣ герольдіи, „какого цвѣту дурацкій мой гербъ" [3]). 24-го іюня 1828 г., съ бивака при Казанчѣ, на турецкой границѣ, Грибоѣдовъ пишетъ Булгарину: Любезный другъ, пишу тебѣ подъ открытымъ небомъ, и благодарность водитъ моимъ перомъ, иначе никакъ бы не принялся за эту работу послѣ труднаго дневного перехода. Очень, очень знаю, какъ дѣла мои должны тебѣ докучать. Покупать, заказывать, отсылать!!!" [4]). Позднѣе, всего за нѣсколько мѣсяцевъ до смерти, Грибоѣдовъ снова благодаритъ Булгарина за его услуги: „Еще разъ благодарю за всѣ твои хлопоты. Не бойся, я не введу тебя въ отвѣтственность за мои долги". И въ томъ же письмѣ — новыя просьбы о присылкѣ журналовъ, русскихъ и иностранныхъ [5]).

Послѣ такихъ свидѣтельствъ самого Александра Сергѣевича надо признать, что Булгаринъ былъ въ правѣ сказать о своихъ отношеніяхъ къ Грибоѣдову: „Я былъ у него родъ дядьки и занимался всѣмъ, до него касающимся".

Дружескія хлопоты и одолженія Булгарина, конечно, были хорошо извѣстны семьѣ поэта, его матери и сестрѣ. Въ архивѣ Булгарина сохранялось и потомъ было опубликовано интересное письмо къ Булгарину матери Грибоѣдова, Настасьи Ѳедоровны. Въ виду прямого отношенія этого письма къ нашей темѣ, воспроизведемъ здѣсь изъ него нѣсколько значительныхъ отрывковъ. „Милостивый государь, Ѳаддей Венедиктовичъ. Не имѣя чести быть съ вами знакома,

---

[1]) I, 225, 226.

[2]) Письмо это опубликовано въ „Рус. Старинѣ" 1874, VI, 298—300.

[3]) I, 256, 255.

[4]) I, 266.

[5]) I, 276. Другія упоминанія въ письмахъ Грибоѣдова объ услугахъ Булгарина см. въ т. I, 223, 255, 257, 259.

но по праву дружбы моего сына съ вами, отношусь къ вамъ точно какъ къ своему, почитая его друзей, какъ близкихъ моему сердцу; а какъ вы сами отецъ семейства, то это чувство для васъ и не чуждо, оттого-то и говорю такимъ языкомъ. Прошу, мой почтенный, не охладѣвайте вашу къ нему дружбу, не замедливайте его извѣщеніемъ обо всемъ, что касается до васъ и до него... я, какъ усердная мать, по всему сему сношенію, обожаю васъ, смѣю сказать, какъ бы моего сына... Онъ, уважая ваши дарованія, воспользуется вашимъ къ нему вниманіемъ; онъ мнѣ все сообщилъ, какъ вы имъ занимаетесь, даже и въ интересныхъ [1]) его дѣлахъ... Препровождаю бумаги, нужныя для Александра, и прошу скорымъ вашимъ трудомъ ихъ обработать и къ нему всѣ доставить [2])"... Письмо помѣчено 13-мъ іюня 1828 г. Изъ него видно, что Настасья Өедоровна знала изъ разсказовъ самого Александра Сергѣевича, сколько практическихъ услугъ оказывалъ ему Булгаринъ, и даже сама обращалась къ дѣловитому петербургскому журналисту съ просьбой по дѣламъ сына. Однако, не прошло полныхъ двухъ лѣтъ, какъ между авторомъ письма и адресатомъ произошло столкновеніе, въ которомъ Настасья Өедоровна не проявила и тѣни тѣхъ благородныхъ чувствъ къ Булгарину, которыя она такъ краснорѣчиво излагала въ письмѣ; напротивъ, обнаружила въ полной мѣрѣ ту „запальчивость" и „рѣзкость тона", которыя отмѣчають въ ея характерѣ лично знавшіе ее современники.

Въ архивѣ Ө. В. Булгарина въ Карловѣ, близъ Дерпта, сохраняется одинъ неизданный документъ, подробно рисующій это столкновеніе: черновая письма Ө. В. Булгарина къ графу А. Х. Бенкендорфу. Письмо интересно не только для характеристики Булгарина и матери Грибоѣдова, но и для біографіи самого поэта. Приводимъ письмо полностью, сохраняя поправки, отмѣны и вставки подлинника [3]).

Милостивый государь Александръ Христофоровичъ!

„Съ тѣхъ поръ, какъ государь императоръ облекъ васъ въ званіе Шефа Жандармовъ, всѣ честные люди чтятъ въ васъ отца сиротъ, примирителя, покровителя добрыхъ. Вы во сто кратъ дѣлаете болѣе добра по сердцу, нежели по должности, а потому и я осмѣливаюсь прибѣгнуть къ вамъ въ дѣлѣ покойнаго друга моего, Грибоѣдова, который чтилъ и любилъ васъ [4]), и прошу въ посредники между мною и его наслѣдниками. Вотъ въ чемъ дѣло.

---

[1]) Т. е., имѣющихъ матеріальный, денежный интересъ.

[2]) „Рус. Стар." 1874, VI, 300—301.

[3]) Курсивы въ текстѣ письма принадлежатъ Булгарину, въ ремаркахъ—намъ.

[4]) Это заявленіе остается всецѣло на совѣсти Булгарина. По біографическимъ матеріаламъ трудно даже установить, былъ ли Грибоѣдовъ знакомъ съ Бенкендорфомъ.

„Всѣмъ въ Россіи извѣстно, какая тѣсная дружба связывала меня съ покойнымъ Грибоѣдовымъ. Мы любили другъ друга болѣе, нежели братья [1]). У насъ все было общее, но какъ онъ частенько нуждался въ деньгахъ [2]), а я имѣлъ ихъ, то, разумѣется, что въ денежныхъ дѣлахъ (вставлено: что въ этомъ отношеніи я имѣлъ случаи оказать ему услуги, хотя) все дѣлалось у насъ на слово. Грибоѣдовъ бралъ у меня деньги, выписывалъ вещи изъ Петербурга (вставлено: въ Тифлисъ), уплачивалъ и снова забиралъ. Изъ прилагаемыхъ писемъ его ко мнѣ вы изволите усмотрѣть, что онъ вѣрилъ мнѣ болѣе, нежели ближайшей роднѣ своей. Я у него былъ родъ дядьки и занимался всѣмъ, до него касающимся.

„Когда Грибоѣдовъ пріѣхалъ въ Петербургъ съ Туркманчайскимъ трактатомъ и получилъ отъ щедротъ государя императора 4.000 червонныхъ [3]), то тотчасъ отдалъ мнѣ деньги (вставлено: на сохраненіе). Князь Одоевскій [4]) (служащій въ иностранной цензурѣ) пришедъ въ квартиру Грибоѣдова, удивился, заставъ меня, считающаго деньги хозяина квартиры [5]). Я посовѣтывалъ другу моему составить капиталецъ, и онъ отдалъ мнѣ 36.000 руб. для сохраненія. Между тѣмъ [6]) (вставлено: прежде нежели размѣняли червонцы и положили деньги въ ломбардъ) Грибоѣдовъ имѣлъ нужду одѣться, жить и уплатить кое-какіе должки, взялъ у меня 5.000 рублей, съ тѣмъ, чтобъ возвратить (вставлено: при полученіи жалованья до) отъѣзда въ Москву, или послѣ [7]). Не надѣясь даже быть посланникомъ, онъ

[1]) Далѣе зачеркнуто. Въ жизнеописаніи его можно видѣть, какими узами связаны мы были.—Здѣсь разумѣются „Воспоминанія о незабвенномъ Александрѣ Сергѣевичѣ Грибоѣдовѣ", помѣщенныя Булгаринымъ въ „Сынѣ Отечества" 1830, № 1, 1—42,—первая біографія поэта, гдѣ сообщено не мало точныхъ свѣдѣній и отрывковъ изъ писемъ Грибоѣдова.

[2]) Грибоѣдовъ, дѣйствительно, часто находился въ стѣсненныхъ денежныхъ обстоятельствахъ; ему приходилось помогать матери, которая хотя и владѣла тысячью душъ, часто нуждалась въ деньгахъ по своей „расточительности". См. „Историч. Вѣстникъ" 1889, III, 661—673; соч., I, XXXVIII, 164, 189, 204.

[3]) Въ Петербургъ Грибоѣдовъ пріѣхалъ 14-го марта 1828 г.; на другой же день былъ награжденъ чиномъ статскаго совѣтника, орденомъ Анны 2-й ст., съ алмазами, и деньгами. I, XXXVIII—XXXIX.

[4]) Князь Владиміръ Ѳедоровичъ Одоевскій, дальній родственникъ и близкій другъ Грибоѣдова, съ 1826 г. жившій въ Петербургѣ и служившій во II Отд. собств. е. в. канцеляріи, гдѣ тогда вырабатывался новый цензурный уставъ (1828 г.).

[5]) Послѣднія два слова—вмѣсто зачеркнутыхъ: безъ Грибоѣдова.

[6]) Далѣе зачеркнуто: ожидая жалованья и...

[7]) Выноска на полѣ: Въ 1826 году Грибоѣдовъ взялъ у меня 3.000 рублей и далъ росписку, которая была послана къ нему по уплатѣ въ ноябрѣ 1828 г., съ другими квитанціями.

хотѣлъ ѣхать на лѣто со мною въ деревню мою [1]). Когда же назначили его посланникомъ въ Персію, дѣла и обстоятельства перемѣнились. Надобно было снарядить [2]) домъ посланника, отъ нитки до кастрюли.

„На деньги, данныя на подъемъ, невозможно было исправить всего и завести сѣдла, мундиры, ливреи, серебро, экипажи, мебели и все, что нужно для дома посольскаго, такъ чтобы жить въ немъ удобно и даже роскошно. Все исправлялъ и искупилъ я, исключая сѣделъ и экипажей, которые заказалъ и купилъ дѣйствительный статскій совѣтникъ Беклемишовъ. Это извѣстно всѣмъ и каждому, кто только зналъ Грибоѣдова. Между тѣмъ изъ денегъ, данныхъ на подъемъ, и жалованья немного оставалось, а надобно было еще купить лошадей верховыхъ въ Персіи и имѣть порядочное количество наличныхъ денегъ въ столь дальнемъ пути. Грибоѣдовъ, уѣзжая, просилъ меня искупить, что нужно, и выслать ему [3]). Я же не хотѣлъ тратить денегъ, положенныхъ въ ломбардъ, и согласился съ другомъ моимъ на слѣдующій проектъ.

„Все, что нужно для отсылки, рѣшился взять я у купцовъ и мастеровыхъ въ долгъ и уплатить имъ изъ жалованья Грибоѣдова, которое я надѣялся получить за него въ январѣ 1829 года. (Вставлено: это мы дѣлали изъ опасенія, чтобъ, взявъ изъ ломбарда, не растратить денегъ; а чтобъ позабыть о билетахъ, мы нѣкоторые даже дали въ залогъ). Съ тѣмъ Грибоѣдовъ и уѣхалъ въ Персію, оставивъ мнѣ попеченіе о всѣхъ дѣлахъ своихъ. Я взялъ всѣ товары и вещи въ долгъ на свое поручительство [4]), а нѣкоторымъ, какъ-то портному Гаррисону и мебельному мастеру Строму, далъ въ присутствіи Грибоѣдова на себя росписки [5]). Между тѣмъ я, исправивъ все, уѣхалъ въ деревню и возвратясь былъ осажденъ заимодавцами (вставлено: которые, узнавъ, что жалованья Грибоѣдову не выдадутъ въ январѣ 1829 года, стали требовать денегъ). Начатая мною постройка также истощила мой запасъ, и я просилъ Грибоѣдова распорядиться какъ-нибудь [6]), для уплаты долгу мнѣ и мастеровымъ. Обыкновен-

---

[1]) Въ письмѣ къ женѣ Булгарина, Еленѣ Ивановнѣ, отъ 5-го іюня 1828 г., Грибоѣдовъ выражалъ надежду—когда-нибудь „in Karlowo flüchten, von allen was mir jetzt zuwider ist“, I, 255.

[2]) Вмѣсто зачеркнутаго: поставить на ноги.

[3]) О нѣкоторыхъ изъ этихъ порученій Грибоѣдовъ упоминаетъ въ письмахъ къ Булгарину съ дороги. I, 255, 256.

[4]) Послѣднія три слова—вмѣсто зачеркнутыхъ: на свое имя.

[5]) Послѣднія шесть словъ вмѣсто зачеркнутыхъ: Грибоѣдовъ приказалъ получить деньги отъ меня, послѣ его отъѣзда, и я далъ при немъ на себя росписки.

[6]) Зачеркнуто: иначе.

нымъ его отвѣтомъ было: дѣлай, что хочешь. Я взялъ изъ ломбарда 11.000 рублей, и, кромѣ того, получилъ отъ г. Мальцова за Грибоѣдова 15.000 рублей и сими деньгами удовлетворилъ себя и всѣхъ должниковъ (sic), извѣстивъ о семъ Грибоѣдова [1]). Какъ все дѣлалось между нами на слово и на честь, то никакихъ письменныхъ сдѣлокъ между нами не бывало, и еслибъ купцы и мастеровые не были въ живыхъ, то не было бы и слѣду, куда дѣвались деньги, а гг. наслѣдники должны были бы довольствоваться однимъ моимъ показаніемъ. По счастью, что у меня сохранились записки, кому сколько уплачено!

„По смерти Грибоѣдова писала ко мнѣ жена его о дѣлахъ, отдавая все въ полную мою волю, ибо знала, въ какихъ отношеніяхъ былъ я съ покойнымъ ея мужемъ. Но я хотѣлъ, чтобъ отъ нея и отъ сестры покойнаго, Дурновой, былъ довѣренный человѣкъ для расчета и принятія денегъ.

Наконецъ, 20 февраля 1830 года посѣтилъ меня г. генералъ-майоръ Годейнъ съ письмомъ отъ зятя покойнаго, г. Дурнова [2]), просящаго расчета, и (вставлено: въ тотъ же день явился) слуга отъ матери покойнаго Грибоѣдова, приглашающей меня къ себѣ. Пріемъ г-жи Грибоѣдовой удивилъ меня до крайности! Она говорила со мною такимъ образомъ, какъ говорятъ съ подъячими или повѣренными, а не какъ съ другомъ, который дѣйствовалъ не изъ выгодъ, но даже въ тягость себѣ, и пользовался неограниченною довѣренностью ея сына. Она сказала мнѣ, во-первыхъ: что она видѣла въ Москвѣ у покойнаго сына росписку мою въ 34.000 рублей, взятыхъ мною на сохраненіе. Не росписку, а просто записочку (эти слова вмѣсто зачеркнутаго: росписку), точно я далъ, противу желанія Грибоѣдова, и самъ насильно положилъ въ шкатулку, отъ которой у меня же хранились ключи. Доказательствомъ, какъ вѣрны были наши письменныя дѣла, служитъ то, что памятная записочка [3]) моя въ 34.000 руб., а я самъ показываю теперь, что осталось у меня 36.000 рублей. Сія разница случилась оттого, что записка [4]) дана была прежде, нежели

---

[1]) Объ этихъ затрудненіяхъ съ кредиторами Грибоѣдовъ упоминаетъ самъ въ письмѣ къ Булгарину изъ Тифлиса, въ сентябрѣ 1828 г.; здѣсь же Грибоѣдовъ пишетъ: „ты получишь отъ дяди Мальцева 15.000 руб. и, слѣдовательно, до 1-го января со всѣми расквитаешься“. I, 276.

[2]) Этихъ двухъ писемъ жены и зятя Грибоѣдова нѣтъ среди относящихся до біографіи поэта документовъ изъ Карловскаго архива, опубликованныхъ Т. А. Сосновскимъ въ „Русской Старинѣ“ 1874 г. Ихъ не оказалось, несмотря на наши поиски, и среди неизданныхъ бумагъ, еще хранящихся доселѣ въ Карловскомъ архивѣ.

[3]) Послѣднія два слова—вмѣсто зачеркнутаго: росписка.

[4]) Вмѣсто зачеркнутаго: росписка.

я разсчиталъ, сколько могу положить въ ломбардъ, а Грибоѣдовъ никакъ не соглашался, чтобъ я перемѣнялъ записку [1]), или приписывалъ что-либо на ней, говоря: вздоръ—все это не нужно! — Во-вторыхъ, г-жа Грибоѣдова утверждала предо мною, что ей извѣстно, что сынъ ея не оставилъ ни копѣйки долгу въ Петербургѣ, выѣзжая въ Персію, но все закупилъ на наличныя деньги, и что у меня осталось наличныхъ денегъ 34.000 рублей, которые я долженъ отдать ей, г-жѣ Грибоѣдовой, не разсчитываясь ни съ сестрою покойнаго, ни съ женою.—Таковыя слова г-жи Грибоѣдовой крайне оскорбительны для меня и болѣе нежели несправедливы. По счастью есть чиновники, купцы и мастеровые, которые докажутъ г-жѣ Грибоѣдовой, что покойный сынъ ея остался имъ должнымъ, выѣхавъ изъ Петербурга въ Персію, и небезъизвѣстно сіе, какъ полагать должно, и азіатскому департаменту [2]). Грибоѣдовъ самъ адресовалъ ко мнѣ купцовъ и мастеровыхъ и говорилъ имъ при мнѣ, что я за все заплачу.

При томъ же письмо Грибоѣдова изъ Грузіи [3]) въ отвѣтъ на мое требованіе денегъ съ желаніемъ сохранить, по крайней мѣрѣ, въ ломбардѣ круглое число 25.000 рублей, объясняетъ и доказываетъ, что онъ остался должнымъ, выѣхавъ изъ Петербурга. Откуда же могла почерпнуть столь оскорбительное подозрѣніе г-жа Грибоѣдова? Покойный другъ мой, образецъ добродѣтели, не могъ лгать передъ ней одно, ко мнѣ писать и говорить предъ мастеровыми другое! Къ тому же, зная фамильныя отношенія покойнаго моего друга [4]), я увѣренъ, что онъ не могъ повѣрять никому [5]) дѣлъ своихъ, когда не поручилъ ихъ даже зятю, мужу обожаемой сестры. И такъ, послѣ этого перваго свиданія съ г-жею Грибоѣдовою, въ которомъ она безпрестанно мнѣ противорѣчила и говорила совсѣмъ противное настоящему положенію дѣлъ, я съ нею видѣться болѣе не намѣренъ, тѣмъ болѣе, что по закону она не наслѣдница послѣ своего сына и не предста-

---

[1]) Зачеркнуто: росписку.

[2]) По вѣдомству коего служилъ Грибоѣдовъ на Кавказѣ и въ Персіи.

[3]) Вѣроятно, письмо изъ Тифлиса въ сентябрѣ 1828 г., цитованное нами выше (I, 276) и приложенное въ качествѣ „оправдательнаго документа“ къ письму Булгарина къ генералу Бенкендорфу.

[4]) Послѣднія пять словъ—вмѣсто зачеркнутыхъ: въ какихъ отношеніяхъ находился покойный другъ мой съ своею матерью...—Здѣсь намекъ на тяжелыя семейныя отношенія Грибоѣдова, обусловленныя рѣзкимъ, порывистымъ и властнымъ характеромъ матери поэта. Этотъ тяжелый характеръ Настасьи Ѳедоровны, о которомъ есть прямыя свидѣтельства и ея сына, и знакомыхъ (см. соч., I, 168, 169 и др.; „Русск. Слово“ 1859, № 4, стран. 1. Бесѣды въ Общ. Люб. Рос. Слов., 1868, т. II, 23), достаточно ярко проявился и въ столкновеніи съ Булгаринымъ.

[5]) Послѣднее слово—вмѣсто зачеркнутаго: дамѣ.

вила довѣренности отъ дочери своей, Дурновой, и жены покойнаго для расчета со мною. Грубостей, споровъ и противорѣчій я не заслужилъ за дружбу мою къ Грибоѣдову, который вѣрилъ мнѣ неограниченно.

„Ваше высокопревосходительство, съ вашимъ сердцемъ, постигаете такую безкорыстную безпредѣльную дружбу и неограниченную довѣренность, какія существовали между покойнымъ Грибоѣдовымъ и мною. Но не всѣмъ дано въ удѣлъ постигать возвышенныя чувствованія! Съ тѣми же, которые не повѣрятъ мнѣ такъ, какъ вѣрилъ покойный Грибоѣдовъ, я дѣлъ никакихъ имѣть не могу, ибо съ ихъ стороны нѣтъ никакихъ документовъ, никакихъ даже словесныхъ доказательствъ быть не можетъ, ибо самъ Грибоѣдовъ не любилъ заниматься механизмомъ жизни и всегда говорилъ мнѣ одно: дѣлай, какъ хочешь; слѣдовательно, все лежитъ на моемъ словѣ. Если бы я сказалъ, что у меня нѣтъ ни копѣйки Грибоѣдова, и что все истрачено въ его пользу или послано къ нему съ вещами, или что бы я ни сказалъ, то они должны были бы тѣмъ довольствоваться. Но, кажется, что репутація моя утверждена и не поколеблется отъ подозрѣній г-жи Грибоѣдовой. На рукахъ у меня были чужіе милліоны, и теперь обремененъ я опеками и сохранностью чужого добра! Никто еще доселѣ не усомнился въ моей честности[1]) и первое оскорбленіе суждено мнѣ получить отъ матери моего друга!

„Итакъ, прибѣгая къ высокимъ чувствованіямъ[2]) вашего высокопревосходительства, прошу всепокорнѣйше быть посредникомъ между мною и наслѣдниками Грибоѣдова. Благоволите велѣть повѣрить у чиновниковъ, купцовъ и мастеровыхъ, точно ли остался имъ долженъ Грибоѣдовъ, и не отъ меня ли они получили деньги, уже съ пять мѣсяцевъ послѣ выѣзда Грибоѣдова? Купцы и мастеровые знали меня и вѣрили мнѣ. Г-жа Грибоѣдова даже не знаетъ ни малѣйшихъ обстоятельствъ дѣлъ покойнаго и говоритъ только о 34.000 рублей, когда всего на рукахъ было у меня почти[3]) вдвое столько. Она даже не знаетъ, что я покупалъ серебро (хотя уплатилъ еще при Грибоѣдовѣ) и разныя другія вещи. Въ каждомъ моемъ словѣ она противорѣчила мнѣ, а потому я и не могу имѣть съ ней никакихъ отношеній. При семъ честь имѣю приложить ломбардный билетъ въ

---

[1]) Далѣе зачеркнуто: Самъ недовѣрчивый Антонъ Криднеръ, продавъ мнѣ имѣнье, повѣрилъ капиталъ на облигацію, безъ... (неразобранное слово) на имѣнье.

[2]) Послѣднія два слова—вмѣсто зачеркнутыхъ: къ милостивому снисхожденію.

[3]) Послѣднее слово—вмѣсто зачеркнутыхъ: болѣе нежели.

25.000 рублей и нѣкоторыя письма Грибоѣдова. Послѣднія прошу возвратить, ибо они мнѣ дороги, какъ памятникъ дружбы [1]).

„Съ глубочайшимъ высокопочитаніемъ и безпредѣльною преданностью имѣю честь пребыть вашего высокопревосходительства, милостиваго государя, всепокорнѣйшимъ слугою Ѳаддей Булгаринъ.

22 февраля 1830. С.-Петербургъ".

Рѣзкія заявленія Настасьи Ѳедоровны Грибоѣдовой, очевидно, встревожили Булгарина. Онъ не считалъ законными ея претензіи на оставшіяся послѣ Грибоѣдова деньги и на ея несправедливыя обвиненія въ присвоеніи чужихъ денегъ могъ отвѣтить вѣскими возраженіями. Но Н. Ѳ. Грибоѣдова, при ея крутомъ характерѣ и сильныхъ аристократическихъ связяхъ [2]), могла, все-таки, надѣлать большихъ непріятностей. И Булгаринъ поспѣшилъ прибѣгнуть подъ защиту „отца сиротъ", шефа жандармовъ. Воспроизведенное выше письмо есть черновая, какъ о томъ свидѣтельствуютъ многочисленныя поправки; но текстъ уже вполнѣ обработанъ для переписки. Письмо, какъ увидимъ ниже, дѣйствительно было послано ген. А. Х Бенкендорфу. Какъ отнесся къ нему шефъ жандармовъ и какое участіе принялъ онъ въ разрѣшеніи столкновенія матери Грибоѣдова съ Булгаринымъ, неизвѣстно. Однако, въ концѣ концовъ, побѣда осталась на сторонѣ Булгарина. Объ этомъ сохранилось свидѣтельство самого Булгарина. Въ 1832 г. ему снова пришлось столкнуться на почвѣ денежныхъ отношеній покойнаго Грибоѣдова,—на этотъ разъ съ сестрою поэта, Марьей Сергѣевной Дурново. Марьѣ Сергѣевнѣ казалось, что Булгаринъ извлекаетъ изъ оставшагося, по смерти Грибоѣдова, въ его распоряженіи манускрипта „Горе отъ ума" денежные доходы, которыми не дѣлится съ наслѣдниками автора. По этому поводу Булгаринъ снова писалъ оправдательное письмо, адресованное представителю интересовъ М. С. Дурново, Михаилу Александровичу (Дундукову-Корсакову, по мнѣнію И. А. Шляпкина) [3]). Доказавъ документально неосновательность обвиненій Марьи Сергѣевны, Булгаринъ продолжаетъ: „Нынѣ, оскорбленный фамиліей покойнаго друга

---

[1]) Булгаринъ не указываетъ, сколько писемъ Грибоѣдова, и какого содержанія, было послано имъ къ Бенкендорфу. Надо, однако, думать, что письма были возвращены Булгарину, судя по тому, что упоминаемое имъ въ текстѣ письмо Грибоѣдова изъ Грузіи было въ 1874 г. напечатано въ „Русской Старинѣ" въ числѣ другихъ бумагъ, извлеченныхъ изъ Карловскаго архива.

[2]) Грибоѣдовы были въ родствѣ съ Одоевскими, Нарышкиными, Римскими-Корсаковыми, Разумовскими, Паскевичами.

[3]) Это письмо Булгарина напечатано въ Библіографическихъ Запискахъ 1859 г. № 20, 621—623 и содержитъ нѣсколько интересныхъ чертъ къ біографіи Грибоѣдова.

*

самыми гнусными подозрѣніями, я отказываюсь отъ всякаго ходатайства о пропускѣ комедіи къ печати и вообще отъ всего, что можетъ меня поставить въ сношенія съ семействомъ покойнаго друга, которое ужъ не въ первый разъ обижаетъ меня. По дѣлу объ оставшихся у меня деньгахъ и расчетахъ Грибоѣдова я уже долженъ былъ прибѣгать къ посредничеству генерала А. Х. Бенкендорфа, и хотя отослалъ 25.000 рублей Маріи Сергѣевнѣ, но даже не удостоился получить отъ нея квитанціи (въ теченіе двухъ лѣтъ!!!) и нашелся вынужденнымъ требовать отъ почтамта свидѣтельства, что деньги точно пересланы мною къ Маріи Сергѣевнѣ Дурновой. Теперь пусть она дѣлаетъ, что ей угодно" [1]).

Итакъ, Булгаринъ, дѣйствительно, послалъ Бенкендорфу опубликованное выше письмо. Требованіямъ Настасьи Ѳедоровны онъ не уступилъ и оставшіяся послѣ Грибоѣдова 25 т. рублей передалъ не ей, а сестрѣ поэта.

Вмѣстѣ съ черновикомъ письма къ ген. Бенкендорфу въ Карловскомъ архивѣ сохранился еще документъ, писанный тою же рукою Булгарина и озаглавленный: „Счетъ съ Грибоѣдовымъ". Къ письму къ Бенкендорфу Булгаринъ приложилъ ломбардный билетъ и нѣкоторыя письма Грибоѣдова, что̀ и оговорено въ текстѣ. „Счетъ съ Грибоѣдовымъ" тамъ не упоминается, и неизвѣстно, былъ ли онъ приложенъ къ письму. Однако, несомнѣнно, что счетъ писанъ одновременно съ письмомъ и является дополненіемъ къ нему. Здѣсь Булгаринъ старательно отмѣчаетъ адреса купцовъ и мастеровыхъ, на которыхъ ссылался и въ письмѣ какъ на свидѣтелей, могущихъ подтвердить, что, уѣзжая на востокъ въ 1828 г., Грибоѣдовъ оставилъ не мало долговъ въ Петербургѣ. Среди статей расхода въ счетѣ обращаютъ вниманіе значительныя траты на книги, географическія карты, журналы. Какъ и письмо къ Бенкендорфу, „счетъ съ Грибоѣдовымъ" есть черновая, о чемъ свидѣтельствуютъ поправки и неточный, очевидно на скорую руку подведенный, итогъ.

СЧЕТЪ СЪ ГРИБОѢДОВЫМЪ.

Деньги, оставленныя мнѣ при отъѣздѣ Грибоѣдова въ Персію, 6 іюня 1828 года.

Ломбардный билетъ подъ № 78,163	1,000 р. — к.
„ „ „ № 78,161	10.000 „ — „
„ „ „ № 78,163	25.000 „ — „
Итого . . .	36.000 р. — к.

[1]) Тамъ же, 622.

Расходъ Грибоѣдова.

1. Дѣйств. стат. совѣтнику Аделунгу уплачено послѣ отъѣзда Грибоѣдова	93 р.	—	к.
2. Рѣщику печатей Мозжечкову за 2 печати съ оправой ихъ	100 „	—	„
3. Посланъ чрезъ почту лексиконъ Бааста въ переплетѣ	25 „	—	„
4. Русскому книгопродавцу Смирдину за книги (уплачено послѣ отъѣзда)	416 „	—	„
5. Купцамъ за вино безъ отсылки въ Персію (уплачено послѣ)	4.365 „	—	„
6. Маклеру Толченову за комиссію вина и укладку (У сего маклера можно спросить, гдѣ живутъ купцы, ставившіе вина)	116 „	75	„
7. Купцу Барсукову за чай, сахаръ и кофе въ Персію (заплачено послѣ) . . . . Живётъ на Невскомъ проспектѣ въ домѣ Энгельгарда.	1.625 „	—	„
8. Купцу Мякинькову за восковыя свѣчи, въ Персію (уплачено послѣ) . . . . Живетъ въ домѣ Балабина, противъ Гост.	375 „	—	„
9. Мебельному мастеру Строму, за мебель въ Персію (уплачено послѣ) . . . . Жилъ тогда въ угловомъ домѣ на Старой биржѣ.	2.354 „	—	„
10. Послана чрезъ почту карта войны въ переплетѣ	45 „	—	„
11. За книги для графа Симонича, по приказу Грибоѣдова, рижскому купцу Гартману, (уплачено послѣ)	561 „	72	„
12. Портному Гаррисону (уплачено послѣ) . . . Счетъ его и адресъ прилагается.	908 „	—	„
13. Тайному совѣтнику Родофиникину за пересылку вещей въ Персію, деньги получилъ надворный совѣтникъ Безакъ, росписка послана Грибоѣдову въ Персію	1.212 „	—	„
14. За пересылку сѣделъ и книгъ чрезъ почту въ 1828 году	258 „	96	„
15. За посуду въ англійскомъ магазинѣ	750 „	—	„
16. За лѣтній плащъ тамъ же	125 „	—	„
17. Книгопродавцу Грефу за посланныя книги (заплачено послѣ)	805 „	—	„
18. Ему же за книги, которыя не посланы, а хранятся у меня	675 „	—	„

19. За выписку и пересылку въ Тифлисъ иностранныхъ газетъ изъ Петербургскаго почтамта	722 р. — к.
20. За столовое бѣлье, купленное [1]) въ магазинѣ Нейгана	1.100 „ — „
21. За клейменіе и перевозку тюковъ въ пристань	60 „ — „
22. Мелкіе расходы по записямъ Грибоѣдова . .	325 „ — „
	17.007 р. 43 к.
Было капиталу . . .	36.000 р. — к.
Издержано . . .	17.007 „ — „
Въ остаткѣ . . .	18.007 р. — к.
Получено кромѣ того отъ Г. Мальцова . .	15.000 „ — „
Итого . . .	33.007 р. — к.
Я получилъ данныя мною Грибоѣдову .	8.000 „ — „
Итого въ остаткѣ . . .	25.007 р. 43 к.

Сообщилъ **Н. Пиксановъ.**

Морское ополченіе.—Это было въ Крымскую войну. Хотя непріятельскій союзный флотъ былъ въ Черномъ морѣ и намѣревался разгромить Севастополь, тѣмъ не менѣе надо было опасаться вторженія непріятельскихъ судовъ и въ Балтику. Особенно потребовалась усиленная оборона балтійскихъ береговъ, когда появились военные корабли на Бѣломъ морѣ. Корабли были англійскіе. Легко себѣ представить полное хозяйничанье англичанъ, если они не встрѣчали ни одного русскаго судна. Тамъ они плавали свободно, разгуливали какъ дома. Однако, берега нашли пустынными, а въ заливахъ Кандалакшскомъ, Сорокскомъ, Сумскомъ, Онежскомъ стрѣльба оказывалась безполезной, такъ какъ селенія прятались глубоко въ бухтахъ, да и мелководье ставило ихъ внѣ выстрѣловъ. Такимъ образомъ, не имѣя мишени для новѣйшихъ по тому времени тяжелыхъ, дальнобойныхъ орудій, непріятель сосредоточилъ свой огонь на несчастной Соловецкой обители, расположенной среди моря на холмистыхъ островахъ. Древній монастырь стоналъ и метался отъ ужаса подъ чугунными снарядами. Надо удивляться, какъ онъ спасся отъ разрушенія. Но вотъ чудо: чайки въ монастырѣ уцѣлѣли, будто бы ни одной не нашли убитой. Съ тѣхъ поръ, эта птица, какъ чудесно избавленная отъ вѣрной смерти, считается священной. И понынѣ остались тяжелыя воспоминанія о бомбардировкѣ. Когда я былъ въ обители, видѣлъ

[1]) Далѣе зачеркнуто: теткою жены моей на мои деньги.

даже слѣды этой потрясающей драмы, въ видѣ гранатныхъ осколковъ, наваленныхъ грудами на дворѣ монастыря. На внѣшнихъ стѣнахъ, гдѣ ударялись снаряды, образовывались впадины; теперь онѣ, конечно, задѣланы, но эти мѣста отмѣчены черными пятнами. Вообще сохраненію слѣдовъ придана особая забота, дабы живо воскрешать у паломника въ памяти ужасное испытаніе святой обители.

Пока англичане оперировали на дальнемъ сѣверѣ, вышелъ высочайшій указъ [1]), мотивированный на усиленіи балтійской обороны. Указомъ призывались охотники въ морское ополченіе. Помѣщичьи крестьяне, желавшіе поступить на морскую службу, должны были испросить согласіе у владѣльца имѣнія, иначе говоря, чтобы, помимо собственнаго желанія, отпустилъ самъ баринъ.

Оба согласія требовались формальнымъ порядкомъ, на бумагѣ, при чемъ доброволецъ обязывался дать подписку въ томъ, что, по окончаніи срока службы, онъ снова вернется къ своему владѣльцу. Губернской администраціи строго наказывалось, чтобы въ каждомъ добровольцѣ производилось разслѣдованіе: идетъ ли онъ по собственному желанію, по своей волѣ, безъ принужденія со стороны помѣщика, такъ какъ государь имѣлъ особое попеченіе о владѣльческихъ имѣніяхъ и видѣлъ безъ того уже между помѣщикомъ и крестьяниномъ несогласіе, ведущее того и другаго къ „пагубному разстройству".

Въ концѣ указа говорилось о спѣшности дѣла, но съ предупрежденіемъ, дабы не вышло нарушенія порядка и благочинія.

Въ морское ополченіе принимались добровольцы только изъ четырехъ губерній: С.-Петербургской, Олонецкой, Тверской и Новгородской. Жребій палъ на эти губерніи именно потому, что въ предѣлахъ ихъ лежитъ немало водныхъ бассейновъ, съ которыми населеніе занималось водными промыслами, свыклось отъ рожденія. Дѣйствительно, въ этихъ мѣстностяхъ могутъ быть и хорошіе пловцы, и отважные мореплаватели.

Предполагалось изъ добровольцевъ сформировать гребную флотилію, которая дѣлилась бы на четыре дружины, значитъ, по одной дружинѣ отъ каждой губерніи. Сборнымъ пунктомъ намѣчался С.-Петербургъ, куда должны были въ срединѣ мая прибыть дружинники; здѣсь они распредѣлятся по судамъ и поплывутъ въ Финскій заливъ, а тамъ станутъ на указанныя мѣста, съ которыхъ и будутъ охранять берега залива.

Одновременно съ указомъ было обнародовано и положеніе о морскомъ ополченіи. Изъ него небезъинтересно привести нѣкоторыя условія для желающихъ защищать интересы отечества. Охотниками

[1]) 2-го апрѣля 1854 г.

должны быть люди здоровые, крѣпкаго тѣлосложенія, сильные, поворотливые. Всѣ эти качества устанавливалъ въ Петербургѣ врачебный персоналъ; неподходящіе должны были вернуться обратно въ прежнюю крѣпостную зависимость. Если же кто изъ добровольцевъ явится позже 20-го мая, то, хотя и пригодный, не можетъ быть принятъ во флотилію, потому что оная окончательно будетъ уже сформирована къ іюню.

Срокъ службы признавался обязательнымъ только въ теченіе пяти мѣсяцевъ, далѣе же никто на службѣ не удерживался, но остаться матросомъ доброволецъ все-таки не могъ по собственному желанію; все зависѣло отъ помѣщика; его согласіе рѣшало продолженіе службы во флотѣ. Проектировалось сдѣлать добровольцевъ преимущественно гребцами канонерскихъ лодокъ, однако, въ случаѣ надобности, поставить иныхъ и на большія суда.

Охотникамъ предполагалось выдавать изъ казны деньги и довольствіе. Жалованье было опредѣлено по 8 руб. въ мѣсяцъ, харчи обыкновенные, солдатскіе; одежда примѣнительно къ крестьянской; кафтанъ, кушакъ, порты и шапка съ крестомъ.

Имѣть бороду не запрещалось; также дозволялось носить волосы на головѣ по-крестьянски. Храбрые, исполнительные, трудолюбивые добровольцы могли получать награды—знаки отличія. Оставшіеся по случаю кампаніи больными или увѣчными пользовались за счетъ казны призрѣніемъ. Иначе поступали съ осиротѣвшими семьями.

Безпомощныя сироты, очутившіяся безъ кормильца, должны были переходить на попеченіе сельскаго общества. Въ случаѣ взятія канонерскими лодками непріятельскихъ судовъ, добровольцы могли участвовать въ раздѣлѣ приза.

Вскорѣ для поступленія въ морское ополченіе указывался такой путь: по полученіи отъ помѣщика дозволенія, добровольцы обращались къ мѣстнымъ властямъ, отъ которыхъ брали особые билеты. Съ ними они должны были являться въ инспекторскій департаментъ морскаго министерства и тамъ уже назначались на лодки, или на иное какое-либо судно.

Но какимъ путемъ могъ дойти указъ до крѣпостныхъ крестьянъ? Не иначе, конечно, какъ чрезъ своихъ помѣщиковъ, а на послѣднихъ должны были повліять предводители дворянства.

Дѣло началось съ губернскихъ предводителей. Такъ, новгородскій предводитель писалъ уѣзднымъ, что „наступаютъ тѣ дни, когда всѣ сыны Россіи и вѣрноподданные обожаемаго государя одною душею, одною мыслью должны откликнуться на всевозможныя пожертвованія и содѣйствовать преуспѣянію намѣреній царя и благоденствія державы. Въ этомъ столь важномъ дѣлѣ наше дворянство обязано по-

дать собою примѣръ всѣмъ другимъ сословіямъ, какъ стоящимъ ниже. Каждый изъ насъ обязанъ поспѣшествовать увеличенію числа защитниковъ родины и сдѣлаться достойнымъ сыномъ нашего отечества". Эти патріотическія слова не нашли особеннаго отклика у помѣщиковъ, какъ приходившіяся имъ не на руку. Вѣдь уйдутъ изъ вотчинъ способные молодые люди, т. е. хорошіе работники на барскихъ поляхъ и лугахъ. Поэтому понятно, помѣщики глухо разъяснили крестьянамъ значеніе указа и этимъ только создали въ народѣ разные кривотолки.

Такимъ образомъ, кто-то сейчасъ же воспользовался неясностью толкованія о призывѣ въ ополченіе и пустилъ въ ходъ превратный смыслъ указа, будто бы ополченіе не столько нужно правительству, сколько создается оно на пользу собственно крестьянъ, что послѣ службы всякій изъ крѣпостныхъ перестанетъ знать тяжелый трудъ, барскій гнетъ и будетъ обласканъ „вольной". Конечно, возможность неожиданной свободы сразу заглушила истинное стремленіе указа. Всѣ вотчины заволновались, поднялись на ноги. Прежде всего крестьяне, почувствовавъ за плечами „волю", перестали повиноваться господамъ, начали глумиться надъ крѣпостничествомъ и гордо выражали свое мнѣніе, что наступилъ теперь и на ихъ сторонѣ праздникъ. Они отовсюду шли къ властямъ и требовали билетовъ.

Вышло со всѣмъ обратное. Вмѣсто того, чтобы собирать желанія, выдавать билеты, предводителямъ приходилось подавлять волненія, усмирять крестьянъ. Взамѣнъ списковъ добровольцевъ, они сообщали тревожныя вѣсти о настроеніи уѣзда.

Жаловалась, напримѣръ, помѣщица Пухтѣева; пришли къ ней семь человѣкъ крѣпостныхъ и заявили, что служить господамъ и слушать ихъ приказаній не желаютъ, ибо несутъ не подъ силу работы на барщинѣ; просили отпустить ихъ въ морское ополченіе, которое впослѣдствіи якобы дастъ имъ полную свободу. Въ отпускной они такъ крѣпко были убѣждены, что даже попродали свое имущество и собрались уже въ путь, только дѣло останавливалось за помѣщицей.

Между тѣмъ, помѣщица и не думала отпускать крестьянъ ни въ ополченіе, ни куда-либо на иную службу, да это было бы для нея громаднымъ ущербомъ, такъ какъ въ помѣстьѣ некому будетъ отправлять полевыхъ работъ и вотчина безъ крестьянскихъ рукъ придетъ въ упадокъ и запустѣніе.

Устюжнскій предводитель сообщалъ, что въ тамошній земскій судъ явились 40 человѣкъ крестьянъ помѣщика Шилинга, Ратькова и Ушакова и, не имѣя отъ своихъ господъ дозволенія, просились охотниками въ ополченіе. Тамъ имъ объяснили, что успѣхъ въ просьбѣ

всецѣло зависитъ отъ помѣщиковъ, отъ нихъ надо получить разрѣшеніе, а иначе такой поступокъ именуется неповиновеніемъ властямъ и строго преслѣдуется закономъ. Однако, одинъ изъ крестьянъ, Архиповъ, и слышать не хотѣлъ усовѣщеваній, кричалъ, горячился и пригрозилъ въ концѣ концовъ, что пойдетъ въ Петербургъ и отыщетъ у царя сущую правду. Тогда упорнаго и строптиваго крикуна посадили въ одиночную, какъ для наказанія, такъ и для того, чтобы не оказывалъ на другихъ вредное вліяніе. Остальные вели себя болѣе сдержанно и спокойно, выслушали назиданія безъ шума и крика, за то получили возвращеніе къ своимъ помѣщикамъ.

Архиповъ считался крѣпостнымъ Шилинга. Узнавъ о его участи, помѣщикъ пріѣхалъ въ Устюжну и объяснилъ властямъ, что этотъ крѣпостной съ доброй совѣстью и хорошимъ поведеніемъ, что увлекся какой-то мнимой свободой и, если безчинствовалъ, дерзилъ и грубіянилъ, то просто „по глупости".

Помѣщикъ былъ увѣренъ, что Архиповъ раскается и принесетъ повинную. Крикуна освободили. Шилингъ тутъ же упрекалъ его за проступокъ, приведшій его къ заключенію. Крѣпостной оправдывался и ссылался, что ему передавали люди, которые будто бы чѣмъ угодно ручались за справедливость своихъ словъ о „волѣ".

Въ Боровичскомъ уѣздѣ крестьяне всего Левочскаго погоста бросали полевыя работы и приходили въ земскій судъ толпами, требуя билетовъ на поступленіе въ ополченіе. По пути они завертывали въ кабаки и распространяли слухи, что, благодаря морской службѣ, они и ихъ семейства станутъ вольными. Помѣщичьихъ разрѣшеній у нихъ тоже не было. Поэтому впавшимъ въ заблужденіе чиновники суда читали указъ, поясняли точный смыслъ и обѣщали немедленно удовлетворить ихъ желаніе, коль скоро будетъ доставлено согласіе владѣльцевъ имѣній. Крестьяне возвращались въ вотчину, но имъ помѣщики не давали дозволеній. Нѣкоторые не вѣрили ни чиновникамъ, ни своимъ господамъ и тайкомъ отправлялись въ губернскій городъ, гдѣ ходатайствовали передъ губернаторомъ, прибавляя, что ихъ обманываютъ помѣщики и разные становые, исправники.

Очевидно, броженіе становилось все шире и шире, расплывалось какъ масляное пятно на бумагѣ.

Первымъ дѣломъ, конечно, надо было самимъ помѣщикамъ успокаивать крестьянъ, принять благоразумныя мѣры, точно разъяснять указъ, но они ради личныхъ выгодъ или, быть можетъ, по собственному невѣдѣнію, употребляли насилія, угрозы, посылали жалобы на крестьянъ. Въ большинствѣ же случаевъ помѣщики уклонялись отпускать своихъ крѣпостныхъ въ ополченіе. Напримѣръ, дворяне Демянскаго уѣзда, въ составѣ 26 лицъ, единодушно постановили, что всѣми мѣ-

рами постараться огласить волю государя, всѣми средствами станутъ убѣждать крестьянъ поступать въ морское ополченіе и будутъ гордиться, если выставятъ больше воиновъ, готовыхъ уничтожить враговъ родины, но въ то же время скорбятъ, такъ какъ въ ихъ уѣздѣ почти нѣтъ водныхъ пространствъ и слишкомъ стѣснены условіемъ о томъ, чтобы охотники были изъ людей, привыкшихъ къ водѣ.

Если же иные помѣщики и давали разрѣшенія, то отнюдь не въ благихъ интересахъ ополченія. Для характеристики слѣдуетъ указать на такой фактъ. Въ Череповецкомъ уѣздѣ помѣщица Петрова отпустила въ ополченіе шесть человѣкъ. Когда они явились за билетами къ исправнику, то послѣдній троихъ положительно забраковалъ по одному только внѣшнему виду: одинъ былъ съ кривой шеей, другой со сломанной рукой, третій по дряхлости никуда не годился. Относительно прочихъ исправникъ выразилъ также неувѣренность, чтобы ихъ благополучно пропустилъ въ Петербургѣ медицинскій осмотръ.

Такимъ образомъ, исполненію высочайшаго указа мѣшалъ ложный слухъ о „волѣ". Стали искать начала этого слуха, стали разматывать клубокъ ополченныхъ неурядицъ, и, наконецъ, боровичскій предводитель Коковцевъ открылъ корень зла, въ лицѣ діакона Григорія, который, служа въ Левочскомъ погостѣ, читалъ крестьянамъ указъ и объяснялъ, что господа тутъ ни при чемъ, а слѣдуетъ идти къ становому и, если онъ не отпуститъ, прямо въ Новгородъ, оттуда пошлютъ дальше, къ государю, при этомъ добровольцы и ихъ семейства будутъ считаться вольными и владѣльцы всякихъ правъ на нихъ лишаются. Разумѣется, власти этого діакона потащили въ судъ и отдали подъ надзоръ городскаго духовенства, находя такое наказаніе облегченнымъ, по случаю его многочисленнаго семейства. Быть можетъ, отецъ Григорій и въ самомъ дѣлѣ не понялъ истиннаго смысла указа, но тогдашнія власти не приняли этого въ расчетъ и всецѣло обрадовались, что нашли опору своихъ безтактныхъ распоряженій.

Діаконъ Григорій скоро сдѣлался популярной личностью; на немъ строилась вся неудача ополченія, онъ былъ во всемъ виноватъ.

Предводители и администрація старались внушить крестьянамъ, чрезъ помѣщиковъ, что ложное толкованіе указа распространяютъ злонамѣренные люди, что государь не думаетъ дать имъ „вольной", а напротивъ, послѣ ополченія, всѣ крестьяне должны будутъ вернуться къ своимъ помѣщикамъ.

А главное, убѣдительно утверждали, что злонамѣренность создалъ нѣкій діаконъ Григорій; онъ извратилъ указъ и толковалъ его посвоему, чтобы причинить въ своемъ приходѣ вредъ крестьянамъ, на которыхъ былъ почему-то золъ.

Это воздѣйствовало, и въ вотчинахъ стало водворяться спокойствіе, но помѣщики все-таки съ немалой натяжкой отпускали своихъ крестьянъ въ морское ополченіе.

Къ сожалѣнію, изъ дѣла не видно, сколько ополченцевъ дала Новгородская губернія и сколько ихъ вернулось домой.

Быть можетъ, подобныя свѣдѣнія имѣются по другимъ губерніямъ.

Было бы крайне интересно, если бы кто-нибудь дополнилъ настоящую статью свѣдѣніями о результатѣ морскаго ополченія или путемъ независимаго сообщенія въ „Русскую Старину" или путемъ присылки данныхъ на мое имя, въ Новгородъ, которыя я не замедлилъ бы огласить въ указанномъ журналѣ.

А. Слезскинскій.

1. **Отношеніе Дибича къ Новосильцеву** 31 іюля 1826 года, изъ Москвы. „Государь императоръ соизволилъ принять съ отмѣннымъ благоволеніемъ донесенія вашего высокопревосходительства отъ 22 іюля (3 августа) сего (1826) года.

„Его величеству пріятно было изъ онаго вновь удостовѣриться, что вы, милостивый государь, посреди трудовъ по дѣламъ, попеченію вашему ввѣреннымъ, обращаете бдительное вниманіе и на ту важную часть общественнаго воспитанія, которая, дѣйствуя хотя неявно и не непосредственно на умы юношества, часто образуетъ характеръ новыхъ поколѣній и заранѣе опредѣляетъ судьбу ихъ, а иногда и будущую судьбу государства. Въ семъ отношеніи, конечно, распространеніе сочиненій, писанныхъ въ духѣ, противномъ соединенію, необходимому для обоюдной пользы націй, нынѣ, по волѣ Небеснаго Промысла, подвластныхъ одной державѣ, могло бы имѣть вредныя послѣдствія, и его императорское величество вполнѣ одобряетъ принятыя государемъ цесаревичемъ, съ доклада вашего, для предупрежденія оныхъ мѣры. Его величество равнымъ образомъ одобряетъ предположеніе вашего высокопревосходительства, чтобы во всѣхъ училищахъ, какимъ бы начальствамъ они ни были подвѣдомственны, преподаваніе общихъ наукъ, нравственныхъ, историческихъ и политическихъ, было подчинено надзору комиссіи духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія въ точности сообразно съ предписанными отъ оной правилами и по книгамъ, ею разсмотрѣннымъ. Надлежащія распоряженія для приведенія сего въ дѣйствіе, безъ сомнѣнія, уже сдѣланы. Если же, противъ чаянія, вамъ встрѣтились какія-либо препятствія или затрудненія, то вы, милостивый государь, не замедлите донести о томъ его императорскому величеству".

„Государь императоръ при семъ случаѣ всемилостивѣйше пове-

лѣлъ мнѣ сообщить вашему высокопревосходительству, что онъ не только соизволяетъ, чтобы, продолжая представлять его величеству всѣ нужныя или почему-либо важныя свѣдѣнія такъ же, какъ вы представляли оныя въ бозѣ почившему императору Александру, но и желаетъ сего. Для объявленія же въ предбудущее время вашему высокопревосходительству высочайшей его величества, вслѣдствіе донесеній вашихъ, воли и вообще для завѣдыванія перепиской по сей части его величество благоволитъ назначить статсъ-секретаря своего, дѣйствительнаго статскаго совѣтника Блудова".

„Имѣю честь быть" и проч.

2. Отношеніе статсъ-секретаря Будберга Новосильцеву, 12 октября 1826 г., изъ С.-Петербурга. „Отношеніе вашего высокопревосходительства, отъ 17 сентября за № 1500 и пакетъ на высочайшее имя, къ коему оное было приложено, получены мною только 6-го числа сего мѣсяца, уже по возвращеніи изъ Москвы. Я поспѣшилъ представить ихъ на усмотрѣніе государя императора, и его величество, одобривъ снова всѣ сдѣланныя ваши распоряженія, повелѣлъ мнѣ извѣстить ваше высокопревосходительство, что, принимая всегда съ отмѣннымъ вниманіемъ и благоволеніемъ доставляемыя отъ васъ свѣдѣнія, онъ желаетъ, чтобы вы, милостивый государь, продолжали эту переписку на томъ же основаніи, тѣмъ же самымъ порядкомъ, которому слѣдовали при жизни въ бозѣ почивающаго императора Александра, употребляя также по-прежнему, въ сихъ донесеніяхъ вашихъ, языкъ французскій, дабы тѣмъ удобнѣе было сообщить оныя, въ случаѣ надобности, министру статсъ-секретарю Царства Польскаго".

„Исполняя данное мнѣ высочайшее повелѣніе, я осмѣливаюсь воспользоваться симъ случаемъ, чтобы изъявить вамъ, милостивый государь, сколь для меня лестно видѣть себя въ непосредственныхъ сношеніяхъ съ вашимъ высокопревосходительствомъ по дѣламъ службы августѣйшаго монарха. Вашему высокопревосходительству извѣстно, что я привыкъ издавна питать глубокое чувство уваженія къ особѣ вашей. Сіе чувство не могло измѣниться отъ времени; лѣта и опытъ научаютъ насъ еще выше цѣнить достоинства истинныхъ государственныхъ людей".

„Примите, милостивый государь, увѣреніе въ высокопочитаніи" и проч.

Сенаторъ Н. Н. Новосильцевъ, комиссаръ императорско-царскаго величества въ Царствѣ Польскомъ, кромѣ участія въ засѣданіяхъ Государственнаго Совѣта и совѣта управленія царства, имѣлъ при императорѣ Александрѣ I своею обязанностію сообщать государю о положеніи различныхъ дѣлъ и о настроеніи умовъ въ царствѣ, при

чемъ предлагалъ или иногда, прямо или посредственно, принималъ тѣ или иныя мѣры въ направленіи интересовъ общеимперскихъ. Указомъ Александра I (19 ноября) 1 декабря 1815 г. онъ былъ назначенъ „полномочнымъ его императорскаго величества делегатомъ при государственномъ совѣтѣ царства польскаго"; постановленіемъ намѣстника князя Заіончека (3/15 мая 1816 г.) за нимъ оффиціально было признано право и обязанность присутствовать на засѣданіяхъ и совѣта управленія, гдѣ въ протоколахъ означался прямо „коммисаромъ" (Kommissarz jego cosarsko—Krȯlewskiej mosci). Императоръ Николай I, по вступленіи на престолъ, утвердилъ (22 января 1826 г.) его въ прежнемъ званіи делегата при государственномъ совѣтѣ (delegowanym i pełnomocni Kiem naszym przy Radzie stanu naszego Krȯlestwa Polskiego). Однако Новосильцевъ былъ въ недоумѣніи, слѣдуетъ ли ему продолжать прежнюю обширную дѣятельность, основывающуюся на близкихъ отношеніяхъ съ покойнымъ государемъ, котораго онъ былъ и другомъ дѣтства и лицомъ вполнѣ довѣреннымъ. Въ тѣ годы большое вниманіе его привлекали мѣстныя старанія объ усиленіи польскаго сепаратизма. Доводя о нихъ и о принимаемыхъ имъ чрезъ великаго князя Константина Павловича противъ нихъ мѣрахъ до свѣдѣнія новаго государя, онъ ждалъ отвѣта и указаній. Отвѣтъ императора Николая I получился чрезъ генерала Дибича, начальника главнаго штаба его величества, и затѣмъ чрезъ статсъ-секретаря Будберга.

Независимо отъ подтвержденія дополнительныхъ уполномочій Новосильцеву и отъ свидѣтельства о вниманіи къ нему новаго государя, оба эти оффиціальныя „отношенія" къ Новосильцеву, особенно первое изъ нихъ, важны по раскрывающемуся въ нихъ взгляду Николая I на задачи и характеръ русско-польскихъ отношеній и на направленіе ихъ чрезъ литературу и школу.

Дм. Цвѣтаевъ.

Наказаніе фрейлинъ за „непорядошное" поведеніе. Императрица Елисавета Петровна, какъ видно изъ нѣсколькихъ изданныхъ ею указовъ, обращала особенное вниманіе на манеры и поведеніе при дворѣ своихъ фрейлинъ и ближайшихъ придворныхъ. Иногда она прибѣгала даже къ очень оригинальнымъ и строгимъ наказаніямъ, какъ это, напримѣръ, видно изъ перваго подобнаго указа отъ 4-го апрѣля 1746 года, изданнаго противъ плохаго и неприличнаго поведенія за столомъ.

„Ея императорское величество изволила указать имяннымъ своего императорскаго величества указомъ въ домѣ ея императорскаго величества въ тѣхъ покояхъ, въ которыхъ всегда обыкновенно

кушаютъ придворные кавалеры и фрейлины имѣть ящикъ съ цѣпью, какіе обыкновенно бываютъ въ церквахъ и ежели во время столоваго обѣденнаго или вечерняго кушанья кто изъ фрейлинъ за столомъ сидѣть будутъ непорядошно, на тѣхъ для удержанія отъ того вмѣсто штрафа вздѣвать оную цѣпь, въ которой быть имъ до окончанія стола для того, чтобъ смотря на то другія и опасаясь и избѣгая такого стыда, могли вести себя смирнымъ образомъ; того ради придворная контора приказали всѣмъ придворнымъ фрейлинамъ о силѣ онаго ея императорскаго величества высочайшаго повелѣнія объявить, а между тѣмъ означенный ящикъ съ цѣпью велѣть купчинѣ Василью Иванову купить, ежели жъ готоваго въ покупкѣ не отыщетъ, то заказать сдѣлать немедленно настоящею цѣною безъ передачи и, купя или сдѣлавъ, отдать дежурному камеръ-лакею съ роспискою. О чемъ ему Иванову дать указъ"[1]).

Подписано: Семенъ Нарышкинъ[2]). Апрѣля 1 дня 1746 г.

Не менѣе интересенъ и слѣдующій указъ императрицы Елисаветы, строго воспрещавшій нюханіе табаку въ придворныхъ церквахъ во время богослуженія; онъ касался не только придворныхъ вообще, но и фрейлинъ, у которыхъ велѣно было отбирать табакерки „безъ всякаго спору".

„Ея императорское величество изволила указать имяннымъ своего императорскаго величества указомъ обрѣтающимся при дворѣ ея императорскаго величества кавалерамъ и фрейлинамъ и прочимъ всѣмъ чинамъ безъ изъятія объявить свой императорскаго величества указъ, дабы никто въ придворныхъ церквахъ во время отправленія службы Божія стоящіе какъ внутрь, такъ въ близости и внѣ церквей табаку отнюдь не употребляли, а ежели затѣмъ ея императорскаго величества указомъ въ противность оный табакъ будетъ кто употреблять, у таковыхъ табакерки отбирать камеръ-лакеямъ и лакеямъ кто за кѣмъ усмотритъ, и обратно имъ не отдавать, а тѣмъ, у кого за пріемъ или употребленіе того табаку табакерки требованы будутъ, отдавать безъ всякаго спору, дабы опасаясь того охотники употребля(ть?) табакъ на такое божественной службы время могли воздержаться. И во исполненіе онаго ея императорскаго величества именнаго указа придворная контора приказали: о дѣйствительномъ по силѣ онаго указа исполненіи обрѣтающимся при дворѣ ея императорскаго величества всѣмъ вышнимъ и прочимъ чинамъ объявить

---

[1]) Общій архивъ мин. имп. двора. Оп. 36/1629 д. № 71 стр. 19.

[2]) Нарышкинъ, Семенъ Кирилловичъ, род. 5 апрѣля 1710 г. † 21 ноября 1775 г. Гофмаршалъ съ 30 ноября 1743 г. и оберъ-егермейстеръ съ 7 мая 1757 г., распространитель роговой музыки въ Россіи, при управленіи императорской охотой.

чрезъ гофъ-штабъ-квартирмейстера и камеръ-фурьеровъ, о чемъ ихъ ордеровать; а у кого табакерки и кѣмъ отобраны будутъ, придворную контору репортовать" [1]).

Подписано: Дмитрій Шепелевъ [2]), Семенъ Нарышкинъ. Въ 28 день апрѣля 1747 г.

На поляхъ этого указа написано слѣдующее: „Въ первыхъ комнатахъ отъ церкви, въ которыхъ стоятъ для слушанія божественнаго пѣнія. Семенъ Нарышкинъ". Этими словами гофмаршалъ хотѣлъ вѣроятно пояснить неясное выраженіе, употребленное въ указѣ: „въ близости и внѣ церквей".

Черезъ два года, а именно въ 1749 году, наказаніе придворныхъ чиновъ посредствомъ надѣванія ящиковъ съ цѣпями было введено и въ церквахъ, гдѣ такимъ образомъ наказывались провинившіеся въ болтовнѣ. Это распоряженіе императрицы было выражено въ слѣдующемъ указѣ:

„Ея императорское величество изволила указать имяннымъ своего императорскаго величества указомъ: во время божественныя службы въ придворной ея императорскаго величества церкви, ежели кто, какого бъ чина и достоинства ни былъ, будетъ съ кѣмъ разговаривать, на тѣхъ надѣвать цѣпи съ ящикомъ, какія обыкновенно бываютъ въ приходскихъ церквахъ, которыя для того нарочно заказать сдѣлать вновь: для знатныхъ чиновъ мѣдные, вызолоченные, а для посредственныхъ бѣлые, луженые, а для прочихъ чиновъ простые, желѣзные. Того ради придворная контора во исполненіе онаго ея императорскаго величества имяннаго указа приказали: вышеописанные ящики съ цѣпями заказать сдѣлать оловяничному мастеру Давыду Осипову и сколько на то какихъ матеріаловъ употреблено будетъ и за какую цѣну оные сдѣланы будутъ, о томъ велѣть въ придворную контору отрепортовать, при чемъ и тѣ ящики представить въ придворную контору и о томъ ему, Осипову, объявить" [3]).

Подписано: Дмитрій Шепелевъ. Генваря 6 дня 1749 г.

Можно предположить, что въ послѣдніе годы царствованія Елисаветы Петровны и въ царствованіи Петра III этотъ указъ не исполнялся во всей строгости. Вслѣдствіе этого императрица Екатерина II, вступивъ на престолъ, возобновила его слѣдующимъ указомъ отъ

---

[1]) Общій архивъ мин. имп. двора. Оп. 36/1629 д. № 73, стр. 65.

[2]) Шепелевъ, Дмитрій Андреевичъ, род. 1678 г. † 9 мая 1759 г. Былъ камеръ-юнкеромъ съ 1721 г., гофмаршаломъ (зн. въ указѣ императрицы Екатерины I отъ 4 іюня 1726 г.), при составленіи штата императрицы Анны Іоанновны утвержденъ въ этой должности 6 марта 1730 г. Оберъ-гофмаршалъ съ 15 іюля 1744 г.

[3]) Общій архивъ мин. имп. двора. Оп. 33/1629 д. № 82, стр. 2.

30-го ноября 1763 года, гдѣ въ началѣ почти дословно повторяется предыдущій указъ, но въ концѣ приводятся различныя подробности, которыя требовали болѣе строгаго исполненія его.

„Ея императорское величество изволила указать имяннымъ своего императорскаго величества указомъ: во время божественныя службы въ придворной ея императорскаго величества церкви, ежели кто какого бъ чина и достоинства ни былъ, будетъ съ кѣмъ разговаривать, на тѣхъ надѣвать цѣпи съ ящиками, какіе обыкновенно бываютъ въ придворныхъ церквахъ, которые для того нарочно заказать сдѣлать вновь по примѣру прежнему: для знатныхъ чиновъ мѣдные вызолоченные, а для посредственныхъ бѣлые луженые, а для прочихъ чиновъ простые желѣзные; того ради придворная контора во исполненіе онаго ея императорскаго величества имянного указа приказали: вышеписанные ящики съ цѣпями, ежели наличныхъ не отыщется, заказать сдѣлать комисару Алексѣю Ѳирсову настоящею цѣною безъ передачи наймомъ и деньги на то употребить съ запискою въ расходъ и съ роспискою и за какую цѣну оные сдѣланы будутъ о томъ велѣть въ придворную контору отрепортовать, при чемъ и тѣ ящики представить въ придворную контору и потомъ оные отдавать въ придворныя церкви псаломщикамъ съ роспискою для выставленія, чтобъ всякій видѣлъ и отъ разговоровъ воздерживались, а о томъ ему, Ѳирсову, дать указъ, а камеръ-фурьерамъ дать ордеръ, и велѣть въ праздничные и воскресные дни приставить къ церковнымъ дверямъ гайдуковъ съ тѣмъ приказаніемъ, дабы входящимъ всѣмъ объявляли, чтобъ никто во время службы Божіей разговоровъ между собой не чинили подъ опасеніемъ наложенія на таковыхъ, кто будетъ разговаривать, вышеписанныхъ цѣпей непремѣнно; а псаломщикамъ приказать въ томъ имѣть наблюденіе и въ противномъ случаѣ съ таковыми поступать въ силу вышеписаннаго [1]).

Подписано: графъ К. Сиверсъ [2]), князь Николай Голицынъ [3]). Ноября 30 дня 1763 года.

Какъ долго примѣнялся этотъ указъ и когда онъ совершенно потерялъ свое значеніе не извѣстно, но ни въ царствованіе Екатерины II, ни при послѣдующихъ императорахъ подтвержденія этого указа издано не было, изъ чего и можно заключить, что со временемъ это оригинальное наказаніе совершенно потеряло свое значеніе.

Ксенія Половцова.

[1]) Общій архивъ мин. имп. двора. Оп. 36/1636 д. № 110 стр. 115.

[2]) Графъ Сиверсъ, Карлъ Ефимовичъ, род. 1710 г. † 30 дек. 1774 г. Былъ гофмаршаломъ съ 21 сентября 1757 г.

[3]) Князь Голицынъ, Николай Михайловичъ, род. 8 янв. 1727 г. † 2 янв. 1787 г. Былъ гофмаршаломъ съ 28 іюля 1763 г., оберъ-гофмаршаломъ съ 1768 г. до 1775 г.

Всеподданнѣйшій рапортъ московск. губернатора графа Салтыкова. Исполняя высочайшее в. и. в. отъ 13-го числа сего мѣсяца ко мнѣ послѣдовавшее повелѣніе на счетъ разврата, происходимаго въ имѣющемся здѣсь такъ называемомъ цареградскомъ трактирѣ, симъ всеподданнѣйше доношу, что не только по донесенію ко мнѣ полиціи, но и по безгласному развѣдыванію моему, какъ въ томъ трактирѣ, такъ и въ другихъ въ сей столицѣ находящихся, публичныхъ дѣвокъ, на сладострастіе себя опредѣлившихъ, не содержится, и ночлеговъ для того, кромѣ проѣзжающихъ или останавливающихся въ трактирѣ на время, не бываетъ. А бываютъ въ нихъ по временамъ, по издавна существующему обыкновенію вечеринки, на которыя съѣзжаются большею частію иностранные ремесленники и другого званія обоего пола люди, также и русскіе подъ названіемъ пріѣзжающихъ и приходящихъ съ ними женщинъ своими женами или родственницами. Не могу, однако, в. в. удостовѣрить, чтобъ не были въ томъ числѣ и дѣвки помянутаго постыднаго ремесла, которыя такъ, какъ и предавшіеся развратности мужчины, а особливо проѣзжіе и въ трактирѣ остановившіеся, можетъ быть, и находятъ тамъ мѣсто для исполненія постыдныхъ желаній своихъ, но сіе не бываетъ толь явно, чтобъ неминуемо можно было все то усмотрѣть полицейскимъ чиновникамъ, надзирающимъ за тишиною въ трактирѣ, множество комнатъ имѣющемъ, и кои въ комнату проѣзжающаго не всегда и входить могутъ.

Но дабы скрывающійся подъ симъ пристойнымъ видомъ обоего пола гостей развратъ колико можно истребить, я полиціи наистрожайше предписалъ имѣть за благопристойностію въ трактирахъ всеприлежное смотрѣніе личнымъ надзоромъ самихъ полицеймейстеровъ, отнюдь не позволяя тамъ быть публичнымъ дѣвкамъ, а тѣмъ меньше ночлегамъ, кромѣ проѣзжающихъ.

По таковомъ моемъ донесеніи, основанномъ на той самой точности и истинѣ, безъ каковыхъ никогда и не покушался я отправлять мою должность, кольми жъ паче увѣрять государя, осмѣливаюсь вашему величеству всеподданнѣйше доложить, что, сколь велико усердіе мое, дабы по ввѣренному мнѣ начальству господствовать во всѣхъ частяхъ совершенный порядокъ и развратъ не былъ бы терпимъ, столько жъ равномѣрна невозможность все то мнѣ усмотрѣть иначе, какъ не чрезъ учрежденныхъ для сего чиновниковъ, мѣстно надзирать обязанныхъ и всѣ къ тому средства имѣющихъ, а особливо, когда не только не буду отъ нихъ о безпорядкѣ извѣщаемъ, но еще увѣряемъ о тишинѣ и благопристойности въ публичныхъ мѣстахъ, начальство мое надъ ними хотя и подвергаетъ меня отвѣту, но смѣю надѣяться, что ваше величество, могущее быть въ чемъ-либо недо-

смотрѣніе ихъ изволите относительно меня поставить болѣе на счетъ той невозможности, нежели собственнаго моего нерадѣнія о должности или послабленія подчиненнымъ, на которыхъ я исправности въ должностяхъ всегда взыскиваю и взыскивать не премину, и никакое потворство для меня неумѣстно, чему увѣреніемъ не могу болѣе представить, какъ правоту души моей и тѣ извѣстные вашему величеству опыты безпристрастія, кои въ теченіе долговременной службы моей я всегда старался показывать.

Декабря 23-го дня 1801 г. Москва.

Сообщилъ **Д. У.**

Изъ царскихъ резолюцій. Лишняя историческая черточка— большое пріобрѣтеніе и ознакомленіе съ новыми данными, хотя бы о лицахъ, давно ставшихъ достояніемъ историческаго изслѣдованія, всегда представляетъ занимательность для читающей публики.

Въ настоящей замѣткѣ я изложу, пользуясь архивными источниками, нѣсколько резолюцій императора Александра на докладахъ начальника главнаго штаба его императорскаго величества барона И. И. Дибича. Конечно, доклады столь близкаго къ государю человѣка, какимъ былъ Дибичъ, касались разныхъ сторонъ личной жизни императора, и въ своихъ высочайшихъ резолюціяхъ на этихъ докладахъ государь вырисовывался не со стороны блестящихъ рескриптовъ или всѣмъ извѣстныхъ законодательныхъ актовъ, а со стороны внутренней, если можно такъ выразиться домашне-обиходной.

Резолюціи относятся лишь къ 1823—25 гг.

Одна изъ резолюцій, имѣющихъ въ нѣкоторой степени общій государственный интересъ, касалась вопроса о погребеніи, или, по крайней мѣрѣ, отпѣваніи, въ Казанскомъ соборѣ, вдовы генералъ-фельдмаршала княгини Кутузовой. 24 іюля 1824 г. Дибичъ вошелъ къ государю съ докладомъ: „княгиня Кутузова скончалась вчерашняго числа вечеромъ; родственникъ ея гр. Толстой, адъютантъ генералъ-адъютанта Бенкендорфа, былъ у меня, дабы узнать о возможности исполненія желанія ея быть похороненною въ Казанской церкви; не имѣя повелѣнія объ объявленіи высочайшей воли, я предварилъ его, однако-жъ, о неприличіи такого желанія; онъ испрашивалъ, можно ли, по крайней мѣрѣ, отпѣть покойницу въ Казанскомъ соборѣ“. Государь положилъ собственноручную резолюцію: „ни хоронить, ни отпѣвать въ Казанской церкви я не дозволяю“; при этомъ два послѣднія слова были государемъ подчеркнуты. Суровая на первый взглядъ резолюція на самомъ дѣлѣ весьма понятна: Казанскій соборъ, обратившійся въ религіозный реликвій отечественной войны, долженъ былъ явиться мѣстомъ послѣдняго упокоенія для героя этой войны, для самого

М. И. Кутузова, а погребеніе его вдовы никоимъ образомъ не должно было признаваться за государственное событіе.

„Семеновская исторія", представляющая печальную страницу въ славной лѣтописи русской гвардіи, вызвала, какъ извѣстно, большое неудовольствіе въ государѣ, тѣмъ болѣе, что этотъ полкъ былъ искони любимой его частью. Виновные понесли наказаніе. Но строгость идетъ у Александра I съ мягкосердечіемъ и незлопамятностью; наканунѣ полковаго праздника, 20 ноября 1823 г., т. е. всего три года послѣ „исторіи", государь писалъ Дибичу: „приготовьте приказъ сего вечера о поступленіи корпуса офицеровъ гвардіи Семеновскаго полку по-прежнему, на правахъ старой гвардіи и пришлите его ко мнѣ, какъ скоро готовъ будетъ, дабы можно было завтра отдать его". Слѣдовательно, милость истекала по собственному почину государя. Любопытно, что и редакція приказа, представленная Дибичемъ и требовавшая осмотрительныхъ выраженій, подверглась собственноручной поправкѣ государемъ. Дибичъ въ проектѣ писалъ про офицеровъ Семеновскаго полка, что государь, „сравнивая ихъ съ чинами полковъ старой гвардіи, предоставляетъ оному полку всѣ прежнія его преимущества и старшинство". Вмѣсто послѣднихъ выраженій государь поставилъ: „повелѣваетъ считать чинами ихъ по-прежнему съ полками старой гвардіи".

Отъ милости—прямой переходъ къ строгости. Резолюціи и здѣсь даютъ нѣкоторый историческій матеріалъ. Предъ ученіемъ въ манежѣ, 19 декабря 1823 г., Дибичъ извѣщалъ государя, что А. И. Чернышевъ приказалъ флигель-адъютанту Бутурлину быть на этомъ ученьѣ верхомъ; это шло въ разрѣзъ съ высочайшимъ желаніемъ и представляло проявленіе собственной власти Чернышева, отличавшагося вообще властолюбіемъ; на докладъ государь положилъ резолюцію. „Czernischeff n'a pas le droit de préscrire des loix nouvelles; jamais aucun fliguel-adjutant n'a été à cheval à la parade; la fonction de Boutourlin à la parade est de prendre le parole et de la porter au Prince; pendant la parade il n'en a pas d'autres à remplir".

Не любилъ императоръ Александръ входить въ подробности пріема представляющихся у государынь, и на запросъ Дибича отъ 29 августа 1824 г. о пріемѣ генераловъ императрицею написалъ резолюцію: „въ поздравленія у императрицы я никогда не вмѣшивался и ничего на оное не могу сказать".

Сообщ. **Михаилъ Соколовскій.**

Редакторъ-Издатель С. Зыковъ.

РУССКАЯ СТАРИНА въ изд. 1905 г.

ТОМЪ СТО ДВАДЦАТЬ ЧЕТВЕРТЫЙ.

ОКТЯБРЬ, НОЯБРЬ, ДЕКАБРЬ.

Записки и Воспоминанія.

Портреты.

Изслѣдованія. — Историческіе и біографическіе очерки. — Переписка. — Разсказы. Матеріалы и замѣтки.

Библіографическій листокъ.

УКАЗАТЕЛЬ ЛИЧНЫХЪ ИМЕНЪ

въ 121, 122, 123 и 124 томахъ

„РУССКОЙ СТАРИНЫ“

изд. 1905 года.

А

Б

В

Г

Д

Е

И

І

Л

М

Н

О

*

С

Сарычевъ, капит., 1790 г., т. CXXIV, нояб., 253.

Х

Ц

Ч

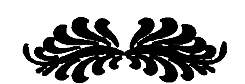
Ш

Щ

Э

*

Составила **В. В. Тимощукъ**.

стечки, села и деревни, и хуторы за великороссійскими и малороссійскими владѣльцами имѣются, и по какимъ указамъ и опредѣленіямъ, и которые изъ оныхъ даны до ласки войсковой. И повелѣваемъ вамъ учинить по сему указу нашему".

Интересенъ именной, подписанный кабинетъ-министрами, указъ А. И. Румянцову о ссылкѣ, а затѣмъ и объ отобраніи и сожженіи „на площади публично черезъ палача" экземпляровъ календаря, составленнаго на 1738 г. профессоромъ С. Дунчевскимъ и напечатаннаго, по-польски во Львовѣ, въ виду того, что „въ ономъ въ прогностикахъ находится многіе непристойные и весьма предосудительные о имперіи злостно вымышленные пассажи", съ повелѣніемъ запретить ввозить оный календарь въ государство, подъ опасеніемъ жестокаго наказанія, а употреблять для чтенія календари, изданные въ Россіи. „Присланъ къ намъ отъ генерала-фельдмаршала графа фонъ-Миниха, сообщенный ему отъ васъ календарь, печатанный въ польскомъ городѣ Львовѣ на польскомъ языкѣ на нынѣшній 1738 г., который сочиненъ чрезъ доктора философіи и математики, профессора Станислава Дунчевскаго, и находятся въ ономъ въ прогностикахъ многіе непристойные и весьма предосудительные о нашей имперіи злостно вымышленные пассажи, за что оный безсовѣстный авторъ за такую продерзость, по всенароднымъ правамъ, не токмо великаго штрафа, но и жестокаго наказанія достоинъ. И понеже, по близости нашей Украйны къ польскимъ границамъ, въ оной такіе календари, безъ сомнѣнія, у нѣкоторыхъ людей есть, а весьма непристойно, чтобъ оныя мерзостныя составленія въ нашемъ государствѣ, для соблазна неразсудительнаго народу происходились, того ради повелѣваемъ вамъ симъ нашимъ именнымъ указомъ во всей Малой Россіи и въ слободскихъ полкахъ, какъ у духовныхъ и мірскихъ всякаго чина людей, такъ и во всѣхъ монастыряхъ такіе календари, у кого бы ни были и найдутся, всѣ безъ остатка отыскать и, собравъ оные, яко мерзостные пасквили, заставить въ Глуховѣ на площади публично чрезъ палача сжечь и учинить крѣпчайшее запрещеніе, чтобъ никто изъ подданныхъ нашихъ въ Малой Россіи и въ слободскихъ полкахъ и нигдѣ такихъ календарей у себя не имѣли и не держали, также бы оныхъ отъ Польши чрезъ границы въ нашу Украйну и далѣе въ другія нашей имперіи мѣста вывозить, подъ опасеніемъ жестокаго наказанія, отнюдь не дерзали"...

Какъ заботилось начальство о соблюденіи казеннаго интереса, видно изъ доношенія прокурора С. Плохово: „Въ прошломъ 1737 г. февраля 8-го дня доносилъ я, нижайшій, въ Высочайшій Вашъ Императорскаго Величества Кабинетъ о учиненіи въ Казанской губерніи комиссіи для слѣдствія по интереснымъ дѣламъ, по доношеніямъ казанскаго купца Алексѣя Логинова, симбирянина Мартына Карелина, казанской адмиралтейской конторы секретаря Ѳ. Сухарева; на что оное нижайшее мое доношеніе изъ Высочайшаго В. И. кабинета съ подписаніемъ на ономъ доношеніи резолюціи гг. кабинетныхъ министровъ отослано въ Прав. Сенатъ, а изъ Прав. Сената присланъ въ казанскую губернскую канцелярію Вашъ И. В. указъ прошедшаго-жъ 1737 г. августа 2-го числа, по которому и учинена въ Казанской губерніи о томъ слѣдствіи комиссія, въ которой по слѣдствію сыскано Вашего И. В. чрезъ мое нижайшее доношеніе похищеннаго интересу, а именно: съ казанскаго купечества 27.061 р. $10^3/_4$ к. $^1/_8$, $^1/_{16}$ к., съ симбирскаго купечества 89.448 р. $7^3/_4$ к., по доношенію секретаря Сухарева—съ казанскаго купца Д. Коновалова 733 р. $73^1/_2$ к., кромѣ положенныхъ процентовъ, всего 117.282 р. $98^1/_8$ $^1/_{16}$ к. И по слѣдствію учиненныя изъ выше писанныхъ дѣлъ выписки и экстракты со мнѣніями посланы въ государственную камеръ-коллегію, о чемъ въ Прав. Сенатъ и въ сенатскую контору отъ той комиссіи рапортовано. Да по доношенію же показаннаго симбирянина Мартына Карелина, прошлаго-жъ 1737 г. августа 11 дня, по слѣдствію въ оной комиссіи явилось, что симбирскими купцами Г. Глазовымъ, Анд. Воронцовымъ и Ѳ. Малинковымъ съ товарищи симбирскаго кружечнаго сбора питейной продажи книги съ 1730 г. всѣ передѣлываны, съ убавкою, и въ сборахъ кабацкихъ немалое ихъ явилось воровство и похищеніе денежной казны, также показуется многая доимка; и нынѣ по таможеннымъ книгамъ о томъ слѣдуется. И Высочайшему В. И. В. кабинету вторительно симъ всеподданнѣйше доношу и требую милостиваго себѣ указа". По доношенію этому состоялась резолюція: „разсмотрѣть въ Прав. Сенатѣ и ежели подлинно такое многое число казны похищено, оную на виноватыхъ, пока они въ состояніи платить, взыскать безъ продолженія времени".

Интересно сообщеніе отъ кабинета „въ учрежденную комиссію о С.-Петербургскомъ строеніи" о разсмотрѣніи сообщенія Св. Синода съ экстрактомъ „о всѣхъ состоящихъ при С.-Петербургѣ мѣстахъ для погребенія мертвыхъ" и объ учиненіи комиссіею опредѣленія, „въ тѣхъ ли мѣстахъ, кои въ вышеупомянутомъ экстрактѣ означены, или въ другихъ, наибезопаснѣйшихъ таковому погребенію быть должно", съ сообщеніемъ комиссіею Св. Синоду, „гдѣ оныя мѣста усмотрѣны и отведены будутъ".

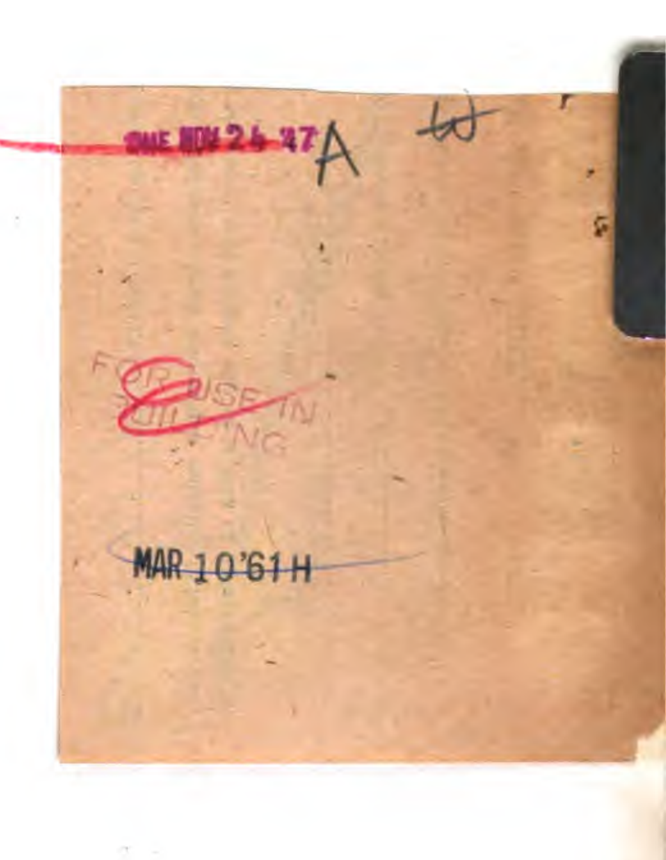
Заслуживаетъ вниманія именной указъ военной комиссіи объ изготовленіи на всѣ войска и „прочія казенныя дѣла" мундирныхъ суконъ на россійскихъ фабрикахъ „съ крѣпкимъ смотрѣніемъ военной коллегіи съ фабриканами, чтобъ они старались сукна, передъ прежнимъ, больше умножать и добротою дѣлать противъ иностранныхъ", подражая иностранныхъ купцовъ, кромѣ прусской компаніи, дѣлать сукна въ добавокъ къ русскимъ, если „полнаго числа суконъ на россійскихъ фабрикахъ сдѣлать не успѣютъ".

Слѣдуетъ отмѣтить копію съ протокола на именной подписанный кабинетъ-министрами, указъ графу фонъ-Миниху о полученіи „съ немалымъ сожалѣніемъ и прискорбіемъ" табели „о великомъ числѣ больныхъ и безпрестанно умирающихъ" въ очаковскомъ гарнизонѣ и о необходимости принять мѣры какъ къ лѣченію больныхъ, такъ и къ устраненію впредь заболѣваній, съ устройствомъ стоянки для войска въ 15-ти верстахъ отъ города, гдѣ находится хорошая вода.

Въ концѣ книги помѣщенъ алфавитный указатель личныхъ именъ, упоминаемыхъ въ текстѣ, что значительно облегчаетъ справки.

Н. Н-ш-ъ.

Редакторъ-издатель **С. Зыковъ**.

A
MAR 10'61 H

3 2044 099 714 487